

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КУЛИКОВО ПОЛЕ»**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ
И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ**

Конференция 3

Тула, 2012

ББК 63.4
Л50

Утверждено к печати ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Рецензенты:

к.и.н. Н. В. Лопатин

к.и.н. В. Е. Родинкова

Л50 **Лесная** и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: Сб. статей/Под. ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. — Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. — 555 с.: ил.

ISBN 978–5–903587–20–9

Сборник научных статей по итогам работы третьей конференции с одноименным названием, которая прошла в ноябре 2010 г. в Туле. На страницах издания представлены материалы, связанные с изучением судьбоносных периодов в истории Восточной Европы, выделяемых в эпохи «римских влияний» и «Великого переселения народов» (середина I—IV вв. и конец IV—VII в. н.э.). Значительное место уделяется публикации результатов изучения Окско-Донского региона.

ББК 63.4

ISBN 978–5–903587–20–9

© Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник
«Куликово поле», 2012

Предисловие

Предлагаемый сборник составлен в основном по материалам 3-й международной конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов», организованной Музеем-заповедником «Куликово поле» и Институтом археологии РАН. Работа проходила 9—13 ноября 2010 г. на базе музея-заповедника, расположенной в селе Монастырщина на Куликовом поле. Конференция уже стала хорошей традицией, привлекающей как тех, кто участвовал в первых наших научных собраниях (в 2006 и 2008 гг.), так и новые научные силы. Материалы первых двух конференций опубликованы в одноименных с ней сборниках в 2008 и 2010 гг. (второй — в двух частях).

Как и в прошлый раз, мы предлагаем читателю краткий обзор не только материалов сборника, но и прочитанных на конференции докладов, даже если они не публикуются у нас. Статьи, как и доклады на конференции, традиционно образуют несколько блоков.

Первый блок посвящен древностям **бассейна Оки и Дона**, что обусловлено не только местом проведения конференции. Этот регион — один из ключевых в системе контактов культур Восточной Европы на протяжении нескольких эпох по крайней мере 1-го тыс. н.э., кроме того, активные исследования в нем в последние десятилетия принесли и приносят результаты, позволяющие во многом по-новому увидеть ряд проблем изучения прошлого нашей Родины.

Доклад Галины Александровны Массалитиной был посвящен новым находкам фибул окского типа. Корпус этих находок постоянно пополняется, и мы надеемся, что на некотором этапе работы можно будет поставить условную точку и опубликовать как свод, так и комментарии к нему, что с радостью воспримут специалисты. Игорь Олегович Гавритухин и Алексей Михайлович Воронцов сделали доклад «Проблема финала мощинской культуры в свете раскопок на городище Акиньшино в Тульской области». Обработка этих важнейших материалов завершается, готовится публикация. Анна Игоревна Дроздова представила постер «Основные проблемы изучения Мощинского клада». Это изложение результатов ее дипломного сочинения, защищенного в Санкт-Петербургском универ-

ситете, и хороший задел для дальнейшей работы в ряду специалистов, изучающих древности Верхнего Поочья.

Илья Рафэлевич Ахмедов, Ирина Васильевна Белоцерковская, Анна Андреевна Мамонова посвятили доклад женскому головному убору рязано-окских финнов в III—V вв., Ирина Анатольевна Сапрыкина — элементам костюма дьяковской культуры Московецкого региона. В обеих работах были представлены первые результаты реконструкций. Они вызвали живой интерес участников конференции и с учетом прошедшего обсуждения будут дорабатываться для развернутой публикации.

В нашем сборнике И. Р. Ахмедов и А. М. Воронцов публикуют работу о проушных узколезвийных топорах римского времени и эпохи Великого переселения народов из Верхнего и Среднего Поочья. Аналитическая часть сопровождается каталогом, что делает работу и важной публикацией источника, который будет надежной основой для продолжения исследований. Статья Ирины Васильевны Белоцерковской посвящена проблеме социо-возрастных определений по материалам культуры рязано-окских могильников на примере одной из групп погребальных комплексов. Помимо рассмотрения весьма сложных интерпретационных вопросов, статья содержит весьма полезные экскурсы о ряде категорий находок, входивших в женский убор рязано-окцев.

Евгений Васильевич Столяров, продолжая исследования памятников Верхнего Поочья раннего железного века, представил статью о выделенной им группе памятников типа Упа 2. В отличие от более ранних публикаций, в нашем сборнике представлен исчерпывающий на 2011 г. свод материалов, полученных на памятниках этой группы.

Проблемам изучения Щуровского могильника, одного из памятников Московечья, заслуженно вызывающих большой интерес многих специалистов, посвятили исследования Александр Сергеевич Сыроватко с соавторами — Марией Всеволодовой Добровольской, Екатериной Андреевной Мальцевой, Еленой Александровной Спиридоновой, Аллой Андреевной Трошиной.

Сергей Вячеславович Воронятов в докладе остановился на некоторых находках центральноевро-

пейского круга с памятников типа Почеп. Григорий Леонидович Земцов рассмотрел процесс развития «деснинского» типа жилищ в первой половине I тыс. н.э. на территории Днепровского Левобережья, Подесенья и Верхнего Подонья. Оба исследования готовятся к печати.

Древностям Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов посвящены работы Дениса Валерьевича Акимова, предложившего уточнения к разрабатываемой им схеме, раскрывающей пути и структуру заселения региона, и Андрея Михайловича Обломского, остановившегося в докладе на обсуждении возможных интерпретаций разрушенных погребений (ритуал или ограбление?), а в публикации рассмотревшего этнокультурные компоненты, выделяемые на основе изучения лепной керамики погребальных комплексов региона.

Ирина Викторовна Толочко и Игорь Викторович Гудименко обратились к памятникам 2-й половины III — IV в. в дельте Дона. Эти древности отражают слабо изученный здесь период между гибелью многочисленных поселений 1-й четверти I тысячелетия и основанием важного политического и экономического центра начала эпохи Великого переселения народов (городище Танаис и округа). Работа содержит наиболее полный свод материалов по теме, на основе чего только и возможно современное исследование.

Анатолий Анатольевич Хреков посвятил доклад постзарубинецким древностям Прихоперья, уделив особое внимание комплексу Рассказань III, который рассматривает как культовый. Эти материалы опубликованы в Саратове, в выпуске 8 сборника «Археология восточноевропейской степи», а на конференции прозвучала дискуссия в отношении интерпретации рассказаньских сооружений, в частности была высказана точка зрения, позволяющая рассматривать их как обычные поселенческие.

Северо-восточный блок представлен материалами из Прикамья и Среднего Поволжья.

Александр Анатольевич Красноперов прочитал доклад «Узда сарматского облика в погребениях лесной зоны (сбруйный набор из Ошкинского могильника)», вызвавший обсуждение ряда материалов и проблем. Публикация работы потребует привлечения обширного круга древностей как Волго-Уральского региона, так и необходимых для сравнительного анализа памятников с других территорий. Пока же наш коллега представил в этом жанре работу об одном из «полихромных» стилей, известном как между Волгой и Уралом, так и далеко за пределами этого региона. Поднятые в этой статье вопросы относятся к кругу ключевых для изучения эпохи Великого переселения народов, а составленный А. А. Красноперовым каталог станет важным подспорьем в их решении.

Дмитрий Геннадиевич Бугров посвятил доклад уточнению сведений о ряде находок с Масловского могильника азелинской культуры и атрибуции этих вещей. Затронутые аспекты исследования культурно-исторического контекста этого интересного па-

мятника потребуют привлечения более широкого круга материалов.

В докладе Дмитрия Алексеевича Сташенкова были рассмотрены вопросы, связанные с датировкой наиболее ранних памятников именьковской культуры, относящихся к IV в., и их соотношения с синхронными памятниками региона, в частности типа Лбище и Сиделькино — Тимяшево. Тезисы этого выступления опубликованы в «Известиях Самарского научного центра Российской академии наук» (т. 12, №6) за 2010 г.

Северо-западный блок охватывает обширную территорию от верховий Волги и Ижорского плато до территории Калининградской области, Северо-Восточной Польши и Южной Белоруссии.

Инна Васильевна Исланова представила доклад, подготовленный совместно с Анастасией Борисовной Ивановой и Ольгой Евгеньевной Рыбаковой «Поселения удомельского типа на оз. Мстино», вводящий в научный оборот новые памятники позднего периода эпохи Великого переселения народов и ряд наблюдений, связанных с изучением этих и синхронных древностей региона.

Олег Васильевич Шаров представил обзор и исследование кладов римских монет на территории Северо-Запада России. За основу взяты новые находки на Ижорском плато, где недавно открыт ряд памятников римского времени, позволяющих отчасти заполнить хронологическую лагуну в истории региона. Новые клады, рассмотренные в докладе, и их анализ опубликованы в «Российском археологическом ежегоднике» за 2010 г. Коллегой отовятся и новые публикации по этой теме.

Мария Андреевна Юшкова и Вячеслав Сергеевич Кулешов рассказали о первом сезоне раскопок на новом памятнике Ижорского плато — могильнике Кёрстово-2 (Малли). Кроме материалов раннеримского времени, неплохо известных в регионе по ряду недавно опубликованных других могильников с каменными оградками (отметим, что базовый памятник, Кёрстово 1, представлен у нас же, в сборнике по конференции 2), в Кёрстово 2 обнаружен выразительный набор находок эпохи Великого переселения народов, уникальный для территории Северо-Запада России. Планируется продолжение этих работ.

Исследование Ольги Алексеевны Хомяковой посвящено хронологии элементов женского убора самбийско-натангийской культуры. Оно явилось и частью диссертации, с успешной защитой которой мы поздравляем нашу, теперь уже московскую, коллегу. Источниковой базой стал богатейший, хотя и территориально сравнительно компактный, материал (в границах современной Калининградской области), но многие полученные выводы важны для осмысления широкого круга культур лесной зоны Европы.

Екатерина Русин представила результаты собственных раскопок курганов ростолтского типа III—IV вв. на территории Подлясского воеводства Польши. Эти памятники относятся к яркой группе вельбарской культуры, в контексте которой полная публикация и наиболее целесообразна. В то

же время для исследования культур лесной и лесостепной зоны Восточной Европы очень важны данные о ближайшем западном соседе, не только для изучения культурных связей, но и для понимания характера вельбарских миграций на восток и юго-восток — вплоть до Белорусского Полесья и Днепровского лесостепного левобережья.

В работе Александра Ивановича Дробушевского подведены итоги исследования памятников типа Кистени — Чечерск и предложены перспективы изучения их соотношения с древностями Верхнего Поднепровья периода римских влияний. Также подведению итогов, но сугубо предварительному, учитывая, что исследования на уровне современных требований только начинаются, посвящен представленный Вадимом Георгиевичем Белевцом обзор материалов, проблем и перспектив изучения памятников позднезарубинецкого круга Белорусского Полесья.

Южный блок представлен в основном материалами черняховской культуры, одного из ярчайших феноменов позднеимперского периода в истории Европы за пределами Империи.

Оксана Викторовна Гопкало подготовила исчерпывающую на уровне современных возможностей републикацию могильника Ружичанка и предприняла на этой основе новые исследования его материалов. Памятник был раскопан почти полвека назад и сразу же стал одним из опорных в изучении генезиса черняховской культуры, хотя неоднократно указывалось на недостатки в его публикации. Этот пробел, с учетом работы Сергея Юрьевича Демидко, вводящей в оборот неопубликованные ружичанские материалы и уточняющей местоположение памятника, можно считать заполненным.

Эрдмуте Шульце и Михаил Васильевич Любичев предложили исследование хронологии могильника Войтенки 1, одного из опорных памятников черняховской культуры на территории Восточной Украины. Представленная статья логично дополняет их публикацию в сборнике по материалам нашей 2-й конференции. К прозвучавшей на этот раз теме примыкали доклады Олега Валдасовича Петраускаса о хронологии памятников черняховской культуры Среднего Поднепровья и Александра Александровича Васильева о хронологии могильника черняховской культуры Нагорное в Нижнем Подунавье. Обе эти работы — части готовящихся к публикации книг.

Андрей Александрович Божко рассказал о своих полевых исследованиях на памятниках позднеимперского времени в пределах Белгородской области. Полученные материалы невелики, но важны для готовящейся им работы, основанной на более обширных материалах.

С каждой конференцией увеличивается число и разнообразие тем, составляющих блок под условным названием «Дальние связи и общие проблемы». Это — свидетельства растущего авторитета и широкой популярности нашей конференции.

Для сборника становятся традиционными публикации исследований памятников Балкан и Подунавья — регионов, которые заслуженно привлекали

внимание еще классиков отечественной археологии. Джордже Янкович посвятил работу древностям на территории Римской империи, связываемым с сохранившимися культурное своеобразие иллирийцами. Такой подход является во многом новаторским для изучения культуры римских провинций на Балканах, уже поэтому ряд наблюдений сербского ученого будут способствовать дальнейшим исследованиям затронутых проблем. Новой и по применяемой комплексной методике, и по результатам, а потому дискуссионной, является статья Ивана Бугарского и Вуядина Иванишевича, где подведены итоги изучения ими системы обороны Римской империи на территории современной Сербии.

Кирилл Валерьевич Мызгин представил новейшую сводку находок римских республиканских монет на территории восточноевропейского Барбарикума. Хлопоты в связи с защитой диссертации не позволили ему вовремя подать публикацию в наш сборник (материалы доклада частично опубликованы в №4 сборника «Stratum plus» за 2012 г.). А мы поздравляем нашего харьковского коллегу с успешной защитой.

Даниил Александрович Костромичев представил обзор основных разновидностей элементов римской ременной гарнитуры I—IV вв. Отчасти эти материалы использованы при подготовке им диссертации, с успешной защитой которой мы поздравляем нашего коллегу из Севастополя. Многочисленный ряд исследований римской фурнитуры слабо знаком большинству специалистов по «варварским» культурам Восточной Европы, и, как показал доклад, публикация их обзора была бы весьма полезна. Насколько нам известно, она готовится.

Работа Ильи Игоревича Бажана, посвященная вопросам более детальной типологии пряжек типа С по К. Радацу, сделана на основе дипломного сочинения, защищенного в Санкт-Петербургском университете. Мы надеемся, что сделанные наработки будут успешно использованы коллегой при продолжении вещеведческих штудий.

Вячеслав Сергеевич Кулешов, кроме упомянутого выступления о раскопках на Ижорском плато, представил доклад «Пинцеты Восточной Европы I тыс. н.э. Классификация и ареальное распределение», где показал подходы к работе с одной из категорий находок, хоть и не редких в Восточной Европе, но специально здесь практически не изучавшихся. Будем надеяться, что гигантская работа по составлению каталога и осмыслению материалов закончится публикацией, несомненно, очень полезной для широкого круга наших коллег.

Олег Александрович Радюш выступил с докладом «Защитное вооружение у населения лесной и лесостепной зоны Восточной Европы в 1-й половине I тыс. н.э.», продемонстрировав часть своего обширного исследования о восточноевропейском оружии и воинском снаряжении от финала латенского времени до начала эпохи Великого переселения народов, которое, кажется, близится к завершению.

Вадим Александрович Ишаев представил материалы для изучения конструкции ламеллярного до-

спеха эпохи Великого переселения народов. Затронутая тема связана с продвигающейся работой над защитным вооружением населения Центральной и Восточной Европы между гуннской эпохой в европейской истории и эпохой доминирования Хазарского каганата на юго-востоке Европы.

Екатерина Вадимовна Лурье подготовила материалы по теме «К вопросу о генезисе каркасных шлемов римского времени». Затронутые материалы и проблемы вызвали у специалистов живое обсуждение, что будет способствовать плодотворности дальнейших исследований нашей молодой коллеги. Отметим, что это третья работа, представляющая на нашей конференции результаты дипломных сочинений, защищенных в Санкт-Петербургском университете в 2010 г. Практика обсуждения докладов тех исследователей, которые начинают свой путь в науке, представляется полезной, и мы готовы к ее продолжению.

Ольга Сергеевна Румянцева представила обзор результатов изучения процессов изготовления украшений из стекла, привлекая данные от античности до этнографической современности, что позволило откорректировать или пересмотреть ряд суждений, ставших в отечественной литературе «общим местом».

Работа Никоса Чаусидиса посвящена кольцу из Штробьенена (бывшая Восточная Пруссия) в кон-

тексте сравнительного изучения иконографических особенностей и семантической нагрузки широкого круга аналогий. Эти междисциплинарные аспекты исследования не часто становятся предметом научного вещеведения, но актуальны уже потому, что вызывают интерес широкой аудитории, о которой специалистам забывать не следует.

Игорь Анатольевич Бажан и Алла Викторовна Бажан обратили внимание на широкомасштабное разграбление археологических памятников. Учитывая огромный массив находок, добытых грабителями, они считают, что нужен хотя бы учет гибнущей информации. Поэтому они в частном порядке взяли на себя часть необходимой работы, проводя фиксацию находок, связанных в основном с древностями эпох римских влияний и Великого переселения народов. Результат их труда — публикуемые ими же выпуски КСАН («Корпус случайных археологических находок»). В выступлениях на эту тему участники конференции были едины в том, что требуется более эффективная и систематическая борьба за сохранение нашего культурного наследия.

Следующая (четвертая) международная конференция «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» планируется в ноябре 2012 г. опять в Монастырщине.

А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин

И. Р. Ахмедов, А. М. Воронцов

УЗКОЛЕЗВИЙНЫЕ ПРОУШНЫЕ ТОПОРЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ С ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ

Целью этой статьи является публикация всего массива находок узколезвийных проушных топоров римского времени и эпохи Великого переселения народов, происходящих из районов Верхнего и Среднего Поочья — с памятников типа Ново-Клеймёново, мощинской культуры, культуры рязано-окских могильников (рис. 1). В сводке учтены и материалы могильника Большое Давыдовское, поскольку они чрезвычайно близки рязано-окским древностям конца III — первой половины IV в. и могут рассматриваться в контексте развития материальной культуры рязанских финнов. В поздней дьяковской культуре, относящейся к интересующему нас региону и периоду, известна только одна находка проушного топора — на городище Щербинка [Смирнов, 1974. С. 42. Т. IV: 3]. Она учтена и обсуждается ниже при рассмотрении топоров типа 1Б.

Несмотря на разный характер памятников — находки в Верхнем Поочье сделаны исключительно на поселениях, а в Среднем Поочье все рассматриваемые топоры найдены в погребениях, коллекции из двух этих регионов близки по численности (39 экз. из рязано-окских могильников и 30 экз. с верхне-окских поселений). Сравнительно небольшое число находок из рязано-окских могильников, где многочисленны комплексы с оружием, среди которого топоры — один из основных видов, во многом связано с тем, что в древностях рязанских финнов кроме проушных топоров известны многочисленные находки втульчатых топоров (кельтов). При этом топоры обеих схем сосуществовали.

Количественное соотношение топоров разных схем для Среднего Поочья демонстрирует статистика по материалам могильника Кораблино. Анализ погребального инвентаря мужских захоронений раннего этапа (последних десятилетий III — первой половины IV в.) могильника Кораблино на мысе 2 показывает, что из 19 находок топоров 13 представляли собой проушные топоры, остальные шесть были втульчатые. Среди комплексов второй половины IV — рубежа IV—V вв. на мысе 1 в Кораблино

в четырех случаях встречены проушные топоры, а в пяти — втульчатые; показательно, что в 1 погр. находилось два топора — проушный и втульчатый с широким лезвием. Таким образом, по материалам могильника Кораблино, получается, что на раннем этапе истории рязанских финнов количество проушных топоров в два раза превышает количество втульчатых, на следующем этапе представлено примерно равное количество проушных и втульчатых топоров. В рязано-окских комплексах третьей четверти I тыс. находки проушных топоров не известны.

В Верхнем Поочье втульчатые топоры характерны для дьяковской культуры [Смирнов, 1974. С. 41—42]. На ее памятниках их известно более десятка и, как сказано выше, найден только один проушный топор. В Верхнем Поочье, к югу от Москворечья, картина радикально иная. Среди находок с памятников типа Ново-Клеймёново и мощинской культуры втульчатые топоры неизвестны вообще.

Таким образом, население, оставившее памятники типа Ново-Клеймёново и мощинской культуры, имело традицию использования только проушных топоров, в отличие от рязанских финнов и жителей дьяковских поселений, активно использовавших втульчатые. Тем не менее даже первичное знакомство с массивом находок проушных топоров, происходящих из Верхнего Поочья и Среднего Поочья, показало, что они составляют единый массив, как хронологически, так и типологически.

Источники

Находки, происходящие из рязано-окских могильников, были обработаны И. Р. Ахмедовым. Используются сведения о 39 проушных топорах, из которых меньшая часть происходит из погребальных комплексов Кошибеевского¹ (3 экз.; рис. 21), Шатрищенского (5 экз.; рис. 22), Старо-Кадомского (1 экз.) и Больше-Давыдовского (1 экз.; рис. 23: 1) могильников, а наиболее представительные выборки происходят из могильников Кораблино (17 экз., рис. 16—20) и Заречье 4 (12 экз., рис. 13—15). Большую часть топоров удалось изучить по ориги-

¹ Все комплексы из Кошибеево, учтенные в данной работе, происходят из раскопок А. А. Спицына и даны по его нумерации, что ниже не оговаривается.

налам или достоверным изображениям². Лишь три находки остались известны по упоминаниям — два экземпляра из погребений 39 и 103 Шатрищенского могильника из раскопок Т. А. Кравченко, чьи коллекции в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике остаются неразобранными, и случайная находка из материалов разведки Н. В. Говорова на Старо-Кадомском могильнике.

Находки с памятников типа Ново-Клейменово и мощинской культуры обработаны А. М. Воронцовым. В работе учтены только целые и имеющие небольшие утраты экземпляры. Их можно условно разделить на несколько категорий по характеру археологического контекста. Наиболее информативными являются экземпляры, происходящие из комплексов, изученных раскопками последних лет. К числу таких относятся топор из постройки 3 раскопа 2004 г. на городище Щепилово (раскопки А. М. Воронцова; рис. 10:1) и три экземпляра из ямы 42 раскопа 1995 г. на городище Воротыньск (работы Г. А. Массалитиной; рис. 11). Гораздо менее информативны находки, сделанные в ходе раскопок конца XIX — середины XX в., такие как топоры с городища Мошино из раскопок Н. И. Булычова (3 экз.; рис. 12) и городища Серенск из раскопок Т. Н. Никольской (1 экз.; рис. 10: 4). По степени информативности им близки находки, происходящие из подъемного материала с городищ Городище (работы Р. В. Клянина 1996 г.; рис. 4: 1), Супруты (работы А. В. Шекова 1995 г.; рис. 4: 2), Борисово (работы Т. В. Наумовой 1995 г.; рис. 10: 2). Наибольшее число топоров (18 экз.) происходит из клада, найденного у д. Харино (рис. 4: 3; 5—9). Клад³ состоял из однотипных топоров; на месте его находки удалось собрать только небольшое количество мелких фрагментов керамики мощинской культуры, а при обследовании округи не было найдено ни одного поселения, датируемого ранее XVIII в. Завершает список топор, хранящийся в фондах КОКМ, являющийся случайной находкой с территории Калужской области (рис. 10: 3). Почти все топоры удалось изучить по оригиналам⁴, только топор с городища Серенск из раскопок Т. Н. Никольской представлен по рисунку в полевой описи.

Со всех топоров, которые удалось изучить по оригиналам, были сняты основные промеры, определены углы отгиба верхнего края, середины и нижнего края лезвия относительно обуха, определены виды сечения клина и разновидности проушины (рис. 2). Все эти данные приведены в таблице 1. С учетом этих параметров была разработана типо-

логия (рис. 3). Изображения топоров (рис. 4—23) распределены по регионам и местам находок.

Типы топоров и их датировка

Тип 1А (Рис. 4: 1, 2, 21: 1) представлен короткими (P1 — 14—15,9 см) топорами подпрямоугольных очертаний, лезвие слабо расширенное (P2 — 3,9—4,3 см), у основания слабо сужается (P4 — до 3,3—3,5 см), высота обуха (P3) составляет 4,5 см, толщина (P5) — 4,4—4,9 см. Ось лезвия располагается относительно обуха (У3) под углом 96—98°. Форма клина характеризуется выраженным округлым расширением в районе проушины (вид 2а), формы проушин круглые и овальные (разновидность 1 или 3).

Один из топоров (рис. 21: 1) был найден в погр. 39 Кошибеевского могильника. Это захоронение — одно из самых ранних на памятнике. Комплекс (рис. 24: 1—12) включал в себя кроме топора также: наконечник стрелы, черешковый плоский, с выступающими шипами; нож с горбатой спинкой; удила со стержневидными псалиями с двумя отверстиями для ремней оголовья и плоскими дисками на концах; бронзовый браслет с сужающимися концами из овального в сечении дрота и др.

Аналогичные наконечники стрел, ножи, псалии характерны для древностей «андреевско-писеральского» круга. Интересующие нас наконечники стрел в материалах Андреевского кургана представлены 80 экз., что составляет 53,3% от числа всех железных и 26,8% от общего количества наконечников стрел. Там же представлены аналогии ножу (погр. 3, 21, 25-1, 25-2, 25-3, 29, 35, 50) и псалиям (погр. 16+48), воспроизводящим степные образцы среднесарматского времени. Кроме того, такие псалии известны в Писеральских курганах и на городище Ножа-Вар [Ахмедов, 1995. С. 89—111. Рис. 1, 2; Гришаков, Зубов, 2009. С. 20—23. Рис. 18: 16; 22: 7; 27: 2]. Этот набор характерен для наиболее поздних хронологических групп (3 и 4) погребений Андреевского кургана, выделенных В. В. Гришаковым и С. Э. Зубовым, и датируется последней четвертью I — началом или первой четвертью II в. [Гришаков, Зубов, 2009. С. 49—53. Рис. 29]. Погребения с подобным набором инвентаря в Кошибеевском могильнике относятся к хронологической группе 1А (конец I — начало II в.) [Ахмедов, Белоцерковская, 1999. С. 57—58; Ахмедов, 2007. С. 150]. Погребенные в ранних захоронениях на могильнике Кошибеево — женском погр. 39 и в синхронных мужских погр. 13, 22, 62, 98 принадлежали к числу первопоселенцев. Погр. 39, 13, 22, 62 вместе с женскими погр. 61, 63, 64 составляют ядро на участке могильника с

² Авторы выражают искреннюю благодарность И. В. Белоцерковской за возможность использования неопубликованных материалов и рисунков из раскопок могильников Кораблино и Заречье 4. Мы также признательны Н. А. Макарову, предоставившему для работы фотографию неопубликованной находки из могильника Большое Давыдовское. В работе использованы рисунки В. Н. Шитова топоров из Кошибеевского могильника и рисунки находок из Шатрищенского могильника, выполненные А. В. Коряком, любезно предоставленные для публикации. Хочется также отметить большую помощь, оказанную с. н. с. Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника Ю. В. Лошиной при работе с неразобранными коллекциями Шатрищенского могильника.

³ В фондах музея-заповедника «Куликово поле» вещи из клада не объединены в рамках одной коллекции и описи. В таблице 1 и подписях к иллюстрациям приведены их номера по инвентарной книге фонда археологии.

⁴ При работе с материалами, хранящимися в КОКМ, большую помощь оказал О. Л. Прошкин, за что авторы выражают ему благодарность.

наиболее плотным расположением погребений — в центре исследованной части памятника, вокруг которого совершались более поздние захоронения [Спицын, 1901. Рис. 18; Шитов, 1988. Табл. I].

Другой топор (рис. 4:1) был найден на городище Городище, принадлежащем группе памятников типа Ново-Клеймёново [Воронцов, 2007]. Несмотря на то что он происходит с разрушенной карьером части площадки, состав находок на памятнике (там присутствуют только слои поселения типа Ново-Клеймёново и материалы XII—XIV вв.), позволяет однозначно отнести топор именно к горизонту Ново-Клеймёново.

Памятники типа Ново-Клеймёново датируются в рамках II в., возможно и 1-й пол. III в. [Воронцов, 2007; Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 28—32, 46—51; Гавритухин, 2010]. Необходимо отметить также, что ряд происходящих с них находок [Воронцов, 2007. С. 66—67. Рис. 2: 1—3, 15, 16, 18; 5: 2; 7: 2, 3; 8: 2] находит прямые аналогии в ранних погребениях Кошибеевского могильника, в том числе ножи с горбатой спинкой и двушипные плоские наконечники стрел, аналогичные найденным в упомянутом выше погребении 39.

Судя по датировке рассмотренных образцов, наиболее вероятно, что к горизонту Ново-Клеймёново относится и топор с обломанным лезвием, найденный в разрушенной части городища Супруты (рис. 4: 2). В данном случае, в отличие от городища Городище, на памятнике представлены как слои типа Ново-Клеймёново, так и слои мощинской культуры, включая ее самый ранний горизонт, датируемый серединой — 2-й половиной III в. [Воронцов, 2006; 2008б; 2010] или в рамках III в. Поэтому нельзя полностью исключить принадлежность этой находки мощинской культуре.

Таким образом, топоры типа 1а являются наиболее ранними находками проушных топоров с территории Верхнего и Среднего Поочья и датируются концом I—II в., теоретически не исключая III в.

Тип 1Б (рис. 21:3) представлен топором из погр. 87 Кошибеевского могильника. Топор имеет более длинное, чем у образцов типа 1А, лезвие (P1 — 16,5 см), слабо расширенное (P2 — 4 см), сужающееся у основания до 2,3 см (P4), увеличенный широкий обух (P3 составляет 5,5 см, P5 — 5 см). Ось лезвия располагается относительно обуха (У3) под углом около 96°. Форма клина, как и у топоров типа 1А, характеризуется выраженным округлым расширением в районе проушины (вид 2а), форма проушины овальная (разновидность 3).

С топорами типа 1А эту находку сближают формы клина и проушины, близка и их хронологическая позиция. Комплекс погр. 87 в Кошибеево (рис. 24:12—17) включает в себя: большую овальнорамчатую пряжку со слегка прогнутым язычком, с длинной прямоугольной пластинчатой обоймой; входившие в этот же поясной набор литые бляшки в виде прямоугольника, составленного из девяти полушарий, с петельками для крепления на обороте, и подпрямоугольный пластинчатый наконечник; железный нож с горбатой спинкой; каменный оселок; лепной сосуд.

По типам предметов, составляющих поясной набор, погр. 87 в Кошибеево относится к комплексам самого начала периода 2А для инвентаря мужских захоронений рязанских финнов [Ахмедов, 2007. С. 129—142]. На раннюю дату указывает и расположение погр. 87 в одном ряду с погр. 85, относящимся к периоду 1В (между ними лишь погр. 86). Особенно архаичными выглядят бляшки поясного набора, форма которых восходит к «андреевско-пьяноборской» традиции использования в ременных гарнитурах мужского и женского убора, в т.ч. в портупейных наборах, полусферических бляшек с петельками для крепления на обороте. Бляшка, состоящая из трех полушарий, известна и в погр. 96 Кошибеевского могильника, где была найдена и прямоугольная бляшка с двумя рядами углубленных треугольников на лицевой стороне и петельками для крепления на оборотной. Аналоги находкам из погр. 96 Кошибеевского могильника в Прикамье датируются в рамках II в. [Генинг, 1970. Рис. 20]. Кроме аналогий в погребальных комплексах Андреевского кургана, следует указать на наиболее близкую по схеме находку в Староардатовском I кургане, где сдвоенные умбоновидные бляшки с перевитым кантом украшали пояс погребенного воина [Гришаков, Зубов, 2007. Рис. 25: 15—18; 33: 4]. Все это позволяет предположить, что погр. 87, скорее всего, следует относить к погребениям периода 1В или к одним из самых ранних погребений периода 2А, что позволяет датировать его в рамках второй половины II — начала III в. [Ахмедов, 2007. С. 137—139].

К типу 1Б, насколько можно судить по опубликованным изображениям, относится и единственная находка проушного топора римского времени с территории дьяковской культуры, происходящая со Щербинского городища [Смирнов, 1974. Табл. IV: 3; Дубынин, 1974. Табл. VII:10; Розенфельдт, 1964. Рис. 4: 19]. К сожалению, точный археологический контекст находки не понятен. А.Ф. Дубынин относил ее к третьему (финальному) периоду существования памятника, датирующегося II—III — V—VI вв., не исключая возможного продолжения жизни поселения в VII в. [Дубынин, 1974. С. 250]. Исходя из опубликованных данных, можно утверждать только то, что на Щербинском городище известны находки, которые позволяют синхронизировать один из горизонтов существования этого поселения с памятниками типа Ново-Клеймёново и ранними погребениями Кошибеевского могильника. Это ножи с горбатой спинкой, двушипные черешковые плоские наконечники стрел, металлические ременные наконечники, кольцевидные застёжки [Дубынин, 1974. Табл. VIII:1—3, 12—14, 23, IX:1—8, XIII:1, 8, 10].

Находки типов 2А1 (рис. 4: 3, 5: 1, 9: 3, 14: 2, 17: 1, 3), **2А2** (рис. 7: 3, 4, 15: 1, 17: 4, 18: 2, 19: 1, 22: 1), **2Б1** (рис. 8: 2, 9: 1, 14: 1, 15: 2, 18: 3), **2Б2** (рис. 5: 3, 6: 1, 3, 7: 2, 8: 1, 20: 2), **2В1** (рис. 5: 2, 6: 4, 9: 2, 17: 2, 18: 1, 20: 1, 3), **2В2** (рис. 6: 2, 7: 1, 8: 3, 15: 4, 19: 2, 3, 22: 3) представляют собой наиболее многочисленную группу топоров, происходящих из Верхнего Поочья и Среднего Поочья (38 экземпляров). Они

представлены образцами с расширенным лезвием (P2 — 3,7—5,4 см), которое сужается у основания до 1,9—3,0 см (P4), увеличенным относительно узким обухом (P3 составляет 3,4—5,8 см, P5 — 3,2—5,7 см). Форма клина, в отличие от топоров типов 1А и 1Б, характеризуется слабо выраженным округлым расширением в районе проушины (вид 2б), форма проушины яйцевидная или овальная (разновидность 2 или 3). Топоры из Харинского клада были взвешены после реставрации, полученные результаты укладываются в диапазон от 522 до 625 г.

У топоров типа 2А1 ось лезвия располагается относительно обуха (У3) под углом 88—92°, по этому показателю им близки находки типа 2А2 (У3 составляет 88—94°). В то же время топоры типа 2А1 длиннее (P1 у них составляет 20,1—22,4 см, против 16,5—19,1 у топоров типа 2А2).

У топоров типа 2Б1 ось лезвия относительно обуха (У3) располагается под углом 95—100°, по этому показателю им близки находки типа 2Б2 (У3 составляет 95—96°). Топоры типа 2Б1 несколько длиннее (P1 — 20,1—23,8 см, против 17—19,3 у топоров типа 2Б2).

У топоров типа 2В1 ось лезвия относительно обуха (У3) располагается под углом 100—102°, по этому показателю им близки находки типа 2В2 (У3 составляет 98—103°). Топоры типа 2В1 несколько длиннее (P1 — 20—22,5 см, против 17,4—19,3 у топоров типа 2В2).

Таким образом, топоры типов 2А1 и 2А2 имеют лезвие, расположенное практически под прямым углом по отношению к линии обуха, топоры типов 2В1 и 2В2 имеют сильно оттянутое вниз лезвие, а топоры типов 2Б1 и 2Б2 занимают по этому показателю промежуточную позицию. В ходе анализа комплексов с топорами всех рассматриваемых типов стало очевидно, что эти типы имеют схожую датировку и, например в составе Харинского клада, все типы представлены приблизительно в равной пропорции. Возможно, отличия параметров вызваны разным функциональным назначением топоров.

К сожалению, Харинский клад может датироваться только в общих рамках существования мощинской культуры, то есть с середины III по VII в. [Воронцов, 2008б; 2011]. Поэтому для датировки топоров рассматриваемых типов ведущее значение имеют материалы рязано-окских могильников.

Комплексы, в которых найдены топоры типов 2А1, 2А2, 2Б1, 2Б2, 2В1, 2В2, относятся к периодам 2А и 2Б, выделенным для инвентаря мужских комплексов рязано-окских финнов, то есть датируются серединой III — первыми десятилетиями IV в. [Ахмедов, 2007. Схемы 1, 2]

В погребениях периода 2А (рис. 25; 26; 27:1—9) встречены топоры всех рассматриваемых типов, кроме 2А1. Хронологическими индикаторами этого периода являются крупные железные пряжки с округлыми, овальными или прямоугольными рамками, в некоторых случаях с вытянутыми прямоугольными обоями (погр. 30 (мыс 2), 31 (мыс 2), 45 (мыс 2), 63 (мыс 2), 68 (мыс 2) могильника Кораблино, погр. 197, 228

могильника Заречье 4 (рис. 25: 15, 16, 17; 26: 2; 27: 1, 11, 12, 16, 17). Характерными для этого периода являются и двучастные удила с бронзовыми кольцами ромбического сечения (погр. 30 (мыс 2), 45 (мыс 2) могильника Кораблино (рис. 25: 17—19, 27: 16)). Следует указать, что на мысе 2 могильника Кораблино погребения с рассматриваемыми топорами располагались среди погребений, в инвентаре которых встречены одночленная лучковая фибула с пластинчатой ножкой (погр. 50 (мыс 2)), относящаяся к 4 варианту I типа, выделенного А. С. Скрипкиным для находок из сарматских погребений Нижнего Поволжья, двучленная лучковая фибула с пластинчатой спинкой (погр. 51 (мыс 2)), пряжка центральноевропейского происхождения 17 типа группы D по Р. Мадыде-Легутко (погр. 42 (мыс 2)), а также вещи, связанные с ранним черняховским импульсом, — детали поясных, обувных и портупейных гарнитуров (погр. 79 (мыс 2)). Это позволяет датировать интересующую нас группу погребений второй половиной III в. [Ахмедов, 2007. С. 140—141, схема 1: 17, 24, схема 2: 14, 20].

В погребениях периода 2В (рис. 27:11—17) наряду с другими топорами известны и образцы типа 2А1. Датировка этого периода рубежом III и IV вв. — первыми десятилетиями или первой третью IV в. была обоснована, исходя из появления в комплексах круглодротовых скульгам, браслетов из прямоугольного дрота с обрезанными концами и геометрическим орнаментом, пряжек с овальными и сегментовидными рамками ромбического сечения (в некоторых случаях с подтреугольными и фигурными обоями), ранними вариантами пряжек с В-образной рамкой, пряжек с граненой рамкой, прогнутым язычком и овальной обоями, полусферических бляшек с «веревочным» валиком, железных пряжек с овальной рамкой (продолжающих развитие крупных железных пряжек периода 2А, однако уменьшающихся в размерах), а также подвязных черняховских фибул варианта Б2 по Е. Л. Гороховскому [Ахмедов, 2007. С. 141—142, схема 1: 26, 31, 34, 35, 36, 40, 43]. Последние позволяют синхронизировать эти материалы с древностями группы 3, выделенной О. В. Гопкало для мужских погребений черняховской культуры [Гопкало, 2011. С. 79, 91. Рис. 15: 6—11, 30: 20].

Тип 3А1 (рис. 10: 1, 11: 1—3, 13: 2, 3, 14: 3, 23: 1) представлен топорами небольшого размера (P1 от 14,8 до 22,7 см) с относительно узким лезвием (P2 — 3,8—5,2 см), которое сильно сужается у основания до 1,1—2,1 см (P4), с сильно увеличенным широким обухом с треугольными выступами-щечковицами (P3 составляет 5,0—7,4 см, P5 — 4,1—5,8 см). Ось лезвия располагается относительно обуха (У3) под углом 93—99°. Форма клина характеризуется треугольным сечением лезвия, без прогиба переходящим в округлую заднюю часть со слегка уплощенным обухом (вид 1), форма проушины круглая (разновидность 1).

Комплексы погребений, в которых найдены топоры типа 3А1, датируются в рамках IV в., не исключая начала V в.

В могильнике Большое Давыдовское топор происходит из коллективного погребения 3, входил в состав инвентаря захоронения взрослого мужчины (погр. 3—4). В этом же комплексе были найдены наконечник копья, нож, кресало и кремь; в головах был расчищен липовый короб, в котором находились деформированные или оплавленные предметы — два браслета «азелинского» типа, обломок еще одного такого же, три проволоочных колечка, фрагменты пластинчатых блях, обломки поясной привески, браслетов, гривен, височного кольца с лопастью, два фрагмента шпоры, железные пружинные ножницы, половина железных удил с бронзовым кольцом, пирамидальный колокольчик с выступами на основании, роговой гребень. У остальных четырех погребенных был следующий инвентарь: височные кольца с лопастью, гривны, браслеты, перстень с привесками, пряжки и сьюльгамы, плеть с бронзовой рукоятью и свинцовым грузиком на конце. Находки из клада ломаных вещей относятся к III — первой половине IV в.; состав украшений, находившихся на погребенных, позволяет предположить, что датировка коллективного захоронения может быть определена в рамках конца III — первой половины (возможно, первых десятилетий) IV в. [Зайцева, Красникова, 2011. С. 30—31; Зайцева, 2011. С. 17—29. Рис. 2: 33, 11, 5, 21, 22, 45; 3: 50; 5: 17, 48; 6: 12, 13, 28, 16, 25].

Значительная часть рассмотренного инвентаря из могильника Большое Давыдовское имеет рязано-окское происхождение. Как и материалы других мужских погребений этого могильника, он соответствует материалам периода 2Б, выделенного для мужского инвентаря рязано-окских финнов [Макаров, Красникова, Зайцева, 2010. С. 43—44; 2011. С. 3—16]. К этому же времени относится и погр. 159 могильника Заречье 4, в котором наряду с топором рассматриваемого типа была найдена крупная круглодротовая сьюльгама (рис. 28: 1—2).

К более позднему времени относится комплекс погр. 24 могильника Заречье 4 (рис. 28: 3—12), в котором наряду с топором типа 3А1 найден уздечный набор «геометрического» стиля, характерный для рязано-окских мужских погребений периода 2С и начала периода 3А по И. Р. Ахмедову [Ахмедов, 2007. С. 142—146]. Комплексы погребений с этими наборами датируются второй половиной IV в., с возможным сужением даты до последней трети IV в. [Ахмедов, 2007. С. 137—139]. На более предпочтительную датировку погр. 24 могильника Заречье 4 в рамках последней трети IV в. указывает находка в его комплексе пряжки с тонкой овальной рамкой и прямоугольной пластинчатой обоймой, относящейся к наиболее ранним находкам типа пряжек, характерного для периода 3А, датируемого в рамках последних десятилетий IV — начала V в. [Ахмедов, 1995; 2007. С. 143—145, схема 2: 57; 3: 14]. Возможно, к началу V века относится комплекс погр. 19 могильника Заречье 4, в котором найден браслет с концом в виде щитка с изображением личины — прототипа браслетов с «антропоморф-

ными» личинами, широко распространяющихся в рязанском Поочье с начала периода 3Б [Ахмедов, 2007. Схема 3: 21].

В Верхнем Поочье топоры типа 3А1 найдены в постройке 3 со Щепиловского городища (1 экз.) и в яме 42 раскопа 1 на городище Воротынский (3 экз.).

Постройка 3 Щепиловского городища перекрывает постройку 2, содержащую фибулу, датируемую 2-й половиной IV, и, с учетом аналогий плоской калачиковидной серье или подвеске на памятниках типа Чертовицкое — Замятнио эпохи Великого переселения народов, наиболее вероятно датируется концом IV — 1-й половиной V в. [Гавриутхин, Воронцов, 2008. С. 36—38. Рис. 12; Воронцов, 2008. С. 35—36. Рис. 4—6].

Яма 42 раскопа 1 на городище Воротынский, к сожалению, не содержала датирующих «индивидуальных» находок, не имеет она и стратиграфических оснований для датировки [Массалитина, 2008. С. 112—113. Рис. 1—5]. Тем не менее, поскольку происходящий из нее керамический материал [Массалитина, 2008. Рис. 3—5] очень близок сосудам из постройки 3 Щепиловского городища [Воронцов, 2008. С. 40—42. Рис. 5—6], можно говорить о том, что интересующие нас комплексы хронологически близки.

Тип 3А2 (рис. 10: 4, 12: 1, 23: 2, 3). Отличиями топоров этого типа от находок типа 3А1 являются их значительные размеры и большая массивность. Длина (P1) составляет 20,9—21,5 см, ширина лезвия на конце (P2) составляет 5,5—6,5 см, у основания (P4) — 2,6—3,0 см, что значительно превышает этот показатель у топоров типа 3А1. Форма клина (вид 1) аналогична образцам типа 3А1, формы проушин круглые и овальные (разновидность 1 или 3).

Один из топоров этого типа (рис. 12: 1) найден на городище Мощино ([Булычев, 1899. Табл. XVII: 1]; №156 по описи ГИМ). Другой (рис. 10: 4) происходит с городища Серенск (раскопки Т. Н. Никольской 1966 г., кв. 92, пл. 3, №31499/457 по полевой описи; место хранения не установлено) и известен только по рисунку в описи, хранящейся в КОКМ. Оба экземпляра не имеют оснований для датировки и могут быть соотнесены со всем периодом существования мощинских памятников. Учитывая морфологическую близость рассматриваемых находок топорам типа 3А1 (возможно, разница в массивности связана с функциональным назначением), вполне вероятно, что оба типа близки по времени существования.

В связи с вопросами датировки особый интерес приобретают два топора (рис. 23: 2, 3), найденные на городище Лбище на Самарской Луке в комплексе с кузнечными орудиями — железными щипцами и молотом рядом с котлованом постройки [Матвеева, 2000. С. 111. Табл. 7: 2, 3]. Поселения лбищенского типа датируются IV — нач. V в. и представляют собой, согласно теории Г. И. Матвеевой, ранний этап именьковской культуры, а согласно современным разработкам Д. А. Сташенкова — синхронную раннему этапу именьковской культуры самостоятельную группу памятников [Матвеева, 1998; Ста-

шенков, 2010]. Учитывая, что финал памятников лбищенского типа связан с военным разгромом, наиболее вероятно выпадение клада, содержащего интересные нас топоры, на рубеже IV—V вв. Приведенная в работе Л. А. Вязова сводка топоров Среднего Поволжья [Вязов, 2012] позволяет говорить об отсутствии здесь близких аналогий лбищенским экземплярам. Скорее всего, рассмотренные нами находки с территории Самарской Луки представляют собой импорт из Верхнего Поочья.

Тип 3А3 (рис. 12: 2). Представлен одной находкой с городища Мощино ([Булычев, 1899. Табл. XVII: 3]; №155 по описи ГИМ) Главным ее отличием от вышеописанных типов 3А1 и 3А2 является форма клина (вид 2б) и яйцевидная проушина (разновидность 2). Длина топора (P1) составляет 18,7 см, толщина лезвия в основании (P4) составляет 2,9 см, что сближает эту находку с экземплярами типа 3А2.

Находка не имеет оснований для «узкой» датировки.

Тип 3Б1 (рис. 10: 3) представлен одной случайной находкой из Калужской области. (КОКМ, КП №9311, АР № 3799). Топор имеет длину (P1) 17 см, широкое лезвие (P2 — 5,6 см), которое сильно сужается у основания до 1,9 см (P4), немного увеличенный широкий обух с вытянутыми выступами-щечковицами (P3 составляет 3,8 см, P5 — 5,0 см). Ось лезвия располагается относительно обуха (У3) под углом 93—94°. Форма клина (вид 2б) характеризуется слабовыраженным округлым расширением в районе проушины, форма проушины яйцевидная (разновидность 2).

Неясность контекста находки и ее единичность не позволяют предложить обоснованной «узкой» датировки.

Тип 3Б2 (рис. 10: 3) представлен одним экземпляром, найденным на городище Мощино ([Булычев, 1899. Табл. XVII: 2]; № 154 по описи ГИМ). Топор имеет длину (P1) 25 см, широкое лезвие (P2 — 7,4 см), которое сужается у основания до 2,7 см (P4), немного увеличенный широкий обух с длинными выступами-щечковицами, верхние из которых «обрезаны» параллельно оси лезвия (P3 составляет 5,2 см, P5 — 4,8 см). Ось лезвия располагается относительно обуха (У3) под углом 95°. Форма клина (вид 3) характеризуется практически прямым лезвием с округлым расширением в районе проушины, форма проушины яйцевидная (разновидность 2).

Характер находки и ее единичность не позволяют предложить обоснованной «узкой» датировки.

Тип 4А (рис. 15: 3, 16: 1, 2) представлен топорами небольшого размера (P1 от 16 до 21,7 см) с относительно узким лезвием (P2 — 3,8—4,6 см), которое сужается у основания до 1,8—2 см (P4), ассиметрично вниз увеличенным широким обухом (P3 составляет 5,4—6,6 см, P5 — 4,4—5,9 см). Ось лезвия располагается под углом 87—100° относительно обуха (У3). Форма клина (вид 1) характеризуется треугольным сечением лезвия, без прогиба переходящим в округлую заднюю часть, форма проушины круглая либо овальная (разновидность 1

или 3). Контекст находок топоров этого типа близок контексту образцов типа 4Б, поэтому их датировку целесообразно рассмотреть вместе.

Тип 4Б (рис. 16: 3, 4, 22: 2) представлен топорами длиной (P1) от 13,6 до 20,6 см, с относительно узким лезвием (P2 — 3,5—4,4 см), которое сужается у основания до 2—2,4 см (P4), с симметрично увеличенным широким обухом (P3 составляет 5,5—5,7 см, P5 — 5,2—5,5 см). Ось лезвия располагается относительно обуха (У3) под углом 93—100°. Форма клина характеризуется треугольным сечением лезвия, без прогиба переходящим в округлую заднюю часть (вид 1), форма проушины круглая либо яйцевидная (разновидность 1 и 2).

Топоры типа 4А найдены в трех комплексах из рязано-окских могильников — погр. 1 мыса 1 могильника Кораблино, погр. 197 (раскопки Т. А. Кравченко) Шатрищенского могильника, погр. 226 могильника Заречье 4.

Комплекс погр. 1 мыса 1 могильника Кораблино (рис. 29: 7—10) включает следующие хронологически определяемые вещи: двучленную фибулу с пластинчатой спинкой, украшенной циркульным орнаментом, и сплошным приемником, относящаяся к местной серии; две гривны (витую в три проволоки с концами в тройную петлю и тордированную из квадратного в сечении дрота с ромбическим обрезанным щитком и крючком); пряжку с сегментовидной рамкой и слабопрогнутым язычком, не выступающим за передний край рамки. Ранее он был отнесен к периоду 2С рязано-окских могильников [Ахмедов, 2007. С. 142—144, схемы 1 и 2]. К этому же периоду относится и комплекс погр. 59 (мыс 1) могильника Кораблино (рис. 29: 1—6), в котором находились: тордированная гривна, аналогичная описанной выше; двучленные прогнутые подвязные фибулы серии I варианта 2 по А. К. Амброзу (Б2а и Б2б по Е. Л. Гороховскому или Б3 по О. В. Гопкало); пластинчатые сюльгамы с завернутыми концами, равными ширине рамки или чуть меньшими.

В погр. 226 могильника Заречье 4 пряжка (рис. 29: 11) изготовлена из железа, сильно коррозирована, поэтому определить ее тип трудно. Однако видимые особенности пряжки (массивная рамка и трапециевидная пластинчатая обойма) указывают на ее близость находке из погр. 62 (мыс 1) могильника Кораблино. Там такая пряжка найдена вместе двучленными подвязными фибулами варианта Б3 по О. В. Гопкало и двучленной фибулой со сплошным приемником. Подобная пряжка есть и в описанном ниже погр. 80 (мыс 1) могильника Кораблино (рис. 29: 20). Это дает основания отнести рассматриваемый комплекс также к периоду 2С [Ахмедов, 2007. С. 143, схема 1: 48, 51, 54].

Хронологические рамки периода 2С — около третьей четверти IV в., хотя следует указать, что граница между этим периодом и более поздним периодом 3А весьма условна [Ахмедов, 2007. С. 144].

Несколько более архаично выглядит комплекс парного захоронения 80 (мыс 1) могильника Кораблино (рис. 29: 12—20), в котором найдены: топор

типа 4Б; тордированная гривна; круглодротовая гривна с прямо обрезанными, чуть расширенными концами; круглодротовая гривна, утолщенная в передней части, с замком в виде щитка, с обмоткой и крючком, расположенным в плоскости обруча гривны; пластинчатые сюльгамы с «усиками», равными или чуть меньшими по размерам, чем ширина рамки; крулодротовая сюльгама, которые, как и находки гривен с щитком и обмоткой, более характерны для периода 2В, выделенного для мужских погребений рязано-окских могильников [Ахмедов, 2007б. С. 142, схема 1]. Архаичными для периода 2С выглядят и сегментовиднорамчатые пряжки ромбического и округлого сечения с прогнутыми язычками (рис. 29: 18, 19) из рассматриваемого комплекса. Однако в нем найдена двучленная подвязная фибула (рис. 29: 16) местной серии с пластинчатой спинкой, украшенной циркульным орнаментом, близкая по стилю исполнения упомянутой выше фибуле из погр. 1 (мыс 1) могильника Кораблино. Таким образом, интересующее нас погребение может быть отнесено либо к рубежу периодов 2В и 2С, либо к начальной фазе периода 2С.

К этому же времени может быть отнесено погр. 197 (раскопки Т.А. Кравченко) Шатрищенского могильника, где вместе с топором типа 2Б была найдена пряжка с восьмигранной массивной рамкой, с прогнутым фасетированным не выступающим за передний край рамки язычком, с прямоугольной площадкой у основания, украшенной орнаментом в виде креста и боковых пропилов (рис. 29: 24). Аналогичные пряжки известны в погр. 45 и 28 Шатрищенского могильника (раскопки П.П. Ефименко). В первом из них она найдена вместе с проушным топором типа 2В2, а во втором — с массивной четырехгранной гривной с обрезанными концами, имеющей орнамент в виде кружков и прочерченных линий, характерной для периода 2В мужских погребений рязано-окских могильников, то есть для конца III — первых десятилетий IV в. [Ахмедов, 2007. С. 142]. Рассматриваемые пряжки наиболее близки образцам типа П9 по В.Ю. Малашеву, которые являются индикатором хронологической группы III ременных гарнитуров позднесарматского круга по В.Ю. Малашеву, датированную в рамках финала III или начала IV в. — середины или 3-й четверти IV в. [Малашев, 2000. С. 196, 201—203, 205—207. Рис. 1, 2].

Указанная датировка рассматриваемого типа пряжек косвенно подтверждается и находкой близкой пряжки, но с типологически более поздней особенностью (граненая рамка пряжки имеет значительное утолщение в передней части) в материалах шурфа 1 на мысе 1 могильника Кораблино, относящихся к периоду 2С. Здесь она найдена вместе с фрагментом двулезвийного меча, деталями оформления портупей и ножен. Там же была найдена двучленная прогнутая подвязная фибула небольшого размера, близкая варианту Б3 по О.В. Гопкало, который встречается в группе 4 по хронологической схеме мужских черняховских погребений [Гопкало, 2011. С. 79, 91. Рис. 16].

В комплексе погр. 88 (мыс 1) могильника Кораблино топор типа 2Б сопровождался тордированной гривной и железной сегментовиднорамчатой массивной пряжкой с вытянутой подтреугольной обоймой. Такой состав комплекса позволяет предположить, что он синхронен рассмотренному выше погр. 80 (мыс 1) могильника Кораблино.

Все вышеизложенное позволяет предложить датировку топоров типов 4А и 4Б в рамках второй и третьей четверти IV в. При этом топоры типа 4Б, вероятно, являются чуть более ранними как типологически, так и по составу комплексов. Можно предположить, что они появляются в финале периода 2В мужских погребений рязано-окских могильников, а затем в рамках периода 2С появляются топоры типа 4А.

Тип 5А (рис. 13:1) представлен одним экземпляром из погр. 11 могильника Заречье 4. У этого топора тыльная сторона проуха плоская, утолщена, отверстие проуха овальное. Длина (P1) — 13,4 см, ширина лезвия (P2) — 4,9 см, к проушине оно сужается до 2,8 см (P4), обух расширяется до 4 см (P4), ширина обуха (P5) — 3,8 см, ширина площадки на тыльной стороне — 2,3 см, толщина проуха здесь увеличена до 1,4 см. Ось лезвия располагается от носительно обуха (У3) под углом 95°.

Рассматриваемому топору не удалось найти прямых аналогов, однако по общей схеме он близок черняховским находкам. Так, топоры из Кнышивки и Петроасы имеют расширяющуюся тыльную сторону, у топоров из Кнышивки и погр. 86 могильника Компанийцы обух также имеет подтрапециевидную форму; перечисленные образцы близки рассматриваемому топору из Кораблино и по размерам [Магомедов, Левада, 1996. Рис. 5: 3, 12, 15]. Вероятно, интересующий нас топор следует относить к варианту типа IIА по Х.В. Бёме, или Компанийцы по М.М. Казанскому [Магомедов, Левада, 1996. С. 308].

В комплексе погр. 11, могильника Заречье 4 была найдена серебряная прямоугольная пластинчатая подвеска (рис. 30: 13). Аналогии ей известны в Хараксе, ряде черняховских погребений, например, в погр. 5 (14/1961) из Косаново, в погр. 78 из Петрешть, погр. 8 из Каборги, погр. 106 из Будешть, в материалах с черняховских поселений Делакеу I, Войтенки, Обухов 1. Серия аналогов известна также в культуре Сынтана-де-Муреш, рассматриваемой как вариант черняховской культуры. Надежно датированный комплекс погр. 14/1961 (погр. 5 по старой номенклатуре) из Косаново О.В. Гопкало, посвятившая подвескам и бусам черняховской культуры фундаментальное исследование, относит ко времени не ранее середины IV в. В целом, датировка мужских и женских погребений (группы 4 для мужских и 4а для женских) с такими подвесками определяется в рамках, сопоставимых с хронологией центрально-европейской фазы С3 по Я. Тейралу [Гопкало, 2008. С. 62; Табл. VII, 2; 2011. С. 80, 92. Рис. 30: 39].

И.В. Белоцерковская считает, что погр. 11 могильника Заречье 4 по находке пряжки (рис. 30: 17), характерной для периода 2В инвентаря мужских комплексов рязано-окских могильников (первая по-

ловина IV в.), следует датировать не позднее середины IV в. [Белоцерковская, 2012. С. 35; Ахмедов, 2007. С. 151, схема 1: 34]. Не противоречит этому предположению и находка в этом комплексе железной гривны (рис. 30: 15—16) с обмоткой из бронзовой проволоки треугольного сечения и бронзовыми напускными бусами. Подобные гривны существуют в рязано-окских древностях сравнительно недолго, на протяжении периодов 2А и 2Б, выделенных И. В. Белоцерковской для инвентаря женских погребений. Общая датировка этих периодов устанавливается исследовательницей в рамках конца III—IV в. [Белоцерковская, 2007. С. 193, 199—200, Рис. 7: 39. Табл. 2]. В то же время следует указать, что подобные гривны характерны для начальной стадии периода 2Б, выделенного для инвентаря женских погребений. Такая гривна известна и в погр. 80 (мыс 2) из Кораблино, которое (как погр. 11 могильника Заречье 4) относится к периоду 2С, выделенному для инвентаря мужских погребений рязано-окских финнов, который датирован в рамках второй и третьей четверти IV в., что соответствует поздней части периода 2А и ранней части периода 2Б для инвентаря женских захоронений [Ахмедов, 2007. С. 142—144. Табл. 1, схемы 1—2. С. 275]. Все приведенные сведения позволяют предположить, что наиболее вероятной датировкой погр. 11 могильника Заречье 4, в котором был найден топор типа 5А, является середина IV в.

Тип 5Б (рис. 21: 2) представлен топором с широким лезвием и прямым проухом. Длина изделия (Р1) — 12,9 см, ширина лезвия (Р2) — 4,5 см, ширина обуха (Р3) ок. 2,5 см. Ось лезвия располагается под углом 95° относительно обуха (У3). Этот топор найден в погр. 78 Кошибеевского могильника. Измерения и изображение даны по фото топора (вид сбоку) на топографической карточке в документации отдела археологических памятников ГИМ.

Ближайшие аналогии этой находки известны в древностях черняховского круга, откуда происходит 23 таких топора, размерами от 7,5 до 18 см, сделанные из хорошо прокованной стали и относящиеся к боевым топорам-секирам типа IIA по Х. В. Бёме, или Компанийцы по М. М. Казанскому [Магомедов, Левада, 1996. С. 308]. По размерам находке в Кошибеево наиболее близки топоры из Кнышивки, из погр. 16 могильника Тыргшор, с памятников Краснополье 1, Журавка, Яблони, Нерушай. Топоры длиной до 13 см и отверстием для древка около 2 см (Августинька, Краснополье, Журавка, Кринички, Нерушай), по мнению Б. В. Магомедова и М. Е. Левады, могли использоваться и в качестве метательного оружия. За пределами ареала черняховских древностей подобный тип топоров преобладает лишь в комплексе вооружения вельбаркской культуры, близкие по облику топоры известны также в германских древностях Центральной и Западной Европы, а также в древностях апсильов; в Восточной Европе использование этих топоров прекращается с финалом черняховской культуры [Kazanski, 1994. P. 17; Магомедов, Левада, 1996. С. 307—308. Рис. 5: 3, 5, 10, 11, 19, 20, 22; Магомедов, 2001. С. 79]. О. В. Гоп-

кало в работе по изучению относительной хронологии мужских погребений черняховской культуры синхронизирует погр. 86 могильника Компанийцы с фазой С3 центральноевропейской шкалы, а погр. 8 могильника Фынтынеле Риц относит к гуннскому времени [Гопкало, 2011. С. 81. Рис. 22, 2—3].

Судя по всему, топор из погр. 78 в Кошибеево можно считать черняховским по происхождению. Любопытно, что наконечник копья, найденный в этом погребении [Спицын, 1901. С. 68. Т. XII: 9], — длинный (первоначальная длина составляла более 30 см), с узким листовидным пером, составляющим одну треть от общей длины, очень близок находке на черняховском поселении Михайловка в Киевской области [Магомедов, Левада, 1996. С. 308. Рис. 6: 1] и, возможно, тоже может быть отнесен к черняховским формам.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным датировать находки из погр. 78 в Кошибеево около середины — второй половины IV в., не исключая и более широкие хронологические рамки.

Возможно, топоры типов 5А и 5Б попадают на среднее течение р. Оки в составе весьма представительного набора черняховских изделий, который отражает взаимодействие рязано-окских финнов и черняховского населения в контексте активности в лесной зоне готов и их союзников под предводительством Германариха в период между 335 и 375 гг. [Каргопольцев, Бажан, 1993. С. 116; Ахмедов, Белоцерковская, 2007. С. 273; Белоцерковская, 2012. С. 36].

Тип 6А (рис. 14: 4). Длина изделия (Р1), которым он представлен, — 18,5 см, ширина лезвия (Р2) — 5,3 см, в средней части сужение (Р4) до 2,6 см, высота обуха (Р3) — 5,4 см, максимальная ширина обуха (Р5) — 4,8 см. Ось лезвия располагается под углом 95—96° относительно обуха (У3). Топор треугольный в плане (вид 4), лезвие равно высоте обуха, с сужением в средней части. Проушина подтрапециевидная (разновидность 4).

Найден в погр. 189 могильника Заречье 4. Комплекс (рис. 31: 1—5) включал в себя: бронзовую скульгаму, изготовленную из тонкой проволоки, с завернутыми концами, равными по ширине рамке; железные пряжку с овальной рамкой круглого сечения, два ножа и шило. Форма скульгамы и рамки пряжки позволяют относить это погребение к финалу периода 2В — начальной фазе периода 2С, выделенных для мужских погребений рязано-окских могильников, то есть датировать его в рамках конца III — первой половины IV в. [Ахмедов, 2007. Схемы 1, 2].

Тип 6Б (рис. 10: 2). Длина (Р1) единственного образца этого типа — 17,4 см, ширина лезвия (Р2) — 5,3 см, высота обуха (Р3) — 3,7 см, лезвие сужается к обушной части до 2,9 см (Р4), максимальная ширина обуха (Р5) — 4,4 см. Ось лезвия располагается относительно обуха (У3) под углом 97°. Топор подтреугольный в плане (вид 4), с расширенным лезвием и выделенным подпрямоугольным обухом, проушина скругленно-подтрапециевидная (разновидность 4).

Рассматриваемый топор найден на склоне гора Борисово, в смыве культурного слоя, связанного с горизонтом пожара и разрушений (слой 2). Этот горизонт датируется находкой двучленной прогнутой фибулы со сплошным приемником, близкой находке из погребения 23 рязано-окского могильника Борок 2. Дата этих фибул — около второй-третьей четверти IV в. [Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 36, 53—54. Рис. 3: 1, 9].

Тип 6B (рис. 13: 4). Топор подпрямоугольной формы, длиной (P1) 14,5 см, лезвие шириной 5,6 см (P2), основание лезвия у проушины немного сужено до 4,6 см (P4), у передней части проушины намеченные выступы, высота обуха (P3) — 4,7 см, ширина (P5) — 4,6 см, форма проушины скругленно-подтрапециевидная (вид 4), размерами 4,5х2,8 см, форма клина подтреугольная (разновидность 4). Ось лезвия располагается под углом 90° относительно обуха (УЗ).

Найден в погр. 85 могильника Заречье 4. В комплекс входят (рис. 31: 6—10): гривна с ромбическим щитком и обмоткой на концах; круглодротовая шюльгама; подвеска-уточка; полусферическая бляшка с «веревочным» кантом; браслет, изготовленный из куска тордированной гривны; а также фибула варианта Б2 по О.В. Гопкало. Анализ инвентаря погребения позволяет отнести его к периоду 2B, выделенному для мужских погребений рязано-окских могильников [Ахмедов, 2007. Схемы 1, 2].

К изучению культурно-исторического контекста

Находки топоров типа 1A и 1B свидетельствуют о контактах населения Верхнего Поочья (древности типа Ново-Клейменово) и появившихся в Среднем Поочье рязанских финнов (Кошибеево). Наряду с находками височных колец с лопастью, ножей с горбатой спинкой, двушипных уплощенных черешковых стрел, крупных кольцевидных дротовых застежек с выступающими «усами» интересующие нас топоры можно считать индикаторами взаимодействия этих групп населения [Воронцов, 2007].

Темой дальнейшего исследования может стать вопрос о характере взаимодействия носителей мощинской культуры и рязано-окских финнов. Судя по тому что в рязано-окских древностях второй половины III — начала V в. прослежено синхронное использование проушных и втульчатых топоров, а в Верхнем Поочье втульчатые топоры не известны, можно предположить, что рязанские финны получали проушные топоры от своих юго-западных соседей в качестве предметов массового импорта. В пользу этого предположения свидетельствуют и другие находки верхнеокского происхождения в рязано-окских древностях римского времени. Здесь следует вспомнить комплекс погр. 1 (мыс 1) могильника Кораблино, в котором найдены вместе не только проушный и втульчатый топоры, но и гривна из трех перекрученных проволок с концами, завернутыми в тройную петлю, ближайшие аналогии которой происходят из Мощинского клада [Булычев, 1899. Табл. VIII: 3].

В последние десятилетия IV и в начале V века характер поступления проушных топоров на территорию рязанского течения Оки меняется. Они могут поступать или с отдельными выходцами с Верхнего Поочья, или в качестве трофеев, подобно ряду окских фибул в рязано-окских древностях начала V в. [Ахмедов, 2008]. Судя по всему, затем поступление клиновидных проушных топоров из Верхнего Поочья в Среднее Поочье прекращается.

Набор топоров, наиболее близкий по составу поокскому, происходит с территории Литвы. Если сравнить предложенную выше типологию с разработками А. Малонайтиса (рис. 32; [Malonaitis, 2001]), становится очевидно, что целый ряд типов, характерных для Верхнего Поочья и Среднего Поочья, находит прямые аналогии на территории Литвы.

Так, тип 5B по А. Малонайтису, к которому относится 40 экземпляров, практически соответствует типам 2A1—2B2 по нашей классификации. Судя по датировкам А. Малонайтиса, такие топоры появляются на территории Литвы на рубеже II и III вв., то есть несколько раньше, чем в Поочье (середина III в.), и существуют значительно дольше, вплоть до конца VII в. [Malonaitis, 2001. S. 168—169].

Иная картина прослеживается в отношении типов 2, 3 и 9 по А. Малонайтису. Их появление относится ко второй половине V в. и связано с культурой восточнолитовских курганов [Malonaitis, 2001. S. 167, 168, 170, 178]. Аналогичные топоры в Поочье соответствуют типам 4B, 4A, 3A1 в нашей классификации, их появление фиксируется в значительно более раннее время — по крайней мере во 2-й — 3-й четверти IV в.

Если сравнить наиболее ранние экземпляры типа 9 по А. Малонайтису с территории Литвы (рис. 33) с окскими находками типа 3A1, можно отметить, что топоры с территории Литвы (описание см.: Казакивичус, 1988. С. 78—79) имеют более широкое лезвие (5—7,2 см), более выраженные выступы-щекавицы, другую форму клина (вид 2б по нашей номенклатуре). В поокских материалах им наиболее близок топор типа 3B1 — случайная находка с территории Калужской области (рис. 10: 3), вероятно, и хронологически близкий западным аналогам. Вполне возможно, что дальнейшие исследования позволят выявить серии топоров, занимающих промежуточное место между окскими образцами типа 3A1 и находками из региона культуры восточнолитовских курганов, отнесенных А. Малонайтисом к типу 9.

Итак, представленный материал позволяет говорить, что развитие проушных топоров в Поочье и на территории Литвы было взаимосвязано.

Разнообразие синхронно использовавшихся типов топоров наталкивает на мысль о различном назначении топоров с отличающимися параметрами. Возможно, небольшие топоры с оттянутым вниз узким лезвием имели боевое назначение. Исследование функциональных особенностей различных типов топоров должно быть темой специального исследования.

Литература

- Ахмедов И. Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1994.
- Ахмедов И. Р. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007.
- Ахмедов И. Р. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Культура рязано-окских могильников. К реконструкции исторических процессов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007.
- Белоцерковская И. В. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007.
- Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Европа в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гузиной. Сер. Тр. ГИМ. Вып. 191. М., 2012.
- Бульчов Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
- Воронцов А. М. Новые находки предметов горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей с памятников Окско-Донского водораздела // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Тезисы докладов. СПб., 2006.
- Воронцов А. М. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. 2007. № 3.
- Воронцов А. М. Памятники мощинской культуры гуннского времени на территории Окско-Донского водораздела // Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. IV. Минск, 2008a.
- Воронцов А. М. Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008б.
- Воронцов А. М. Тамги на предметах мощинской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула, 2010a.
- Воронцов А. М. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
- Вязов Л. А. О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья: к 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского государственного университета. Казань, 2012.
- Гавритухин И. О., Воронцов А. М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвзятые и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.
- Генинг В. Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьаноборскую эпоху. Часть 1. Чегандинская культура. Сер. Вопросы археологии Урала. Вып. 10. Свердловск; Ижевск, 1970.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев, 2008.
- Гопкало О. В. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы // Черняхівська культура: матеріали досліджень. ОІУМ. № 1. Київ, 2011.
- Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Сер. Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань, 2009.
- Дубынин А. Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
- Зайцева И. Е. Цветной металл из погребений могильника переселения народов Большое Давыдовское II // Археология Владимирско-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.; СПб., 2011.
- Зайцева И. Е., Красникова А. М. Погребение ювелира эпохи переселения народов // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.
- Казакявичус В. Боевые топоры на территории Литвы и Белоруссии в I тысячелетии н.э. // Древности Белоруссии и Литвы. Минск, 1982.
- Казакявичус В. Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.
- Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А. Умбоны шитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // Петербургский археологический вестник. Вып. 2. СПб., 1993.
- Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.
- Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
- Магомедов Б. В., Левада М. Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е. Могильник Большое Давыдовское II — погребальный памятник первой половины I тыс. н.э. // РА. 2010. № 1.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е. Могильник Большое Давыдовское II в Суздальском Ополье: продолжение полевых исследований // Археология Владимирско-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.; СПб., 2011.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000.
- Массалитина Г. А. Керамические комплексы нижнего слоя городища Воротыньск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.
- Матвеева Г. И. Памятники лбищенского типа — ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- Матвеева Г. И. Памятники лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

- Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV—VII вв: Именьковская культура. Самара, 2003.
- Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. М., 1959.
- Розенфельдт И. Г. Щербинское городище // СА. 1964. № 1.
- Смирнов К. А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
- Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. № 25. СПб., 1901.
- Сташенков Д. А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 6. Самара, 2010.
- Фролов И. К. Нижний слой городища у дер. Серенск // Древние славяне и их соседи. М., 1970.
- Шитов В. Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тысячелетия н.э. Сер. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саранск, 1988.
- Шмидт Е. А. Верхнее Поднепрорье и Подвинье в III—VII вв. н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003.
- Iwanowska G. Cmentarzysko kurhanowe w Żwirblach pod Wilnem. Warszawa, 2006.
- Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-Vie siècles // Archéologie médievale. 24. 1994.
- Malonaitis A. Schmaläxte mit Naken in Litauen // Archaeologia Baltica. 5. Vilnius, 2001.
- Šimėnas V. Skersabalių pilkapyno 2-osios grupės tyrinėjimai 1997 metais // Archaeological investigations in Lithuania in 1996 and 1997. Vilnius, 1998.

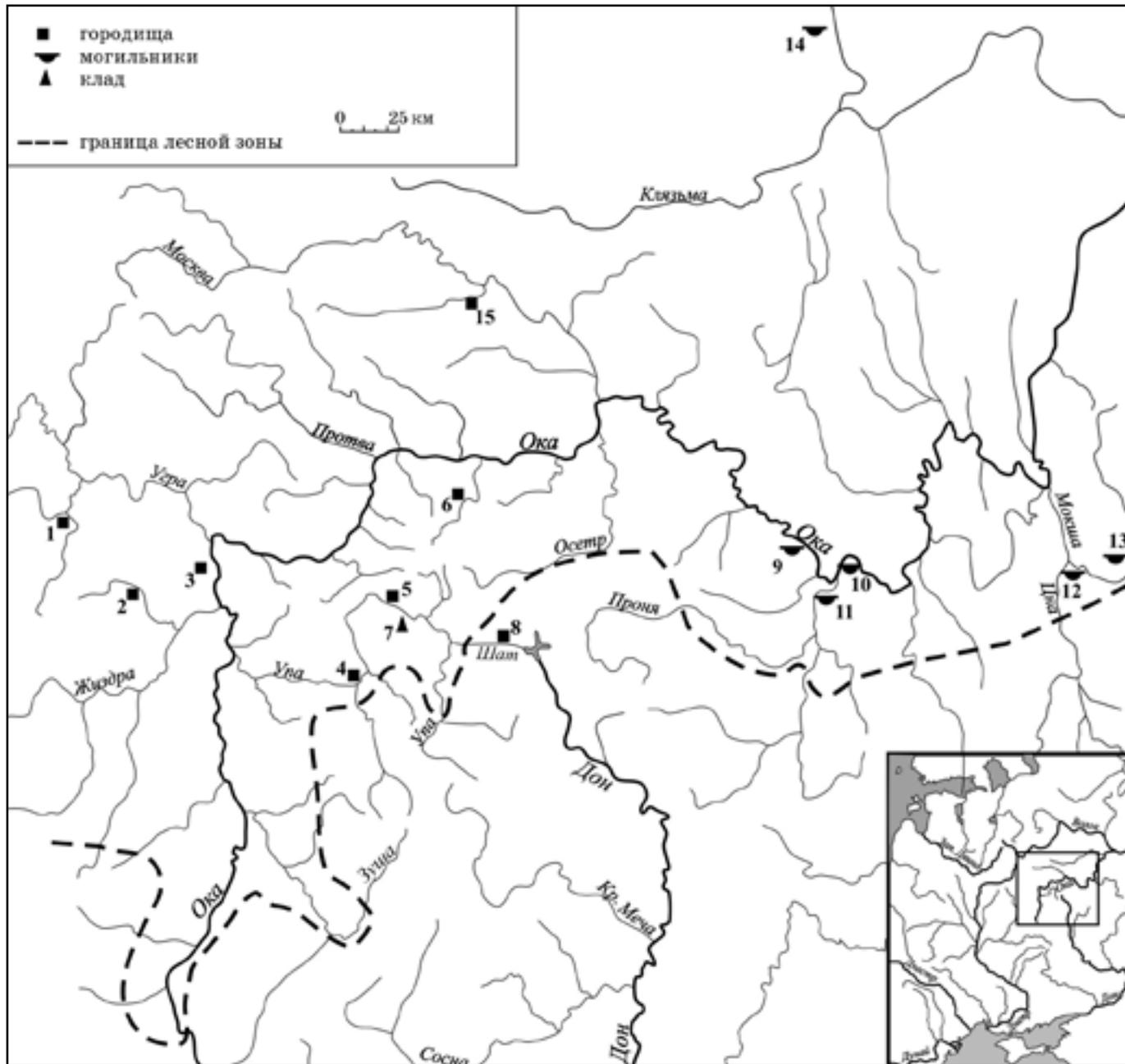

Рис. 1. Карта памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в бассейне Верхней и Средней Оки, на которых сделаны находки проушных узколезвийных топоров.

1 — городище Мошино, 2 — городище Серенск, 3 — городище Воротыньск, 4 — городище Супруты, 5 — городище Щепилово, 6 — городище Борисово, 7 — селище Харино, 8 — городище Городище, 9 — могильник Кораблино, 10 — могильник Шатрищи, 11 — могильник Заречье 4, 12 — могильник Кошибеево, 13 — могильник Старый Кадом, 14 — могильник Большое Давыдовское, 15 — городище Щербинка

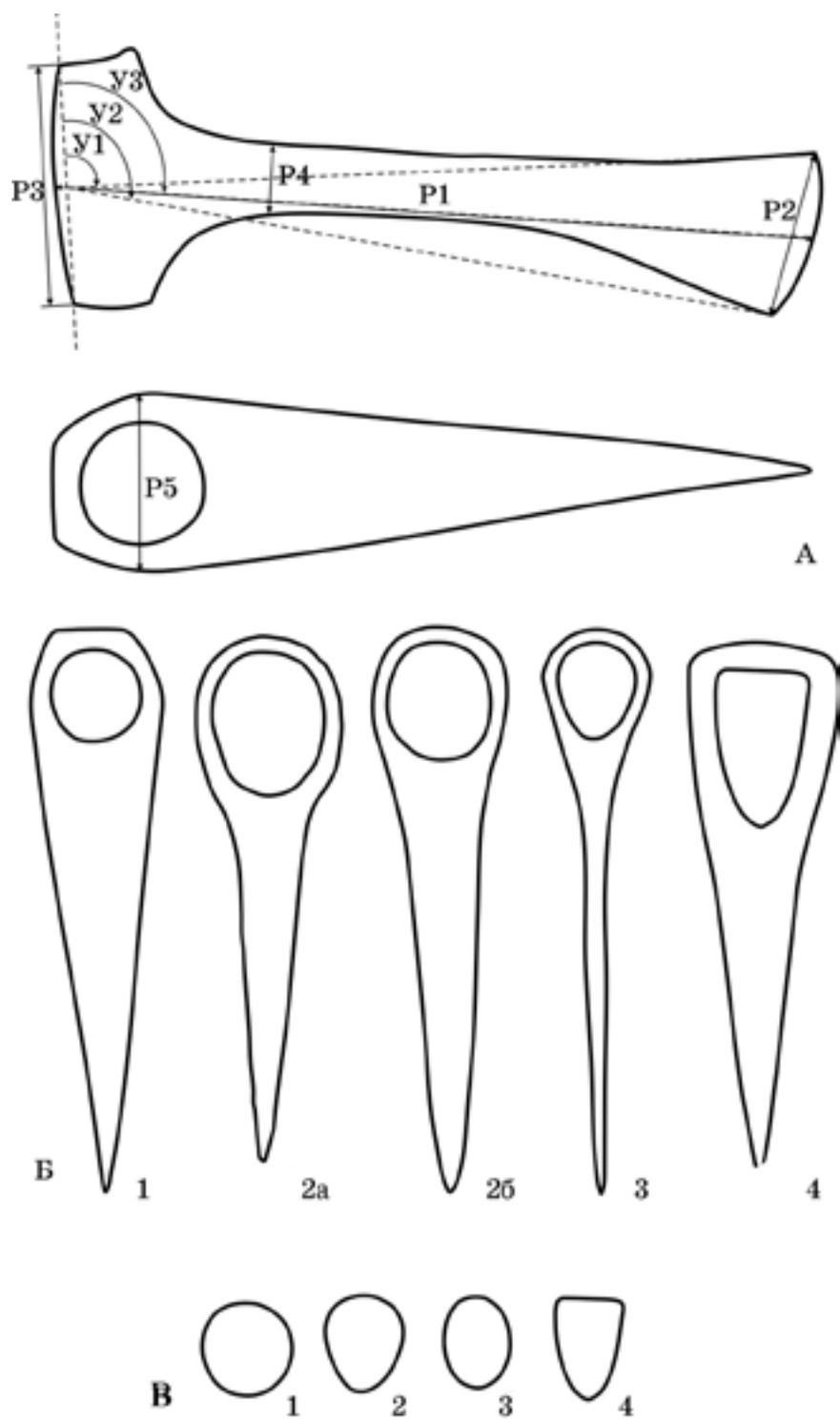

Рис. 2. Параметры описания проушных узколезвийных топоров.
 А — метрические; Б — виды сечения клина; В — разновидности форм сечения проушины

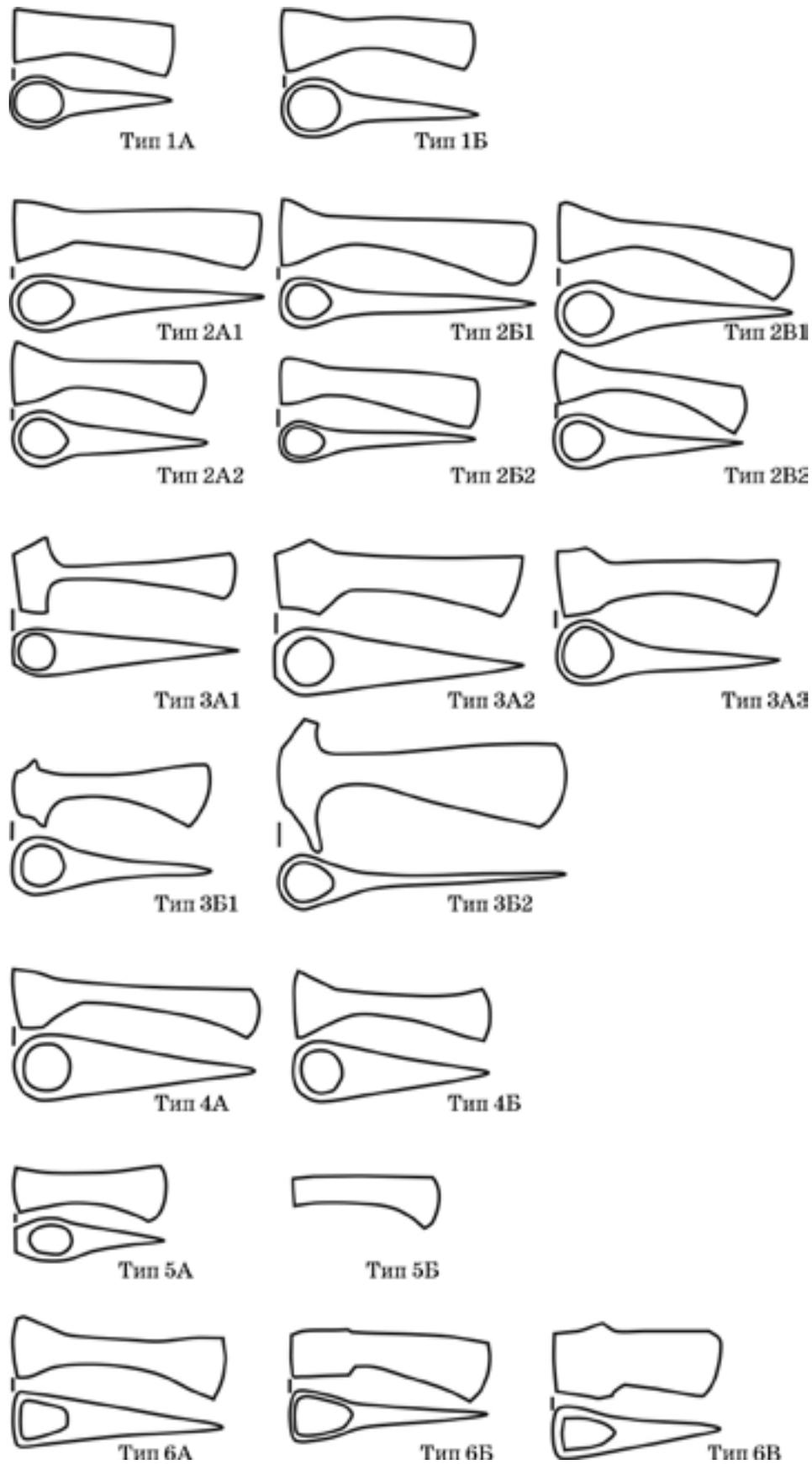

Рис. 3. Типология проушных узколезвийных топоров римского времени и эпохи Великого переселения народов, найденных на территории Верхнего и Среднего Поочья

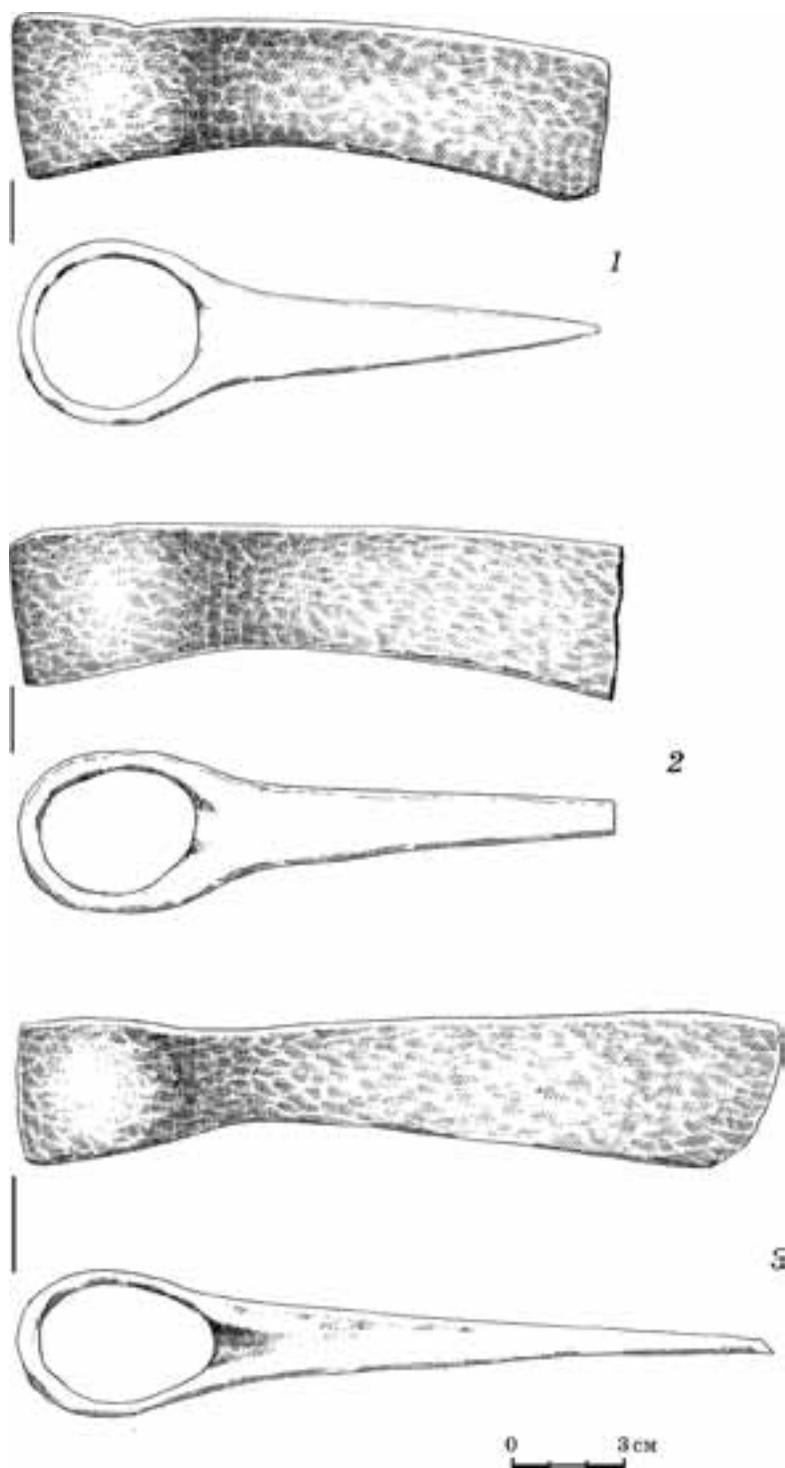

Рис. 4. Проушные узколезвийные топоры с памятников Верхнего Поочья.
 1 — городище Городище, подъемный материал; ГМЗ «Куликово поле», КП-100/180, ТД 90/180 (тип 1А), 2 — городище Супруты, подъемный материал; ГМЗ «Куликово поле», КП-101/106, ТД 91/106 (тип 1А), 3 — клад у д. Харино; ГМЗ «Куликово поле», №617 по инвентарной книге фонда археологии (тип 2А1).
 Рисунки М. А. Воронцовой

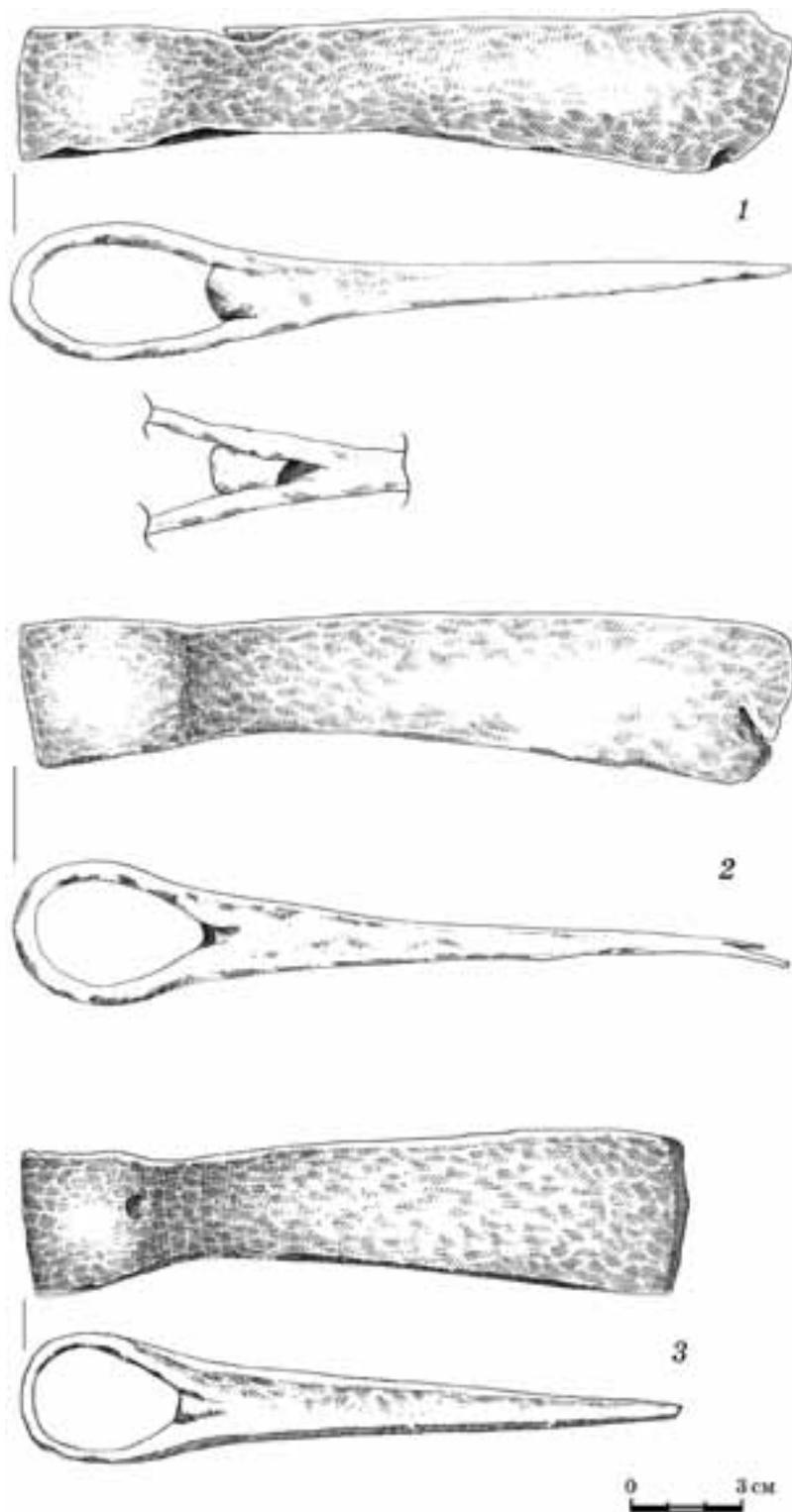

Рис. 5. Проушные узколезвийные топоры из клада у д. Харино (Верхнее Поочье).

ГМЗ «Куликово поле», номера по инвентарной книге фонда археологии:
1 — №616 (тип 2А1), 2 — №613 (тип 2В1), 3 — №612 (тип 2Б2).

Рисунки М. А. Воронцовой

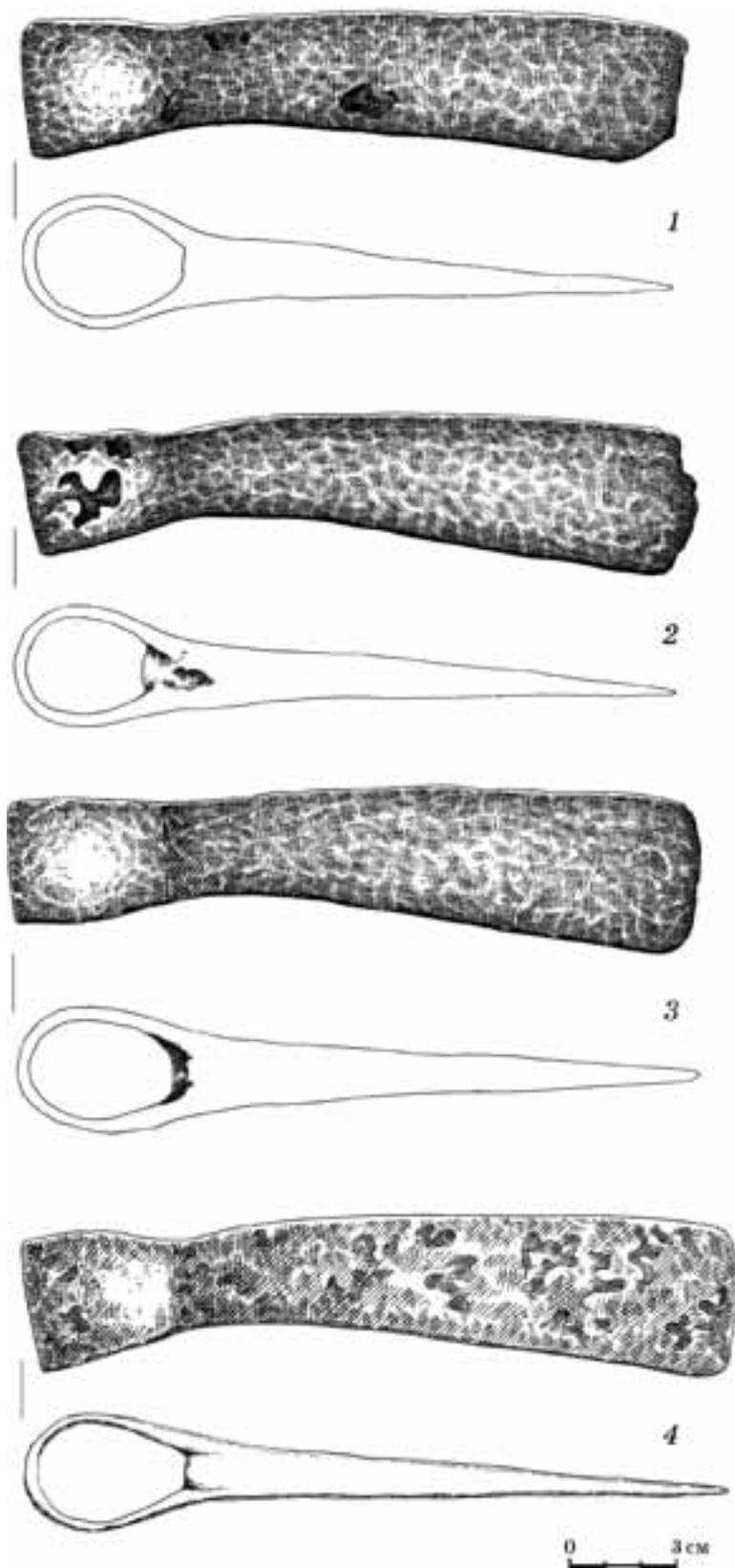

Рис. 6. Проушные узколезвийные топоры из клада у д.Харино (Верхнее Поочье).

ГМЗ «Куликово поле», номера по инвентарной книге фонда археологии:
1 — №618 (тип 2B2), 2 — №620 (тип 2B2), 3 — №621 (тип 2B2),
4 — №624 (тип 2B1).

Рисунки М.А. Воронцовой

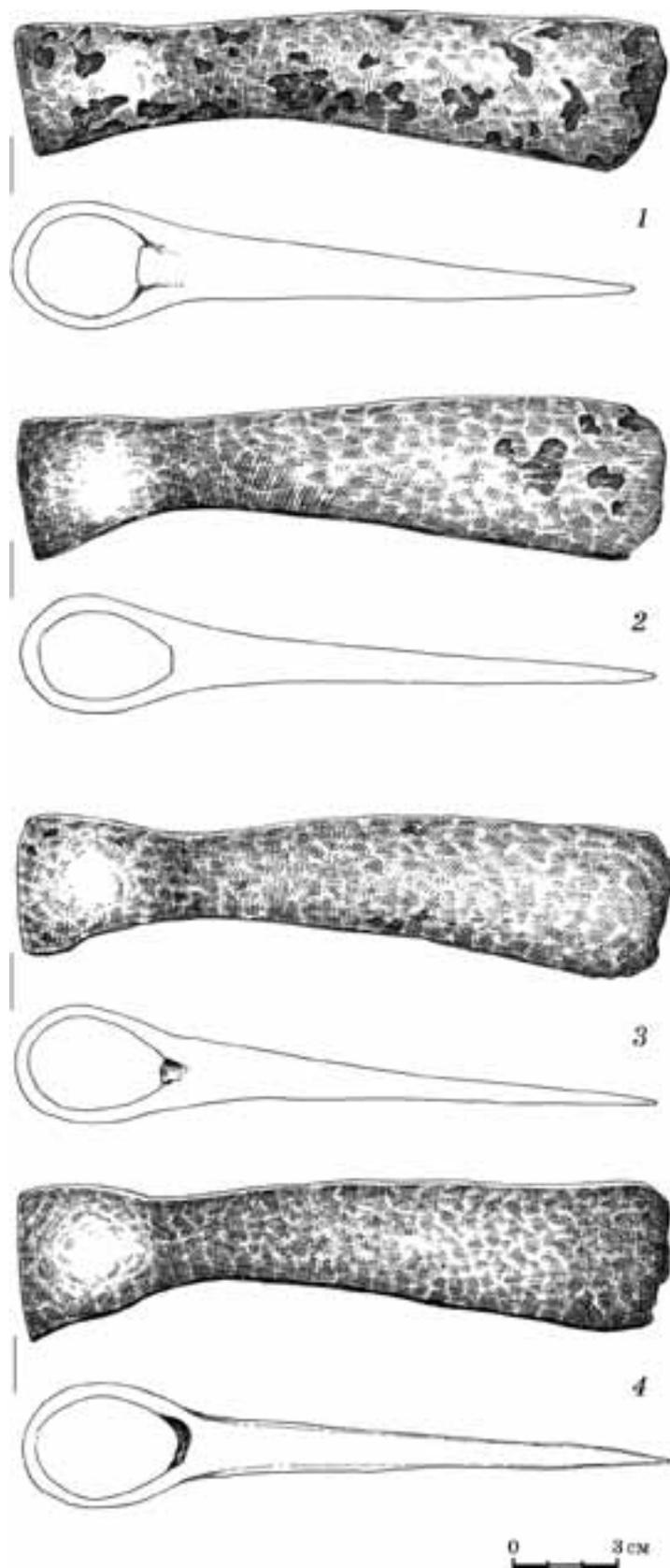

Рис. 7. Проушные узколезвийные топоры из клада у д. Харино (Верхнее Поочье).

ГМЗ «Куликово поле», номера по инвентарной книге фонда археологии:

1 — № 626 (тип 2B2), 2 — № 627 (тип 2B2), 3 — № 622 (тип 2A2), 4 — № 628 (тип 2A2).

Рисунки М. А. Воронцовой

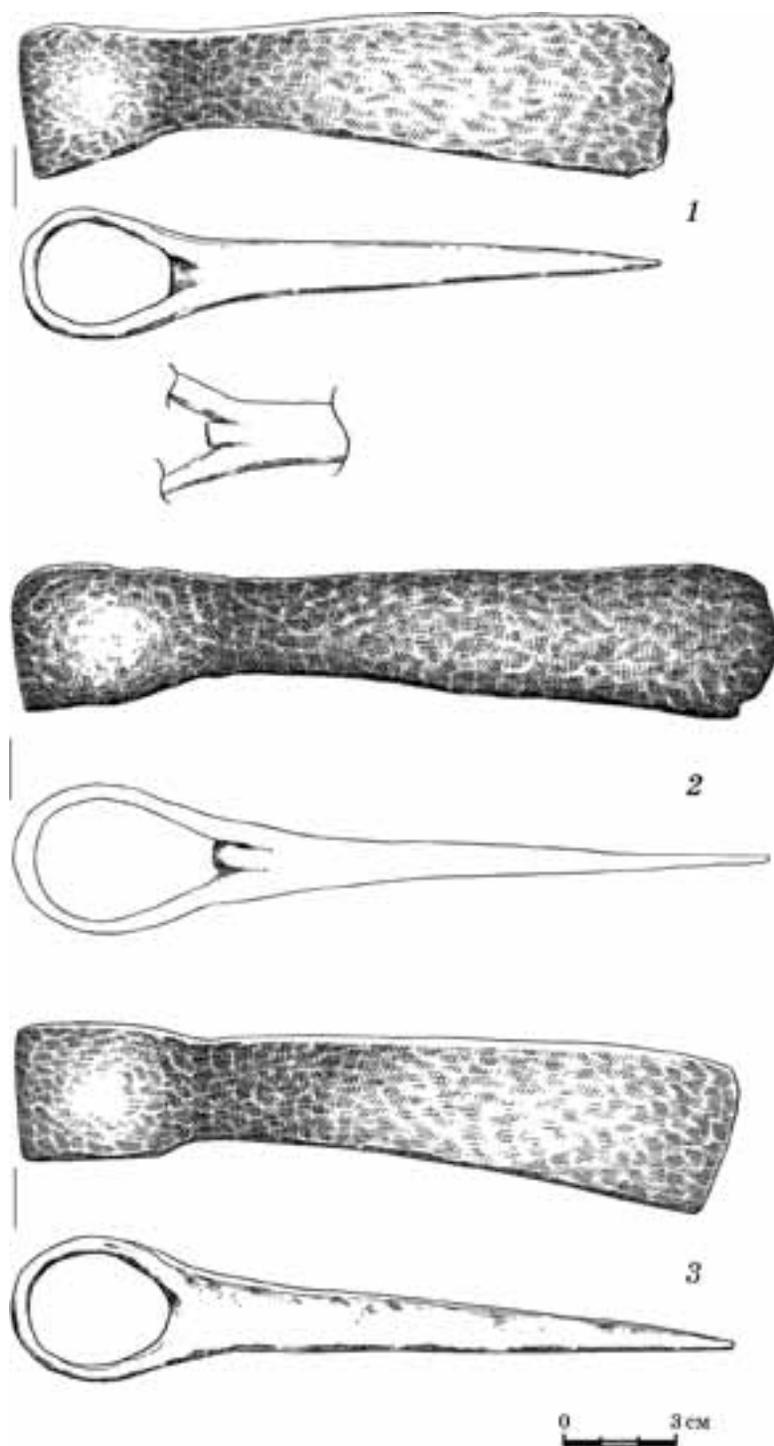

Рис. 8. Проушные узколезвийные топоры из клада у д.Харино (Верхнее Поочье).

ГМЗ «Куликово поле», номера по инвентарной книге фонда археологии:
1 — № 614 (тип 2Б2), 2 — № 619 (тип 2Б1), 3 — № 584 (тип 2В2).

Рисунки М. А. Воронцовой

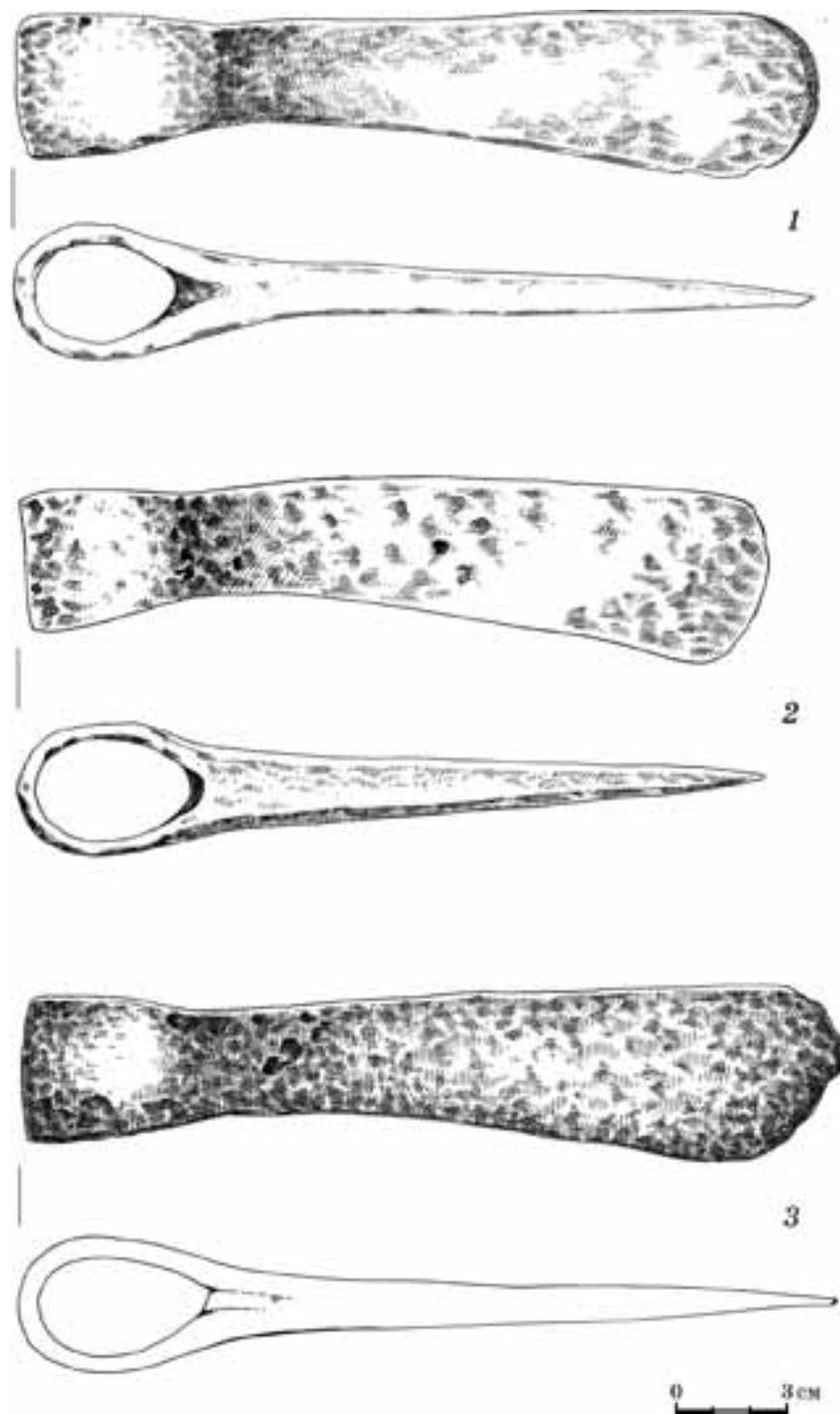

Рис. 9. Проушные узколезвийные топоры из клада у д. Харино (Верхнее Поочье).

ГМЗ «Куликово поле», номера по инвентарной книге фонда археологии:
1 — № 611 (тип 2Б1), 2 — № 615 (тип 2В1), 3 — № 625 (тип 2А1).

Рисунки М. А. Воронцовой

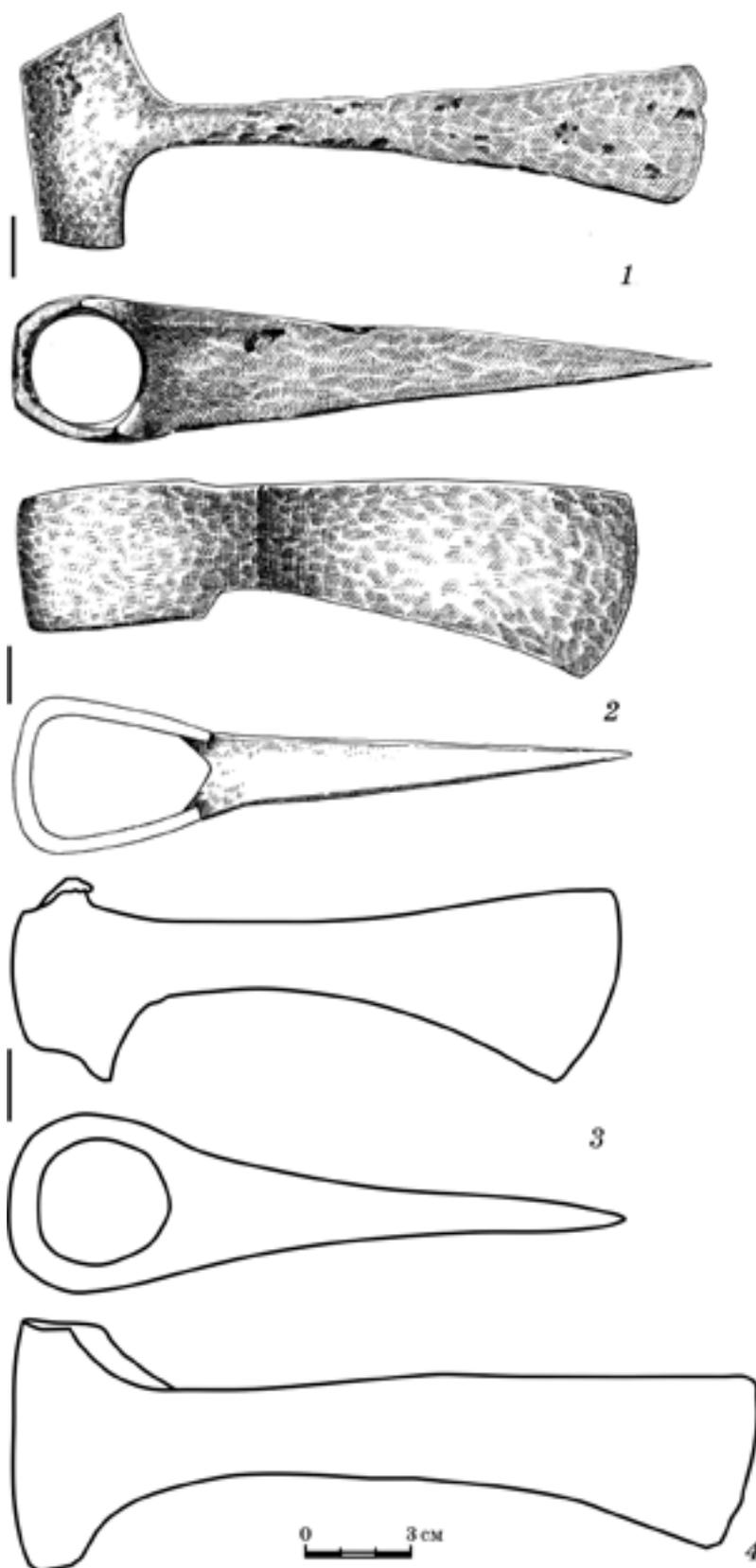

Рис. 10. Проушные узколезвийные топоры с памятников Верхнего Поочья.

1 — городище Щепилово, постройка 3, раскопки А. М. Воронцова; ГМЗ «Куликово поле», ВХ-876/35 (тип 3А1); 2 — городище Борисово, подъемный материал, работы Т. В. Наумовой; ГМЗ «Куликово поле», КП-92/2, ТД 79/2 (тип 6Б); 3 — Калужская область, случайная находка (тип 3Б1); 4 — городище Серенск, раскопки Т. Н. Никольской, 1966 г., кв. 92, пл. 3, № 31499/457 по полевой описи (тип 3А2).

Рисунки: 1–2 — М. А. Воронцовой, 3 — А. М. Воронцова, 4 — по полевой описи

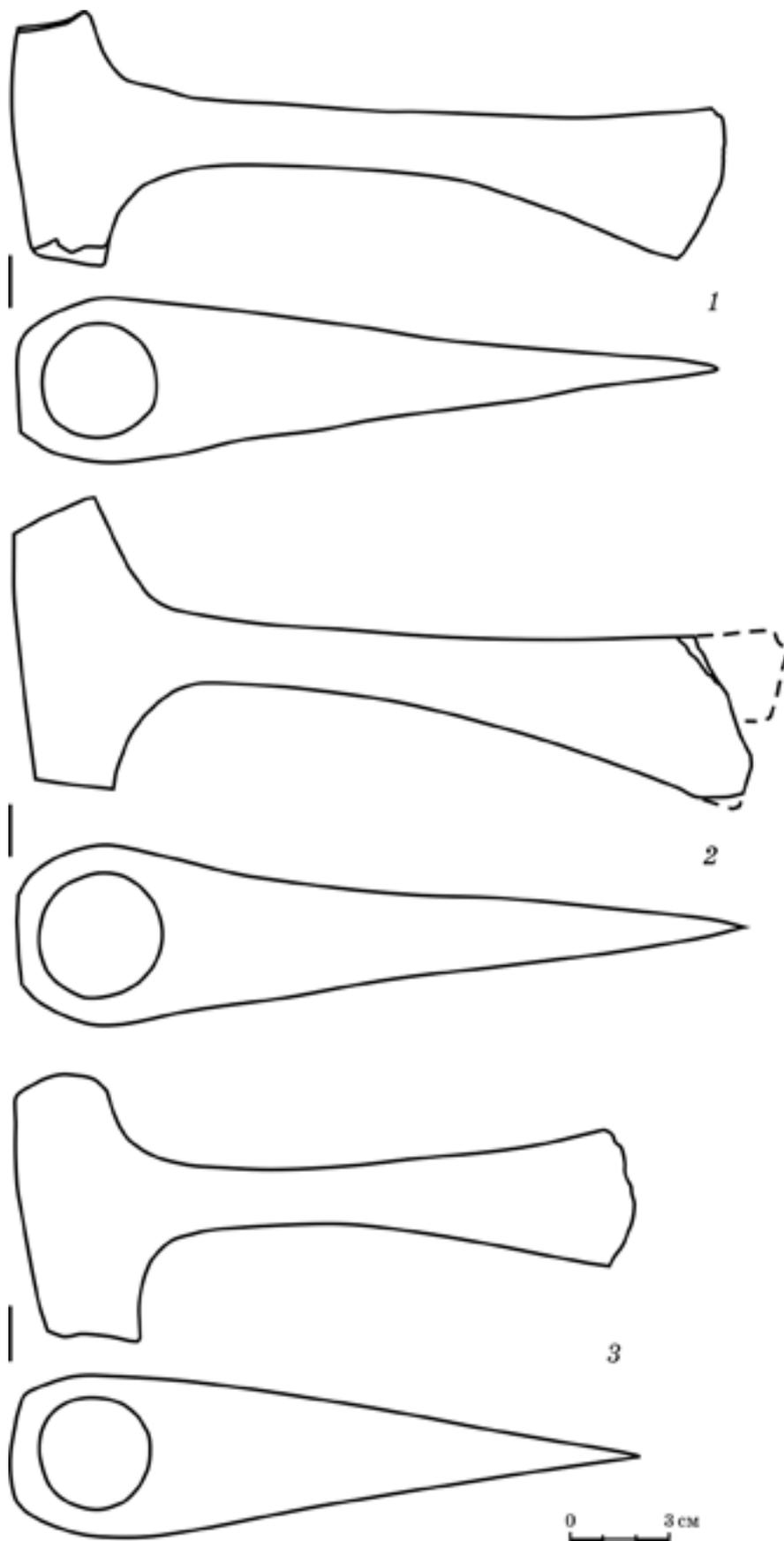

Рис. 11. Проушные узколезвийные топоры с городища Воротынск (Верхнее Поочье).

Яма 42, раскопки Г. А. Массалитиной. 1 — КОКМ, 12306/1 (тип 3А1), 2 — КОКМ 12306/2 (тип 3А1), 3 — КОКМ, 12306/3 (тип 3А1).

Рисунки М. А. Воронцовой

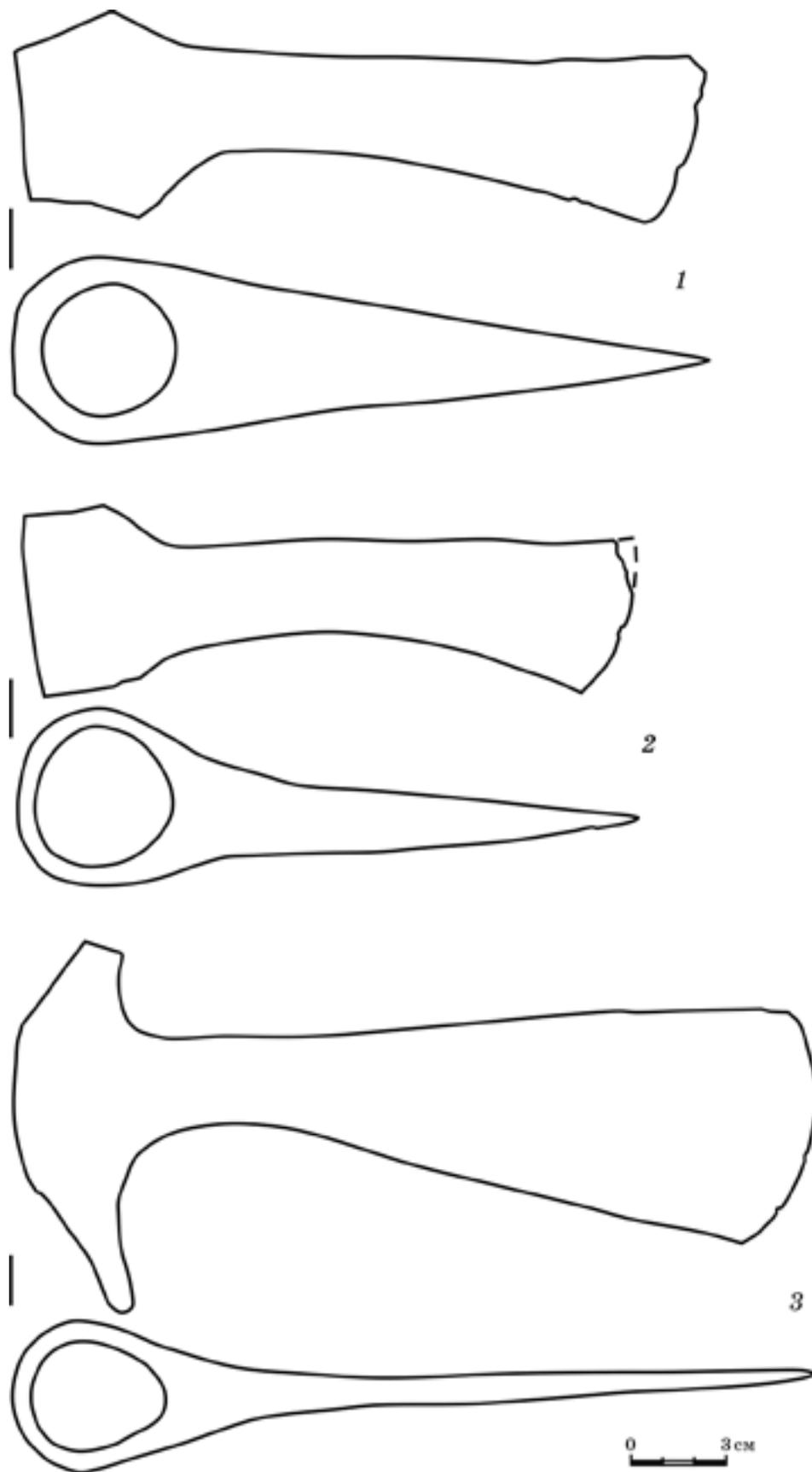

Рис. 12. Проушные узколезвийные топоры с городища Мощино (Верхнее Поочье).

Раскопки Н. И. Бульчова; номера по описи ГИМ: 1 — № 156 (тип 3А2), 2 — № 155 (тип 3А3), 3 — № 154 (тип 3Б2).

Рисунки М. А. Воронцовой

Рис. 13. Проушные узколезвийные топоры из могильника Заречье 4 (Среднее Поочье).
 1 — погр. 11 (тип 5Б), 2 — погр. 19 (тип 3А1), 3 — погр. 24 (тип 3А1), 4 — погр. 85 (тип 6В).
 Погр. 11, 19, 24 — раскопки А. Н. Сорокина, погр. 85 — раскопки И. В. Белоцерковской
 Рисунки: 1–3 — И. В. Белоцерковской, 4 — И. Р. Ахмедова

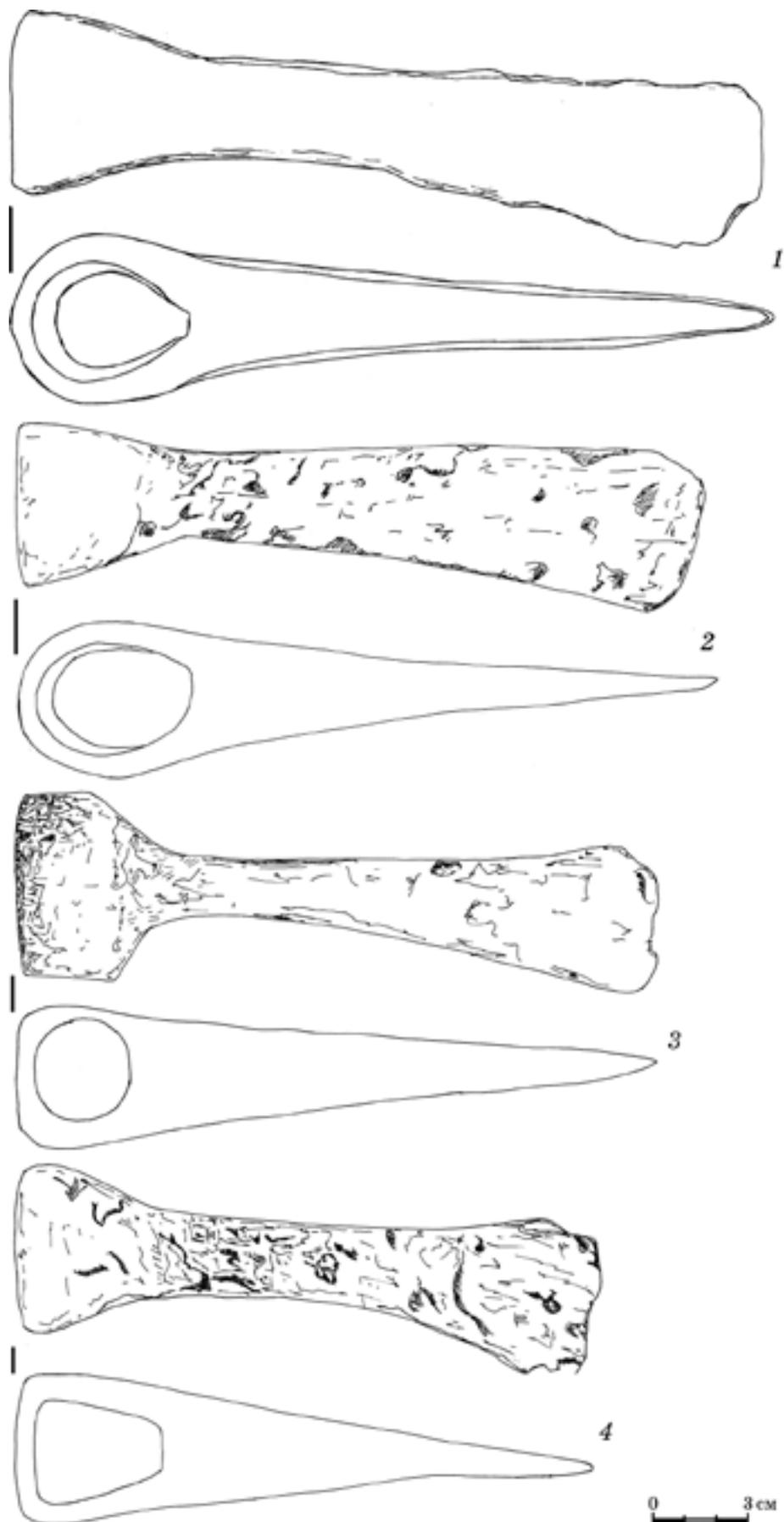

Рис. 14. Проушные узколезвийные топоры из могильника Заречье 4 (Среднее Поочье). 1 — погр. 113в (тип 2Б1), 2 — погр. 128 (тип 2А1), 3 — погр. 159 (тип 3А1), 4 — погр. 189 (тип 6А). Раскопки и рисунки И. В. Белоцерковской

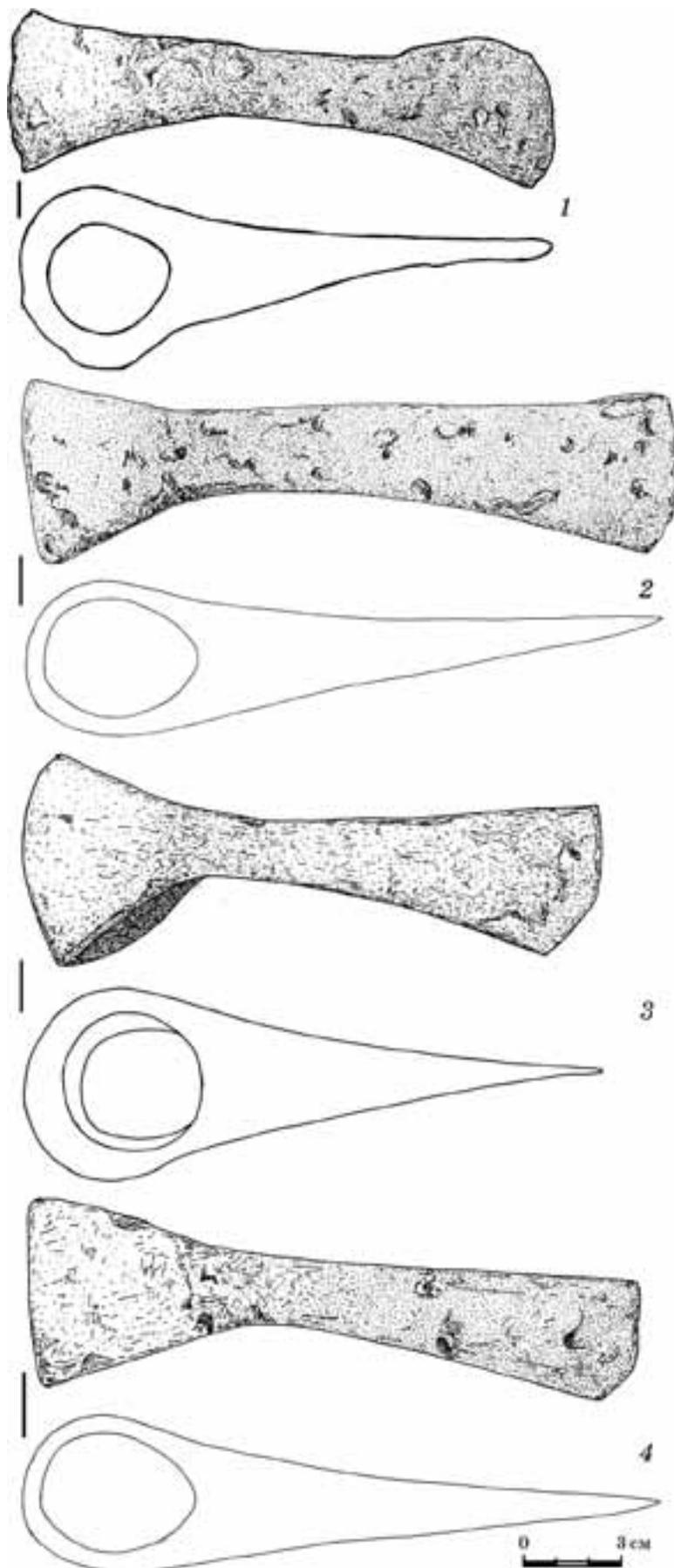

Рис. 15. Проушные узколезвийные топоры из могильника Заречье 4 (Среднее Поочье).
 1 — погр. 197 (тип 2А2), 2 — погр. 225 (тип 2Б1), 3 — погр. 226 (тип 4А), 4 — погр. 228 (тип 2В2).
 Раскопки и рисунки И. В. Белоцерковской

Рис. 16. Проушные узколезвийные топоры из могильника Кораблино, мыс 1 (Среднее Поочье).

1 — погр. 1 (тип 4А), 2 — погр. 59 (тип 4А), 3 — погр. 80 (тип 4Б), 4 — погр. 88 (тип 4Б).
Раскопки И. В. Белоцерковской. Рисунки И. Р. Ахмедова

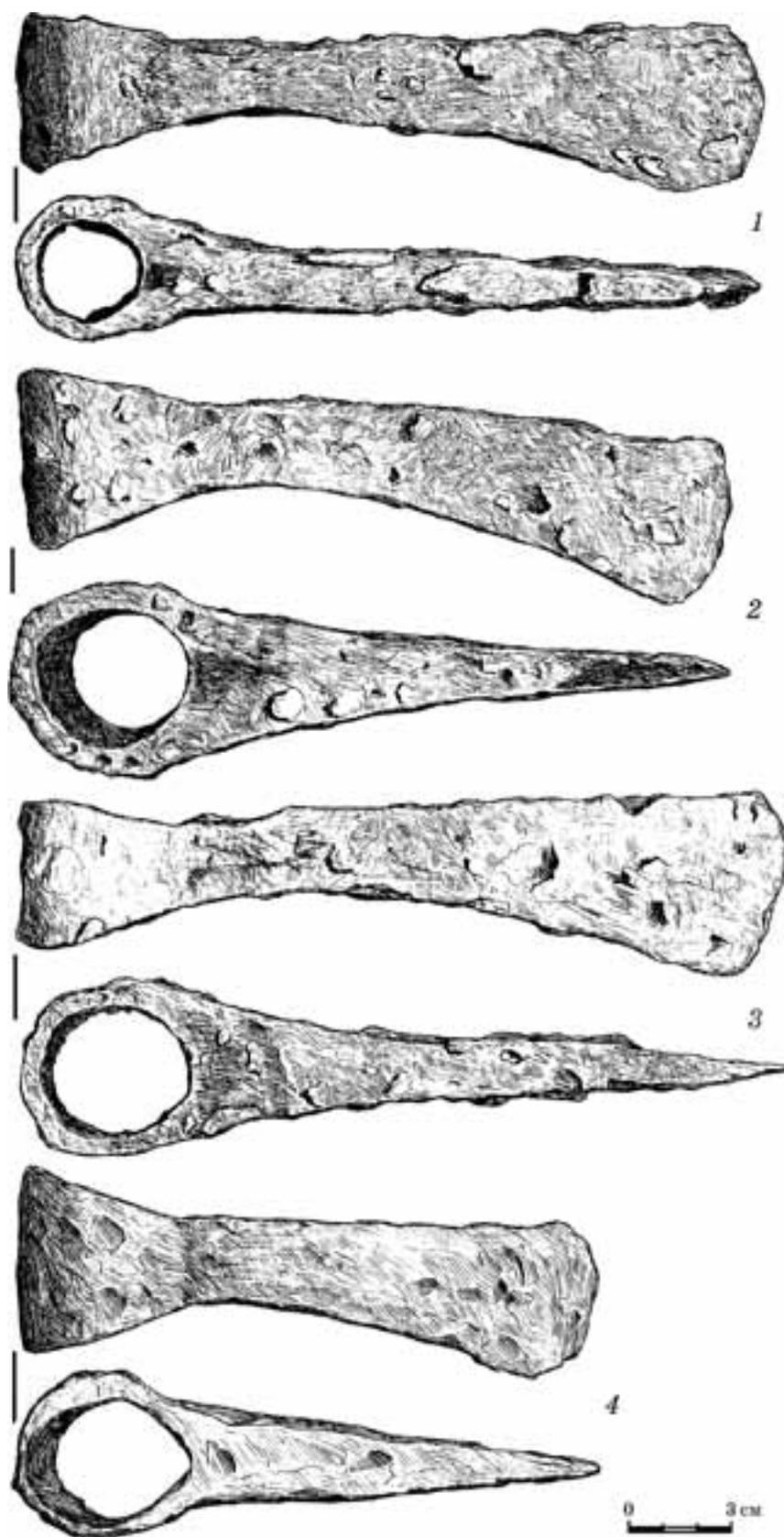

Рис. 17. Проушные узколезвийные топоры из могильника Кораблино, мыс 2 (Среднее Поочье).

1 — погр. 9 (тип 2А1), 2 — погр. 16 (тип 2В1), 3 — погр. 18 (тип 2А1), 4 — погр. 20 (тип 2А2). Раскопки И. В. Белоцерковской.

Рисунки И. Р. Ахмедова

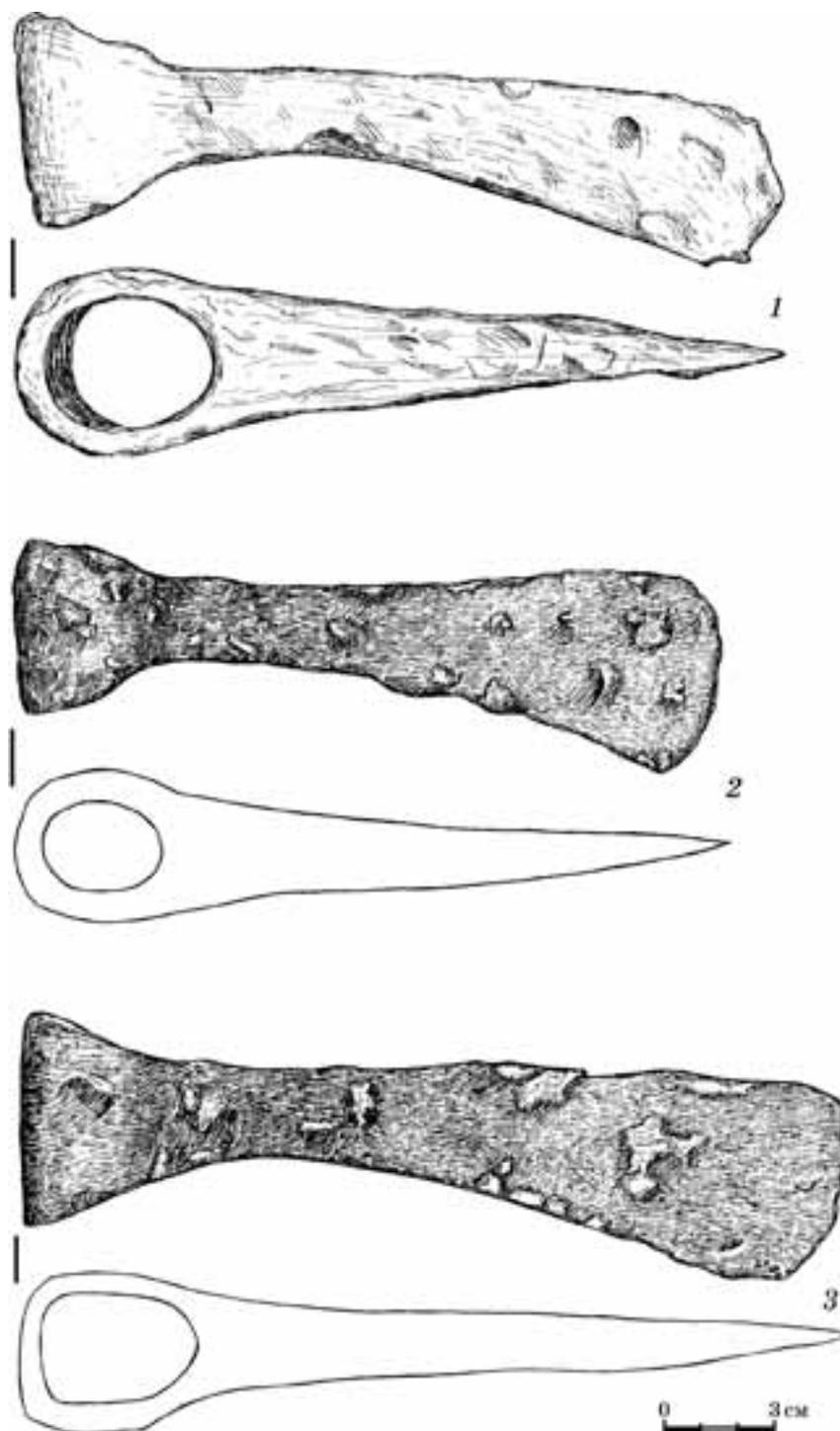

Рис. 18. Проушные узколезвийные топоры из могильника Кораблино, мыс 2 (Среднее Поочье).

1 — погр. 22 (тип 2В1), 2 — погр. 30 (тип 2А2), 3 — погр. 31 (тип 2Б1).

Раскопки И. В. Белоцерковской.

Рисунки: 1 — И. Р. Ахмедова, 2—3 — И. В. Белоцерковской

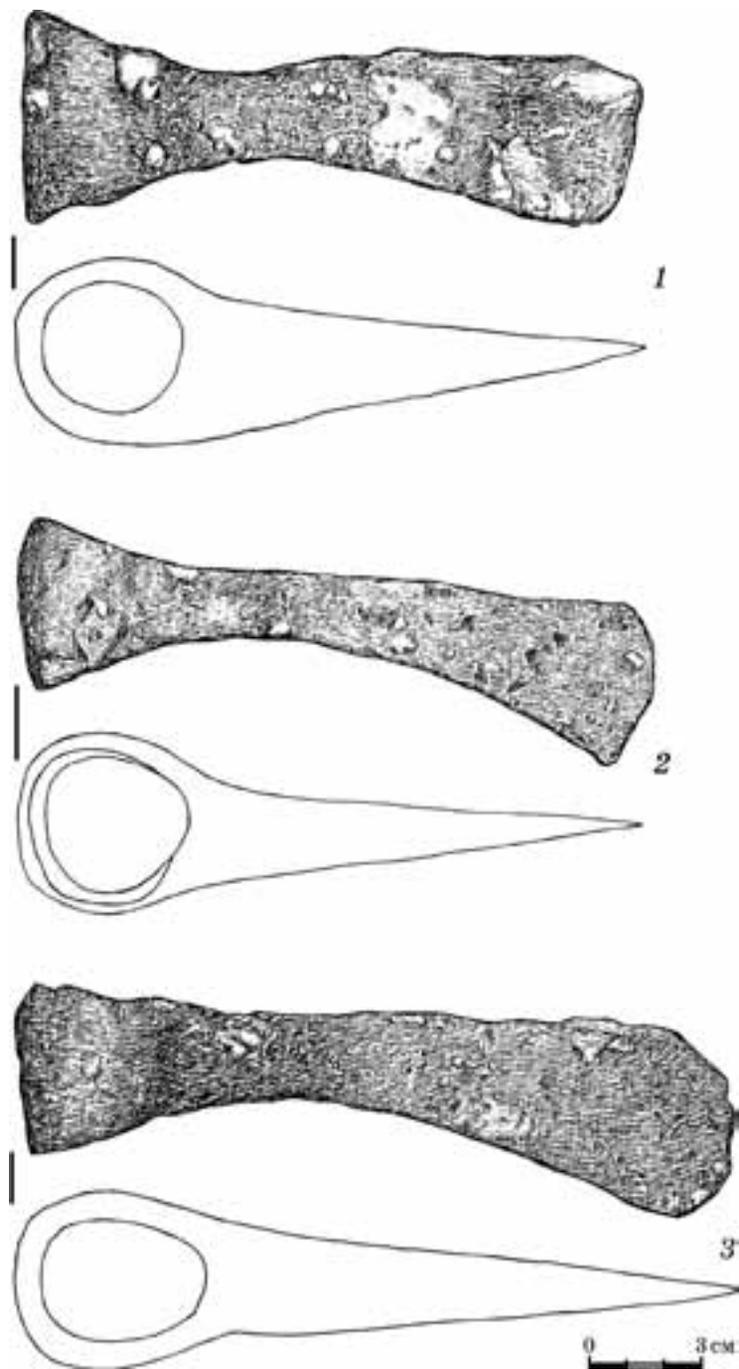

Рис. 19. Проушные узколезвийные топоры из могильника Кораблино, мыс 2 (Среднее Поочье).

1 — погр. 43 (тип 2А2), 2 — погр. 45 (тип 2В2), 3 — погр. 63 (тип 2В2). Раскопки И. В. Белоцерковской.

Рисунки: 1 — И. В. Белоцерковской, 2—3 — И. Р. Ахмедова

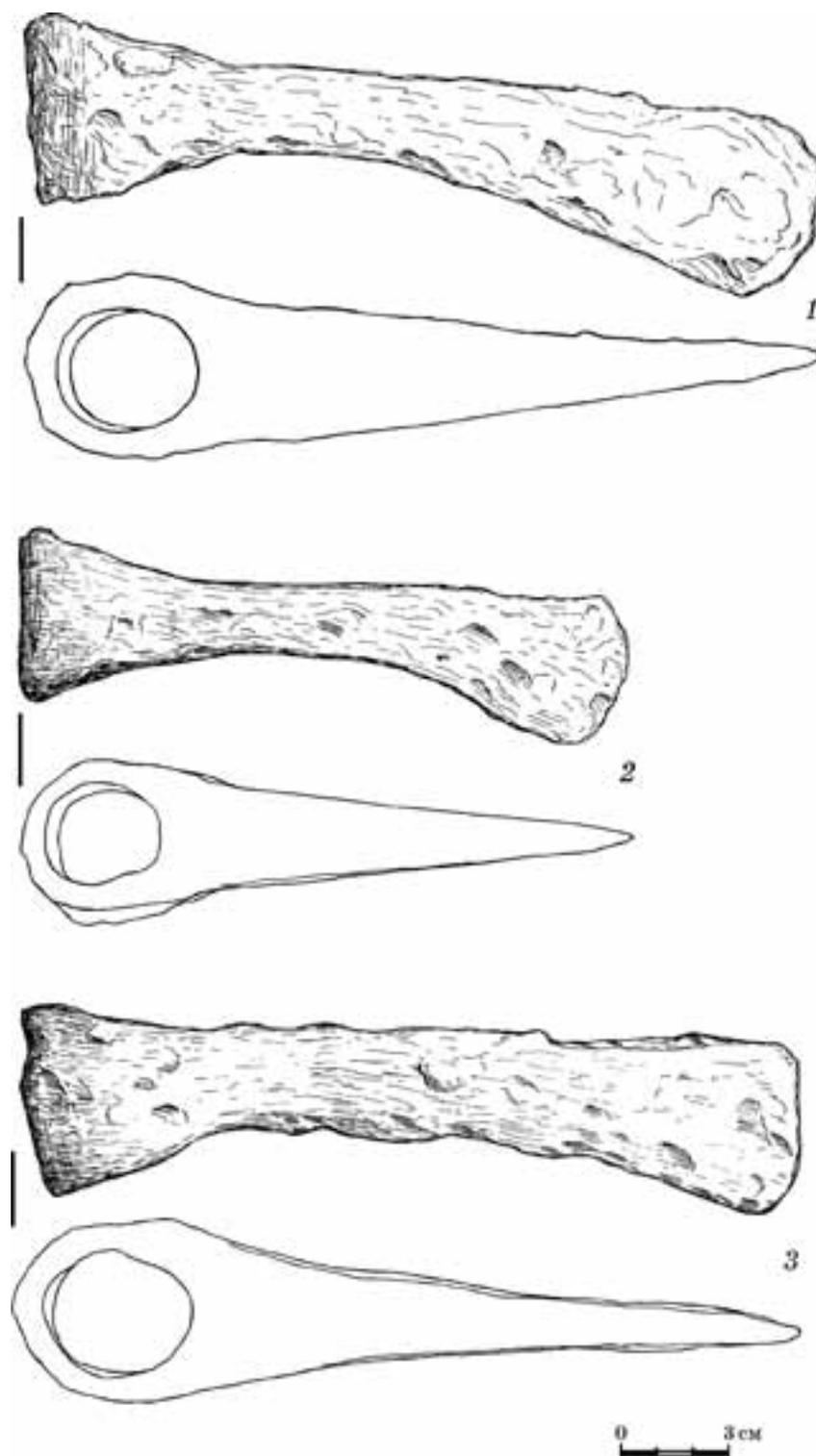

Рис. 20. Проушные узколезвийные топоры из могильника Кораблино, мыс 2 (Среднее Поочье).

1 — погр. 68 (тип 2В1), 2 — погр. 71 (тип 2Б2), 3 — погр. 79 (тип 2В1).

Раскопки И. В. Белоцерковской.

Рисунки И. Р. Ахмедова

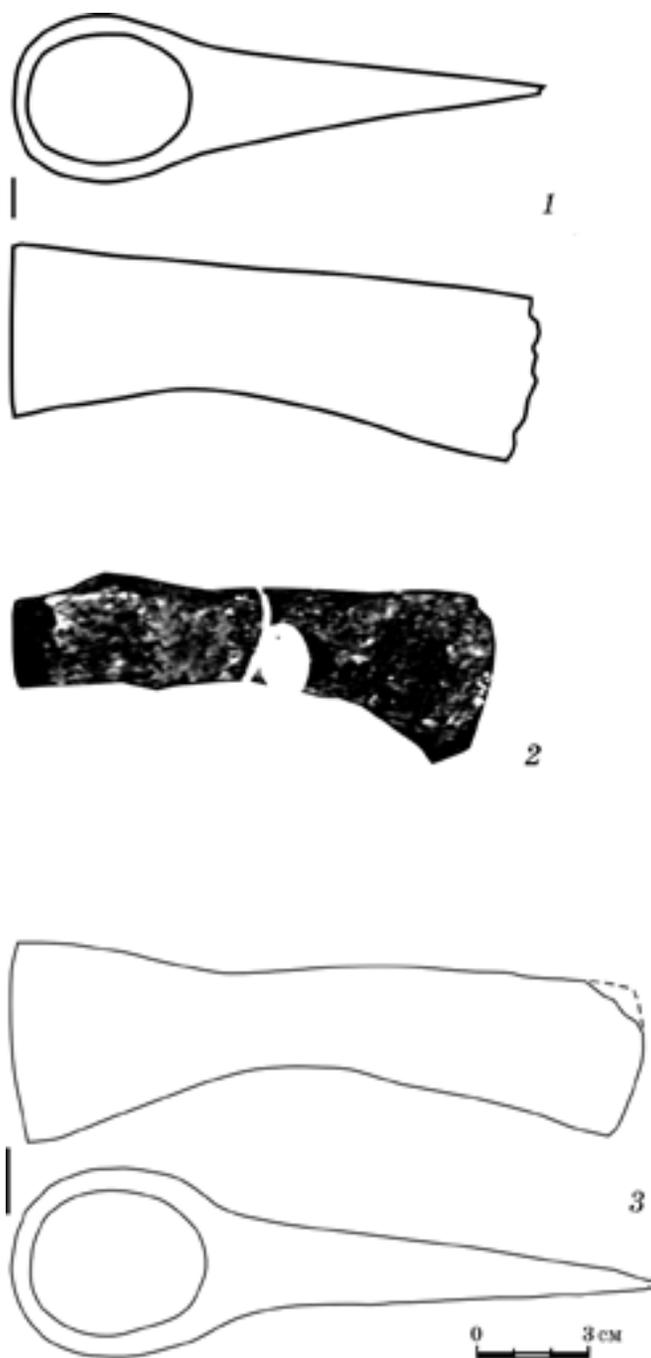

Рис. 21. Проушные узколезвийные топоры из могильника Кошибеево (Среднее Поочье).

1 — погр. 39 (тип 1А), 2 — погр. 78 (тип 5А), 3 — погр. 87 (тип 1Б).

Раскопки А. А. Спицына

1, 3 — рисунки В. Н. Шитова; 2 — фотография с каталожной карточки ГИМ

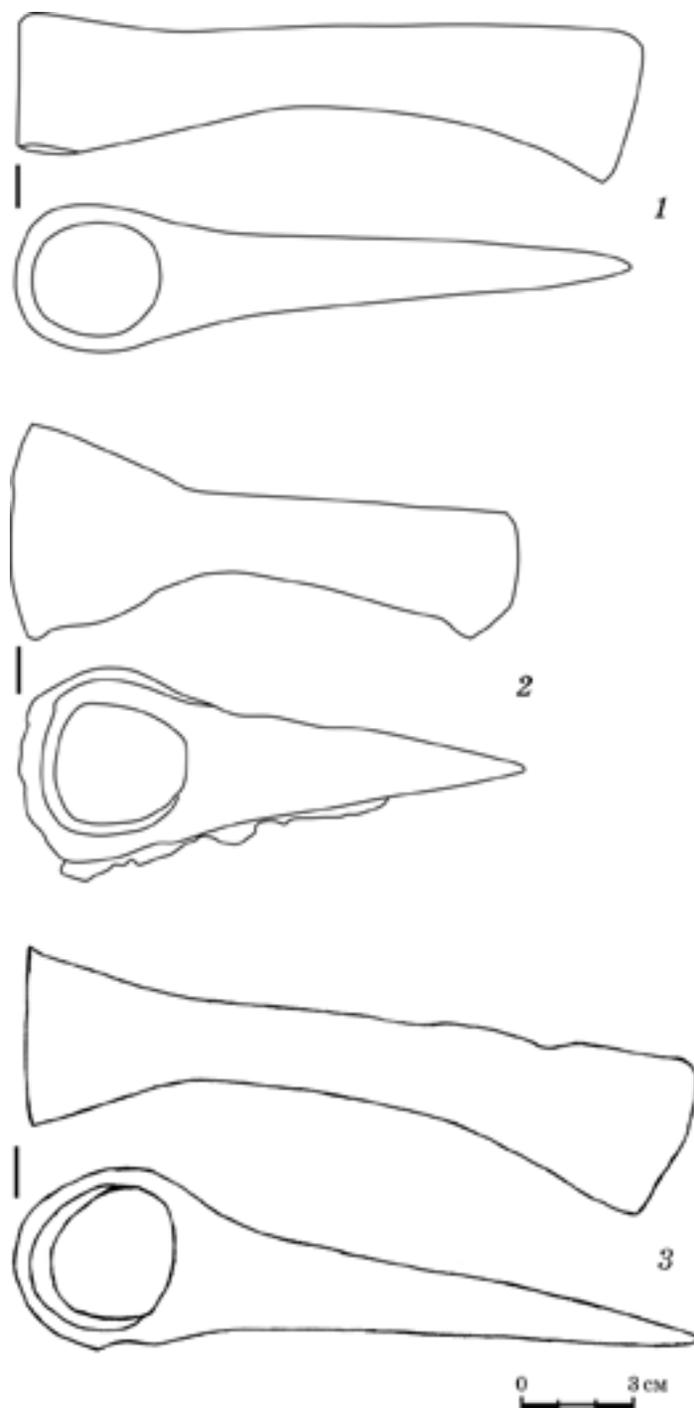

Рис. 22. Проушные узколезвийные топоры из могильника из могильника Шатрищи (Среднее Поочье).

1 — погр. 66, раскопки Т.А. Кравченко (тип 2А2), 2 — погр. 197, раскопки Т.А. Кравченко (тип 4Б), 3 — погр. 45, раскопки П.П. Ефименко (тип 2В2).

Рисунки: 1 — по: Кравченко, 1974. Рис. 20: 9, 2 — И. Р. Ахмедова, 3 — А. В. Коряка

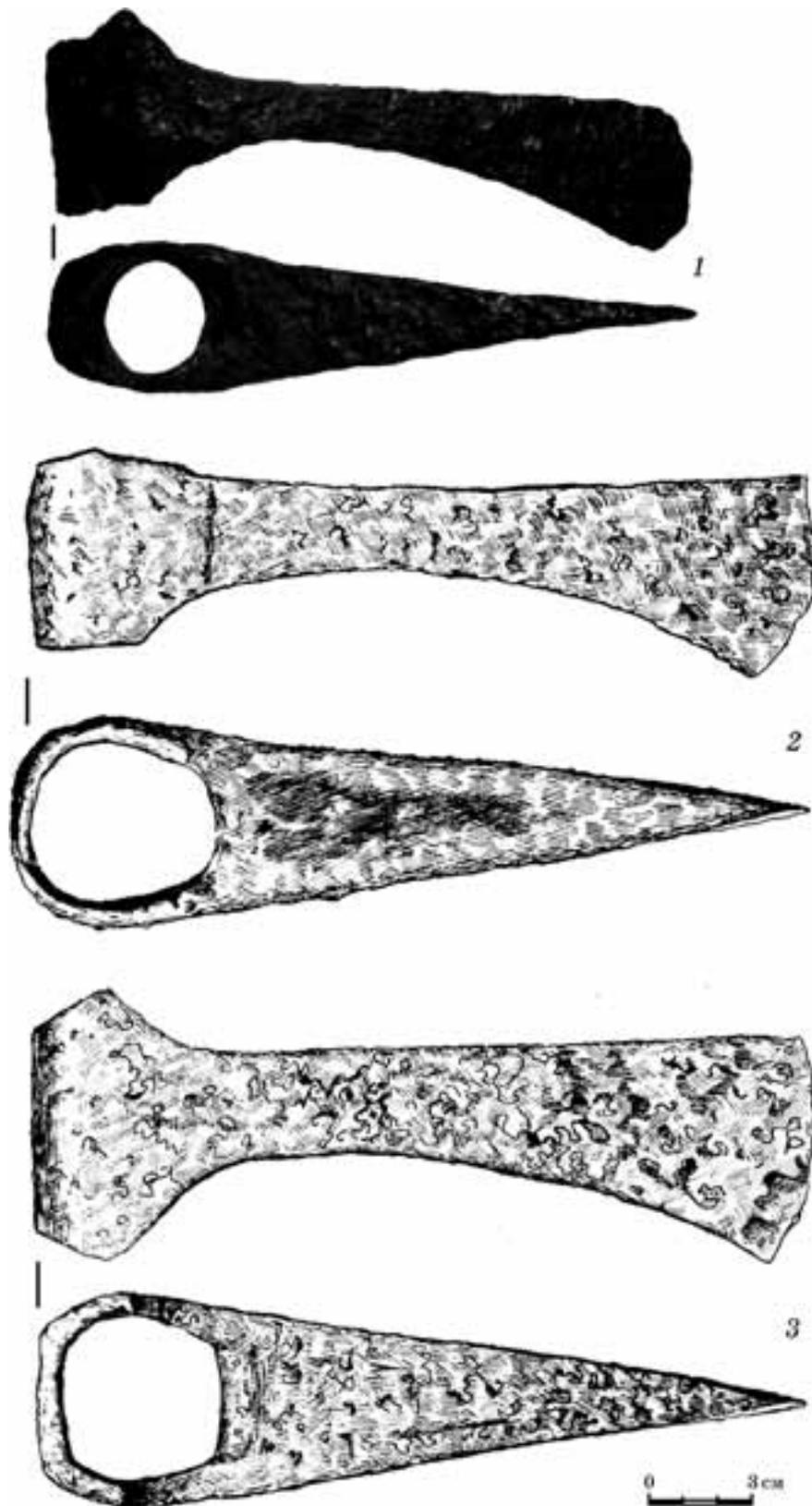

Рис. 23. Проушные узколезвийные топоры из Волго-Окского междуречья (1) и Среднего Поволжья (2, 3).

1 — могильник Большое Давыдовское II, погр. 3—4, раскопки Н. А. Макарова (тип 3А1); 2—3 — городище Лбище, раскопки Г. И. Матвеевой (тип 3А2).

1 — фотография, предоставленная Н. А. Макаровым, 2—3 — по: Матвеева, 2003. Рис. 22: 2, 3

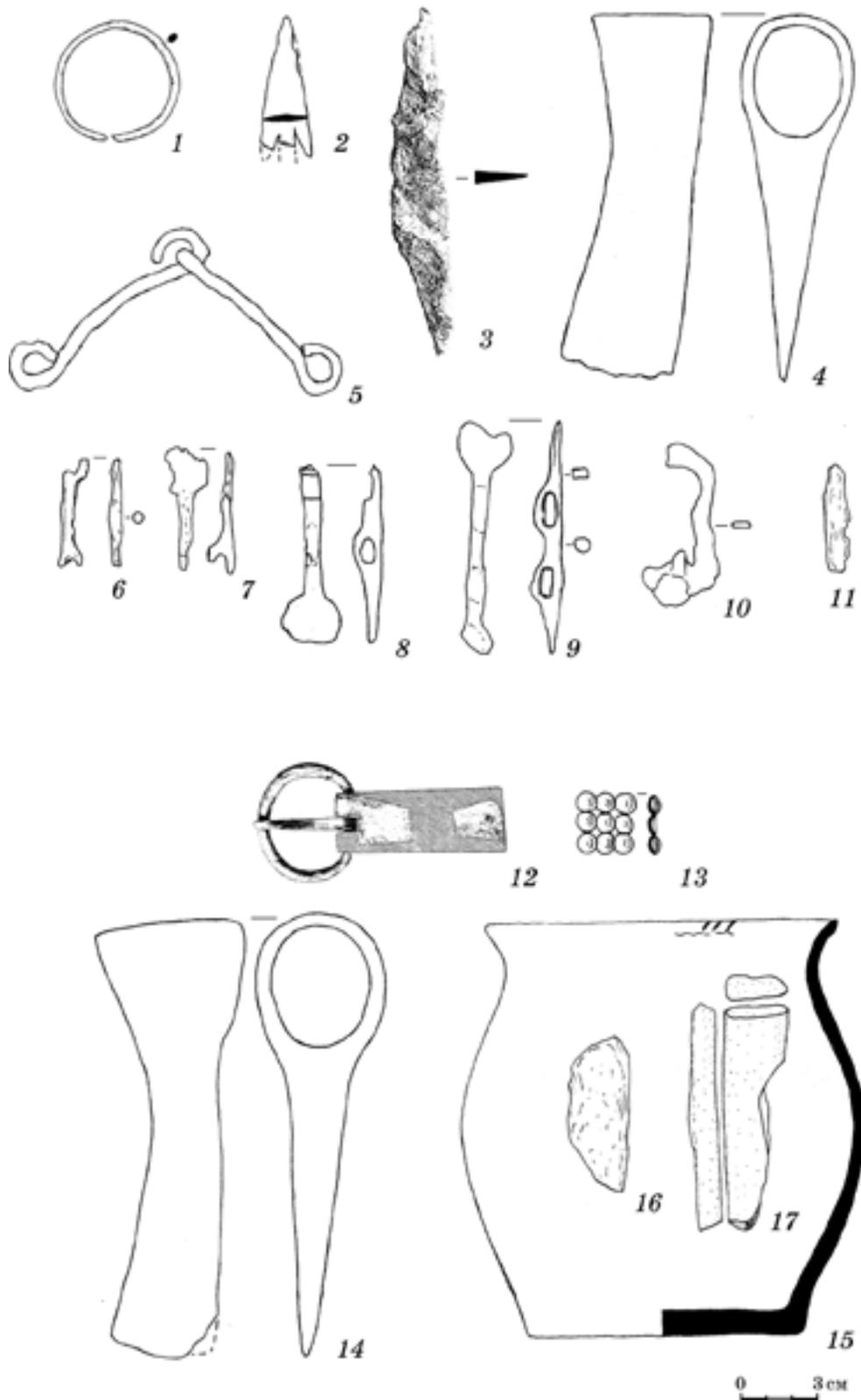

Рис. 24. Находки из комплексов с проушными топорами типов 1А и 1Б на могильнике Кошибеево.

1–11 — погр. 39 (с топором типа 1А), 12–17 — погр. 87 (с топором типа 1Б). Раскопки А. А. Спицына.

1–2, 4–11, 15 — рисунки В. Н. Шитова; 3, 12 — по: Спицын, 1901. Табл. VII: 7; XI: 18, 13, 16–17 — рисунки И. Р. Ахмедова

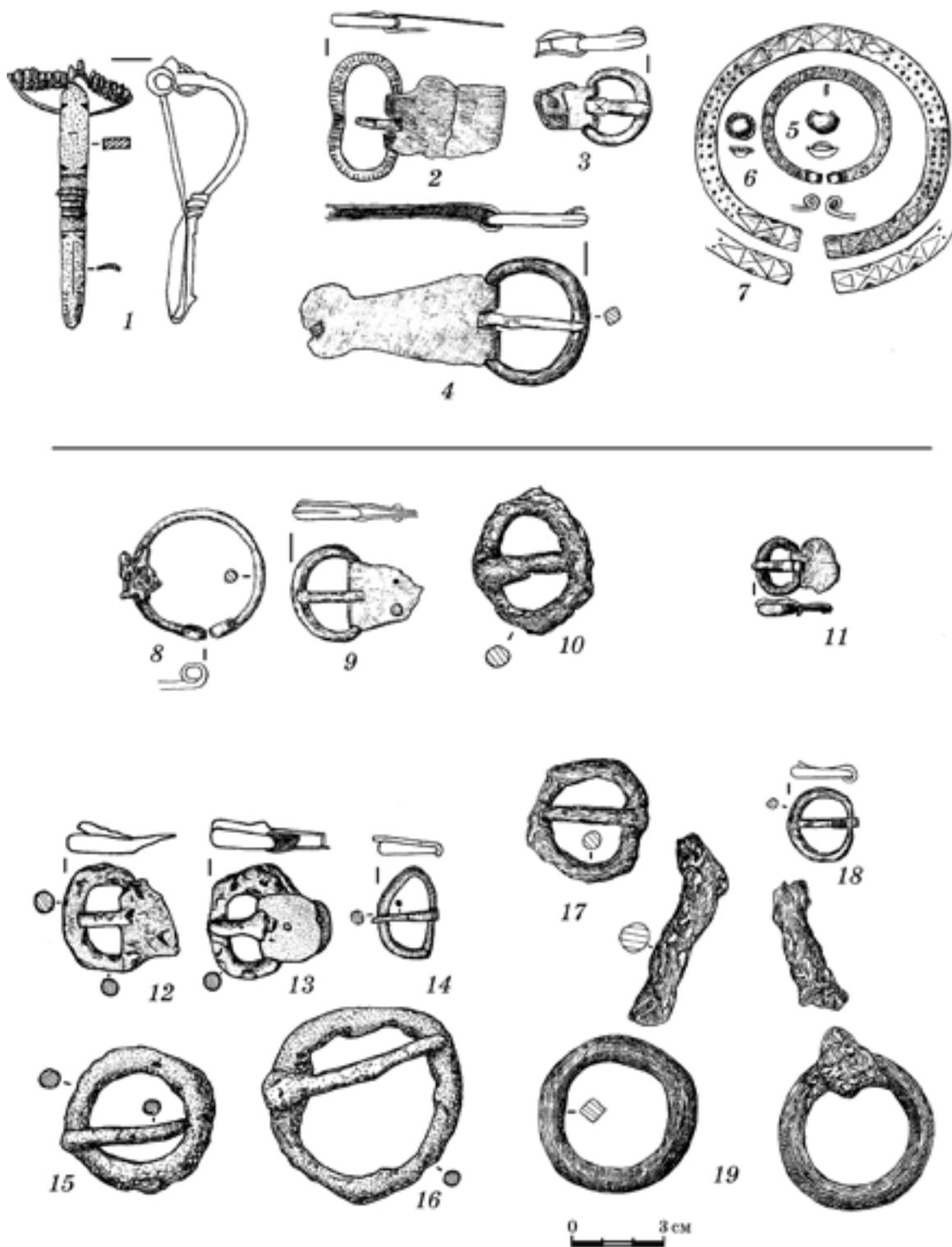

Рис. 25. Находки из комплексов с проушными топорами типов 2А1 (1—7) и 2А2 (8—19) на рязано-окских могильниках.

1 — Заречье 4, погр. 128; 2—7 — Кораблино, погр. 9 (мыс 2); 8—10 — Кораблино, погр. 43 (мыс 2); 11 — Кораблино, погр. 20 (мыс 2); 12—16 — Заречье 4, погр. 197; 17—19 — Кораблино, погр. 30 (мыс 2).

Рисунки И. В. Белоцерковской и И. Р. Ахмедова

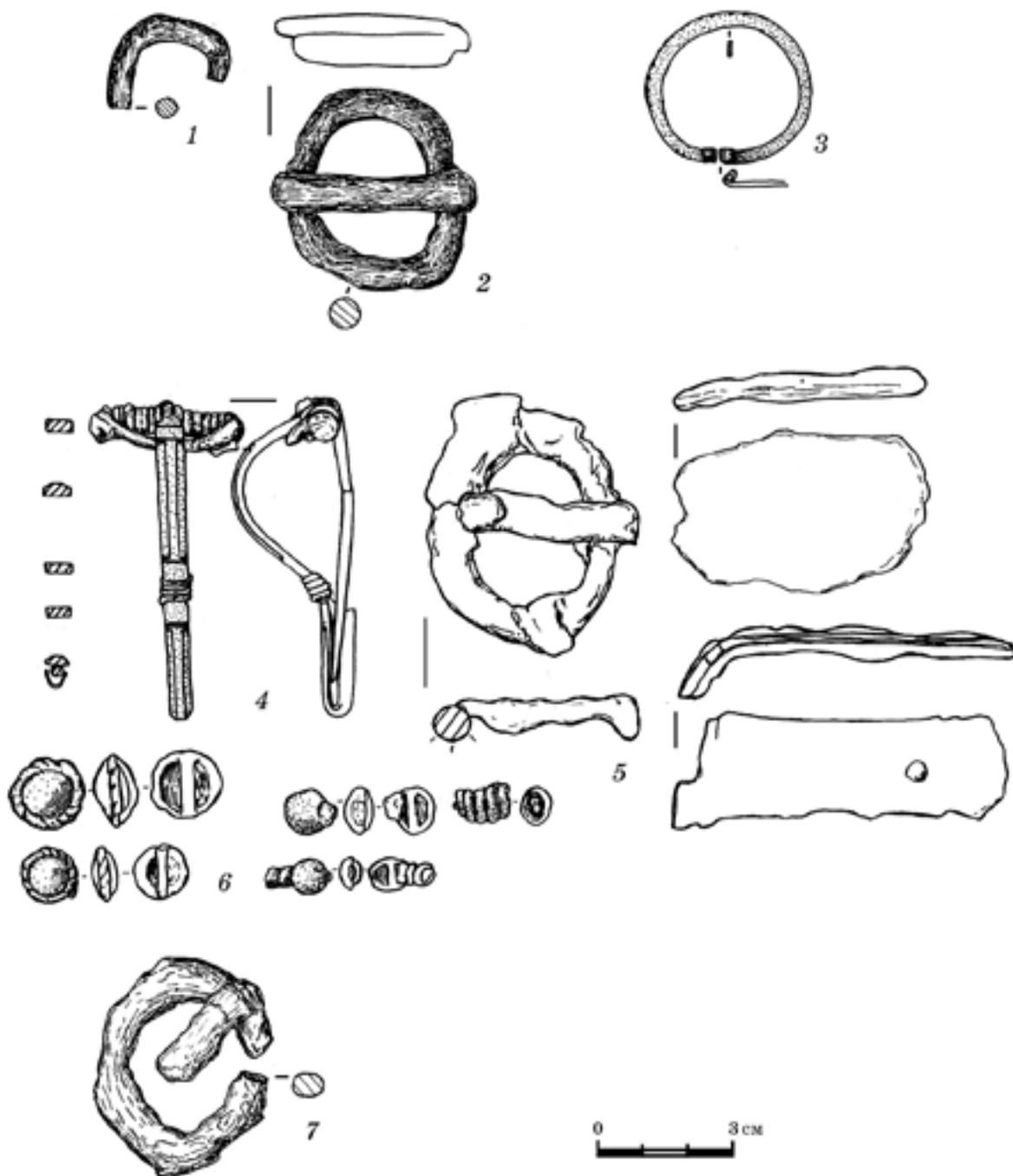

Рис. 26. Находки из комплексов с проушными топорами типов 2Б1 (1—6) и 2Б2 (7) на рязанско-окских могильниках.

1, 2 — Кораблино, погр. 31(мыс 2), 3 — Заречье 4, погр. 225, 4—6 — Заречье 4, погр. 113в, 7 — Кораблино, погр. 71 (мыс 2).

Рисунки: 1—3 — И. В. Белоцерковской, 4—7 — И. Р. Ахмедова

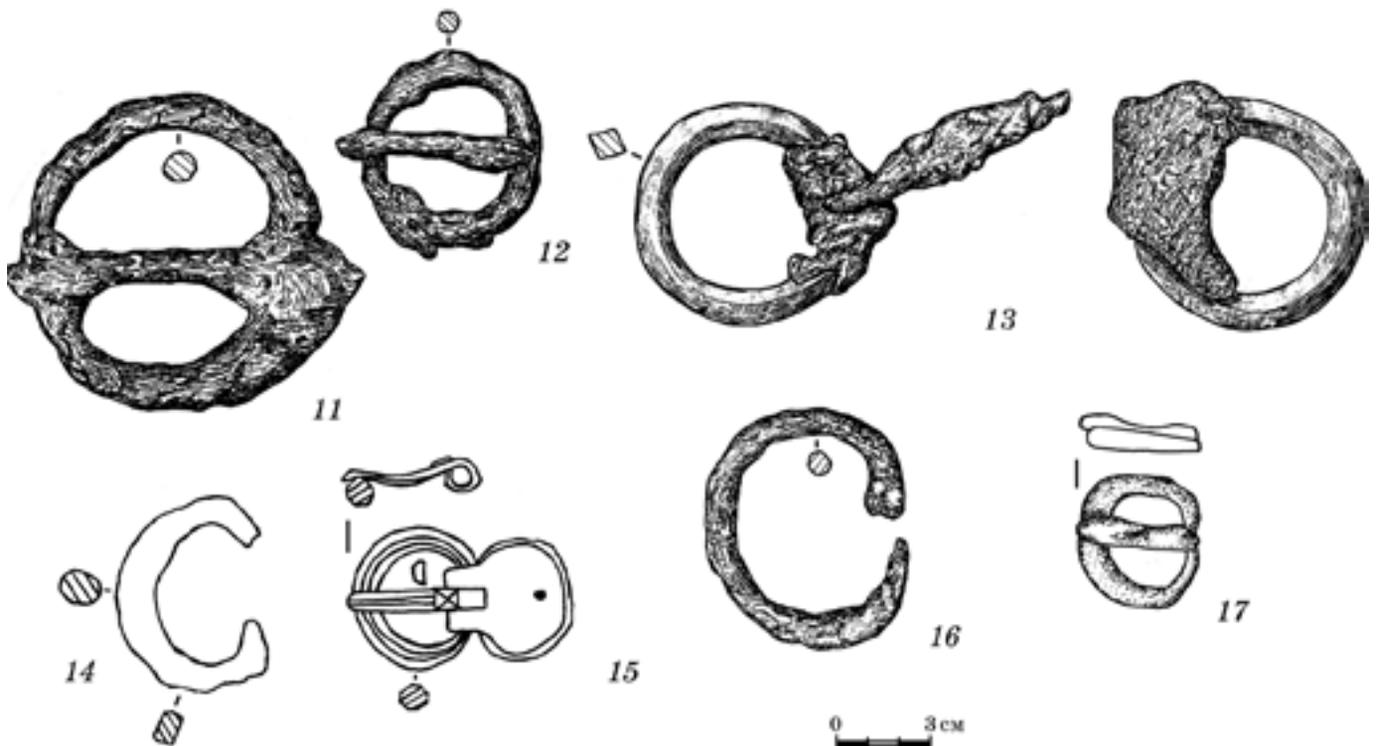
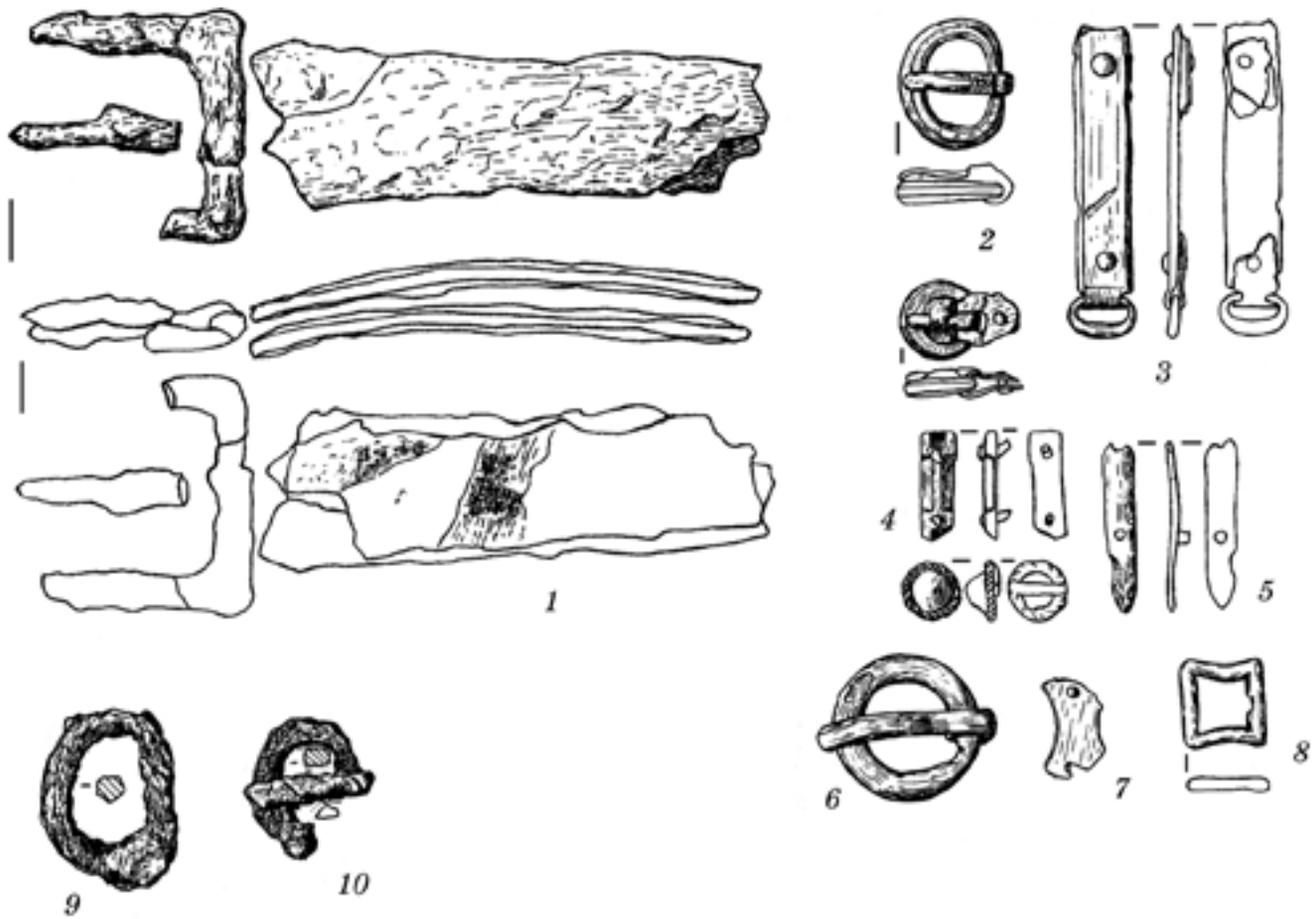

Рис. 27. Находки из комплексов с проушными топорами типов 2В1 (1—10) и 2В2 (11—17) на рязано-окских могильниках.

1 — Кораблино, погр. 68 (мыс 2); 2—8 — Кораблино, погр. 79 (мыс 2); 9—10 — Кораблино, погр. 16 (мыс 2); 11—13 — Кораблино, погр. 63 (мыс 2); 14—15 — Шатрицы (раскопки П. П. Ефименко), погр. 45; 16 — Кораблино, погр. 45 (мыс 2); 17 — Заречье 4, погр. 228.

14—15 — рисунки А. В. Корьяка, остальные рисунки И. В. Белоцерковской и И. Р. Ахмедова

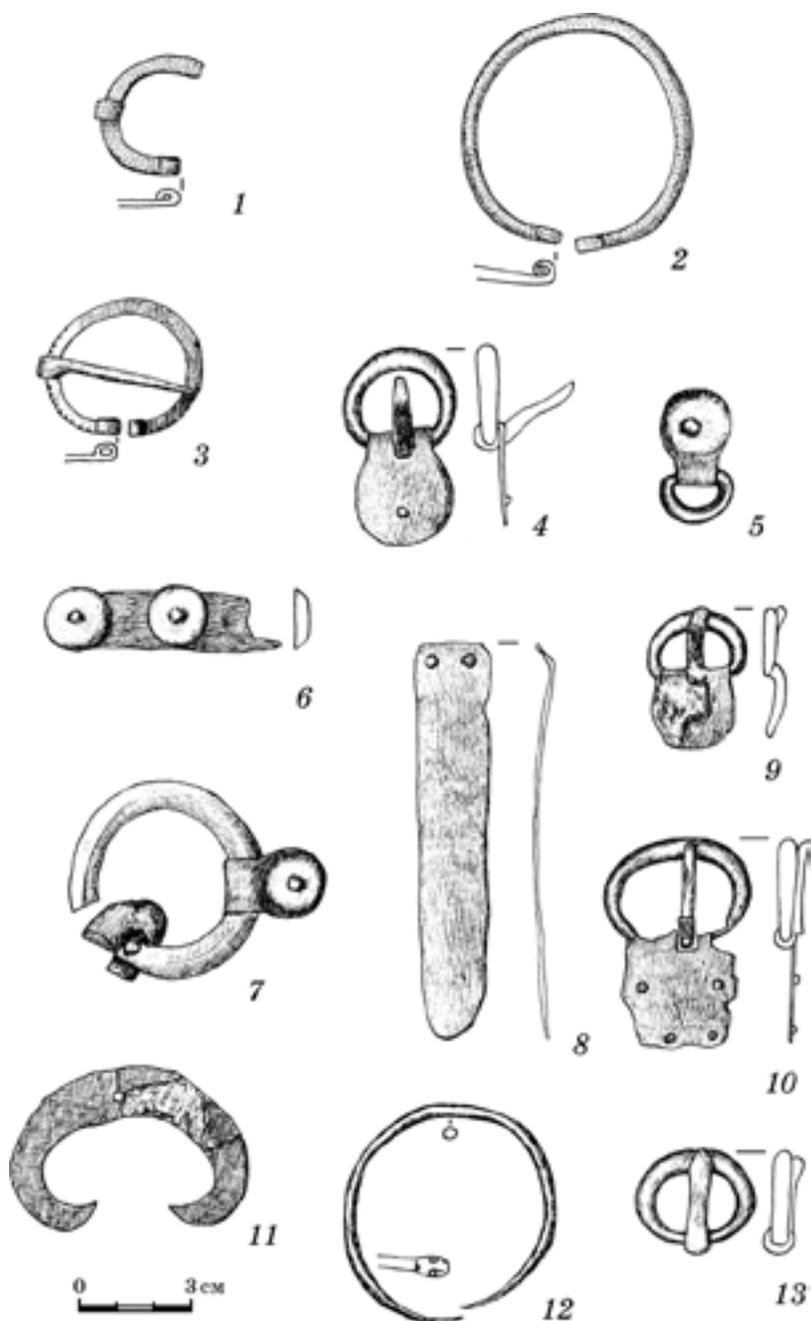

Рис. 28. Находки из комплексов с проушными топорами типа ЗА1 на могильнике Заречье 4.

1, 2 — погр. 159; 3—12 — погр. 24; 13 — погр. 19.

Рисунки И. В. Белоцерковской

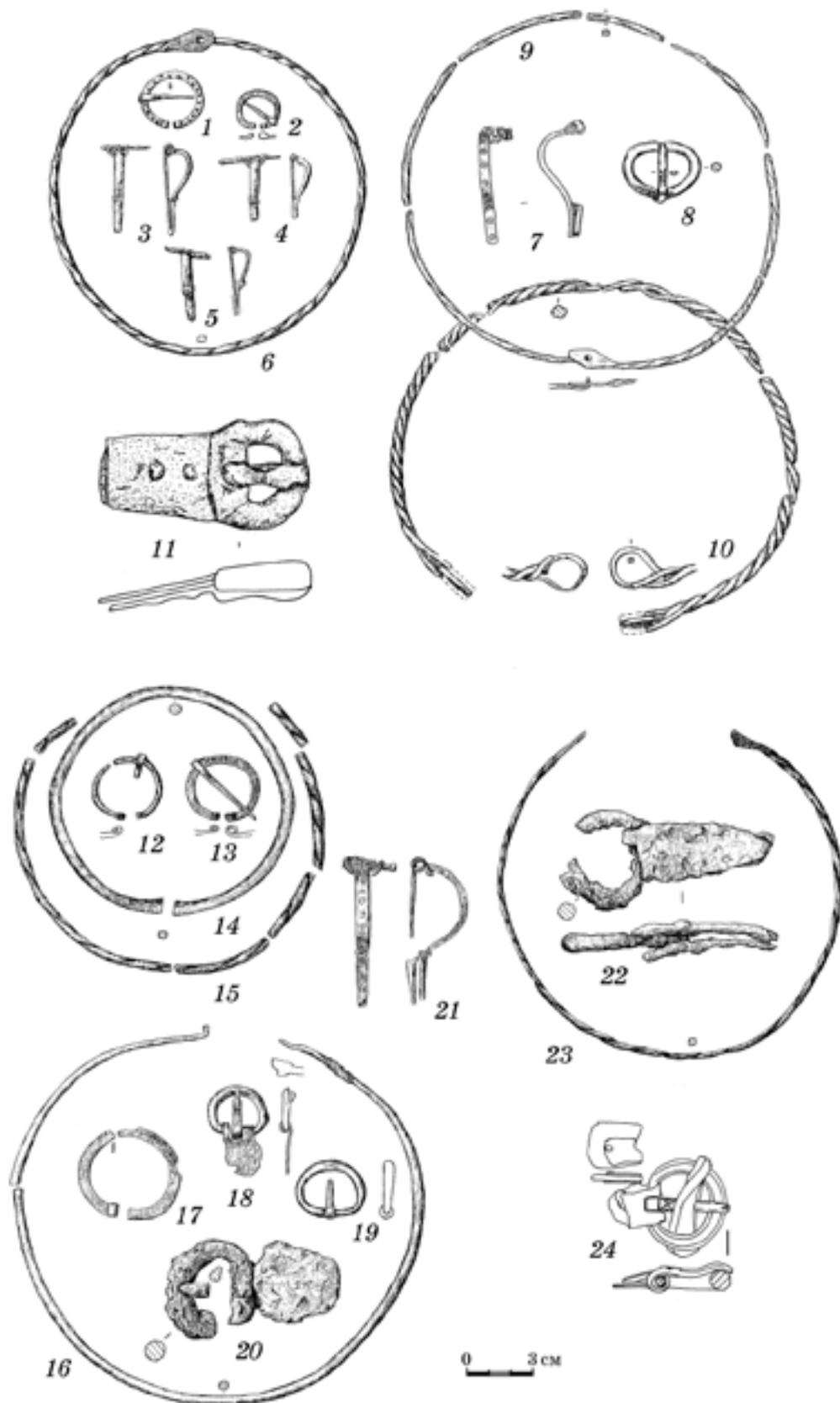

Рис. 29. Находки из комплексов с проушными топорами типов 4А (1—11) и 4Б (12—24) на рязано-окских могильниках.

1—6 — Кораблино, погр. 59 (мыс 1); 7—10 — Кораблино, погр. 1 (мыс 1); 11 — Заречье 4, погр. 226; 12—21 — Кораблино, погр. 80 (мыс 1); 21—23 — Кораблино, погр. 88 (мыс 1); 24 — Шатрищи, погр. 197.

Рисунки И. В. Белоцерковской и И. Р. Ахмедова

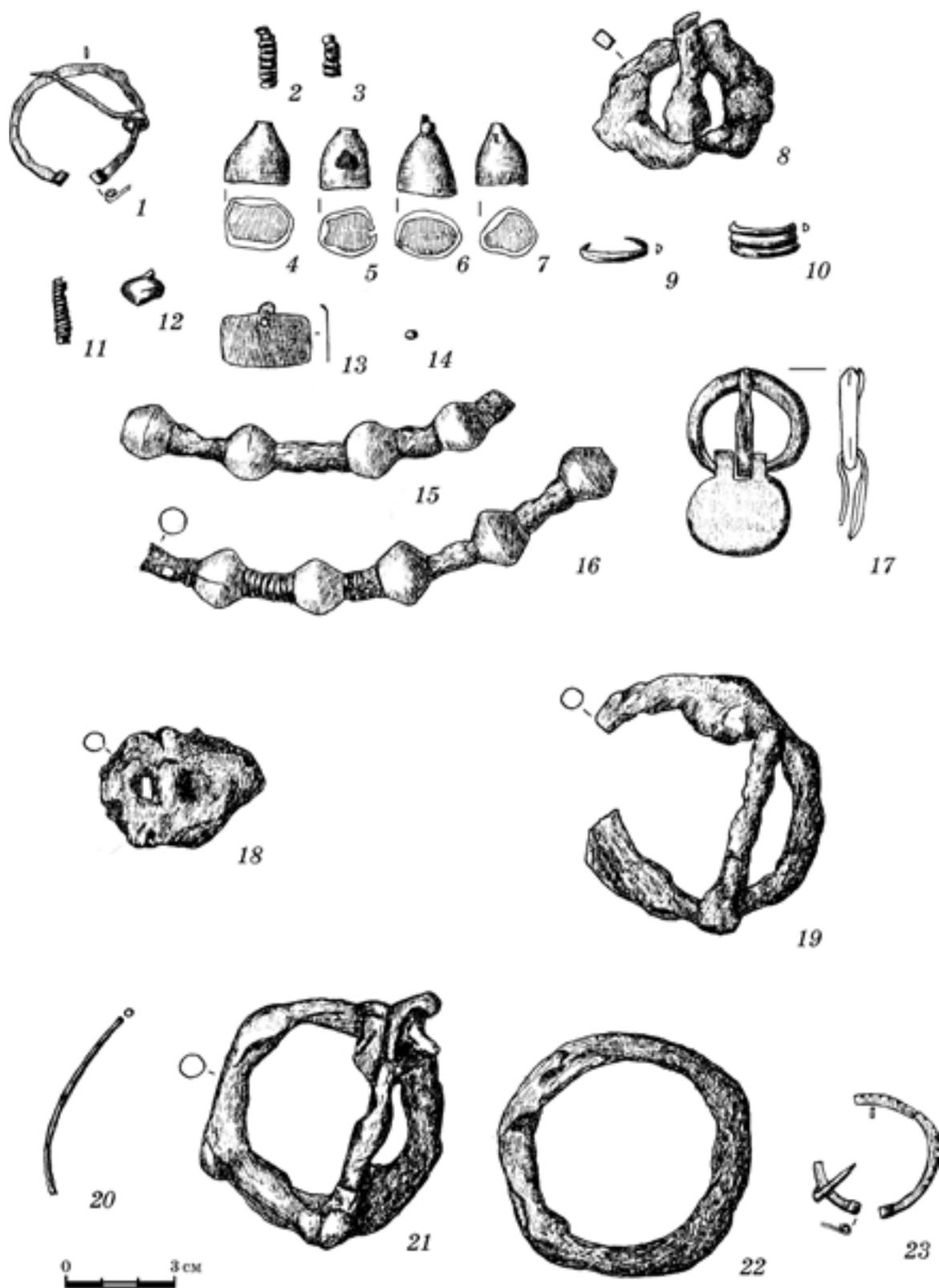

Рис. 30. Находки из погребения 11 могильника Заречье 4, в котором был найден топор типа 5А.
Рисунки И. В. Белоцерковской

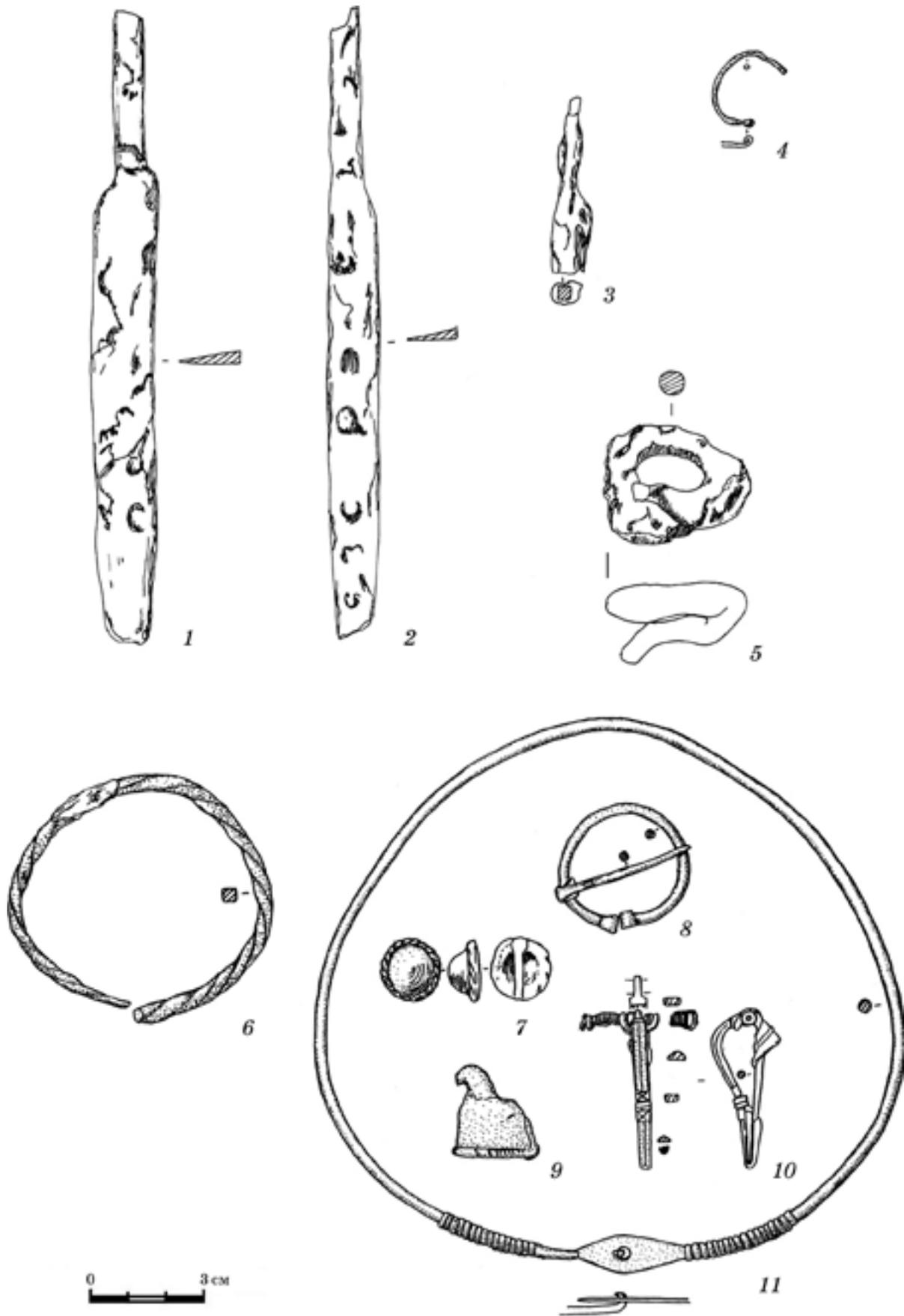

Рис. 31. Находки из комплексов с проушными топорами типа 6А (1—5) и 6В (6—11) на могильнике Заречье 4.

1—5 — погр. 189; 6—11 — погр. 85.

Рисунки И. В. Белоцерковской и И. Р. Ахмедова

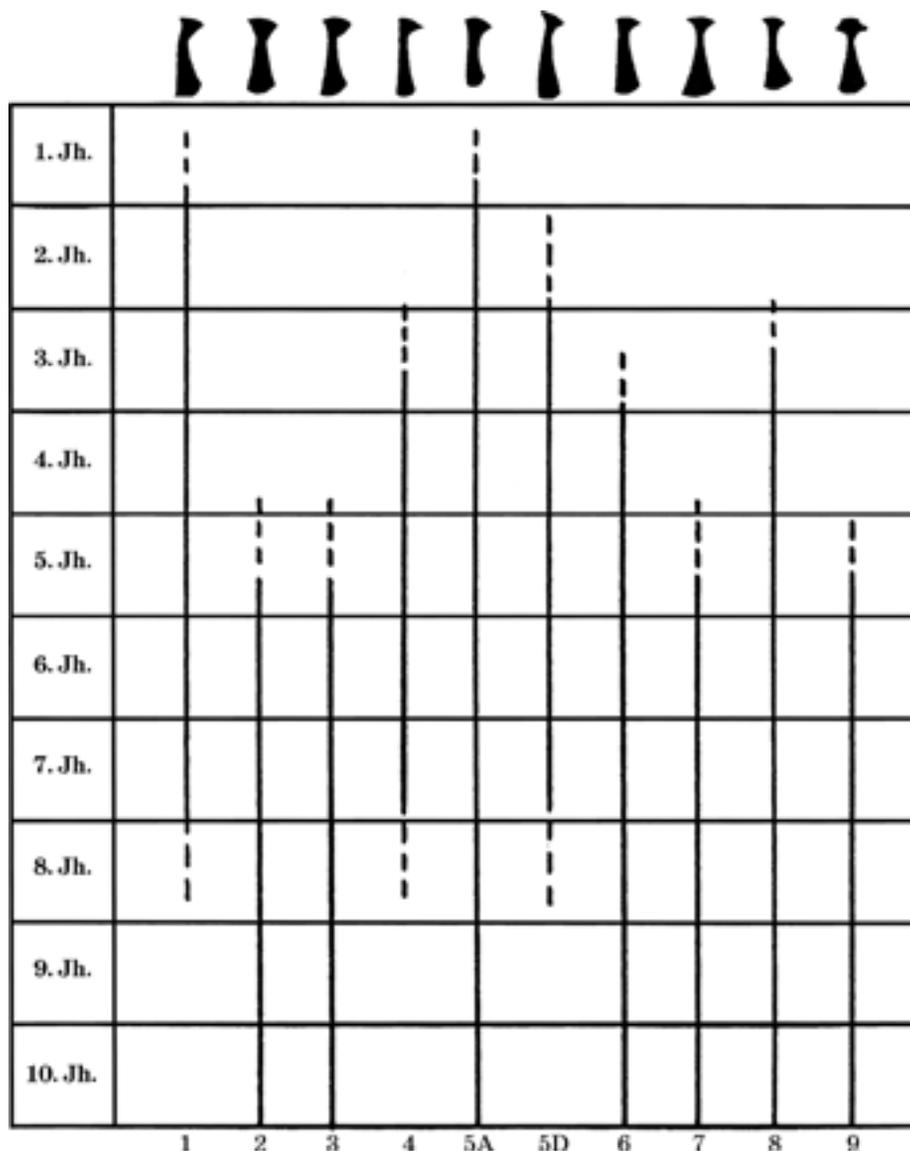

Рис. 32. Типология и хронология узколезвийных проушных топоров, найденных на территории Литвы.
 По: Malonaitis, 2001. S.170

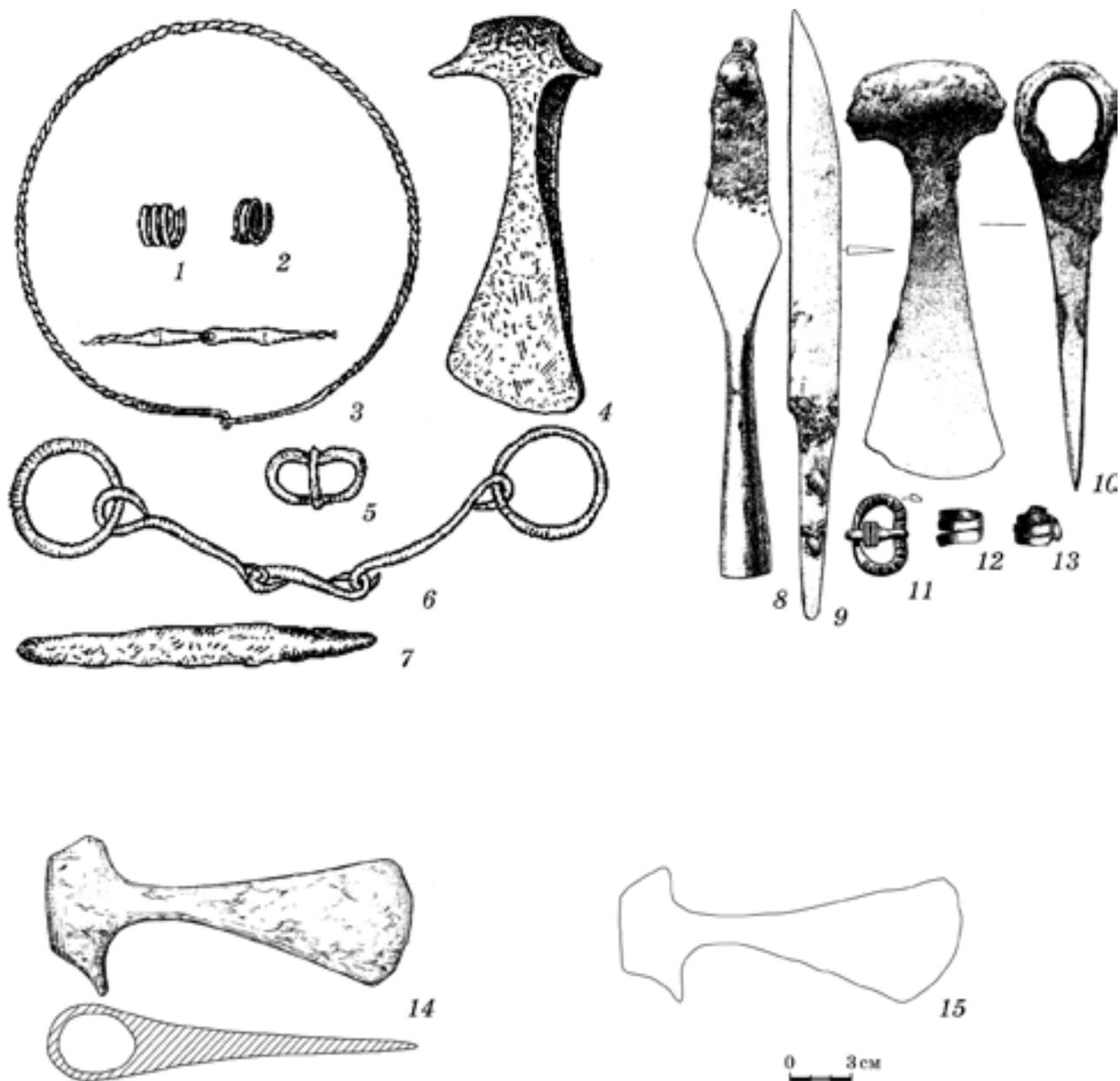

Рис. 33. Находки с территории Литвы.

1—5 — Таурапилис, курган 6 (по: Казакиявичус, 1982. Рис. 3); 8—13 — Скерсабалю, курган 5, погребение 3 (по: Šimėnas, 1998. P.16); 14 — Жвирбляй, с площадки могильника (по: Iwanowska, 2006. Т. CXVI: 4); 15 — Цегельня, курган 2 (по: Казакиявичус, 1988. Рис. 31: 5)

Таблица 1. Основные размеры и признаки узколезвийных проушных топоров римского времени и эпохи Великого переселения народов, найденных на территории Верхнего и Среднего Поочья

№	Памятник, комплекс	Р 1 (см)	Р 2 (см)	Р 3 (см)	Р 4 (см)	Р 5 (см)	У 1	У 2	У 3	Вид клина	Разновидность проушины	Рисунок
Тип 1А												
1	Городище	15,9	3,9	4,5	3,5	4,9	91°	105°	98°	2а	1	4:1
2	Кошибеево, 39	14	4,3	4,5	3,3	4,4	87°	105°	96°	2а	3	21:1
Тип 1Б												
3	Кошибеево, 87	16,5	4	5,5	2,3	5	88°	103°	95—96°	2а	3	21:3
Тип 2А1												
4	Заречье 4, 128	21,8	5,2	5,2	2,7	5	85°	99°	92°	2б	3	14:2
5	Кораблино, (2)9	21,8	5	4,6	2,2	4,7	85°	99°	92°	2б	2	17:1
6	Кораблино, (2)18	22,4	5,3	4,4	2,3	5	83°	98°	90—91°	2б	2	17:3
7	Харино, 616	20,7	4,3	3,6	2,9	3,7	82°	94°	88°	2б	2	5:1
8	Харино, 617	20,1	4,2	3,8	2,6	4,0	86°	98°	91—92°	2б	2	4:3
9	Харино, 625	22	4,8	3,9	2,9	3,7	83°	96—97°	90°	2б	2	9:3
Тип 2А2												
10	Заречье 4, 197	16,8	4,5	5	2	4,6	80°	97°	88—89°	2б	2	15:1
11	Кораблино, (2)20	17	4,6	5,4	2,5	4,9	86°	103°	94°	2б	2	17:4
12	Кораблино, (2)30	19,1	5,2	4,7	2,3	4,2	85°	103°	92°	2б	3	18:2
13	Кораблино, (2)43	16,5	4,5	5,6	2,4	4,9	84°	101°	92—93°	2б	1	19:1
14	Харино, 622	18,7	4,2	3,9	2,5	3,4	85°	99°	91—92°	2б	2	7:3
15	Харино, 628	18,7	4,2	4,3	2,5	3,5	86°	100°	93°	2б	2	7:4
16	Шатрищи (К), 66	16,7	4,1	3,8	2	4	85°	99°	92°	2б	3	22:1
Тип 2Б1												
17	Заречье 4, 113в	23,8	5,3	5,6	3	5,3	88°	102°	100°	2б	2	14:1
18	Заречье 4, 225	20,1	4,9	4,6	2,5	4,8	89°	108°	98—99°	2б	2	15:2
19	Кораблино, (2)31	22,4	5,4	5,8	2,4	4,3	88°	102°	100°	2б	2	18:3
20	Харино, 611	21,5	4,2	3,8	2,8	3,6	88—89°	101—102°	95°	2б	2	9:1
21	Харино, 619	20,4	3,9	3,8	2,6	4,0	90°	101°	96°	2б	2	8:2
Тип 2Б2												
22	Кораблино, (2)71	17	4,1	4,8	2	4,6	88°	103°	95—96°	2б	3	20:2
23	Харино, 612	17,8	4,3	4	2,7	3,5	88°	101—102°	95°	2б	2	5:3
24	Харино, 614	17,4	4,2	4	2,6	3,5	88°	102°	95°	2б	2	8:1
25	Харино, 618	18,4	3,8	3,8	2,9	3,7	90°	102°	96°	2б	2	6:1
26	Харино, 621	19,3	4,2	3,4	2,8	3,5	88°	101°	95°	2б	2	6:3
27	Харино, 627	18,4	4,3	4,1	2,6	3,4	87°	101°	95°	2б	2	7:2
Тип 2В1												
28	Кораблино, (2)16	21	4,9	5,2	2,5	5,7	92°	107°	99—100°	2б	3	17:2
29	Кораблино, (2)22	20,9	4,4	5,8	2,4	5	94°	108°	101°	2б	2	18:1
30	Кораблино, (2)68	22,5	5,1	5,2	2,4	5	94°	109°	101—102°	2б	3	20:1
31	Кораблино, (2)79	21,7	4,8	5,3	3	5,1	94°	108°	101°	2б	2	20:3
32	Харино, 613	20,4	4,3	3,9	3	3,9	95°	106—107°	100—101°	2б	2	5:2
33	Харино, 615	20	4,5	3,5	2,8	3,6	91°	105°	97°	2б	2	9:2
34	Харино, 624	20	4,1	3,7	2,6	3,3	93—94°	106°	100°	2б	2	6:4
Тип 2В2												
35	Заречье 4, 228	19	3,7	5,8	2,2	3,8	92°	104°	98°	2б	2	15:4
36	Кораблино, (2)45	17,4	4,4	4,6	1,9	4,8	90°	106°	98°	2б	2	19:2
37	Кораблино, (2)63	19,3	5	4,6	2,2	4,8	93°	107°	100°	2б	2	19:3
38	Харино, 584	19	4,1	3,6	2,8	3,9	90°	103°	98°	2б	3	8:3

Продолжение таблицы 1

№	Памятник, комплекс	Р 1 (см)	Р 2 (см)	Р 3 (см)	Р 4 (см)	Р 5 (см)	У 1	У 2	У 3	Вид клина	Разновидность проушины	Рисунок
39	Харино, 620	18,8	4	3,5	2,5	3,4	97°	109°	102—103°	26	2	6:2
40	Харино, 626	18,3	4,4	3,8	2,8	3,2	93—94°	107—108°	100°	26	3	7:1
41	Шатрищи (Е), 45	18,2	4,3	4,6	2	4,9	92°	106°	99°	26	3	22:3
Тип 3А1												
42	Б. Давыдовский	17,1	4	5,6	1,6	4,2	92°	106°	99°	1	1	23:1
43	Воротынский, 42(1)	22,7	5,2	7,4	2,0	5,5	93°	106—107°	99°	1	1	11:1
44	Воротынский, 42(2)	21,4	4,7	6,9	1,9	5,0	90°	103°	97°	1	1	11:2
45	Воротынский, 42(3)	18,4	4,2	7,2	1,8	4,9	88°	101—102°	95°	1	1	11:3
46	Заречье 4, 19	14,8	4	5,9	1,8	5,3	84°	102°	93°	1	1	13:2
47	Заречье 4, 24	16,1	4,4	6,9	2,1	5,8	84°	102°	93°	1	1	13:3
48	Заречье 4, 159	20,4	4,6	5,9	1,8	4,8	86°	100°	93°	1	1	14:3
49	Щепилово, 3	18,9	3,8	5,0	1,1	4,1	88—89°	100°	94°	1	1	10:1
Тип 3А2												
50	Мощино (Б), 156	20,9	5,5	4,7	3,0	5,9	90°	104—105°	97°	1	1	12:1
Тип 3А3												
51	Мощино (Б), 155	18,7	5	5,7	2,9	5,5	91°	106°	98—99°	26	1	12:2
Тип 3Б1												
52	Калуга, случ.	17	5,6	3,8	1,9	5,0	84°	103°	93—94°	26	2	10:3
Тип 3Б2												
53	Мощино (Б), 154	25	7,4	5,2	2,7	4,8	86°	104°	95°	3	2	12:3
Тип 4А												
54	Заречье 4, 226	17,8	4,6	6,4	1,8	5,9	84°	101°	92—93°	1	3	15:3
55	Кораблино, (1)1	16	3,8	6,6	1,8	4,4	82°	98°	87°	1	1	16:1
56	Кораблино, (1)59	21,7	4,4	5,4	2	5,7	93°	106°	99—100°	1	3	16:2
Тип 4Б												
57	Кораблино, (1)80	20,6	4,3	5,5	2,4	5,5	93°	106°	99—100°	1	1	16:3
58	Кораблино, (1)88	17,2	4,4	5,7	2	5,3	85°	101°	93°	1	1	16:4
59	Шатрищи (К), 197	13,6	3,5	5,7	2	5,2	87°	104°	96—97°	1	2	22:2
Тип 5Б												
60	Заречье 4, 11	13,4	4,9	4	2,8	3,8	84°	106°	95°	1	3	13:1
Тип 6А												
61	Заречье 4, 189	18,5	5,3	5,4	2,6	4,8	86°	105°	95—96°	4	4	14:4
Тип 6Б												
62	Борисово	17,4	5,3	3,7	2,9	4,4	88°	106°	97°	4	4	10:2
Тип 6В												
63	Заречье 4, 85	14,5	5,6	4,7	4,6	4,6	78°	102°	90°	4	4	13:4

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ОКСКИХ ФИННОВ ГУННСКОГО И ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ

Вводные замечания

Изучение традиционного женского костюма предоставляет большие возможности для реконструкции и осмысления разнообразных культурных процессов древности — от генезиса и поэтапного развития археологических культур до направления и интенсивности межкультурных контактов, динамики и особенности социального развития древних обществ.

Под термином «женский костюм», или «убор», в археологии в настоящее время подразумевается весь комплекс археологических признаков, характеризующих традиционный костюм: элементы и конструктивные детали, скреплявшие, дополнявшие и украшавшие головной убор, одежду и обувь, а также при наличии информации — типы, покрой, цвет костюма, виды причесок и т.д. [Мастыкова, 2007. С. 11—13].

Предваряя анализ имеющихся данных, следует заметить, что за редким исключением в рассматриваемых в данной статье комплексах из рязано-окских могильников ни материал, ни покрой одежды, головных или обувных уборов не прослежены. Помимо того, специфический характер основного источника — погребальный инвентарь — не позволяет реконструировать детали повседневного женского костюма, а представляет комплексы, скорее, сакрального характера, приуроченные к значимым событиям.

Как известно, структура традиционного женского костюма в Среднем Поочье полностью складывается к концу IV — началу V в. [Белоцерковская, 2007. С. 204—205] и бытует до середины VII в., т.е. финала культуры рязано-окских могильников [Ахмедов, 2010б]. Наиболее значимой частью костюма, как и у ряда других народов древности, является головной убор. Основными элементами его стали височные кольца с разными типами концевых привесок, височные подвески, головные (налобные) венчики, наконечники, затылочные кисти. Свообразие этому женскому убору придают также разные виды ожерелий, шейных гривен, нагрудных блях, украшения пояса, браслеты, нарукавные повязки, перстни, украшения обуви.

Элементы яркого женского костюма окских финнов III—VII вв. привлекают внимание исследовате-

лей начиная с первых публикаций материалов раскопок Кошибеевского, Борковского и Кузьминского могильников [Спицын, 1901]. В процессе изучения рязано-окских древностей уточнялись способы ношения, назначение, происхождение, датировка, принадлежность отдельных категорий украшений разным социовозрастным группам [Ефименко, 1926; 1975; Кравченко, 1974; Зеленев, Шитов, 1979; Шитов, 1988а; 1988б; Белоцерковская, 1998; 2001; 2003; 2007; 2010а; 2010б и др.]. В конечном итоге все это должно послужить основой для реконструкции социальной, в том числе социовозрастной, стратификации носителей культуры рязано-окских могильников. Определенная работа в этом направлении уже проделана.

Так, Т.А. Кравченко на материалах могильника Шатрище выделила группу богатых женских погребений и соответствующих типов костюмов, а один из них по этнографическим параллелям интерпретировала как девичий праздничный убор [Кравченко, 1974. Рис. 16. С. 136—140].

В.Н. Шитов при анализе планиграфии Старокадомского могильника убедительно показал принадлежность нагрудных блях с крышкой костюму замужних женщин [Зеленев, Шитов, 1979], что впоследствии подтвердилось на материалах других памятников [Белоцерковская, 2003. С. 147—148].

Данные раскопок могильников Кораблино и Заречье позволили связать со статусом замужней женщины и некоторые украшения головных уборов — затылочные кисти и наконечники классического типа с концевыми привесками разных видов на длинных парных ремешках в бронзовых спиральных пронизях, перехваченных в нескольких местах пластинчатыми прямоугольными обоями [Белоцерковская, 2001; 2003; 2007].

Р.Ф. Воронина, О.В. Зеленцова и А.В. Энговатова, публикуя 23 комплекса из раскопок могильника Никитино, констатировали принадлежность головного покрывала, парных наконечников, затылочной кисти, а также нагрудных блях с крышкой убору замужней женщины, а налобных венчиков — девичьему головному убору [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005. С. 88—91].

Материалы полностью раскопанных на современном уровне могильников Кораблино, Ники-

тино¹ и более 240 комплексов из могильника Заречье существенно расширяют возможности для дальнейших исследований. Во многих случаях, несмотря на часто неудовлетворительную сохранность органических материалов, удалось определить возраст погребенных. В связи с этим появилась возможность более точного соотнесения зафиксированных погребальных костюмов с определенными возрастными и социальными группами окских финнов.

Источниковой базой предлагаемой работы являются около 90 могильных комплексов окских финнов, принадлежавших девочкам, подросткам и девушкам, и чуть более 100 комплексов, принадлежавших взрослым женщинам, в том числе замужним. Они происходят из могильников центрального и западного вариантов культуры рязано-окских могильников — Кораблино, Заречье, Никитино и частично Кузьминского и Шатрище². Женский убор восточной группы окских финнов (могильники Курман, отчасти Старокадомский, Шокшинский) обладает определенной спецификой и должен рассматриваться отдельно.

Наряду с возрастными определениями³ косвенным основанием для отнесения комплексов к детским и подростковым является сравнительно небольшая длина могильных ям (от 75 до 150—190 см, в исключительных случаях до 200 и более см), особенно при сочетании этого признака с наличием в составе погребального инвентаря браслетов с заходящими концами (рис. 1: 10,13,14). Дело в том, что, за исключением редко встречающихся в окских памятниках спиральных многовитковых экземпляров, браслеты в уборе взрослых женщин чаще всего были с разомкнутыми, реже — со сведенными концами. В детском костюме часто использовали «взрослые» браслеты, подогнанные под руку ребенка, поэтому концы браслетов заходили друг за друга. Намного реже изготавливали очень простенькие детские браслеты небольшого диаметра из дрота сегментовидного, полуовального или подчетырехугольного сечения, с обрубленными концами, иногда украшенными насечкой. Спиральные перстни малого диаметра (до 1,2—1,3 см) также чаще всего относились к детскому убору.

Наличие в костюмном комплексе нагрудной дисковидной бляхи с округлым вырезом в центре и прикрывающей его многогранной пластиной (крышкой) с петлей и язычком, накосников и затылочных кистей классического типа однозначно

свидетельствует о принадлежности этого убора замужней женщине [Белоцерковская, 2001. С. 24—25]. Единственный случай включения накосных украшений в костюм девочки 6—8 лет известен в погр. 188 из Никитино.

В анализируемом массиве есть группа женских захоронений, социовозрастная принадлежность которых трудноопределима. Им и посвящена данная статья.

Эти комплексы отличает наличие нагрудной округлой пластинчатой бляхи с двумя взаимно перпендикулярными прямоугольными накладками (перекрестьем). Размеры могильных ям этих погребений в основном находятся в пределах, характерных для захоронений взрослых людей. О принадлежности этих погребений взрослым девушкам и женщинам свидетельствуют и некоторые виды украшений в их инвентаре. Хронологически интересующие нас комплексы охватывают период от второй половины — конца IV в. до середины VII в. — времени окончания функционирования рязано-окских могильников в центральной и западной частях их ареала [Ахмедов, 2010б].

Краткое описание погребального инвентаря

Комплекс 69 Кузьминского могильника содержал: в области головы и шеи погребенной — шапочку с каркасом в виде дисковидной бляхи с перекрестьем и украшения головного убора — ажурную застежку с привесками, налобный венчик; парные височные привески, 3 колокольчатые объемные литые привески на спиральных пронизях; 6 шейных гривен (массивная обрубленноконечная; 2 тонкие круглодротовые с замком в виде круглой раскованной пластины с отверстием и крючка; 2 более массивные дровые с проволоочной обмоткой концов и напускными бронзовыми бусами, одна с замком в виде петли и крючка⁴, другая с замком в виде крючка и коробочки; одна витая проволоочная мощинского типа); на груди — дисковидную бляху с перекрестьем, как в составе головного убора; на руках — по многовитковому спиральному браслету, на левой руке — еще один дровый браслет и нарукавная повязка; 5 перстней; на ногах — обувные ремни с округлыми бляхами, фасетированными привесками двух типов и пряжками [Спицын, 1901. С. 98—99]. Дата: вторая половина — конец IV в. [Белоцерковская, 2010а. Табл.1. С. 78]

¹ Приношу глубокую благодарность Илье Рафаэльевичу Ахмедову за возможность работы с неопубликованными материалами памятника.

² Могильник Никитино: 23 комплекса исследованы Р.Ф. Ворониной [Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005], около 240 — И.Р. Ахмедовым. В Кораблино 272 комплекса исследованы И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедовым. В Заречье 29 комплексов раскопаны А.Н. Сорокиным, 230 — И.В. Белоцерковской. 163 погребения в Шатрище раскопаны Т.Н. Кравченко [1974]. Кузьминский могильник исследовался А.И. Черепниным и отчасти А.В. Селивановым [Спицын, 1901]. Материалы Кораблино, Заречья, Никитино из раскопок И.Р. Ахмедова хранятся в ГИМ.

³ Определения проводились в поле в соответствии с методическими указаниями [Методика полевых археологических исследований. Л., 1989. С. 60—67] в основном на основе морфологии зубной системы останков погребенных (кости, как правило, сохраняются очень плохо). Ряд этих определений позднее были подтверждены антропологами.

⁴ Далее такая конструкция гривны будет называться «в двойную петлю».

Комплекс 7aB⁵ из Никитино (рис. 2) содержал: парные височные привески⁶; 2 гривны (одна с коробкой, другая — в двойную петлю); нагрудную бляху с перекрестьем; на руках — по спиральному и по 2 пластинчатых браслета (два из них — со слегка заходящими друг за друга концами); 8 умбоновидных пронизей с концевыми привесками, принадлежавших поясным кистям [Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005. С. 18—22. Рис. 12]. Дата: конец IV — начало V в. [Белоцерковская, 2010a. Табл. 1. С. 78]

Комплекс 80 из Никитино содержал: шапочку с небольшой дисковидной бляхой, ажурной застежкой с привесками, небольшой затылочной кистью с коробчатыми привесками, налобным венчиком, парными височными привесками и накосниками; ожерелье из стеклянных бус; 2 гривны (с коробкой и гладкую проволочную с замком в виде крючка и округлой пластины с отверстием); нагрудную бляху с перекрестьем, 3 браслета, 2 перстня; поясные кисти с умбоновидными пронизями и концевыми привесками; обувные пряжки; шило. Возраст погребенной женщины около 20—25 лет. Дата: начало V в. [Белоцерковская, 2010a. Табл. 1. С. 78]

Комплекс 7 Старокадомского могильника (рис. 3) содержал: налобный венчик, небольшую затылочную кисть с коробчатыми привесками; 2 сюльгамы; 3 гривны (с коробкой, в двойную петлю и гладкую проволочную); ожерелье из стеклянных бус; нагрудную бляху с перекрестьем; крестовидную фибулу; 2 браслета, 3 перстня; поясные кисти с 8 круглыми пронизями и концевыми привесками; спиральные пронизи от украшений обуви; железные удила; пряслица [Шитов, 1988б. С. 33. Табл. VII]. Дата: вторая половина V в. [Шитов, 1988б. Табл. XXIV. С. 31].

Комплекс 110⁷ из Шатрищ содержал: парные накосники с составными привесками; ожерелье из стеклянных бус и литых бронзовых пронизей с привесками; обшивку ворота пластинчатыми коническими привесками; 2 гривны с коробкой и одну в двойную петлю; 6 крупных литых объемных привесок на уровне локтевых костей левой руки и 10 более мелких — на правой стороне груди; нагрудную бляху с перекрестьем; на левой руке — 6 браслетов и 5 перстней, на правой — 5 браслетов и 5 перстней; поясные кисти с умбоновидными прони-

зьями с привесками; привески от обшивки кофты; остатки спиральных пронизей от украшений обуви; шило. Над погребением в кострище воткнут нож и поставлена глиняная сковородка [Кравченко, 1974. С. 173—174. Рис. 25: III, 30, 38]. По определению Т. А. Кравченко, комплекс принадлежал молодой женщине или девушке [Кравченко, 1974. С. 139]. Дата⁸: предположительно, VI в.

Комплекс 119 из Заречья (рис. 4) содержал: налобный венчик, височные привески; ожерелье из стеклянных бус и литых бронзовых пронизей с привесками; обшивку ворота пластинчатыми привесками, в том числе коническими; 2 гривны (одна круглопроволочная с двумя крючками на концах, другая — с коробкой); на плечевых костях — парные украшения с 4 литыми объемными привесками каждое (вероятно, накосники), справа на груди — 7 более крупных таких же привесок, ниже них справа — 6 таких же, но еще крупнее; нагрудную бляху с перекрестьем; на каждой руке — по одному спиральному многовитковому и 4 дровых браслета; на правой руке — 5 перстней, на левой — один; 2 перстня на пальцах правой ноги, один — на мизинце левой; передник спереди обшит составными коническими пластинчатыми привесками; на ногах — украшения из бронзовых обойм с привесками; нож; шило. Комплекс принадлежал молодой женщине. Дата: начало — первая половина VII в. [Белоцерковская. В печати].

Комплекс 247 из Никитино (рис. 5) содержал: парные накосники, крупные височные кольца из сплава на основе олова; ожерелье из стеклянных бус и бронзовых литых пронизей с привесками; 3 гривны (одна в двойную петлю, 2 круглопроволочные с крючками и проволочной обмоткой на концах); нагрудную бляху с перекрестьем, частично под ней — застежку с «крылатой» иглой; рядом с бляхой — 6 крупных литых привесок, на обеих руках — по 7 браслетов и 5 перстней; остатки украшений обуви в виде спиральных бронзовых пронизей; на двух пальцах правой ноги — 2 перстня; нож, шило. Комплекс принадлежал женщине в возрасте около 30—35 лет. Дата: первая половина VII в. [Ахмедов, 2010б. С. 12, 13].

Наиболее значимые элементы женского костюма из рассматриваемых комплексов представлены в таблице 1.

⁵ Литерой «В» отмечены погребения могильника Никитино, раскопанные Р. Ф. Ворониной, остальные погребения, исследованные И. Р. Ахмедовым, обозначены только номерами.

⁶ Умбоновидные пронизи с объемными привесками, которые Р. Ф. Воронина считает привесками к накосникам [Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005. С. 18—20. Рис. 12:1], найдены под правым виском и челюстью слева. Скорее всего, это височные привески.

⁷ В публикации погребения [Кравченко, 1974. С. 173—174] (далее ссылки на нее только с указанием страницы или рисунка) допущен ряд неточностей: расположение инвентаря на плане погребения (рис. 25: III) не совпадает с расположением вещей из него же на рис. 38. Судя по фото (рис. 30), в костюме погребенной были поясные кисти с крупными пронизями с 4 концевыми привесками каждая; чуть выше них располагались мелкие пронизи поясной кисти, но не так, как показано на рис. 38, где они находятся практически на уровне ожерелья. На фото (рис. 30) они расположены одна под другой параллельно кисти левой руки. Т. А. Кравченко крупные пронизи с привесками считала украшением кофты. На рис. 38 в составе ожерелья показаны 4 концевые бутылчатые составные привески к парным накосникам. В описании погребения (С. 173) они не указаны. 6 больших колокольчиков, судя по фото (рис. 30), располагались на уровне локтевых костей и костей предплечья левой руки.

⁸ В тех случаях, когда датировка дана без сноски, она основана на неопубликованных авторских разработках. Обосновать датировку каждого комплекса в данной работе не представляется возможным.

Таблица 1. Сравнительный состав комплексов женского костюма

	14	15	4	2	6	8	9	12	7	1	13	3	10	10a	16	5	11	2	Б	В	Г	A2	
Старокадомский 7	1			1	3	1	2	3	1	1	1					1		1	1				
Никитино 247		1	6	1	3	1	14	12				1		?				1					1
Заречье 119			13	1	2	1	10	9	1	1		?	2					1				1	
Шатрище 110			16	?	3	1	11	10	2		1	1		?				?					
Никитино 7aB				1	2	1	6		1		1		2					?					
Кузьминский 69				1	6	1	3	5	1	1		?	2		1		1	?					
Никитино 80				1	2	1	3	2	1	1	1	1			1	1		?			1		

1 — венчики налобные с подвесными кольцами; 2 — височные украшения; 3 — наконники; 4 — крупные литые объемные привески без петель; 5 — небольшие затылочные кисти с коробчатыми привесками; 6 — количество гривен; 7 — гривны с коробкой; 8 — нагрудные бляхи с перекрестьем; 9 — общее количество браслетов; 10 — браслеты многовитковые спиральные; 10a — имитации многовитковых браслетов; 11 — повязки нарукавные; 12 — перстни; 13 — поясные кисти с бронзовыми пронизями; 14 — фибула крестовидная; 15 — прототип застежки с «крылатой» иглой; 16 — шапочки с головными бляхами; Б, В, Г, А2 — виды височных украшений (см. ниже).

Рассмотренные уборы имеют ряд общих черт: 1) наличие почти полного стандартного для каждого периода времени набора украшений женского костюма (височные, наконные, шейные, наручные); 2) наличие нагрудной бляхи с перекрестьем; 3) избыточность количества украшений (2—3 и более гривен; в ряде случаев — большое количество браслетов, перстней, привесок к одежде и головным уборам); 4) неординарный состав костюмов, в большинстве своем — с архаичными или выходящими из обихода элементами (см. ниже).

Попробуем определить социовозрастную принадлежность этих комплексов, выявляя круг элементов, характеризующих традиционный костюм окских финнов V—VII вв. хотя бы на уровне «детский/взрослый». Для этого необходимо подробнее остановиться на анализе категорий украшений, характерных для рассматриваемых уборов.

Основные детали костюма

Два головных убора из этой выборки содержали **небольшие затылочные кисти** с концевыми привесками, изготовленными из пластины, сжатой с четырех сторон (коробчатыми), и отверстием для крепления в центре: в погр. 7 Старокадомского могильника их было 4 (рис. 3: 15,16), в комплексе 80 из Никитино их было, вероятно, столько же, но они сильно фрагментированы.

В рассматриваемый период такие кисти, украшавшие центральную часть шапочек, в состав женского убора входили очень редко. Они состояли из продетых в бронзовые спиральные пронизии относительно коротких ремешков, иногда перехваченных пластинчатыми прямоугольными обоями (как в налобных венчиках, наконниках и ожерельях). Кисти завершались, как правило, четырьмя беспетельча-

тыми концевыми привесками: объемными литыми (колокольчатыми либо в виде уточек), трехлопастными пластинчатыми или коробчатыми. В убор могли входить концевые привески одного или разных видов. Такие кисти наиболее характерны для IV в.⁹ Они, судя по отмеченным выше критериям, в основном происходят из детских погребений или из комплексов, допускающих такую атрибуцию.

Коробчатые привески у окских финнов были наиболее распространены также в IV в.¹⁰ Но в исключительных случаях они встречаются и в уборах более позднего времени. В частности, два экземпляра вместе с двумя пластинчатыми трехлопастными привесками на ремешках в спиральных пронизях есть в детском костюме начала V в. из погр. 1 в Заречье [Ахмедов, Белоцерковская, 1996. Рис. 3]. Самый поздний убор (вероятно, подростковый) с такими привесками найден в погр. 46 из Заречья (с 6 коробчатыми привесками, завершающими спиральные пронизии), относится к началу VI в. (рис. 6: 23). Характерно, что в поздних комплексах коробчатые привески сочетаются с налобными венчиками, имеющими подвесные кольца (погр. 46 в Заречье), и нагрудными бляхами с перекрестьем (см. ниже)¹¹.

Для убора из погр. 80 в Никитино, содержавшего пережившую свое время шапочку с головной бляхой и ажурной застежкой, коробчатые привески по времени не представляются чем-то особенно инородным, но для погр. 7 Старокадомского могильника — это явный анахронизм (как и для погр. 46 в Заречье). С другой стороны, затылочная кисть, даже короткая, по отношению к сложному головному убору со множеством привесок к ажурной застежке в погр. 80 из Никитино была явно лишней. Очевидно, небольшим кистям с коробчатыми привесками в это время придавалось какое-то особое

⁹ Погр. 53, 59 в Кораблино; 7, 11, 62, 83, 102, 156, 210 в Заречье.

¹⁰ Погр. 20, 23, 92 в Кузьминском могильнике, 53 в Кораблино; 62, 83, 210 в Заречье, 21, 38, 49, 81 в Кошибеево, XXIII в Гавердово (из них погр. 62, 83 в Заречье и 21, 38, 49 в Кошибеево определены детские или подростковые).

¹¹ Показательно, что в погр. 218 мордовского могильника Абрамовский на р. Теша в уборе с четко определенными рязано-окскими чертами были небольшая кисть с 4 привесками (пирамидальный колокольчик, 2 коробчатые и одна объемная литая привеска) и нагрудная бляха с прямоугольными накладками. Судя по раннему типу гривны с коробкой, комплекс относится к концу IV — началу V в. [Гришаков, 2003. Рис. 3; 4].

значение. Возможно, поэтому их в уже в начале V в. включали в состав жертвенных комплексов женских украшений и помещали в мужские могилы (погр. 117 в Заречье; рис. 6: 22; [Белоцерковская, 2010 а. Табл. 1. С. 78]).

Налобные венчики с подвесными кольцами для рассматриваемого периода — тоже своего рода анахронизм, но в рассматриваемых комплексах они включены в состав четырех из семи головных уборов.

У разных народов, по этнографическим данным, налобные венчики маркировали, как правило, девичий головной убор [Нидерле, 1956. С. 241; Корнишина, 2002. С. 14; Прокина, 1994. С. 74, 75]. В погребальном инвентаре окских финнов рассматриваемого времени на роль венчика совершенно определенно претендуют только два вида украшений.

Один из них (**вид 1**) состоял из 2—3 узких кожаных ремешков, продетых в спиральные бронзовые пронизи, перемежающиеся с прямоугольными пластинчатыми обоймами. В районе затылка ремешки застегивались пряжкой или завязывались. В разных вариантах, в том числе без обойм, такие венчики наиболее характерны для IV в.¹² Иногда вместо прямоугольных обойм использовались округлые литые пронизи (погр. 66 Кузьминского могильника). В V в. известны только единичные экземпляры венчиков вида 1 — в погр. 1В из Никитино, 32 из Шатрищ¹³ [Кравченко, 1974. С. 166—167].

Одновременно с ними были распространены венчики **вида 2** (рис. 4: 1; 6: 25, 26, 27). Они той же конструкции, из двух или (чаще) трех рядов узких кожаных ремешков, продетых в цилиндрические спиральные пронизи, с несколькими крупными прямоугольными пластинчатыми обоймами, имеющими подвешенные к ним овальные кольца (проволочные или пластинчатые, нередко украшенные насечками по краю). Пластинчатые кольца могли иметь расширение в средней части. В ряде случаев венчики вида 2 на затылочной части застегивались при помощи пряжки. В погр. 23 Кузьминского могильника венчики, по описанию А. А. Спицына, «шли от лба к затылку поверх ушей»; зафиксированная длина этих венчиков — 28 см [Спицын, 1901. С. 33].

В составе венчиков было от 5 до 10 прямоугольных обойм шириной 0,6—0,9 см у экземпляров IV в.; 0,9—1,1 см — позднее; 1,1—1,7 см — у образцов второй половины VI—VII в. Высота обойм соответствует ширине венчиков — 1,3—2,3 см. В погр. 80 из Никитино обоймы округлой формы; такую же форму имели некоторые экземпляры из погр. 7 Старокадомского могильника (рис. 3: 1).

Обоймы часто украшались композициями из «жемчужного» орнамента: в основном в 3 горизонтальных ряда по 3—4 сравнительно небольшие или по 1—2 более крупные «жемчужины»; реже — по одному вертикально расположенному ряду мелких

«жемчужин» вдоль обеих длинных сторон обоймы; в погр. 80 из Никитино «жемчужины» на обойме расположены по кругу.

Венчики вида 2 появились в период 2А бытования женского убора окских финнов (вторая половина или конец III — первая половина IV в.) и существовали по период 2Б (соответствует фазе D1 центральноевропейской шкалы, 360/370 — около 410 г. по Я. Тейралу) [Белоцерковская, 2007. Рис. 7: 27. С. 199—200]. Наиболее же характерны они для IV в.¹⁴ Самый поздний экземпляр начала VII в. [Белоцерковская. В печати] зафиксирован в комплексе 119 из Заречья. Для V — начала VII в. этот вид украшений головных уборов становится эксклюзивным, о чем речь пойдет ниже.

Заметим, что часть этих украшений совершенно определенно маркирует детские и подростковые уборы (погр. 46, 162 в Заречье, 38 в Шатрище); остальные принадлежали иной возрастной группе — около 17—20 лет (погр. 233 в Заречье) и старше.

Еще один тип украшений **по традиции считают налобными венчиками**. Это наборные украшения (рис. 6: 24) в виде кожаного ремешка, на который помещены прямоугольные пластинчатые обоймы и узкие литые обоймицы, сквозь которые пропущено по одному S-видному проволочному держателю с трапециевидной пластинчатой привеской каждый. Размеры обойм разные — от мелких, около 0,9x0,9 см и даже 0,8x0,7 см (погр. 132 в Кораблино, 30 в Кузьминском могильнике), до крупных — шириной 0,8—1,1 см, высотой 1—1,4 см. Соответственно ширина ремня варьирует в пределах 0,7—1,4 см. Изредка обоймы орнаментированы «жемчужинами» или насечками по краям. Привески крупные, высотой 2,2—2,9 см; количество их — от 7 до 12. В ряде случаев в задней части убора привески отсутствовали. Ремень сзади завершался пряжкой, иногда концы его завязывались или скреплялись сьюльгамой¹⁵.

В погр. 16 из Кораблино и 224 из Заречья подобные украшения состояли только из ремня и нанизанных на него широких обойм, без литых обоймиц. Трапециевидные привески в первом случае были через колечки подвешены на нитку, во втором — прямо к ремню в промежутках между обоймами.

В погр. 87 из Кораблино украшение рассматриваемого типа было сложено вдвое и помещено выше плеча вдоль головы погребенной; в погр. 90 Борковского могильника оно находилось, предположительно, на голове; иногда их находят под головами погребенных. Но в подавляющем большинстве они располагались в области шеи вместе с ожерельями. Возможно, это украшение можно рассматривать также как шейное (далее для краткости оно именуется как «венчик-ожерелье»).

Следует отметить, что интересующие нас украшения с трапециевидными привесками бытовали

¹² Погр. 24, 94 в Шатрище [Кравченко, 1974. С. 158, 171—172], погр. 3 в Гавердово [Ефименко, 1975. Рис. 8. С. 14].

¹³ Здесь обоймы в составе венчика отсутствуют.

¹⁴ Погр. 5, 20, 23, 74, 92 в Кузьминском могильнике; 102, 210 в Заречье.

¹⁵ Погр. 87, 122, 132 в Кораблино; 33, 34, 50, 118, 144, 195А в Заречье; 55, 57, 69, 90, 114, 127, 160, 184, 192, 197, 203, 215 в Никитино; 15, 30, 42, 50, 51, 90 Кузьминского могильника, погр. 15 и др. Борковского могильника.

в основном в течение V в. и, изредка, в VI в. [Белоцерковская, 2007. Рис. 7: 26. С. 200—201]. Они входили в комплект убора (судя по находкам вместе с ними нагрудных блях с крышкой) замужних женщин (погр. 99 в Кораблино, 34, 144 в Заречье, 64, 184, 197, 203 в Никитино); взрослых женщин с накосными украшениями (погр. 33 в Заречье, 160, 192 в Никитино); девочек от 6—7 лет (погр. 57, 90 в Никитино, 50 в Заречье) и девушек 15—20 лет (погр. 195А в Заречье, погр. 127 в Никитино). Вероятно, в V в. они, как и височные подвески вида В (см. ниже), маркировали, в первую очередь, женский костюм. В убор, и в основном только престижный, их включали, вероятно, по достижении девочками шести-семилетнего возраста. Судя по находкам таких украшений в составе жертвенных комплексов женских вещей в мужских погребениях (погр. 15, 79, 97 в Кораблино, 206, 224 в Заречье), их, как и нагрудные бляхи с крышкой, могли рассматривать в качестве оберегов.

Следует оговорить, что, по всей видимости, кроме рассмотренных выше бытовали и **иные виды налобных венчиков**, но они плохо поддаются идентификации. Такие венчики могли состоять из мелких бляшек или узких ремешков, продетых в бронзовые пронизи и нашитых на ткань головного убора. Как правило, украшения подобного вида плохо сохраняются и далеко не всегда поддаются реконструкции.

Т.А. Кравченко полагала, что **нашитые на лобную часть головных уборов** трапециевидные пластинчатые привески можно также рассматривать в качестве венчиков (например, погр. 106 в Шатрище [Кравченко, 1974. С. 172]). Это не совсем корректно, учитывая, что в погр. 119 из Заречья вместе с такой деталью убора найден и «классический» венчик с подвесными кольцами.

Женские **височные украшения** рассматриваемого времени представлены несколькими основными видами.

Вид А (рис. 1: 1; 6: 1) — кольца, небольшие (максимальный диаметр 1,3—3,1 см), литые, с незамкнутыми или сомкнутыми концами, округлые или овальные, с одной тонкой пластинчатой трапециевидной привеской (высотой 1,2—3 см) с небольшим круглым отверстием в верхней части для крепления к основному кольцу при помощи тонкопроволочного колечка с заходящими концами. Основное кольцо крепилось к головному убору в височной области. Иногда на проволочных петлевидных держателях с завернутыми концами (часто такие держатели называют очковидными) вместо одной располагалось по две пластинчатые привески (например, погр. 150 в Кораблино). В погр. 147 из Кораблино привески конические беспетельчатые, свернутые из трапециевидной пластины, — очевидно, поздний вариант колец с пластинчатыми привесками.

Височные украшения вида А бытовали, начиная со второй половины IV в. (погр. 73 в Заречье, 66 в Бор-

ковском могильнике [Белоцерковская, 2007. Рис. 7: 34, 61. С. 199—201]) и по VI, возможно, начало VII в. (погр. 147, 148, 150 в Кораблино, 111 в Заречье [Белоцерковская, 2007. Рис. 7: 18, 24, 68. С. 199—201]).

Вид Б (рис. 6: 2, 3) — кольца, литые, округлые или овальные, с сомкнутыми или незамкнутыми концами, с одной литой объемной привеской (колокольчатой либо цилиндрической со слегка выделенным горлом) с петлей для подвешивания. В одном случае вместо кольца использована сьюльгама (погр. 215 в Никитино). Максимальные диаметры колец варьируют в пределах 1,8—4 см. В женских уборах размеры колец со временем возрастают, а в период, синхронизируемый с центральноевропейской фазой D3 (т.е. с 3-й четверти V в. по Я. Тейралу), вместо них иногда используют заготовки браслетов, а позже и сами браслеты. В детских же уборах даже на поздней стадии функционирования рязано-окских могильников диаметр кольца мог быть небольшим, а одновременно с этим вместо кольца парной привески использовался браслет (например, погр. 35 в Кораблино; рис. 6: 4).

Этот вид украшений известен в женских уборах уже в конце IV в. и бытовал преимущественно по VI в., максимально распространен в V в. На протяжении этого времени объемные привески видоизменились от формы, близкой колокольчатой, до цилиндрической с выделенным узким высоким горлом и с имитацией проволочной обмотки на нем (бутыльчатой).

Вид В (рис. 6: 5) — подвески литые составные, в виде петлевидного щитка округлой или овальной формы с завернутыми в спираль концами, к которым прикреплены по одному кольцу с одной петельчатой объемной концевой привеской каждое. Высота щитка-петли с кольцами варьирует в пределах 2,3—2,8 см, высота привесок — 2,2—3 см. Кольца щитка и концевые привески находятся в одной плоскости, но известны и исключения¹⁶. Иногда петля щитка завершалась внизу элементом в виде лежащей буквы S с завернутыми в спираль концами¹⁷ (рис. 6: 6). В редких случаях между щитком и привесками есть дополнительные стержневидные держатели, число их и, соответственно, концевых привесок достигает трех (рис. 6: 7; погр. 18 в Кораблино; погр. 64 в Никитино).

В комплексе 72 Кузьминского могильника вместо объемных привесок к щитку были присоединены по 2 трапециевидные пластинчатые привески на проволочных петлевидных держателях [Спицын, 1901. Табл. XIV: 10].

Подвески этого вида использовались в основном V в., в варианте, характерном для IV в., концевые привески к ним были и другого вида — литые «лапчатые».

Вид Г (рис. 6: 16) — подвески литые двухъярусные, в виде округлого или овального кольца-петли, часто с ложновитой внешней поверхностью, с двумя

¹⁶ В погр. 80 из Никитино это простая петля с завернутыми в спираль концами, кольцо которой расположено перпендикулярно плоскости концевых привесок.

¹⁷ Например, погр. 31, 43 в Заречье. Далее такой элемент называется «волюта».

кольцами под волютами, соединенными по центру короткой ложновитой планкой; на каждом кольце находится по одной петле с ложновитым стержнем-держателем с волютами на конце и двумя концевыми петельчатыми объемными привесками удлиненной бутыльчатой формы с проволочной обмоткой горла каждый.

Это усложненная форма подвесок вида В, появившаяся, вероятно, в конце V в. и просуществовавшая до середины VII в. [Белоцерковская, 2007. Табл. 2. Рис. 7: 19]. Общая длина подвесок со временем возрастает от 6,2—6,7 см до 8,5—9 см.

Вид Д (рис. 6: 11, 12) — кольцо с двухъярусной подвеской в виде крупной трапецевидной (реже — треугольной) пластины (высотой 2,4—3,9 см) с отверстием в верхней части, двумя небольшими отверстиями в нижних углах, куда на тонкопроволочных колечках с заходящими концами крепилось по такой же привеске, но меньшего размера. Это усложненный вариант колец вида А с пластинчатыми привесками, возникший в середине — второй половине V в.

Эти подвески использовали парами как височные украшения (погр. 42 Кузьминского могильника, 55 в Никитино) и по одному — как украшение центральной части головного убора сзади (погр. 48 в Кораблино, 195Б в Заречье, 57 в Никитино). Иногда такая височная подвеска дополнена подвеской другого вида (например, вида В — погр. 72 Кузьминского могильника). Не позже конца V в. подвески вида Д вышли из обихода.

Вид Е (рис. 6: 13) — вариант предыдущего вида с 2—4 концевыми коническими беспетельчатыми привесками, свернутыми из трапецевидных пластин. Они подвешивались на колечках по одной в отверстия в нижнем крае крупной пластины-держателя, либо по две на двух очковидных проволочных держателях; есть экземпляры с тремя привесками. Подвески вида Е использовали как парные височные украшения (погр. 48 в Кораблино); либо по одной, тогда дополнялись украшением иного вида (погр. 197 в Никитино). В погр. 100 из Заречья одна подвеска вида Е была височной, а вторая находилась сзади в центре головного убора; в погр. 71Б из Заречья такая подвеска соединена с кольцом одного из наконечников; в погр. 48 из Кораблино — обе подвески сочетались с привеской вида Д на шапочке.

Иногда в комплексах, где височные привески обычного вида отсутствуют, концевые подвески вида Е завершают кожаные шнурки в бронзовых пронизях, соединенные с кольцом для крепления (рис. 6: 15; погр. 29 в Заречье; погр. 127 в Никитино). Такая схема больше напоминает наконечные украшения, но ремешки здесь не парные, а одинарные, и длина их невелика. Возможно, подвески вида Е на ремешках маркируют уборы определенной возрастной группы.

Некоторое время виды Д и Е сосуществовали (погр. 48 в Кораблино).

Двухъярусные пластинчатые привески бытовали недолго, приблизительно по начало VI в., и вышли из употребления, скорее всего, из-за своей хрупкости и в связи с этим — недолговечности.

Вид Ж¹⁸ (рис. 6: 18, 20) — подвески двухъярусные литые, в виде треугольного с ложновитым каркасом щитка с кольцом в верхней части, тремя колечками в нижней и тремя литыми объемными петельчатыми привесками к ним. Максимальная ширина щитков 1,9—2,3 см, высота — 2,5—2,9 см. Щиток очень стандартизирован, а основные различия между рассматриваемыми подвесками заключаются в видах концевых петельчатых объемных привесок, которые с течением времени видоизменились от конических до бутыльчатых с проволочной обмоткой горла.

Эти подвески в качестве височных крепились к головному убору при помощи литых колец, но иногда между кольцом крепления и подвеской размещался недлинный узкий кожаный шнурок в бронзовых спиральных пронизях (погр. 148 в Заречье, 215 в Никитино). В погр. 57 из Никитино подвески вида Ж завершали небольшую затылочную кисть, в комплексе 28 из Кораблино — наконечники (рис. 6: 19).

Рассматриваемая форма подвесок появилась не ранее второй половины V в. и бытовала, возможно, по начало или первую половину VI в. Сравнительная редкость треугольных двухъярусных подвесок, недолгий период их бытования, отсутствие строго определенного места для них в системе головных уборов — все это свидетельствует о нетрадиционном для окских финнов характере этих украшений. Тем не менее они изготовлены в присущей для этой культуры технике, формы концевых объемных привесок к ним прошли тот же путь развития, что и петельчатые привески местных видов украшений. Вероятнее всего, треугольные литые подвески вида Ж изначально представляли собой реплику на инокультурные украшения, которые окские финны адаптировали для своего костюма.

Вид А2 (рис. 5: 6) — крупные (диаметром 5—8 см) округлые бронзовые и из сплавов на основе олова височные кольца как самостоятельный вид украшений стали использовать не ранее VI в. Особый вид тонкопроволочных бронзовых колец диаметром 7,8 и 8,2 см с проволочной обмоткой одного из концов выявлен в погр. 170 в Кораблино (рис. 6: 21), подобные кольца диаметром 10 см с проволочной обмоткой обоих несомкнутых концов происходят из погр. 26 Борковского могильника.

В погр. 69 Кузьминского могильника и 7аВ из Никитино в качестве височных использован **редкий вид привесок** — округлых, сегментовидных в разрезе (умбоновидных), литых пронизей с ложновитым ободком, с двумя кольцами и объемными петельчатыми привесками к ним (рис. 2: 1). Очевидно, это недолго существовавший вид височных привесок.

Рассмотрим, **для каких возрастных групп** характерны рассмотренные виды височных украшений.

¹⁸ Погр. 13, 46, 48, 148, 164 в Заречье; 28 в Кораблино; 57, 215 в Никитино; 51 в Шатрище; 46 в Старокадомском могильнике.

Для детского убора характерны височные украшения видов А, Б, В, Ж и А2. Из-за громоздкости подвесок вида Г в детском костюме их использовали редко (погр. 40, 107 в Никитино, 23 в Кораблино; в погр. 162 в Кораблино они встречены в упрощенном варианте — рис. 6: 17). Привески видов Е и Д в детском костюме так же редки, как и в женском (погр. 48А и 195Б в Заречье, 57 в Никитино — рис. 6: 11, 12).

Височные украшения зафиксированы далеко не в каждом детском погребении. Это обусловлено рядом причин. Например, часто такие захоронения были повреждены сильнее, нежели погребения взрослых людей, совершенные в более глубоких ямах. В то же время, судя по этнографическим наблюдениям, детский костюм до определенного возраста мог и не содержать всего объема деталей и украшений, присутствующих следующей возрастной группе [Прокина, 1994. С. 74—75; Корнишина, 2002. С. 5—9].

По имеющимся данным, височные украшения зафиксированы в чуть более чем половине рассматриваемых детских комплексов (47 из 90). Из них в 25 были кольца с трапециевидными привесками (вид А) как в качестве парных украшений, так и в единственном экземпляре. Для сравнения — в 61 погребении взрослых женщин с нагрудными бляхами с крышкой такие украшения отсутствовали. Кольца с пластинчатыми привесками вида А входили в состав украшений головного убора, начиная с младенческого возраста и вплоть до 15—17 лет. Вероятно, мы вправе считать их специфическим видом украшений, характеризующим определенную возрастную группу окских финнов — девочек и подростков на пороге совершеннолетия. Материалы дореволюционных раскопок рязанских могильников в целом подтверждают принадлежность височных украшений вида А детскому костюму¹⁹.

В ряде комплексов кольца с пластинчатой привеской (вид А) сочетались с другими видами височных украшений: четырежды с видом Б, 3 раза с видом В, 2 раза с производным от вида В видом Г, столько же — с крупными височными кольцами вида А2, а также с видами Д и Е, которые фактически являются усложненными вариантами вида А. Любопытно, что височные привески вида Ж не дополнялись никакими другими височными украшениями.

Определимый возраст погребенных с сочетанием височных украшений видов А и Б — 3—4 года; А и В, А и Г — от полутора до 15—17 лет. В ряде случаев пластинчатые привески, характерные для вида А, и привески вида В могли подвешиваться к одному литому кольцу — погр. 195А в (рис. 6: 10), возможно, погр. 176 в Никитино.

Височные кольца с объемной привеской (вид Б) в детском уборе, как правило, использовались по одному экземпляру, дополняясь височными украшениями вида А.

Также малохарактерны кольца с привесками вида Б и для взрослого женского костюма, где из 64

комплексов предположительно взрослых женщин они найдены в 12: 7 из них²⁰ — в костюме замужних женщин в возрасте 30—45 лет. В последнем случае в 4 уборах как единственный вид височных украшений кольца с привесками Б использованы парами, а в остальных — в единственном экземпляре, но дополнены украшениями других видов. Нужно заметить, что эти уборы отличаются наибольшей полнотой, а также встречаемостью в них неординарных элементов — затылочных кистей, венчиков-ожерелий (см. ниже), шейных гривен с коробками, нарукавных повязок, «мозаичных» бусин и крестовидной фибулы (погр. 197Б в Никитино). Это относится и к костюму женщин с неопределенным статусом (без нагрудных блях с крышкой, но с накосниками). В них присутствуют предметы импорта (погр. 28 в Кораблино — пирамидальный колокольчик — рис. 6: 8), гривна с коробкой (погр. 86 в Никитино), венчик-ожерелье (погр. 215 в Никитино), затылочная кисть (погр. 100 в Кораблино). Любопытно, что в двух уборах были одинаковые привески вида Ж, но в погр. 28 в Кораблино они совершенно определенно завершали парные накосники, а в погр. 215 в Никитино — возможно, височные привески.

Височные подвески видов В и Г (позднего варианта вида В) — вторые по частоте встречаемости в детских и подростковых комплексах, при этом в большинстве случаев (в девяти) они использованы как единственный вид височных украшений парами, и в 6 уборах — совместно с кольцами с пластинчатой привеской (вид А) и крупными височными кольцами без привесок (вид А2). Подвески видов В и Г характерны для убора девочек начиная с 5—7 летнего возраста. Единственное исключение — погр. 176 в Никитино — девочка полутора лет. В то же время подвески видов В и Г парами входили в состав более 60% головных уборов с височными украшениями взрослых женщин (38 комплексов) и в большинстве случаев — как единственный их тип. Только в 4 наборах есть еще и кольца с объемными привесками (вид Б) и в 5 — крупные височные кольца без привесок (вид А2). Представляется возможным считать, что височные украшения вида В и затем Г маркировали костюм девочек и взрослых женщин, начиная с определенного возраста, не ранее 6—7 лет.

Формы с ажурными подвесками треугольной формы с тремя концевыми объемными привесками (вид Ж) по сравнению с рассмотренными видами височных украшений сравнительно редки. В девичьих костюмах они встречены только четырежды и всегда парами: как височные украшения в погр. 13 и 46 из Заречья, скорее всего принадлежавших подросткам, близким к совершеннолетию, а в погр. 148 из Кораблино — младенцу; в погр. 57 из Никитино — в составе затылочной кисти у девочки 6 лет. У взрослых женщин эти привески в качестве височных зафиксированы трижды (погр. 48, 164 в Заречье — возраст около 25 лет; погр. 215 в Ни-

¹⁹ Погр. 19, 66, 70, 92, 93 в Борковском могильнике, 12 и др. — в Кузьминском.

²⁰ Погр. 25, 100, 124 в Кораблино, 34, 77 в Заречье, 197Б в Никитино, 30 в Кузьминском могильнике.

китино — около 30—40 лет) и один раз — определено в качестве накосных украшений (погр. 28 в Кораблино).

В остальных интересующих нас комплексах височные украшения представлены видами Б, В, Г и А2 — т.е. кольцами с объемной привеской, петлевыми подвесками с двумя объемными привесками, их усложненным более поздним вариантом и крупными височными кольцами без привесок. Детских височных колец с пластинчатыми привесками среди них нет. Очевидно, все рассматриваемые уборы принадлежат девушкам, достигшим совершеннолетия, и женщинам.

Крупные литые объемные привески без петель, образующие наборы, встречены в трех рассматриваемых нами комплексах. В погр. 119 из Заречья помимо предположительно парных накосников с 4 такими относительно небольшими привесками каждый (рис. 4: 9), было еще 2 комплекта из 7 более крупных подвесок на шнурах со спиральными пронизьями и еще 6 очень крупных — только на кожаных шнурах без пронизей (рис. 4: 20, 21). В погр. 110 из Шатрищ было 2 комплекта: из 6 больших привесок и 10 более мелких экземпляров. В погр. 247 из Никитино 6 крупных привесок (рис. 5: 10) расположены у края нагрудной бляхи на уровне локтя левой руки.

Определить назначение и способ крепления этого вида украшений достаточно сложно, т.к. от ремешков в лучшем случае остаются лишь обрывки спиральных пронизей или узелки кожаных шнурков внутри подвесок. Но показательно расположение части групп этих привесок на уровне локтевых сочленений — именно так они зафиксированы, например, в комплексах 19, 36, 46, 51, 64 Старокадомского могильника [Шитов, 1988б. С. 35, 37, 39, 40, 42]. Вероятно, часть этих привесок можно интерпретировать как концевые к длинным затылочным кистям, как полагает И. Р. Ахмедов в отношении комплекса погр. 247 из Никитино.

В костюмах замужних женщин такие крупные объемные привески по 4 экземпляра входили в состав длинных затылочных кистей и изредка по 2—3 экземпляра дополняли пластинчатые привески к накосникам. В уборах другой социо-возрастной категории (девочек-подростков и молодых девушек) они, возможно, имели иное назначение. Так, в погр. 46 из Заречья 6 таких подвесок в два яруса располагались на одной стороне груди, в погр. 35 из Кораблино по 3 экземпляра найдены на обеих частях груди; в погр. 127 из Никитино и 195А из Заречья они располагались у плеч попарно. Такие же подвески, форма которых со временем изменялась от цилиндрических с усеченно-конической верхней частью до вытянутых цилиндрических с высоким горлом, есть и в других несомненно девичьих наборах (например, погр. 13 в Заречье).

С большой долей осторожности можно предположить, что эти подвески в традиционном уборе

могли маркировать костюм девушек, близких к совершеннолетию.

Накосники с разными видами концевых привесок на длинных ремешках в спиральных пронизьях и несколькими пластинчатыми обоями, крепившиеся к головному убору посредством округлых литых колец — характерный для женского убора окских финнов элемент, наиболее распространенный в V в. Позже в полном сборе накосники встречаются реже, в них часто отсутствуют прямоугольные обоями. Накосные украшения сопровождают около 50% женских костюмов V—VII вв., в первую очередь — замужних женщин. Но они есть и в инвентаре погребений без нагрудных блях с крышковой (погр. 18 в Кораблино, 109 в Заречье и др.), и в то же время могут отсутствовать в уборах замужних женщин (погр. 138, 192 и др. в Заречье). В детский костюм за очень редким исключением (погр. 188 в Никитино — девочка 6—8 лет) накосники не включали.

В погр. 69 Кузьминского могильника накосники²¹ были с литыми привесками с тремя округлыми лопастями с полушарными выступами-«жемчужинами» и ложновитыми бортиками вокруг них, с округлым кольцом для крепления, украшенным ложновитым орнаментом. Такие привески появились во второй половине III — первой половине IV в. и бытовали до конца IV в. [Белоцерковская, 2010б. С. 198]. Условный и более поздний их вариант — с 3 объемными концевыми привесками на кольцах включен в состав костюма из погр. 80 в Никитино (рис. 6: 14). Такие подвески появились ближе к концу IV в. и бытовали не позже V в. [Белоцерковская, 2010б. С. 198—200. Табл. 1].

В погр. 247 из Никитино накосники завершены поздним видом концевых привесок — двухъярусных с пластинчатым держателем конической формы и несколькими такими же, но более мелкими, привесками к нему (рис. 5: 7). В погр. 110 из Шатрищ концевые привески также двухъярусные, но литые объемные: бутыльчатые с двумя такими же, но более мелкими, привесками на кольцах.

В погр. 119 из Заречья в качестве парных накосников, вероятно, использованы ремешки в спиральных пронизьях с 4 беспетельчатыми объемными привесками каждый (рис. 4: 9). Два убора (погр. 7 Старокадомского могильника и 7аВ из Никитино) накосных украшений не имели.

Гривны шейные. В анализируемых уборах в каждом костюме было 2—3 гривны (в погр. 69 Кузьминского могильника — 6). Они чрезвычайно характерны для женского костюма почти на всем протяжении бытования культуры рязано-окских могильников. С развитием моды на красочные наборные ожерелья с включением металлических элементов и другие виды шейных украшений (с V в.) на один женский костюм в среднем приходилось по одной гривне (реже — по две и, в виде исключения, — по три гривны, около 30% комплек-

²¹ Полной уверенности в том, что здесь эти привески относятся к накосникам, нет. По описанию А. А. Спицына, они найдены у висков погребенной.

сов гривен не содержали). В состав детского костюма входило не более 1—2 гривен, а примерно у 60% они отсутствовали.

Почти все рассматриваемые уборы содержат гривны с коробкой, причем в погр. 110 из Шатрище их было две. Этот тип гривен был наиболее характерен для V — начала VI в., затем их использовали очень редко. Гривны с коробкой маркировали особый статус их владелиц [Белоцерковская, 2010 а].

Нагрудные бляхи рассматриваемого времени представлены двумя ведущими типами: 1) уже неоднократно упоминаемыми дисковидными с крышкой, входившими в убор только замужних женщин; 2) пластинчатыми округлыми с двумя взаимно перпендикулярными накладками (с перекрестьем). Все они подвешивались на веревочках, у образцов типа 2 пропущенных сквозь небольшое отверстие в центре, поделенное перекрестьем накладок на 2 части. Тип 2 блях нуждается в более подробной характеристике, т.к. должного внимания ему ранее не уделяли.

Нагрудные бляхи с перекрестьем произошли от ранних блях того же облика, входивших в состав головных уборов — шапочек на жестком каркасе. Именно поэтому у ряда нагрудных блях накладки фигурные, характерные для головных блях, и размеры ранних нагрудных экземпляров с перекрестьем соответствуют размерам блях головных уборов — 8—12 см. В разряд нагрудных украшений они стали переходить, вероятно, в первой половине IV в. (погр. 67 в Кошибеево, 72 в Кораблино; [Ахмедов, 2007. Табл. 1. С. 143] и бытовали в этом качестве по первую половину VII в. (погр. 247 в Никитино)²². В исключительных случаях нагрудные бляхи с перекрестьем встречены в сочетании с бляхами в составе головных уборов, которые уже переживали свое время (погр. 69 Кузьминского могильника, 80 в Никитино).

По конструкции и элементам оформления нагрудные бляхи с перекрестьем делятся на 4 группы, различающиеся хронологически.

Группа 1²³ относится в основном к IV в. Диаметр блях 8—16 см (основные значения группируются вокруг показателей 12, 14 и 16 см). Все бляхи — с двумя накладками, имеют 4 пластинчатых подвесных кольца на концах накладок, но в погр. 67 из Кошибеево их, как и накладок, 8. Накладки прямоугольные, но в упомянутом выше комплексе — они с вырезами. Орнамент состоит из одного ряда крупных «жемчужин» по краю бляхи и на накладках; может быть сочетание одного ряда их по краю и двух рядов на накладках (погр. 20 Кузьминского могильника, 70 в Кошибеево). В ряде случаев есть дополнительный орнамент: расположенные треугольниками «жемчужины» по краю бляхи (погр.

20 Кузьминского могильника); гравированный орнамент в виде ромбов на накладках, при этом «жемчужинами» украшена вся плоскость бляхи (рис. 6: 31; погр. 21 в Кошибеево); треугольные пропилены на краю бляхи и накладках (погр. 66 Кузьминского могильника); по 4 дополнительные «жемчужины» в каждом секторе бляхи (погр. 38 в Шатрище).

Группа 2²⁴ — переходная от группы 1 к группе 3; IV — V вв. Диаметр блях 11,5—14,5 см. Все экземпляры с 4 подвесными, в том числе и кругло-проволочными, кольцами на концах накладок. Обе накладки прямоугольной формы, но в погр. 69 из Никитино они фигурные, как на головных бляхах. Орнамент состоит из трех рядов мелких «жемчужин» по краям блях и на накладках. Но в трех комплексах «жемчужины» крупные: в погр. 69 из Никитино они расположены на накладках попарно, а по краю — в одну линию²⁵; в погр. 1 из Заречья и на накладках, и по краю бляхи «жемчужины» расположены в две линии; в погр. 7аВ из Никитино орнамент из «жемчужин» дан на бляхе и на ее накладках одной линией, но в каждом секторе есть еще по 3 дополнительные «жемчужины» (рис. 2: 4).

Группа 3²⁶ — V в. Диаметр блях — 12—16 см (в погр. 46 из Кораблино — 18 см). Сильно стандартизированы: все без колец, у всех прямоугольные накладки и по 3 ряда мелкого «жемчужного» орнамента по краям и на накладках; дополнительный орнамент отсутствует (рис. 6: 32).

Группа 4²⁷ — конец V — начало или первая половина VII в. Диаметр блях 10—12 см (в погр. 46 из Заречья — 17 см). Орнамент в основном такой же, как в предыдущей группе, но есть экземпляры с двумя линиями «жемчужин» на накладках и дополнительный орнамент в виде одной крупной «жемчужины» в углу каждого сектора бляхи и радиальных зигзагообразных линий, нанесенных мелким инструментом (погр. 35 в Кораблино). В комплексе 119 из Заречья по краю бляхи — два ряда мелких «жемчужин» (рис. 4: 27), в погр. 247 в Никитино — в углу каждого сектора по одной крупной «жемчужине» (рис. 5: 9).

Первоначально **развитие** рассматриваемого типа нагрудных блях шло, видимо, по линии увеличения их размеров и уменьшения количества накладок, с одной стороны, и экспериментов в области орнаментации — с другой. К V в. они приобрели стандартизированный орнамент и вид (без подвесных колец, накладки только прямоугольной формы без каких бы то ни было вырезов, орнамент только из трех рядов мелких «жемчужин»). Но в конце VI — начале VII в. при достаточно стандартных размерах и форме блях их орнамент в ряде случаев

²² Ранее я ошибочно полагала, что бляхи с крышкой со временем полностью заменяются бляхами с перекрестьем [Белоцерковская, 2007. С. 197—198], это не так — на протяжении V—VII вв. они бытовали параллельно.

²³ Погр. 21, 67, 70 в Кошибеево, 20, 36, 66 в Кузьминском могильнике, 38 в Шатрище.

²⁴ Погр. 7 в Кошибеево, 1, 87 в Заречье, 7аВ, 69, 80 в Никитино.

²⁵ В погр. 69 в Никитино в качестве нагрудной использована, скорее всего, головная бляха диаметром 11,5 см. Судя по присутствию в погр. 80 из Никитино шапочки с головной бляхой, этот элемент женского убора какое-то время еще сохранялся в семьях.

²⁶ Погр. 46 в Кораблино, 50, 58, 145, 195А, 216 в Заречье, 57, 127 в Никитино, 7, 19 в Старокадомском могильнике.

²⁷ Погр. 46, 119, 233 в Заречье, 35 в Кораблино, 247 в Никитино, 46, 64 в Старокадомском могильнике.

усложнен, а количество линий с «жемчужинами» отличается от «канона» V в.

Из 28 комплексов, исследованных на современном уровне и содержащих бляхи рассмотренного типа, 20²⁸ принадлежали девочкам и подросткам от 6—8 лет; 3 — девушкам 15—20 лет (погр. 195А, 233 в Заречье; 127 в Никитино); 2 — взрослым женщинам (погр. 80, 247 в Никитино). У остальных погребенных возраст не определен (погр. 7аВ, 69 в Никитино, 110 в Шатрище, 119 в Заречье). Часть уборов с такими бляхами из дореволюционных раскопок также принадлежали детям (погр. 7, 21 в Кошибеево; 92 в Кузьминском; 105, 108 в Борковском могильниках).

Вероятно, поначалу, когда бляхи с перекрестьем только стали переходить в разряд нагрудных, их еще не рассматривали в качестве показателя определенного статуса. Но по мере развития культуры и формирования традиционного женского убора такие бляхи стали маркировать детский и девичий костюмы. Наибольшее распространение моды на этот вид убора приходится на V — начало VI в.; и вновь ярко проявляется лишь в конце VI — начале VII в.

В выборке из 90 детских комплексов рассматриваемые бляхи есть только в 17, в основном у девочек и подростков не ранее 6—7-летнего возраста. Все эти комплексы помимо височных украшений содержат по 1—2 шейные гривны, 2—4 браслета. В двух — зафиксированы небольшие затылочные кисти с коробчатыми привесками, в двух — налобные венчики с подвесными кольцами, в двух — вещи импортного происхождения (пирамидальный колокольчик в погр. 57 из Никитино; ожерелье в погр. 195А из Заречья); в четырех — венчики-ожерелья с трапециевидными привесками; в 5 — крупные объемные привески без петель (см. выше). Похоже, что этот вид нагрудных блях маркировал в основном престижные детские и девичьи костюмы.

Наручные украшения. У окских финнов рассматриваемого времени в качестве наручных украшений были широко распространены браслеты, форма и орнамент которых изменялись в соответствии с веяниями моды и направлением культурных контактов. В женских комплексах их нередко находят по несколько экземпляров на обеих руках. По одному браслеты носили и мужчины, обладавшие определенным социальным статусом [Ахмедов, 2010а. С. 101—113]. Но один весьма редкий вид таких украшений характерен исключительно для женского убора. Это **нарукавные повязки** в виде 3—4 рядов узких ремешков, пропущенных в спиральные цилиндрические пронизи, перемежающиеся 2—4 прямоугольными пластинчатыми обоями с мелким «жемчужным» орнаментом (очень редко — с одной крупной «жемчужиной»), с 1—2 наконечниками ремней и пряжкой (рис. 6: 29). Такие повязки использовались парами, но в погр. 30 Кузьминско-

го могильника и 16В из Никитино они встречены по одной. В описанном, «классическом», варианте нарукавные повязки бытовали с V по первую половину VII в. Размеры обойм 1,3—1,6х2,1—2,5 см. В поздних уборах размеры обойм уменьшаются до 1—1,6х1,4 см.

Нарукавные повязки этого вида, но с округлыми литыми умбовидными с ложновитой окантовкой пронизями диаметром 1,8—2 см, появились в IV в., например, погр. 29, 38, 92Г²⁹ в Кошибеево, 36 в Кузьминском могильнике и 85 в Заречье. Часть этих повязок относится к детскому костюму. Иногда ремешки продеты не в спиральные цилиндрические пронизи, а зажаты плотно прилегающими друг к другу узкими литыми обоймицами, например, в погр. 77 из Заречья, синхронизируемом с центральноевропейской фазой D1 (рис. 6: 28; [Белоцерковская, 2007. Рис. 8: 20. С. 200]). Вероятно, к этому же времени относятся и повязки с прямоугольными обоями и спиральными пронизями из подросткового комплекса XIV в Гавердово [Ефименко, 1975. С. 18].

В IV в. статусная функция нарукавных повязок была еще, очевидно, не определена, но с V в. их стали включать, в первую очередь, в костюм замужних женщин, который маркируют бляхи с крышкой³⁰, и, возможно, совершеннолетних девушек (погр. 18 в Кораблино), а также женщин с неопределенным статусом, но, судя по составу костюма, взрослых (погр. 30 в Кузьминском и 26 в Борковском могильниках).

Нарукавные повязки, судя по сопровождающим их элементам и деталям убора, маркировали женский костюм одной из групп населения, не обладавшей ярко выраженным высоким социальным статусом (за исключением, возможно, погр. 16, 18³¹ в Кораблино и 48 в Заречье), но, в целом, с номинально полным набором элементов костюма соответствующих периодов. Из 9 уборов с нарукавными повязками 7 содержат височные украшения, 6 — ожерелья с бронзовыми пронизями с привесками, 6 — наконечники, 4 — затылочные кисти. В 5 уборах есть по одной гривне (3 из них — с коробкой). Все комплексы — с браслетами, число которых варьирует от 2 до 4; количество перстней — от 4 до 10. Следует отметить удивительное единообразие в оформлении этих нарукавных повязок, хотя они относятся к разным периодам времени.

В костюмах девочек нарукавные повязки с бронзовыми деталями отсутствуют, в редких случаях, возможно, вместо них использованы небольшие наборы из бус (погр. 44 в Заречье — на обеих руках; 23 в Кораблино — на левой руке).

В уборе из погр. 69 Кузьминского могильника на правой руке погребенной находилась повязка комбинированного типа — с прямоугольными пластинчатыми обоями с подвесными кольцами (как

²⁸ Погр. 35, 46 в Кораблино; 1, 46, 48А, 50, 58, 87, 216 в Заречье; 57, 188 в Никитино; 4, 14, 149 в Шатрище; 53 и др. в Ундрихе; сюда же входят два исключительных случая положения в могилу блях младенцам 1,5—3 лет — погр. 117, 170 в Никитино.

²⁹ Кошибеево в раскопках В. Н. Глазова. ГИМ № 44263.

³⁰ Погр. 16 в Кораблино, 48, 140, 194 в Заречье, 15 в Шатрище, 16В в Никитино.

³¹ Белоцерковская, 2012. С. 118—124.

в налобных венчиках), с ремешками в спиральных пронизях и с округлыми литыми фигурными бляшками-розетками (рис. 6: 30).

Другой чрезвычайно редко встречаемый тип наручных украшений представлен **спиральными многовитковыми браслетами** (погр. 69 Кузьминского могильника, 7aB в Никитино, 119 в Заречье, случайная находка на территории Борковского могильника [Зубков, 1950]. В комплексе 119 из Заречье они имеют 9 оборотов, изготовлены из трехгранной в сечении проволоки, которая на концах уплощена (рис. 4: 13, 14). На одном конце браслета пластина сужена и завернута в петлю, сквозь которую пропущено литое кольцо; на другом — суженная пластина образует крючок. Высота браслетов 10 см. Эти браслеты не являются результатом развития ни одного из местных видов подобных украшений. Скорее всего, они были предметом импорта.

В погр. 69 Кузьминского могильника в каждом браслете 15 оборотов, оформление их идентично зареченским экземплярам. В погр. 7aB из Никитино (рис. 2: 7) были использованы два фрагмента подобных браслетов, в 3—4 оборота, один из них — с кольцом на конце [Сарачева, 2005. С. 115. Цв. вкладка III].

Несмотря на одновременность этих браслетов, необходимо отметить поразительное единообразие их формы и технологии изготовления с конца IV по VII в. По всей видимости, это не случайность, т.к. все костюмы с подобными браслетами наряду с необходимым набором элементов, маркирующим социовозрастную принадлежность носителя убора, включают чрезмерное количество самых разнообразных украшений, в том числе и одновременных.

Создается впечатление, что спиральные браслеты служили индикатором определенного социального статуса их владельцев, судя по редкости таких вещей, — довольно высокого. В пользу этого предположения говорит и наличие неоправданно большого числа (14 и 11) браслетов в комплексах 247 в Никитино и 110 в Шатрище. Здесь эти браслеты следует рассматривать, скорее всего, как имитации многовитковых форм.

Перстни. Излюбленным видом перстней у окских финнов были многовитковые спиральные, в основном из трехгранной в сечении проволоки. Однако в погр. 80 из Никитино один из перстней был очень редкого типа — литой ложноспиральный с двумя петлевидными объемными привесками. Литые ажурные перстни с 2—3 петельчатыми привесками, но другого вида (широкие, с двумя ложноплетеными ободками по краям и волнистой зигзагообразной соединительной линией в средней части) изредка находят в комплексах в основном V в. (погр. 18, 120 в Кораблино, 50 Кузьминского могильника, 114 в Никитино, 42 в Курмане [Белоцерковская, 2012. С. 120. Рис. 1: 8; 2: 5, 6]).

Украшения пояса. По мнению исследователей, туникообразные женские рубахи окских финнов имели пояса, правда, археологически они практически не прослежены [Кравченко, 1974. С. 136; Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005. С. 86]. Однако 4 девичьих

костюма с бляхами с перекрестьем содержали парные **поясные кисти** (погр. 36, 195A в Заречье, 57 в Никитино, 53 в Ундрихе), украшенные округлыми литыми пронизями с полушарным выступом в центре (умбоновидные) и ложновитым или ложноплетеным бортиком по краю, двумя—четырьмя кольцами и соответствующим числом петельчатых объемных привесок. По сути дела — это умбоновидные пронизы с привесками как в височных украшениях в погр. 69 Кузьминского могильника и 7aB из Никитино.

Небольшие пронизы с двумя привесками располагались по вертикали на некотором расстоянии друг от друга, а внизу помещалась крупная пронизь с 4 концевыми привесками. Количество пронизей в каждом наборе — разное. Диаметр мелкой пронизы с двумя привесками варьирует в пределах 1,6—1,8 см, крупной с тремя—четырьмя привесками — 2,5—3,3 см (как правило, около 3 см).

В комплексе 195A из Заречья кисти были длиной около 20 см, на каждой — 2 мелкие и одна крупная пронизь (рис. 6: 26). В погр. 53 из Ундриха на кистях было, очевидно, всего по две пронизы, одна из них — крупная. В погр. 57 из Никитино кисть состояла из шнурка, впущенного в спиральные цилиндрические пронизы, и трех маленьких круглых пронизей с двумя привесками каждая. Остатки поясных кистей с такими пронизями выявлены также в погр. 22 (в составе жертвенного комплекса) и 36 из Заречья (разрушенное захоронение девочки).

Подобные украшения пояса есть не только в девичьих, но и в ряде женских комплексов. Наиболее крупные пронизы диаметром 5 см с четырьмя концевыми привесками найдены в погр. 80 из Никитино (женщина 20—25 лет). Здесь выявлены две кисти длиной около 38 см, украшенные каждая тремя расположенными на некотором расстоянии одна под другой небольшими пронизями и одной (внизу) более крупной с четырьмя концевыми привесками. Похожие по составу украшения поясных кистей есть и в костюмах женщин неопределенного возраста (погр. 50 в Курмане, 7 в Старокадомском могильнике). В последнем вместо маленьких литых пронизей использованы пластинчатые нашивные умбоновидные бляшки с двумя пластинчатыми коническими беспетельчатыми привесками каждая [Шитов, 1988. Табл. III], в то же время нижние крупные пронизы остались литыми и с литыми же петельчатыми привесками (рис. 3: 8, 19). Длина кистей здесь около 35 см, на каждой — по 4 мелкие и по одной крупной нижней пронизю.

В комплексе 7aB из Никитино (рис. 2: 10, 11) длина кистей — около 37 см [Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005. С. 20—22], количество и расположение пронизей, как в погр. 80 этого же памятника.

Концевые привески к пронизям, как правило, имеют цилиндрическую форму с конической верхней частью, но в погр. 22 из Заречья на крупной (диаметром 2,7 см) пронизю помещены 3 лапчатые литые с ложновитыми бортиками привески. Это наиболее ранний из известных вид поясной пронизю.

«Классический» вариант украшений поясных кистей бытовал весь рассматриваемый период вре-

мени; в полном наборе, судя по всему, на каждой кисти должно было быть по 3 мелкие и внизу одна крупная пронизи.

Поясные кисти с описанными украшениями входили в состав девичьих уборов, но не ранее шестилетнего возраста их носителей. При этом состав костюмов (в ненарушенных комплексах) был достаточно полным, включавшим характерный возрастной набор — височные привески, гривны, ожерелья, нагрудные бляхи с перекрестьем, браслеты и перстни. Некоторые костюмы дополнены эксклюзивными украшениями: пирамидальный колокольчик в погр. 57 из Никитино, импортное ожерелье в комплексе 195А из Заречья.

Также неординарны по составу и костюмы женщин с поясными кистями.

Детали обуви. Помимо рассмотренных категорий элементов убора, в ряде анализируемых комплексов были и бронзовые детали обуви: в погр. 69 Кузьминского могильника — обувные уборы с пряжками и привесками, более распространенные в предыдущий период времени. В погр. 119 в Заречье — уникальный набор из ремешков в спиральных пронизях с 5 пластинчатыми обоями с двумя коническими пластинчатыми привесками каждая (рис. 4: 19). Фрагменты спиральных пронизей с ремешками — в погр. 110 из Шатрищ и 247 из Никитино. В комплексе 80 из Никитино — обувные бронзовые пряжки.

Сочетание деталей убора и статус его носителей

Помимо нагрудных блях с перекрестьем (что объединяет все анализируемые комплексы), в состав некоторых рассматриваемых уборов входят украшения, изначально характерные только для детского и девичьего костюма — налобные венчики с подвесными кольцами и короткие затылочные кисти с коробчатыми привесками.

Заметим, что все вместе эти три вида украшений встречены только у двух погребенных — в комплексах 80 из Никитино и 7 Старокадомского могильника. В остальных они представлены только одной-двумя категориями. При этом коробчатые привески для рассматриваемого времени являются уже анахронизмом, как и налобные венчики в погр. 119 из Заречья, и шапочка с головной бляхой и ажурной застежкой в комплексе 80 из Никитино, и обувные уборы в погр. 69 Кузьминского могильника. В то же время ни один из этих наборов не содержал височные кольца с пластинчатой привеской, характерные только для детского костюма. Следовательно, скорее всего, погребения, не имеющие возрастных определений, принадлежали совершеннолетним девушкам или молодым женщинам.

В четырех костюмах найдены поясные кисти с бронзовыми украшениями (погр. 7аВ, 80 в Никитино, 110 в Шатрище, 7 в Старокадомском могильнике). Такие украшения были присущи и детскому, и девичьему костюму, при этом они могут быть показателем не просто возрастной принадлежности, а и имущественного положения их владельцев.

В трех уборах есть многовитковые браслеты (погр. 7аВ в Никитино, 119 в Заречье, 69 в Кузьминском могильнике), в двух — их имитации (погр. 110 в Шатрище и 247 в Никитино). Кроме того, в комплексе 7 Старокадомского могильника помимо женских украшений была крестовидная фибула рязано-окского типа (рис. 3: 9), более характерная для мужского костюма группы населения с высоким социальным статусом [Ахмедов, Белоцерковская, 1998. С. 107—110, 119—120; Ахмедов, 2010а]. В погр. 247 из Никитино вместо такой фибулы (аналоги к тому времени уже давно вышли из употребления) использована довольно крупная пластинчатая застежка-сьюльгама с заметным расширением пластины у основания иглы (рис. 5: 2). Это прототип крупных престижных застежек с «крылатой» иглой, в развитой форме характерных для поволжских финнов последней четверти I тыс. [Ахмедов, 2010б. С. 12—13]. Крестовидные фибулы в Никитино маркировали мужской убор группы 3 по И. Р. Ахмедову, т.е. лидеров, «вождей» коллективов. Включение предметов такого ранга в женский либо детский костюмы, очевидно, могло подчеркивать близкородственные связи их носителей с «элитой» коллективов окских финнов [Ахмедов, 2010а. С. 102—103].

И, наконец, в состав шести из семи рассматриваемых уборов входили гривны с коробкой, максимум распространения которых приходится на «развитый» V в. Для комплексов 7аВ (рис. 2: 3) и 80 в Никитино, а также 69 Кузьминского могильника, эта форма была еще новационной, а для комплексов 119 в Заречье (рис. 4: 12) и 110 в Шатрище (где их 2) — уже очень редкой вещью, основной период бытования которой закончился. Вероятно, в таком контексте эти гривны подчеркивали особый, по видимому достаточно высокий, статус носителей рассматриваемых уборов.

Вышесказанное указывает на то, что интересующие нас неординарные по составу костюмы отличает престижность. Однако определение индикаторов социальной стратификации в археологии на основании составных частей женского костюма по сравнению с мужскими комплектами является процессом более сложным и не обязательно приводящим к положительным результатам.

Судя по этнографическим наблюдениям, состав традиционного женского костюма многих народов определялся, в первую очередь, возрастом и социальным статусом владельца [Зеленин, 1991; Корнишина, 2002]. При этом каждая ступень взросления находила отражение в составе костюмного комплекса, особенно головного убора; возрастная категория и соответствующий ей набор одежды и украшений достаточно жестко регламентировались.

М. С. Павлова в работе, посвященной проблемам интерпретации археологически реконструируемых средневековых женских костюмов Ижорского плато и сопоставления их с данными этнографии, пришла к выводу о неправомерности «прямого переноса в древность этнографических наблюдений нового времени», но вместе с тем отметила возможность

создания на их основе определенных моделей [Павлова, 2008. С. 131—132].

У близкой окским финнам по культуре мордвы выделяется 5 социовозрастных групп: «1) до 13 лет; 2) от 13 до 16 лет; 3) возрастная группа совершеннолетней молодежи; 4) семейные люди до 40—45 лет; 5) от 40—45 лет и старше» [Корнишина, 2002. С. 5]. Однако уже с 7—8 лет при включении девочек в трудовую жизнь общины их одежда дополняется выходной рубахой, передником, жилеткой, а украшения — серьгами, бусами, браслетами, перстнями и т.д. У многих народов выделяется возрастная группа девочек-подростков от 7—8 до 13—15 лет, за ней следует группа взрослых девушек «на выданье» [Павлова, 2008. С. 108—110].

Судя по всему, наиболее ощутимые изменения в костюмных комплексах происходили при вступлении в совершеннолетие, когда девушки начинали готовиться к замужеству; при совершении свадебных обрядов и переходе к замужнему статусу; при рождении ребенка; при выходе из репродуктивного возраста. Похороны, вдовство и другие значимые события тоже требовали соответствующего убора. Имущественное положение и в целом социальный статус семьи женщины, как и локальные различия, также находили отражение в составе традиционного костюма.

По свидетельству этнографов, самый богатый и торжественный наряд мордовская женщина надевала единственный раз в жизни — при совершении свадебного обряда [Мордовский народный..., 1990. С. 32]. Брачный возраст у мордвы XIX в. был таков: у эрзи — на 17 году; у мокши — в 20—21 год; в Саратовской губернии — «ранее 20 лет никто свою дочь замуж не выдает» [Майнов, 1885. С. 27—54].

Однако некоторые группы мордвы, как и ряд других народов, практиковали захоронение покойников в самом лучшем платье, а в погребальной одежде пожилых женщин, молодых женщин и девушек наблюдались соответствующие различия [Мордва, 1995. С. 259—269]. Кроме того, у мордвы при проведении широко распространенного обряда имитации свадьбы во время похорон незамужних девушек бытовал обычай захоронения их в свадебном платье [Мордва, 1995. С. 262; Корнишина, 2002. С. 43].

Наиболее представительным по числу элементов, по свидетельству этнографов, у поволжских финнов был комплекс украшений женщин среднего возраста [Корнишина, 2002. С. 14—17; Павлова, 2008. С. 116]. По нашим данным, стабильно полный набор украшений у окских финнов рассматриваемого периода, как правило, имели также замужние женщины в возрасте от 25 до 35—40 лет, что позиционировало их как полноправных членов коллектива, осуществлявших важную репродуктивную функцию. Можно полагать, что погребальная практика и этнографической мордвы, и окских финнов имеет некоторое сходство.

Вместе с тем приходится иметь в виду, что ряд комплексов со «взрослым» инвентарем в типичных для погребений взрослых людей ямах при наличии накосников и отсутствии нагрудных блях может не содержать, например, височных украшений. В инвентаре, где есть бляхи с крышкой, могут отсутствовать либо накосные, либо те же височные украшения. Вероятно, нагрудные бляхи с крышкой могли включать в состав традиционного костюма не сразу после свадебного обряда, а, возможно, при рождении первого ребенка³². Но как это соотносится с наличием/отсутствием височных украшений или накосников остается непонятным. И при современном состоянии источниковой базы этот вопрос нерешаем, как невозможно ответить и еще на целый ряд вопросов: в каком возрасте или в связи с какими событиями обедняется костюм замужней женщины; в какой именно момент из него исключают элементы девичьего убора и т.д.

Все эти соображения указывают на возможность неоднозначной интерпретации рассматриваемых археологических комплексов, тем более что они относятся к разным периодам бытования интересующей нас культуры. Каждый из этих периодов отличается спецификой развития, приоритетным направлением связей, а отсюда и механизмом формирования традиционного костюма. Рассмотрим интересующие нас уборы в динамике.

Варианты интерпретации рассматриваемых комплексов

Период от второй половины — конца IV в. до начала V в. положил начало новому этапу в истории окских финнов, приведшему к заметным изменениям облика традиционного женского костюма. Наиболее кардинально меняется головной убор, из которого исчезают шапочки с головными бляхами и застежками с привесками; меняются типы и виды разнообразных украшений. Это явление связано, вероятно, с формированием новой системы мировоззрения у рязано-окского населения [Белоцерковская, 2005. С. 192].

В процессе сложения по сути нового убора его составные части не сразу обрели присущее им впоследствии место, так как семантика отдельных его элементов еще не сложилась в определенную систему. Поэтому и статус женских костюмов этого времени с точки зрения социовозрастной идентификации их владельцев трудноопределим.

Комплекс **69 Кузьминского могильника** — наиболее ранний из рассматриваемых. Необходимо подчеркнуть архаичность убора из этого погребения. В качестве привесок к накосникам (?) использованы очень ранние формы. Количество и типы гривен (в том числе — массивная обрубленноконечная), нарукавная повязка, обувные ремни с фасетированными привесками [Спицын, 1901. С. 99. Табл. XXII: 11, 15],

³² В некоторых районах мордвы замужняя женщина, не имевшая детей, продолжала носить девичий головной убор в течение трех лет после свадьбы. [Корнишина, 2002. С. 31]. Но, как правило, замена девичьего убора на женский у мордвы происходила по прошествии от 6 недель до одного года после свадьбы [Майнов, 1885. С. 80—84, 165].

типы пряжек — также более соответствуют предшествующему времени, как и головной убор с бляхой, застежкой с привесками и налобным венчиком. Создается впечатление, что в этот убор вошли элементы костюма, сформировавшегося задолго до времени совершения погребения.

Но вместе с тем в рассматриваемом комплексе есть импортная гривна мощинского типа и многовитковые спиральные браслеты, вероятно только что появившиеся на Оке и сразу ставшие раритетом. Как уже неоднократно подчеркивалось, престижные инокультурные элементы перенимали, в первую очередь, представители «элиты» и лишь позже моду интернационального характера начинали копировать другие слои населения [Мастыкова, 2009. С. 178].

Еще одна гривна из этого комплекта (с коробкой) — очень ранняя вариация в ряду таких гривен, указывающая уже на следующий этап в процессе сложения женского костюма рязано-окских финнов. Напомним, что этот тип гривен является имитацией престижных золотых украшений со вставками и новацией этого времени [Белоцерковская, 2010а. С. 84].

Полнота элементов рассматриваемого комплекса, наличие в нем импортных или изготовленных по импортным образцам украшений, которые стали новинками для своего времени, — все свидетельствует о том, что в погр. 69 Кузьминского могильника похоронена женщина с высоким социальным положением.

Этнографы отмечают, что наиболее восприимчив к веяниям моды костюм молодежи, в том числе девушек и молодых женщин [Мордва, 1995. С. 189—190; Павлова, 2008. С. 117]. Это дает основание полагать, что рассматриваемый комплекс принадлежал девушке или молодой женщине (учитывая наличие налобного венчика, скорее — девушке) из семьи с неординарным статусом. И если это так, то ее костюм, большая часть украшений которого была, вероятно, передана ей по наследству, мог быть свадебным. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что мордовские девушки-невесты до свадьбы составляют «парьке» или «парга», включавшие в основном разные виды одежды и украшения. Иногда в формировании «парьке» принимают участие и близкие родственники девушки — бабушка или мать передают ей свои ожерелья и головные уборы [Майнов, 1885. С. 117, 139, 164]. Вследствие этого в костюме невесты, как и в рассматриваемом уборе, могут присутствовать вещи архаичного облика [Павлова, 2008. С. 117].

Но это предположение может соответствовать реальной ситуации только в одном случае — если к этому времени маркеры социовозрастной принадлежности женского убора уже определились.

Более поздний комплекс **7аВ из Никитино** происходит из тройного (предположительно одновременного) захоронения, вероятно близких родственников. По отношению к центральному ин-

тересующее нас погребение находилось справа. Центральное погребение 7бВ (рис. 7; [Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005. Рис. 12, 13]) принадлежало, видимо, взрослой женщине. В ее убор включены 2 очень ранние гривны с коробкой [Белоцерковская, 2010а. Табл. 1; 2], одна из них имеет дополнительные украшения — концевые привески (вероятно, от ажурных застежек). От головного убора отходили парные наконечники в спиральных проназиях, с круглыми умбоновидными проназиями с двумя концевыми петельчатыми объемными привесками³³ (рис. 2: 1). На груди — дисковидная бляха с бортиком вокруг выреза в центре и иглой, с 6 треугольными вырезами вокруг бортика и крупным «жемчужным» орнаментом по краю и по полю бляхи (рис. 7: 8). Это прототип нагрудных блях с крышкой. На руках погребенной — 4 браслета (рис. 7: 9—11).

Для этого убора характерно сочетание уже выходящих из обихода украшений (нагрудная бляха, пластинчатые браслеты, умбоновидные проназии в составе височных и наконечных украшений) и только появляющихся на Оке и не получивших еще широкого распространения гривен с коробками. Дополнительные украшения на одной из них — это попытка придать ей еще более высокий статус. На сегодня известна еще только одна такая гривна с привесками — из случайных сборов на Борковском могильнике [Белоцерковская, 2010а. Рис. 6: 2].

Судя по положению слева от погребения 7бВ захоронения маленького ребенка, а также наличию в комплексе 7бВ бляхи, которая относится к кругу прототипов блях с крышкой, представляется возможным интерпретировать этот убор как принадлежавший, скорее всего, замужней женщине. Две гривны с коробкой подчеркивают высокое положение в коллективе, которое она занимала при жизни.

В таком случае комплекс 7аВ можно рассматривать как захоронение подростка или девушки (два из ее браслетов — со слегка заходящими концами), возможно, в свадебном наряде. На принадлежность ее семье с особым положением в обществе этого периода указывают наличие двух гривен (в том числе с коробкой), бронзовых деталей поясных кистей и многовитковых спиральных браслетов. Здесь к месту вспомнить свидетельство П. И. Мельникова о том, что у тетюшевской мордвы во время свадебной церемонии на руках невесты «до самых локтей — медные запястья, а на пальцах — до 10 колец и перстней» [Майнов, 1885. С. 98]. Любопытно, что в комплексе 7аВ из Никитино наличие многовитковых браслетов только обозначено, поскольку они представлены не полным набором, а фрагментами. Очевидно, на момент совершения захоронения такие браслеты, появившиеся у окских финнов незадолго до этого, были редкостью.

Более позднее погребение **80 из Никитино** (начало V в.) принадлежало женщине 20—25 лет. К этому времени, как представляется, в традиционном костюме окских финнов уже начинают выраба-

³³ Авторы публикации считают эти привески, как в погребении 7аВ, так и в погребении 7бВ, наконечными [Воронина, Зеленцова, Энгватова. Рис. 12:1. С. 20, 22].

тываться некоторые индикаторы социовозрастной принадлежности. В рассматриваемом уборе, наряду с уже архаичной шапочкой с головной бляхой и ажурной застежкой, есть кисть с коробчатыми привесками, налобный венчик, наконники и бронзовые украшения пояса. При подобном сочетании элементов, маркирующих определенную возрастную категорию, наличие здесь двух гривен (одна — с ранней формой коробочки), а возможно, и пояса с бронзовыми деталями, указывает на довольно высокое положение погребенной женщины при жизни. Сочетание налобного венчика с уже выходящими из обихода коробчатыми привесками дает основание предположить, что это был еще девичий костюм. Не исключается возможность и совершения имитации свадебного обряда во время похорон, когда в костюм девушки включались элементы, маркирующие следующий, непрожитый этап — замужество. В данном случае — наконники.

Погребение **7 Старокадомского могильника** (рис. 3) относится к периоду расцвета культуры окских финнов — второй половине V в. В составе комплекса: ставшая к этому времени архаичной короткая затылочная кисть с коробчатыми привесками, налобный венчик, 3 гривны (одна — с коробкой), крестовидная фибула и поясные кисти с бронзовыми украшениями. Фибула указывает на очень высокое положение семьи женщины в коллективе, но нагрудная бляха с крышкой здесь отсутствует. Несмотря на присутствие в этом уборе нестандартных для этого времени украшений (поясные и затылочная кисти), он не производит впечатления роскошного — из наручных украшений в нем, например, всего 2 браслета и 3 перстня. Вероятно, наличия фибулы и трех гривен было достаточно для определения высокого статуса погребенной.

Отсутствие наконников и, тем более, затылочных кистей «классического» вида, наличие головного венчика, архаичной для этого времени кисти с коробчатыми привесками и нагрудной бляхи с перекрестьем свидетельствуют о принадлежности этого комплекса взрослой девушке.

Крестовидные фибулы стали индикатором высокого социального статуса в мужском костюме с конца IV в. В состав престижного женского убора их начали включать позже — примерно с середины V в. Такие костюмные комплексы помимо фибулы содержали полный набор других категорий украшений — височных, наконных, шейных, нагрудных, наручных, но не обязательно в избыточном количестве. Разве что гривен может быть 2, из них одна, как правило, с коробкой (погр. 22, 197Б в Никитино, 71Б в Заречье, 99 в Кораблино), и браслетов было не менее четырех. Все женские костюмы с такими фибулами обязательно включали нагрудные бляхи с крышкой, т.е. принадлежали полноправным членам коллектива — замужним женщинам. Исключение составляет рассматриваемый комплекс.

Погребение **110 из Шатриц** представляет также престижный убор, но уже, предположительно, VI в. В его составе: наконники, 3 гривны (2 из них — с коробками), бляха с перекрестьем, пояс-

ные кисти с бронзовыми пронизями, большое количество крупных объемных подвесок и имитации многовитковых браслетов.

Т.А. Кравченко рассматривала этот костюм как девичий праздничный, однако присутствие здесь парных наконников позволяет предложить и несколько иные варианты интерпретации. Это мог быть костюм, действительно принадлежавший девушке, но надетый на нее для имитации свадебного обряда во время похорон. Наряду с этим костюмом мог принадлежать и замужней молодой женщине, но еще не ставшей полноправным членом коллектива, — возможно, еще бездетной.

В погребении **119 из Заречья** (рис. 4) начала — первой половины VII в. определить возраст погребенной не удалось. Судя по остаткам коронок зубов, она молодая женщина. В ее костюме наряду с другими украшениями присутствуют: налобный венчик, 2 гривны (в том числе уже редкая для этого времени — с коробкой диаметром около 7 см), многовитковые спиральные браслеты в полном сборе, бляха с перекрестьем, большое количество крупных объемных подвесок и уникальные украшения обуви. Два парных набора небольших объемных привесок, возможно, составляли наконные украшения. Этот убор отличается явной избыточностью различных украшений и включением в его состав давно забытых элементов — налобного венчика и спиральных браслетов.

Перечисленное свидетельствует об элитарном характере костюма, а сочетание налобных венчиков с многовитковыми браслетами не исключает возможности интерпретировать его как девичий и, возможно, свадебный.

Этот убор характеризует еще одна черта — в нем мало того что использованы давно забытые украшения, но и, вероятно, предпринята попытка воспроизвести затылочные кисти V в., правда, в сильно утрированном виде (13 крупных подвесок вместо 4, как в «классических» кистях). Признаки «гигантомании» прослеживаются и в венчике с очень крупными пластинчатыми обоймами, и в гривне с большим диаметром коробочки.

Попытки воспроизведения украшений по образцам V века, который окские финны, вероятно, считали для себя «золотым», заметны в целом ряде комплексов. Даже в Кораблино, где «классические» затылочные кисти были большой редкостью в основной период их бытования, такая кисть (правда, без пряжек, но с обоймой) есть в погр. 171 первой половины VII в. Создается впечатление, что в конце VI — начале VII в. проявляются тенденции некоего ренессанса культуры, нашедшие отражение в костюмных комплексах, воспроизводящих образцы V в. [Белоцерковская. В печати].

В погребении **247 из Никитино** (рис. 5) захоронена женщина репродуктивного возраста (30—35 лет) с наконниками, девичьей нагрудной бляхой (с перекрестьем) и имитацией спиральных браслетов. Отметим, что в конце VI — первой половине VII в. костюм замужних женщин по-прежнему маркировали нагрудные бляхи с крышкой.

Высокий статус погребенной подчеркивает присутствие застезки с «крылатой» иглой, указывавшей в этот период на принадлежность владельца костюма к лидирующей группе населения, и трех гривен. Отличительная черта этого убора — отсутствие, за исключением имитаций спиральных браслетов, украшений архаичного облика.

Любопытно, что в погр. 106 из Шатрищ, где, как и в рассматриваемом комплексе, были крупные височные кольца, только одна гривна, три браслета, перстни и наконечники [Кравченко, 1974. Рис. 40. С. 172], а нагрудная бляха и крупные литые привески отсутствовали. Создается впечатление, что в поздний период функционирования обширных рязано-окских могильников нагрудные бляхи с перекрестьем и упомянутые привески подчеркивали престижный характер костюма.

Для убора из комплекса 247 Никитино возможны как минимум два варианта его интерпретации. Это мог быть костюм, фиксировавший положение незамужней или бездетной женщины, но первое маловероятно, учитывая ее весьма высокий статус. Скорее всего, речь может идти об окончательном сложении к этому времени типа специфического погребального костюма для женщин высокого ранга, возможно, на основе девичьего убора. Очевидно, поэтому в рассматриваемом комплексе одновременно присутствуют и девичья нагрудная бляха с перекрестьем, и наконечники, указывающие на замужний статус погребенной женщины.

О принадлежности костюмов из комплексов 119 Заречья и 247 Никитино одной группе населения, обладавшей какими-то властными полномочиями, свидетельствует и близость обряда: помимо перстней на руках, на 3 пальца ног в первом и 2 во втором случае были надеты спиральные перстни.

Подводя итог, необходимо отметить, что предложенные варианты трактовки рассмотренных костюмных комплексов весьма уязвимы, но приведенные наблюдения могут быть использованы и откорректированы в ходе дальнейшего изучения рязано-окских древностей.

Выводы

1. Традиционный женский костюм, несмотря на его консервативность, не статичен. В частности, женский убор окских финнов «классического» облика, хорошо известный по комплексам середины — второй половины V в., начал складываться ближе к концу IV в. К этому времени некоторые его

элементы уже выполняли роль маркеров социо-возрастной принадлежности владельца костюма. В детском и девичьем уборах это небольшие височные кольца с пластинчатыми привесками, налобные венчики с подвесными кольцами и короткие затылочные кисти с привесками. Позже таким индикатором стали и нагрудные бляхи с перекрестьем, что произошло, вероятно, одновременно с появлением нагрудных блях с крышкой.

В период становления престижный женский убор у группы населения, обладавшей определенной властью, выделялся избыточностью входящих в него элементов, сочетая традиционный или уже устаревающий набор украшений с новыми для региона формами, в том числе импортными, или изготовленными по импортным образцам. В качестве нагрудной в нем выступает бляха с перекрестьем.

2. В V — начале VI в. традиционный костюм окских финнов окончательно оформился. Вошедшие в его состав крестовидные фибулы указывали на высокий социальный статус женщин, в основном репродуктивного возраста. Для них был характерен полный набор известных на то время украшений и нагрудная бляха с крышкой. Вероятно, одновременно с этим сформировался престижный убор совершеннолетних девушек, для которого характерно сочетание украшений архаичного облика и современных на тот момент элементов. Нагрудным украшением в таких костюмах была бляха с перекрестьем. Возможно, что такие уборы, но вместе с наконечниками украшениями, в конце VI — первой половине VII в. надевали на умерших девушек при имитации свадебного обряда во время похорон, либо при захоронении замужней, но бездетной женщины.

3. В первой половине VII в. маркером высокого социального статуса в мужском и женском костюмах становятся ранние формы застезек с «крылатой» иглой. В некоторых девичьих престижных уборах наблюдается тенденция воссоздания комплекса украшений женского костюма по образцам V в. Эти уборы отличает избыточность и некоторая массивность элементов. В престижных костюмах этого времени также использованы бляхи с перекрестьем.

В заключение заметим, что к середине VII в. у окских финнов, вероятно, уже окончательно сформировался особый тип женского костюма — погребальный. В основе его — убор совершеннолетней девушки, поэтому в качестве нагрудного украшения выступает бляха с перекрестьем.

Литература

Ахмедов И. Р. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9. М., 2007.

Ахмедов И. Р. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов (по материалам могильника у села Никитино) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула, 2010а.

Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Сер. РСМ. Вып. 13. М., 2010б.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.

- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. О месте фибул в рязано-окских могильниках: постановка вопроса // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1998.
- Белоцерковская И. В. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиция и перспективы. М., 1998.
- Белоцерковская И. В. Затылочные кисти из рязано-окских могильников как элемент головного убора // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.
- Белоцерковская И. В. Некоторые черты погребального обряда рязано-окских могильников // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003.
- Белоцерковская И. В. Уникальный сосуд из рязано-окского могильника Заречье // II Городцовские чтения. Сер. Труды ГИМ. Вып. 145. М., 2005.
- Белоцерковская И. В. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9. М., 2007.
- Белоцерковская И. В. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула, 2010а.
- Белоцерковская И. В. Литые подвески к наконечникам из рязано-окских могильников // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань, 2010б.
- Белоцерковская И. В. Женский комплекс из могильника Кораблино // Образы времени. Из истории первобытного искусства. М., 2012.
- Белоцерковская И. В. Женский костюм окских финнов V—VII вв. Традиции и новации. Сер. РСМ. В печати.
- Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энгватова А. В. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977—78 гг. Труды отдела охранных раскопок. Т. 3. М., 2005.
- Гришаков В. В. Два головных убора с верхнеокскими элементами из Абрамовского могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Проблемы хронологии и этнической истории. Тезисы докладов II Межрегиональной научной конференции. Саранск, 2003.
- Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л., 1926.
- Ефименко П. П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Сер. Труды МНИИЛИЯЭ. Вып. 48. Саранск, 1975.
- Зеленев Ю. А., Шитов В. Н. О планировке Старокадомского могильника // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н.э. Сер. Труды МНИИЛИЯЭ. Вып. 63. Саранск, 1979.
- Зубков В. И. Результаты археологического надзора за Борковским могильником // Архив РИАМЗ, III-1601. 1950.
- Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.
- Корнишина Г. А. Знаковые функции народной одежды мордвы. Саранск, 2002.
- Майнов В. Очерк истории юридического быта мордвы // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XIV. Вып. 1. СПб., 1885.
- Мастыкова А. А. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э. М., 2009.
- Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск, 1995.
- Мордовский народный костюм. Саранск, 1990.
- Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
- Прокина Т. Н. Одежда и украшения // Мордва Заволжья. Саранск, 1994.
- Сарачева Т. Г. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энгватова А. В. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977—78 гг. Труды отдела охранных раскопок. Т. 3. М., 2005.
- Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. № 25. СПб., 1901.
- Шитов В. Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Материалы этнической истории мордовского народа в I — начале II тыс. н.э. Сер. Труды МНИИЛИЯЭ. Вып. 93. Саранск, 1988а.
- Шитов В. Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Сер. Труды МНИИЛИЯЭ. Вып. 85. Саранск, 1988б.

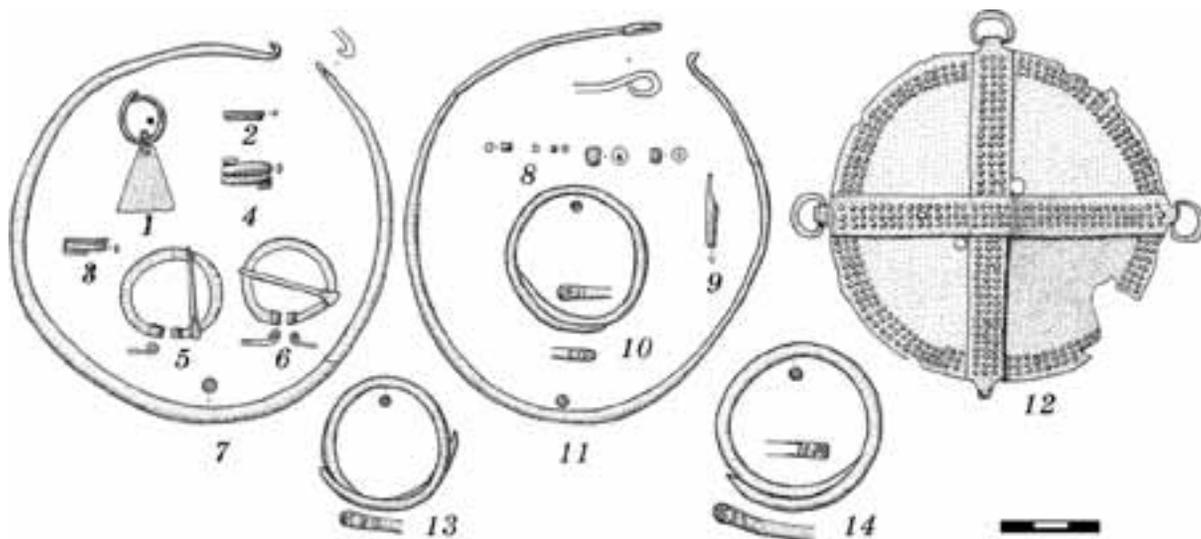

Рис. 1. Комплекс 87 могильника Заречье.
 1 — височная привеска; 2—4 — перстни; 5, 6 — сольгамы; 7, 11 — гривны; 8 — бусы; 9 — шило; 10, 13, 14 — браслеты; 12 — бляха.
 8 — стекло; 9 — железо, дерево; остальное — бронза.
 ГИМ. Раскопки И. В. Белоцерковской

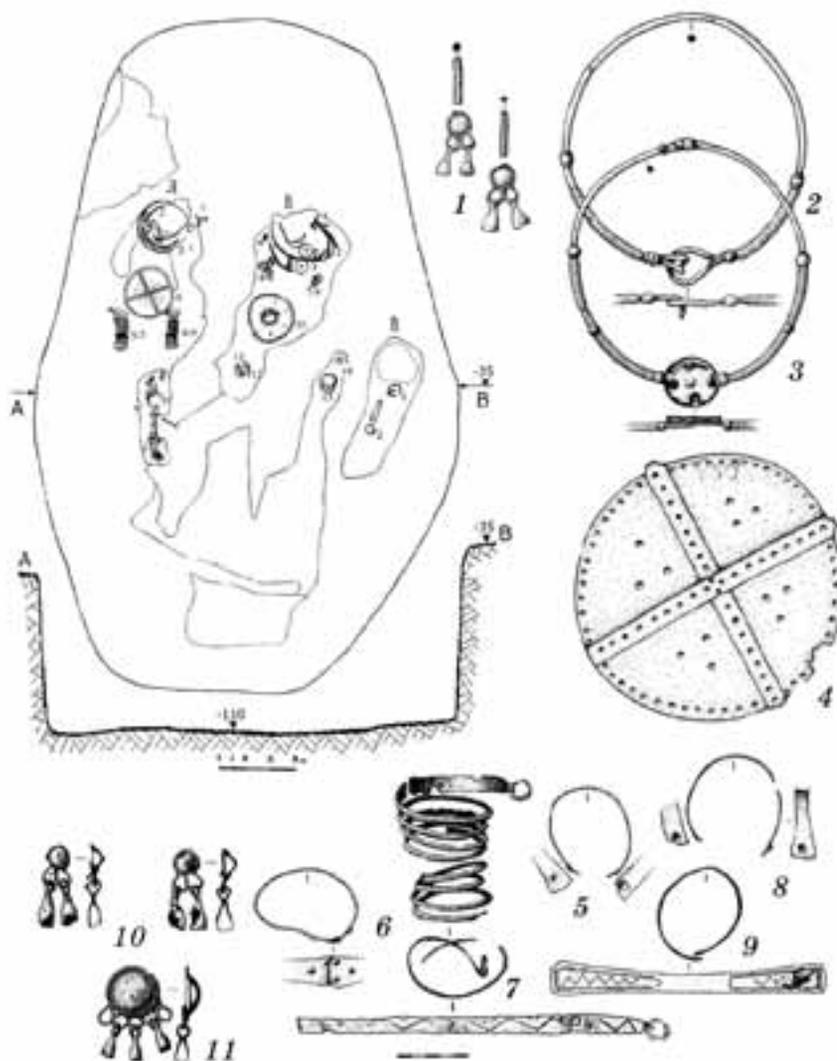

Рис. 2. Комплекс 7aВ могильника Никитино.
 1 — височные привески; 2, 3 — гривны; 4 — нагрудная бляха; 5—9 — браслеты; 10, 11 — пронизи поясной кисти.
 Бронза.
 По: Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005. Рис. 12

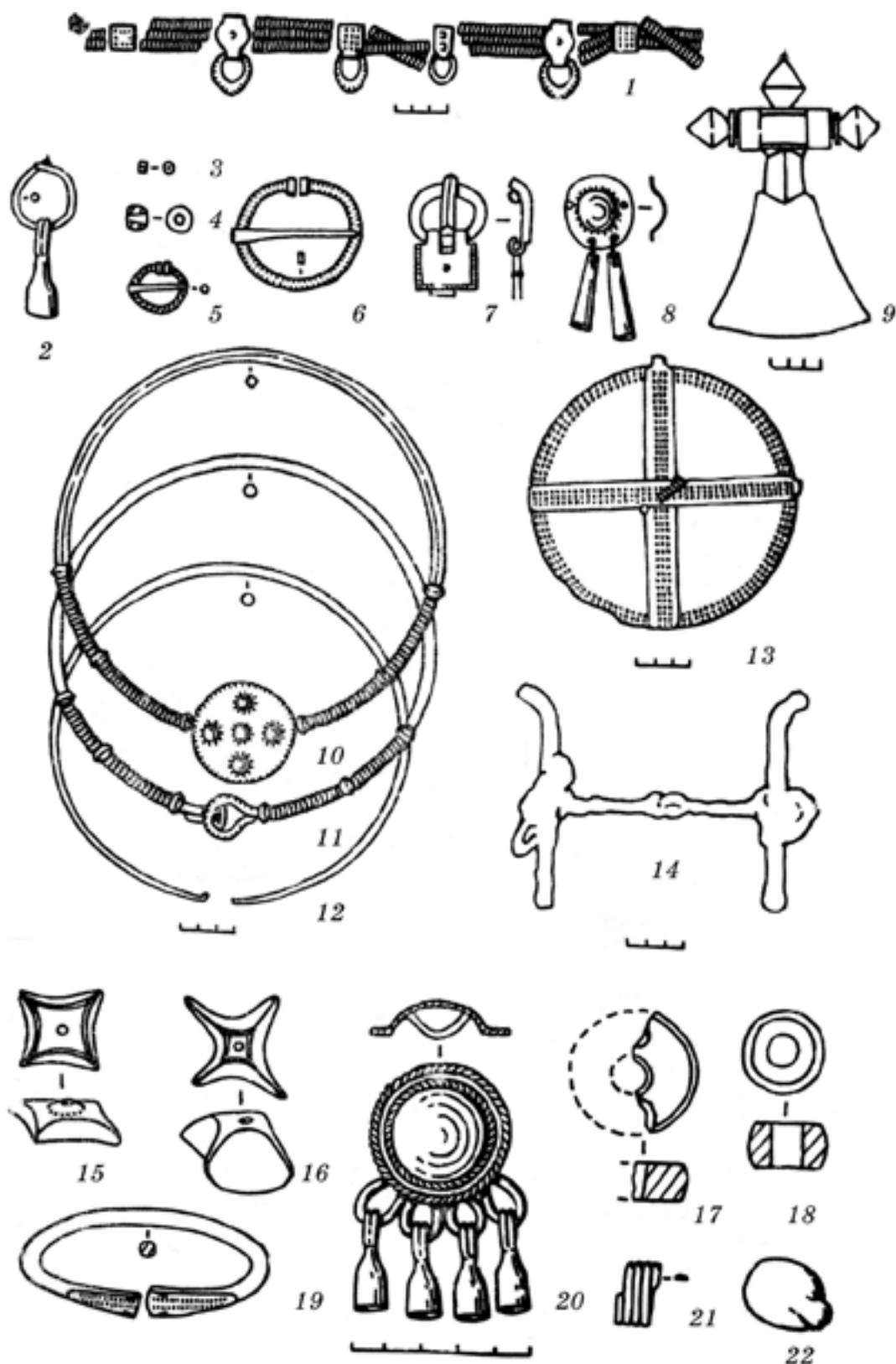

Рис. 3. Комплекс 7 Старокадомского могильника.

1 — налобный венчик; 2 — височная привеска; 3, 4 — бусы; 5, 6 — скульгамы; 7 — пряжка от венчика; 8, 20 — пронизи поясной кисти; 9 — крестовидная фибула; 10—12 — гривны; 13 — нагрудная бляха; 14 — удила; 15, 16 — коробчатые привески; 17, 18 — пряслица; 19 — браслет; 21 — перстень; 22 — кора.
3, 4 — стекло; 9 — бронза, железо; 14 — железо; 17, 18 — глина; остальное — бронза.

По: Шитов, 1988б. Табл. IV

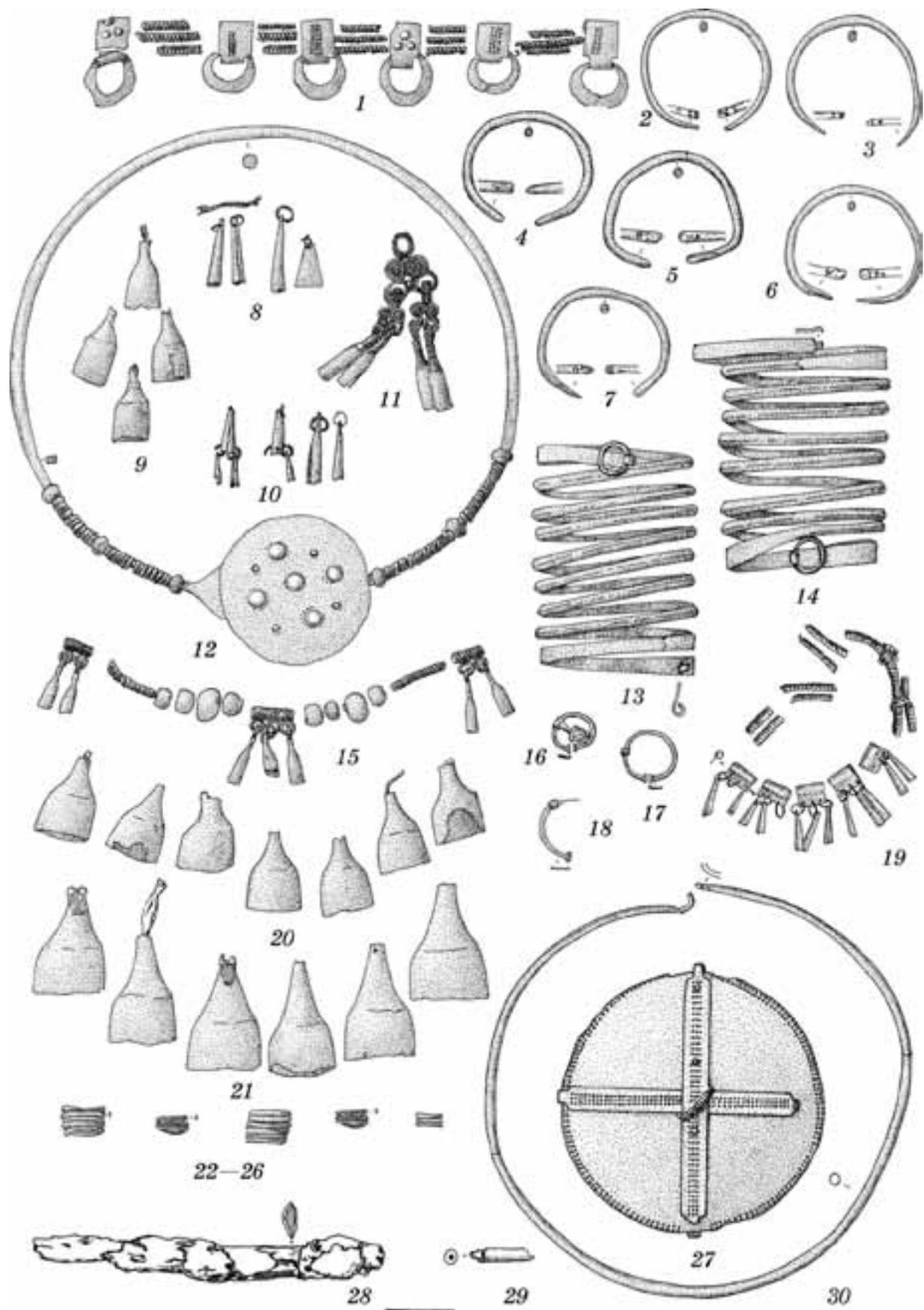

Рис. 4. Украшения из рязано-окских могильников
 1 — налобный венчик; 2—7, 13, 14 — браслеты; 8—10, 20, 21 — привески; 12, 30 — гривны; 15 — ожерелье;
 16—18 — сьюлгамы; 19 — украшение обуви; 22—26 — перстни; 27 — нагрудная бляха; 28 — нож; 29 — шило.
 15 — стекло, бронза; 28—29 — железо, дерево; остальное — бронза.

ГИМ. Раскопки И. В. Белоцерковской

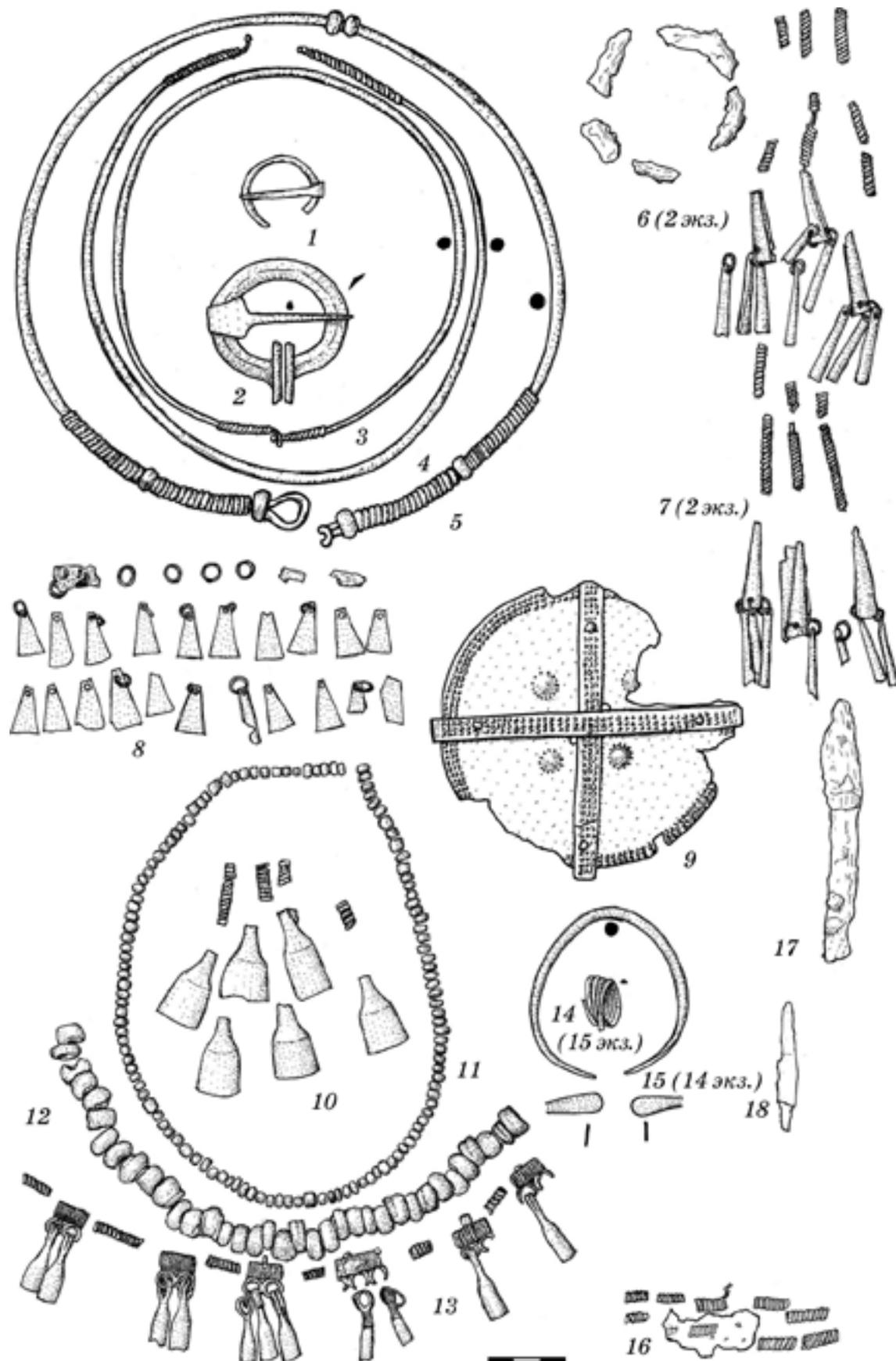

Рис. 5. Комплекс 247 могильника Никитино.

1, 2 — серьгаы; 3—5 — гривны; 6 — височные кольца; 7 — наконски; 8, 10 — привески; 9 — бляха нагрудная; 11—12 — бусы; 13 — ожерелье; 14 — перстни; 15 — браслеты; 16 — украшение обуви; 17 — нож, 18 — шило.

6 — сплав; 10, 11 — стекло; остальное — бронза.

По: Ахмедов, 2010б. Рис. 10

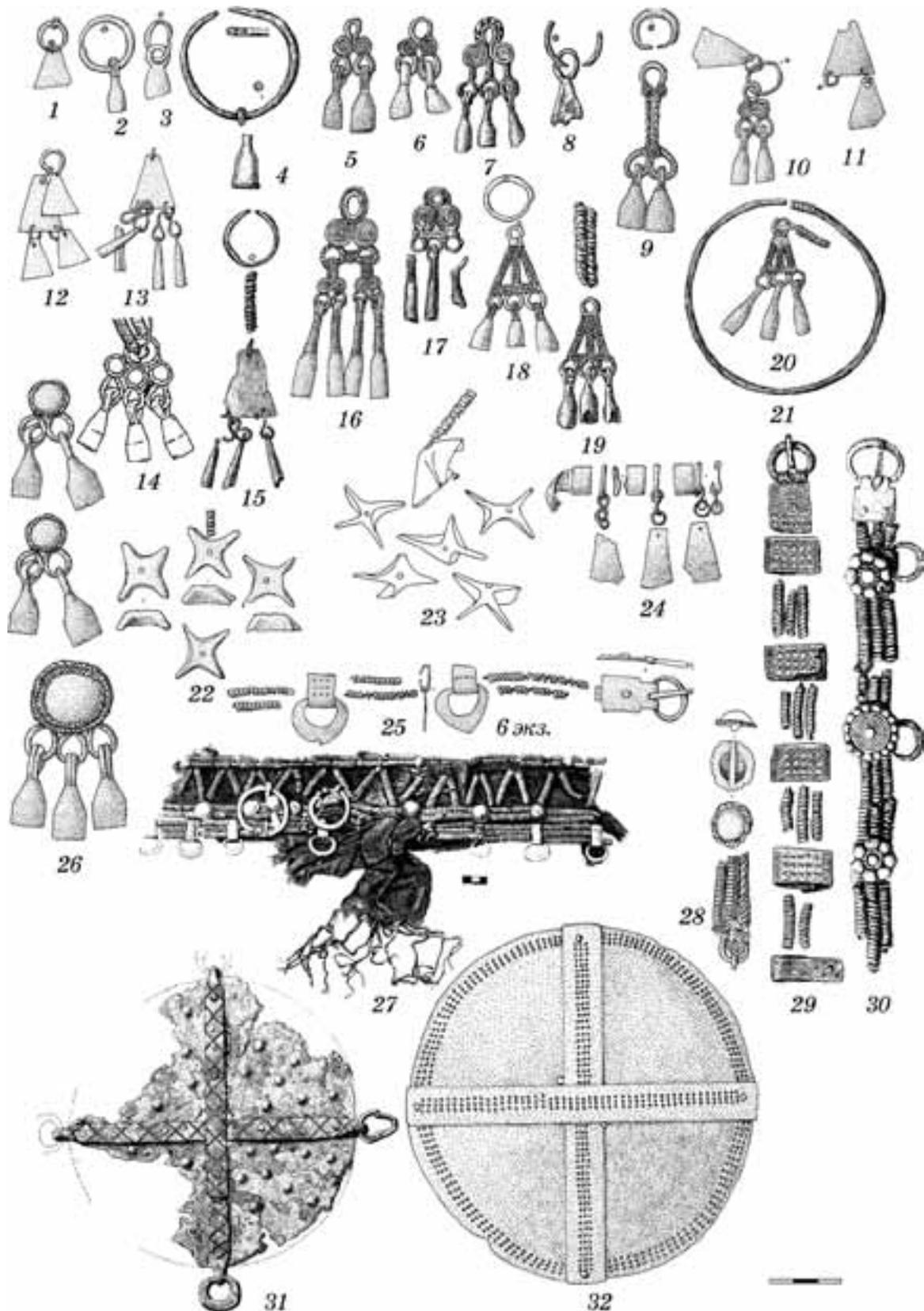

Рис. 6. Украшения из рязано-окских могильников.

1–13, 16–18, 20, 21 — височные кольца и привески; 14, 15, 19 — привески к наkosникам; 22, 23 — коробчатые привески; 27 — убор с венчиком; 28–30 — нарукавные повязки; 31, 32 — нагрудные бляхи.

1, 2 — Заречье 99; 3, 28 — Заречье 77; 4 — Кораблино 35; 5, 9 — Заречье 144; 6 — Заречье 31; 7, 29 — Кораблино 18; 8 — Кораблино 28; 10, 26 — Заречье 195А; 11 — Заречье 195Б; 12 — Заречье 48А; 13 — Заречье 100; 14 — Никитино 80; 15 — Заречье 29; 16 — Заречье 204; 17 — Кораблино 162; 18 — Заречье 48; 19 — Кораблино 28; 20 — Заречье 148; 21 — Кораблино 170; 22 — Заречье 117; 23 — Заречье 46; 24 — Заречье 118; 25 — Заречье 233; 27, 30 — Кузьминский 69; 31 — Кошибеево 21; 32 — Заречье 145.

27 — ткань, бронза; остальное — бронза

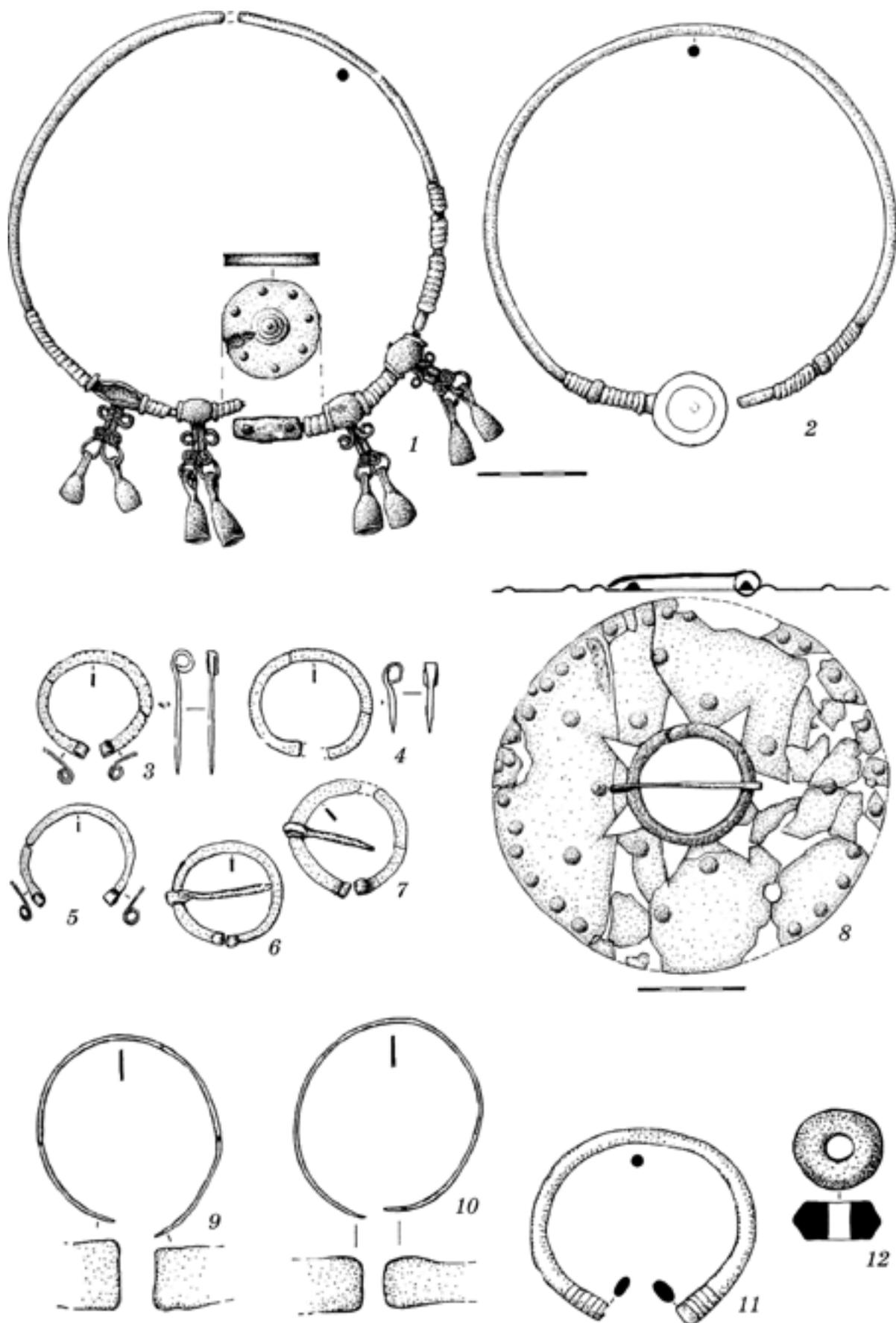

Рис. 7. Комплекс Никитино 76В.

1, 2 — гривны; 3—7 — сюльгамы; 8 — нагрудная бляха; 9—11 — браслеты; 12 — пряслице.
12 — глина; остальное — бронза.

По: Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005. Рис. 13

ПАМЯТНИКИ ТИПА УПА 2

Введение

Памятники раннего железного века бассейна Верхней Оки исследователи традиционно относят к верхнеокской культуре, понятие которой ввел В.В. Седов [Седов, 1969; 1970]. За длительную историю её изучения накоплен обширный археологический материал, который, правда, мало и фрагментарно публиковался. Единственной монографией, посвященной данному региону в этот период, остается труд Т.Н. Никольской «Культура племён бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э.» [Никольская, 1959]. Исследователями затрагивались лишь отдельные проблемы изучения верхнеокской культуры, которые чаще всего были связаны с рассмотрением синхронных ей культур, а обращение к ее материалам было вызвано попытками обосновать ту или иную концепцию в рамках изучения предстории славян на Верхней Оке и сопредельных территориях. Всестороннего комплексного анализа материалов памятников верхнеокской культуры не предпринималось, и большинство проблем, связанных с ее пониманием, далеки от разрешения [Столяров, 2009; 2012]. Большая часть её опорных памятников (как правило, городищ) было открыто и исследовалось Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции под руководством Т.Н. Никольской, при этом обследованию подвергались преимущественно территории Калужской и Орловской областей (в основном левобережье Оки), а памятники Тульской области (т.е. правобережные) практически не изучались. Такая диспропорция в территориальном изучении верхнеокской культуры была отчасти ликвидирована за последние десятилетия разведочными работами Тульской археологической экспедиции Государственного музея-заповедника «Куликово поле». Ныне на территории тульского правобережья р.Оки, преимущественно в бассейне р.Упы, выявлено свыше 100 поселений, содержащих слои раннего железного века. Такие памятники исследователи обычно относят к верхнеокской культуре. Однако, как оказалось при более тщательном изучении материалов, все они, за исключением ряда памятников верхнеокской культуры (городищ Федяшево, Николо-Гастунь, Мишнево, Фурсово 1), имеют иной культурный облик. Это

позволило выделить на правобережье Верхней Оки новую культурно-хронологическую группу — памятники типа Упа 2 [Столяров, 2011а; 2011б]. В предлагаемой статье дается систематическое изложение данных, связанных с памятниками типа Упа 2. Наиболее представительный материал этого круга древностей происходит с селищ Упа 2 (рис. 10—12, 14—16), Супруты (рис. 21—22), городищ Борисово (рис. 25), Торхово (рис. 8), Супруты (рис. 23—24), Лобынское (рис. 18—19). Также слой раннего железного века с керамикой, характерной для рассматриваемой группы памятников, был открыт на территории исторического центра г. Тулы (рис. 5—6).

Специфику керамического комплекса памятников типа Упа 2 определяет лепная керамика, в тесте которой основным отощителем выступает примесь известняка. Возможно, широкое использование данной примеси объясняется особенностями геологического строения бассейна правобережья Верхней Оки, где известняковые породы занимают большое место и имеют многочисленные выходы на поверхность [Иванов, Иванова, 1929; Геологическая карта..., 1998]. Очень часто, вследствие выщелачивания известняка, поверхность черепков имеет пористую структуру. Впервые термин «пористая керамика» для обозначения характерного керамического материала был употреблен А.М. Воронцовым при обработке коллекции из раскопок селища Упа 2 [Клянин, 1995]. Вместе с известняком в керамическое тесто добавлялся мелкий песок, а также средне- и крупнодробленый гранит. Цвет черепка, как правило, светло- или темно-коричневый, хотя встречаются фрагменты серого, бежевого цвета. Керамику отличает разнообразная орнаментация пальцево-ногтевыми вдавлениями и защипами по венчику и тулову сосудов.

К истории исследования. Одним из первых исследователей, кто описал подобный керамический материал на основе коллекции с городища Супруты, была С.А. Изюмова. Она выделяла тонкостенную с примесью известняка и песка керамику в отдельную группу, датируя её первыми веками нашей эры, как характерную для самого раннего периода существования поселения [Изюмова, 1970. С. 67].

Несколько позднее керамику с примесью известняка с городища Супруты анализировал Г.Н. Пронин [Пронин, 1975]. Он отмечал, что заглаженная керамика с примесью известняка представлена на городище невыразительно — мелкими обломками донцев, венчиков и стенок (рис. 23); известняк, использовавшейся в качестве примеси в тесто, в большинстве случаев крупный, в некоторых случаях в тесто добавлялась мелкотолченая известь. Наряду с ними в тесто могло добавляться незначительное количество песка, что делало поверхность сосудов слегка шероховатой на ощупь. Единственной категорией посуды с таким тестом, отмеченной Г.Н. Прониным, были горшки — широкогорлые сосуды вытянутых форм, толщина стенок которых не превышает 4—7 мм, а днищ 7—10 мм. Днища сосудов имеют «закраины» у основания. Характер оформления венчиков разнообразен (высокий отогнутый, высокий слегка отогнутый, прямой вертикальный без шейки); возможно, были и сосуды баночных форм [Пронин, 1975. С. 45]. Орнаментированных фрагментов им было отмечено мало; среди приемов орнаментации: вдавления пальцем (по венчику и тулову), концом заостренной палочки (на венчике), защипы (по венчику и тулову), прочерченный орнамент и ямочные вдавления (по тулову). Именно орнаментальные мотивы позволили Г.Н. Пронину датировать эту керамику началом — серединой I тыс. н.э. Керамика с примесью известняка, по его мнению, бытовала с наиболее раннего времени жизни на городище, так как прослеживалось преобладание этой керамики в нижних (предматериковых) слоях, а отдельные её фрагменты были обнаружены в культурном слое под насыпью вала [Пронин, 1975. С. 45—46].

Подобный материал некоторых поселений в бассейне верхнего течения р. Упы охарактеризовала И.В. Белоцерковская, преимущественно по материалам селища у с. Супруты (рис. 22) [Белоцерковская, 1981]. На основе форм венчиков ею было выделено 7 типов посуды [Белоцерковская, 1981. С. 197—200]. Среди слабо профилированных сосудов она выделяла тип 1 — баночные формы, которые характеризуются прямыми стенками (рис. 22: 1, 2), тип 2 — усечено-конические формы со слабо вогнутым внутрь краем (рис. 22: 3), тип 3 — банкообразные сосуды, характеризующиеся слабой профилировкой тулова (рис. 22: 4—6, 7—11, 20, 21). Среди более профилированных сосудов ею было выделено ещё 4 типа. Тип 4 — характеризуется наличием прямого, вертикально поставленного венчика (высокого, среднего или низкого) (рис. 22: 19—24), тип 5 — характеризуется среднеотогнутым наружу венчиком (рис. 22: 12—15, 28), тип 6 — с большой степенью отогнутости венчика (рис. 22: 16, 30—31), тип 7 — миски (рис. 22: 32) — три целых формы с прямыми, несколько расширяющимися кверху стенками с диаметром устья 11—12 см, дна 7—8 см, высотой 7—8 см. По подсчетам И.В. Белоцерковской, наибольшее количество фрагментов керамики (61 % от всей орнаментирован-

ной) было украшено защипами, 16,6% — ногтевым, 15,8% — ямчатым (рис. 22). На основе анализа орнаментации И.В. Белоцерковская датировала селище Супруты концом I тыс. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э. [Белоцерковская, 1981. С. 201]. Для полной характеристики керамического комплекса наряду с гладкостенной керамикой были отмечены незначительные фрагменты чернолощеной, а также фрагменты сетчатой (8% от грубой) керамики. Сетчатая керамика, по предположению И.В. Белоцерковской, могла бытовать и в первые века н.э. На основе привлечения других материалов с ряда поселений раннего железного века бассейна Верхней Упы И.В. Белоцерковская сделала предположение, что в этом регионе существовала группа поселений, близких на определенном этапе к культуре верхнеокских, москворецких и верхнеднепровских городищ. По её мнению, эти поселения были оставлены балтским населением, на которое во второй половине I тыс. до н.э. — первых веках н.э. значительное влияние оказали финно-угорские группировки [Белоцерковская, 1981. С. 206]. Как уже было сказано, впервые памятники типа Упа 2 были выделены в 2011 г., тогда же были опубликованы некоторые материалы этого круга древностей [Столяров, 2011а; 2011б].

Картография и классификация памятников

Ареал. Анализ коллекций, включая материалы последних исследований, позволяет отнести к памятникам типа Упа 2 132 поселения, расположенные на правом берегу Верхней Оки в её тульском течении, по сути, на территории Окско-Донского водораздела, где наиболее крупной водной артерией является р. Упа, фактически соединяющая бассейны Оки и Дона (рис. 1). Подавляющее большинство памятников (88%) — это поселения открытого типа, расположенные как по берегам крупных рек (р. Упа, правый приток р. Оки), так и по многочисленным мелким притокам р. Упы, вплоть до расположения по берегам небольших оврагов и ручьев.

Северо-западной границей ареала памятников типа Упа 2 выступает р. Ока, юго-восточная очерчена верхним течением р. Осетра, истоками и средним течением р. Упы и правобережьем р. Зуши (рис. 1). Этот абрис юго-восточной границы распространения памятников в целом соответствует южной кромке лесной зоны, установленной палеогеографическими работами А.Л. Александровского и М.П. Гласко на памятниках Тульской области для раннего средневековья [Александровский, Гласко, 1993. С. 10; 1996. Л. 4—6, карта на л. 7]. Выводы исследователей о динамике границы степной зоны в позднем голоцене хорошо согласуются с результатами работ М.И. Нейштадта, обобщившего в середине XX в. данные пылевых анализов четвертичных отложений на территории Восточно-Европейской равнины [Нейштадт, 1957; Краснов, 1971. С. 7—13]. Принимая во внимание все эти исследования, можно сделать вывод о том, что южная граница лесной зоны, обозначенная

для эпохи раннего средневековья, за пределы которой памятники не выходят (рис. 1), установилась с наступлением эпохи субатлантического периода (с середины I тыс. до н. э.).

Локальные группы. Зоной наибольшей концентрации памятников типа Упа 2 является бассейн р. Упы, особенно в её верхнем течении, где сосредоточено около половины (66) известных поселений (рис. 2). Высокая степень исследованности региона позволила при картографировании выделить 13 «гнезд» поселений, которые состоят, как правило, из одного городища и ряда селищ, количество которых может превосходить десяток. Известны случаи, когда «гнездо» состоит исключительно из селищ. В этом случае в каждой группе наряду с небольшими по площади селищами (до 20—30 тыс. м²) обязательно присутствует 1—2 поселения крупных размеров (от 30—50, а иногда и свыше 100 тыс. м²), которые и являются центром «гнезда». Расстояние между поселениями не превышает 6 км, что определяется, видимо, зоной хозяйственного освоения их округи. Сами «гнезда» поселений, вытянутые полосой с северо-востока на юго-запад региона (в зоне наибольшей археологической изученности), находятся на расстоянии около 15 км друг от друга.

Первую группу, расположенную по р. Беспута (рис. 3: А), составляют городище (Теляково) и 7 селищ (Теляково 1—3, Мокрый Корь 2—5), которые располагаются от него на расстоянии не более 6 км. «Центральными» (судя по площади) в этой группе являются селища Теляково 1 (53,4 тыс. м²) и Мокрый Корь 4 (65,2 тыс. м²).

Вторая группа, расположенная в бассейне р. Тулица, представлена двумя городищами Страхово и Торхово (на рубеже эр было неукрепленным поселением) и 13 селищами — Страхово 1, 3—6, Широно 1, Бабанино 3, Бушево 1, Синетулица 3, Долматовка 5—6, Кисленка 6, 8. Все селища находятся от городища Страхово на расстоянии не более 4 км. «Центральным» в этой группе является селище Долматовка 5 (70 тыс. м²).

Третья группа, расположенная ниже по течению р. Тулицы, состоит из 8 селищ — Октябрьский 1, Ивановка 1—3, Архангельское 1, Молодежный 1, расположенных друг от друга на расстоянии, не превосходящем 6 км. «Центральными» в этой группе являются селища Ивановка 3 (142,5 тыс. м²) и Ивановка 6 (45 тыс. м²).

Четвертая и пятая группы расположены в бассейне среднего течения р. Упы. Одну из них (четвертую) образуют городище Малевка и шесть селищ — Малевка 1—3, Осиновая Гора 2—3 и Упа 2. К этой же группе можно отнести участки культурного слоя, изученные при раскопках исторического центра г. Тулы. Максимальное удаление селищ от городища не превосходит 4 км. «Центральным» в этой группе является селище Упа 2 (33,6 тыс. м²).

Пятая группа расположена на правой (противоположной) стороне р. Упы, при устье р. Тулицы и состоит из городища Бежка и 4 селищ — Морозовка 2, Сеженские Выселки 1, Бежка 2, Никитино 2. Макси-

мальное расстояние от селища до городища не превышает 4 км. «Центральное» поселение выделить не удалось, возможно, ввиду недостаточной обследованности территории.

Шестая группа находится на правом берегу р. Тулицы. Её составляют 8 селищ, расположенных в радиусе 4 км друг от друга: Бежка 6—7, Высокое 2, Глушана 1, ул. Металлургов 1—2, ул. Дементьева и Щегловский монастырь. «Центральными» в этой группе являются селища Бежка 6 (46,7 тыс. м²) и Бежка 7 (73,3 тыс. м²).

Седьмая группа, расположена выше по течению р. Упы, на правом берегу её притока — р. Шат. «Гнездо» составляют 4 поселения: Красный Хутор 1—3 и Марьино 1, которые находятся на расстоянии, не превышающем 1 км. «Центральное» поселение выделить не удалось, возможно, ввиду недостаточной обследованности территории.

Восьмая группа расположена еще выше по течению р. Упы и состоит из городища Лобынское и трех селищ (Лобынское 2, 4 и Березовка 1). Наиболее крупным селищем является Березовка 1 (100 тыс. м²).

Девятая и десятая группы известны в бассейне р. Шиворона (правый приток р. Упы). Одна группа из 6 селищ (Хомякова 2, 6, Анненки 1, 3, 5, Крутое 1А) находится на её левобережье, другая из 4 селищ (Замятино 1, Б. Калмыки 2, 4, 5) — на правом берегу. И в том и другом случаях селища располагаются друг от друга на расстоянии не более чем 3 км. «Центральными» в этих группах являются селища Хомяковка 6 (112,5 тыс. м²) и Анненки 5 (108 тыс. м²).

Одиннадцатая группа находится в бассейне р. Колодня (левый приток р. Упы, в её нижнем течении), где в радиусе 6 км сконцентрировано 16 селищ (рис. 3: Б) — Воскресенское 3, 5, 7, 13, 14, 16—18, Лужное 1, 6—8, 10, 13, Дьяково 1, 2. «Центральными» в этой группе являются селища Воскресенское 7 (125 тыс. м²) и Воскресенское 18 (180 тыс. м²).

Двенадцатая группа расположена в бассейне р. Колодня на расстоянии 4 км к северу от одиннадцатой группы и состоит из 4 селищ — Хотетово 1, 3, Коптево 1 и Катешево 10. «Центральное» поселение выделить не удалось, возможно, ввиду недостаточной обследованности территории.

Тринадцатая группа находится в бассейне р. Зуша, на левобережье её притока р. Снежедь (рис. 3: В). Там «гнездо» образуют 7 селищ (Большая Рябая 1, Цветной Хутор 1, Глаголево 1—3, Черемисиново 3—4), расстояние между которыми около 4—5 км. «Центральным» в этой группе является селище Глаголево 1 (54 тыс. м²).

Топография. Классификации памятников типа Упа 2, исходя из их топографии, основывается на материалах 16 городищ и 113 селищ. Главным критерием (признаком) в выделении типов является приуроченность городища или селища к тем или иным условиям местности, с учетом высоты площадки над поверхностью воды или дна оврага. Выделение типов селищ было осуществлено также исходя из размеров площади поселения.

Из **16 городищ**, которые имеют слои горизонта Упа 2, для трех можно уверенно связать возведение их укреплений с деятельностью носителей традиций, представленных на памятниках типа Упа 2: Страхово, Малевка, Лобынское (рис. 4). На первых двух известен только слой раннего железного века, на последнем встречаются материалы и XV—XVII вв., но система укреплений городища, не характерная для позднего средневековья, позволяет сделать вывод об их сооружении в раннем железном веке. Для городищ Супруты, Торхово, Борисово достоверно известно, что их валы и рвы были созданы позднее, чем период существования памятников типа Упа 2, то есть в интересующее нас время это были селища.

Городища Лобынское, Лукерьино, Страхово, Теляково расположены на коренных берегах притоков рек Оки и Упы (реки Крушма, Тулица, Беспута), между двумя оврагами, с высотой над водой до 40 м и площадью до 5000 м²; Никулино, Супруты, Торхово, Юрцово — на мысах при слиянии двух рек (реки Шат, Вашана, Упа, Синетулица), с высотой над водой до 30 м и площадью свыше 5000 м²; Бежка, Ветрово, Картавцево, Мосолово — на мысах коренного берега (притоков р. Оки и их притоков — рек Бежка, Снежедь, Крушма, Выпрейка), с высотой над водой до 40 м и площадью до 5000 м²; Борисово, Дедилово, Малевка — на мысах, образованных коренным берегом реки или ручья (притока р. Оки или притока р. Упы — рек Дедиловка, Беспута) и долиной оврага, с высотой над водой до 30 м и площадью до 5000 м². Укрепленные поселения располагались в укромных, защищенных природными условиями местах, вдали не только от центральной водной артерии р. Оки, но и её притока р. Упы — по берегам мелких рек (3—4-го порядка от р. Волги) и ручьев. Целенаправленных работ по изучению оборонительных укреплений на обозначенных памятниках не предпринималось, поэтому ограничимся визуальным (топографическим) описанием укреплений.

На городище Страхово (рис. 4: 1) с напольной восточной стороны зафиксированы два сильно оплывших вала высотой в центральной части до 0,7 м. и шириной до 5 м. Валы имели в плане серповидную форму и длину до 36 м. Перед валами располагался ров, практически сnivelированный в центральной части и читавшийся только на краях оврагов [Наумов, 2008. Л. 54]. Площадку на городище Лобынское (рис. 4: 2) с северной стороны ограничивают три ряда валов и рвов. Первый вал высотой до 2 м, ров перед ним глубиной до 2 м. Второй вал высотой до 2,5 м, ров перед ним глубиной до 2 м. Третий вал высотой до 1 м, ров перед ним глубиной до 1 м. С восточной стороны городища, между карстовым провалом и краем оврага, расположены еще три ряда небольших валов [Иванов, 2003. Л. 6—7]. Городище у д. Малевки (рис. 4: 3) с напольной стороны защищают два вала, высотой 1,5—2 м, и два заплывших рва, глубиной до 1 м [Фомин, 2001; Л. 24—25].

Топографический анализ **113 селищ** типа Упа 2 позволил выделить **3 ландшафтных типа**, каждый из которых подразделяется на 2—3 подтипа.

I. Селища, расположенные на берегу реки: центральной водной артерии региона — р. Оки (только 2 памятника — селища Жуково и Черногрязка), её притоков 2-го порядка (реки Упа, Крушма, Беспута, Тросна), 3-го порядка (реки Колодня, Глушана, Тулица, Вера, Малевка, Упка, Шиворона, Бежка) и 4-го порядка (р. Снежедь) (58 памятников (51,32 %)). Подтипы:

1. На плато коренного берега реки с высотой над поверхностью воды от 3—5 м до 40 м — 38 (65,52 %);
2. На мысу, при слиянии коренного берега реки и ручья или долины оврага, по которой протекает ручей, с высотой над поверхностью воды от 5—7 м до 25 м — 16 (27,58 %);
3. На плато коренного берега реки, между двумя оврагами с высотой над поверхностью воды от 4 до 40 м — 4 (6,9 %).

II. Селища, расположенные по берегам ручьев (часто безымянных) — притоков р. Оки 2-го (руч. Злакома) и 5-го порядка — Халкелец, Алешня — 15 (13,28 %). Подтипы:

1. На берегу ручья с высотой над поверхностью воды от 2—5 м до 20 м — 13 (86,6 %);
2. На берегу ручья, недалеко от его устья, с высотой над поверхностью воды до 16 м — 2 (13,4 %).

III. Селища, расположенные по овражно-балочной системе, где овраги представляют собой притоки рр. Шиворона, Упа, Бежка, Снежедь, Колодня и т.д. — 40 (35,4 %). Подтипы:

1. В верховьях оврагов с высотой над его ложем до 30 м — 16 (40 %);
2. На берегу оврага с высотой над его ложем до 25 м — 22 (55 %);
3. При устье оврага с высотой над его ложем до 20 м — 2 (5 %).

Исходя из размеров неукрепленных поселений выделено **5 категорий селищ**: А — до 2000 м² — 8 (7,07 %), Б — 2000—6000 м² — 17 (15,05 %), В — 6000—10000 м² — 15 (13,28 %), Г — 10000—20000 м² — 16 (14,15 %), Д — более 20000 м² — 57 (50,45 %). В категории Д известны селища площадью свыше 100000 м².

Таким образом, количественно доминирующим типом поселка было довольно крупное селение, площадь которого была не менее 20000 м² и могла превышать даже 100000 м², как например селища Воскресенское 7, 13, 18, Черногрязка, Анненки 5, Березовка 1, Ивановка 2, 3. Поселки с площадью менее 2000 м² (ул. Metallургов 1, Чегодаево 1, Страхово 3—5) не характерны. Посёлки площадью от 2000 до 20000 м² в совокупности составляют чуть менее половины от общего количества анализируемых селищ. Топография и микрогеография памятников типа Упа 2, их видовое соотношение (сильное доминирование открытых поселений), описанные выше, не характерны для памятников

раннего железного века европейской части России. По-видимому, главную роль в выработке новых принципов расселения сыграл фактор, связанный в первую очередь с изменением климата около рубежа н. э., — снижение влажности и, как следствие этого, понижение уровня грунтовых вод и усиление обезвоживания почвы [Арион, Башкатов, Обломский, Терпиловский, 2010. С. 99—100].

Постройки

По материалам, происходящим с памятников типа Упа 2, может быть реконструировано не менее 8 построек, которые могли использоваться в качестве жилищ. Главная сложность, возникающая при их исследовании, заключается в том, что большинство построек наземные и их следы легко разрушаются распашкой.

Впервые профиль постройки, которая соотносится с памятниками типа Упа 2, был изучен в ходе зачистки обнажения городского культурного слоя в Зареченском районе г. Тулы. Изученная постройка (по полевой документации — «яма 1») имела длину 2,6 м и была заглублена в материк на 0,36 м. При зачистке профиля постройки был обнаружен 21 фрагмент лепной керамики, черешковый нож и фрагмент металлургического шлака (последние, вероятно, попали из вышележащего слоя вследствие перекопа) [Гриценко, 1990. Л. 57—58. Рис. 1, 76—79, 81].

В 1991 году в ходе охранных работ в Зареченском районе г. Тулы была выявлена ещё одна постройка (по полевой документации — «яма 3» и «столбовая яма 5») и относящаяся к ней яма, имеющая полевой номер 10. Постройка имела неправильную подчетырёхугольную форму; размеры изученной части составили 2, 25 × 1,3 м. [Гриценко, 1991. Л. 9. Рис. 10—13], глубина — 0,3—0,36 м. В ней было обнаружено 24 фрагмента лепной керамики, часть из которых имела следы лощения [Гриценко, 1991. Л. 11—12. Рис. 23: 3—4, 6—7, 10—13, 15—16], из индивидуальных находок следует отметить фрагмент глиняного грузила и фрагмент точильного бруска, сделанного из известняка. Недалеко от «ямы 3» была выявлена «столбовая яма 5», имеющая округлую в плане форму, диаметр 0,55 м и глубину 0,25 м [Гриценко, 1991. Л. 9. Рис. 10—13]. В яме было найдено 2 фрагмента лепных сосудов [Гриценко, 1991. Л. 11. Рис. 23: 15—16]. Видимо, яма 5 представляет собой столбовую яму, конструктивно связанную с постройкой («ямой 3»). Со слоем памятника типа Упа 2 была также связана яма 10, имевшая размеры 1,5 × 1,05 м и глубину 0,59 м. На дне ямы было обнаружено 4 фрагмента лепной керамики и фрагмент глиняной обмазки [Гриценко, 1991. Л. 14. Рис. 12; 24: 6,7—9,10; 29: 9]. Реконструируемый комплекс, таким образом, представляет собой наземную постройку столбовой конструкции с врезанным в материк небольшим котлованом подпрямоугольной или подквадратной формы с длиной стен около 2,25 м. Наличие фрагментов глиняной обмазки может свидетельствовать в пользу того,

что стены обмазывались глиной. Следов отопительного устройства найдено не было (необходимо учитывать, что постройка исследована лишь частично). С постройкой, вероятно, была связана хозяйственная яма 10.

На городище Торхово раскопками В. П. Гриценко выявлена постройка, связанная с горизонтом типа Упа 2 (по полевой документации — «яма 17»). Она (рис. 7) имела прямоугольную в плане форму, размеры 2,52 × 2,12 м, неровное дно с максимальным заглублением в материк на 0,24 м. В её заполнении было найдено 62 фрагмента керамики (рис. 8), представленной обломками и развалами слабопрофилированных горшков с невысоким отогнутым венчиком, иногда орнаментированными защипами и пальцевыми вдавлениями по верхнему краю и по плечу [Гриценко, 1996].

На селище Упа 2 в раскопе № 2 1996 г. (рис. 9) была выявлена постройка размерами около 3,1 × 3,2 м, прослеженная по концентрации фрагментов обожженной глины, некоторые из которых имели следы от прутьев и угольков [Воронцов, 1996. Л. 4]. С постройкой была связана хозяйственная яма 1 размерами 1,16 × 1,18 м, заглубленная в материк на 0,4 м. [Воронцов, 1996. Л. 5]. В заполнении этой ямы были найдены фрагменты керамики (рис. 11) и 3 фрагмента глиняных грузил овального сечения (рис. 12: 7—9). Ещё один фрагмент глиняного грузила и фрагмент глиняного пряслица цилиндрической формы были найдены недалеко от постройки [Воронцов, 1996. Л. 4—5]. Отсутствие столбовых ям, конструктивно связанных с постройкой, не исключает возможность варианта крепления столбов каркаса (с плетневой конструкцией стен, обмазанных глиной) в горизонтально лежащей нижней балке или срубную конструкцию стен постройки.

К остаткам наземной постройки столбовой конструкции на селище Упа 2 может быть также отнесен комплекс столбовых ям из раскопа № 1 1995 г. (рис. 13). Восточный угол постройки был разрушен в ходе строительных работ. Размеры постройки, судя по сохранившейся части, — 5,8 × 4,28 м. Постройка ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, в ней зафиксировано большое скопление керамического материала и найдены глиняное пряслице битрапиевидной формы и аналогичной формы фрагмент грузила (рис. 16) [Клянин, 1995. Л. 62]. С постройкой была связана яма 1 размерами 1,18 × 0,88 м, глубиной до 0,48 м. Вероятно, они составляют комплекс.

На городище Лобынское в ходе работ Н. В. Иванова была выявлена наземная постройка столбовой конструкции, вытянутой подпрямоугольной формы, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток (рис. 17). Её размеры составляют по длине и ширине не менее 3 и 1,8 м соответственно, а максимальное заглубление в слой 0,39 м. В постройке были найдены 87 фрагментов керамики типа Упа 2 (рис. 18—19) [Иванов, 2003. Л. 10—11].

Ряд объектов, выявленных в ходе работ А. В. Шевкова на селище Супруты 1, представляет собой

остатки не менее двух наземных построек, частично заглубленных в материк [Шеков, 1996. Л. 46]. Ввиду того что селище распаивалось, границы построек можно проследить только по остаткам частей заглубленных в материк котлованов и столбовых ям. Так, комплекс ям 1а, 1б и 8 является частью наземной постройки столбовой конструкции, заглубленной до 0,12 м в материк (рис. 20). Реконструируемые размеры вскрытой части, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток, составляют около 2х2,3 м. С постройкой связана находка костяного наконечника стрелы в столбовой яме 1а (рис. 21: 8). На углу ям 1 и 8 было найдено изделие из бронзы в виде трапеции с треугольным сечением (рис. 21: 10).

Вторую наземную постройку столбовой конструкции, заглубленную до 0,12 м в материк, представляет комплекс ям 2, 4—7 (рис. 20). Реконструируемые размеры постройки, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток, составляют около 3х3 м. Возможно, с постройкой была связана яма №3, являющаяся, по интерпретации автора раскопок, остатками разобранного или распаханного очага [Шеков, 1996. Л. 42]. В постройке были найдены остатки не менее 3 лепных сосудов [Шеков, 1996. Л. 40].

Остатками третьей наземной постройки столбовой конструкции, видимо, являются столбовые ямы 9, 11—13 и 14. Её реконструируемые размеры составляют около 4х6 м. Она была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Внутри постройки были найдены железный серповидный нож (рис. 21: 9), железный клин и железный черешковый наконечник стрелы (рис. 21: 7) [Шеков, 1996. Л. 39].

Комплекс ям 2—8 в восточной части раскопа №2 селища Упа 2 представляет собой остатки наземной столбовой постройки или плетня, располагающегося рядом с вышеописанной постройкой (рис. 9: II). Объекты подобного рода, т.е. ряды столбовых ямок, расположенных на расстоянии не более 1 м друг от друга, были выявлены в раскопе 2000 г. в Тульском Кремле [Екимов, 2000. С. 432. Рис. 19], в раскопе 1 на пересечении ул. Никитская и Дзержинского в г. Туле [Клянин, 2002. Рис. 15].

Таким образом, все постройки, по которым достаточно данных для реконструкции, представляют собой наземные однокамерные сооружения столбовой конструкции. У многих построек прослежены котлованы, заглубленные от 0,12 до 0,39 м в культурный слой или материк (постройки с городищ Торхово, Лобынское, две постройки в северной части раскопа XXIII на селище Супруты 1 и две постройки, изученные в Зареченском районе г. Тулы). Все постройки, за исключением одной (с селища Супруты 1, которая ориентирована по линии юго-запад — северо-восток), имеют одинаковую ориентировку: северо-запад — юго-восток.

Исходя из формы построек в плане и их размеров, выделяются варианты:

1) подквадратной формы, с заглубленным в слой или материк котлованом 2,52х2,12 м, как на го-

родище Торхово; 3,1х3,2 м, как на селище Упа 2; 3х3 м, 2х2,3 м, как на селище Супруты 1;

2) прямоугольной формы небольших размеров (1,8х3 м на городище Лобынское), с заглубленным в слой или материк котлованом. Учитывая конструктивное сходство и известные размеры, к этому варианту относится частично изученная постройка с селища Супруты 1;

3) прямоугольной формы больших размеров, видимо, с заглубленным в слой котлованом 4х6 м, как на селище Супруты 1, и 4,28х5,8 м, как на селище Упа 2.

Постройка с городища Торхово (вариант 1) аналогична постройке, изученной на Синьковском селище, относящейся к первому этапу бытования памятников типа верхнего слоя городища Полужье [Амброз, 1964. С. 59. Рис. 4: 3]. Их сближают не только сходные размеры, но и углубленность обеих построек в материк (до 0,3 м), а также отсутствие отопительного устройства. Ввиду того что столбовых ям выявлено не было, нельзя исключать варианта крепления столбов каркаса в горизонтально лежащей нижней балке, как это было прослежено по материалам построек Люботинского городища лесостепной Скифии [Шрамко, 1998. С. 22], или срубную конструкцию стен постройки.

Однокамерные постройки подквадратно-прямоугольных форм, каркасно-столбовой конструкции, с плетневыми стенами, обмазанными глиной, относительно небольших размеров, иногда несколько углубленные в слой или материк (близкие вариантам 1 и 2 построек на памятниках типа Упа 2), показательны для традиций домостроительства, широко известных по материалам лесостепных городищ скифского времени [Пузикова, 1995. С. 5], в частности Курского Посеймья, где они представляют доминирующий тип жилищ [Пузикова, 2007. С. 161—162; Медведев, 1998. С. 37]. Они также находят аналогии в материалах городецкой культуры Верхнего Подонья [Медведев, 1999. С. 42; Сарапулкина, 2010. С. 16]. Известны они и на зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья, на которых фиксируются скифские традиции [Максимов, 1978. С. 45—45; Пачкова, 2006. С. 50—51], а также на позднеюхновских поселениях Верхнего Подесенья [Амброз, 1964. С. 59].

Наземные постройки столбовой конструкции относительно больших размеров, с длиной стен 4х6 м (близкие варианту 3 построек на памятниках типа Упа 2), характерны для юхновской культуры V—III вв. до н. э. [Амброз, 1964. С. 56; 1978. С. 30—31. Рис. 1; Левенок, 1957. С. 49; 1963. С. 89].

В ряде случаев рядом с постройками, которые можно соотносить с жилищами, зафиксированы хозяйственные ямы округлой или овальной формы. В Зареченском районе г. Тулы размеры ямы составили 1,5х1,05 м, глубина — 0,59 м. [Гриценко, 1991. Л. 14]. На селище Упа 2 в раскопе 1 размеры ямы — 1,18х0,88 м, глубина — до 0,48 м [Клянин, 1995. Л. 62]; в раскопе 2 была выявлена яма размерами 1,16х1,18 м, глубиной до 0,4 м. [Воронцов, 1996. Л. 5].

Поблизости от описанных построек встречаются и столбовые ямы, очевидно связанные с жилищно-хозяйственным комплексом, а в некоторых случаях (например, на селище Упа 2) не исключено, что они являются остатками наземной хозяйственной или жилой постройки.

Керамические сосуды

Наиболее полное представление о керамическом комплексе памятников типа Упа 2 дают материалы следующих **памятников**: селищ Упа 2 и Супруты 1, городищ Торхово, Борисово, Супруты, Лобынское, а также материалы, происходящие из раскопок на территории г. Тулы. Кроме того, использовались материалы разведок с городищ Дедилово, Страхово, Мосолово, селищ Бежка 1—3, Солодка и ряда других памятников. Для анализа отбирались все крупные профильные части, а также орнаментированные стенки сосудов. Все упомянутые коллекции хранятся в фондах музея-заповедника Куликово поле.

Коллекция с городища Торхово (раскопки В.П. Гриценко 1996 г.) насчитывает 62 фрагмента керамики, происходящей из описанной выше постройки («ямы 17»), включает в себя обломки и развалы слабопрофилированных горшков с невысоким отогнутым венчиком, иногда орнаментированным пальцевыми вдавлениями по верхнему краю (рис. 8: 1, 2, 5), ряд венчиков лишен орнаментации (рис. 8: 3, 6—8). Один сосуд при переходе венчика в плечико украшен орнаментом в виде жемчужин (рис. 8: 1).

Выразительный материал был получен из слоя 3 на городище Борисово в результате раскопок А.М. Воронцова 1998—1999 гг. Этот слой относится ко времени существования поселения типа Упа 2, перекрыт более поздними слоями, относящимися к мощинской культуре (рис. 25—26). Коллекция керамики насчитывает 28 профильных частей (13 венчиков и 15 донцев), а также 8 орнаментированных стенок. Основной способ орнаментации венчика — пальцевые вдавления иногда с отпечатком ногтя (рис. 25: 1, 2, 4, 14; 26: 4). В нескольких случаях край венчика орнаментирован насечками (рис. 26: 2—3) либо лишен орнаментации. В шести случаях стенки орнаментированы пальцево-ногтевыми вдавлениями (рис. 25: 1; 26: 5—6). Четыре стенки сосудов орнаментированы вдавлениями щепочкой или палочкой по плечикам и тулову сосуда (рис. 25: 12, 14—15). На одном фрагменте углубления образуют фестон из треугольников (рис. 25: 3).

Наиболее представительный керамический материал из раскопок на территории г. Тулы был получен в результате работ Р.В. Клянина 2002 г., когда впервые на территории города удалось изучить непо потревоженный слой, относящийся к памятнику типа Упа 2. Из нижнего слоя раскопа было собрано более 200 фрагментов характерной керамики. В настоящее время коллекция насчитывает 13 профильных частей (6 венчиков и 7 донцев), а также 10 орнаментированных стенок (рис. 5—6). Основной способ орнаментации края венчика — пальцевые

вдавления, иногда с отпечатком ногтя (рис. 5: 2, 4—6). Стенки орнаментированы защипами (рис. 6: 2—5, 9), пальцевыми вдавлениями (рис. 6: 6, 10), возможно, предметом, имитирующим отпечаток ногтя (6: 1, 7—8).

Керамическая коллекция с городища Лобынского (раскопки Н.В. Иванова 2003 г.) насчитывает 22 венчика, один из которых, видимо, принадлежит миске (рис. 19: 5). Ряд венчиков украшен пальцевыми вдавлениями (рис. 18: 7; 19, 4, 13, 14, 16, 17), насечками (18: 2; 19: 12) либо лишен орнаментации (рис. 18: 3, 6; 19: 6, 11, 15). Керамический комплекс раскопа 1 селища Упа 2 [Клянин, 1995] состоит в основном из гладкостенной груболепной керамики — 97,3% (из этого числа 83% составляет «пористая» керамика, поверхность которой покрыта кавернами в результате выщелачивания примеси известняка). Заглаженной керамики крайне мало (1,9%), а лощеная керамика представлена единичными фрагментами (0,8%). Из 1477 фрагментов всего 88 имеют орнаментацию, что составляет 6%. В количественном соотношении первое место (74%) занимают профильные части, орнаментированные защипами, второе — украшенные вдавлениями (18%), третье — насечками (8%). Приблизительно такая же пропорция в соотношении способов обработки поверхности сосуда характерна для коллекции из раскопа 2 селища Упа 2 — гладкостенная груболепная керамика составляет 92%, заглаженная — 8%. Лощеную керамику с раскопа 2 представляет всего 1 венчик. Из более чем 1200 фрагментов керамики с раскопа 2 лишь 3% имеют орнаментацию. Процентное соотношение типов орнамента аналогично этим показателям в отношении коллекции, происходящей из раскопа 1: 77% — защипы, 23% — вдавления.

Кроме находок с селища Упа 2, единичные лощеные фрагменты керамики присутствуют в материалах с селища Супруты 1, в материалах из шурфа на городище Малевка, а также из раскопа на городище Борисово и в яме 3 из раскопа 1991 г. в Зареченском районе г. Тулы. По ним нельзя установить форму сосудов. Ряд фрагментов имеет сходство с лощеной посудой мощинской культуры и является, вероятнее всего, результатом перекопов, не зафиксированных при раскопках.

Коллекции подъемного материала с селища Солодка 1 у с. Супруты, с городищ Страхово и Мосолово не вносят каких-либо существенных дополнений в характеристику керамического материала по рассмотренным опорным коллекциям.

Исходя из имеющегося материала, можно сделать вывод, что основным способом **орнаментации** края венчика сосудов являются пальцевые вдавления с отпечатком ногтя, просто пальцевые вдавления и вдавления палочкой (насечки). Пальцевые защипы и вдавления встречаются на шейке и плечиках сосудов, даже составляют вертикальные ряды ногтевых вдавлений и другие орнаментальные композиции (рис. 5; 6; 8: 1, 2, 5; 10; 11; 16; 21: 1—6; 22). Пальцевые вдавления, насечки и защипы по краю венчика — типичный элемент орнаментации груболепных

горшков культур скифского времени в лесостепной зоне на территории Днепро-Донского междуречья [Пузикова, 1997. С. 37], а также зарубинецкой культуры как Верхнего, так и Среднего Поднепровья, где происхождение такой орнаментации горшков обычно связывают именно с традициями культур скифского круга [Дробушевский, 2008. С. 99].

На некоторых керамических фрагментах зафиксирован орнамент в виде вдавлений щепочкой или палочкой по плечикам и тулову сосуда (например, рис. 25: 12, 14—15), на одном фрагменте углубления образуют фестон из треугольников (рис. 25: 3), характерный для керамики юхновской культуры V—III вв. до н. э. [Левенок, 1963. С. 90].

Орнамент в виде жемчужин встречен на керамике с городища Торхово (рис. 8: 1) и селища Супруты [Белоцерковская, 1981. С. 202], а в виде прокола под венчиком — на городищах Супруты (рис. 24: 4) и Дедилово [Воронцов, 1998]. Распространение такой орнаментации может объясняться влиянием со стороны лесостепных «скифоидных» культур. Их ближайшие памятники известны в верховьях р. Оки (городища Воротынцево, Лужки, Новосиль), где они расположены чересполосно с памятниками юхновской культуры и доживают по крайней мере до II в. до н. э. [Никольская, 1969. С. 23; Седов, 1965. С. 57]. Не исключено их существование вплоть до рубежа эр [Никольская, 1958. С. 69]. Уменьшение количества керамики, орнаментированной проколами и жемчужинами, — общая линия развития керамического комплекса лесостепных городищ «скифоидной» культуры междуречья Днестра и Дона [Медведев, 1998. С. 30].

Использование населением, оставившим памятники типа Упа 2, в качестве примеси дресвы, а не шамота может указывать на воздействие городецких керамических традиций, например из Верхнего Подонья. Там в VI—V вв. до н. э. возникло этнокультурное новообразование, в котором сочетались элементы лесостепной «скифоидной» и лесной городецкой культур, а уже к IV—III вв. до н. э. городецкий субстрат, видимо, был полностью ассимилирован пришлым лесостепным населением [Бирюков, 1996. С. 68; Медведев, 1993. С. 71, 76]. При этом в качестве основной примеси в тесте керамики по-прежнему продолжает использоваться дресва.

На основе анализа коллекции с селища Супруты 1 И. В. Белоцерковской прослежено и влияние на керамический комплекс памятников типа Упа 2 традиций дьяковской культуры. Оно выражается в наличии сходных типов орнамента и присутствии фрагментов посуды с сетчатой поверхностью [Белоцерковская, 1981. С. 201].

Керамический материал, происходящий с памятников типа Упа 2, крайне фрагментирован и в основном представлен непрофильными частями сосудов. Поэтому на данном этапе исследований представляется целесообразным ограничиться делением **керамических форм** на варианты по профилировке верхней трети сосуда. Типологически определяемые сосуды с памятников типа Упа 2 относятся к 4 основным вариантам.

1) Слабопрофилированные горшки с прямым почти вертикальным или несколько отогнутым наружу коротким венчиком и слабо выраженным плечиком (рис. 5: 1; 8: 5—8; 15: 10; 19: 13; 21: 4; 22: 7—11; 23: 2, 5; 24: 6—8; 23: 1).

2) Округлобокие горшки с отогнутым наружу изогнутым венчиком. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты или несколько выше (рис. 5: 6; 21: 1; 22: 12, 16; 23: 20; 26: 3). Специфичен сосуд (рис. 21: 2), плечико которого имеет вид четкого перегиба или даже ребра.

3) Округлобокие горшки с прямым отогнутым наружу раструбообразным венчиком. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты или несколько выше (рис. 22: 19, 20, 27, 30; 23: 11).

4) Округлобокие открытые горшки, так называемые тюльпановидные (диаметр венчика больше или равен диаметру наибольшего расширения тулова). Венчики сосудов отогнуты наружу, дуга профиля между шейкой и бочком выражена в большинстве случаев слабо (рис. 5: 4; 14: 1; 19: 12; 23: 1; 24: 1, 3, 10; 25: 2).

Кроме горшков известны единичные находки мисок. Один фрагмент сосуда округлобокой формы найден на Лобынском городище (рис. 19: 5). Еще три целые миски с прямыми несколько расширяющимися кверху стенками с диаметром устья 11—12 см, дна — 7—8 см, высотой — 7—8 см, края которых орнаментированы пальцевыми вдавлениями, происходят с селища у с. Супруты [Белоцерковская, 1981]. К сожалению, мне доступен рисунок только одной из них (рис. 22: 32).

Дополняет керамический комплекс единичная находка миниатюрного сосудика с селища Упа 2 (рис. 14: 4).

Среди фрагментов венчиков, по которым нельзя реконструировать форму сосуда, можно выделить два типа: высокие отогнутые наружу (рис. 5: 3, 5; 11: 1, 3, 5—6; 14: 12, 14, 16; 15: 1; 18: 1—8; 19: 2—3, 6, 8, 10, 14, 16, 17; 21: 3; 26: 4) и прямые вертикальные или слабо отогнутые наружу (рис. 10: 4—5, 7—8, 10—14; 11: 4; 14: 11, 13; 15: 5—7, 12—13, 16—17; 26: 1).

На памятниках типа Упа 2 наибольшее распространение получили сосуды профилированных округлобокых форм с толщиной стенок не превышающей 4—7 мм, с «закраинами» у основания днищ (рис. 8: 4, 9; 11: 7—9; 14: 1, 17; 16: 5—8, 15, 16; 23: 21—23, 25—27, 37—38; 24: 11; 25: 5—11; 26: 7). Известны единичные фрагменты донцев с плавным переходом от дна к тулову (рис. 12: 6; 23: 24, 28; 24: 12). Вероятно, существовали сосуды и баночных форм, которые характеризуются прямыми стенками и отсутствием выделенного венчика (рис. 22: 1—6). Практически все сосуды, поддающиеся восстановлению, и фрагменты венчиков имеют какую-либо орнаментацию. В коллекциях преобладают неорнаментированные фрагменты керамики, это объясняется тем, что орнамент располагался в верхней части сосудов.

Анализ керамического комплекса памятников типа Упа 2 показывает, что подавляющее большин-

ство керамики (от 90% и выше) — груболепная, с незначительным количеством заглаженной керамики (чаще всего это результат не технологического приёма, а действия природных факторов в течение всего времени археологизации материала — керамика «замылена») и единичными фрагментами лощеной. Значительная часть керамики — гладкостенная, но есть и фрагменты, которые имеют сетчатую поверхность (селище Супруты 1, городище Лобынское), что свидетельствует о культурных контактах с населением дьяковской культуры [Белоцерковская, 1981. С. 203].

Индивидуальные находки

На памятниках типа Упа 2 найдено очень мало индивидуальных находок. Большая их часть происходит из построек, которые, возможно, использовали как жилища, и из хозяйственных ям. Выделяется 4 категории индивидуальных находок.

Наконечники стрел. Костяные наконечники (3 экз.) происходят с городищ Лобынского (рис. 19: 2; [Иванов, 2003. Рис. 34]) и Дедилово (рис. 27: 9; [Воронцов, 1998. Рис. 86: 3]), а также с селища Супруты 1 (рис. 21: 8; [Шеков, 1996. Л. 46]). Железные (2 экз.) — с селища Супруты 1 (рис. 21: 7; [Шеков, 1996. Л. 46]) и городища Борисово (рис. 27: 10; [Наумова, 1995. Рис. 53: 1]). Все наконечники стрел по способу крепления к древку относятся к отделу черешковых.

Наконечник с городища Лобынского имеет вытянутое треугольное перо с линзовидным сечением, плавно переходящее в плоский черешок.

Наконечник из Дедилово имеет утолщение цилиндрической формы при переходе от пера к черешку с сечением, близким круглому. Схожие находки были сделаны в древнейших слоях на Старшем Каширском городище, на Старшем Кропотовском городище. Данный тип, судя по стратиграфии, может быть одновременен однокрылым черешковым наконечникам стрел каширского типа, датируемым V—IV вв. до н. э. [Смирнов, 1974. С. 99].

В яме 1 раскопа XXIII селища Супруты 1 найден одношипный наконечник стрелы с подтреугольным сечением пера. Такие типы наконечников известны с III—II тыс. до н. э. и существуют на протяжении всего I тыс. до н. э. [Смирнов, 1974. С. 31].

Два железных наконечника стрел с городища Борисово и селища Супруты 1 имеют вытянутое к острию ромбическое перо с овальным сечением, переходящее в плоский черешок. Близких аналогий им не найдено. Их прототипы известны в позднем бронзовом веке, а похожие экземпляры, но несколько меньших размеров, есть на памятниках раннего железного века Днепровского Левобережья (Бельское городище [Шрамко, 2009. С. 384—386. Рис. 2]).

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении находок наконечников стрел, сложно сделать выводы относительно их принадлежности к какой-либо традиции или культурному кругу. Аналогии не дают «узких» дат и не проясняют хронологических рамок существования памятников типа Упа 2.

Глиняные грузила и пряслица. 4 фрагмента грузил цилиндрической формы найдены на селище Упа 2 (рис. 12: 7—9; [Воронцов, 1996. Рис. 18: 1, 2; 19: 1, 2]). Аналогичный фрагмент грузила происходит из раскопа в г. Туле по улицам Никитская и Дзержинского [Клянин, 2002]. Один фрагмент грузила трапецевидной в сечении формы (рис. 14: 2; [Наумова, 1994]) и один фрагмент биконического грузила (рис. 16: 18; [Клянин, 1995]) происходят с селища Упа 2. Фрагмент плоского цилиндрического грузила (6 см в диаметре, по фотографии толщина не установлена) был найден в постройке из раскопа в Зареченском районе г. Тулы [Гриценко, 1991. Л. 11—12]. Глиняные грузила являются очень частыми находками на поселениях юхновской культуры [Каравайко, Кирилук, 2008. С. 28].

Находки фрагмента цилиндрического пряслица [Воронцов, 1996] и биконического пряслица (рис. 16: 19; [Клянин, 1995]) известны с селища Упа 2. Два биконических пряслица происходят из подъемного материала с городища Дедилово (рис. 27: 11, 12; [Воронцов, 1998]). Одно целое и три фрагмента пряслиц прямоугольного сечения, орнаментированных с одной из сторон и по торцевой части ямочными вдавлениями, происходят из раскопок С.А. Изюмовой (рис. 27: 3) и А.В. Григорьева (рис. 27: 2, 4, 5) на городище Супруты.

Орудия из железа и камня. На рассматриваемых памятниках известно четыре железных ножа. Два ножа с горбатой спинкой происходят с городища Страхово (рис. 27: 6, 7; [Наумов, 2008. Рис. 293: 9, 10]). Две находки серповидных ножей происходят с городища (рис. 27: 1) и селища 1 у с. Супруты (рис. 21: 9; [Шеков, 1996. Л. 46]).

Фрагмент точильного бруска из известняка найден при раскопках в постройке в Зареченском районе г. Тулы [Гриценко, 1991. Л. 11—12].

На городище Борисово найдены два фрагмента каменных топоров (рис. 25: 13; [Наумова, 1995. Рис. 54: 9; Воронцов, 1998]), которые могут быть отнесены к эпохе бронзы и, возможно, случайно попали в культурной слой.

Украшения. К украшениям относятся находки двух сферических глиняных бусин с городища Лобынское (рис. 19: 1; [Иванов, 2003]) и Страхово (рис. 27: 8; [Наумов, 2008. Рис. 293: 1]). Глиняная бусина вытянутой формы найдена на селище Упа 2 (рис. 14: 3; [Наумова, 1994]).

Костяная трубочка с двумя отверстиями посередине найдена на городище Борисово (рис. 26: 8; [Воронцов, 1999. Л. 14]). Функциональное предназначение изделия не установлено.

Хозяйство

Исходя из анализа пространственного расположения памятников типа Упа 2, их ландшафтной приуроченности, керамического и вещевого материала, можно сделать ряд выводов и о занятиях населения. Видимо, оно широко использовало биомассу широколиственных лесов, возможность земледелия на легких серых и светло-серых лесных

почвах [Буланкин, Челябинов, 1992. С. 165], а также водные ресурсы р. Упы и ее притоков.

О развитии земледелия прямо свидетельствуют результаты палеопочвенных исследований на городище Супруты. Согласно заключению Е. В. Пономаренко, участок городища, на котором во время существования поселка типа Ново-Клеймёново были возведены укрепления, во время существования поселения типа Упа 2 использовался под пашню [Шеков, 1996. Л. 29]. К рыболовному инвентарю, вероятно, относятся глиняные грузила.

Хронология памятников типа Упа 2

Поскольку на памятниках типа Упа 2 полностью отсутствуют хронологические маркеры, они не имеют оснований для собственной датировки.

Верхнюю хронологическую границу определяет горизонт древностей римского времени Окско-Донского водораздела — памятники типа Ново-Клеймёново, в нескольких случаях перекрывающие слой памятников типа Упа 2. Памятники типа Ново-Клеймёново датируются II — первой половиной III в. н. э. [Воронцов, 2007. С. 57; 2008. С. 44]. Поскольку на поселениях типа Упа 2 отсутствуют следы пожаров и разрушений, преемственности традиций с культурным комплексом памятников типа Ново-Клеймёново не наблюдается, «упинское» население, вероятнее всего, мирно покинуло свои места и ушло на северо-восток, в ареал дьяковской культуры. Это подтверждается наблюдениями над керамическими комплексами городищ Страшего Кропотовского, Мутенковского и Старшего Каширского [Сидоров, 2005; 2006], расположенных на северо-восточной периферии памятников типа Упа 2.

Нижняя хронологическая граница существования интересующих нас памятников еще более расплывчата.

Исходя из имеющихся материалов, памятники типа Упа 2 предварительно могут быть датированы последними веками I тыс. до н. э. — I в. н. э.

Опыт культурно-исторической реконструкции

Материалы с памятников типа Упа 2 имеют параллели с культурным комплексом позднеюхновских памятников Подесенья (типа верхнего слоя городища Полужья и нижнего слоя селища Синьково), выделенных А. К. Амброзом в I и II этапы почепской культуры, датированные им I в. до н. э. — I в. н. э. [Амброс 1964. С. 58—60]. Сходство прослеживается как в керамических традициях, что нашло отражение в сходных формах сосудов и их орнаментации (пальцевые и ногтевые вдавления, защипы), так и в характере вещевых находок (наличие грузил) и в традициях домостроительства — в Подесенье типичные юхновские длинные дома сочетаются с постройками зарубинецкого типа подквадратных форм.

Памятники типа верхнего слоя городища Полужье представляют собой культуру позднеюхновского населения, сложившуюся под влиянием зарубинецкого населения, пришедшего на верхнюю Десну из

Среднего Поднепровья. Такие этнокультурные изменения, как в отношении памятников днепро-двинской культуры, так и юхновской, А. И. Дробушевский предложил называть «зарубинизация» [Дробушевский, 2011. С. 80]. Учитывая количество памятников типа верхнего слоя городища Полужья (более 30), а также мощность верхнего культурного слоя городища Полужье (более 1 м), А. И. Дробушевский считает, что их узкая датировка (в границах I в. до н. э. — I в. н. э.) вряд ли оправдана. По его мнению, такие памятники, наряду с зарубинецкими памятниками Нижнего Подесенья и Посеймья, в местных хронологических шкалах занимают промежуточное положение между «классическими» памятниками юхновской культуры VI—III вв. до н. э. и позднезарубинецкими поселениями почепского типа I—II вв. н. э. [Дробушевский, 2008. С. 102; 2011. С. 79].

По мнению А. М. Обломского, I и II этапы почепской культуры, выделенные А. К. Амброзом, представляют самостоятельную культуру, не имеющую отношения к почепским древностям и синхронную (хотя бы частично) памятникам почепского типа. Именно контактами позднеюхновского и позднерубинецкого населения на территории Подесенья, по его мнению, и вызвано наличие «юхновской канвы» почепских памятников. II этап позднеюхновских памятников начинается около середины I в. н. э. [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 58—59].

Видимо, материалы I этапа почепской культуры, по А. К. Амброзу (верхний горизонт Полужья), отражают период первоначального культурного влияния зарубинецкого населения, связанного с его появлением в ареале юхновской культуры (II в. до н. э. — начало I в. н. э.), когда юхновские традиции были ещё сильны. Постепенное исчезновение юхновских традиций на II этапе почепской культуры (по А. К. Амброзу) может свидетельствовать о всё более усиливающихся миграциях зарубинецкого населения на верхнюю Десну с середины — второй половины I в. до н. э. Затем это смешанное население, при усилившейся экспансии носителей позднезарубинецких традиций в северные районы Верхнего Поднепровья и Подесенья, вынуждено было освободить берега Десны и отступить на север (в верховья Днепра, Волги, Западной Двины), но главным образом, по-видимому, на восток. О том, что какая-то часть юхновского населения, жившего в поречье Десны, отошла в Верхнее Поочье и западные районы Волго-Окского междуречья, писал П. Н. Третьяков, хотя и относил этот процесс, исходя из имеющихся на то время данных, к более позднему времени — II—III вв. н. э. [Третьяков, 1969. С. 125; 1966. С. 231].

Близкие культурные процессы удалось проследить и в Смоленском Поднепровье. Они нашли отражение в материалах верхнего горизонта городища Мокрядино. По мнению П. Н. Третьякова, памятники, содержащие аналогичные материалы, носят переходный характер между «классическими» древностями днепро-двинской культуры и материалами среднего слоя городища Тушемля [Третьяков,

Шмидт, 1963. С. 18—19]. По мнению А. И. Дробушевского, возникновение памятников типа среднего слоя городища Тушемля, которые не являются зарубинецкими, необходимо относить не к первым векам нашей эры, как считают Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев, а к более раннему времени — II—I вв. до н. э. С памятниками типа верхнего слоя городища Полужья данный тип памятников составляет одноуровневое явление — результат влияния на днепро-двинские и юхновские памятники зарубинецких традиций. Причем если на юхновскую культуру Подесенья оказали воздействие прежде всего зарубинецкие традиции Среднего Поднепровья, то на днепро-двинскую культуру — Верхнего Поднепровья, в том числе и черчерской группы Нижнего Посожья [Дробушевский, 2011. С. 79—80]. Данная точка зрения не является общепризнанной. В отличие от А. И. Дробушевского Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев не только датируют памятники типа среднего слоя Тушемли несколько более поздним временем (конец I — рубеж II—III вв. н. э.), но и включают их в горизонт позднезарубинецких памятников типа Рахны — Почеп [Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 85, 88].

Другой круг аналогий материалам памятников типа Упа 2 прослеживается в поздних материалах верхнедонских памятников городецкой культуры. Согласно исследованиям А. П. Медведева и Т. В. Сарапулкиной, к концу VI в. до н. э. в городецкой культуре Подонья появляется значительное число заимствований, связанных с среднедонской культурой скифского времени [Медведев, 1993; Медведев, 1998; Медведев, 2008; Сарапулкина, 2010]. В южной части Верхнего Подонья раннегородецкое население было частично вытеснено, частично ассимилировано и подчинено пришельцами. В более северных районах произошло смешение традиций, вследствие чего возникло этнокультурное новообразование, в котором соединялись элементы лесостепной среднедонской и лесной городецкой культур [Медведев, 1993. С. 76]. В тесте лепной керамики городецкой культуры основной примесью выступает дресва (технологический признак городецкой керамики), но преобладают профилированные формы, растет число гладкостенной посуды, исчезают проколы под венчиком, орнаментация представлена пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, значительно уменьшается процент сетчатой и рогожной керамики, что говорит о постепенном изживании городецких керамических традиций в про-

цессе смешения городецкого и пришлого населения [Сарапулкина, Бирюков, 2006. С. 198].

Уменьшение количества керамики, орнаментированной проколами и жемчужинами, рост количества неорнаментированной керамики — общая линия развития керамического комплекса лесостепных городищ междуречья Днепра и Дона [Медведев, 1998. С. 27, 30].

К рубежу IV—III вв. до н. э. влияние среднедонской культуры ослабевает [Медведев, 1993. С. 71]. Финал городецкой культуры Верхнего Подонья условно отнесен к рубежу эр и связан с появлением на Дону сармат и новой волны населения среднедонской культуры [Сарапулкина, 2010. С. 22—23]. Не исключено, что какая-то часть позднегородецкого населения в условиях возникшей внешней опасности и давления новой волны населения из Среднего Подонья была вынуждена продвигаться в Верхнее Поочье.

Рассмотренный керамический комплекс позднего этапа лесостепной «скифоидной» культуры междуречья Днепра и Дона в целом соотносится с керамическим комплексом памятников типа Упа 2. Это позволяет предполагать, что памятники типа Упа 2 могли сложиться в ходе миграций из Подонья в Верхнее Поочье какой-то части населения. Возможно, именно этим вектором культурного влияния (а не контактами с дьяковской культурой) объясняется и наличие редких фрагментов сетчатой керамики на памятниках типа Упа 2.

Кроме сходства керамического комплекса, определенные соответствия интересующим нас древностям есть и в традициях домостроительства, известных по материалам городищ скифского времени на территории Днепро-Донского междуречья, о чем было сказано выше [Медведев, 1998. С. 37; Медведев, 1999; Пузикова, 1995. С. 5; Пузикова, 2007. С. 161—162; Сарапулкина, 2010. С. 16].

Таким образом, можно предложить две наиболее вероятные гипотезы происхождения памятников типа Упа 2. Согласно первой, их происхождение связано с миграцией в Верхнее Поочье части населения Верхнего Подесенья, носителей культуры типа верхнего слоя городища Полужье. Согласно второй гипотезе, формирование памятников типа Упа 2 связано с проникновением вглубь верхнеокского региона отдельных групп позднегородецкого населения Верхнего Подонья, испытавших влияние среднедонской культуры.

Литература

Александровский А. Л., Гласко М. П. Природные условия эпохи бронзы и раннего железного века в бассейне верхнего Дона // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993.

Александровский А. Л., Гласко М. П. Отчет о комплексных палеогеографических исследованиях на памятниках археологии Тульской области по федеральной программе «Сохранение археологического наследия Российской Федерации». Тула, 1996 // Архив ГМЗКП. № 147.

Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113. М., 1962.

Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА. 1964. № 1.

Арион О. В., Башкатов Ю. В., Обломский А. М., Терпиловский Р. В. У истоков славянства // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I—II в. н. э.). Сер. Раннеславянский мир. Выпуск 12. М., 2010.

- Белоцерковская И. В. Керамика некоторых поселений раннего железного века на верхней Упе // СА. 1981. № 2.
- Бирюков И. Е. Материалы раннего железного века с поселения Курино I на реке Воронеж // Археологические памятники лесостепного Подонья. Вып. 1. Липецк, 1996.
- Буланкин В. М., Челяпов В. П. Городища городецкой культуры на юге и востоке Рязанской области // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1992.
- Воронцов А. М. Отчет об охранных археологических исследованиях на поселении Упа 2 в черте г. Тулы в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Воронцов А. М. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20707. Воронцов А. М. Отчет об археологических исследованиях в Туле и Тульской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Воронцов А. М. Памятники типа Ново-Клеймёново в первой четверти I тыс. на территории Окско-Донского водораздела // РА. 2007. № 3.
- Воронцов А. М. Этнокультурная ситуация на Окско-Донском водоразделе в позднеримское время. Диссертация канд. ист. наук. М., 2008.
- Геологическая карта дочетвертичных отложений Тульской области. М., 1998.
- Григорьев А. В. Отчет о раскопках городища у с. Супруты Щекинского района Тульской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Гриценко В. П. Отчет об охранных археологических исследованиях на поселениях Березовка V, Мельгуново и в г. Туле в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 15612.
- Гриценко В. П. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 16555.
- Гриценко В. П. Отчет об археологических исследованиях на городище у д. Торхово Ленинского района Тульской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Дробушевский А. И. О верхней дате юхновской культуры // Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Брянск, 2008.
- Дробушевский А. И. Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже нашей эры // ГАЗ. Вып. 26. Минск, 2011.
- Екимов Ю. Г. Отчет об археологических исследованиях на территории Тульского кремля в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Иванов А. П., Иванова Е. А. Полное описание геологического и гидрогеологического строения окрестностей гор. Тулы. Тула, 1929.
- Иванов Н. В. Отчет об археологических исследованиях на городище у с. Лобынское Ленинского района Тульской области и в Заокском районе Тульской области в 2003 году. Тула, 2004 // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Исюмова С. А. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1969 г. М., 1970.
- Каравайко Д. В., Кириллюк О. П. О рыболовстве у населения юхновской культуры // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула. Харьков, 2008.
- Клянин Р. В. Отчет об охранных археологических работах на археологическом комплексе у д. Городище Веневского района Тульской области и на поселении Упа 2 в г. Туле в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 20202.
- Клянин Р. В. Отчет об охранных археологических исследованиях на пересечении улиц Никитской и Дзержинского в городе Туле в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы II т. до н. э. — первой половине I т. н. э. М., 1971.
- Левенок В. П. Городища юхновской культуры // КСИА. Вып. 7. М., 1957. Левенок В. П. Юхновская культура (её происхождение и развитие) // СА. 1963. № 1.
- Лопатин Н. В., Фурсьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III—V веках н. э. Сер. РСМ. Вып. 8. М., 2007.
- Максимов Е. В. Зарубинецкая культура // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978.
- Медведев А. П. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века // РА. 1993. № 4.
- Медведев А. П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени (по материалам городищ) // РА. 1998. № 2.
- Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М., 1999.
- Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.
- Наумов А. Н. Отчет о работах в Тульской области в 2008 году. Тула, 2009 // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Наумова Т. В. Отчет об археологических исследованиях в Ленинском и Белёвском районах Тульской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 18594.
- Наумова Т. В. Отчет об археологических исследованиях в Белёвском и Ясногорском районах Тульской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 19364.
- Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
- Никольская Т. Н. Шуклинское городище // КСИИМК. Вып. 72. 1958.
- Никольская Т. Н. Культура племён бассейна Верхней Оки в I т. н. э. М., 1959.
- Никольская Т. Н. О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и верхней Оки (К вопросу о балто-иранском контакте) // КСИА. Вып. 119. М., 1969.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I и II вв. н. э. М., 1991.
- Пачкова С. П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев, 2006.
- Пронин Г. Н. К вопросу о ранней дате городища у с. Супруты (по керамическим материалам) // СА. 1975. № 3.

- Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье. VI—V вв. до н. э. М., 1981.
- Пузикова А. И. Скифы среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). М., 1995.
- Пузикова А. И. Городища скифского времени Среднего Подонья и Курского Посеймья // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь. М., 1997.
- Пузикова А. И. Исследование городищ и поселений скифского времени в Курском Посеймье // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 3. Липецк; СПб, 2007.
- Сарапулкина Т. В., Бирюков И. Е. Керамика городищ культуры Сырского городища // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13—16 ноября 2006 года). Липецк, 2006.
- Сарапулкина Т. В. Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье // СА. 1965. № 4.
- Седов В. В. Еще раз о происхождении белорусов // СЭ. 1969. № 1.
- Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., Наука, 1970.
- Сидоров В. В. Корыстовское городище // Археология Подмосковья. Выпуск 2. М., 2005.
- Сидоров В. В. Каширская культура в железном веке бассейна Оки // Обнинский краеведческий сборник. Материалы историко-краеведческой конференции «Город и регион: проблемы археологии, истории и культуры», посвященный 40-летию Музея истории города Обнинска. Обнинск, 2006.
- Смирнов К. А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
- Столяров Е. В. Актуальные проблемы изучения раннего железного века бассейна верхней Оки // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Материалы научного симпозиума 8—9 апреля 2009 г. Калуга, 2009.
- Столяров Е. В. К вопросу о преемственности культур бассейна верхней Оки эпохи раннего железа и римского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула, 2010.
- Столяров Е. В. К вопросу о культурной ситуации в Верхнем Поочье на рубеже эр // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2011а. № 3(20) Т.1. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/021-003.pdf> 0421100068\0107.
- Столяров Е. В. К вопросу о культурной ситуации в бассейне верхней Оки в эпоху раннего железного века // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011б.
- Столяров Е. В. Верхнеокская культура раннего железного века: актуальные проблемы в изучении и перспективы их решения // КСИА. Вып. 226. М., 2012.
- Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
- Третьяков П. Н. О балтах и славянах Верхнего Поднепровья // Acta baltico-slavica. Т. 6. Bialystok, 1969.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. Фомин К. Н. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 2001 году // Архив ИА РАН, б/н.
- Шеков А. В. Отчет об охранных археологических исследованиях городища у с. Супруты Щекинского района Тульской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20271.
- Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. — III в. н. э.). М., 1992.
- Шрамко Б. А. Люботинское городище // Люботинское городище. Сборник научных трудов. Харьков, 1998.
- Шрамко Б. А. Железные наконечники стрел Скифии // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. Киев; Полтава, 2009.

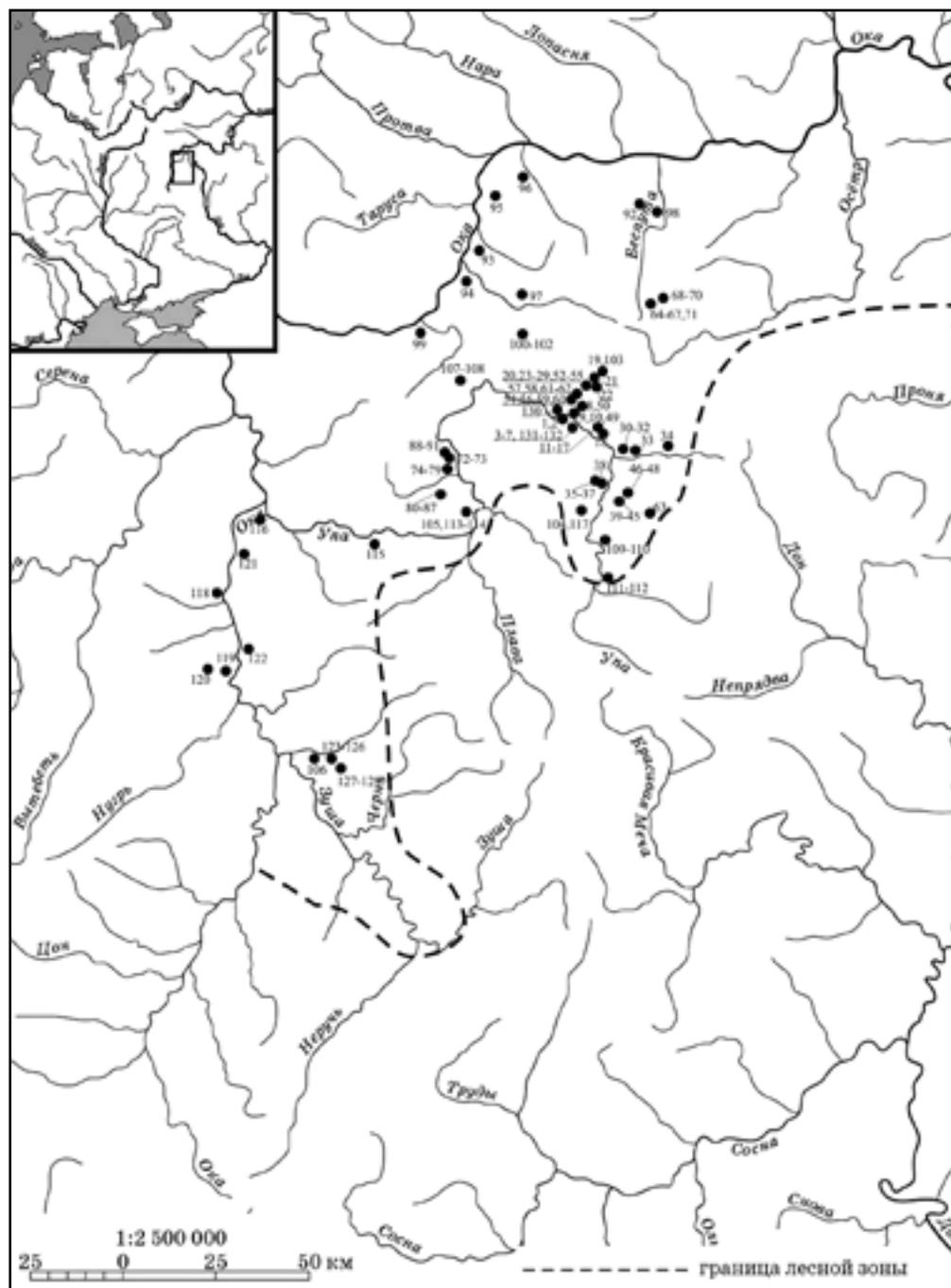

Рис. 1. Памятники типа Упа 2.

1 — Тула, Кремль; 2 — Тула, Никитская/Дзержинского; 3 — Упа 2; 4 — Малевка; 5 — Малевка 1; 6 — Малевка 2; 7 — Малевка 3; 8 — Глушана 1; 9 — Тула, Metallургов 1; 10 — Тула, Metallургов 2; 11 — Морозовка 2; 12 — Сеженские Выселки 1; 13 — Бежка 1; 14 — Бежка 2; 15 — Бежка 6; 16 — Бежка 7; 17 — Высокое 2; 18 — Никитино 2; 19 — Бабанино 3; 20 — Бушево 1; 21 — Синетулица 3; 22 — Торхово; 23 — Страхово; 24 — Страхово 1; 25 — Страхово 3; 26 — Страхово 4; 27 — Страхово 5; 28 — Страхово 6; 29 — Ширино 1; 30 — Красный Хутор 1; 31 — Красный Хутор 2; 32 — Красный Хутор 3; 33 — Марьино 1; 34 — Изрог 3; 35 — Лобынский; 36 — Лобыньское 2; 37 — Лобыньское 4; 38 — Березовка 1; 39 — Замятино 1; 40 — Хомьяковка 2; 41 — Хомьяковка 6; 42 — Анненки 1; 43 — Анненки 3; 44 — Анненки 5; 45 — Крутое 1А; 46 — Б. Колмыки 2; 47 — Б. Колмыки 4; 48 — Б. Колмыки 5; 49 — Деменьтьево 1; 50 — Щегловский монастырь 1; 51 — Октябрьский 1; 52 — Долматовка 5; 53 — Долматовка 6; 54 — Кисленка 6; 55 — Кисленка 8; 56 — Новомедвенка 1; 57 — Ивановка 1; 58 — Ивановка 2; 59 — Ивановка 3; 60 — Ивановка 6; 61 — Архангельское 1; 62 — Молодежный 1; 63 — Дедилово (Старое городище); 64 — Теляково; 65 — Теляково 1; 66 — Теляково 2; 67 — Теляково 3; 68 — Мокрый Корь 2; 69 — Мокрый Корь 3; 70 — Мокрый Корь 4; 71 — Мокрый Корь 5; 72 — Воскресенское 3; 73 — Воскресенское 5; 74 — Воскресенское 7; 75 — Воскресенское 13; 76 — Воскресенское 14; 77 — Воскресенское 16; 78 — Воскресенское 17; 79 — Воскресенское 18; 80 — Лужное 1; 81 — Лужное 6; 82 — Лужное 7; 83 — Лужное 8; 84 — Лужное 10; 85 — Лужное 13; 86 — Дьяково 1; 87 — Дьяково 2; 88 — Хотетово 1; 89 — Хотетово 3; 90 — Коптево 1; 91 — Катешово 10; 92 — Борисовское; 93 — Мосолово; 94 — Лукерьино; 95 — Выдумки 1; 96 — Чегодаево 1; 97 — Никулино; 98 — Юрцово («Земляные ворота»); 99 — Картавцево; 100 — Никулино 1; 101 — Никулино 2; 102 — Никулино 3; 103 — Руднево 1; 104 — Майское 6; 105 — Солодка; 106 — Ветрово; 107 — Скороварово 1; 108 — Скороварово 2; 109 — Сатинка 2; 110 — Крюковка 1; 111 — Крутицы 1; 112 — Крутицы 3; 113 — Супруты; 114 — Супруты 1; 115 — Головинское; 116 — Мишнево 1; 117 — Карьер 2; 118 — Жуково 1; 119 — Коптево 1; 120 — Новые Дольцы; 121 — Николо-Гастунь; 122 — Черногрязка 1; 123 — Цветной Хутор; 124 — Глаголево 1; 125 — Глаголево 2; 126 — Глаголево 3; 127 — Черемисиново 3; 128 — Черемисиново 4; 129 — Большая Рябая 1; 130 — Тула, Сакко и Ванцетти; 131 — Осиновая Гора 2; 132 — Осиновая Гора 3

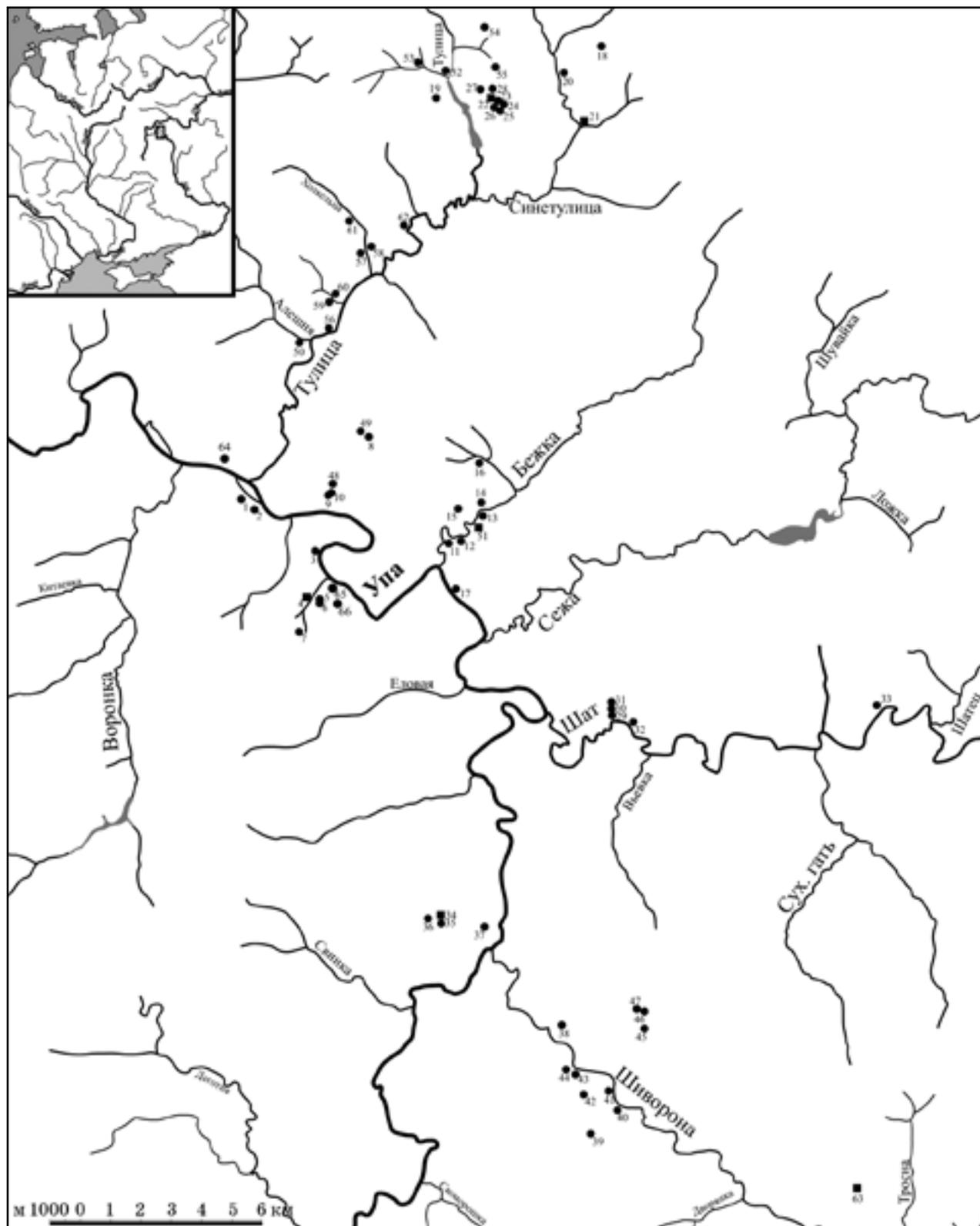

Рис. 2. Памятники типа Упа 2. Центральный ареал.

1 — Тула, Кремль; 2 — Тула, Никитская/Дзержинского; 3 — Упа 2; 4 — Малевка; 5 — Малевка 1; 6 — Малевка 2; 7 — Малевка 3; 8 — Глушана 1; 9 — Тула, Metallургов 1; 10 — Тула, Metallургов 2; 11 — Морозовка 2; 12 — Сеженские Выселки 1; 13 — Бежка 2; 14 — Бежка 6; 15 — Бежка 7; 16 — Высокое 2; 17 — Никитино 2; 18 — Бабанино 3; 19 — Бушево 1; 20 — Синетулица 3; 21 — Торхово; 22 — Страхово; 23 — Страхово 1; 24 — Страхово 3; 25 — Страхово 4; 26 — Страхово 5; 27 — Страхово 6; 28 — Широно 1; 29 — Красный Хутор 1; 30 — Красный Хутор 2; 31 — Красный Хутор 3; 32 — Марьино 1; 33 — Изрог 3; 34 — Лобынское; 35 — Лобынское 2; 36 — Лобынское 4; 37 — Березовка 1; 38 — Замятино 1; 39 — Хомяковка 2; 40 — Хомяковка 6; 41 — Анненки 1; 42 — Анненки 3; 43 — Анненки 5; 44 — Крутое 1А; 45 — Б. Колмыки 2; 46 — Б. Колмыки 4; 47 — Б. Колмыки 5; 48 — Деменьтьево 1; 49 — Щегловский монастырь 1; 50 — Октябрьский 1; 51 — Бежка 1; 52 — Долматовка 5; 53 — Долматовка 6; 54 — Кисленка 6; 55 — Кисленка 8; 56 — Новомедвенка 1; 57 — Ивановка 1; 58 — Ивановка 2; 59 — Ивановка 3; 60 — Ивановка 6; 61 — Архангельское 1; 62 — Молодежный 1; 63 — Дедилово (Старое городище); 64 — Тула, Сакко и Ванцетти; 65 — Осиновая Гора 2; 66 — Осиновая Гора 3

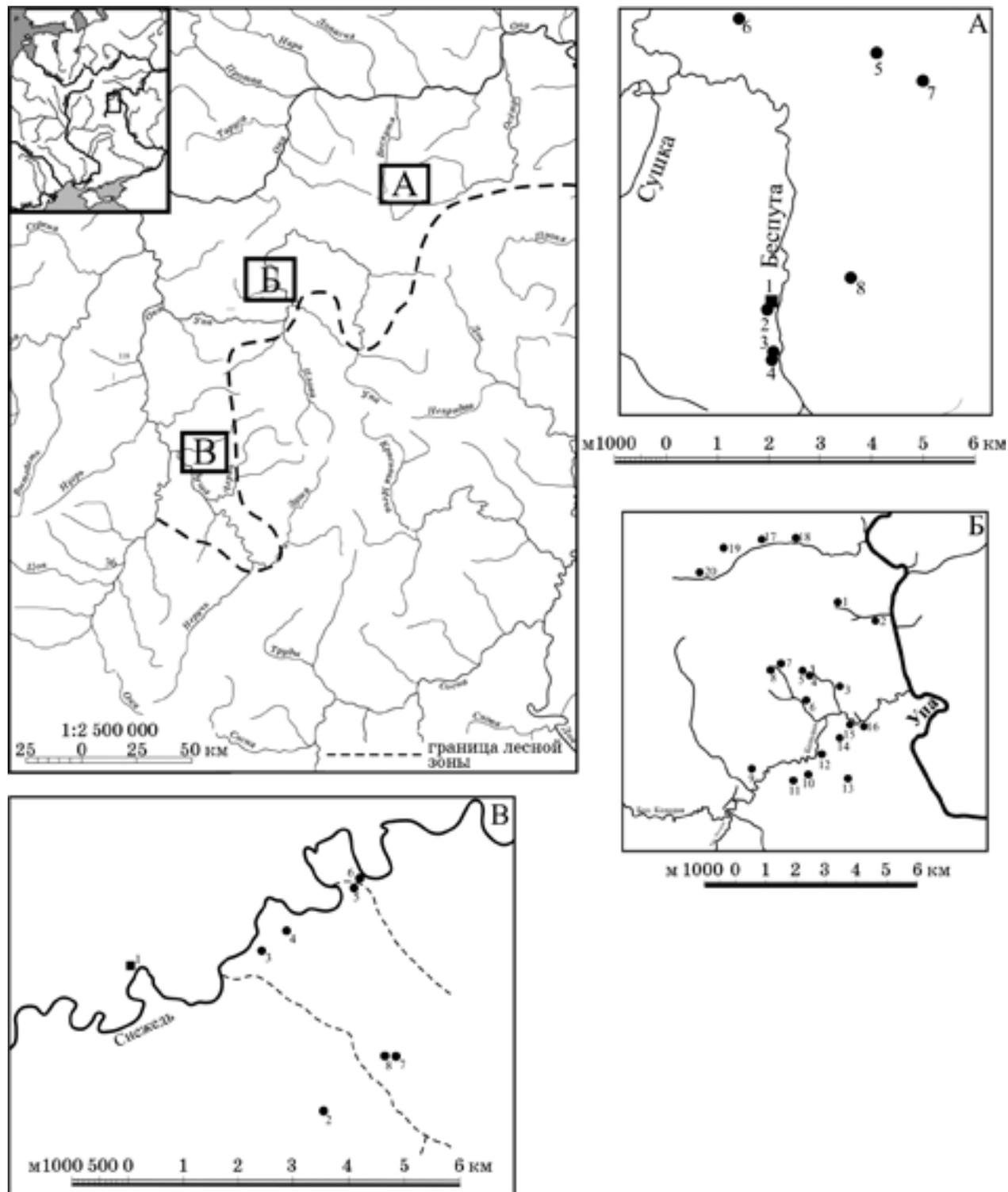

Рис. 3. Памятники типа Упа 2.

А — на р. Беспута (1 — Теляково 1; 2 — Теляково 1; 3 — Теляково 2; 4 — Теляково 3; 5 — Мокрый Корь 2; 6 — Мокрый Корь 3; 7 — Мокрый Корь 4; 8 — Мокрый Корь 5);

Б — на р. Колодня (1 — Воскресенское 5; 2 — Воскресенское 7; 3 — Воскресенское 13; 4 — Воскресенское 14; 5 — Воскресенское 16; 6 — Воскресенское 17; 7 — Воскресенское 18; 8 — Лужное 1; 9 — Лужное 6; 10 — Лужное 7; 11 — Лужное 8; 12 — Лужное 10; 13 — Лужное 13; 14 — Дьяково 1; 15 — Дьяково; 16 — Хотетово 1; 17 — Хотетово 3; 18 — Хотетово 3; 19 — Коптево 1; 20 — Катешово 10);

В — на р. Снеждь (1 — Ветрово; 2 — Большая Рябая 1; 3 — Цветной Хутор 1; 4 — Глаголево 1; 5 — Глаголево 2; 6 — Глаголево 3; 7 — Черемисиново 3; 8 — Черемисиново 4)

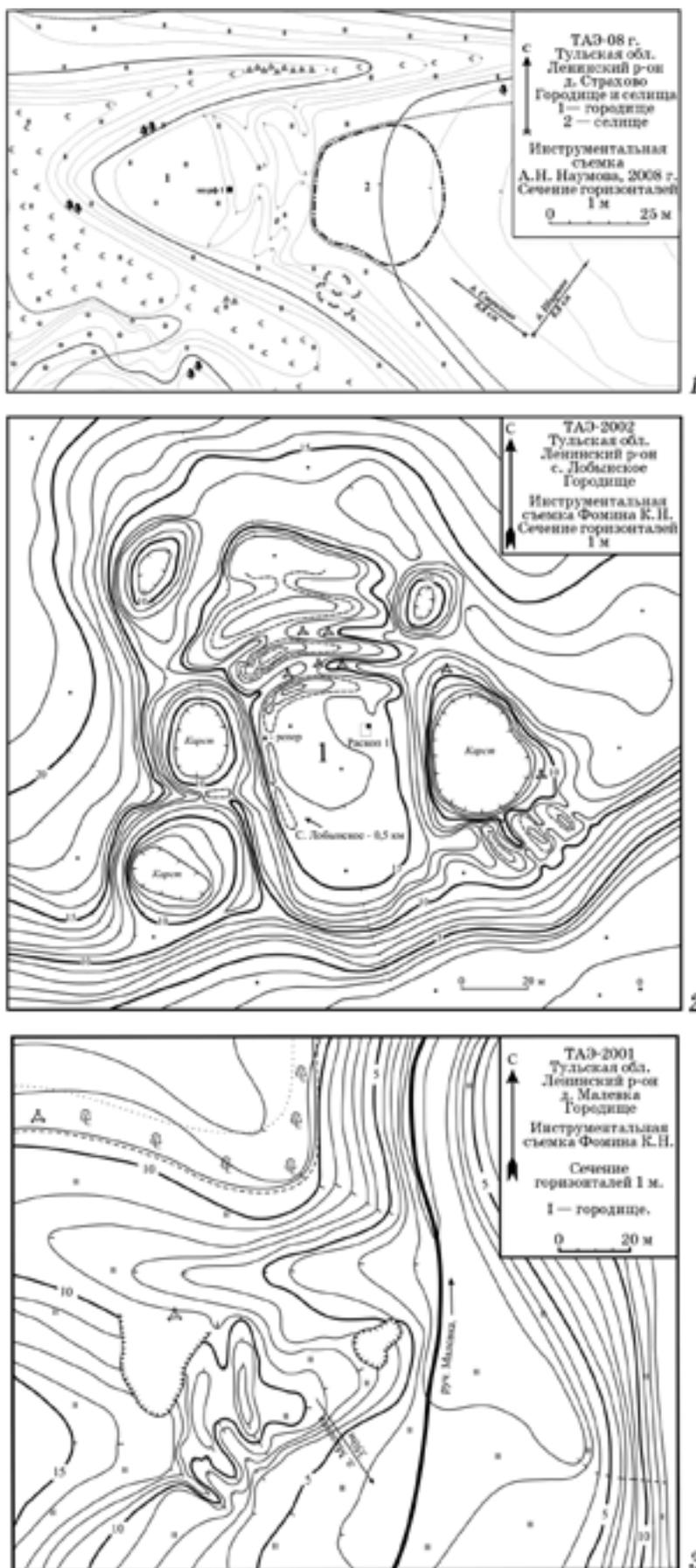

Рис. 4. Топографические планы городищ типа Уга 2.
1 — Страхово (по: Наумов, 2008); 2 — Лобынское (по: Иванов, 2003);
3 — Малевка (по: Фомин, 2001)

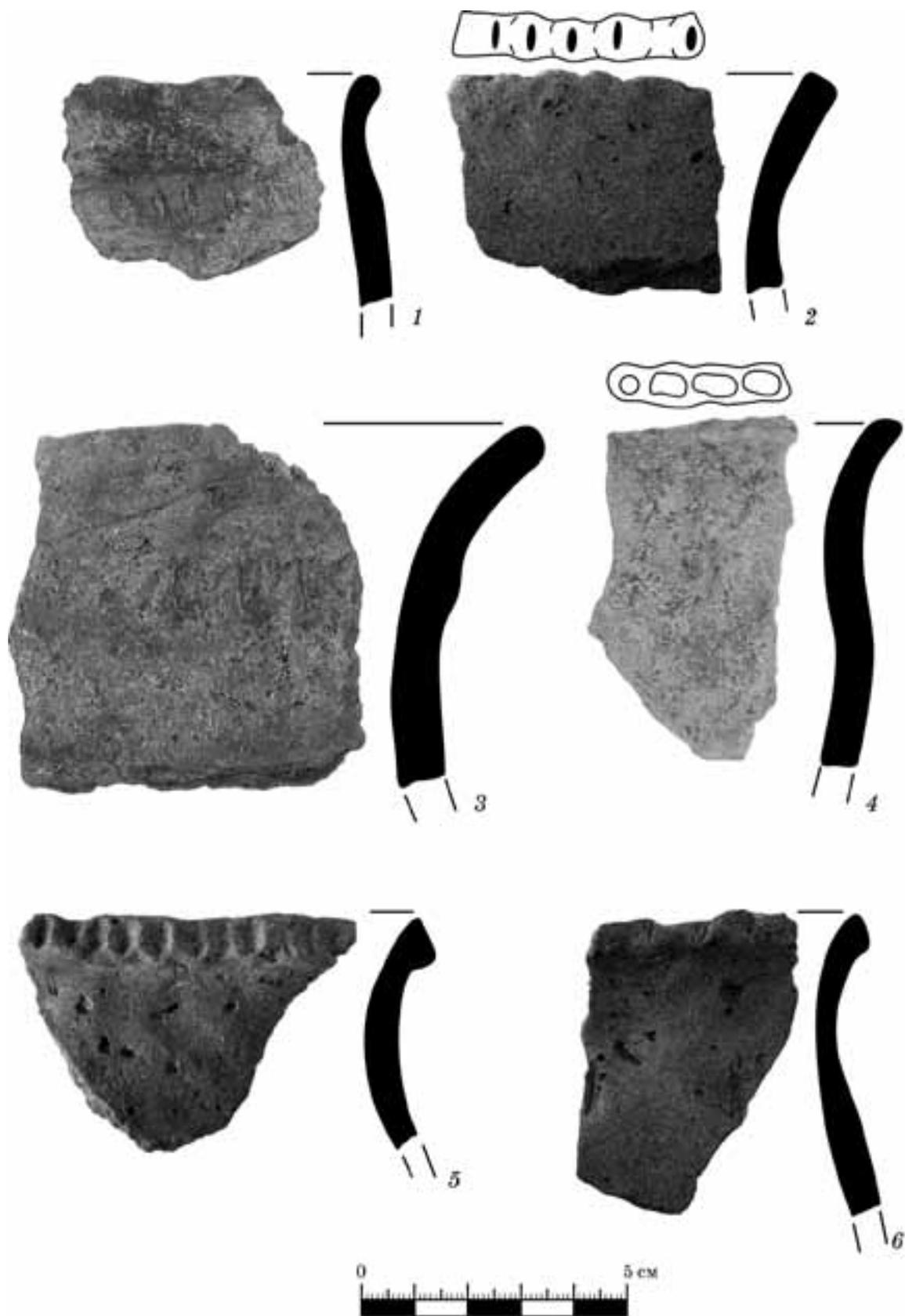

Рис. 5. Тула, ул. Никитская/Дзержинского, раскоп 1, нижний слой. Венчики грубых лепных сосудов.

Работы Р. В. Клянина, 2002 г. Рисунки и фотографии Е. В. Столярова

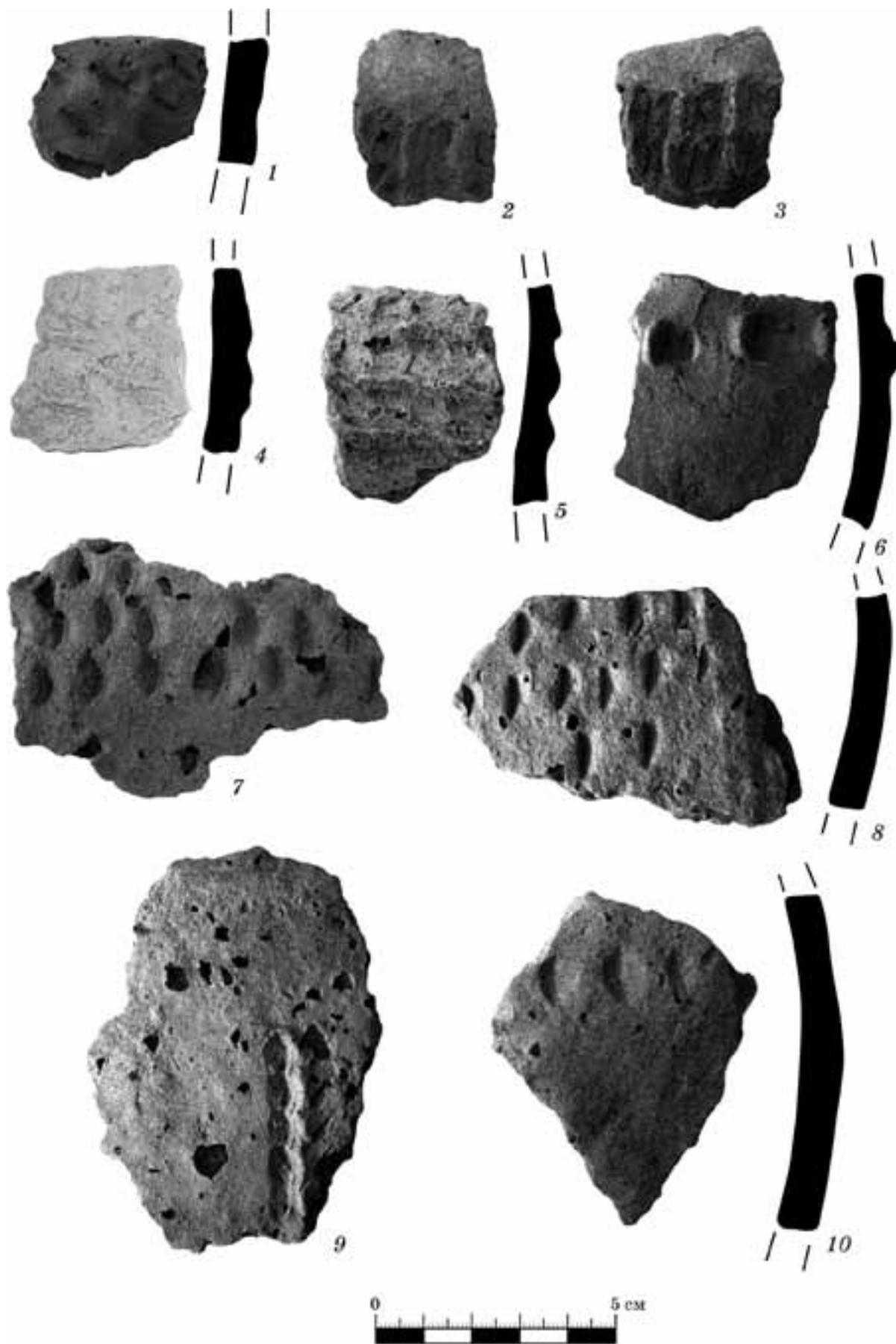

Рис. 6. Тула, ул. Никитская/Дзержинского, раскоп 1, нижний слой. Грубая лепная орнаментированная керамика.

Работы Р. В. Клянина, 2002 г. Рисунки и фотографии Е. В. Столярова

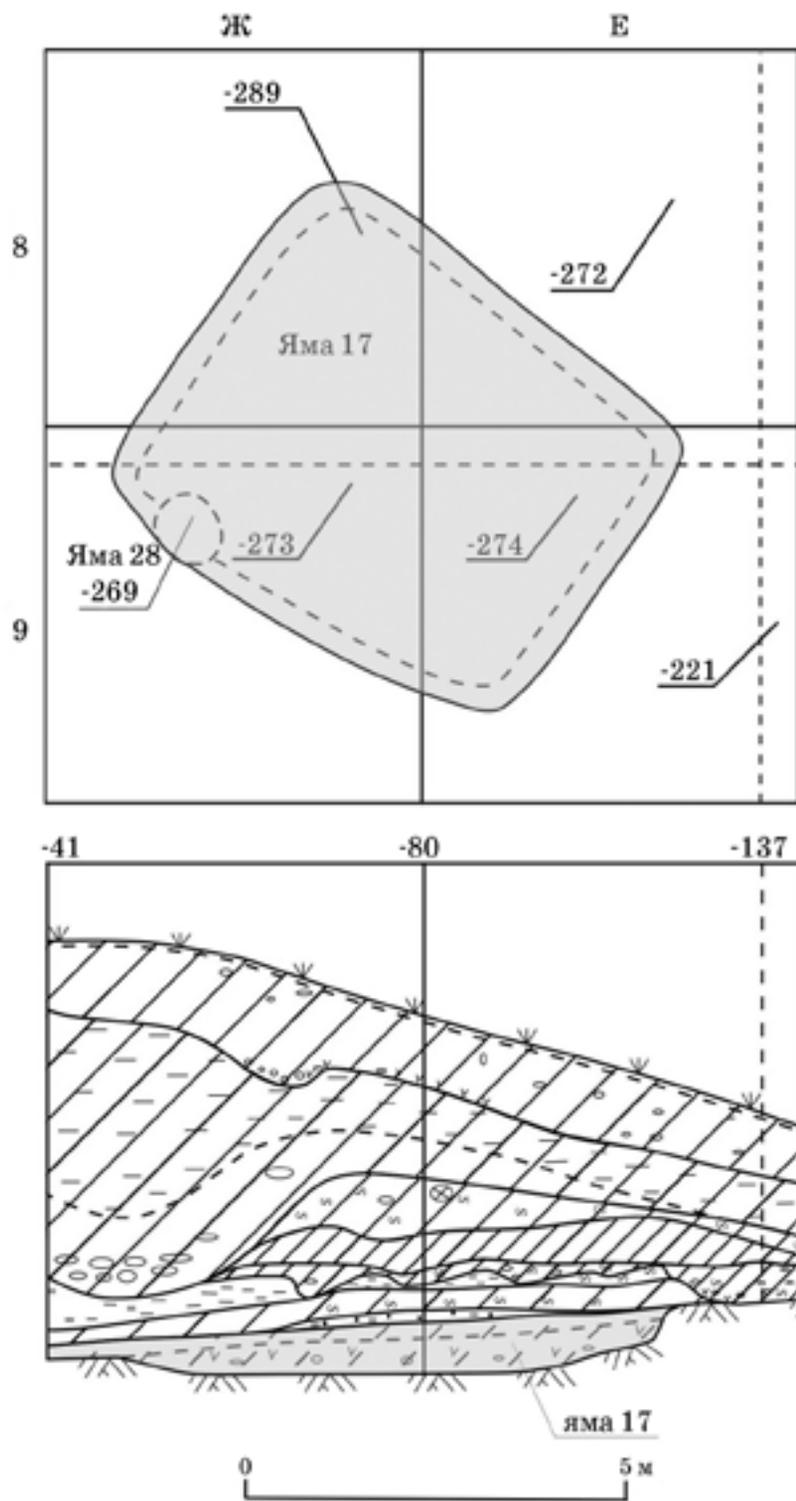

Рис. 7. Городище Торхово. Раскоп 1. Постройка («яма 17»), относящаяся к слою памятника типа Упа 2.
По: Гриценко, 1996. Серым цветом показан слой памятника типа Упа 2

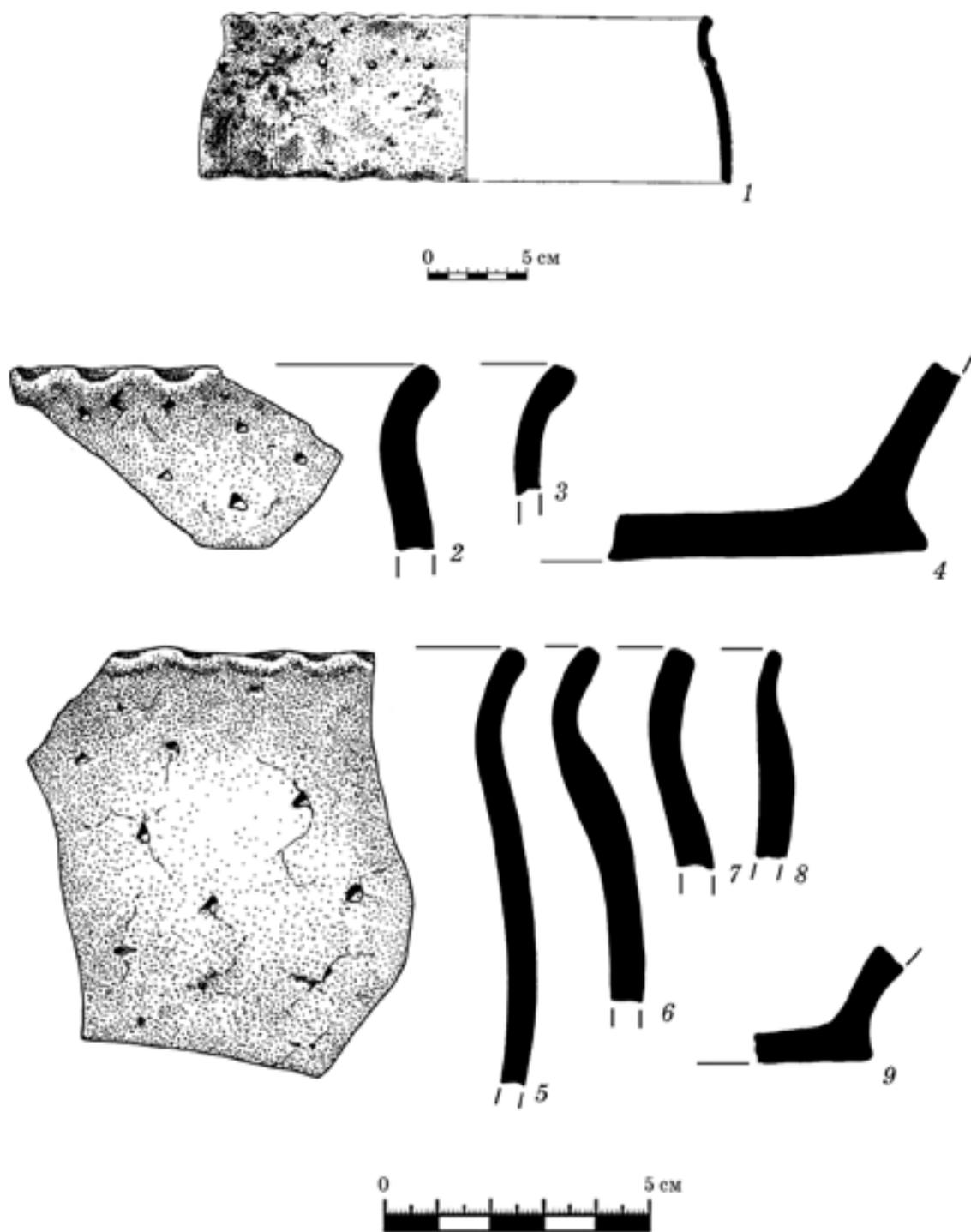

Рис. 8. Городище Торхово. Раскоп 1. Грубая лепная керамика из постройки («ямы № 17»). Работы В. П. Гриценко, 1996 г. Рисунки М. А. Воронцовой

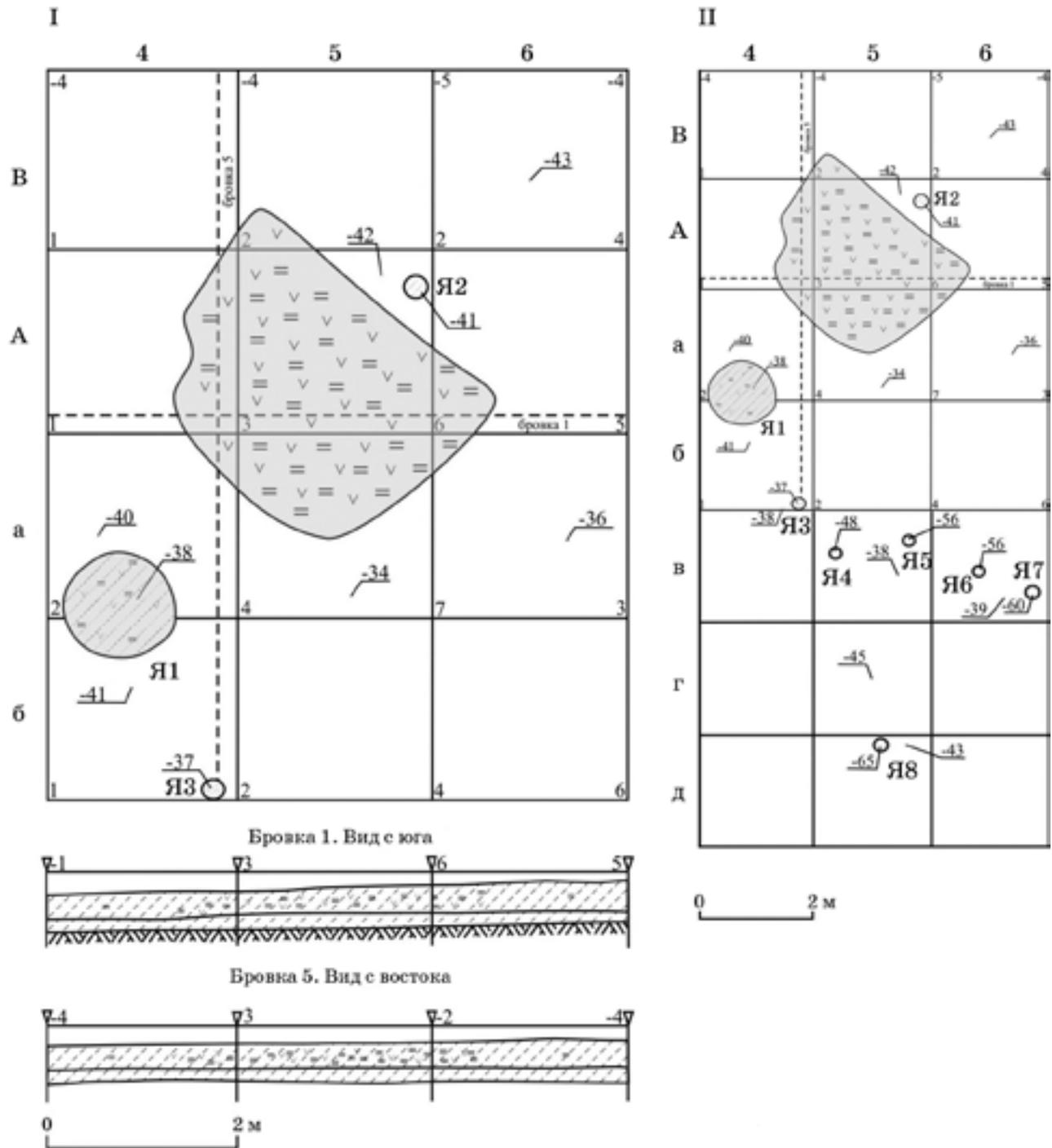

Рис. 9. Селище Уга 2. Раскоп 2.

По: Воронцов, 1996.

/ — наземная постройка с хозяйственной ямой (сооружения, относящиеся к памятнику типа Уга 2 показаны серым цветом);
 // — план раскопа: наземная постройка с хозяйственной ямой и комплексом столбовых ям по материалу

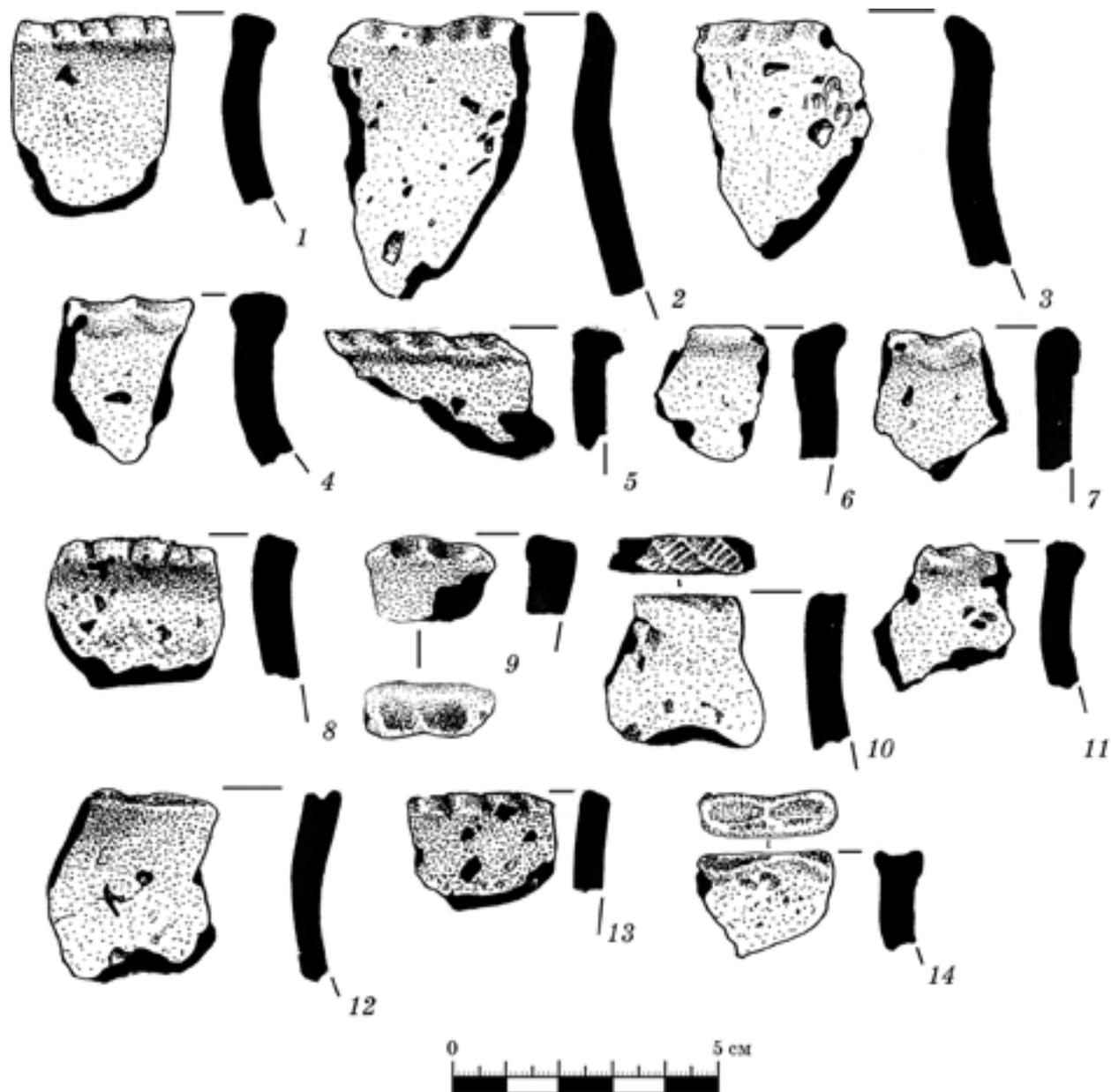

Рис. 10. Селище Упа 2. Лепная керамика из пласта 1—2 раскопа 2.

1, 3—11, 13—14 — грубая; 2, 12 — заглаженная.

Работы А. М. Воронцова, 1996 г. Рисунки М. А. Воронцовой

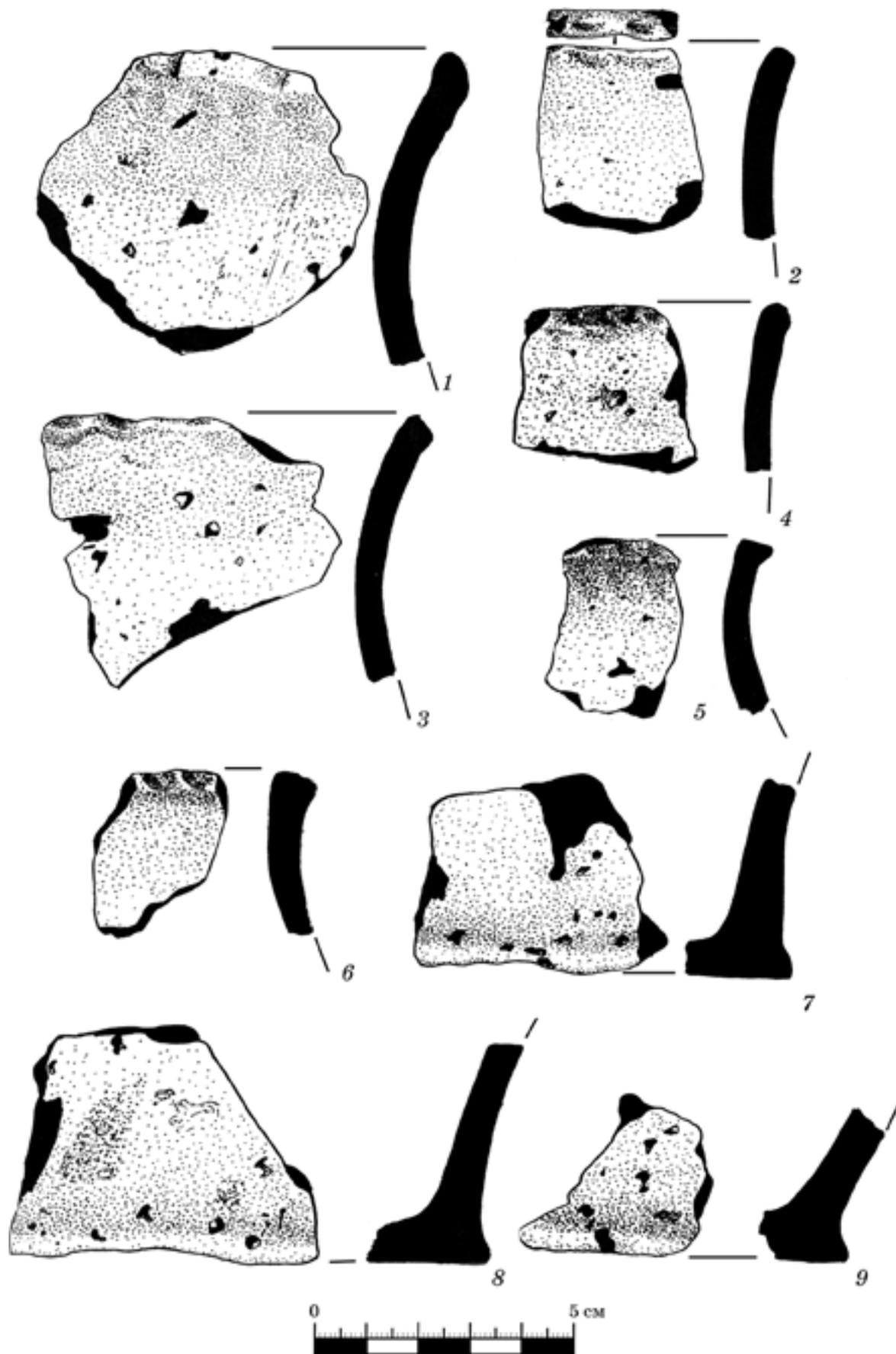

Рис. 11. Селище Уга 2. Лепная керамика из ямы 1 раскопа 2.
Работы А. М. Воронцова, 1996 г. Рисунки М. А. Воронцовой

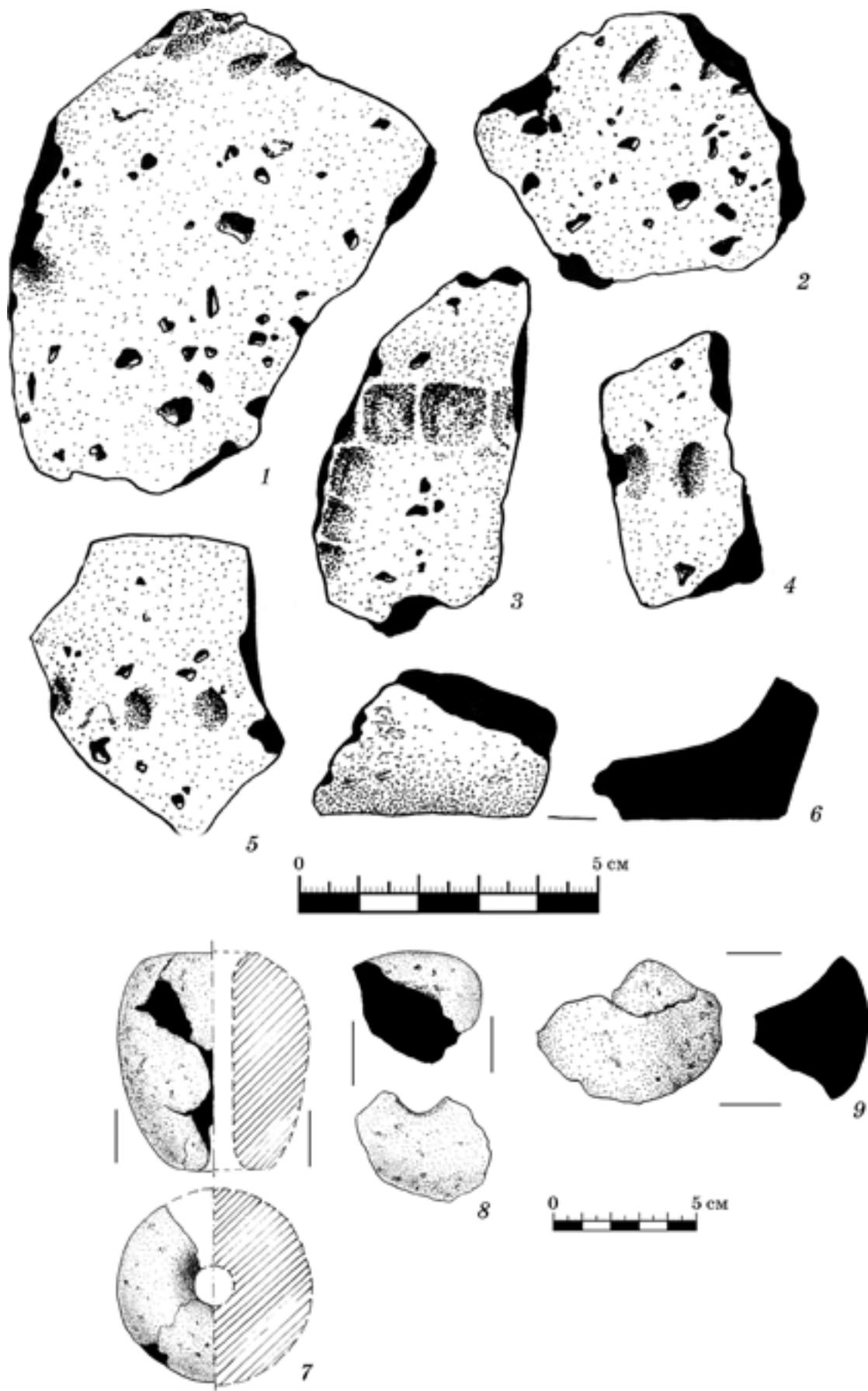

Рис. 12. Селище Упа 2. Керамика из ямы 1 раскопа 2.
1–6 — фрагменты лепных сосудов; 7–9 — грузила.
Работы А. М. Воронцова, 1996 г. Рисунки М. А. Воронцовой

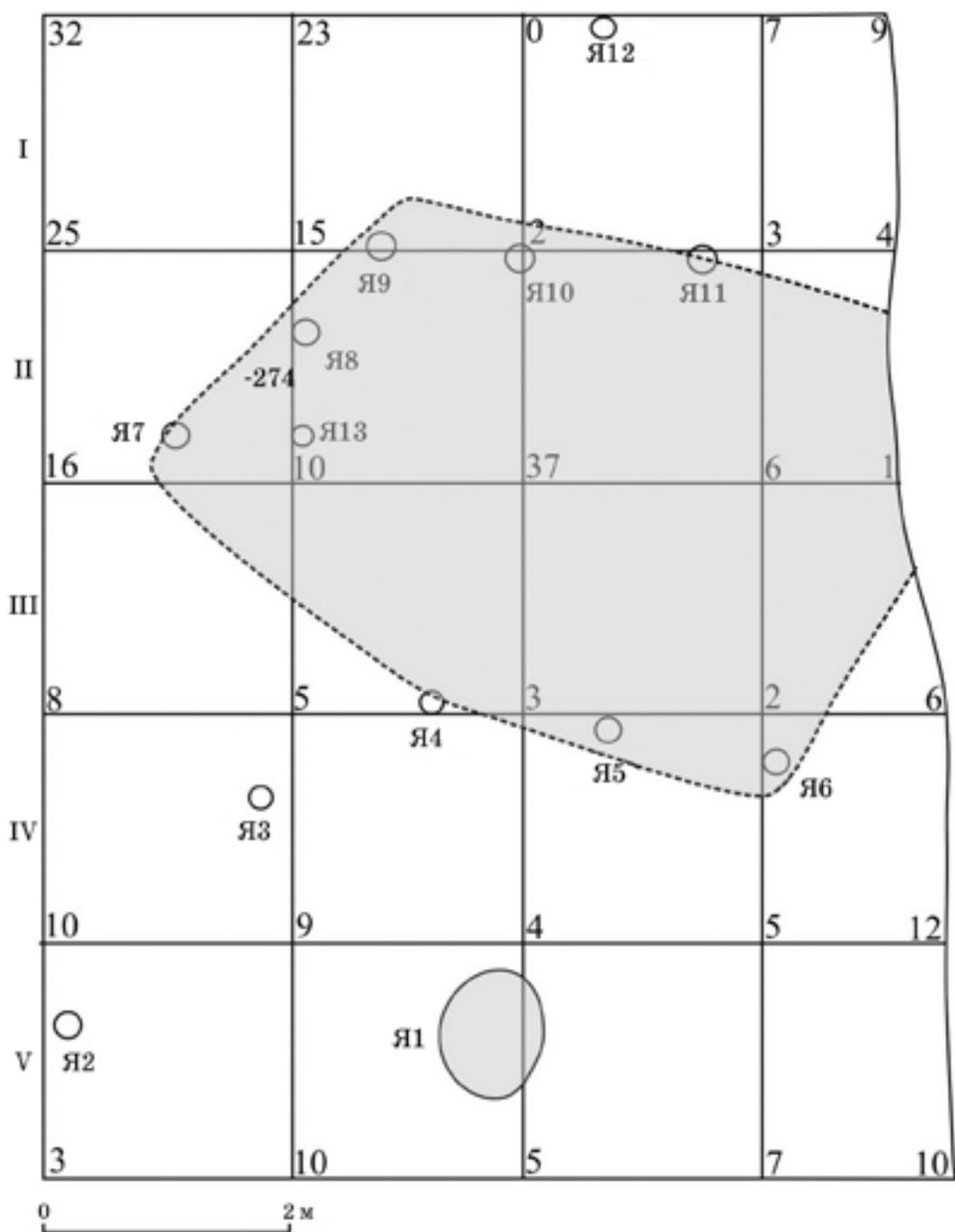

Рис. 13. Селище Упа 2. Раскоп 1.

По: Клянин, 1995. Наземная столбовая постройка (выделена пунктиром) и хозяйственная яма, относящиеся к памятнику типа Упа 2, показаны серым цветом

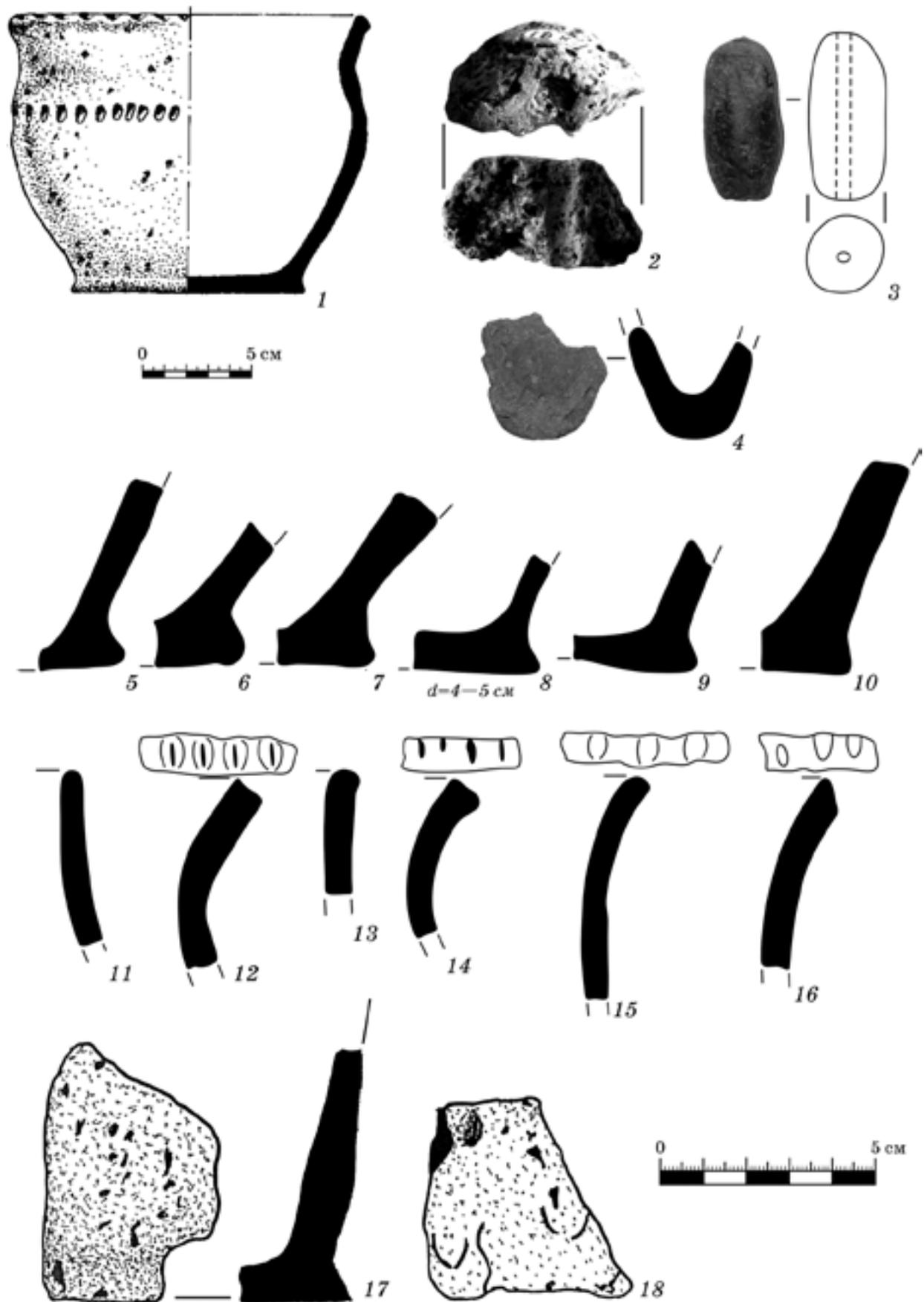

Рис. 14. Селище Упа 2. Керамика.

1, 4–19 — лепные сосуды и их фрагменты; 2 — фрагмент грузила; 3 — бусина.
1–10 — шурф 1 (по: Наумова, 1994); 11–19 — раскоп 1; 17–18 — яма 1.

По: Клянин, 1995

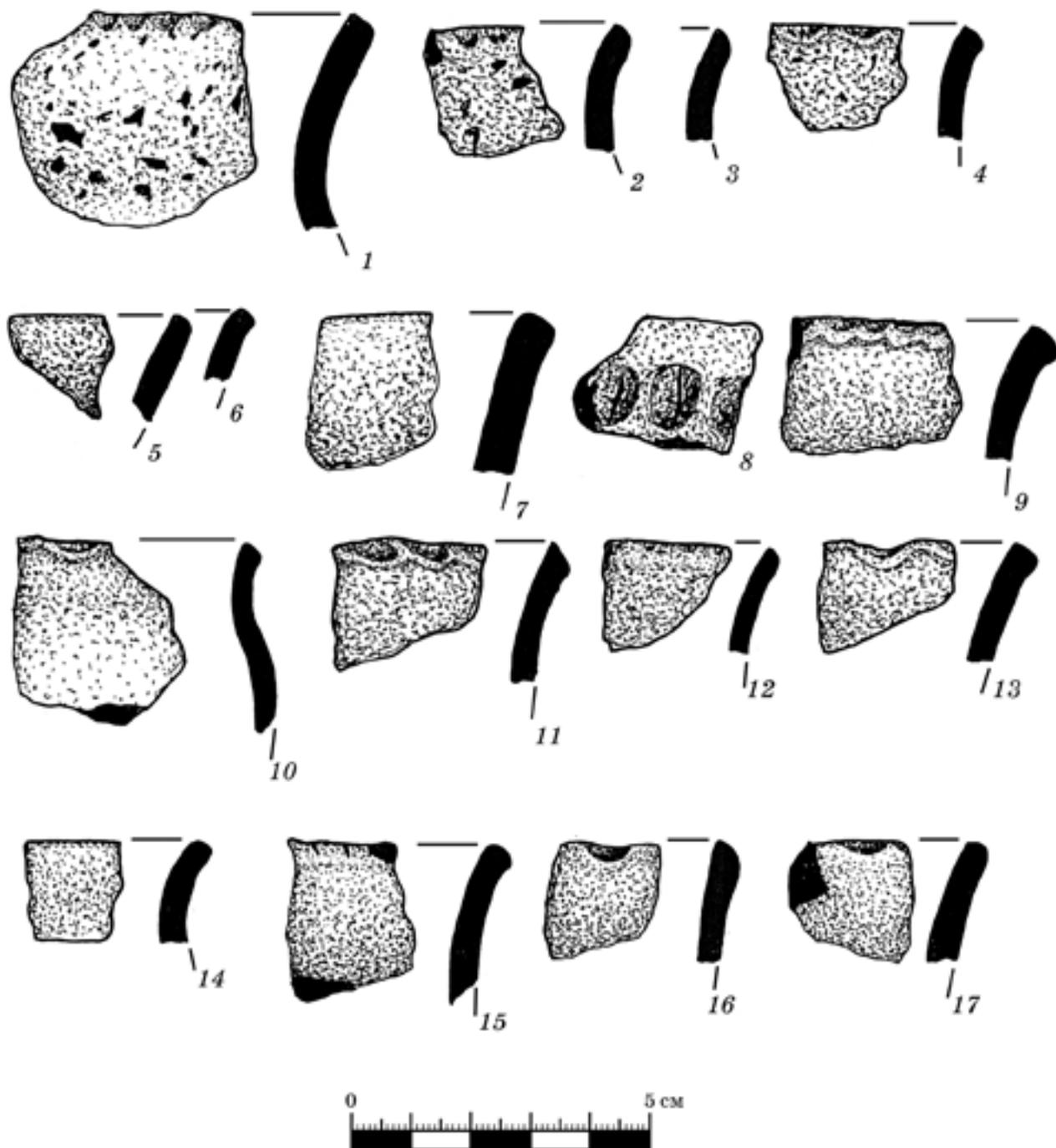

Рис. 15. Селище Упа 2. Лепная керамика из раскопа 1.

1–13, 15–17 — грубая; 14 — лощеная.

1–8 — пласт 1; 9–17 — пласт 2.

По: Клянин, 1995

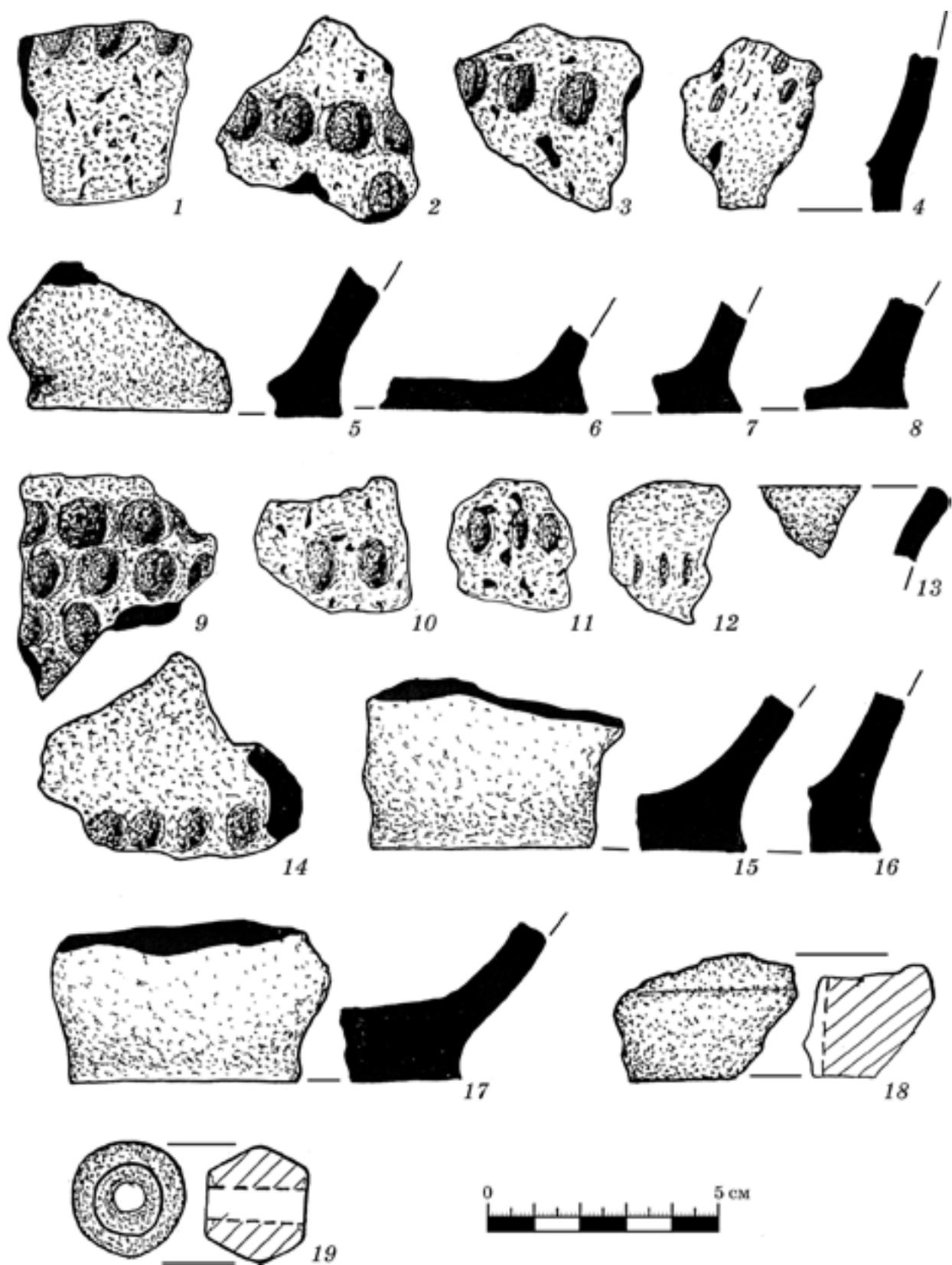

Рис. 16. Селище Упа 2. Керамика из пласта 2 постройки на раскопе 1.
 1–17 — фрагменты лепных сосудов; 18 — фрагмент грузила; 19 — пряслице.
 По: Клянин, 1995

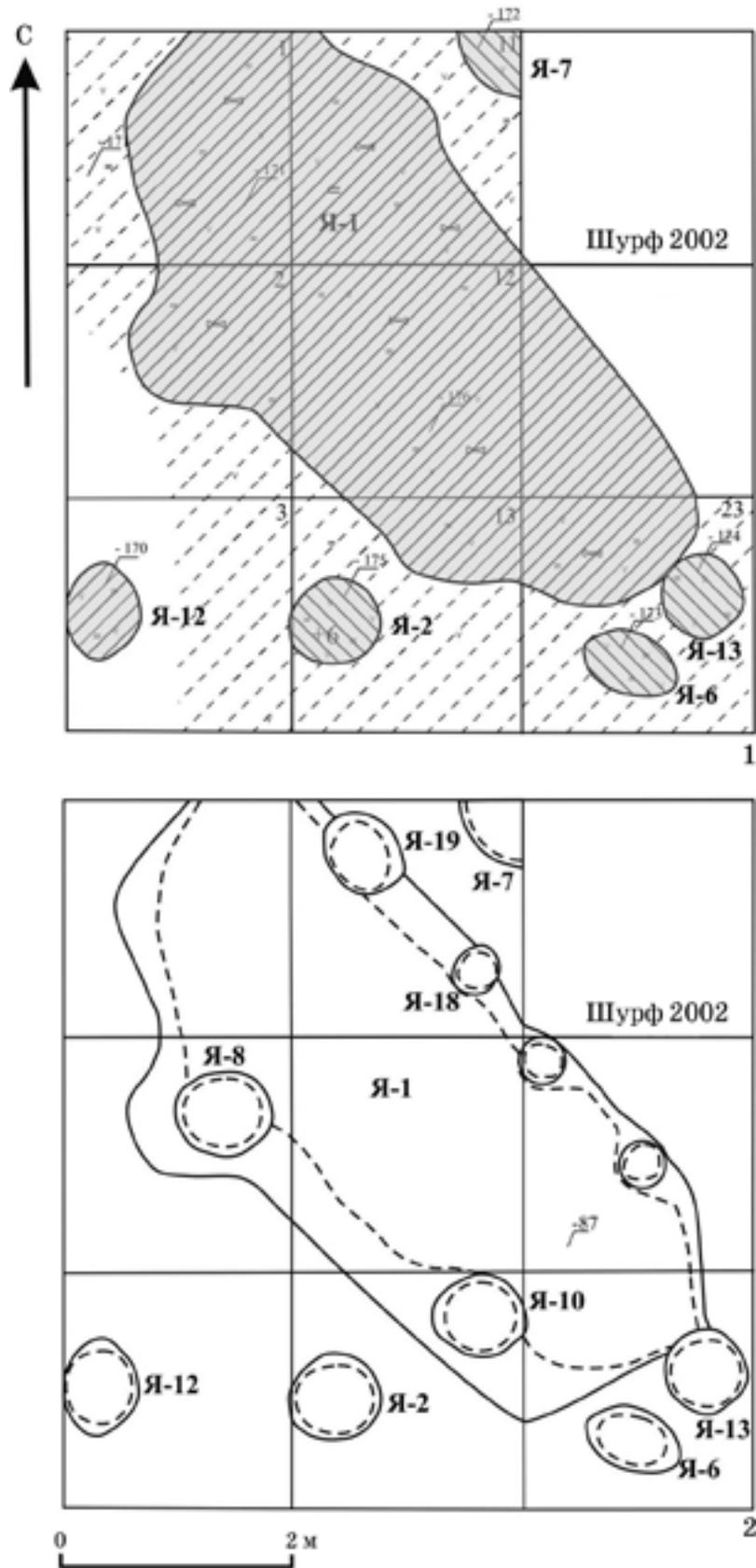

Рис. 17. Городище Лобынское. Сооружение, относящееся к памятнику типа Упа 2.

1 — на уровне зачистки; 2 — после выборки заполнения.
По: Иванов, 2003

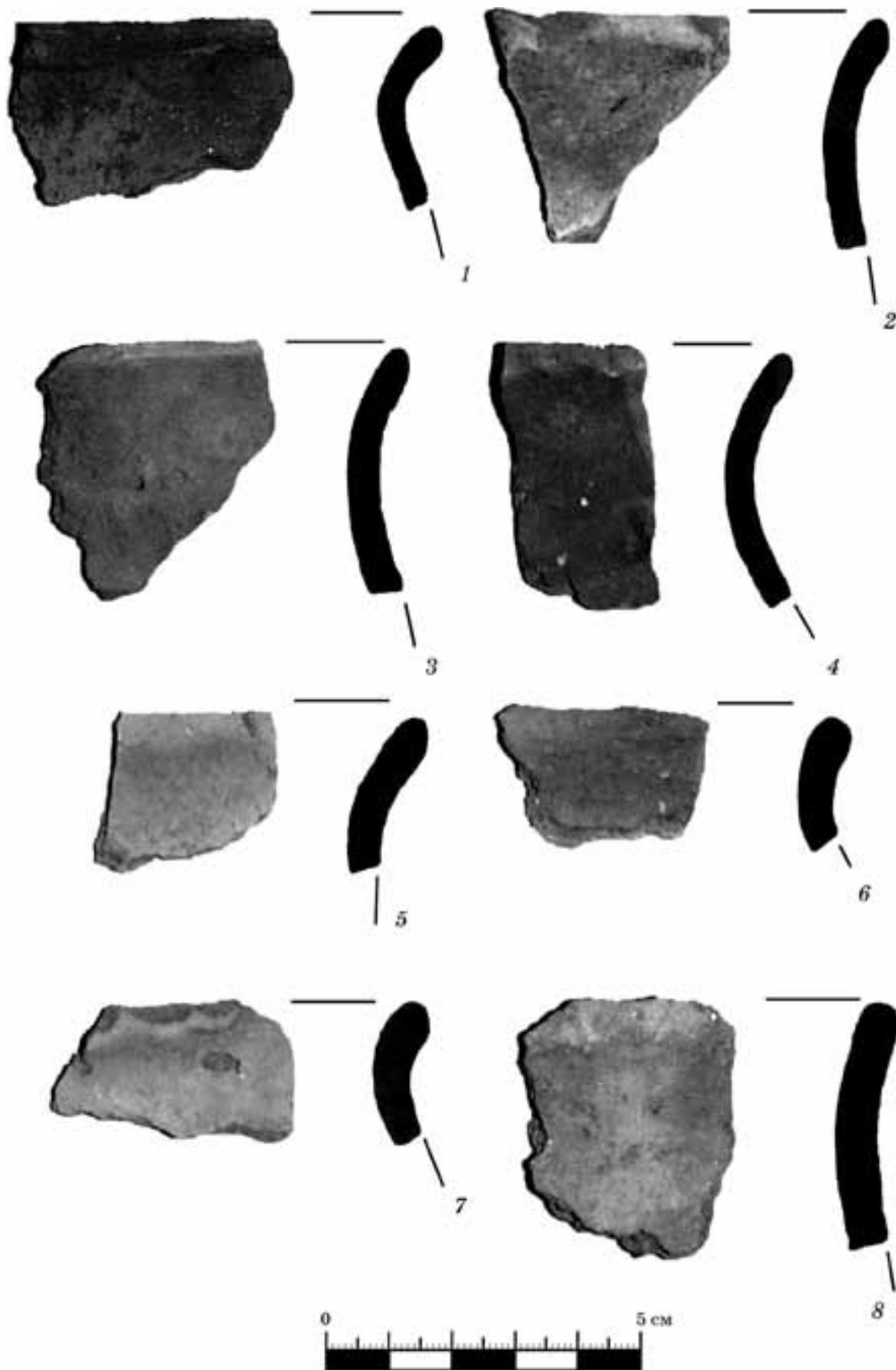

Рис. 18. Городище у с. Лобынское. Лепная керамика из слоя 1 раскопа 1.
1, 6–8 — грубая; 7 — заглаженная.
По: Иванов, 2003

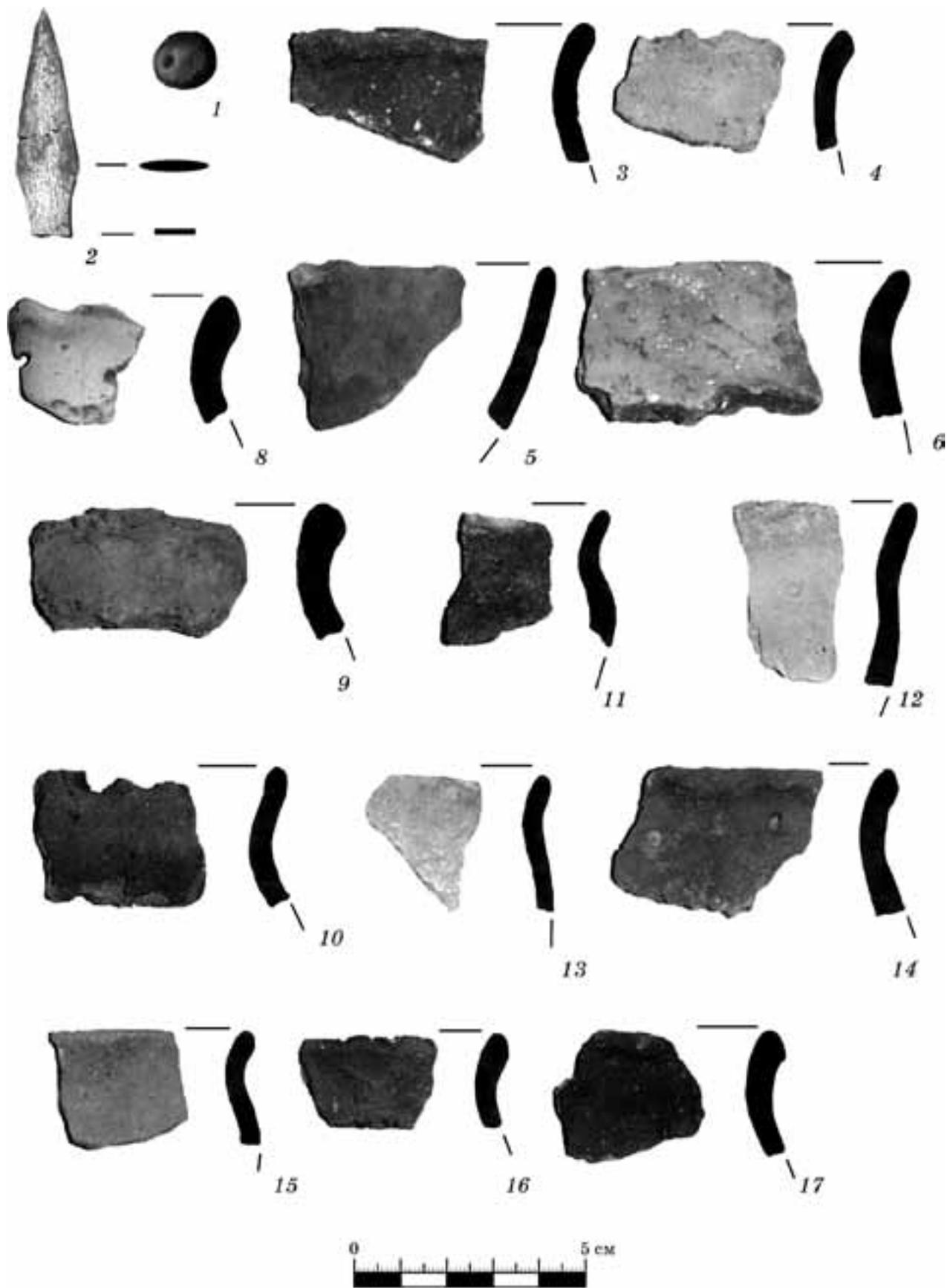

Рис. 19. Городище Лобынское. Находки на раскопе 1.

1 — костяной наконечник стрелы (слой 1, кв. 34); 2 — глиняная бусина (слой 3, яма 27); 3–17 — грубая лепная керамика: 3–7 — слой 2, яма 1; 8, 9 — слой 2, яма 10; 10, 13 — слой 2, яма 8; 11, 12 — слой 3, яма 9; 14 — слой 2, яма 2; 15 — слой 2, яма 20; 16 — слой 2, яма 22; 17 — слой 3, яма 29.

По: Иванов, 2003

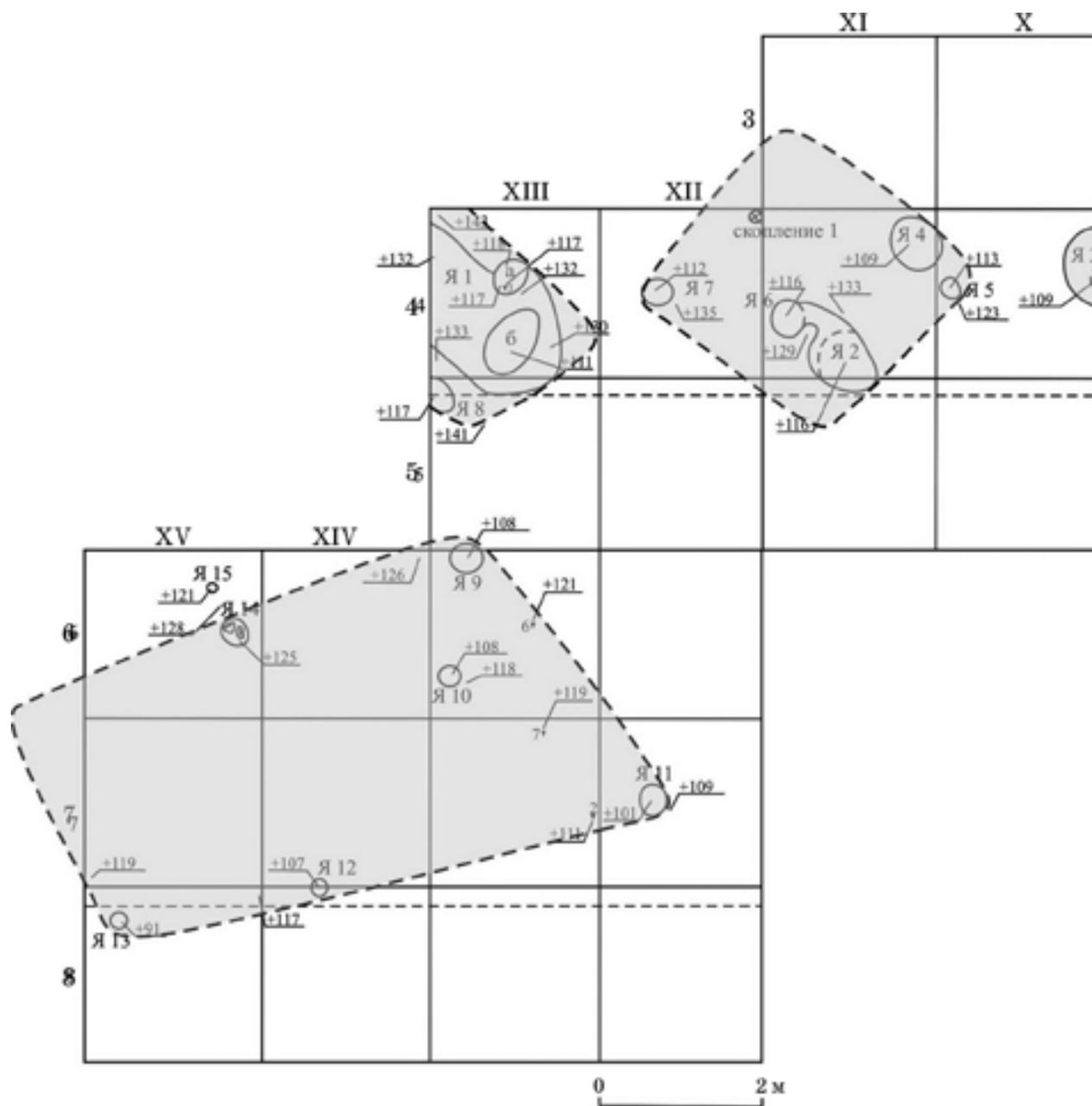

Рис. 20. Селище Супруги 1. Раскоп XXIII.
 По: Шеков, 1996. Реконструируемые наземные постройки показаны пунктиром

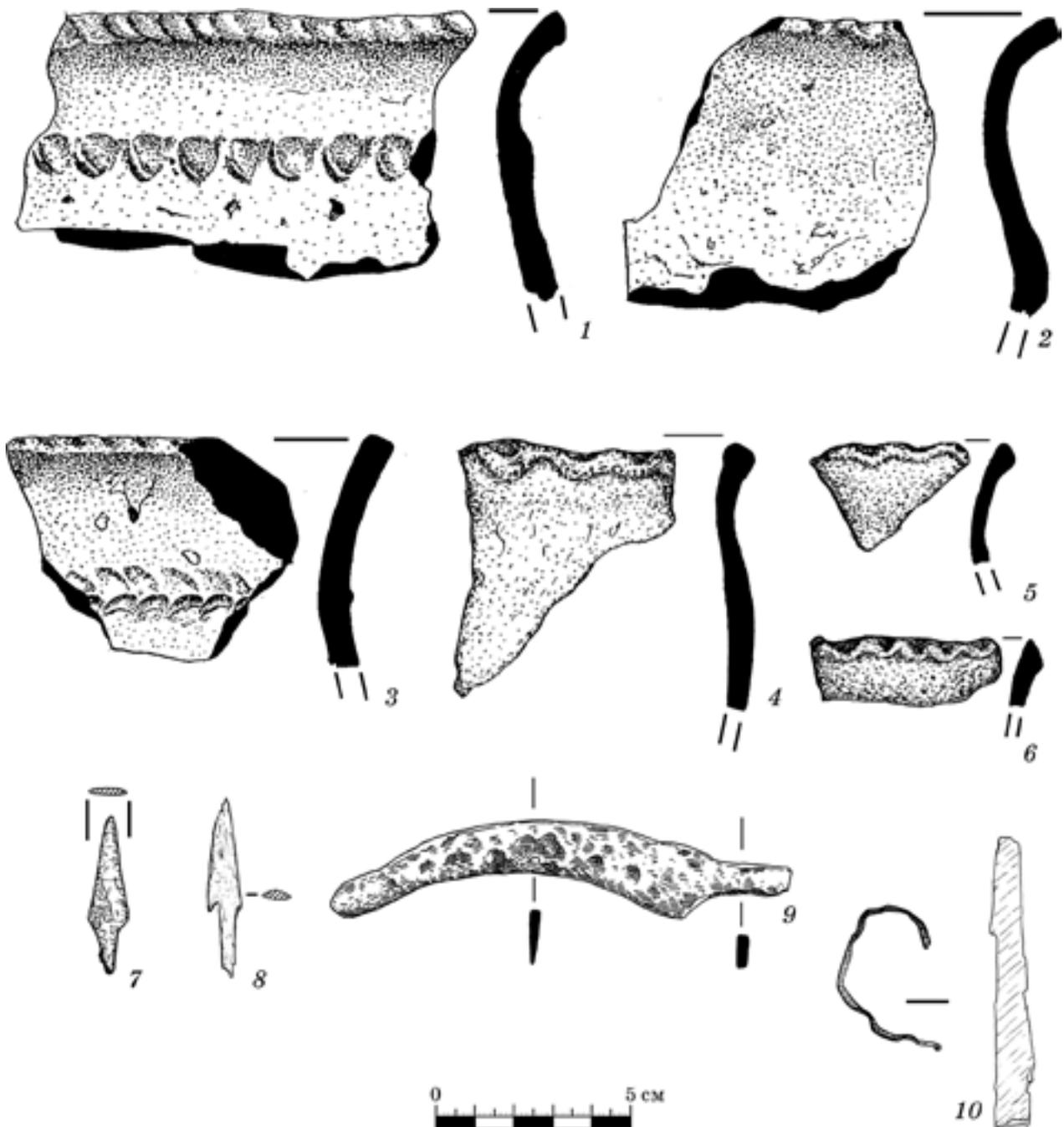

Рис. 21. Селище 1 у с. Супруты. Раскоп XXIII.

1–6 — грубая лепная керамика (1–3 — скопление 1, кв. 4/12; 4 — пласт 1; 5 — яма 10; 6 — яма 2); 7 — железный наконечник стрелы (кв. 7/XIII, пласт 2); 8 — костяной наконечник стрелы (яма 1); 9 — железный нож (кв. 7/XIII, пласт 1); 10 — фрагмент бронзовой пластины (кв. 4/X, пласт 1).

По: Шеков, 1996

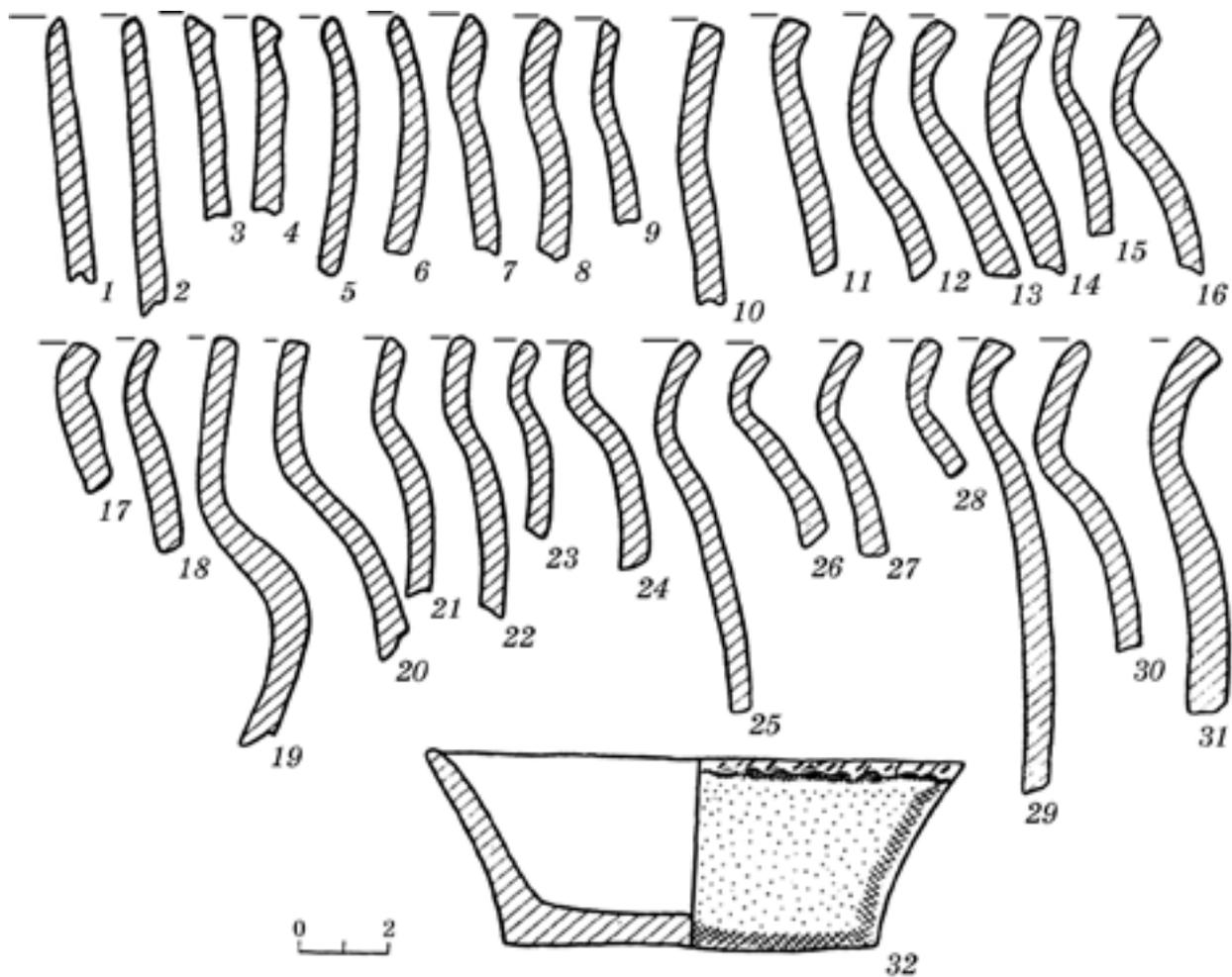

Рис. 22. Селище Супруты 1. Лепная керамика.
 1—31 — профили венчиков, 32 — миска. В рамке — способы орнаментации.
 По: Белоцерковская, 1981

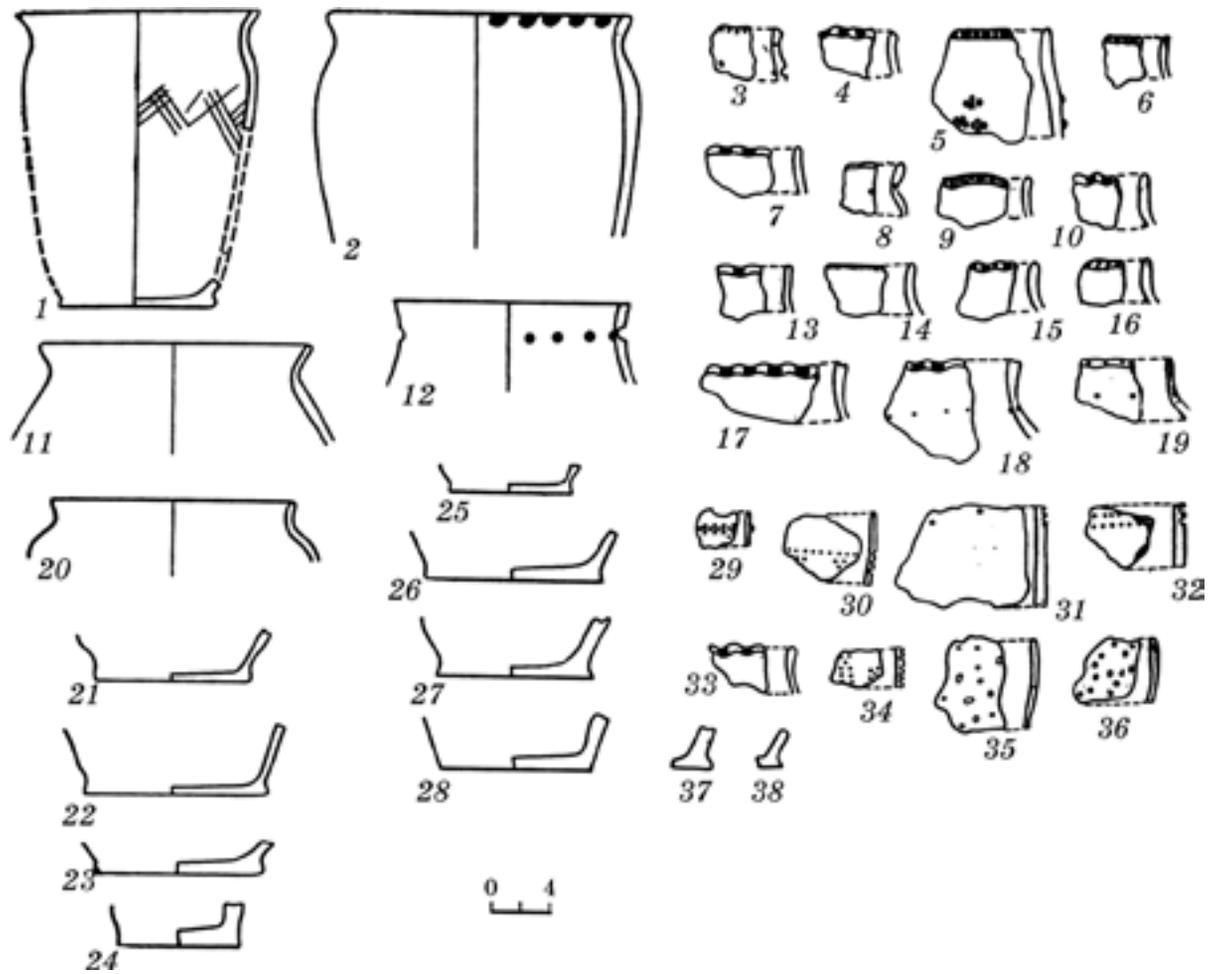

Рис. 23. Селище Супругты 1. Лепная керамика с примесью известняка.
По: Пронин, 1975

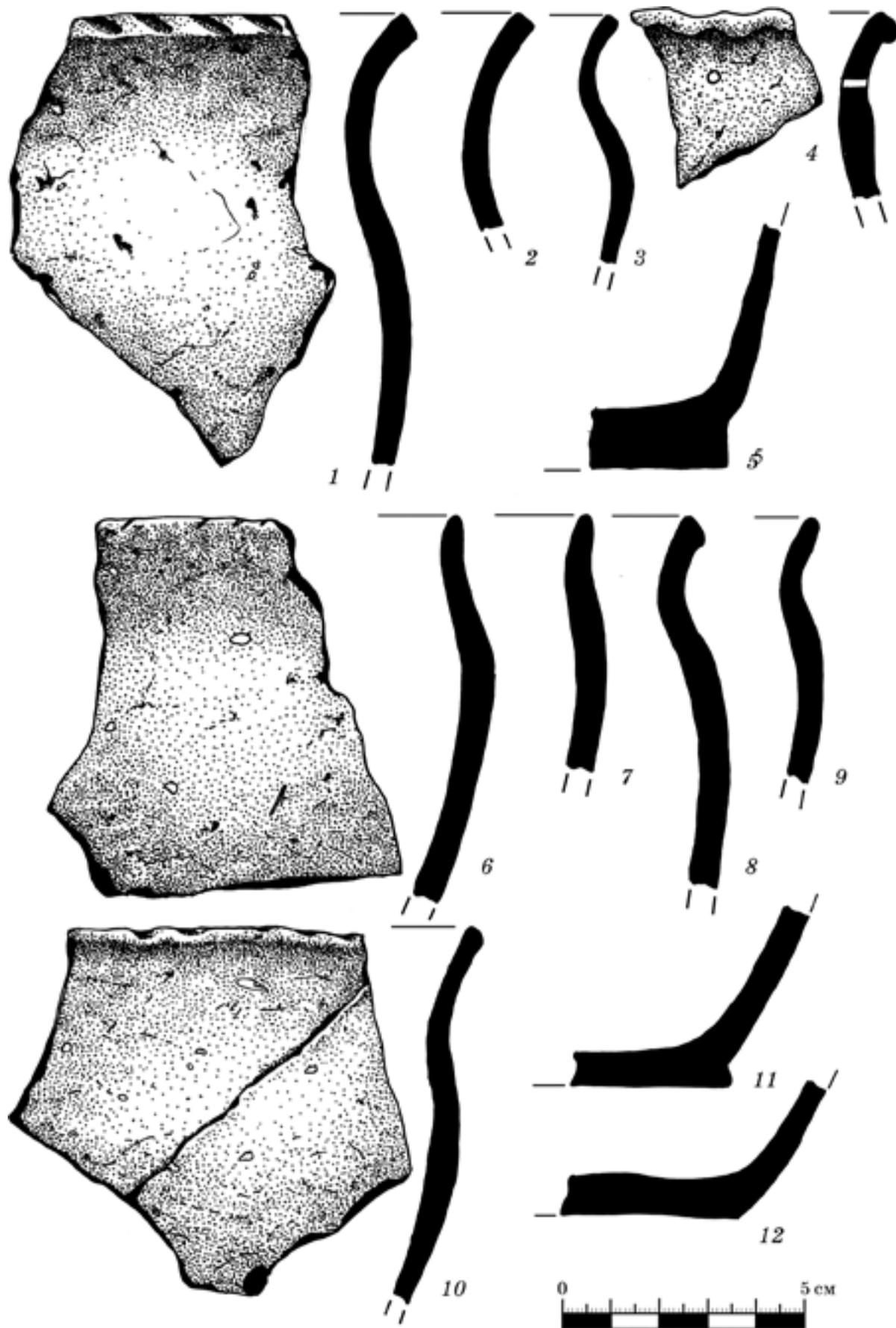
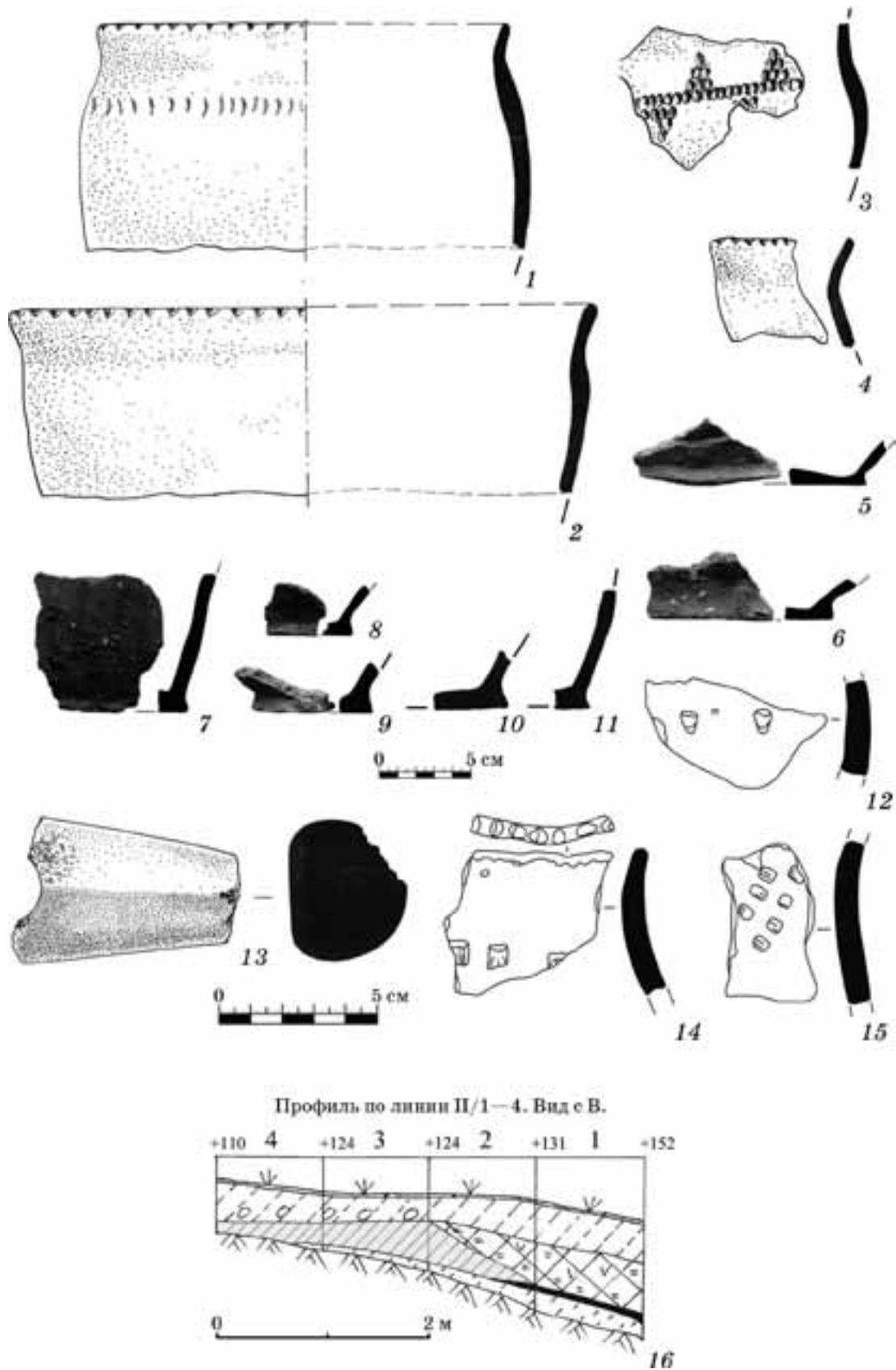
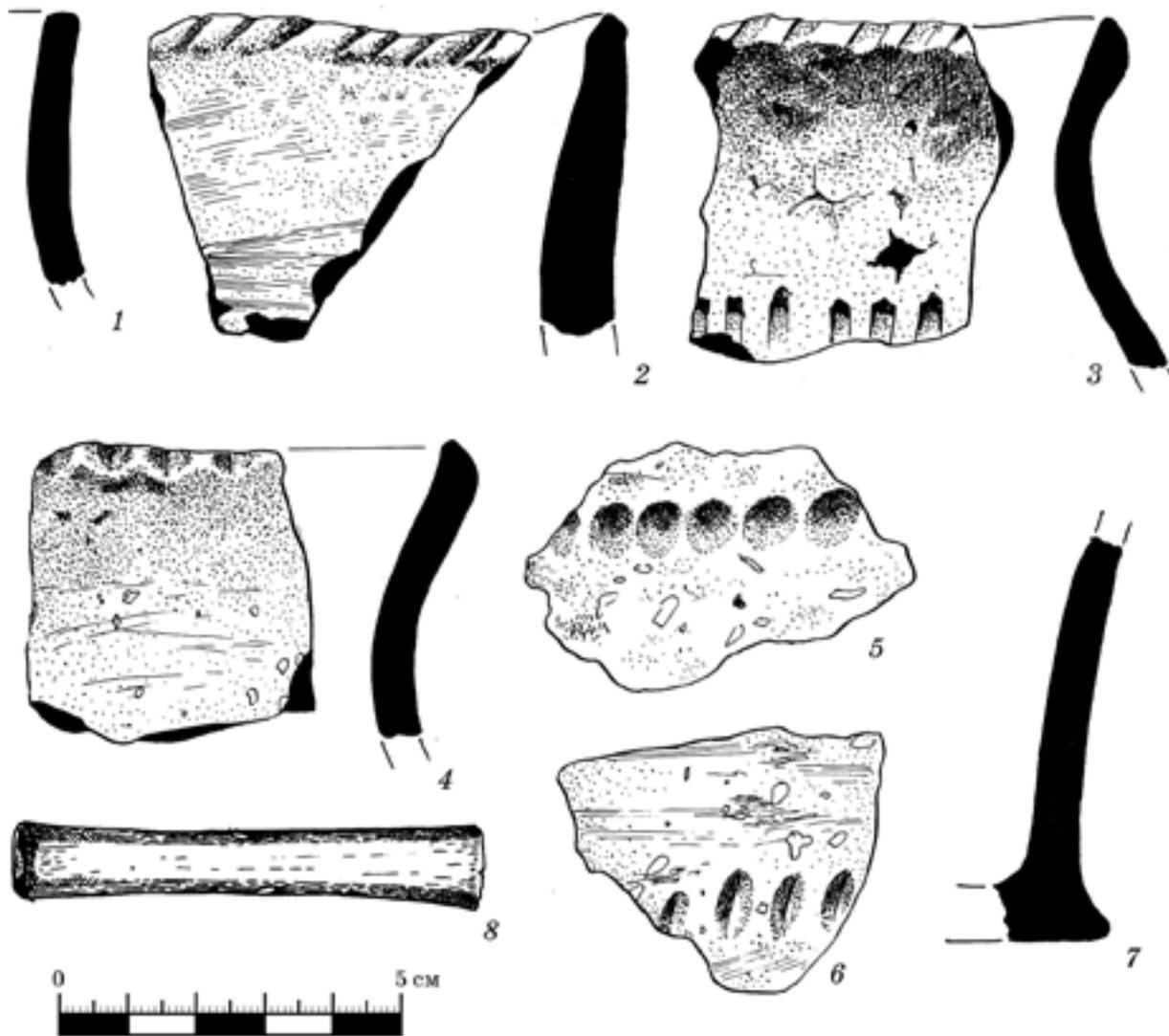

Рис. 24. Городище Супруги. Лепная керамика со дна постройки 2 из раскопа XXV.
Работы А. В. Григорьева, 2002 г. Рисунки М. А. Воронцовой

Борт по линии кв. V/1—10/ Вид с 3.

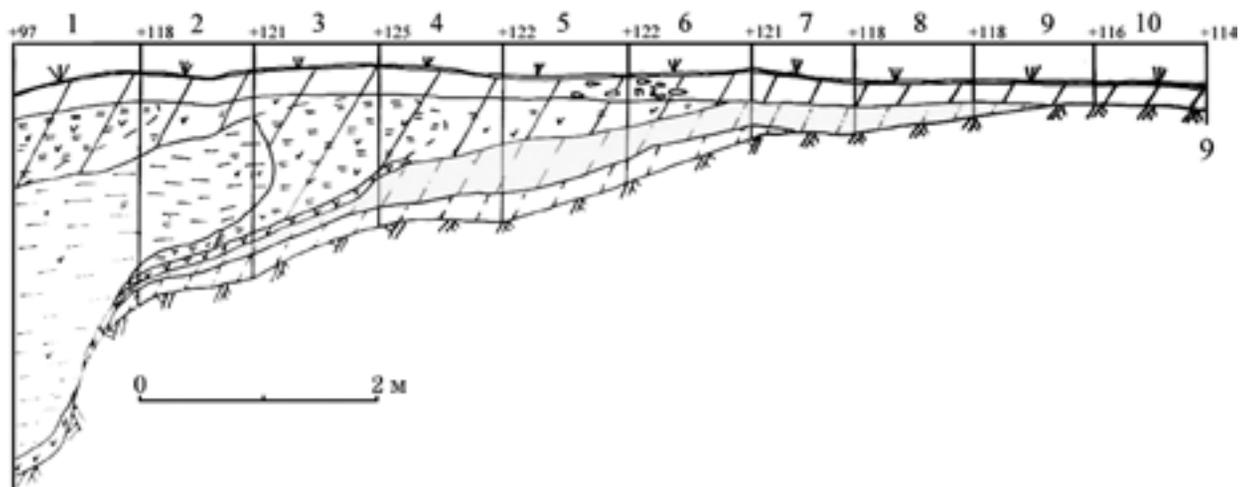

Рис. 26. Городище Борисово. Раскоп 3, слой 4.

1—7 — грубая лепная керамика, 8 — костяное изделие, 9 — профиль участка, где хорошо сохранился слой памятника типа Упа 2 (показан серым цветом).

Работы А. М. Воронцова, 1999 г. 1—8 — рисунки М. А. Воронцовой; 9 — по: Воронцов, 1999

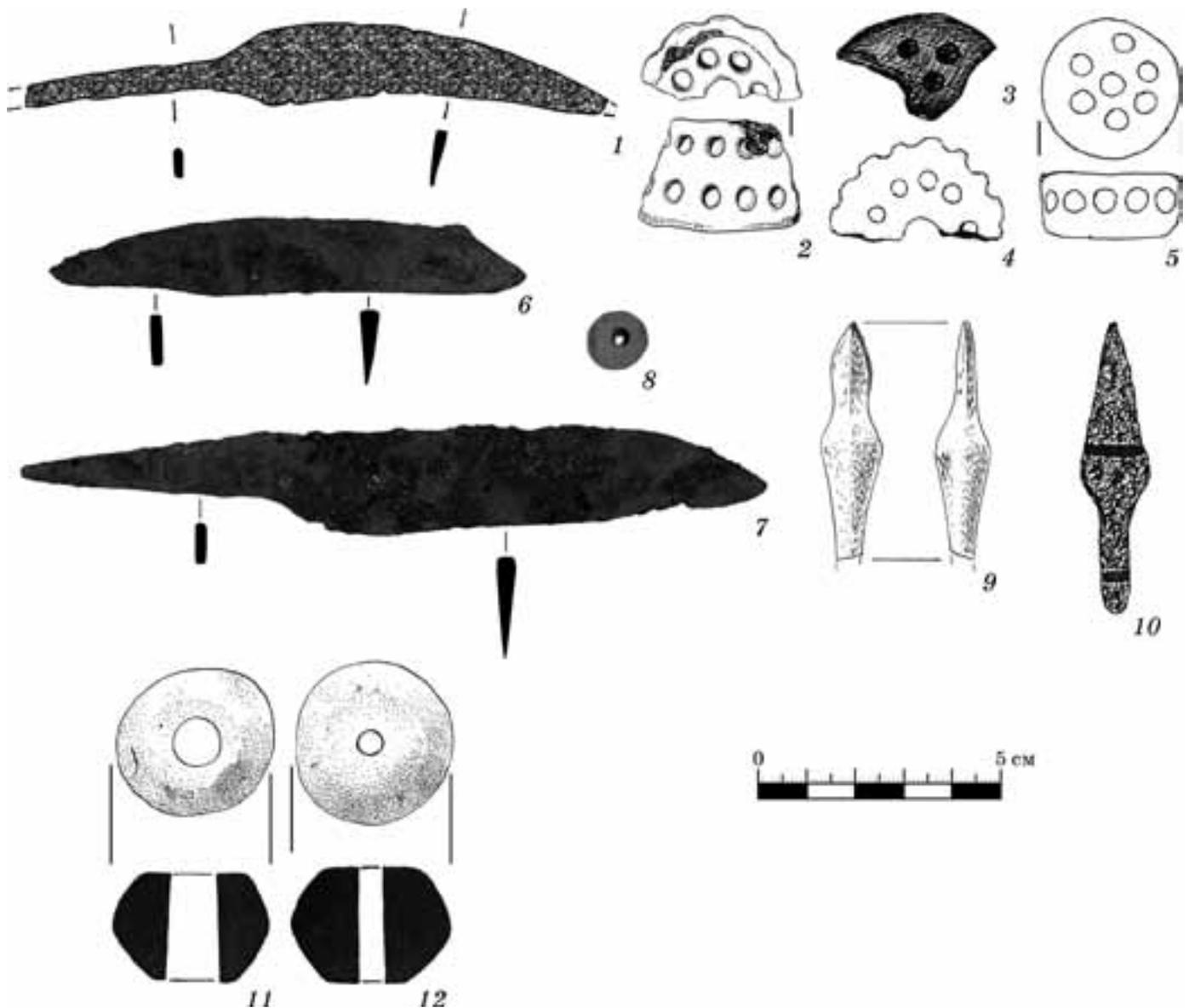

Рис. 27. Индивидуальные находки с памятников типа Упа 2.

1–5 — городище Супруты; 6–8 — городище Страхово; 9, 11–12 — городище Дедилово; 10 — городище Борисово.

1, 6–7 — ножи; 2–5, 11–12 — пряслица; 8 — бусина; 9–10 — наконечники стрел.

1, 6–7, 10 — железо; 2–5, 8, 11–12 — керамика; 9 — кость.

1 — раскоп I, 1955 г. (работы С. А. Изюмовой); 2 — раскоп XXVI, 2002 г. (работы А. В. Григорьева); 3 — раскоп VII, 1970 г. (работы С. А. Изюмовой); 4–5 — раскоп XXV, 2002 г. (работы А. В. Григорьева); 6–8 — шурф 1, 2008 г. (работы А. Н. Наумова); 9, 11–12 — подъемный материал, 1998 г. (работы А. М. Воронцова); 10 — раскоп 1, 1995 г. (работы Т. В. Наумовой).

1, 10 — рисунки А. М. Воронцова; 9, 11–12 — рисунки М. А. Воронцовой; 6–8 — фото А. Н. Наумова; 2–5 — рисунки из полевых описей С. А. Изюмовой

А. С. Сыроватко, А. А. Трошина, Е. А. Спиридонова

ХРОНОЛОГИЯ ЩУРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПО ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫМ ДАННЫМ

Памятник, известный в литературе как селище Щурово¹, регулярно исследуется с 2001 года², но только недавно стало очевидным, что это довольно сложный объект, а его слой сильно нарушен могильником. Это приводило к тому, что находки, имеющие широкую датировку, затруднительно было отнести к какому-либо определенному этапу существования памятника. В настоящее время таких этапов мы насчитываем шесть. Три из них мы только упомянем: мезолитический (представлен находками с пластинчатой техникой расщепления, бутовской традиции), поздний льяловский (представленный единичными фрагментами керамики и осколками наконечников), дьяковский (сравнительно позднего этапа, первые века н. э.). Три других типа древностей в основном и сформировали облик памятника и дали основной массив находок: позднедьяковского (мощинского) времени, «домики мертвых» (курганы), грунтовый могильник с кремациями.

Накопившийся к настоящему времени материал подвел нас к выводу, что **позднедьяковский период** памятника следует относить ко 2-й — 3-й четв. I тыс. н. э., вероятно также, этот интервал можно сузить до середины IV — середины V в. Это следует из явного разрыва керамических традиций, отмеченных на селище, с теми, что представлены набором сетчатой посуды первых веков н. э., а также характеризуются отсутствием вещей пьяноборского стиля, ножей «с горбатой спинкой». Доминирующей формой на памятнике является нож «с округлой спинкой» — сравнительно поздняя форма ножей для позднедьяковского круга древностей (рис. 1). Узкие даты имеют фибула черняховского облика (рис. 2: 1) и фибула типа Пильвины по И. О. Гавриутину (рис. 2: 10), возможно очерчивающие хронологические рамки этого этапа на памятнике. Гораздо шире датировка остальных находок, которые, тем не менее, укладываются в позднедьяковский и мо-

щинский контесты: литейная форма для слитков (рис. 4: 18) [Тавлинцева, 2001. С. 74. Рис. 1: 1], грузик дьякова типа (рис. 2: 6), пластинчатые кресала (рис. 2: 9), погремушка (рис. 2: 12), миниатюрные сосудики (рис. 2: 15), двушипные плоские стрелы (рис. 2: 7—8), пряжки, пряслица³. Пряслица, шилья, иглы особенно многочисленны. Отметим также встречающиеся осколки тиглей (рис. 2: 11), литейных форм для изделий из «легких» сплавов (рис. 2: 13—14) и лапчатую подвеску — как раз из такого сплава (рис. 4: 15).

Керамика нередко образует скопления, но никогда — развалы. Формы лощеной и гладкостенной посуды имеют аналогии на мощинских и позднедьяковских памятниках [Тавлинцева, 2001. Рис. 3].

Памятник и был открыт как позднедьяковское селище, однако аналогии Щуровскому могильнику, в частности Ратьковский [Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007], показывают, что среди сожжений позднедьяковского круга нет специфического погребального инвентаря — это обычные бытовые вещи, включая тигли, литейные формы и т. д. Возникает вопрос — как трактовать все находки на памятнике с учетом того, что ни одного жилого объекта до сих пор не обнаружено?

Курганы, или «**домики мертвых**», — самая интересная и самая загадочная часть памятника. Всего известно пять условных курганов⁴, из них четыре с кольцевыми конструкциями — «домики мертвых», в одном конструкцию выявить не удалось. Погребения удалось выделить только для трех из пяти объектов. Характерные особенности этих погребений — безынвентарность, низкие температуры сжигания, оставляющие крупные осколки костей. В слое сожжений курганов археологического материала много, но это в основном позднедьяковские вещи, и остается неразрешимым вопрос хронологии: либо погребальные конструкции могли быть сооружены

¹ План памятника см. в следующей статье данного сборника, рис. 1.

² Памятник открыт в 1986 г. Р. Л. Розенфельдом как позднедьяковское селище, позднее В. Ю. Коваль открыл на нем первое захоронение в погребальной конструкции [Розенфельдт, 1986; Тавлинцева, 2001]. Некоторые результаты раскопок опубликованы [Добровольская, Сыроватко, 2008; Сыроватко, 2005; 2010; Сыроватко и др., 2008; Сыроватко, Тодорова, 2009].

³ В соответствии с темой этой статьи мы даем изображения только некоторых наиболее выразительных находок, не останавливаясь на специальном обосновании их датировки и атрибуции.

⁴ Подробнее о них см. следующую статью в данном сборнике.

в позднедьяковское время, и вещи синхронны домикам мертвых, либо позднедьяковские вещи попали в них при перемещении грунта. С известной долей осторожности можно только предположить связь трапецевидной пряжки с погребением в кургане 1 (рис. 3: 1; см. также: Тавлицева, 2001. С. 74. Рис. 2: 1), стрелы-срезня (рис. 3: 6) с погребением в кургане 2, сломанной сьюльгамы (рис. 3: 3) с погребением в кургане 3. Все эти предметы даже если и относятся к погребениям, имеют слишком широкий диапазон бытования, чтобы надежно датировать погребальные конструкции. В кургане 4 в центральном погребении среди костей были найдены оплавленное до неузнаваемости украшение (?) из медного сплава и железная игла (рис. 3: 2, 5), еще один расплавленный предмет находился в непосредственной близости от костей (рис. 3: 4). Эти находки также малоинформативны для датировки и определения культурной принадлежности комплекса.

Керамика, которую можно отнести к курганной фазе могильника, представлена одним целым сосудом, найденным в придонной части рва кургана 2. Это «закрытая» форма с примесью шамота и дресвы (?) в тесте. Каково место сосуда в погребальном обряде, остается неизвестным, находка эта единственная.

Грунтовый могильник был распознан на памятнике после шести лет раскопок. В большинстве случаев кремации представляли собой тонкие линзы костей, часто залегавшие прямо под дерном. Погребения иногда помещались над ямкой или, видимо, в ямках, а в одном случае — в урне. Глубина их залегания минимальна, и мы имеем дело только с той частью могильника, которая чудом уцелела после распашки. Причину сохранности этих погребений мы усматриваем в наводнениях «малого ледникового периода», аллювиальные отложения которого перекрыли некоторые из объектов. Как выглядели захоронения до XVII столетия — неизвестно. Не исключено, что они располагались прямо в траве и затем были лишь слегка задернованы, в ряде случаев, возможно, могли быть органические вместилища останков.

Как только стало понятно, что на периферии курганов, а иногда (как мы предполагаем для кургана 4) и на самих насыпях располагались остатки кремаций, сразу возник ряд вопросов: синхронны ли грунтовые кремации «домикам мертвых»; если нет, то каков временной разрыв между ними; каков абсолютный возраст грунтовых погребений и к какому культурному контексту их следует отнести?

Грунтовые погребения бывают без находок не часто. К концу 2010 г. известно примерно 20 грунтовых скопления костей, из них без находок — не более 4. Однако сам состав инвентаря весьма специфичен: в первую очередь это бесформенные обломки изделий медного сплава или серебра — «шплинты», пластины с заклепками (рис. 4: 17), стеклянные бусы, а также обрывки кольчуг. В одном случае можно предположить оплавленную бутылочную подвеску (?), известен один колокольчик (рис. 4: 16), обрывки цепочки с 8-образными

звеньями (рис. 4: 10), очевидная подвеска (рис. 4: 9), грушевидные пуговицы (рис. 4: 11—13).

Бусы — самая многочисленная категория вещей из грунтовых погребений. Бросается в глаза сине-голубой спектр этого набора. Среди мелких бус преобладает синий рубленый бисер, среди крупных — 14-гранные. Встречаются также желтые (золотистые) пронизи, есть изделия из зеленого стекла. Однако сохранность бус столь плоха, что не всегда удается определить даже цвет. Кроме того, золотистое стекло хуже всего переносит погребальный костер, превращаясь в белую пыль, и статистика может быть искажена этим обстоятельством. В некоторых погребениях встречаются редкие для региона полихромные бусы: красно-бело-зеленые, синие с голубыми глазками и белыми ободками, иногда в виде шишечек. В целом, по результатам химического анализа и морфологии форм бусы вполне соответствуют образцам эпохи викингов, вероятнее всего, в интервале от конца VIII до начала X в. [Сыроватко, Тодорова, 2008; Сыроватко, Трошина, 2010].

Набор находок из грунтового могильника может быть сопоставлен с роменскими комплексами Супрутского городища, селищ Уткино и Торхово [Григорьев, 2005. С. 99—104]. Правда, сходство материальной культуры, объяснимое для групп населения, входившего в влияния орбиту Хазарского каганата и Восточного пути, не означает единства в прочих аспектах.

Отметим также вещи, которые по датировкам вполне могут соответствовать какому-либо из могильников, но по условиям обнаружения привязать их к объектам нельзя: многочисленные спиральные пронизки из медного сплава (рис. 4: 1—6), иногда с сохранившимся внутри отрезком дрота, оплавленная шумящая подвеска из рва кургана 4 (рис. 4: 14); трехлопастный и плоские наконечники стрел (рис. 4: 7—8), срезень без упора из слоя сожжения в кургане 2 (рис. 3: 6). Литейная форма для слитков (рис. 4: 18) также вполне укладывается в контекст эпохи викингов, хотя ее датировка довольно широка. Многочисленны также рыболовные крючки, но их можно отнести к любой эпохе.

Любопытную серию находок составили керамические сосуды-«приставки» [Сыроватко, Мальцева, Добровольская, 2012]. Помимо единственной урны найдено еще 3 сосуда, целых или в развалах, располагавшихся вблизи погребений. Все они тонкостенные, с насечками по краю венчика, с примесью дресвы. Кроме того, в тесте присутствует шамот или, что более вероятно, плохо промешанная глина. Внешне эти сосуды схожи с раннеславянской посудой, но, строго говоря, аналогии им можно подобрать и в неславянском мире. Кроме того, эти сосуды выделяет аккуратность изготовления, тонкие стенки, заглаженная поверхность тулова, примесь дресвы, не характерная для раннеславянской лепной керамики Подмосковья.

Таким образом, нам довелось работать с памятником, самые интересные объекты которого не имеют аналогий на близлежащих территориях, а во-

просы их хронологии остаются одними из наиболее актуальных.

Относительная хронология

Данные стратиграфии позволяли однозначно утверждать, что грунтовые погребения были совершены тогда, когда рвы курганов почти заплыли. Источником таких утверждений стали наблюдения над курганными рвами, в которых хорошо прослеживался слой сожжений грунтового могильника в верхней части заполнения. Это прослойка черного песка, хорошо читаемая почти на всем памятнике, перекрываемая только аллювиальными отложениями Нового времени. В некоторых случаях удавалось даже проследить, как во рвах она расслаивалась на две прослойки, разделенные стерильным песком. Следовательно, оставалось только установить, какова же скорость разрушения «домиков мертвых». Заметим, что, с одной стороны, памятник сложен рыхлым крупнозернистым речным песком, и скорость оплывания могла быть очень большой. С другой стороны, насыпи удерживались внутренними конструкциями, а гумусированный песок очень быстро дернуется. Выход нам виделся в палинологических исследованиях отложений рва. Раскоп 2009 года был специально разбит с таким расчетом, чтобы получить новый разрез рва кургана 2 и отобрать из него образцы.

Отбор образцов из рвов производился в 2009 и 2010 гг. В обоих случаях это был северо-западный сегмент рва кургана 2, получивший наименование «яма 9». Здесь стратиграфически хорошо распадаются отложения курганного могильника и слой грунтовых сожжений (на рис. 5 слой грунтового могильника — углистая прослойка между образцами 4 и 5). Главной задачей было выяснить, имел ли место временной интервал, разделяющий два типа могильников, или же перед нами биритуальный памятник одного времени.

Разрез включал в себя следующие слои (рис. 5; отсчет от дневной поверхности):

0,00—0,10 м — Слой 1. Современный дерн. Коричневый песок.

0,10—0,45 м — Слой 2. Серо-коричневый супесчаный слой. (Образцы 6, 7).

0,45—0,55 м — Слой 3. Прослойка углистого черного песка. Слой могильника VIII—IX вв. (Образец 5 2009 г. — на контакте со слоем 2, образец 4 — на контакте со слоем 4; в 2010 г. удалось проследить стерильную прослойку, разделяющую углистый слой на два горизонта, образцы отобраны из всех).

0,55—0,85 м — Слой 4. Толща светло-серого песка (заполнение рва кургана). (Образцы 2, 3).

0,85—0,90 м — Слой 5. Тонкая прослойка темно-серого песка, без четких границ. Дно рва. (Образец 1).

0,90—1,15 м — Слой 6. Бурый рыхлый материковый песок.

По результатам спорово-пыльцевого анализа на основании изученных разрезов было выявлено четыре палинологические зоны (рис. 6, 7, табл. 1).

I палинологическая зона выделяется по образцам 1 и 2 (на рис. 5 и 6) из слоев со дна рва кургана и нижней части его заполнения. В общем составе доминируют пыльца травянистых растений и древесных пород (37—48% и 35—43% соответственно), количество пыльцы спор составляет в образце 1 — 9%, в образце 2 — 28%.

В группе древесных пород доминирует пыльца березы (*Betula*) (48—68%). Также встречается много пыльцы липы (*Tilia*) (24—39%). В меньшем количестве встречается пыльца ольхи (*Alnus*) (4—5%), ивы (*Salix*) (1—4%) и орешника (*Corylus*) (1—3%). Единично отмечена пыльца сосны (*Pinus*) и дуба (*Quercus*) (по 1%).

Травянистые растения представлены в основном пыльцой сем. астровых (*Asteraceae*) (29—45%), злаков (*Poaceae*) (20—21%) и лугового разнотравья. Разнотравье представлено пыльцой сем. цикориевых (*Cichoriaceae*) (12%) и крестоцветных (*Brassicaceae*) (8—26%). Имеется пыльца полыни (*Artemisia*) и сем. гречишных (*Polygonaceae*) (по 3%), маревых (*Chenopodiaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), а также родов осок (*Cyperaceae*), таволги (*Filipendula*), подорожника (*Plantago*).

Для споровых характерно преобладающее количество спор плаунов (*Lycopodium*) (29—56%), реже встречаются споры папоротника сем. *Polypodiaceae* (15—26%), сфагновых мхов (*Sphagnum*) (12—55%) и зеленых мхов (*Bryales*) (1—6%).

По образцу со дна рва кургана удалось сделать следующие выводы. В период начала функционирования могильника на близлежащей территории леса и луга занимают примерно одинаковые площади. В состав лесов входили береза и липа, пыльца сосны в спектре отсутствует, что указывает на достаточно влажный и теплый климат. На лугах произрастали разнотравно-злаковые сообщества, что также говорит о теплых климатических условиях. К концу периода, вероятно, можно говорить об увеличении увлажненности территории, которое способствовало оплыванию насыпи кургана.

II палинологическая зона — отложения верхней части заполнения рва кургана (образец 3 на рис. 5 и 6) характеризуются значительным увеличением количества спор (57%), пыльца травянистых растений и древесных пород составляет 24% и 19% соответственно. Это указывает на дальнейшее увеличение увлажненности, возможно, на подъем уровня реки и активное заболачивание территории.

В группе древесных пород также произошли серьезные изменения. Доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (46%) и липы (*Tilia*) (36%). В значительно меньшем количестве встречена пыльца таких пород, как дуб (*Quercus*) (6%), ель (*Picea*) (4%) и ольха (*Alnus*) (3%). Единично встречается пыльца березы (*Betula*), ивы (*Salix*) и вяза (*Ulmus*). Резкое возрастание количества пыльцы сосны в комплексе указывает и на некоторое похолодание климата.

В группе травянистых растений происходит увеличение до 59% пыльцы злаков (*Poaceae*). Имеется пыльца сем. астровых (*Asteraceae*) (10%) и полыней (*Artemisia*) (12%). В небольшом количестве встречена пыльца сем. цикориевых (*Cichoriaceae*) (7%), маревых (*Chenopodiaceae*) (5%), осок (*Cyperaceae*) (2%). Единична пыльца растений сем. гвоздичных (*Caryophyllaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), гераниевых (*Geraniaceae*) и василька (*Centaurea*) (по 1%).

Споровые представлены в основном папоротниками сем. *Polypodiaceae* (40%) и сфагновыми мхами (*Sphagnum*) (36%). Встречаются споры зеленых мхов (*Bryales*) (13%) и плаунов (*Lycopodium*) (11%).

III палинологическая зона — отложения углистого слоя характеризуются по четырем образцам (на контакте со слоем заполнения рва, а также образцы из нижней, средней и верхней части слоя — образец 4 на рис. 5 и 6; образцы 1—3 на рис. 7). Общий состав спектра характеризуется доминированием древесных пород (46—51%). Пыльца травянистых растений и споры представлены примерно в равных долях (17—27% и 27—35% соответственно).

В группе древесных пород господствует пыльца липы (*Tilia*) (56—66%), также встречается много пыльцы березы (*Betula*) (26—32%). В меньшем количестве присутствует пыльца ольхи (*Alnus*) (6—8%), сосны (*Pinus*) (до 3%) и ели (*Picea*) (1%). Единично встречена пыльца ивы (*Salix*).

В группе травянистых растений на контакте со слоем заполнения рва по-прежнему преобладает пыльца злаков (46%) (*Poaceae*) (количество её в слое снижается до 8—14%). Также встречено много пыльцы сем. крестоцветных (*Brassicaceae*) (18—22%), маревых (*Chenopodiaceae*) (14%) и астровых (*Asteraceae*) (10% в слое и 30% на контакте со слоем заполнения рва). Пыльца растений сем. гречишных (*Polygonaceae*), бобовых (*Fabaceae*), кипрейных (*Onagraceae*), а также родов полыни (*Artemisia*), василистника (*Thalictrum*), колокольчика (*Campanula*) и кувшинки (*Nymphaea*) встречена единично.

Споровые примерно в равной степени представлены папоротниками сем. *Polypodiaceae* (34%), плаунами (*Lycopodium*) (32%) и сфагновыми мхами (*Sphagnum*) (30%). Единично встречены споры зеленых мхов (*Bryales*).

Все образцы характеризуют примерно одинаковые климатические условия: в этот период в округе господствовал влажный и теплый климат, на близлежащей территории произрастали широколиственные леса, основу которых составляла липа с примесью ольхи, дуба и вяза. Встречались и березовые леса. На открытых пространствах доминировали представители влаголюбивого разнотравья. Объединение в комплекс образцов, взятых из верхней и нижней частей слоя, свидетельствует о том, что период бытования могильника не был очень длительным (по крайней мере, ландшафты в округе не претерпели

за это время значительных трансформаций как климатического, так и антропогенного свойства). В то же время наличие в образцах большого количества неплохо сохранившейся пыльцы указывает на то, что отложение слоя не было одномоментным. Интересно отметить, что в образце, взятом на границе углистого слоя и аллювиальных отложений, пыльца ели была темной, т. е. имела следы обугливания, в то время как пыльца сосны имела нормальный цвет. Этот факт позволяет сделать осторожное предположение о том, что ветки ели могли использоваться в погребальном костре, будучи принесенными специально, издалека. Кроме того, хорошая сохранность пыльцы свидетельствует о том, что углистый слой могильника образован холодными углями — это не автохтонный слой сожжения, а угли либо принесенные со стороны, либо переотложившиеся с вышележащих участков площадки.

IV палинологическая зона. Что касается образцов из слоя аллювия (образцы 5—7 на рис. 5 и 6; образец 4 на рис. 7), то они в целом характеризуют уменьшение облесенности территории, общее похолодание климата, активную антропогенную трансформацию среды.

Спорово-пыльцевой анализ позволил нам сделать следующие **выводы**. Между отложениями, соответствующими началу функционирования кургана, и слоем грунтового могильника имел место некоторый временной промежуток, который мы оцениваем в среднем в 100—150 лет. В этот период шел активный процесс оплывания насыпи кургана. Затем следует некоторая стабилизация поверхности, на которой в последующем начинается функционирование грунтового могильника. Накопление углистого слоя произошло в короткие сроки, хотя и не было одномоментным. В течение времени от создания кургана до грунтовой фазы климатические условия последовательно изменялись от влажных и теплых через период похолодания к климатическому оптимуму для данного памятника.

Радиоуглеродное датирование

Первое обобщение датировки могильников радиоуглеродным методом опубликовано [Сыроватко, 2010], но с момента публикации добавилось еще 9 дат (таблица 2). И если первое обобщение было проникнуто здоровым скепсисом, то теперь, по нашему мнению, есть объяснение и разбросу датировок, и возможность верной интерпретации⁵. Что же собой представляют радиоуглеродные даты с этого памятника? Во-первых, не смотря на то что сожжения производились, вероятно, на месте, угля, пригодного для датирования, не так много. Первое время для датировок отбирался почти любой крепкий уголь, и только позднее удалось отсеять от костей из грунтовых захоронений несколько образцов, датирующих непосредственно сами объекты. Основное количество дат получено в лаборатории

⁵ Последняя серия образцов была отобрана лично аналитиком Н. Е. Зарецкой, которой авторы выражают признательность за разрешившиеся, в итоге, проблемы с хронологией.

ГИН РАН, но некоторые образцы датированы повторно в Киевской лаборатории НАН Украины⁶.

Образцы целесообразно рассмотреть по группам, происходящим из разных объектов. Всего таких групп четыре: из слоя сожжений «курганов»; из углистого обрамления единственного урнового погребения; из грунтовых погребений в отдельности; из слоя грунтового могильника, взятые из слоя сожжения, отложившегося во рву кургана 2 («яма 9»).

Приведем для начала образцы, происходящие из «курганов». Это ГИН — 12721 а-б, 13292 и 14379. Оба образца 12721 получены от одного куска сгоревшего дерева, возможно ветки, длиной ок. 1 м., и взяты с разных ее концов — один из раскопа 2001 г., на кургане 1, второй — из зазора, между раскопами 2001 и 1993 г. Образец 13292 выделен из нижнего горизонта кургана 3, а 14379 — из основания слоя сожжения в кургане 4. Все даты определенно указывают на вторую пол. VI — сер. VII в. Это довольно редкий случай очень «кучного попадания» дат из разных объектов. Конечно, это не даты погребений, скорее, это возраст дров погребально костра. Но, по нашим наблюдениям, эти угли всё же происходили не от крупных стволов, и не исключено, что даты могут быть близки реальному возрасту сожжений.

Все прочие даты должны быть отнесены к более позднему времени, к грунтовым захоронениям. К ним же следует отнести и **единственное урновое погребение**. Урна была обнаружена на контакте с материком, в углистом пятне. Таких углистых пятен, расположенных рядом, в двух метрах друг от друга, было два. Была ли урна впущена в одно из них или она попала в слой вместе с углем, проследить не удалось. Однако датировка угля обескуражила — даты ГИН 14144 и Ki 16219, хотя и не совпали между собой, однозначно указали на дяковское время. Сразу отметим, что в нашей серии нет ни одного совпадения датировок двух лабораторий по одним и тем же образцам. Соответственно, остается непонятным, как к этому относиться. Нам пока не удалось обнаружить на памятнике дяковскую керамику и находки, которые соответствовали бы дате киевской лаборатории, в то время как сетчатая керамика первых веков н. э. и отдельные находки этого периода есть [Сыроватко, 2009а. С. 145, 191]. Из второго углистого пятна получена дата ГИН 14145, не совпавшая с двумя другими. Вероятнее всего, урну следует все же рассматривать в общем контексте грунтового могильника, признав попытку датирования вмещавшего ее слоя неудачной.

Теперь опишем образцы, происходящие из **слоя грунтового могильника**. Поскольку стратиграфически слой могильника выражен, было бы логично отбирать образцы из него безотносительно отдельных погребений, тем более что среди костей угля, как правило, не было. Однако действительность

оказалась сложнее. Первые образцы — ГИН 13542а и 14142, (последний продублирован Ki 16218) оказались моложе ожидаемого возраста.

После получения этих дат было принято решение о повторном датировании углистого слоя, лучшим местом отбора оставались отложения из ямы 9 (ров кургана 2), где, как уже упоминалось, углистый слой могильника разделялся на два горизонта стерильной прослойкой песка (из этого же слоя отобрана пыльцевая колонка, описанная выше)⁷. Стратиграфически образцы располагались следующим образом: самый нижний, из углистой прослойки под стерильной линзой, — ГИН 14384а (вытяжка по грунту (г) и вытяжка по углю (у), не совпавшие между собой), над стерильной прослойкой 14384 (также две вытяжки, «г+у», но их возраст совпал), 14385 и 14383, причем последний образец взят не из углистого, а из аллювиального слоя. В отличие от данных палинологии, из которых следует, что углистый слой отложился в короткое время, радиоуглеродные даты выстроились в последовательную колонку, с разбросом от IX до XVI столетия. На наш взгляд, разрыв между археологической датировкой и возрастом части образцов по радиоуглеродному анализу можно объяснить следующим образом: те образцы, которые долгое время не были перекрыты грунтом, а располагались открыто в силу каких-то факторов (осадки, ветер на останце в окской пойме), костры рыбаков эпохи средневековья, и множество других случайных обстоятельств должны были отразиться на незакрытых объектах, из которых отбирался уголь. С этой точки зрения нижний образец 14384а-у, т.е. полученный вытяжкой по углю, самый корректный, он указывает в основном на IX столетие. Все прочие, располагавшиеся над стерильной прослойкой, оказались омоложенными, а образцы 14385 и 14383, происходящие из аллювиального слоя, отражают реальное время перекрывания погребений пойменными отложениями. Видимо, и отобранные ранее образцы ГИН 13542а, 14142, и Ki 16218, взятые из не столь выражено стратифицированного участка, оказались некорректными в силу перечисленных обстоятельств.

Последняя группа дат получена непосредственно из погребений. Одно из них представляет собой мощное скопление костей — возможно, результат неоднократного ссыпания их в одно место (кв. 334—335 раскопа II), хотя выразительных находок среди костей нет. Дат из этого погребения две — ГИН 14144а и Ki — 16217, и снова они не совпадают. При этом киевская дата (Ki — 16217) соответствует датам ГИН 13542а, 14145 и Ki — 16218, вместе они образуют серию, в то время как московская дата (ГИН 14144а), указывающая в основном на IX столетие, очень хорошо укладывается в археологический контекст. Ей близка последняя из публикуемых дат — ГИН 14143. Это также угольки, отсеянные из костей погребения, в кв. 314—315 раскопа II. По-

⁶ Первые даты из Щурово были получены Л. Д. Сулержицким, последняя серия образцов датирована Н. Запецкой (ГИН). Им и аналитикам Киевской лаборатории Н.Н. Ковалюху и В. В. Скрипкину авторы выражают глубокую признательность

⁷ На рис. 5 эта особенность углистого слоя не отражена — она была зафиксирована в 2010 году.

гребение сопровождалось типичным для этого памятника инвентарем — примерно 45 оплавленными бусинами, в основном синими и голубыми. Единичны в этом наборе золотостеклянные, желтые и зеленые (точный их подсчет невозможен, поскольку повреждение огнем очень велико). Встречены также обломки предметов из медного сплава, вероятно части застежки ожерелья. Отметим также попытку киевских коллег датировать саму керамику (К1 15870). Сущность нового метода описана его авторами, все чаще появляются доклады и публикации с примерами успешного применения новой методики [Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008. Литература]. Однако наш опыт датирования самой керамики [Сыроватко, 2009б] скорее отрицательный. Для датирования был выбран фрагмент из развала сосуда-приставки, вероятно относящегося к грунтовому погребению на участке 2 в раскопе 2 2006 г. Полученная дата совпала с датами ГИН из курганов («домиков мертвых»), хотя, судя по контексту, должна быть более поздней, периода грунтовых погребений.

Как же следует датировать грунтовые погребения в Щурово? Образцы из колонки, отобранной в 2010 году, позволяют утверждать, что корректными следует считать только те, что оказались перекрытыми вскоре после выпадения в слой, те же, что располагались либо выше стратиграфически, либо отбирались из слоя с невыраженной стратиграфией и небольшой толщиной, оказались омоложенными. Следовательно, самый нижний из образцов из колонки, полученный по углю, и образцы из погребений,

указывающие на интервал от второй половины VIII до первой половины X в., наиболее вероятны в силу особенностей их расположения в слое. Эти даты подтверждаются данными палинологии («не менее чем через 100—150 лет после сооружения курганов») и датировкой по немногочисленным находкам (конец VIII — начало X в.). При этом все три подхода дополняют друг друга. Можно также добавить, что та растерянность, которую мы констатировали при первой публикации дат из грунтового могильника [Сыроватко, 2010], теперь развеяна благодаря более корректному отбору образцов.

Итог

«Домики мертвых» могут быть датированы только с помощью радиоуглеродного метода. Совпадение датировок образцов объяснимо тем, что образцы располагались, в отличие от грунтовых захоронений, глубоко от поверхности. Полученная дата — от второй половины VI до середины VII в., хотя мы не можем исключать и несколько более поздней верхней границы (начало VIII в.). Данные палинологии свидетельствуют о заметном перерыве между существованием «курганного» и грунтового могильников, это разные памятники и, скорее всего, оставлены разным населением. И наконец, слой селища, хотя и нарушен захоронениями, несмотря на отсутствие комплексов и данных естественно-научных методов, по отдельным находкам может быть датирован интервалом от середины IV до середины V в. или несколько шире.

Литература

- Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. 2007. № 2. С. 89—107.
- Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА. 2008. № 4. С. 64—71.
- Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.
- Добровольская М. В., Сыроватко А. С. К методике изучения кремнированных материалов из погребально-поминальных памятников середины — второй половины I тыс. н. э. в центральных и северных районах Европейской России // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале (отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров). Т. II. М., 2008. С. 219—221.
- Розенфельдт Р. Л. Отчет об археологических разведках на территории Московской обл. в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 11831.
- Сыроватко А. С. Сетчатая керамика селища Щурово и ее археологический контекст // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания / Отв. ред. Н. С. Ватник. Коломна, 2005. С. 216—219, 239.
- Сыроватко А. С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке. М., 2009а.
- Сыроватко А. С. Об опыте абсолютного датирования керамики железного века Среднего Поволжья // Роль естественно научных методов в археологических исследованиях. Сборник научных трудов. Барнаул, 2009б. С. 160—161.
- Сыроватко А. С. Радиоуглеродные даты Щуровского могильника // Материалы и исследования по археологии России. Том I. Рязань, 2010. С. 206—215.
- Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Шишков Д. Л., Ключко А. А. Опыт междисциплинарных исследований раннесредневекового погребального комплекса Щурово // Археология Подмосковья: материалы научного семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. Вып. 4. М., 2008. С. 99—104.
- Сыроватко А. С., Тодорова А. А. Стеклобусы погребения Щурово (предварительное исследование) // Вестник Коломенского государственного педагогического института. № 2 (8). Коломна, 2009. С. 7—11.
- Сыроватко А. С., Трошина А. А. Состав стеклянных бус в погребениях Щуровского могильника // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. № 2 (10). Коломна, 2010. С. 9—16.
- Сыроватко А. С., Мальцева Е. А., Добровольская М. В. Урновое погребение Щуровского могильника // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012.
- Тавлинцева Е. Ю. Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмосковья // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 73—77.

Таблица 1. Корреляционная — таблица палинологических разрезов 2009—2010 гг.

Слой	Возраст	Палинологическая зона		Разрез 2009	Разрез 2010
Аллювий	XVII—XIX вв.	Постепенное возрастание роли сосны, уменьшение широколиственных пород и березы / большая роль злаков / господство спор	4	IV—V	III
Углистый слой	IX в.	Широколиственные породы с участием березы / высокая роль разнотравья	3	III*	II
Верх заполнения рва	Между VII и IX вв.	Сосна и широколиственные породы / господство спор	2	II	
Дно рва	VII в.	Береза с участием широколиственных пород / много разнотравья	1	I	

* Выделены более теплые периоды

Таблица 2. Радиоуглеродные даты Щуровского могильника

Адрес	№ ГИН	Возраст ГИН, лет назад	Калибровка даты ГИН, 1σ	Шифр Ки	Возраст Ки, лет назад	Калибровка дат Ки, 1σ
Слой сожжений в «домиках мертвых»						
Курган 1, раскоп 2001г.	12721a	1500±20	552—592			
Курган 1, раскоп 1993—2001 гг.	12721b	1490±40	561—600			
Курган 3, раскоп 3 кв. 18 пл. /—18 пл. 5	13292	1460±40	575—639			
Раскоп 5, уч. 7 («курган 4»), кв. 341	14379	1380±20	646—661			
Слой грунтового могильника						
Окончание рва к. 3 раскоп 3 пл. 3 кв. 97кв. /—19—/—26	13542a	910±90	1034—1189 1197—1207			
Ров кургана 2, яма 9, т/с прослойка под в/с	14142	770±30	1227—1233 1239—1248 1251—1274	Ki — 16218	950±50	1025—1055 1076—1154
Яма 9, колонка образцов 2010 г.						
Раскоп II, уч. 14, яма 9, над стерильной прослойкой	14383	340±70	1481—1530 н.э. 1539—1634			
Раскоп II, уч. 14, яма 9, над стерильной прослойкой	14385	730±30	1263—1286			
Раскоп II, уч. 14, яма 9, над стерильной прослойкой	14384г+y	820±100	1050—1082 1125—1136 1152—1280			
Раскоп II, уч. 14, яма 9, под стерильной прослойкой, нижний черный	14384а-y	1190±100	711—746 766—900 917—966			
Раскоп II, уч. 14, яма 9, под стерильной прослойкой, нижний черный	14384а	1040±30	986—1021			
Грунтовые погребения						
P2, уч. 12 погр в кв. 334—335 уровень 2	14144а	1160±30	782—789 811—846 856—898 921—944	Ki — 16217	960±50	1022—1053 1079—1153
P2, уч. 12 погребение в кв. 314—315	14143	1290±70	656—780 793—803			
P 2, уч. 2, фрагмент сосуда-приставки				Ki — 15870	1580±100	388—593
Урновое погребение						
P 2 уч 11 пласт 4 пятно угля с урной	14144	1760±20	241—260 283—323	Ki — 16219	2070±40	163—130 до н.э. 119—42 до н.э.

Продолжение таблицы 2

Адрес	№ ГИН	Возраст ГИН, лет назад	Калибровка даты ГИН, 1σ	Шифр Кі	Возраст Кі, лет назад	Калибровка дат Кі, 1σ
Р2, уч.11 скопление в кв. 297—292	14145	940±30	1034—1052 1080—1128 1132—1153			
Прочие объекты						
Раскоп II, уч. 16, яма 37	14381	110±20	1694—1709 1718—1727 1812—1827 1831—1854 1857—1864 1866—1890 1910—1919 1952—1952			
Раскоп II, уч. 15, яма 36	14382 уголь	300±30	1522—1574 1584—1590 1625—1646			
Раскоп II, уч. 15, яма 36	14382 грунт	360±60	1459—1524 1558—1564 1570—1631			

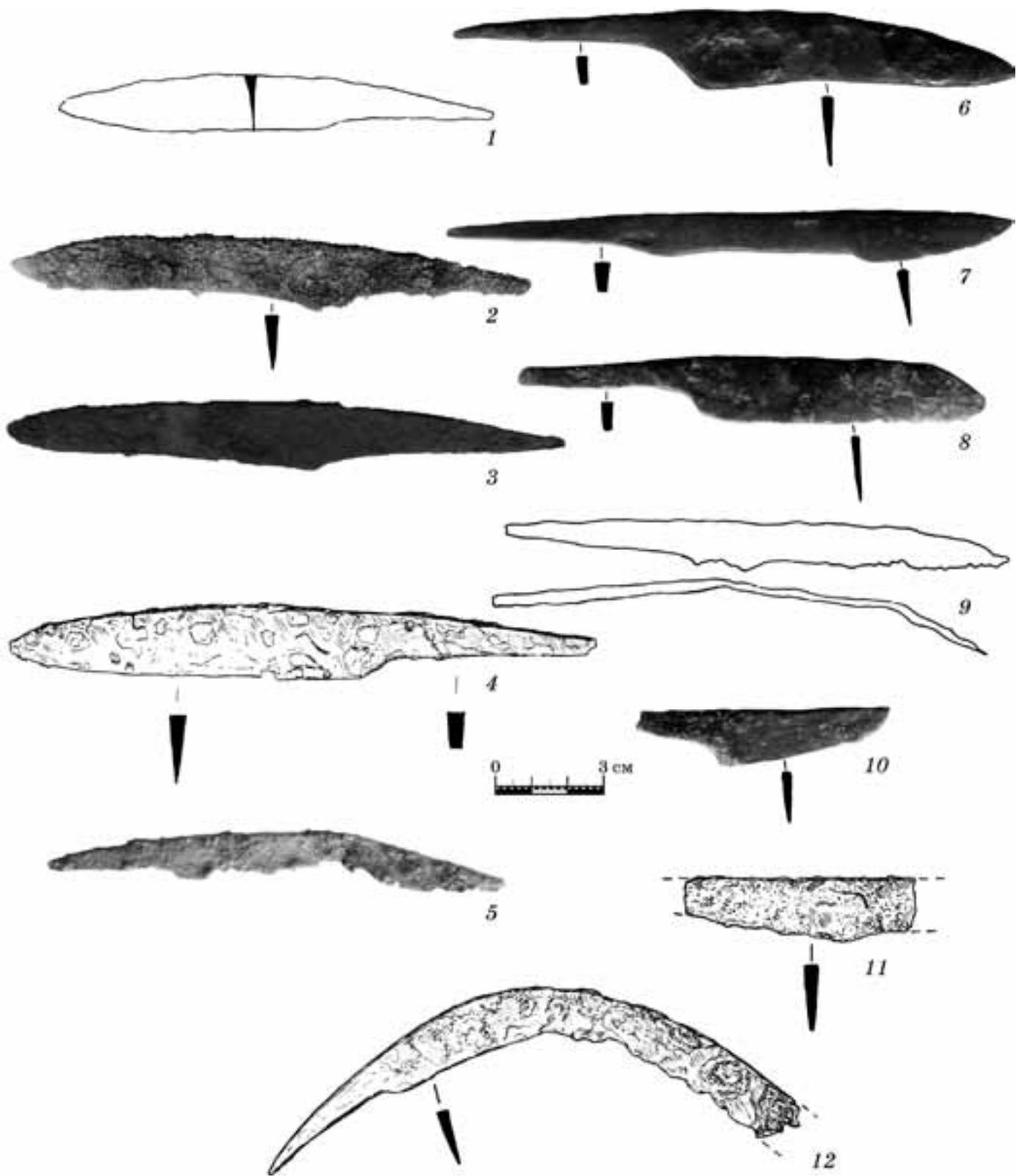

Рис. 1. Щурово. Наиболее типичные формы ножей

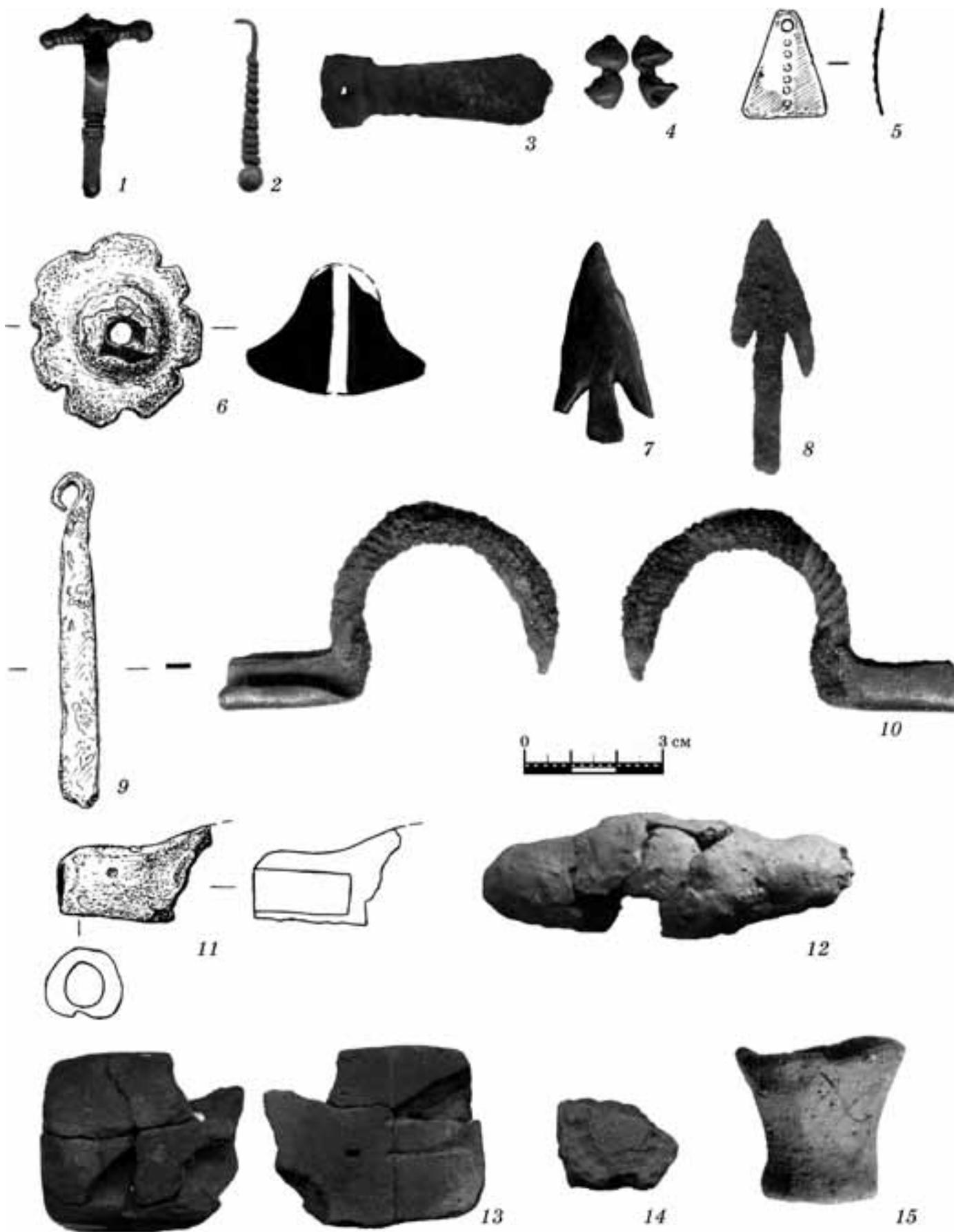

Рис. 2. Щурово. Находки, связываемые» со слоем позднедьяковского селища.

1 — медный сплав и железо; 2 — медный сплав и белый металл; 3—5 — медный сплав; 6, 11—15 — керамика; 7—10 — железо

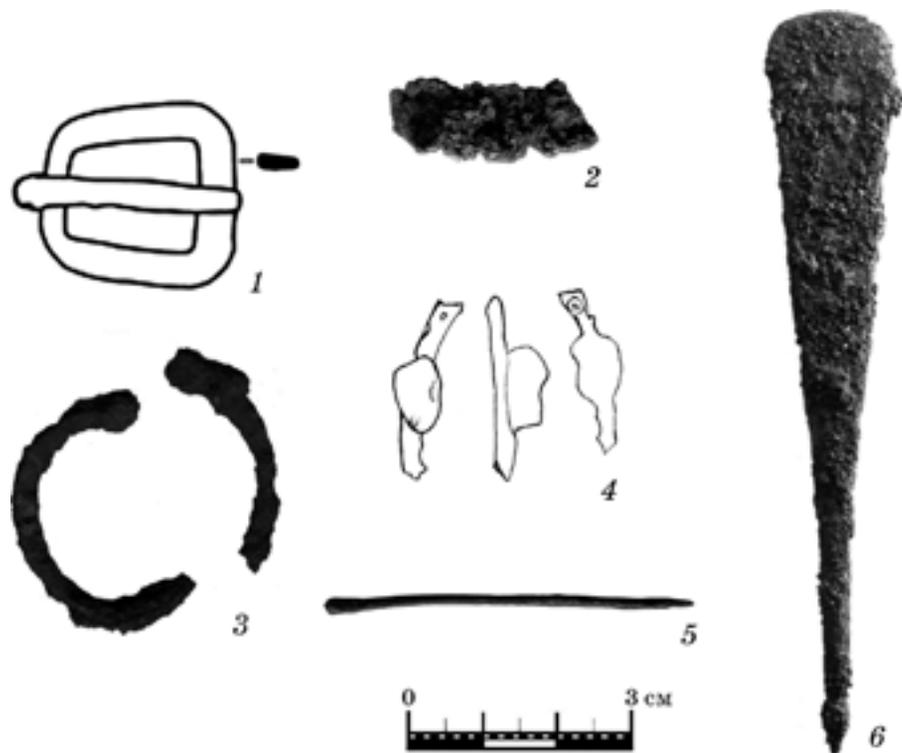

Рис. 3. Щурово. Находки, предположительно происходящие из «домиков мертвых».

1 — курган 1; 2, 4 — курган 4; 3 — курган 3; 5 — курган 4; 6 — курган 2.

1, 3, 5, 6 — железо; 2, 4 — медный сплав

Рис. 4. Щурово. Находки из грунтовых кремаций или предположительно отнесенные к их периоду.

1–6, 10–14, 16–17 — медный сплав; 7–9 — железо; 15 — вероятно, оловянистый сплав; 18 — керамика

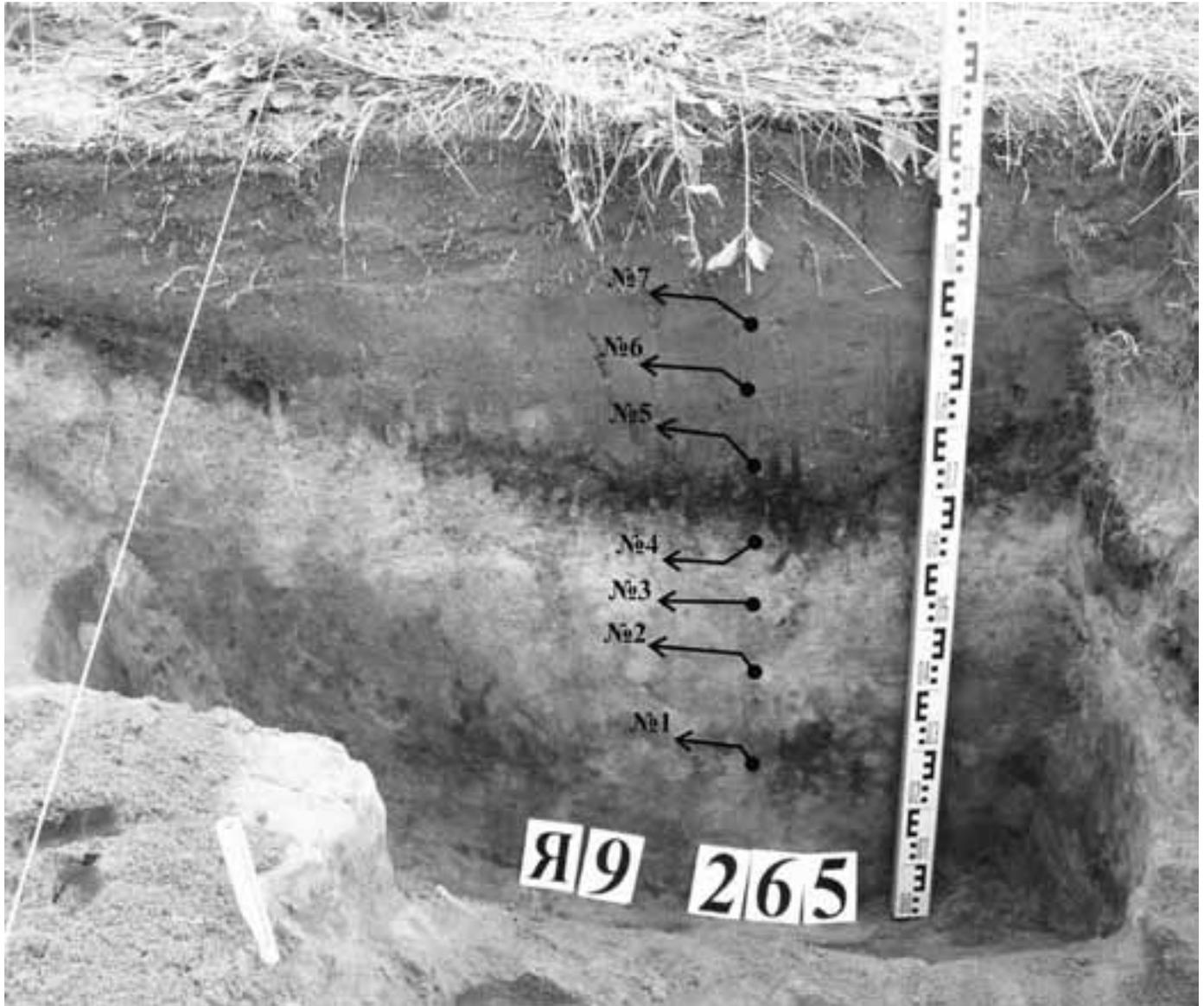

Рис. 5. Щурово. Разрез заполнения рва кургана 2 в 2009 г.
Точками отмечены места взятия палинологических образцов

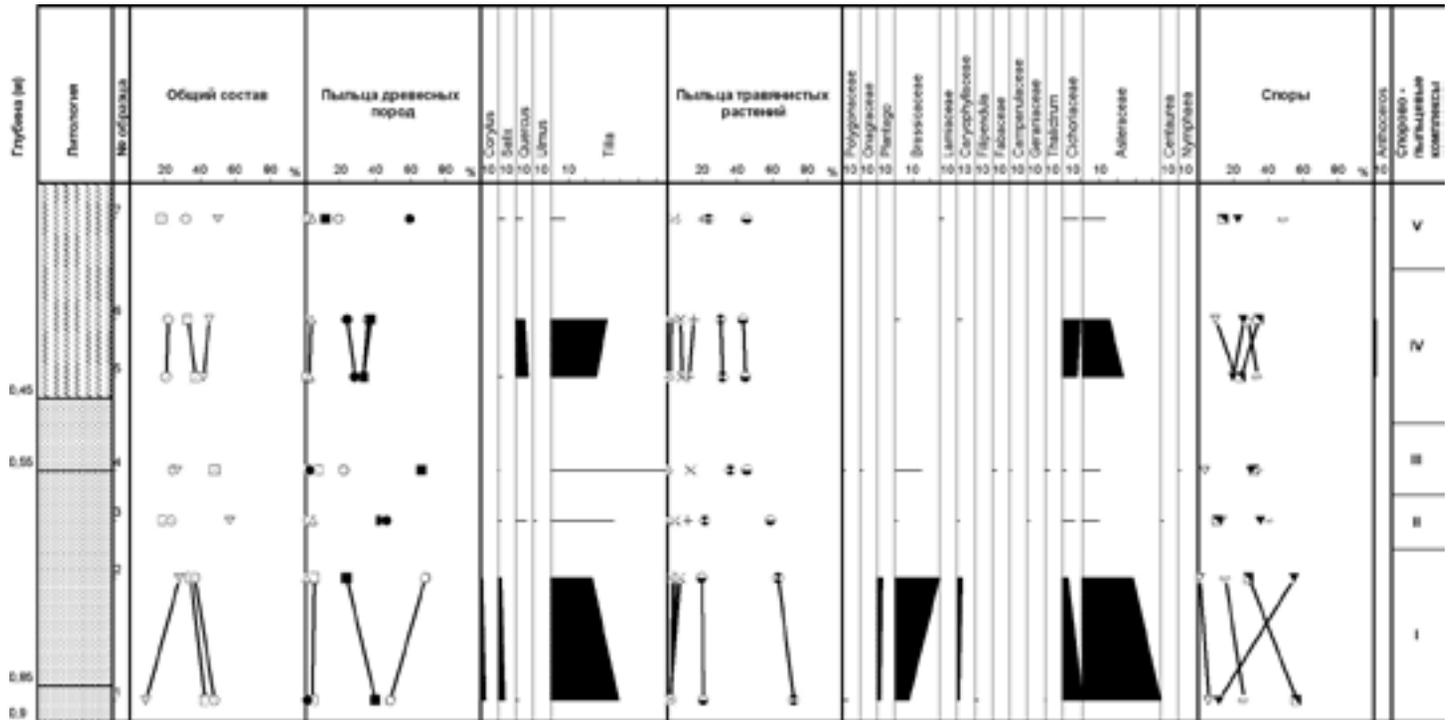

Рис. 6. Щурово. Палинологическая диаграмма разреза рва кургана 2 в 2009 г.

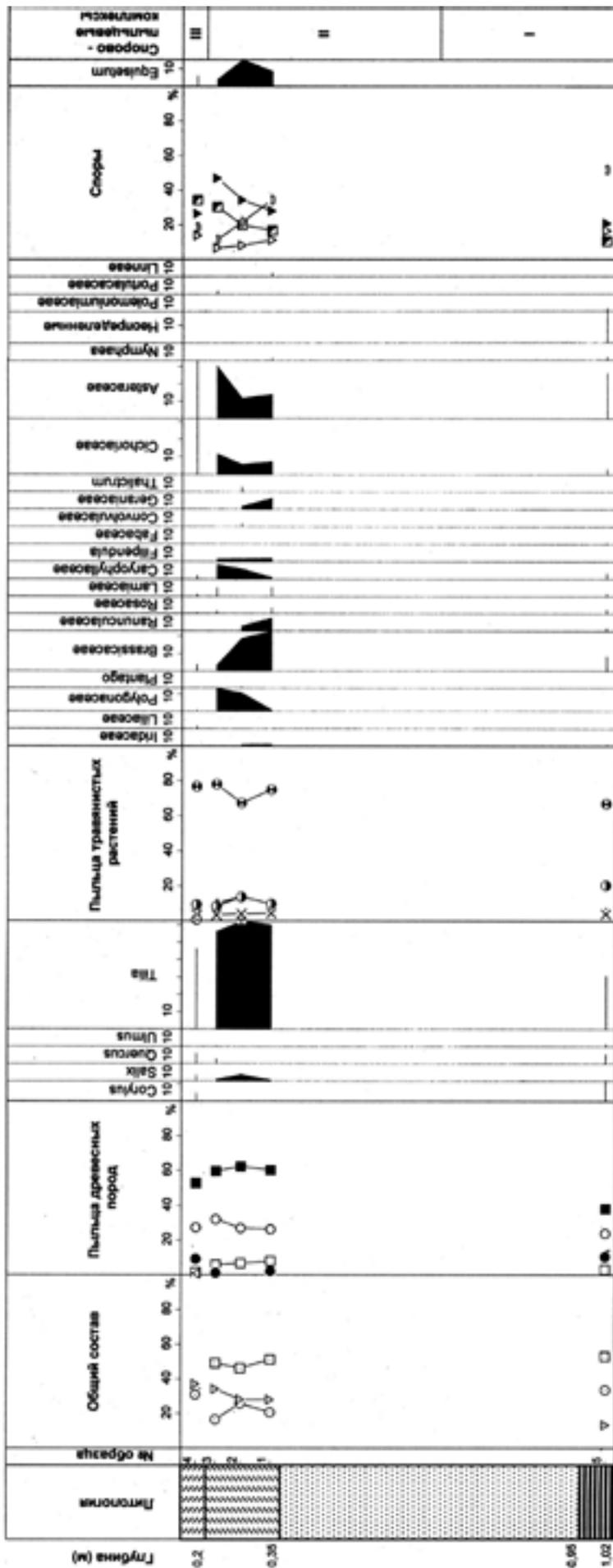

Рис. 7. Щурово. Палинологическая диаграмма разреза рва кургана 2 в 2010г.

А. С. Сыроватко, М. В. Добровольская, А. А. Мальцева, А. А. Трошина

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЩУРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА: НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Щуровский могильник (рис. 1) — сложный памятник, представляющий собой позднедьяковское селище, на котором позднее возникло два могильника — более ранний, с погребальными конструкциями, интерпретированными как «домики мертвых», и более поздний, с кремациями, рассыпанными по древней поверхности или помещенными в неглубокие ямки².

В данной публикации представлен опыт исследования кремированных остатков, полученных в ходе раскопок 2008 г. и происходящих из объекта, получившего наименование «курган 4»³, а также его периферии. Почти все открытые к настоящему времени подобные погребения на могильнике выделялись невысокой, не более 40 см, округлой насыпью (рис. 1). В трех из них внутри прослежена кольцевая конструкция (точнее, имеющая в плане вид квадрата со скругленными углами), окруженная рвами [Сыроватко, 2010. Рис. 2]. Только у кургана 5 не оказалось насыпи, а представляемый нами курган 4 не имел внутри насыпи конструкции. Его ров — расположенная к югу от центра овальная яма (рис. 5)⁴ — совершенно не схож с четкими, имевшими проходы по сторонам света рвами других «курганов». Заметим, что почти каждое погребение на памятнике имеет особенности, отличающие его от остальных, — многовариантность в обращении с остатками кремаций является характерной чертой данного могильника.

Курган 4 к началу раскопок уже был поврежден большой ямой (мини-карьером) и воспринимался как отвал этой ямы⁵. Северная пола кургана разрушена полностью. Поскольку за пределами повреждений следов рва не встречено, рва с северной стороны либо не существовало совсем, либо это была такая же, как и с южной стороны, сравнительно компактная яма. Стратиграфия кургана проста (рис. 2) — под слоем дерна и выброса из

мини-карьера залегал черный углистый песок, максимальной мощности (30 см) достигавший в центре. В этом углистом песке на разных глубинах располагалось несколько скопления обожженных костей, наиболее плотное и большое по объему находилось в месте максимальной высоты «насыпи», т.е., вероятно, в центре объекта, в кв. 338 (рис. 3—6). Слой вокруг скопления в кв. 338 несколько отличался от основного фона — он был не черного, а, скорее, желто-коричневого цвета, но четких границ между ним и углистым песком периферии не было. Следует отметить, что пережженные кости в слое являлись обычным фоном. Отмеченные нами на рис. 5 скопления являются только местами их наибольшей концентрации. Отличие кургана 4 заключается лишь в том, что такие скопления вообще есть, в то время как, например, в кургане 2 выделить их из общего фона костей в слое так и не удалось. Заметим также, что курган располагался на гребне дюнообразного холма (останце 1-й надпойменной террасы) и материк имел сильные уклоны, почти параллельные дневной поверхности (рис. 6). Поскольку в слое углистого песка не удалось проследить конструкции, аналогичной остальным курганам, а скопления костей располагались непосредственно под слоем перекопов, объект не сразу был распознан.

После осознания того, что было раскрыто, вероятно, еще одно погребальное сооружение, близкое «домикам мертвых» (курганам 1—3 и 5), возникло сразу несколько вопросов: сколько индивидуумов здесь захоронено; все ли они относятся к собственно кургану, или часть их связана с более поздним грунтовым могильником; соответствуют ли скопления костей отдельным захоронениям, и как с ними связаны отдельные кости, являющиеся обычным фоновым заполнением слоя всей центральной части памятника.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФНФ «Традиции погребальной обрядности Московского региона в середине — второй половине I тыс. н. э.», № 09-01-05103 а/ц.

² Подробнее памятник охарактеризован в предыдущей статье данного сборника.

³ Употребляемый нами термин «курган» по отношению к погребальным сооружениям удобен, но неточен. Скорее, это — остатки неких сложных погребальных конструкций, «домиков мертвых», в процессе археологизации принявших вид оплывших насыпей.

⁴ На рис. 5 показаны только центральные и западные квадраты, связанные с раскопками «кургана» 4; участок, попавший в более северные квадраты (см. рис. 1), разрушен перекопом — «ямой 2».

⁵ Насыпь располагалась у юго-восточного обреза «ямы 2», на рис. 1 она обозначена как ее отвал.

Находок в скоплениях костей не было. Для «грунтовой» фазы могильника⁶ обычны погребения с большим числом оплавленных бус (бисера и 14-гранных, в основном синего, а также зеленого и желтого цветов [Сыроватко, Тодорова, 2009]), кольчужных колец и расплавленных предметов цветного металла. Но безынвентарные грунтовые погребения на памятнике также нередки, а для погребений из курганов («домиков мертвых») вещевого комплекса достоверно выделить вообще не удалось. В нашем распоряжении нет материала, позволяющего надежно датировать все скопления костей в насыпи кургана 4 и судить об их культурной принадлежности.

Для установления возможной взаимосвязи между скоплениями костей, а также для выявления структуры внутри них была построена **трехмерная модель** этих скоплений. Подобная работа выполнялась нами ранее только для находок из погребений что, как оказалось, позволило выявить внутреннюю неоднородность погребений [Сыроватко, Трошина, 2010]. Однако для максимально полного извлечения информации из погребения необходима трехмерная фиксация каждого осколка кости — только так возможно восстановить распределение костей от разных частей тела человека и костей животных в небольшом скоплении. В том, что скоплениям костей присуща определенная упорядоченность, нам пришлось убедиться на Щуровских материалах.

Как выглядят линзы костей из «кургана» 4 в толще слоя, видно из рисунков 5 и 6. Программой, с помощью которой было осуществлено моделирование, стала «Gold Surfer, ver. 6 и 8», хотя применимы любые иные версии⁷. Координаты находок, пересчитанные с полевых чертежей, включая нивелировочные отметки, вводились вручную.

Вертикальные проекции объектов в центральной части «кургана» по линии север—юг и запад—восток отражены на рис. 6. Из этих схем видно, что скопление костей в кв. 338 (скопл. 1) не только самое крупное по объему костей — оно тяготеет к центру кургана, в котором самые высокие абсолютные отметки материка и максимальная толщина слоя над скоплениями.

У тех скоплений 2—6, которые расположены к западу от «основного» (скопл. 1), абсолютные отметки примерно те же, но это результат сильных уклонов материка — в действительности они выше над материком, чем «основное» скопление, а слой над ними тоньше (это хорошо видно по проекции З—В на рис. 6). Эта особенность в расположении линз костей, «подвешенных» в слое, была непонятна в полевых условиях, причина тому — сложный рельеф материка и дневной поверхности.

По итогам этой работы нами были сделаны следующие выводы:

— трехмерные модели облегчают понимание взаиморасположения скоплений и находок в кремациях. Однако выделяемые линзы, особенно в сложных объектах, подобных публикуемому, не всегда объективно отражают реальность;

— оптимальным следует признать трехмерную фиксацию каждой кости. Это крайне трудоемко, зато позволяет создавать полноценные реконструкции «облаков» костей в слое и выявлять внутреннюю структуру скоплений. Для облегчения этой работы можно проводить ее не в раскопе, а после извлечения погребения монолитом и переноски его в лабораторию.

Перейдем теперь к **характеристике скоплений костей**, для чего опишем этапы обработки материала. Весь костный материал был просмотрен после промывки и высушивания. Определялась размерность фрагментов, их цветность, характеризовались деформационные трещины. Большая часть фрагментов по причине малого размера отнесена к категории неопределимых. Тем не менее, забегая вперед, можно отметить, что фрагменты с анатомически значимыми участками были встречены во всех крупных скоплениях, что и позволило провести половозрастные определения. Также проводилось взвешивание всех костных фрагментов.

Результаты описания и взвешивания костей сведены в таблицу 1⁸. Сведение весовых показателей позволили более доказательно оценить размеры скопления костей и степень «размытости» этих скоплений. Общая масса кремированных останков составляет примерно 2523 г. Общая масса сухих костей животных — 1249 г.

Как следует из таблицы, мы имеем дело с четко выраженными 4 скоплениями кремированных останков человека в квадратах 325, 326, 330, 332, 338. Несложно заметить, что они приурочены к 2 уровням: 3—4 пласты и 6—7 пласты (1—2 пласты — 265,9 г, 3 пласт — 828,9 г, 4 пласт — 334,4 г, 5 пласт — 127,4 г, 6—7 пласты — 966 г). Отметим, что не все скопления костей, выделенные по таблицам, совпали с теми, что были прослежены в ходе расчистки. Так, анализ материала показал повышенную концентрацию костей в кв. 332 в надматериковых горизонтах, хотя «в поле» эти кости не выглядели четким объектом и не были выделены из общего фона.

Скопления верхнего уровня

Характеристика фрагментов кремаций даёт основание предполагать, что в рамках 3—4 пластов были обнаружены погребения как минимум 2 лю-

⁶ См. подробнее в прешествующей статье данного сборника.

⁷ Красивое изображение с элементами анимации, позволяющее всесторонне анализировать трехмерную модель, можно получить используя, например, Autocad; у нас есть опыт и такой работы, но возникают трудности при ее публикации.

⁸ Учет костей по квадратам и горизонтам велся в тех случаях, когда кости располагались за пределами скоплений. Интервал фиксации («пласт») был принят в 10 см — меньше при работе на рыхлом песке не имело смысла.

дей. Один из них подросток (общий вес костей 268 г), останки которого располагаются на квадратах 335, 330 (скопл. 2 на рис. 5 и 6). Определяющими стали фрагменты трубчатых костей, 1 фрагмент клиновидной кости, 1 фрагмент большеберцовой кости, 1 фрагмент черепа с несросшимся швом. Второй — взрослый мужчина (25—40 лет), кости которого находились в квадратах 325, 326, 327 (скопл. 3 на рис. 5 и 6). Общий вес костей — 717 г. Определяемыми были фрагменты черепа, фрагмент средней фаланги пальца руки, рёбер, большеберцовой кости, ключицы, позвонков.

Кремированные фрагменты костной ткани преимущественно мелкие (около 1—2 см), сероватобелого, чуть желтоватого цвета с термическими деформациями. Они занимают преимущественно первый уровень залегания костных останков. Температура, при которой происходило сжигание тела, примерно равна 750—1000 °С по шкале Уолкера — Миллера [Walker, Miller, 2005], что свидетельствует о том, что обряд трупосожжения проходил на открытом воздухе с возможным применением жиров и смол для усиления горения костра.

Скопления нижнего уровня

В наиболее глубоких пластах (6—7) обнаружены 2 скопления: в 332 квадрате («в поле» это скопление не было прослежено и выделено нами уже при анализе костного материала, на чертежах оно не отмечено) — мужчина старше 40 лет (345 г) и в 338 квадрате (скопл. 1 на рис. 5 и 6) — мужчина до 40 лет (515 г). Эти скопления сильно различаются между собой.

По характеру деформаций и размерам (очень небольшим) осколков кости из кв. 332 схожи со скоплениями верхнего яруса. Немаловажно, что вмещающий их слой тот же самый — черный углистый песок. Определяющими стали фрагменты большеберцовой кости, черепа, 1 фрагмент эпифизарной части трубчатой кости (локтевой?), фрагмент первой фаланги пальца стопы (2 или 3 палец) с сильными наростами, фрагмент трубчатой кости (ключица?), фрагмент нижней челюсти с наличием двух питательных отверстий, фрагменты трубчатых костей нижних конечностей. Кости сильно деформированы. Деформация либо прижизненная, вследствие тучности индивида, либо посмертная — от высокой температуры горения костра.

Характер фрагментов кремации в скоплении из кв. 338 (рис. 7) несколько отличается от остальных. Отличительными особенностями следует считать более крупный размер фрагментов и более тёмный оттенок серого цвета кремированной кости (что соответствует температуре сожжения в 450—750° по шкале Уолкера — Миллера [Walker, Miller, 2005]). Важно отметить, что более крупные размеры сохранившихся фрагментов позволили заметить некоторые биологические особенности этого индивида. Кости принадлежат взрослому мужчине без

признаков старения и болезней. Определяемыми были фрагменты грудных и шейных позвонков без признаков старения (рис. 7: 2), черепа, свода верхней челюсти (рис. 7: 3), бедренной кости, фрагмент вертлужной впадины (таз), фрагмент нижнего эпифиза плечевой кости, фрагмент черепа с открытым швом. Особый интерес представляет фрагмент теменной кости (височная часть) с двумя вмятинами, которые мы считаем следами от заживших при жизни травм головы, а также фрагмент ребра со следами незажившего при жизни ранения от колющего предмета (рис. 7: 4). Хорошая сохранность костной ткани обусловлена тем, что температура костра была сравнительно невысокой. Хорошая сохранность позвонков, костей затылочной части и фрагментов костей конечностей свидетельствует о том, что огонь горел над телом и распространялся неравномерно. Это принципиально отличает погребение в квадрате 338 от остальных, для которых мы предполагаем положение тела над костром.

Обобщая описанный материал, можно заключить, что скопление в квадрате 338 относится к центральному погребению кургана 4. Судя по стратиграфии, оно относится к наиболее раннему этапу формирования могильника, и расположено в основании кургана. Скопления в квадратах 325—330 и 325—327 локализованы в более высоких слоях (3—4) и, вероятно, относятся к более позднему этапу формирования объекта. Важно отметить, что эти два скопления фиксируются в теле насыпи кургана не горизонтально, а, возможно, параллельно поверхности насыпи. Скопление в кв. 332 хотя формально и находится на том же уровне, что и «основное», является периферийным, по характеру слоя и деформации костей оно также ближе скорее к верхним скоплениям, чем к «основному», нижнему (из кв. 338). Выявленные детали погребального обряда также принципиально различаются — кремация «основного» погребения производилась при более низких температурах и при положении тела «под костром», в то время как все прочие кремации — при более высоких температурах и при положении тела «над костром». Это наблюдение сочетается с результатами палинологического анализа⁹, который показал, во-первых, отсутствие хвойных пород деревьев в период, последовавший сразу за сооружением курганов, а во-вторых, не только обилие сосны в период грунтовых кремаций, но и наличие обугленной пыльцы ели, из чего было сделано предположение о преднамеренном использовании веток ели, принесенных для погребения издалека.

В кургане 4 также обнаружено значительное количество кремированных, обожженных и **сухих костей животных** (рис. 5; табл. 1). Подавляющее большинство их расположено на периферии объекта, в его западной части. Можно отметить, что соотношение костей животных в пластах объекта нестабильно. Так, масса костей животных в двух

⁹ См. предшествующую статью в данном сборнике.

верхних пластах составляет 47% от общей массы обнаруженных фрагментов, в третьем — 16%, в четвертом — более 48%, в пятом — более 76% (в этом слое встречены позвонки и чешуя рыбы), в шестом—седьмом — только чуть более 10%.

Подведем **итог**.

1. Конструкция и формирование кургана 4 нам не вполне ясны. Это и неудивительно при таком слое и сохранности памятника, с которыми нам пришлось столкнуться. Но у нас есть все основания предполагать, что кремации на периферии и из верхнего слоя более поздние, чем «основное», — они связаны или с досыпкой кургана, или с наложившимся на него грунтовым могильником.

2. По характеру кремации периферийные скопления костей в кургане 4 схожи с грунтовыми кремациями на памятнике, а центральное погребение — с костями из «домиков мертвых» № 1 и 3, что является еще одним аргументом в пользу того, что мы имеем дело не с единым, а сложным и многоуровневым объектом.

3. Тот факт, что поздние погребения перекрывают более ранние и накладываются на них, заставляет внимательнее отнестись к антропологическим коллекциям из курганов, обработанных ранее. Не исключено, что при раскопках «домиков мертвых» нам и раньше попадались разрозненные грунтовые погребения, которые мы не сумели распознать.

Литература

- Сыроватко А. С. Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // КСИА. Вып. 224. 2010. С. 297—304.
- Сыроватко А. С., Тодорова А. А. Стекланные бусы погребения Щурово (предварительное исследование) // Вестник КГПИ. № 2 (8). 2009. С. 7—11.
- Сыроватко А. С., Трошина А. А. Состав стекланных бус в погребениях Щуровского могильника // Вестник КГПИ. № 2(10). 2010. С. 9—16.
- Walker P. L., Miller K. P. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. 2005. Vol. 40. P 216—217.

Таблица 1. Состав костей из «кургана 4» (раскоп V 2008—2009 гг., участки 5—8)

Пласты 1—2

Квадрат	Масса скоплений (в граммах)	Определяемые фрагменты	Принадлежность
216	0,1	—	—
217	1,9	Ф-ты трубчатых костей	Человек
222	0,3	—	—
223	0,8	Ф-ты трубчатых костей	Человек
224	0,8	Ф-ты трубчатых костей	Человек
227	0,8	Ф-ты трубчатых костей	Человек
234	9,3	Ф-ты трубчатых костей; 2 ф-та черепа	Человек
237	122	Ф-ты трубчатых костей; ф-т средней фаланги руки; ф-т черепа	Человек без признаков старения
237	2	1 ф-т копыта (?), сухой	Животное
244	0,2	Ф-ты трубчатых костей	—
251	11,7	Ф-ты трубчатых костей; 1 фрагмент черепа	Человек(?)
251	2	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
252	18	Ф-ты трубчатых костей	Человек
275	0,6	Ф-ты трубчатых костей	—
282	0,8	—	—
282	3	1 фрагмент черепа, сухой	Животное
300	3,7	Ф-ты трубчатых костей	Человек
303	0,4	—	—
305	0,3	—	—
307	1,8	1 фрагмент черепа	Человек
310	6,2	Ф-ты трубчатых костей	?
310	0,6	Ф-т трубчатой кости, обожженный	Животное
312	0,1	—	—
312	1,7	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
313	2	Ф-ты трубчатых костей	—
324	2,5 гр.	4 фрагмента черепа	Человек(?)
354	11	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
355	0,1	—	—
363	30	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
365	0,4	Ф-т трубчатой кости, обожженный	Животное
366	8	Ф-ты трубчатых костей, сухие; 1 ф-т — обожжённый	Животное
367	17	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
369	35	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т зуба, сухие	Животное
370	6	Ф-т зуба, сухой	Животное
372	38	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т зуба, сухие	Животное
373	36	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
375	30	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
просейка	87,7	Ф-ты трубчатых костей	Человек
просейка	13,1	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное

Общая масса кремнированных останков — 265,9 г. Общая масса сухих и обожжённых останков — 233,7 г. Процентное соотношение: 47% костей животного и 53% костей человека.

Пласт 3

Квадрат	Масса скоплений (в граммах)	Определяемые фрагменты	Принадлежность
216	0,4	Ф-ты трубчатых костей	—

Продолжение таблицы 1

Квадрат	Масса скоплений (в граммах)	Определяемые фрагменты	Принадлежность
221	2,9	Ф-ты трубчатых костей	Человек
227	0,4	Ф-ты трубчатых костей	—
227	4,5	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
228	2,8	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т черепа	Человек
237	0,1	—	—
252	1,7	Ф-ты трубчатых костей	Человек
282	2,8	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т позвонка, 2 ф-та черепа	Человек
286	1,1	Ф-ты трубчатых костей	Человек
287	0,7	Ф-ты трубчатых костей	Человек
299	0,1	—	—
300	0,7	1 ф-т черепа	Человек
304	0,1	—	—
307	0,1	—	—
308	0,2	—	—
312	0,5	Ф-ты трубчатых костей	—
323	0,9	Ф-ты трубчатых костей	Человек
323	0,5	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
325	167,8	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т медиальной клиновидной кости, 1 ф-т позвонка, 1 ф-т черепа с несросшимся швом	Молодой человек (подросток?)
325	4	1 ф-т трубчатой кости	Животное
326	538	Ф-ты трубчатых костей, 2 ф-та ребра, 1 ф-т трубчатой кости, 4 ф-та позвонков, 2 ф-та черепа, 1 ф-т ключицы	Взрослый мужчина без признаков старения
326	2	1 ф-т трубчатой кости, 1 ф-т зуба	Животное
327	15,3	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т большеберцовой кости, 5 ф-тов суставной поверхности кости	Молодой человек
328	17,9	Ф-ты трубчатых костей, 3 ф-та черепа	Человек
329	13,3	Ф-ты зубов, сухие	Крупное животное
329	4	Ф-ты трубчатых костей, мелкоячеистая структура ткани	Мелкое животное
329	6,8	1 фрагмент ребра, 1 ф-т позвонка, 4 ф-та черепа	Человек
332	5,5	Ф-ты трубчатых костей	Человек
356	0,2	—	—
358	0,8	Ф-т трубчатой кости, сухой	Животное
359	1	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
359	0,3	—	—
360	0,2	—	—
361	1	Ф-ты трубчатых костей	Человек
363	0,5	—	—
366	1	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
367	46	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т зуба, сухие	Животное
368	67	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
369	1	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
370	5	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
375	8	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
375	0,2	1 позвонок, сухой	Рыба
377	7	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
Я-16	35,7	Ф-ты трубчатых костей	Человек
Я-18	16,7	Ф-ты трубчатых костей	Человек

Общая масса кремированных останков — 828,9 г. Общая масса сухих останков — 155,3 г. Процентное соотношение: 16% сухих и 84% кремированных останков.

Среди кремированных останков встречаются кости животных.

Продолжение таблицы 1

Пласт 4

Квадрат	Масса скоплений (в граммах)	Определяемые фрагменты	Принадлежность
311	1,3	1 ф-т черепа, 1 ф-т ребра	Человек
326	7,5	Ф-ты трубчатых костей	Человек
326	4,7	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
327	188,9	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т поясничного позвонка, 1 ф-т черепа с питательным отверстием, 1 ф-т плюсневой кости стопы	Взрослый мужчина
327	6,6	1 ф-т трубчатой кости и 1 ф-т черепа с питательным отверстием, сухие	Животное среднего размера
328	0,9	Ф-ты трубчатых костей	Человек
330	100,1	Ф-ты трубчатых костей, 5 ф-тов черепа (один с питательным отверстием), 8 ф-тов позвонков, 1 ф-т поясничного позвонка	Человек
330	4,2	Ф-ты трубчатых костей	Животное среднего размера
334	1,2	Ф-ты зубов, сухие	Животное
334	6,5	Ф-ты трубчатых костей, 2 ф-та черепа	Человек
335	16,4	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т нижней челюсти (?)	Взрослый человек
338	2,6	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т черепа	Человек
339		—	—
341	5,7	10 ф-тов зубов, 1 ф-т трубчатой кости, сухие	Животное
341	0,2	—	—
363	6	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
364	20	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
365	64	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
366	0,5	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
367	57	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т зуба	Животное
368	3	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
369	2	Ф-т зуба, сухой	Животное
369	0,4	—	—
370	7	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т зуба, сухие	Животное
371	8	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
371	1,2	Ф-ты трубчатых костей, обожжённые	Животное
371	0,7	Ф-ты трубчатых костей	Человек (?)
373	0,4	—	—
374	36	Ф-ты трубчатых костей, 2 ф-та зуба, сухие	Животное
375	15	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т зуба	Животное
376	15	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т зуба, сухие	Животное
377	43	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т зуба, сухие	Животное

Общая масса кремированных останков — 334,4 г. Общая масса сухих останков — 291,6 г. Процентное соотношение: 47% сухих и 53% кремированных останков.

Среди кремированных останков встречаются кости животных.

Пласт 5

Квадрат	Масса скоплений (в граммах)	Определяемые фрагменты	Принадлежность
307—311	1,9	1 ф-т ребра (?), 2 ф-та черепа	Человек
331	1,8	1 ф-т трубчатой кости, 1 ф-т черепа, сильно деформированы	Человек

Продолжение таблицы 1

Квадрат	Масса скоплений (в граммах)	Определяемые фрагменты	Принадлежность
332	7,6	1 ф-т трубчатой кости, сухой	Крупное животное
332	18,7	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т ребра	Человек
333	4,8	2 ф-та зуба, сухие	Животное (свинья?)
333	38,3	Ф-ты трубчатых костей, 3 ф-та позвонков, 1 ф-т бедренной кости	Человек
336	50,2	Ф-ты трубчатых костей, 2 ф-та позвонков, 1 ф-т грудного позвонка, 1 ф-т таранной кости	Взрослый мужчина
337	11,2	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
337	0,6	—	—
341	1,4	—	—
365	25	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
365	83	Ф-ты трубчатых костей, обожженные	Животное
367	14,5	—	—
367	0,5	2 позвонка, сухие	Рыба
368	150	Ф-ты трубчатых костей, ф-т зуба, сухие	Животное
369	43	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т зуба, сухие	Животное
369	1	3 ф-та чешуи, 6 позвонков, сухие	Рыба
370	19	Ф-ты трубчатых костей, 2 ф-та зубов (один клык)	Животное
378	5	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
389	54	2 ф-та ребер, сухие	Крупное животное (лошадь или корова)

Общая масса кремированных останков — 127,4 г. Общая масса сухих останков — 404,1 г. Процентное соотношение: 76% сухих и 24% кремированных останков.

Среди сухих останков встречаются позвонки и чешуя рыб.

Пласт 6—7

Квадрат	Масса скоплений (в граммах)	Определяемые фрагменты	Принадлежность
331	5	Ф-ты трубчатых костей	Человек
332	343,8	Ф-ты трубчатых костей, 2 ф-та большеберцовой кости, 1 ф-т эпифизарной части трубчатой кости (локтевая?); Ф-т первой фаланги пальца стопы (2 или 3 палец) с сильными наростами; 1 ф-т трубчатой кости (ключица?); 1 ф-т нижней челюсти с наличием двух питательных отверстий; 15 ф-тов трубчатых костей нижних конечностей; 2 ф-та черепа	Крупный мужчина старше 40 л, кости с наростами и сильно деформированы либо от тучности, либо от костра
332	54	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
335	0,6	Ф-т черепа (?)	Человек (?)
335	10,4	Ф-т трубчатой кости, сухой	Животное
336	67,6	Ф-т трубчатой кости, сухой	Крупное животное
336	17,8	Ф-ты трубчатых костей верхних и нижних конечностей, 2 ф-та черепа, 1 ф-т черепа с несросшимся швом	Человек, 25—45 лет (по шву)
337	2,7	Ф-ты трубчатых костей	Человек
337	20	Ф-ты трубчатых костей, сухие	Животное
338	514	Ф-ты трубчатых костей; 1 ф-т вертлужной впадины (таз); 1 ф-т черепа с открытым швом; 13 ф-тов грудных позвонков без признаков старения;	Мужчина до 40 лет без признаков старения и болезней

Продолжение таблицы 1

		5 ф-тов бедренной кости; 1 ф-т нижнего эпифиза плечевой кости; 1 ф-т теменной кости (височная часть) 2 двумя вмятинами (следы от заживших при жизни травм головы); 1 ф-т ребра со следами незажившего при жизни ранения от колющего предмета (возможно, и ставшего причиной смерти); 2 ф-та свода верхней челюсти; 6 ф-тов грудных позвонков с возрастными деформациями (?); 2 ф-та шейных позвонков; 2 ф-та черепа	
340	36,7	Ф-ты трубчатых костей, 1 ф-т ребра, 3 ф-та зубов, сухие	Крупное животное
342	0,5	—	—
343	14,8	2 ф-та ребра, 1 ф-т ср. фаланги пальца руки, 2 ф-та 3-го или 4-го шейного позвонка	Молодой взрослый индивид, 20—30 лет

Общая масса кремированных останков — 966 г. Общая масса сухих останков — 121,1 г. Процентное соотношение: 11% сухих и 89% кремированных останков.

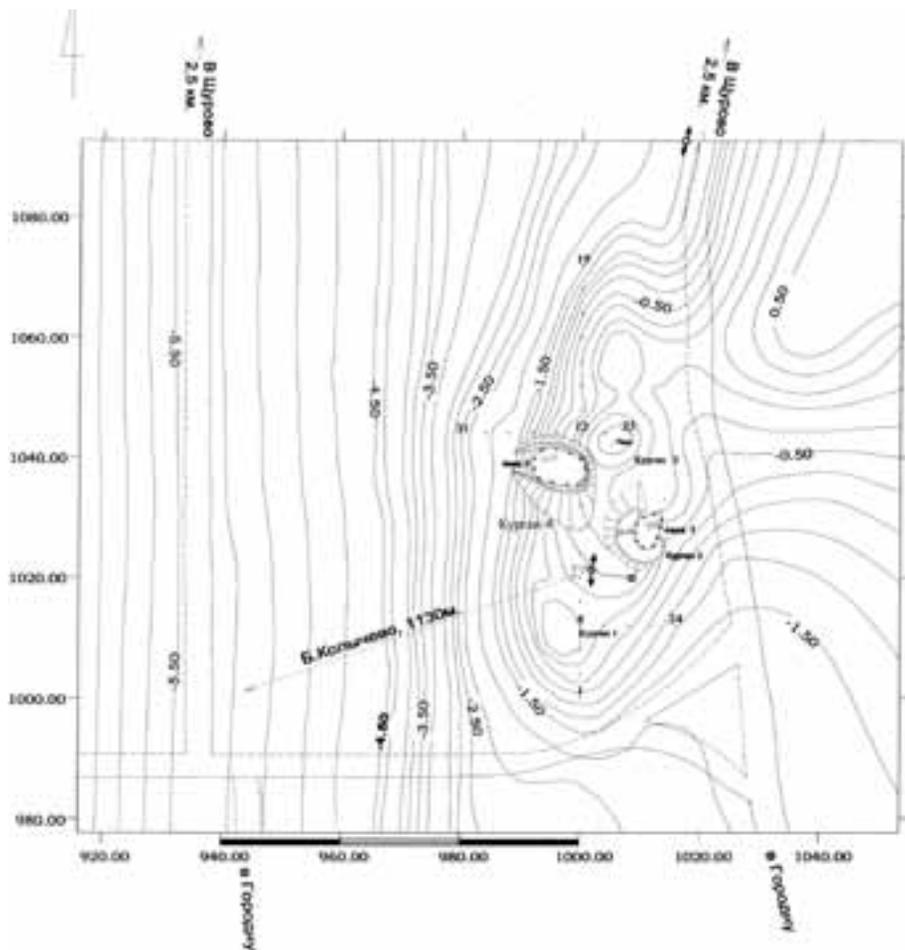

Рис. 1. План селища и могильника Щурово.
Сечение горизонталей через 0,2 м

Рис. 2. Стратиграфия кургана 4.
Разрез по западной стенке участка 7 раскопа 5

Рис. 3. Скопления костей верхнего уровня кургана 4

Рис. 4. Ядро скопления костей в кв. 338 («основное» погребение)

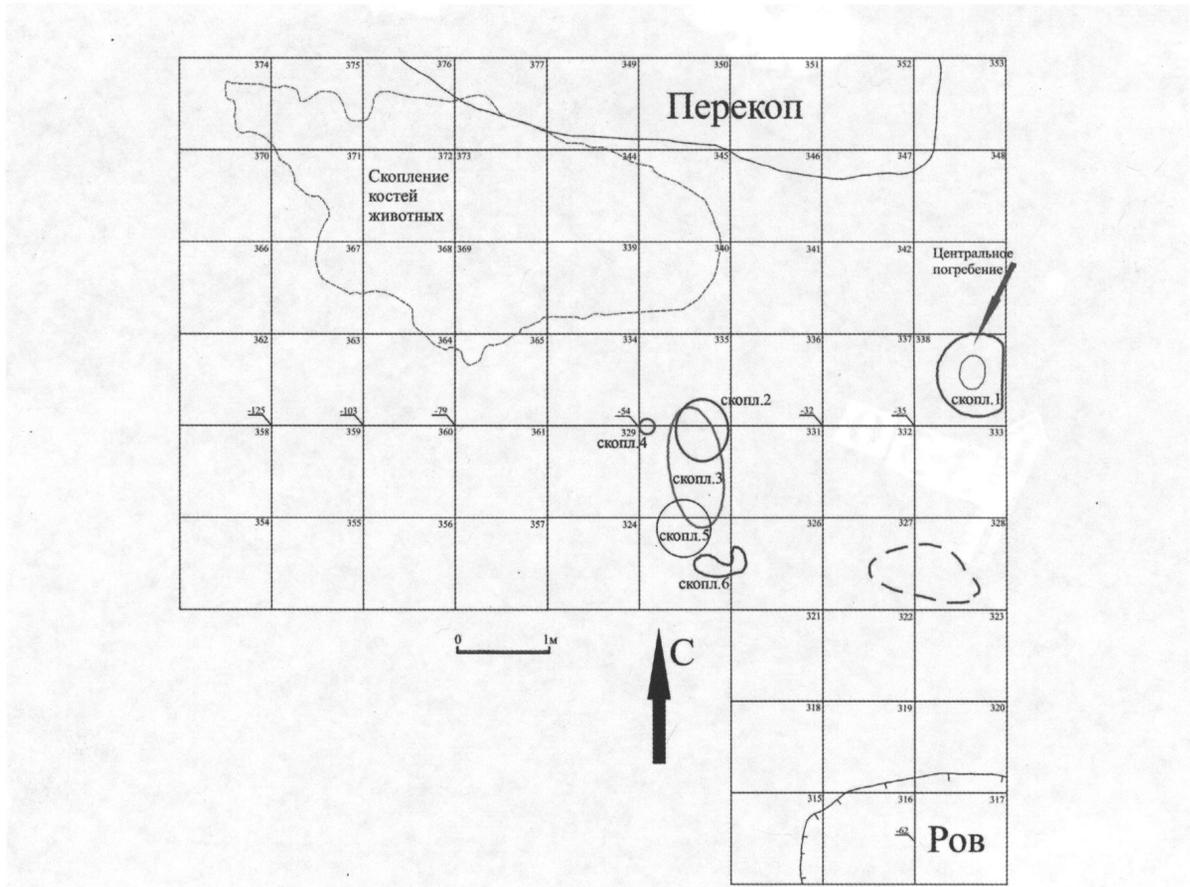

Рис. 5. План центральной части кургана 4 с обозначением скопления костей

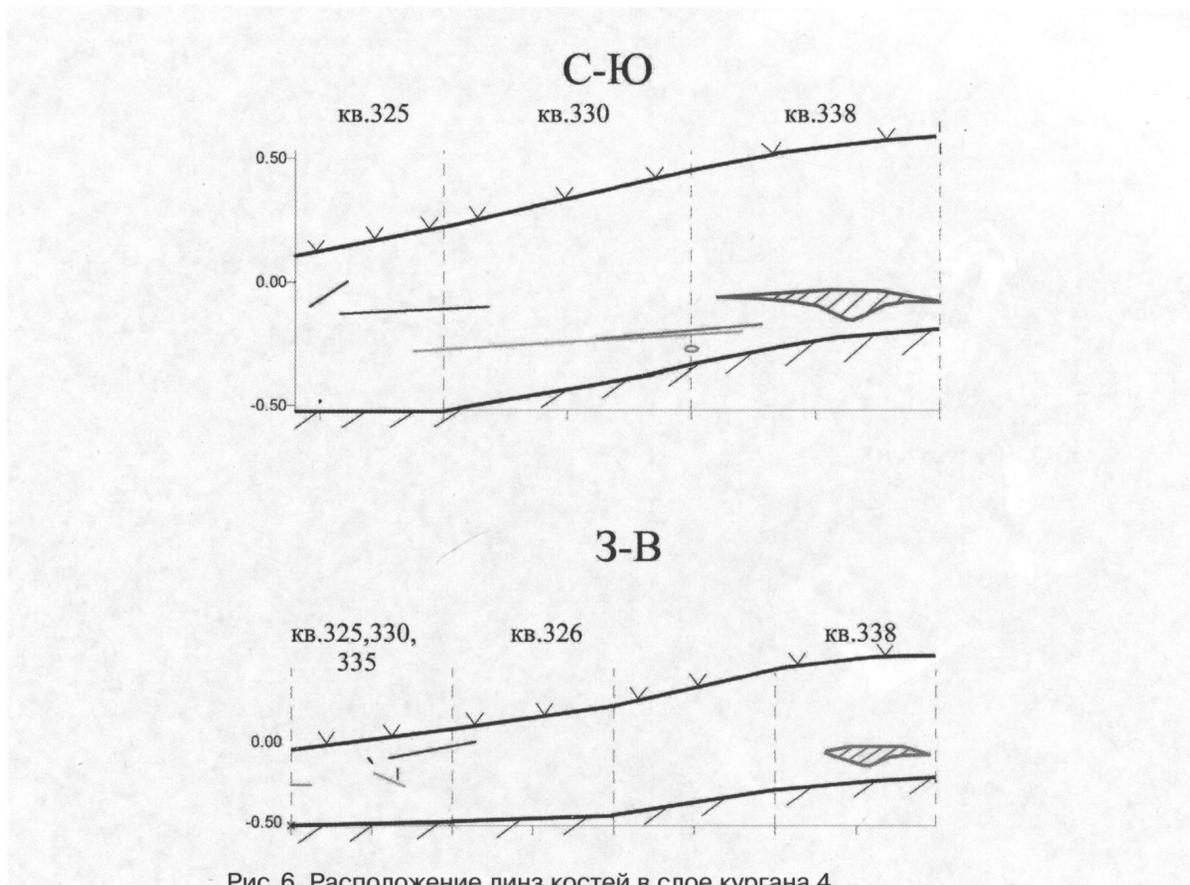

Рис. 6. Расположение линз костей в слое кургана 4.
 Контуры дневной поверхности и материка соответствуют отметкам непосредственно в тех квадратах, где скопления располагались

Рис. 7. Кости из погребения в кв. 338 («основного»).
1 — общий вид; 2 — фрагмент позвонка; 3 — фрагменты свода верхней челюсти; 4 — фрагмент ребра (стрелкой отмечен след от орудия)

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ СЕРЕДИНЫ I тыс. н.э.

Количество источников по археологии гуннского времени Верхнего Подонья довольно быстро увеличивается, причем это относится не только к материалам поселений, но и к грунтовым могильникам (рис. 1). С 2003 по 2010 г. раскопки погребальных памятников у с. Ксизово планомерно проводила Раннеславянская экспедиция Института археологии РАН под руководством автора данной статьи. Полученные данные стимулировали архивные изыскания, в результате чего были опубликованы сведения о ряде верхнедонских ингумаций середины I тыс. н.э., на которые раньше не обращали внимания. Если в статье, вышедшей в 2007 г., упоминались всего 2 могильника с трупоположениями круга Животинного (Ксизово-17, 44 погребения; Животинное, 3 погребения) и еще два отдельных захоронения (Мухино-2 и Ксизово-19) [Обломский, 2007. С. 77], то в настоящее время в Ксизово-17 к гуннскому периоду можно отнести 63 погребения, в Ксизово-19 — 48, в Ксизово-16 — 1¹. Из них только Ксизово-17 примыкает к селищу гуннского периода, остальные два могильника, как и Животинное, расположены непосредственно на поселениях. Кроме упомянутого погребения у с. Мухино, на селищах гуннского времени типа Чертовицкое — Замятино выявлено еще несколько ингумаций: в Каменке (сообщение И. Е. Бирюкова) и Стрельбище-4 — по одной, в Шилово — три [Акимов, Пряхин, 2010. С. 166. Рис. 6; Акимов и др. 2008. С. 5]. Еще одно захоронение исследовано у с. Ямное [Акимов и др., 2008] (рис. 1)². Кроме того, в публикации комплекса из Ямного упоминаются еще два пункта с ингумациями (Таврово и Подгорное-3) [Акимов и др., 2008. С. 5], но до публикации этих материалов в полном объеме нет уверенно-

сти в принадлежности указанных погребений середине I тыс. н.э.

Общеизвестно, что лепная керамика при анализе материалов археологических общностей является важным этнокультурным показателем. Серия сосудов, которые найдены в погребениях лесостепного Подонья середины I тыс. н.э., пока невелика: всего 11 форм из 9 захоронений. Тем не менее по происхождению она связана с четырьмя разными традициями.

Окская традиция. Представлена двумя небольшими сосудами из погребений 2 и 18 могильника Ксизово-17Б. Первый сосуд — чернолощеный с внутренней и внешней сторон, хорошо обожжен, изготовлен из плотного керамического теста с очень мелкими примесями (рис. 2: 2). Диаметр его венчика составляет 7 см, диаметр перегиба у начала цилиндрической шейки — 6,8 см, диаметр перегиба в месте перехода к тулову — 6,6 см, диаметр тулова — 8,7 см, диаметр дна — 3,6 см, общая высота — 7,3 см, высота от венчика до места наибольшего расширения тулова — 3,8 см.

Второй сосуд — пятнистый, лощеный снаружи, отчетливые примеси в керамическом тесте отсутствуют (рис. 2: 1). Внутри в верхней части заметен нагар, т.е. сосуд изготовлен не специально для погребения, а использовался в быту. Диаметр венчика, край которого отбит, составляет 8,5 см, прочие измерения (в том же порядке, что и выше) — 7,8; 7,9; 11,7; 6; около 10; около 5,5 см. Оба сосуда имеют практически одинаковую форму: отогнутый наружу короткий венчик, цилиндрическую шейку, резкий округлый перегиб выше середины высоты.

Обломки столовых сосудов подобной формы из Верхнего Подонья опубликованы среди материалов

¹ Данные на 2010 г. Сведения о раскопках, проведенных на могильнике в 2010 г. А. В. Моисеевым и И. А. Козмиркуком, у меня пока отсутствуют.

² В одной из своих статей А. В. Комар датировал погребение 4 Животинного (с мечом, кинжалом, гончарным кувшином и набором пряжек) второй половиной V—VI в. и отнес его к выделенным им лесостепным древностям кутригуров [Комар, 2004. С. 177—181]. В настоящее время это погребение в Верхнем Подонье не единично, оно дало название целой группе памятников, перечисленных выше. Против принадлежности их кутригурам свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, могильники круга Животинного принадлежали не кочевникам (что не отрицает наличие в составе оставившего их населения степного элемента), а оседлым обитателям верхнедонских поселений типа Чертовицкое—Замятино. Во-вторых, погребения на этих могильниках начали совершаться в раннегуннский период, т.е. значительно раньше, чем кутригуры упоминаются в письменных источниках. Погребение 4 Животинного — одно из самых поздних среди захоронений этого типа [Обломский, 2007. С. 77—79; Обломский, 2008б].

поселения Замятино-7 [Обломский, 2004а. Рис. 60: 9] и Подгоренского городища [Медведев, 1996. Рис. 2: 13]. Эти памятники относятся к древностям типа Чертовичское — Замятино, которые датируются последней четвертью IV — V в. [Обломский, 2007. С. 76, 77].

Датировка погребения 2 рассмотрена в публикации. По сочетанию вещей (однослойного гребня-подвески типа III, по С. Томас, железных прогнутой подвязной фибулы с широким кольцом («муфтой») для крепления оси пружины, пряжки с зооморфным язычком, зеркала с петлей на обороте) оно относится, вероятнее всего, к позднему отрезку фазы D 2, т. е. ко второй трети — середине V в. [Обломский, 2010а. С. 257].

В погребении 18 в нижней части груди захороненного там ребенка, чуть выше грудной клетки, лежала очень плохо сохранившаяся железная пряжка с овальной рамой и бронзовым тонким язычком с небольшим выступом с тыльной стороны, охватывающим спереди почти всю раму, и бронзовой заклепкой для прикрепления к ремню. Еще два железных предмета находились в верхней и нижней частях таза, но они совершенно окислились. Можно сказать, что один из них также представляет собой маленькую пряжку с овальной, полукруглой в сечении рамой, на которой заметны насечки, и язычком, полностью охватывающим ее (рис. 2: 3,4). По хронологической системе Я. Тейрала пряжки с подобными язычками и рамками характерны для фаз D2/D3 и D3 германских памятников Среднего Подунавья, т. е. для 2-й трети — конца V в., исключая последние десятилетия этого столетия [Tejral, 1997. S. 350—352]. За пределами лесостепного Подонья сосуды с аналогичной структурой профиля имеют наиболее близкие аналогии в культуре рязано-окских могильников, по классификации О. С. Румянцевой они относятся к серии 12 группы III, характерны для V в. [Румянцева, 2007. С. 247, 249. Рис. 7: 2-3] (рис. 3), т. е. датируются практически так же, как и на Верхнем Дону. Тем не менее донские сосуды, в отличие от окских, лощеные. Горшки из Ксизово, таким образом, выполнены в иной технике, хотя и сохраняют форму прототипов.

Киевская традиция. Из верхнего горизонта заполнения погребения 70 могильника Ксизово-19 происходят несколько крупных фрагментов верхней части округлобокого с отогнутым наружу изогнутым венчиком горшка с примесью крупного шамота в плотном керамическом тесте (рис. 4: 1). По моей классификации верхнедонской керамики такие сосуды относятся к таксону I, 1, а, а, связаны по происхождению с лесостепными памятниками киевской культуры [Обломский, 2007. С. 84] и являются самыми многочисленными на поселениях типа Чертовичское — Замятино.

Танаисская традиция. К ней относятся два лощеных кувшина: округлобокий с раструбовид-

ным горлом и коленчатой ручкой из погребения 56 Ксизово-17А (рис. 4: 3) и биконический с отогнутым наружу изогнутым венчиком, выделенной шейкой, петлеобразной ручкой из погребения на поселении Мухино-2 (рис. 4: 2). Диаметр венчика первого из этих двух сосудов — 9,8 см, основания горла — 8,5 см, места наибольшего расширения тулова — 13 см, дна — 7,8 см, общая высота — 15 см, высота горла — 3,6 см, высота от края венчика до места наибольшего расширения тулова — 8 см³.

Аналогичные биконические кувшины и их обломки изредка встречались на донских поселениях типа Чертовичское — Замятино, округлобокий для Верхнего Подонья пока уникален. По происхождению эти кувшины связаны с керамическим комплексом позднеантичного поселения Танаис, где они являются лидирующими формами лепной столовой посуды [Обломский, 2009. С. 257. Рис. 3]. Хронология поселения Танаис середины I тыс. н.э. в настоящее время уточняется. По моему мнению, учитывая набор вещей, монеты, современное состояние изучения изделий из стекла, краснолаковой керамики и амфор, оно датируется концом IV — серединой V в. с возможным выходом во вторую половину столетия [Обломский, 2010 б. С. 180—181].

До полной публикации датировка комплекса из Мухино может быть только предварительной. По специфическим «крапчатым» бусам, хронологию которых разработала А. В. Мастыкова [Мастыкова, 2000. С. 43, 44], автор данной статьи отнес его ко второй трети V — началу VI в. [Обломский, 2007. С. 79] Несколько иную дату (период D2 или D2/D3 (в широких рамках 380/400 — 460/480 гг.) называют А. В. Мастыкова и М. М. Казанский [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 242].

В погребении 56 Ксизово-17А был захоронен взрослый мужчина. Около его черепа в заполнении могилы обнаружена полая рама небольшой вертикально-овальной серебряной пряжки с остатками язычка из железа (рис. 4: 5). Вторая пряжка, найденная на дне захоронения около правого плеча погребенного, также была серебряной с В-образной полой рамой (рис. 4: 4). Массивный язычок, имеющий уступ с тыльной стороны, полностью охватывает раму. На ногах скелета в области лодыжек прослежены остатки кожаной обуви. Ремешки низких сапог были скреплены пряжками из сплава меди и серебра с вертикально-овальными полыми рамками, загнутыми книзу полыми язычками такой же формы, что и у пряжки, найденной у плеча покойника (рис. 4: 6,7). По сочетанию пряжек погребение 56 датируется в рамках середины — 2-й половины V в., не исключая начала VI в. [Обломский, 2008 а. С. 222—223].

Таким образом, с определенной осторожностью можно сделать заключение, что танаисская (по происхождению) лепная керамика использовалась

³ В предварительной публикации материалов погребения из Мухино-2 приведены рисунки происходящих из него кувшина и горшка с очень кратким описанием [Земцов, 2003. С. 112. Рис. 2: 1,2]. Более подробные сведения о сосудах должны войти в полное издание комплекса, которое в настоящее время готовит автор раскопок Г. Л. Земцов.

верхнедонским населением в середине V в. и, возможно, несколько позже.

Степная традиция. К этому кругу относятся 7 горшков, отличительными признаками которых являются их фактура и форма. В рыхлом тесте этих сосудов содержатся обильные включения органики, от которых остаются характерные пустоты. Зерна прочих включений, а ими могли быть шамот, дресва, известняк, сравнительно мелкие. Как правило, эти горшки неорнаментированы, лишь у одного из них (рис. 6: 1) по краю венчика заметны слабые частые вдавления, нанесенные пальцем. По форме выделяются два варианта горшков степного круга.

Первый составляют округлобокие или со сглаженным ребром сосуда с изогнутым и отогнутым наружу венчиком, максимальным расширением тулова в верхней трети высоты. От похожих форм сосудов киевского круга они отличаются относительно широкими венчиком и дном: горшки степного происхождения как бы «растянуты» по горизонтали. К этому варианту относятся четыре сосуда: из погребений 19 Ксизово-17А, 18 Ксизово-17Б, Мухино-2, 5 Животинного⁴ (рис. 5: 1—4). Параметры горшков степной традиции приведены в табл. 1.

У сосудов второго варианта при общей структуре профиля такой же, как и у сосудов первого варианта, место наибольшего расширения тулова находится во второй трети высоты, причем у горшка из Стрельбища-4 — даже ниже ее середины. Шейки сосудов относительно высокие и сильно суженные по сравнению с диаметром в месте наибольшего расширения тулова. Кроме уже упомянутого сосуда из Стрельбища-4, к этому варианту относятся еще два горшка: из погребения 23 Ксизово-19 и из захоронения у с. Ямное (рис. 6: 1—3).

Погребение 19 Ксизово-17А по сочетанию набора пряжек, стеклянного кубка, наконечника пояса датируется временем около середины V в. [Обломский, 2010 а. С. 257]. Даты погребений из Мухино и 18 Ксизово-17Б указаны выше. Погребение 5 из Животинного по бронзовому браслету и калачиковидной серьге (рис. 5: 5,6) датируется широко: в пределах V в. в целом, не исключая конец IV и «выход» в VI в. [Обломский, 2004 в. С. 224]. Захоронение из Ямного авторы публикации относят к последней трети IV — началу V в. [Акимов и др., 2008. С. 4]. Тем не менее происходящие из него железные вертикально-овальная и В-образная пряжки (рис. 6: 4, 5) датируются значительно шире, включая VI в. [Ivanišević et al., 2006. P. 20, 21]. Дата погребения из Ямного — примерно такая же, как и у захоронения 5 Животинного. Время совершения прочих из упомянутых захоронений может быть определено только в общих хронологических рамках существования верхнедонских могильников круга Животинного.

Таким образом, лепная керамика степной традиции, известная по погребениям середины

I тыс. н.э., в Верхнем Подонье используется, вероятно, на протяжении всего V в.

Два целых сосуда типа горшков степной традиции, происходящих из погребений, и несколько обломков найдены на поселении Ксизово-19. Два из них, в том числе целый горшок первого варианта с мягкими вдавлениями по краю венчика, происходят из культурного слоя (рис. 7: 3, 5), прочие — из объектов. В яме 24 раскопа 7 развал сосуда второго варианта (рис. 7: 1) залегал вместе со скоплением черепков лощеной миски с прямым венчиком и выделенным ребром так называемого мощинского типа. В скоплении 5 объекта 2 того же раскопа, который представлял собой жилище-полуземлянку, обломок верхней части горшка варианта 2 (рис. 7: 4) обнаружен вместе с характерными фрагментами сосудов киевского культурного круга и большого округлобокого подлощенного горшка. Выразительные обломки груболепных сосудов киевской и окской традиций, а также и мощинских по происхождению лепных лощеных мисок с прямыми венчиками вместе с фрагментом горшка варианта 2 (рис. 7: 2) происходят из ямы 21 раскопа 9. Здесь же обнаружены отдельные черепки гончарных (сделанных на быстром круге) сероглиняных сосудов, в том числе и лощеных. Лепная керамика киевского и окского культурного круга (в сочетании) характерна для поселений группы памятников типа Чертовицкое — Замятино на Верхнем Дону [Обломский, 2004 б], которые, как было указано выше, датируются последней четвертью IV—V в. Сероглиняная круговая посуда с шероховатой и лощеной поверхностью на поселении Ксизово-19 изготовивалась в гуннский период по позднеантичной технологии, о чем свидетельствует раскопанный здесь гончарный горн и находки полуфабрикатов и брака [Земцов, 2004]. Керамика степной традиции, следовательно, использовалась населением Ксизово-19. Отмечу, что на этом памятнике была исследована юртообразная постройка [Обломский, 2007. С. 91—92. Рис. 46—48].

По какой же причине охарактеризованная выше группа керамики отнесена именно к степной традиции?

Горшки с рыхлым тестом (как первого, так и второго вариантов) в Верхнем Подонье в позднеримское время отсутствуют, по крайней мере, их нет на памятниках типа Каширки—Седелки, распространенных в этом регионе во второй трети III — начале IV в. Нет их и на соседних (с запада) поздних поселениях киевской культуры, на черняховских памятниках Днепровского лесостепного Левобережья, а также в северных по отношению к Верхнему Подонью культурах бассейна Оки (мощинской, позднедьяковской, рязано-окской). Направление поиска прототипов, таким образом, должно быть южным. Основная сложность при этом заключается в очень слабой изученности лепной керамики из степных погребений. Исследо-

⁴ К сожалению, описание сосуда из этого погребения, которое дано в публикации, очень кратко, сведения о фактуре отсутствуют [Медведев, Винников, 1989. С. 151]. Тем не менее горшок из Животинного относится к первому варианту по форме и пропорциям.

ватели степных древностей, как правило, подробно описывают и анализируют украшения, предметы вооружения и конского снаряжения, погребальный обряд. Горшкам из захоронений уделяется мало внимания, да и серия их в настоящее время невелика. А. К. Амброз отмечал, что в комплексах первой группы по его периодизации степных раннесредневековых древностей глиняной посуды нет, а керамика из Новогригорьевки известна только по описаниям. Что-либо определенное можно сказать лишь о лепной посуде II—IV групп [Амброз, 1981. С. 18]. В классической работе о гуннских древностях Восточной Европы И. П. Засецкой, кроме отмеченных А. К. Амброзом, упомянуты всего лишь 4 сосуда, причем рисунки трех из них схематичны [Засецкая, 1994. С. 109—110]. Тем не менее в публикациях конкретных памятников конца IV—V в., особенно за последние двадцать лет, сосуды все же приводятся, и определенное представление об их наборе составить можно. Обзор, который помещен ниже, разумеется, не полон, учитывая отрывочность публикаций кочевнических погребений степной и лесостепной зоны.

Наиболее ранний лепной слабообожженный округлобокий сосуд с включениями шамота в тесте, имеющий признаки верхнедонских горшков первого варианта, происходит из погребения на острове Хортица на Днепре (ур. Брагарня) [Остапенко, 1998. С. 123] (рис. 8: 1). Вместе с ним найдена пряжка с круглой рамкой, прямоугольной обоймой и выступающим за край рамки «хоботовидным» язычком (рис. 8: 2). Аналогичные пряжки на территории Подунавья считаются индикаторами фазы D2 (380/400—440/450 гг. н.э.) [Tejral, 1997. S. 338]. В черняховской и киевской культурах они характерны для раннегуннского периода [Гавритухин, Обломский, 2007. С. 22]. На юге Восточной Европы такие пряжки встречаются, в целом, в комплексах конца IV—V в., хотя на Северном Кавказе, возможно, существовали до середины—второй половины VI в. [Мастыкова, 2009. С. 57—58]. В Хортице пряжка найдена вместе с составным гребнем типа III, по С. Томас (рис. 8: 3), что позволяет датировать погребение в рамках конца IV—начала/середины V в.

Сосуды первого и второго вариантов найдены в гуннском погребении 3 на городище Беляус в Крыму (рис. 9: 3,4). Автор публикации О. Д. Дашевская относит это захоронение к концу IV—первой половине V в. в основном по аналогиям с другими погребениями гуннского времени из Беляуса [Дашевская, 2003]. Тем не менее, поскольку из погребения 3 происходят такие относительно широко датирующиеся вещи, как калачиковидная и полиэдрические серьги, вертикально-овальная железная пряжка со слегка прогнутой рамкой, дату комплекса можно смело расширить на весь V в. с «выходом» в раннее средневековье.

Из курганного погребения у хут. Чикаренко происходит горшок второго варианта, по пропорциям очень близкий верхнедонскому сосуду из Стрельбища-4 (рис. 9: 1; ср. рис. 6: 3). Хронология комплекса из Чикаренко стала в последнее время предметом дискуссии. А. И. Айбабин, первоначально датиро-

вавший его V в., на основании ножки амфоры впоследствии отнес захоронение ко времени не ранее первой половины VI в. [Айбабин, 1993. С. 208, 209]. Другая дата этого погребения (вторая половина V в.) названа в коллективной монографии о Морском Чулке [Засецкая и др., 2007. С. 110]. Эта дата представляется мне более обоснованной, учитывая общий архаичный для раннего средневековья набор вещей из захоронения.

К гуннскому времени в целом, поскольку комплекс связанных с ним вещей не сохранился, И. П. Засецкая относит горшок первого варианта из кострища в кургане 2 у г. Покровска [Засецкая, 1994. С. 110, 182] (рис. 9: 2).

Второй половиной V—первой половиной VI в. я датировал погребение из Лихачевки, откуда происходит горшок первого варианта (рис. 9: 5) [Обломский, 2004 в. С. 24]. Приблизительно к этому же времени А. В. Комар отнес комплекс из Нового Покряжа, в который входит горшок второго варианта с насечками на венчике, хотя опубликованный рисунок и довольно схематичен [Комар, 2000. С. 44; Комар, 2004. С. 193. Рис. 4: 1]. Дата этих погребений была оспорена авторами монографии о Морском Чулке в том смысле, что указанные комплексы могут датироваться шире, начиная с гуннского периода [Засецкая и др., 2007. С. 108—110]. Спорить с этим мнением я не буду. Возможно, авторы книги и правы. Их замечание о том, что хронология «простых» пряжек из степных погребений пока не разработана, совершенно справедливо. Тем не менее в шиповский период горшки первого варианта в степях использовались, на что указывает находка из погребения 5 кургана 5 могильника Тугулук-3 под Саратовом, где найдена характерная золотая пряжка [Ляхов, Мячин, 2010] (рис. 8: 4,6).

Горшки первого и второго вариантов (рис. 10: 1,4) происходят из двух захоронений некрополя Танаиса—погребения 44 раскопа XVIII 1992 г. и погребения 23 1990 г. [Арсеньева и др., 2001. Табл. 43: 507; 74: 950], которые по калачиковидной и массивным полиэдрическим серьгам (рис. 10: 2,5,6) датируются в рамках конца IV—VI в., а может быть, и несколько шире. Обычно считается, что могильник гуннского времени принадлежал жителям поселка этого периода, т. е. оседлому населению. Тем не менее И. В. Толочко, признанный специалист по некрополю Танаиса, отмечает, что ряд поздних погребений V—VI вв. имеет аналогии среди кочевнических комплексов на территории юга России [Толоцько, 2005. Р. 172]. По данным антрополога Е. Ф. Батиевой, при общем сходстве серий черепов из некрополя от римского до гуннского периода в гуннское время в Танаисе впервые появляются «представители монголоидной расы, получившие впоследствии широкое распространение в донских степях» [Батиева, 2006. С. 26].

В раннем средневековье в восточноевропейских степях продолжают использоваться лепные округлобокие и со сглаженным ребром горшки с рыхлым тестом. К этой группе относятся сосуды так называ-

евого. раннеболгарского керамического комплекса, по И.А. Баранову и В.В. Майко, часто орнаментированные вдавлениями по краю [Баранов, Майко, 1994. С. 98, 99. Рис. 1]⁵. Наличие горшков, близких к варианту 1, в раннесредневековых погребениях на территории степной Украины (типа Сивашовка—Черноморское) отмечено Р.С. Орловым [Орлов, 1985. С. 103. Рис. 18: 23, 24]. Аналогичные горшки с поясными наборами, включающими накладку «геральдического» стиля происходят из Богачевки, Рисового [Приходнюк, 2001. Рис. 32; 36: 1—7], а варианта 2 — из Большого Токмака [Комар и др., 2006. Рис. 47: 26]. Близкий к варианту 2 лепной горшок найден в гончарном центре на балке Канцерка [Приходнюк, 2001. Рис. 44: 12].

Несмотря на происходившие в степи во второй половине V—VII в. частые смены народов, что указано в письменных источниках, отмеченная выше керамическая традиция гуннского времени сохраняется и в раннем средневековье.

Таким образом, в Верхнем Подонье (как на могильниках типа Животинного, так и на поселениях круга Чертовицкое — Замятино) лепная керамика с рыхлым тестом и примесями органики, представленная горшками двух форм, появляется в гуннское время и имеет прямые аналогии в синхронных степных погребениях и захоронениях степного круга лесостепи и Причерноморья. Наряду с остатками двух юртообразных построек (Ксизово-19 и Мухино-2), погребением 23 Ксизово-17А со следами решетчатой деревянной конструкции [Обломский, 2010в. С. 139, 140], прямоугольной ритуальной канавкой на том же памятнике эта керамика является свидетельством присутствия на Острой Луке Дона в гуннский период выходцев из степи.

Роль посуды в погребальном обряде населения Верхнего Подонья была различной⁶. Некоторые сосуды служили «приставками», т.е. были поставлены непосредственно в могильную яму, видимо, с напутственной пищей или напитками. Из неразрушенных ингумаций к ним относятся погребения 19 и 56 Ксизово-17А, 2 и 18 Ксизово-17Б, 4 и 5 Животинного, Ямного, 1 Стрельбища-4. Только в последнем случае горшок находился в ногах покойника, во всех остальных — около головы. Не исключено, что такую же роль играл и гончарный кувшин из погребения 2 Ксизово-19, развал которого обнаружен в верхней части скелета, но это захоронение сильно разрушено. В нескольких погребениях в бортах могильных ям для сосудов-приставок были сделаны специальные врезки-ниши (оба захоронения из Ксизово-17А, 18 Ксизово-17Б, Стрельбища-4).

Керамика использовалась также при ритуальных действиях во время засыпки могил. Верхняя часть горшка из погребения 23 Ксизово-19, скелет в котором лежал в анатомическом порядке, была помещена в заполнение могильной ямы. В двух случаях

сосуды и их крупные фрагменты обнаружены в ямах разрушенных погребений, но выше их дна. Эти ямы были засыпаны после того, как захоронения после их совершения были вскрыты. В овальной яме погребения 70 Ксизово-19 первоначально была захоронена женщина. Яма при этом не заполнялась грунтом, судя по тому что колени погребенной были подняты вверх, и, вероятно, имела какое-то перекрытие. Затем могила была вскрыта, из погребения были изъяты вещи (первоначально они были, так как от одного бронзового предмета остался окисел на костях), но скелет при этом не был разрушен. В процессе засыпки погребения после вскрытия рядом с женщиной был положен младенец (или его кости). Затем, когда яма уже была частично засыпана, в нее были помещены остатки разрушенного перекопом погребения эпохи бронзы (горшок и куски двух черепов) и обломки горшка гуннского периода.

В погребении у с. Мухино, где от скелета сохранились лишь разрозненные кости, горшок и кувшин стояли не на дне могильной ямы, а в верхней части ее заполнения [Земцов, 2003. С. 111, 112]. Керамика, таким образом, играла какую-то особую роль и в ритуалах, связанных со вскрытием могил.

Погребения, где керамика помещена в заполнение ям, имели различную ориентировку: северную (Мухино), юго-западную (Ксизово-19, 23), северо-западную (Ксизово-19, 70). Сосуды-приставки пока найдены преимущественно в захоронениях с меридиональной ориентировкой. В большинстве могил с ними скелеты лежали головами на север (часто с отклонениями к западу или востоку), в одном случае (Животинное, 5) — на юг. Единственным исключением является погребение в Ямном, где скелет был ориентирован головой к северо-востоку-востоку. Я считаю, что погребения с северной ориентировкой на могильниках Верхнего Подонья связаны в первую очередь с германскими традициями [Обломский, 2007. С. 90—91], хотя и согласен с А.П. Медведевым, что в некоторых из них (например, в Животинном, 4 и 5) отчетливо видны следы позднесарматских ритуалов [Медведев, 1990. С. 77; Обломский, 2004 в. С. 224]. Тем не менее никакой специфически германской или сарматской керамики в рассмотренной в настоящей статье серии сосудов нет. Из погребений с северной ориентировкой происходят сосуды окской, причерноморской и степной традиций. В погребении 18 Ксизово-17Б лощеный «окский» и груболепной «степной» горшки найдены вместе. В Мухино в заполнение поставлены «танаисский» кувшин и «степной» сосуд.

Керамика из верхнедонских ингумаций, таким образом, наглядно демонстрирует активно проходивший в регионе в середине I тыс. н.э. процесс миксации различного по происхождению населения, что в моих предыдущих работах было показано на примере поселений типа Чертовицкое — Замятино.

⁵ По мнению указанных авторов, сосуды этой группы имеют пеньковские параллели, что свидетельствует о присутствии антов среди населения степей. Эта идея была подвергнута справедливой критике О.М. Приходнюком [Приходнюк, 1998. С. 16—17], мнение которого я полностью разделяю.

⁶ Кроме перечисленных выше лепных сосудов, из верхнедонских ингумаций происходят два кувшина, сделанных на гончарном круге (Животинное, погр. 4, Ксизово-19, погр. 2) и стеклянный кубок (Ксизово-17А, погр. 19).

Литература

- Айбабин А. И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV—VI в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь, 1993.
- Акимов Д. В., Пряхин А. Д. Новые памятники эпохи Великого переселения народов в низовьях р. Воронеж // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. Тула, 2010.
- Акимов Д. В., Разуваев Ю. Д., Сурков А. В. Погребение эпохи Великого переселения народов у с. Ямное на Верхнем Дону // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара, 2008.
- Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1981.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг. М., 2001.
- Баранов И. А., Майко В. В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі—України. Київ, 1994.
- Батиева Е. Ф. Население Танаиса в эпоху Великого переселения народов // Вестник антропологии. № 14. 2006.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007.
- Дашевская О. Д. Третье захоронение гуннского времени в Беляусе // РА. 2003. № 1.
- Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.). СПб., 1994.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.
- Земцов Г. Л. Миграционные потоки III—V вв. н.э. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003.
- Земцов Г. Л. Гончарный горн на поселении Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 6. М., 2004.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннское время // Дивногорский сборник. Вып. 1. Воронеж, 2009.
- Комар А. В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. I. Донецк, 2000.
- Комар А. В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев—Судак, 2004.
- Комар А. В., Куйбышев А. И., Орлов Р. С. Погребения кочевников VII—VIII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2006.
- Ляхов С. В., Мячин С. В. Кочевническое погребение «постгуннского» времени у с. Тугулук Ставропольского края (предварительная публикация) // Археология Восточно-Европейской степи. 8. Саратов, 2010.
- Мастыкова А. В. Средиземноморские элементы в женском костюме Северного Кавказа (V—VI вв.) // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.
- Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. М., 2009.
- Медведев А. П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.
- Медведев А. П. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996.
- Медведев А. П., Винников А. З. Грунтовой могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
- Обломский А. М. Поселение Замятино-7 // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 6. М., 2004а.
- Обломский А. М. Замятинский археологический комплекс — «перекресток этнокультурных традиций» // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 6. М., 2004 б.
- Обломский А. М. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской обл. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г.). СПб., 2004 в.
- Обломский А. М. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007.
- Обломский А. М. Германские элементы в культуре Верхнего Подонья в гуннское время // The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. II. Lublin, 2008 а.
- Обломский А. М. Предварительные итоги раскопок могильника гуннского времени у с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2008 б.
- Обломский А. М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. Вып. 1. Воронеж, 2009.
- Обломский А. М. Новые погребальные комплексы Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // КСИА. Вып. 224. 2010 а.
- Обломский А. М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. Тула, 2010 б.
- Обломский А. М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV—V в.) (по материалам раскопок поселения и могильника Ксизово-19) // Вестник Гуманитарного научного фонда. 4 (61). 2010 в.
- Орлов Р. С. Культура кочевников IV—VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.

Остапенко М. А. Дослідження експедиції «Хортиця» в 1998 // Археологічні дослідження в Україні 1997—1998 р. Київ, 1998.

Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.). Київ — Чернівці, 2001.

Румянцева О. С. Керамика центральной группы могильников. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastukova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris, 2006.

Teiral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszitlichen Chronologie im Mitteldonaunum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaunum. Brno, 1997.

Toločko I. V. Tanais necropolis: results of initial investigations // Eurasia Antiqua. Bd. 11. 2005.

Таблица 1. Параметры горшков степной традиции из погребений Верхнего Подонья

Могильник, № погребения	Вариант	Диаметр венчика	Диаметр шейки	Максимальный диаметр тулова	Диаметр дна	Общая высота	Высота от шейки до венчика	Высота от места максимального расширения тулова до шейки
Ксизово-17А, погр. 19	1	—	11,5	13,5	9,5	Не менее 11,2	—	—
Ксизово-17Б, погр. 18	1	9,3	8,8	11,2	6,3	11—11,3	1,2—1,5	4
Животинное, погр. 5	1	9,5	8	12,5	6,3	12,2	1	4,5
Ксизово-19, погр. 23	2	10	8,4	14,7	—	—	2,4	7,2
Ямное	2	9,5	7,8	10,5	7	12,5	2	6
Стрельбище-4, погр. 1	2	10,2	8	14,2	9,3	16,6	4	10,8

Измерения даны в сантиметрах

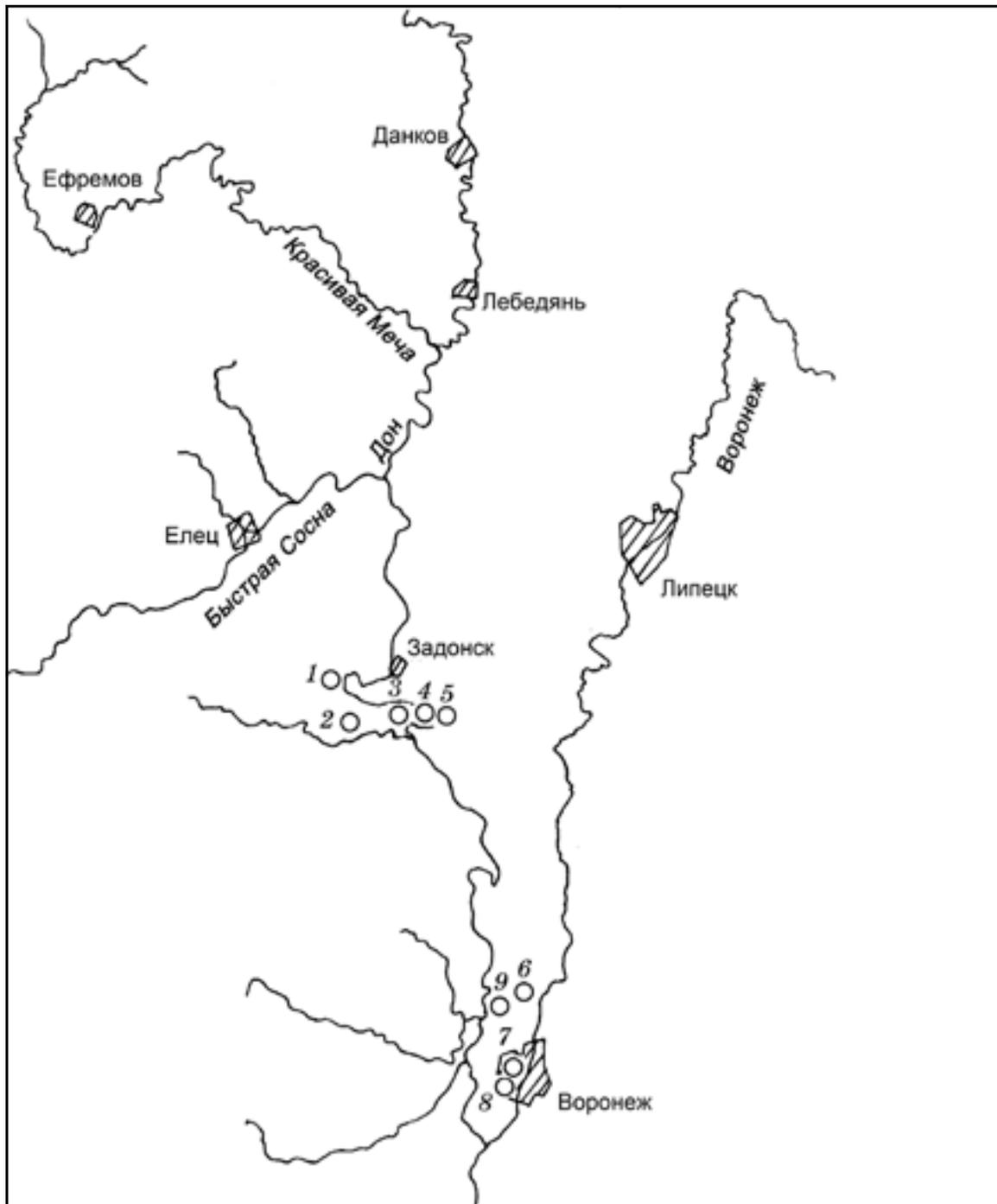

Рис. 1. Могильники и отдельные погребения середины I тыс. н.э. в Верхнем Подонье.
 1 — Каменка; 2 — Мухино-2; 3 — Ксизово-17; 4 — Ксизово-16; 5 — Ксизово-19; 6 — Животинное;
 7 — Стрельбище-4; 8 — Шилово; 9 — Ямное

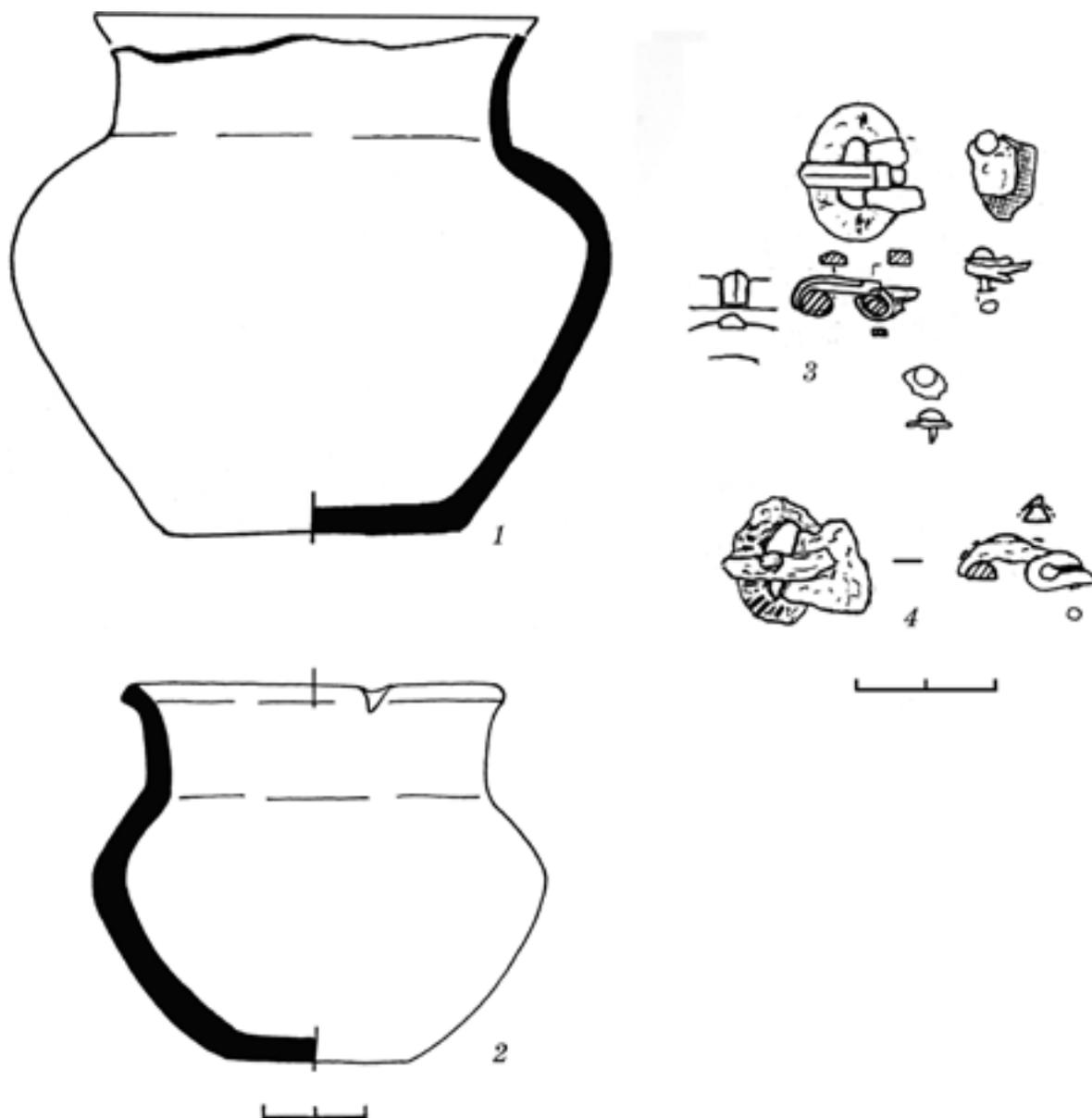

Рис. 2. Керамика окской традиции из могильника Ксизово-17Б и некоторые сопутствующие ей вещи.

1 — погребение 18; 2 — погребение 2.

1, 2 — глиняные лощеные сосуды; 3 — пряжка с железной рамкой, бронзовыми язычком и заклепками; 4 — железная пряжка.

Рисунки 1, 2 — А. М. Обломского; 3, 4 — И. О. Гавритухина

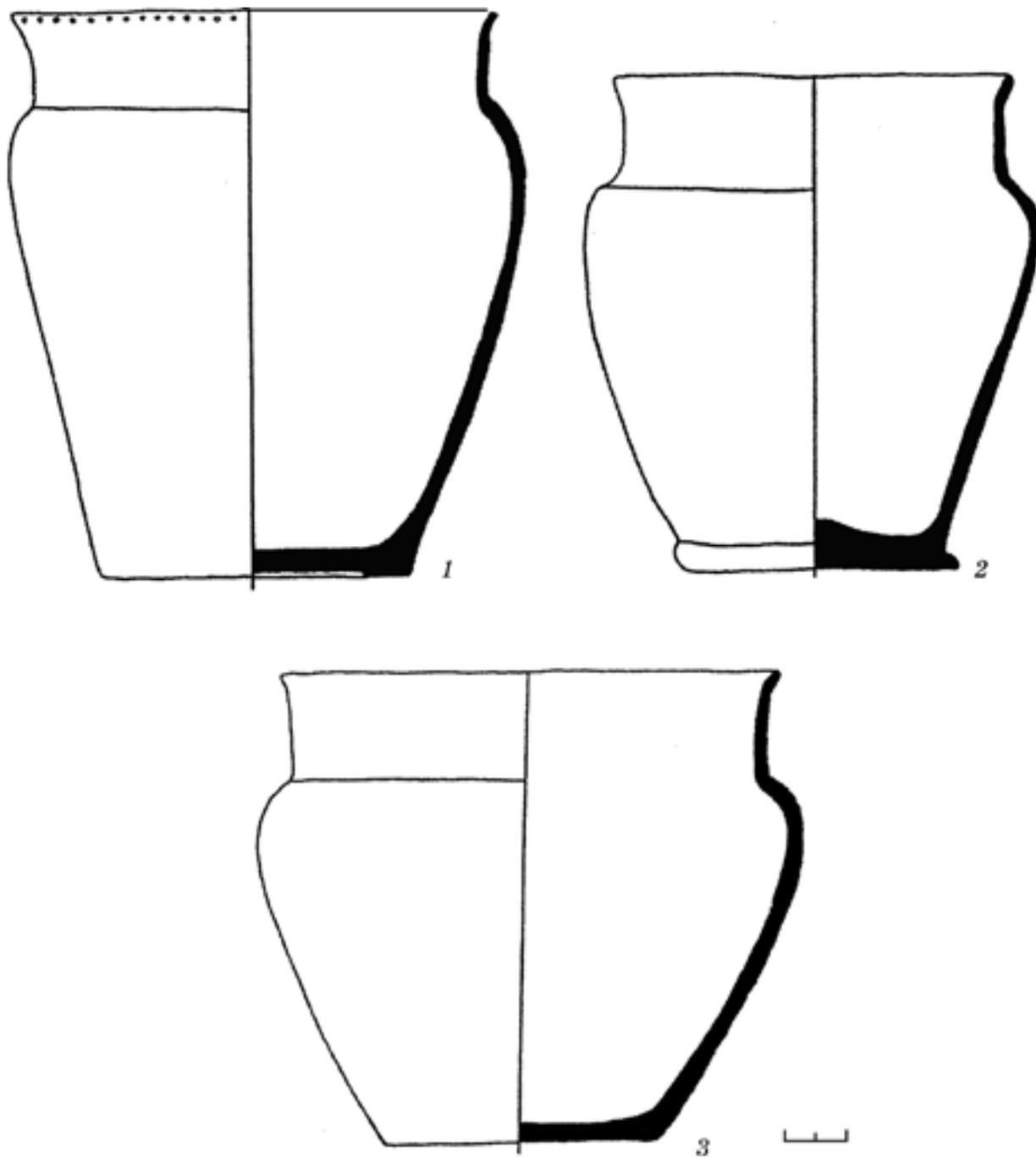

Рис. 3. Керамика из рязано-окских могильников.
Сосуды серии 12 группы III по О. С. Румянцевой: 1, 2 — Заречье; 3 — Шатрицы

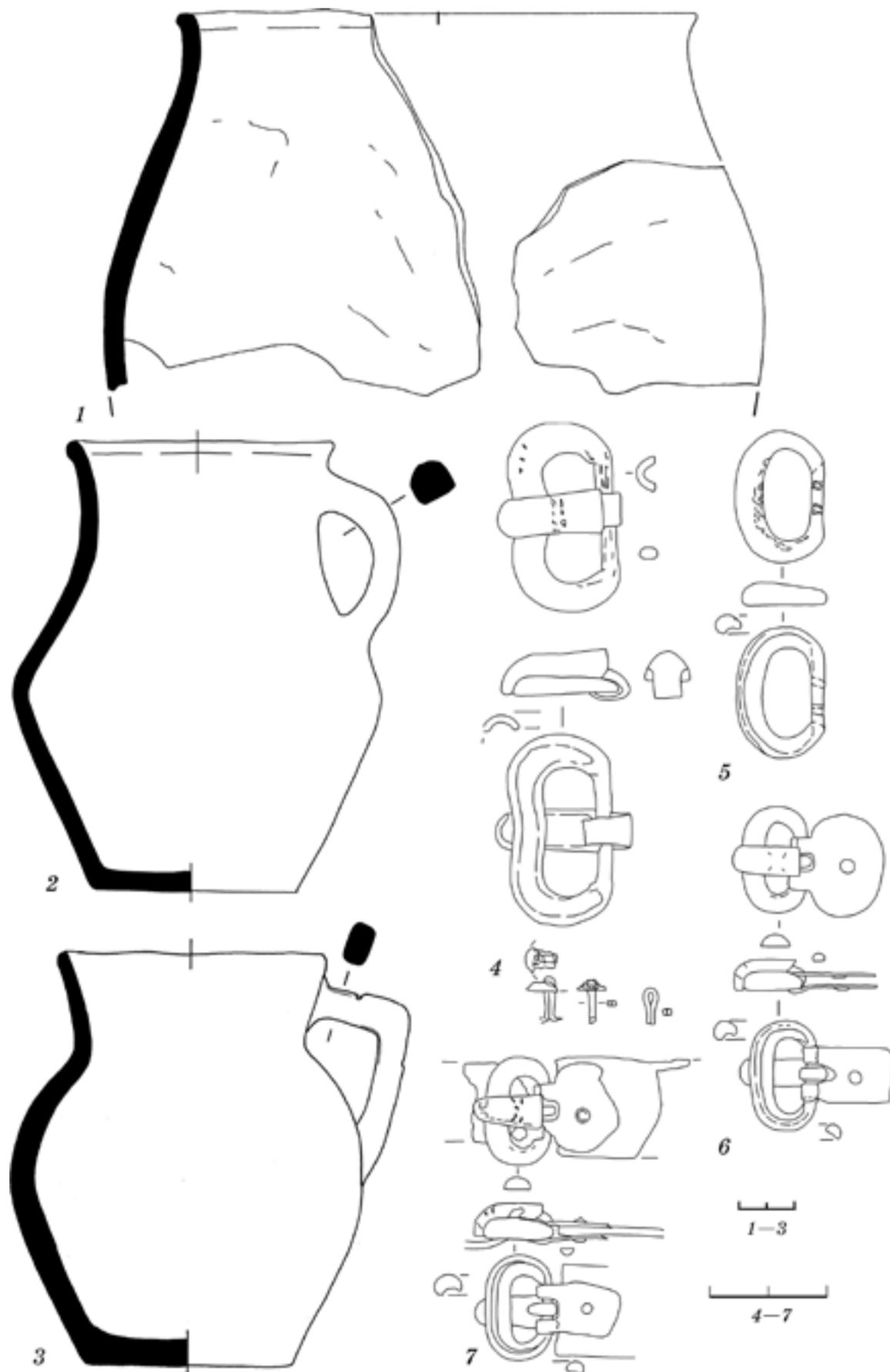

Рис. 4. Керамика киевской и танаисской традиций из погребений Верхнего Подонья и некоторые сопутствующие ей вещи.

1 — Ксизово-19, груболопной сосуд из погребения 70; 2 — Мухино-2, лепной подлощенный кувшин из погребения; 3—7 — Ксизово-17А, погребение 56: 3 — лепной лощеный кувшин, 4—7 — серебряные пряжки.

Рисунки: 1—3 — А. М. Обломского; 4—7 — И. О. Гавритухина

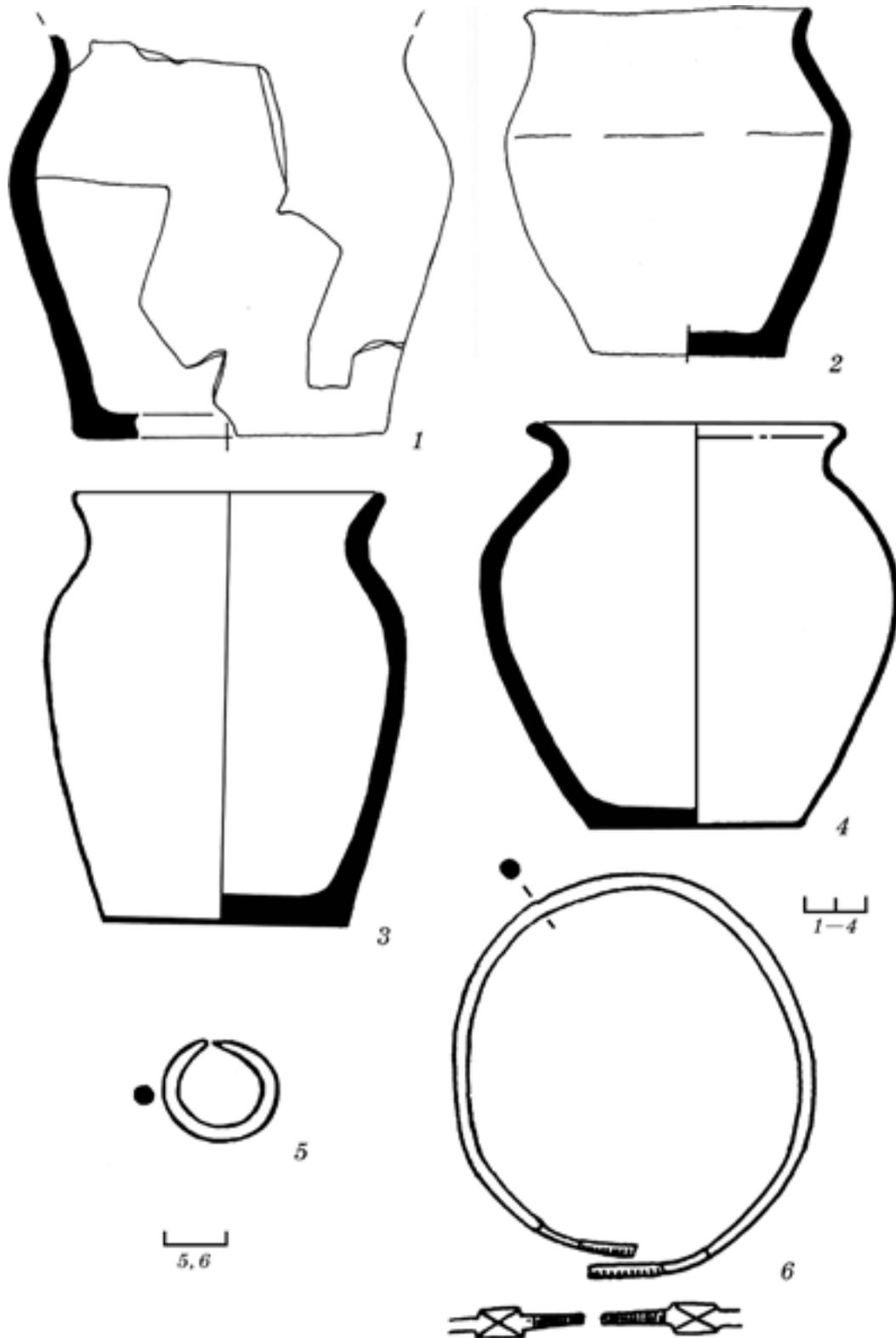

Рис. 5. Лепные горшки степной традиции варианта 1 из погребений Верхнего Подонья (1—4) и некоторые бронзовые украшения (5,6).

1 — Ксизово-17А, погребение 19; 2 — Ксизово-17Б, погребение 18; 3 — Мухино-2; 4—6 — Животинное, погребение 5.

Рисунки: 1, 2, 6 — А. М. Обломского; 3 — Г. Л. Земцова; 4, 5 — по: Медведев, Винников, 1989

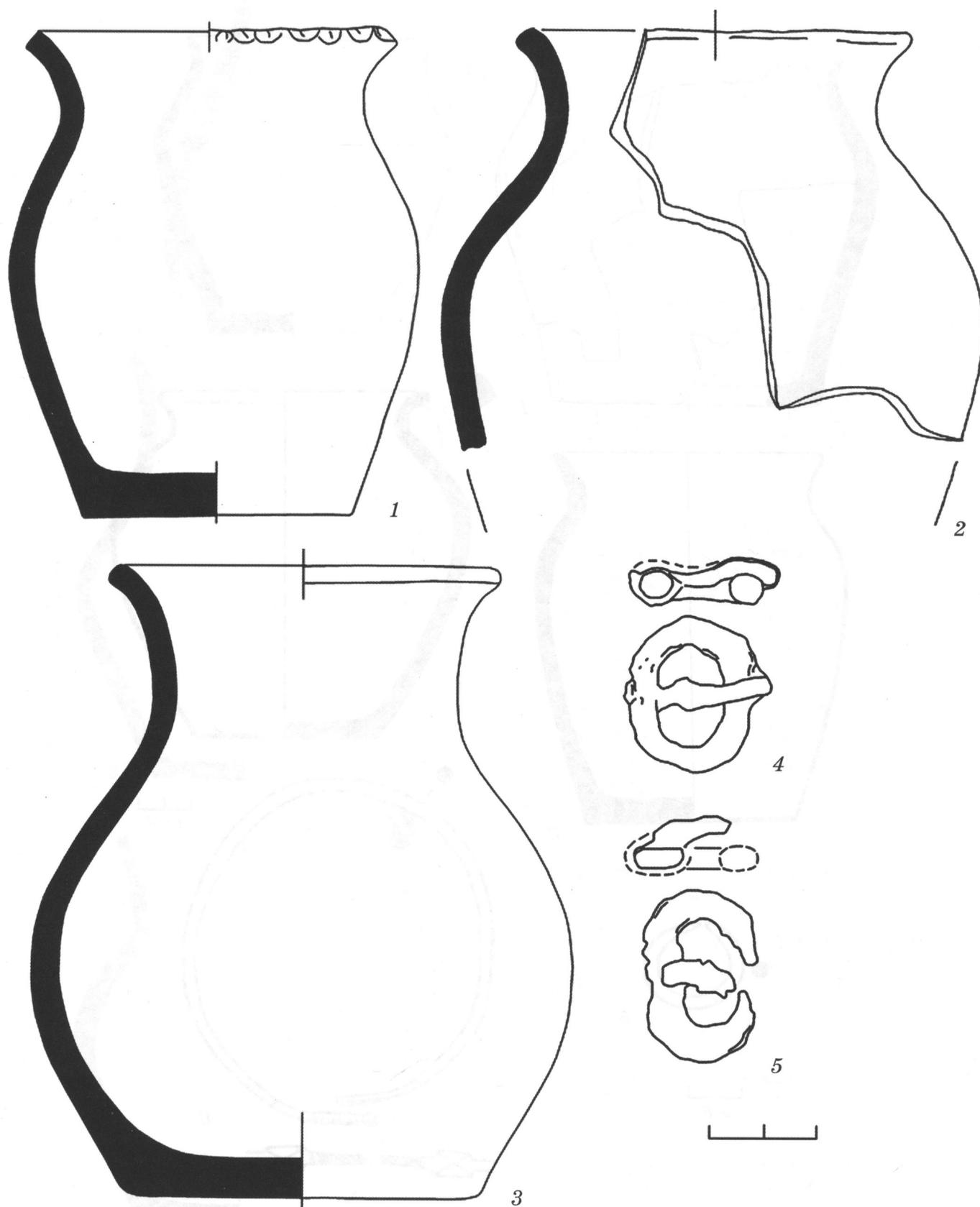

Рис. 6. Лепные горшки степной традиции варианта 2 (1—3) и железные пряжки (4,5) из погребений Верхнего Подонья.

1, 4, 5 — Ямное; 2 — Ксизово-19, погребение 23; 3 — Стрельбище-4.

Рисунки: 1, 3—5 — Д. В. Акимова; 2 — А. М. Обломского

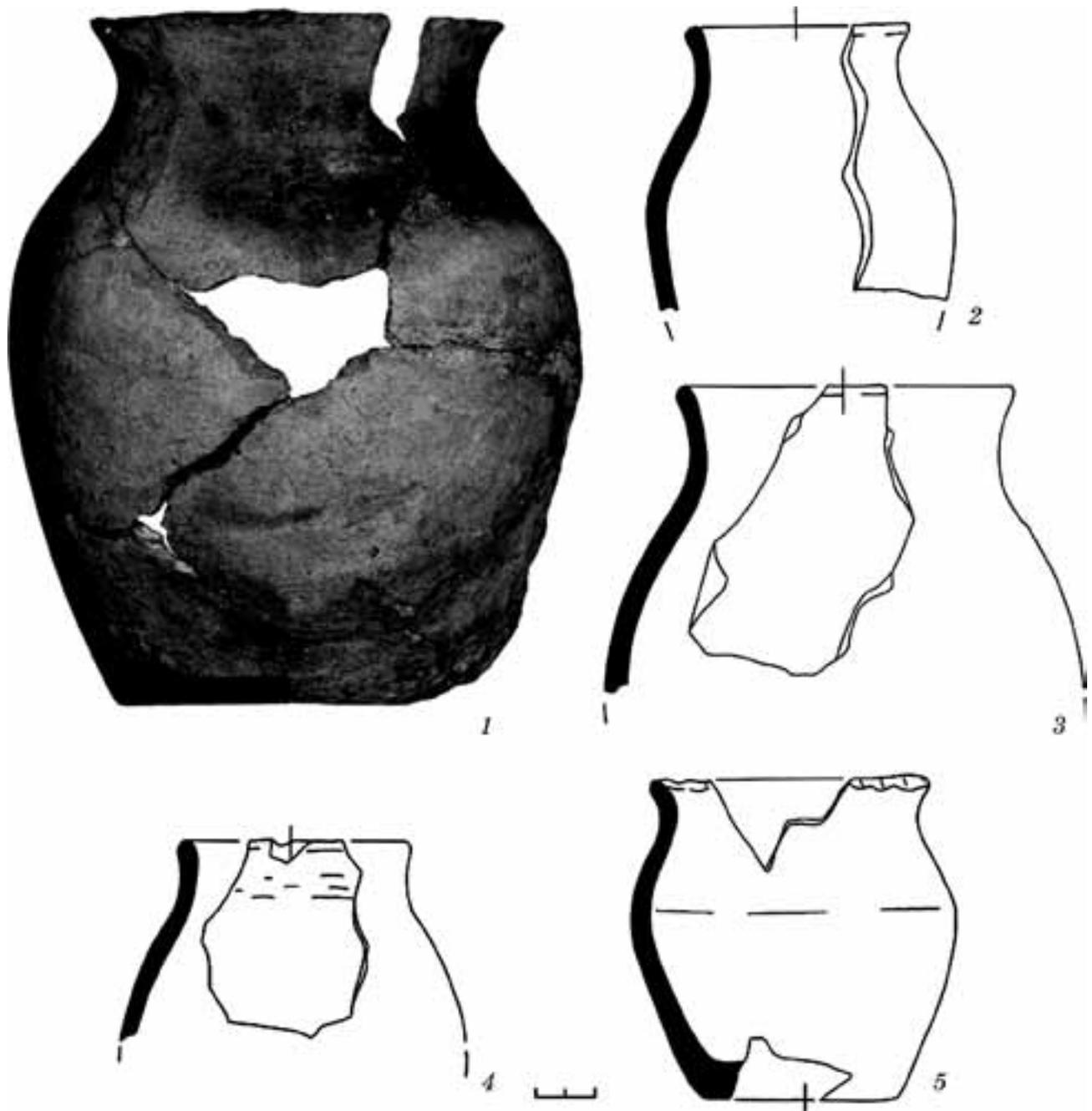

Рис. 7. Лепные горшки степной традиции с поселения Ксизово-19.

1 — раскоп 7, яма 24; 2 — раскоп 9, яма 21; 3 — культурный слой; 4 — раскоп 7, объект 2, скопление 5; 5 — раскоп 6, скопление 14.

Рисунки: 1 — фотография И. А. Козмирчука; 2–5 — А. М. Обломского

Рис. 8. Находки из степных погребений.
 1–3 — Хортица (Брагарня) (по: Остапенко, 1998); 4–6 — Тугулук-3, курган 5, погребение 5 (по: Ляхов, Мячин, 2010).
 1, 4 — лепные горшки; 2 — бронза; 3 — рог; 5 — железо; 6 — золото

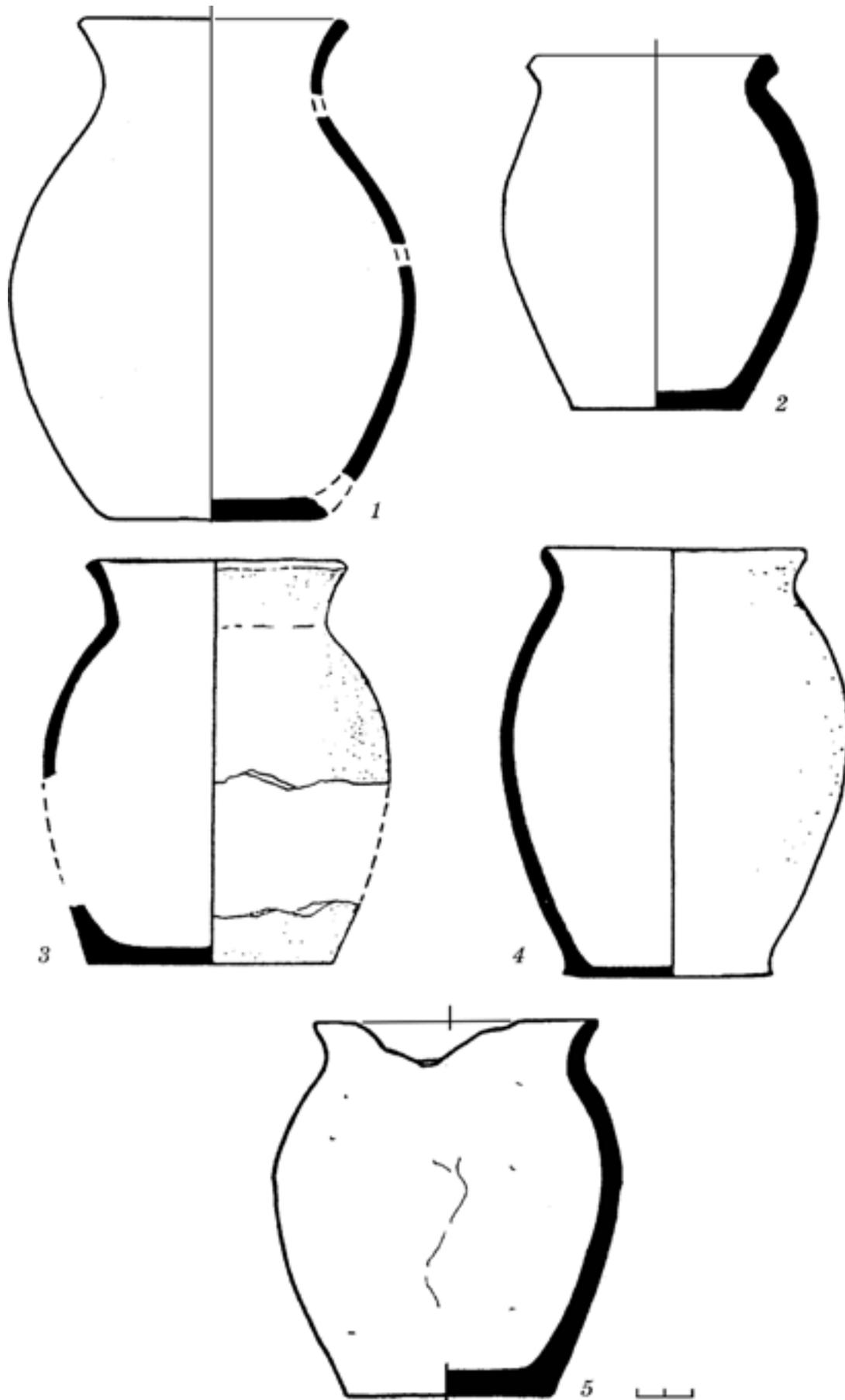

Рис. 9. Лепные горшки из степных погребений.
 1 — хут. Чикаренко (по: Айбабин, 1993); 2 — Покровск, кострище кургана 2 (по: Засецкая, 1994); 3, 4 — Беяус, погребение 3, скелет 1 и 2 (по: Дашевская, 2003); 5 — Лихачёвка (по: Обломский, 2004 в)

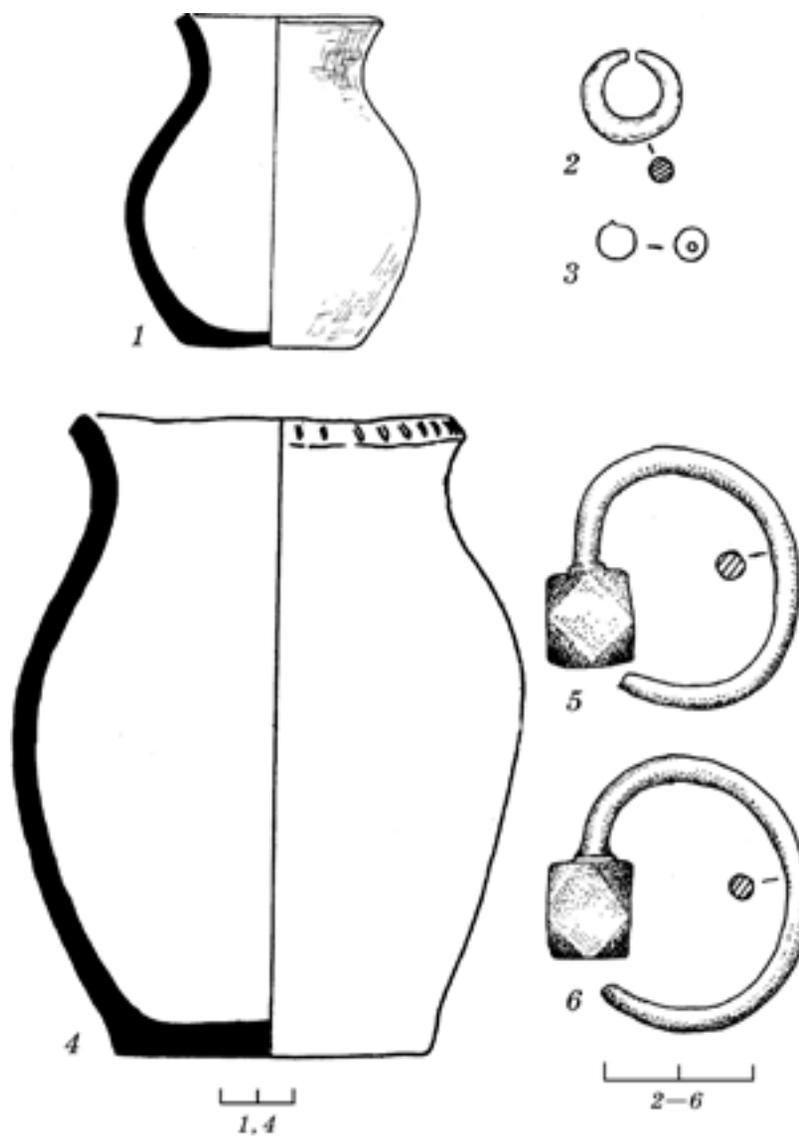

Рис. 10. Материалы некоторых погребений степной традиции из Танаиса.

1, 4 — лепные горшки; 2, 5, 6 — бронза; 3 — стекло.

1—3 — 1990 г., погребение 23; 4—6 — 1992 г., раскоп XVIII, погребение 44.

По: Арсеньева и др., 2001

Д. В. Акимов

ЗАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: ИСТОКИ, ПУТИ И РИТМЫ¹

Памятники эпохи Великого переселения народов на Верхнем Дону исследуются на протяжении более чем десятка лет довольно интенсивно. Ныне источниковая база позволяет не только говорить об истоках происхождения этих древностей, но и идти дальше — к этнокультурным и историческим интерпретациям. Один из возможных вариантов предлагается в данной статье.

Территория бассейна верхнего течения р. Дон заселялась начиная с каменного века. В I тыс. н.э. основной ее природной зоной была лесостепь. Относительно благоприятные природно-климатические условия этого региона делали его привлекательным для освоения различными племенами, которые иногда обладали и разными хозяйственно-экономическими системами. В эпоху Великого переселения народов в Подонье определенно фиксируются несколько волн миграций.

В первые века н. э. этот регион занимали носители культуры позднесарматского облика (рис. 1). Не позднее середины III столетия номады его покидают. Этот процесс археологически фиксируется прекращением функционирования курганных могильников типа Ново-Никольского и Вязовского, а также оставлением связанных с ними поселений типа Ишутинского городища [Медведев, 2008а. С. 101—102]. Недавно была высказана точка зрения о более ранней датировке их финала — в рамках последней трети II в. [Васильев, Савельев, 2008. С. 30].

Представляется, что после ухода сарматов оседлое население покинуло регион не полностью, какая-то часть его, возможно немалая, осталась. Однако, потеряв покровительство воинственных кочевников, местные жители стали подвергаться нападениям соседей из лесной зоны. Об этом свидетельствуют находки плоских двушипных наконечников стрел, например, на Ишутино [Разуваев, 1998. С. 88. Рис. 3: 1, 2]. Кстати, родственная верхнедонской ново-клейменовская группа поселений гибнет в результате штурмов не позднее середины III в., на них найдены такие же стрелы [Воронцов, 2004. С. 128—129].

Так или иначе, но на заметно запустевшей территории лесостепного Верхнего Подонья в середине — 2-й трети III в. появляется новое население, оставившее древности типа Каширка — Седелки (рис. 2). Его происхождение исследователи связывают с памятниками Днепровского Левобережья, определяемыми как «киевская традиция в черняховской культуре» [Обломский, 2001. С. 129—130]. Фиксируется и еще один этнокультурный компонент — северопричерноморско-нижнеднепровский, истоки которого лежат среди памятников черняховской культуры типа Каменка-Анчекрак (рис. 3). На это указывают некоторые формы лепной керамики [Обломский, 2001. Рис. 4]. Кроме того, на поселении Каширка 2 открыты две наземные постройки, как будто бы имевшие каменные основания-цоколи. Авторы раскопок указывают на их «позднескифские» аналогии [Бессуднов, Обломский, 1996. С. 43]. Весьма убедительные доказательства этнокультурной принадлежности верхнедонских поселений круга Каширка — Седелки приводятся в многочисленных работах их основного исследователя и его соавторов [Бессуднов, Обломский, 1996; Обломский, Терпиловский, 1998; Обломский, 2001; Обломский, 2007], поэтому приводить собственную аргументацию здесь считаю излишним. Рассматриваемые древности свидетельствуют о массовой миграции киевско-черняховских племен в Донской регион. Очевидно, речь идет о преимущественно раннеславянской колонизации, слабо «разбавленной» иными этническими компонентами.

Между тем, несмотря на сравнительно короткий период бытования названных памятников, большая часть которых не переживает середину — 2-ю треть IV в., можно говорить о нескольких волнах переселения. На это, в частности, может указывать неоднократное заселение некоторых поселков [Обломский, 2007. С. 73—74]. Но это не главное.

Дело в том, что районы концентрации названных древностей (рис. 2) локализируются в бассейнах двух рек — Быстрой Сосны и Красивой Мечи. Еще один такой регион, вероятно, намечается на

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ по проекту 10-01-56103а/Ц.

донском Правобережье недалеко от современного г. Воронежа. Впрочем, он вряд ли количественно превысит ранее выявленные ареалы. При этом примесь северопричерноморских компонентов фиксируется отнюдь не на всех поселениях. Они есть на Каширке-2 и Седелках, но совершенно отсутствуют, например, на Ксизово [Обломский, 2009а], в Трещевке [Акимов, Медведев, 2008], в Верхнем Турово [Синюк, Чекменев, 1999] и многих других. Это может указывать на поэтапный процесс освоения пришельцами региона. В первой фазе сюда проникало собственно киевско-черняховское население с территории Днепровского Левобережья и, возможно, Среднего Поднепровья. Во второй — к ним присоединяются выходцы из Северо-Западного Причерноморья (рис. 2; 3). Причем последние, очевидно, не составляют самостоятельных общин, а были уже «растворены» в среде днепровских племен, ведь среди древностей типа Каширка — Седелки нигде нет «чистых» причерноморских комплексов. Сосуды и их фрагменты, имеющие аналоги на селищах круга Каменка — Анчекрак, встречаются вперемешку с посудой «лесостепного» облика. Кроме того, верхнедонские поселения со следами южночерняховских влияний не образуют компактных анклавов.

Рискну высказать и предположение о наиболее вероятном первоначальном маршруте продвижения в Подонье западных мигрантов. Если следовать мысли о том, что они двигались, придерживаясь речных русел и долин, то вначале они должны были выйти на берега Быстрой Сосны. Ее истоки наиболее близко подходят к сейминскому бассейну (рис. 3). Оттуда дальнейшее расселение могло идти к северу, на Красивую Мечу, и к югу, в направлении устья р. Воронеж. Впрочем, на имеющихся материалах подтвердить эту гипотезу пока не удастся.

Касательно освоения донского бассейна в позднеимский период предложу еще одно наблюдение. Дело в том, что с географической точки зрения ландшафты в донском лесостепном правобережье и междуречье Дона и Воронежа фактически одинаковы и существенно изменяются только к востоку от р. Воронеж. Судя по распространению материалов типа Каширка — Седелки, мигранты, их оставившие, были весьма многочисленны. Тем не менее по левому берегу Дона можно проследить довольно четкую границу, восточнее которой встречаются лишь единичные их поселки. В то же время, на донском правобережье они располагаются весьма плотно, по нескольку на небольшом удалении друг от друга (рис. 2). Что же помешало тогда пришельцам освоить и разветвленную речную систему доно-воронежского междуречья? На мой взгляд, таким препятствием могли стать потопки местных племен.

Основной массив поселенческих памятников предшествующего сарматского времени сосредоточен в междуречье Дона и Воронежа [Медведев, 2008а. Рис. 53]. Кроме этого, небольшие их группы зафиксированы в бассейне Красивой Мечи, а так-

же между устьями ее и р. Вязовки, в районе современного г. Данков (рис. 1). Как уже отмечалось, после ухода сарматов местное оседлое население количественно уменьшилось. Могу предположить, что участь анклава на Красивой Мече (Ишутино) племена доно-воронежского междуречья не постигла — нет аналогичных следов нападений. Под их контролем, видимо, осталась территория от устья Воронежа на юге до границы с лесными племенами на севере. Форпостом на северном рубеже какое-то время могло служить I Перехвальское городище. Датированные находки как будто бы указывают на то, что памятник еще функционировал в III в., а обстоятельства гибели городища в результате разрушения укреплений и пожара свидетельствуют о недружественном окружении [Бирюков, 1998. С. 102]. Помимо материалов первых веков н.э. на памятнике обнаружена лепная керамика киевского облика, происхождение которой пока не совсем ясно. Возможно, она не относится к слою римского времени.

Справедливости ради надо отметить, что археологические следы автохтонного населения в регионе в позднеимское время отчетливо проследить пока не удастся. Тем не менее совсем исключить сохранение его остатков нельзя. Аргументы в эту пользу представлялись мною неоднократно [Акимов, 2008; Акимов, 2010]. Одним из главных аргументов моих оппонентов является отсутствие контактов между пришлым и местным населением региона, якобы неизбежных при синхронном существовании [Обломский, 2007. С. 87]. Однако с этим не все так просто. Какие археологические свидетельства этих контактов следует ожидать? Находки лепной керамики и характерных предметов быта обеих традиций в слоях памятников той и другой группы? На мой взгляд, такое возможно лишь при включении выходцев из одной группы в коллективы другой (семейно-брачные связи, территориальный характер общины и т.п.). Эта ситуация могла быть исключена целым рядом обстоятельств — от строгой эндогамии до открытой вражды между племенами. Что же касается наличия обменных связей, то схожий, к тому же натуральный характер хозяйства ограничивал их возможности. Ограничивал, но не исключал вовсе: А. М. Обломский указывает на наличие в комплексе гончарной посуды переселенцев сосудов, «в предшествующий период характерных для сарматских и позднекифских памятников Среднего и Верхнего Подонья» [Обломский, 2001. С. 126—127]. Спрашивается, откуда бы этим мискам и горшкам там взяться?

К середине IV в. носители древностей типа Каширка — Седелки покидают донской регион, предав огню свои поселки. Причина их эвакуации пока не ясна. Как вариант объяснения — это могут быть последствия вражды с туземными племенами.

В конце IV — начале V века на Дону вновь появляется пришлое население (рис. 4). В результате этих процессов формируются памятники типа Чертовицкое — Замятино. Исследователи характеризуют

ют состав их носителей как полиэтничный. Выделяются пять этнокультурных компонентов [Обломский, 2006. С. 239—240]: киевский (сейминско-донецкого варианта этой общности), черняховский, северный «лесной» (связанный с мощинской, дяковской и рязано-окской культурами), а также северопричерноморский (уже — Танаис и его округа) и степной кочевнический.

С этим перечнем в основном можно согласиться, хотя и стоит некоторые аспекты откорректировать. При этом следует учесть, что доля участия каждого из перечисленных компонентов в складывании древностей круга Чертовицкое — Замятино была далеко не одинаковой.

Основу их составляли мигранты из ареала киевской общности (рис. 5). Об этом свидетельствуют фактически все элементы материальной культуры памятников этого круга. Топография донских селищ близка или аналогична киевским [Острая Лука Дона, 2004. С. 137]. Параметры большинства полужемлянок, особенности интерьера, устройство отопительных сооружений (рис. 5: 1, 2), в том числе печь-камин (рис. 6: 1), свидетельствуют о заимствовании домостроительных традиций у киевских племен [Акимов, 2001. С. 153]. Основной набор форм лепной посуды, ее фактура и особенности изготовления также указывают на тот же круг аналогий (рис. 5: 3—13) [Терпиловский, 2004. С. 51]. Кроме того, внешний облик и характер изготовления многих орудий труда и предметов быта, отличительные черты хозяйства [Острая Лука Дона, 2004. С. 143, 156] — все это является надежным свидетельством массовой волны миграции носителей киевской культуры в Верхнее Подонье (рис. 10). Ее основной исходной территорией вероятнее всего было Днепровское Левобережье. По крайней мере, наибольшее сходство верхнедонские материалы демонстрируют с древностями сейминско-донецкого варианта киевской культуры [Обломский, 2005. С. 111].

Другой составляющей донского населения гуннской эпохи были выходцы из ареала черняховской культуры (рис. 6: 2—18). Об этом свидетельствуют находки лепной посуды ряда типов, в частности, многие формы из наиболее массовой серии округлобоких горшков, в том числе и с резкими перегибами при переходе от шейки к тулову (рис. 6: 3—6). Встречается и черняховская гончарная керамика (рис. 6: 9—12), пряслица соответствующих типов (рис. 6: 16—18), и грузила для ткацкого станка (рис. 6: 13), предметы личного убора и быта, часть из которых изготавливались на месте (рис. 6: 14, 15), а также следы наземного домостроительства [Акимов, 2001. С. 149]. Тем не менее оценить долю участия населения из ареала этой культуры на Дону в настоящий момент затруднительно. Дело в том, что некоторые из перечисленных элементов могли быть занесены и представителями киевских племен, к тому времени испытавших сильное черняховское влияние (грузила, пряслица, керамика).

Исходные регионы миграции «черняховцев» на Дон определить тоже сложно. В качестве таковых

можно отметить Северное Причерноморье, а также те области, где преобладает полужемляночное домостроительство и округлобокие лепные горшки (например, Среднее Поднепровье, Верхнее и Среднее Поднестровье). Названные признаки, в сочетании с превалированием киевского компонента, убеждают в том, что основной поток мигрантов на Верхний Дон с юго-запада составляли этнически раннеславянские племена. Это была вторая (после носителей древностей типа Каширка — Седелки) массовая волна славянской миграции в Подонье во 2-й четверти — середине I тыс. (рис. 10).

Третьим по значению этнокультурным компонентом в формировании древностей чертовицко-замятинского типа некоторые исследователи считают «лесной», связанный по происхождению с традициями мощинской и позднедяковской культур, а также с культурой рязано-окских могильников [Обломский, 2005. С. 111; Терпиловский, 2004. С. 51]. Таким образом, территория «прототипов» охватывает громадное пространство севера Восточной Европы (рис. 10). Между тем, сторонники приведенной гипотезы почему-то сужают ее до окско-мскворецкого региона.

«Лесное» происхождение имеют отдельные формы донских лепных горшков и большинство типов лощеной посуды, а также некоторые вещи (рис. 7). Тем не менее, на мой взгляд, область распространения признаков данных традиций слишком узка, чтобы характеризовать «волну переселения». Она не захватывает ни домостроительства, ни хозяйства, ни сколько-нибудь представительной части керамического и вещевого инвентаря, ни погребальный обряд. Причисление к данному этнокультурному компоненту наземного дома столбовой конструкции с поселения Замятино 5 (постройка 2) [Острая Лука Дона, 2004. С. 156] выглядит неубедительно. С ее площади археологами собраны фрагменты посуды, аналогичные киевско-черняховским образцам [Там же. Рис. 96: 2—9, 12—15; 97: 3—6], пряслица черняховских типов [Там же. Рис. 98: 2, 3]. А главное, в северной части площади постройки расчищен очаг, по конструкции абсолютно аналогичный отопительному сооружению местной полужемлянки киевского типа (постройка 1) [Там же. Ср.: рис. 91 (очаг 2) и рис. 95].

Лепных сосудов «окского» облика (рис. 7: 7—12) на поселениях у с. Замятино найдено не более 8%, а на памятниках близ устья р. Воронеж они вообще единичны. Причем встречаются они везде в одних комплексах с посудой иного культурного происхождения [Острая Лука Дона, 2004. С. 156, табл. 2—5]. Прясло же и украшения являются принадлежностью типично женского набора вещей (рис. 7: 1—6). Эти предметы могли попасть непосредственно из лесной зоны, где они широко распространены, особенно в рязано-окских могильниках [Белоцерковская, 2007; Белоцерковская, 2010]. Пожалуй, пока единственное свидетельство местного производства таких украшений добыто нами при раскопках городища Крутогорье в 2009 г. Это бронзовый бутыле-

видный колокольчик, особенностью которого являются неубранные с его поверхности сплески бронзы (рис. 7: 3). Эта недоделанная мастером вещь выглядит как полуфабрикат, однако стопроцентной гарантией ее туземного происхождения это обстоятельство быть не может.

Что касается лощеной керамики, то ее верхнедонские формы имеют почти сплошь «лесные» прототипы (рис. 7: 16—20). Однако полной убежденности в ее местном производстве также нет. Это посуда высокого качества изготовления, часто тонкостенная, с гладкой блестящей поверхностью черного, иногда бурого цвета. На ее фоне образцы черняховской серой шероховатой «гончарки», найденные на Дону, зачастую выглядят гораздо беднее. На мой взгляд, ввиду очевидного дефицита круговой керамики, чернолощенная посуда могла выполнять роль парадной, столовой, а значит, была привозной. Этническую специфику в этом случае она утрачивает. Впрочем, лощеная посуда также, по-видимому, была лепной и отличалась только несколько более высоким качеством изготовления и характером обработки наружной поверхности.

Замечу, что при более внимательном взгляде на проблему становится очевидно, что следы пребывания в лесостепном Подонье представителей населения лесной зоны сосредотачиваются преимущественно в области женского культурно-бытового комплекса: украшения, пряслица, посуда. При этом, к примеру, при значительной распространенности оружия и снаряжения всадника в рязано-окских могильниках [Ахмедов, 2007], на Верхнем Дону в гуннское время они встречаются довольно редко, ничего специфического, характерного только для этой части «окского» набора как будто бы нет. Отсюда, на мой взгляд, напрашивается вывод о наличии контактов между верхнедонским и окским населением, которые носили характер торгового обмена и семейно-брачных связей, а не о переселении. Эту же мысль подтверждает и находка на мощинском городище Щепилово костяного гребня, произведенного, очевидно, в замятинской мастерской [Острая Лука Дона, 2004. С. 164].

Следует иметь в виду и еще один аспект: большая часть, но далеко не вся лощеная посуда на памятниках круга Чертовицкое — Замятино имеет исключительно мощинские прототипы. Весьма многообразными сегодня представляются связи верхнедонского населения с обитателями низовой той же реки, особенно с округой Танаиса (рис. 8). Этому сюжету в последнее время уделяется достаточно внимания [Зиньковская, 2008а; Обломский, 2009б], поэтому остановлюсь на нем бегло. Аналогии в культурных комплексах Верхнего и Нижнего Дона фиксируются прежде всего в керамике. Это лепные неорнаментированные со-

суды с высокой прямой или почти прямой шейкой, имеющей плавный или резкий переход к тулову. Последний оформлен либо в виде ребристого перелома (рис. 8: 4), либо в форме уступа при переходе к крутому, сильно выраженному плечу (рис. 8: 1—3, 5) [Арсеньева, 1977. Табл. XV: 2, 3, 7; XXII: 2; Арсеньева и др., 2001. Табл. 13: 192, 203; 28: 407, 415; 45: 543; 58: 729 и далее; Arsen'eva, Böttger, 1998. Abb. 28: 2—6; Бёттгер, Ульрих, 2000. Рис. 5: 2, 3, 4, 12]. Кроме того, это лощеные кувшины, острореберные или округлобокие, с прямой или раструбовидной высокой шейкой, переходящей в крутое плечико (рис. 8: 6, 7, 10) [Арсеньева и др., 2001. Табл. 22: 312; 25: 351; 37: 468 и далее; Арсеньева, 1977. Табл. XVII: 1, 6]. К той же традиции можно отнести зооморфные ручки кувшинов [Арсеньева и др., 2001. Табл. 28: 406; 41: 493; Arsen'eva, Böttger, 1998. Abb. 29: 7]. Впрочем, последние часто встречаются у алан Северного Кавказа [Абрамова, 1997. Рис. 5: 12; 6: 16; 44: 19; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 36: 1; 82; 87: 2; 93: 14; 117: 5]. Кроме того, восточнопричерноморские прототипы находят изделия ксизовской гончарной мастерской (рис. 8: 11), а также печь из Замятино-7 [Острая Лука Дона, 2004. С. 154, 155].

К общей ремесленной традиции Верхнего и Нижнего Дона А. М. Обломский и И. О. Гавритухин относят фибулы, на оси пружин которых надеты бронзовые цилиндрики (рис. 8: 12, 13) [Обломский, 2009б. С. 264]. На некрополе Танаиса нередкой находкой являются и металлические зеркала (рис. 8: 14, 15). О них чуть ниже.

Особого рассмотрения требует сюжет о появлении в Подонье погребений по обряду ингумации. Они делятся на два типа, и второй — это погребения воинской знати (круга Животинного). В них содержится оружие, а также предметы престижной культуры (рис. 9). Поскольку эти могильники синхронны поселениям типа Чертовицкое — Замятино, то с их «хозяевами», на мой взгляд, стоит связывать подобные находки и на бытовых памятниках. Это железные наконечники стрел разных форм (рис. 9: 2—5), составная часть конских удилов и шпора (рис. 9: 1, 6), меч, украшенный янтарной подвеской (рис. 9: 11, 25), кинжалы (рис. 9: 23), копье и втулка, вероятно, от сулицы (рис. 9: 7, 24), элементы доспеха, в том числе кольчуги (рис. 9: 8—10) и другое снаряжение. Среди деталей одежды, личного убора и украшений отмечу многочисленные бусы, пряжки из серебра (рис. 9: 15) и других металлов, иногда украшенные зооморфной пластикой (рис. 9: 16, 17), вставки в украшения полихромного стиля (рис. 9: 12, 13) и, возможно, в перстень² (рис. 9: 14), фибулы, в том числе двупластинчатая (рис. 9: 18), стеклянные кубки — целый и осколок³, гребни из рога (рис. 9: 20), металличе-

² Вставка, приведенная на рис. 9: 12, сделана из альмандин красного цвета, на рис. 9: 13 и 14 — из стекла соответственно красного и прозрачного голубого.

³ Кубок из погребения 19 Ксизово-17А (рис. 9: 22) — из прозрачного светло-зеленого стекла, украшен овалами из темно-синего прозрачного стекла [Обломский, 2010. С. 250—251]. Осколок с Крутогорья (рис. 9: 19) — от кубка из прозрачного стекла чуть желтоватого оттенка, с шлифованным орнаментом.

ские зеркала с петлей по центру оборотной стороны (рис. 9: 21) и другое.

А. М. Обломский связывает эти некрополи, как и возникновение ремесленного центра в Замятино, с установлением в Подонье господства одной из гуннских орд [Обломский, 2006]. Однако этой точке зрения противоречит практически полное отсутствие на Верхнем Дону собственно гуннских вещей. Исключением являются два трехлопастных наконечника стрел вытянутой формы (рис. 9: 4, 5), а также две вставки в украшения полихромного стиля (рис. 9: 12, 13). Между тем, последние могли и не принадлежать самим гуннам. Что касается стрел, то подобные наконечники в гуннский период широко представлены в самых разных регионах Восточной Европы, в том числе и там, где гуннов не было вовсе. Отмечу особо, что наконечник с поселения Староживотинное 3 (рис. 9: 4) не совсем типичен для гуннской степи. Его аналогии распространены скорее в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы [см., напр.: Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 106: 3; Казанский, 1999. Рис. 4: 6, 7; 8: 12; Горюнов, 1982. Рис. 2: 20].

Между тем, на донских поселениях и в могильниках известны вещи, которые никогда не находили в погребениях гуннов. Прежде всего, речь идет о фибулах и зеркалах с центральной петлей на обороте (рис. 8: 12—15; 9: 21). Последние не характерны и для черняховской культуры. Известно, что в Европе распространение таких зеркал в эпоху Великого переселения народов маркирует перемещения алан [Засецкая, 1994. С. 100; Mastykova, Kazanski, 2006. P. 289]. Украшения в полихромном стиле с вставками из стекла и полудрагоценных камней также известны у алан Северного Кавказа [Абрамова, 1997. Рис. 74: 6, 11—20; 75: 17—22]. Весьма характерно, что погребения на Животинном городище, в Мухино и на Ксизово-19 также имеют некоторые позднесарматские признаки [Медведев, 1990. С. 77; Обломский, 2006. С. 240].

Правда, А. В. Мастыкова и М. М. Казанский пришли к выводу о том, что истоки традиций украшать женский костюм золотыми нашивками, которые часто сопровождают металлические зеркала в погребениях (например, Мухино 2), лежат не в аланской кочевой среде, а в обычаях эллинизированного населения Северного Причерноморья, в

том числе обитателей Танаиса [Mastykova, Kazanski, 2006. P. 292]. Однако хорошо известно, что это население было этнически неоднородным и включало в себя значительный алано-сарматский компонент [Арсеньева и др., 2001. С. 223]. Население нижнедонского региона в предгуннский период исследователи ассоциируют с аланами-танаитами [Безуглов, 2008; Храпунов, 1999. С. 28; Симоненко, 2001. С. 89—90]. Представители именно этого населения, на мой взгляд, появляются в конце IV — начале V в. на Верхнем Дону, что и отражено археологически в ингумациях второго типа. Тезис о связях некоторых верхнедонских захоронений с престижным инвентарем с аланской средой, высказанный мной ранее [Акимов, 2005. С. 64], сегодня поддержан другими исследователями [Медведев, 2008б. С. 30; Обломский, 2008а. С. 34—35; Зиньковская, 2008б. С. 49].

Появление аланского культурного компонента на Дону в последней трети IV в. могло быть связано с вторжением гуннов. Не исключено, что, спасаясь от завоевателей, часть из них направилась вверх по течению Дона. За дружиной потянулся (или был увлечен силой) и, если можно так выразиться, «обслуживающий персонал», среди которого, очевидно, были и ремесленники весьма высокой квалификации. С кочевниками аланами можно ассоциировать и юртообразное жилище, обнаруженное на одном из поселений Острой Луки Дона [Обломский, 2007. С. 91—92; рис. 46—48].

Пришлая орда установила гегемонию в регионе от устья р. Воронеж на юге до лесного пограничья на севере. Ее центр, вероятнее всего, находился в районе Замятинского археологического комплекса [Обломский, 2006]. Номады, по всей видимости, взяли на себя охрану всей территории доно-воронежского междуречья, о чем косвенно свидетельствует судьба Крутогорского городища. Как показали наши исследования, укрепления на нем сначала были выстроены, а затем пришли в запустение и были разрушены [Бирюков, Акимов, 2008. С. 130—131]. Впрочем, состав социальной верхушки верхнедонского населения гуннского времени мог быть неоднородным и включать в себя, кроме нижнедонских алан, представителей и других этносов, например восточных германцев [Обломский, 2008б; Обломский, 2010].

Литература

- Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III—V вв. н.э. М., 1997.
- Акимов Д. В. Постройки 2-й четверти — середины I тыс. н.э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001. С. 141—160.
- Акимов Д. В. Археологические памятники рубежа древности и средневековья на Верхнем Дону // Кондаковские чтения I. Проблемы культурной преемственности. Белгород, 2005. С. 61—67.
- Акимов Д. В. Опыт реконструкции этно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов на Верхнем Дону // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008. С. 187—191.
- Акимов Д. В. Автохтонное население донской лесостепи в эпоху Великого переселения народов // Германия — Сарматия II. Курск — Калининград, 2010. С. 95—105.
- Акимов Д. В., Медведев А. П. Комплекс поселений второй четверти — середины I тыс. н.э. у села Малая Трещевка // КСИА. Вып. 222. М., 2008. С. 76—84.
- Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг. М., 2001.

- Ахмедов И. Р. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007. С. 137—185.
- Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в Нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В. А. Башилова. М., 2008.
- Белоцерковская И. В. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007. С. 73—132.
- Белоцерковская И. В. Литые подвески к наконсникам из рязано-окских могильников // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань, 2010. С. 186—212.
- Бессуднов А. Н., Обломский А. М. Изучение археологических памятников на реке Семенек // Археологические исследования высшей педагогической школы (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). Воронеж, 1996. С. 21—48.
- Бёттгер Б., Ульрих М. Позднеантичное поселение в Танаисе (результаты работ на раскопе XIX) // Сарматы и их соседи на Дону. Сер. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 282—307.
- Бирюков И. Е. I Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Сер. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 97—109.
- Бирюков И. Е., Акимов Д. В. Оборонительные сооружения городищ гуннского времени на Верхнем Дону // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 130—141.
- Васильев А. А., Савельев О. К. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная (хронологический аспект) // *Germania — Sarmatia*. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Вып. 1. Калининград, 2008. С. 29—43.
- Воронцов А. М. Памятники типа Ново-Клеймёново в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. 2007. № 3. С. 57—68.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
- Горюнов Е. А. Славянское поселение середины I тысячелетия н.э. у с. Песчаное Белгородской области // КСИА. Вып. 171. М., 1982. С. 61—65.
- Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб, 1994.
- Зиньковская И. В. Археологические памятники раннегуннского времени Верхнего и Нижнего Дона (сравнительный анализ) // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2008а. С. 20—23.
- Зиньковская И. В. Поселение и могильник раннегуннского времени на Животинном городище // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж, 2008б. С. 32—51.
- Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // Археологические вести. № 6. СПб, 1999. С. 404—419.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III—V веках н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 8. М., 2007.
- Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.
- Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008а.
- Медведев А. П. Древности середины I тыс. н.э. на Верхнем Дону (проблемы интерпретации) // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2008б. С. 28—31.
- Обломский А. М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001. С. 122—140.
- Обломский А. М. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. Вып. 219. М., 2005. С. 104—120.
- Обломский А. М. Верхнее Подонье в V в. н.э. как часть гуннской державы // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Междунар. науч. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13—16 ноября 2006 года). Липецк, 2006. С. 238—242.
- Обломский А. М. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007. С. 73—132.
- Обломский А. М. Предварительные итоги раскопок могильника гуннского времени у с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2008а. С. 32—35.
- Обломский А. М. Германские элементы в культуре Верхнего Подонья в гуннское время // *The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and Migration Period*. Lublin, 2008б. С. 213—239.
- Обломский А. М. Материалы позднеримского времени поселения Ксизово-17 Задонского р-на Липецкой обл. // *Vita antiqua*. № 7—8. Київ, 2009а. С. 173—196.
- Обломский А. М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху (проблема контактов населения) // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1. Воронеж, 2009б. С. 252—269.
- Обломский А. М. Новые погребальные комплексы Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // КСИА. Вып. 224. М., 2010. С. 245—266.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Сер. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 124—156.
- Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 6. М., 2004.

Разуваев Ю. Д. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Сер. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 85—96.

Симоненко А. В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 77—91.

Синюк А. Т., Чекменев Ю. А. Древнее укрепленное поселение у села Верхнее Турово // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. С. 147—158.

Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Lublin, 2004.

Храпунов И. Н. О двух направлениях миграции предков средневековых алан // Донская археология. 1999. № 2. С. 26—29.

Arsen'eva T. M., Böttger B. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1997 // Eurasia Antiqua. Bd 4. Berlin, 1998. P. 401—424.

Mastykova A., Kazanski M. A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss.V—VII). Balance y Perspectivas. Actas de la Mesa Redonda hispano-francesca celebrada en la Universidad Autónoma de Madrid (UAM) y Museo Arqueológico Regional de la Comunidad de Madrid (MAR). Oxford, 2006. P. 289—305.

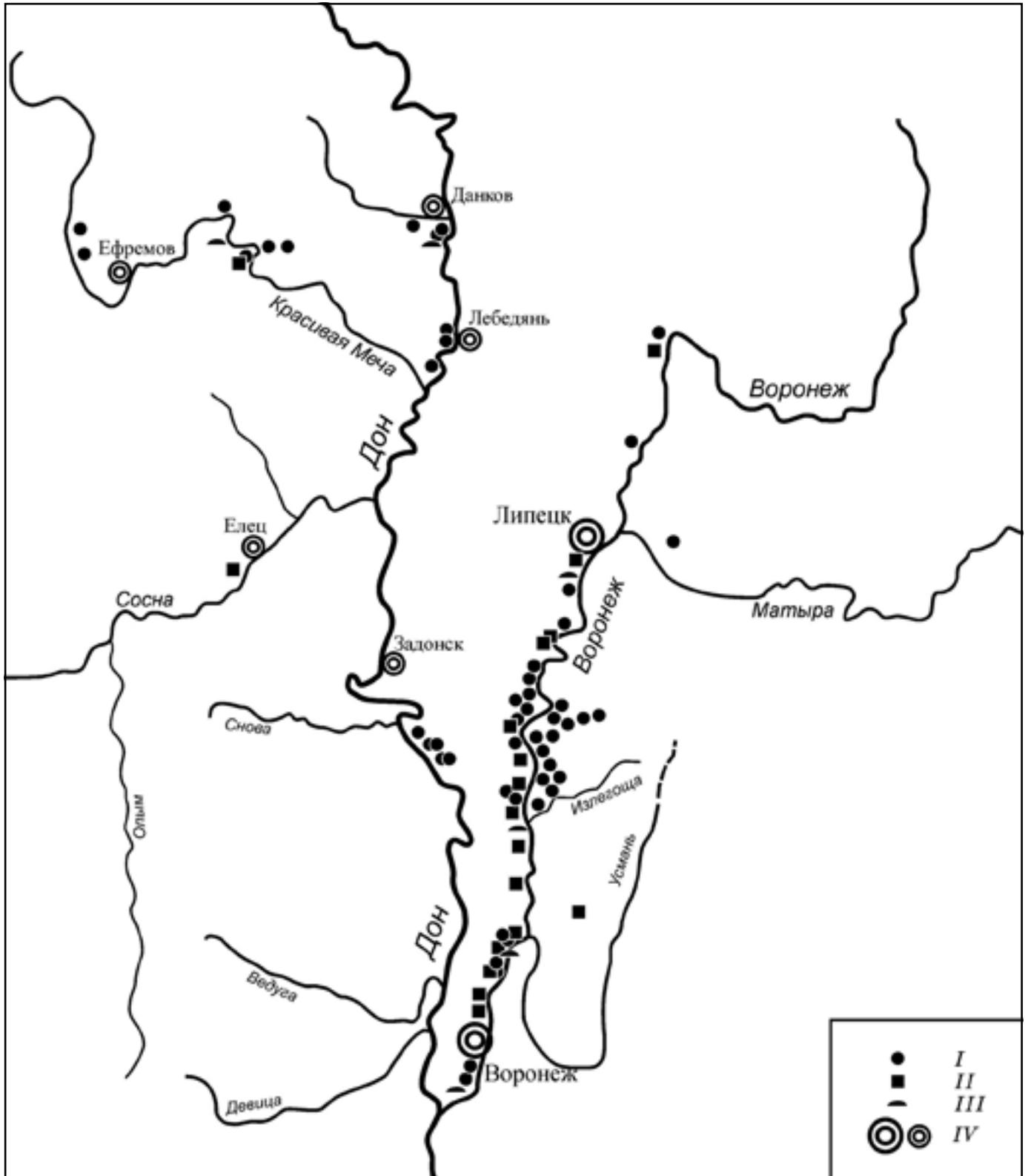

Рис. 1. Карта памятников сарматского времени Верхнего Подонья.
 I — поселения; II — городища; III — могильники; IV — современные города.
 По А. П. Медведеву

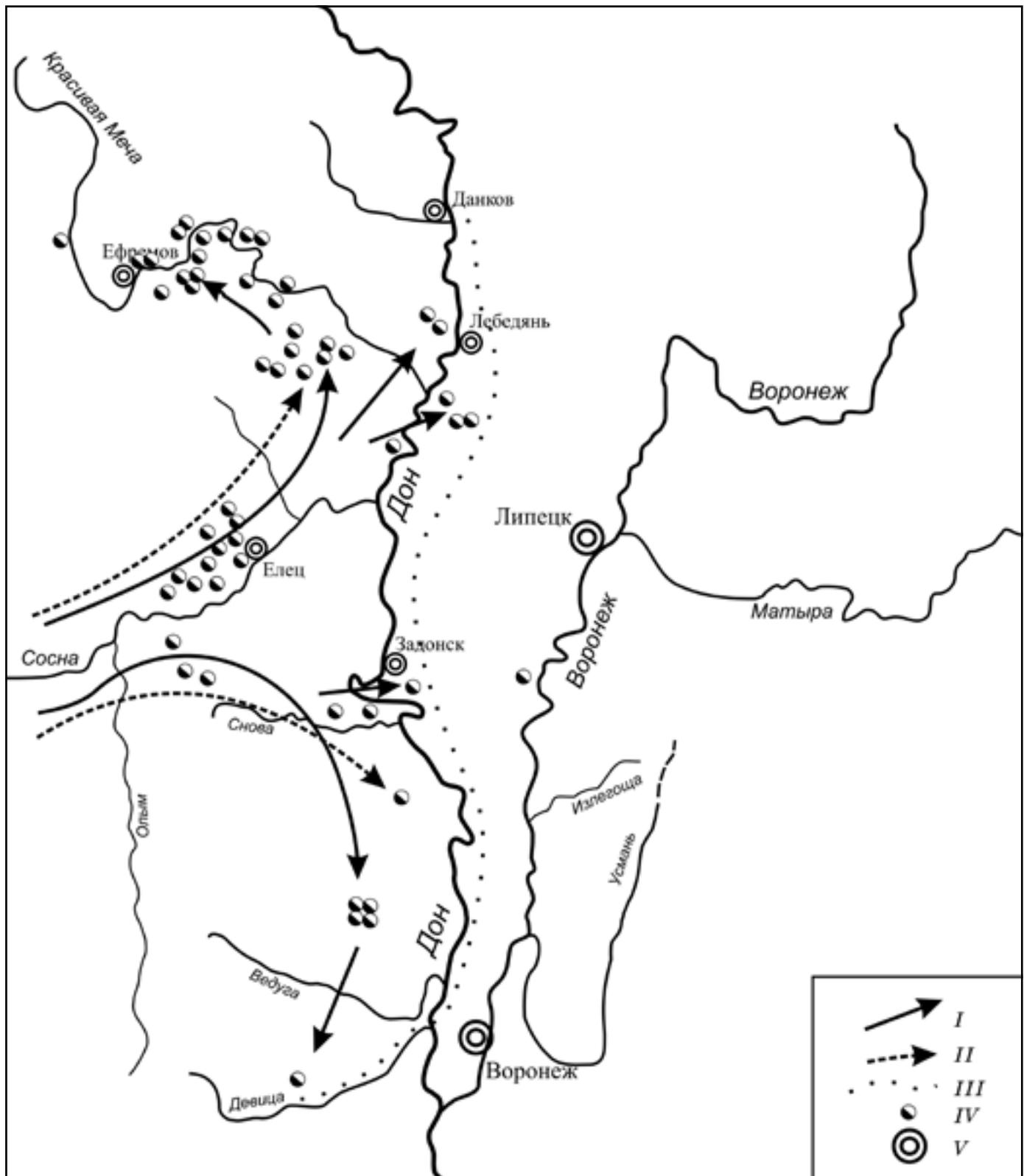

Рис. 2. Карта памятников позднееримского времени Верхнего Подонья и возможные пути миграции в регион.

- I — вероятные пути миграции носителей киевско-черняховских традиций;
- II — вероятные пути миграции носителей причерноморско-нижнеднепровских традиций;
- III — граница территории, освоенной мигрантами;
- IV — поселения типа Каширка — Седелки;
- V — современные населенные пункты.

Памятники даны по А. М. Обломскому с дополнениями автора

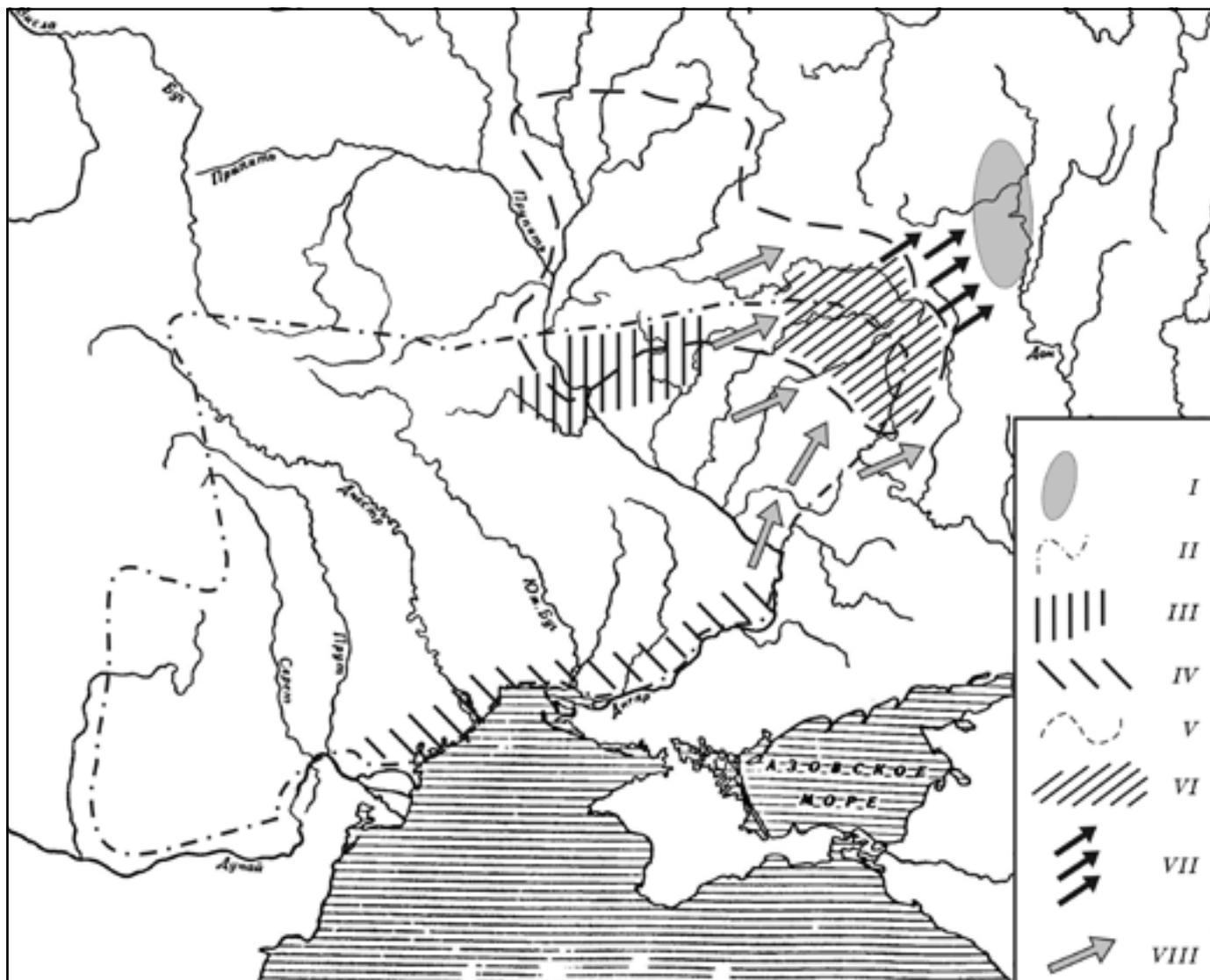

Рис. 3. Киевская и черняховская культуры и пути миграции в бассейн Верхнего Дона в позднеримское время.

- I — район распространения древностей типа Каширка — Седелки;
- II — граница черняховской культуры (по Б. В. Магомедову);
- III — территория памятников «киевской традиции в черняхове»;
- IV — территория северочерноморско-нижнеднепровского варианта черняховской культуры;
- V — граница киевской культуры (по Р. В. Терпиловскому);
- VI — территория сейминско-днецкого варианта киевской культуры;
- VII — направления основного потока мигрантов;
- VIII — направления малочисленных и смешанных миграций, либо культурных контактов и влияний

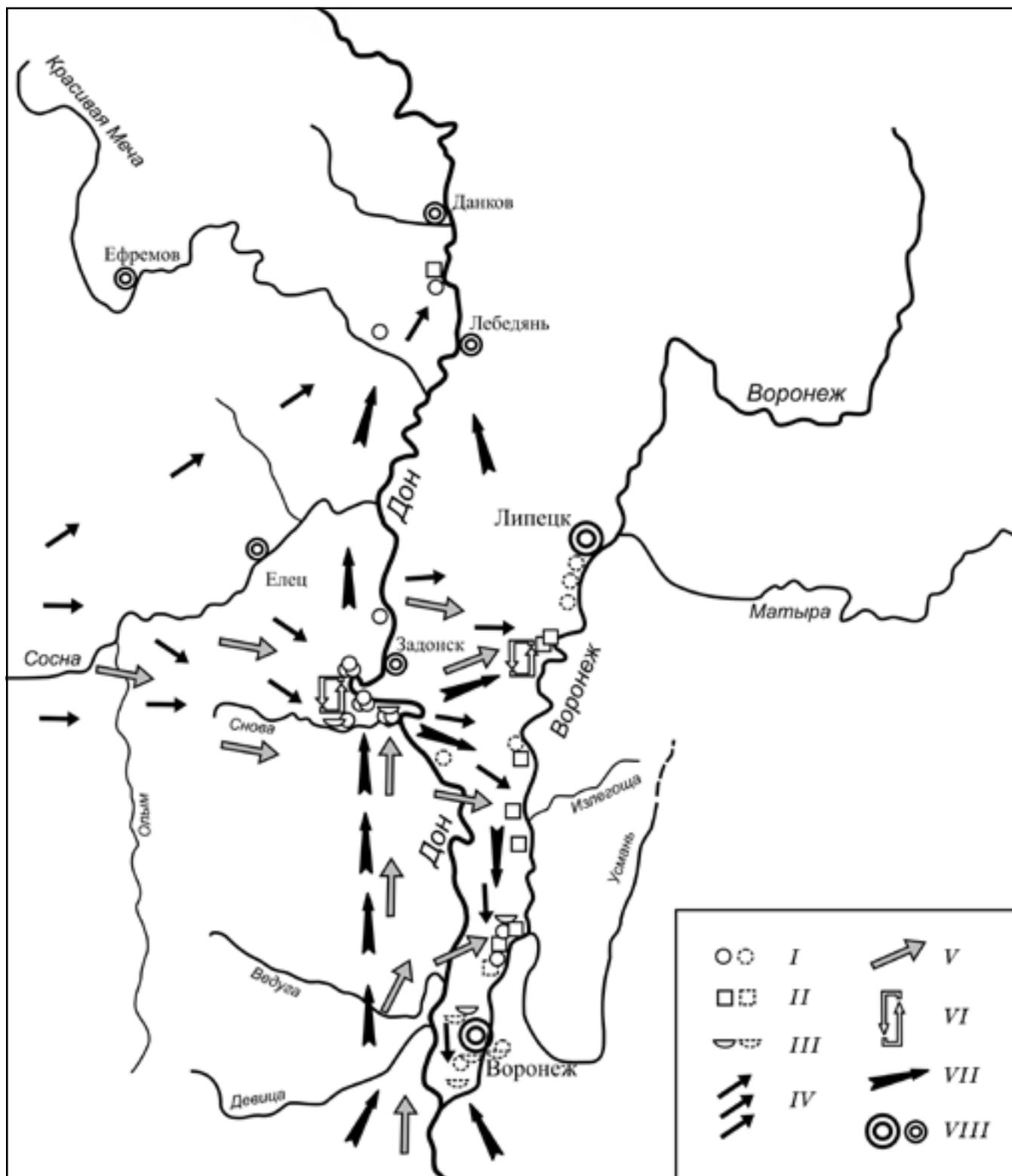

Рис. 4. Карта памятников гуннского времени Верхнего Подонья, возможные пути миграций в регион, этно-культурные контакты.

I—III — Древности типа Чертовицкое — Замятино. Прерывистой линией показаны памятники, предположительно относящиеся к ним.

- I — селища;
- II — городища;
- III — могильники (по А. М. Обломскому с дополнениями автора);
- IV — направления основного потока мигрантов;
- V — направления малочисленных и смешанных миграций, либо культурных контактов и влияний;
- VI — регионы концентрации материалов, имеющих аналогии в лесной зоне;
- VII — направления экспансии;
- VIII — современные населенные пункты.

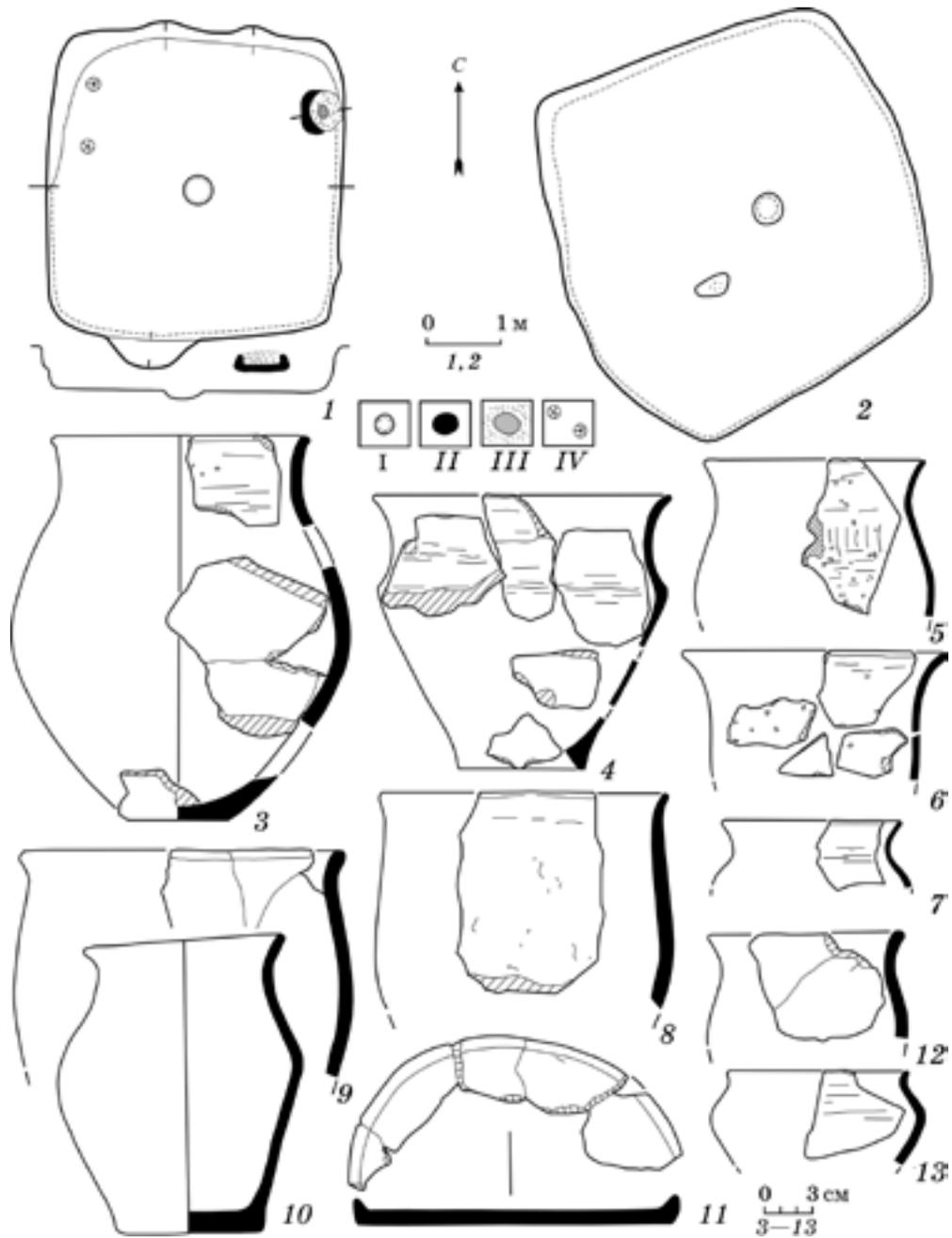

Рис. 5. Элементы киевской культурной традиции в составе древностей типа Чертовичское — Замятино.

1, 11 — Чертовичское III; 2 — Замятино 8; 3–7 — Крутогорье; 8, 13 — Шилово; 9, 10 — Староживотинное 3; 12 — Замятино 5.

1, 2 — постройки; 3–13 — лепная керамика.

Условные обозначения: I — границы ям; II — обожженная глина, под; III — зола, угли; IV — дерево.

По А. П. Медведеву, А. М. Обломскому, И. Е. Бирюкову, Д. В. Акимову

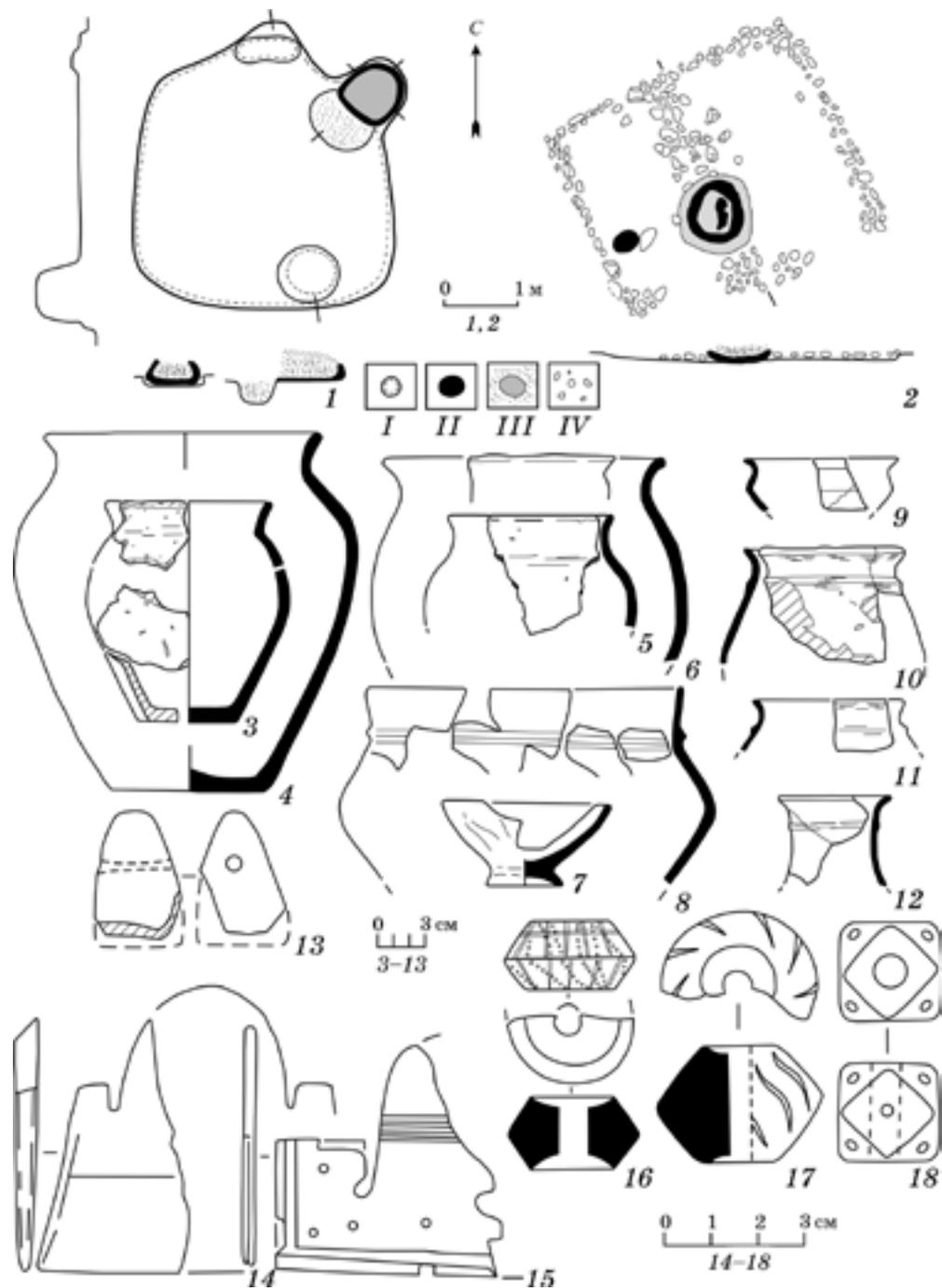

Рис. 6. Элементы киевской (1) и черняховской (2—18) культурных традиций в составе древностей типа Чертовичское — Замятино.

1, 2, 4, 9, 17 — Чертовичское III; 3, 5, 12, 16 — Крутогорье; 6, 10, 11, 13, 18 — Староживотинное 3; 7, 8, 14, 15 — Замятино 8.

3—7 — лепная, 8 — лощеная, 9—12 — гончарная керамика; 13, 16—18 — глина; 14, 15 — рог. Условные обозначения: I — границы ям; II — обожженная глина, под; III — зола, угли, IV — камни.

По А. П. Медведеву, А. М. Обломскому, Д. В. Акимову

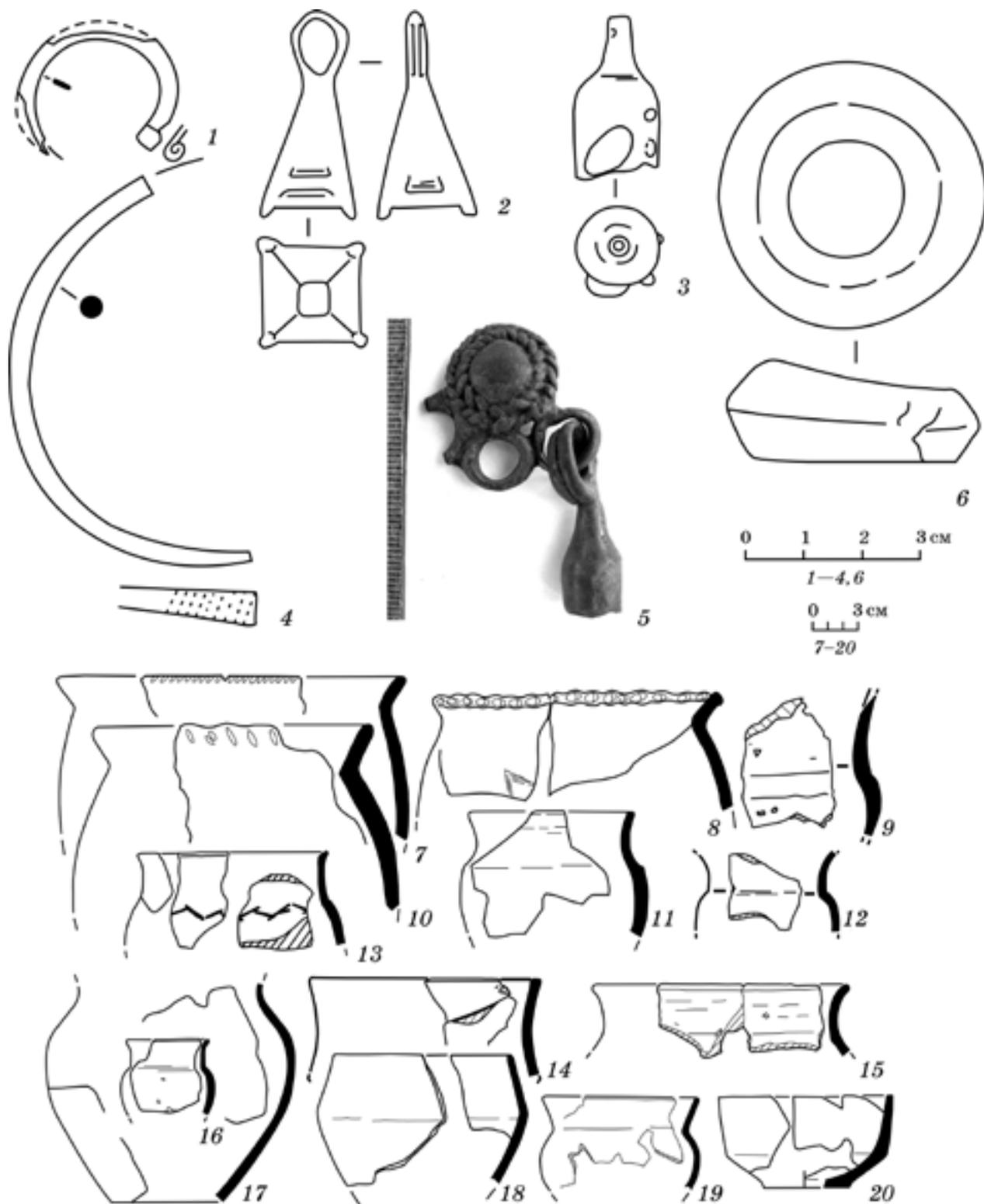

Рис. 7. Элементы традиций культур лесной зоны Восточной Европы в составе древностей типа Чертовичское — Замятино.

1, 3, 9, 12–17 — Крутогорье; 2 — Замятино 5; 4, 6, 7, 11, 18–20 — Замятино 8; 5 — случайная находка в районе пос. Первое Мая; 8, 10 — Чертовичское III.

1–5 — бронза; 6 — глина; 7–13 — лепная, 14–20 — лощеная керамика.

По А. П. Медведеву, А. М. Обломскому, И. Е. Бирюкову, Д. В. Акимову

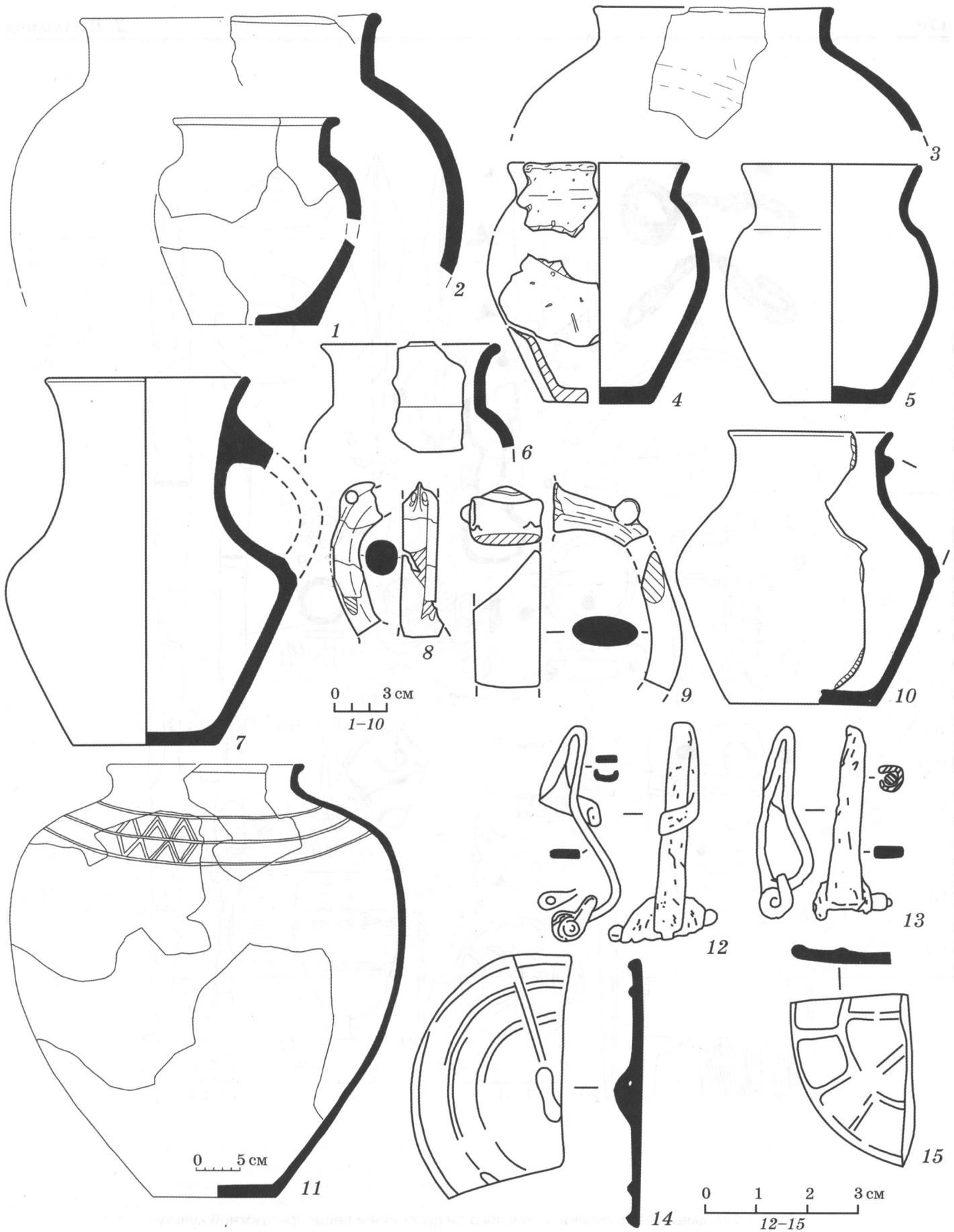

Рис. 8. Элементы культурных традиций округа Танаиса и Восточного Причерноморья в составе древностей типа Чертовицкое — Замятино.

1 — Чертовицкое III; 2, 6, 14 — Подгорное; 3, 15 — Замятино 8; 4, 5, 8, 9, 11 — Крутогорье; 7 — Каменка 4; 10 — Чертовицкое VI; 12 — Замятино 7; 13 — Малый Липяг.

1—5 — лепная; 6, 7, 10 — лощеная; 8, 9, 11 — гончарная керамика; 12, 13 — железо, бронза; 14 — бронза; 15 — серебро (билон?).
 По А. П. Медведеву, А. М. Обломскому, И. Е. Бирюкову, Ю. Д. Разуваеву, И. А. Козмирчуку, Д. В. Акимову

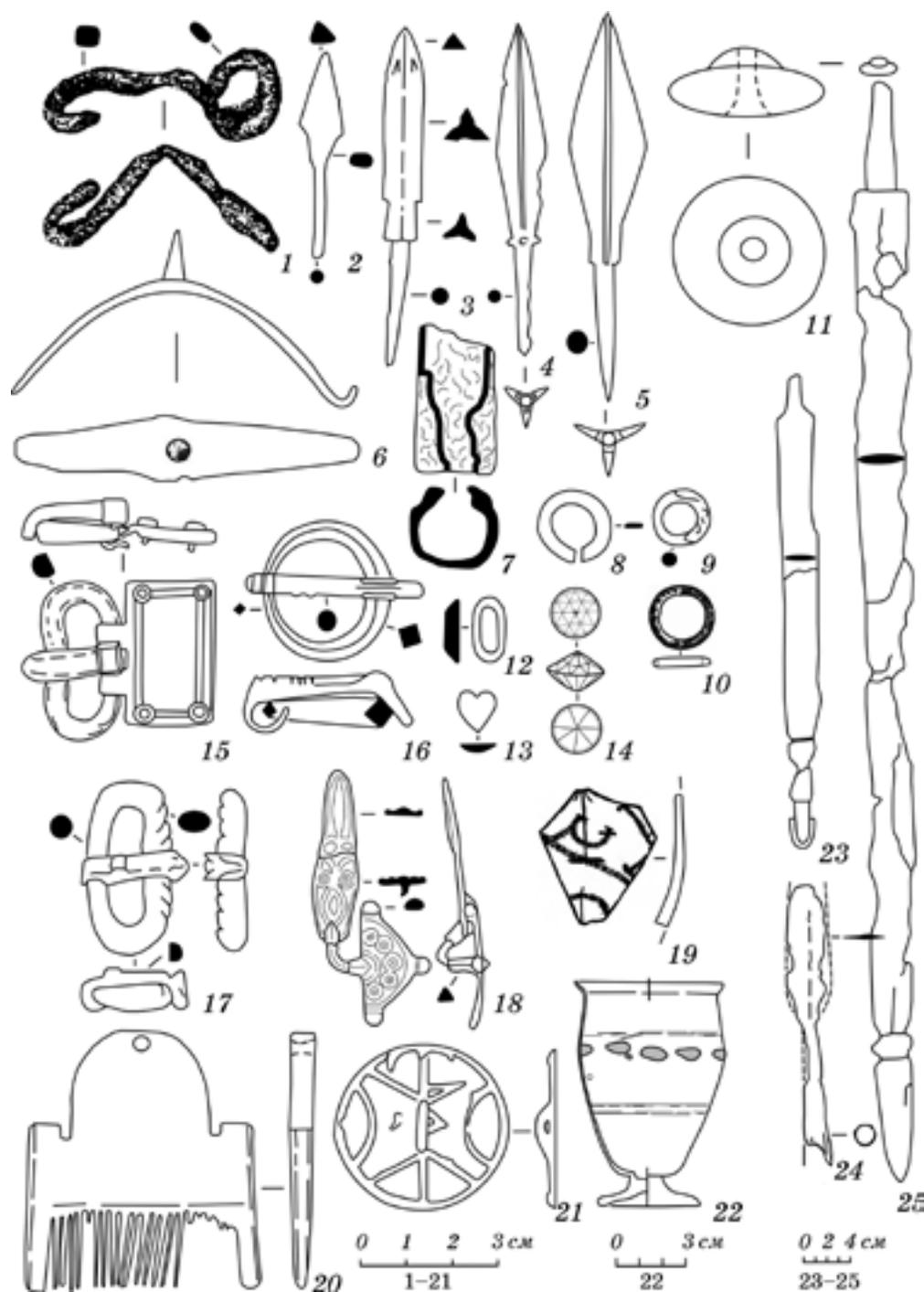

Рис. 9. Предметы вооружения, воинского снаряжения и вещи престижной культуры с поселений и из погребений типа Чертовицкое — Замятино.

1, 4, 7 — Староживотинное 3; 2, 12, 17 — Замятино 8; 3 — Замятино 7; 5, 13 — III Чертовицкое; 6 — Шилово; 8—10, 14, 19 — Крутогорье; 11, 15, 23, 25 — Животинный могильник; 16, 20, 21 — Ксизово 17Б; 18 — Замятино 5; 22, 24 — Ксизово 17А.

1—10, 16, 17, 24, 25 — железо; 11 — янтарь, бронза; 12 — алмадин; 13, 14, 19, 22 — стекло; 15 — серебро; 18, 21 — бронза; 20 — рог; 23 — железо, бронза.

По А. П. Медведеву, А. М. Обломскому, И. Е. Бирюкову, Д. В. Акимову

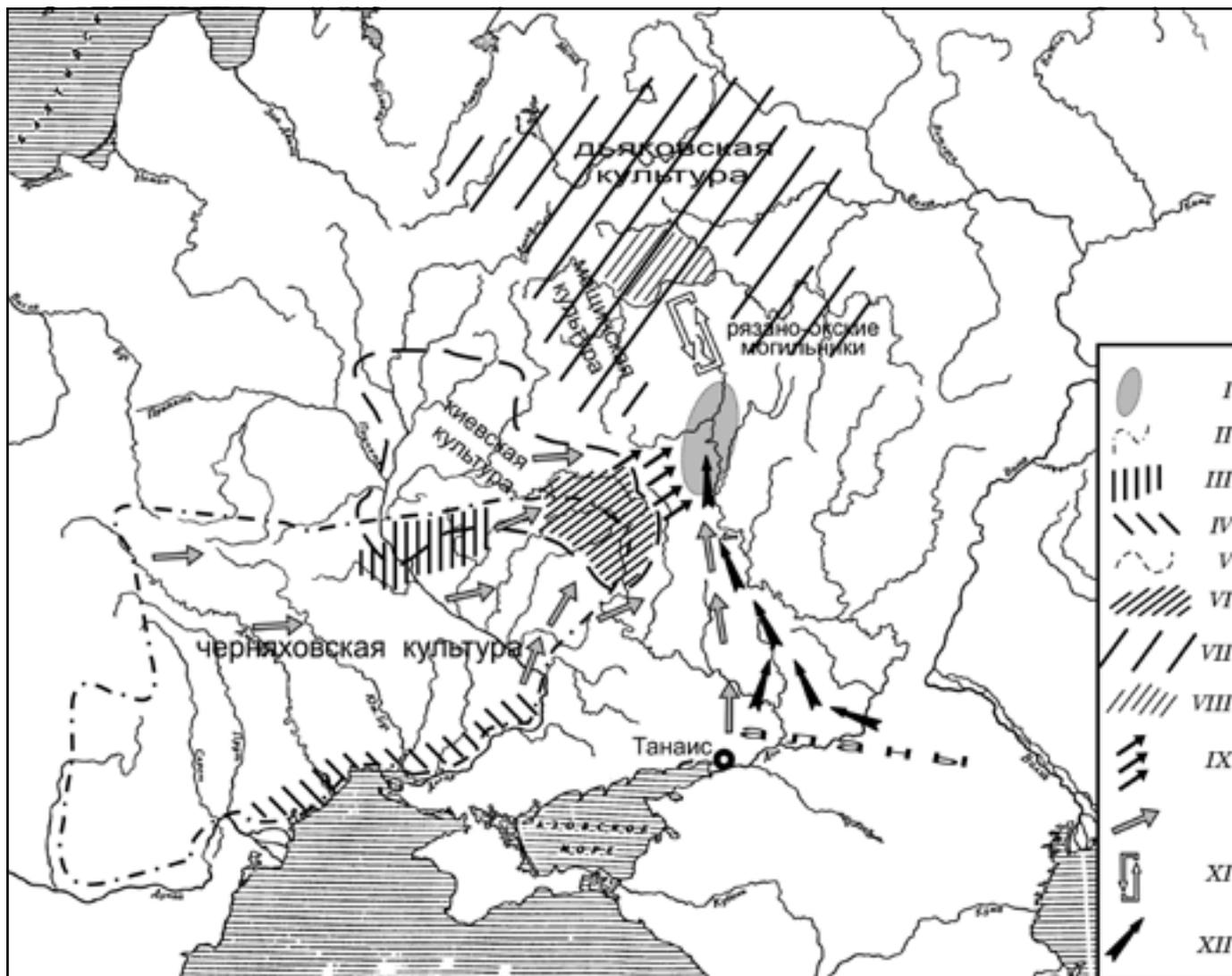

Рис. 10. Культуры Восточной Европы и пути миграции в бассейн Верхнего Дона в гуннское время.

- I — район распространения древностей типа Чертовицкое — Замятино;
- II — граница черняховской культуры (по Б. В. Магомедову);
- III — территория памятников «киевской традиции в черняхове»;
- IV — территория северочерноморско-нижнеднепровского варианта черняховской культуры;
- V — граница киевской культуры (по Р. В. Терпиловскому);
- VI — территория сейминско-днепровского варианта киевской культуры;
- VII — территория культур лесной зоны Поочья и Верхнего Поволжья (дьяковской, мощинской, рязано-окских могильников);
- VIII — окско-москворецкий регион;
- IX — направления основного потока мигрантов;
- X — направления малочисленных и смешанных миграций, либо культурных контактов и влияний;
- XI — торговый обмен и семейно-брачные связи;
- XII — направления экспансии

И. В. Гудименко, И. В. Толочко

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ДЕЛЬТЫ ДОНА

Активность заселения территории дельты Дона в позднеантичную эпоху имела разную интенсивность. После ряда катастрофических событий, апогеем которых стала гибель Танаиса около середины III в., плотность населения здесь резко снизилась. В IV в. возродилась жизнь в Танаисе. На правобережных городищах (Кобяковском, Кизитериновском, Сухо-Чалтырском, Крепостном и Подазовском) известны лишь отдельные случайные находки, синхронные эпохе «возобновлённого» позднеантичного Танаиса. На территории островной части дельты Дона сборы подъёмного материала и раскопки, проведённые в 1960-х — 2010-х гг., позволили выявить не только отдельные местонахождения керамики и единичные находки фибул (например, рис. 16: 6) позднеантичного времени (Дугино-II¹, IV², V³, Дугино-X «трасса»⁴, Узьяк III⁵), но и группу неукреплённых поселений и грунтовых могильников этой эпохи — Рогожкино-X, XII, XIII, Дугино-X, Крест, Пятибратний могильник. Введение в научный оборот и обсуждению этих материалов посвящена данная статья.

Характеристика ландшафта

В центральной части дельты археологические памятники приурочены, как правило, к большим массивам широтно вытянутых песчаных дюн — «бугров» (рис. 1: 2). Предполагается, что это остатки преобразованного эрозией коренного берега/террасы палео-Дона [Родионов, 1958; Миноранский, 2004]. Высоты отдельных дюн в пределах островной дельты достигают более чем 6 м над уровнем моря, много песчаных массивов имеют абсолютные высоты в пределах 3—4 м над уровнем моря, при этом площадь некоторых из них составляет десятки гек-

таров. Дюны и их массивы разделены многочисленными пересыхающими остатками ериков⁶ и мелкими озёрами («музгами»), составляя своеобразный ландшафтный комплекс со специфическим растительным и почвенным покровом. Этот природный комплекс подвергся сильному современному антропогенному воздействию и в настоящее время значительно видоизменён по сравнению со своим первичным состоянием.

На протяжении голоцена контуры дельты, как и береговые границы Таганрогского залива Азовского моря, а также уровень воды в низовьях Дона неоднократно менялись [Андрусов, 1926; Невеский, 1958; Балабанов, Измайлов, 1988; Хрусталеv, Щербаков, 1974; Фёдоров, 1973, Фёдоров, 1978; Попов, 1983; Мысливец, 2004]. Реконструкция очертаний Таганрогского залива в эпоху античности — во многом дискуссионный вопрос до настоящего времени. Наиболее распространённая в современной отечественной литературе концепция выглядит следующим образом. Около двух тысяч лет назад началась нимфейская трансгрессивная стадия Азово-Черноморского бассейна, которая достигла пика в первом тысячелетии н. э. На пике трансгрессии воды нимфейского моря почти целиком заполнили дельту Дона на расстоянии до десяти километров. Дальнейшее проникновение моря к востоку шло по северному и южному рукавам Дона, соединяющимися в приустьевой части морского лимана и образующими крупный остров в центральной части дельты [Зайцев, Зеленщиков, 2009. С. 125]. На территории этого острова в дельте Дона и сосредоточены известные к настоящему времени памятники позднеантичного времени.

¹ Коллекции археологических находок с территории дельты хранятся в фондах Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника. Находки на территории многослойного памятника Дугино II, ныне полностью уничтоженного, происходящие из сборов и шурфовок 1971—1973 гг. и 1980-х гг. составляют коллекцию АКМ, КП-26582/ ОА-571/1-38.

² Находки на территории многослойного памятника Дугино IV, ныне полностью уничтоженного, происходящие из сборов и шурфовок 1974 и 1980-х гг., составляют коллекции АКМ, КП-24863/ ОА-894 (рис. 16: 4); АКМ, КП-26584/ ОА-573/1-235; АКМ КВФ 12057/1-75.

³ Коллекция АКМ, КП-26474/ ОА-539/1-410, КВФ-11982/1-197.

⁴ Коллекция сборов 1989—1996 гг. с участка Дугино X — трасса: АКМ, КП-27067/ ОА 1-598 (в коллекцию входит фрагмент черняховского круглодонного сероглиняного кубка [Гудименко, 2000а. Рис. 1: 1]).

⁵ Раскопки А. Н. Масловского [Масловский, 2008. Рис. 14: 1, 3, 4, 7].

⁶ Ерик — узкая протока, соединяющая рукава реки между собой или с морем.

Описание памятников

Памятники Рогожкино-Х, XII, XIII находятся на территории хутора Рогожкино Азовского района Ростовской области. Поселения располагаются вдоль гирла Большая Кутерьма (Старый Дон), преимущественно на гряде, разделённой небольшими ериками (Кабачным, Зарайченсковым и Бубновым) и тянущейся на расстоянии около 5—6 км вдоль берега реки с северо-запада на юго-восток, в 100—160 м от берега. Гряда является прирусловым валом Большой Кутерьмы, сложенным преимущественно из незначительного почвенного слоя (толщиной не более 0,4 м), суглинков и песка. Высота гряды в конце 1950-х гг., согласно картам того времени, составляла около 1,5—1,9 м от уреза воды. В древности она, вероятно, была несколько выше, в паводки не затоплялась и была заселена с эпохи бронзы до позднего средневековья.

О сравнительно низком уровне паводков в этой местности свидетельствует описание Н. И. Краснова 1870 г.: в низовьях реки высота разлива постепенно уменьшается к устьям, и когда при Аксайской станице вода возвышается более 2 саженьей⁷, ... при Рогожкино — не более 1½ аршина⁸, а в самых гирлах — менее чем на 1 аршин⁹ [Краснов 1870. С. 6].

Группа археологических памятников, расположенных у хутора Рогожкино, была открыта ростовским краеведом М. Б. Краснянским и впервые появилась на составленной им археологической карте в 1920-х годах¹⁰. Наличие памятников «эпохи древности и средневековья» у х. Рогожкино было подтверждено разведками В. В. Веселова в 1957 г. [Веселов, 1957. С. 46].

Сборы на местности постоянно проводились с 1960-х годов и до последних лет включительно А. М. Завгородним, жителем х. Рогожкино. Нумерация пунктов с местонахождениями керамики дана согласно его информации.

Рогожкино-Х (рис. 1: 1). Многослойное поселение и могильник (эпоха поздней бронзы, первые века н. э., VIII—X вв., XIII—XIV вв., XVIII—XIX вв.). Находится на северной окраине х. Рогожкино, с восточной стороны Рыбного цеха [Чалый, 1982. С. 68—69 Ил. 131—135; Чалый, 1984. С. 45—47], на песчаной дюне у впадения ерика Кабачный в гирло Большая Кутерьма. По словам старожилов, дюна до 1970-х годов (начала интенсивной добычи песка в

дельте) достигала высоты около 3—3,5 м и не затоплялась даже в самые сильные наводнения¹¹.

В 1959—1960 гг. при добыче песка здесь были обнаружены четыре амфоры, лежавшие одна за другой, горлами в северном направлении. Несколько позже поблизости, к северо-востоку от местонахождения, были обнаружены лепной сосуд и группа амфор в вертикальном положении, на некоторых из них прослеживалась надпись, нанесённые красной краской. Амфоры были переданы в Азовский краеведческий музей. Все они были светлоглиняными и относились к типу D¹² [Чалый, 1982. С. 69]. В 1960-е гг. здесь периодически производились сборы подъёмного материала, представленного в основном фрагментами светлоглиняных амфор III—IV вв. н. э. и лепных сосудов¹³ [Гудименко, 2000. С. 272].

Стационарные раскопки памятника (расположение раскопов см. на рис. 2) впервые были предприняты в 1978 г. Д. В. Деопиком. Им было заложено несколько шурфов на месте находок амфор, обнаружено «несколько лепных сосудов-корчаг и амфор типа С-1-F» [Гудименко, 1987. С. 2]¹⁴.

Раскоп В. В. Чалого в 1983 г. состоял из квадратов 2 x 2 м, общая раскопанная площадь составила 64 м² [Чалый, Завгородний, 1983. С. 10](15)¹⁵. Были открыты четыре разновременных погребения и часть землянки эпохи поздней бронзы. Два из открытых погребений могут быть датированы позднеантичным временем.

Погребение 1 (рис. 3: 1). Очертания могильной ямы не прослеживались. Костяк взрослого человека располагался на левом боку, головой на юго-запад. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных суставах. У черепа над лицевой частью находилась сильно коррозированная железная фибула с плоской изогнутой спинкой и завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника (рис. 3: 4), за спиной — кремь (рис. 3: 3), у таза — несколько мелких фрагментов керамики. На расстоянии около 30 см к северу от ног находилась сероглиняная кружка, изготовленная на гончарном круге (рис. 3: 2), накрытая лепной крышкой (рис. 3: 5). У кружки низкое расширяющееся горло, округлое тулово, плоское дно, овальная в сечении ручка со стилизованным выступом сверху, которая прикреплена верхней частью к тулову при помощи штифта. Поверхность тулова — со следами горизонтального заглаживания, середина тулова де-

⁷ Т. е. более 4 м.

⁸ Около 1 м.

⁹ Менее 70 см.

¹⁰ Карта-схема древних городищ, нанесённая М. Б. Краснянским на карту «Донская дельта и Северо-восточная часть Таганрогского залива»: в книге П. Е. Беляевского «Донские гирла» (Второе дополненное издание Комитета Донских гирл. СПб., 1888), хранящейся в научно-справочной библиотеке Государственного архива Ростовской области, инв. № 551.4, 8051.

¹¹ Следует отметить, что существуют также убедительные свидетельства существования на протяжении последних десятков тысяч лет (с эпохи наибольшей постъюрмской аридизации климата до настоящего времени) значительных незатопляемых участков дюн близ Рогожкино и Обуховки [Набоженко, Шохин, Абдурахманов, Клычева, Марахонич, Олейник, 2012].

¹² Здесь и далее типы амфор, обозначенные латинскими буквами без указания автора классификации, даны по: Шелов, 1978.

¹³ Находки в фондах АКМ не обнаружены.

¹⁴ По классификации Д. В. Деопика и И. С. Каменецкого.

¹⁵ Данные о размерах раскопа приведены согласно публикации итогов работ [Чалый, Завгородний, 1983]. Однако на чертеже раскопа, представленного в отчёте, площадь раскопанного участка — около 80 м².

корирована неглубоким горизонтальным желобком. В тесте обильная примесь песчаных частиц, блёсток и мелких чёрных примесей. Крышка коническая, со скруглённым краем и цилиндрической ручкой.

Погребение 2 (рис. 3: 6). Очертания могильной ямы не прослеживались. Костяк взрослого человека плохо сохранился. Погребённый лежал скорчено на левом боку, головой на юг. У плеча обнаружен кремень (рис. 3: 7). На расстоянии около 50 см к северу от ног находился лепной горшок с врезным орнаментом из треугольников, расположенным на плечиках сосуда (рис. 3: 8). Стенки горла прямые, плавно расширяются кверху. Край венчика скошен наружу. Тулово сфероконической формы, максимально расширено в верхней трети высоты. Поверхность заглажена. Придонная часть тулова чуть вогнута, со следами пальцев мастера. Дно — с наплывами глины по периметру, образующими «бортик». Тесто тёмно-серое, рыхлое, с включением светлых (известковых?) частичек и мелких блёсток.

В 1984 г. В. В. Чалым были продолжены раскопки пункта Х. Было вскрыто около 100 м² площади памятника, исследовано тридцать одно разновременное погребение (в основном могилы, относящиеся к XVIII в.), остатки позднеантичной усадьбы; обнаружены обломки амфор типа F, два каменных жёрнова, обломки известняковых грузил (официальный отчёт о полевых исследованиях предоставлен не был)¹⁶.

В 1985 г. в связи со скоропостижной смертью В. В. Чалого исследования на памятнике не проводились.

В 1986 г. необходимость проведения спасательных раскопок была вызвана интенсивным разрушением памятника из-за выборок грунта, а также «находкой А. М. Завгородним трёх позднеантичных амфор типа С-1-Е, датированных IV веком нашей эры», в борту раскопа 1978 г. Д. В. Деопика [Гудименко, 1987а. С. 3]¹⁷. К южному борту раскопа Д. В. Деопика в 1986 г. И. В. Гудименко был прирезан и исследован раскоп площадью около 96 м². На вскрытом участке исследовано семнадцать разновременных погребений, датированных от эпохи античности до позднего средневековья, а также восемь «ситуаций»¹⁸, в культурном слое найдены фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. Характер «ситуаций», залежавших на незначительной глубине, неясен. Три погребения (№ 5, 8, 11) и шесть «ситуаций» (№ 1—4, 6, 8) могут быть отнесены к поздней античности.

Погребение 5. Могильная яма не прослежена. Погребение впущено в серый мешаный суглинок. Костяк разрушен, сохранились лишь отдельные

зубы. На этом же горизонте в 0,35 м от зубов найдена лепная миска (рис. 4: 2). Тулово полусферической формы, венчик с выделенным выступающим краем. Донце плоское, ровно заглажено. Поверхность коричневого цвета, подлощенная. Тесто тёмно-серое, рыхлое, с шамотом и светлыми известковыми включениями (толчёная ракушка?).

Погребение 8. Границы могильной ямы не прослежены. Погребение впущено в нижнюю часть слоя серого гумусированного суглинка, в месте перехода в белый стерильный песок, подстилающий культурный слой. Костяк разрушен, сохранился только один зуб. На одном горизонте с ним, на расстоянии около 6 см к юго-западу, обнаружен лепной горшок (рис. 4: 1). Тулово округлое, венчик отогнут наружу. Дно — с ложным «бортиком» из натёков глины по краю. Поверхность со следами заглаживания. Тесто тёмно-серое, рыхлое, с шамотом и светлыми известковыми включениями (толчёная ракушка?).

Погребение 11. Границы могильной ямы не прослежены. Впущено в серый мешаный суглинок. Костяк разрушен, сохранились несколько зубов. Инвентарь состоял из браслета (рис. 4: 13) и бус (рис. 4: 3—12). Браслет с перевитыми концами изготовлен из круглой в сечении бронзовой проволоки. Бусы представлены несколькими типами: округлая из прозрачного бесцветного стекла с внутренней позолотой (рис. 4: 9); четырнадцатигранная из синего полупрозрачного стекла (рис. 4: 6); неправильной в сечении формы, рубленые, из красно-жёлтого глухого стекла (рис. 4: 7; 6 экз.¹⁹); бочковидные из красного глухого стекла (рис. 4: 10; 2 экз.); округлой и цилиндрической формы из полупрозрачного зелёного стекла (рис. 4: 11; 9 экз.); округлые из полупрозрачного красноватобурого стекла (рис. 4: 12; 9 экз.); округлые из жёлтого глухого стекла (рис. 4: 8; 7 экз.); дисковидные пронизи из полупрозрачного грязно-синего стекла (рис. 4: 5; 4 экз.); крупная цилиндрическая из красноватобурого стекла (рис. 4: 3); округлая уплощенная из глухого чёрного стекла (рис. 4: 4).

«Ситуация 1». Представлена нижней частью горла светлоглиняной узкогорлой амфоры (тип неопределим) с плохо читаемым дипинти, нанесённым красной краской. Фрагмент найден в слое серого гумусированного суглинка.

«Ситуация 2». В слое серого гумусированного суглинка найдены две бронзовые двучленные лучковые фибулы с нижней тетивой, расплющенной спинкой и расширенной ножкой (рис. 4: 14, 15). Возможно, «ситуация 2» является полностью разрушенным погребением: среди позднеантичных могил из дельты Дона хорошо известны комплексы

¹⁶ Данные приведены по: Гудименко, 1987а; ссылка на с. 3: «Чалый В. В. Отчёт о раскопках пункта Рогожкино-Х в 1984 г. (черновик, Архив фондов археологии Азовского краеведческого музея, АКМ, КВФ-10190)». К моменту написания данной статьи черновик отчёта в Архиве не обнаружен. В фондах АКМ сохранилась коллекция из раскопок Рогожкино-Х в 1984 г. (АКМ, КП-24467/ ОА-382/1—22), в том числе сосуды, на которых сохранились полевые шифры: рис. 3: 10 — Рог-84-Х, погребение 26, КП-24467/ ОА 382/17; кв. 1а шт. 3, КП-24467, ОА 382/1. Судя по наличию почти целых сосудов и шифру на одном из них (рис. 3: 10, 9 — Рог-84-Х) вероятно, что некоторые погребения относились к позднеантичному времени.

¹⁷ В фондах АКМ в настоящий момент хранится одна целая амфора и фрагменты второй, третья из найденных амфор была передана на хранение в фонды АМЗТ (КП-277/3). Все амфоры относятся к типу Е.

¹⁸ «Ситуация» здесь и далее — отдельная находка или скопление находок без следов погребения.

¹⁹ Количество бус дано по числу сохранившихся в коллекции.

с двумя фибулами, в том числе и лучковыми [Гудименко, 1993. С. 110—111. Рис. 2: 1, 2; 1998. Табл. XXV: 4—7].

«Ситуация 3». На границе слоя серого гумусированного суглинка и стерильного кварцевого песка белого цвета найдено горло светлоглиняной узкогорлой амфоры типа E с профилированными ручками с надписью-дипинти в четыре строки, нанесённой красной краской (рис. 5: 9)²⁰, и развал серолощёного сосуда, сделанного на гончарном круге (рис. 4: 16). У кувшина раструбообразное горло, высокое округло-биконическое тулово. Дно плоское. Ручка овальная в сечении, в верхней части — со стилизованным зооморфным налепом. На поверхности тулова — следы вертикального лощения. На дне и в придонной части — сквозные круглые отверстия (следы реставрации в древности). В тесте серого цвета, средней зернистости — примеси песка (мельчайшие и средние по размерам частички), а также известковые включения.

«Ситуация 4». Зафиксирована на границе дернового слоя и серого гумусированного суглинка. Представлена развалом лепного толстостенного горшка-корчаги (рис. 6: 32). Корчага с массивными стенками, чуть вогнутым в центральной части дном и отогнутым наружу венчиком с утолщенным краем. Тесто тёмно-серое, рыхлое, с мелкими светлыми включениями. Внешняя поверхность серо-коричневая, со следами заглаживания.

«Ситуация 6». В слое серого гумусированного суглинка найден массивный лепной горшок-корчага (рис. 5: 1). Горло расширяется к венчику. Тулово сфероконической формы, дно плоское, чуть вогнутое в центральной части. Поверхность светло-коричневая, грубо заглаженная. Глина грубая, с большим количеством крупнодроблёного шамота.

«Ситуация 8». В слое серого гумусированного суглинка найдена верхняя часть светлоглиняной узкогорлой амфоры типа F с плохо сохранившейся надписью-дипинти на горле (рис. 6: 31).

Отдельные находки. На территории памятника А. М. Завгородним были собраны находки, переданные в АКМ, среди них — краснолаковая чашка (рис. 4: 17) и верхняя профильная часть оранжевоглиняной амфоры типа Делакеу (рис. 5: 10).

В 1987 г. сотрудниками АКМ было доследовано погребение, обнаруженное А. М. Завгородним поблизости от раскопа 1986 г.

Погребение 1 (рис. 6: 1). Форма могильной ямы не прослежена. Костяк взрослого человека располагался вытянуто на спине, головой на север. Руки были уложены вдоль туловища. У левого плеча погребённого найдена фрагментированная бронзовая двучленная лучковая фибула с нижней тетивой, расширенной ножкой и дужкой из массивного стержня (рис. 6: 4). На груди было обнаружено плохо сохранившееся бронзовое зеркало с боковым ушком-петелькой, которое распалось при расчистке. Рядом

с ним лежал предмет трапециевидной формы из тонкой бронзовой пластины, предположительно подвеска-амулет (рис. 6: 3). Вдоль боковых сторон предмета пробито по 3—4 ряда сквозных отверстий небольшого диаметра.

В ногах погребённого находился лепной горшок (рис. 6: 5). Венчик прямой, отогнутый, край скошен наружу. Тулово сфероконическое. Дно плоское. Плечики декорированы четырьмя налепами. На поверхности — следы заглаживания. Тесто рыхлое, тёмно-серое, с частицами крупнодроблёного шамота. Возле горшка обнаружено биконическое лепное пряслице, небрежно сформованное из грубой коричневой глины и неравномерно обожжённое (рис. 6: 2).

На шее и щиколотках погребённого были обнаружены бусы, представленные несколькими типами²¹: округлые прозрачного бесцветного стекла с закраинками вокруг отверстий (рис. 6: 6; 3 экз.); рубленный бисер (21 экз.) и округлые миниатюрные бусины, составленные в столбик по две, из фиолетово-чёрного глухого стекла (рис. 6: 7; 2 экз.); рубленный бисер синего глухого стекла (рис. 6: 8; 2 экз.); округлые миниатюрные бусины синего глухого стекла (рис. 6: 9, 10; 42 экз.); дисковидные пронизи полупрозрачного грязно-синего стекла (рис. 6: 11; 5 экз.); гиревидные из полупрозрачного зелёного стекла (рис. 6: 12; 4 экз.); округлые поперечно-сжатые и бочковидные из зелёного полупрозрачного стекла (рис. 6: 13, 38 экз.), округлые из жёлтого глухого стекла (рис. 6: 14; 7 экз.); округлые и бочковидные из полупрозрачного грязно-синего стекла (рис. 6: 15, 16 экз.).

На рис. 5: 2—8 даны находки 1987 г. **из культурного слоя**. К сожалению, данных об их контексте не сохранилось.

В 1991 г. на памятнике в результате строительных работ на участке площадью около 170 м² на глубину около 0,7 м был снят культурный слой, разрушены погребения. В марте и июне 1991 г. работы на раскопе велись А. М. Завгородним и Д. В. Деопиком, в июле — августе — отрядом «Дельта» АКМ во главе с И. В. Гудименко. В результате спасательных работ был доследован культурный слой позднеантичного поселения, открыты «ситуации» 9—12 (найжены лепной сосуд-корчага и пять светлоглиняных узкогорлых амфор типа F), а также погребения XIV и XVIII вв. [Гудименко, 1992. С. 48. Ил. 151].

Рогожкино-XII (рис. 1: 1). Местонахождение представляет собой поселение и грунтовый могильник, расположенные на левом и частично на правом берегах Зарайченского (Зарайченкова) ерика, у впадения притока в Большую Кутерьму. Памятник многослойный: поздняя античность (III—IV вв.) и средневековье (вторая половина X — начало XIII в.). В обнажении левого берега чётко прослеживаются культурный светло-золистый античный слой и заполнения хозяйственных ям. В большом количестве

²⁰ Прорисовка надписи здесь дана по: Гудименко, 2000. С. 274. Рис. 3: 3.

²¹ Ниже описаны бусы, сохранившиеся в коллекции, но на рис. 6: 7—30 приведены все доступные изображения.

встречен подъёмный материал, в основном в виде фрагментов лепной и амфорной керамики. Мощность культурного слоя в обнажениях берега не превышает 1 м.

По рассказам местных жителей, из берегов неоднократно вымывались человеческие скелеты. При обследовании разрушений правого берега ерика А. М. Завгородним были обнаружены бронзовые фибулы (рис. 7: 2—5) и бронзовая подвеска с выемчатой эмалью (рис. 7: 1; [Безуглов, Гудименко, 1993. Рис. 1—2. С. 169—174]). В разные годы на поселении найдены десять бронзовых боспорских монет, чеканенных в хронологическом интервале от Савромата II (174—210 гг.) до Ининфимея (234—239 гг.).

В 1983 г. небольшие раскопки на поселении провёл В. В. Чалый. Раскоп 1983 г. располагался на левом берегу ерика, в районе его впадения в Большую Кутерьму, в 100 м к востоку от неё. Исследованный участок отделён от Большой Кутерьмы пологим берегом. Ерик имеет крутые обрывистые берега высотой до 2 м и разрезает северный край поселения. Ширина ерика составляет около 10—20 м, глубина в безветренную погоду — около 1,5—1,8 м. Оба берега ерика интенсивно разрушаются. Наибольшее разрушение происходит во время периодов, когда дует «низовка» — западный ветер, который несёт потоки воды из Азовского моря.

Общая площадь раскопа В. В. Чалого в 1983 г. составила 104 м². Было открыто двадцать четыре ямы, полуземлянка («жилище 1») и шесть безынвентарных грунтовых погребений. Большинство ям и «жилище 1», согласно отчёту о раскопках, относились к позднеантичному времени²². Четыре ямы (№ 18—20 и 23), по мнению автора отчёта, относились к эпохе средневековья (около X—XII вв.). Выразительные находки происходят и из культурного слоя (например, рис. 7: 9 — 11).

Позднеантичные **ямы** имели небольшую глубину (около 0,2—0,7 м), одинаковое заполнение — светло-серый золистый грунт, мешанный с песком; были округлой или неправильной округлой формы в плане, диаметром около 1 м; в разрезе — конусовидной формы, расширяющейся или сужающейся ко дну. В заполнении обнаружены немногочисленные фрагменты обломки амфор типов Е, Делакеу, обломки ручек светлоглиняных амфор типов D и F, лепная керамика (рис. 7: 6—8, 12), кости животных, иногда — точильные камни и рыболовные грузила из известняка.

«**Жилищем 1**»²³ названо углубление овальной в плане формы, вытянутое по оси ССВ — ЮЮЗ. Размеры по верхнему контуру — 3,30х4,90 м; ко дну сужается; высота стенок — 0,4—0,5 м. У северо-западной стенки выявлен уступ, его ширина до 0,5 м, длина 2,6—2,7 м, высота от дна 0,2—0,25 м. Уступ состоял из чистого материкового песка и, вероятно, мог выполнять функцию лежанки или порога у входа в жилище. Под лежанкой прослежена тонкая

серая песчано-золистая прослойка толщиной около 4—5 см, содержащая около десятка обломков стенок светлоглиняных амфор. Эта прослойка прослежена и на других участках «жилища 1» и расположена на 0,1—0,15 м ниже пола. Большая часть заполнения «жилища 1» содержит мешанные находки эпохи античности и средневековья. Наблюдения и стратиграфическая фиксация показывают, что не потревоженный поздними перекопами античный слой в «жилище 1» сохранился лишь в северной части, его мощность не превышает 0,3 м. По наблюдению автора раскопок, средневековые ямы (№ 18, 20, 23) сооружались в тот момент, когда дно котлована «жилища 1» было засыпано грунтом.

В ямах, датированных В. В. Чалым в пределах первой половины III в. н.э., собран значительный **остеологический материал** (кухонные остатки из культурного слоя и хозяйственных ям). Анализ костей опубликован [Кожевникова, 1985. С. 19—21]. Среди определимых (1348 штук) костных остатков преобладают кости рыб (78,6%) — белуги, осетра, севрюги, стерляди, щуки, сома, судака, сазана, жереха, тарани и леща. Среди останков домашних животных наиболее многочисленны кости мелкого рогатого скота, преимущественно овец (146 экз., как минимум от 12 особей), крупному рогатому скоту принадлежало 57 костных фрагментов (минимум от 4 особей), 29 — лошади (минимум от 2 особей), 22 — собаке (минимум от 4 особей). Половина мелкого рогатого скота забивалась в возрасте старше двух лет, что может свидетельствовать о достаточно хорошей кормовой базе не только в летний, но и в зимний период. В целом, рост и параметры костей домашних животных не имеют существенных отличий от размеров костей скота степной зоны античного времени [Кожевникова, 1985. С. 20].

Рогожкино-XIII (рис. 1: 1). Памятник многослойный (поздняя античность, VIII—IX вв.), располагается на юго-восточной окраине х. Рогожкино. Общая площадь, занятая поселением, составляет около 0,5 га. И. В. Гудименко в 1985, 1987, 1988 и 1993 гг. раскопана значительная часть поселения — возможно, оно исследовано почти полностью. Большая часть памятника находилась на территории старого школьного сада; раскопанный участок не был занят насаждениями и в течение долгого времени подвергался интенсивному разрушению в результате выборки плодородного культурного слоя местными жителями. Поэтому мощность культурного слоя, изначально составлявшая около 1—1,20 м, к моменту раскопок была не более 0,1—0,35 м, а в некоторых местах культурный слой был уничтожен полностью выборкой грунта до материковой глины.

На территории поселения неоднократно проводились сборы, которые дали многочисленный материал, в основном представленный находками фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками (рис. 8: 1, 8; 9: 1—9,

²² В фондах Азовского музея находки из раскопок Рогожкино-XII в 1983 г. сохранились частично (коллекция АКМ КП 24626/ ОА 408).

²³ К сожалению, в отчёте приведены только описание и фото.

14, 15; 10: 11; 11: 1), лепных горшков, мисок и крышек (рис. 8: 2, 5, 6; 9: 11—12; 10: 3, 5), единичными обломками керамики, сделанной на гончарном круге, в основном мисок (рис. 9: 10), каменными оселками (рис. 8: 4), рыболовными грузилами из известняка и обломков ручек светлоглиняных амфор (рис. 8: 3, 7), пряслицами (рис. 9: 13; 10: 6).

В результате исследований **1985, 1987, 1988 и 1993 г.** была вскрыта площадь поселения и могильника размером около 850 м², исследовано 106 хозяйственных ям, 15 «траншей» (полукруглых в сечении углубленных в материковый грунт на глубину около 0,3—0,9 м удлинённых земляных конструкций шириной 0,1—0,30 м, заполненных камнями и обломками керамики), пять погребений и одно «жилище», датированные позднеантичным временем.

Ямы (рис. 12: 1) округлой в плане формы, с отвесными, сужающимися или чуть расширенными ко дну стенками, глубиной 0,5—1,1 м. Заполнение — гумусированный мешаный грунт с многочисленными обломками амфорной и лепной керамики, чешуёй и костями рыб и животных. Функциональное назначение ям могло быть различным.

В яме 27/1985 г., предположительно использовавшейся как «хранилище», на дне найден стоявший вверх дном большой, изготовленный на гончарном круге сероглиняный кувшин с низким горлом и отогнутым венчиком (рис. 10: 1). Тулово со следами вертикального лощения, плечики украшены орнаментом в виде пролощенных треугольников. В этой же яме найдены фрагменты лепных горшка-корчаги (рис. 10: 2) и крышки, обломки каменного рыболовного грузила и светлоглиняных амфор, в том числе — горло амфоры типа F.

Яма 37/1987 г., вероятно, также использовалась как «хранилище» или склад амфорной тары. Она была доверху наполнена узкогорлыми светлоглиняными амфорами с профилированными ручками типа F. Общее количество амфор, целых и фрагментированных, — около двадцати (рис. 10: 10; 11: 2—6; 12: 4, 5; 15: 3, 4; 16: 1, 2).

Из остальных ям происходят керамические пряслица (рис. 10: 7; 12: 3), фрагменты посуды (рис. 10: 4; 15: 2, 5, 6; 16: 3), костяной инструмент (рис. 12: 6), многочисленные обломки светлоглиняных амфор. Ямы, по-видимому, могли использоваться для сброса хозяйственных отходов, для хранения или засолки рыбы, что подтверждается большим количеством найденных в них рыбьих костей и чешуи, а также находками в ямах или на краю ям обломков ракушечника, который мог использоваться в качестве гнёта при засолке рыбы.

«Жилище» 4/1987 г. (рис. 14: 20). Глубина — около 0,9 м от уровня материка. Округлой в плане формы (3,2 x 3,6 м) с полукруглым «выступом» с южной стороны, образованным четырьмя «ступеньками». Входом ориентировано на юг. Стенки сравнительно ровные, покрыты глиняной обмазкой, высота сохранившихся стенок — 0,96 м. В западной части — глинистые «лежанки» аморф-

ной формы, вытянутые вдоль западной и частично вдоль северной стенки. Вход представляет собой четыре ступеньки — две высокие, округлой формы, и две вытянутые, узкие, неровные. На второй от верха ступеньке лежал скелет взрослого человека («погребение 19»).

Заполнение «жилища» неоднородно. В верхней части (на глубине 1—2 штыка) — чёрный мешаный песчанистый грунт с большим количеством обломков светлоглиняных амфор и лепных сосудов, многочисленными костями рыб и животных (рис. 14: 16, штык 2; рис. 14: 19—21 — штык 1). Ниже — слой горелой обмазки стен, в котором встречены: роговая проколка с тщательно отполированной поверхностью; глиняное серолощёное пряслице биконической формы, с овальными фасетками по ребру (рис. 14: 18); горло амфоры типа E (рис. 15: 1). Часть керамики найдена на уровне 3 и 4 штыка (рис. 14: 14, 15, 17). Ниже горелого слоя расчищен тонкий (около 5 см) слой чистой зеленоватой глины (подмазка пола землянки?), ниже — прослойка чёрной сажи толщиной 3—5 см. По всей площади дна землянки прослежено около восьми прослоек чистой глины и сажи. В прослойках сажи обнаружены большое количество остатков костей рыб осетровых пород и мелкие обломки стенок светлоглиняных амфор. Дно землянки ровное, чуть повышающееся в южной части. Помещение, предположительно, погибло в результате сильного пожара.

Погребение 19 (рис. 14: 20). Обнаружено при исследовании «жилища 4», на второй от верха ступеньке. Останки, принадлежавшие мужчине 35—45 лет²⁴, лежавшего в позе «упавшего навзничь», по-видимому, не являются захоронением. Поза костяка и большое отверстие в черепе, пробитом острым предметом, вероятно, являются свидетельством внезапной насильственной смерти умершего.

В **1987 г.** был исследован участок грунтового некрополя поселения Рогожкино-XIII, разрушенный землеройной техникой в результате выборки глины местными жителями. В ходе раскопок было открыто шесть погребений, относящихся к поздней античности (№ 10—14, 16). Захоронения располагались компактной группой на участке общей площадью около 80 м² и, вероятно, или имели небольшие могильные насыпи, или были сооружены одновременно — они находились на одинаковом расстоянии друг от друга, и были впущены в материковую зеленоватую-серую глину на примерно равную глубину — от 0,8 до 0,97 м.

Погребение 10 (рис. 13: 1). Южная часть разрушена скрепером. Судя по сохранившейся части, могила имела в плане узкую вытянутую форму, скруглённые углы. Костяк женщины 15—17 лет лежал скорченно на левом боку, головой на север. Руки согнуты в локтях, сложены вместе. Кисти рук — перед лицевой частью черепа. Череп — с заметно выраженными следами искусственной деформации. Под нижней челюстью погребённой найдена железная фибула (рис. 13: 6). На шейных позвонках или

²⁴ Определения костных останков человека выполнены м.н.с. ЮНЦ РАН А. О. Афанасьевой (см. приложение 1).

под ними — бусы²⁵ стеклянные восьмёрковидные (рис. 13: 2) жёлтого глухого стекла (11 экз.), голубовато-зеленого полупрозрачного стекла (11 экз.), голубого прозрачного (17 экз.), а также дисковидные из полупрозрачного грязно-синего стекла (рис. 13: 4; 6 экз.); перламутровые крестовидные подвески (рис. 13: 3; 2 экз.), фигурная перламутровая пластина, из которой была вырезана крестовидная подвеска (рис. 13: 5).

Погребение 11 (рис. 13: 8). Южная часть разрушена скрепером. Форма могильной ямы, судя по сохранившейся части, — овальная в плане. Костяк мужчины старше 50 лет вытянут на спине, головой на северо-восток. Череп — с хорошо выраженными следами искусственной деформации. В районе верхней части грудной клетки на позвоночнике найдена железная фибула (рис. 13: 9). Между левой плечевой костью и стенкой могильной ямы найден фрагмент бронзового зеркала с боковой петлей (рис. 13: 7).

Погребение 12 (рис. 13: 10). Южная часть разрушена скрепером. Форма могильной ямы, судя по сохранившейся части, — узкая, длинная в плане, со скругленными углами. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 13 (рис. 13: 11). Могильная яма узкая, вытянутой формы, со скругленными углами, длинными сторонами ориентирована по оси СВ—ЮЗ. Ширина ямы по дну в средней части — 0,45 м. Костяк взрослой женщины 30—40 лет располагался вытянуто на спине головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги уложены параллельно. На правой и левой височных костях найдены бронзовые серьги-колечки, свитые в три оборота (рис. 13: 14, 15). В районе верхней части левой плечевой кости — железная фибула (рис. 13: 12). В районе верхней части грудной клетки, на груди — аналогичная фибула (рис. 13: 13). Под второй фибулой, на позвоночнике — фрагмент бронзового зеркала (рис. 13: 16). На верхней части правой плечевой кости — железная сьюльгама (рис. 13: 18). На верхней части левой плечевой кости — согнутая вдвое железная пластина, возможно, от ламеллярного панциря (рис. 13: 49). В погребении пластина, вероятно, использовалась как украшение или амулет: к отверстиям были подвешены бронзовые колечки-спиральки, согнутые из круглой в сечении проволоки (рис. 13: 47—48), костяные поделки, рассыпавшиеся при расчистке, а также две стеклянные бусины: красная (рис. 13: 45) и голубая (рис. 13: 46). Ниже пластины находились железная пряжка (рис. 13: 19) и бронзовая заклепка с грибовидной шляпкой (рис. 13: 17). На шее, в верхней части груди и на щиколотках ног расчищено большое количество бусин из стекла (рис. 13: 20—25, 27—43), в том числе²⁶: рубленный бисер (рис. 13: 31, 35, 39, 42) жёлтого (71 экз.) и голубого (62 экз.) стекла, уплощенные подпрямоугольной в сечении формы голу-

бого глухого стекла (рис. 13: 23; 7 экз.), подпрямоугольной формы со скругленными углами жёлтого глухого стекла (рис. 13: 28; 8 экз.), неправильной формы глухого светло-голубого стекла (рис. 13: 37; 4 экз.), уплощенно-подквадратной формы глухого голубого стекла (рис. 13: 34; 7 экз.), мелкие округлые бусины зеленоватого полупрозрачного стекла (рис. 13: 20; 18 экз.), подквадратные светло-коричневого полупрозрачного стекла (рис. 13: 29, 32, 36, 41; 6 экз.), дисковидные глухого синего стекла (рис. 13: 38; 2 экз.), сдвоенные почковидные (рис. 13: 30) глухого светло-жёлтого (15 экз.), глухого голубого и зеленоватого-синего (15 экз.) стекла, округлые с внутренней позолотой (рис. 13: 26; 12 экз.), а также четырнадцатигранная бусина из сердолика (рис. 13: 22). Несколько рядов бус лежало у ног. На щиколотке правой ноги — рубленный бисер белого глухого стекла (60 экз.), бусы уплощенной подпрямоугольной формы полупрозрачного белого стекла (рис. 13: 21; 32 экз.), мелкие цилиндрические бусины зеленоватого-синего стекла (рис. 13: 27; 11 экз.). На щиколотке левой ноги — бусы уплощенной подпрямоугольной в сечении формы полупрозрачного белого стекла (31 экз.), бочковидные белого глухого стекла (рис. 13: 33; 10 экз.), подпрямоугольные со скругленными углами глухого сине-зелёного стекла (рис. 13: 43; 6 экз.).

Погребение 14 (рис. 14: 1). Могильная яма узкая, вытянутая по линии СВ—ЮЗ. Останки взрослой женщины располагались вытянуто на спине, головой на СВ. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, левая согнута в локте, уложена на туловище. Левая нога вытянута, правая согнута в коленном суставе. На шее погребённой и на ногах расчищены бусы: бочковидные белого непрозрачного стекла (рис. 14: 7; 10 экз.), подквадратной в сечении формы (2 экз.), вытянутые ромбовидные в сечении синего глухого стекла (рис. 14: 4; 8 экз.), четырнадцатигранная (рис. 14: 12) из полупрозрачного синевато-чёрного или фиолетового стекла, бочковидные бесцветного прозрачного стекла с внутренней позолотой (рис. 14: 11; 10 экз.), а также янтарная (рис. 14: 13). На ногах бусины лежали в несколько рядов. Много бус рассыпалось, остальные покрыты патиной — светлого белёсого и желтоватого цветов.

Погребение 16 (рис. 19: 32). Могильная яма округлой формы. Костяк развёрнут на правый бок, головой на север. Левая рука согнута в локтевом суставе, кисть — под нижней челюстью. Правая рука — вдоль туловища, чуть согнута, кисть — на правом крыле таза. Ноги согнуты в коленных суставах, правая нога завалилась влево. Стопы ног сведены вместе. На левой височной кости — бронзовая серьга с бусиной из бронзы (рис. 19: 31). В районе шеи расчищены бусы, имеющие в сечении форму прямоугольника со скругленными углами (рис. 19: 27), полупрозрачного белого (9 экз.) и голубого (3 экз.), непрозрачного жёлтого (9 экз.) стекла; ци-

²⁵ Количество бус дано по числу сохранившихся в коллекции.

²⁶ Здесь и ниже описаны только бусы, сохранившиеся в коллекции.

линдрические светло-синего полупрозрачного стекла (рис. 19: 28; 2 экз.) и две сине-зелёные деформированные бусины (рис. 19: 29, 20).

Показательные находки происходят и **из культурного слоя** памятника (рис. 10: 8; 12: 2) или более поздних объектов, например амфора (рис. 10: 9) из «землянки 1985 г.»²⁷ начала — первой половины XX в.

Могильник «Пять братьев», южная пола кургана 10 (рис. 1: 1). Группа курганов «Пять братьев» расположена на восточной окраине курганного могильника Елизаветовского городища, неподалёку от хутора Колузаева, на возвышенной части островной дельты Дона. В **1976 г.** в результате спасательных раскопок П.А. Ларенком была доследована разрушенная пола кургана 10 [Ларенок, 1977]. В южную полу кургана, относящегося, вероятно, к эпохе бронзы, были впущены позднеантичные погребения 19, 26 и 28.

Погребение 19 (рис. 17: 1). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, со скруглёнными углами, ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Костяк подростка (?) располагался вытянуто на спине, головой на ССВ. Северная часть могилы и череп погребённого были перекрыты известняковыми плитами. На правом виске обнаружены бронзовые серьги (рис. 18: 17, 13), справа книзу от черепа — низка мелких стеклянных биконических бусин полупрозрачного тёмно-синего стекла (рис. 18: 4).

В изголовье найдены краснолаковая чаша (рис. 18: 2) и лепной горшок (рис. 18: 1). Между горшком и чашей и под горшком найдены бронзовое зеркало (рис. 18: 15), два бронзовых колокольчика (рис. 18: 17—18), железная трубочка, вероятно игольница (рис. 18: 11), и бусы следующих разновидностей: цилиндрической формы чёрного глухого стекла с фестонобразным орнаментом из нитей белого, желтоватого и голубого глухого стекла (рис. 18: 6; 8 экз.), уплощённо-бочковидной формы чёрного глухого стекла, одинарные и составленные в столбики по две и по три бусины, с поперечно-волнистым орнаментом из желтоватого глухого стекла (рис. 18: 3, 5, 9; 15 экз.), уплощённо-бочковидной формы чёрного глухого стекла (рис. 18: 7; 8 экз.), биконические светло-жёлтого глухого стекла, покрытые коричнево-серой патиной (рис. 18: 4; 41 экз.).

К югу от краснолаковой чаши находились бронзовая (рис. 18: 12) и железная (рис. 18: 14) фибулы. На бронзовую фибулу было надето бронзовое колечко с шпильками (рис. 18: 8). У южной стенки могилы было расчищено глиняное пряслице (рис. 18: 10).

Погребение 26 (рис. 17: 2). Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, со скруглёнными углами, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Была перекрыта закладом из известняковых камней. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. В изголовье у северной стенки ямы найдены лепной горшок (рис. 18: 22),

железный нож (рис. 18: 23) и агатовая бусина (рис. 18: 21).

В насыпи над юго-западным углом погребения найдены обломки узкогорлой светлоглиняной узкогорлой амфоры с профилированными ручками (рис. 18: 19) типа D.

Погребение 28 (рис. 17: 3). Могильная яма вытянутой формы, со скруглёнными углами, ориентирована по линии С—Ю. Могила разрушена, в верхней части ямы обнаружены камни, хаотично располагавшиеся в заполнении. Разрозненные кости погребённого были найдены в беспорядке на дне ямы. В заполнении могилы под западной стенкой найдены два лепных горшка (рис. 19: 1, 25) и глиняное пряслице (рис. 19: 2), под восточной стенкой — бронзовая фибула (рис. 19: 20), а также плохо сохранившаяся бронзовая подвеска. Железная фибула (рис. 19: 19), фрагмент бронзового зеркала (рис. 19: 3), железная трубочка, возможно игольник (рис. 19, 26), и бусы (рис. 19: 4—18, 21—24) расчищены у северной стенки могилы. На шее погребённой расчищено ожерелье, состоявшее из 120 янтарных бусин и их фрагментов, 30 сердоликовых и 66 стеклянных бус. Большое количество бусин рассыпалось при расчистке. В коллекции сохранились бусы следующих разновидностей: янтарные короткие цилиндрические с выступающим торцами (рис. 19: 12; 59 экз.), в виде короткого цилиндра (рис. 19: 11, 14, 17, 18, 21; 31 экз.), короткие бочковидные (рис. 19: 6; 7 экз.); сердоликовые четырнадцатигранные (рис. 19: 4; 8 экз.); уплощённо-бочковидной формы чёрного глухого стекла с поперечно-волнистым орнаментом из желтоватого глухого стекла (рис. 19: 7), четырнадцатигранные темно-фиолетового полупрозрачного стекла (рис. 19: 5; 17 экз.), бочковидной формы бурого глухого стекла (рис. 19: 13; 2 экз.), округлая поперечно-сжатая бурого глухого стекла (рис. 19, 15), биконические мелкие тёмно-синего полупрозрачного стекла (рис. 19: 22—24; 57 экз.), округлой формы бесцветного прозрачного стекла с внутренней позолотой (рис. 19: 16; 1 экз.).

Дугино-Х и урочище Крест (рис. 1: 1). Комплекс одновременных поселений и грунтовых могильников Дугино-Х (энеолит, эпоха средней и поздней бронзы, V—III вв. до н. э., эпоха поздней античности, раннее и позднее средневековье) расположен на нескольких песчаных дюнах на расстоянии в 1 км к северу от х. Дугино. С запада к памятнику примыкает большая песчаная дюна с заброшенным казачьим кладбищем (урочище Крест).

В результате спасательных работ **2009 г.** были обнаружены **погребение 24** в урочище Крест (впущено в дюну) и грунтовые **погребения 45, 47, 49** в Дугино-Х, относящиеся к позднеантичному времени [Прокофьев, 2012. С. 220—223. Рис. 1]. Захоронения были совершены в вытянутых узких могильных ямах со скруглёнными углами. Ориентировка костяков в северном и северном с небольшим отклоне-

²⁷ Ларенок П. А. Отчёт о спасательных раскопках в Азове и Азовском районе в 1985 г. Азов, 1986 г. // Архив АКМ, КВФ 10617/1, с. 21, 22.

нием к востоку секторе. Погребальный инвентарь состоял из лепных и изготовленных на гончарном круге сосудов (в том числе — рис. 20: 1—4), расплющенных в изголовье костяков, бронзовой пряжки (погр. 45; рис. 20: 6), бронзовой (погр. 47; рис. 20: 5) и железной (погр. 45) фибул²⁸.

Некрополь Подазовского городища. В комплексе вещей *из разрушенного погребения* грунтового некрополя Подазовского городища, исследованного Л. М. Казаковой в 1962 г., были найдены: аналогичная открытым на Рогожкино-Х миниатюрная двучленная лучковая бронзовая фибула с расширенной ножкой (рис. 16: 5), билоновая витая серьга с расплющенным щитком и чёрной глухой стеклянной вставкой (рис. 16, 7; вставка не сохранилась), витой железный браслет²⁹ [Гудименко, 1994. С. 13 —15]. Данных о форме могильной ямы нет.

Общая характеристика

Постройки на поселениях. Из-за плохой сохранности культурного слоя данных о жилых и хозяйственных сооружениях населения дельты Дона позднеантичного времени немного. Достоверно известно об одном, очевидном жилом сооружении, погибшем в результате пожара — «жилище 4/1987 г.», раскопанном в Рогожкино-ХIII (рис. 14: 20). Котлован жилища округлой в плане формы, ориентирован входом с четырьмя ступеньками на юг. Стены и пол были покрыты глиняной обмазкой. Возможно, к сооружению жилых или хозяйственных построек относились исследовавшиеся на этом же поселении «траншеи» шириной 0,1—0,3 м. Вероятно, жилой постройкой было «жилище 1», открытое на поселении Рогожкино-ХII в 1983 г. — котлован овальной в плане формы, с уступом у входа — лежанкой или порогом.

Ямы имели глубину до 1,1 м, были округлой или неправильной округлой формы диаметром около 1 м, в разрезе — конусовидной формы, расширяющейся или сужающейся ко дну. Ямы, судя по характеру находок, использовались по-разному: как хранилища для сброса хозяйственных отходов, для хранения или засолки рыбы.

Керамика с поселений. Для характеристики находок на поселениях типа Рогожкино показателен материал из Рогожкино-ХIII. Поселение было исследовано почти полностью, примесь средневекового материала здесь сравнительно небольшая. Согласно полевой описи³⁰, при раскопках позднеантичных хозяйственных ям и жилища найдено сто сорок предметов (см. таблицу), из них количество находок целых светлоглиняных амфор типа F и их фрагментов, в том числе амфорных ручек, использовавшихся в качестве рыболовных грузил, составляет 51% (71 единица) и лишь по одному фрагменту профильных частей амфор типа E и Зеест 100/Делакеу. Количество лепных сосудов и их обломков

составляет около 30% (32 находки). Краснолаковая керамика представлена лишь тремя фрагментами (2,1%), серолощённая изготовленная на гончарном круге посуда — шестью (4,3%).

Название находок	Количество (единицы)	Количество (%)
Лепные сосуды, целые	2	1,38
Лепные сосуды, профильные части	27	18,62
Лепные сосуды, стенки	3	2,06
Амфоры F, целые	12	8,28
Амфоры F, профильные части (учитывая вторично использованные ручки)	48	33,10
Амфоры E, профильные части	1	0,69
Амфоры Зеест 100/Делакеу, профильные части	1	0,69
Амфорная крышка из стенки амфоры	1	0,69
Кружальная сероглиняная посуда, проф. части	6	4,13
Краснолаковая керамика, проф. части	3	2,06
Пряслица керамические	5	3,44
Грузила известняковые	15	10,34
Грузила из ручек амфор F	11	7,59
Жернова известняковые	2	1,38
Точило	2	1,38
Серпы железные	1	0,69
Костяные предметы	5	3,44

Среди амфор на поселениях типа Рогожкино, как уже отмечалось в публикациях, наиболее многочисленны амфоры типа F — светлоглиняные, вероятно, в основном гераклеийского производства, сравнительно небольшого объёма, часто с надписями-дипинти [Гудименко, Ильяшенко, 2000. С. 12—28]. Общее количество целых и фрагментированных амфор типа F, найденных в дельте Дона, — не более двух—трёх сотен. Известно, что такие амфоры количественно преобладают на памятниках круга черняховской культуры [Magomedov, Didenko, 2010. P. 480], они часто встречаются и в боспорских комплексах позднеантичного времени, например в Фанагории и в её округе [Кузнецов, Колесников, Ольховский, 2008. С. 375—377; Журавлёв, Мокроусов, Сапрыкин, 2010. С. 184—185]. Нижней датой появления этого типа амфор предлагается считать рубеж III—IV в. [Айбабин, 2002. С. 39] или первую половину IV в. н. э. [Юрочкин, Зубарев, 2001. С. 457], и наиболее вероятно, что они существуют в пределах всего IV в. н. э. [Paraschiv, 2002. P. 172].

В специальной статье, посвящённой амфорам типа F, В. В. Кропотов предлагает классификацию, основанную на морфологии целых форм сосудов. Автор попытался выделить три сменяющих друг

²⁸ Авторы признательны автору раскопок Р. В. Прокофьеву за предоставленную возможность ознакомиться с отчётом и коллекцией неопубликованных материалов.

²⁹ Браслет в фондах АКМ не обнаружен. Отчёта о раскопках погребения нет.

³⁰ АКМ КП 22974/1-251 ОА 354/1-251 (раскопки Рогожкино-ХIII в 1987 г.).

друга варианта [Кропотов, 1998. С. 128—134]. Так, согласно Кропотову, амфоры первого варианта датируются первой половиной — серединой IV в. [Кропотов, 1998. С. 129, 131. Рис. 1, 3; 2, 3—6]. В сравнении с последующими они больше по объёму и морфологически близки к столовым амфорам типа D, происходящим из закрытых комплексов Танаиса [Шелов, 1978. С. 19. Рис. 8; Науменко, Арсеньева, 1992. С. 154—155. Рис. 34, 1; 34, 4]. К амфорам первого варианта близки амфоры третьего варианта. Амфоры второго варианта имеют неширокое коническое реберчатое тулово, заканчивающееся невысокой ножкой [Кропотов, 1998. С. 129, 131. Рис. 1: 4; 2: 1, 2]. Автор датировал этот вариант (на основании находок из крымских могильников) второй половиной IV в. Большая часть амфор типа F на поселениях типа Рогожкино относится именно к амфорам данного варианта.

Согласно А. М. Обломскому (со ссылкой на мнение Б. В. Магомедова), в черняховской культуре (в пределах 30-х гг. III — начала V в.) на ранних этапах встречаются светлоглиняные амфоры типа D, позже господствуют амфоры типа F³¹ и в конце появляются амфоры типа E [Обломский, 2010. С. 188; Магомедов, 2001. С. 62, 63].

Набор амфор из ближайшего к поселениям дельты Дона позднеантичного Танаиса имеет существенное отличие от материала с поселений типа Рогожкино: здесь амфоры типа F единичны [Il'jašenko, 2005. S. 315—316]. Этот факт позволил А. М. Обломскому предположить, что основание позднего поселения в Танаисе приходится на период, когда амфоры типа F постепенно выходят из употребления, что соответствует финалу черняховской археологической общности. Но в этой связи нельзя не учитывать результаты анализа надписей-дипинти С. М. Ильяшенко, согласно которым светлоглиняные узкогорлые амфоры с надписями из Рогожкино следует датировать второй половиной IV — началом V в. на основании сходства содержания и графических особенностей маркировки, идентичных танаисским дипинти [Гудименко, Ильяшенко, 2000. С. 27].

Находки амфор типа E на поселениях дельты немногочисленны и представлены в основном фрагментами (рис. 5: 9; 15: 1). Целая амфора этого типа происходит из разрушенной дюны у местонахождения Дугино-IV (16: 4; контекст находки, к сожалению, не ясен). Хронологические рамки производства амфор типа E довольно широки: от конца III—IV в. [Зеест, 1960. С. 122. Табл. XLI, 104 а — в] до конца IV—V в. [Шелов, 1978. С. 19. Рис. 9] или даже начала VI в. Согласно А. П. Абрамову, они производились начиная со второй половины III в. до начала VI в. включительно [Абрамов, 1993. С. 50. Табл. 62: 7.6—7.7].

Амфора из разрушенного культурного слоя поселения Рогожкино-X (рис. 5: 10) может быть отнесена к типу Делакеу синопских по происхождению амфор, варианту C Snr I, по классификации

Д. Кассаба Тезгёр (подвариант неясен, поскольку не сохранилась нижняя часть амфоры), производившихся в мастерских Демирджи [Kassab Tezgör, 2010. S. 121—140]. Фрагмент амфоры из Рогожкино имеет крупный венчик ректангулярной в сечении формы, снизу подрезанный желобком. Сохранилась лишь верхняя часть одной из ручек почти правильной овальной в сечении формы с едва намеченным характерным для этого типа продольным желобком. Тесто красно-оранжевое, с включениями чёрных частиц примесей. Ещё два фрагмента амфор типа Делакеу происходят из ямы 1/1983 г в Рогожкино-XII (рис. 7: 8) и из заполнения разрушенного кладбища (возможно, из разрушенного позднеантичного погребения или тризны) в Дугино-X [Прокофьев, 2011. Рис. 21: 15; 22: 19. С. 18].

Датой существования амфор типа Делакеу Б. Бёттгер предлагает считать первую половину IV — 60-е гг. IV в. [Böttger, 1982. Taf. 21: 14, 15]. В. Ю. Юрочкин и В. Г. Зубарев также полагают, что начало производства этих амфор лежит в пределах первой половины IV в. [Юрочкин, Зубарев, 2001. С. 460—461, 465]. А. Опайц считает возможным временем появления этого типа амфор начало — первую четверть IV в. По его мнению, эти амфоры существуют до начала V в. [Opajc, 2011. С. 375]. А. В. Смокотина в недавней публикации присоединяется к мнению о появлении типа Делакеу в пределах первой половины — начала IV в., и наиболее вероятной верхней датой на основании анализа встречаемости в ранневизантийских комплексах Боспора предлагает считать конец V — начало VI в. [Смокотина, 2011. С. 355—357].

Лепная керамика, найденная на поселениях в дельте Дона, представлена горшками и их фрагментами (рис. 3: 9; 8: 2, 5; 9: 12; 10: 2, 4, 5), массивными горшками-корчагами (рис. 5: 1; 6: 32; 9: 12; 14: 14—16; 15: 2), а также крышками (рис. 8: 6). В меньшей степени — мисками (рис. 7: 10, 12; 10: 3; 16: 3).

Горшки — с прямым горлом, расширяющимся к венчику и округлым туловом, максимально расширенным в средней части, а также с плавным переходом горла к тулову. По форме и тесту (тёмно-серого, почти чёрного цвета, грубоватому, с примесью песка и толчёного шамота, реже и в меньшем количестве — дроблёной ракушки и известковых включений) они имеют близкие аналогии среди лепной керамики первой половины III в. из Танаиса [Арсеньева, 1969. С. 189—190]. Характерная морфологическая особенность некоторых горшков — днище с наплывами глины по всему периметру, образующими «бортик» (например, рис. 3: 9) отмечена и для лепной керамики Танаиса позднеантичного времени [Арсеньева, 1977. С. 70]. Согласно А. А. Бобринскому, подобная деталь лепной посуды является следствием обычной небрежности мастера: глина заглаживалась по направлению ко дну, и затем поверхность дна не выравнивалась [Бобринский 1978, С. 39].

³¹ Данный вывод базируется на широкой дате существования амфор типа F без деления на более дробные таксоны — в основном IV — начала V в., не исключая конца III в.

Сероглиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, из поселений дельты может быть разделена на две группы. Первая — миски черняховского происхождения (рис. 15: 5; [Безуглов, Гудименко, 1993. Рис. 3: 1—2]). Вторая — лощёные миски (рис. 7: 11; 9: 10, 11), кувшины (рис. 3: 10; 4: 16; 14: 17) и корчага (рис. 10: 1), имеющие близкие аналогии в комплексах Прикубанья позднемеотского времени [Ловпаче, 1981. Табл. 9: 17; 11: 20; Анфимов, 1985. Табл. III—IV; Дитлер, 1995. Табл. 2: 4], а также на территории азиатского Боспора, в частности в комплексах III—IV и IV—V вв. Фанагории (например: Марченко, 1956. С. 124; Кобылина, 1966. С. 178; Медведев, 2009. Рис. 1—4).

Для второй группы керамики характерно мелкозернистое серое тесто с небольшим количеством мелких блёсток и редких мелких светлых включений. Лощение ровное, сплошное. Один из фрагментов мисок (рис. 7: 11) имеет аналогичное по качеству, но серо-жёлтое с оранжевым оттенком тесто на сколе черепка и желтовато-оранжевую лощёную внешнюю поверхность. Серый цвет при производстве посуды обусловлен перекрытием доступа воздуха в гончарной печи, оранжевый — его поступлением [Буйских, 2011. С. 137].

Из раскопок поселения Рогожкино-XIII происходит **обломок краснолакового блюда** (рис. 15: 6) разновидности Pontic Red Slip Ware, форма 1, вариант 1A [Arsen'eva, Domžalski, 2002. S. 425—426]. Дата существования этой наиболее распространённой разновидности понтийской краснолаковой керамики по Т. М. Арсеньевой и К. Домжальскому — от середины IV в. (возможно, и несколько ранее) до середины V в. (возможно запаздывание) [Arsen'eva, Domžalski, 2002. S. 426].

Судя **по составу керамического набора**, «широкой» датой существования поселений дельты Дона может быть IV в. Вопрос об их сосуществовании с позднеантичным Танаисом остаётся дискуссионным. В литературе были высказаны мнения о том, что существуют некоторые свидетельства возможности использования территории города в более раннее, чем гуннское время, но материалов для датировки нижнего горизонта позднеантичных слоёв Танаиса пока недостаточно [Обломский, 2010. С. 189; Арсеньева, 2009. С. 163]. Находки из некрополя Танаиса позволяют однозначно предположить его существование уже в IV в. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 206—207]. Таким образом, нельзя исключить, что поселения дельты и какие-то пригородные районы «возобновлённого» позднеантичного Танаиса существовали одновременно.

Могильники. Открытые в дельте Дона участки грунтовых могильников Рогожкино-X, Рогожкино-XII и Рогожкино-XIII представляли собой скопления погребений, расположенных на окраинах поселений. Контуры могильных ям из-за особенностей грунта (влажного опесчаненного суглинка и песка) прослеживались не всегда.

Для захоронений, открытых в Рогожкино-X, характерна ориентировка погребённых как в южном или южном с небольшим отклонением к западу секторе и полускорченное на левом боку положение костяка, так и ориентировка на север и вытянутое на спине положение костяка. Посуда, как правило, располагалась в ногах костяка. Наряду с посудой найдено глиняное пряслице. У лицевой части черепа и левого плеча погребённых располагались фибулы.

В Рогожкино-XIII преобладали узкие могильные ямы со скруглёнными углами, ориентировка костяков в северном и северо-восточном секторе. Посуды в погребениях не было, инвентарь составляли аксессуары костюма (железные фибулы и скульгама, а также разнообразные бусы и обломок зеркала с боковой петелькой). Специфической деталью погребального инвентаря является найденная в женском погребении (13/1987 г.) согнутая панцирная пластина, украшенная колечками из бронзовой проволоки, стеклянными и деревянными привесками (рис. 13: 49). Возможно, данная особенность погребального обряда имеет западное происхождение — находки в погребениях женщин деталей римских панцирей в качестве «souvenirs» известны у германских племён, живших на территории Свободной Германии в III—IV вв. [Raddatz, 1959/1961. S. 24]³².

Захоронения, впущенные в полу кургана (Пятибратний могильник), были совершены в узких овальных ямах, перекрытых камнями. Ориентировка костяков — север и северо-северо-запад. Посуда найдена в головах костяков. В составе погребального инвентаря — лепные горшки, краснолаковая чашка, глиняное пряслице, бронзовые колокольчики и зеркало, железные нож и фибулы, бронзовые и серебряные серьги.

Аналогичный обряд прослежен в погребениях из Дугино — Крест и Дугино-X, расположенных на расстоянии около 2 км к западу от Пятибратнего. Погребённые были уложены вытянуто на спине с ориентировкой на север с незначительным отклонением к востоку. Посуда найдена в головах костяков (погребения 24, 45, 49) и в области бедренных костей (погребение 47). В погребении 24 могильника Крест красноглиняный кубок накрыт лепной крышкой, как и сероглиняная кружка в погребении 1/1983 г. Рогожкино-X.

Находки из погребений. Определить дату погребений из дельты могут **фибулы** — наиболее изученная с точки зрения хронологии категория погребального инвентаря (амфор и краснолаковых мисок в могилах нет).

Наиболее ранняя из найденных фибул (Пятибратний могильник, погребение 26) — железная лучковая подвязная, близкая вариантам 4 и 5 серии I по А. К. Амброзу (рис. 18: 20). Дата таких застёжек согласно Амброзу — в пределах второй половины II—III в. [Амброз, 1966. С. 51]. По новейшим работам они датируются в рамках второй полови-

³² Авторы признательны Эрдмуте Шульitze (Германский археологический институт) за консультацию.

ны II — середины III в. [Малашев, Яблонский, 2008. С. 60—62].

В погребениях 1987 г. № 10, 11 и 13 из Рогожкино-ХIII найден ряд железных одночленных фибул с плоскими сильно изогнутыми спинками (рис. 3: 2; 13: 6, 9, 12, 13) и завитком или выступом на конце пластинчатого приёмника (не ясно из-за плохой сохранности). Тетива фибул верхняя, пружина четырёхвитковая, приёмник сплошной, неширокий по отношению к длине фибулы. Все экземпляры довольно крупные — от 5 до 7 см. По морфологическим признакам данные фибулы близки фибулам группы 13 варианту 8, по классификации А. К. Амброза [Амброз, 1966. Табл. 5, 19, 21, 22]. Согласно В. Ю. Малашеву, застёжки группы 13 известны в центральнокавказских памятниках в комплексах первых веков н. э., вплоть до первой половины III в. [Габуев, Малашев, 2009. С. 131—134]. В Танаисе две фибулы этой группы были найдены в на городище в 1957 г. [Амброз, 1969. Табл. VI: 6] и в погребении 15/1984 г. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 206, 207. Табл. 15: 226, каталог № 96] в комплексе с изготовленной на гончарном круге кружкой центральнокавказского производства, аналогии которой датируются в пределах периода от III/IV вв. до конца IV или даже рубежа IV/V вв. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. Табл. 15, 224, каталог № 101]. Погребение 15/1984 г. С. И. Безуглов счёл возможным датировать в пределах IV в. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 207]³³.

Железная двучленная фибула найдена в погребении 19 Пятибратнего могильника (рис. 18: 14). А. К. Амброз относил такие фибулы к группе 17, подгруппе 1, разновидности 1б (с ножкой, которая немного длиннее короткого приёмника) и датировал в пределах IV в. [Амброз, 1966. С. 70].

Из этого же погребения происходит бронзовая двучленная лучковая фибула с нижней тетивой, расширенной ножкой и круглой в сечении дужкой (рис. 18: 12). Аналогичные застёжки найдены: в погребении 1/1987 г. и на территории Рогожкино-ХII (рис. 6: 4; 7: 5).

Такие же застёжки, но с расплюснутыми спинками происходят из разрушенного погребения в Рогожкино-Х (рис. 4: 14, 15), а также из разрушенного погребения некрополя Подазовского городища (рис. 16: 5). Миниатюрная бронзовая двучленная подвязная фибула сравнительно небольшого размера с нижней тетивой, расширенной ножкой и расплюснутой спинкой открыта в погребении 47 Дугино-Х (рис. 20: 5). Такие фибулы, вероятно, имеют несколько более позднюю дату по сравнению с более крупными застёжками со спинкой из стержня округлого в сечении [Гудименко, 2001. С. 279].

Амброз А. К. отнёс северопонтийские двучленные лучковые фибулы ко II—III вв., сделав оговорку, что на Кавказе и, возможно, в Поволжье они

удержались дольше — по IV в. [Амброз, 1966. С. 52. Табл. 9, 18, 19]. Впоследствии их хронология корректировалась применительно к отдельным регионам. Так, А. С. Скрипкиным было высказано мнение о том, что наиболее вероятная дата этой разновидности фибул в позднесарматских погребениях Поволжья — вторая половина III в. н. э. [Скрипкин, 1977. С. 109]. С. И. Безуглов обратил внимание на то, что в Крыму такие фибулы известны в комплексах с римскими монетами 40—50 гг. IV в. [Bezuglov, 1995. S. 327]. На Дону они впервые появляются в постройках Танаиса, погибших около середины III в. [Arsen'eva, Böttger, 1996. S. 450. Katalog № 6. Abb. 41, 6], а во второй половине III — начале IV в. распространяются в степных курганных могильниках [Безуглов, Копылов, 1989. С. 176. Рис. 2, 5, 6]. Согласно наблюдениям В. Ю. Малашева, в центральных районах Северного Кавказа лучковые двучленные фибулы во второй половине III в. становятся одной из двух преобладающих схем фибул и сохраняют лидирующую позицию в IV в. [Габуев, Малашев, 2009. С. 135].

В погребении 47 из Дугино-Х найдена бронзовая **пряжка** с овальной рамкой, сравнительно массивным язычком, охватывающим рамку в передней части и заходящим за середину её сечения, но не выступающим за неё (рис. 20: 6; [Прокофьев, 2012. С. 220. Рис. 1: 78]). Аналогичные пряжки известны на Дону в погребальных комплексах, синхронных фазам D1 и D2 (наиболее раннюю — см. в: Безуглов, 1990. С. 83. Рис. 1: 4), на Кавказе, в Крыму, а также в погребениях поздней фазы черняховской культуры (см. в: Габуев, Малашев, 2009. С. 126). Следует отметить, что эта пряжка — не единичная находка гуннского времени в дельте Дона (ср.: Иванов, 2001. С. 119 — 121).

В погребении 19 Пятибратнего могильника были найдены **бронзовые колокольчики** (рис. 18: 16, 18). Находки бронзовых колокольчиков в грунтовых могильниках поселений и подкурганых кочевнических захоронениях первых веков н. э. в Подонье достаточно широко известны [Косяненко, 2008. С. 123 и сл.]. Аналогичные по форме вещи происходят из раскопок подвалов Танаиса, разрушенных около середины III в. [Арсеньева, Науменко, 1992. Рис. 100, 7]. Совершенно аналогичный колокольчик с циркульным орнаментом происходит из погребения 19 черняховского могильника Ружичанка и датируется в пределах 260-х — 270-х гг. [Гопкало, 2008. Рис. 6: 22; 3: 4; см. также ее статью в данном сборнике]³⁴.

В дельте Дона найдены бронзовые **зеркала** с боковой ручкой-ушком: фрагментированные (Рогожкино-ХIII, погребения 11 и 13/1987 г (рис. 13: 16), Пятибратний, погребение 28 (рис. 19: 3), а также целое (п. 1/1987 г. из Рогожкино-Х, вещь утеряна). После середины III в. в Подонье такие зеркала, по-видимому, больше не изготавливались.

³³ В этой же публикации приведены аналогии из районов Оренбурга и Магнитогорска, упомянутые А. К. Амброзом [Амброз, 1966. С. 46]; в северопонтийском ареале такие фибулы, являющиеся одной из вариаций восточносарматских фибул, почти не встречаются.

³⁴ Благодарим за помощь в поиске аналогий А. А. Васильева.

Известна лишь одна находка зеркала этого типа в кочевническом погребении второй половины III—IV в. (Московский I, курган 22, погребение 1, 1984 г., раскопки Л. С. Ильюкова). В Поволжье период бытования зеркал с боковой ручкой-ушком также ограничен I — первой половиной III в. [Скрипкин, 1984. С. 46—48].

Посуда, найденная в погребениях, представлена, прежде всего, лепными горшками с прямым горлом, расширяющимся к венчику, и округлым туловом, максимально расширенным в средней части, а также с плавным переходом горла к тулову (рис. 3: 8; 4: 1; 6: 5; 18: 1, 22; 19: 25; 20: 4), аналогичными горшкам, найденным на поселениях. Два горшка (рис. 3: 8; 19: 1) имеют, скорее, сфероконическую форму тулова, максимально расширенного в верхней трети высоты. Горшок из погребения 8/1986 г. из Рогожкино-Х (рис. 4: 1) имеет дно с наплывами глины по всему периметру, образующими «бортик», на что мы уже обращали внимание при описании памятника.

Как отмечалось в предшествующих публикациях, горшок из погребения 1/1987 г. в Рогожкино-Х с симметрично расположенными налепами на плечиках имеет близкие аналогии среди кухонной керамики Танаиса [Гудименко, 2000. С. 276]. Можно добавить, что орнаменты на горшках в виде горизонтальных полос и прочерченных треугольников, выполненные как прямыми, так и волнистыми линиями (рис. 3: 8; 19: 25; 20: 4), также имеют многочисленные аналогии в Танаисе [Арсеньева, 1969. Табл. III: 2; VI: 5, 9; VII, 1, 4, 9; IX: 1]. Более того, серия горшков с прямым горлом, расширяющимся к венчику, и округлым туловом, максимально расширенным в средней части, с орнаментом из прорезанных по сырой глине поясов из треугольников, расположенных в один или два ряда на плечиках, найдена в конце 1990-х — начале 2000-х гг. в результате масштабных раскопок юго-восточного участка центрального четырёхугольника городища Танаис в наземных постройках и подвалах, разрушенных около середины III в. (см., например: Арсеньева, Бёттгер, 2000. № 97. С. 37—38. Рис. 143; Арсеньева, Бёттгер, Форназир, 2001. № 278. С. 13. Рис. 126а; № 1353. С. 8—9. Рис. 120в; Арсеньева, Форназир, 2002. № 47. С. 21—22. Рис. 154).

Нельзя также исключить, что отдельные находки из культурного слоя поселений могли происходить из разрушенных могил, например, целый горшок из культурного слоя Рогожкино-Х (рис. 3: 9).

В погребении 5/1986 г. из Рогожкино-Х найдена лепная плоскодонная миска с тщательно заглаженным дном и подлощенным туловом с поверхностью коричневатого-серого цвета (рис. 4: 2), вероятно подражающая по форме посуде, изготовленной на гончарном круге, известной в дельте Дона.

Сероглиняная сделанная на гончарном круге кружка с широким приземистым туловом и ручкой, прикреплённой к тулову при помощи штифта-«пробоя» (рис. 3: 3), происходит из погребения 1/1983 г. в Рогожкино-Х. Кружка относится к типу 2

варианту а, по типологии М. П. Абрамовой [Абрамова, 1993. С. 158]. Добавим, что аналогии кружке известны из раскопок Зилги [Деопик, 1988. Рис. 10: в] и Танаиса, в частности из наземного помещения, погибшего в пожаре около середины III в. н. э. [Арсеньева, Науменко, 1992. С. 85. Рис. 75, 1]. Характер глины (среднезернистая, с крупными примесями кварцита), шероховатая поверхность и морфология сосуда позволяют сделать предположение о его происхождении из центральных районов Северного Кавказа.

Вопрос о присутствии в нижнедонских поселенческих и погребальных комплексах (оставленных как кочевниками, так и оседлыми жителями) в первые века н. э. кавказского керамического импорта рассматривался в ряде работ [Безуглов, Захаров, 1988. С. 5—27; Гугуев, 1989. С. 67—75; Гугуев, 1994. С. 114—139; Гугуев, Ильяшенко, Казакова, 2007. С. 432—457; Косяненко, 1989. С. 4—41; 2008; Масловский, Косяненко, 2011. С. 371—390]. Очевидно, поступление импорта из центральных районов Северного Кавказа на Нижний Дон не прекратилось с гибелью Танаиса и городищ его округа около середины III в.

Предположительно, из разрушенного погребения в Рогожкино-Х происходит краснолаковая мисочка (рис. 4: 17) формы V [Hayes, 1985. Tav. XXIII: 6]. Глина и покрытие сосуда (неровный матовый оранжево-красный лак) характерны для понтийской керамики позднееримского времени. Дата сосуда — очевидно, II — середина III в. [Шаров, 2007. С. 69]. Краснолаковая чашка из погребения 19/1976 г. Пятибратнего могильника (рис. 18: 2) относится к форме VI понтийского круга производства позднееримского времени [Hayes, 1985. Tav. XXIII: 7]. Очевидно, основным временем бытования сосудов этого типа можно считать III в. [Шаров, 2007. С. 74]. Дата погребения может быть уточнена по лучковой двучленной фибуле (рис. 18: 12) ранней серии в пределах середины III — первых десятилетий IV в.

Красноглиняный кубок (рис. 20: 1, 3) из погребения 24 в урочище «Крест» изготовлен на гончарном круге из плотного теста с примесью мелких блёсток и редких мелких светлых включений. Черепок оранжевый, внешняя поверхность заглажена до блеска лощением. Форма сосуда типична для черняховской культуры [Магомедов, 2001. С. 55, 259. Рис. 57. 1, 2, 4; Радюш, 2008. С. 184. Рис. 2, 3], аналогичные сероглиняные кубки в могильнике Данчены датируются 310/320—350 гг. [Шаров, 1992. Табл. II, 31]. При этом кубок из дельты Дона существенно отличается цветом и качеством глины. Как уже отмечалось выше (в разделе о сероглиняной керамике, изготовленной на гончарном круге), аналогичная (по качеству и визуально определяемому составу теста) керамика, как сероглиняная, так и оранжевоглиняная, найденная на поселениях и могильниках в дельте Дона, вероятно, происходит из керамических мастерских Прикубанья или азиатского Боспора (предположительно, округа Фанагории), где производство оранжевоглиняной керамики не прекращалось на протяжении всего позднеантичного периода.

В погребении 13/1987 г. из Рогожкино-ХIII найдена согнутая вдвое прямоугольная **пластина от ламеллярного панциря** (рис. 13: 49). Из-за коррозии сложно судить о количестве отверстий для соединяющих ремешков: как минимум пара отверстий расположена у верхнего края, одно — вдоль правой боковой стороны. Отличительной чертой ламеллярного доспеха является отсутствие подкладки и наличие нескольких пар отверстий для соединительных ремешков или шнуров [Russell Robinson, 1975. P. 162]. А. В. Симоненко отмечает общность конструкции и значительную морфологическую близость пластин ламеллярных доспехов на обширной территории пояса Великих степей Евразии в I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. [Симоненко, 2010. С. 125]³⁵. Достаточных данных для датировки рассматриваемой находки нет. Но, как уже отмечалось выше, аналогичный обряд помещения в женские погребения деталей римских панцирей в качестве амулетов или украшений костюма известны у германских племён в III—IV вв.

Вероятно, бóльшую часть серии позднеантичных погребальных комплексов из дельты Дона следует **датировать** в рамках середины III — первых десятилетий IV в. Основанием для этого являются находки железных одночленных фибул с плоскими сильно изогнутыми спинками и завитком или выступом на конце пластинчатого приёмника, а также бронзовых и железных двучленных лучковых фибул. О том, что ранние захоронения в дельте не имеют большого хронологического разрыва с культурой Нижнего Подонья, подвергшейся разгрому около середины III в., свидетельствует наличие в некоторых из них зеркал с боковой ручкой-ушком. Находка развала амфоры типа D в насыпи над погребением 26 Пятибратнего могильника (рис. 18: 19) также косвенно (из-за неясного контекста находки) может свидетельствовать о незначительном разрыве между гибелью Танаиса около середины III в. и появлением в дельте Дона населения, оставившего рассматриваемые погребальные комплексы. Верхняя

дата погребений, предположительно, может быть определена как последняя четверть IV — начало V в. на основании находки бронзовой пряжки с овальной рамкой, сравнительно массивным язычком, охватывающим рамку в передней части и заходящим за середину её сечения, но не выступающим за неё. Таким образом, основной хронологический период существования могильников в дельте может быть соотнесён со временем существования поселений в этом районе.

Этнокультурная принадлежность

Вопрос о происхождении и этнокультурном облике жителей дельты Дона позднеантичного времени рассматривался не раз [Гудименко, 1991; Гудименко, 1998; Безуглов, Гудименко, 1993]. Публикуемый материал позволяет присоединиться к следующей точке зрения: люди, поселившиеся на островах дельты в относительной безопасности, были носителями полиэтнических и синкретических культурных традиций — отчасти Танаиса и окрестных городищ, отчасти северо-западных (связанных с черняховским культурным кругом), и боспорских, и позднесарматских.

Возможно, в течение IV в. жители островной части дельты Дона переселились в Танаис, или в силу разных причин (например, внешняя опасность) в разные периоды были обитаемы разные участки дельты и донского правобережья в районе Танаиса. В пользу этого свидетельствуют близость погребального обряда могильников дельты и наиболее раннего горизонта погребений позднеантичного времени некрополя Танаиса (ориентировка костяков в северном направлении с отклонениями к северо-западу и северо-востоку, узкие ямы), черняховская посуда, сделанная на гончарном круге, лепные сосуды, в том числе горшки с округлым туловом, в составе инвентаря (см., например, погребения 1/1981, 24/1982, 52/1982 6/1986 30/1990 и др. в Танаисе [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 274]).

³⁵ Благодарим за консультацию с.н.с. Новочеркасского музея истории Донского казачества А. В. Дедюлькина.

Литература

- Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. Вып. 3. 1993.
- Айбабин А. И. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // МАИЭТ. Вып. IX. 2002. С. 37—52.
- Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1993.
- Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Сер. САИ. Вып. Д 1-30. 1966.
- Андрусов Н. И. Геологическое строение и история Керченского пролива // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение геологии. Т. 34, 3—4. 1926. С. 294—332.
- Анфимов Н. В. Тахтамукайское первое городище (по раскопкам экспедиции АНИИ в 1956, 1958 и 1960 гг.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 92—133.
- Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. II. Горшки // Античные древности Подонья — Приазовья. М., 1969. С. 173—219.
- Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг. М., 2001.
- Арсеньева Т. М., Бёттгер Б., Форназир Й. Отчёт о раскопках в Танаисе в 2000 г. (XIX раскоп) // Архив АМЗТ. 2001.
- Арсеньева Т. М., Форназир Й. Отчёт о раскопках в Танаисе в 2001 г. (XIX раскоп) // Архив АМЗТ. 2002.
- Арсеньева Т. М., Форназир Й. Отчёт о раскопках в Танаисе в 2002 г. (XIX раскоп) // Архив АМЗТ. 2003.
- Балабанов И. П., Измайлов Я. А. Изменения уровня и гидрохимического режимов Черного и Азовского морей за последние двадцать тысяч лет // Водные ресурсы. 6. 1988. С. 54—62.
- Безуглов С. И., Гудименко И. В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. № 1. С. 169—174.
- Безуглов С. И., Захаров А. В. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // ИРОМК. Вып. 5. 1988. С. 5—27.
- Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III—IV вв. н. э. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 178—188.
- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Буйских С. Б. Боспор в контексте феномена сероглиняной гончарной керамики // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной конференции. Спб., 2011. С. 137—143.
- Веселов В. В. Полевой дневник разведок Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 1735 а.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев, 2008.
- Гугуев Ю. К. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II — первой половине III в. н. э. (к постановке проблемы) // Вестник Танаиса. Вып. 1. Ростов н/Д., 1994. С. 114—139.
- Гугуев В. К., Гугуев Ю. К. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984—1985 гг.) // ИРОМК. Вып. 6, 1989. С. 67—75.
- Гугуев Ю. К., Ильяшенко С. М., Казакова Л. М. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н. э. в Танаисе // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007. С. 432—457.
- Гудименко И. В. Исследования позднеантичного поселения у х. Рогожкино // ИАИАНД в 1985 г. Вып. 5. 1986. С. 15—16.
- Гудименко И. В. Исследования пункта Рогожкино-Х в 1986 году // ИИАДЭ в 1986 г. 1987. С. 15—16.
- Гудименко И. В. Отчёт об археологических раскопках в х. Рогожкино на пункте Рогожкино-Х в ноябре 1986 г. Азов, 1987а // Архив АКМ, КВФ-10514/2 АА-349.
- Гудименко И. В. Спасательные раскопки позднеантичного поселения и могильника Рогожкино-ХIII в 1987 году // ИИАДЭ в 1987 г. 1988. С. 14—15.
- Гудименко И. В. Отчёт о спасательных археологических раскопках в х. Рогожкино на пункте Рогожкино-ХIII в августе 1987 г. Азов, 1988а // Архив АКМ, КВФ-10750/1 АА-2123.
- Гудименко И. В. Работы отряда «Дельта» на позднеантичном поселении Рогожкино-ХIII в 1988 году // ИАИАНД в 1988 г. Вып. 9. 1989. С. 13—14.
- Гудименко И. В. Отчёт о спасательных археологических раскопках позднеантичного поселения Рогожкино-ХIII Азовского района Ростовской области в 1988 г. Азов, 1989а // Архив АКМ, КВФ-10938/1 АА-2341.
- Гудименко И. В. Фибулы III—IV вв. н. э. с позднеантичных поселений дельты Дона // ИАИАНД в 1990 г. Вып. 10. 1991. С. 96—103.
- Гудименко И. В. Отчёт о спасательных археологических раскопках в г. Азове и Азовском районе II Азовского археологического отряда в 1991 г. Азов, 1992 // Архив АКМ, КВФ-11440/1 АА-3652.
- Гудименко И. В. Некрополь позднеантичного поселения Рогожкино-ХIII // ИАИАНД в 1991 г. Вып. 11. 1993. С. 104—121.
- Гудименко И. В. Итоги исследований I Азовского отряда в 1993 году // ИАИАНД в 1993 г. Вып. 13. 1994. С. 13—15.
- Гудименко И. В. Отчёт о спасательных археологических раскопках в х. Рогожкино Азовского района Ростовской области на поселении и могильнике Рогожкино-ХIII в октябре-ноябре 1993 г. Азов, 1994 а // Архив АКМ, КВФ 12070/1 АА 5985.
- Гудименко И. В. К вопросу о взаимосвязи походов готов и поселений второй половины III в. н. э. в дельте Дона // Труды конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV—IX вв.)». Тезисы докладов. Симферополь, 1994. С. 13—15.
- Гудименко И. В. Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону в эпоху готских походов (по материалам поселений и могильников в дельте р. Дон) // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тезисы докладов VII Донской археологической конференции). Ростов н/Д., 1998. С. 95—96.

- Гудименко И. В. Погребения позднеантичного времени у хутора Рогожкино в дельте Дона // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов н/Д., 2000. С. 272—281.
- Гудименко И. В. Серолощёный кубок позднеантичного времени из дельты Дона // ИАИАИАНД в 1998 г. Вып. 16. 2000. С. 216—220.
- Гудименко И. В., Масловский А. Н. Разведки в Азовском районе // ИАИАИАНД в 1993 г. Вып. 13. 1994. С. 26—27.
- Гудименко И. В., Ильяшенко С. М. Надписи на позднеантичных амфорах поселения Рогожкино XIII // ДА. 2000. № 2. С. 12—28.
- Гуркин С. В., Гудименко И. В., Бойко А. Л. Археологические и исторические памятники дельты реки Дон // Рубикон. Вып. 55. Ростов н/Д., 2010. С. 27—43.
- Деопик Д. В. Керамика Центрального Предкавказья I—IV вв. н. э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч. II. М., 1988. С. 171—220.
- Дитлер П. А. Раннесредневековый могильник Мешоко // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 138—237.
- Журавлёв Д. В., Мокроусов С. В., Сапрыкин С. Ю. Эпоха поздней античности // Античное наследие Кубани. Т. II. М., 2010. С. 167—202.
- Зайцев А. В., Зеленщиков Г. В. Голоцен дельты Дона // Геология, география и экология океана. Материалы Международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Д. Г. Панова. Ростов н/Д., 2009. С. 124—126.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА СССР. Вып. 83. М., 1960.
- Иванов А. А. Комплекс гуннского времени из дельты Дона // РА. 2001. № 2. С. 119—121.
- Кобылина М. М. Керамическое производство Фанагории в IV в. н. э. // СА. 1966. № 3. С. 172—186.
- Коженикова Ю. Я. Анализ остеологического материала из поселения Рогожкино // Итоги исследований Объединённой Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. М. А. Сулова и Ростовского областного музея краеведения в 1984 г. (тезисы докладов к семинару). Азов, 1985. С. 19—21.
- Косяненко В. М. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобякова городища (раскопки 1956—1962 гг.) // ИРОМК. Вып. 6. Ростов н/Д., 1989. С. 4—41.
- Косяненко В. М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.) // ДД. Вып. 9. Азов, 2008.
- Краснов Н. И. Военное обозрение земли Донского войска. СПб., 1870.
- Кропотов В. В. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкermanського» типу // Археологія. 1998. № 4. С. 128—134.
- Кругликова И. Т. Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. Ч. II. М., 1974. С. 175—185.
- Кузнецов В. Д., Колесников А. Б., Ольховский С. В. Подводные исследования в Фанагории в 2006—2007 гг. // ДБ. Т. 12, часть 2. М., 2008. С. 370—381.
- Ларенок П. А. Отчёт об исследованиях отряда археологической экспедиции Азовского историко-краеведческого городского музея у х. Колузаева осенью 1976 г. Азов, 1977 г. // Архив АКМ, КВФ-10190/20 АА-110.
- Ларенок П. А. Отчёт о спасательных раскопках в Азове и Азовском районе в 1985 г. Азов, 1986 г. // Архив АКМ, КВФ 10617/1.
- Ларенок П. А. Отчёт об археологических исследованиях в дельте р. Дон в 1986 г. Азов, 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 11423.
- Ловпаче Н. Г. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981. С. 80—113.
- Магомедов Б. В. Черняховское городище у С. Александровка // Днестро-Дунайское междуречье в I—начале II тыс. н. э. Киев, 1987. С. 35—42.
- Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин, 2001.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М., 2008.
- Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 57. М., 1956. С. 102—127.
- Масловский А. Н. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // ИАИАИАНД в 2006 г. Вып. 23. Азов, 2008. С. 144—188.
- Масловский А. Н., Косяненко В. М., Масловский А. Н., Косяненко В. М. Керамика с кварцевым песком из раскопок Крепостного городища в 2008 г. // ИАИАИАНД в 2009 г. Вып. 25. Азов, 2011. С. 371—390.
- Медведев А. П. О греко-сарматах позднеантичной Фанагории // НАВ. Вып. 10, 2009. С. 237—250.
- Миноранский В. А. Уникальные экосистемы: дельта Дона (природные ресурсы и их сохранение). Ростов-на-Дону, 2004.
- Мысливец В. И. Морфоструктурная основа экосистемы Азовского моря. // Комплексный мониторинг среды и биоты Азовского бассейна. Т. VI. Апатиты, 2004. С. 28—43.
- Набоженко М. В., Шохин И. В., Абдурахманов Г. М., Клычева А. Н., Марахонич А. В., Олейник Д. И. Основные закономерности распределения и генезис псаммофильных жесткокрылых понто-каспийского региона на примере Tenebrionidae и Scarabaeoidea (Insecta: Coleoptera) // Юг России: экология, развитие. 1. М., 2012. С. 110—126.
- Невесский Е. Н. К вопросу о новейшей Черноморской трансгрессии // Труды Института океанологии АН СССР. XXVIII. М., 1958. С. 23—29.
- Обломский А. М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. Тула, 2010. С. 185—214.
- Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины. РСМ. Вып. 12. 2010.
- Попов Г. И. Плейстоцен Понто-Каспийских проливов. М., 1983.

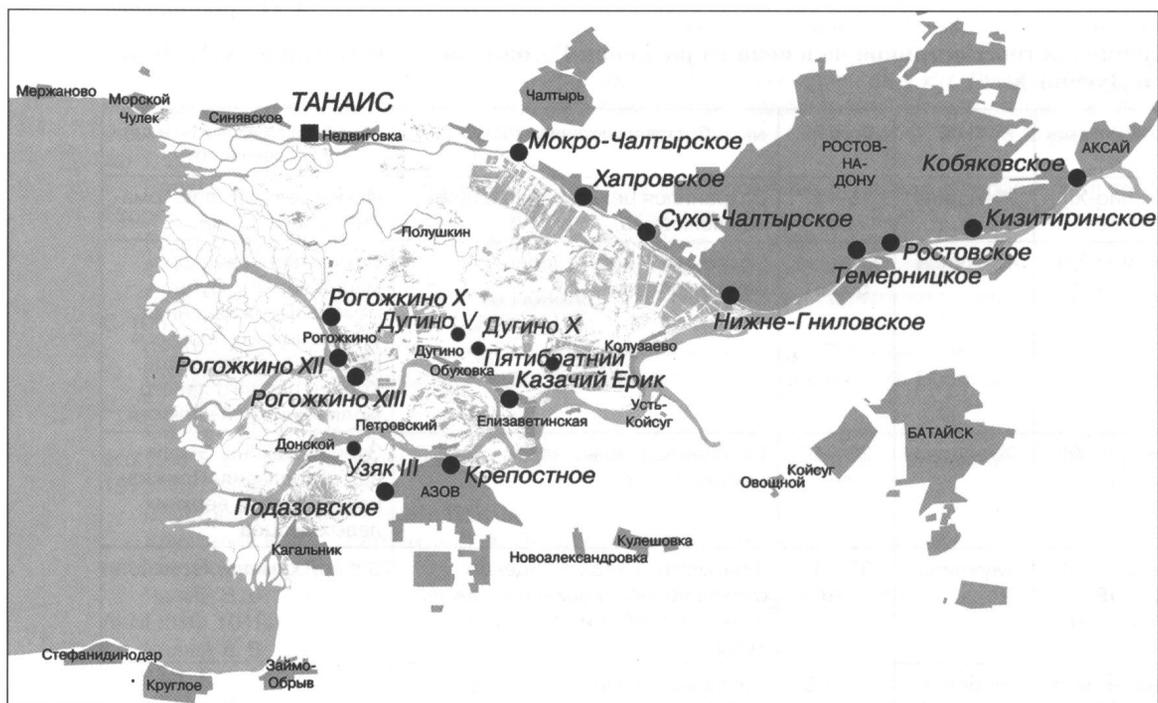
- Прокофьев Р.В. Очерки истории изучения памятников археологии Азовского района // АЗ. Вып. 6. 2009. С. 284—285.
- Прокофьев Р.В. Раскопки у хут. Дугино в дельте Дона в 2009 г. Т. I—II, 2011 г. // Архив АКМ, КВФ 88112/1—3.
- Прокофьев Р.В. Краткие результаты раскопок 2009 г. могильников у хут. Дугино в дельте Дона // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции (г. Махачкала, 23—28 апреля 2012 г.). Махачкала, 2012. С. 220—223.
- Радюш О.А. Новые памятники III—V вв. в Курском Посеймье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 181—208.
- Родионов Н.А. Гидрология устьевой области Дона. М., 1958.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100—120.
- Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
- Смокотина А.В. О хронологии амфор типа С Spn I («Делакеу») // XII Боспорские чтения. Керчь, 2011. С. 355—360.
- Фёдоров П.В. Геологическая история Керченского пролива в связи с новыми данными бурения на его дне // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение геологии. Вып. 48. Т. 5. 1973. С. 72—82.
- Фёдоров П.В. Плейстоцен Понто-Каспия. М., 1978.
- Хрусталёв Ю.П., Щербаков Д.А. Позднечетвертичные отложения Азовского моря и условия их накопления. Ростов н/Д., 1974.
- Чалый В.В. Отчёт о раскопках в г. Азове и Азовском районе в 1981 г. Азов, 1982 г. // Архив АКМ, фонд АКМ КВФ 10190/69.
- Чалый В.В. Отчёт об археологических раскопках в Азове и дельте Дона в 1983 г. Азов, 1984 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 10123.
- Чалый В.В., Завгородний А.М. Археологические исследования в дельте Дона // ИАДАЭ в 1983 году Азов. Издательство Азовского музея-заповедника. 1983. С. 10—12.
- Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992.
- Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Дага. Хронология комплексов с римскими импортами. Краснолаковая керамика. СПб., 2007.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н.э. М., 1970.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156. М., 1978. С. 16—21.
- Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. Вып. 4. М., 2001. С. 454—473.
- Arsen'eva T.M., Böttger B. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1993—1995 // EA. Bd. 2. 1996. S. 428—469.
- Arsen'eva T.M., Domžalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // EA. Bd. 8. 2002. S. 415—492.
- Bezuglov S.I. Késő rómani kori katakombós temetkezések // Studia Archaeologica. A Móra Ferenc Museum Évkönyve. I. Szeged, 1995. S. 322—338.
- Böttger B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus — Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Bd. II. Berlin. 1982.
- Hayes J.W. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'Arte Antica, Classica e Orientale. Roma, 1985.
- Il'jašenko S. Inschriften des Typs α/π auf spätantiken Amphoren aus Tanais // EA. Bd. 11. 2005. S. 313—328.
- Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe—IIIe S. et le VIe S. ap. J.-C. // Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Varia Anatolica XXII / ed. D. Kassab Tezgör. Istanbul, Paris. S. 121—140.
- Magomedov B., Didenko S. Sinopean Amphore and Chernyakhov Culture // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Issue. 16. 2010. P. 479—485.
- Opaiț A. Sinopean, Heraklean and Chersonesan "Carrot" Amphorae // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. Issue. 16. 2010. P. 371—401.
- Paraschiv D. Amfore pontice romane și romane-bizantine în zona Dunării de Jos // Arheologia Moldovei. XXV. 2002. P. 165—207.
- Raddatz K. Römische Äxte aus dem freien Germanien // Berichte und Mitteilungen aus dem Schleswig-Holsteinischen Landesmuseum. Bd. 17/18. 1959/1961. S. 17—25.
- Russell Robinson H. The Armour of Imperial Rome. London, 1975.

Приложение 1

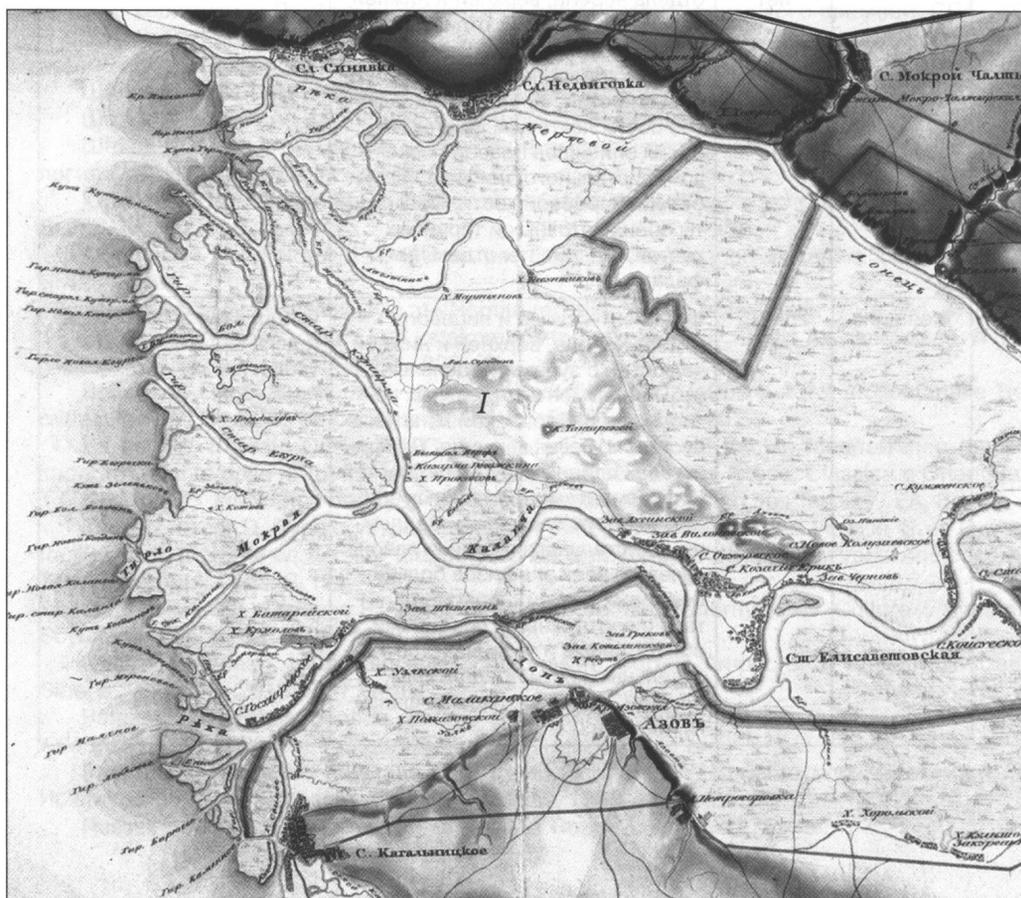
А. О. Афанасьева

Определение костных останков человека из раскопок Рогожкино-Х, Рогожкино-ХII, Дугино—Крест и Дугино-Х

№№	Шифр комплекса	Пол	Возраст	Состав и состояние костей	Аномалии, патологии и др. особенности
1	Рогожкино-ХIII, 1987, п. 10	Женщина	15—17 лет	Сохранился целый череп с нижней челюстью	Искусственная деформация черепа
2	Рогожкино-ХIII, 1987, п. 11	Мужчина	Старше 50 лет	Сохранился целый череп с нижней челюстью	Искусственная деформация черепа. Зубной камень. Прижизненная утрата нижних первых и второго левого резцов. Кариес первого левого моляра нижней челюсти
3	Рогожкино-ХIII, 1987, п. 13	Женщина	30—40 лет	Сохранился целый череп с нижней челюстью	Зубной камень. Эмалевая гипоплазия. Прижизненная утрата верхних левых резцов
4	Рогожкино-ХIII, 1987, п. 19 («жилище 4»)	Мужчина	35—40 лет	Фрагменты свода и лицевого отдела черепа, верхней и нижней челюсти с зубами, отдельные зубы	Зубной камень, кариес
5	Дугино—Крест, 2009, п. 24	Ребёнок	1—1,5 года	Сохранились фрагменты черепа	
6	Дугино-Х, 2009, п. 45	Мужчина	25—35 лет	Фрагменты свода и лицевого отдела черепа, верхней и нижней челюстей с зубами, отдельные зубы. Диафизы обеих плечевых, лучевых, бедренных и большеберцовых костей, фрагменты диафизов обеих локтевых, фрагменты обоих эпифизов правой плечевой, дистального эпифиза левой большеберцовой кости, фрагменты обеих пяточных и таранных костей, фрагменты отдельных фаланг	Гипоплазия эмали зубов
7	Дугино-Х, 2009, п. 47	Женщина	25—35 лет	Фрагменты свода и лицевого отдела черепа, верхней и нижней челюстей с зубами, отдельные зубы. Фрагменты отдельных позвонков и ребер, левой лопатки с суставом, левая ключица. Диафизы всех длинных трубчатых костей (с фрагментами дистальных эпифизов обеих плечевых и бедренных, дистального эпифиза левой лучевой, всех эпифизов большеберцовых костей), фрагменты таза с вертлужными впадинами, обе пяточные и таранные кости, отдельные кости предплюсны, плюсны, запястья, пясти и фаланги пальцев	Гипоплазия эмали зубов и дегенеративно-дистрофические изменения позвонков

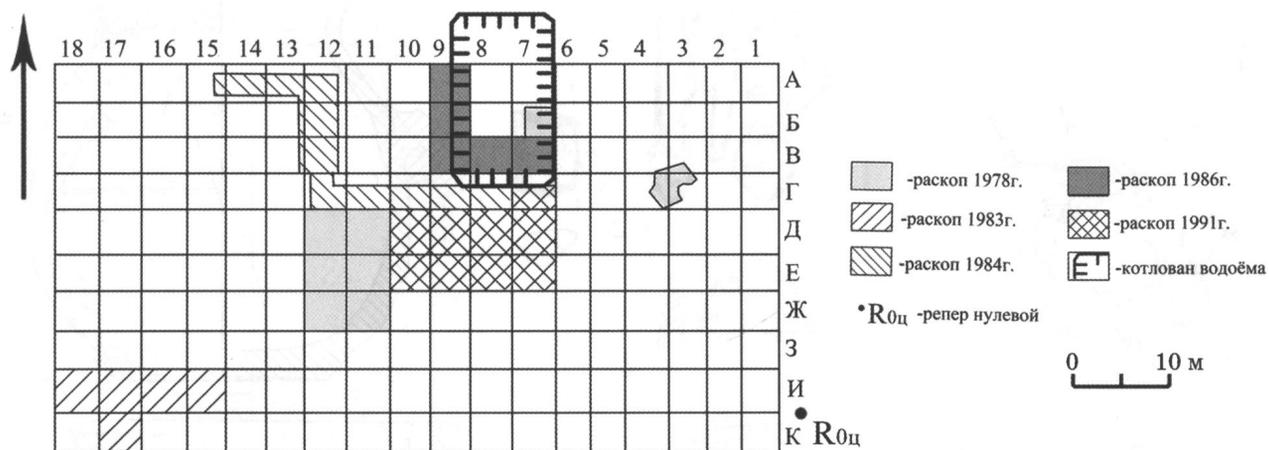
1

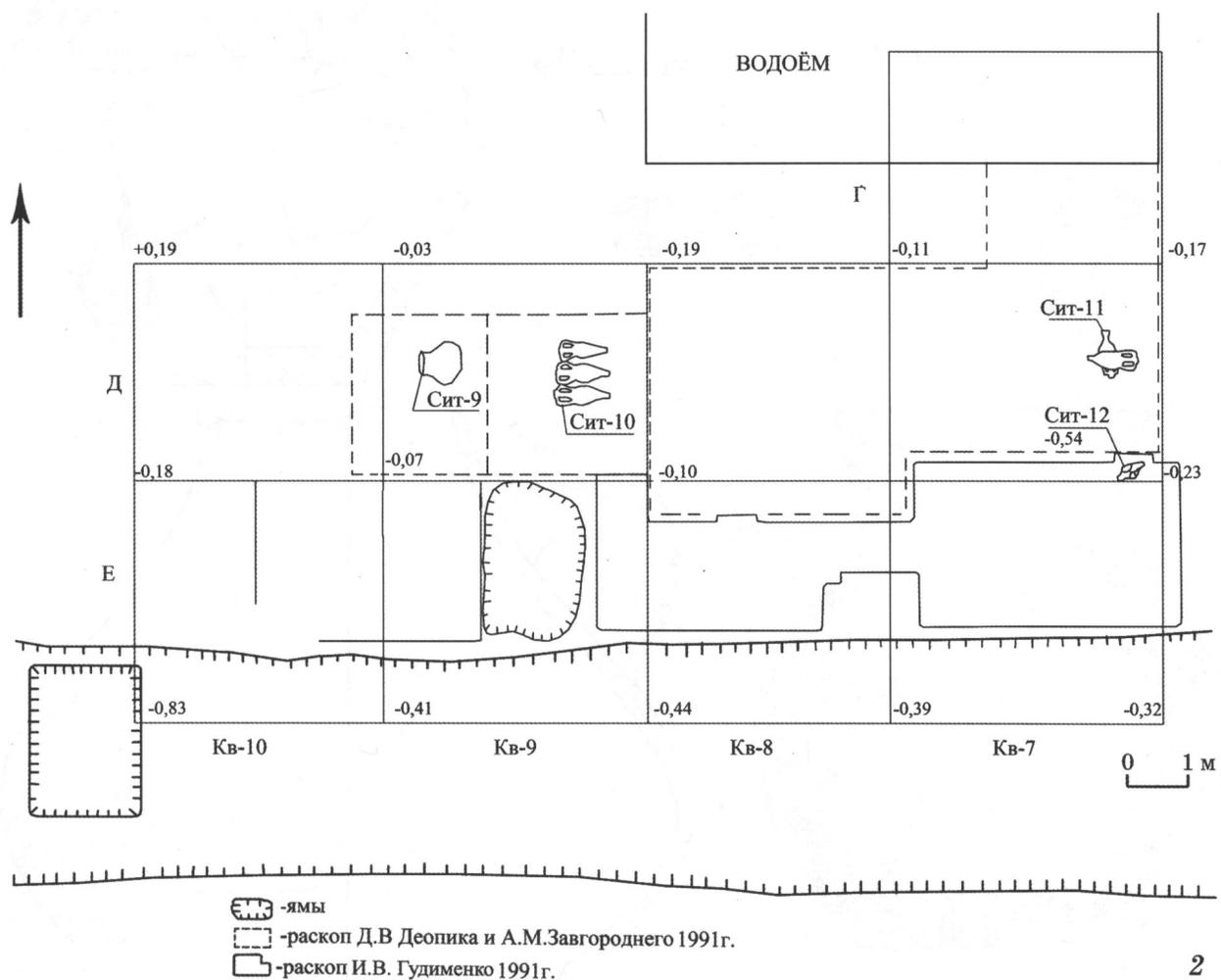
2

Рис. 1. Дельта Дона.

1 — план-схема археологических памятников; 2 — фрагмент карты XIX в. «План устьям р. Дон» (по: РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22896); 1 — центральная островная часть дельты с песчаными ныне разрушенными дюнами

1

2

Рис. 2. Рогожино-Х.

1 — планы раскопов 1978, 1983, 1984, 1986 и 1991 гг.; 2 — план раскопа 1991 г.

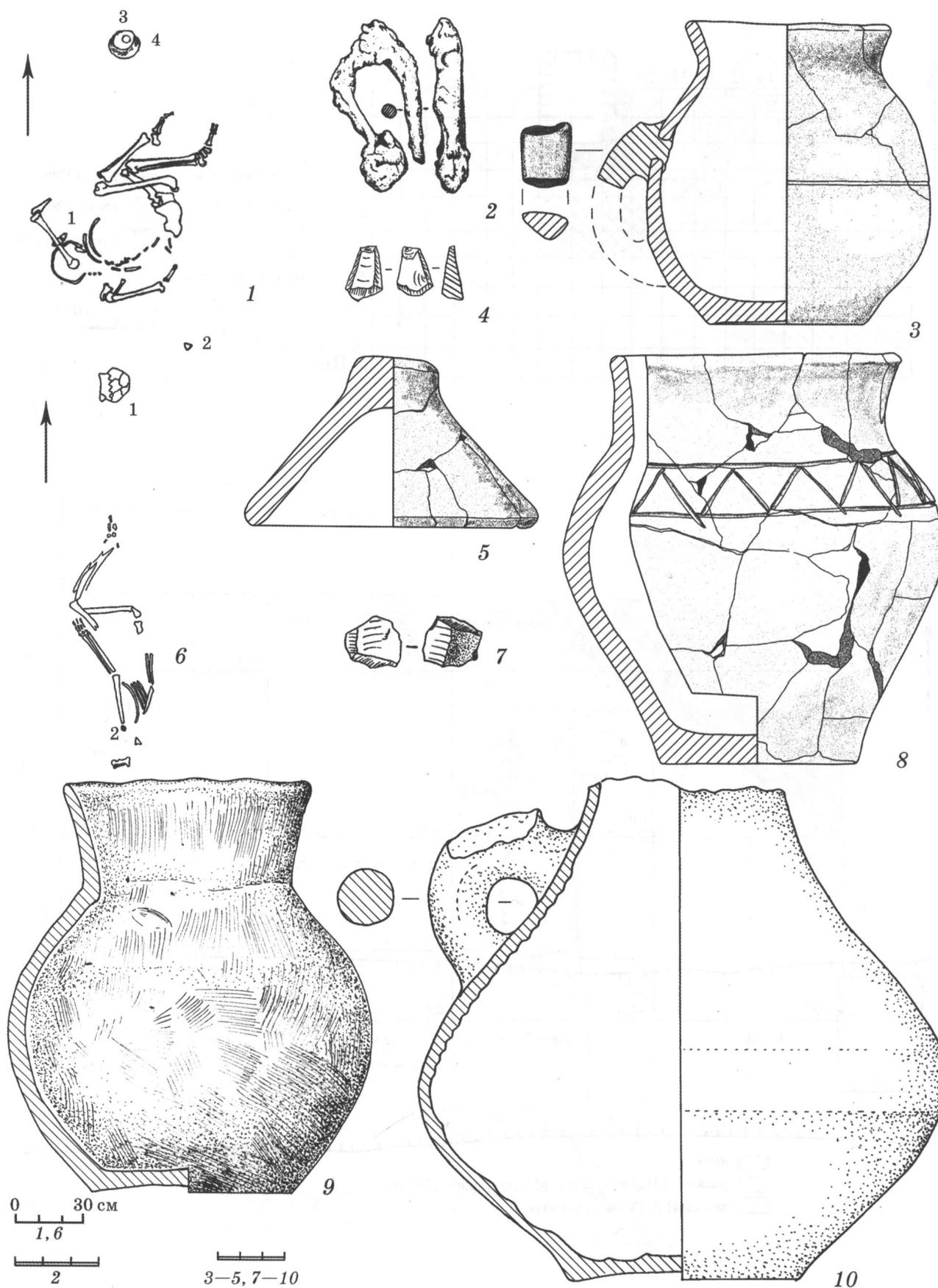

Рис. 3. Рогожино-Х.

1—5 — погребение 1/1983 г., 1 — план (1 — фибула, 2 — кремь, 3 — крышка, 4 — кувшинчик), 2 — железная фибула, 3 — кругальный кувшинчик, 4 — кремь, 5 — лепная крышка; 6—8 — погребение 2/1983 г., 6 — план (1 — горшок, 2 — кремь), 7 — кремь, 8 — лепной горшок; 9 — лепной горшок, находка 1984 г. в культурном слое; 10 — кругальный кувшин из погребения 26/1984 г.

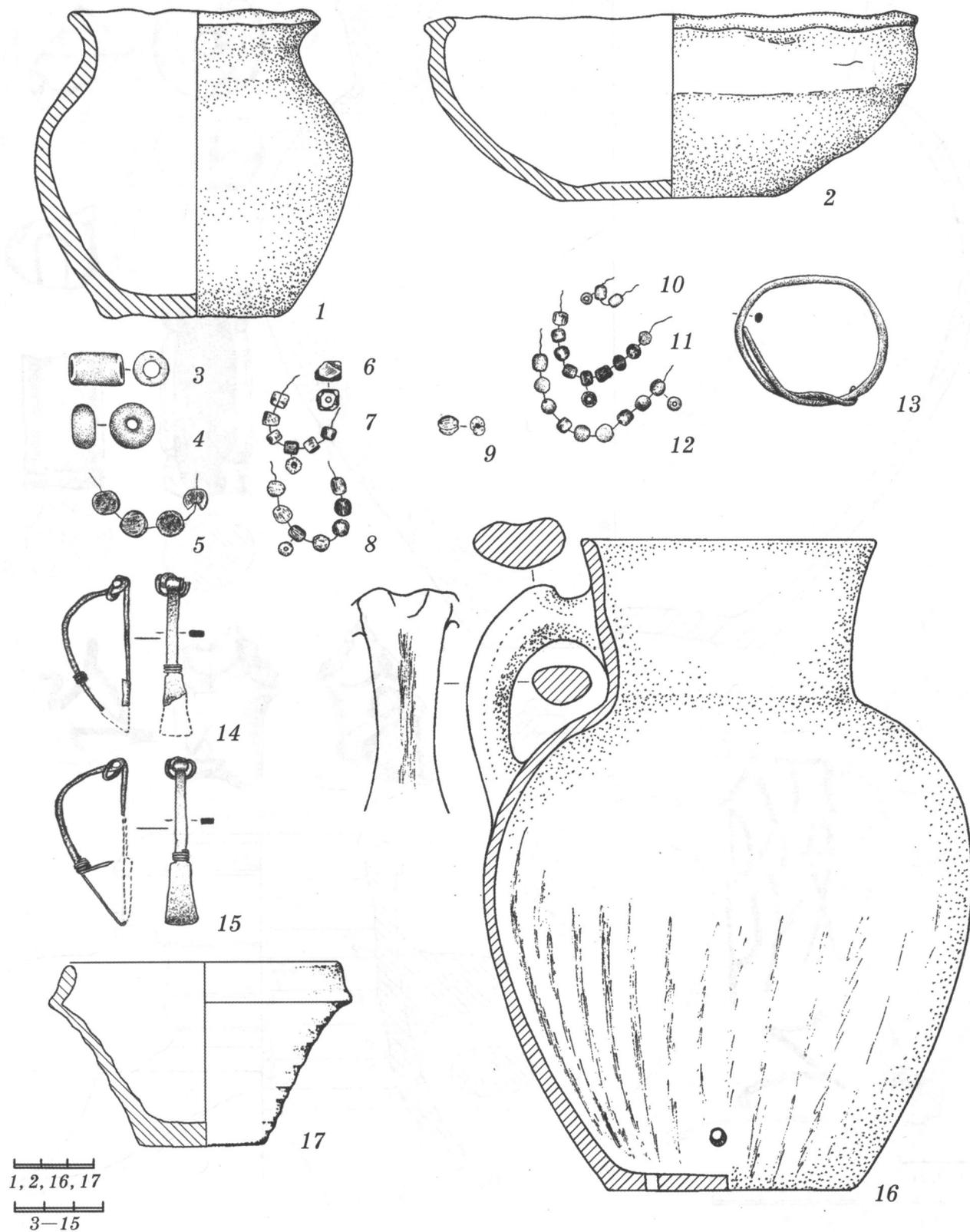

Рис. 4. Рогожино-Х.

1 — лепной горшок из погребения 8/1986 г.; 2 — лепная миска из погребения 5/1986 г.; 3—13 — погребение 11/1986 г., 3—12 — бусы, 13 — бронзовый браслет; 14, 15 — бронзовые фибулы («ситуация 2», 1986 г.); 16 — кружальный серолощенный кувшин («ситуация 3», 1986 г.); 17 — краснолаковая чашка (находка 1986 г.)

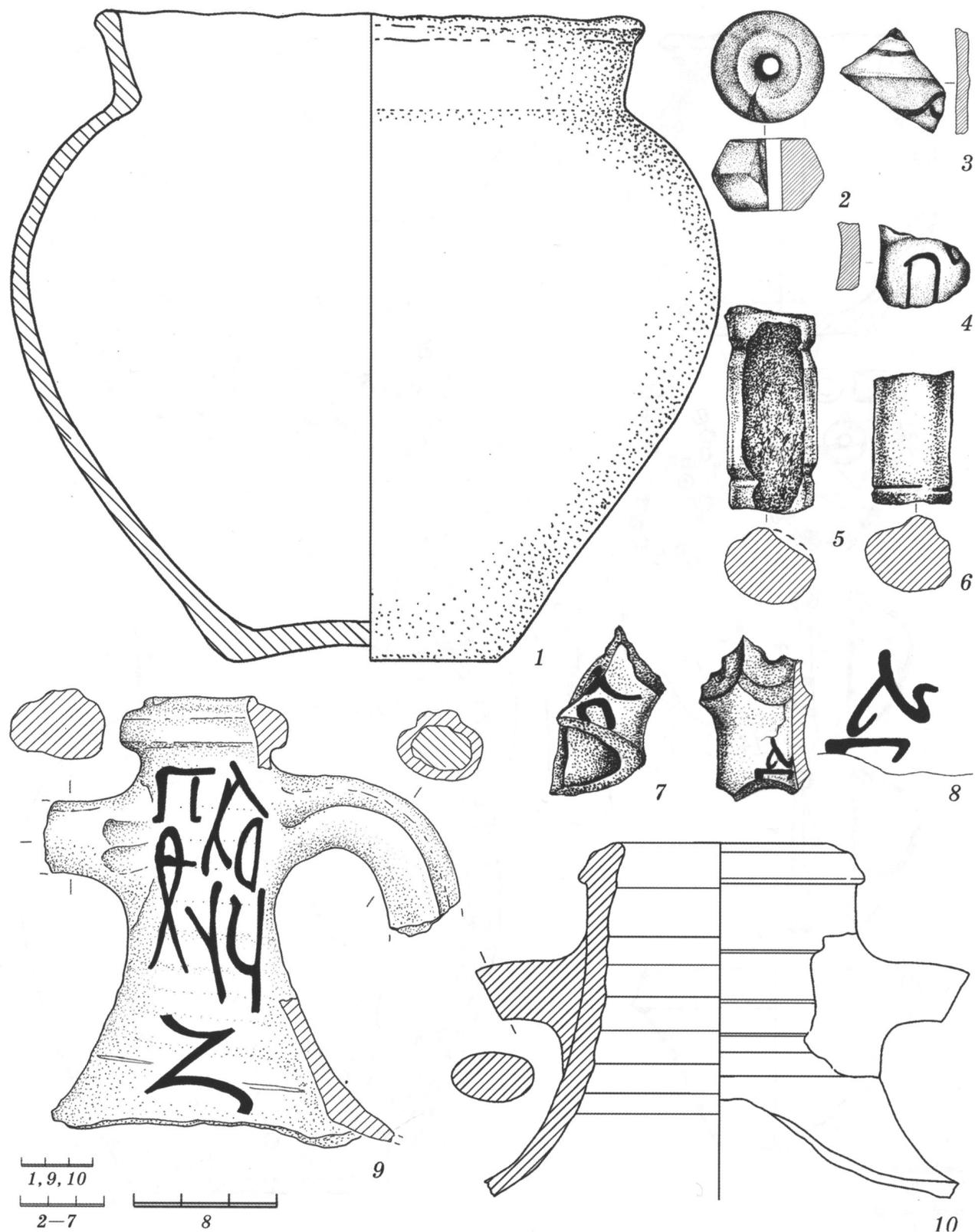

Рис. 5. Рогожкино-Х.

1 — лепная корчага («ситуация 6», 1986 г.); 2–8 — находки 1987 г. из культурного слоя, 2 — глиняное пряслице, 3, 4, 7, 8 — фрагменты светлоглиняных амфор с частично сохранившимися надписями-дипинти, 5–6 — грузила из обломков ручек амфор типа F; 9 — горло амфоры типа E с надписью («ситуация 3», 1986 г.); 10 — фрагмент амфоры типа Делакеу (находка 1986 г.)

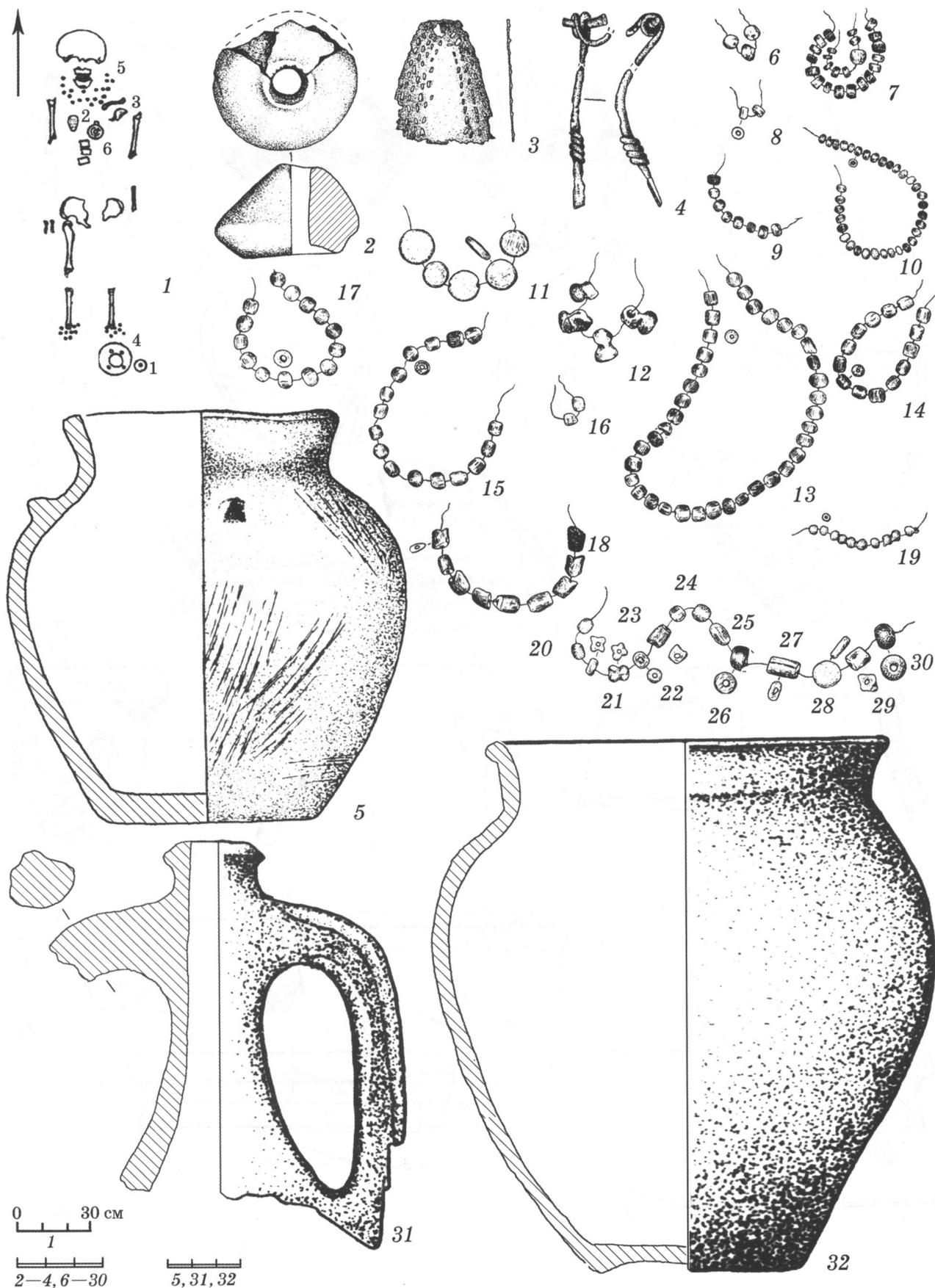

Рис. 6. Рогожино-Х.

1-30 — погребение 1/1987 г., 1 — план (1 — пряслице, 2 — бронзовый предмет, 3 — фибула, 4 — горшок, 5 — бусы, 6 — зеркало), 2 — глиняное пряслице, 3 — бронзовый предмет, 4 — бронзовая фибула, 5 — лепной горшок, 6-30 — бусы; 31 — фрагмент амфоры типа F («ситуация 8», 1986 г.); 32 — лепная корчага («ситуация 4», 1986 г.)

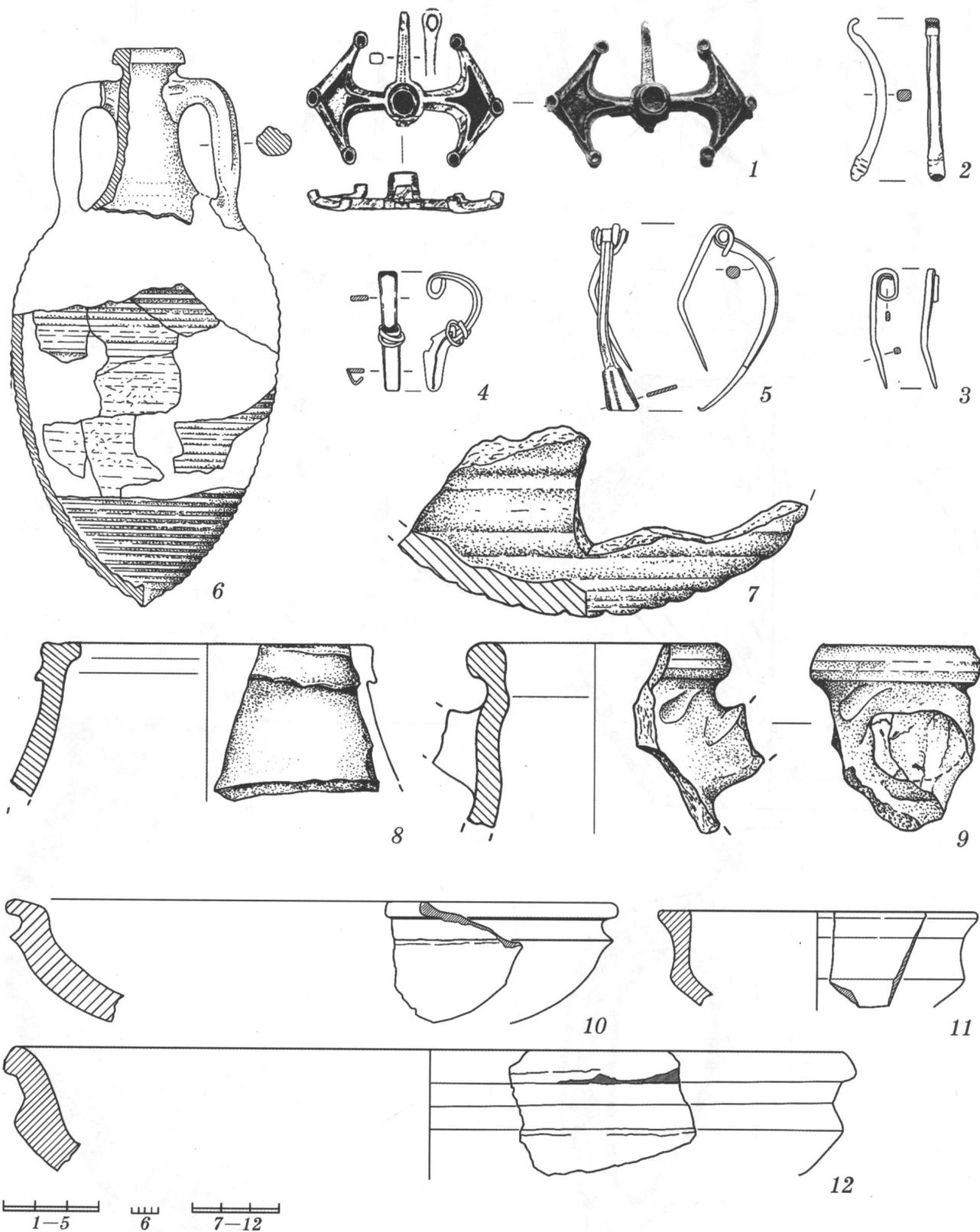

Рис. 7. Рогожкино-XIII.

1 — подвеска с эмалью, случайная находка 1989 г.; 2-5 — бронзовые фибулы, случайные находки 1983 г.; 6, 7 — амфора и фрагмент дна амфоры типа Е (яма 19/1983 г.); 8 — фрагмент амфоры типа Делакеу (яма 1/1983 г.); 9-11 — находки 1983 г. из культурного слоя; 9 — фрагмент розовогоглиняной амфоры неизвестного центра; 10 — фрагмент лепной миски; 11 — фрагмент кружальной оранжевоглиняной миски; 12 — фрагмент лепной миски (яма 4/1983 г.)

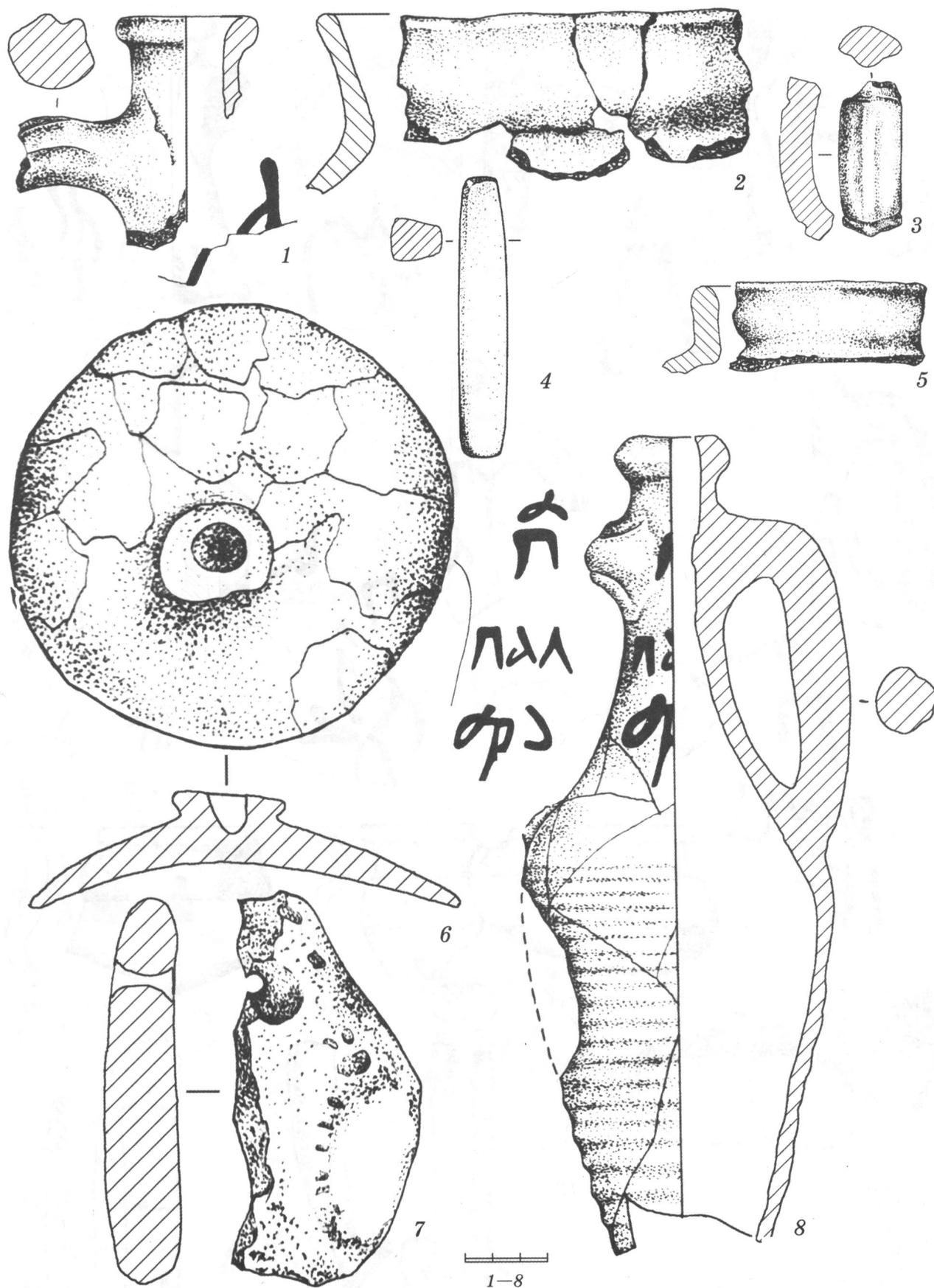

Рис. 8. Рогожкино-XIII.

Сборы 1985 г. из разрушенного культурного слоя: 1, 8 — фрагменты амфор типа F с надписями; 2 — фрагмент лепного горшка-корчаги; 3 — грузило из ручки амфоры типа F; 4 — оселок из мелкозернистого песчаника; 5 — фрагмент лепного горшка, 6 — лепная крышка, 7 — известняковое грузило

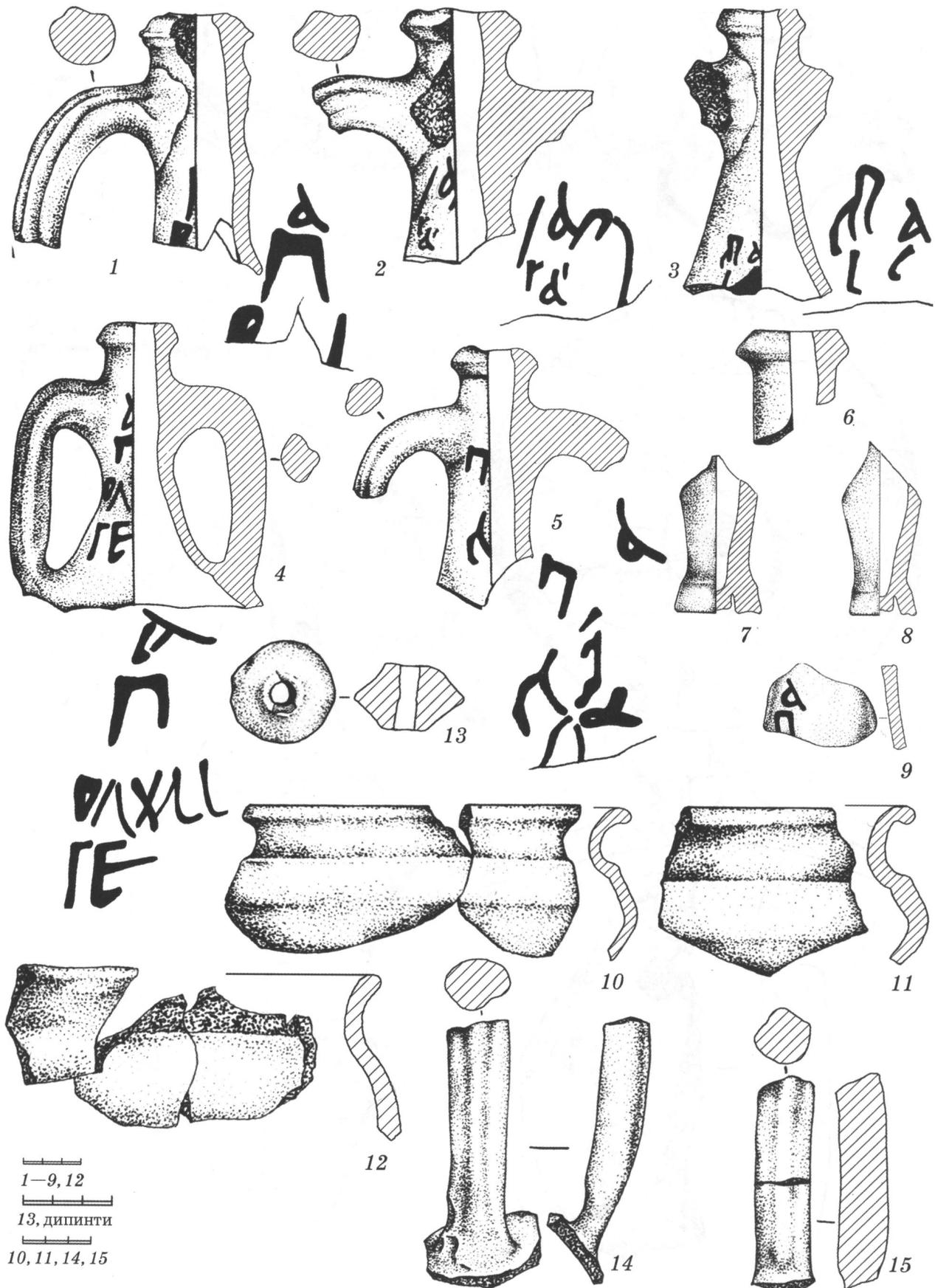

Рис. 9. Рогожино-ХІІІ.

Сборы 1985 г. из разрушенного культурного слоя: 1-9, 14, 14 — фрагменты амфор типа F (1-5, 9 — с надписями); 10, 11 — фрагменты сероглиняных гончарных мисок; 12 — фрагмент лепного горшка-корчаги, 13 — глиняное пряслице

Рис. 10. Рогожкино-ХIII.

1, 2 — кружалый сероглиняный горшок-корчага и фрагмент лепного горшка-корчаги (яма 27/1985 г.); 3 — фрагмент лепной миски (сборы 1985 г.); 4 — фрагмент лепного горшка (яма 25/1985 г.); 5, 6 — фрагмент лепного горшка и глиняное пряслице (сборы 1987 г.); 7 — глиняное пряслице (яма 22/1985 г.); 8-11 — фрагменты амфор с надписью: 8 — из кв. 20 экз. 1 (1985 г.); 9 — из раскопа I, кв. 2-12 (землянка 1985 г.); 10 — из ямы 37/1985 г.; 11 — типа F из сборов 1987 г.

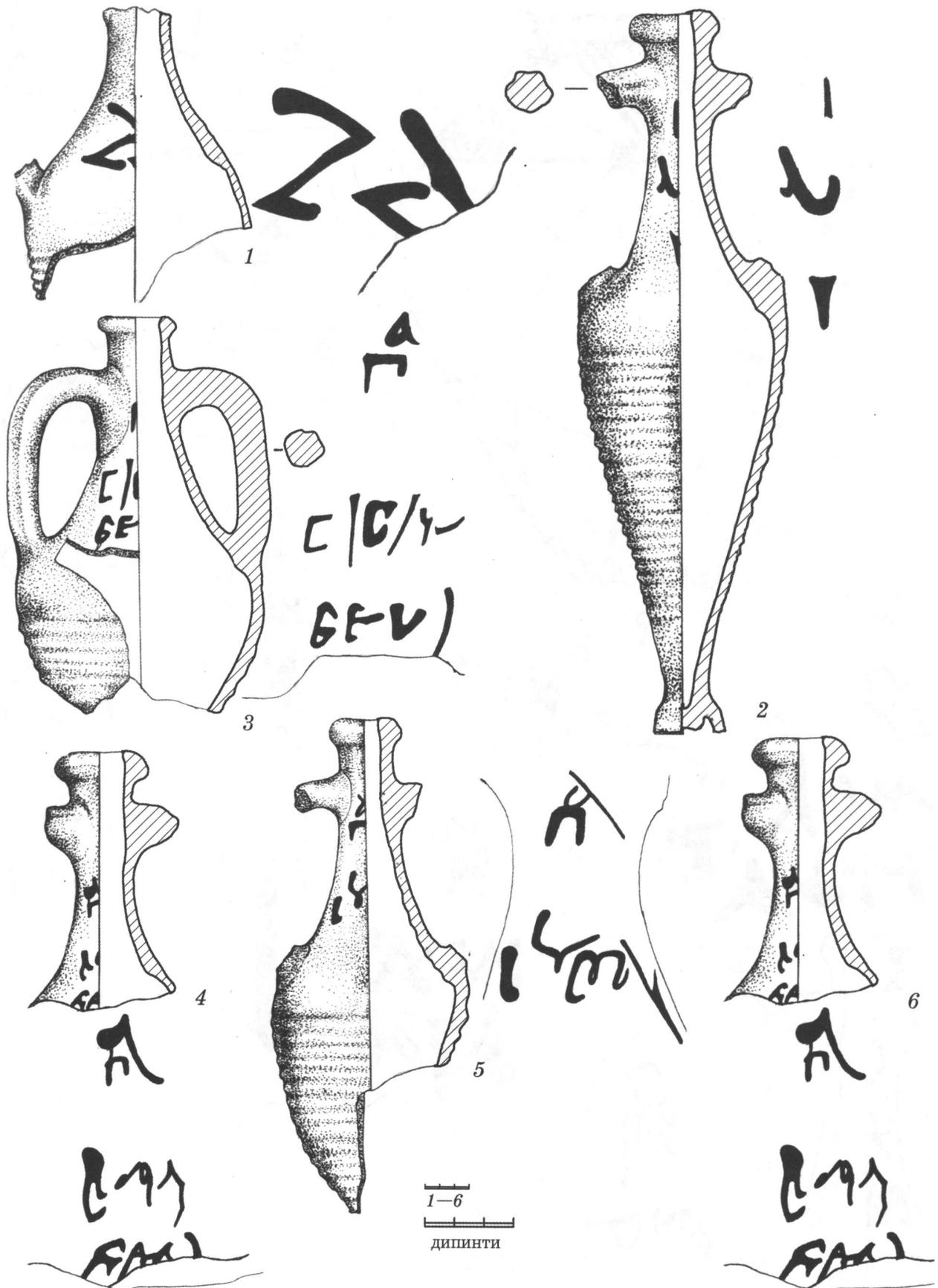

Рис. 11. Рогожкино-ХIII.

Фрагменты светлоглиняных амфор типа F с надписями: 1 — из сборов 1987 г.; 2—6 из ямы 37/1987 г.

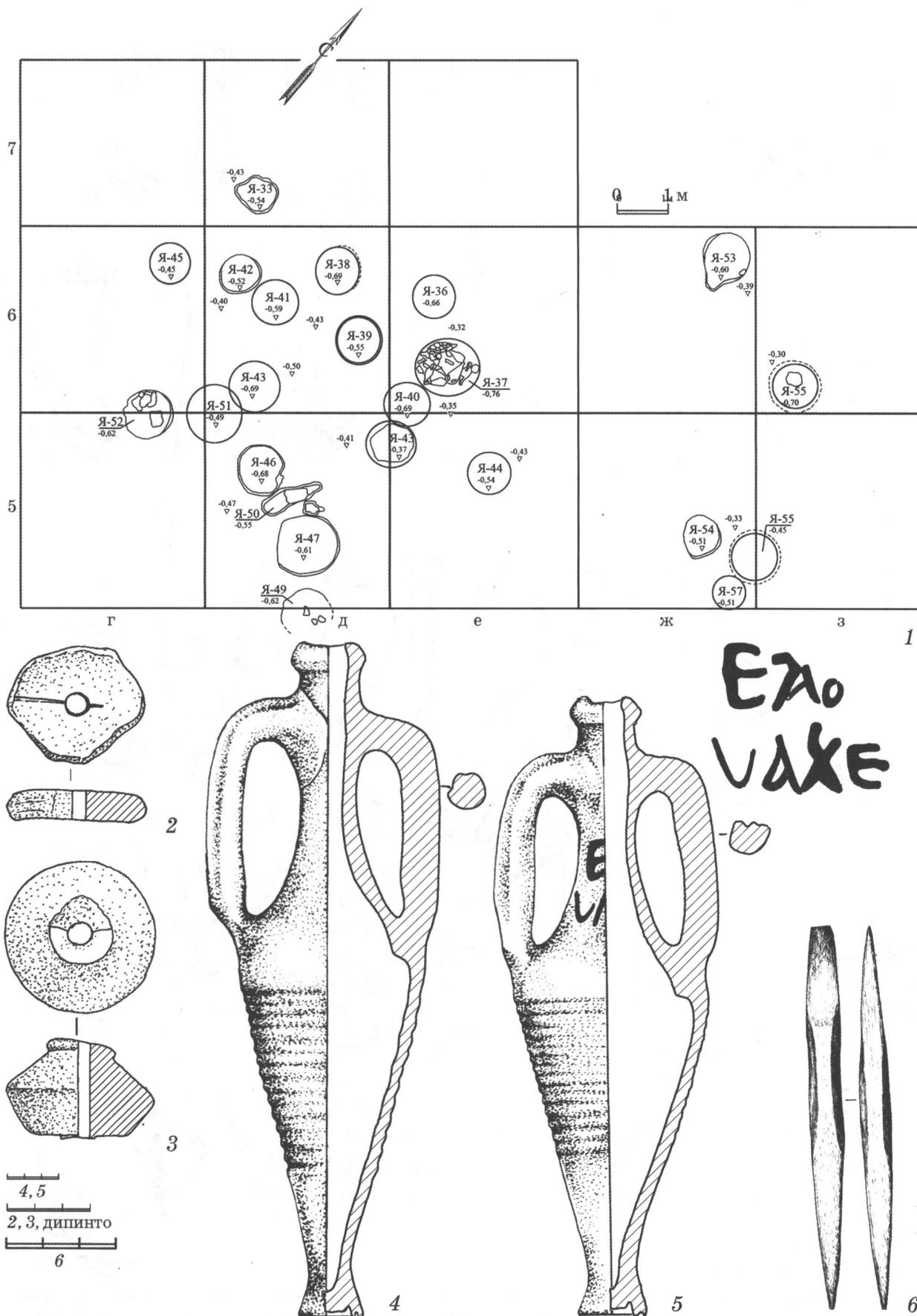

Рис. 12. Рогожкино-XIII.

1 — план ям, центральная площадь раскопа 1987 г.; 2 — пряслице из стенки амфоры (кв. 6В, шт. 2, 1987 г.); 3 — глиняное пряслице (яма 33/1987 г.); 4, 5 — амфоры типа F (яма 37/1987 г.); 6 — костяной инструмент (яма 48/1987 г.)

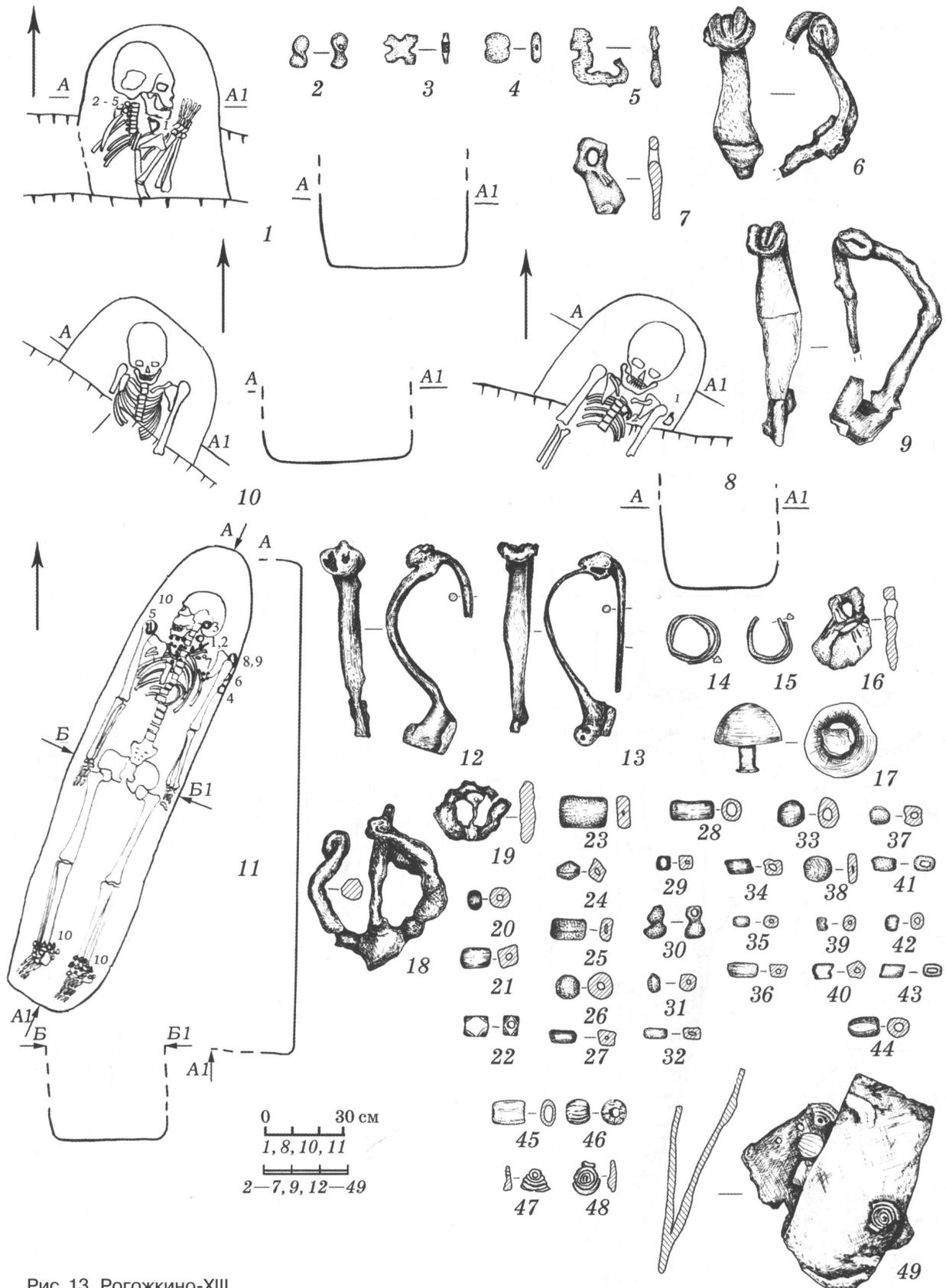

Рис. 13. Рогожкино-XIII.

1-6 — погребение 10/1987 г., 1 — план (1 — фибула, 2-5 — бусы, пронизь и подвеска); 2 — стеклянная бусина, 3 — перламутровая пронизь, 4 — стеклянная бусина, 5 — перламутровая подвеска, 6 — железная фибула; 7-9 — погребение 11/1987 г., 7, 9 — фрагмент бронзового зеркала и железная фибула, 8 — план (1 — фибула, 2 — зеркало); 10 — план погребения 12/1987 г.; 11-49 — погребение 13/1987 г., 11 — план (1, 6 — фибулы; 2 — зеркало, 3 — серьги, 4, 5 — пряжки, 7 — застёжка, 8-9 — панцирная пластина с подвешками, 10 — бусы); 12, 13 — железные фибулы, 14, 15 — бронзовые серьги, 16 — бронзовое зеркало, 17 — бронзовая заклепка, 18, 19 — железные пряжка и сьюльгама, 20-44 — бусы, 45-49 — бусы и спиральки из бронзовой проволоки с панцирной пластины, 49 — железная панцирная пластина

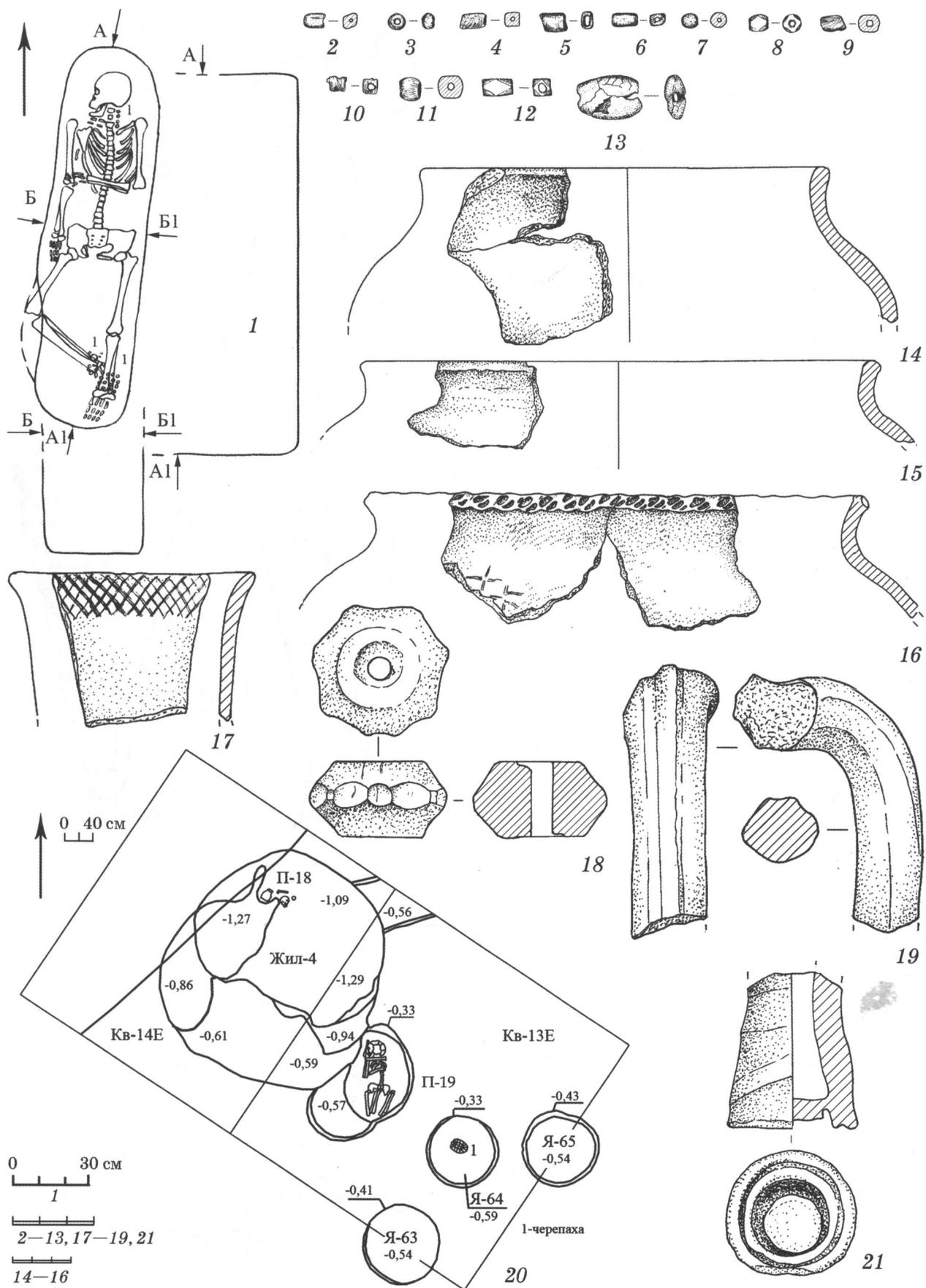

Рис. 14. Рогожино-XIII.

1-13 — погребение 14/1987 г., 1 — план (1 — бусы), 2-13 — бусы; 14-20 — жилище 4/1987 г., 14-16 — лепные горшки-корчаги, 17 — фрагмент сероглиняного гончарного кувшина, 18 — глиняное пряслице, 19, 21 — обломки амфоры типа F; 20 — план

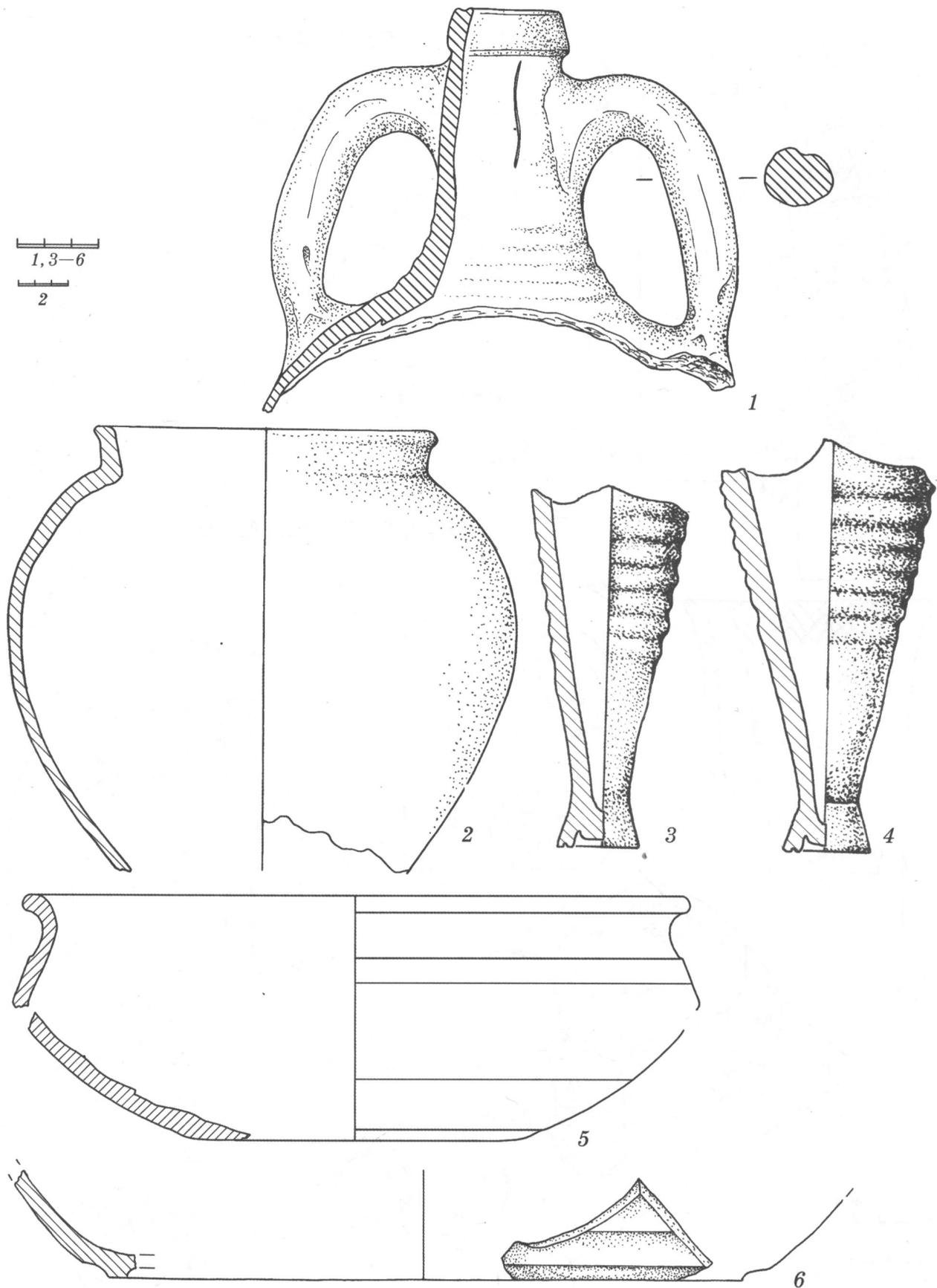

Рис. 15. Рогожино-ХІІІ.

1 — фрагмент амфоры типа Е (жилище 4/1987 г.); 2 — лепной горшок-корчага (яма 52/1987 г.); 3, 4 — фрагменты амфор типа F (яма 37/1987 г.); 5 — сероглиняная кружальная миска (яма 40/1987 г.); 6 — фрагмент краснолаковой миски (яма 57/1987 г.)

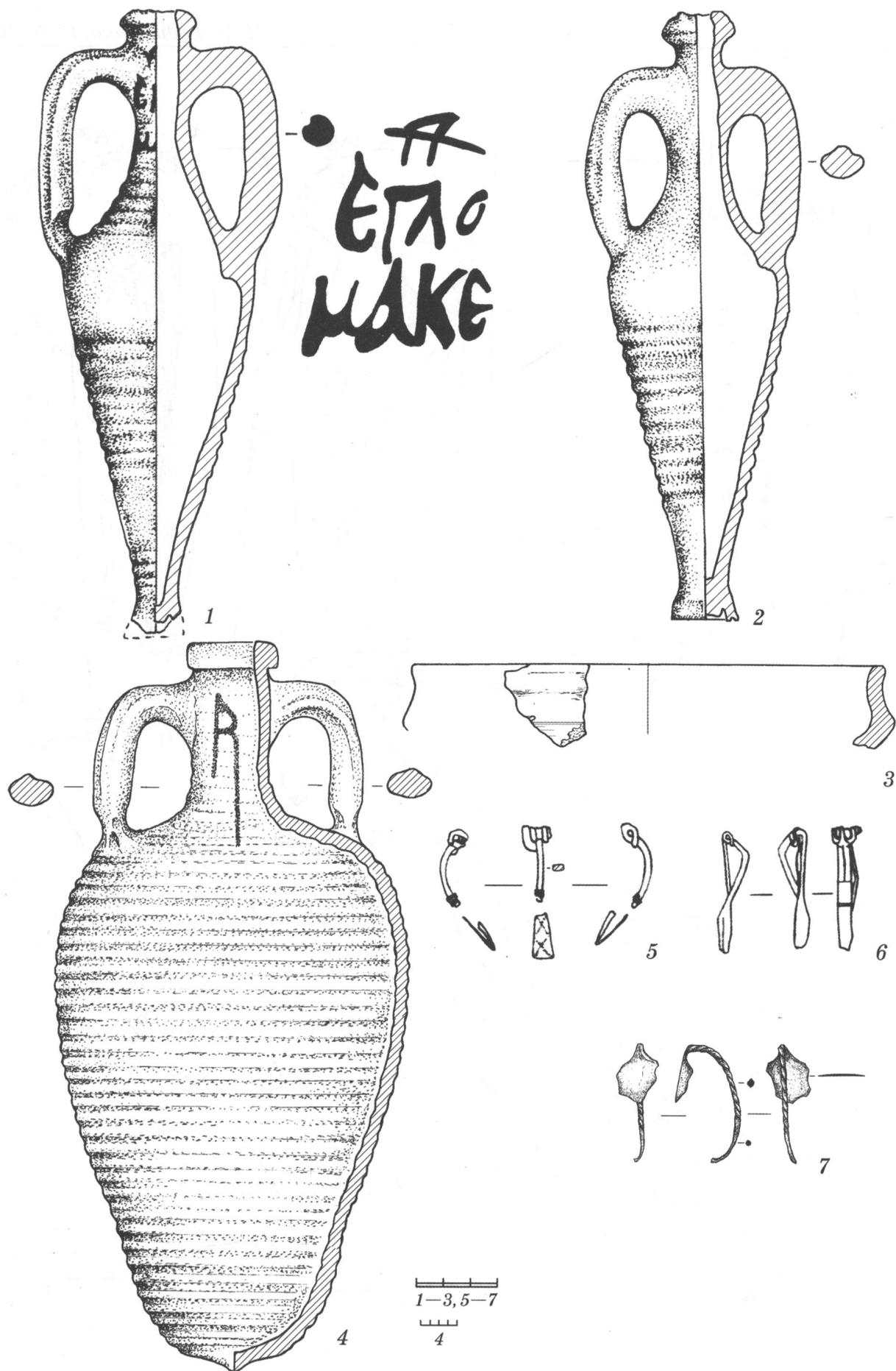

Рис. 16. Находки из дельты Дона.

1—3 — Рогожино-ХІІІ, 1—2 — амфоры типа F (яма 37/1987 г.); 3 — фрагмент кружалъной оранжевоглиняной миски (яма 34/1987 г.); 4 — Дугино-ІV, сборы 1974 г. на территории разрушенного поселенія, амфора типа E; 5, 7 — могильник Подазовского городища, бронзовые фибула и серьга из разрушенного погребенія; 6 — Дугино, бронзовая фибула из «разрушенного поселенія»

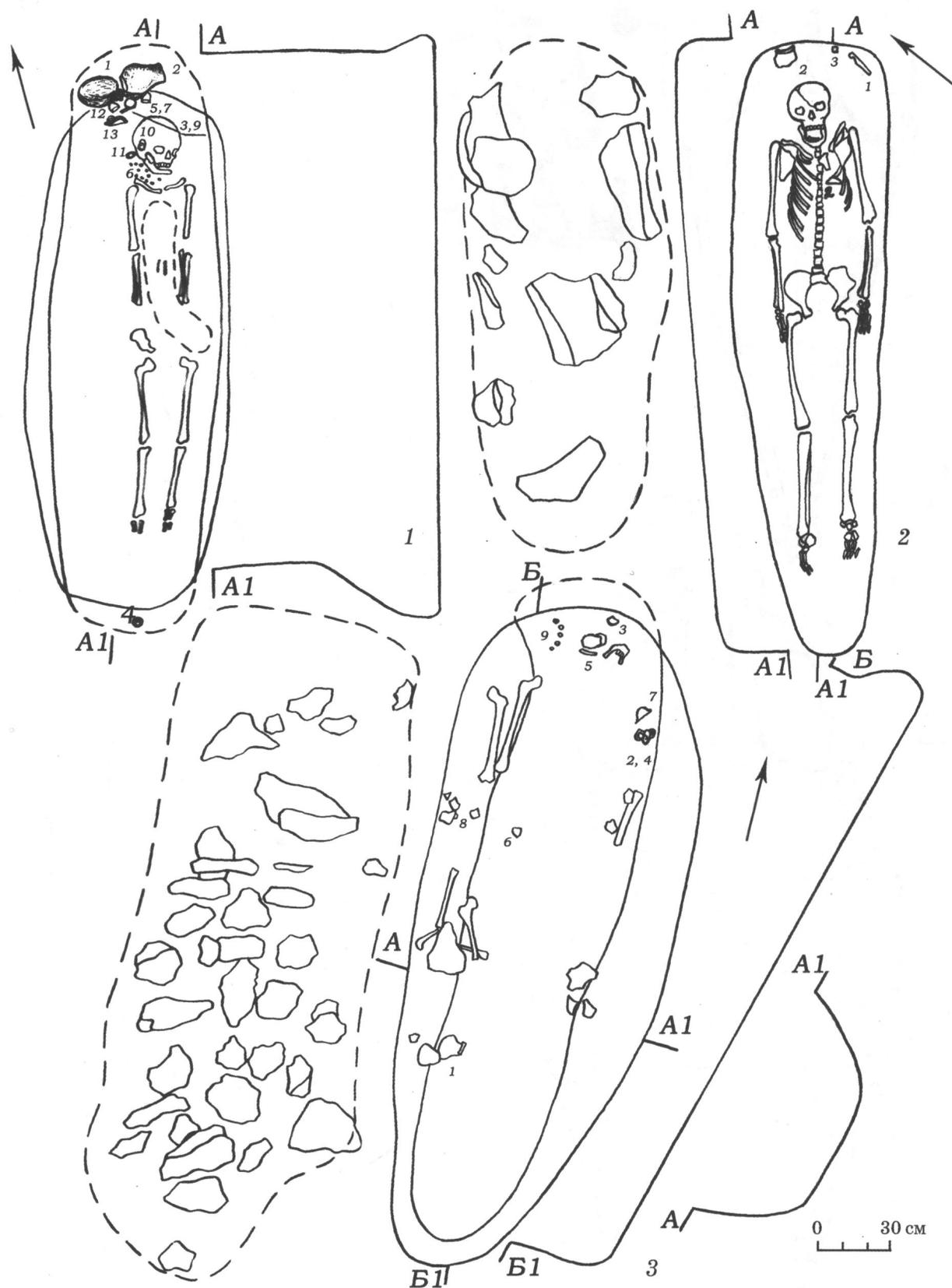

Рис. 17. Пятибратний могильник, курган 10/1976 г.

1 — план погребения 19 (1 — миска, 2 — горшок, 3 — зеркало, 4 — пряслице, 5 — бусы (ожерелье), 6 — мелкие бусины, 7 — колокольчик, 8 — кольцо с шпешками, 9 — железная трубочка, 10 — серебряная серьга, 11 — бронзовая серьга, 12 — колокольчик, 13 — фибула); 2 — план погребения 26 (1 — нож, 2 — бусина, 3 — горшок); 3 — план погребения 28 (1 — горшок, 2, 4 — подвески, 3 — зеркало, 5 — железная трубочка, 6 — пряслице, 7 — фибула, 8 — горшок с орнаментом, 9 — бусины)

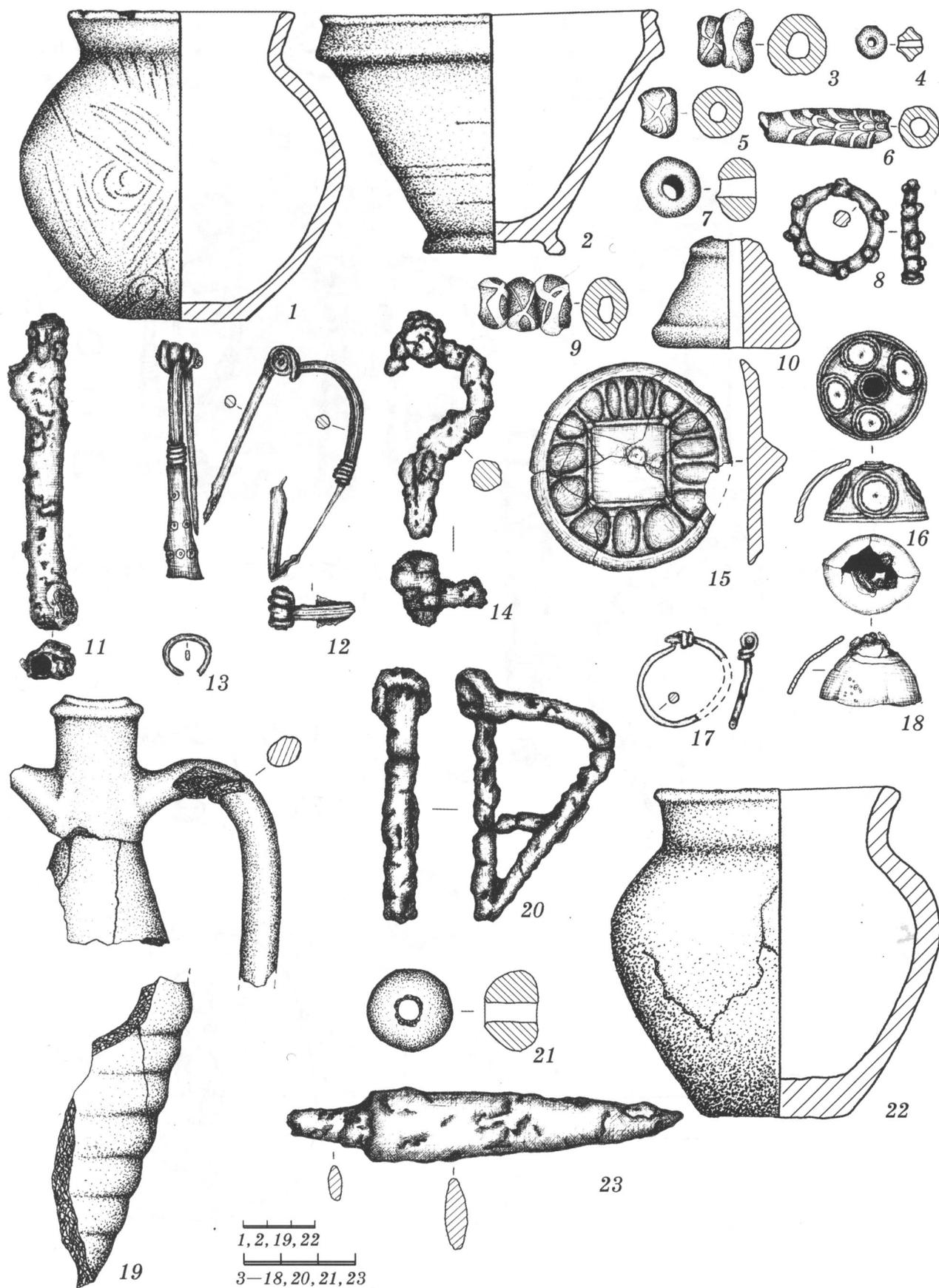

Рис. 18. Пятибратний могильник, курган 10/1976 г.

1-18 — погребение 19, 1 — лепной горшок, 2 — краснолаковая миска, 3-7, 9 — бусы, 8 — бронзовое кольцо с шишечками, 10 — глиняное пряслице, 11 — железная трубочка, 12 — бронзовая фибула, 13, 17 — бронзовые серьги, 14 — железная фибула, 15 — бронзовое зеркало, 16, 18 — бронзовые колокольчики; 19 — амфора типа D из насыпи над погребением 26; 20-23 — погребение 26, 20 — железная фибула, 21 — бусина, 22 — лепной горшок, 23 — железный нож

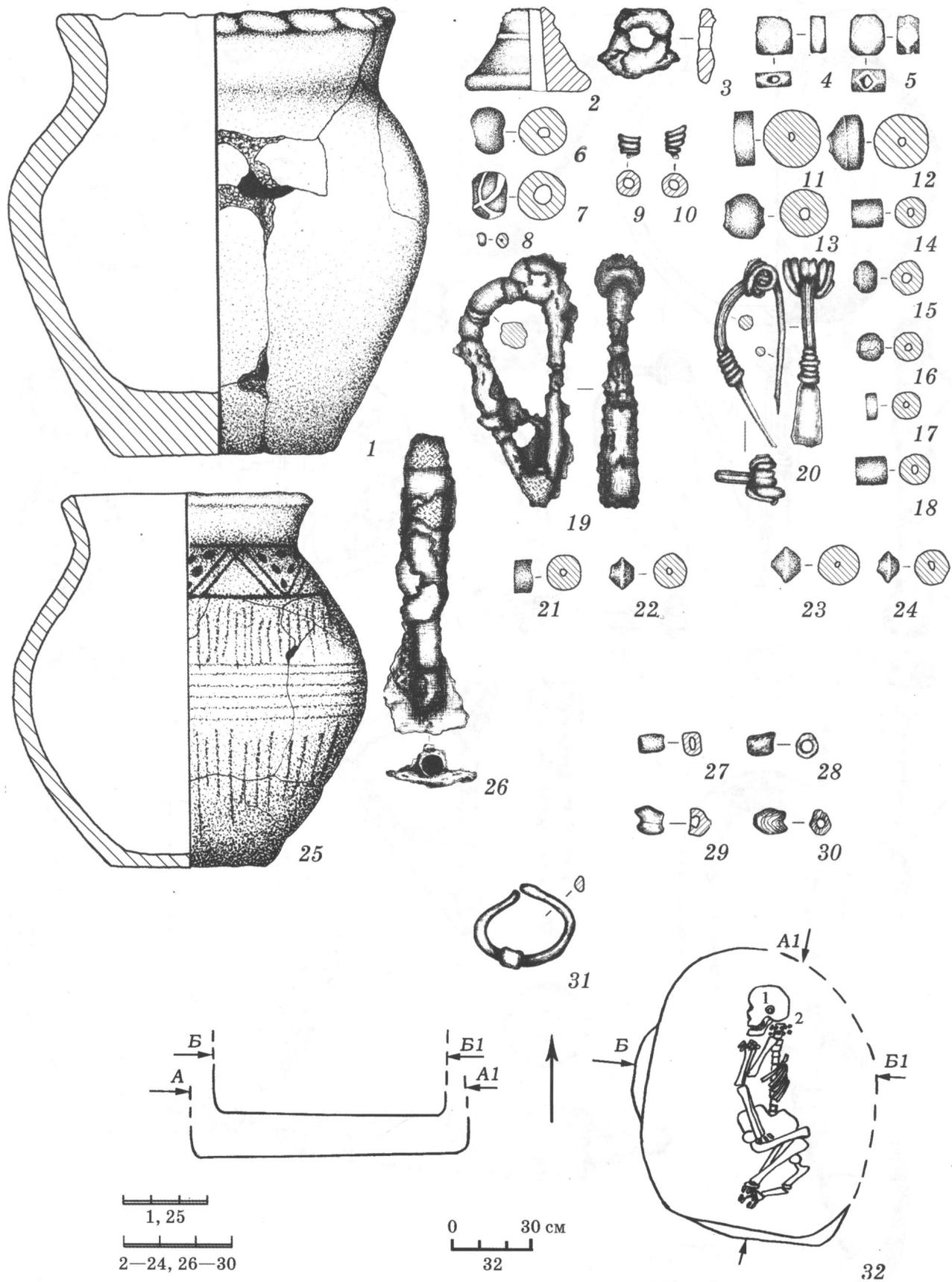

Рис. 19. Могильники дельты Дона.

1–26 — Пятибратный, курган 10/1976 г., погребение 28, 1, 25 — лепные горшки, 2 — глиняное пряслице, 3 — обломок бронзового зеркала, 4–8, 11–18, 21–24 — бусы, 9, 10 — бронзовые проны, 19, 20 — железная и бронзовая фибулы, 26 — железная трубочка; 27–32 — Рогожкино-ХIII, погребение 16/1987 г., 27–30 — бусины, 31 — бронзовая серьга, 32 — план (1 — серьга, 2 — бусы)

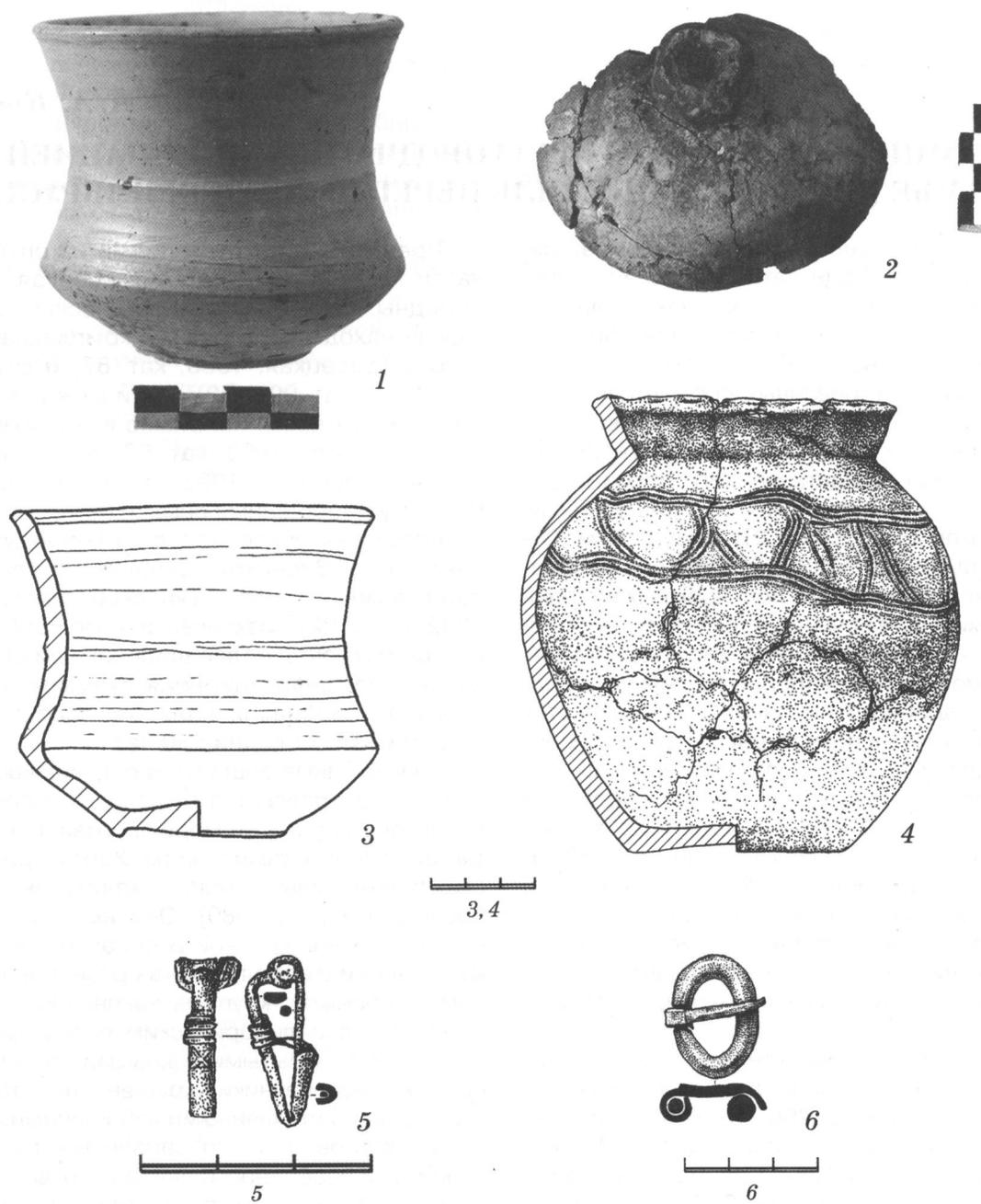

Рис. 20. Могильники дельты Дона.
 1–30 — Дугино–Крест, погребение 24/2009, 1, 3 — кружалый оранжевоглиняный кубок, 2 — лепная крышка;
 4–6 — Дугино-Х, 2009 г., 4, 6 — лепной горшок и бронзовая пряжка из погребения 45, 5 — бронзовая фибула из погребения 47

А. А. Красноперов

ПОЛИХРОМНЫЕ ПРЕДМЕТЫ С ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ИНКРУСТАЦИЕЙ В ПРИКАМЬЕ («ДОГУННСКИЙ» СТИЛЬ ПЕРЕГОРОДЧАТЫХ ИНКРУСТАЦИЙ)¹

О «полихромных» стилях написана огромная литература. Однако, чтобы адекватно понять многочисленные и нередко претендующие на универсальность концепции, не хватает сводов и систематичного описания находок. В данной работе рассматривается одна из групп инкрустированных предметов, представленная в Прикамье выразительной серией деталей ременных гарнитуров. Основные характеристики полихромного стиля, представленного этими вещами, в основном на нижнедонских материалах, были кратко и при этом ёмко даны С.И. Безугловым. Существенные отличия не позволяют отнести рассматриваемые находки к стилями полихромных изделий «гуннской эпохи» и «Керченских склепов», что нередко делалось. Сравнение стиля, характерного для рассматриваемой группы вещей, с другими стилями до их более подробного описания представляется преждевременным — основной целью данной работы является первичная группировка материала.

Впервые находки инкрустированных предметов в Прикамье были зафиксированы еще в XIX в. среди древностей харинского круга [Спицын, 1902]. В середине XX в. такие предметы были найдены и на более южных, чем харинские, памятниках: В.Ф. Генингом в курганах 1 и 7 Тураевского могильника на территории Татарстана, К.В. Сальниковым — в кургане 18 Дежневского могильника в черте современного города Уфы.

При характеристике памятников типа Харинно, ныне в основном относимых к ломоватовской культуре [Генинг, 1959. С.206; Голдина, Королева, Макаров, 1980. С.47; Голдина, Водолаго, 1982. С.124; Голдина. 1985. С.125—126; Голдина, 1986. С.85, 96; Голдина, Водолаго, 1990. С.91; Голдина, 1991. С.169, 173], так же как в публикациях Тураевского [Генинг, 1976. С.104—106; Gening, 1994. S. 317—318] и Дежневского [Пшеничнюк 1968, с. 111] могильников, все предметы со вставками сопоставлялись с полихромными находками из Керченских склепов и потому отнесены к гуннскому времени — первой половине V в. В такой атрибуции некорректным представляется обобщенный взгляд как на приводимые аналогии, так и на сами вещи.

Предметы с инкрустациями из опубликованной части Керченских склепов [Засецкая, 1993] неоднородны. Очевидны стилистические различия как между находками в разных комплексах, например кулона [Засецкая, 1993, кат. 87] и фибул [Засецкая, 1993, кат. 90 и 92], так и между вещами, найденными в одном, например в тайнике склепа 145 (ср.: Засецкая, 1993, кат. 57; Засецкая, 1993, кат. 47а, 49; Засецкая, 1993, кат. 66, 67, 68 (?) и др.). Поэтому обобщенные ссылки на «стиль Керченских склепов» как некое целое малопродуктивны. Уже самой И.П. Засецкой предложена классификация полихромных стилей «гуннской» эпохи [Засецкая, 1982. С.20, 22]. Фактически в этой работе затрагивается материал более широкого диапазона, однако эта классификационная схема не исчерпывает всего разнообразия находок, особенно учитывая открытия за последние 30 лет.

Полихромные вещи из харинских комплексов существенно отличаются от находок с памятников тураевского круга как морфологией самих изделий, так и особенностями декора. Характеристика харинских полихромных поясных гарнитуров дана А.К. Амброзом [Амброз, 1980]. Они включают (рис.1: 1А) пряжки с очень крупной В-образной рамкой из тонкого прута и с небольшой (в сравнении с размерами рамки) обоймой, крупные наконечники ремней «коробочкой» с цилиндрическим расширением в нижней части и закрытыми боковыми сторонами. Щитки пряжек и наконечники украшены накладной пластиной с 3 или 5 стеклянными кабошонами, промежутки между которыми густо заполнены треугольниками зерни. Эти особенности декора соответствуют стилю «Варна — Кара-Агач», показательному для III группы раннесредневековых степных древностей [Амброз, 1971б. С.116, 119; 1981. С.13].

Для пряжек из Тураевских курганов (рис.1: 1Б) характерны: сравнительно небольшая овальная рамка, заметно утолщенная спереди; близкая ей по размерам овальная или сегментовидная (у поздних вариаций — круглая) обойма; накладная пластина в форме широкого «полумесяца»; прямой язычок с площадкой или ступенькой у основания, загиба-

¹ Благодарю Игоря Олеговича Гавритухина за советы при подготовке работы и за предоставленные для публикации прорисовки находок из Тураево, Терезе, коллекции Караковского.

ющийся за передний край рамки до середины ее диаметра. Наконечники «коробочкой» с цилиндрическим расширением в нижней части в лицевую сторону могут иметь закрытые или открытые боковые стороны. Вместе составляют портупейный набор из одной пряжки и пары наконечников.

За последнее время количество комплексов тураевского круга, где представлены полихромные изделия, в Прикамье увеличилось. Они стали известны на могильниках Тарасово, Мокино, Кудаш (карта 1; см.: приложение, каталог 1).

Контекст полихромных изделий, подобных тураевским, очерчен С. И. Безугловым — они не имеют отношения ни к стилям, представленным на вещах из Керченских склепов, ни к гуннам и эпохе их доминирования в Европе, а принадлежат особой группе. Ее признаками являются сложный декор, перегородчатая инкрустация с вставками из мелких, симметрично расположенных камней, цветовая гамма, не столь унифицированная, как в классических комплексах гуннского круга — с широким использованием вставок синего и непрозрачного светло-зеленого цветов [Безуглов, Захаров, 1989. С. 59; Безуглов, Копылов, 1989. С. 177—178].

Хронология группы, названной С. И. Безугловым «стилем догуннских перегородчатых инкрустаций»², была определена по предположенному М. Б. Щукиным и И. А. Бажаном эволюционному ряду полихромных изделий из памятников на территории Грузии [Бажан, Щукин, 1990; Ščukin, Bažan, 1995] и морфологическим особенностям пряжек (утолщен-

ная спереди рамка, прямой язычок с уступом или площадкой у основания) из комплексов с монетами Константина I (307—337 гг.), Лициния I (308—324 гг.) и Феодосия I (379—395 гг.) [Безуглов, Глебов, 2002. С. 296]: Озерное III, склепы 1 и 2; Инкерман, погр. 7(13), 6(37), склеп 5(31); Совхоз-10, погр. 41/1961, 223/1965 и 227/1965 [Лобода, 1977; Веймарн, 1963; Стржеleckий и др., 2003—2004].

К списку С. И. Безуглова можно добавить находки с такими пряжками монет Рискупорида IV (242—276 гг., выпуск 263/264 г.), Галерия (293 г.), Лициния (308—324 гг.), Максимиана Дайи (309—313 гг.): Дружное, погр. 85 [Храпунов, 2002. С. 36, 43]³, Нейзац, склеп 4 [Храпунов, 2008. С. 385]⁴. Кроме того, щиток в виде широкого «полумесяца» из Ружичанки, по форме сопоставимый с накладками, входящими в гарнитуры тураевского круга, отнесен Е. Л. Гороховским по его хронологической схеме для черняховских могильников Южного Побужья и Поднепровья к III (косановской) фазе [Гороховский, 1988. Рис. 45], датированной 330—380 гг., О. В. Шаровым — к хронологической группе IVA могильника Ружичанка, датированной 320—340 гг. [Шаров, 1992. Табл. VII: 75], И. А. Бажаном и О. А. Гей — к периоду 1 их хронологической схемы черняховской культуры, т. е. 230/240—270/280 гг. [Гей, Бажан, 1997. Табл. 66: 16].

Количество полихромных предметов, относимых к «догуннской» группе, постоянно увеличивается. В их число попадают самые разные вещи, объединяемые только временным интервалом — до классических стилей эпохи гуннского доминирования в Европе⁵.

² Используемый С. И. Безугловым термин «догуннский» вошел в широкое употребление. По мнению И. О. Гавритухиной, Безуглов трактует термин «гуннский период» слишком узко, и ряд древностей, определяемых как «догунские», относятся к раннему гуннскому времени, наступившему к западу от Дона незадолго до 376 г., а восточнее — еще раньше [Гавритухин, 2010. С. 55]. В данной работе «догунским» называется период «до 4 четверти IV в.», «раннегуннским» — «около 4 четверти IV в.», «гуннским» — «1 половины V в.».

Вполне очевидно, что использование С. И. Безугловым термина «догуннский» призвано подчеркнуть то, что характеризующиеся так вещи возникли, развивались и распространялись еще в предшествующее появлению гуннов на исторической арене время, т. е. их происхождение и эволюция не связаны с гуннами. Термин «раннегуннский» должен отражать процесс формирования набора предметов новой («гуннской») эпохи — новых типов пряжек, наконечников и пр. Это не предполагает резкой и обязательной смены всей материальной культуры — пережиточное бытование вещей предшествующего времени является нормой. Теоретическая модель «отмирания живой культуры» подробно рассмотрена О. В. Шаровым [Шаров, 2007. С. 9—32]. Термин «гуннский» отражает эпоху широкого распространения новых стилей (в т. ч. полихромных), что связано с гуннским господством над многими народами, формированием элиты их державы и т. д.

³ Определения В. А. Сидоренко.

⁴ Определение Н. А. Алексеенко.

⁵ Емкую историографическую характеристику проблемы «догуннского полихромного стиля» дал В. Ю. Малашев, упомянув всего три работы [Яблонский, Малашев, 2008. С. 69—70]. Оценка двух из них предельно кратка, обща, но точна: «Важным шагом в решении этого вопроса явились работы С. И. Безуглова и А. В. Захарова [Безуглов, Захаров, 1989] и И. А. Бажана и М. Б. Щукина [Бажан, Щукин, 1990]. Авторами собрана и проанализирована серия вещей, изготовленных в указанной технике, в первую очередь с территории Закавказья, а также высказано мнение о времени появления данного стиля — 2-я пол. III в. [Безуглов, Захаров, 1989. С. 59, 60; Бажан, Щукин 1990. С. 92]. В качестве гипотезы об одной из возможных территорий возникновения предметов в технике клуазонне (в том виде, который характерен для гуннского времени) наряду с Западным Закавказьем и Восточным Средиземноморьем был назван Иран раннесасанидского времени [Бажан, Щукин, 1990, с. 94, 95]. Полагаю, на сегодняшний день данные работы можно считать основополагающими при решении проблемы сложения стиля клуазонне в позднеримское время» [Яблонский, Малашев, 2008. С. 69]. Отзыв о третьей работе [Adams, 2000] более развернутый. В. Ю. Малашев уклончиво оценивает выводы автора, а основным достоинством считает каталог находок, который дополняет, существенно расширив ареал изучаемых вещей. Полученный список объединяет украшения явно разных стилей и эпох, но на основе хронологии типов вещей (пряжек и др.), с учетом стилистических наблюдений (изменение цвета и материала вставок) В. Ю. Малашев предлагает свою периодизацию. Территорией, с которой связано происхождение полихромных изделий первой волны их широкого распространения (I в. н. э.), он считает Среднюю Азию. Эпицентр второй волны, наступившей после долгого перерыва, — Закавказье и Иран периода утверждения господства первых Сасанидов и связанных с этим военных акций в Средней Азии. Распространения второй волны на Приуралье соотносится с участием в этих событиях местных групп воинов в качестве союзников Хорезма [Яблонский, Малашев, 2008. С. 71].

Предметы, отнесенные С. И. Безугловым в одну группу, на мой взгляд, принадлежат разным сериям, которые можно разделить по композиционному строю декора.

К **кавказской серии** (рис. 1: 2) относятся пряжки и наконечники ремней со сплошной инкрустацией и рядным расположением вставок. Основной композиции декора здесь является *подчеркнутый периметр*, набранный из камней, близких по форме прямоугольнику (иногда прямоугольники как бы накладываются на угол у соседних прямоугольников), реже — треугольнику; центральная часть изделия заполнялась плотно, но хаотично. В рамках серии выделяются варианты: Центральный — Муслюмово; Недвиговка; Ргани (рис. 22), характеристика которых — предмет особой работы.

У вещей **серии Цибилум — Тураево** (рис. 1: 3; каталоги см. в приложении) основной композиции является *центральная часть*, окантованная металлическим рубчиком (перекрученная проволока, имитация зерна («псевдозернь») из проволоки, проволока, гнутая плавной волной или зигзагом). Такая окантовка никогда не встречается у вещей кавказской серии. Вставки по форме близки треугольнику или усеченному конусу, нередко они бывают близки по форме полукругу. Вещи этой серии распространены очень широко, от Венгрии до Туркменистана (карта 1). В рамках серии выделяются варианты: западнокавказский (приложение, каталог 2) и прикамский (приложение, каталог 1).

Совместные находки предметов разных серий не редкость⁶, что свидетельствует о небольшом хронологическом «разбросе» комплексов, но позволяет предполагать несколько различных импульсов развития стиля.

Датировка находок из гробницы 1 в Мцхете, предложенная М. Б. Щукиным и И. А. Баханом (II в.), основана, прежде всего, на находке 4 монет⁷ Адриана (117—138 гг.) [Апакидзе и др., 1955. С. 37—38; Капанадзе, 1955] и, очевидно, несколько занижена. В этой гробнице найден уздечный набор, элементы которого являются признаками выделенного С. И. Безугловым «всаднического горизонта», датированного серединой II — серединой III в. [Безуглов, 1988 и др. его работы]: 5 сбруйных «бус», 2 бляхи, пряжки и наконечники-подвески [Апакидзе и др., 1955. Табл. I, XXXIX]. Такой набор близок сбруе из погр. 1 кургана 25 могильника Валовый I [Беспалый и др., 2007. Табл. 71—77]. «Бусы» можно сравнить с пятью аналогичными находками в кургане 8 могильника Комаров II [Аланский всадник..., 2005, каталог, № 53], где сочетаются вещи варианта Центральный — Муслюмово кавказской серии и стиля Закшув — Кишпек (см. о нем: Амброз 1989. С. 23—24), представленного в центральноевропейских комплексах не ранее 2-й пол. III в.

Датировка комплекса из Муслюмово (рис. 2) основана на дате прогнутой подвязной фибулы с широким кольцом для удержания оси пружины — не ранее IV в. (рис. 2: 10; [Амброз, 1966. С. 68]), и удила с маленькими зажимами со щитком почковидной формы (рис. 2: 25), которые С. И. Безуглов считает возможным сопоставлять с обоями пряжек аналогичной формы и датировать второй половиной III — IV в. [Безуглов, Захаров, 1988. С. 19].

Полихромные вещи из склепа на Тарханской дороге (рис. 3) отнесены А. А. Васильевым к первому периоду его сооружения [Васильев, 2004], датированному монетой Фофорса (286—308 гг.) и индикацией монеты Лициния I (308—324 гг.) [Засецкая, 1993. С. 93]. Бутылка из этого комплекса (рис. 3: 41; [Засецкая, 1993. № 367; 2008. Рис. 13: 1. Табл. IX: 3. № 40]) может быть сопоставлена с находкой в Уреки (рис. 4: 27; [Леквинадзе, 1975. Рис. 9]). Пряжка из Уреки (рис. 4: 20) сопоставима с застежкой из Недвиговки (рис. 5: 26). Недвиговский комплекс входит в группу погребений, вещи из которых образуют замкнутый круг аналогий (рис. 6: 1): металлические флаконы, зеркала с квадратным рельефом, двучленные лучковые фибулы, сильно профилированные фибулы варианта 2 серии II группы 11 по А. К. Амброзу, трубчатые игольники, туалетные наборы, ложки [Безуглов, Захаров, 1989. С. 51—52; Безуглов, 2008; Гавритухин, 2010. С. 55]. Погребение в Центральном, одно из опорных для определения хронологии этой группы, датировано С. И. Безугловым «в пределах IV в., без последней четверти» [Безуглов, Копылов, 1989. С. 178]. В погр. 1 кургана 3 и погр. 2 кургана 13 из Большой Димитровки, относящихся к той же группе, найдены подвески и калачиковидные серьги «позднесарматского» стиля, «черняховские» трехчастные односторонние гребни, янтарные грибовидные подвески (рис. 6: 5—7; [Матюхин, 1992. Рис. 2: 4, 5, 17, 23, 25]), что, по И. О. Гавритухину, определяет датировку в рамках середины III — середины IV в. [Гавритухин, 2010. С. 54].

Таким образом, дата вариантов Центральный — Муслюмово и Недвиговка кавказской серии укладывается в период конца (возможно, середины) III — середины IV в., по С. И. Безуглову [Безуглов, 2008. С. 289—290]. Близки и датировки, обоснованные И. О. Гавритухиным [Гавритухин, 2010. С. 55—56]. Данных для определения хронологии варианта Ргани нет, поскольку он, насколько мне известно, представлен случайными находками.

Захоронение в Козинке (рис. 16), полихромная пряжка из которого принадлежит западнокавказскому варианту серии Цибилум — Тураево (рис. 15: 5; каталог 2, № 5), отнесено С. И. Безугловым к IV в., «без ранней части столетия» [Безуглов, Глебов, 2002. С. 300] Остальные аналогичные по декору пряжки (коллекция Караковского (рис. 15: 6; каталог 2, № 5), Лебень (рис. 15: 7; каталог 2, № 9), вероятно, близки по дате.

⁶ Примером тому служит комплекс из Терезе, где вместе найдены образцы сразу трех серий (приложение, каталог 2, № 13); см. полное описание в прим. 30.

⁷ Определение Д. Г. Капанадзе.

Среди комплексов с вещами прикамского варианта (приложение, каталог 1) к ранним⁸ относится погребение 1 кургана I в Тураево, где найдены (рис. 11Б): меч с халцедоновым навершием, пара длинных оселков, одночастные наконечники ремней с секировидным расширением, пряжки с овальными рамками без утолщения и слегка прогнутыми язычками, не выступающими за пределы рамки. Часть вещей (меч, навершие, длинные оселки) имеет аналогии во «всаднических погребениях» первого этапа позднесарматской культуры — середины II — середины III в. [Безуглов, 1997; 2008. С. 286]. Наконечники датируются не ранее середины IV в. [Малашев, 2000. Рис. 1; Гугуев и др., 2010. С. 284].

К более позднему времени относятся погр. 1772 в Тарасово, погр. 1 кургана VII в Тураево, а также, видимо (комплексы мне неизвестны), погр. 2 кургана 1 и погр. 29 в Кудаше, объединенные на основе аналогичной композиции декора пряжек и наконечников (кат. 1—2б, в, 3, 5б, 8б, в, рис. 15: 1, 4—7, 11а).

Аккуратная янтарная бусина из погр. 1772 в Тарасово (рис. 12: 10; [Голдина, 2003. Табл. 656: 1]) относится к типу I/16 по О. В. Гопкало [2008. Фото 2: 14, 16], датирована в погр. 245 могильника Сонова серебряной прогнутой подвязной фибулой варианта Б1 по Е. Л. Гороховскому последней трети — концом III в. [Гопкало, 2008. С. 107—108. Рис. 8: 1]. Вторая бусина из погр. 1772 в Тарасово (рис. 12: 11) сопоставима с бусами типологических групп IX и X по О. В. Гопкало, относящихся к хронологической группе 5 женских погребений черняховской культуры, датирована по монетам (346—350 и 352—355 гг.) и другим находкам не ранее 2-й половины IV в. [Гопкало, 2008. С. 108]. В погр. 1 могильника Замковый похожая бусина найдена с фибулой черняховского облика (рис. 7А: 1; [Абрамова, 1997. Рис. 17: 3]), в погр. 24 могильника Байтал-Чапкан — с Т-образной шарнирной фибулой (рис. 7А: 3; [Минаева, 1956. Рис. 7: 7; Абрамова, 1997. Рис. 32: 6]), в Петроаселе — с 14-гранными бусами, двупластинчатыми фибулами, грибовидными янтарными и ведроквидными подвесками (рис. 7А: 2; [Harhoiu, 1998. Taf. LXXVII: 13]).

Интересующие нас погребения (1772 и 1784; рис. 12; 13) в Тарасово объединяют аналогичные находки оружия (топоров и «топоровидных предметов») и пряжек с утолщенной спереди овальной рамкой, спрямленной сзади, и загнутыми до середины толщины рамки прямыми толстыми язычками со ступенькой у его основания.

В двух из рассматриваемых погребений: 1784 в Тарасово и 1а из кургана VII в Тураево найдены шлемы (рис. 13: 18; 14: 24). Получившая широкое распространение реконструкция тураевского экземпляра, предложенная В. Ф. Генингом [Генинг, 1962. Рис. 31: 16; 1976. Рис. 16б, 31: 1; Gening, 1994. Abb. 28: 1], не обоснована. На фотографии [Генинг, 1976. Рис. 16а] отчетливо видно, что этот шлем имеет более вытянутую, чем на реконструкции, коническую

тулью, что сближает его с упомянутым шлемом из Тарасово [Голдина, 2003. Табл. 668; Наследие..., 2007. Рис. 40]. Близки им шлемы из коллекций музеев Лос-Анжелеса и Брюсселя, определенные как сасанидские [Les Perses sassanides. № 131].

Комплекс из погр. 1 кургана VII в Тураево является самым поздним в рассматриваемом ряду и относится к раннегуннскому времени. По морфологии инкрустированного наконечника, наличию накладки лунницы и наконечника с двухскатной поверхностью этот комплекс может быть сопоставлен с находками из кургана 2 в Утамыше (рис. 8Б; [Котович и др., 1980]). Пряжки из Утамыша (рис. 8Б: 1, 3) имеют площадку у основания язычка, а сам язычок лишь слегка загибается за край рамки, т.е. к показателям поздней даты в утамышском, как и рассматриваемом тураевском, наборе относятся двускатный наконечник и накладка лунница. Однако лунница (рис. 8Б: 9) появляются уже в IV в. [Безуглов, 1990. С. 83, рис. 1: 5; Безуглов, Ильяшенко, 2000. С. 97], например в кургане 3 могильника Пирожок (рис. 7Б: 2), хотя известны и в комплексах, датированных позднее, например в склепе 1988 г. могильника МТФ в Фанагории, отнесенного И. О. Гавритухиным к ранней части гуннского времени (рис. 7Б: 1; [Гавритухин, 2003. Табл. 64: 68]). Двускатный наконечник ремня (рис. 8Б: 5), как и все погребение в Утамыше, В. Ю. Малашев отнес к хронологической группе IV ременной гарнитуры сарматского круга, датированной второй половиной IV в., не исключая несколько более позднюю дату [Малашев, 2000. Рис. 13В. С. 207]

Пряжка, накладка и наконечники из Муслюмово (рис. 2: 9, 12—14) и наконечник из Утамыша (рис. 8Б: 4) относятся типологически к самым поздним в кавказской серии — появление рядов зерни по периметру предметов является показателем перехода к стилю, характерному для серии Цибилиум — Тураево (рис. 9; см. ниже).

Принимая во внимание наблюдения М. Б. Щукина и И. А. Бажана, для вещей указанных серий можно наметить следующий **эволюционный ряд** (рис. 1: 4). На памятниках с территории Грузии инкрустированные изделия чаще всего представлены шейными украшениями с круговым декором из камней с прямыми углами (вариант Ргани и производный от него вариант Недвиговка). В комплексах варианта Центральный — Муслюмово наблюдается переход той же системы декора на другую категорию предметов — пряжки и наконечники. Затем на вещах этих категорий в рамках серии Цибилиум — Тураево происходит упрощение декора.

На рисунке 9Б показан предполагаемый эволюционный ряд ременных гарнитуров. Стилистически наиболее ранней является пряжка из Центрального (рис. 9Б: 1) со сплошным заполнением щитка камнями, подчеркивающими при этом периметр. На пряжке из Муслюмова (рис. 9Б: 2) та же композиция дополнена по внешнему краю рядом псевдозерни из рубчатой проволоки, на наконечниках из

⁸ На рисунке 9А показано соотношение прикамских и некоторых важных для их понимания комплексов на основе ряда показательных вещей.

этого комплекса исходная структура декора еще читается, а на наконечнике из Утамыша (рис. 9Б: 3) четкость в расположении камней нарушена, при этом «пастовые» (не каменные) вставки становятся более заметными. Важным декоративным элементом стала псевдозернь, уменьшилась площадь вставок, периметр перестает быть композиционной основой декора.

В дальнейшем именно центральная часть щитка, оконтуренная широким металлическим бордюром, является основой композиции. Композиции, украшающие овальные накладки на обойму (коллекция Караковского; рис. 9Б: 4), когда обойму изготавливают с вырезом для язычка (Козинка; рис. 9Б: 5), по необходимости дополняются новым элементом — планкой, перпендикулярной язычку. Сама композиция начинает упрощаться: крест заменяется на зигзаг (Лебень; рис. 9Б: 6). Этот мотив сохраняется при изменении формы накладки на лувовидную и становится основным элементом орнамента (Дежнево, Мокино; рис. 9Б: 7, 8). Дальнейшее упрощение композиции представлено на образцах, у которых зигзаг превращается в «угол», делящий поле накладки на три треугольника (Кудаш, коллекция Зичи, Старокорсунское, Высочино; рис. 9Б: 9, 10, 11). Наиболее поздними типологически выглядят те накладки, у которых вместо «угла» сделаны две самостоятельные почти параллельные планки (Терезе, Кубей; рис. 9Б: 12, 13).

Последующая эволюция недостаточно ясна, возможно, нам не известны находки промежуточного звена развития стиля. При сохранении характерного бордюра из рубчатой проволоки, форма накладки на обойму изменяется на круглую, существенно усложняется композиция, составленная из серии треугольников, группирующихся вокруг центрального круга (рис. 9Б: 14, 15). Эти изделия относятся уже к гуннскому времени или датируются не ранее того (см. приложение, каталог 2, примечания к № 10 и 17).

Декор обоймы пряжки, известной по Спицынским «корочкам» (рис. 9Б: 16), можно рассматривать как деградацию композиции, представленной на накладке из Лермонтовской скалы (рис. 9Б: 15). Дату «спицынской» пряжки определяет наличие у нее, судя по рисунку (см. приложение, каталог 2, № 11), полой рамки, характерной для группы II степных раннесредневековых древностей по А. К. Амброзу [Амброз, 1971б. С. 115; 1981. С. 13], где полихромные изделия представлены стилем Шипово. Не исключено, что накладка на обойму этой пряжки выполнена прессовкой, особенно характерной для Шиповского стиля, тогда вещь следует отнести к другой (здесь не рассматриваемой) группе.

В заключение остановимся на общей характеристике представленных в Прикамье полихромных изделий с перегородчатой инкрустацией. Выше показано, что, вопреки широко распространенному мнению, они ни стилистически, ни хронологически не связаны с находками из Керченских склепов.

Полихромные гарнитуры в Дежневском, Кудашевском, Мокинском, Тарасовском, Тураевском могильниках относятся к самостоятельному прикамскому варианту серии Цибилиум — Тураево, выделяемой в рамках группы «догуннских» полихромных изделий.

Прототипы этих гарнитуров представлены преимущественно образцами из комплексов второй группы финального («катакомбного») этапа культуры кочевников Нижнего Подонья позднесарматского времени [Безуглов, 2008. С. 289—291]. Истоки этого полихромного стиля связаны с культурами Закавказья. Исторический контекст появления изделий рассматриваемого стиля на Дону представляется следующим. Разрушение Танаиса в середине III в. и разгром связанной с ним донской группировки кочевников мигрантами с Центрального Кавказа привели к кардинальным изменениям в системе контактов населения Нижнего Подонья [Яблонский, Малашев, 2008. С. 72]. Одно из последствий этого — появление погребений с вещами, украшенными перегородчатой инкрустацией (например, могильник Центральный). К IV в. центральнокавказское население прочно обосновывается в Нижнем Подонье. Этим временем датируется основная масса находок рассматриваемых полихромных изделий.

Прикамские комплексы датируются не ранее середины IV в., вероятно третьей четвертью этого столетия, так как характерные признаки «раннегуннского» и «гуннского» времени (например, двухскатные наконечники ремней) в рассмотренных комплексах с полихромными вещами только начинают появляться.

Упомянутые прикамские погребения Р. Д. Голдина относят к концу IV — первой половине V в. и связывает похороненных в них воинов (хорошо вооруженный отряд) с движением в Среднее Поволжье и Прикамье групп черняховского населения — «скорее всего, гото-славян» [Голдина, 1999. С. 262—266; Голдина, Бернц, 2010. С. 149, 155, 157—160]. Однако представляется, что это были не остатки пришедшей дружины, а ветераны воинского отряда из Прикамья, вернувшиеся после службы в далеких странах и принесшие домой некоторые ее материальные свидетельства. Наличие сасанидского шлема и меча (Тураево, курган V; [Генинг, 1976. Рис. 15. С. 71]) может указывать на места военных действий, в которых участвовал этот отряд.

Приложение 1

ИЗДЕЛИЯ СЕРИИ ЦИВИЛИУМ—ТУРАЕВО

Каталог 1. Прикамский вариант (рис. 10; карта 1).

Названия памятников расположены в алфавитном порядке, комплексов — по номерам. Знаком * отмечены описания, взятые из публикаций⁹. В ряде случаев приведены цитаты авторов, определявших положение публикуемых ими вещей в системе относительной и абсолютной хронологии, иногда с моими комментариями.

1. Дежнево, погр. 1 в кургане 18. Пряжка (рис. 10: 9; 11А).

Бронзовая, позолоченная. Рамка овальная, сильно утолщенная спереди, круглая в сечении. Язычок прямой, без прогиба, слегка загнутый за передний край рамки, с уступом у основания. Накладка на обойму (2,4 x 1,2 см) сегментовидная с сильно вогнутой внутренней стороной (т.е. в форме широкого полумесяца), с 7 треугольными вставками в перегородчатых кастах, образующих звездчатый узор; в центральной — вставка красного стекла. По периметру обоймы рубчатый пояс. Хранение: Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Публикации: Пшеничнюк, 1968. Рис. 3: 5. С. 111.

2а. Кудаш, погр. 29. Пряжка¹⁰ (рис. 10: 11б).

Бронзовая, позолоченная. Рамка овальная, сильно утолщенная спереди, круглая в сечении. Язычок прямой, без прогиба, слегка загнутый за передний край рамки, с уступом у основания. Накладка на обойму (1,9 x 0,9 см) сегментовидная с сильно вогнутой внутренней стороной (т.е. в форме широкого полумесяца), на коротких петлях. Накладка с остатками позолоты накладной фольгой¹¹; два согнутых углом отрезка металлической ленты, поставленной ребром, образуют 5 треугольных гнезд. Хранение: Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Публикации: Казанцева, 2004. Рис. 2: 27; 2007. С. 118—119.

2б, в. Кудаш, погр. 29. Пара наконечников (рис. 10: 11а).

Бронзовые, позолоченные. Коробчатые (2,4 x 1,6 и 2,4 x 1,5 см), с «валиком», выступающим на лицевую сторону. У одного задняя сторона не сохранилась. Композиция декора¹²: две пары противопоставленных перегородок дуговидной формы в центре образуют гнездо в форме ромба с прогнутыми боками, а по краям — в виде треугольников с двумя прогнутыми сторонами. Вставки (они выпали из гнезд) сегментовидные, оранжево-красные, прозрачные. Хранение: Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Публикации: Казанцева, 2004. Рис. 2: 27.

3. Кудаш, погр. 2 в кургане 1. Пряжка¹³.

Белый металл, бронза. Сохранилась в трех фрагментах: рамка, язычок, накладка на обойму. Рамка овальная, со спрямленной задней стороной, сильно утолщенная спереди, круглого, уплощенного с внутренней стороны, сечения. Язычок прямой, со ступенькой и площадкой сзади, передний конец обломан. Накладка (ширина сохранившегося фрагмента 1,1 см) с тремя большими гнездами — центральным круглым и боковыми треугольными со сглаженными углами (сохранилось одно), вставки отсутствуют¹⁴. Между большими гнездами сохранились две очень маленькие треугольные вставки из «пасты» глухого бирюзового цвета. По периметру накладки — бордюр из псевдовитой проволоки из металла (вероятно, серебра), отличающегося от металла остальных деталей. Хранение: Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Публикации: Казанцева, 2007. С. 17.

4. Мокино, погр. 160. Пряжка (рис. 10: 8, с оригинала).

Бронзовая, позолоченная. Рамка овальная, сильно утолщенная спереди, круглая в сечении. Обойма почковидная или овальная. Язычок прямой, чуть прогнутый, загнутый до середины диаметра переднего края рамки, со ступенькой с тыльной стороны. Накладка на обойму (2,5 x 1,2 см) сегментовидной формы со слегка вогнутой внутренней стороной (т.е. в форме широкого полумесяца), по ее периметру — рубчатый пояс. Декор образован тремя изогнутыми углом перегородками, вершинами упирающимися в дугу, примыкающую к передней части бордюра накладки. Вставки не сохранились. В углублениях остатки массы для крепления вставок. Хранение: Кабинет археологии Урала ГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Не опубликовано; раскопки В. А. Оборина в 1987 г.

5а. Тарасово, погр. 1772. Пряжка (рис. 10: 10, с оригинала; 12).

Бронзовая. Рамка овальная, сильно утолщенная спереди, круглая в сечении. Язычок обломан, сохранившееся основание имеет ступеньку. Обойма обломана. Накладка на нее (ширина сохранившегося фрагмента 1,3 см) бронзовая, сегментовидная с вогнутой стороной (т.е. в форме широкого полумесяца), со следами позолоты или золотой фольги, обжатой вокруг основы. Высокие касты образуют орнамент из круга (в центре) и двух симметричных пар треугольников с вогнутыми и выгнутыми боками. Вставки не сохранились. В глубине гнезд — белая масса. Хранение: Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Публикации: Голдина, 2003. Табл. 655: 9.

⁹ После сдачи данной работы в печать Д. Г. Бугров любезно указал на только что вышедшую статью И. Ю. Чикуновой (2012), где опубликованы еще два наконечника, практически идентичные публикуемым находкам из Тарасово, погр. 1772 и Кудаш, погр. 29. Из текста статьи удалось выяснить лишь, что они бронзовые и происходят из раскопок 2010 и/или 2011 гг. на Ипкульском могильнике (Тюменская обл.).

¹⁰ На рисунке в публикации в рамку пряжки вставлен наконечник (см. ниже, № 2б, в), под ним видна часть накладки на обойму пряжки.

¹¹ Технология позолоты рамки по сохранившимся остаткам не ясна, возможно, она такая же, как у накладки на обойму.

¹² Аналогичный декор представлен на наконечнике из погр. 1772 в Тарасово (см. ниже, № 5б).

¹³ Опубликовано только описание, поэтому рисунок здесь не приводится, но вещь описана по той же схеме, что остальные.

¹⁴ Композиция близка пряжке из погр. 1784 в Тарасово (см. ниже, № 6а).

5б. Тарасово, погр. 1772. Наконечник ремня (рис. 10: 7, с оригинала; 12).

Бронзовый, позолоченный. Две пары дуговидных перегородок соприкасаются вершинами, образуя семь гнезд¹⁵. Размеры накладки 2,5x1,6 см. Отсутствуют мелкие и одна крупная вставки (глубина гнезда для последней — 3 мм¹⁶). Вставка, расположенная по диагонали к отсутствующей, сильно окислилась. Две сохранившиеся вставки — красного цвета. Хранение: Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Публикации: Голдина, 2003. Табл. 655: 9.

6а. Тарасово, погр. 1784. Пряжка (рис. 10: 13, с оригинала; 13).

Бронзовая. Рамка овальная, сильно утолщенная спереди, круглая в сечении, со спрямленной тыльной стороной; следы позолоты. Язычок прямой, в плане сужающийся к переднему концу, доходит до переднего края рамки, сзади имеет прямой срез. Внутри рамки и на язычке сохранились остатки окислившейся кожи. Накладка (ширина сохранившейся части 1,1 см) найдена отдельно, имела форму сегмента с вогнутой стороной (т.е. в форме широкого полумесяца). Центральное гнездо круглой формы (вставки не сохранилось). Сохранилась одна подтреугольная с выгнутой и вогнутой сторонами боковая вставка красно-оранжевого цвета, под которую была положена серебряная фольга. Хранение: Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Публикации: Голдина, 2003. Табл. 666: 6.

6б, в. Тарасово, погр. 1784. Пара наконечников (рис. 10: 2,3, с оригинала; 13).

Бронзовые, позолоченные. Коробчатые (2,9x1,6 и 2,7x1,7 см), с «валиком», выступающим на в лицевую сторону. Вставки образуют ромбический узор: четыре угловые, удлинённой треугольной формы, центральная прямоугольная, между ними четыре мелкие треугольные. На одном наконечнике сохранились центральная и все угловые, на другом — две угловые и две малые вставки темно-красного цвета. Под сохранившейся центральной вставкой заметна фольга. Хранение: Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Публикации: Голдина, 2003. Табл. 666: 4, 5.

7а, б. Тураево, могильник I, курган I, погр. 1. Пара наконечников (рис. 10: 5,6; 11Б).

* Медные. Коробчатые (3,1x1,6 см), с «валиком», выступающим на в лицевую сторону. Накладная пластина (2,4x1,6 см) с золотыми перегородками, в 4-х гнездах которых были вставлены камни¹⁷. Пластина обрамлена золотой проволокой, имитирующей зернь¹⁸. Хранение: Музей археологии ГОУ ВПО «Казанский (Приволжской) федеральный университет». Публикации: Генинг, 1976. Рис. 25: 14, 15, с. 61; Gening, 1994. Abb. 19: 13, 14.

8а. Тураево, могильник I, курган VII, погр. 1а. Пряжка (рис. 10: 12; 14).

* Медная. Рамка овальная, сильно утолщенная спереди, круглая в сечении, со спрямленной тыльной стороной. Язычок массивный, прямой, конец слегка выступает за передний край рамки, у основания имеет ступенчатый срез и маленькую узкую площадку. Обойма сегментовидная с вогнутой стороной (т.е. в форме широкого полумесяца). Ее форму повторяет золотая накладка (2,8x1,2 см), которая по периметру украшена бордюром «с имитацией зерни». Вытянутые касты в виде трех арок, примыкающих друг к другу. Вставки оранжево-красные¹⁹. Пространство между ними закрыто маленькими треугольными (с вогнутыми сторонами) вставками из темно-синего стекла. Хранение: Музей археологии ГОУ ВПО «Казанский (Приволжской) федеральный университет». Публикации: Генинг, 1976. Рис. 32: 6. С. 77; Gening, 1994. Abb. 29: 5.

8б, в. Тураево, могильник I, курган VII, погр. 1а. Пара²⁰ наконечников (рис. 10: 1, 4²¹; 14).

* Медные. Коробчатые (длина 3,2 см), с «валиком», выступающим на лицевую сторону. Накладная золотая пластина (2,7x2,5 см) окантована бордюром с насечкой. Узор образуют заключенные в касты три пары противопоставленных друг другу оранжево-красных (стекло? — К. А.) вставок арочной формы, между которыми закреплены две ромбические, а по краям — две треугольные вставки синего стекла. Хранение: Музей археологии ГОУ ВПО «Казанский (Приволжской) федеральный университет». Публикации: Генинг, 1976. Рис. 32: 7. С. 77; Gening, 1994. Abb. 29: 7.

¹⁵ Имеет ту же композицию декора, что пара наконечников из погр. 1 кургана I в Тураево (№ 7а, б), но повернутую на 90 градусов по ширине наконечника.

¹⁶ Единственный случай, когда фиксируется глубина гнезда.

¹⁷ Не исключено, что стекла.

¹⁸ Оценка гарнитуров В. Ф. Генингом: «Тураевские пряжки относятся к стилю V в., когда кольца утолщены уже меньше, а язычки приобретают хоботовидную форму (с загнутым концом, прилегающим к кольцу) и выступают за кольцо. Эту датировку можно еще более сузить, до первой половины V в., на что указывает ряд близких аналогий с хорошо датированным комплексом из Керчи (катакомбы 1904 г. на Госпитальной улице и др., где найдены золотые монеты и индикации второй половины IV в. (наиболее поздняя 375—392 гг.) [Спицын, 1905]. Подробный перечень находок монет в катакомбах см.: [Каменецкий, Кропоткин, 1962]. В керченских катакомбах были обнаружены пряжки с прямоугольными задними пластинами и наконечники ремней пластинчатые и в виде коробочек, совершенно идентичные тураевским (Ср.: Спицын, 1905, рис. 2, 3, 8, 10, 12, 16 и Тураево: рис. 25: 2, 3; 32: 2, 7, 8). Особенно следует отметить идентичность по форме тураевских и керченских наконечников с золотыми городками и инкрустацией. Наконечники ремней с инкрустацией как и пряжки имеют, несомненно, причерноморское происхождение. В этом убеждает также сходство техники инкрустации и вставки. У керченских большинство крупных вставок красного, как отмечает А. А. Спицын, не чистого цвета, а малые — голубого или зеленого, филигрань — рубчатая небрежная; инкрустированная поверхность ровная, зашлифованная [Спицын, 1905. С. 115—116]. Все это полностью соответствует тураевским экземплярам, которые, по-видимому, и вышли из причерноморских мастерских. Такое совпадение техники изготовления и формы предметов позволяет с полной уверенностью датировать Тураевский могильник не позднее начала V в. Этой датировке не противоречит и весь остальной комплекс находок. Стекланный сосуд с голубовато-синими вставками, найденный в погребении кургана V, можно сравнивать с группой сосудов IV — начала V вв. [Каменецкий, Кропоткин, 1962. С. 239]» [Генинг, 1976. С. 104—106].

¹⁹ Вероятно, стекло.

²⁰ В обеих публикациях памятника большинство дублирующихся предметов пропущено, в том числе и второй полихромный наконечник. Объяснить это недостатком места невозможно, так как объем статьи 1976 г. — 53 с., а статьи 1995 г. — 61 с.

²¹ Рис. 10: 4 выполнен И. О. Гавритухиным, 10: 1 — дан по публикации.

Каталог 2. Запднокавказский вариант (рис. 15, карта 1).

Порядок описания комплексов аналогичен принятому для каталога 1; вещи, не имеющие точной привязки к памятнику, описаны: «К^о» («Коллекция ...»), «Сп» («Спицынские корочки»). Поскольку с рассматриваемыми вещами в оригинале мне работать не пришлось, данные о месте их хранения не приводятся, по этой же причине не имеет смысла различие описания по оригиналу и по данным публикаций (в ряде случаев данные там характеристики сомнительны, но приводятся именно они), отмеченное для каталога 1. Отсюда и некоторые отступления от строгой систематичности в описаниях.

1. Высочино, могильник V, курган 19. Накладки на обойму пряжки (рис. 15: 15; 20Б).

Фрагмент описан авторами публикации как «кулон»: «Бронзовый кулон с утраченным ушком, овальный в плане щиток имел по краям два полумесяцевидных сквозных отверстия для вставок (вставки утрачены), в центре подтреугольное отверстие со вставкой из глухого красного стекла янтарного цвета. Вокруг щитка проходил пояс из ложной зерни, размеры кулона 1,0х1,4 см». Публикации: Беспалый, Лукьяшко, 2008. С. 88, Табл. LXXXVI: 3.

2а, б. Керчь, склеп 145/1905, тайник. Пара накладок²² (рис. 15: 1,2).

Бронза, стекло. Четырехугольные (2,1х1,7 см), с вогнутыми сторонами. В одном гнезде сохранилась плоская вставка красного стекла. Публикации: Спицын, 1905. С. 124—125. Рис. 35; Засецкая, 1993. С. 50. № 68.

3а, б. Керчь, два склепа, открытых кладоискателями 24 июня 1904 г. Пара накладок²³ (рис. 15: 3,4).

Золото, серебро. Ромбовидные (3,2х1,4 см). Поле разделено на шесть треугольников: две согнутые «углом» перегородки образуют фигуру в виде «песочных часов». По периметру накладки — ободок из «гофрированной» проволоки. Вставки из красного стекла. Публикации: Спицын, 1905. С. 122. Рис. 25; Засецкая, 1993. С. 64. № 143.

4. Клин-Яр, могильник III, погр. 57. Пряжка (рис. 15: 24; 20А).

Медная. Общая длина 3,7 см. Рамка овальная, утолщена в передней части; обойма сегментовидная, вырезанная и согнутая из тонкой пластинки. Декор образован тремя секциями. Инкрустация не сохранилась. Публикации: Флеров, 2000. С. 32. Рис. 43: 6²⁴.

5. Козинка, могильник VIII, курган 15, погр. 1. Пряжка (рис. 15: 5; 16).

Рамка, язычок и обойма сделаны из серебра; накладка — из золота. Общие размеры 2,1х2,8 см. Рамка (1,45х2,0 см) овальная, передняя часть утолщена, задняя имеет проточенный паз для крепления язычка и щитка, в сечении округлая (0,3—0,55 см). Язычок (длина 1,7 см) прямой, массивный, в сечении округлый (диаметр 0,4—0,5 см), конец выступает за пределы рамки, загнут и подточен по форме рамки, у основания имеет высокий ступенчатый срез. Обойма овальная, из тонкого (0,5 мм) листа. Накладка на обойму также овальная (1,45х1,98 см). По периметру накладка украшена напаянной проволочкой, покрытой косой насечкой — имитация «веревочки». Стекло вставок красно-коричневого цвета, сильно ирризовано. В накладке имеются три сквозных отверстия, а в обойме — семь парных, три пары из которых совпадают с отверстиями в накладке (через эти отверстия проходили несохранившиеся штифты, которыми золотая накладка крепилась к обойме). Остальные отверстия в обойме никак не используются. Вставки устанавливались, вероятно, после соединения накладки и щитка, так как вставки закрывают отверстия. Наличие лишних отверстий в обойме указывает на то, что первоначально пряжка функционировала без накладки. Публикации: Безуглов, Глебов, 2002. С. 291—292. Рис. 1: 3.

6. Коллекция С. В. Караковского²⁵. Предположительно, Абхазия или окрестности Сочи. Пряжка (рис. 15: 6).

Серебро. Общий размер 3,1х2,1 см. Рамка овальная. В основании язычка, заходящего за передний край рамки, прямоугольная площадка с косой насечкой. Обойма овальная. По периметру припаяна тордированная пластинка. Декор обоймы: в центре прямоугольник, разделенный на четыре треугольника, по бокам два сегмента. Сохранились три красные стеклянные вставки, в остальных гнездах видны остатки массы для крепления вставок. Публикации: Эпоха ..., 2007. С. 83, 331. № I. 38. 5.

7а. Коллекция З. Зичи. Северный Кавказ, долины Баксана и Чегема. Накладка (рис. 15: 21).

Сегментовидная (2,4х1,3 см) с вогнутой стороной (т.е. в форме широкого полумесяца). По периметру ряд псевдозерни, вероятно из рубчатой проволоки. Декор образован перегородкой в виде почти пря-

²² А. А. Спицыным и И. П. Засецкой отнесены к одному набору несколько предметов [Спицын, 1905. С. 124—125. Рис. 35; Засецкая, 1993. С. 50. № 66, 67, 68], которые можно соотнести с двумя стилистическими группами. Приведенные накладки принадлежат описываемой группе или близки ей, а наконечники (функция предположительна) [Засецкая, 1993. № 66, 67] принадлежат группе, которая здесь не рассматривается.

²³ Отнесение их именно к этой группе может быть пересмотрено. Из этой находки происходят и другие предметы с перегородчатыми инкрустациями. Часть из них также имеет проволочную окантовку [Засецкая, 1993. № 137, 138, 141, 159], но форма гнезд у этих вещей существенно иная, что не позволяет отнести изделия к рассматриваемой группе.

²⁴ Оценка В. С. Флерова: «Характерные детали: утолщение передней части рамки и вырез в основании язычка, что присуще пряжкам V в. По форме щитка, делению его на три сектора с инкрустацией и абрису рамки он стилистически близок пряжке Новинковского склепа Керчи, V в. [Амброз, 1989. С. 91. Рис. 5: 33]. Не исключаю, что форма щитка восходит к образцам конца IV в. по хронологии И. П. Засецкой [Засецкая, 1993. Табл. 3: 4, 5]. Погребение № 57 я отношу к V в. в целом до появления географически более близких аналогий» [Флеров, 2000. С. 32].

²⁵ Из той же коллекции происходит еще один предмет стиля «догуннских перегородчатых инкрустаций», относящийся к варианту Недвиговка кавказской серии. Это навершие кинжала: «Короткий двулезвийный железный меч, с бронзовым дисковидным упором, рукоятью, обложенной пластиной желтого металла с тиснением в виде косой сетки с двойными концентрическими окружностями в ячейках, дисковидным бронзовым навершием, украшенным «крестовидной» композицией, выполненной в технике перегородчатой инкрустации камнями и глухим стеклом, по внешнему краю рубчатый валик. Железо, бронза, золото, алмадины, глухое стекло. Ковка, штамповка, пайка, полировка. Общая длина 44 см; длина лезвия 32,7 см; ширина у основания лезвия 3,6 см; толщина около 1,1 см; диаметр упора 5,4 см; диаметр навершия по верхнему краю 3,5 см; по нижнему 3,8 см» [Эпоха ..., 2007. С. 79, 330. № I. 38. 3]. Его декор очень близок декору пряжки из Недвиговки, найденной в 1972 г. [Безуглов, Захаров, 1988. Рис. 2: 17, 4: 1].

мого угла, делящего поле на три треугольника, одна из сторон которого выгнута. На обороте три шпенька, заканчивающиеся квадратными шайбами. Публикации: Zichy, 1897. Т. XXVII: 8, 8a²⁶.

76. Коллекция З. Зичи. Северный Кавказ, долины Баксана и Чегема. Фибула-брошь (рис. 15: 12).

Щиток круглый (диаметр 1,8 см). По его периметру ряд проволочной псевдозерни, внутри него шестиугольный каст из напаянной на ребро проволоки. В центре — круглая перегородка, от которой к углам шестиугольника отходят «спицы». В центральной части вставлен кабошон, в шести примыкающих секциях (каждая близка по форме трапеции) плоские вставки. На обороте сохранились стойки шарнира и приемник, игла отсутствует. Публикации: Zichy, 1897. Т. XXVII: 6.

8. Кубей, курган 20. Пряжка (рис. 15: 16; 20Д).

Серебряная. Рамка овальная (1,5х1,2 см), утолщенная спереди. Язычок тонкий, приостренный. Золотая накладка (1,2х0,95 см) на обойму почковидная. Декор образуют две перегородки, делящие поле на два сегмента и узкую полосу между ними. Инкрустирована янтарем. Публикации: Субботин, Дзиговский, 1990. С. 24. Рис. 22: 1²⁷.

9. Лебень (Lebeny). Так как это покупка, место находки условно. Находится в коллекции музея Метрополитен. Пряжка (рис. 15: 7).

Серебряная. Длина пряжки 3,3 см. Рамка овальная, с утолщением в передней части. Язычок массивный, прямой, с площадкой у основания, в которую вставлен гранат. Золотая накладка (2,0х1,3 см) на обойму овальная, с трапециевидным вырезом в передней части. По периметру (за исключением выреза) ободок из проволочной псевдозерни. Длинная прямая и короткие поставленные зигзагом перегородки образуют декор из центрального треугольника и шести треугольников с одной выгнутой стороной. Публикации: Minaeva, 2010. Fig. 16²⁸.

10. Лермонтовская скала, могильник 2, катакомба 11. Накладка (рис. 15: 22; 21Б).

Круглая (диаметр 2,2 см), по периметру полоса из проволочной псевдозерни. Сложная композиция декора составлена из треугольников вокруг центрального круга. Публикации: Амброс, 1989. С. 36. Рис. 10: 13; Гавритухин, 2001б. Рис. 76: 40²⁹.

11. Спицынские «корочки»³⁰. Пряжка (рис. 15: 23).

Рамка В-образная, полая. Язычок короткий, с расширением в передней трети. Накладка на обойму круглая (диаметр 2,2 см). Декор образован выделенной круглой центральной частью (возможно, кабошон) и двумя кольцами из проволочной псевдозерни. Пряжка, вероятно, ремонтировалась (возможно, собрана из нескольких), так как обойма, язычок и рамка выглядят разнородными. Полая рамка характерна для группы II раннесредневековых степных древностей по А. К. Амброзу [Амброс, 1971б. С. 115], но декор обоймы можно рассматривать как деградацию композиции, представленной на накладке из Лермонтовской скалы (см. выше, № 10). Не исключено, что накладка на обойму «спицынской» пряжки выполнена прессовкой, тогда вещь следует отнести к другой (здесь не рассматриваемой) группе. Публикуется впервые.

12. Старокорсунская, «могильник II Старокорсунского городища», погр. 224в. Пряжка (рис. 15: 20; 20Г).

Бронзовая. Рамка овальная (2,0х1,5 см), спереди утолщена, сужающиеся концы сомкнуты. Язычок (длина 1,9 см) гладкий, передний конец огибает рамку. Накладка на обойму (1,8х1,3 см) сегментовидная. По периметру обрамлена узкой рубчатой полоской. Декор сформирован двумя перегородками, образующими три сегмента. Вставки из темно-красного стекла. Публикации: Лимберис, Марченко, 2009. С. 130. Рис. 1: 6³¹.

²⁶ Приведена В. Б. Ковалевской с указанием «Баксан» без ссылок, отнесена ею к отделу 19, объединяющему единичные разнородные экземпляры, аналогий для этой вещи не приведено [Ковалевская, 2000. Рис. XV: 19. С. 156, 341. № 2019—2022].

²⁷ Из-за качества рисунка атрибуция предварительная. Сомнения вызывает техника декора, определение материала вставки и др. Не пригоден для атрибуции рисунок и описание наконечника ремня: «Золотая прямоугольная оконцовка ремня, размером 1,25х0,9 см. С обеих сторон украшена красными камнями, вставленными в напаянные овальные гнезда, и витиеватой филигранью» [Субботин, Дзиговский, 1990. С. 24. Рис. 22: 4].

²⁸ Публикация, на которую ссылается Минаева [Das Gold 2001, p. 105], осталась мне недоступна.

²⁹ Дата по А. К. Амброзу — V в. — «определяется пряжками и такими характерными предметами с обтяжкой из тиснёной фольги, как лунница с выступом-ушком и наконечник ремня с закруглённым концом. Дате не противоречат меч с низкой крестовиной, стеклянный стакан с синими пятнами, клёпанный котёл, зеркало и другие вещи. Из довольно редко встречаемых форм надо отметить туалетный набор из копоушки и ногтегистки и игольник из двух трубочек» [Амброс, 1989. С. 36—37]. Дата по И. О. Гавритухину — около 1-й половины V в. (период Ia в эволюции раннесредневековых древностей Кисловодской котловины) [Гавритухин, 2001б. С. 41—42, 48. Рис. 76].

³⁰ В «корочках» А. А. Спицына [Архив ИИМК. Фонд 5, дело 38а, лист 112] имеется таблица подготавливавшей к печати неизвестной мне работы. Среди предметов, из которых удалось опознать чашу и серьгу из коллекции Витцена [Руденко, 1962. Рис. 3: справа и внизу], есть публикуемая здесь пряжка, происходящая не из этого собрания. На рисунках почерком Спицына (неразборчиво) надписи: «А. А. — Академ. Альбом». Как удалось установить, речь идет об употребляемом Спицыным названием предполагавшегося издания «Monumenta Sibirica» (1742 г., альбом издан не был), отдельные листы которого продавались в 1750 г. [Руденко, 1962. С. 12]. Эти листы (они хранятся «в архиве Института археологии Академии наук СССР (шифр Р. 1, инв. № 1231). В атласе 32 гравюры, из них 13 табличек гравюр с воспроизведением вещей Сибирской коллекции» [Руденко, 1962. С. 12, ссылка 20]) оказались мне недоступны; не известно, и о каком из двух архивов ИА АН СССР идет речь. Очевидно, часть таблицы (6 из 8 предметов) из архива Спицына скомпонована из рисунков к «Monumenta Sibirica». На изображении пряжки пометки «А. А.» нет.

³¹ Оценка Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко: «пряжка по стилю перегородчатой инкрустации отнесена к IV группе полихромных изделий конца IV — первой половины V в. по И. П. Засецкой [Засецкая 1982. С. 20, 26]. По форме и конструкции щитка ей близка бронзовая позолоченная пряжка из разрушенного погребения у д. Муслюмово, сегментовидный щиток которой также орнаментирован в технике перегородчатой инкрустации (III стилистическая группа). Этот комплекс вошел в хронологическую группу Ib первой половины V в. [Засецкая, 1994. С. 113, 114, 130. Табл. 43, 5]. К V в. относится и пряжка из погребения 66 могильника Кораблюно. Ее щиток имеет три аналогичных гнезда для вставок и рубчик по краю, отличаясь от пряжки из Старокорсунской овальной формой [Эпоха 2007. С. 347, 348. Кат. III.7.2.2]. Пряжка этого типа с овальным щитком в стиле клуазоне была встречена в кургане 14 могильника Центральный IV. Погребение относится ко второй хронологической

13а, б. Терезе (Учкекен-Терезе), разрушенное погребение³². Пара накладок (рис. 15: 13, 14; 20В).

Золото. Почковидные (1,0x1,3 и 1,0x1,4 см). По периметру ободок из сложнопрофилированной проволоки. Поле, сформированное вертикально поставленной пластиной по периметру, разделено двумя пластинами, образуя трапецию в центре и два неправильных сегмента по ее бокам. В углублениях следы пасты. Публикации: Алексеева, 1971. Табл. 19: 12, 12а; здесь же приведены рис. И. О. Гавритухина (опи- сание сделано по ним) с оригиналов, публикуются впервые.

14. Цибилуум, могильник 1, погр. 41. Пряжка (рис. 15: 8; 18).

Бронзовая. Рамка овальная, сильно утолщенная спереди. Язычок тонкий, прямой, охватывающий пе- реднюю часть рамки на половину диаметра, с площадкой у основания. Накладка (1,2x2,4 см) овальная, инкрустирована квадратным синим (в центре) и сегментовидным фиолетовым (с двух сторон от центра) стеклом. Публикации: Воронов, 2003. Рис. 16: 2. С. 19³³.

15. Цибилуум, могильник 1, погр. 151. Пряжка (рис. 15: 18; 17А).

Бронзовая. Рамка овальная со спрямленной задней частью и слегка утолщенной передней, где она имеет овальное сечение. Язычок заходит за передний край рамки, имеет площадку у основания. Накладка овальная (1,6x2,6 см). Декор образуют шесть треугольников, сходящихся вершинами к центру композиции. Вставки из коричневого стекла (?) и обломков глазчатых бус. Публикации: Воронов, 2003. Рис. 74: 23. С. 37³⁴.

16а, б. Цибилуум, могильник 1, погр. 154. Пара серег (рис. 15: 10, 11; 19).

Серебряные. Щиток круглый (диаметр 1,8 см). По периметру окантован перекрученной проволокой. Декор образуют: внутренний круг, который соприкасается с вершинами трех дуг, не примыкающих друг к другу, концы дуг упираются во внешний круг. Вставки полукруглые синего стекла, подпрямоуголь- ные — прозрачного. Одна серьга имеет 2 подвески, выполненные с использованием перекрученной про- волоки и зерни; у второй подвески утрачены. Публикации: Воронов, 2003. Рис. 75: 10, 11. С. 37³⁵.

17. Цибилуум, могильник 2, погр. 311. Пряжка (рис. 15: 19; 21А).

Серебряная. Рамка овальная, круглая в сечении. Язычок с уступом и тремя поперечными бороздка- ми у основания, спереди охватывает рамку до середины ее толщины. Позолоченная круглая (диаметр накладке 2,2 см) накладка на обойму по периметру обведена рубчатой проволокой. Перегородки сере- бряные, образуют пятиконечную звезду, вписанную в круг и имеющую круг в центре. Вставки в виде тре- угольников, из красного стекла на подложке из золотой фольги, закрепленной на белой массе. Публика- ции: Воронов, 2003. Рис. 144: 13, 234: 3. С. 61³⁶.

18. Цибилуум, могильник 11, погр. 459. Обойма с петлей для подвески (рис. 15: 17; 17Б).

Описана как «подвеска». Бронзовая. Накладка овальная (1,4x1,0 см). Декор образован четырьмя тре- угольными вставками (данных о их цвете и материале нет), сходящимися вершинами в центре компози- ции. Публикации: Воронов, 2003. Рис. 220: 32. С. 88³⁷.

19. Чаш-тепе, курган 1. Пряжка (рис. 15: 9).

Материал в публикации не указан. Общая длина 2,6 см. Рамка овальная (1,7x1,3 см), немного спрям- лена сзади и утолщена спереди, в сечении круглая. Язычок высокий, суживающийся к загнутому почти не выступающему за рамку концу, на спинке — едва заметный прогиб. Золотая накладка на серебряную обойму сделана из тонкого листа, на который напаян овальный лоточек (1,3x0,9 см) с поперечной пере- городкой. Лоточек обведен напаянным ободком из рубчатой золотой проволоки с чередующимися мел- кими и более глубокими насечками. Вставки плоские, полуовальные, из иризованного синего стекла. Пу- бликации: Рапопорт, Трудновская, 1979. С. 157. Рис. 7³⁸.

группе катакомб позднеримского времени, которая датируется от эпохи Константина I (306 —337 гг.) до рубежа IV—V вв. [Безуглов 2008, с. 290, рис. 7, 9] [Лимберис, Марченко, 2009. С. 131].

³² Е.М.Алексеевой опубликовано две пряжки, одна из которых относится к рассматриваемой группе, и ин- крустированная альмандинами «подвеска» (вероятно, разделитель ремня) в виде кольца [Алексеева, 1971. Табл. 19: 9, 11, 12]. Находки были осмотрены и зарисованы И. О. Гавритухиным в фондах Карачаево-Черкесского музея (№ 1565). В комплекс, кроме описанных в каталоге накладок, входят кольцо (рис. 20В: 5), две пряжки, одна с овальной обоймой (рис. 20В: 3), к другой, вероятно, относится обойма с вставкой (рис. 20В: 4).

Подвеска, или разделитель ремня (рис. 20В: 5), в виде кольца (диаметр 2,9 см, ширина «обода» — 0,5 см) с тремя «спицами», шириной 0,4 см. Основа серебряная, перегородки (на «спицах» и тремя участками по «обо- ду») — золотые. Вставки (все из красного стекла), близкие по форме трапециям, на «ободке» образуют три груп- пы (две — по 3 вставки, одна — из 6 вставок), на «спицах» вставки сгруппированы по 2; центральная вставка неправильной формы. Относится к варианту Рганини кавказской серии рассматриваемой группы.

Пряжка (рамка и обойма разделены; рис. 20В: 4). Золотые. Рамка (рис. 20В: 4а) овальная, круглого сечения, слегка утолщенная спереди. Язычок чуть прогнутый, доходящий до переднего края рамки, с уступом у основа- ния. Накладка (рис. 20В: 4б) на обойму почковидной формы (1,1x1,5 см), по периметру «косичка» из проволоки, в центре овальное гнездо со вставкой из альмандина в виде кабошона. Относится к серии Веселая Роща «по- лихромных» стилей, которая здесь не рассматривается.

³³ Оценка Ю. Н. Воронова: «дата комплекса — IV в. н.э.» [Воронов, 2003. С. 19].

³⁴ Оценка Ю. Н. Воронова: «дата комплекса — IV в. н.э.» [Воронов, 2003. С. 37].

³⁵ Оценка Ю. Н. Воронова: «дата комплекса — IV в. н.э.» [Воронов, 2003. С. 37].

³⁶ Оценка Ю. Н. Воронова: «дата комплекса — V в. н.э.» [Воронов, 2003. Рис. 144: 13. С. 62].

³⁷ Оценка Ю. Н. Воронова: «дата комплекса — IV в. н.э.» [Воронов, 2003. С. 88].

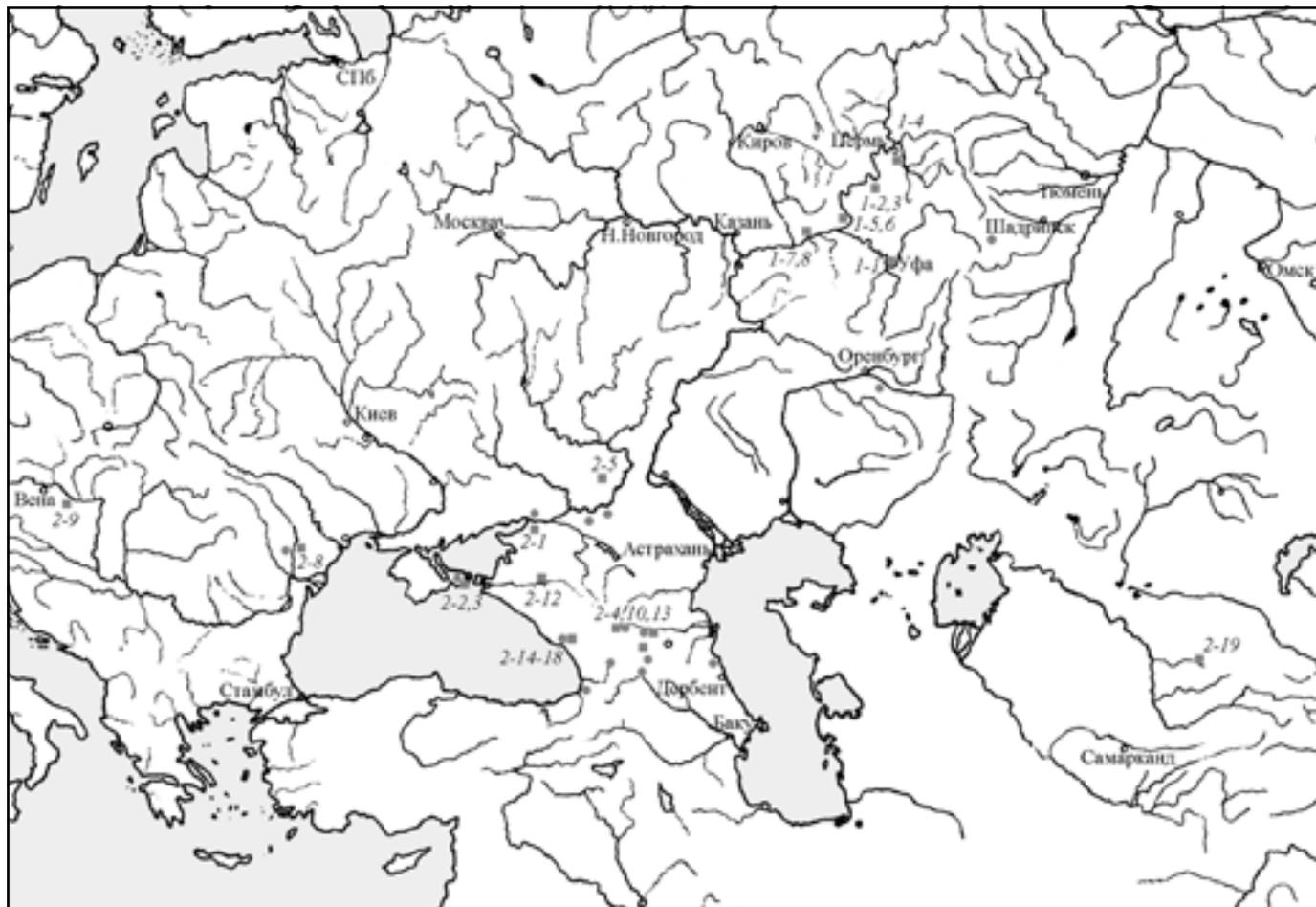
³⁸ Оценка Ю. А. Рапопорта и С. А. Трудновской: «... принадлежит к кругу ювелирных изделий полихромного стилия и находит аналогии среди вещей керченских склепов, вскрытых в 1904 г. на Госпитальной улице. Подоби- ные пряжки служили застёжками обуви. Ближе всего она напоминает пряжки из керченского склепа 1896 г. на Глинище [Штерн 1897, с. 4, табл. 1: 11, 13, 17]» [Рапопорт, Трудновская, 1979. С. 157]. От большинства вещей рассматриваемой серии эту пряжку отличает цвет и материал вставок — синее стекло, которое более характер- но для «сердоликового» полихромного стилия, который здесь не рассматривается.

Литература

- Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III—VI вв. н.э. М., 1997.
- Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков: Каталог выставки / Авт.-сост. Т. Габуев. М., 2005.
- Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.
- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. Сер. САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.
- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой (археологической) хронологии Восточной Европы. I // СА. 1971а. № 2. С. 96—123.
- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой (археологической) хронологии Восточной Европы. II // СА. 1971б. № 3. С. 106—134.
- Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 3—56.
- Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археологии СССР. М., 1981. С. 10—23.
- Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв. М., 1989.
- Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. В., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. I. Археологические памятники Армазисхеви. По раскопкам 1937—1946 гг. Тбилиси, 1955.
- Бажан И. А., Щукин М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. Вып. 30. СПб., 1990. С. 83—96.
- Безуглов С. И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тез. докл. Ростов н/Д., 1988. С. 87—88.
- Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцелина и археологические реалии // ИАИАИАНД. Вып. 9. Азов, 1990. С. 80—87.
- Безуглов С. И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // ИАИАИАНД. Вып. 14. Азов, 1997. С. 133—142.
- Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: (сб. памяти В. А. Башилова). Сер. МИАР. № 10. М., 2008. С. 284—301.
- Безуглов С. И., Глебов В. П. Курганные погребения позднеримского времени из могильника Козинка VIII // ИАИАИАНД. Вып. 18. Азов, 2002. С. 288—301.
- Безуглов С. И., Захаров А. В. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в правобережном Подонье // Изв. РОМК. Вып. 5. Ростов н/Д, 1988. С. 5—28.
- Безуглов С. И., Захаров А. В. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Изв. РОМК. Вып. 6. Ростов н/Д, 1989. С. 42—66.
- Безуглов С. И., Ильяшенко С. М. Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // ДА. 2000. № 1. С. 91—100.
- Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III—IV вв. на нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171—183.
- Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I». Сер. МИА ЮР. № 2. Ростов н/Д, 2007.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1. Сер. МИА ЮР. Вып. I. Ростов н/Д, 2008.
- Васильев А. А. Инвентарь склепа на Тарханской дороге в системе хронологии древностей юга Восточной Европы // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 2004. С. 267—272.
- Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. Т. XIII. К., 1963. С. 15—89.
- Воронов Ю. Н. Могилы апсилон. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977—1986 гг. Пушкино, 2003.
- Гавритухин И. О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001а. С. 31—86.
- Гавритухин И. О. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В. Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. Приложение 1. М., 2001б. С. 40—49, 146—148.
- Гавритухин И. О. Таблица 64 на с. 231 к тексту: Паромов Я. М. Фанагорийская округа. Памятники ранневизантийской эпохи (IV—VII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII вв. Сер. Археология. М., 2003.
- Гавритухин И. О. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула, 2010. С. 48—68.
- Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
- Генинг В. Ф. Могильник Качка // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. М., 1959. С. 196—209.
- Генинг В. Ф. Тураевский курганный могильник в нижнем Прикамье // Второе УАС при УрГУ. Итоги полевых исследований в 1960 г. ВАУ. Вып. 2. Свердловск, 1962. С. 72—80.
- Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 55—108.
- Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р. Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 47—98.

- Голдина Р. Д. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 167—192, вкладыш.
- Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I—V вв. на Средней Каме. Т. 2. Ижевск, 2003.
- Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск, 2010.
- Голдина Р. Д., Водолага Н. В. Хронология погребальных комплексов неволинской культуры // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982. С. 122—131.
- Голдина Р. Д., Водолага Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Голдина Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. Д. Агафоновский I могильник — памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 3—66, 137—185, вклейки.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. К., 2008.
- Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Конгресса археологов-славистов. Т. 4. К., 1988. С. 34—46.
- Гугуев Ю. К., Магомедов Р. Г., Малашев В. Ю., Физен С. Ю., Хохлова О. С., Хохлов А. А. Исследования курганов южной группы Паласа-сыртского могильника в 2008 г. // НАВ. Вып. 11 Волгоград, 2010. С. 283—299.
- Древности Таджикистана. Каталог Выставки. Душанбе, 1985.
- Засецкая И. П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982. С. 14—30.
- Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 23—104, 64, 128, 160, 256.
- Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (кур. IV—V вв.). СПб., 1994.
- Засецкая И. П. Стеклопосуда некрополя Боспора второй половины IV — рубежа VI—VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // БИ. Вып. XX. СПб.; Керчь, 2008. С. 5—208.
- Казанцева О. А. Отчет о работах в Бардымском р-не Пермской области в 1999 г. Ижевск, 2003 // Архив ОПИ ИА РАН, б/н.
- Казанцева О. А. Кудашевский могильник — памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции — 50 лет. Ижевск, 2004. С. 132—139.
- Казанцева О. А. Предметы полихромного стиля в Кудашевском могильнике (IV—V вв. н.э.) // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл. участников 16 коллоквиума. СПб., 2007. С. 117—119.
- Каменецкий И. С., Кропоткин В. В. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. № 3. С. 235—240.
- Капанадзе Д. Г. Монетные находки мцхетской экспедиции (1937—1948 и 1951 гг.) // ВДИ. 1955. № 1. С. 160—173.
- Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пушино, 2000.
- Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 43—61.
- Леквинадзе В. А. Богатое погребение конца IV в. из Уреки // СА. 1975. № 4. С. 193—208.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Раннесредневековые погребения из могильника Старокорсунского городища № 2 // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009. С. 127—142.
- Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236—252.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Сер. МИАД. Вып. 1. Ростов н/Д, 2000. С. 194—232.
- Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. Сер. МИА. № 136. М., 1966.
- Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. М., 1975.
- Матюхин А. Д. Сарматские памятники I—IV вв. саратовского Правобережья (краткий обзор материалов) // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 3. Саратов, 1992. С. 144—158.
- Медведская И. Н. Новый кушанский могильник в Бешкентской долине // АО 1975 г. М., 1976. С. 568—569.
- Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкессии // СА. 1956. Т. XXVI. С. 236—261.
- Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета / Голдина Р. Д., Лещинская Н. А., Черных Е. М., Бернц В. А. Ижевск, 2007.
- Пшеничнюк А. Х. Уфимский курганный могильник // АЭБ. Т. 3. Уфа, 1968. С. 105—112.
- Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. Тр. ХАЭЭ. Т. XI. М., 1979. С. 151—166.
- Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. Сер. САИ. Вып. ДЗ-9. М.; Л., 1962.
- Седов А. В. Раскопки курганов и поселений в Бешкентской долине // АО 1978 г. М., 1979. С. 584—585.
- Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием А. А. Спицына // МАР. Вып. 26. СПб., 1902.
- Спицын А. А. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. // ИАК. Вып. 17. М., 1905. С. 115—126.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Stratum plus. 2003-2004. № 4. С. 27—277.
- Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III. Курганные могильники Васильевский и Кубей. К., 1990.
- Флеров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V—VIII вв.: Обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (3—4 вв. н.э.). Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Склеп IV в. из могильника Нейзац // ПИФК. Вып. XXI. 2008. С. 356—392.

- Чикунова И. Ю. Этнокультурное взаимодействие в южнотаежном Приобье в средневековье // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2012. С. 96—98.
- Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам первых Тихановских чтений. СПб., 1992. С. 158—207.
- Штерн Э. Р., фон. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // ЗООИД. Одесса, 1897. Т. XX. С. 1—15.
- Эпоха Меровингов — Европа без границ. Археология и история V—VIII вв. (каталог выставки). München, 2007.
- Яблонский Л. Т., Малашев В. Ю. Степное население южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М., 2008.
- Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
- Adams N. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Bizanz und der Steppe im 6—7. Jahrhundert. Сеп. VАН. X. Budapest; Napoli; Roma, 2000. P. 13—70.
- Das Gold der Barbarenfürsten. Schätze aus Prunkgräbern des 5th Jahrhunderts n. Chr. Zwischen Kaukasus und Galien / Hrsg. P. Perin, A. Wiczorek. Stuttgart, 2001.
- Gening W. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland // Eurasia Antiqua. Bd. 1. 1995. S. 265—326.
- Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998.
- Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožemjako N. P. Ein Katakombengrab aus dem Schlucht Šamsi // Eurasia Antiqua. Bd. 4. 1998. S. 451—471.
- Minaeva O. On the Social Status of Some Gold Finds Dated to the 4th—7th Centuries from Today's Bulgarian Lands // Scholar Electronic Repository. (Unpublished, 2010). URL: <<http://eprints.nbu.bg/418/1/Gold-as-INSIGNIA-2.pdf>>.
- Les Perses sassanides. Fastes d'un empire oublié (224—642) / Musée Cernuschi. Musée des Arts de l'Asie de la Ville de Paris. 15 septembre — 30 décembre 2006.
- Sarianidi V. I. Baktrisches Gold aus den Ausgrabungen der Nekropole von Tilliz-Tepe in Nordafghanistan. L., 1985.
- Ščukin M., Bažan I. L'origine du style cloisonné de l'époque des grandes migrations // La Noblesse Romaine et les Chefs Barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1995. P. 63—76.
- Zichy J. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. Migration de la race hongroise. Description des collections par les docteurs J. Jankó et B. de Pósta. Vol. II. Description de la collection archéologique. Budapest, 1897.

Карта. 1. Распространение изделий серии Цибилиум–Тураево «догуннского» стиля перегородчатых инкрустаций. Номера соответствуют каталогам в приложении.

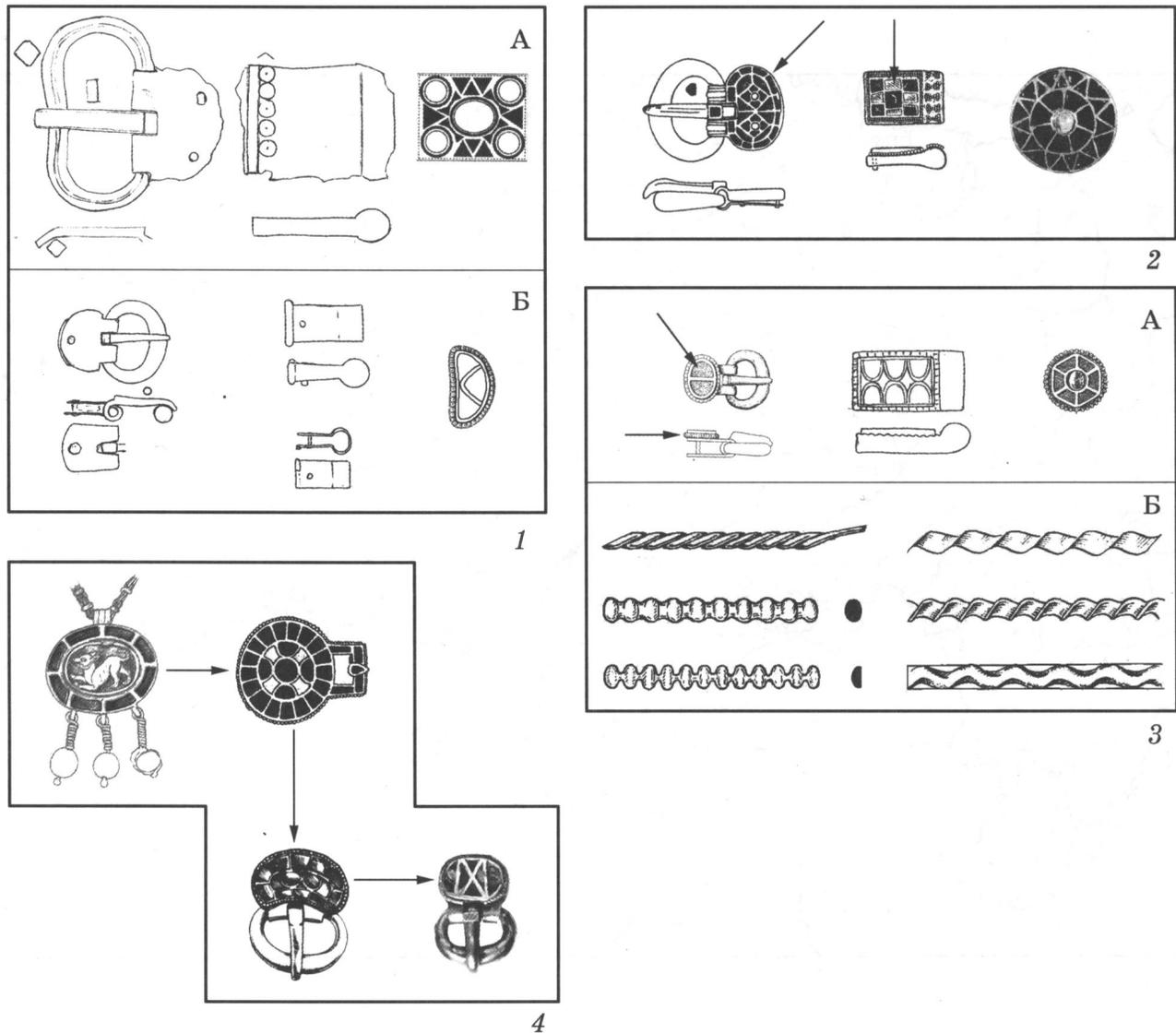

Рис. 1.

1 — характерные признаки поясных гарнитуров: 1А — «харинского» круга (Харино. ГЭ, № 570; рис. с оригиналов; [Овчинников 2004, рис. 3а: Е2]); 1Б — «тураевского» круга (Тураево. Музей археологии ГОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». № АКУ-238; рис. И. О. Гавритухина).

2 — основные признаки предметов кавказской серии (периметр как композиционная основа; неокрашенные «пастовые» вставки); образцы: Центральный-IV, кург. 14 [Безуглов, Копылов, 1989. Рис. 2: 2]; Утамыш, кург. 2 [Котович и др., 1980. Рис. 10: 6]; Арагвиспири, погр. 9 [Рамишвили, 1977. Рис. 2: 1, вверху в центре].

3А — основные признаки предметов серии Цибилиум—Тураево (форма вставок; наличие рубчатого бордюра по периметру); образцы: каталог 2, № 19; каталог 1, № 8б, в; каталог 2, № 7а.

3Б — варианты форм рубчатых бордюров по: Засецкая, 1975. Рис. 7, с изменениями.

4 — схема эволюции изделий «догонского» стиля перегородчатых инкрустаций: вариант Ргани — вариант Недвиговка — вариант Центральный — Муслиумово (все кавказской серии) — серия Цибилиум — Тураево. Образцы: Армазисхеви, погр. 2 [Апакидзе и др., 1955. Табл. XLVI: 10]; Недвиговка, 1972 [Безуглов, Захаров, 1988. Рис. 2: 17]; Муслиумово [Засецкая, 1994. Табл. 43: 3]; колл. Караковского (каталог 2, № 6)

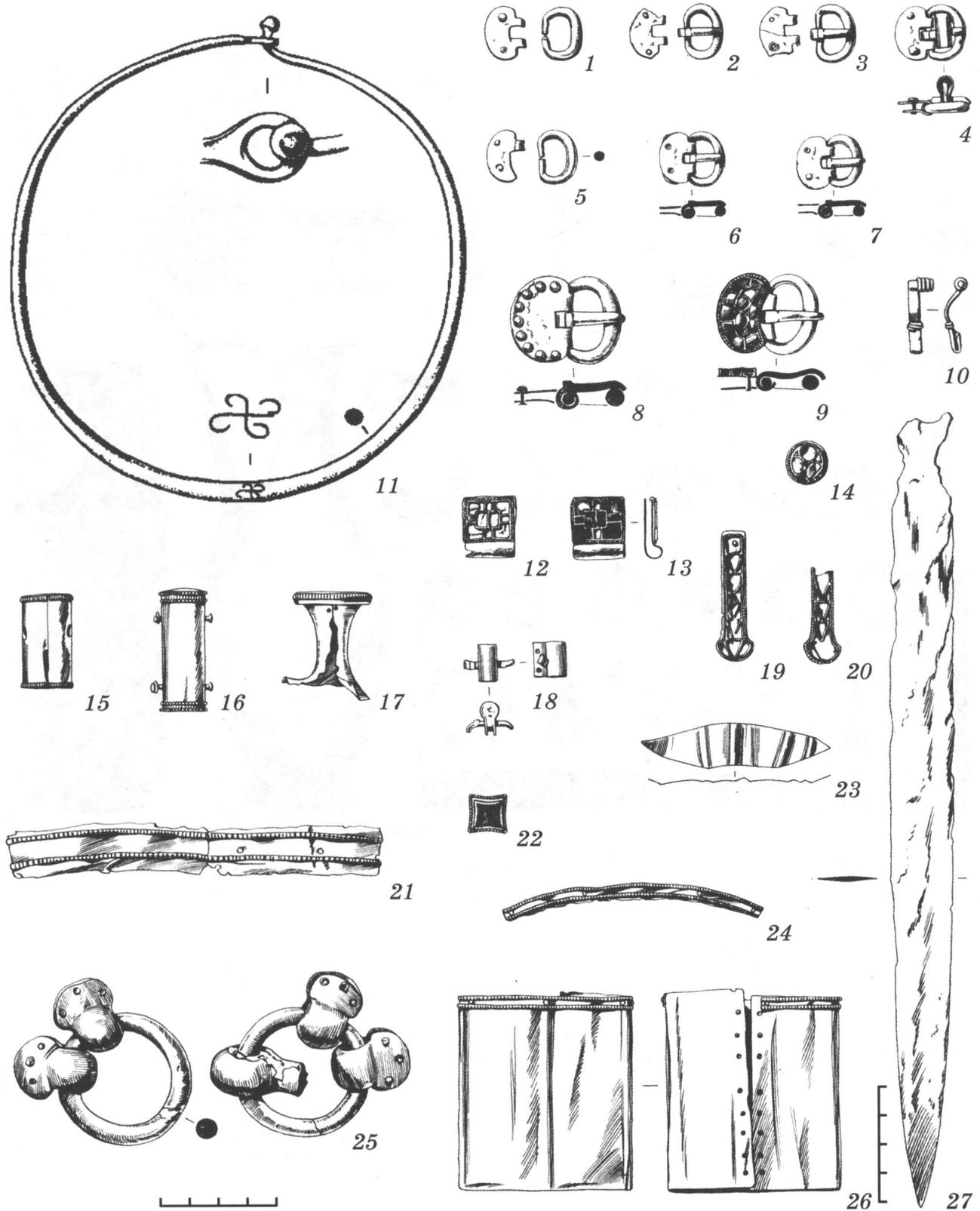

Рис. 2. Муслюмово, комплекс 1895 г.
По: Засецкая, 1994. Табл. 43, 44

Рис. 3. Керчь, склеп на Тарханской дороге, открытый в 1914 г.
По: Засецкая, 1993, кат. № 351—377

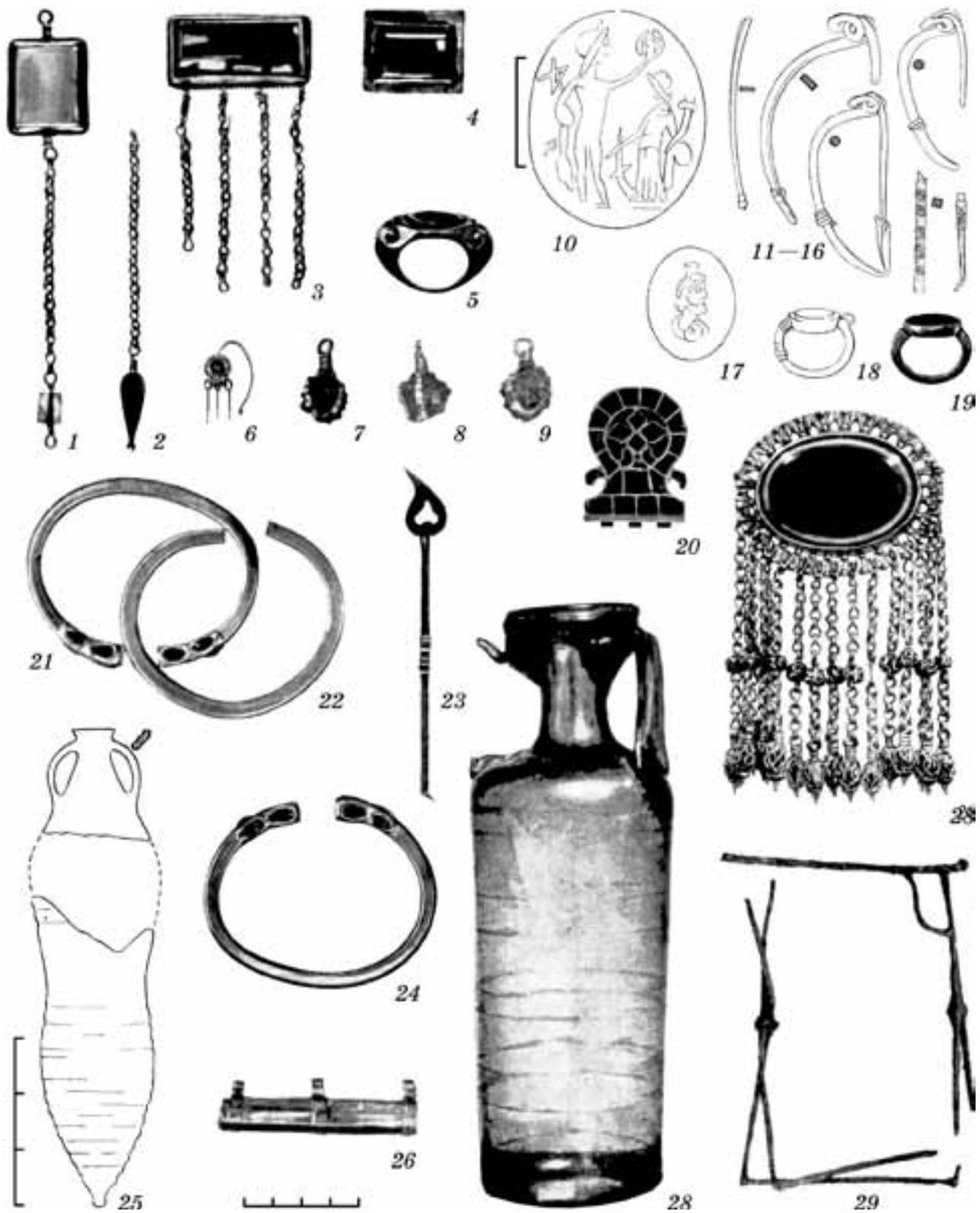

Рис. 4А. Уреки, комплекс 1942/1948 гг.
По: Леквинадзе, 1975. Рис. 1—10

Рис. 4Б. Уреки, комплекс 1942/1948 гг.
По: Леквинадзе, 1975. Рис. 1—10

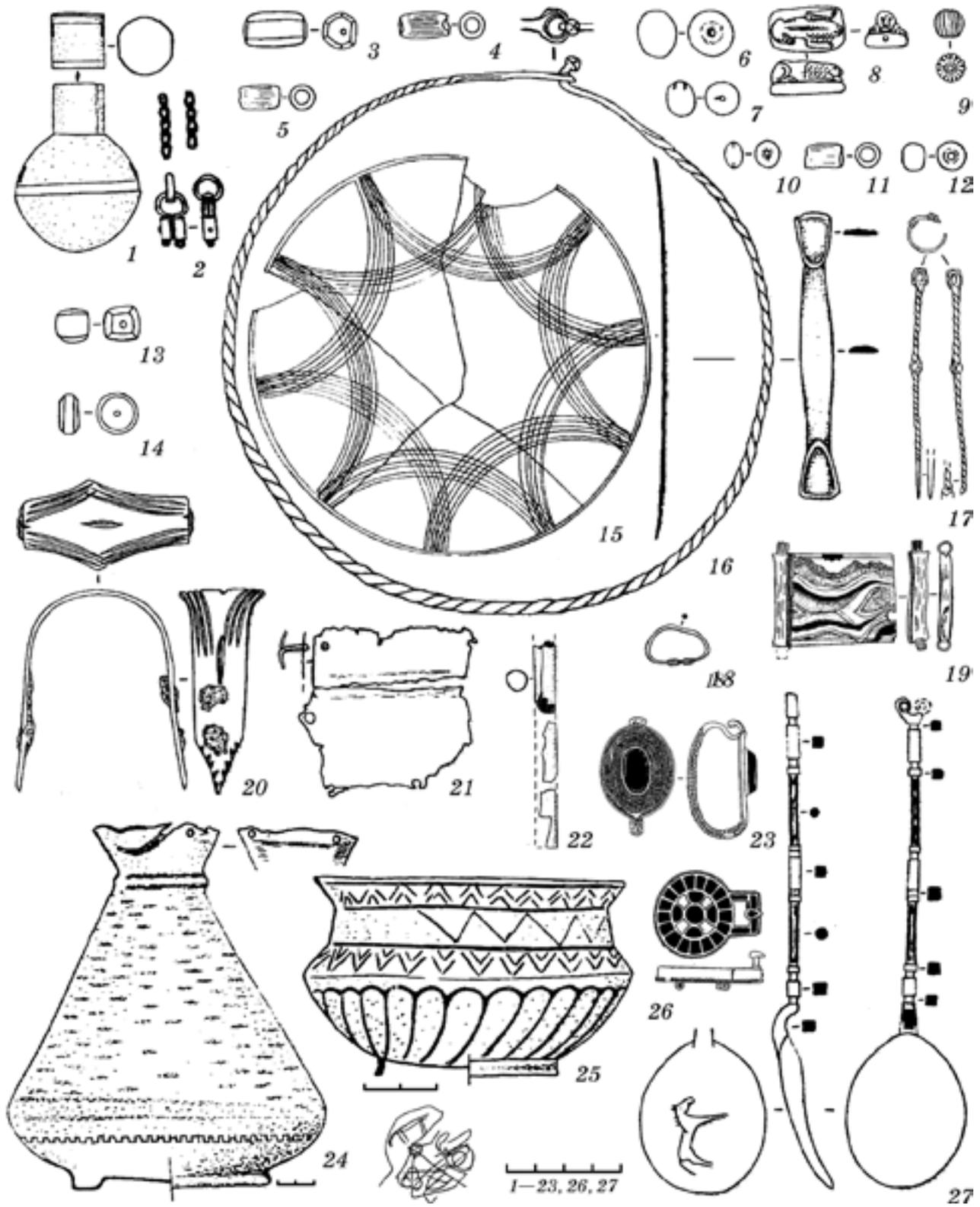

Рис. 5. Недвиговка, комплекс 1972 г.
По: Безуглов, Захаров, 1989. Рис. 1—3

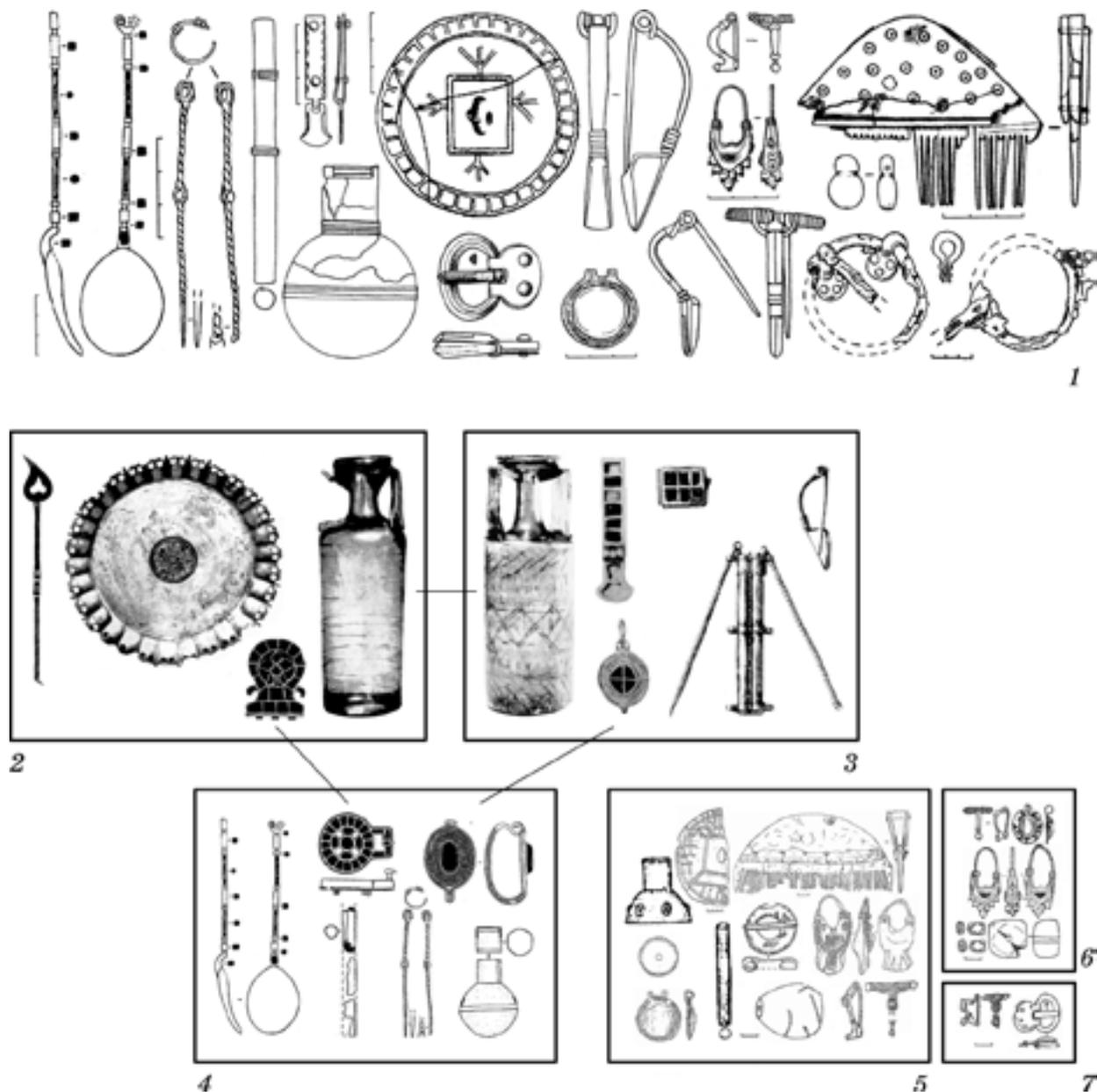

Рис. 6.

1 — характерные находки из погребений финала позднесарматского времени (Недвиговка, 1972 г., Центральный-VI, кург. 9, Маяк, кург. 5, Котова/Можары, Агеевский, к.1, Вербовый Лог-VI, кург. 1, Большая Димитровка, кург. 3/погр. 1, Старосолёновский, кург. 7, ст. Раздорская, Комаров-I, кург. 8). По: Безуглов, Захаров, 1988. Рис. 4: 11; Безуглов, Захаров, 1989. Рис. 1: 4, 2: 3; Безуглов, 2008. Рис. 4: 4, 6, 7, 10, 18, 7: 1,15; Гавритухин, 2010. Рис. 7: 16, 19, 45, 50; Скрипкин, 1984. Рис. 14: 68.

2—7 — Связи комплексов. 2 — Уреки 1942/1948 [Леквинадзе, 1975. Рис. 6: а, 8: а, 9, 10]; 3 — склеп на Тарханской дороге [Засецкая, 1993. Каталог, №. 352, 357, 362, 365б, 371б, 367]; 4 — Недвиговка, 1972 г. [Безуглов, Захаров, 1989. Рис. 1: 2, 4, 2: 1, 3, 17, 3: 5]; 5—7 — Большая Димитровка, 5 — кург. 13, погр. 2 [Матюхин, 1992. Рис. 2: 2, 3, 5—8, 10, 12; Гавритухин, 2010. Рис. 7: 60, 61]; 6 — кург. 3, погр. 1 [Матюхин, 1992. Рис. 2: 17, 22—26]; 7 — кург. 1, погр. 2 [Матюхин, 1992. Рис. 2: 14, 15]

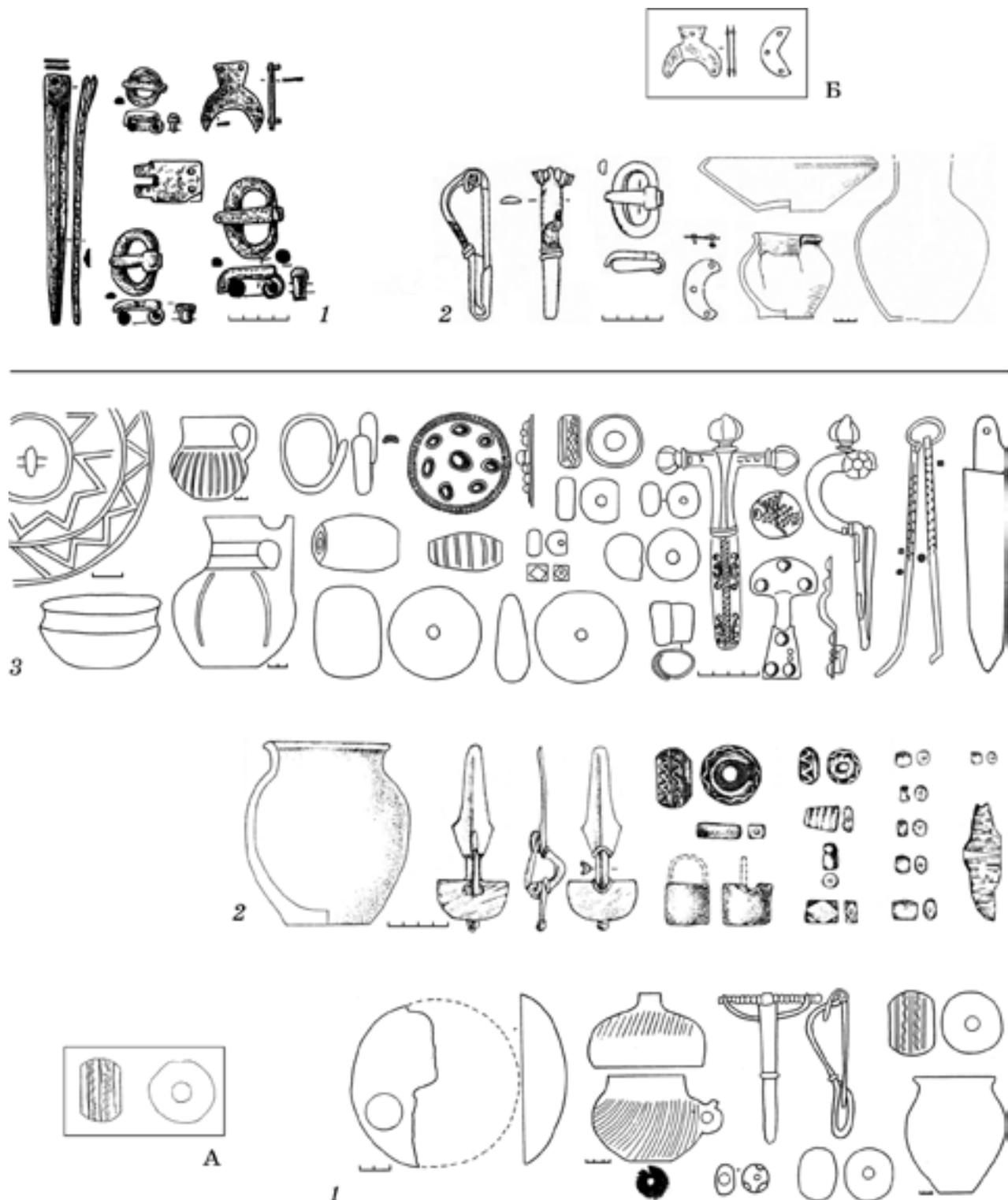

Рис. 7. Комплексы с находками бус типологических групп IX и X по О.В. Голкало (А), накладок-лунниц (Б).
А: 1 — Замковый, погр. 1 [Абрамова, 1997. Рис. 17: 2—7]; 2 — Петроаселе, погр. 68 [Harhoiu, 1998. Taf. LXXVII: A]; 3 — Байтал-Чапкан, погр. 24 [Минаева, 1956. Рис. 7: 7; Абрамова, 1997. Рис. 32].
Б: 1 — Фанагория, МТФ, склеп 1988 г. [Гавритухин, 2003. Табл. 64: 66—70]; 2 — Пирожок, кург. 3, погр. 1 [Безуглов, 1990. С. 83. Рис. 1: 2—7]

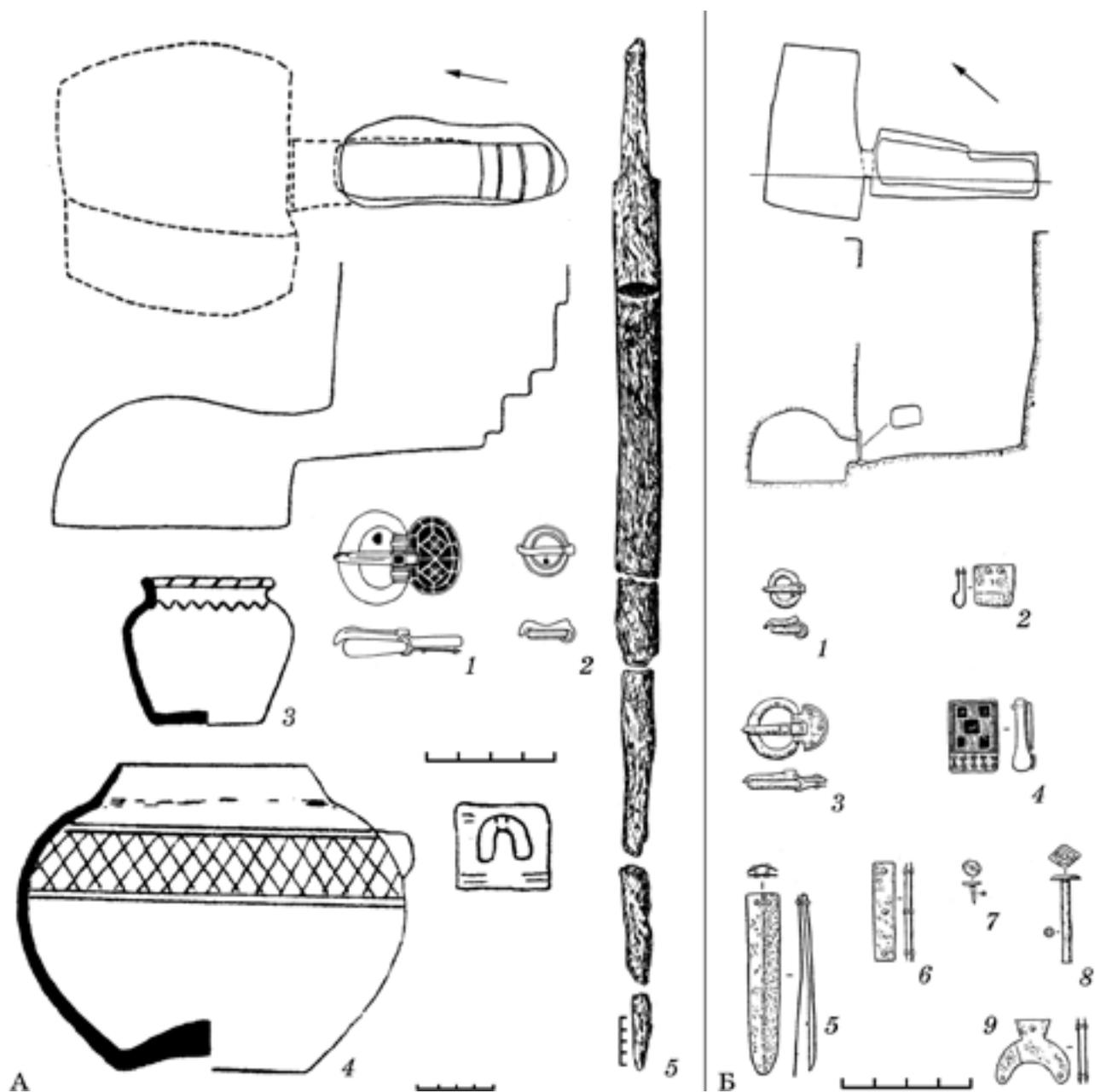

Рис. 8.

А — Центральный-IV, кург. 14 [Безуглов, Копылов, 1989. Рис. 1: 1, 2: 1-3, 3: 1, 2].

Б — Утамыш, кург. 2 [Котович и др., 1980. Рис. 9, 10]

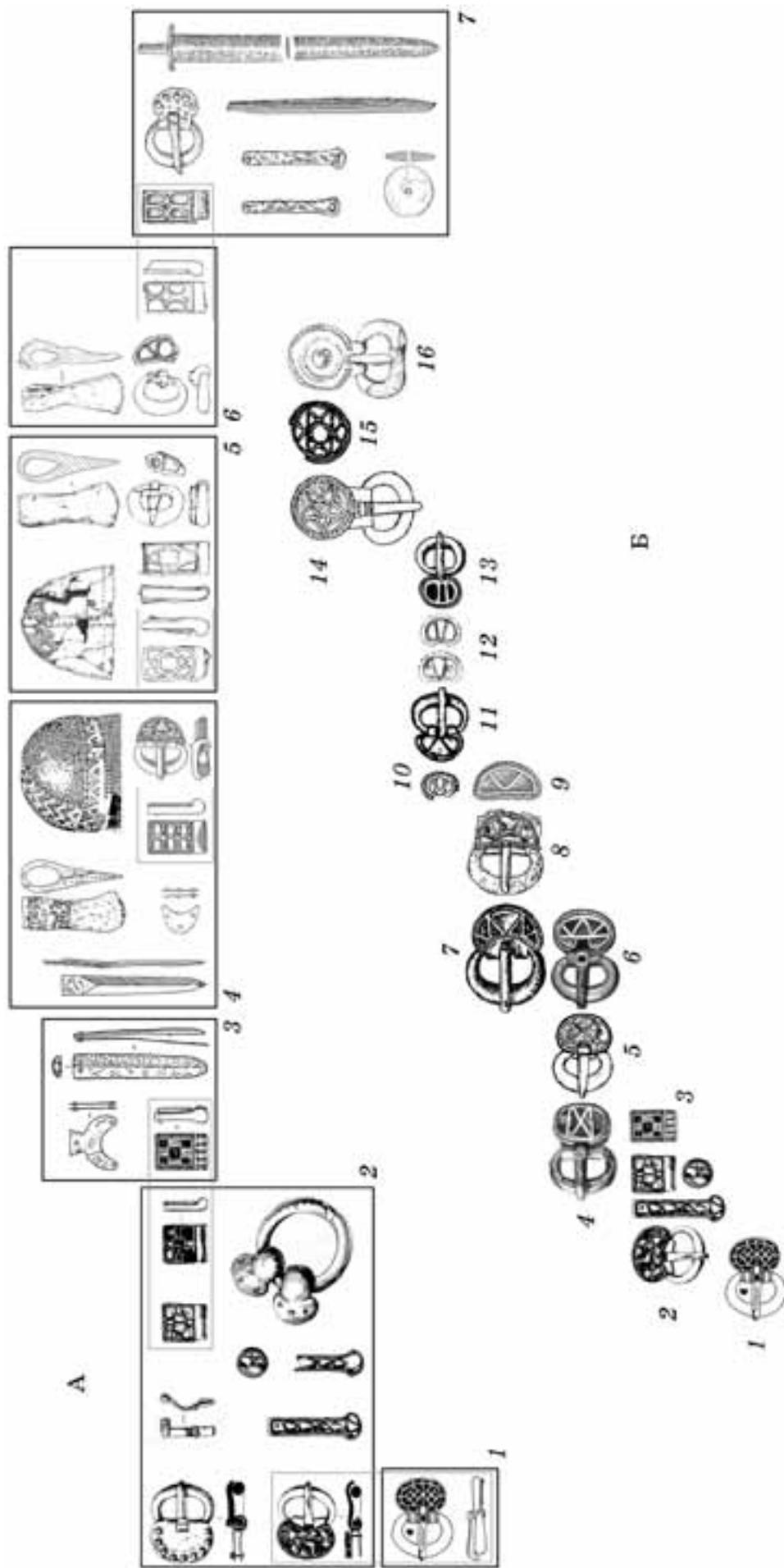

Рис. 9.

А — схема соотношения комплексов: 1 — Центральный-IV, кург. 14 [Безуглов, Копылов, 1989, Рис. 2: 2]; 2 — Муслюмово [Засецкая, 1994, Табл. 43: 2—5, 44: 1, 2, 5]; 3 — Утамыш, кург. 2 [Котович и др., 1980, Рис. 10: 6, 7, 9]; 4 — Тураево, кург. VII, погр. 1а [Gening, 1994, Abb. 28: 1, 5, 29: 5, 7, 14; Генинг, 1976, Рис. 32: 11]; 5 — Тарасово, погр. 1784 [Голдина, 2003, Табл. 667: 2, 668] и рис. с оригиналов; 6 — Тарасово, погр. 1772 [Голдина, 2003, Табл. 656: 7] и рис. с оригиналов; 7 — Тураево, кург. I, погр. 1 [Gening, 1994, Abb. 18: 4, 6, 19: 1, 9, 11, 12, 14].

Б — предполагаемый эволюционный ряд деталей ремennых гарнитуров: 1 — Центральный-IV, кург. 14 [Безуглов, Копылов, 1989, Рис. 2: 2]; 2 — Муслюмово [Засецкая, 1994, Табл. 43: 2—5]; 3 — Утамыш, кург. 2 [Котович и др., 1980, Рис. 10: 6]; 4 — колл. Караковского (каталог 2, № 6); 5 — Козинка-VIII, кург. 15/погр. 1 (каталог 2, № 5); 6 — Лебень (каталог 2, № 9); 7 — Дежнево, кург. 18/погр. 1 (каталог 1, № 1); 8 — Мокино, погр. 160 (каталог 1, № 4); 9 — колл. Зичи (каталог 2, № 7а); 10 — Высочино-V, кург. 19 (каталог 2, № 1); 11 — могильник II Старокорсунского городища, погр. 224в (каталог 2, № 12); 12 — Терезе (каталог 2, № 13); 13 — Кубей, кург. 20 (каталог 2, № 8); 14 — Цибилуум-2, погр. 311 (каталог 2, № 17); 15 — Лермонтовская скала-2, кат. 11 (каталог 2, № 10); 16 — «корочки» Сплицына (каталог 2, № 11)

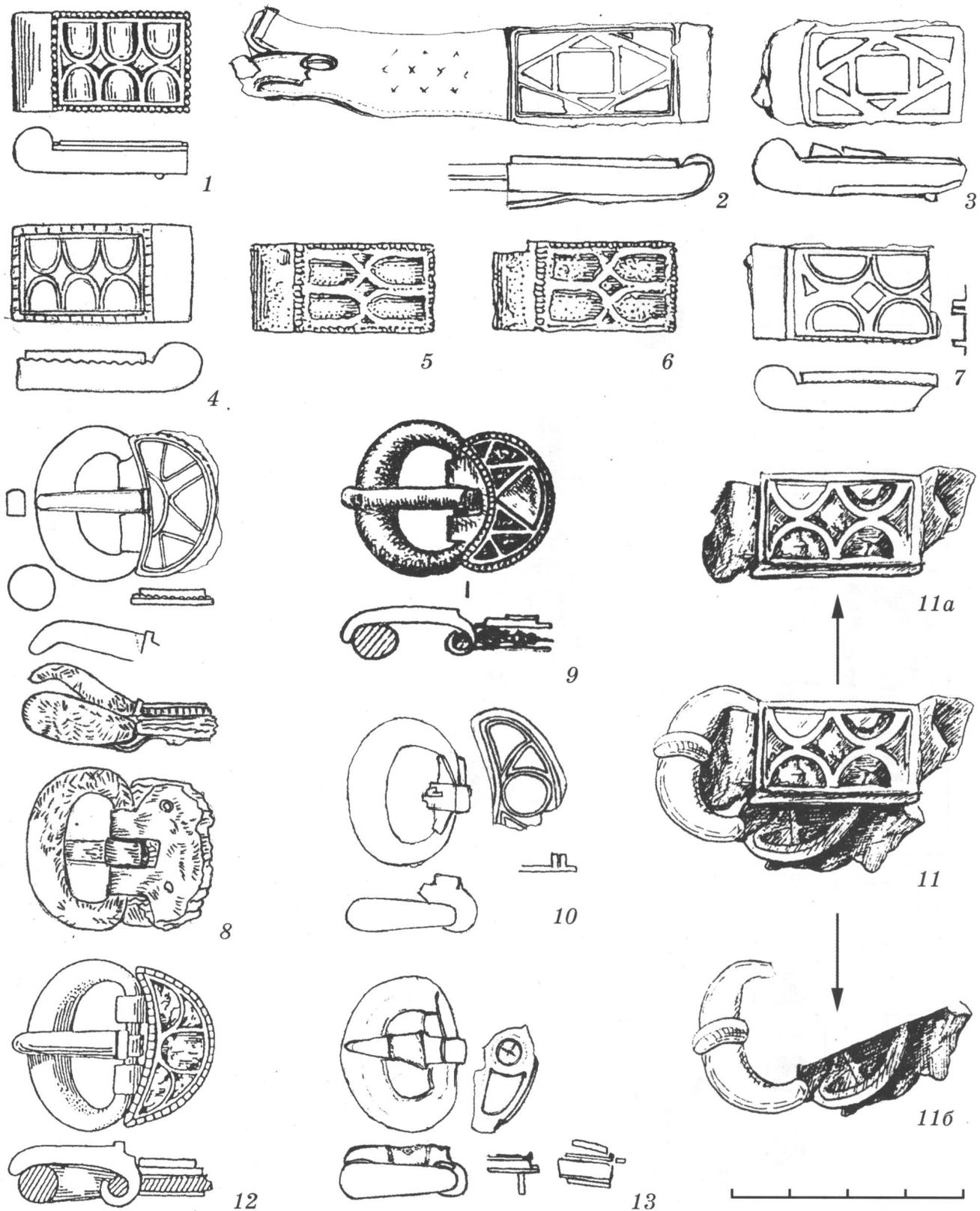

Рис. 10. Изделия прикамского варианта серии Цибилиум—Тураево.

(В скобках даны номера по каталогу 1).

1, 4, 12 — Тураево, кург. VII, погр. 1а (№ 8а, б, в); 2, 3, 13 — Тарасово, погр. 1784 (№ 6а, б, в); 5, 6 — Тураево, кург. I, погр. 1 (№ 7а, б); 7, 10 — Тарасово, погр. 1772. (№ 5а, б); 8 — Мокино, погр. 160 (№ 4); 9 — Дежнево, кург. 18/погр. 1 (№ 3); 11 — Кудаш, погр. 29 (№ 2а, б, в)

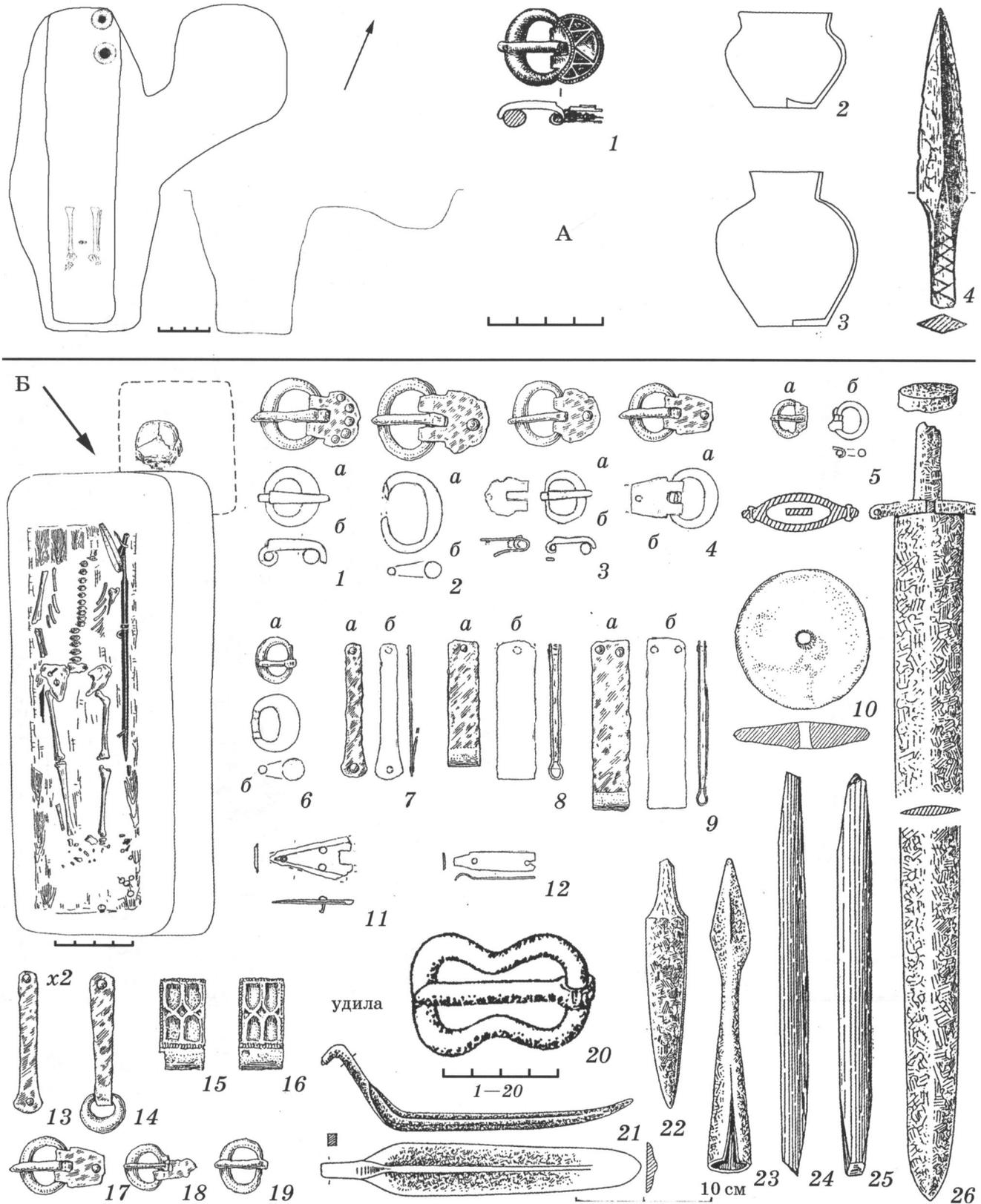

Рис. 11. Комплексы с изделиями прикамского варианта серии Цибилиум—Тураево.

А — Дежнево, кург. 18, погр. 1 [Пшеничнюк, 1968. Рис. 3: 1, 5, 2: 6, 9; Сальников, Отчет, 1961]. Б — Тураево, кург. I, погр. 1 [Gening, 1994. Abb. 4, 18, 19] (рис. с литерой «б» и №11, 12 выполнил И.О. Гавритухин по коллекции Музея археологии ГОУ ВПО «Казанский (Приволжской) федеральный университет»)

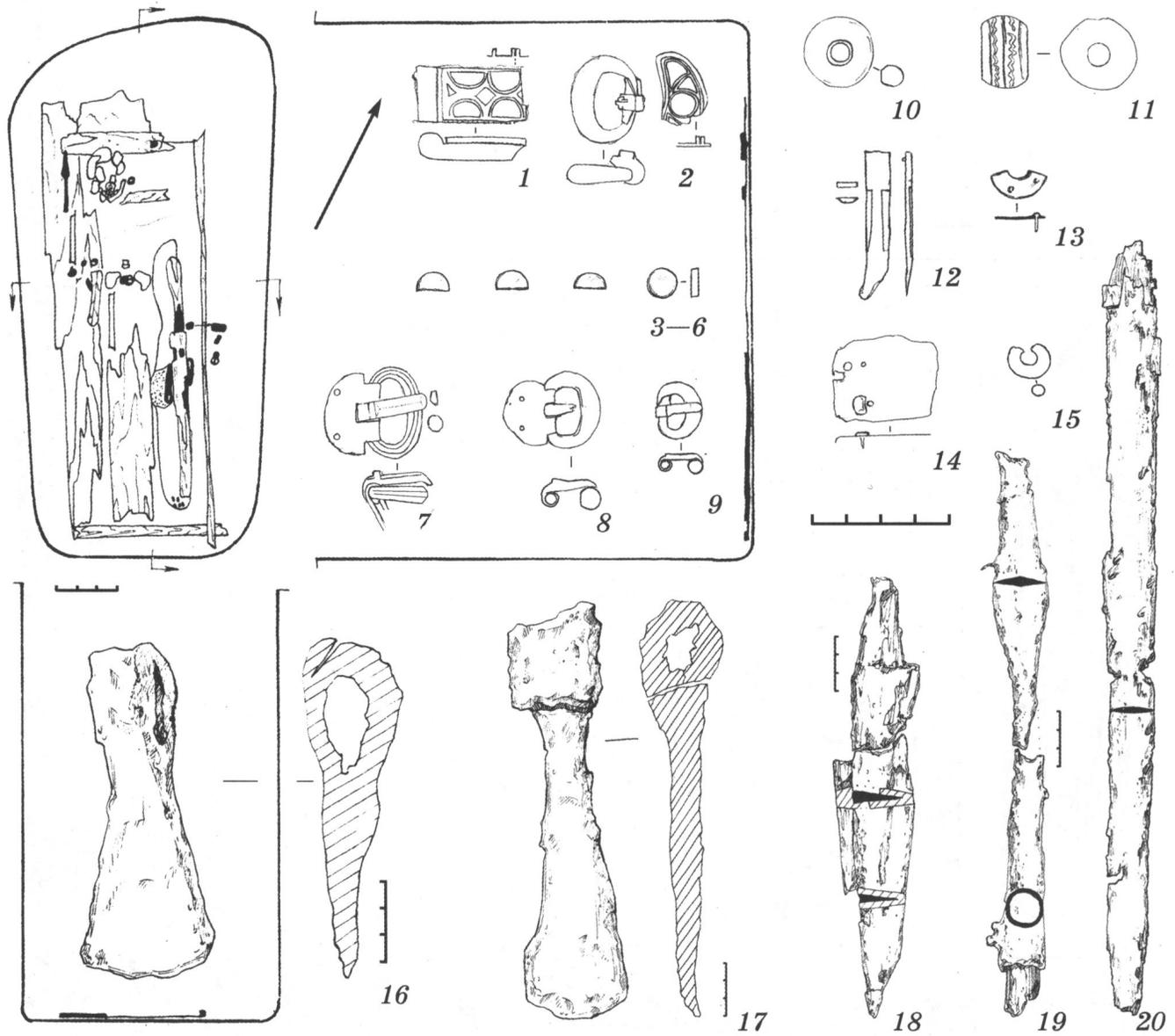

Рис. 12. Тарасово, погр. 1772.

По: Голдина, 2003. Табл. 655: 3-7, 10-12, 656: 7, 8; 1, 2, 7-12, 14, 15 — рис. с оригиналов

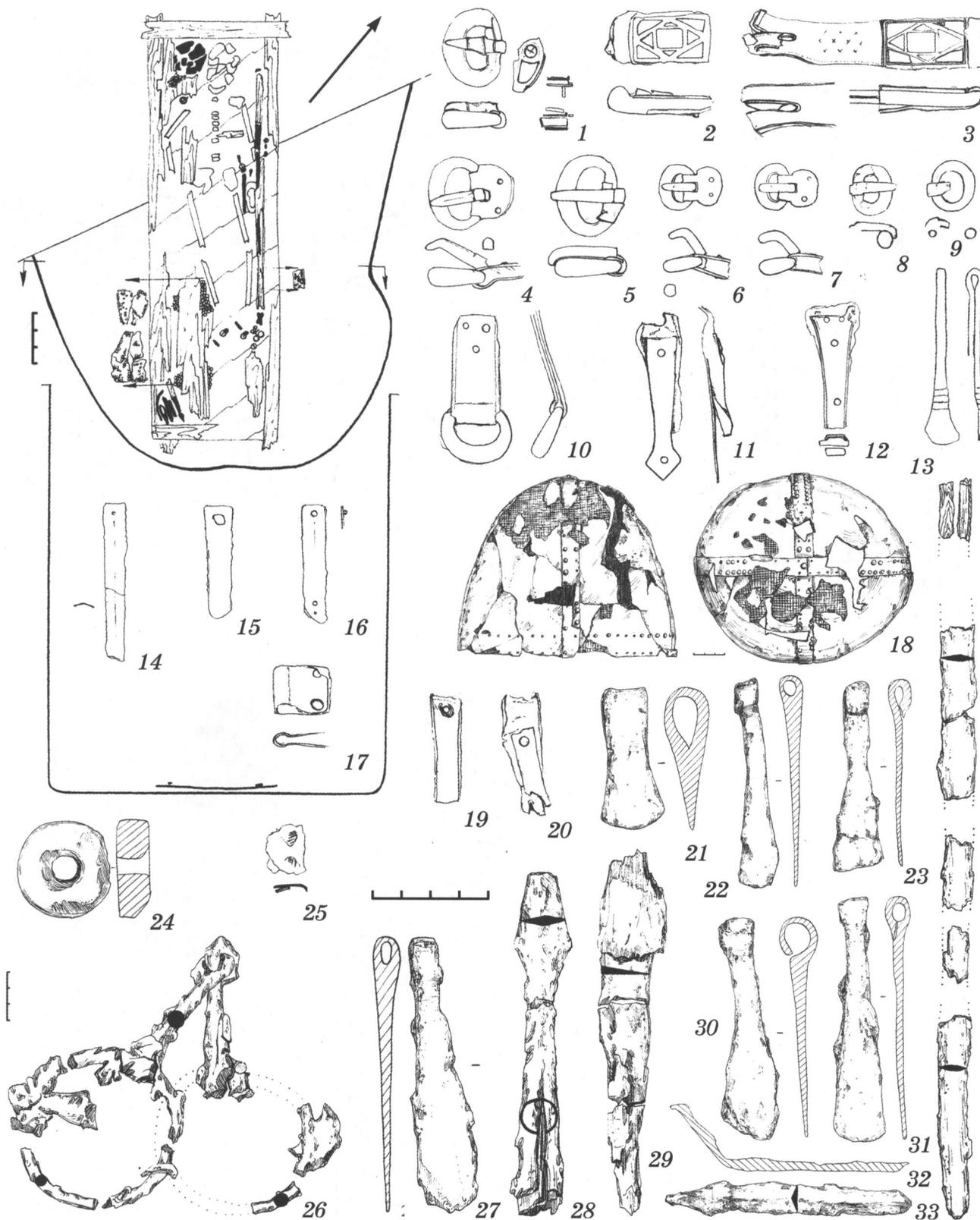

Рис. 13. Тарасово, погр. 1884

По: Голдина, 2003. Табл. 665: 10, 12, 666: 9–11, 667, 668; 1–17, 19, 20, 25 — рис. с оригиналов

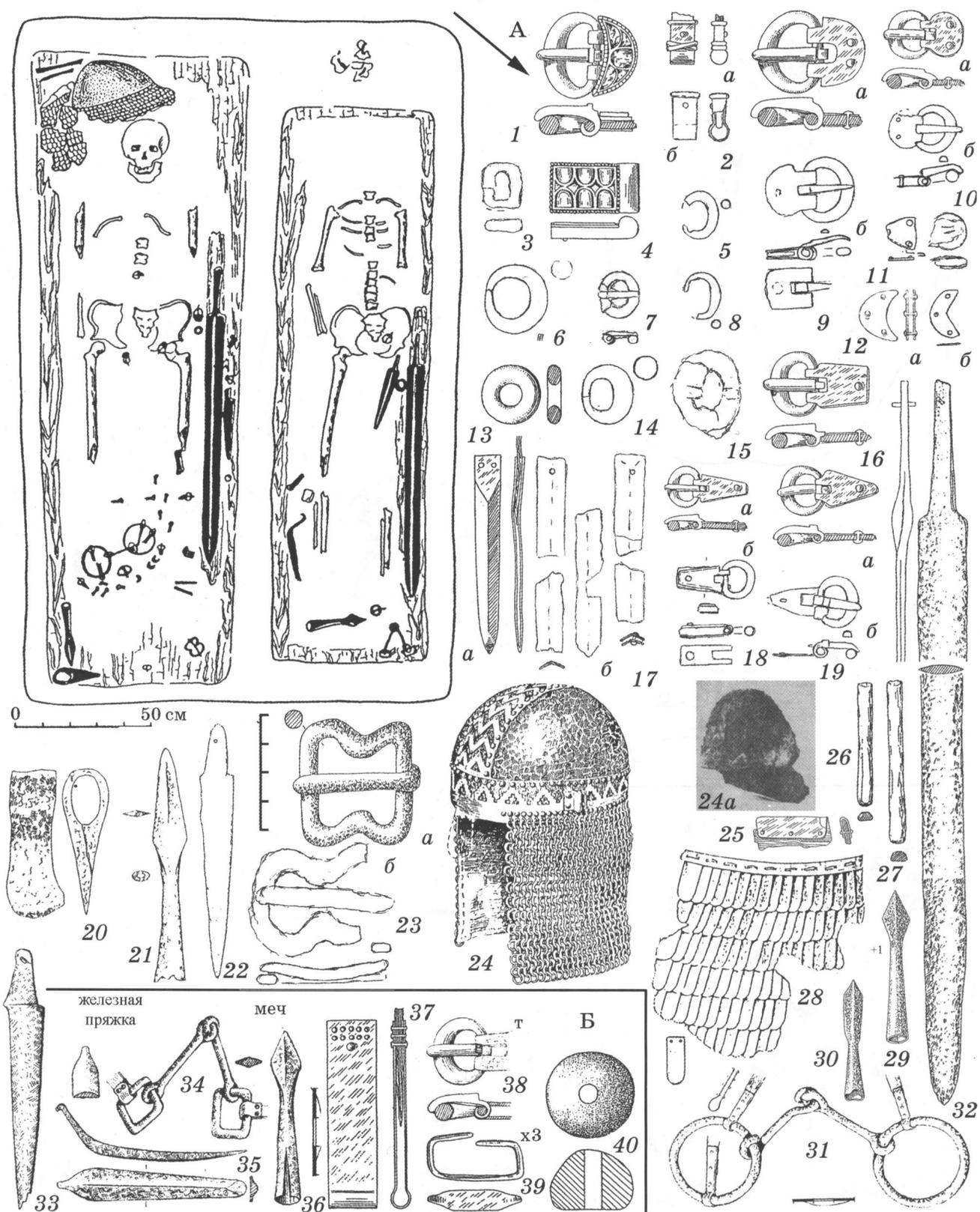

Рис. 14. Тураево, кург. VII/погр. 1.

По: Gening, 1994. Abb. 14, 28—30; Генинг, 1976. Рис. 18/слева; рис. с литерой «б» выполнил И. О. Гавритухин по коллекции Музея археологии ГОУ ВПО «Казанский (Приволжской) федеральный университет»

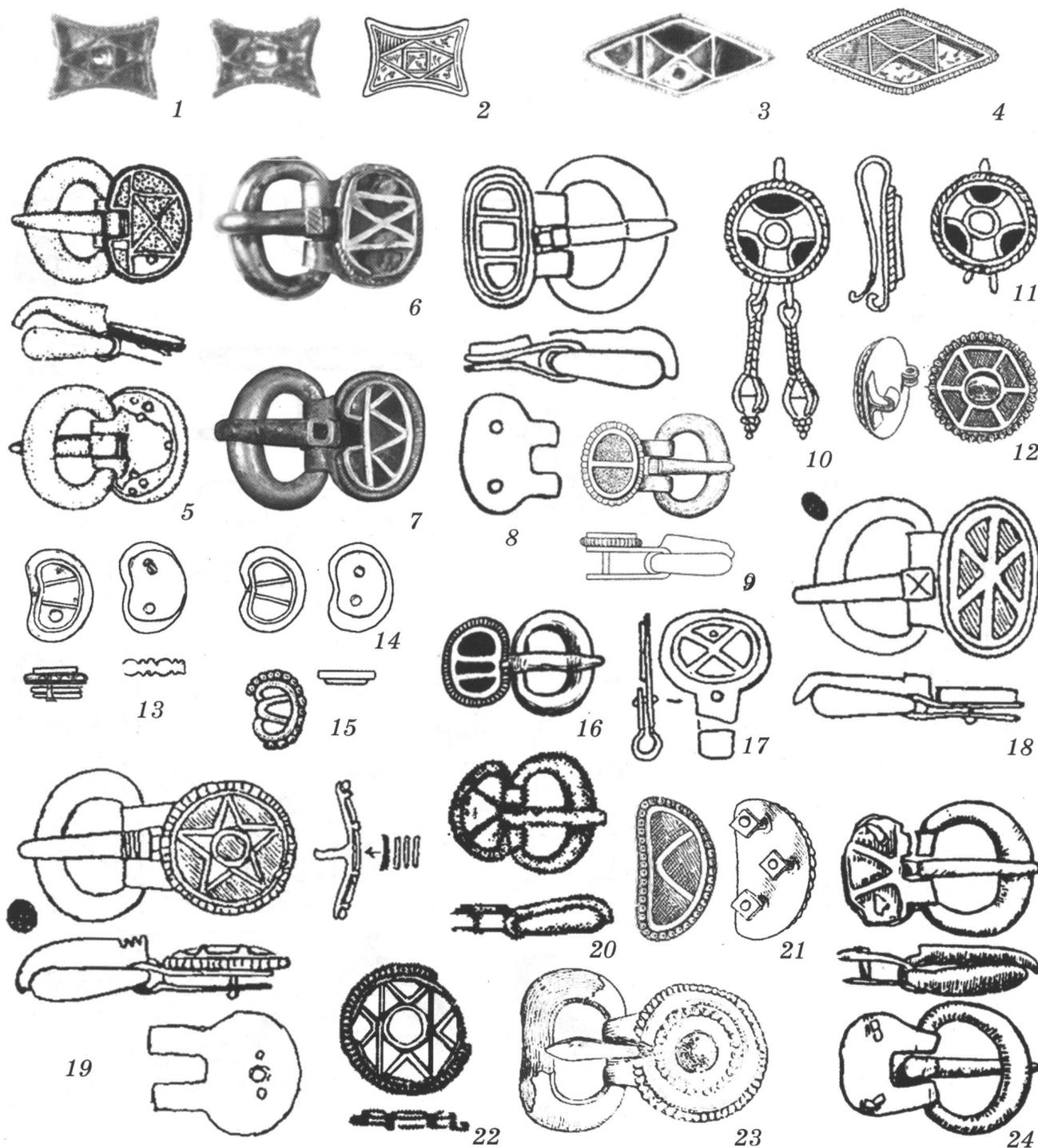

Рис. 15. Изделия западнокавказского варианта серии Цибилиум—Тураево.
(В скобках даны номера по каталогу 2).

1 — Керчь, склеп 145/1905, тайник (№ 2а, б); 3, 4 — Керчь, два склепа, открытых 24 июня 1904 г. (№ 3а, б); 5 — Козинка-VIII, кург. 15/погр. 1 (№ 5); 6 — коллекция С. В. Караковского (№ 6); 7 — Лебень (№ 9); 8 — Цибилиум-1, погр. 41 (№ 14); 9 — Чаштепе, кург. 1 (№ 19); 10, 11 — Цибилиум-1, погр. 154 (№ 16а, б); 12, 21 — коллекция З. Зичи (№ 7а, б); 13, 14 — Терезе (№ 13а, б); 15 — Высочино-V, кург. 19 (№ 1); 16 — Кубей, кург. 20 (№ 8); 17 — Цибилиум-11, погр. 459 (№ 18); 18 — Цибилиум-1, погр. 151 (№ 15); 19 — Цибилиум-2, погр. 311 (№ 17); 20 — могильник II Старокорсунского городища, погр. 224в (№ 12); 22 — Лермонтовская скала 2, кат. 11 (№ 10); 23 — «корочки» Спицына (№ 11); 24 — Клин-Яр III, погр. 57 (№ 4)

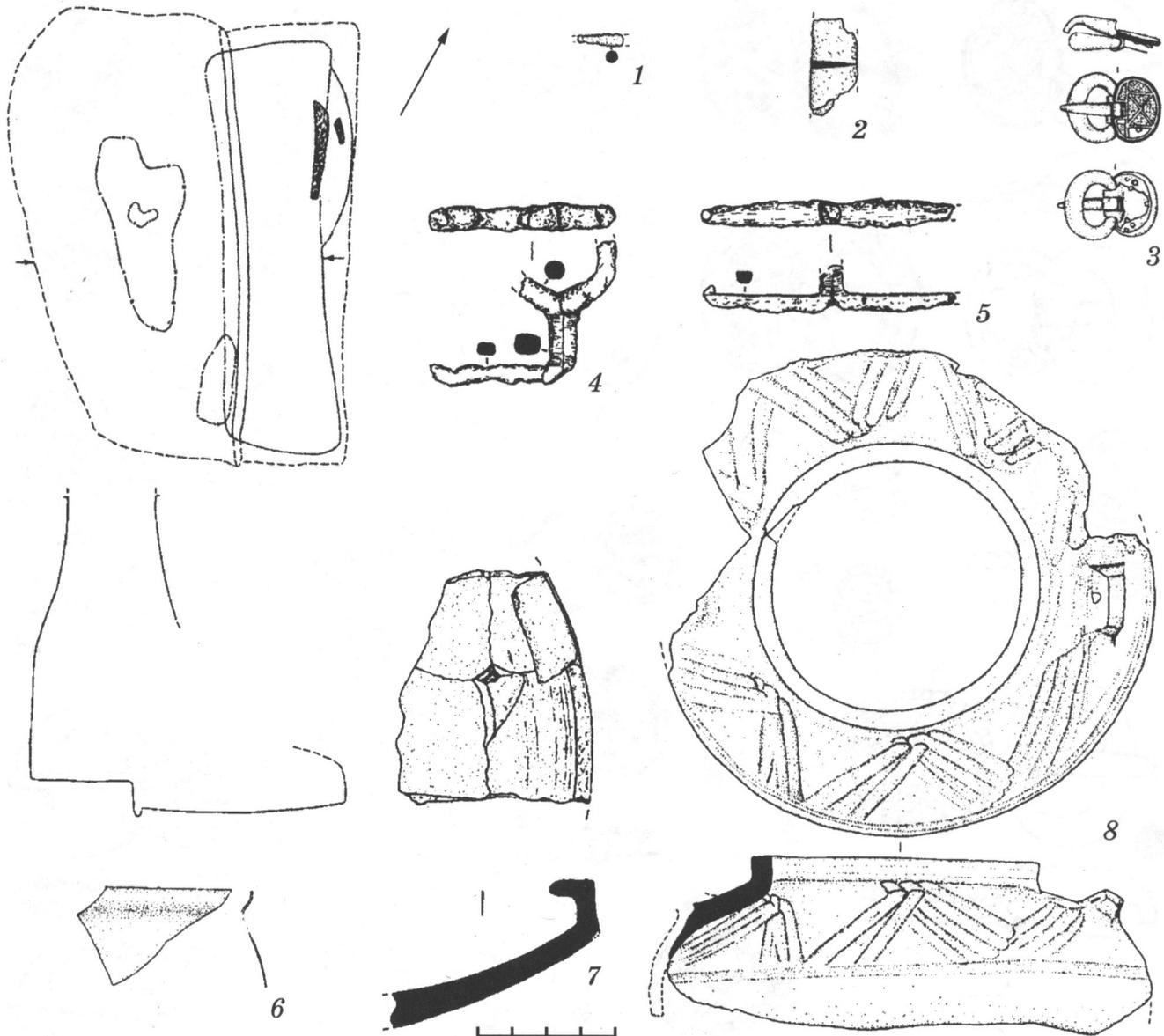

Рис. 16. Козинка-VIII, кург. 15, погр. 1.
По: Безуглов, Глебов, 2002. Рис. 1, 2

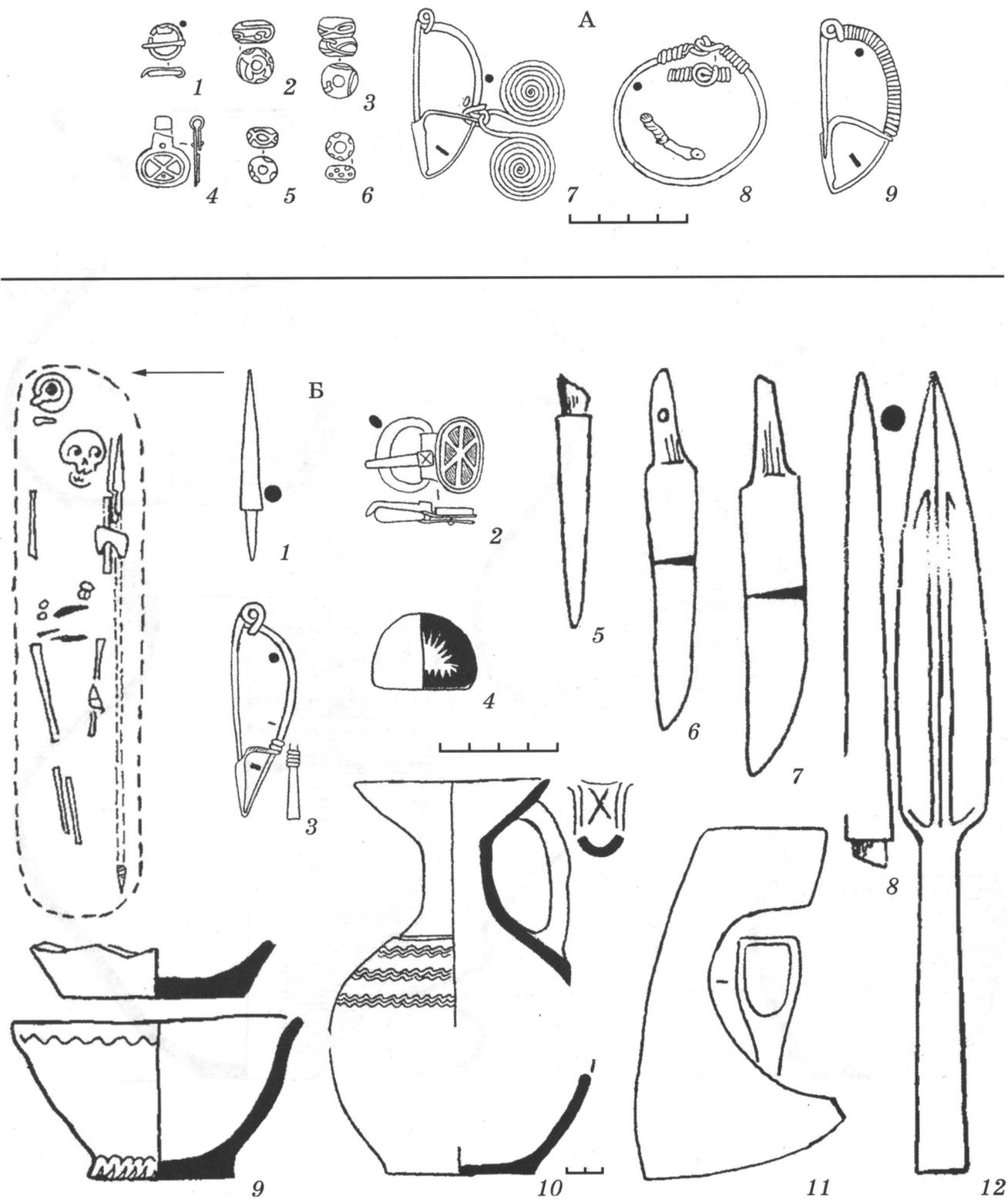

Рис. 17.

А — Цибилиум-1, погр. 151 [Воронов, 2003. Рис. 74: 10—23]; Б — Цибилиум-11, погр. 459 [Воронов, 2003. Рис. 220: 32—41]

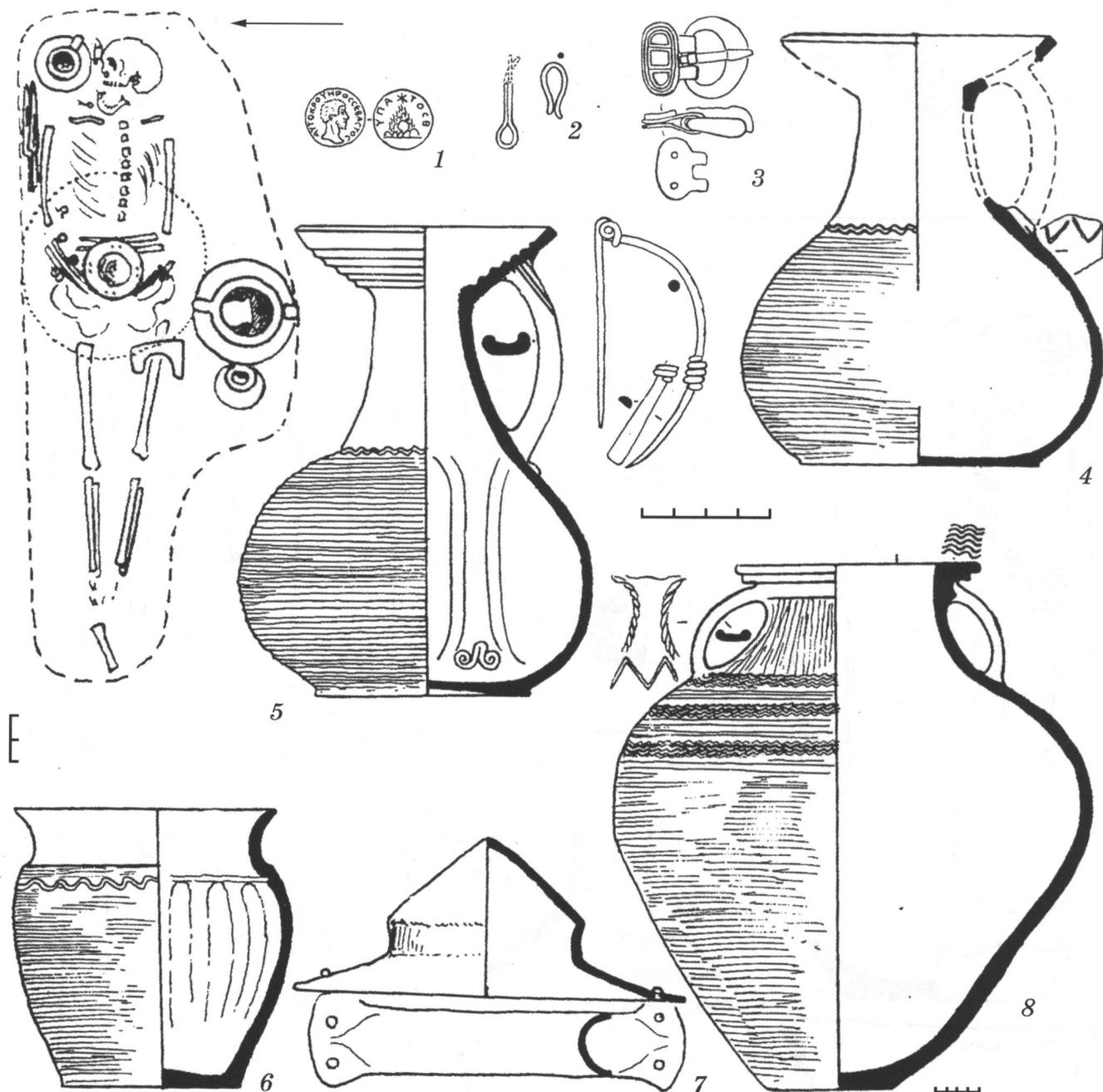

Рис. 18. Цибилиум-1, погр. 41.

По: Воронов, 2003. Рис. 16

Рис. 19. Цибилиум-1, погр. 154
 По: Воронов, 2003. Рис. 75

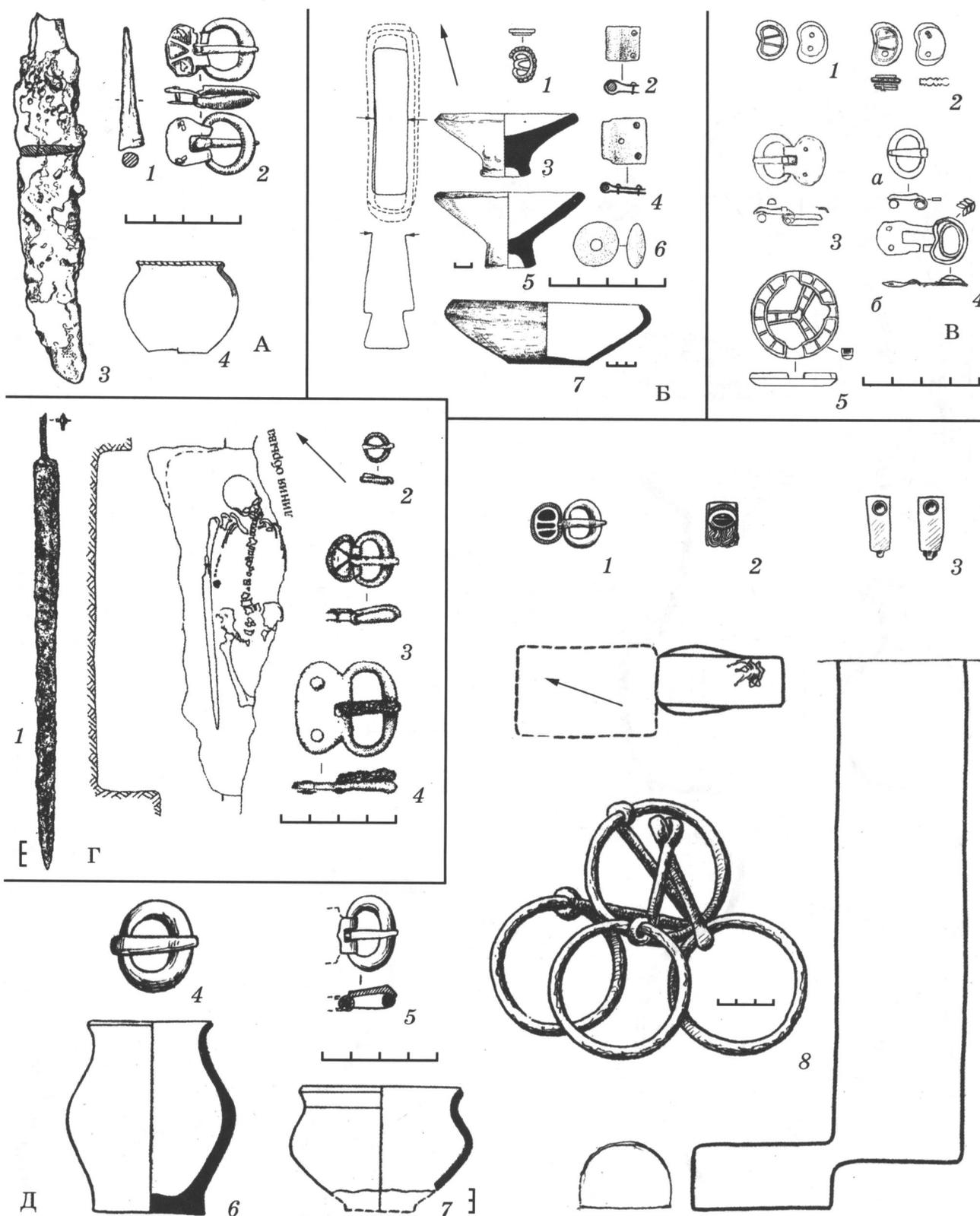

Рис. 20.

А — Клин-Яр-III, погр. 57 [Флеров, 2000. Рис. 43: 6—8];

Б — Высочино-V, кург. 19 [Беспалый, Лукьяшко, 2008. Табл. LXXXVI: 2—8];

В — Терезе (рис. И. О. Гавритухина);

Г — Старокорсунская, «могильник II Старокорсунского городища», погр. 224в [Лимберис, Марченко, 2009. Рис. 1];

Д — Кубей, кург. 20 [Субботин, Дзиговский, 1990. Рис. 22]

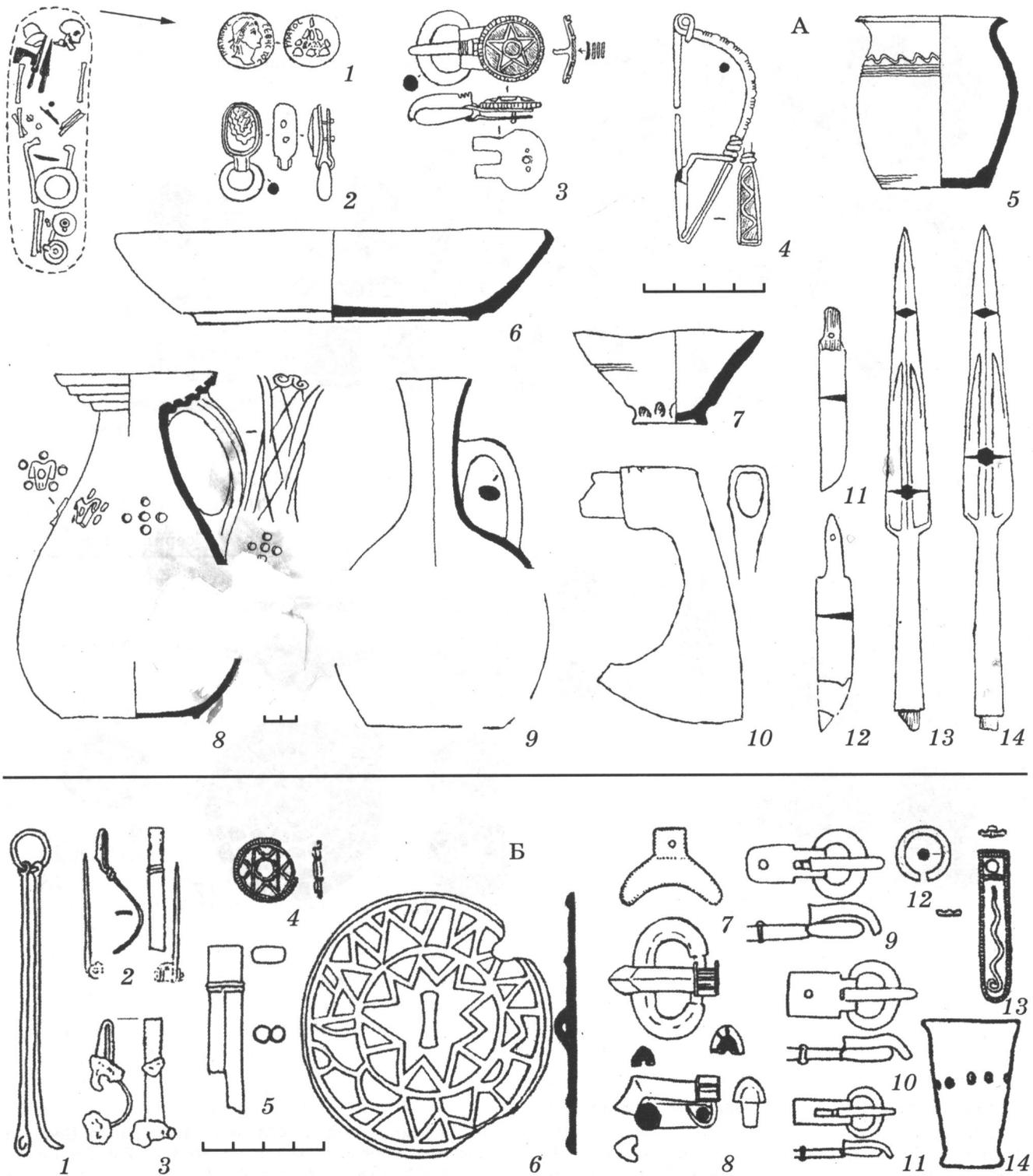

Рис. 21.

А — Цибилиум-2, погр. 311 [Воронов, 2003. Рис. 144];

Б — Лермонтовская скала-2, кат. 11 [Гавритухин, 2010. Рис. 17: 47—60]

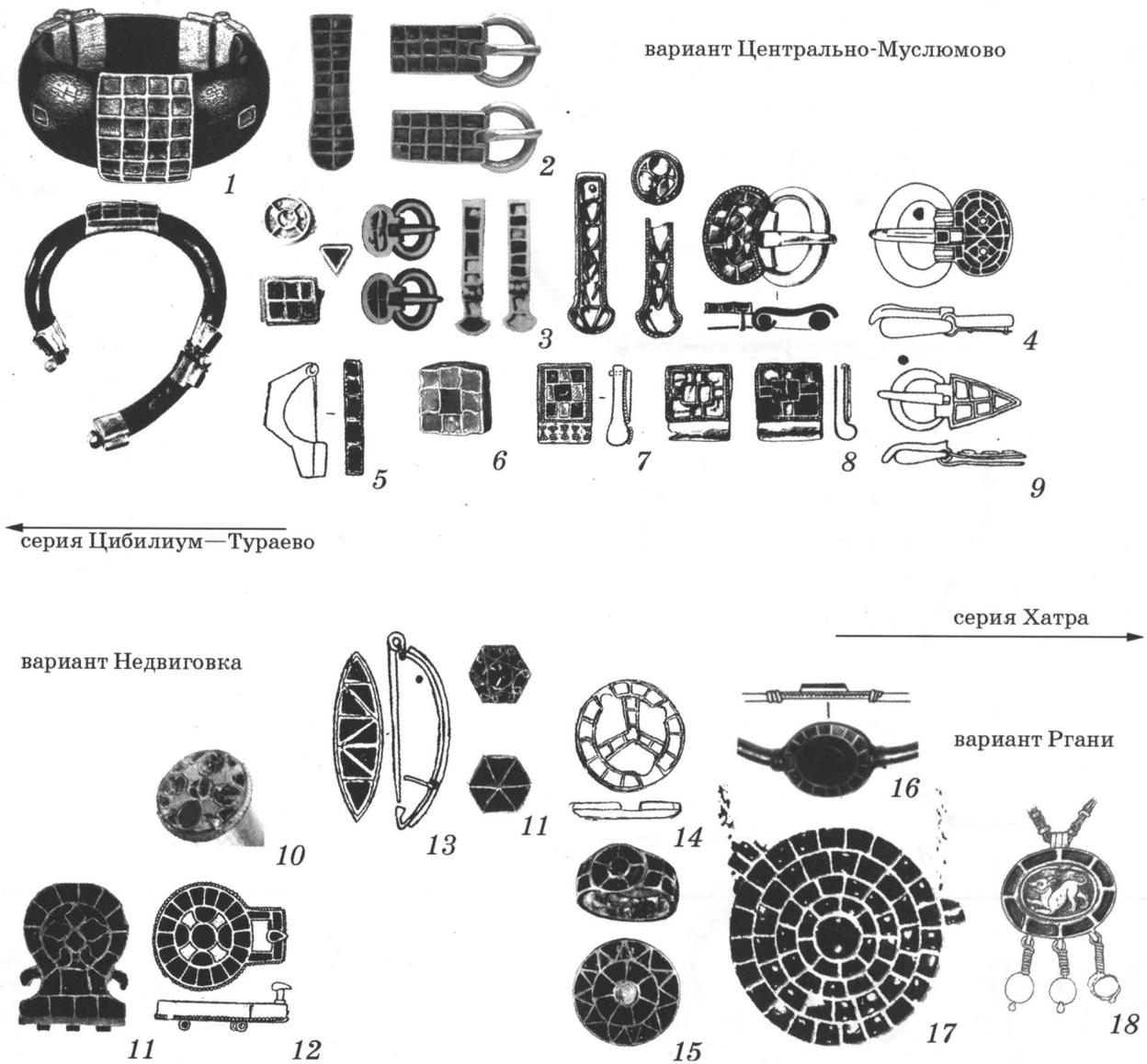

Рис. 22. Находки изделий кавказской серии.

Вариант Центральный—Муслимово: 1 — Мцхета, погр. 25/1981 [Апакидзе, 1983. С. 404/внизу; In the path of Georgian archaeology, 2008. С. 81/слева]; 2 — Бердянские кург. [Древние сокровища оренбургской степи, 2004. С. 23]; 3 — Керчь, склеп на Тарханской дороге, открытый в 1914 г. [Засецкая, 1993. Кат. 355, 365а, б, в, 357]; 4 — Центральный-IV, кург. 14 [Безуглов, Копылов, 1989. Рис. 2: 2]; 5 — Фрикацей, кург. 6 [Симоненко, 2001. Рис. 8: 7]; 6 — Комаров II, кург. 8 [Габуев, 2005. Кат. 54/в центре]; 7 — Утамыш, кург. 2 [Котович и др., 1980. Рис. 10: 6]; 8 — Муслимово, комплекс 1895 г. [Засецкая, 1994. Табл. 43: 2—5]; 9 — Цибилиум-2, погр. 207 [Воронов, 2003. Рис. 97—25].

Вариант Недвиговка: 10 — колл. Караковского [Эпоха..., 2007. С. 79, 330, № I. 38. 3]; 11 — Уреки, комплекс 1942/1948 гг. [Леквинадзе, 1975. Рис. 5: в, г, 6: а]; 12 — Недвиговка, комплекс 1972 г. [Безуглов, Захаров, 1989. Рис. 2: 17].

«Переходные» вещи: 11 — Уреки, комплекс 1942/1948 гг. [Леквинадзе, 1975. Рис. 5: в, г, 6: а]; 13 — Цибилиум-1, погр. 69 [Воронов, 2003. Рис. 32—21].

Вариант Ргани: 14 — Терезе (Учкекен-Терезе) (рис. И.О. Гавритухина); 15 — Арагвиспири, погр. 9 [Рамишвили, 1977. Рис. 2: 1, вверху слева и в центре]; 17 — Ргани [Брагвадзе, 2001. Рис. 2]; 18 — Армазисхеви, погр. 2 [Апакидзе и др., 1955. Табл. XLVI: 10].

Вероятно, вариант Ргани: 16 — Клин-Яр, комплекс 1983 г. [Kuznesov, 2000. Fig. 18: 1]

ХРОНОЛОГИЯ КОМПОНЕНТОВ ЖЕНСКОГО УБОРА САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема хронологии самбийско-натынгийской культуры (или культуры Долькайм — Коврово (Dollkeim — Kovrovo), по В. Новаковскому) может считаться одной из центральных в ее изучении. Несмотря на то что эта общность принадлежит к центральноевропейскому кругу, который имеет длительную историю изучения и весьма тщательно разработанные классификации предметов, существующая ее периодизация имеет во многом противоречивый характер.

Между тем, хронологическая шкала является необходимым стержнем, вокруг которого собираются исследования отдельных частей и подсистем материальной культуры, и позволяет проследить динамику ее развития.

Историография

Первая хронологическая система римского времени Центральной и Северной Европы, куда были включены и материалы с территории Самбийского полуострова, была создана О. Тишлером, а позднее развита Г. Кемке [Tischler, 1879; Tischler, Kemke, 1902]. В рамках этой системы датированы и предметы из женских погребений культуры в ряде специальных публикаций первой половины XX в. [Tischler, Kemke, 1902; Blume, 1912; Åberg, 1919; Jankuhn, 1933a; La Vaume, 1942].

Современная периодизация самбийско-натынгийской культуры базируется на системе хронологии центральноевропейских древностей, созданной К. Годловским [Godłowski, 1970; 1974], в основе которой лежит схема Х. Ю. Эггерса [Eggers, 1955]. Культуры юго-восточной Прибалтики в ней объединены в западнобалтский круг древностей, один из компонентов которой — самбийско-натынгийская общность [Godłowski, 1970. P. 42—56. Pl. X—XII; 1974]. Но стоит учитывать, что, когда К. Годловский создавал свою хронологическую систему, богатейшие материалы с территории Самбийского полуострова, полученные в результате раскопок второй половины XIX — первой четверти XX в. и положены в основу хронологической шкалы О. Тишлера, считались полностью утраченными в ходе Второй мировой войны. Поэтому К. Годловский использовал материалы довоенных публикаций. В его таблицах есть от-

дельные вещи из погребений всего девяти могильников Самбии и Натангии [Godłowski, 1974. Рис. 7, 8] (см. рис. 2). В итоге выводы относительно культур западнобалтского круга были сделаны им на основе материалов из Мазурского поозерья и Сувалок, характеризующих богачевскую культуру, а также культуры нижнего Понеманья и западной Литвы.

Несмотря на это, для рассматриваемого региона система К. Годловского не подвергалась серьезной ревизии. На ее основе В. Новаковским была разработана и детальная периодизация самбийско-натынгийской (Долькайм — Коврово) культуры [Nowakowski, 1996. S. 15, 16, 55—59. Taf. 107] (см. также рис. 3), которую в целом можно считать уточняющей. Им было выделено 6 хронологических фаз культуры. Первые 4 из них относятся к римскому времени: 1 (соответствует фазе B2 по К. Годловскому, 2 (B2/C1 и C1a), 3 (C1 и C2), 4 (C2 и D).

Рассматривая самбийско-натынгийскую культуру как часть культурной системы Балтийского региона, нельзя оставить без внимания и хронологическую схему, разработанную У. Лунд-Хансен. Эта схема фактически корректирует периодизацию Х. Ю. Эггерса для Северной Европы и основана на детальном анализе находок импортных (римских) изделий [Lund Hansen, 1987].

В ряде исследований, посвященных хронологии римского времени Балтийского региона, отмечалось, что многочисленные параллели позволяют рассматривать данные территории как регионы, связанные едиными процессами и влияющими на них условиями [Godłowski, 1970; Lund Hansen, 1987; Jørgensen, 1989].

Проблемам соотношения древностей самбийско-натынгийской культуры с другими общностями Балтийского региона и разделению западнобалтских древностей эпохи Великого переселения народов на этапы посвящена работа А. Битнер-Врублевской [Bitner-Wróblewska, 2001]. Материальная культура Самбии и Натангии этого периода соотносится с «горизонтом Замланд» (Samland horizon) и синхронизируется с североевропейскими вещами, выполненными в стиле Сёсдала (Sösdala) (рис. 4). Подобная точка зрения впервые была высказана К. Годловским, который отмечал, что изделия со

штампованным орнаментом в виде звезд имеют важное значение для синхронизации раннего периода Великого переселения народов на территориях, заселенных балтами, и Северной Европой, поскольку датировка балтских экземпляров основывается на хронологии скандинавских образцов стиля Сёсдала, датированных концом IV — первой половиной V в. [Godłowski, 1981. S. 85]. Для нашего исследования важны ранние фазы, выделенные А. Битнер-Врублевской: 0 — нулевая фаза (325—350/360 гг.); 1 — ранняя фаза D (350/360—375/400 гг.).

В системе периодизации самбийско-натангийских древностей, которая активно используется в части современных российских работ [Кулаков, 2003. С. 11, 12, 284—292; 2004. С. 12; 2007. С. 83—85], те или иные типы вещей эмпирически привязываются к этапам относительной хронологии римского времени и эпохи Великого переселения народов (B1, B2 и т.д.), одна часть которых соотносится с абсолютными датами по схеме У. Лунд Хансен для Северной Европы (фазы B1—C2) [Lund Hansen U., 1987. Fig. 10], другая — с системой Я. Тейрала, созданной в основном по материалам Среднего Подунавья (фазы C3, D—E) [Tejral, 1997. S. 351]. На основе материалов могильника Коврово выделяются 3 фазы, из которых к римскому времени относятся две: 1 — соответствует центральноевропейским фазам B1 и B2 («горизонт венеков и кимвров»), датированная I — первой половиной II в. н.э.; 2 — соответствует центральноевропейским фазам от B2/C1 до D2 («горизонт кимвров»), датированная второй половиной II — V в. н.э.

Упомянутые схемы периодизации представлены в виде сравнительной таблицы (рис. 1). В нее также включены шкалы вельбаркской культуры и масленчской группы, которые позволяют провести более точную синхронизацию материалов Самбии и Натангии с центральноевропейскими древностями.

Характеристика сложившейся хронологической системы

В целом, для римского времени выделяется 4 периода развития самбийско-натангийской культуры, которые характеризуют следующие предметы¹ убора (рис. 2, 3):

1. «Раннеримское время» — по К. Годловскому (фаза 1 по В. Новаковскому), центральноевропейская фаза B2. Его характеризуют «глазчатые» фибулы A-III, ранние варианты застежек A-II (особенно тип A-42) и более поздние варианты сильнопрофилированных фибул (A-72), экземпляры серии 7 группы V [Godłowski, 1970. P. 42].

В. Новаковский к этому периоду относит также самбийские змеевидные браслеты, гривны с расширенными окончаниями, ажурные самбийские пояса и шайбовидные фибулы, детали головных убо-

ров [Nowakowski, 1996. S. 55, 56. Taf. 6: 14; 97:10; 89: 8, 9; 91: 5—11; 97: 1—3; 101: 4—7].

2. «Ранний период позднеримского времени» по К. Годловскому (фаза 2, по В. Новаковскому), центральноевропейская фаза B2/C1—C1a. К. Годловский включает в него множество элементов раннеримского периода, в особенности фибул. Этап представлен сочетанием застежек A-IV и A-V (типов A-93, 133, 137 и застежек серии 1 (перекладчатых), а также поздних вариантов серии 8) с фибулами A-VI (включая развитые ее типы A-167/168 с кольцевым декором), пряжками с двойным язычком, наконечниками Раддатц J-II и J-V, массивными булавками с профилированными окончаниями, манжетовидными браслетами. Отметим, что перекладчатые застежки К. Годловский относит к наиболее поздним типам вещей этой фазы [Godłowski, 1970. Pl. X].

В. Новаковский относит к этому периоду также браслеты типа Трёмпау (Trömpau [см. Tischler, Kemke, 1902. Taf. XIV: 18]), пластинчатые браслеты, деградированные формы ажурных поясов с застежкой в виде крючка. В употребление входят однодротовые гривны с обмоткой, бубенчико- и ведековидные подвески. К фазе 2 он относит и перекладчатые застежки «мазурского» типа [Nowakowski, 1996. S. 56. Taf. 55: 5; 63: 8; 98: 13, 14; 86: 8; 97: 6, 7; 101: 8].

3. «Развитой (англ. mature) период позднеримского времени», куда К. Годловский включает большинство предметов периода C по О. Тишлеру (фаза 3 по В. Новаковскому). Более ранние среди них — фибулы с кольцевым декором и тремя кнопками типов A-167/168, застежки A-211, фибулы «монструозо» типов A-216 или A-221 [Godłowski, 1970. P. 52, 53. Pl. XI]. К более поздним относятся застежки A-161/162, D- и «омега»(Ω)-образные пряжки, поздние типы профилированных наконечников ремней группы O и плоских J-II, по К. Раддатцу, посоховидные булавки (группы C по Б. Бекманну), кольцевидные подвески типов 16 и 22с по Х. Бекманн, однодротовые гривны с обмоткой и застежками дисковидной формы, или в виде петли и крючка, восьмерковидные (грибовидные) подвески.

«Развитой период позднеримского времени», по К. Годловскому, синхронизируется с горизонтом «княжеских» погребений круга Лёйна—Хаслебен, центральноевропейской фазой C2.

В. Новаковский характеризует этот период (соответствующий по его разработкам центральноевропейским фазам C1b и C2) как «...первую ступень с находками «чисто» позднеримскими, но с сохранением некой преемственности с предыдущим временем...», когда окончательно исчезают такие рудименты, как перекладчатые фибулы и застежки с коленчатым изгибом A-137, ажурные пояса [Nowakowski, 1996. S. 57—58]. В отличие от К. Годловского, он считает, что фибулы A-VII в данный период выходят из упо-

¹ Типология предметов основывается на следующих работах: фибул — О. Альмгрена [Almgren, 1923], булавки — Б. Бекманна [Beckmann, 1966], пряжек — Р. Мадыды-Легутко [Madyda-Legutko, 1986], наконечников ремней — К. Раддатца [Raddatz, 1957], колец — Х. Бекманн [Beckmann, 1969], бус — М. Темпельманн-Мончиньской [Tempelmann-Mączyńska, 1985], вельбаркских змеевидных браслетов — Т. Вуйцика [Wójcik, 1978].

Принятые сокращения: A — Almgren; ML — Madyda-Legutko; TM — Tempelmann-Mączyńska.

требления. Сохраняются арбалетовидные застёжки с кольцевым декором (А-167/168), но и появляются фибулы без него (А-161/162). Именно в этот период в составе погребального инвентаря в массе появляются янтарные бусы (сделанные как вручную, так и на токарном станке), которые до этого встречались лишь в виде исключения. Характерны бронзовые однодротовые шейные гривны с обмоткой, пряжки с полукруглой (D-образной) рамкой, наконечники ремней Раддатц J-II.

Кроме того, В. Новаковский выделяет фазу За (соответствующую центральноевропейской С2), начало которой соотносит с появлением фибул типа «большие арбалетовидные» (Große Armbrustfibeln; [Nowakowski, 1996. Taf. 105: 4]) и застёжек с литым иглоприемником А-170.

4. Существенно расходятся принципы выделения рядом исследователей наиболее позднего этапа римского времени, относящегося ко второй и третьей четвертям IV в. н.э. в абсолютной хронологии. Если для Среднего Подунавья существует хронологическая схема, разработанная Я. Тейралом [Tejral, 1988, 1992, 1997], с учетом которой сделан ряд корректировок для хронологических схем черняховской культуры [Гороховский, 1988; Шаров, 1992; Магомедов, 1999; Гавритухин, 1999, 2000], то у исследователей археологических общностей Балтийского региона однозначного взгляда на проблему выделения древностей финала римского времени пока нет.

По К. Годловскому, фаза D (эпоха Великого переселения народов) в западнобалтской культуре начинается раньше, чем для остальных центральноевропейских культур (в особенности пшеворской) [Godłowski, 1970. Pl. XII; 1974. S. 71—73]. Причина этого заключается в том, что балтское население находилось в стороне от изменений поселенческой и социально-экономической структуры варварского мира середины IV — начала V в. н.э. Именно поэтому невозможно провести черту, отделяющую римское время от начала эпохи Великого переселения народов у балтов. Необходимо отметить, что отсутствие фазы С3 для территории Юго-Восточной Прибалтики в системе К. Годловского (рис. 2) может объясняться и тем, что им не был вычленен горизонт самых ранних фибул серии 2 группы VI по О. Альмгрену [Godłowski, 1970; 1974. Tab. VII: 3, 4, 10]. Нижняя граница рассматриваемого этапа, с точки зрения К. Годловского, соотносится с появлением «больших арбалетовидных» фибул [Godłowski, 1970. Pl. XII: 2]. В него попадают и ведроквидные подвески вытянутой формы, украшенные обручами, языковидные наконечники ремней, а также предметы, относимые А. Битнер-Врублевской к «горизонту Замланд» [Bitner-Wróblewska, 2001. S. 107—117].

Основываясь на нечеткости хронологических индикаторов, Е. Окулич предложил не разграничивать фазы С2 и С3 для западнобалтского круга и рассматривать их вместе, выделяя только более ранние и более поздние элементы [Okulicz, 1973. S. 421, 422].

В схеме В. Новаковского этот период (фаза 4 его системы; рис. 3), признаки которого определяются как «весьма расплывчатые», соотносится с центральноевропейской фазой С3: арбалетовидные застёжки с литым иглоприемником, украшенные кнопками и площадками-метопами, фибулы с так называемым гусеничным корпусом (Raupenfibeln), а также экземпляры с расширяющейся ножкой [Nowakowski, 1996. Taf. 105: 5, 6]. Отметим, что наиболее ранние варианты Raupenfibeln с зооморфным окончанием в скандинавских материалах маркируют начало Великого переселения народов [Lund Hansen, 1992. S. 183—194].

В концепции «горизонта Замланд» А. Битнер-Врублевской (рис. 4) к интересующему нас этапу относятся наиболее ранние его комплексы (фазы 1), которые датируются 337—361 гг. или временем Констанция II [Bitner-Wróblewska, 2001. P. 118. Fig. 132]. Их характеризуют классические образцы застёжек со звездчатой ножкой, детали поясных наборов, украшенные штампованным орнаментом: округлые пряжки с обоймицами и язычками, у основания которых находятся площадки, а также языковидные наконечники ремней. «Горизонту Замланд» предшествует нулевая фаза (фаза 0), которая характеризуется фибулами типа Шёнварлинг—Сковарч (Schönwarling—Skowarcz; как на рис. 7: 2, 8—11) и застёжками с трапециевидной ножкой (один из показателей фазы 3, по В. Новаковскому) [Bitner-Wróblewska, 2001. P. 40, 218. Pl. LIX].

В целом, сложившуюся хронологическую шкалу древностей самбийско-натангийской культуры можно охарактеризовать следующим образом. Основной ее недостаток заключается в том, что учтен не весь объем накопленного материала. В ее основе находится только часть опубликованных и архивных данных второй половины XIX — первой трети XX века. С одной стороны, эта система дает ряд ориентиров, с другой — наглядно отражает условность и расплывчатость границ этапов и состава индикаторов, что заставляет быть предельно осторожным любого исследователя, который обращается к вопросам изучения древностей Самбии и Натангии римского времени.

Уцелевшие коллекции музея «Пруссия» не могут быть основой для расширения источниковой базы в исследовании хронологии, поскольку в основном представлены единичными, часто депаспортизированными вещами. Они пригодны для работ вещеведческого характера, включения в типологические ряды, а для построения хронологических схем необходимо соблюдать основополагающий принцип — достоверность и полнота комплексов. Полученные же в результате раскопок 1990—2000-х годов материалы в силу различных причин полностью не введены в научный оборот и (или) не осмыслены заслуживающим того образом.

Методика хронологического анализа

Немаловажную роль в решении задач данной работы играл выбор методики, которая дала бы наиболее объективные результаты. В основу ис-

следования был положен метод «корреляционного анализа», или выявления взаимосвязи между признаками, когда изменение одного или нескольких признаков приводит к систематическому изменению других. Было использовано построение «диаграммы Чекановского» (Czekanowski Diagram; [Sołtysiak, Jaskulski, 1999]). Этот метод наиболее эффективен как раз для решения подобных задач, в данном случае — определения наиболее устойчивых наборов элементов женской субкультуры, характеризующих стадии ее развития. К тому же, полученные с его помощью результаты всегда могут быть проверены при помощи традиционной перестановки строк и столбцов «вручную».

Метод выявления корреляционных связей представляется наиболее продуктивным в изучении вопросов хронологии и широко применяется в археологической науке [Балонов, 1991. С. 315—332; Шаров, 1992. Табл. III, V, VII; Nowakowski, 1996. Taf. I, II; Bitner-Wróblewska, 2009. Abb. 1, 2]. Несомненно, существует и ряд ограничений его применения, справедливо отмеченных в недавних работах [Белевец, 2007. С. 50; Гопкало, 2008. С. 94], тем не менее целесообразность его использования определяется прежде всего целями конкретного исследования и особенностями материала.

Следует отметить, что сериация [Бажан, Еременко, 1992. С. 14—21; Мартынов, Шер, 2002. С. 173] также широко используется в археологической науке [Eggers, 1955; Godłowski, 1970. Fig. 8; Lund Hansen, 1987. Fig. 13; Гороховский, 1988. Табл. 63]. Однако она представляется более субъективной, нежели применение математических методов, поскольку нередко группировка производится на основе предварительных датировок комплексов.

Предлагаемое исследование было проведено на основе выборки, отвечающей требованиям репрезентативности: 150 закрытых комплексов с 29 могильников самбийско-натангийской культуры (приложение 1). Было выделено 77 признаков-хроноиндикаторов (приложение 2), которые соответствуют основным типам вещей, характеризующим женский убор культуры римского времени. В их состав были сознательно включены и редкие типы (7, 15, 33, 37, 41, 45, 52, 72). Некоторые из них (например, булавки группы Н или гривны с грушевидным замком) представлены единичными находками, но в составе комплексов вместе с ними были выявлены и другие предметы убора, в том числе и типичные, датировка которых в итоге может быть уточнена путем синхронизации с этими «редкими типами».

На первом этапе работы была составлена бинарная корреляционная матрица, содержащая данные о наборе признаков в каждом комплексе, где горизонтальные строки соответствовали 150 комплексам, а вертикальные столбцы — 77 признакам. На ее основе был вычислен линейный коэффициент корреляции (r) Пирсона по формуле:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{X})(y_i - \bar{Y})}{(n-1)s_x s_y},$$

где x_i и y_i — значения двух переменных, \bar{X} и \bar{Y} — их средние значения, а s_x и s_y — их стандартные отклонения; n — количество пар значений [Плохотников, Колков, 2008. С. 67, 202].

Операция была произведена с помощью компьютерного пакета Statistica 6.0. Ее результаты представлены в приложении 3. Величина коэффициента корреляции характеризует тесноту и направление связи между коррелируемыми признаками. Достаточно слабый ее характер ($r \leq \pm 0,3$), по-видимому, во многом объясняется величиной доступного объема выборки.

На основе полученной таблицы при помощи программы MaCzek 3.4 была построена «диаграмма Чекановского». В ее основе — формула Я. Чекановского [Sołtysiak, Jaskulski, 1999]:

$$DD = \frac{1}{n} \sum_{j=1}^n |M_{1j} - M_{2j}|,$$

где DD отражает среднее расстояние между двумя объектами, которое происходит из элементарных различий между их признаками; n — количество вариант (признаков), принимаемых в расчет; M_{1j} — вес j признака для первого объекта; M_{2j} — вес j признака для второго объекта.

Полученные результаты представлены в виде корреляционной таблицы (приложение IV) и проиллюстрированы в виде схемы хронологии женского убора самбийско-натангийской культуры (рис. 9).

Таблица графически отражает обратную линейную связь, а значение « r » обуславливает отсутствие ярко выраженных кластеров. Однако группировка признаков демонстрирует последовательность типов, отражающую хронологическое развитие набора женских украшений и деталей одежды.

Для проверки полученных результатов была составлена таблица сериации (приложение V), в которой горизонтальные строки соответствовали 176 комплексам², а вертикальные — 77 признакам. Эта таблица в целом повторяет результаты, полученные при помощи корреляционного анализа.

На основании анализа взаимовстречаемости вещей было выделено 4 фазы развития женского убора. Синхронизация с системой центрально-европейской хронологии производилась как с помощью типов вещей, имеющих надежные датировки, так и путем привлечения аналогий из материалов соседних культур.

Хронология компонентов женского убора

Фаза I. Наиболее четко выделяется группа признаков, характеризующих раннюю стадию развития

² В сериацию вошли и некоторые комплексы, которые пришлось исключить при отборе материала для математического анализа.

убора (приложение IV: блоки, объединяющие значения №38, 24, 2, 25, 18, 15 и №73, 71, 1, 3, 13, 34, 19, 17, 20, 14, 64, 56, 61, 29; рис. 9: фаза I).

В его состав входят следующие типы застежек: «глазчатые» А-III (рис. 9: 2), А-IV (А-72, А-80, А-93 и 7 серии группы V) (рис. 9: 1), гребенчатые А-II.42 (рис. 9: 3).

К поясным наборам относятся: ажурные пояса с ладьевидными накладками и пряжками ML-C.10—12 (рис. 9: 17—19, 24, 25), экземпляры с застежкой в виде крючка (рис. 9: 20), пряжки ML-F.3 (рис. 9: 15), профилированные наконечники ремней группы О по К. Раддатцу (рис. 9: 29).

Украшения представлены самбийскими змеевидными браслетами (рис. 9: 38), шейными гривнами с конусовидными окончаниями (рис. 9: 34).

Шайбовидные застежки и головные уборы с металлическими накладками (рис. 9: 13, 14) также относятся к деталям убора фазы I.

Отличительными признаками ожерелий фазы I можно считать гроздевидные подвески (рис. 9: 73), металлические перстневидные и бусы группы TM-LX (рис. 9: 64, 71), золотостеклянные группы TM-XXIX (рис. 9: 56), а также синие рубчатые TM-VIII (рис. 9: 61).

Фаза I женского убора самбийско-натынгийской культуры в описанном выше варианте может быть синхронизирована с фазой I по В. Новаковскому на основе признаков № 1, 2, 18, 25, 29, 34, 38 [Nowakowski, 1996. S. 48, 49. Tab. 107: Phase 1] (см. также рис. 3), любовидзской фазой вельбаркской культуры по Р. Волаңевичу [Wołagiewicz, 1981. Rys. 1], представленной центральноевропейскими фазами B2a (№2, 61), B2b—B2c (№1, 29) и B2/C1 (№3, 5, 41). Признаки № 2, 5, 29 позволяют соотносить нашу фазу I с центральноевропейскими фазами B2 и B2/C1 на материалах пшеворской культуры по К. Годловскому [Godłowski, 1970. Pl. I: 2, 42, 48]. Фаза I также может быть синхронизирована с центральноевропейской фазой B2 по наличию в погр. 4 могильника Геройское 5 провинциально-римской застежки А-238.

Нижняя хронологическая граница данной фазы не выходит за рамки центральноевропейской фазы B2, или времени так называемой словацко-датской волны импорта, с которой связано начало римского времени в регионе Южной и Юго-Восточной Прибалтики [Godłowski, 1970; Щукин, 1994. С. 55, 56. Табл. 61; Nowakowski, 1998. Abb. 2], когда многочисленные импортные изделия появляются на территории, с запада ограниченной Рейном, на востоке — Вислой вплоть до ее нижнего течения, на юге — Дунаем, на севере — включают Восточную Ютландию, острова Фюн, Лолланд, Зееланд, Готланд [Lund Hansen, 1987. S. 169. Fig. 119. Karten 6, 9, 20].

На фазе B1, которая соответствует чешской и словацкой волнам, римское время начинается на территории Центральной и Северной Европы. Тогда импортные изделия появляются в среднедунайских центрах, в меньших количествах — в Богемии, в верхнем течении Одера и Вислы, а также в бассей-

не Эльбы вплоть до места ее впадения в Северное море, в Скандинавии — в основном на острове Фюн [Kunow, 1983. S. 178. Karte 8, 9; Lund Hansen, 1987. S. 166—168. Fig. 118. Karten 3, 17]. На Самбийском же полуострове в этот период продолжали существовать традиции, характерные для эпохи раннего железа [Jankuhn, 1933b. S. 202—226; Okulicz, 1973. S. 356, 357].

В этом контексте неверным представляется выделение в материалах самбийско-натынгийской культуры этапа, синхронизируемого с центральноевропейской фазой B1 [Кулаков, 2003. С. 11, 12, 284—292; 2004. С. 12; 2007. С. 83—85; Радюш, Скворцов, 2008. С. 128, 133, 141]. Основой для этого послужило либо неточное типологическое определение деталей убора из комплексов № 1, 4, 7, 17 могильника Коврово [Кулаков, 2003. С. 288; 2004. С. 14, 16], либо датирование погр. № 1 и 7 Коврово по ранним вещам — железным умбонам типов Цилинг I1 и G1 [Радюш, Скворцов, 2008. С. 133, 141].

Основными факторами, повлиявшими на формирование набора компонентов убора фазы I можно считать включение местных племен в торговлю по Янтарному пути и установление контактов с населением зон А и D вельбаркской культуры, по Р. Волаңевичу [см. Wołagiewicz, 1981. P. 84, 85. Fig. 3], сформировавшихся во второй половине I — начале II в. н.э. Дельта Вислы не только занимала ведущее положение в янтарном обмене региона, но и могла играть роль основного «фильтра» и источника влияния и инноваций для племен, проживавших восточнее р. Паслэнка.

Правомерным представляется датировать самбийско-натынгийскую фазу I в пределах центральноевропейской фазы B2, при этом следует отметить, что датировки большинства индикаторов тяготеют к первой половине — середине II в. н.э., т.е. центральноевропейской фазе B2b и началу B2/C1. Таким образом, сложившийся набор элементов самбийско-натынгийского женского убора появился к началу «переходного» (от раннеримского к поздне-римскому времени) периода. Возможно, и этим объясняется высокая степень взаимосвязи некоторых индикаторов этой и следующей фаз (признаки № 20, 42, 72).

Фаза II (приложение 4: блоки, включающие в себя признаки № 42, 51, 39, 63, 43, 72, 62 и № 52, 46, 47, 16, 5, 35, 40, 4, 31; рис. 9: фаза II).

Фазу II самбийско-натынгийской культуры характеризуют фибулы А-V серий 8—11 (рис. 9: 5), переключчатые застежки (А-96 и 98; рис. 9: 4), булавки групп А и Н по классификации Б. Бекманна (рис. 9: 51, 52), пряжки ML-G (рис. 9: 16), наконечники ремней Раддатц J-IV (рис. 9: 31).

Украшения представлены самбийскими змеевидными браслетами типа Трёмпау (рис. 9: 39, 40), манжетовидными украшениями (рис. 9: 43), кольцами I и V групп по Х. Бекманн (рис. 9: 46, 47), шейными гривнами с конусовидными застежками (рис. 9: 35).

Для ожерелий характерны импортные подвески (рис. 9: 72), полихромные бусы групп TM-XX—XII (рис. 9: 62) и мозаичные группы TM-XXIII (рис. 9: 63).

Признаки №4, 5, 40, 43, 52 позволяют синхронизировать убор фазы II со второй фазой по В. Новаковскому [Nowakowski, 1996. S. 48, 49. Tab. 107: Phase 2] (см. также рис. 3), или ранней фазой позднеримского времени западнобалтской культуры (центральноевропейские фазы B2/C1 и C1a) по К. Годловскому [Godłowski, 1974. Tab. 5: 2—4, 11, 13, 19] (рис. 2:), с центральноевропейскими фазами B2b—B2/C1 (№5, 72), B2/C1 (№4) и C1 (№16) на материалах вельбаркской культуры [Wołągiewicz, 1981. Рис. 1], центральноевропейской фазой B2/C1 на материалах пшеворской культуры [Godłowski, 1970. Pl. I: 2, 44, 51]. Пряжки ML-G (№16) служат одним из индикаторов фазы В масломенческой группы, синхронизируемой с центральноевропейской фазой C1a [Kokowski, 1999. S. 678. Abb. 22: B-17].

Следует отметить, что набор украшений этой фазы мог включать в себя ряд вещей (индикаторы №2, 14, 20, 64, 71, 73), характерных для предыдущего периода. Браслеты с профилированными окончаниями и расширением на ленте (№42) в равной степени могли принадлежать к убору как фазы II, так и фазы I.

Подобное сосуществование вещей, являющихся признаками разных фаз, может объясняться «смешением стилей», характерным для ряда культур Центральной и Северной Европы периода, получившего название «переходный» [Godłowski, 1970. P. 91, 92; Lund Hansen, 1987. S. 169—173; Щукин, 1994. С. 56, 57]. В частности, в вельбаркской культуре в зоне Поморья в женском уборе в «переходный» период сохраняется пышный «барочный» стиль раннеримского времени [Wołągiewicz, 1981. S. 167; Белевец, 2007. С. 56, 57]. Соответственно, подобный «традиционализм» мог «экспортироваться» и на традиционную балтскую территорию, расположенную восточнее р. Паслэнка, где вельбаркское влияние на систему женского убора было преобладающим. Это может являться одной из наиболее значимых причин отмеченного выше длительного существования вещей фазы I на фазе II.

Другая точка зрения на этот феномен принадлежит К. Годловскому, который объяснял долгое существование вещей раннеримского периода на данной территории консерватизмом западных балтов, применяя термин «cultural delay» [Godłowski, 1970. S. 93]. Представляется, что говорить о культурном застое применительно к территории Самбии и Натангии нельзя, поскольку в состав местного убора входят и предметы, характерные для синхронных древностей других центральноевропейских культур, что объясняется высокой степенью вовлеченности носителей самбийско-натангийской культуры в процессы торгового и культурного обмена. При этом отметим высокую степень консерватизма той части убора, которая связана с балтским компонентом. Местные формы перекладчатых фибул («самбийского» и «мазурского» типов) в отдельных случаях встречаются в составе погребений, синхронных горизонту Лейна — Хасслебен (напр., Большое Исаково, погр. 88), т.е. центральноевропейскими фаза-

ми C1b и C2. Это относится и к датировке ажурных поясов с застежкой в виде крючка: данный признак показывает высокую степень взаимосвязи с индикаторами фазы I, но такая вещь может находиться и в комплексах с застежками группы A-VI, появившимися в позднеримское время (например, Гурьевск Новый, погр. 13).

Представляется, что в период, синхронный Маркоманнским войнам, в составе инвентаря женских погребений самбийско-натангийской культуры не произошло существенных перемен. Появление отдельных предметов позднеримского периода связано уже с «постмаркоманнским» горизонтом (центральноевропейская фаза C1a), когда на характере женского убора, возможно, начинают сказываться изменения, вызванные прекращением торговых связей Римской империи с восточными областями *Germania Libera* и угасанием среднедунайских центров распространения импорта [Lund Hansen, 1987. S. 202], а также некоторыми социальными и этническими переменами в самбийско-натангийской культуре.

Показательный пример — исчезновение к концу рассматриваемого периода из состава ожерелий импортных бус: золотостеклянных группы TM-XXIX (№56) и синих рубчатых TM-XVIII (№61), поступление которых из среднедунайских центров в самбийско-натангийский регион шло через территорию пшеворской культуры.

Для понимания отмеченного феномена весьма уместным представляется наблюдение, высказанное М. Б. Щукиным [1994. С. 46] относительно фаз, которые характеризуют наиболее сильные перемены в культурах. Тогда фиксируется длительное сосуществование нескольких стилей, относящихся к разным хронологическим ступеням. Подобное явление, возможно, особенно свойственно именно женской субкультуре как наиболее консервативной.

Фаза II самбийско-натангийской культуры представляет собой «смешанный» горизонт, в котором сосуществуют предметы, характерные для фазы I, и некоторые вещи позднеримского времени. Она имеет весьма аморфные границы, и ее датировка на основе анализа инвентаря может соотноситься с центральноевропейскими фазами B2/C1 и C1a.

Фаза III (приложение 4: блок, включающий в себя значения №54, 57, 68, 22, 50, 7, 59, 11, 70, 76, 10, 41, 53, 69, 66, 27, 6, 44, 28, 48, 21, 49, 67, 30, 36, 65, 33; рис. 9). В состав индикаторов данной фазы были включены и №8, 12, 55, 75, которые в соответствии с корреляционной таблицей попали в более позднюю фазу. Однако по результатам специального рассмотрения можно предложить более раннюю датировку этих предметов.

Детали одежды фазы III характеризуют фибулы: с кольцевым декором A-167 (рис. 9: 8), A-211 и 216 («монструозо»; рис. 9: 6, 7); A-161/162 и их вариант с тремя кнопками (рис. 9: 11, 12); A-158 (рис. 9: 10); булавки группы С по Б. Бекманну (рис. 9: 53).

В состав поясных наборов входят пряжки — полукруглые группы ML-D (рис. 9: 21), омега-образные группы ML-E (рис. 9: 22); наконечники

ремней — плоские группы J-II по К. Раддатцу, и пластинчатые (рис. 9: 30, 33), а также оковки (рис. 9: 27) и разделительные кольца (рис. 9: 28).

Набор украшений включает в себя бронзовые пластинчатые (рис. 9: 44) и импортные вельбаркские змеевидные серебряные браслеты типов IV—V по Т. Вуйцику (рис. 9: 41), однодротовые шейные гривны с обмоткой и застежкой в виде петли и крючка (рис. 9: 36), кольца групп VI и VII по Х. Бекманн (рис. 9: 48, 49).

Для ожерелий этой фазы характерны бусы: янтарные, изготовленные вручную простой (групп ТМ-XXX—XXXIII; рис. 9: 66) и так называемой литавровидной форм (рис. 9: 67) или выполненные на токарном станке (групп ТМ-XLII—XLV и типа «басония» группы ТМ-XLVI; рис. 9: 68, 69). Показательны также монеты с отверстием для привешивания (рис. 9: 50), бусы в металлической оплетке (рис. 9: 54), пронизи (рис. 9: 65), янтарные (рис. 9: 70) и бубенчикообразные (рис. 9: 75) подвески, ведерковидные подвески приплюснутой формы (рис. 9: 76).

Связи, которые зафиксированы для выделенных индикаторов, обусловили попадание в число признаков фазы III и монохромных бус простой формы групп ТМ-I—III, V, IX (рис. 9: 57). Однако эти украшения имеют широкую датировку.

В составе женских погребений данной группы находились и монеты (№ 55) (заупокойные дары). Все они относятся к эмиссиям династии Антонинов и датируются второй половиной II — началом III в., т.е. периодом Маркоманнских войн и «постмаркоманнским» этапом. Феномен запаздывания монет в погребальных комплексах самбийско-натангийской культуры неоднократно отмечался в археологической литературе и связывался с различными факторами [Bolin, 1926. S. 203—240; Okulicz, 1973. S. 405, 406; Nowakowski, 1996. S. 75; Skvorzov, 2009]. Несмотря на несоответствие дате эмиссии, монеты могут считаться одним из главных хроноиндикаторов фазы III для женских погребений, поскольку в комплексах, относящихся к другим периодам, они не встречаются.

Убор III фазы включает в себя большое количество элементов, среди которых выделяются более ранние и более поздние.

Так, фибулы A.211, A.167 (№ 6, 8), вельбаркские браслеты типа IV—V по Т. Вуйцику (№ 41), позволяют синхронизировать рассматриваемую фазу III с фазой 2 по В. Новаковскому (соответствует центральноевропейскими фазами B2/C1 и C1a) [Nowakowski, 1996. S. 48, 49] или фазой B2/C1 на материалах вельбаркской культуры по Р. Волаугевичу [Wołągiewicz, 1981. Рис. 1: 16; 2: 60, 533]; на основе индикатора № 21 (пряжки D-образной формы) — с ранней фазой позднеримского времени западнобалтской культуры (центральноевропейские фазы B2/C1 и C1a) по К. Годловскому [Godłowski, 1974. Tab. 5: 8] (см. так же рис. 2).

С центральноевропейской фазой C1 в пшеворской культуре соотносятся фибулы A-VII, наконечники ремней Раддатц J-II, D-образные пряжки, ведерко-

видные подвески приплюснутой формы [Godłowski, 1970. Pl. II: 1, 2, 9, 12, 14, 18]. Однако многие из элементов убора III фазы: фибулы A-211 (№ 6), A-167 (№ 8), A-161-162, включая тип с тремя кнопками (№ 11, 12); пряжки D- и омега-образной формы (№ 21, 22), плоские наконечники ремней Раддатц J-II (№ 30), шейные гривны с застежкой в виде петли и крючка (№ 36), булавки типа Бекманн C (№ 53), подвески из янтаря (№ 70) — синхронизируются с поздней фазой позднеримского времени по К. Годловскому, или центральноевропейской фазой C2 [Godłowski, 1974. Tab. VI: 1—3, 6, 8, 9, 12, 13, 16, 17, 23].

В соответствии с признаками № 12, 36, 75, 76 наша фаза III соотносится с фазой 3 (синхронно центральноевропейскими фазами C1b и C2) по В. Новаковскому [Nowakowski, 1996. Tab. 107: Phase 3] (см. также рис. 3). Следует отметить, что фибулы VII группы (№ 6, 7) дают возможность соотнести убор III фазы с фазой 1, или «ружичанской» (синхронизируется с финалом центральноевропейской фазы C1b) черняховской культуры по Е. Л. Гороховскому [1988. С. 42, 43], а подвески-бусы в металлической оплетке (№ 54) и застежки A-161/162 (№ 11) — с фазой C масломенческой группы (синхронизируемая с центральноевропейской фазой C1b) [Kokowski, 1999. S. 680. Abb. 22: C-16, 56, 67]. В состав убора III фазы входят и застежки A-VII типа «монструозо» (№ 7), показательные для центральноевропейских фаз C1b и C2.

Наиболее поздними элементами убора рассматриваемого периода, выделенными в фазу IIIa (приложение 4: индикаторы 59, 11, 70, 76, 10), являются фибулы A-158 (рис. 9: 10) и грибовидные подвески из янтаря (№ 70), которые в материалах пшеворской культуры датированы «поздней ступенью позднеримского периода» (центральноевропейская фаза C2) [Godłowski, 1970. Pl. III: 14, 25, 27] к фазе D (синхронизируемой с центральноевропейской C2a) они относятся в древностях масломенческой группы [Kokowski, 1999. S. 680. Abb. 23: D-3, 4]. Вместе с ними убор характеризуют железные ведерковидные подвески (№ 76), а также фибулы A-161/162 (№ 11). В ожерельях присутствуют стеклянные монохромные бусы сложной формы групп ТМ X—XII (рис. 9: 59).

С фазой C2 на материалах вельбаркской культуры по Р. Волаугевичу [Wołągiewicz, 1981. Рис. 2: 96, 98, 175] могут быть соотнесены омега-образные пряжки (№ 22), застежки A-167 (№ 8), A-161-162 (№ 11, 12), бубенчикообразные подвески (№ 75).

Таким образом, набор женских украшений и деталей одежды фазы III может датироваться широко — в пределах центральноевропейских фаз C1 и C2. Его сложившаяся система может быть синхронизирована с более узким периодом — в рамках фаз C1b и C2 (вторая половина III в. (около 260/270 гг.) — конца III в.). Наиболее поздние элементы этого убора (фаза IIIa) соотносятся с центральноевропейской фазой C2 (конец III — начало IV в.).

В это время комплекс женских украшений имеет большое количество аналогий не только на вель-

баркских памятниках Эльблонгской возвышенности, но и в эльбско-германском круге и островах Балтийского моря. Это связано с изменением основного направления обмена и торговли, функционированием «балтийского варианта» Янтарного пути.

Фаза IV (приложение 4: блок, объединяющий признаки № 60, 58, 74, 26, 37, 23, 32, 77, 9, 45). Эту фазу в материалах женского убора характеризуют фибулы типа «большие арбалетовидные» (рис. 9: 9), поясные наборы, состоящие из пряжек овальной формы группы ML-N (рис. 9: 23), языковидных наконечников ремней (рис. 9: 32), обоймиц (рис. 9: 26). Украшения представлены гривнами с грушевидным замком (рис. 9: 37), браслетами с расширенными окончаниями (рис. 9: 45). Состав ожерелий отличает сочетание монохромных бус простой (биконических) группы TM-IV; (рис. 9: 58) и сложной форм (многогранных и витых групп TM-XIV—XV; рис. 9: 60), ведерковидных подвесок вытянутой формы (рис. 9: 77), а также кольцевидных типа 16 и 22с по Х. Бекманн (рис. 9: 74).

В убор могут входить вещи, являющиеся индикаторами предыдущего этапа (фазы IIIa) — фибулы типов A-158 (№ 10) и A-161/162 (№ 11, 12).

Выделение признаков этапа, переходного к эпохе Великого переселения народов, в самбийско-натангийской культуре на материалах исключительно женского убора весьма сложно. Полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что в это время бытовали и предметы, генетически восходящие к формам горизонта Лейна — Хасслебен. Таковы отдельные категории украшений: гривны с грушевидным замком (№ 37) и браслеты с расширенными окончаниями (№ 45), фибулы типа «большие арбалетовидные», украшенные кольцевым декором (№ 9), которые продолжают более ранние традиции. Этим объясняется и сильная взаимосвязь с признаками № 8, 12, 55, 75, показательными для фазы III.

Застежки типа «большие арбалетовидные» (№ 9), кольцевидные подвески Бекманн 16 и 22с синхронизируют рассматриваемый убор с фазой 3a (соотносится с центральноевропейской фазой C2) по В. Новаковскому [Nowakowski, 1996. Tab. 107: Phase 3a] (см. также рис. 3), «развитым» периодом позднеримского времени в западнобалтской культуре (также синхронизируется центральноевропейской фазой C2) по К. Годловскому [Godłowski, 1974. Tab. VI: 15, 31] (см. также рис. 2).

Предметами, которые маркируют начало эпохи Великого переселения народов, могут считаться детали поясов с элементами стиля Сёсдала: пряжки овальной формы и языковидные наконечники ремней (№ 23, 32), а также ведерковидные подвески вытянутой формы, орнаментированные обручами (№ 77). В соответствии с ними убор IV фазы может быть соотнесен с фазой D, выделяемой по материалам западнобалтской культуры К. Годловским [Godłowski, 1974. Tab. VII: 13, 16, 17] (см. также рис. 2), фазой 5 (центральноевропейская D, 375—450/470 гг.) хронологической системы В. Но-

ваковского [Nowakowski, 1996. Tab. 107: Phase 5] (см. также рис. 3), фазой 1 (350/360—375/400 гг.) «горизонта Замланд», по А. Битнер-Врублевской [Bitner-Wróblewska, 2001. Fig. 32] (см. также рис. 4).

Представляется, что исключительно женская субкультура не позволяет выделить в местных материалах переход, сопоставимый с границей между центральноевропейскими фазами C и D. Более точно интерпретировать фазу IV возможно только на основе синхронизации рассматриваемых предметов с деталями убора, происходящими из воинских погребений. Причина заключается в том, что основные индикаторы периода самбийско-натангийской культуры, сопоставимого с центральноевропейской фазой C3, представлены инвентарем именно мужских комплексов.

В составе уборов из мужских могил, где были выявлены фибулы типа «большие арбалетовидные», поясные наборы с овальными пряжками группы ML-N и языковидными наконечниками ремней, могли находиться и образцы местных воинских фибул типа A-VI-2 (Bügelknopffibeln), которые восходят к провинциально-римским формам и считаются в одном из характерных признаков фазы C3 в Центральной Европе [Godłowski, 1970. S. 108; Voß, 1998. S. 271, 272]. Следует учитывать, что в системе хронологии балтийского региона варианты таких застежек датируются несколько позднее и синхронизируются с началом раннего этапа эпохи Великого переселения народов [Godłowski, 1974. P. 91. Tab. 2]. К их числу относятся экземпляры из могильников Грейбау, погр. 56 (рис. 5: 1), Первомайское (Варникам), погр. 42 (рис. 5: 2), Большое Исаково, погр. 25 (рис. 5: 3).

Фибулы типа «большие арбалетовидные», в том числе вариант с овальной ножкой (рис. 5: 4, 5), известные также в древностях могильников Сиренево, погр. 194, и Поваровка (рис. 5: 6), и кольцевидные подвески формы 16 по Х. Бекманн (рис. 5: 9), в составе мужских комплексов встречаются вместе с удлинённо-овальными бронзовыми пряжками, рамка которых украшена чеканным орнаментом (рис. 5: 7—10). Рассматриваемые образцы могут быть отнесены к типу ML-N.34, характерному в первую очередь для пшеворской и любошицкой культур [Madyda—Legutko, 1986. S. 74. Taf. 20: 34]. В древностях пшеворской культуры такие пряжки относятся к фазе D [Godłowski, 1970. Pl. IV: 35], подобным образом они датируются и в материалах юго-восточной Прибалтики [Godłowski, 1974. Tab. VII: 19] (см. также рис. 2). Близкой к типу ML-N.15, датируемому ранней фазой эпохи Великого переселения народов [Madyda—Legutko, 1986. S. 65, 72. Taf. 19: 15], можно считать пряжку из мужского погр. № 253 могильника Коврово (рис. 5: 10).

Вместе с такими пряжками в свою очередь встречаются местные варианты T-образных пружинных фибул по А. К. Амброзу [1966. Табл. 12: 19], или типа IzAa6b по классификации М. Шульце [Schulze, 1977. Taf. 4: 42. Karte 41]. Такой экземпляр из комплекса Доброе, погр. 59k имеет дуговидную

спинку, сплошной иглоприемник, фасетированную ножку, пружину, которая оканчивается кнопками полиэдрической формы (рис. 5: 11). Эта застежка найдена вместе с поясным набором, включавшим бронзовую овальную пряжку с подграненной рамкой без обоймы ML-H.36 [Madyda—Legutko, 1986. Taf. 20: 36] и накладку, украшенную штампами. Аналогичные фибулы датируются около 450—525 гг. [Schulze M., 1977. Tab. 1: 42].

К признакам переходного этапа относятся также наиболее ранние формы фибул с зооморфным окончанием ножки и гусеничным корпусом (Raupenfibeln), которые могли находиться и в женских комплексах (см. рис. 6: 1, 2). Они позволяют соотносить убор с фазой 4 культуры Dollkeim—Kovrovo (синхронизируется с центральноевропейской фазой C3), по В. Новаковскому [Nowakowski, 1996. Tab. 107: Phase 4] (см. также рис. 3).

Вопрос об отнесении к позднеимскому времени застежек типа Шёнварлинг—Сковарч остается открытым. Такие застежки (рис. 7: 2, 8—11) находились вместе с фибулой, имеющей звездовидную ножку, типа II по А. Битнер-Врублевской (рис. 7: 1) или поясами с пряжками группы ML-H, типов 11, 16 (рис. 7: 14—16), биконической янтарной бусиной TM-439 (рис. 7: 6), стеклянной синей 14-гранной бусиной (рис. 5: 12), то есть принадлежали убору, который характеризовался значительными изменениями в составе элементов по сравнению с рассматриваемым периодом, и потому могут рассматриваться как индикаторы уже следующего этапа развития местной культуры — ранней фазы эпохи Великого переселения народов.

Как мы видим, женский убор фазы IV характеризует сосуществование стилей позднеимского времени и начального этапа эпохи Великого переселения народов, при сохранении в основном традиций фазы III. Ярким примером служит убор из погр. 16 могильника Большое Исаково (рис. 6), в котором фибула с гусеничным корпусом находилась вместе с железной бубенчиковидной подвеской и поясным набором, включавшим полукруглую пряжку типа ML-D.29 и разделительное кольцо, характерные для убора фазы III. В качестве другого примера можно привести убор из погр. 258 в Коврово (рис. 8; [Кулаков, 2007. Рис. 20]). Застежки типа «большие арбалетовидные» с кольцевым декором в нем были выявлены среди инвентаря, характеризующего фазу D: железной овальной пряжкой, близкой к типам ML-H.13—15 [Madyda-Legutko, 1986. Taf. 19: 13—15], характер-

ным для материалов пшеворской и вельбаркской культур второй половины IV в.; фибулой A-VI.2 с трапециевидной ножкой, близкой к типу A-169. Последние М. Шульце считает вариантом, характерным именно для территории Самбийского полуострова, относит к типу IxAFla и датирует V в. (425—525 гг.) [Schulze, 1977. Taf. 10: 140; 12]. Так данный комплекс датируется и в публикации материалов могильника Коврово [Кулаков, 2007. С. 12]. Однако характер элементов этого убора позволяет относить его к более раннему времени. Так, подобные застежки известны в материалах эльбско-германского круга древностей, а также в регионе Балтийского моря — на Борнхольме, на территории современной Норвегии, где они датируются монетой императора Константина II (337—340 гг.) [Kuchenbuch, 1954. S. 27. Abb. 4: 19]. Фибулы с трапециевидной ножкой из могильника Коврово [Tishler, Kemke, 1902. S. 24. Taf. IV: 13; Åberg, 1919. S. 165. Tab. 3, № 84. Abb. 45] относятся В. Новаковским к 4-й фазе интересующей нас культуры (синхронизируется с центральноевропейской фазой C3) [Nowakowski, 1996. Taf. 107] (см. также рис. 3).

Итак, синхронизация фазы IV может выглядеть следующим образом. Она находится в пределах 4 и 5-й фаз, по системе В. Новаковского, в соответствии с разработками А. Битнер-Врублевской в рамках фаз 0 и 1 «горизонта Замланд», в начале фазы D, по К. Годловскому.

Заключение

Попытка выделения последовательных групп компонентов женского убора может считаться первым шагом к подробной разработке хронологической шкалы самбийско-натангийских древностей римского периода.

Для построения полной, четко структурированной хронологической системы самбийско-натангийской культуры необходимы также данные о наборах керамической посуды, оружия, конской упряжи и снаряжения всадников, отдельных предметов обихода. Следующей стадией работы должно стать составление подобной шкалы для мужских комплексов, создание хронологии керамики и их синхронизация.

Представляемая система хронологии может быть уточнена и в результате привлечения естественно-научных методов. Перспективным представляется в первую очередь радиоуглеродное датирование материала из комплексов, содержащих наиболее показательные хроноиндикаторы.

Литература

- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. Сер. САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.
- Бажан И. А., Еременко В. Е. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П. Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 14—21.
- Балон Ф. Р. Эюд о кладах // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 315—332.
- Белевец В. Могильник Брест — Тришин: 30 лет по окончании раскопок // Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. 1. Мінск., 2007. С. 49—86.
- Гавритухин И. О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 48—86.
- Гавритухин И. О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000. S. 261—320.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев, 2008.
- Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1988.
- Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. // Prussia Antiqua; Т. 1. М., 2003.
- Кулаков В. И. Доллькайм — Коврово. Исследования 1879 г. // Prussia Antiqua; Т. 2: Monumenta. Минск, 2004.
- Кулаков В. И. Доллькайм — Коврово. Исследования 1992—2002 гг. // Prussia Antiqua; Т. 4: Monumenta. Минск, 2007.
- Магомедов Б. В. К истории финального этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 39—47.
- Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. М., 2002.
- Плохотников К. Э., Колков С. В. Статистика. М., 2008.
- Радюш О., Скворцов К. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Germania — Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008. С. 122—158.
- Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Кованово, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 158—207.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Åberg N. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala; Leipzig, 1919.
- Almgren O. Studien über die nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig, 1923.
- Beckmann B. Studien über die Metallnadeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Eine Untersuchung ihrer Formen, Zeitstellung und Verbreitung // Saalburg Jahrbuch. Bd. 23. 1966. S. 5—100.
- Beckmann B. Die Baltischen Metallnadeln Der Römischen Kaiserzeit // Saalburg Jahrbuch. Bd. XXVI. 1969. S. 107—119.
- Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. Warszawa, 2001.
- Bitner-Wróblewska A. Die Periodisierung der Gräberfelder von Tumiany (Daumen) und Kielary (Kellaren). Ein Beitrag zur Diskussion über den Ursprung der Olsztyn-Gruppe // Jakobson F. Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Bd. I / Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Bd. 9. Neumünster, 2009b. S. 397—415.
- Blume E. Die Germanische Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Baffage zur römischen Kaiserzeit. Würzburg, 1912.
- Bolin St. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Königsberg, 1926. Bd. 26. S. 203—240.
- Eggers H. J. Zur absolute Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 2. Mainz, 1955.
- Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970.
- Godłowski K. Chronologia okresu późnorzymskiego I wczesnego okresu wędrówek ludów w polsce północno-wschodniej // Rocznik Białostocki. T. XII. Warszawa, 1974. S. 9—109.
- Godłowski K. Okres wędrówek ludów na Pomorzu // Pomamnia Antiqua. X. Warszawa, 1981. S. 65—129.
- Jankuhn H. Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Bd. 30/I. Königsberg, 1933a. S. 166—201.
- Jankuhn H. Zur Besiedlung des Samlandes in der älteren römischen Kaiserzeit // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Bd. 30/I. Königsberg, 1933b. S. 202—226.
- Jørgensen L. En kronologi for yngre romersk og ældre germansk jernalder på Bornholm // Simblegård Trelleborg. Danske gravfund fra førromerskjernalder til vikingetid. Arkæologiske Skrifter. 3. København, 1989. S. 168—187.
- Kokowski A. Die Masłomęcz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreises — ein Beispiel für den kulturellen Wandel der Goten im Verlauf ihrer Wanderungen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 78. Mainz am Rhein, 1999. S. 641—833.
- Kulakov V. „Barbariški“ romėniškųjų provincijų segių su „buoželėmis“ pamėgdžiojimais Baltijos regione C1—D1 perioduose // Archaeologia Lituana. T. 7. Vilnius, 2005. P. 66—79.
- Kunow J. Der römische Import in der Germania libera bis den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen / Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 21. Neumünster, 1983.
- Kuchenbuch F. Die Fibel mit umgeschlagenen Fuß // Saalburg Jahrbuch. T. XIII. Berlin, 1954. S. 5—53.
- La Baume W. Ein altoreußisches frauengrab mit Stoffhaube aus Gr. Ottenhagen, kreis Samland // Alt-Preußen. 7. Königsberg, 1942. S. 16.
- Lund Hansen U. Römische Import im Norden / Nordische Fortminder. Serie B. Bd. 10. København, 1987.
- Lund Hansen U. Die Hortproblematik im Licht der neuen Diskussion zur Chronologie und zur Deutung der Goldschätze in der Völkerwanderungszeit // Der historische Horizont der Götterbild-Amulette aus der Übergangsepoche von der Spätantike zum Frühmittelalter / K. Hauck [ed.]. Göttingen, 1992. S. 183—194.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / BAR. 360. Oxford, 1986.

Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; Sonderband 10). Marburg; Warszawa, 1996.

Nowakowski W. Die Funde Der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren / Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge. Bd. 6. Berlin, 1998.

Okulicz-Kozaryn J., Natuniewicz-Sekuła M. Two richly furnished graves with Roman imports from the cemetery at Weklisce, site 7, Elbląg commune (Poland) // *Germania*. 86. 2008. P. 227—269.

Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VI w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck // *Offa-Bücher. Berichte und Mitteilungen aus dem Schleswig-Holsteinischen Landesmuseum für Vor- und Frühgeschichte in Schleswig und dem Institut für Ur- und Frühgeschichte an der Universität Kiel*. Bd. 13. Neumünster, 1957.

Schulze M. Die Spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festen Nadelhalter (Gruppe Almgren VI. 2). *Antiquitas Reihe*. 3.19. Bonn, 1977.

Skvorzov K. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'shoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // *Offa-Bücher. Berichte und Mitteilungen aus dem Schleswig-Holsteinischen Landesmuseum für Vor- und Frühgeschichte in Schleswig und dem Institut für Ur- und Frühgeschichte an der Universität Kiel*. Bd. 61/62 (2004/2005). Neumünster, 2007. S. 111—219.

Skvorzov K. Burials of riders and horses dated to the Roman iron age and Great Migration period in Aleka-3 (former Jaugehnen) cemetery on the Sambian peninsula // *Archaeologia Baltica*. 11. Klaipėda, 2009. S. 130—148.

Softysiak A., Jaskulski P. Czekanowski's Diagram. A Method of Multidimensional Clustering // *New Techniques for Old Times. CAA 98. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. Proceedings of the 26th Conference, Barcelona, March 1998* / J.A. Barceló, I. Briz, A. Vila [eds.]. Oxford, 1999. S. 175—184.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // *Archaeologitt Ausiriaca*. 72. Vienna, 1988. S. 223—304.

Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // *Probleme der relative und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter* / K. Godlowski, R. Madyda-Legutko [eds.]. Krakow, 1992. S. 227—248.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderlichen Chronologie im Mitteldonaurum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaurum*. Brno, 1997. S. 321—392.

Tempelmann-Mączynska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der fruher Phase der Volkerwanderungszeit im mitteleurohaischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985.

Tischler O. Ostpreussische Gräberfelder III // *Schriften der königlichen Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg i. Pr.*, Bd. 19. Königsberg, 1879. S. 159—268.

Tischler O., Kemke H. Ostpreißeische Altertümer aus der Zeit der großen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, 1902.

Voß H-U. Die Bügelknopffibeln. Almgren Gruppe VI. 2, Fig. 185 und 186 // *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25—28 Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg / Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*. № 5. Wünsdorf, 1998. S. 271—282.

Wójcik T. Pomorskie formy bransolet węzowatych z okresu rzymskiego // *Materiały Zachodniopomorskie T. XXIV*. Szczecin, 1978. P. 35—113.

Wołgiewicz R. Kultura wielbarska problemy interpretacji etnicznej // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 79—106.

*Приложение 1***Список комплексов, включенный в корреляционную и сериационную таблицы****А. Список комплексов, включенных в корреляционную таблицу и «диаграмму Чекановского»:**

Алейка 3, погр. 46, 58, 76, 86, 94, 99, 101, 146, 166, 213, 214, 216, 248, 290, 319, 333, 335, 336, 362, 392, 419
 Березовка, погр. 18, 25, 31, 41, 78, 119
 Большое Исаково, погр. 2, 6, 9, 11А, 12, 18, 19, 36, 37, 40, 44, 51, 53, 71, 75, 78, 84, 88, 92, 94, 97А, 99В, 100, 111, 115, 119, 142А, 142В, 157, 158, 160, 179, 181, 184, 190, 193, 195, 196, 207А, 207В, 216
 Гребитен сев., погр. 24, 28, 32, 36, 66, 101, 157, 180
 Гребитен южн., погр. d, F
 Гребитен, погр. 13, 26, 49, 51, 70, 92, 98, 102, 114, 123, 127, 157
 Грейбау, погр. 25а, 180, 180а
 Хох-Шнакайнен, погр. 1
 Ветрово, погр. 1
 Гурьевск-Новый, погр. 13
 Гурьевск (Кляйнхайде), погр. 10, 12с, 13с
 Доброе, погр. 206, 273
 Дубки (Клинцовка), погр. IV
 Дубравка, погр. 102
 Елановка, погр. 22, 42, 44
 Искрово, погр. III
 Карьерное, погр. 9, 15, В
 Коврово, погр. 1, 4, 6, 9, 11а, 11b, 14а, 26, 28, 30, 84, 251, 254, 299
 Кострово, погр. II.29
 Котельниково, погр. 37, 40
 Лейды (Lejdy), погр. А
 Логвино, погр. А
 Поваровка, погр. РМ III.84.879, 10, С, D, F
 Придорожное, погр. 1, 2, А, В
 Приморское, погр. б/№
 Путилово, погр. 15, 29с, 400
 Сиренево, погр. 30
 Тюленино, погр. 170
 Хрустальное, погр. 19f, 28, 3gez.21, 38а, 41

Б. Список комплексов, включенных в сериационную таблицу:

Алейка 3, погр. 101, 146, 166, 191, 213, 214, 216, 23, 248, 290, 296, 319, 333, 335, 336, 340, 359, 362, 392, 419, 46, 473, 484, 58, 76, 86, 94, 99
 Б. Исаково, погр. 100, 111, 115, 119, 11А, 12, 142А, 142В, 157, 158, 16, 160, 179, 18, 181, 184, 19, 190, 193, 195, 196, 2, 207А, 207В, 212, 216, 36, 37, 40, 44, 51, 53, 6, 71, 75, 78, 84, 86, 88, 9, 92, 94, 97А, 99В
 Березовка, погр. 10, 119, 18, 25, 31, 41, 78
 Ветрово, погр. 1
 Гребитен сев., погр. 101, 157, 177, 180, 185, 24, 28, 32, 36, 66
 Гребитен южн., погр. d, погр. F
 Гребитен, погр. 102, 114, 123, 13, 136, 157, 180, 26, 49, 51, 58, 70, 92, 98
 Грейбау, погр. 127, 180а, 25а, 25с
 Гурьевск (Кляйнхайде), погр. 10, 12с, 13с
 Гурьевск (Нов.), погр. 13
 Доброе, погр. 206, 265, 273
 Дубравка, погр. 102
 Елановка, погр. 22, 42, 44
 Искрово, погр. III
 Карьерное, погр. 15, 3, 9, В
 Клинцовка (Дубки), погр. 15, IV, 1, 11а, 11b, 14а, 17, 2, 251, 254, 26, 28, 299, 30, 302, 4, 41, 6, 84, 9
 Кострово, погр. II.29
 Котельниково, погр. 37, 40
 Логвино, погр. А
 Наликаймы, погр. А
 Поваровка, погр. 10, С, D, F, РМ
 Поддубное, погр. 1
 Придорожное, погр. 1, 2, А, В
 Приморское, погр. б/№
 Путилово, погр. 15, 29с, 400
 Сиренево, погр. 21, 30
 Тюленино, погр. 170
 Хох-Шнакайнен, погр. 1
 Хрустальное, погр. 19f, 24, 28, 37, 38а, 3 gez.21, 41

Приложение 2**Список хроноиндикаторов из состава женского убора****Фибулы**

1. Сильнопрофилированные, группы IV типов А-72, А-80, А-93 и 7 серии группы V
2. «Глазчатые» группы III
3. «Гребенчатые» группы II типа А- 42
4. Перекладчатые фибулы типов А-96 и А-98, «мазурского» типа
5. Фибулы 7, 8 и 10 серий V группы, типов А-117, А-120, А-125, А-128, А-130, А133, А-137, А-149
6. Арбалетовидные фибулы с высоким литым иглоприемником группы VII, типа А-211
7. Арбалетовидные фибулы с высоким литым иглоприемником группы VII, типа А-216
8. Арбалетовидные фибулы с подвязным иглоприемником группы VI, типа А-167
9. Арбалетовидные фибулы с подвязным иглоприемником группы VI, типа «больших арбалетовидных» фибул (Große Armbrustfibeln)
10. Арбалетовидные фибулы с подвязным иглоприемником группы VI, типа А-158
11. Арбалетовидные фибулы с подвязным иглоприемником группы VI, типа А.161—162
12. Арбалетовидные фибулы с подвязным иглоприемником группы VI, типа А-161—162 с тремя кнопками
13. Шайбовидные фибулы

14. Детали головных уборов**Пряжки**

15. Пряжки группы F, тип ML-F.3
16. Пряжки группы ML-G
17. Пряжки группы С, тип ML-C.10
18. Пряжки группы С, тип ML-C.11
19. Пряжки группы С, тип ML-C.12
20. Ажурные пряжки с застежкой в виде крючка
21. Пряжки группы ML-D
22. Пряжки группы ML-E
23. Пряжки группы ML-H

Накладки поясные

24. Ажурные накладки с орнаментом
25. Ладьевидные накладки

26. Обоймы**27. Оковки****28. Разделительные кольца****Наконечники ремней**

29. Наконечники ремней группы О
30. Наконечники ремней типа J II
31. Наконечники ремней типа J IV
32. Языковидные наконечники ремней
33. Пластинчатые наконечники ремней

Шейные гривны

34. С конусовидными окончаниями
35. С конусовидными застежками
36. Однодротовые с обмоткой и застежкой в виде петли и крючка
37. С грушевидным замком

Браслеты

38. Самбийские змеевидные, «классического» типа
39. Самбийские змеевидные, типа Березовка
40. Самбийские змеевидные, типа Трёмпау
41. Серебряные змеевидные вельбаркские, типов IV—V, по Т. Вуйцику
42. С профилированными окончаниями и расширением на ленте
43. Манжетовидные
44. Пластинчатые
45. С расширенными окончаниями

Кольца

46. Группы I, формы 1—3
47. Группы V, формы 27, 29
48. Группы VI, формы 30
49. Группы VII, формы 40
50. Монеты-подвески

*Продолжение приложения 2***Булавки**

- 51. Группы А
- 52. Группы Н
- 53. Группы С

54. Подвески в виде бус в металлической оплетке**Датирующие предметы погребального инвентаря**

- 55. Монеты — заупокойные дары

Детали ожерелий

- 56. Бусы из двухслойного стекла с металлической прокладкой ТМ XXIX
- 57. Монохромные бусы простой формы групп ТМ I—III, V, IX
- 58. Монохромные бусы простой формы группы ТМ IV (биконические)
- 59. Монохромные бусы сложной формы группы ТМ X—XII
- 60. Монохромные бусы сложной формы группы ТМ XIV—XV (многогранные и витые)
- 61. Монохромные бусы ТМ XVIII группы (синие рубчатые)
- 62. Полихромные бусы групп ТМ XX—XXII
- 63. Мозаичные бусы группы ТМ XXIII
- 64. Бусы из металла (ТМ LX)
- 65. Металлические пронизи
- 66. Янтарные бусы, изготовленные вручную групп ТМ XXX—XXXIII
- 67. Янтарные бусы, изготовленные вручную группы ТМ XXXIV (литавровидной формы)
- 68. Янтарные бусы, изготовленные на токарном станке групп ТМ XLII—XLV
- 69. Янтарные бусы, изготовленные на токарном станке группы ТМ XLVI («басония»)
- 70. Подвески из янтаря
- 71. Перстневидные металлические бусы
- 72. Импортные подвески
- 73. Гроздевидные подвески
- 74. Кольцевидные подвески типов 16 и 22с, по Х. Бекманн
- 75. Бубениковидные подвески
- 76. Ведерковидные подвески приплюснутой формы
- 77. Ведерковидные подвески вытянутой формы

Приложение 3
Расчет коэффициента корреляции

Table with 76 columns and 1000 rows of numerical data for correlation coefficient calculation.

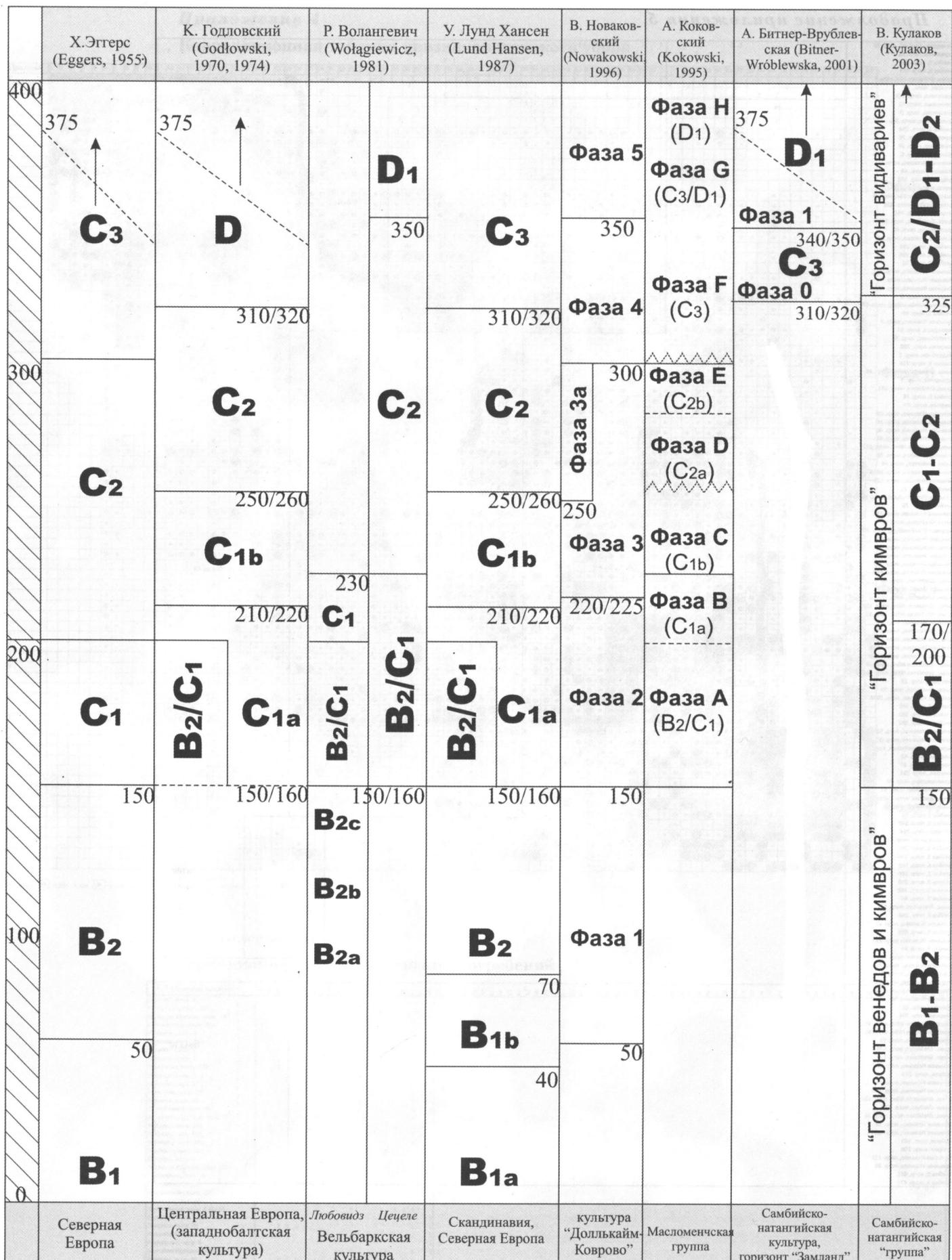

Рис. 1. Синхронизация хронологических систем эпох римских влияний и Великого переселения народов для территорий, связанных с Юго-Восточной Прибалтикой

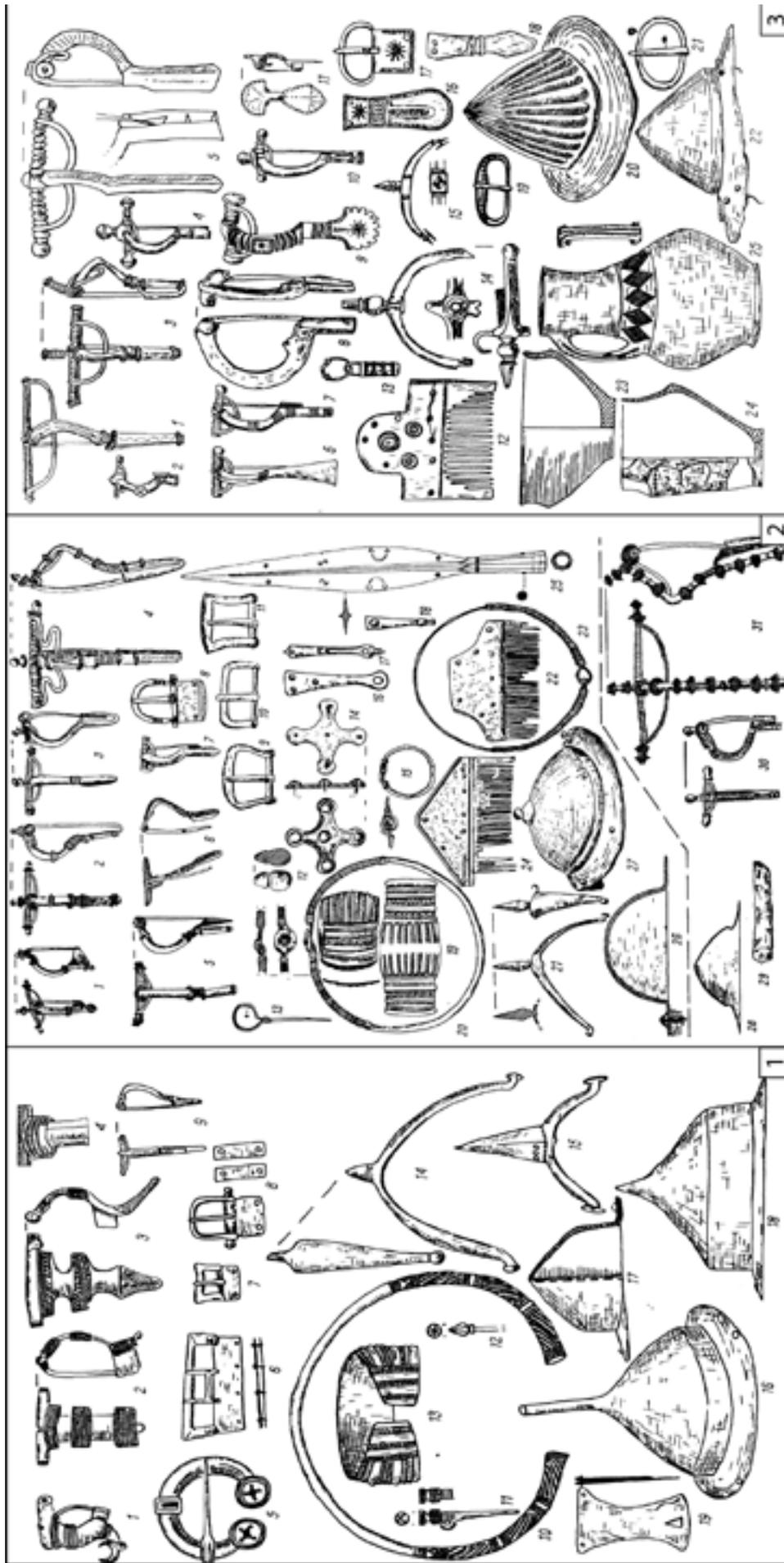

Рис. 2. Относительная хронология западнобалтской культуры в работах К. Годловского.

1 — ранняя фаза позднеримского периода (с множеством элементов раннеримского); 2 — поздняя фаза позднеримского периода, включающая большинство находок периода С, по О. Тишлеру (№ 28—30 — наиболее поздние элементы); 3 — ранняя фаза Великого переселения народов (период D, по О. Тишлеру).

Предметы самбийско-нотангийской культуры: 2.7 — Котельничково (Варенген), погр. 39; 2.23 — Елановка (Вакерн), погр. 33; 2.27 — Светлогорск (Сигесдикен), вне комплекса; 3:2 — Логвино (Сераптен), вне комплекса; 3.4 — Грейбау, погр. 56; 3.6 — Коврово (Долльхайм), погр. 169; 3.7 — Коврово, погр. 163; 3.9 — Первомайское (Варникам), погр. 31; 3.10 — Логвино, погр. 25; 3.13 — Просторное (Зифелд), вне комплекса; 3.14 — Грейбау, погр. 211; 3.15 — Путилово (Корьейтен), вне комплекса; 3.16—17 — Коврово, погр. 163; 3.21 — Путилово, вне комплекса; 3.25 — Первомайское, погр. 31.

По: Godowski, 1970. Fig. 18; 1974. Tab. V—VII

Рис. 3. Схема относительной хронологии самбийско-натангийской культуры в работах В. Новаковского.
По: Nowakowski, 1996. Taf. 107

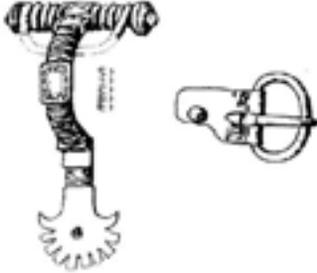
	Горизонт Сёдала	Горизонт "Замланд"
	 <p data-bbox="502 777 596 810">Фаза 3</p>	 <p data-bbox="1397 777 1491 810">Фаза 3</p>
<p data-bbox="137 864 467 1181">Хёстенторп, Дания (Høstentorp) имп. Констанций II (337-361) имп. Валентитиан (364-378) имп. Грациан-Гонорий (375-383)(395-423)</p>	 <p data-bbox="502 1188 596 1220">Фаза 2</p>	 <p data-bbox="1397 1188 1491 1220">Фаза 2</p>
<p data-bbox="137 1312 467 1552">Торсторп, лен Сконе, Швеция (Torstorp Vesterby, Skåne Län), монета (siliqua) Констанция II (340-351)</p>	 <p data-bbox="502 1589 596 1622">Фаза 1</p>	 <p data-bbox="1397 1589 1491 1622">Фаза 1</p>

Рис. 4. Соотношение скандинавского горизонта Сёдала и горизонта «Замланд» в работах А. Битнер-Врублевской. По: Bitner-Wróblewska, 2001. Fig. 32

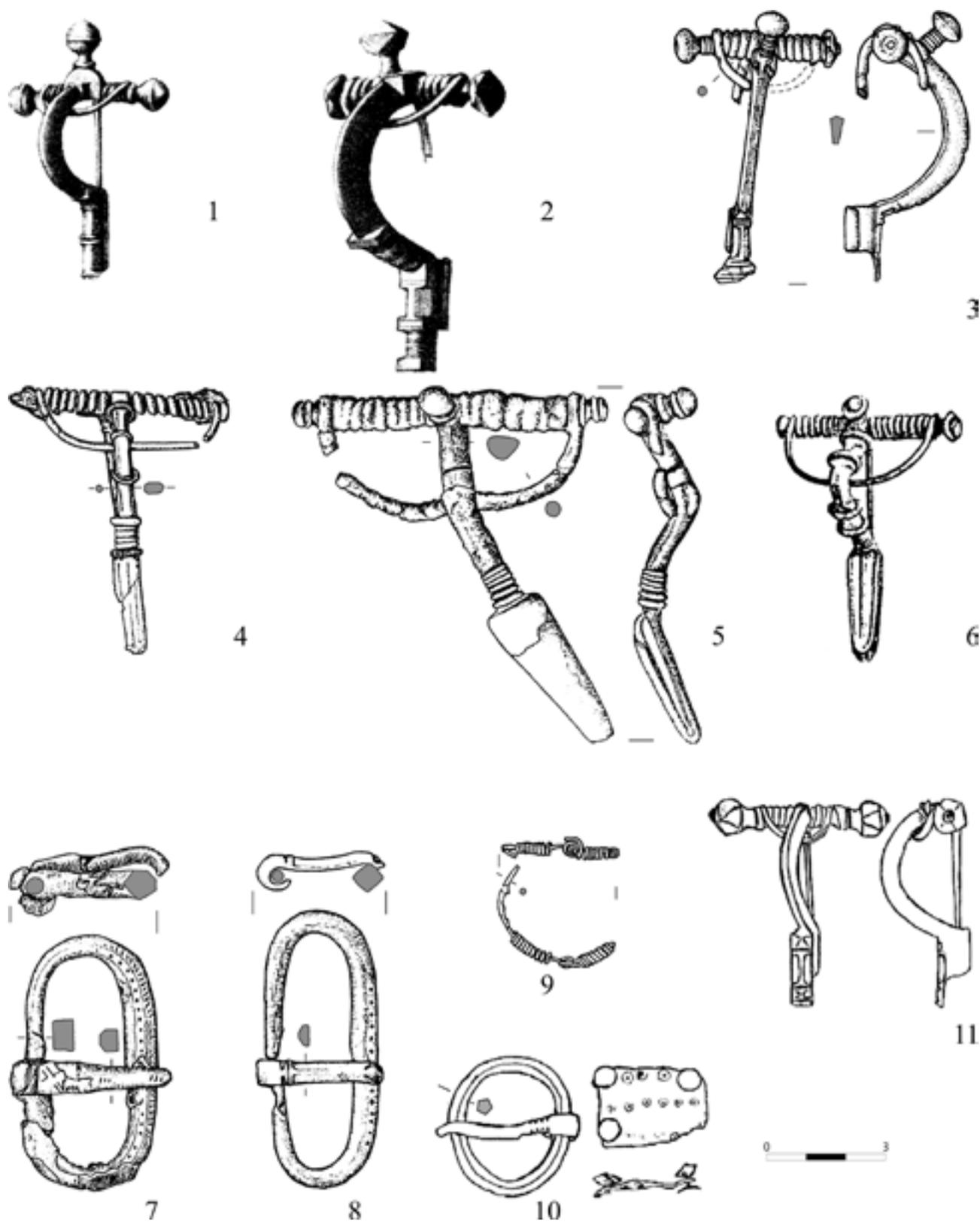

Рис. 5. Индикаторы фазы СЗ из мужских комплексов самбийско-натангийской культуры.

Варианты Bügelknopffibeln: 1 — бывш. Greibaui, погр. 56; 2 — Первомайское, погр. 42; 3 — Большое Исаково, погр. 25. «Большие арбалетовидные» фибулы: 4, 5 — Большое Исаково, погр. 23; 6 — Сиренево, погр. 194.

Удлиненно-овальные пряжки: 7 — Большое Исаково, погр. 23; 8 — Большое Исаково, погр. 25; 10 — Доброе, погр. 59к. Кольцевидная подвеска формы 16 по Х. Бекманн: 9 — Большое Исаково, погр. 23.

Варианты Zweibelknopffibeln: 11 — Доброе, погр. 59.

1, 2 — по: Tishler, Kemke, 1902. S. 29, 44. Taf. V: 19, 20; 3–5, 7–9 — по: Skvorzov, 2007. Taf. 30: 7, 13; 28: 5, 8, 12, 17; 33: 9; 6 — по: Nowakowski, 1996. Taf. 53: 1; 10, 11 — по: Kulakov, 2005. Pav. 6: 1, 3

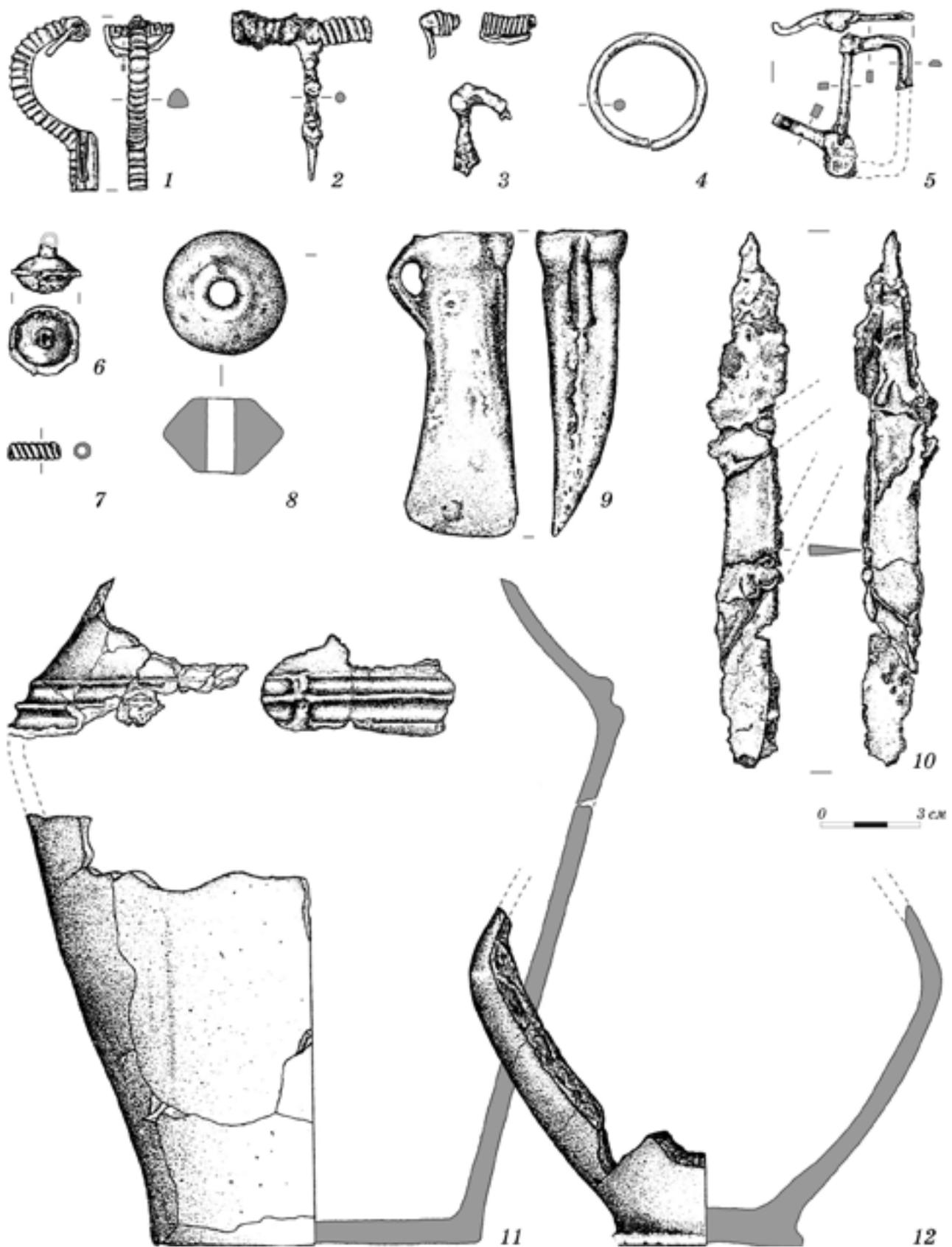

Рис. 6. Инвентарь погребения 16 могильника Большое Исаково.

1–3 — фибулы с гусеничным корпусом; 4 — разделительное кольцо; 5 — пряжка ML-D.29; 6 — бубенчиковидная подвеска; 7 — пронизь; 8 — пряслице; 9 — топорик-кельт (игольница); 10 — нож; 11 — погребальная урна; 12 — сосуд-приставка.

1–4, 7, 9 — бронза; 5, 6, 11 — железо; 8, 11, 12 — керамика.

По: Skvorzov, 2007. Taf. 19, с изменениями О. Хомяковой

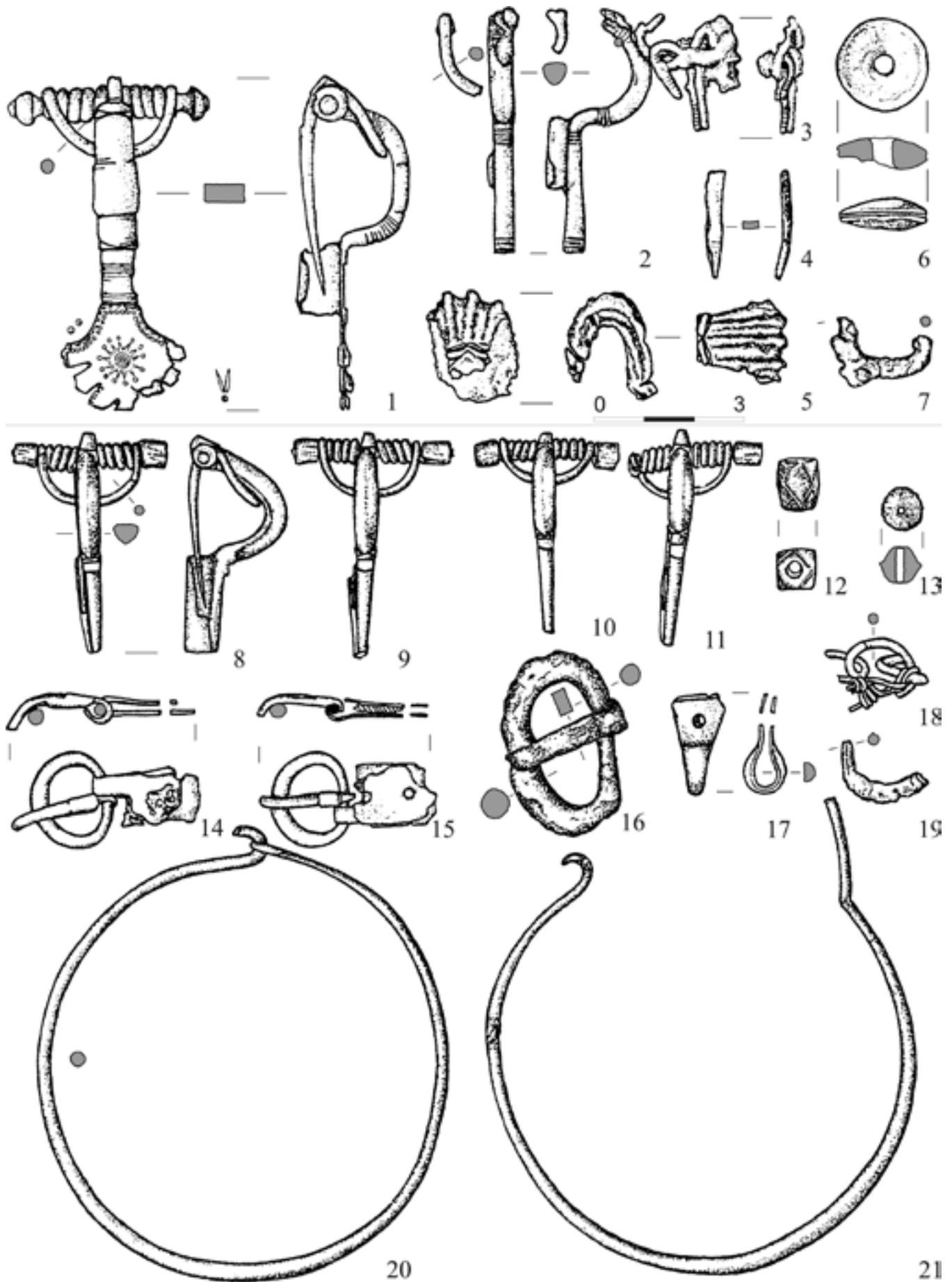

Рис.7. Предметы убора из женских погребений могильника Большое Исаково с застежками типа Шёнварлинг — Сковарч

1–7 — из погр. №20 (1, 2 — фибулы; 3 — фрагмент перстня; 4, 5, 7 — фрагменты изделий; 6 — бусина);

8–21 — из погр. №61 (8–11 — фибулы; 12, 13 — бусы; 14–16 — пряжки; 7 — обоймица; 18, 19 — фрагменты изделий; 20, 21 — браслеты).

1–5, 8–11, 14–16, 18–21 — бронза, 12 — стекло, 6, 13 — янтарь.

По: Skvorzov, 2007. Taf. 24; 72, с изменениями О. Хомяковой

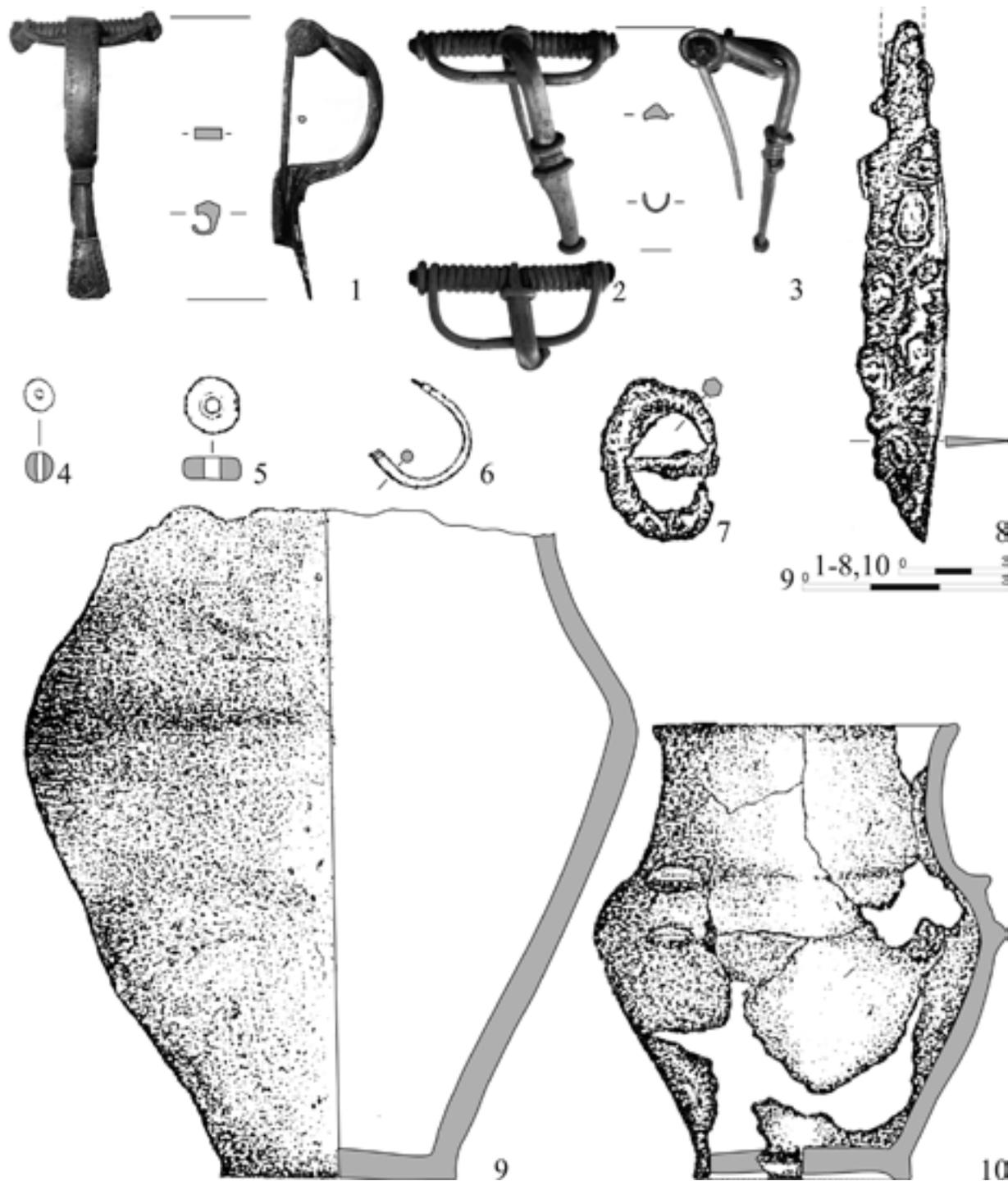

Рис. 8. Инвентарь погребения 258 могильника Коврово.

1 — фибула А-169; 2, 3 — «большие арбалетовидные» фибулы; 4, 5 — бусы; 6 — кольцевидная подвеска; 7 — овальная пряжка ML-N.11/13; 8 — нож; 9 — погребальная урна; 10 — сосуд-приставка.

1—3, 6 — бронза; 4 — стекло; 5 — янтарь; 7, 8 — железо; 9, 10 — керамика.

По: Кулаков 2007. Рис. 20, с изменениями О. Хомяковой

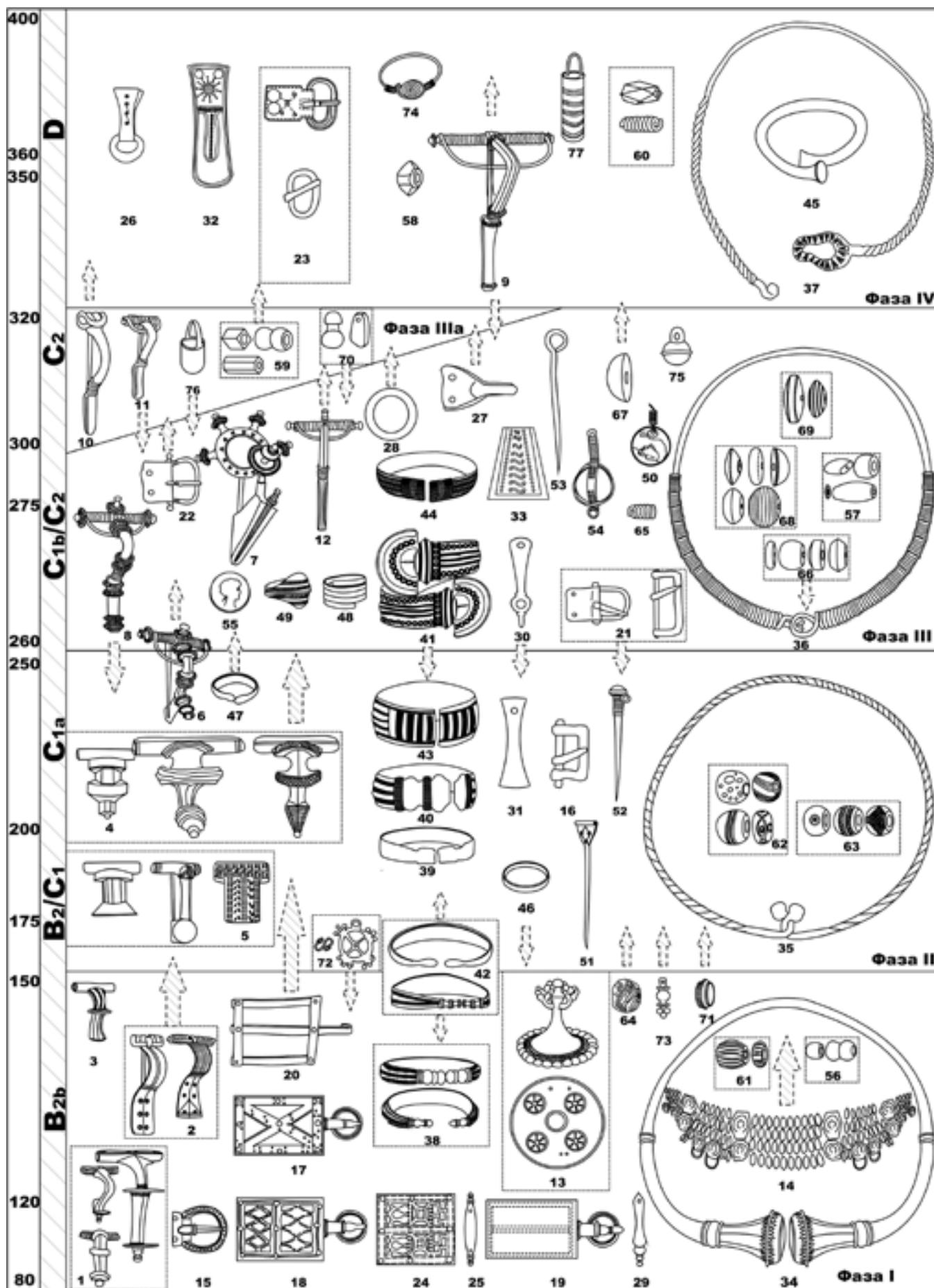

Рис. 9. Схема хронологии компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКОГО КРУГА В БЕЛОРУССКОМ ПРИПЯТСКОМ ПОЛЕСЬЕ

В обширной дискуссии о путях формирования культур, отождествляемых с историческими славянами эпохи Великого переселения народов, уже около полувека присутствует тема развития древностей «зарубинецкой линии» на юге территории Республики Беларусь. Её обсуждение строится вокруг двух составляющих: вопроса о вкладе в генезис пражской культуры культурного наследия потомков населения зарубинецкой культуры, с одной стороны, а с другой — о роли в этих процессах населения круга культур восточноевропейской лесной зоны.

В белорусской археологии Л. Д. Поболем в 1970—1980-е гг. была сформулирована теория об автохтонном развитии славянских древностей на юге территории Белоруссии: от культур бронзового века к милоградской и зарубинецкой, и далее через «поздний этап развития зарубинецкой культуры» (II—V вв.) — к культурам середины — второй половины I тыс. Рассматривая процесс формирования на территории Центральной Белоруссии культур середины I тыс., Л. Д. Поболь полагал, что продвижению в III—IV вв. «поздnezарубинецкого» населения в ареал штрихованной керамики и днепро-двинской культуры, предшествовал период распространения здесь влияний зарубинецкой культуры и формирование своеобразной «буферной» зоны на их пограничье [Поболь, 1970; 1974; 1983]. Теория Л. Д. Поболя была в целом критично встречена коллегами [Каспарова, Мачинский, Щукин, 1976; Митрофанов, 1986; Каспарова, 1989 С. 268—269; 2001; Медведев, 1999. С. 290]. Немаловажную роль в формировании этой позиции сыграло то обстоятельство, что исследователем лишь в минимальной степени были опубликованы источники к ключевой части этой теории — материалы «позднего этапа зарубинецкой культуры», что не позволяло рассматривать предложенные им построения предметно.

Последнюю четверть века общий тон в дискуссии о развитии памятников «зарубинецкой линии» в Восточной Европе в целом задают археологи двух научных сообществ, которые можно условно опре-

делить понятиями «петербургского» и «московско-киевского» кругов или, учитывая различия в методологической направленности, — исследовательских школ.

Во второй половине 1970-х — 1990-х гг. представителями петербургской школы, Д. А. Мачинским и М. Б. Щукиным, была сформулирована теория о сложении пражской культуры на основе памятников римского времени, ещё не открытых в пределах «волыно-полесского белого пятна». Отталкиваясь от анализа письменных источников, Д. А. Мачинский на протяжении 35 лет развивал идею о формировании исторических славян на основе населения южных окраин восточноевропейской лесной зоны, прежде всего — культуры поздней штрихованной керамики¹, отражающей по его мнению поздний этап существования и распад массива балто-славянских диалектов [Мачинский, Тиханова, 1976; Мачинский, 1976; 1981; 1989; 2009. С. 272—282; см. также: Булкин, 1983; Булкин, Герд, 1989; Лебедев, 1989]. Эти взгляды в значительной степени разделял М. Б. Щукин. Формулируя археологическую часть аргументации теории «волыно-полесского белого пятна», он полагал, что истоки формирования славянских народов эпохи Великого переселения народов были заложены на рубеже эр во взаимодействии двух «миров»: латенизированной зарубинецкой культуры, отождествляемой с историческими бастарнами, и общности культур восточноевропейской лесной зоны, прежде всего — КПШК [Щукин, 1976; 1986; 1987; 1988; 1989; 1994. С. 278—289; 1997; 2005. С. 68—69].

Если исследователи петербургской школы, опираясь на анализ письменных источников и широкий, панорамный обзор историко-культурных процессов на территории Восточной и Центральной Европы, развивали преимущественно концептуальную составляющую проблемы, то киевские и московские археологи концентрировались на источниковедческом её направлении: исследовании памятников, публикации материалов, их систематизации и интерпретации. Заслугой именно этого круга ар-

¹ Далее по тексту название этой культуры приводится в аббревиатурном сокращении — КПШК. О критериях её выделения из не расчленившейся ранее культуры штрихованной керамики см.: Егорейченко, 2006. С. 118—119.

хеологов являются наиболее значимые разработки 1980—2000-х гг. по памятникам I—IV вв. на территории юго-восточной Белоруссии. В Среднем Поднепровье и днепровском Левобережье были выделены памятники II в. типа Грини — Вовки, формирование которых связывается с посожской группой Кистени — Чечерск; памятники III—IV вв. белорусского Поднепровья и Подвинья, определявшиеся в белорусской археологии 1970—1980-х гг. понятием «позднего этапа зарубинецкой культуры» [Поболь, 1970; 1974; 1983], были соотнесены с материалами киевской культуры и выделены в верхнеднепровский её вариант (типа Абидни), а также группу генетически связанных с ним памятников Днепро-Двинского междуречья: типа Узмень — Заозерье [Обломский, 1983; Терпиловский, 1894. С. 4, 46—47, 50, 58; Обломский, Терпиловский, 1991. С. 95—102; Терпиловский, Абашина, 1992; Максимов, Терпиловский, 1993. С. 106—108, 120—121; Обломский, 1993. С. 48—49; 1996; Лопатин, 2003; Терпиловский, 2004. С. 29—30, 49—50; Обломский, 2005; Лопатин, Фурасьев, 2007].

В 1980—1990 гг. эти выводы были в целом подержаны белорусскими археологами [Вергей, 1987. С. 67—69; Мядзведзеў, 1999. С. 290, 296—298]. Им отчасти созвучна гипотеза С. Е. Рассадина об истоках формирования исторических славян в памятниках Посожья, сочетающих по его мнению, черты юхновской и зарубинецкой культур, и близких памятникам типа Почеп [Рассадин, 2008. С. 248—286]. Теория же о выделении предков славян VI в. из окраинного населения КПШК отвергается ведущими белорусскими исследователями этой культуры [Медведев, 1996. С. 10—11; Егорейченко, 1999. С. 157—158; 2006. С. 115—116].

Взгляды археологов, наиболее ярко представляющих московско-киевскую и петербургскую школы, расходятся, прежде всего в вопросе о роли потомков носителей зарубинецкой культуры и её наследия в формировании киевской культуры. Представители первой полагают, что население, оставившее памятники позднезарубинецкого типа и возникшей на их основе киевской культуры, составляли, «главным образом, близкие потомки зарубинецких племён» [Терпиловский, 2010. С. 12]. Исследователи петербургского круга рассматривают памятники середины I—II в. «зарубинецкой линии» развития, прежде всего, в контексте адаптации наследия зарубинецкой культуры населением окраин восточноевропейской лесной зоны, исходя из чего определяют их понятиями «потзарубинецкие памятники» и «горизонт Рахны — Лютеж — Почеп» [Щукин, 1986; 1994. С. 232—238; Лебедев, 1989]. М. Б. Щукин высказывал сомнения в правомерности отнесения памятников типа Кистени — Чечерск к зарубинецкой культуре, предлагая рассматривать её как «специфическое явление пограничной полосы между культурой штрихованной керамики и верхнеднепровским вариантом зарубинецкой» [Щукин, 1997. С. 138]. В своих работах он также последовательно проводил идею о том, что нарушение в развитии памятников Среднего Поднепровья и днепровского

Левобережья постепенно терявших на протяжении середины I—II в. элементы классической зарубинецкой культуры, было обусловлено притоком и активностью населения с северными, верхнеднепровскими традициями — типа Грини — Вовки и Абидни [Щукин, 1994. С. 236; 1997, С. 138].

Несмотря на эти расхождения, на мой взгляд, крайне важно то, что обе эти концепции базируются на общих посылах теоретического плана. В них анализ историко-культурных процессов опирается на понятия культурных моделей и кругов (см.: Терпиловский, 2004. С. 16), которые в современном их виде и применительно к европейскому Барбарикуму в целом наиболее полно были сформулированы К. Годловским и М. Б. Щукиным [Godłowski, 1976; 1979; 1999; Щукин, 1989а; 1994]. Развитие памятников «зарубинецкой линии» не рассматривалась как непосредственная, прямая, линейно заданная эволюция зарубинецкой культуры. Дискретность процесса связывается с взаимодействием различных групп носителей её традиций, в разной мере сохранивших и переработавших их в ходе миграций и взаимодействия с инокультурным окружением. На протяжении I—II вв. культура населения, образовавшего эти группы памятников, теряет черты круга латенизированных культур и, шире — культур, связанных с центральноевропейскими традициями, и к III в., с образованием киевской культуры, становится органичной частью общности культур восточноевропейской лесной зоны [Терпиловский, 1984. С. 58, 65; Щукин, 1986. С. 29—30; 1989. С. 59—61; 1994. С. 278—289; Лебедев, 1989. С. 107—109; Обломский, Терпиловский, 1991. С. 85—108; Обломский, 1993; Максимов, Терпиловский, 1993. С. 120—121].

Ныне можно констатировать, что десятилетия дискуссий, обмена идеями и развития исследований существенно сблизили позиции археологов, принадлежащих к этим двум научным кругам. Полевые работы последних лет выявили картину исключительно широкого распространения на юге лесной и лесостепной зон Восточной Европы памятников середины I—III в., объединённых элементами зарубинецкой культуры: от Западного Буга до Подонья. В настоящее время исследователи киевского и московского научных центров предлагают определять их общность понятием «позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт» [Обломский, 2010а. С. 6], что созвучно идеям М. Б. Щукина. Значительный круг исследователей минского, московского, киевского, петербургского научных центров сегодня также объединяет мнение о том, что ответы на ключевые вопросы по проблеме формирования пражской культуры следует искать в историко-культурном развитии земель Южной Белоруссии I—IV вв. [см.: Гавритухин 1997; 2003; 2005. С. 439; 2009. С. 10—12, 20—21; Вяргей, Трымер, 2003; Вяргей, 2004; Вергей, 2005; 2008; Гавритухин, Обломский, Лопатин, 2004; Терпиловский, 2004. С. 67—69; Фурасьев, 2009. С. 31—37].

Подводя итог обзору общей проблематики работы, следует заметить, что до недавнего времени дискуссия о развитии древностей «зарубинецкой линии» на землях Южной Белоруссии носила тео-

ретический характер поскольку памятники середины I—II в. здесь не были описаны. Ситуация постепенно меняется. С конца 1990-х гг. в Припятском Полесье и прилегающих регионах были выделены памятники, которые предлагается рассматривать в контексте материалов позднезарубинецкого культурного круга. Они ещё очень немногочисленны, объём полученных на них материалов скромнен, а культурная интерпретация этих памятников порой неоднозначна. Тем не менее обзор имеющихся материалов, а также идей, высказанных об их хронологии, культурной принадлежности, вероятных путях формирования и дальнейшей судьбе оставившего их населения, важен для определения отправных точек в дальнейшем развитии исследований.

К анализу материалов

До настоящего времени юг Республики Беларусь изучен очень неравномерно. В ряде регионов целенаправленные разведки и раскопки памятников I—II вв., а часто и железного века в целом не проводились. На мой взгляд, представление об объёме того, чего мы не знаем об археологии Южной Белоруссии I—IV вв., сегодня не менее важно, чем анализ имеющихся данных. Поэтому имеет смысл рассматривать интересующие нас материалы постзарубинецкого горизонта в контексте проблематики, специфичной для каждого из регионов, разделяя их на два блока: Припятское Полесье; междуречье Западного Буга и Немана.

Этот подход также обусловлен особенностями физической географии земель Южной Белоруссии. Большую их часть образует Припятское Полесье. В его центре находится обширная водно-аллювиальная низина с широкими террасовыми долинами и дюнными грядами, разделёнными густой сеткой водных токов, заливными лугами и болотами — Турово-Пинское Полесье. К северу и югу от Припяти здесь простираются обширные болотные массивы, такие как Выгонощанское и Ольманское болота. Но в широтном направлении в обе стороны от Центрального Полесья рельеф постепенно повышается, доля заболоченных земель сокращается, в них вклиниваются равнинные возвышенности — Мозырская гряда на востоке и Загородье на западе. Ещё далее к востоку типичные полесские ландшафты сменяются землями Приднепровской низменности, а на западе переходят в Прибужскую равнину [Дзяменцьеў, 1975].

На протяжении всего периода заселения физическая география земель Южной Белоруссии обуславливала наличие здесь двух центров культурного притяжения: Поднепровье на востоке и междуречье Вислы и Немана на западе. Эта тенденция ярко проявляется в историко-культурном развитии региона на протяжении раннего железного века. С финала эпохи бронзы земли в бассейне р. Припять занимали носители милоградской культуры. С рубежа III—II вв. до н.э. с запада и юго-запада сюда продвигается население, инициировавшее процесс сложения зарубинецкой культуры, а с севера — носители культуры штрихованной керамики (см. карту 1).

Железный век на территории юго-западной Белоруссии в настоящее время изучен в меньшей степени. Тем не менее с определённой степенью можно говорить о тяготении этого региона к центрально-европейской и прибалтийской культурным провинциям. С IV в. до н.э. земли Западного Полесья вошли в восточную периферию поморско-подклёшевой культуры. На рубеже III—II вв. до н.э. в Белорусском Побужье отмечаются отдельные комплексы, связанные с этапом формирования круга латенизированных культур [Belaviec, 2001; Dąbrowska, 2004. S. 214]. В нижнем течении правых притоков Западного Буга — Пульвы и Лесной, выявлены памятники пшеворской культуры, относящиеся к раннеримскому времени [Andrzejowski, 2005. S. 22—23; Белявец, 2004б. С. 229].

В последние годы в междуречье Немана и Западного Буга всё более отчётливо проступает другой горизонт памятников раннего железного века — связанный с традициями культур восточноевропейско-прибалтийской лесной зоны [Andrzejowski, 1995. S. 44—46; Рyc. 2; Rusin, 1998a; 1998b; Белявец, 2004а; 2004б. С. 235—244; Krasnodębski, Olczak, 2002; Olczak, 2009; Karczewska, 2009]. В 2004 г. автором было предложено объединить их в группу памятников типа Сураж — Тростяница [Белявец, 2004б. С. 236—244, 256]. Ряд особенностей керамического комплекса позволяет говорить о вероятной генетической связи и параллелях в развитии этих памятников с КПШК. Вместе с тем они не могут включаться в состав последней. В отличие от «городищенских» культур лесной зоны, население Неманско-Бужского междуречья жило на открытых поселениях, на ряде памятников также выявлены объекты, которые могут связываться с погребальной обрядностью этого населения (в Грохах Старых и Тростянице). Керамический комплекс этих памятников сформировался в условиях культурного пограничья и сочетает в себе черты, присутствующие в КПШК, культурах западнобалтийского и, в меньшей степени, центральноевропейского круга. Результаты разведок и раскопок последних лет свидетельствуют, что около рубежа эр памятники типа Сураж — Тростяница занимали обширное пространство в междуречье Немана, Западного Буга и Припяти (см. карту 1).

Кардинальные изменения в историко-культурном развитии населения Неманско-Бужского междуречья наступают около середины I в. н.э. — в период кризиса и распада зарубинецкой культуры. С участием выходцев из полесского ареала последней здесь формируется горизонт памятников, который сегодня известен, прежде всего по результатам изучения могильников: Гриневичи Вельке и Кутова на р. Нарев [Andrzejowski, 1999], Красносельск-5 на р. Россь [Медведев, 2004], Радость на р. Лесная [Белявец, 2004б. С. 244—254]. В 2004 г. мной было предложено объединять их, определяя как памятники типа Радость — Кутова [Белявец, 2004б. С. 256]. Сейчас большинство исследователей включает эти могильники в круг памятников позднезарубинецкого типа и ранней фазы развития киевской куль-

туры (типа Абидни) [Andrzejowski, 1999. С. 32—37, 47—48; Белявец, 2004б. С. 251—257; Обломский, 2005. С. 151; Гавриутхин, 2009. С. 20; Терпиловский, 2010. С. 10]. Особой точки зрения придерживается А. М. Медведев, выделяющий эти памятники Неманско-Бужского междуречья в особую группу «западнобалтской культуры» [Медведев, 2011. С. 155—161, 292—293, 294—295].

В рамках этой статьи невозможно охватить проблему выделения памятников постзарубинецкого горизонта на территории юга Республики Беларусь в целом — эта тема слишком широка и специфична для каждого из регионов. Поэтому я сконцентрируюсь на памятниках белорусского Припятского Полесья. С учётом высказанных выше замечаний об особенностях естественно-географических условий и состоянии изучения этого региона мне представляется, что тему удобнее будет представить в разбивке на: 1) территорию Восточного Полесья и южной части Верхнего Поднепровья и 2) земли Центрального Полесья.

Восточное Полесье и юг Верхнего Поднепровья

Реконструкция процессов историко-культурного развития I—IV вв. на юго-востоке территории Республики Беларусь опирается на материалы, прежде всего, южной части Верхнего Поднепровья. Работы на памятниках зарубинецкой и киевской культур здесь были начаты в 1950—1960-е гг. П. М. Третьяковым, О. Н. Мельниковской и Ю. В. Кухаренко, активно развивались Л. Д. Поболем в 1960—70 гг., а в настоящее время продолжают в Посожье А. И. Дробушевским. В 1980—1990 гг. исследования на памятниках зарубинецкой и киевской культур в низовьях Березины велись А. В. Ильютик и Н. Н. Дубицкой [Дубицкая, 1988; Ильютик, 1998б; 1998в]. Благодаря усилиям этих исследователей, в последнее десятилетие существенно продвинулась также публикация и изучение материалов эталонных для Верхнего Поднепровья памятников киевской культуры в Абидни и Тайманово [Поболь, Ильютик, 2001; 2002а; 2002б; 2003; Поболь, Дубицкая, Пилипцевич, 2003; Поболь, Дубицкая, 2009; Ильютик поболь, 2005; 2007; 2010; Дубицкая, 2011а]. Подводя промежуточный итог этой работы, Н. Н. Дубицкая предложила выделять памятники III—IV вв. южной части Верхнего Поднепровья из киевской и объединять в отдельную культуру — типа Абидни [Дубицкая 2011б].

Из цепочки развития древностей «зарубинецкой линии» на юге Верхнего Поднепровья выпадает постзарубинецкий период середины или последней четверти I — конца II в. Надежду на открытие таких памятников принесли раскопки Н. Н. Дубицкой на селище **Симоновичи**, расположенном в верхнем течении р. Птичь — на пограничье Припятского Полесья и Верхнего Поднепровья (карта 2: 1). Однако датировка и культурная интерпретация этого памятника остаётся спорной. В ранних публикациях результатов своих исследований Н. Н. Дубицкая датировала это селище рамками II — начала III в. и отнесла к позднезарубинецкому кругу и ранней фазе развития киевской культуры [Дубицкая, 1998а.

С. 11; 1998б]. В позднейшей работе его хронология была сдвинута во вторую четверть I тыс. н.э. [Дубицкая, 2004. С. 74].

В датировке селища Симоновичи Н. Н. Дубицкая опирается на хронологию двух бусин из культурного слоя, приводя различные варианты их типологического определения и датировки [Дубицкая, 1998а. С. 10; Дубицкая, 2004. С. 74]. Не вдаваясь в дискуссию относительно этих находок, хотел бы заметить, что бусы римского периода, при анализе их на уровне наборов, являются замечательным источником для изучения связей между различными группами населения Европейского Барбарикума и их контактов с регионами Римской империи; но сами по себе они лишь в крайне редких случаях могут служить узкими хронологическими индикаторами [Tempelmann-Maczyńska, 1986. Tab. 8. S. 98, 108—126; см. также: Lund-Hansen, 1987. S. 226—228; 2010; Крэнке, Румянцева, 2008; Bieljavec, 2009. S. 14—15].

При современном состоянии изученности указание на время использования селища Симоновичи скорее следует искать в особенностях его керамического комплекса. На широком сравнительном фоне он был рассмотрен Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасьевым, и мнение этих исследователей о близости керамического набора симоновичского селища памятникам типа Грини — Вовки и его переходном характере к верхнеднепровскому варианту киевской культуры [Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 130] представляется мне наиболее обоснованным. Этот вывод подтверждают данные по характеру обработки поверхности посуды, использовавшейся на селище Симоновичи. В его материалах фрагменты посуды со штриховкой составляют 14%, а с расчёсами — 1,6% от общего числа [Дубицкая, 1998а. С. 9]. На фоне аналогичных данных эталонного селища киевской культуры в Абидни, где отмечается обратная пропорция (5% фрагментов штрихованной посуды и 11,5% с расчёсами [Ильютик поболь, 2007. С. 20]), это соотношение может свидетельствовать об архаичном характере гончарных традиций селища Симоновичи.

Значительно хуже изучен **восток Припятского Полесья**. В литературе приводились сведения о наличии в нижнем течении Припяти памятников как зарубинецкой культуры, так и позднезарубинецко-киевского культурного круга [Поболь, 1983. С. 21, 40, 246—297; Егорейченко, 1999а. Мал. 67]. Однако в 1950—1970-е гг. их целенаправленный поиск и изучение практически не велись. После 1986 г. развитие исследований в низовьях Припяти сдерживает радиационное заражение земель в результате Чернобыльской аварии. Работы здесь оживились лишь в последние годы в связи с выполнением хозяйственных договоров и принесли, среди прочего, некоторые данные по интересующей нас проблеме.

В 2007 г. при обследовании зоны прокладки локального газопровода автором было выявлено селище у д. **Козловичи** Калинковичского р-на (карта 2: 2). Памятник занимает невысокий мысовидный, вдающийся в пойму выступ террасы левого берега р. Ипа. С севера селище огибал исчезнувший в настоящее

время ручей. Мощность культурного слоя составляет 0,35—0,40 м. На поверхности и в шурфе площадью 20 м² выявлено около 130 фрагментов керамики железного века. По способам обработки поверхности они разделяется на: гладкостенные (83%; рис. 1/А: 1—11, 14—17)², хруповатые (10%; рис. 1/А: 12, 13), лощёные (5%; рис. 1/А: 19, 20) и со следами лёгкой штриховки (2%; рис. 1/А: 18). Наиболее выразительные фрагменты свидетельствуют о преобладании округлобоких закрытых форм гладкостенных и хруповатых горшков с эсвидным изгибом шейки (рис. 1/А: 1,3,5,12—14). Профилировка посуды, хорошее качество её изготовления и обжига, состав керамической массы, а также соотношение посуды с разными способами обработки поверхности позволяют отнести памятник к зарубинецкой культуре. Вместе с тем в керамическом комплексе селища можно отметить элементы, нетипичные для зарубинецких памятников Центрального Полесья (см.: Бяліцкая, 1996; 2002): здесь широко представлена орнаментация венчиков ямочными вдавлениями и насечками (рис. 1/А: 7—9), присутствуют обломки сосудов с прямой, отогнутой наружу шейкой (рис. 1/А: 10,11,15). Отмеченные черты, а также нетипичный для Полесья характер размещения памятника (низинный, вдающийся в пойму рельеф) и малая мощность культурного слоя, могут свидетельствовать о том, что селище в Козловичах относится к поздней фазе развития зарубинецкой культуры или этапу смены поселенческих зон и миграций населения, наступивших в период её распада.

Существуют также данные, указывающие на наличие в этом регионе памятников постзарубинецкого периода. Такие материалы принесло изучение городища **Лиски**, расположенного в низовьях р. Ведрич — правого притока Днепра (карта 2: 3). Памятник был открыт Г. В. Штыховым в 1976 г. и исследовался в 1980—1983 гг. М. И. Лошенковым. Изучена площадь 2620 м². Абсолютное большинство полученных материалов относится к милоградской культуре. Более поздний горизонт использования этого городища маркирует находка подковоподобной фибулы круга выемчатых эмалей (рис. 1: 8). Она имеет три круглых щитка с кольцевыми канавками по периметру и глазчатыми углублениями в центре, в которых не выявлено следов эмали [Лошанков, Барцева, 1995. С. 97]. Фибула близка образцам серии V «Грищинцы — Малышки — Межонис» по Е. Л. Гороховскому, на основании чего её следует относить к фазе «А» развития подковоподобных фибул круга восточноевропейских выемчатых эмалей и датировать в рамках II в. [Гороховский, 1982. С. 25, 28—30]. Недавнее повторное обращение к материалам этого городища позволило М. И. Лошанкову выявить небольшую (около 70 штук) серию фрагментов сосудов из верхних слоев памятника, которая соотносится с данным периодом³. Среди них абсолютно преобладают обломки гладкостенных горшков, присутствуют единичные фрагменты сосудов с мелкой хрупова-

тостью по внешней стенке; не отмечены лощёные и со штриховкой. Шейки этих сосудов слабо изогнуты и наклонены внутрь, срез венчиков по внешней кромке и ребру часто орнаментирован насечками и ямками (рис. 1/Б: 1—6); присутствуют также отдельные фрагменты слабо профилированных горшков (рис. 1/Б: 7). Эти находки указывают на то, что во II в. н.э. городище Лиски в течение какого-то (вероятно, непродолжительного) периода использовалось населением поздnezарубинецкого культурного круга.

Представленные материалы полученные на селище Козловичи и городище Лиски, в целом подтверждают сведения о наличии в нижнем течении Припяти и примыкающей части Верхнего Поднепровья памятников как зарубинецкой культуры, так и постзарубинецкого горизонта. Они свидетельствуют также о перспективности дальнейших исследований по данной тематике на периферии чернобильской зоны.

Центральное Полесье

По сравнению с другими землями Южной Белоруссии этот регион обследован лучше. Но работы здесь велись, прежде всего, в относительно высоких и слабо заболоченных ландшафтных зонах Турово-Пинского Полесья — в среднем течении Припяти и нижних участках её правых притоков. Значительно менее продвинулось исследование памятников в Припятском Левобережье и на пограничье с Волынью.

Точкой отсчёта в рассмотрении интересующей нас проблемы является финал полесского варианта зарубинецкой культуры. Наиболее поздние комплексы погребений позволяют синхронизировать его с концом фазы А3 позднего предримского периода по шкале относительной хронологии культур Центральной Европы — временем около 10—40 гг. Учитывая находку на площади могильника Отвержичи фрагментированной фибулы типа Альмгрен-68, исследователями обсуждается возможность продления этого рубежа за счет фазы В1b раннеримского периода, т. е. до времени около 70 г. [Dąbrowska, 1973. S. 199—200; Каспарова, 1976а. С. 139—140; 1976б; 1986; 1989. С. 276—279; Обломский, 1993. С. 42; Егарэйчанка, 1999а. С. 263]. К концу 1990-х — началу 2000-х гг. под влиянием работ ведущих исследователей памятников припятского варианта зарубинецкой культуры, Ю. В. Кухаренко и К. В. Каспаровой, в восточноевропейской, в том числе белорусской археологии закрепились гипотеза о запустении Припятского Полесья в период с финала зарубинецкой до появления здесь вельбарской культуры на рубеже II—III вв. (см.: Егорейченко, 2004. С. 79—81; 2005; Рассадин, 2005). Эти представления существенным образом изменила публикация материалов полученных при раскопках селищ Курадово-1 и Давид-Городок-2 (карта 2: 4, 6), которые заполняют

² Рисунки, для которых в подписях не указаны авторство и источник, выполнены автором данной статьи.

³ Пользуясь случаем, благодарю М. И. Лошанкова за любезно предоставленную возможность работы с материалами городища Лиски.

«постзарубинецкую лауну» в историко-культурном развитии Турово-Пинского Полесья.

Селище **Курадово-1** выявлено В. С. Вергей в 1981 и исследовалось ей в 1982 г. Изучена площадь 200 м². Памятник расположен на пологом склоне левого берега р. Припять, занимает площадь около 4 га. Культурный слой составляет от 0,40 до 0,95 м, стратиграфически не разделён. В предматериковом слое выявлены зольно-угольные пятна, связанные, судя по фрагментам найденной в них керамики, преимущественно с постзарубинецким временем. Это в целом типичное для Турово-Пинского Полесья многослойное поселение, на котором встречаются материалы от неолита до раннего средневековья. Селище находится на западной окраине ареала полесского варианта зарубинецкой культуры. Но при этом в Курадово отсутствуют материалы, которые следовало бы связывать исключительно с зарубинецкой культурой, и выразительно представлен более поздний постзарубинецкий горизонт. Этот комплекс материалов I—III вв. В. С. Вергей и автор выделили в 2002 г. в ходе полной публикации результатов исследования памятника, «отсекая» от общего массива материалов находки других эпох и культур [Белявец, Вяргей, 2002]. Расширенный анализ материалов постзарубинецкого периода был представлен в отдельной статье [Белявец, Вяргей, 2005].

Вещевой комплекс позволяет датировать этот горизонт селища Курадово в рамках середины I—III вв. Нижнюю его границу определяет бронзовая глазчатая фибула типа 50 по О. Альмгрену (рис. 2/А: 1). В европейских провинциях Римской империи эти застёжки получили распространение в конце правления Августа и при Тиберии [Kupow, 1998. S. 105—106; Abb. 4]. Близкая их датировка, в рамках всей фазы В1 (около 10—70 гг.), принимается для материалов вельбарской культуры [Wołagiewicz, 1981. S. 166; 1993. S. 24]. В пшеворской культуре фибулы Альмгрен-50 являются одной из ведущих форм позднего этапа фазы В1 [Godłowski, 1985. S. 41—42]. Наличие глазчатых фибул основной серии в раннем горизонте памятников поздnezарубинецкого круга признаётся одним из аргументов для его синхронизации с фазой В1 по центральноевропейской шкале [Щукин, 1986. С. 26; Обломский, 1993. С. 52; Обломский, 2010б. С. 26]. Фрагменты пружинного аппарата от фибул VI или VII группы по О. Альмгрену (рис. 2/А: 2, 6?), свидетельствуют о том, что селище Курадово использовалось на некоем отрезке III—IV вв. Сузить этот период позволяют сведения о развитии историко-культурной ситуации в микрорегионе. В 1981 г. в ходе раскопок В. С. Вергей селища Лемешевичи, расположенного на противоположном берегу Припяти, были получены выразительные материалы вельбарской культуры, датирующиеся в

рамках фаз В2/С1-С1а — С2 [Белявец, Вяргей, 2005. С. 100—101; Белявец, 2007б. С. 130—132]. Фрагменты керамики этой культуры выявлены также в Курадово. Вероятно, с вельбарским горизонтом здесь связан грунтовый могильник, следы которого в начале 1980-х гг. фиксировались на краю селища [Белявец, Вяргей, 2005. С. 94]. Таким образом, селище Курадово-1, вероятнее всего, прекратило своё существование на рубеже II—III или в первых десятилетиях III в. в связи с появлением в данном микрорегионе населения вельбарской культуры.

Селище **Давыд-Городок-2** находится в низовьях р. Горынь (карта 2: 6). Памятник расположен в ур. Хабищи, занимает невысокий (до 2 м над уровнем воды) песчаный холм между правым берегом Горыни и старичным озером. Селище выявлено В. С. Вергей в 1989 г. и исследовалось А. Н. Белицкой в 1989 и 2005 гг. на площади 100 м² [Бялицкая, 2007]. Большая его часть в настоящее время уничтожена песчаным карьером. Культурный слой достаточно мощный — от 0,57 до 0,90 м, но слабо гумусирован и беден находками. На селище присутствуют материалы милоградской, но не отмечены находки зарубинецкой культуры. Нижняя дата постзарубинецкого горизонта здесь не вполне ясна. Но он не мог сформироваться ранее финала памятников полесского варианта зарубинецкой культуры, которые известны и в непосредственной близости от этого селища⁴. Верхняя же его граница чётко определяется по материалам из объекта № 1 [Бялицкая, 2006. С. 108—109]. Среди прочих вещей, здесь была найдена бронзовая подковообразная фибула серии III («Тростянец — Черняхов») по Е. Л. Гороховскому (рис. 2/Б: 5) и гильза от головки гребенчатой фибулы группы V по О. Альмгрену (рис. 2/Б: 6). Последняя датирует объект второй половиной II — началом III в. [Wołagiewicz, 1993. S. 25; Hauptmann, 1998; Machajewski, 1998]. Эта датировка также соответствует общим данным о развитии историко-культурной ситуации в Нижнем Погорынье: материалы могильников Велимичи-1 и 2, Отвержичи, расположенных в 5—8 км южнее Давыд-Городка, свидетельствуют о том, что на рубеже II—III вв. в этот микрорегион также проникает население вельбарской культуры [Каспарова, 1989. С. 276; рис. 10; Белевец, 2007а. С. 330—335; Белявец, 2007б].

Общая характеристика. Хронология рассмотренных селищ охватывает период около середины I — рубежа II—III или начала III в., соотносимый с фазами В1—В2/С1—С1а в системе хронологии культур центральноевропейского Барбарикума. При этом в Курадово более выразительно представлен ранний отрезок этого периода, который может включать в себя также интервал, синхронный подфазе В1а (около 10—40 гг.), а в Давыд-Городке — его поздний отрезок на рубеже II—III или в начале III в.

⁴ Около 200—250 м восточнее, на противоположном берегу старицы, в 1981 г. Г. М. Залашко и В. Е. Ерёмченко исследовались остатки повреждённого карьером могильника зарубинецкой культуры [Залашко, Ерёмченко, 1984]. Селище Давыд-Городок-3, расположенное около 2,5 км юго-западнее, исследовалось в 1985 г. А. А. Егорейченко [Егорейченко, 2000].

Вещевой комплекс селищ Курадово и Давыд-Городок-2, кроме описанных выше находок, включает в себя ряд деталей костюма, украшений, орудий труда, бытовых предметов и элементов вооружения, которые не могут привлекаться в качестве узко датированных материалов. Их общая хронология не противоречит датировкам представленных выше находок, аналогии же позволяют составить представление о круге связей населения, использовавшего эти памятники.

Помимо упомянутых выше фибул, в костюме жителей этих селищ, судя по найденным здесь фрагментам пружинных аппаратов, могли использоваться также застёжки позднелатенской схемы (щитковые зарубинецкого типа?) (рис. 2/А: 7) и, вероятно, ранние варианты одночастных группы VI по О. Альмгрену, близкие к типу 158 в его классификации (рис. 2/Б: 4; о хронологии и ареале этого типа фибул см.: Maćczyńska, 2009. S. 73—81, там список литературы).

Из Курадово происходят фрагменты пряжек (рис. 2/А: 3,4), близких типам D.1 и G.5—9 по Р. Мадиде-Легутко [Madyda-Legutko, 1986].

На обоих селищах найдены фрагменты браслетов с сужающимися окончаниями, выполненные из брусков прямоугольного и треугольного сечений (рис. 2/А: 5; рис. 2/Б: 7). Два фрагментированных браслета аналогичной формы найдены на могильнике Рахны [Обломский, 2010б. С. 28. Рис. 18: 6, 21: 5]. Отпечатки штампа в виде кружков, глазков и полумесяцев в раннеримское время широко использовались в орнаментации браслетов пшеворской, вельбарской культур и населения Прибалтики [Andrzejowski, 1994. S. 318—319. Ryc. 1: b, f; 5: f; 11; Pietrzak, 1997. S. 211. Taf. CXIII: 333-3; Skorupka, 2001. S. 343. Tab. 78: gr. 254/8, 9; Michelbertas, 1986. 50—55 pav.].

На селище Курадово-1 выявлены железные посоховидные булавки типов IБ (рис. 2/А: 8) и II (рис. 2/А: 9; рис. 2/Б: 3) по А. М. Медведеву [Медведев, 1995]. Булавки этих типов не известны на памятниках полесского варианта зарубинецкой культуры. Железные посоховидные булавки типа II характерны для милоградской культуры раннего железного века, встречены также на городище Чаплин. Булавки типа IБ в I—III вв. распространены в материалах КПШК, Прибалтики, верхнеднепровского варианта киевской культуры; отдельные находки известны на памятниках деснинского варианта последней, а также в дяковской и тушемлинской культурах [Медведев, 1995. С. 184—193].

Находки в Курадово позволяют составить представление о наборе бус, использовавшемся населением, оставившем памятники постзарубинецкого горизонта в Турово-Пинском Полесье. Здесь представлены бусы типов: А-104 (по Е. М. Алексеевой) (рис. 2/А: 12, 13), ТМ-387б с серебряной вкладкой (рис. 2/А: 14), ТМ-2 (рис. 2/А: 10) и ТМ-30 (рис. 2/А: 11) (по М. Тэмпельман-Мончиньской). Этот набор в целом типичен для памятников позднзарубинецкого круга и раннего этапа развития киевской культуры [Максимов, Терпиловский, 1993. Таб. XLII: 325, 30, 31, 41]. В нём особенно характерно сочетание

бус типов ТМ-387 и А-104, которые являются интегрирующими формами для всего горизонта находок круга восточноевропейских выемчатых эмалей на огромном пространстве их распространения — от Немана до Камы [см.: Corpus... 2001. S. 27—59. Taff. 11; Ильютик, Поболь, 2010. С. 244; Смирнов, 1974. С. 59; Румянцева, 2005. С. 268, 274—276; Кренке, Румянцева, 2008. С. 100—102, 104—105].

Одно из найденных в Курадово пряслиц выточено из стенки чёрнолощёного сосуда (рис. 2/А: 17). Такие пряслица известны в материалах зарубинецкой культуры, с этой традицией связано и их наличие на памятниках позднзарубинецкого круга [Обломский, 1991. С. 53]. Четыре пряслица, выявленных на селищах в Курадово и Давыд-Городке, имеют низкую биконическую форму и широкие отверстия (рис. 2/А: 18; 2/Б: 8—10). Они соответствуют типам 5 и 6 в классификации А. М. Обломского [Обломский, 1991. С. 55—57. Рис. 16] и широко представлены в киевской культуре, в том числе на селище в Абидне, где определяются как типы III и V по А. Г. Митрофанову [Митрофанов, 1978. С. 40-41; Ильютик поболь, 2005]. Для понимания этой категории находок в широком контексте показательным то, что типология пряслиц, разработанная А. Г. Митрофановым для материалов, прежде всего КПШК, вполне применима для памятников верхнеднепровского варианта киевской культуры и типа Курадово.

В заполнении объекта 1 селища Давыд-Городок-2 найдены обломки железных ножей, а в культурном слое — втулка от наконечника дротика (рис. 2/Б: 11).

Керамический комплекс селищ Курадово и Давыд-Городок-2 близок по набору, профилировке посуды и способу обработки поверхности. В материалах Курадово к постзарубинецкому периоду отнесено 1146, а в Давыд-Городке — 1177 фрагментов сосудов. На обоих памятниках не выявлено хрупкой керамики, которая может относиться к постзарубинецкому горизонту. Абсолютно преобладают обломки гладкостенной посуды — 93—94 % от общего числа фрагментов. В Давыд-Городке фрагменты лощёной посуды составляют 6 %, на селище Курадово — 3 %. При этом в материалах последнего более выразительно представлена чёрнолощёная посуда. Обратное соотношение демонстрирует статистика по керамике со штриховкой и расчёсами: 4 % в Курадово и всего 1 % в Давыд-Городке. Штриховка неглубокая плотная, как и расчёсы, наносилась на внешнюю поверхность толстостенных груболепных сосудов. В ряде случаев расчёсы были нанесены поверх штриховки (рис. 3: 14; 4: 19). Расчёсы выполнялись жёстким гребенчатым штампом, линии часто пересекаются под острыми углами, образуя узор в виде косой сетки (рис. 3: 15—17). Наиболее показательные фрагменты свидетельствуют о том, что в керамическом комплексе этих памятников преобладали гладкостенные горшки закрытых форм с плавным эсвидным изгибом шеек (рис. 3: 2, 4, 5, 8, 9; 4: 1—11, 13); выразительной серией представлены также фрагменты ребристых горш-

ков (рис. 3: 17, 20; 4: 17). Реконструируемые для них формы сопоставимы с горшками типов I/1а,б и II/1, выделенными А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским для памятников позднезарубинецкого типа и киевской культуры [Обломский, Терпиловский, 1991; Обломский, 1991]. Для памятников типа Курадово характерна орнаментация венчиков массивных груболепных сосудов насечками, реже выступают ямочные вдавления и расчёсы (рис. 3: 4, 7, 9). В ряде случаев их внешний край дополнительно подрезался (рис. 7, 10). Среди фрагментов горшков единичны обломки с лощёной поверхностью (рис. 3: 30). Этим способом обрабатывалась поверхность, прежде всего, миниатюрных сосудов (рис. 3: 22, 25), кувшинов (рис. 3: 26; 4: 18), дисков (рис. 3: 27, 28) и мисок. Последние имеют ребристую профилировку (рис. 3: 19; 4: 22) и соответствуют типам III/ и 1 III/2г в классификации А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского. В работе А. Н. Белицкой был также предложен вариант собственной типологии посуды селища Давыд-Гарадок [Бяліцкая, 2007. Мал. 13].

Как хронология, так и характеристики материальной культуры селищ в Курадово и Давыд-Городке позволяют относить их к памятникам позднезарубинецкого круга. В 2005 г. В. С. Вергей и мной было предложено выделять такие памятники Турово-Пинского Полесья в отдельную локальную группу — типа Курадово [Беявец, Вяргей, 2005. С. 104]. Керамический комплекс этих селищ находит наиболее близкие соответствия на памятниках типа Грини — Вовки и типа Абидня. Вместе с тем преобладание закрытых форм горшков и характеристика керамической массы, указывают на то, что памятники типа Курадово сформировались на основе традиций полесского варианта зарубинецкой культуры [Беявец, Вяргей, 2005. С. 98, 103—104; Бяліцкая, 2006. С. 121].

В настоящее время трудно говорить об ареале памятников типа Курадово. Работы по их целенаправленному поиску лишь начинаются. Вместе с тем анализ материальной культуры селищ в Давыд-Городке и Курадово, определивший в общих чертах хронологические рамки и основные характеристики материальной культуры памятников этого типа позволяет выявлять синхронные и культурно близкие материалы на территории Центрального Полесья и прилегающих регионов.

С группой памятников типа Курадово, судя по всему, следует связывать ряд вещевых находок раннеримского времени, выявленных в разное время в Турово-Пинском Полесье. К их числу относятся: провинциальноримская шарнирная фибула типа Riha-5.16, найденная у д. Чернички (рис. 2/В: 2; карта 2: 8) [Белевец, Егорейченко, 2002]; глазчатая фибула основной серии типа Альмгрен-52 и фибула типа

Альмгрен-68 с селища у д. Площево Пинского р-на (рис. 5: 1, 2; карта 2: 5)⁵. С бóльшим основанием, нежели с материалами зарубинецкой культуры, с рассматриваемой группой памятников соотносится фибула типа Альмгрен-67/68, происходящая с площади могильника Отвержички (карта 2: 7; рис. 2/В: 3)⁶. С позднезарубинецким горизонтом также может связываться наконечник копья, обнаруженный в 1981 г. на площади могильника зарубинецкой культуры в ур. Левановщина у д. Давыд-Городок (рис. 2/В: 1) [Залашко, Ерёмченко, 1984. С. 238—239; рис. 3: 1]. Наиболее близкие соответствия он находит среди наконечников типа IX по П. Качановскому, которые в материалах пшеворской культуры относятся к раннеримскому времени [Kaczanowski, 1995. S. 20. Tab. X: 1—3; Радюш, 2011. С. 17].

Вполне надёжным маркёром памятников середины I—III/IV вв., относящихся к позднезарубинецкой и киевской культурной традиции, как в Турово-Пинском, так и Белорусском Полесье в целом, следует считать фрагменты груболепной посуды железного века с гребенчатыми расчёсами. Памятники, на которых в разное время была выявлены фрагменты таких сосудов, известны от северных окраин Центрального Полесья в районе Солигорска до пограничья с Волинью на юге. В среднем течении Припяти крайним восточным пунктом является селище Снядин-3 (карта 2: 9), в ходе раскопок которого В. С. Вергей выявлен керамический материал интересующего нас круга [Вяргей, 2011. С. 38—41]. На юге ареал памятников с расчёсами маркируют находки с селища Викоровичи-3, открытого В. С. Вергей в 1986 г. (карта 2: 10; рис. 6/В). На севере Центрального Полесья данный горизонт памятников представлен материалами селищ Любань-3 (карта 2: 13; рис. 6/А)⁷ и Зажевичи⁸ (карта 2: 11; рис. 6/Б). В 2009 г. в ходе исследования раннесредневекового курганного могильника Метявичи, расположенного 0,7—0,8 км южнее последнего, была обнаружена глазчатая фибула типа Альмгрен-61 (карта 2: 12; рис. 5: 4; [Крывальцэвіч, 2011. С. 114]). В материалах пшеворской культуры этот вариант глазчатых фибул прусской серии, с характерным коленчатым изгибом спинки, признаётся наиболее поздним и относится к концу фазы В2, а на территории Самбии такие застежки использовались до фазы В2/С1—С1а включительно [Andrzejowski, 2001. S. 61—62; Радюш, Скворцов, 2008. рис. 8].

Памятники и находки, связанные с рассматриваемым культурно-хронологическим горизонтом, известны также северо-западнее Пинска — в Загородье [Беявец, Вяргей, 2005. С. 103]. Их список постепенно пополняется. В ходе недавних разведок по каналу Винец — мелиорированному притоку р. Ясельда⁸, были обнаружены два новых селища с

⁵ Эти вещи, а также фрагмент фибулы из д. Мерчицы Пинского р-на (см. ниже) были обнаружены в 2011 г. жителем г. Пинска Г. В. Кравцовым и переданы им в собрание музея Исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске.

⁶ О хронологии и ареале фибул А-68 в целом см.: Ма́сзу́йска, 2009. С. 27—31; применительно к кругу позднезарубинецких памятников: Обломский 2010б. С. 26—27.

⁷ Памятник открыт в В. Ф. Исаенко в 1970 г. и обследовался им же в 1973 г.

⁸ Памятник открыт и был обследован Н. Н. Кривальцевичем в 2009 г.

керамикой железного века, в том числе со штриховкой и расчёсами: в Ревятичах и Сигневичах (карта 2: 19, 20; рис. 6/Г, 6/Д). Вероятно, с последним связана подковоподобная фибула с эмальями VI («Балто-Днепро-Окской») серии по Е. Л. Гороховскому (рис. 5: 6), недавно опубликованная Э. М. Зайковским [Зайкоўскі, 2011. С. 167—168]. Число выявленных в Полесье глазчатых фибул дополнил фрагмент застёжки прусской серии с селища Мерчицы в нижнем течении Ясельды (карта 2: 17; рис. 5: 3).

Представленные выше материалы очерчивают зону, в рамках которой представляется перспективным дальнейший поиск и изучение памятников типа Курадово, а также родственных им памятников середины I—III/IV вв.

Обратимся к проблеме формирования памятников типа Курадово. Представленные выше данные свидетельствуют, что датировки памятников полесского варианта зарубинецкой культуры и типа Курадово смыкаются. Наступившие же около середины I в. изменения в культурном облике населения Турово-Пинского Полесья существенны.

В настоящее время погребальный обряд населения, оставившего памятники типа Курадово, неизвестен. Но вполне определённо можно говорить о том, что оно не использовало (по крайней мере, активно) известные на сегодня могильники зарубинецкой культуры⁹, и погребальная обрядность этого населения должна была существенно отличаться от зарубинецкой.

Различия наблюдаются также в топографии и характере селищ. Зарубинецкие поселения Турово-Пинского Полесья имеют преимущественно долговременный характер и мощный культурный слой. Они, как правило, дистанцированы от Припяти и её крупных притоков: размещаются на высоких вторых террасах у стариц и небольших водных токов и связаны с плодородными, в том числе дерново-карбонатными почвами [Беліцкая, 2011б. С. 152]. В отношении селищ Курадово-1 и Давыд-Городок-2 наблюдаются обратные тенденции. Их культурный слой слабо гумусирован и беден находками. Эти селища связаны с более низкими ландшафтными зонами по берегам крупных рек (Припяти и Горыни), где размещаются на склонах первых террас и песчаных возвышенностях, тяготея к песчаным и пойменным почвам. Данный тип размещения в целом не характерен для зарубинецкой культуры — он отмечен в отношении 23% известных селищ [Беліцкая, 2011б. С. 152]. Пример селища Давыд-Городок-3, где обнаружены также отдельные фрагменты груболепной керамики с расчёсами [Егорейченко, 2000. С. 71], свидетельствует о том, что в Турово-Пинском Полесье тенденция к переносу поселенческих

структур в более низкие ландшафтные зоны наметилась ещё в финальной фазе зарубинецкой культуры. Полученная картина в целом близка к ситуации в Среднем Поднепровье и Днепровском Левобережье. Перенос селищ в более низкие ландшафтные зоны, сопровождавший распад зарубинецкой культуры в этих регионах, объясняется исследователями комплексом причин, прежде всего — климатическими изменениями, наступившими около рубежа эр: установлением более тёплого, сухого климата [Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990. С. 24—25; Башкатов, Земцов, 2010. С. 67—68; Терпиловский, 2010. С. 14—15; Арион, Башкатов, Обломский, Терпиловский, 2010. С. 99—100].

При сопоставлении элементов материальной культуры населения полесского варианта зарубинецкой культуры и памятников типа Курадово следует подчеркнуть ряд отличий, которые невозможно объяснить только лишь привнесением новых, раннеримских, стилистических веяний.

В керамическом комплексе Курадово-1 и Давыд-Городок-2 не отмечена хруповатая керамика, обломки которой на селищах полесского варианта зарубинецкой культуры составляют до 23%; резко снижается доля лощёной, и прежде всего чёрнолощёной, керамики: с 19—12% до 6—3% [Каспарова, 1987. С. 59; Бяліцкая, 1996. С. 96]. Появляются новые приёмы обработки поверхности и орнаментации груболепной посуды: штриховка и гребенчатые расчёсы по тулову и шейке, насечки и расчёсы по венчику.

В костюме появляются железные посоховидные булавки типов, не характерных для населения полесского варианта зарубинецкой культуры.

Жители селищ типа Курадово пользуются пряслицами типов, отличных от распространённых в зарубинецкой культуре: низкими биконической формы, с широкими отверстиями. Новая форма пряслиц свидетельствует о привнесении элементов иной традиции и также может указывать на иную технику пряжения и/или изменение сырья для ткачества.

Приводившиеся выше аналогии свидетельствуют о том, что источник большей части этих новаций следует искать в традициях населения круга культур восточноевропейской лесной зоны, и прежде всего — КПШК.

Взаимодействие населения зарубинецкой культуры и КПШК в Центральном Полесье наиболее полно раскрывают материалы городищ южной окраины последней, таких как Ивань и Мысли (карта 2: 27, 28). Около рубежа эр влияние зарубинецкой культуры затронуло большинство сфер жизни общин, использовавших эти поселения: они прослеживаются в трансформации элементов костюма, вооружения, керамического комплекса, в распространении новых

⁹ Работы проводились в 2011 г. мной и Е. Ф. Касюк.

¹⁰ Со значительной долей осторожности можно лишь предположить, что с постзарубинецким горизонтом могут быть связаны отдельные погребения могильников Велимичи-1 и Велимичи-2, отличающиеся по особенностям погребального обряда от зарубинецких: безинвентарные, с зольно-угольным заполнением небольших ям округлой формы и малым количеством кальцинированных костей. Ю. В. Кухаренко относил все эти объекты к вельбарской культуре [Кухаренко, 1961. С. 38, 42—43, 48, 50]. Среди них действительно присутствуют вельбарские погребения, но вопрос о культурной принадлежности части этих объектов я, в след за К. В. Каспаровой, оставляя бы открытым [Каспарова, 1989. С. 273—274; Белявец, 2007а. С. 330—332; Белевец, 2007б. С. 125—128].

технологий чёрной металлургии и деревообработки. С ними связываются изменение традиций домостроительства и, вероятно, социальной организации населения северных окраин Полесья. Предполагается, что в состав общин, живших на городищах Ивань и Мысли, могли входить выходцы из полесского ареала зарубинецкой культуры, или они предшествовали здесь расселению носителей КПШК [Егорейченко, 1996. С. 63-68; Егарэйчанка, 1999б. С. 146, 149—150; Егорейченко, 2006. С. 105—106; Гурин, 2000; см. также: Гавритухин, 2003. С. 135]. Очевидно, что ещё на рубеже эр в этих контактах население КПШК было воспринимающей стороной: обратные связи не прослеживаются в погребальном обряде полесского варианта зарубинецкой культуры и лишь спорадически отмечаются в керамическом комплексе селищ [Бяліцкая, 1996. Мал. 10: 4].

В этом контексте наступившее около середины I в. общее огрубление материальной культуры населения Турово-Пинского Полесья, сопровождавшееся привнесением в неё ряда новых, «северных», элементов, а также стремительным распространением иной погребальной обрядности, на мой взгляд, не может объясняться прямым эволюционным развитием традиций полесского варианта зарубинецкой культуры.

В статье 2005 г. В. С. Вергей и я обратили внимание на наличие на левобережье Припяти памятников, керамический набор которых подобен курадовскому, но имеет более архаичный облик, и предположили, что культура этого населения явилась тем передаточным звеном, которое в I в. привнесло «северные» традиции в Турово-Пинское Полесье [Белявец, Вергей, 2005. С. 103]. За прошедшие годы изучение таких памятников несколько продвинулось, главным образом благодаря обработке материалов полученных в разное время коллегами, изучающими в Северном Полесье памятники эпох камня и бронзы. Результатам этих работ недавно посвятила отдельную статью А. Н. Белицкая [Бяліцкая, 2011а]. Здесь я хотел бы представить общий обзор данных материалов, акцентируя внимание на проблеме происхождения селищ Припятского левобережья и их вероятного участия в формировании памятников типа Курадово.

В настоящее время интересующие нас памятники известны, прежде всего по результатам работ в Мотольском микрорегионе на нижней Ясельде, а также в нижнем течении р. Ореса — вокруг г. Любань. Эти селища бедны индивидуальными находками и с трудом поддаются датировке. Некоторые данные к определению их хронологии дают лишь материалы Мотоля-20 и Старых Юрковичей (карта 2: 18, 15). При раскопках Е. Г. Колечиц первого из них вместе с фрагментами груболепной и украшенной штриховкой и расчёсами посуды (рис. 7/А: 2—5), выступавшими компактно, на площади 16 м², была найдена головка железной одночастной фибулы с верхней тетивой, вероятно, среднелатенской схемы (рис. 7/А: 1). Н. Н. Кривальцевичем на селище Старые Юрковичи были расчищены остатки очага в виде скопления пережжённых камней и угля,

в котором обнаружены фрагменты двух лощёных мисок зарубинецкой культуры (рис. 8: 21, 22) и покрытого штриховкой горшка (рис. 8: 23), большая часть обломков которого найдена вокруг в радиусе 1—2 м. Данный комплекс посуды, как и упомянутый фрагмент фибулы с селища Мотоль-20, свидетельствуют о том, что интересующие нас селища Припятского левобережья использовались в период, в целом синхронный памятникам зарубинецкой культуры в Турово-Пинском Полесье. Фрагменты более массивной толстостенной посуды, в том числе украшенной расчёсами (рис. 6: 6—8; рис. 7/А: 6; рис. 7/Б: 19—22), а также находка на селище Старые Юрковичи пряслица биконической формы с широким отверстием (рис. 8: 19) указывают на наличие на этих памятниках также более позднего постзарубинецкого горизонта.

В керамическом комплексе селищ левобережной части Центрального Полесья абсолютно преобладают горшки, неизвестны находки кувшинов и кружек. Миски немногочисленны. Некоторые (рис. 8: 20, 21) соответствуют типу II.2 мисок полесского варианта зарубинецкой культуры по К. В. Каспаровой, или типу II.3 по классификации А. Н. Белицкой [Каспарова, 1976б. С. 56; Бяліцкая, 2007. Мал. 1]. Но в ряде случаев они лишь имитируют зарубинецкую посуду (рис. 7/Б: 13; 8: 18, возможно, рис. 18: 17). Керамический комплекс этих селищ характеризуют, прежде всего, горшки ребристых форм: с вогнутой шейкой, более или менее выпуклым туловом и плечом, размещенным на высоте около $\frac{3}{4}$ и выше от общей высоты сосуда (рис. 7/А: 2; рис. 7/Б: 1, 2, 5, 7, 8; рис. 8: 5). Некоторые фрагменты (рис. 8: 23), а также развал горшка из очага в Старых Юрковичах (рис. 7/Б: 3) свидетельствуют об использовании округлобоких горшков. Края венчиков орнаментировались насечками (рис. 7/А: 2; рис. 8: 2, 6, 9, 12) и ямочными вдавлениями (рис. 7/Б: 5, 12; рис. 8: 3). Реже отмечаются парные защипы по внешнему краю (рис. 7/Б: 11) и штриховка по ребру венчика (рис. 8: 1). Устойчиво присутствует традиция покрывать внешнюю поверхность горшков штриховкой. Доля фрагментов штрихованной посуды на селище Озерное составляет 34% (из 200 обломков); в Мотоле-20 — порядка 50% (из 120 фрагментов); на селище Ст. Юрковичи — 58% (из более 600 фрагментов). Обломки лощёной посуды в Мотоле-20 и Озерном не отмечены, а на селище Старые Юрковичи она представлена развалами двух упомянутых выше мисок. Здесь же найдены обломки миски, напоминающей по профилировке зарубинецкие, но с иной техникой обработки поверхности: она заглажена поверх горизонтальной штриховки (рис. 8: 18). Пример такого рода «гибридной» техники обработки поверхности можно отметить в Озерном, где на нескольких сосудах поверх штриховки был нанесён слой хруповатого ангоба (рис. 7: 7, 10).

В целом, функциональный набор посуды селищ левобережной части Центрального Полесья близок к представленному около рубежа эр в «городищенских» культурах восточноевропейской лесной зоны. Он сочетает черты, присутствующие в зарубинецкой

культуре и КПШК. На связь с традициями последней (генетического характера и/или обусловленную и поддерживаемую позднейшими контактами) указывает преобладание горшков ребристых форм, традиция покрывать груболепные горшки штриховкой, а также неразвитость других способов обработки поверхности (лощением и храповатостью) и скромность набора столовой посуды. Вместе с тем в орнаментации горшков здесь не использовались парные зашпы и насечки по ребру тулова, характерные для северных соседей. Кроме того, морфология сосудов с селищ левобережной части Центрального Полесья далека от «классики» КПШК с территории Северной и Центральной Белоруссии (см.: Егорейченко, 1996; 1999б; Медведев, 1996) и находит соответствия, скорее, на городищах контактной зоны в нижнем течении Березины [Ильютин, 1998а. С. 37. Рис. 3: тип S2:3; Ильютин, Лошенко, 2003. С. 142. Рис. 8: типы S2:3, K2]. Вклад же традиций зарубинецкой культуры прослеживается в меньшей степени. Он выражается в наличии импортной столовой посуды и возникновении подражаний ей, а также, возможно, в тенденции перехода к более округлой профилировке горшков. То есть, воспринимая зарубинецкие влияния, керамический комплекс селищ Припятского левобережья мог эволюционировать в том же направлении, что на городищах южной части КПШК (ср.: Егорейченко 1999б. С. 130).

В вопросе о происхождении селищ типа Старые Юрковичи, вероятно, права А. Н. Белицкая полагающая, что они сформировались на основе местных памятников раннего железного века, культура которых в этом микрорегионе наиболее полно представлена в материалах городища Сорочи (карта 2: 14) [Бяліцкая, 2011. С. 127—128; Белявец, Вяргей, 2005. С. 103]. Культурная интерпретация этого памятника спорна. М. И. Лошанков и А. В. Ильютин относят сорочинское городище к КПШК и на этом основании отодвигают южную границу КПШК на юг вглубь Центрального Полесья до среднего течения р. Ореса [Ильютин, Лошанков, 2003. С. 132]. А. А. Егорейченко в своей последней монографии не комментирует эти материалы и не включает данный регион в ареал КПШК (см.: Егорейченко, 2006. С. 57—60). Ранее этим исследователем выдвигался тезис о наличии в Центральной Белоруссии группы милоградской культуры раннего железного века, предшествовавшей в этом регионе распространению носителей КПШК [Егорейченко, 1996. С. 65—70; 1999б. С. 117—118], но в дальнейшем это положение не получило развития.

В качестве гипотезы можно рассматривать следующую версию формирования памятников типа Старые Юрковичи. В керамическом комплексе городища Сорочи выделяется два хронологических горизонта [Ильютин, Лошанков, 2008. С. 132]. Нижний содержит посуду раннего железного века с выразительными «милогроидными» чертами: горшки с округлым туловом, прямыми наклонёнными наружу венчиками, ямочным орнаментом в основании шейки. Но, в отличие от классических памятников мило-

градской культуры, эти сосуды часто покрыты штриховкой. Здесь также отсутствуют формы грузиков, характерные для милоградской культуры, состав же пряслиц и находка грузика дьякова типа подчёркивают связь жителей этого памятника с КПШК. Поздний горизонт сорочинского городища содержит импортную зарубинецкую посуду, а керамический комплекс в целом близок и, вероятно, синхронен материалам селищ в Озаричах и Старых Юрковичах [Бяліцкая, 2011. С. 127—128]. Рассматривая памятники Любаньского микрорегиона в рамках эволюционной цепочки, можно предположить, что жители левобережья Припяти являются потомками местного населения раннего железного века, связанного с милоградской культурой. Вероятно после распада последней в III в. до н.э., это население сохранялось на Припятском левобережье, и его культура постепенно трансформировалась в условиях пограничья, воспринимая элементы соседних культур.

На мой взгляд, характер керамического комплекса памятников типа Старые Юрковичи и Мотоль-20 не даёт оснований говорить о проникновении на левобережье Припяти около рубежа эр значительных групп зарубинцев или экспансии населения этой культуры вплоть до окраин КПШК (ср.: Бяліцкая, 2011а. С. 127, 129). Вероятно, южных городищ этой культуры достигали не выходцы из Турово-Пинского Полесья, а лишь влияния зарубинецкой культуры, опосредованные контактами с родственными КПШК группами населения Припятского левобережья.

Сейчас невозможно судить о том, в какой мере население, оставившее в Турово-Пинском Полесье памятники постзарубинецкого горизонта, являлось потомками носителей полесского варианта зарубинецкой культуры, и вклад в их формирование какого из компонентов (пограничных групп Припятского левобережья, или местного зарубинецкого) был более весом в демографическом и культурном аспектах. То есть: являлись ли жители селищ типа Курадово позднего или постзарубинецким населением в том смысле, который вкладывается в эти понятия разными исследователями.

Ключевым в проблеме интерпретации этих памятников является вопрос о механизме распространения в I в. северных, «лесных» культурных элементов в Турово-Пинском Полесье. Можно рассматривать ряд вариантов его решения. На мой взгляд, памятники типа Курадово, вероятнее всего, сформировались в ходе переселения из Северного Полесья в поречье Припяти жителей пограничья, использовавших селища типа Старые Юрковичи и Мотоль-20, и их смешения с частью прежнего населения, носителями зарубинецкой культуры. Натиск этих северных пограничных, групп, происходивший на фоне экологических изменений и распада общности латенизированных культур, собственно и мог стать одной из причин исчезновения памятников «классической» зарубинецкой культуры в Турово-Пинском Полесье и миграции её носителей, прежде всего — в юго-западном и западном направлениях¹¹.

¹¹ О возможности этого варианта развития событий, приведших к исчезновению памятников зарубинецкой культуры в Припятском Полесье, писал Д. А. Мачинский [Мачинский, 1976. С. 94—95].

Заключение

Естественно, при современном состоянии изучения проблемы представленные выше тезисы могут рассматриваться лишь в качестве гипотез самого предварительного характера.

Неясна дальнейшая судьба населения, оставившего памятники типа Курадово. Результаты раскопок в Давыд-Городке-2 и Курадово-1 указывают на то, что оба эти селища, вероятнее всего, прекратили существование около рубежа II—III вв. в связи с продвижением носителей вельбарской культуры. Присутствие последней прослеживается между устьем Ясельды и Горыни до конца римского периода; вместе с тем остаётся невыясненным, насколько плотными и стабильными здесь были вельбарские поселенческие структуры [Белевец, 2007а. С. 330—335; 2007б]; и, соответственно, — означало ли проникновение на земли среднего течения Припяти новой волны носителей центральноевропейских культурных традиций финал развития местной культуры?

Яркие свидетельства обратного были получены В. С. Вергей при раскопках 1988—1989 гг. на селище Струга-1 в нижнем течении р. Горынь. В культурном слое памятника преобладают материалы пражской культуры, к ней относятся также три исследованные здесь полуземляночные постройки. В заполнении же постройки №4, вместе с фрагментами груболепных горшков киевской или протопражской культурной традиции и тремя пряслицами биконической формы с широким отверстием, был найден фрагмент чернолощенной гончарной миски черняховской культуры, которая датирует этот объект в рамках середины III—IV в. Аналогичные материалы были выделены также в культурном слое памятника [Вергей, 2008. С. 243—244. Рис. 9; Белявец, 2007б. С. 139. Мал. 5]. Вероятно, к данному горизонту следует отнести и постройку №5, исследованную на этом памятнике в 2003 г. А. Н. Белицкой [Бялицкая, 2011]. Полученные на селище Струга-1 данные указывают на то, что в середине III—IV в. в белорусском Погорынье, входившем в зону расселения или активного влияния вельбарской и черняховской культур, сложилась некая форма культурного и политического сосуществования населения двух культурных кругов — «готского» и общности культур восточноевропейской лесной зоны. В верховьях Горыни факт синхронного проживания на одном памятнике населения обеих культурных традиций фиксируется по результатам раскопок селища Лепесовка [Щукин, 1989б].

Иная ситуация вырисовывается на восточных окраинах Турово-Пинского Полесья. В последних работах В. С. Вергей приводятся данные, свидетельствующие о том, что наиболее полно исследованные селища этого региона, такие как Снядин-3 и Петриков-2, использовались на протяжении всего железного века (от милоградской до пражской культуры), при этом на них не выявлено материалов вельбарской и черняховской культур. На этих памятниках выделяется как горизонт с керамикой, близкой к памят-

никам типа Курадово, так, вероятно, и более поздний посуда которого сравнима по морфологии и особенностям орнаментации с керамическим комплексом киевской культуры, прежде всего — типа Абидни [Вергей, 2008; Вяргей, 2011]. До настоящего времени эти материалы были выявлены преимущественно в культурном слое многослойных памятников или объектах, лишённых чётких датирующих материалов. Общая культурная атрибуция и круг аналогий, устанавливаемый для допражского керамического материала этих селищ не вызывает возражений, но отсутствие выразительных датирующих находок заставляет с осторожностью относиться к определению их хронологической позиции.

Обобщая анализ данных по памятникам традиций восточноевропейской лесной зоны I—IV вв. с территории Центрального Полесья, в белорусской археологии В. С. Вергей и А. Н. Белицкая сформулировали гипотезу о том, что в III—IV вв. развитие традиций памятников типа Курадова явилось основой или одним из важных источников формирования в Припятском Полесье пражской культуры [Вергей, 2008. С. 244; Вяргей, 2011. С. 42; Бялицкая, 2011в. С. 55; см. также: Гавритухин, 2003; 2009; Белявец, Вяргей, 2002. С. 12—13].

Таким образом, теория, заполняющая «полесское белое пятно», блестяще сформулированная более тридцати лет назад М. Б. Щукиным и Д. А. Мачинским как уравнение со многими неизвестными, в настоящее время имеет ряд аргументов подтверждающих её верность. Вместе с тем практическое изучение памятников позднезарубинецкого круга в белорусском Припятском Полесье лишь начинается. И, исходя из анализа имеющихся материалов, лишь два тезиса могут формулироваться вполне доказательно:

1. В среднем течении Припяти существуют памятники середины I — рубежа II/III вв., заполняющие «поздзарубинецкую лагуну» в историко-культурном развитии этого региона — памятники типа Курадово. Синхронные им культурно родственные материалы выявляются на большей части Белорусского Полесья.

2. Культура населения, оставившего памятники типа Курадово, сочетает черты полесского варианта зарубинецкой культуры и круга «городищенских» культур восточноевропейской лесной зоны. Как с точки зрения хронологии, так и по характеру материальной культуры эти памятники следует включать в состав позднезарубинецкого историко-культурного горизонта.

Проблемы формирования этой группы памятников и судьбы оставившего его населения далеки от разрешения и требуют существенного пополнения базы источников. Успехи в изучении памятников позднезарубинецкого культурного круга в Припятском Полесье в немалой степени будут зависеть также от развития исследований по смежным темам: раннему железному веку на левобережье Припяти, зарубинецкой, вельбарской и пражской культурам.

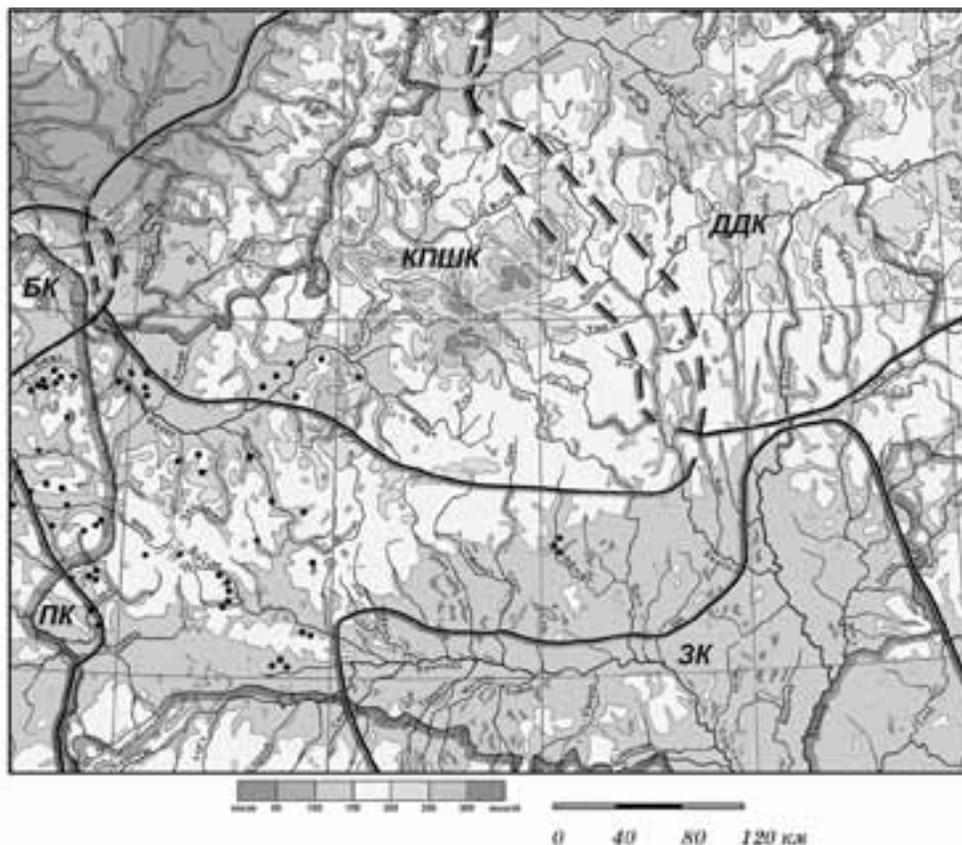
Літэратура

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г1-12. Москва, 1975.
- Арион О. В., Башкатов Ю. Ю., Обломский М. М., Терпиловский Р. В. У истоков славянства // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины. Сер. РСМ. Вып. 12. Москва, 2010. С. 93—110.
- Башкатов Ю. Ю., Земцов Г. Л. Топография и планировка поселений, типы построек // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины. Сер. РСМ. Вып. 12. М., 2010. С. 67—92.
- Белявец В., Егарэйчанка А. Фібула з Чэрніч — рэдкі правінцыйнарымскі імпорт // МАБ. Вып. 3. Мінск, 2002. С. 250—254.
- Белявец В. Грунты могілнік у Трасцяніцы — невядомыя вынікі раскопак Палескай экспедыцыі 1962 г. // ГАЗ. № 19. Мінск, 2004а. С. 87—114.
- Белявец В. Беларускае Заходняе Палессе ў перыяд правінцыйнарымскіх уплываў — стан і перспектывы даследаванняў // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004b. С. 227—265.
- Белевец В. Г. К изучению памятников вельбарской культуры в Беларуси // Nowe materiały i interpretacje. Stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej. Gdańsk, 2007a. С. 293—344.
- Белявец В. Г. Насельніцтва вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вывучэння // ГАЗ. № 23. Мінск, 2007б. С. 124—143
- Белявец В. Г., Вяргей В. С. Курадава-1 — шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Палесся // МАБ. № 5. Мінск, 2002(2008). С. 5—24.
- Белявец В., Вяргей В. Матэрыялы перыяду рымскіх уплываў з паселішча Курадава-1 // ГАЗ. № 20. Мінск, 2005. С. 87—106.
- Булкин В. А. Некоторые данные об исторической географии Центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 5—8.
- Булкин В. А., Герд А. С. К этноисторической географии Белоруссии // Славяне. Этногенез и этническая история. Ленинград, 1989. С. 67—75.
- Бяліцкая Г. М. Хатомель — паселішча зарубінецкай культуры ў нізоўях р. Гарынь // ГАЗ. № 9. Мінск, 1996. С. 94—118.
- Бяліцкая Г. М. Тыпалогія гаршкоў з паселішча зарубінецкай культуры Хотамель-2 // ГАЗ. № 17. Мн., 2002. С. 44—53.
- Бяліцкая Г. М. Помнік перыяду рымскіх уплываў у нізоўях р. Гарынь // ГАЗ. № 21. Мінск, 2006. С. 107—123.
- Бяліцкая Г. Тыпалогія місак з паселішча зарубінецкай культуры Хотамель 2 // Матэрыялы і даследавання з археологіі Прикарпаття і Волині. Вып. 11. Львів, 2007. С. 121—130.
- Бяліцкая Г. М. Аб зарубінецкім кампаненце ў левабярэжжы Прыпяці // МАБ. Вып. 20. Мінск, 2011а. С. 126—142.
- Бяліцкая Г. М. Тапаграфія і забудова паселішчаў зарубінецкай культуры ў Прыпяцкім Палессі // ГАЗ. Вып. 26. Мінск, 2011б. С. 152—169.
- Бяліцкая Г. М. Матэрыялы з жылга 5 паселішча Струга-1 // AAA. Vol. VII. Мінск, 2011в. С. 51—67.
- Вергей В. С. Изучение памятников железного века // Белорусская археология: достижения археологов за годы советской власти. Минск, 1987. С. 49—78.
- Вяргей В. С. Археалогія ранніх славян на тэрыторыі Беларусі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004. S. 278—304.
- Вергей В. С. Пражская культура в Беларуси // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005. S. 487—502.
- Вергей В. С. Белорусское Полесье в римский период и в начале эпохи Великого переселения народов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. С. 238—256.
- Вяргей В. С. Гарызонт жалезнага веку на паселішчы Снядзін-3 на рацэ Прыпяць // AAA. Vol. VII. Мінск, 2011. С. 34—50.
- Вяргей В. С., Трымер В. Раннеславянскае паселішча Петрыкаў-2 на р. Прыпяць // ГАЗ. № 18. Мінск, 2003. С. 151—187.
- Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3: Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997. С. 39—52.
- Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // ГАЗ. № 18. Мінск, 2003. С. 123—138.
- Гавритухин И. О. Комплексы пражской культуры с датированными вещами // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005. S. 403—461.
- Гавритухин И. О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Сер. ТГЭ. Т. XLIX. СПб, 2009. С. 7—25.
- Гавритухин И. О., Лопатин Н. В., Обломский А. М. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья: (тезисы к концепции славянского этногенеза) // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С. 39—50.
- Гороховський Е. Л. Підковоподібні фібули Середнього Пдніпров'я з виімчастою емаллю // Археологія. № 38. Київ, 1982. С. 16—35.
- Гурин М. Ф. Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. № 15. Мінск, 2000. С. 24—39.
- Дзяменцьеў В. А. Прыпяцкае Палессе // Беларуская савецкая энцыклапедыя. Мінск, 1975. Т. 8. С. 603.
- Дубицкая Н. Н. Тэхналагічныя прыёмы вытворчасці посуду на зарубінецкім паселішчы Дражня ў Верхнім Падняпроўі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. № 2. Мінск, 1988. С. 64—70.
- Дубицкая Н. Н. Раннеславянское селище на р. Птичь // Старажытнасці Бабруйшчыны. Вып. 1. Мінск; Бабруйск, 1998а. С. 5—17.
- Дубицкая Н. Н. Раскопки селища в д. Симоновичи Глусского района Могилёвской области // Старажытнасці Бабруйшчыны Вып. 2. Мінск; Бабруйск, 1998б. С. 31—38.

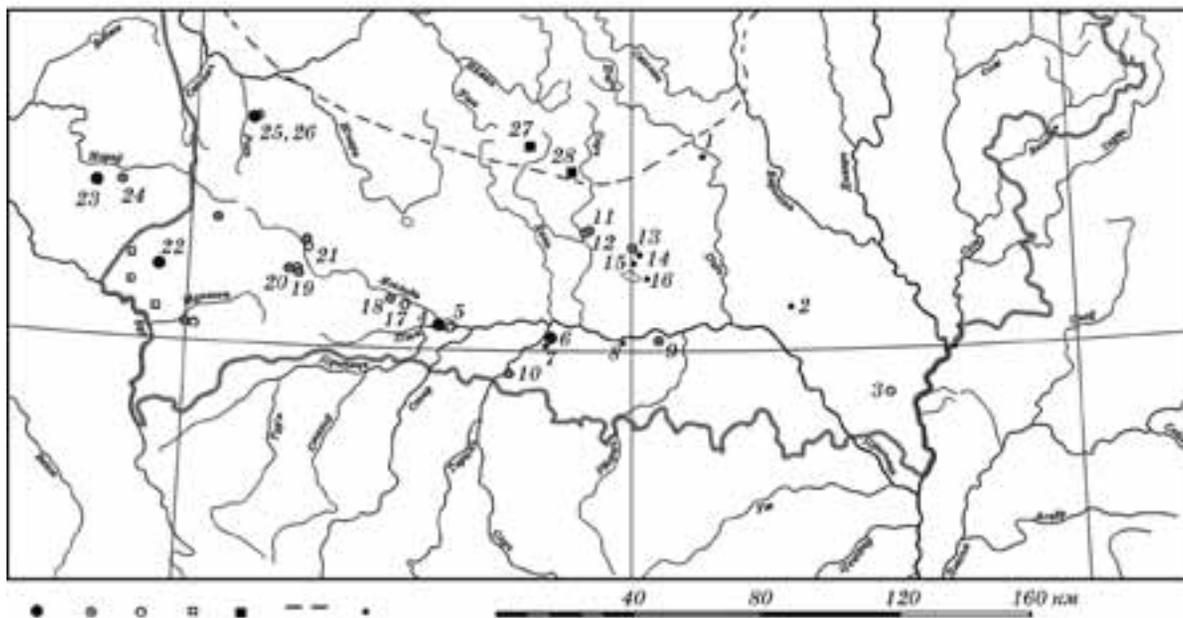
- Дубицкая Н. Н. Поселение Симоновичи на р. Птичь // Славянский мир Полесья в древности. Гомель, 2004. С. 66—75.
- Дубицкая Н. Н. Полуземляночные постройки селища Тайманово // ГАЗ. № 26. Минск, 2011а. С. 84—96.
- Дубицкая Н. Н. Изучение древностей I тысячелетия н.э. в Белорусском Поднепровье // ГАЗ. № 25. Минск, 2011б. С. 239—242.
- Егорейченко А. А. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII—VI вв. до н. э. — II в. н. э.). Минск, 1996.
- Егарэйчанка А. А. Зарубінецкая культура // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і раньняе сярэднявечча. Мінск, 1999а.
- Егарэйчанка А. А. Культура штрыхаванай керамікі // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і раньняе сярэднявечча. Мінск, 1999б.
- Егорейченко А. А. Зарубинецкое селище в Давид-Городке // Stratum plus. № 4. 2000. С. 66—73.
- Егорейченко А. А. Белорусское Полесье в первой половине I тыс. н.э. // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С. 76—81.
- Егорейченко А. А. Историческая ситуация в белорусском Полесье и прилегающих регионах в первой половине I тыс. н.э. // Archeologia o roszątkach Słowian. Kraków, 2005. S. 479—486.
- Егорейченко А. А. Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.
- Зайкоўскі Э. М. Новыя знаходкі бронзавых рэчаў з выемчатымі эмалямі // МАБ. Вып. 20. Мінск, 2011. С. 165—12.
- Залашко Г. М., Ерёмченко В. Е. Новый зарубинецкий могильник в Полесье // СА. 1984. № 2. С. 234—239.
- Ильютюк А. В. Керамика городищ железного века бассейна Березины // ГАЗ. № 13. Минск, 1998а. С. 25—39.
- Ильютюк А. В. Селище Дедново на Березине // Старажытнасці Бабруйшчыны. Вып. 1. Мінск; Бабруйск, 1998б. С. 26—42.
- Ильютюк А. В. Новые материалы с раскопок Дедновского поселения в Бобруйске // Старажытнасці Бабруйшчыны. Вып. 2. Мінск; Бабруйск, 1998в. С. 49—70.
- Ильютюк А. В. О датировке и культурной принадлежности ранних городищ железного века в бассейне Березины // ГАЗ. № 17. Минск, 2002. С. 35—41.
- Ильютюк А. В., Лошанков М. И. Сорочи — поселение на р. Оресе // МАБ. Вып. 8. Мінск, 2003. С. 127—152.
- Ильютюк А. В., Поболь Л. Д. Пряслица второй четверти I тыс. н.э. с селища Абидня // МАБ. Вып. 9. Мінск, 2005. С. 106—111.
- Ильютюк А. В., Поболь Л. Д. Керамика Абидни // МАБ. Вып. 14. Мінск, 2007. С. 18—36.
- Ильютюк А. В., Поболь Л. Д. Бусы поселения Абидня // ГАЗ. № 25. Мінск, 2010. С. 244—260.
- Каспарова К. В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА. 1976а. № 3. С. 128—140.
- Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержици и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. Вып. 17. Л., 1976б. С. 35—66.
- Каспарова К. В. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культура Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986. С. 5—26.
- Каспарова К. В. Зарубинецкое поселение Ремель в Белорусском Полесье // АСГЭ. Вып. 28. Л., 1987. С. 52—71.
- Каспарова К. В. Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в припятском Полесье // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1989. Т. 2. S. 263—282.
- Крывальцэвіч М. М. Мяцявичы // Археалогія Беларусі. Т. 2. Мн., 2011. С. 113—114.
- Крэнке Н. А., Румянцева О. С. Стекланные бусы Дьякова городища // РА. 2008. № 2. С. 96—106.
- Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. Сер. САИ. Вып. Д1-29. М., 1961.
- Лебедев Г. С. К Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Ленинград, 1989. С. 105—114.
- Лопатин Н. М. Карта памятников типа Узмень-Заозерье // Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Warszawa; Lublin, 2003. S. 453—459.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III—V веках н.э. Сер. РСМ. Вып. 8. М., 2007.
- Лошенко М. И., Барцева Т. Б. К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // ГАЗ. № 6. Мінск, 1995. С. 78—104.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. С. 106—122.
- Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках // АСГЭ. Вып. 17. Л., 1976. С. 82—100.
- Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I—VII вв. н.э. по письменным и археологическим источникам // Acta Archaeologica Carpatica. Т. 16. 1976. С. 59—94.
- Мачинский Д. А. Миграции славян в I тыс. н.э. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 31—52.
- Мачинский Д. А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н.э. — XI в. н.э. (контуры концепции) // Славяне: этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 76—105.
- Мачинский Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VII — середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого света. ТГЭ. Т. XLIX. Спб., 2009. С. 460—538.
- Медведев А. М. Посоховидные булавки // ГАЗ. № 7. Мінск, 1995. С. 172—201.
- Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тыс. до н.э. — 5 в. н.э.). Минск, 1996.
- Медведев А. М. Материалы так называемой «познезарубинецкой культуры» в Белорусском Понеманье // Ceramika zachodniebałtyjska: nowe źródła i interpretacje. Białystok, 2004. S. 115—121.

- Медведев А. М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск, 2011.
- Мядзведзеў А. М. Кіеўская культура // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 290—298.
- Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978.
- Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н.э. Москва; Сумы, 1991.
- Обломский А. М. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. Москва, 1993. С. 40—52.
- Обломский А. М. О характере миграций населения центральной и южной Беларуси в лесостепь в римское время // ГАЗ. № 10. Мінск, 1996. С. 26—32.
- Обломский А. М. Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья // *Archeologia o poszatkach Słowian*. Kraków, 2005. S. 137—156.
- Обломский А. М. Введение // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины. РСМ. Вып. 12. М., 2010а. С. 5—7.
- Обломский А. М. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины. Сер. РСМ. Вып. 12. М., 2010б. С. 16—35.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экологические и идеологические причины (препринт). Киев, 1990.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.
- Поболь Л. Д. Поздний этап зарубинецкой культуры // Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970.
- Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии: свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э. Минск, 1974.
- Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: железный век. Минск, 1983.
- Поболь Л. Д., Дубицкая Н. Н., Пилипцевич В. В. Могильник у деревни Тайманово // МАБ. Вып. 8. Минск, 2003. С. 28—50.
- Поболь Л. Д., Дубицкая Н. Н. Полуземляночные постройки на поселении Тайманово (по материалам построек № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12) // МАБ. Вып. 27. Минск, 2009. С. 38—51.
- Поболь Л. Д., Ильютук А. В. Жилища второй четверти I тыс. н.э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1960 г.) // МАБ. Вып. 3. Минск, 2001. С. 102—153.
- Поболь Л. Д., Ильютук А. В. Жилища второй четверти I тыс. н.э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1962, 1965, 1966 гг.) // МАБ. Вып. 5. Минск, 2002а. С. 124—142.
- Поболь Л. Д., Ильютук А. В. Поселение Абидня: Постройки 1, 2, 4, 5. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 4. Москва, 2002б. С. 54—74.
- Поболь Л. Д., Ильютук А. В. Могильник Абидня в Верхнем Поднепровье // МАБ. Вып. 8. Мінск, 2003. С. 61—70.
- Радюш О. А. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения зарубинецкой культуры // ВА. Вып. 2. М., 2011. С. 6—31.
- Радюш О. А., Скворцов К. Н. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // *Germania-Sarmatia*. Калининград, 2008. С. 122—157.
- Рассадин С. Е. «Samo serce słowiańszczyzny» или сюрпризы так называемой славянской прародины // МАБ. Вып. 9. Мінск, 2005. С. 5—7.
- Рассадин С. Е. Первые славяне. Мн., 2008.
- Румянцева О. С. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // Городцовские чтения. Т. II. Труды ГИМ. Вып. 45. Москва, 2005. С. 268—282.
- Смирнов К. А. Вещевой комплекс дьяковских городищ // Дьяковская культура. Москва, 1974. С. 28—76.
- Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев, 1984.
- Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Сер. Monumenta Studia Gothica. Т. III. Lublin, 2004.
- Терпиловский Р. В. Историография древностей позднезарубинецкого периода // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины. Сер. РСМ. Вып. 12. М., 2010. С. 8—15.
- Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев, 1992.
- Фурасьев А. Г. О роли миграции в этногенезе славян // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Сер. ТГЭ. Т. XLIX. Спб., 2009. С. 26—38.
- Щукин М. Б. Археологические данные о славянах II—IV вв. Перспективы ретроспективного метода // АСГЭ. Вып. 17. Л., 1976. С. 67—81.
- Щукин М. Б. Горизонт Рахны—Почеп: причины и условия образования // Культуры восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 26—38.
- Щукин М. Б. О трёх путях археологического поиска ранних славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. Вып. 28. Л., 1987. С. 103—118.
- Щукин М. Б. Керамика Киевского типа с поселения Лепесовка // СА. 1988. № 3. С. 207—214.
- Щукин М. Б. Семь миров древней Европы и проблема славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Ленинград, 1989. С. 56—61.
- Щукин М. Б. Поселение Лепесовка: вельбарк или черняхов? // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Lublin, 1989. Т. II. S. 195—215.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Щукин М. Б. Рождение славян // *Stratum: структуры и катастрофы*. Кишинёв, 1997. С. 110—147.
- Щукин М. Б. Готский путь: готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Щукин М. Б. Реплика по поводу киевской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Спб., 2009. С. 546—551.

- Almgren O. Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrussischen Formen. Leipzig, 1923.
- Andrzejowski J. Powiązania kultur przeworskiej i wielbarskiej w świetle znalezisk branzolet // *Kultura przeworska*. Tom I. Lublin, 1994. S. 317—342.
- Andrzejowski J. Ciekawe materiały z okresu rzymskiego znalezione w Czuprynowie w woj. Białostockim // *Nunc de suebis disendum est: studia dedukowane profesorowi Jeżemu Kolendo w 60-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowej*. Warszawa, 1995. S. 35—46.
- Andrzejowski J. Hryniewiczze Wielkie — cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // *Comhlan: studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65 rocznicę urodzin*. Warszawa, 1999. S. 17—60.
- Andrzejowski J. Wschodnia strefa kultury przeworskiej — próba defenicy // *WA. T. LIV*. Warszawa, 2001. S. 59—87.
- Andrzejowski J. Wykaz stanowisk z okresu rzymskiego // *Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa, 2005. S. 17—31.
- Beljavec V. Środkowolateński grób z płaskiego cmentarzyska w Radości Kamienieckiej w Zachodniej Białorusi // *WA. T. (Vol.) LV*, Warszawa, 1999—2001. S. 47—54.
- Beljavec V. Die römischen Importe des südlichen Weissrusland. Eine Untersuchung vor dem Hintergrund der kulturellen Entwicklungen des 1—4 Jahrhunderts // *JRGZM. Bd. 56*. Mainz, 2009. S. 1—29.
- Corpus der römischen Funden im Europäischen Barbaricum. Litauen. Bearbeitet von M. Michelbertas. Vilnius, 2001.
- Dąbrowska T. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim // *MSW. T. II*. Warszawa, 1973. S. 127—248.
- Dąbrowska T. Materiały kultury zarubinieckiej z ziem polskich // *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski*. Warszawa, 2004. S. 209—226.
- Olczak H. Ceramika kreskowana na obszarze dorzecza górnej Narwi. Materiały z badań Instytutu Archeologii i Etnologii PAN (Warszawa) nad osadnictwem wczesnej epoki żelaza i okresu wpływów rzymskich w latach 1990—2005 // *Ceramika bałtyjska. Nradycje i wpływy*. Białystok, 2009. S. 249—280.
- Godłowski K. Strefy kulturowe w okresie rzymskim w Europie Środkowej // *ZNUJ. Prace Archeologiczne. Z. 22*. 1976. S. 13—38.
- Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem ropowszechnienia słowian w V—VII w.n.e. Kraków, 1979.
- Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w Południowej i Środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich // *PKA. № 23*. 1985. S. 1—213.
- Godłowski K. Spór o słowian // *Narodziny średniowiecznej Europy*. Warszawa, 1999. S. 52—85.
- Hauptmann T. Studien zu den Dreisprossenfibeln // *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren*. Cep. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5. Wünsdorf, 1998. S. 159—173.
- Kaczanowski P. Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków, 1995.
- Karczewska M. Ceramika o powierzchni kreskowanej z międzyrzecza Biebrzy i Narwi // *Ceramika bałtyjska. Nradycje i wpływy*. Białystok, 2009. S. 231—248.
- Krasnodebski D., Olczak H. Osada z ceramiką sztrychowaną z późnego okresu lateńskiego i wczesnego okresu wpływów rzymskich z miejscowości Suraż, st. 37 // *Badania archeologiczne w Polsce Północno-Wschodniej i na Zachodniej Białorusi w latach 2000-2001*. Białystok, 2002. S. 215—224.
- Kunow J. Die Hauptserie der Augenfibel: Gruppe III, Fig. 45—54 // *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren*. Cep. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd 5. Wünsdorf, 1998. S. 93—118.
- Lund-Hansen U. Römische import im Norden. København, 1987.
- Lund-Hansen U. Perlen und Perlenmode — Perlen als sozialer und familiärer Indikator // *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Maczyńskiej w 65. rocznicę urodzin*. Łódź; Warszawa, 2010. S. 87—95.
- Machajewski H. Die Fibeln der Gruppe V, serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas // *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren / Cep. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*. Wünsdorf, 1998. T. 5. S. 187—196.
- Madyda-Legutko R. Die Gürtelschalen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. BAR. International Series. № 360. Oxford, 1986.
- Mączyńska M. Der frühvölkerwanderungszeitliche Hortfund aus Łubiana, Kreis Kościerzyna (Pommern). BRGK. Bd. 90. Mainz, 2009.
- Michelbertas M. Senasis geležies amžius Lietuvoje (I—IV a.). Vilnius, 1986.
- Pietrzak M. Pruszcz Gdański-10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern. Kraków, 1997.
- Rusin K. Wstępne wyniki badań dwóch kurhanów z późnego okresu rzymskiego w Grodach Starych, gm. Poświętne, woj. białostockie // *20 lat archeologii w Masłomęczu*. T. I. Lublin, 1998a. S. 189—209.
- Rusin K. Ślady osadnictwa kultury ceramiki kreskowanej na stanowisku I w Grodach Starych, woj. białostockie (w oparciu o materiał ceramiczny) // *Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początku ery nowożytnej*. Białystok, 1998b. S. 215—224.
- Skorupka T. Kowalewko 12. Cmentarzysko brytualne ludności kultury wielbarskiej. Archeologiczne badania ratownicze wzdłuż gazociągu tranzytowego. T. III. Cz. 3. Poznań, 2001.
- Tempelmann-Mączyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Cep. Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 43. Mainz am Rhein, 1986.
- Wołagiewicz R. Kultury wielbarska i oksywska // *Prahistoria ziem polskich. T. 5: Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław, 1981. S. 135—178.
- Wołagiewicz R. Ceramika kultury Wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szczecin, 1993.

Карта 1. Культурная ситуация на территории Белоруссии и прилегающих регионов около рубежа эр. КПШК — культура поздней штрихованной керамики; ЗК — зарубинецкая культура; ДДК — днепро-двинская культура; ПК — пшеворская культура; БК — богачевская культура; • — памятники со штрихованной керамикой. По: Olczak, 2008; Karczewska, 2008; Медведев, 2011, с дополнениями

Карта 2. Культурная ситуация на территории юга Белоруссии и в прилегающих регионах в постзарубинецкий период, а также пункты, упоминаемые в статье.

■ — памятники позднезарубинецкого круга; □ — памятники с находками фрагментов сосудов украшенных расчёсами □ — места обнаружения вещей раннеримского времени; □ — памятники пшеворской культуры; ■ — городища КПШК; — — — южная граница распространения городищ КПШК; • — другие памятники и местонахождения, упоминающиеся в статье.

1 — Симоновичи; 2 — Козловичи; 3 — Лиски; 4 — Курадово; 5 — Площево; 6 — Давыд-Городок-2; 7 — Отвержичи; 8 — Черничи; 9 — Снядин-3; 10 — Викоровичи; 11 — Метявичи; 12 — Зажевичи; 13 — Любань; 14 — Сорочи; 15 — Старые Юрковичи; 16 — Озерное; 17 — Мерчицы; 18 — Мотоль-20; 19 — Сигневичи; 20 — Ревятичи; 21 — Заречье; 22 — Радость; 23 — Гриневичи Вельке; 24 — Кутова; 25,26 — Красносельск; 27 — Мысли; 28 — Ивань

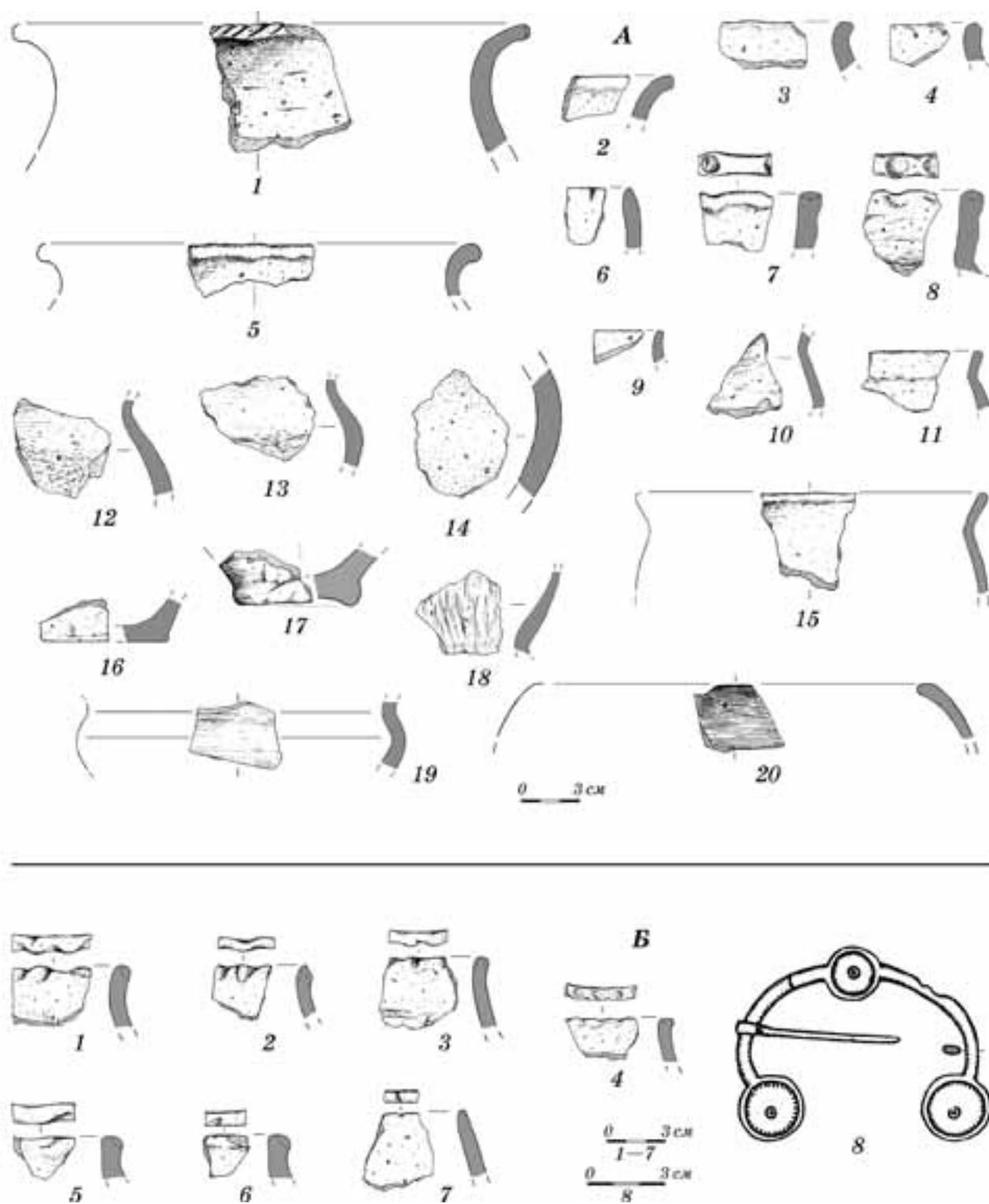

Рис. 1.

А. Фрагменты глиняной посуды с селища Козловичи.

Б. Находки с городища Лиски.

1–7 — фрагменты глиняной посуды; 8 — фибула из сплава меди. (По: Лошенко, Барцева, 1995)

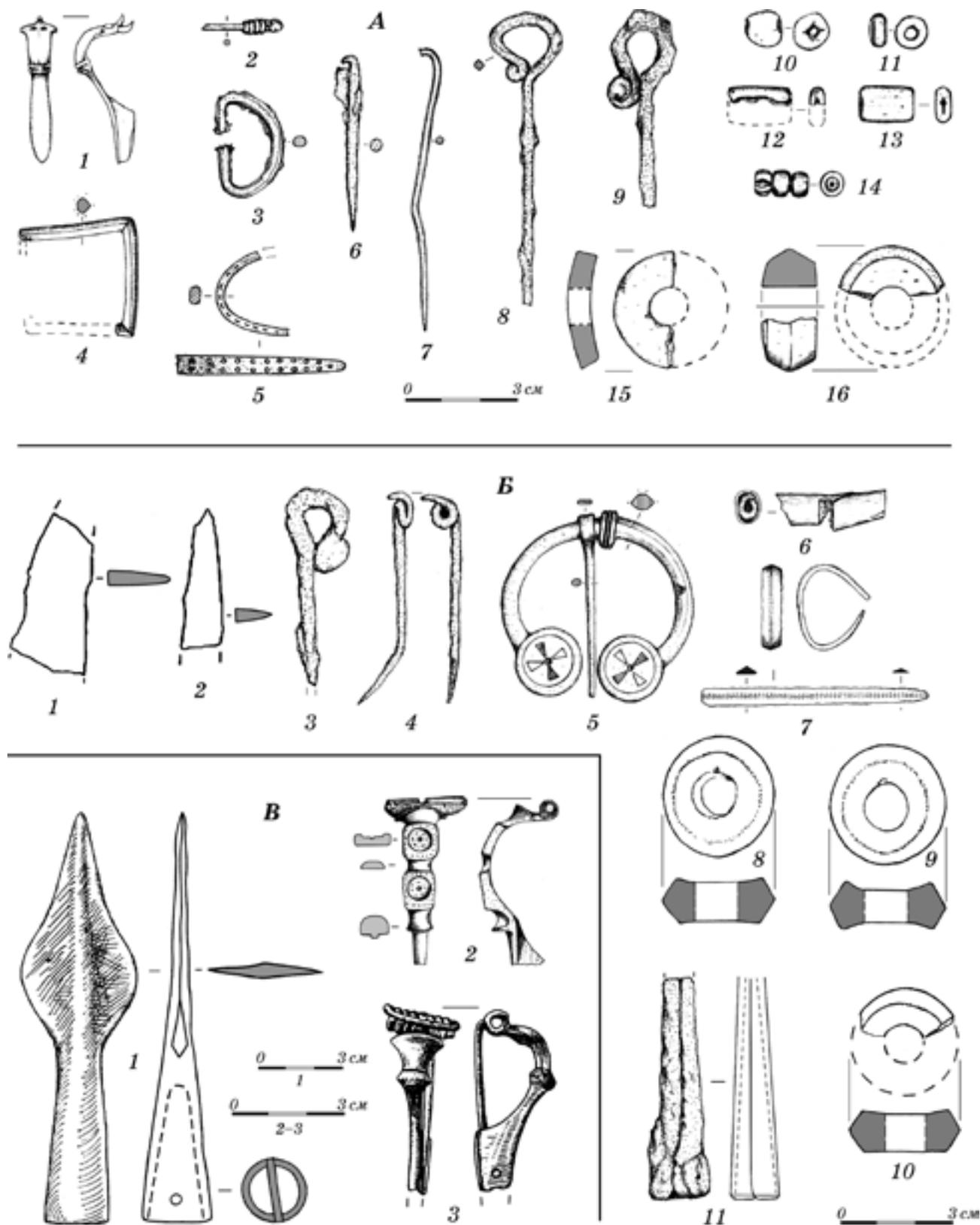

Рис. 2. Вещи раннеримского времени с памятников Турово—Пинского Полесья.

А — с селища Курадово-1, Б — с селища Давыд-Городок-2, В1 — с могильника в Давыд-Городке, В2 — находка из Чернич, В3 — с могильника Отвержичи.

А: 1, 3–5, 7, Б: 7, В: 2, 3 — сплав меди; А: 2, Б: 6 — сплав меди и железа; Б: 5 — сплав меди и эмали; А: 6, 8, 9, Б: 1–4, 11, В: 1 — железо; А: 10–13 — стекло; А: 14 — стекло и серебряная фольга; А: 15, 16, Б: 8–10 — глина.

Б: 1, 2, 8–10, В: 1 — рис. А. Н. Белицкой; В: 3 — по: Кухаренко, 1961

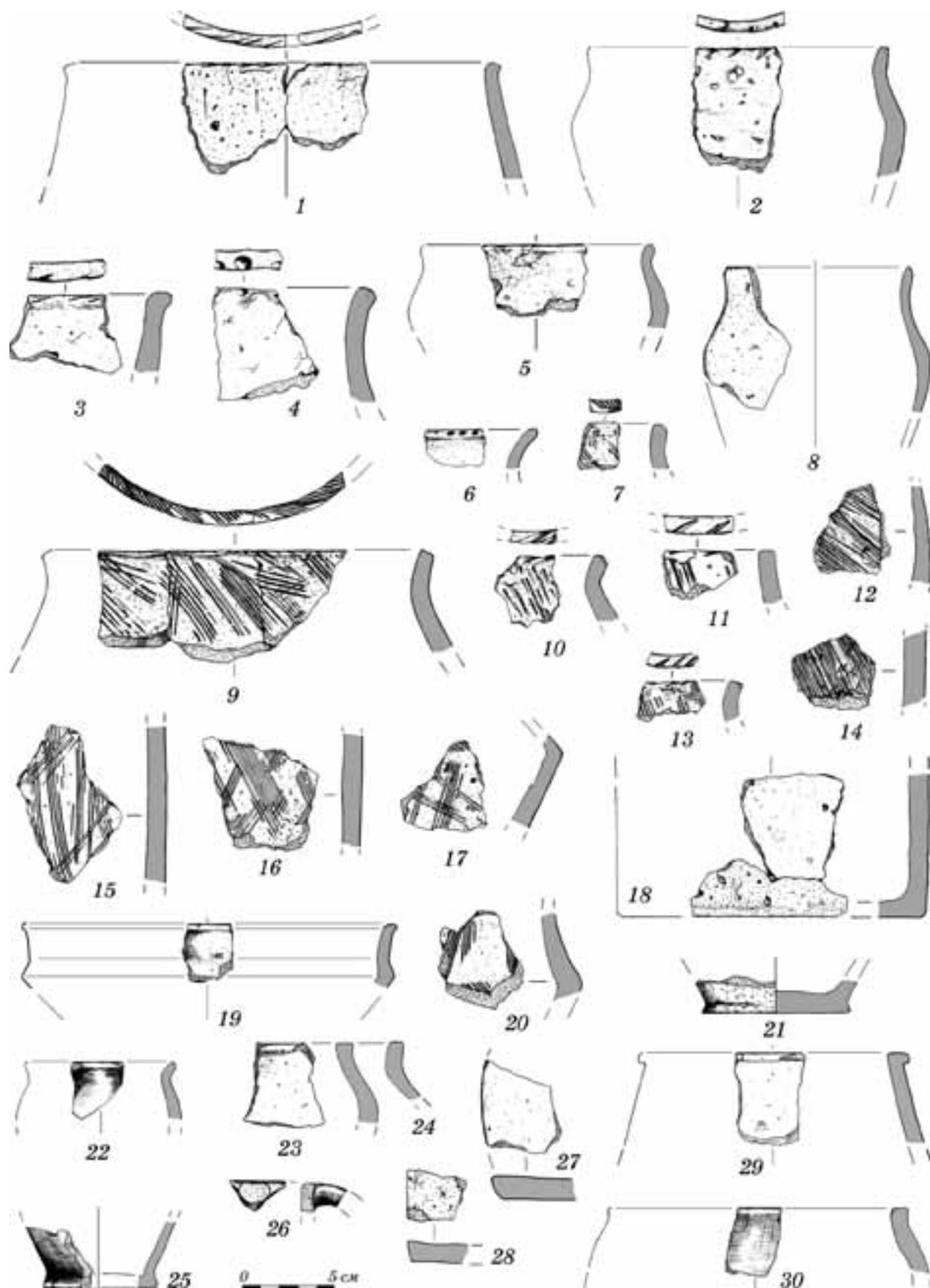

Рис. 3. Фрагменты глиняной посуды с селища Курадово-1

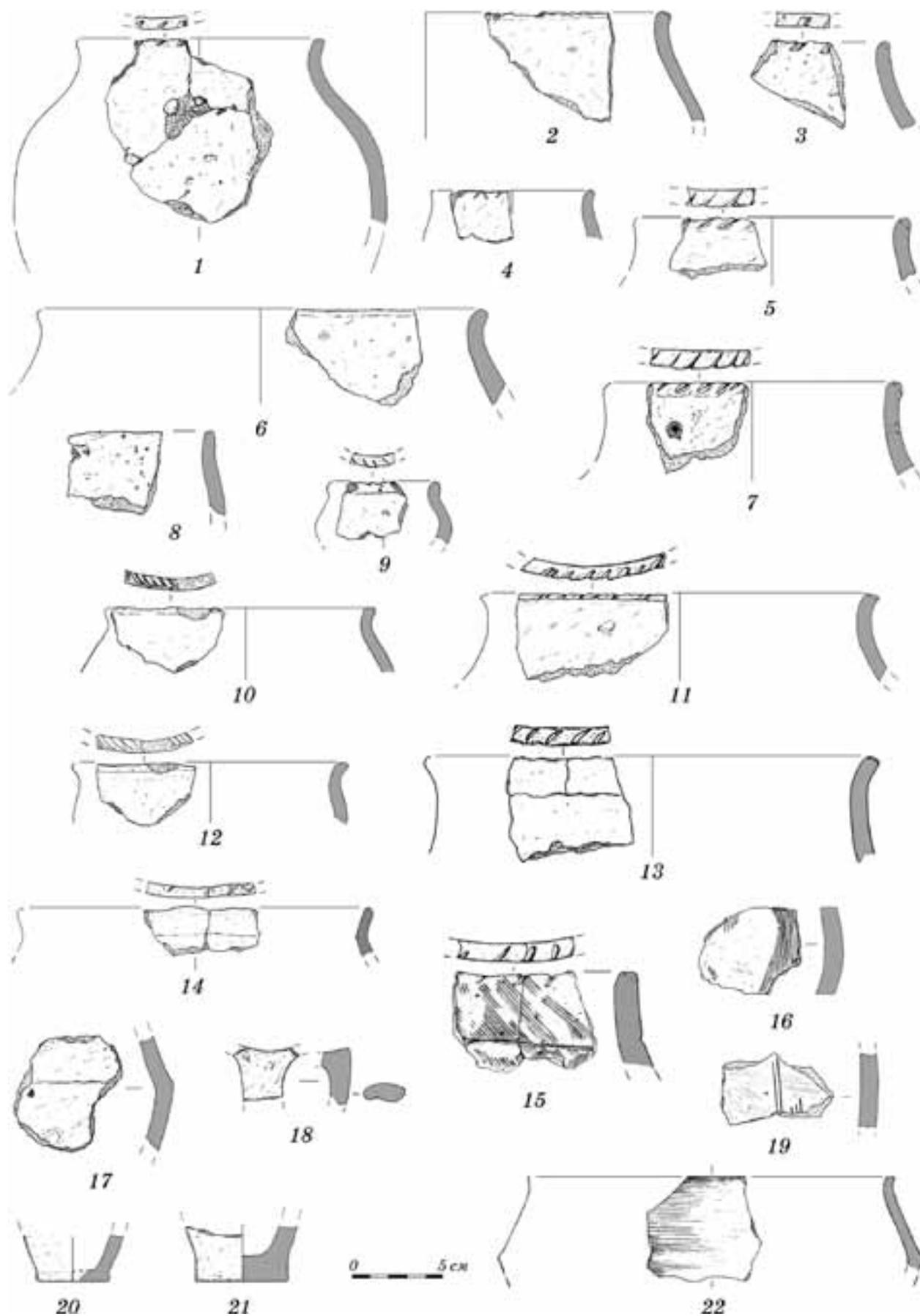

Рис. 4. Фрагменты глиняной посуды с селища Давыд-Городок-2.
По: Бяліцкая, 2006

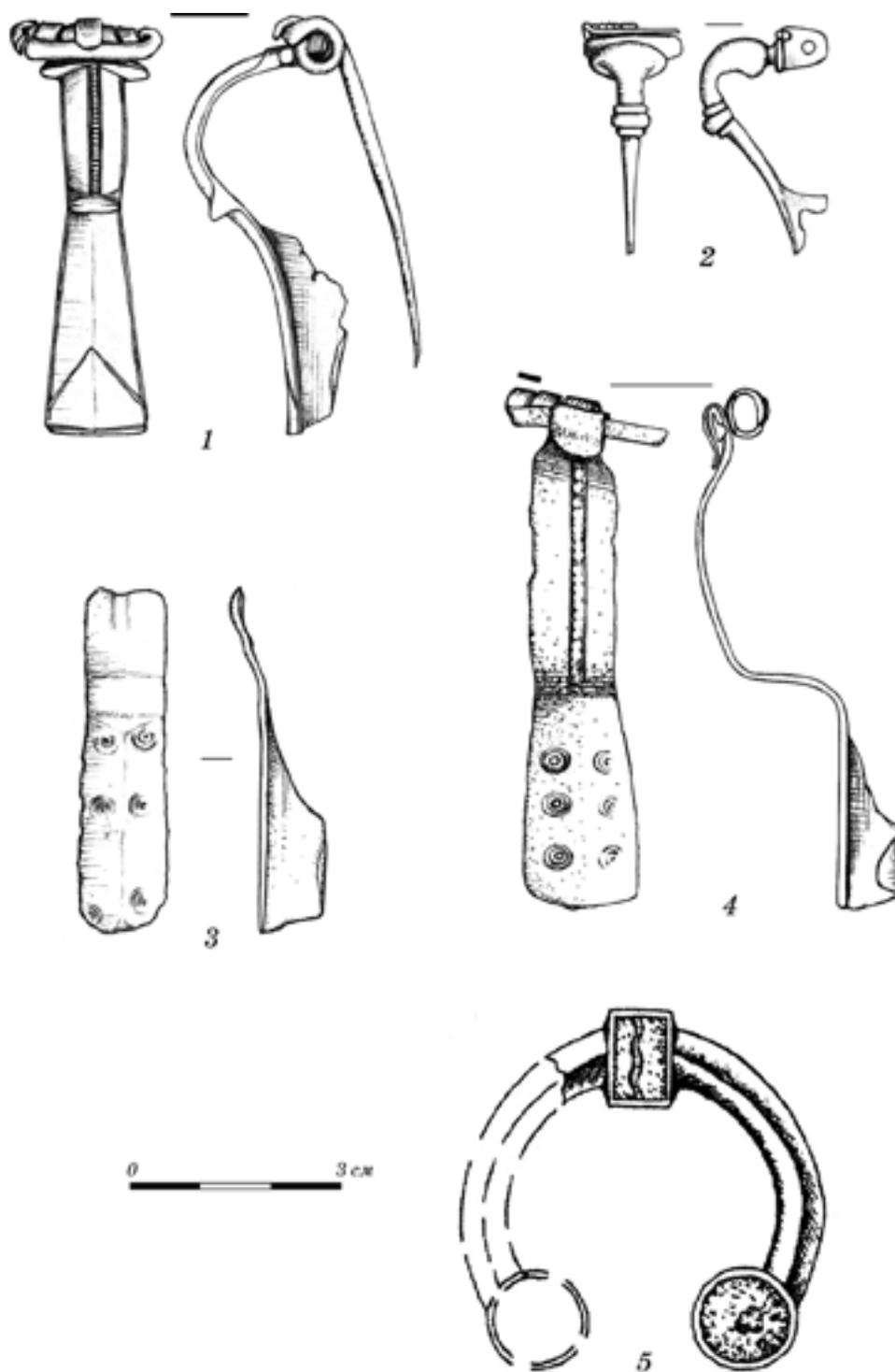

Рис. 5. Фибулы раннеримского времени с левобережья Припяти.

1, 2 — Площеве; 3 — Мерчицы; 4 — Метявичи; 5 — Сигневичи.

1—4 — сплав меди; 5 — медный сплав и эмаль.

5 — по: Зайкоўскі, 2011

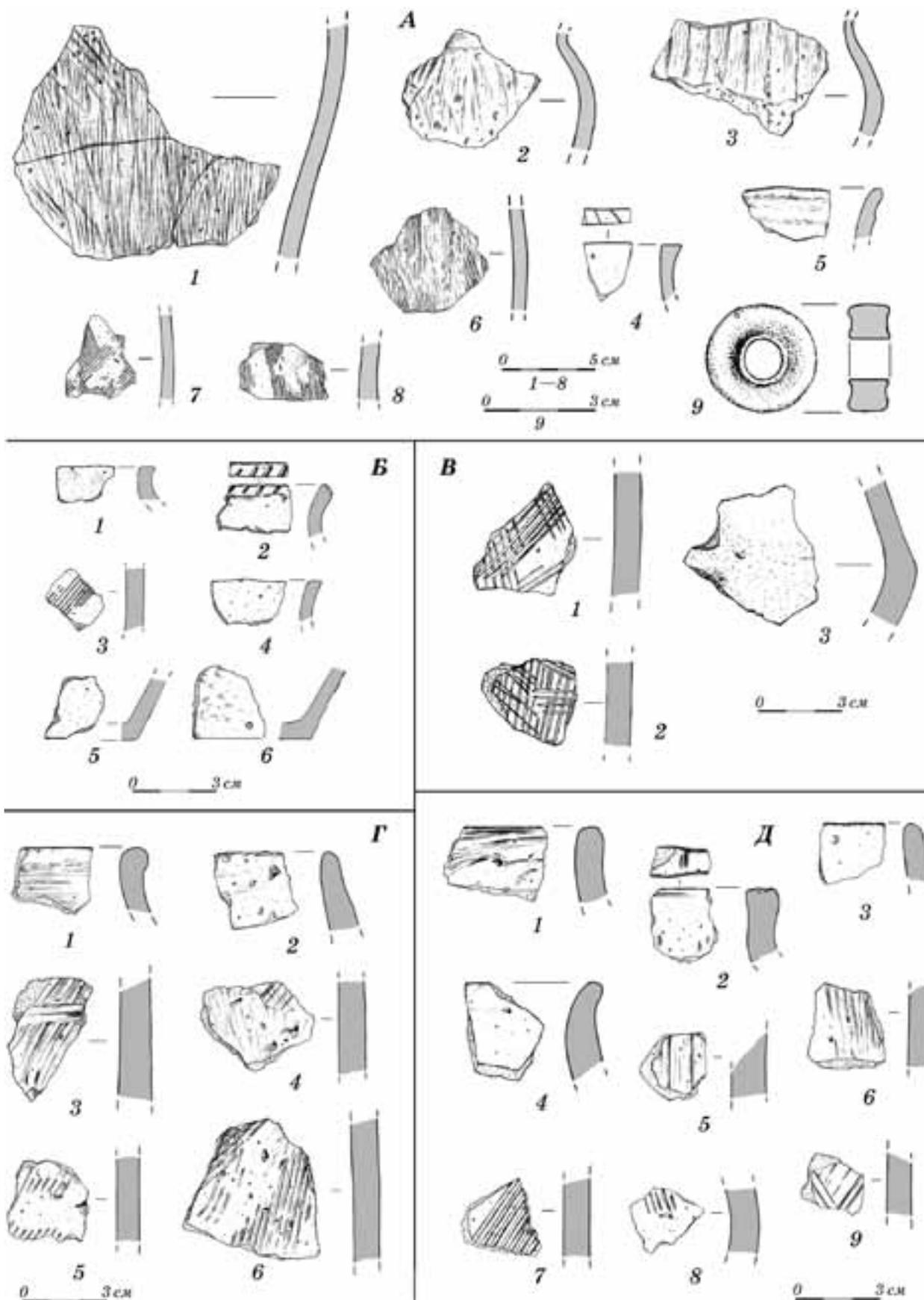

Рис. 6. Находки на памятниках Центрального Полесья.

А — Любань; Б — Зажевичи; В — Викаровичи; Г — Ревятичи; Д — Сигневичи. Всё — глина

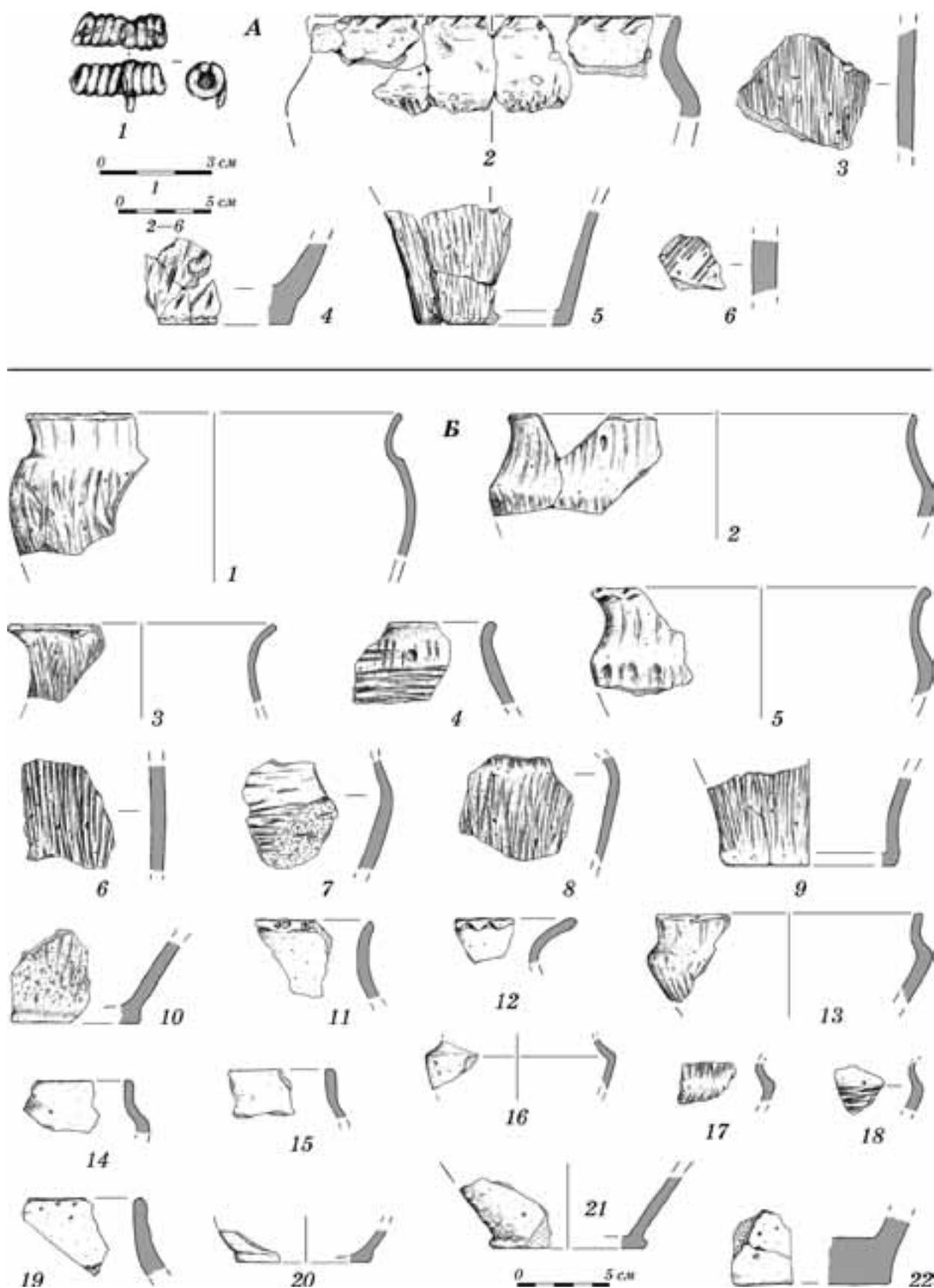

Рис. 7. Находки на памятниках Центрального Полесья.
 А — Мотоль-20; Б — Озерное. А: 1 — железо, остальное — глина

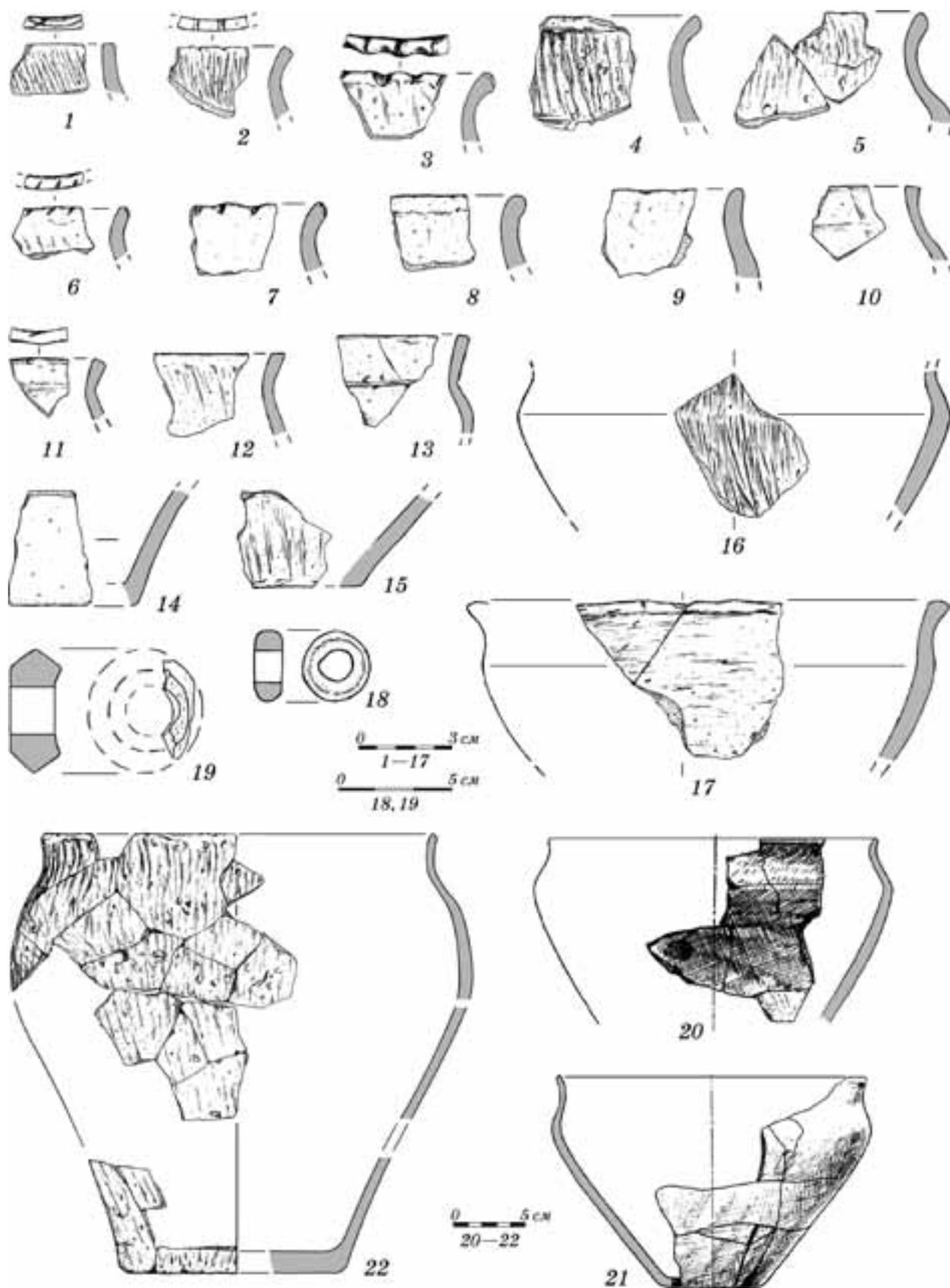

Рис. 8. Находки на селище Старые Юрковичи.

1—19 — из культурного слоя; 20—21 — из каменного очага. Всё — глина.

Рисунки: 18, 19 — А. Н. Белицкой, 21, 22 — Н. Н. Кривальцевича (по: Бялицкая, 2011а)

ПАМЯТНИКИ ЧЕЧЕРСКОЙ ГРУППЫ (ТИПА КИСТЕНИ–ЧЕЧЕРСК) И ДРЕВНОСТИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ ПЕРИОДА РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ

Характеристика памятников типа Кистени — Чечерск

Введение. Классическая зарубинецкая культура в Верхнем Поднепровье представлена памятниками типа Горошков — Чаплин [Поболь, 1971; Славяне и их соседи, 1993. С. 20—38]. Их ареал на территории Белоруссии не выходит за пределы непосредственно правобережья Днепра южнее устья р. Березины [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 95—102]. Аналогичные древности известны также в Черниговском Подесенье на Украине (Деснянка, Еловщина, Гребля) [Обломский, 2002. С. 14. Рис. 14].

Памятники типа Кистени — Чечерск (чечерской группы) были выделены в начале 1980-х годов А. М. Обломским, по мнению которого они сформировались на базе верхнеднепровских зарубинецких древностей типа Горошков — Чаплин при активном участии культуры штрихованной керамики [Обломский, 1983]. Последующие исследования позволили в значительной степени расширить источниковедческую базу и детализировать основные черты этой группы памятников [Дробушевский, 1996. С. 119—129; Дробушевский, 2000. С. 49—77; Дробушевский, 2006. С. 66—74].

В настоящее время на территории Нижнего Посожья и прилегающих приднепровских районов выше устья р. Березины (в основном в пределах Гомельской обл. Республики Беларусь) известно более 60 городищ, селищ и бескурганых могильников, которые с той или иной степенью достоверности можно отнести к чечерской группе. Раскопки велись на 15 городищах, двух селищах и одном могильнике (рис. 1). Отдельные материалы чечерской группы присутствуют также на ряде городищ Среднего Посожья в Могилевской обл. (Волчас, Радомля), известны они и в Черниговском Подесенье (Еловщина, Мощенка). В сопредельных районах Брянщины раскопки синхронных памятников практически не велись. В целом, ареал чечерской группы, как на севере, так и на востоке, не выходит за пределы той территории, которую в предшествующий период (VI—III вв. до н.э.) занимала милоградская культура.

Поселения, домостроительство, погребальный обряд. Поселения чечерской группы представлены в основном мысовыми городищами, которые

по топографическим условиям почти ничем не отличаются от аналогичных поселений классической зарубинецкой культуры типа Горошков — Чаплин [Дробушевский, 2004. С. 5—27].

В Нижнем Посожье изучены следы более 20 жилых и хозяйственных построек милоградского и зарубинецкого времени, из которых 17 выявлены автором на Уваровичском городище. Жилища чечерской группы представлены двумя основными типами: небольшими постройками столбовой конструкции и длинными домами, связанными с оборонительной системой городищ. Первый тип построек имеет ближайшие аналогии в верхнеднепровских зарубинецких древностях типа Горошков — Чаплин [Третьяков, 1959. С. 119—153; Поболь, 1971. С. 15—30]. Постройки этого типа в свою очередь восходят к домостроительству предшествующей милоградской культуры. На общие конструктивные особенности милоградских и зарубинецких жилищ Верхнего Поднепровья исследователи уже неоднократно обращали внимание [Кухарская, 1987. С. 92—93; Мельниковская, 1963. С. 32—42]. Второй тип построек представлен на нижнесожских городищах Уваровичи, Ворновка и Нисимковичи. Следует помнить, что для укрепленных поселений, особенно небольших размеров, это был наиболее оптимальный способ застройки. Традиция возведения длинных домов, связанных с оборонительной системой городищ, сохраняется в Восточной Европе вплоть до средневековья [Древняя Русь, 1985. С. 181; Седов, 1982. С. 76]. На городище Колочин-I, где на внутренней площадке не выявлены следы жилых построек милоградско-зарубинецкого времени, видимо, была аналогичная застройка [Сымонович, 1963. С. 97—137].

Юрковичский могильник до сих пор является единственным достоверным погребальным памятником чечерской группы [Дробушевский, 1996. С. 119—129]. Наибольшую близость он обнаруживает в погребальных комплексах верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры типа Горошков — Чаплин. Здесь, как и в Юрковичах, погребения совершались по обряду трупосожжения на стороне и помещались в ямы двух типов: округлые и удлинённые. Однако в Чаплине сожжения в

удлинённых ямах, ориентированные по линии С—Ю, редки. В Юрковичах впервые для погребальных памятников Верхнего Поднепровья рубежа эр зафиксированы урновые захоронения. До сих пор они были известны только в зарубинецких могильниках Припятского Полесья и Среднего Поднепровья [Кухаренко, 1964. С. 14; Пачкова, 2006. С. 51—71]. Отличает Юрковичский могильник господство погребений с остатками погребального костра, что не характерно для классической зарубинецкой культуры. В большинстве зарубинецких захоронений пережжённые кости очищены от угля и золы. В Чаплине сожжения с остатками погребального костра составляют около 30% от общего числа кремаций, и их количество заметно возрастает на заключительном этапе функционирования данного могильника [Поболь, 1971. С. 80—83]. Последние становятся типичными уже в позднезарубинецкое время и особенно в погребальных комплексах киевской культуры [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 43]. Известны в зарубинецкой культуре, как и в Юрковичах, отдельные случаи помещения в могилы кусочков охры [Поболь, 1971. С. 85—86].

Недавно была предпринята попытка исключить Юрковичи из числа памятников чечерской группы. В одном случае акцент ставился на отличиях погребального обряда [Пилипцевич, 2004. С. 138], в другом — данный могильник сравнивался с одним (!) юхновским погребением в Кудлаевке [Рассадин, 2007. С. 42]. Погребальный обряд юхновской культуры пока слабо изучен. До сих пор здесь известны погребения по обряду труположения в ямах (все совершены на площади поселений) и по обряду кремации, в том числе и подкурганые [Каравайко, 2010. С. 68—77].

Необходимо напомнить, что Юрковичский могильник находится внутри ареала чечерской группы, синхронен ей, и, наконец, другие достоверные могильники чечерской группы до сих пор не известны. Полное отсутствие данных о погребальном обряде носителей культуры штрихованной керамики, почепского (типа Почеп позднезарубинецкого круга) и среднетушемлинского (типа среднего слоя городища Тушемля) типов, не позволяет сравнивать Юрковичи с этими древностями. Юрковичский могильник датируется I в. до н.э. — I в. н.э., поэтому сравнение может вестись только с аналогичными зарубинецкими памятниками. Особенности погребального обряда еще не являются основанием исключать Юрковичи из числа последних. Даже внутри локальных вариантов классической зарубинецкой культуры известны могильники (Семурадцы, Дедов Шпиль и т.д.), по обряду и инвентарю сильно отклоняющиеся от «стандарта». От зарубинецких могильников Юрковичи отличает, прежде всего, полное отсутствие лощёной керамики. Ни разу в юрковичских сожжениях не встречены и такие виды зарубинецкой посуды, как кружки и миски. Впрочем, и на поселениях чечерской группы лощеная керамика встречается редко. Не свойственны для классической зарубинецкой культуры и груболепные горшки со штрихованной поверхностью. Таким образом, особое по-

ложение памятников типа Кистени — Чечерск среди одновременных зарубинецких древностей заключается не только в своеобразии керамического комплекса, но и в характере погребального обряда. Так как практически весь погребальный инвентарь Юрковичей идентичен материалу, происходящему из поселений чечерской группы, нет никаких оснований исключать данный памятник из ее состава.

Керамический комплекс. Особо ярко своеобразие чечерской группы проявляется в керамическом комплексе. К настоящему времени опубликовано несколько классификаций зарубинецкой посуды [Каспарова, 1972. С. 68—83; Кухаренко, 1964. С. 24—29; Поболь, 1971. С. 63—70; Максимов, 1982. С. 11—12; Пачкова, 2006. С. 93—105]. Специальную статью керамике верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры посвятил А. М. Обломский [Обломский, 1985. С. 91—96]. Однако ни одна из этих схем не является универсальной и общепризнанной. В нашей работе за основу взята разработка А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского, созданная для анализа позднезарубинецкой керамики I—II вв. н.э., которая применялась и по отношению к зарубинецким памятникам [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 14. Рис. 2]. Это продиктовано необходимостью сравнения чечерских памятников, прежде всего, с днепровскими древностями этого и более позднего периодов.

Керамический комплекс чечерской группы рассмотрен, прежде всего, по образцам из памятников, на которых производились раскопки. Материал из них далеко не равнозначен, чтобы проводить необходимые сопоставления между ними в полном объеме. Общая коллекция насчитывает 13 целых и полностью восстановимых форм, 110 реконструируемых верхних частей (до наибольшего расширения тулова), более 1 тыс. венчиков, около 500 днищ, дающих полный диаметр, и более 12 тыс. фрагментов стенок.

Подавляющую часть глиняной посуды чечерской группы составляют груболепные сосуды. В глиняном тесте содержится примесь дресвы и (гораздо реже) шамота. Господство дресвы в качестве отошающей примеси типично для Белорусского Поднепровья на всем протяжении раннего железного века [Мельниковская, 1967. С. 97; Поболь, 1971. С. 63; Дубицкая, 2002. С. 44]. При этом наблюдается тенденция сокращения числа керамики с шамотом по мере удаления памятников в северном направлении. Если на Уваровичском городище её удельный вес достигает 12%, то на Чечерском и Шепотовичском городищах она уже единична. Отдельные образцы этой посуды выделяются некоторыми особенностями орнамента и формы. Вполне вероятно, что часть посуды с шамотом в тесте на территории Нижнего Посожья является привозной или вылеплена выходцами из соседних регионов. Обычай использования шамота при изготовлении глиняной посуды имел устойчивый характер среди зарубинецкого населения Припятского Полесья и Среднего Поднепровья [Каспарова, 1972. С. 69, 72; Максимов, 1972. С. 85, 86].

Большинство груболепных горшков чечерской группы орнаментировано по краю венчика пальцевыми вдавлениями, защипами и насечками. Из Уваровичского городища происходит один венчик груболепного сосуда с двойными защипами, т.е. «шахматным» орнаментом (рис. 6: 1). Подобные образцы в небольшом количестве есть и на зарубинецкой посуде Горошкова и Чаплина [Поболь, 1971. Рис. 14: 3; Поболь, 1974. Рис. 39: 8]. Более часто груболепные сосуды с «шахматным» орнаментом встречаются на зарубинецких памятниках Припятского Полесья [Каспарова, 1972. Рис. 14: 8]. Появление этого декора в классической зарубинецкой культуре связывается с поморско-подклёшевыми традициями [Каспарова, 1992. С. 289—302]. Орнаментированный край венчика является одним из наиболее ярких признаков, отличающих зарубинецкую груболепную посуду от милоградской [Мельниковская, 1967. С. 102; Поболь, 1971. С. 141—142; Третьяков, 1959. С. 135].

Известно, что под влиянием «зарубинцев» этот вид орнаментации получил широкое распространение в Смоленском Поднепровье и Подесенье [Пронин, 1979. Рис. 4; Щукин, 1994. Рис. 88: 6, 8]. Поэтому очень сложно только по мелким фрагментам груболепной керамики отличить памятники типа Кистени — Чечерск от близких по времени древностей почепской и среднетушемлинской групп. Напротив, в керамическом комплексе культуры штрихованной керамики подобная орнаментация встречается крайне редко [Митрофанов, 1978. С. 30—33; Илютик, 1995. С. 57—77].

Наряду с орнаментацией венчика ямочные вдавления наносились по плечикам и шейке сосудов. На рубеже н.э. такие горшки в Уваровичах составляли не более 15%. Многие виды ямочных вдавлений по шейке сосудов, видимо, восходят к традициям милоградской культуры [Мельниковская, 1967. С. 102]. В древностях предшествующего времени имеет аналогии и орнамент в виде «виноградной грозди», правда, этот вид декора на сосудах чечерской группы единичен. Наиболее отчётливо милоградские традиции прослеживаются в орнаментации груболепной посуды, датированной около рубежа эр, с городищ Нижней Березины, Рогачевского и Могилевского Поднепровья (рогачевская подгруппа чечерской группы). На Яновском городище, например, около половины всех горшков зарубинецкого облика декорированы как по краю венчика, так и по шейке. По сути дела, они являются как бы переходными от милоградских к зарубинецким. Редким видом орнамента чечерской посуды служили наlepные и ложные валики (рис. 5: 12, 13), а также нарезные узоры.

Груболепная посуда без орнамента ни на одном памятнике Нижнего Посожья рубежа эр не преобладает. Точно определить её удельный вес не всегда возможно, так как на городищах чечерской группы имеются напластования предшествующего милоградского периода. Только целые и реконструируемые формы дают более конкретные статистические данные. Из 9 горшков Юрковичского могильника

только 3 не имели орнамента, ещё меньше неорнаментированной посуды на Уваровичском городище (18—19%).

Приёмы орнаментации груболепной керамики чечерской группы находят ближайšie аналогии в днепровских памятниках классической зарубинецкой культуры типа Горошков — Чаплин. С другой стороны, она существенно отличается по этому признаку от культуры штрихованной керамики на территории Средней Белоруссии. Отдельные приёмы декора, как отмечалось выше, восходят к традициям милоградской и, возможно, юхновской культуры.

Специфической чертой керамического комплекса чечерской группы среди синхронных зарубинецких древностей является обычай покрывать внешнюю поверхность груболепных сосудов штриховкой. Причём речь идёт не об отдельных случаях, а о довольно устойчивом явлении. Отдельные экземпляры лощёной и груболепной зарубинецкой посуды с расчёсами и штриховкой известны в классической зарубинецкой культуре. Обычно они имеют отличный от посуды чечерской группы облик и связываются с влиянием латенской, поморско-подклёшевой и ясторфской культур [Каспарова, 1981. Рис. 7]. Очевидно, традиция декорирования груболепной керамики чечерской группы связана с иным культурным импульсом и имеет другое происхождение.

Мною ранее уже отмечалось, что местное милоградское население Нижнего Посожья на заключительном этапе эволюции соотносимых с ним древностей (около IV—III вв. до н.э.) установило тесные контакты с племенами на территории Средней Белоруссии — «штриховиками» [Дробушевский, 1994. С. 81]. Правда, в этот период штрихованная посуда в Нижнем Посожье ещё не получила широкого употребления. Наибольшее распространение она получает здесь именно на рубеже эр. Судя по всему, закрепление этой традиции шло в направлении с С—З на Ю—В, а её условной осью являлся отрезок, соединяющий современные города Рогачёв и Чечерск. Именно на Чечерском городище доля штрихованных сосудов зарубинецких форм достигает в Нижнем Посожье максимума. К югу, северу и востоку от этого отрезка число штрихованной посуды постепенно убывает. В южных районах Нижнего Посожья её доля падает до 20—30% (Уваровичи и др.). В Среднем Посожье удельный вес штрихованной керамики достигает минимума на памятниках в районе современного г. Кричев [Лошенко, 2002. С. 23—34; Мяцельскі, 2003]. Для памятников среднетушемлинской культуры она уже редкое явление. Во всяком случае, на городище Девичья Гора, расположенном на территории современного г. Мстиславль, она почти отсутствует [Алексеев, 1964. С. 73—79]. Отдельные образцы штрихованной посуды на городищах Смоленского Поднепровья рубежа эр, видимо, являются результатом влияния не только «штриховиков» [Шмидт, 1992. С. 141], но и носителей чечерской группы и их потомков. Следовательно, штрихованная посуда зарубинецкого облика может служить отличительной чертой чечерской группы среди синхронных древностей сосед-

них регионов. Исключением является правобережье Днепра выше устья р. Березины, где «зарубинцы» находились в непосредственном контакте с племенами культуры штрихованной керамики, поэтому здесь эта черта не может служить разделительным признаком. Для этого региона более важен набор форм и орнаментации лепной посуды.

Груболепные горшки памятников типа Кистени — Чечерск по схеме А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского можно разделить на два класса: округлобокие и ребристые. Среди округлобоких сильнопрофилированных сосудов заметно доминируют формы типа I, варианта а, разновидности б (рис. 2: 1—3; 3: 2, 4, 7, 9—16; 4: 1—4, 6, 7, 11, 12, 16—21). Они характеризуются близкой к тюльпановидной формой, т.е. у них диаметр венчика равен или больше диаметра плечика. Эти горшки являются самыми массовыми на всех памятниках рубежа эр Нижнего Посожья (58,8%), и их следует считать ещё одной специфической чертой чечерской группы.

Насколько можно судить по публикациям и фондовым коллекциям, горшки этого типа редки на почепских и среднетушемлянских памятниках. Практически не известны они в культуре штрихованной керамики [Митрофанов, 1978. Рис. 2; 12—18; Ильютик, 1995. С. 57—77; Медведев, 1996. С. 36—44, рис. 81—88; Егорейченко, 2006. С. 25—28, 73—79, табл. 1—4, 42—44]. Нет оснований связывать появление сосудов типа I, а, б в Нижнем Посожье с наследием милоградской культуры, для которой они не характерны [Мельниковская, 1967. Рис. 63]. Совсем нет подобных сосудов на днепро-двинских и южновских городищах VII—III вв. до н.э. Следовательно, прототипы горшкам типа I, а, б следует искать за пределами Верхнего Поднепровья. В зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья эта форма крайне редка [Самойловский, 1959. Табл. III: 62], а в Припятском Полесье — не известна [Славяне и их соседи, 1993. Табл. VIII]. Показательно, что эта форма не попала в типологическую схему зарубинецкой посуды, предложенную Е. В. Максимовым [Максимов, 1982. Табл. II—V]. В то же время сосуды типа I, а, б достаточно часты на верхнеднепровских зарубинецких памятниках типа Горошков — Чаплин, где они составляют 28,6% и занимают среди груболепных горшков второе место по численности. Их появление в Нижнем Посожье и Гомельском Поднепровье, видимо, имеет общие корни, с той лишь разницей, что в чечерской группе эта форма стала ведущей.

На втором месте в керамическом комплексе чечерской группы по численности находятся округлобокие сильнопрофилированные горшки типа I, варианта а, разновидности а. Они отличаются от предыдущих меньшим диаметром венчика по сравнению с диаметром плечиков (рис. 2: 4, 5; 3: 1, 3, 6, 8; 4: 13). Их удельный вес на поселениях рубежа эр Нижнего Посожья составляет 19,6%. Керамические формы, близкие типу I, а, а, широко представлены во всех основных регионах классической зарубинецкой культуры. Правда, в Припятском Полесье зарубинецкие горшки чаще имеют короткий, слегка отогнутый наружу венчик и характеризуются не-

сколько иными пропорциями [Славяне и их соседи, 1993. Табл. VIII; Пачкова, 2006. С. 93—105]. Наиболее близкие и многочисленные аналогии горшкам типа I, а, а чечерской группы известны в верхнеднепровских зарубинецких древностях типа Горошков — Чаплин. Более того, здесь они являются ведущей формой груболепной посуды. Не исключено, что эта форма могла быть унаследована от милоградской культуры, отличаясь от милоградских сосудов плоскостностью и орнаментацией. Сосуды, близкие зарубинецким типа I, а, а как по форме, так и орнаментации, широко известны в средне- и позднескифский периоды в Лесостепном днепровском правобережье на территории Украины [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. Рис. 18: 30—35, 37]. Данное обстоятельство позволило ряду исследователей говорить о генетических связях скифских и зарубинецких древностей Среднего Поднепровья [Петренко, 1961. С. 99; Максимов, 1972. С. 116—129; Скиба, 2001. С. 62]. Под влиянием зарубинецкой культуры горшки, близкие типу I, а, а, стали характерными для среднетушемлинской и почепской групп [Обломский, Терпиловский, 1991. Рис. 11: 1—3; Третьяков, Шмидт, 1963. Рис. 22: 24, 25]. Сосуды этой формы на позднезарубинецких поселениях I—II вв. н.э. обычно интерпретируются как зарубинецкое наследие [Обломский, Терпиловский, 1991. Рис. 26: 11—13].

Керамические формы, подобные типу I, а, а, не характерны для культуры штрихованной керамики на территории Средней Белоруссии. Здесь они могли появиться в результате контактов с южными соседями или унаследованы от предшествующей милоградской культуры. Впрочем, округлобокие груболепные горшки культуры штрихованной керамики по пропорциям и орнаментации довольно заметно отличаются от зарубинецких Верхнего Поднепровья [Митрофанов, 1978. Рис. 12; 14; Ильютик, 1995. Рис. 1, табл. 2; Медведев, 1996. Рис. 83—85; Егорейченко, 2006. Рис. 3; 4].

Третье место в керамическом комплексе чечерской группы Нижнего Посожья по численности занимают округлобокие слабопрофилированные (тюльпановидные) горшки типа I, 3, б (рис. 2: 7, 8; 4: 5, 14). Они составляют 13,4% и во многом схожи с образцами типа I, а, б, отличаясь от них лишь более слабой вогнутостью шейки. Большинство горшков этого типа, в том числе и на Уваровичском городище, имеют штрихованную поверхность. Данная особенность, возможно, указывает на сравнительно позднее время их бытования. В пользу этого свидетельствует и довольно частое употребление такой посуды в позднезарубинецкое время [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 85]. Горшки этого типа крайне редки на приднепровских классических зарубинецких памятниках, а в Припятском Полесье они не известны.

Исследователи одно время предполагали, что тюльпановидные формы груболепных горшков I тыс. н.э. из Верхнего Поднепровья восходят к местным «балтским» древностям VII—III вв. до н.э. [Терпиловский, 1984. С. 22]. Однако в днепро-двин-

ской, милоградской и юхновской культурах эта форма не известна [Шмидт, 1992. Табл. 40—42; Мельниковская, 1967. Рис. 63; Левенок, 1963. Рис. 5]. Более вероятным прототипом упомянутых тюльпановидных слабопрофилированных горшков являются сосуды типа I аб чечерской группы.

Остальные формы округлобюхих груболепных сосудов (типы 16,1 в и 2) (рис. 2: 6, 9, 10) на памятниках чечерской группы немногочисленны. Все они имеют аналогии в классической зарубинецкой культуре [Поболь, 1971. Рис. 38: 13; Максимов, 1982. Табл. III: 3, 5, 7].

Крайне редки в Нижнем Посожье груболепные сосуды ребристых форм, которые принадлежат двум типам: II,2,6 и II,3 (рис. 2: 11—13). Невелик их удельный вес и на классических верхнеднепровских зарубинецких памятниках типа Горошков — Чаплин. В предшествующее время ребристые формы горшков и на милоградских, днепро-двинских и юхновских городищах Верхне-го Поднепровья не известны [Мельниковская, 1967. Рис. 63]. Несмотря на то что ребристые формы достаточно широко представлены в комплексах рубежа эр культуры штрихованной керамики [Ильютик, 1995. Рис. 1, табл. 2; Медведев, 1996. Рис. 85, 87; Егорейченко, 2006. Табл. 42—44], по пропорциям и орнаментации они заметно отличаются от зарубинецких экземпляров.

Особо следует остановиться на керамике рубежа эр с городищ рогачевской подгруппы (Рогачев, Кистени, Щатково, Яново, Зборов и др.), которые часто относят к зарубинецкой культуре. Разумеется, из-за малочисленности реконструируемых форм приведенные ниже наблюдения носят предварительный характер. Кроме того, трудность изучения керамического комплекса городищ рогачевской подгруппы обусловлена тем, что здесь порой довольно сложно разграничить материалы рубежа эр и предшествующего периода.

На поселениях рогачёвской подгруппы преобладают груболепные горшки типа I,а,а (35,7%), что сближает их с зарубинецкими памятниками типа Горошков — Чаплин Гомельского Поднепровья. Сосуды типа I,а,б и II,3 занимают по численности второе и третье места (по 28,6%). По соотношению ведущих форм груболепной посуды рогачёвские городища занимают промежуточное положение между чечерской группой и зарубинецкими памятниками типа Горошков — Чаплин.

Преобладание на городищах рогачёвской подгруппы зарубинецких форм груболепной посуды исключает их принадлежность на рубеже эр памятникам культуры штрихованной керамики. Характерно, что именно здесь наиболее сильно сохранились милоградские традиции. Многие горшки типа I аа, особенно на Яновском городище, по форме и орнаментации являются переходными от милоградских к зарубинецким. Более того, здесь известны милоградские сосуды, схожие с типом I аа, имеющие штрихованную поверхность. На горшках типа I аб рогачёвской подгруппы, которые не имеют милоградских прототипов, значительно реже встречается ор-

намент по шейке. То есть можно предположить, что эта форма здесь получила распространение в период угасания милоградских традиций.

Таким образом, керамический комплекс городищ рогачёвской подгруппы рубежа эр сформировался на базе синтеза элементов традиций «штриховиков», милоградской и зарубинецкой культур, с явным преобладанием последних. Приведённые наблюдения в целом подтверждают гипотезу А. А. Егорейченко о том, что район Средней Березины в этот период оказался в сфере влияния «штриховиков», а прилегающие районы Днепра — «зарубинцев» [Егорейченко, 1982. С. 60—61]. Однако местные городища, несмотря на преобладание зарубинецких элементов, нельзя безоговорочно отнести к зарубинецкой культуре, что и послужило основанием для их выделения в особую подгруппу памятников. Из-за высокого удельного веса инородных элементов, что наиболее ярко проявилось в эклектизме керамического комплекса, можно говорить лишь о включенности традиций местного населения в зарубинецкую линию развития.

Значительные разногласия вызвала интерпретация материалов с городища Щатково на Березине. Вполне можно согласиться с М. И. Лошенковым, который отрицает преобладание на этом памятнике зарубинецкой керамики [Лошенко, 1992. С. 71]. Если исключить груболепную посуду милоградского облика и со штрихованной поверхностью без декора, то зарубинецкая керамика в Щаткове составит не более 12%, а не 78,5%, как считал Л. Д. Поболь [Поболь, 1967. С. 182—242]. Учитывая то, что не все эти формы щатковской посуды могут быть синхронными, вопрос о культурно-хронологической принадлежности данного памятника следует считать открытым.

Кроме груболепных горшков, на памятниках чечерской группы известны единичные обломки дисков-сковородок, стопок, друшлагов и миниатюрных сосудов. Подобные изделия имеют многочисленные аналогии в классической зарубинецкой культуре [Славяне и их соседи, 1993. С. 27—28; Пачкова, 1974. С. 54. Рис. 26: 1, 2].

Лощёная (столовая) посуда в чечерской группе встречается реже, чем «чем на «классических» памятниках» зарубинецкой культуры. На эту особенность памятников типа Кистени — Чечерск обращал внимание А. М. Обломский [Обломский, 1983. С. 16]. Обычно её удельный вес в Нижнем Посожье не превышает 1—2% от всего керамического материала. Наблюдается заметное сокращение количества и ассортимента лощёной посуды по мере удаления памятников в северном направлении. Если в южной части Нижнего Посожья доля лощёной керамики доходит до 3—5% (Гомель, Уваровичи и др.), то на более северных поселениях чечерской группы она встречается уже спорадически [Дробушевский, 1994. С. 84; Дробушевский, Лошенко, 1995. С. 45]. Довольно редка она и на городищах рогачёвской подгруппы. Для сравнения отметим, что, согласно данным Л. Д. Поболь, лощёная посуда на Чаплинском городище составляла 11,5% от всей зарубинецкой керамики [Поболь, 1971. С. 41].

Малочисленность лощёной посуды следует считать ещё одной специфической чертой чечерской группы среди синхронных зарубинецких древностей.

Лощёная посуда обычно изготавливалась из хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка в тесте. Цвет поверхности разнообразный (жёлто- и серо-коричневый, чёрный); заметно варьирует и качество лощения. Столовая посуда представлена преимущественно мисками. Среди них явно доминируют формы с отогнутым наружу венчиком и ребром в верхней части высоты. Насколько можно судить по обломкам и реконструируемым экземплярам, наиболее употребительными в чечерской группе были миски со сглаженным ребром, близкие типу II,1,а по схеме А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (рис.5: 6). Также часто встречаются ребристые миски типа III,1 (рис.5: 1, 5, 8, 9, 15, 19). Последние, особенно крупных размеров, характерны для заключительной фазы Чаплинского могильника [Поболь, 1971. С.100; Обломский, 1990. С.7—44]. Миски этого типа продолжали бытовать и в позднезарубинецкое время [Заверняев, 1959. С.109. Рис.10: 4].

Кроме ребристых, в Нижнем Посожье известны лощёные миски и миски округлобоких форм, близкие типу I,2 (рис.5: 4, 11), а также миски с едва намеченным венчиком (рис.5: 2, 3). Нередко они имели сглаженную или слаболощённую поверхность. В Чаплине такие миски находились исключительно в ранних погребениях [Поболь, 1971. Рис.54. С.98].

Значительно реже среди столовой посуды встречаются горшки и кружки (рис.5: 7), которые имеют ближайшие аналогии в классической зарубинецкой культуре [Поболь, 1971. Рис.41: 1—7; Славяне и их соседи, 1993. Табл. I, II, VII, VIII]. В Нижнем Посожье пока не известны многие формы и приёмы декора лощёной посуды (фасетированный венчик, гребенчатые расчёсы, налепы и т.д.), обычные для столовой зарубинецкой керамики [Славяне и их соседи, 1993. С.27]. Впрочем, редки они и на верхнеднепровских зарубинецких памятниках типа Горошков — Чаплин [Поболь, 1971. Рис.42; 44; 45: 1—5]. На городищах чечерской группы до сих пор не обнаружены образцы лощёной посуды (миски с прямым венчиком и т.д.), характерные для раннеримского времени.

На городище Уваровичи найдено несколько обломков глиняных сосудов с храповатой поверхностью (рис.5: 16, 17). Судя по стратиграфическим данным, она употреблялась на раннем этапе обитания «зарубинцев» на этом поселении. Храповатая керамика известна в классической зарубинецкой культуре, в памятниках латенского, поморского и ясторфского круга Восточной Европы [Каспарова, 1981. С.70—71; Славяне и их соседи, 1993. Табл. VII: 4; Пачкова, 2006. С.18, 25, 103, 344]. Встречается она и на городищах культуры штрихованной керамики Белорусского Понеманья [Медведев, 1996. С.38—39], но совсем не известна в среднетушемлинских и почепских древностях. Малый удельный вес и неширокий ассортимент лощёной и храповатой керамики на памятниках чечерской группы объ-

ясняется ее периферийным положением — на самом северо-востоке зарубинецкого ареала.

Итак, керамический комплекс Нижнего Посожья рубежа эр имеет зарубинецкий облик и генетически связан, прежде всего, с верхнеднепровским вариантом зарубинецкой культуры типа Горошков — Чаплин. Инокультурные элементы (милоградские, юхновские и культуры штрихованной керамики), хотя и придают определённое своеобразие, однако не нарушают его развитие в общем русле зарубинецких традиций. Даже такой характерный признак, как штрихованная поверхность сосудов, не может рассматриваться исключительно как результат влияния северо-западных соседей — «штриховиков». К рубежу эр эта инокультурная черта стала местным специфическим элементом керамического комплекса чечерской группы.

Хронология, украшения, оружие. Памятники типа Чечерск—Кистени А. М. Обломский считал синхронными классической зарубинецкой культуре [Обломский, 1983. С.16], что подтвердили последующие исследования [Дробушевский, 2006. С.66—74]. В связи с вопросом о соотношении этих древностей с памятниками Верхнего Поднепровья периода римских влияний особое значение приобретает установление поздней даты чечерской группы.

Основная часть датирующих материалов чечерской группы связана с позднелатенским периодом. Этим временем датируется уникальная для территории Белоруссии биллоновая (?) фибула среднелатенской схемы «беляусского» варианта из Шепотовичского городища (рис.6: 3) [Дробушевский, Лошенко, 1995. С.37]. В Северном Причерноморье фибулы этого варианта бытовали во второй—третьей четверти I в. до н.э. [Михлин, 1980. С.200—201; Пуздровский, 2007. С.81]. Примерно к этому же времени относится и маленькая железная фибула среднелатенской схемы из погребения 8 Юрковичского могильника (рис.6: 4). Несмотря на коррозию, среднелатенский характер крепления ножки к дужке у данной фибулы сомнений не вызывает. По конструктивным особенностям она близка фибулам вариантов D/E и H по типологии Ю. Костшевского [Kostrzewski, 1919. Abb. 4, 5]. Последние в Восточной Кельтике являются одними из наиболее поздних фибул среднелатенской схемы и бытовали главным образом на ступени Латен D1 [Dąbrowska, 1988. S. 303, 305; Dąbrowska, 2008. Rys. 6: 9]. Образцы, наиболее близкие юрковичскому, происходят из Чаплинского могильника (погребения 7, 34, 246) [Поболь, 1973. Рис.20: 15]. Известны они и на могильнике Долиняны [Смирнова, 1981. С.205. Рис.3: 6, 5: 1, 6: 5]. В этой связи К. В. Каспарова отмечает, что в верхнеднепровском варианте зарубинецкой культуры они почти не отличаются от тех же вариантов в оксывских, пшеворских и поянешти-лукашевских памятниках и вполне сопоставимы с латенскими [Каспарова, 1984. С.116]. Для пшеворской культуры предложена датировка фибул варианта D/E по Костшевскому фазой А 2, что соответствует второй половине II — середине I в. до н.э. [Dąbrowska, 1988. S. 303, 305].

К концу позднелатенского периода относится железная сильно прогнутая фибула со сплошным приёмником из Шепотович (рис. 6: 7). В Чаплине такие застёжки диагностируют заключительную стадию могильника [Обломский, 1983. С. 8, 11; Поболь, 1971. С. 110—116], не выходящую за пределы середины I в. н.э. [Каспарова, 1986. С. 9]. Железная позднелатенская фибула со сплошным приёмником из Щатково (рис. 6: 5) имеет менее прогнутую дужку [Поболь, 1974. Рис. 107: 8]. Она относится к варианту П/Р фибул зарубинецкой культуры по классификации Ю. В. Кухаренко — А. М. Обломского и в целом синхронна шепотовичской [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 21]. В раннеримское время фибулы позднелатенской схемы встречаются спорадически, поэтому обычно датируются не позднее середины — третьей четверти I в. н.э. [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 20—28; Liana, 1970. S. 489—490].

Кроме фибул латенских типов в обиходе носителей чечерской группы были и застёжки подковообразной формы, сделанные из железа. Они найдены в Юрковичах (погребение 2), на городищах Щатково и Уваровичи. Последний экземпляр сохранился полностью (рис. 6: 6), имеет диаметр около 5 см и четырёхугольное сечение корпуса. Подковообразные застёжки довольно часто встречаются на зарубинецких памятниках, особенно в Чаплине [Кухаренко, 1964. С. 35—36; Поболь, 1971. С. 105—108].

Недавно высказано мнение, что мода на подковообразные застёжки в верхнеднепровском варианте зарубинецкой культуры появляется лишь в раннеримское время [Пилипцевич, 2005. С. 92]. Однако подковообразные застёжки в Чаплине в погребениях 44 а (в виде браслета) и 117 находились вместе со среднелатенскими фибулами [Поболь, 1971. С. 106—108, 130; Поболь, 1973. Рис. 25: 4, 5, 38: 15—19]. В Горошкове (погребение № 5) подковообразная застёжка находилась вместе с железной фибулой среднелатенской схемы с треугольным щитком [Мельниковська, 1965. С. 199—201. Рис. 4: 2, 5], которую Ю. В. Кухаренко отнес к варианту 3 [Кухаренко, 1964. Табл. IX]. Следовательно, подковообразные застёжки не могут служить узко датирующим материалом, а тем более привлекаться для обоснования существования зарубинецких памятников в Верхнем Поднепровье в раннеримское время.

Более широким интервалом времени датируются античные стеклянные бусы из Юрковичского могильника. Бусы с металлической (золотой или серебряной) прокладкой типа А-1,а в Северном Причерноморье бытовали в III в. до н.э. — I в. н.э., причём пик их изготовления приходится на II—I вв. до н.э.; бусы типа А-16 появились несколько позднее и датируются с I в. до н.э.; в пределах II в. до н.э. — I в. н.э. использовались бусы типа А-5 [Алексеева, 1978. С. 29. Рис. 10]. На городище Кистени найдена стеклянная бусина типа А-138 одноцветных бус датируемая I в. до н.э. — I в. н.э. [Алексеева, 1978. С. 71; Обломский, Терпиловский, 1991. С. 98]. Вторая стеклянная бусина из этого памятника относится к типу А-15 монохромных и датируется IV—I вв. до н.э. [Алексеева, 1978. С. 65]. Не совсем понятна попытка определить

бусы из Юрковичей исключительно как «römische Perle» [Rassadin, 2000. S. 407—409, 416]. Согласно М. Темпельман-Маньчиньской, золотостеклянные бусы в пшеворской культуре раннеримского времени отсутствуют [Tempelmann-Maczyńska, 1985. S. 65]. Следовательно, северопричерноморское происхождение стеклянных бус Юрковичского могильника является наиболее вероятным. Наконец, стеклянные бусы с позолотой в Чаплине в погребениях А-34 и А-212 были встречены вместе с фибулами среднелатенской схемы [Поболь, 1973. С. 74—75, 169—170], верхняя граница даты которых не выходит за пределы I в. до н.э.

На Уваровичском городище найден обломок глиняной литейной формочки для отливки браслета-кольца, украшенного частыми тройными шишечками-выступами (рис. 6: 2). Эти изделия восходят к латенским образцам [Кухаренко, 1959. С. 36]. В могильнике Долиняны бронзовый браслет с пятью тройными шишечками-выступами находился вместе с фибулами ступени Латен D2 [Смиронова, 1981. Рис. 7: 6]. Однако уваровичский экземпляр отличается более частым расположением шишечек. Браслеты-кольца с частыми шишечками в позднескифских памятниках Крыма датируются I—II вв. н.э. [Сымонович, 1983. С. 97. Табл. XLIII; Дашевская, 1991. С. 39]. Учитывая, что в Северном Причерноморье они бытовали начиная с рубежа эр, вряд ли эти предметы могли попасть в Нижнее Посожье ранее I в. н.э.

Южное происхождение имеет также обломок бронзового проволочного браслета с каплевидным окончанием из Шепотович (рис. 6: 8). В Северном Причерноморье такие браслеты датируются весьма широко. Они часто встречаются, например, в позднескифских крымских погребениях I—II вв. н.э. [Сымонович, 1983. Табл. XXXIII: 1—15]. Известны они и в позднезарубинецком могильнике Рахны на Южном Буге [Хавлюк, 1971. С. 84—96]. Поэтому наиболее вероятной датой шепотовичского браслета можно считать I в. н.э.

К предметам вооружения на памятниках чечерской группы относятся железные наконечники копий и дротиков. В погребении 2 Юрковичского могильника находился втульчатый наконечник копья с ланцетовидным пером (рис. 6: 9). Подобные наконечники копий известны в Чаплине, где они наиболее характерны для погребений позднелатенского периода [Поболь, 1971. С. 101—105]. К зарубинецкому времени отнесены два железных двушипных наконечника дротиков из Жлобина и Струмени [Поболь, 1983. Рис. 10: 1; Еременко, Щукин, 1992. Рис. 97: 1, 2]. Такие дротики известны в Чаплине, где они типичны для погребений I—II стадий по А. М. Обломскому [Поболь, 1971. Рис. 77; Славяне и их соседи, 1993. Табл. II: 35]. Один дротик обнаружен в погребении 116 могильника Велемичи-I в Припятском Полесье [Кухаренко, 1961. Табл. 23: 4]. То есть относить появление древкового оружия у зарубинецких племён только к римскому времени [Пилипцевич, 2004. С. 138; Пилипцевич, 2005. С. 92] нет достаточных оснований [Дробушевский,

2006. С. 70—71]. Как чаплинские, так и юрковичский экземпляры имеют аналогии, например, в пшеворской культуре предримского времени [Łuczkiewicz, 2006. S. 99—145]. Следовательно, образцы древкового оружия не могут служить основанием для датировки поздних комплексов зарубинецкой культуры раннеримским временем.

Уточнить верхнюю дату памятников чечерской группы позволяет набор лощёной посуды. Она, в целом, того же облика, что и в верхнеднепровских зарубинецких древностях типа Горошков — Чаплин. Наиболее поздними образцами лощёной посуды чечерской группы являются ребристые миски больших размеров, которые в Чаплине обычны в наиболее поздних погребениях [Поболь, 1971. С. 100; Обломский, 1990. С. 7—44. Рис. 10].

В памятниках чечерской группы полностью отсутствуют формы лощёной посуды, бытовавшей с раннеримского времени. Здесь, например, не известны миски с цилиндрическим верхом, которые появились в самом конце существования классической зарубинецкой культуры и стали одной из ведущих форм на позднезарубинецких поселениях [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 26]. А. М. Обломский считает, что наиболее вероятной датой появления этого типа мисок на территории зарубинецкой культуры является третья четверть I в. н.э. [Обломский, 1987. С. 81—83]. Следовательно, памятники чечерской группы датируются не позднее финала классической зарубинецкой культуры.

Верхнюю дату верхнеднепровского варианта ранее доводили до начала II в. н.э. [Обломский, 1983. С. 19; Поболь, 1971. С. 173—175]. В новейших исследованиях заключительная фаза Чаплинского могильника определяется серединой I в. или в интервале 40—70-х гг. н.э. [Каспарова, 1986. С. 9; Еременко, Журавлев, 1992. С. 71; Шукин, 1994. С. 232]. Но и эта датировка, как признают сами исследователи, является максимально завышенной, так как «узкие» даты помещают финал Чаплина в 20-е гг. н.э. [Шукин, 1994. Рис. 81].

Итак, чечерская группа в целом одновременна классической зарубинецкой культуре. Финал этой группы памятников определяется рубежом позднелатенского и раннеримского периодов, то есть не позднее середины — третьей четверти I в. н.э.

Дальнейшая судьба чечерской группы и ее соотношение с памятниками Верхнего Поднепровья периода римских влияний

В настоящее время трудно проследить дальнейшую судьбу носителей чечерской группы, так как в ее ареале памятники раннеримского времени известны только по разведочным работам. Исключением являются известные археологические комплексы I тыс. н.э. в Абидне и Тайманово (рис. 7), где многолетние исследования вел Л. Д. Поболь. Но прежде чем перейти к рассмотрению соотношения памятников типа Кистени — Чечерск и типа Абидни необходимо отметить следующее.

Во-первых, чечерская группа сыграла важную роль в формировании древностей типа Церкови-

ща в Смоленском Поднепровье [Дробушевский, 2000]. Эти вопросы недавно достаточно подробно рассмотрены Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасьевым [Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 85—86]. Добавим, что проникновение чечерских элементов на север, в ареал днепро-двинской культуры, началось еще до распада классической зарубинецкой культуры и осуществлялось, прежде всего, вверх по Сожу. Памятники среднетушемлинского типа появляются не в раннеримский период, как обычно считается, а значительно раньше — во II—I вв. до н.э. О последнем свидетельствует отсутствие в Среднем и Верхнем Посожье достоверных комплексов днепродвинской культуры позднее III в. до н.э., появление фибул средне- и позднелатенской схемы, образцов груболепной и лощеной керамики, характерных именно для чечерской группы и классической зарубинецкой культуры.

Во-вторых, после III в. до н.э. прекращает существование и юхновская культура Подесенья [Дробушевский, 2006 а. С. 46; Каравайко, 2006. С. 73—78; Дробушевский, 2008. С. 96—104]. На основе зарубинецких традиций Среднего Поднепровья во II—I вв. до н.э. здесь возникают поселения типа верхнего слоя Полужья [Дробушевский, 2008 а. С. 56], которые в раннеримский период сменяются почепскими древностями. Активные контакты населения Белорусского Посожья и Брянского Подесенья установились еще в милоградское время [Дробушевский, 2006 а. С. 41—50]. Тем не менее в чечерской группе присутствуют лишь отдельные юхновские элементы (рогатые кирпичи и т. д.). Как считают А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский, главную роль в образовании позднезарубинецких древностей типа Почепа сыграли племена, мигрировавшие из Среднего Поднепровья уже после распада классической зарубинецкой культуры [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 58].

Таким образом, продвижение зарубинецкого населения и распространение элементов зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье нельзя связывать исключительно с распадом классической зарубинецкой культуры в середине — третьей четверти I в. н.э. Видимо, имела место не одна волна разновременных и разнонаправленных переселений.

В результате миграции потомков носителей чечерской группы в Среднем Поднепровье, Подесенье и Днепровском Левобережье появляются позднезарубинецкие памятники типа Грини [Терпиловский, 1981. С. 94—95]. Для этих памятников типичны груболепные сосуды, часто декорированные расчёсами, при доминировании горшков типа I3 б. Основные черты памятников типа Грини не находят аналогий в среднеднепровском варианте зарубинецкой культуры и имеют минимальное сходство с Чаплинским комплексом. По мнению А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского, позднезарубинецкие памятники типа Грини являются дальнейшим этапом развития чечерской группы [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 94—102], с чем трудно не согласиться. Основные формы груболепной посуды с поселений типа Грини, особенно горшки типа I3 б,

имеют прототипы именно в Нижнем Посожье. Связывает их и традиция декорирования нелощеной посуды расчесами и штриховкой. Некоторые отличия обусловлены их территориальной удаленностью и возможным хронологическим разрывом, так как наиболее вероятной датой памятников типа Грини считается вторая половина II в. н.э. [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 82]. На территории Украины их расположение не компактно, они вкраплены в местную позднезарубинецкую основу.

У нас нет оснований связывать появление памятников типа Церковище и Грини с предполагаемым вторжением племен культуры штрихованной керамики в Гомельском Поднепровье [Мачинский, 1981. С. 64; Егорейченко, 1988. С. 36]. Новейшие данные скорее свидетельствуют об обратном. В конце I в. н.э. прекращают функционирование городища в юго-восточной части ареала культуры штрихованной керамики [Егорейченко, 1988. С. 49; Мачинский, 1981. С. 73; Щукин, 1994. С. 238], тогда как в Белорусском Понеманье памятники этой культуры доживают вплоть до IV—V вв. н.э. [Медведев, 1996. С. 45—46]. Вполне вероятно, что юго-восточную часть ареала культуры штрихованной керамики (бассейн р. Березины) заняли потомки чечерской группы, а позднее там известны памятники типа Абидня [Поболь, 1982. С. 39; Лопатин, Фурасьев, 2007].

Памятники типа Абидня включены в верхнеднепровский вариант киевской культуры [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 21; Мядведзеў, 1999. С. 290—298; Обломский, 2005. С. 137—156] и датируются от конца II—III вв. до начала или первой половины IV в. [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 84—85; Ильютик, Поболь, 2007. С. 19, 23]. Л. Д. Поболь считал древности типа Абидня поздним этапом зарубинецкой культуры, в основе которых лежат традиции типа Чаплин [Поболь, 1966. С. 205—217]. Близкой точки зрения придерживается Р. В. Терпиловский, по мнению которого переход от типов Чаплин и Кистени — Чечерск к типу Абидня произошел сравнительно плавно. Верхнеднепровский вариант киевской культуры сформировался путем синтеза двух позднезарубинецких групп, восходящих к памятникам типа Чаплин и типа Грини [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 94; Терпиловский, 2004. С. 49—50]. А. М. Обломский главную роль в процессе формирования памятников типа Абидня отводит типу Грини [Обломский, 1993. С. 49].

Однако, как уже отмечалось выше, зарубинецкая культура в Верхнем Поднепровье датируется не позднее середины — третьей четверти I в. н.э., и, следовательно, между ней и памятниками типа Абидня существует хронологический разрыв минимум в одно столетие. На последнее обстоятельство уже обращалось внимание [Мядведзеў, 1999. С. 297]. Все попытки поднять дату комплексов Чаплина или удревить памятники типа Абидня до начала II в. н.э. успеха не принесли. С другой стороны, древности раннеримского времени, заполняющие лауну между зарубинецкой и киевской культурами в Верхнем Поднепровье, еще не изуче-

ны. Отсюда и различные интерпретации материалов периода римских влияний, полученных в ходе раскопок Н. Н. Дубицкой на поселении Симоновичи на р. Птичь (рис. 8) [Дубицкая, 1998. С. 5—17]. По Р. В. Терпиловскому, поселение Симоновичи занимает промежуточное положение между типами Кистени — Чечерск и Грини [Терпиловский, 2004. С. 32], тогда как А. М. Обломский относит эти же материалы к киевской культуре Верхнего Поднепровья [Обломский, 2005. С. 145. Рис. 6]. Промежуточное положение заняли Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев, датировав это поселение II — началом III в. и отнеся его к памятникам типа Грини [Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 130]. Представляется, что ближе к истине интерпретация Р. В. Терпиловского. Во-первых, керамический комплекс Симоновичей явно архаичнее материалов киевской культуры. Во-вторых, реконструируемые сосуды из Симоновичей, как по форме, так и по орнаментации, находят ближайšie аналогии именно на поселениях чечерской группы. Наиболее вероятной датой поселения Симоновичи следует считать интервал времени между финалом зарубинецкой культуры и возникновением типа Абидни, то есть конец I — вторая половина II в.

Существование позднезарубинецких памятников типа Грини в Белорусском Поднепровье вплоть до возникновения киевской культуры требует дополнительных обоснований. Появления поселений типа Симоновичи в бассейне Припяти может диагностировать продвижение потомков чечерской группы в западном направлении. Верхнеднепровские элементы явно присутствуют на памятниках раннеримского времени типа Курадава-I близ современного г. Пинск и в комплексах из Давид-Городка [Беявец, Вяргей, 2005. С. 87—106; Бяліцкая, 2008. С. 107—123], а также на территории польского Подляшья в бассейне верхней Нарвы (суражская группа) [Andrzejowski, 1999. S. 17—57; Krasnodębski, 2002. S. 215—224. Рис. I, II]. К сожалению, все эти поселения начали изучаться сравнительно недавно. Территориальный разброс их довольно велик, а материал фрагментарен.

Для нашей темы заслуживают внимание материалы, выявленные автором на поселении у современной д. Бердыж Чечерского района Гомельской области Республики Беларусь. Памятник расположен на мысообразном сниженном участке правобережной террасы р. Сож (высота над поймой до 4—5 м), размером около 30×90 м. Культурный слой почти не прослеживается, встречены лишь отдельные фрагменты лепной керамики и кремь. При зачистке стенок окопов времен Великой Отечественной войны обнаружено понижение культурного слоя, а также большое количество груболепной керамики. Здесь был заложен разведочный раскоп площадью 24 м². При зачистке материка выявлены контуры прямоугольной в плане постройки размерами 2,85×2,5 м, ориентированной по линии С—Ю. Северная часть объекта уничтожена окопом (рис. 9А).

Заполнение постройки однородное, состояло из темно-серой гумусированной супеси, включающей

мелкий уголь и золу. Следы очага или печи не выявлены, видимо, очаг находился в северной (разрушенной) части объекта. Глубина котлована постройки от уровня зачистки достигала 0,5—0,7 м. У южной стенки и в центральной части котлована зафиксированы следы двух столбовых ям той же глубины диаметром 0,15—0,20 м и той же глубины. Судя по отсутствию угловых столбовых ям, постройка имела срубную конструкцию. В ее заполнении встречены отдельные куски глиняной обмазки с отпечатками дерева.

При выборке заполнения найдено около 500 фрагментов лепной керамики. Основную ее часть составляли обломки стенок от груболепных сосудов без орнамента (301 экз.) и с расчесами (80 экз.). Выявлено 28 обломков днищ и 74 венчика, из которых 10 имели расчесы. Два груболепных горшка удалось полностью реконструировать (рис. 11: 1, 2). Кроме того, найдены 4 обломка дисков-сковородок (рис. 10: 5, 8), 11 фрагментов лощеной посуды (рис. 10: 1—4), фрагменты тиглей (рис. 9: 2, 3, 7), железный стержень (рис. 9: 1) и 3 низких биконических пряслица с широким отверстием (рис. 9: 4—6).

Груболепная керамика содержит в тесте примесь дресвы и шамота. Все груболепные сосуды округлобокие с максимальным расширением тулова в верхней части высоты. Венчики короткие, плавно отогнуты наружу. Часть сосудов орнаментирована насечками по краю венчика и гребенчатыми расчесами по тулову (рис. 10: 7, 11; 11: 3, 4, 7, 11—13). Один экземпляр имеет поверхность, близкую к хрупчатой (рис. 10: 12). Лощеная посуда представлена обломками ребристых мисок (рис. 10: 1—4). Качество лощения среднее, цвет варьирует от темно-серого до черного.

По форме и орнаментации посуда из бердыжской постройки имеет ближайшие аналогии в керамическом комплексе киевской культуры: в Абидне [Ильютин, Поболь, 2007. Рис. 2: 1—4, 3: 1—4, 4: 1, 2, 7: 1, 4], Верхнестриженском-3 и Мене-5 в Черниговском Подесенье [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 125. Рис. 30. С. 140. Рис. 37]. Обратим внимание, что если в Абидне и Мене-5 есть округлобокие сосуды, восходящие к типу I 3 б чечерской группы, то на поселениях Бердыж и Верхнестриженское-3 они отсутствуют. Этот факт

может свидетельствовать о смешении в раннеримский период зарубинецких традиций типа Горошков — Чаплин и чечерской группы. С другой стороны, это указывает на хронологические различия, так как удельный вес груболепных сосудов тюльпановидной формы со временем уменьшается. Абидня и Мене-5 датируются концом II — началом IV в., Верхнестриженское-3 — около III в. [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 125, 140, 175; Ильютин, Поболь, 2007. С. 23]. К этому же времени следует относить и материалы из Бердыжа. В этой связи вряд ли правомерно датировать II—III вв. полужемлянку с печью-каменной из селища Гудок, которое расположено всего в 15 км восточнее Бердыжа [Макушников, 2009. С. 15]. Здесь полностью отсутствует лепная керамика, украшенная гребенчатыми расчесами, столь характерная для верхнеднепровского варианта киевской культуры. Не известны до сих пор на позднезарубинецких и раннекиевских поселениях и полужемлянки с печами-каменками [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 31, 177—178. Рис. 50]. Более вероятной датой жилища из Гудка следует считать IV—V вв., когда традиция декорирования глиняной посуды расчесами в Верхнем Поднепровье стала исчезать. А. М. Обломский сопоставил Гудок с комплексами селища Проскурни-2 под Жлобином на Днестре [Обломский, 2005. С. 151, рис. 6]. На последнем самая ранняя постройка № 2 может быть датирована V в. [Дробушевский, 2006 б. С. 18—32].

Заключение

Итак, хронологическая лакуна между зарубинецкой и киевской культурами в Верхнем Поднепровье медленно, но уверенно заполняется. Между ними находятся позднезарубинецкие памятники типа Симоновичи, которые, с одной стороны, сохраняют традиции предшествующей чечерской группы, с другой — близки родственным поселениям типа Грини. Появление последних южнее устья Припяти явно указывает на смешение в конце I—II вв. н.э. носителей зарубинецких традиций типа Горошков — Чаплин и типа Кистени — Чечерск, потомки которых в раннеримский период и стали той основой, на которой в последующем формировалась киевская культура Верхнего Поднепровья.

Литература

- Алексеев Л. В. Городище Девичья Гора в г. Мстиславле // КСИА. Вып. 94. 1964. С. 73—79.
 Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г1-12. 1978.
 Беляев В., Вяргей В. Гарызонт перыяду рымскіх уплываў паселішча Курадава-I каля Пінска // ГАЗ. № 20. 2005. С. 87—106.
 Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. Сер. САИ. Вып. Д1-7. М., 1991.
 Древняя Русь. Город, замок, село. Сер. Археология СССР. М., 1985.
 Дробушевский А. И. Памятники Нижнего Посожья на рубеже н.э. // Археологія і старожытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў, 1994. С. 81—89.
 Дробушевский А. И. Погребальные памятники рубежа н.э. Нижнего Посожья // ГАЗ. № 9. 1996. С. 119—129.
 Дробушевский А. И. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Краеведческие записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея). Гомель, 2000. С. 49—77.
 Дробушевский А. И. Поселения Нижнего Посожья и смежных приднепровских районов в эпоху раннего железа // Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці. Гомель, 2004. С. 5—27.

- Дробушевский А. И. Хронология чечерской группы верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // ГАЗ. № 22. 2006. С. 66—74.
- Дробушевский А. И. Связи населения Нижнего Посожья и Подесенья в раннем железном веке // Деснинские древности. Вып. IV. Брянск, 2006а. С. 41—50.
- Дробушевский А. И. Охранные исследования на поселении у д. Проскурни (Проскурни-II) в Гомельском Поднепровье // МАБ. Вып. 12. 2006б. С. 18—32.
- Дробушевский А. И. О верхней дате юхновской культуры // Деснинские древности. Вып. V. Брянск, 2008. С. 96—104.
- Дробушевский А. И. Городища эпохи раннего железа Восточной Беларуси и Брянщины (типологическое соотношение) // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства — история и перспективы. Брянск, 2008а. С. 52—56.
- Дробушевский А. И., Лошенко М. И. Шепотовичское городище эпохи раннего железа // ГАЗ. № 6. 1995. С. 33—51.
- Дубицкая Н. Н. Керамическое производство Белорусского Поднепровья в VIII в. до н.э. — V в. н.э. // МАБ. № 4. 2002.
- Дубицкая Н. Н. Раннеславянское селище Симоновичи на р. Птичь // Старажытнасці Бабруйшчыны. Бабруйск, 1998. С. 5—17.
- Егорейченко А. А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке // СА. 1982. № 1. С. 54—61.
- Егорейченко А. А. Племена культуры штрихованной керамики и славянский мир (к вопросу об этнической принадлежности носителей культуры) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. К., 1988. С. 61—65.
- Егорейченко А. А. Культуры штрихованной керамики. Мн., 2006.
- Ерёменко В. Е., Журавлёв В. Г. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии Латена и римского времени. СПб., 1992. С. 55—79.
- Ерёменко В. Е., Щукин М. Б. Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего Латена // Проблемы хронологии Латена и римского времени. СПб., 1992. С. 80—115.
- Заверняев Ф. М. Почепское селище // МИА. № 160. 1969. С. 88—118.
- Ильютин А. В. Керамика городища Лабенщина // ГАЗ. № 6. 1995. С. 57—77.
- Ильютин А. В., Поболь Л. Д. Керамика Абидни // МАБ. Вып. 14. 2007; с. С. 18—36.
- Каравайко Д. В. Бассейн средней Десны на рубеже эр (Юхново-Почеп) // Археологічний літопис Лівобережної України. № 2. Полтава, 2006. С. 73—78.
- Каравайко Д. В. Поховання юхновської культури на Чернігівщині // Археологія. 2010. № 1. С. 68—77.
- Каспарова К. В. Зарубинецкий могильник Велемичи II // АСГЭ. № 14. 1972. С. 53—111.
- Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2. С. 57—79.
- Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур Латена // АСГЭ. № 25. 1984. С. 108—117.
- Каспарова К. В. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культура Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 5—25.
- Каспарова К. В. О хронологии и связях зарубинецкой культуры // Ziemia polskie we wczesniej erose zelaza i ich powiazania z innymi terenami. Przeszów, 1992. S. 289—302.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). К., 1989.
- Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. № 1. С. 31—51.
- Кухаренко Ю. В. Памятники раннего железного века на территории Полесья. Сер. САИ. Вып. Д1-29. М., 1961.
- Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура. Сер. САИ. Вып. Д1-19. М., 1964.
- Кухарская Е. Н. Сравнительный анализ домостроительства у племён милоградской и зарубинецкой культур // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. К., 1987. С. 92—93.
- Левенок В. П. Юхновская культура (её происхождение и развитие) // СА. 1963. № 3. С. 79—96.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III—V вв. н.э. Сер. РСМ. Вып. 8. 2007.
- Лошенко М. И. Материалы населения городищ бассейна Нижней Березины // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Мн., 1992. С. 70—73.
- Лошенко М. И. Культурная принадлежность городища Городец в Кричеве // ГАЗ. № 17. 2002. С. 23—34.
- Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. К., 1972.
- Максимов Е. В. Керамика зарубинецкой культуры // Археологія. № 39. 1981. С. 41—53.
- Максимов Е. А. Зарубинецкая культура на территории УССР. К., 1982.
- Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009.
- Мачинский Д. А. Миграция славян в I тыс. н. э. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 31—52.
- Медведев А. М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н.э. — V в. н.э.). Мн., 1996.
- Мельниковська О. М. Поселення і могильник зарубинецької культури в південній Білорусі // Археологія. Т. XVIII. 1965. С. 196—205.

- Мельниковская О. Н. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур Южной Белоруссии // СА. № 1. 1963. С. 32—42.
- Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
- Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии. Мн., 1978.
- Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С. 194—213.
- Мядзведзеў А. М. Кіеўская культура // Археалогія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і раньняе сярэднявечча. Мн., 1999. С. 290—298.
- Мяцельскі А. А. Старадаўні Крычаў: Гістарычна-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Мн., 2003.
- Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- Обломский А. М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника) // СА. 1985. № 1. С. 91—96.
- Обломский А. М. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. 1987. № 3. С. 68—83.
- Обломский А. М. Периодизация и характер развития зарубинецкого комплекса Чаплинского могильника. Сер. РСМ. М., 1990. С. 7—44.
- Обломский А. М. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н. э. Сер. Археология СССР. М., 1993. С. 40—52.
- Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в.). Сер. РСМ. Вып. 6. 2002.
- Обломский А. М. Новая концепция киевской культуры верхнего Поднепровья // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005. S. 137—156.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I—II вв. н.э. М., 1991.
- Пачкова С. П. Господарство східнослов'янських племін на рубежі нашої ери. К., 1974.
- Пачкова С. П. К методике классификации зарубинецкой керамики // Древние славяне и Киевская Русь. К., 1989. С. 34—45.
- Пачкова С. П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. К., 2006.
- Петренко В. Г. Культура племён Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н.э. // МИА. № 96. 1961. С. 53—102.
- Пилипцевич В. В. К вопросу о поздней дате зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С. 134—143.
- Пилипцевич В. В. К вопросу о датировке оружия из могильников зарубинецкой культуры // МАБ. № 9. 2005. С. 90—97.
- Поболь Л. Д. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье // Древности Белоруссии. Мн., 1966. С. 205—217.
- Поболь Л. Д. Поселения железного века около д. Щатково Бобруйского района // Древности Белоруссии. Мн., 1967.
- Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Мн., 1971.
- Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Мн., 1973.
- Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Мн., 1974.
- Поболь Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Мн., 1983.
- Пронин Г. Н. Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа // СА. 1979. № 1. С. 47—62.
- Пуздоровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Рассадин С. Е. Юхновская культура в белорусско-российском Посожье // МАБ. № 14. 2007. С. 37—53.
- Самойловский И. М. Корчеватовский могильник // МИА. № 70. 1959. С. 61—93.
- Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. Сер. Археология СССР. М., 1982.
- Скиба Л. Є. Пирогівський могильник зарубинецької культури. К., 2001.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. Сер. Археология СССР. М., 1993.
- Смиронова Г. И. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине // СА. 1981. № 3. С. 193—207.
- Сымонович Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине // МИА. № 108. М., 1963. С. 97—137.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. (По материалам Восточного могильника Неаполя скифского). К., 1983.
- Терпиловский Р. В. К сложению памятников киевского типа // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. К., 1981. С. 94—95.
- Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. К., 1984.
- Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников). К., 1992.
- Третьяков П. Н. Чаплинское городище // МИА. № 70. 1959. С. 119—153.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
- Хавлюк П. И. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. № 4. 1971. С. 84—96.
- Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. I. Днепровские племена (VII в. до н.э. — III в. н.э.). М., 1992.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Andrzejowski J. Hryniewicze Wielkie — cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // COMHLAN. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego I rzymskiego w Europie Środkowej. Warszawa, 1999. S. 17—57.

- Dąbrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia—zasięg—powiązania. Warszawa, 1988.
- Dąbrowska T. Młodszy okres przedrzymski na Mazowszu i zachodnim Podlasiu. Zarys kulturowo-chronologiczny // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. VII. Warszawa, 2008.
- Kostrzewski J. Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit. Cep. Mannus—Bibliotek. Bd. 18, Teil 1. Leipzig und Würzburg, 1919.
- Krasnodębski D., Olczak H. Osada z ceramika sztrychowaną z późnego okresu lateńskiego i wczesnego okresu wpływów rzymskich z miejscowości Suraż, st. 37 // Badania archeologiczne w Polsce północno-wschodniej i na zachodniej Białorusi w latach 2000—2001. Białystok, 2002. S. 215—224.
- Liana T. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // Wiadomości archeologiczne. T. XXXV, z. 4. Warszawa, 1970. S. 429—491.
- Łuczkiewicz P. Uzbrojenie ludności ziem Polski w młodszym okresie przedrzymskim // Archaeologia militaria. T. II. Lublin, 2006.
- Rassadin S. Zur Frage der römischen Importe in Weißrußland // Germania. 78. 2000. S. 395—416.
- Tempelmann-Maczyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Cep. Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 43. Mainz am Rhein, 1985.

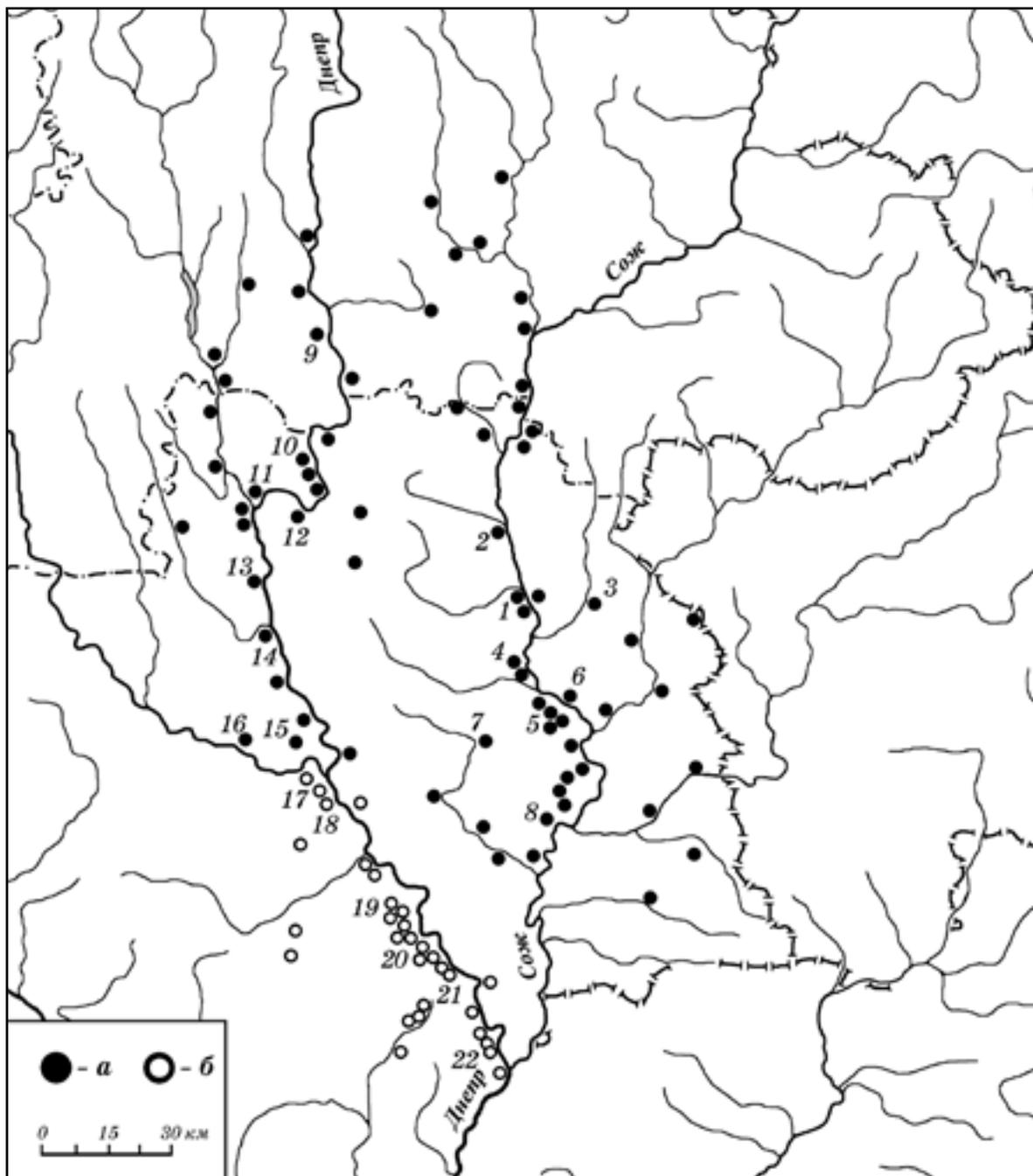

Рис. 1. Карта распространения памятников северо-востока зарубинецкой культуры.

а — чечерской группы; б — типа Горошков — Чаплин.

1 — Чечерск; 2 — Ворновка; 3 — Нисимковичи; 4 — Шепотовичи; 5 — Юрковичи; 6 — Стрелица; 7 — Уваровичи; 8 — Гомель; 9 — Яново; 10 — Кистени; 11 — Рогачёв; 12 — Зборов; 13 — Красная Горка; 14 — Проскурни; 15 — Городок; 16 — Отрубы; 17 — Милоград; 18 — Глыбов; 19 — Горошков; 20 — Колочин-I; 21 — Чаплин; 22 — Мохов-II

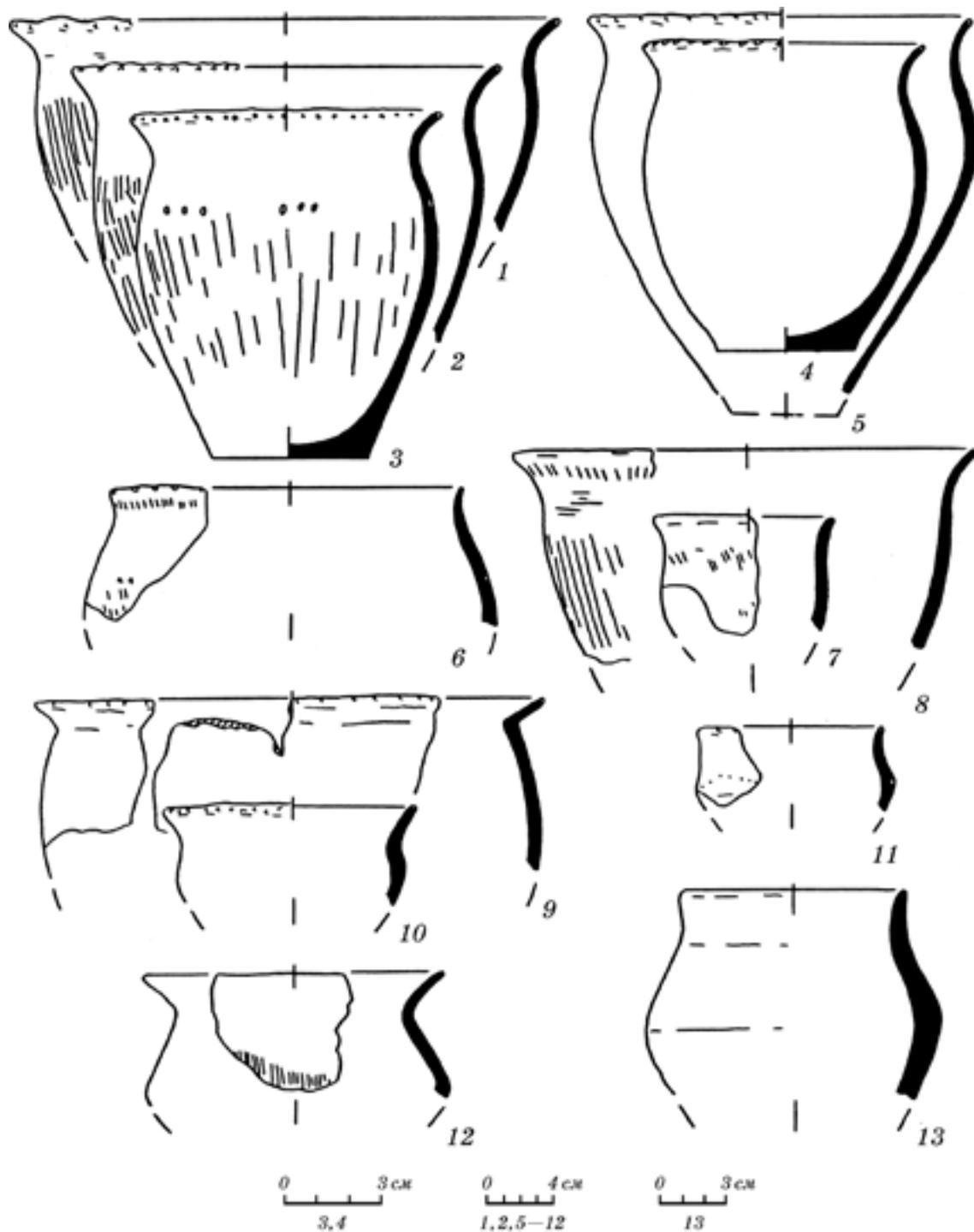

Рис. 2. Основные формы нелощёных горшков чечерской группы.
 1, 2, 5-7, 9-11, 13 — Уваровичи; 3 — Юрковичи, погр. 11; 4 — Юрковичи, погр. 14; 8 — Шепотовичи;
 12 — Стрелица

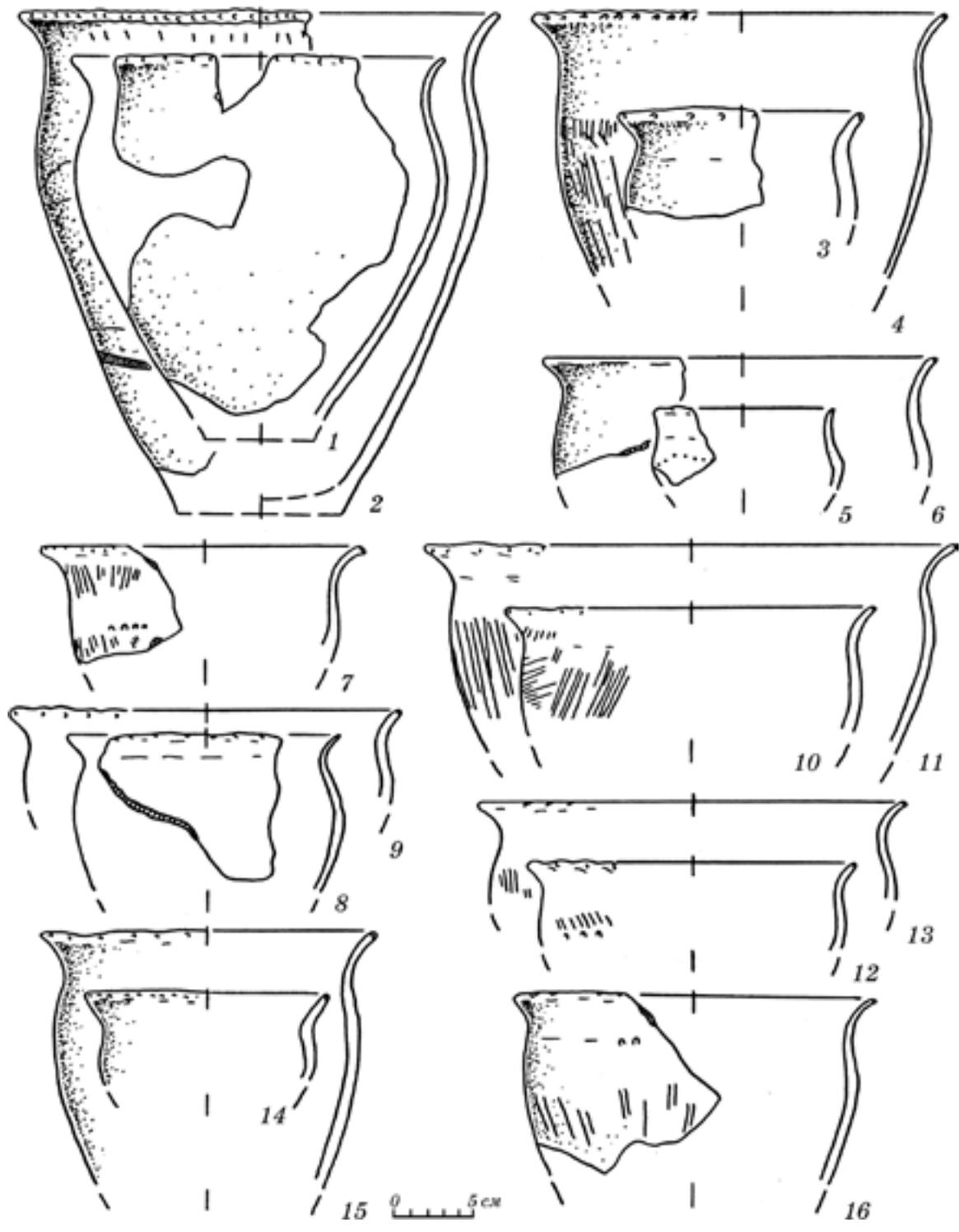

Рис. 3. Груболепная керамика рубежа эр с Уваровичского городища. Раскопки автора

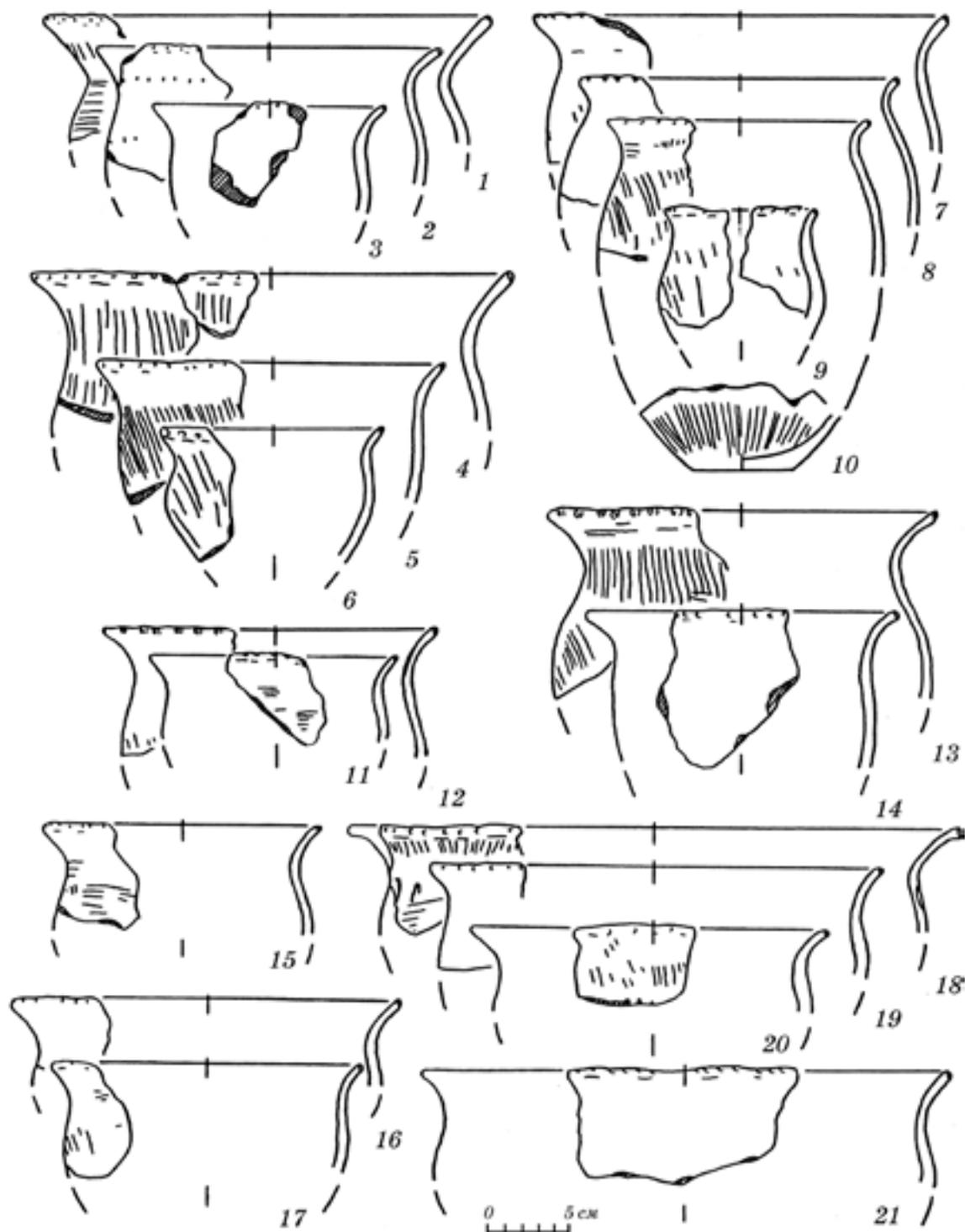

Рис. 4. Груболопная керамика рубежа эр с Чечерского городища.
Раскопки 1981 г. В. В. Богомольникова и И. М. Чернявского

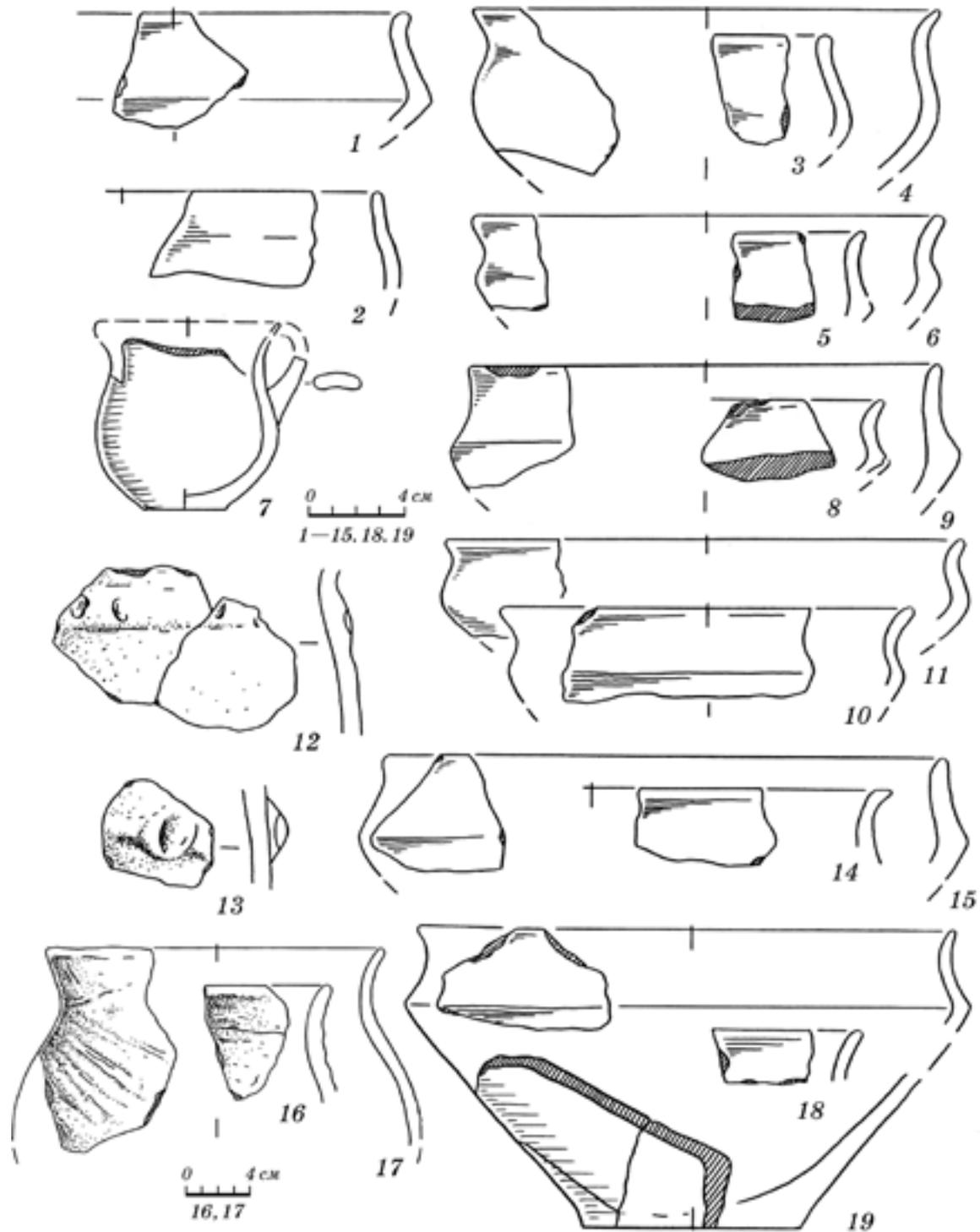

Рис. 5. Керамика с Уваровичского городища.
 1–11, 14, 15, 18, 19 — лощёная; 12 — груболепная; 13, 16, 17 — храповатая.
 Раскопки автора

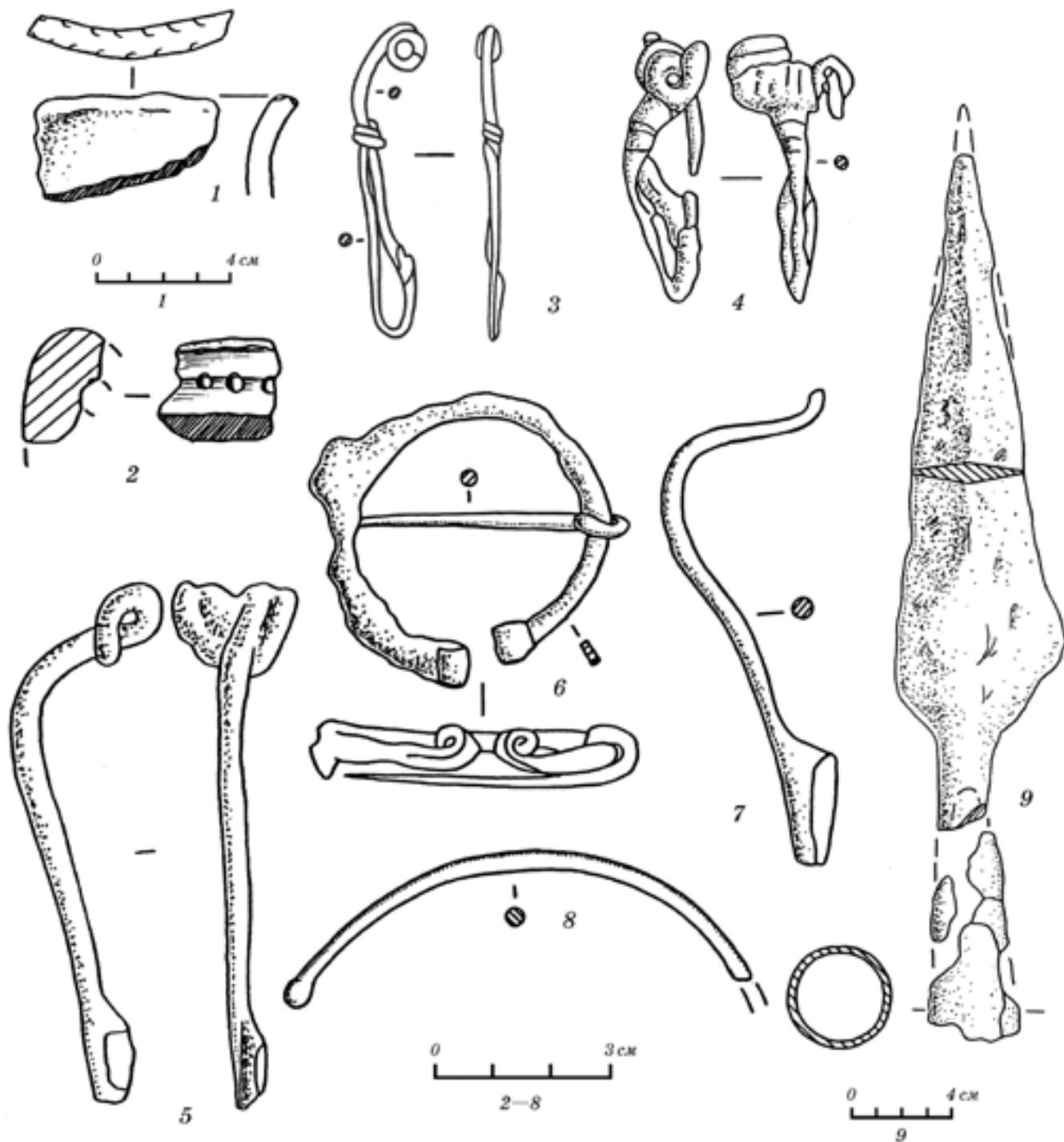

Рис. 6. Бытовые предметы, украшения и оружие.

1, 2, 6 — с городища Уваровичи; 3, 7, 8 — с городища Шепотовичи; 5 — с городища Щатково; 4, 9 — с Юрковичского могильника.

1-2 — глина; 3, 8 — цветные металлы; — железо

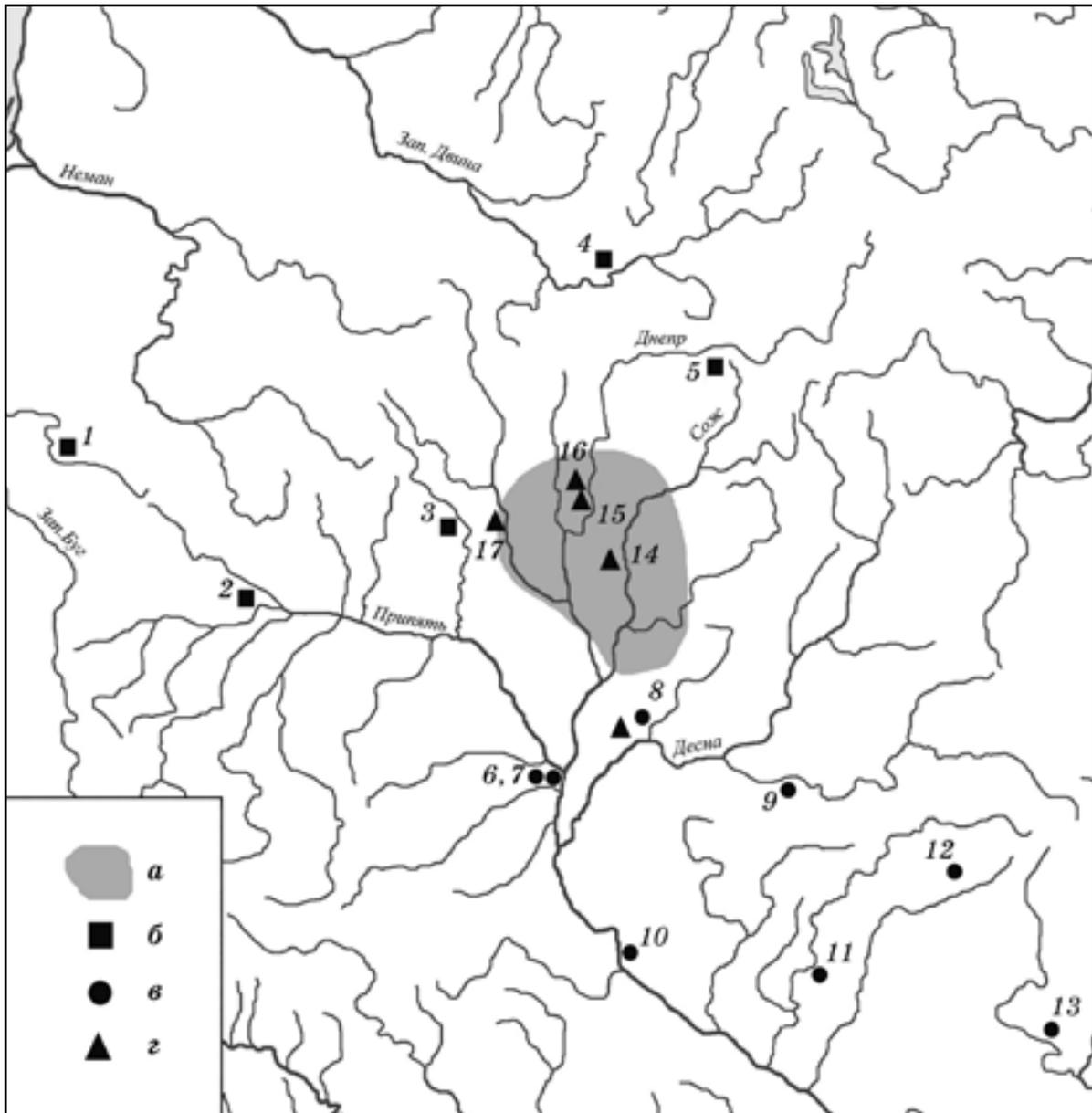

Рис. 7. Ареал чечерской группы и памятники периода римских влияний.
 а — ареал чечерской группы;
 б — памятники периода римских влияний с элементами чечерской группы (1 — Сураж; 2 — Курадово-1; 3 — Симоновичи; 4 — Витебск; 5 — Церковище);
 в — позднезарубинецкие памятники типа Грини (6, 7 — Грини-1 и 2; 8 — Змеевка; 9 — Октябрьское-2; 10 — Решетки; 11 — Вовки; 12 — Рябовка-3; 13 — Раковка-2);
 г — памятники верхнеднепровского варианта киевской культуры (14 — Бердыж; 15 — Абидня; 16 — Таймано-во; 17 — Дедново; 18 — Верхнестриженское-3)

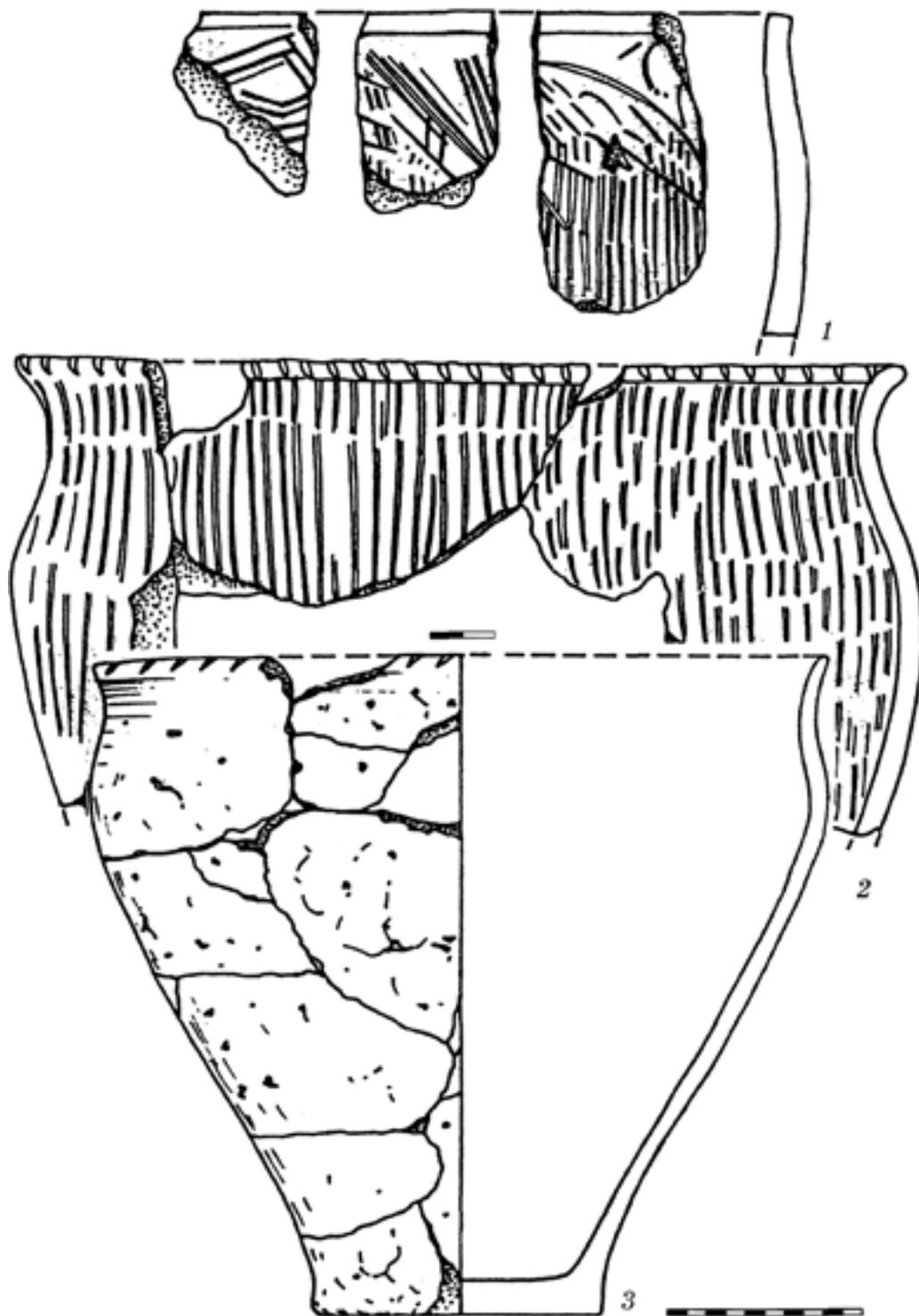

Рис. 8. Груболепная керамика поселения Симоновичи.
По: Н. Н. Дубицкой

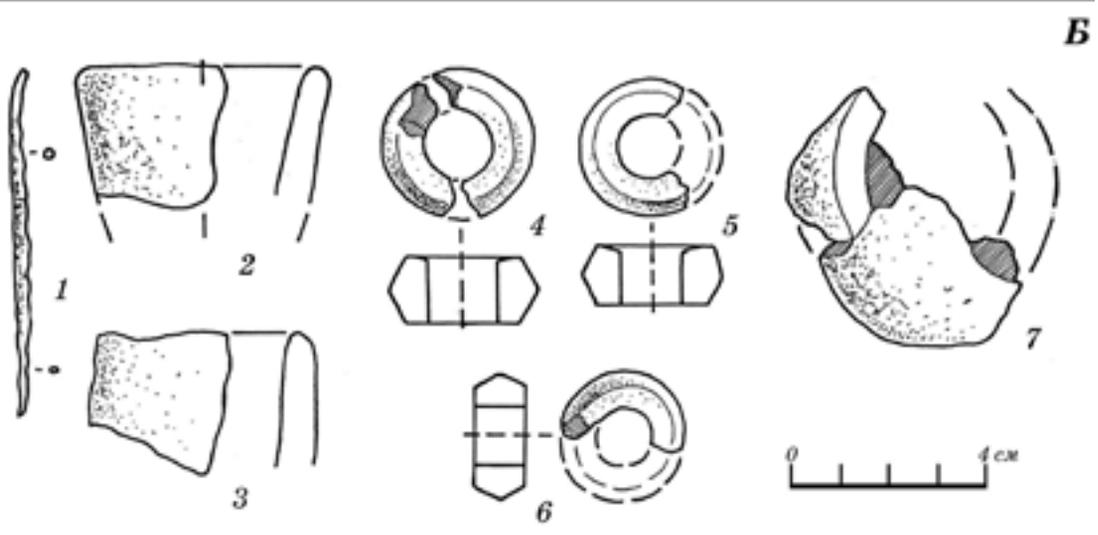
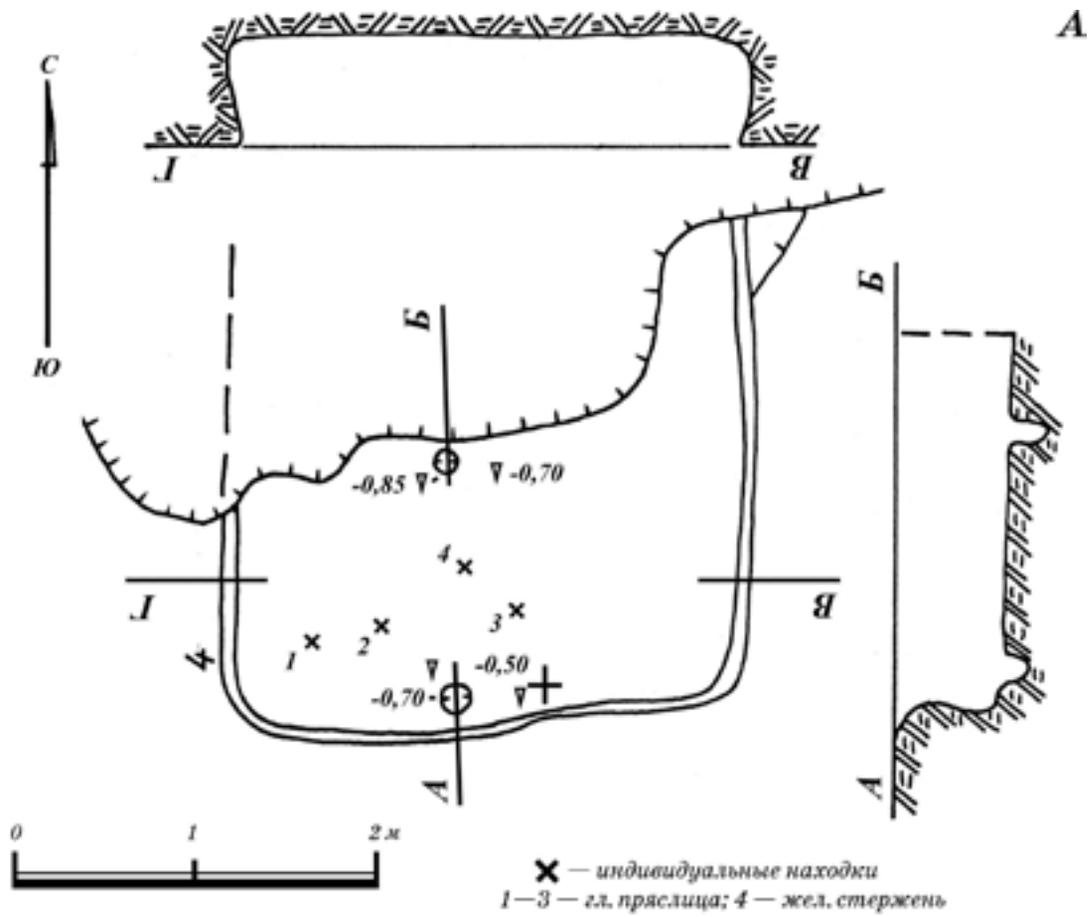

Рис. 9. Поселение Бердыж.
 А — план постройки;
 Б — находки из ее заполнения, 1 — железо; 2-7 — глина.
 Раскопки автора

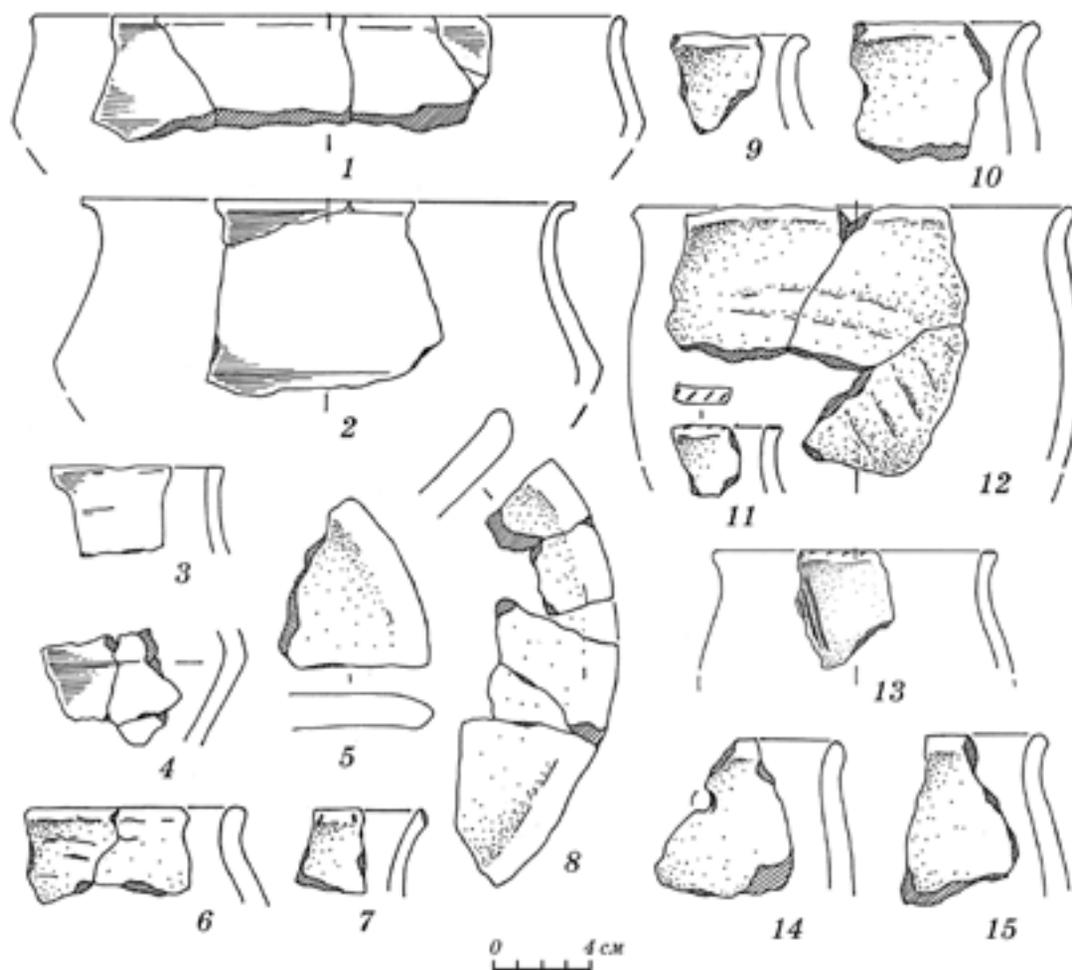

Рис. 10. Лепная керамика из заполнения постройки на поселении Бержук.
 1–4 — лощеная; 5–11, 13–15 — груболепная; 12 — со следами хрупкости.
 Раскопки автора

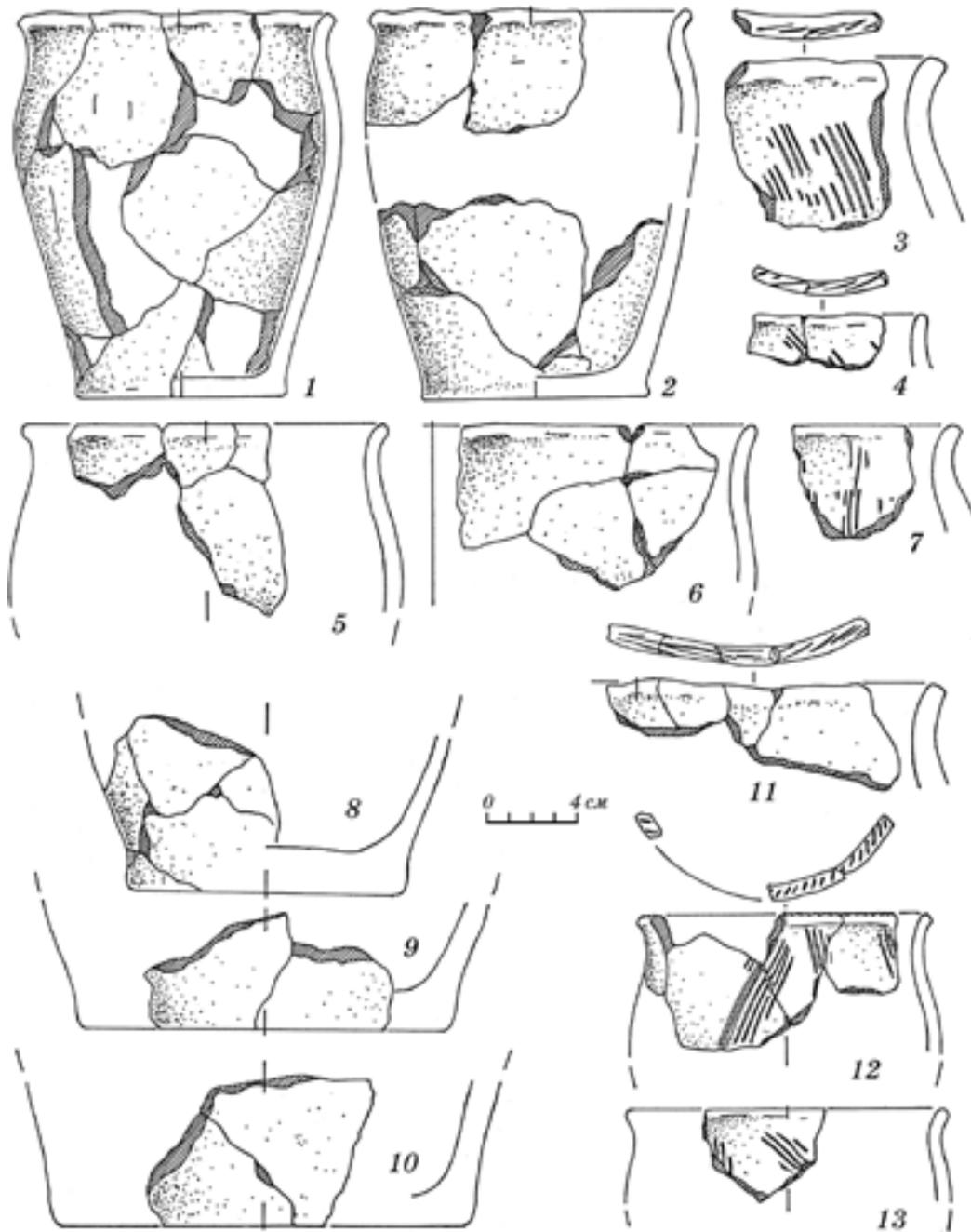

Рис. 11. Груболепная керамика из заполнения постройки на поселении Бержыж. Раскопки автора

ЧЕРНЯХОВСКИЙ МОГИЛЬНИК РУЖИЧАНКА¹

Могильник у села Ружичанка Каменец-Подольского района Хмельницкой области, исследованный Й. С. Винокуром при участии О. М. Приходнюка в 1964—1965 гг. и изданный в 1979 г. [Винокур, 1967; 1972; 1979], сразу же стал одним из основных источников при решении проблем происхождения и изучения раннего этапа черняховской культуры.

Автор раскопок предложил датировать памятник концом II — началом V в. и выделил комплексы погребений II—IV, III—IV, IV и начала V в. [Винокур, 1979. Рис. 25]. Датировки основывались, прежде всего, на авторских определениях фибул со ссылками на варианты по классификации А. К. Амброза [1966], а также на фактах находок античных бус и других предметов.

Изучение ружичанских материалов М. Б. Щукиным привело исследователя к выводу, что памятник содержит находки, диагностирующие фазу С1 по системе Х. Ю. Эггерса — К. Годловского [Щукин, 1976; 1979]. Важным открытием стало определение римской чернильницы, аналогичной находкам из Интерцизы [Szczyk, 1981. S. 154]; были намечены узкие по сравнению с авторскими датировки ряда комплексов, констатировалась связь между вельбарскими и раннечерняховскими древностями.

Материалы памятника привлекались при изучении отдельных категорий находок и периодизации черняховской культуры [Гороховский, 1981; 1987; 1988; 1988а; Nowakowski, 1988; Kokowski, 1991; 1997; 2003; Бажан, Гей, 1992; Гей, Бажан, 1997. С. 41—49. Табл. 66—70; Шаров, 1992. С. 193. Табл. VII, IX, X; Бобровская, 1999; Гопкало, 2008. С. 190].

Однако, поскольку материалы Ружичанки обнаруживали разительное отличие от рисунков публикации, делались попытки переиздания отдельных предметов и комплексов могильника [Гороховский,

1988. Рис. 5—9, 11, 13, 15, 27, 33, 35, 38, 39, 45, 47; Бобровская, 1999. Рис. 9: 2; 10: 2; 12: 1, 4]. Следует отметить особый вклад в изучение памятника, сделанный А. Коковским. Ему принадлежат републикации пп.² 8, 11, 23, 25, 28, 29, он первым выявил фрагмент кольчуги из п. 29 и определил железный предмет из п. 11, как ручку щита [Schätze der Ostgoten 1995. S. 198—201. Abb. 120—122; Kokowski, 1997, S. 41. Abb. 23; 2007. Rys. 90, 91, 93, 96; Stasiak, 1997. P. 227. Fig. 4].

Несмотря на столь частое обращение к материалам памятника, удовлетворительной его публикации нет до сих пор, невыясненными остаются особенности половозрастного состава, этнокультурная специфика, социальная структура; дискуссионными — периодизация, в том числе керамики, что и вынуждает ещё раз вернуться к указанным вопросам.

Источники. Верификация источников

Источниками данной работы послужили: отчёты об археологических исследованиях [Винокур, Хотюн, Приходнюк, 1964; Винокур, Хотюн, Пламеницкая, Приходнюк, 1965], которые хранятся в научном архиве Института археологии НАНУ, краткое сообщение о раскопках 1964—1965 гг. [Винокур, 1967], публикации материалов Ружичанки [Винокур, 1972. С. 123—133; 1979], фотографии, снятые Э. А. Сымоновичем в 1968 г.³, эскизы, обмеры фибул и гребней, сделанные Е. Л. Гороховским в 1981 г., рисунки бус и подвесок — мною в 1988 г., фибул — П. Л. Корниенко в 1990-х гг., рисунки вещей из отдельных комплексов, опубликованные А. Коковским [Kokowski, 1991. Rys. 1; 1997. Abb. 23; 2003. Rys. 3; 2007. Rys. 90, 91, 93, 96; Schätze der Ostgoten, 1995. S. 198—201. Abb. 120—122; Stasiak, 1997. P. 227. Fig. 4] и, наконец, рисунки посуды из

¹ Работа не была бы завершена без деятельного участия учеников Й. С. Винокура — Б. С. Строцня и В. Ф. Мегея, а также без помощи и содействия ректора Каменец-Подольского национального университета им. И. Огиенко О. П. Завальнюка и декана исторического факультета С. А. Копылова, сотрудников Каменец-Подольского государственного музея-заповедника в лице его директора Л. П. Станиславской, зав. науч. фондами Л. С. Кравчук и зав. экспозицией П. А. Болтанюка, сотрудников Хмельницкого областного краеведческого музея в лице его директора О. М. Брыцкой, зав. науч. фондами М. А. Горанской и науч. сотрудника С. Ю. Демидко.

² Для краткости «п» обозначает «погребение», «пп» — «погребения».

³ Эти фотографии послужили основой для воссоздания форм керамических сосудов при подготовке доклада Е. Л. Гороховского на II Тихановских чтениях (СПб, 1992). В данной работе они использовались главным образом для проверки других источников. Сердечно благодарю Е. Л. Гороховского за материалы, любезно представленные в мое распоряжение.

погребений и некоторых вещей (бронзовой чернильницы, ручки щита, стеклянного кубка, фибул из пп. 1, 24, 29, 30 и пряжки из п.1), сделанные мною в ноябре 2010 г.

Среди перечисленных первоисточников существуют явные несоответствия (см. таблицу в приложении). С их учётом восстановлен наиболее полный и достоверный состав находок из погребений Ружичанки (см. приложение, описание погребений).

Хранение материалов

Материалы могильника Ружичанка хранятся в Хмельницком областном краеведческом музее (комплексы пп. 1 и 2, беспаспортные находки) [Демидко, в печати], Каменец-Подольском национальном университете им. И. Огиенко (пп. 25, 29, 30) и Каменец-Подольском государственном музее-заповеднике (остальное).

Состав, типологическое определение находок, аналогии

Материалы Ружичанского могильника представлены римскими изделиями (бронзовой чернильницей, железными ключами, стеклянным кубком, бронзовым колокольчиком, фрагментами бронзовой цепи), предметами вооружения (ручкой щита, обрывками кольчуги), предметами убора (ручкой щита, фибулами, пряжками, гребнями, бусами, подвесками), гончарной и лепной посудой, предметами, связанными с домашним производством (глиняными пряслицами, клюковидными булавами, иглами), медицинским или парикмахерским инструментарием (пинцетом).

Римские изделия

Римские изделия найдены в трёх погребениях могильника. Из п. 25 происходит бронзовая чернильница, из п. 11 — железные ключи и стеклянная фиала, из п. 19 — бронзовые колокольчик и обрывки цепи. Все они уникальны для памятника.

Бронзовая чернильница (рис. 1: 1). Заслуга ее определения принадлежит М. Б. Щукину [Szczukin, 1981. S. 154]. Он нашёл ей соответствие среди материалов Интерцизы кон. II — нач. III в. [Radnoti, 1957. S. 211, 219, 220, 591. Tabl. XLIII]. Специальную работу этой категории римских изделий посвятил А. Коковский [Kokowski, 2003]. По предложенной автором классификации ружичанская чернильница относится к III группе, находки которой концентрируются в Паннонии [Kokowski, 2003. Rys. 3]. Уточняется и дата ружичанской находки, которая определяется в пределах первой половины III в. или рубежа периодов C1b и C2. Распространение подобных предметов в Барбарикуме объясняется восстановлением после Маркоманских войн «Янтарного пути» либо трофеями, полученными готами во время событий, происходивших на Дунае около 238 г. Чернильница, по мнению А. Коковского, не могла использоваться у готов по

прямому назначению и, скорее всего, была положена в детскую могилу как игрушка.

Железные ключи (рис. 1: 11—13) относятся к типу E по А. Коковскому, их даты определяются в рамках от периода B2 до C3 [Kokowski, 1997. S. 41].

Стеклянные сосуды представлены⁴ фрагментом полусферической фиалы из бесцветного прозрачного стекла с выпуклым декором, полученным оттягиванием стекла щипцами (рис. 1: 5). Венчик сосуда вертикальный, стенки утолщаются книзу. Диаметр венчика — 8,0 ?, высота сохранившейся части — 4,5 см.

Поскольку сохранился только фрагмент верхней части сосуда, о форме его дна можно судить только на основе аналогий. Наибольшее сходство по форме демонстрируют полусферические кубки типа 212 по Х. Ю. Эггерсу (E-212). Один из таких сосудов происходит из Лилле Верлёсе в Зеландии [Lund Hansen, 1995. S. 427. Taf. 43; 8300]. Подобный — найден в Бригецио и датируется последней третью III в. [Barkóczy, 1988. S. 63. Taf. III: 35].

Более отдалённые аналогии составляют чаши: 1) с выпуклым декором, изготовленным оттягиванием стекла щипцами либо наложением стеклянной нити, отнесённые к периодам C1a, C1b и немного более позднему времени [Stawiarska, 1999. S. 122, 263]; 2) с шлифованным декором, выполненным вхолдную: E-216, E-213 и E-205 [Stawiarska, 1999. S. 125—130, 131, 137, 138, 265—267, 279. Rys. 6, тара 3; Дзиговский, Островерхов, 2000. С. 133—135. Рис. 44: 1] периодов C1b и C2. Среди стеклянных изделий черняховской культуры ружичанскую фиалу напоминает по форме и размерам кубок E-216 из п. 96 Чернелива-Русского [Герета, 1989. Рис. 5: 96: ж], по оформлению краёв венчика — чаша из п. 105 Романковцев [Никитина, 1996. С. 97. Рис. 8].

Бронзовые колокольчики, украшенные концентрическими окружностями (рис. 1: 2) найдены также в Паннонии (Интерциза [Nowakowski, 1988]) и Дакии (Сармизегетуза [Alicu, Cocis, Ilies, Soroseanu, 1994. Pl. 36]), у сарматов на территории Венгрии (Хортобадь [Nowakowski, 1988]) и Юго-Западного Баната (Вршац, Панчево [Накит сармата у Банату... 1975. С. 27, Ђорђевић, 1994. С. 41—61. Т. VIII: 2]), в Крыму (Чёрная Речка п. 35), в пшеворской культуре (Радзынь [Nowakowski, 1988]).

Бронзовые цепи с попарно перпендикулярными звеньями (рис. 1: 3, 4) встречаются на поздне-сарматских памятниках с территории Венгрии и Сербии (Мезётур, Аду-Комлоши-веле (Гомбош-Богоево), Лешки-Хюгель [Parducz, 1950. Tabl. CV: 10—16; Vaday, 1989. S. 47, 258. Taf. 2, 2]), Румынии (Тыргшор п. 74 [Diaconu, 1965. Pl. LXXXIII: 2a]), в культуре Милитарь — Килия (Букурешть—Милитарь [Bichir, 1984. Pl. LI, 8, 9]), погребениях масломенчской группы вельбарской культуры (Грудек Надбужный п. 56 [Kokowski, 1993. Rys. 43: с]), на черняховских могильниках, известных на землях Подолии

⁴ Обломки тонкого кубка упоминаются также в описании п. 4 в отчёте 1965 г. Однако ни из последующих публикаций памятника, ни по результатам позднейшего изучения материалов об этом сосуде ничего не известно, что допускает возможность ошибки в первоисточнике.

(Чернелив-Русский, Ружичанка, Петрикивцы)⁵. Этот перечень не претендует на полноту, но даёт представление об ареале находок в Барбарикуме.

Бронзовые цепи в римских провинциях и в Барбарикуме использовались для ношения бронзовых чернильниц (Новиодун [Kokowski, 2003. Rys. 2: IA]), медальонов, что иллюстрируется, например, венгерской находкой (Мезётур [Vaday, 1989. S. 47, 258. Taf. 2, 2]), подвесок-колокольчиков и листовидных привесок (Сармизегетуза [Alicu, Cosis, Iles, Soroceanu, 1994. Pl. 36]).

Поскольку в ружичанском погребении обрывок бронзовой цепи найден вместе с бронзовым колокольчиком, то, скорее всего, он происходит от нагрудного украшения, подобного найденному в столице римской Дакии.

Предметы вооружения

Предметы вооружения представлены ручкой щита (ил. 10: 3) и фрагментами железной кольчуги (рис. 1: 6—10).

Железная ручка щита из п. 11 относится к модификации Ян-9, бытовавшей в позднеримском периоде [Kokowski, 1997. S. 41].

Фрагмент железной кольчуги из п. 29 представляет распространённую в среде европейских варваров традицию использовать обрывки доспехов в качестве украшений — браслетов или амулетов [Czarnecka, 1994; Тилищак, 2010]. Поскольку о производстве кольчуг в варварской среде не известно, очевидно, что находки в Барбарикуме — это фрагменты римских доспехов, добытые варварами как военные трофеи. Появление фрагментов кольчуг в погребальном инвентаре центральноевропейских варваров связывается преимущественно со второй половиной II—III в. Большинство находок римских кольчуг из памятников Германии относится к периодам B2 и C1 [Laser, Voß, 1994. S. 54, 114; Voß, 1998. S. 53, 59, 60, 61, 75, 132. Taf. 51, 62; Erdrich, 2002. S. 109, 138, 215; Erdrich, Carnap-Bornheim, 2004. S. 59, 80, 95, 96, 112, 126. Taf. 34: 5, 37; Becker, Bemann, Laser, Leineweber, Schmidt, Schmidt-Thielbeer, Wetzel, 2006. S. 85, 95, 97, 242, 261, 262; Hirst, Lehmpful, Kuhlmann, Saalow, Schanz, Schmidt, Schuster, Sudhoff, Virk, Voß, 2007. S. 83, 95].

К этому же периоду относится и большинство пшеворских погребений Польши с небольшими фрагментами кольчуг [Kaczanowski, 1992. S. 59], что объясняется участием вандалов в Маркоманнских войнах [Kontny, 2004. S. 155].

В погребениях черняховской культуры известно всего несколько находок мелких фрагментов кольчуг. Две из них происходят из пп. 73 и 243 могильника Чернелив-Русский в Западной Подолии [Тилищак, 2010]; ещё две — из Среднего Поднепровья (п. 12 Каневского могильника [Петраускас, 1998. С. 192.

Рис. 11: 11] и п. 26 могильника Дедов Шпиль [Терпиловський, Петраускас, 2005. С. 60, 61]), три — с территории Румынии (п. 426 Бырлад-Валя Сякэ [Palade, 2004. S. 135, 613. Fig. 248] и пп. 65, 74 могильника Могошань [Diaconu, 1970. P. 29. Fig. 15: 12]).

Причём известно, что популярный в варварской среде обычай использования кольчужных звеньев для украшений бытовал довольно долго. Так, П. Качановский приводит пример погребений фазы D из Словакии и Моравии, в которых встречаются небольшие фрагменты кольчуг [Kaczanowski, 1992. S. 60]. Не ранее середины IV в. датируются находки из черняховских могильников Дедов Шпиль и Могошань [Гопкало, Тылищак, 2010. С. 86, 87].

Предметы убора и гигиены

Фибулы (рис. 2). Коллекция ружичанских фибул насчитывает 19 экземпляров, представленных следующими модификациями.

Двучленная прогнутая подвязная, сочетающая признаки фибул с жаловидной ножкой серии III подгруппы 4 группы 16 по А. К. Амброзу и кнопку на головке [Амброз, 1966. С. 69]; серии Б подгруппы XI/4 прогнутых подвязных фибул по Е. Л. Гороховскому, середины III — начала IV в. [Гороховский, 1988а. С. 232]. Бронзовая (рис. 2: 1), найдена в п. 1 (1 экз.).

A-VI. 167⁶ (?); «волынского» варианта двучленных фибул редких форм с узкими ножками по Е. Л. Гороховскому, второй половины III—IV в. [Гороховский, 1988а. С. 230]; типа Грудек-149 по А. Коковскому [Kokowski, 1995. S. 13. Rys. 2: b]. Бронзовая (рис. 2: 2), найдена в п. 4 (1 экз.). Уникальна в черняховском ареале; характерна для вельбарской культуры.

A-VII; группы 18 по А. К. Амброзу [Амброз, 1966. С. 73. Табл. 12]; «неслуховской» и «городницкой» серий по Е. Л. Гороховскому и О. В. Гопкало, датируемых серединой — второй половиной III в. [Гороховский, 1988а. С. 213; Гороховский, Гопкало, 2004. С. 115—119, 121—124. Рис. 2, 3, 5]. Найдено по 1 бронзовому образцу: «неслуховской» серии в п. 13 (рис. 2: 3) и «городницкой» — в п. 24 (рис. 2: 4). Ближайшие аналогии первой из них происходят из материалов поселения Лука-Врублевецкая, второй — из эпонимного погребения (Городница), поселений Черепин, Незвиська (Незвиско), могильников Псары, Чернелив-Русский, Токи, Петрикивцы. Круг аналогий, а главное, происхождение фибул «неслуховской» серии связывается с культурами Нижнего и Среднего Дуная. Изделия, морфологически близкие «городницкой» серии, встречаются на юго-западной и западной периферии черняховской культуры (в культуре карпатских курганов, на территории Словакии, Юго-Восточной Румынии, в масломенчской культуре и других памятниках на землях Южной Польши) [Гороховский, Гопкало, 2004. С. 121—124].

⁵ Материалы могильников Чернелив-Русский и Петрикивцы полностью не опубликованы. О находках фрагментов бронзовых цепей стало известно от авторов раскопок и их правопреемников. Благодарю В. С. Тылищак, Б. В. Магомедова и М. Е. Леваду за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами. Отсутствовала информация о подобной находке и в публикации И. С. Винокура. Это упущение исправлено благодаря фотографиям Э. А. Сымоновича (детальнее см. описание п. 19 в приложении).

⁶ Т. е. группы VI, типа 167 по типологии О. Альмгрена.

А-VI.161; прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 1 по А. К. Амброзу, или варианта А1 по Е. Л. Гороховскому, второй трети III в. [Гороховский, 1988а. С. 220]. Найдены в пп. 8 (1 экз.), 50 (1 экз.), 57 (2 экз.). Бронзовые (рис. 2: 5—7).

Прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 2 по А. К. Амброзу или варианта А3 по Е. Л. Гороховскому, середины или второй половины III—IV в. [Гороховский, 1988а. С. 222]. Бронзовая, найдена в п. 8 (1 экз.; рис. 2: 8).

А-VI.162, прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 3 по А. К. Амброзу или Б1 по Е. Л. Гороховскому, последней трети III — начала V в. [Гороховский, 1988а. С. 224]. Маленькая серебряная (рис. 2: 9) найдена в п. 55 (1 экз.), средних размеров бронзовые — в пп. 29 (2 экз.; рис. 2: 10), 30 (2 экз.; рис. 2: 11), 55 (2 экз.; рис. 2: 12), крупные бронзовые — в п. 19 (2 экз.; рис. 2: 13).

Прогнутые подвязные варианты Б2 по Е. Л. Гороховскому, IV — начала V в. [Гороховский, 1988а. С. 225]. Бронзовая, найдена в п. 44 (1 экз.; рис. 2: 14.).

Пряжки (рис. 3). Найденные на могильнике четыре бронзовые пряжки представлены следующими разновидностями.

Двучастная, типа «омега» с прямоугольной рамкой [Madyda, 1977. S. 372], середины III — начала IV в. [Гороховский, 1988а. С. 314, 315] из п. 57 (рис. 3: 1).

Двучастная, типа «омега» [Madyda, 1977. S. 372] или группы Е типа 2 [Madyda-Legutko, 1987. Taf. 10], имеющая язычок «с крылышками», середины III — начала IV в. [Гороховский, 1988а. С. 314, 315] из п. 1 (рис. 3: 2).

Двучастная, с рамкой в форме буквы «D» [Madyda, 1977. S. 370—372], не ранее конца III — начала IV в. [Гороховский, 1988а. С. 315] из п. 44 (рис. 3: 3).

Одночастная, с полукруглой рамкой [Madyda, 1977. S. 367] или серии Б («компанийцевской») по Е. Л. Гороховскому, IV в. [Гороховский, 1988а. С. 298] из п. 8 (рис. 3: 4).

Гребни (рис. 4). Среди материалов могильника найдено 7, а в публикации указывается 8 находок роговых гребней. По конструкции они делятся на одночастные (п. 8) и многочастные (остальные).

Согласно предложенной классификации [Шишкин, 1999], многочастные, класса I, представлены следующими вариантами: 1А — из п. 4 (рис. 4: 1); 6А—В — из п. 19 (рис. 4: 2); 6В — из пп. 17, 24 (рис. 4: 3, 4); 14А — из п. 44 (рис. 4: 5); 2В — из п. 29 (рис. 4: 6). Одночастный гребень из п. 8 относится к варианту 14С (рис. 4: 7).

Бусы и подвески (рис. 5). Среди материалов могильника обнаружено 99 бус и подвесок, в том числе из одноцветного стекла — 55, полихромного стекла — 2, египетского фаянса — 3, янтаря — 17,

коралла — 2, сердолика — 6, раковин моллюсков — 3, роговая — 1 и 1 — из клыка кабана. Аналогии и датировки перечисленным украшениям приведены в специальной работе [Гопкало, 2008].

Согласно разработанной классификации, **бусы** представлены следующими модификациями: *стеклянные одноцветные* типа II/1 в п. 9 (2 экз.; рис. 5: 1), типа II/18 в п. 44 (1 экз.; рис. 5: 2), типа VIII/3 (или VIII/2) в п. 55 (1 экз.; рис. 5: 3), типа XII/2 в пп. 4 (3 экз.), 55 (1 экз.), 28 (1 экз.) (рис. 5: 4), типа XV/2 в п. 19 (1 экз.; рис. 5: 5), типа XV/3 в п. 19 (1 экз.; рис. 5: 6), типа XVI/2 в пп. 19 (16 экз.), 25 (3 экз.) (рис. 5: 7), типа XVI/4 в п. 25 (5 экз.; рис. 5: 8), типа XVII/4 в пп. 4 (3 экз.), 55 (2 экз.) (рис. 5: 9), типа XVII/5 в п. 4 (1 экз.; рис. 5: 10), типа XVII/8 в п. 4 (14 экз.; рис. 5: 11, 12); *стеклянные полихромные* типа XIII/1 в п. 25 (1 экз.; рис. 5: 13), типа XIII/5 в п. 25 (1 экз.; рис. 5: 14); *из египетского фаянса* типа 1 в п. 25 (3 экз.; рис. 5: 15); *янтарные* варианта I/1a в п. 44 (1 экз.; рис. 5: 16), типа III/1 в п. 19 (1 экз.; рис. 5: 17), варианта IV/16 в пп. 50 (1 экз.), 57 (1 экз.; рис. 5: 18), типа V/1 в п. 30 (1 экз.; рис. 5: 19); *коралловые* типа 2 в п. 4 (2 экз.; рис. 5: 21); *сердоликовые* типа 1 в пп. 28 (1 экз.; рис. 5: 23), 57 (5 экз.; рис. 5: 22).

Подвески: бронзовый колокольчик в п. 19 (1 экз.; рис. 5: 24); бронзовые «ведёрки» в пп. 4 (2 экз.), 44 (2 экз.), 50 (1 экз.), 57 (3 экз.) (рис. 5: 25); янтарные грибовидные в пп. 4 (5 экз.), 30 (1 экз.), 55 (3 экз.), 57 (4 экз.) (рис. 5: 20); из клыка кабана в п. 29 (1 экз.; рис. 5: 26); из раковин *Succinea* в п. 28 (1 экз.; рис. 5: 27), *Volinus brandaris* в п. 29 (2 экз.; рис. 5: 28), роговая пирамидальная подвеска в п. 28 (1 экз.; рис. 5: 29).

Керамическая посуда

Гончарная⁷ (рис. 6, 7: 1—22). Доступным для изучения (по разным источникам) оказался 41 сосуд⁸: 15 мисок, 4 миски-вазы, 3 мисковидных сосуда, 15 миниатюрных сосудов/кубков, 1 кувшин, 3 горшка.

В черняховедении не существует единой методики классификации глиняной посуды [ср.: Шаров, 1992. С. 165—171, Магомедов, 2001. С. 45—61]. Поэтому гончарная керамика Ружичанки разделена по категориям: миски, миски-вазы, мисковидные сосуды, миниатюрные сосудики/кубки, кувшины, горшки. Для обозначения различных частей сосуда используются названия, предложенные В. Ф. Генингом: венчик, шейка, плечико, придонная часть, днище, горловина, корпус [Генинг, 1992. Рис. 1]. Учитывались следующие параметры: диаметр венчика, плечика, днища; высота — общая, плечика (от венчика до плечика), придонной части (от плечика до днища).

Миски. При описании и сравнении мисок учитывались следующие признаки: 1) общие размеры (максимальный диаметр и высота); 2) профиль/конфигурация сосуда; 3) соотношение диаметров

⁷ Здесь и далее: сделанная на круге быстрого вращения.

⁸ И. С. Винокур указывает 41 сосуд: 24 миски, 11 горшков, 5 ваз, кувшин [Винокур, 1979. С. 127]. Из них две миски из пп. 1 и 2 хранятся в ХОКМ, 6 сосудов — из пп. 25, 29, 30 — в Каменец-Подольском национальном университете им. И. Огиенко, 33 — в КПГМЗ: 26 — в экспозиции и 7 — в фондах. К сожалению, в ноябре 2010 г. 7 сосудов (две миски-вазы из п. 57, миска из п. 44, два горшка из пп. 12 и 57 и два миниатюрных сосудика из п. 23), хранящихся в фондах музея, оказались по независящим от меня причинам недоступными для изучения.

венчика и плечика (если диаметр венчика меньше диаметра плечика, миска называется «закрытая», наоборот — «открытая»); 4) расположение плечика (выше, посередине, ниже середины высоты); 5) форма венчика; 6) форма днища; 7) наличие декора; 8) наличие валика.

По размерам выделены крупные и средние экземпляры. Из мисок Ружичанки только образец из п. 50 отличается особыми размерами — диаметр венчика составляет 33,5, высота — 11,3 см (рис. 6: 13). Параметры остальных колеблются в пределах: диаметр венчика от 16,0 до 23,0 (среднее значение 20,0), высота от 6,0 до 9,6 (среднее значение 7,8) см.

По совокупности признаков выделяются следующие типы мисок.

Тип 1 (рис. 6: 1). Цилиндроконическая открытая с плечиком выше середины высоты и донцем на кольцевом поддоне; тесто без примесей (п. 25). Находит аналогии среди материалов могильника Чернелив—Русский [Тилищак, 2011. С. 153]. Редкая для черняховской керамики форма, восходящая к провинциальноримским [Porilian, 1976. Pl. LXVI: 806].

Тип 2 (рис. 6: 2). С плавным переходом шейки в плечико, закрытая, плечико выше середины высоты, днище на кольцевом поддоне; тесто без примесей (п. 17). Соответствует 2 типу керамики черняховских поселений Верхнего Поднестровья [Баран, Гопкало, 2006. С. 20. Рис. 9, 2]. Имеет провинциальноримские прототипы [Porilian, 1976. Pl. LXVI: 805].

Тип 3. Цилиндроконические, закрытые и открытые, с плечом посередине, ниже и выше середины высоты, на плитчатом и кольцевом поддоне. Соответствуют варианту 1 гончарной керамики черняховских поселений Верхнего Поднестровья [Баран, Гопкало, 2006. С. 20. Рис. 9, 1а]. Наиболее многочисленная и разнообразная группа, представленная 10 мисками. В ней можно выделить следующие варианты.

Вариант а) с коротким отогнутым наружу венчиком, причём прослеживается определённая эволюция от слегка отогнутого (у миски из п. 50) до практически горизонтального (п. 8). Тесто с примесью песка или без примесей, поверхность мисок подложена. Найдены в пп. 50, 22, 8 (рис. 6: 3—6).

Вариант б) с венчиком, имеющим сечение в форме треугольника, одна из сторон которого расположена горизонтально. Тесто с примесью шамота или без примесей, хорошо отмученное, сосуды без лощения. Найдены в пп. 12, 23 (рис. 6: 7, 8).

Вариант в) с венчиком, имеющим сечение в форме треугольника, развернутого вершиной наружу. Тесто хорошо отмученное; поверхность подложена. Найдены в пп. 1, 21 (рис. 6: 9, 10).

Вариант д) имеют венчик с внутренней выемкой, возможно предназначавшейся под крышку. Тесто хорошо отмученное; следов лощения не прослеживается. Найдены в пп. 29, 30 (рис. 6: 11, 12).

Декор в виде «сетки» нанесен по шейке миски из п. 21 (рис. 6: 10). С помощью валика выделено плечико миски из п. 29 (рис. 6: 12).

Тип 4 (рис. 6: 13—16). «Лейчатые» — открытые, с плечиком выше середины высоты, коротким отогну-

тым наружу венчиком, на плитчатом или кольцевом поддоне. Тесто с примесью шамота или без примесей; лощение присутствует только на миске из п. 15, остальные без лощения (пп. 1, 8, 15, 50). Аналогичны образцам типа 3 керамики черняховских поселений Верхнего Поднестровья [Баран, Гопкало, 2006. С. 20. Рис. 9, 3].

Миски-вазы. Представлены двумя типами.

Тип 1 (рис. 6: 17, 18). Биконические, закрытые, с плечиком выше и посередине высоты, коротким отогнутым наружу венчиком, плитчатым днищем. Соотношение диаметра венчика к высоте равно 1,8—1,85. Тесто с примесью шамота; поверхность сосуда без лощения (пп. 55, 57).

Тип 2 (рис. 6: 19, 20). Биконические, закрытые, с плечиком выше середины высоты, коротким отогнутым наружу венчиком, плитчатым днищем. Соотношение диаметра венчика к высоте равно 1,2—1,5. Тесто с примесью шамота; поверхность сосуда без лощения (пп. 24, 57).

Мисковидные сосуды. Обособление данной категории посуды от мисок обусловлено их большей высотой и, следовательно, иными пропорциями. Соотношение максимального диаметра к высоте у них в среднем — 1,65, тогда как у мисок — 2,4. Выделяются два типа.

Тип 1 (рис. 7: 1). Биконические, закрытые, с плечиком ниже середины высоты, коротким отогнутым наружу воронкообразным венчиком, плитчатым днищем. Тесто без примесей; поверхность сосуда без лощения (п. 15).

Тип 2 (рис. 7: 2, 3). Биконические, закрытые, с плечиком посередине и ниже середины высоты, коротким отогнутым наружу венчиком, плитчатым и сложно-профилированным (с выемками по концентрическим окружностям) днищем (пп. 29, 44). Тесто хорошо отмученное; следы лощения присутствуют на сосудах из п. 29.

Миниатюрные сосудики/кубки. Представлены семью типами.

Тип 1 (рис. 7: 4, 5). Биконические, закрытые, с плечом ниже середины высоты, коротким отогнутым наружу венчиком, плитчатым днищем (пп. 4, 12). Тесто с включениями мелких фракций дресвы у образца из п. 4. Напоминают по форме группы XVIII A-B лепной вельбарской посуды по Р. Волонгевичу [Wołangiewicz, 1993. Tabl. 35: 5].

Тип 2 (рис. 7: 6, 7). Биконические, закрытые, с плечом ниже середины высоты, узкой горловиной, воронковидным венчиком и плитчатым дном. Тесто с включением дресвы (п. 50) и без примесей (п. 19). Находят соответствие среди лепной вельбарской посуды группы XVII A по Р. Волонгевичу [Wołangiewicz, 1993. Tabl. 34: 4; 78: 1].

Тип 3 (рис. 7: 8). Биконические, закрытые, с плечом выше середины высоты и плавным переходом от шейки в плечико, коротким отогнутым наружу венчиком и плитчатым дном. В тесте примеси шамота (п. 4).

Тип 4 (рис. 7: 9). С цилиндрическим туловом и полусферической придонной частью, открытые, с коротким отогнутым наружу венчиком и днищем

на кольцевом поддоне. В тесте примеси шамота (п. 12).

Тип 5 (рис. 7: 10, 11). Закрытые, с плечом выше середины высоты, коротким отогнутым наружу венчиком (пп. 15, 23). Тесто хорошо отмученное, без примесей (п. 15);

Тип 6 (рис. 7: 14—18). Со сферическим туловом, закрытые, с плечиком ниже, посередине и выше середины высоты, коротким венчиком, дном плитчатым или на кольцевом поддоне. В тесте примеси шамота и песка, некоторые сосуды без примесей; лощение отсутствует (пп. 8, 29, 30, 44, 50). По форме соответствуют группе VIA лепной вельбарской посуды по Р. Волонгевичу [Wołągiewicz, 1993. Tabl. 17].

Тип 7 (рис. 7: 12, 13). Особые формы (пп. 22, 23).

Кувшин (рис. 7: 19). С цилиндрическим горлом, небольшим округлым слабо отогнутым наружу венчиком, эллипсоидной придонной частью, плитчатым дном. Диаметр венчика — 8,0, максимальный диаметр корпуса — 11,0, высота — 13,0 см. Тесто без примесей; поверхность кувшина не подлощена (п. 15). Аналогии: Городница, Чернелив-Русский пп. 34, 130 (более приземистый) [Kopernicki, 1878. Tab. III: C: 2; Герета, 1989. Рис. 3: 130: з; 1995. Рис. 6: 34 з]. Вне черняховского ареала кувшины такой формы известны в культуре Поенешть — Выртешкой [Bichir, 1973. Pl. CXXVI].

Горшки (рис. 7: 20—22). С шаровидным туловом и коротким отогнутым наружу венчиком (пп. 12, 21, 57). В тесте горшка из п. 21 включения дресвы.

Лепная (рис. 7: 23—27). Представлена пятью сосудами трех категорий.

Миски. Два образца, один из которых отнесен к мискам с определенной долей условности.

1) фрагмент корпуса биконической миски (?), дно плитчатое (рис. 7: 23). Размеры: диаметр плечика — 19,4, высота сохранившейся части — 9,0, плечико на высоте — 8,0 см от дна. Выше плечика нанесён зигзагообразный декор. Тесто с включениями дресвы (п. 2).

2) биконическая, открытая, с плечиком выше середины высоты, коротким отогнутым наружу венчиком, ушком-ручкой, дном на кольцевом поддоне (рис. 7: 24). Размеры: диаметры: венчика — 18,5, плечика — 16,0, днища — 7,8; высота сосуда — 8,2, высота плечика — 4,1 см. Тесто отмученное; поверхность черная, в некоторых местах слегка подлощена (п. 23). По форме аналогична мискам группы ХаА по Р. Волонгевичу [Wołągiewicz, 1993. Tabl. 27: 7].

Кубки (сосудики). Представлены двумя экземплярами.

1) биконический, закрытый, плечико выше середины высоты, венчик короткий прямой отогнутый наружу, донце плитчатое (рис. 7: 25). Размеры: диаметр венчика — 5,2, плечика — 5,6, днища — 2,6, высота сосуда — 5,1, высота плечика — 2,1 см. В тесте мелкие включения шамота (п. 8). Аналогичен кубку группы XVIIIА по Р. Волонгевичу [Wołągiewicz, 1993. Tabl. 34: 3].

2) приземистых очертаний, корпус эллипсоидной формы, открытый, плечико начинается выше середины высоты сосуда, венчик прямой короткий отогнутый наружу, дно вогнутое, по корпусу нанесён декор в виде «сетки» (рис. 7: 26). Размеры: диаметр венчика — 8,5, плечика — 8,1, днища — 4,7, высота — 5,1, высота плечика — 2,0 см (п. 15). Лощёный, черного цвета. Среди вельбарских форм соответствия не найдено, зато подобные формы встречаются на памятниках пшеворской культуры: Спицымеж, п. 268 [Kietlińska, Dąbrowska, 1973. Tab. XXXVI, 15], Надколе, пп. 2: 5, 58 В [Andrzejowski, 1998. Pl. IV: 4, XLII: 3, 4, XCVI: VA2].

Горшок. Банковидный асимметричный, максимальный диаметр посередине высоты, венчик прямой отогнутый наружу, украшенный по краю косыми пальцевыми вдавлениями, дно плитчатое (рис. 7: 27). Размеры: диаметры: венчика — 12,4, плечика — 13,0, днища — 8,0; высота сосуда — 15,0, высота плечика колеблется от 4,0 до 7,8 см с разных сторон горшка (п. 21). Аналогичен лепному горшку из Комарова [Смішко, 1964. С. 74. Табл. 1: 1].

Предметы домашнего производства (прядения, шитья)

Пряслица. Глиняные, найдены в пп. 7 (2 экз.), 19 (5 экз.).

Клюковидные булавки. Бронзовые, найдены в пп. 8 (1 экз.), 29 (1 экз.), 55 (2 экз.).

Иглы. Бронзовые, найдены в пп. 17 (1 экз.), 24 (2 экз.), 29 (1 экз.), 44 (1 экз.).

Медицинский или парикмахерский инструментарий

Пинцет. Бронзовый, найден в п. 8. Не исключено, что пинцеты предназначались для личной гигиены. Однако относительная редкость подобных находок в инвентаре черняховских могил (например, по сравнению с находками гребней) свидетельствует об особой их функции — как медицинского или парикмахерского инструментария.

Особенности погребального обряда и половозрастного состава

Могильник Ружичанка исследован частично. По данным автора раскопок, который указывает на разрушение погребений при добыче песка в местном карьере⁹, изучено примерно 60 % площади памятника, на которой выявлено 73 погребения [Винокур, 1979. С. 112].

Типы погребений. Ружичанка — биритуальный могильник. В нем представлены ингумации (34 погребения), ориентированные на север (33) и запад (1); кремации (38), ямные (37) и урновые (1); кенотаф. Причём наблюдается чёткая локализация захоронений, совершённых с использованием разных обрядов. Кремации занимают западную часть могильника, ингумации — восточную (рис. 8). В свою очередь зона ингумаций может быть условно разделена на

⁹ См. комментарии по поводу расположения памятника в: Демидко, 2012.

два участка — северный и южный¹⁰, где сконцентрированы инвентарные могилы. Инвентарём сопровождались 28 (38 %) могил, в том числе 24 ингумации (пп. 1, 2, 4, 7—9, 11—13, 15, 17, 19, 21, 23—26, 28—30, 44, 50, 55, 57) и 3? кремации (пп. 5, 20?, 22).

Половозрастной состав Ружичанки восстановлен по данным автора раскопок с комментариями специалиста-антрополога Т.А. Рудич¹¹ (см. приложение) и по составу сопутствующего инвентаря.

Признаки, указывающие на пол покойника, выявлены в результате анализа черняховских погребений с антропологическими определениями [Гопкало, 2011]. Причём они делятся на такие, которые: 1) чётко маркируют пол погребённого, 2) больше присущи представителям одного пола, но встречаются и у другого, и 3) общие. Признаки мужских погребений — предметы вооружения и игральные жетоны; женских — три фибулы, зеркало, два (и более) пряслица, клюковидная булава, ключи¹² (замки). Мужчинам чаще присущи пряжки (поясные и обувные), кольца, шилья, иглы, ножи, монеты; женщинам — две фибулы, бусы, подвески-амулеты, височные кольца, пряслица, ножницы и пинцеты. Единичные фибулы, бусины, браслеты, серьги, роговые гребни, точила, игольники, детали шкатулок встречаются как у мужчин, так и у женщин.

С учётом этих выводов половозрастной состав Ружичанки был таким (рис. 9): 11 могил принадлежали детям (пп. 1, 13, 14, 21, 23, 24, 25, 27, 30, 42, 50); 22 — взрослым (пп. 2—4, 6—11, 15—17, 19, 28, 29, 31, 43, 44, 49, 55, 57, 61). Как женские интерпретируются погребения с бусами (п. 4), двумя фибулами и бронзовыми клюковидной булавкой и пинцетом (п. 8), двумя фибулами, пятью пряслицами, бусами и подвеской (п. 9), подвесками-амулетами (п. 28), двумя фибулами, подвесками-амулетами и бронзовой клюковидной булавкой (п. 29), тремя фибулами, бусами, подвесками-амулетами, клюковидными булавками (п. 55), двумя фибулами, подвесками-амулетами (п. 57); как мужское — погребение с ручкой щита и двумя железными шильями (п. 11). Учитывая массивность костей, возможно, пп. 6, 10, 16, 31, 43, 49, 61 принадлежали мужчинам.

В некоторых случаях можно определить пол погребённых детей. По наблюдению К. Годловского, фибулы с высоким приёмником не встречались в погребениях мужчин пшеворской культуры [Godłowski, 1970. P. 17]. В раннечерняховских погребениях такие фибулы А-VII сопровождали погребения женщин и детей, скорее всего, девочек¹³.

Поэтому вероятно, что пп. 13 и 24 — погребения девочек. Детское погребение с бронзовой римской чернильницей и набором бус (п. 25) также, по-видимому, принадлежало девочке, как и п. 30 с двумя фибулами и украшениями, п. 50 — с бусами и подвесками. Можно предположить, что в п. 1 с массивными бронзовыми фибулой и пряжкой похоронен мальчик. Пол детей, инвентарь погребений которых состоял только из набора посуды (пп. 23, 21), не может быть определён.

Нарушенные могилы (рис. 10). Всего потревоженных погребений насчитывается 12 (пп. 2—4, 8—11, 21, 23, 24, 26, 43). Причём вдвое чаще подвергались нарушениям инвентарные комплексы (ср.: инвентарные: пп. 2, 4, 8, 9, 11, 21, 23, 24; безинвентарные: пп. 3, 19, 26, 43). Необычное положение костей фиксировалось в безинвентарном п. 27 (см. приложение), совершённом, судя по стратиграфии, позднее п. 29. Ритуальным разрушениям подвергались в том числе и детские погребения могильника (пп. 21, 23, 24), что считается нехарактерным для черняховского погребального обряда и наблюдается только на памятниках ее западного региона [Рудич, 2009. С. 219].

Перекрытие могил (рис. 11). На могильнике зафиксировано три случая перекрытия одной могилы другой (пп. 15/17, 13/23, 27/29), но только в последнем случае верхнее (более позднее) п. 27 (головой на северо-запад) сильно отличалось по ориентировке от нижнего (п. 29, головой на север). Остальные ориентированы одинаково — на север с небольшими отклонениями, что может объясняться либо подзахоронением на семейные участки родственников, либо непреднамеренным нарушением могил вследствие разрушения их внешних (наземных) признаков. Следует отметить, что перечисленные случаи зафиксированы только в северной зоне ингумаций и связаны, как представляется, с эволюцией семейного участка кладбища.

Периодизация

Только среди ингумаций оказалось 18 комплексов, сопровождающихся датирующими находками (рис. 8): стеклянными кубками, фибулами, пряжками, гребнями, бусами, т.е. пригодных для периодизации памятника (пп. 1, 4, 8, 9, 11, 13, 17, 19, 23—25, 28—30, 44, 50, 55, 57); ещё пять (пп. 2, 12, 15, 21, 22?) содержали только гончарную и лепную посуду. Таким образом, для периодизации памятника могут привлекаться 23 погребения.

¹⁰ Учитывая многочисленные несоответствия между описаниями погребений и их отображением на опубликованном автором раскопок плане [Винокур, 1979. Рис. 1], последний можно использовать с оговорками. Так, например, пп. 3, 4, 6, 13, 15, 17, 19, 24, 30, 42 были нанесены на план с искажением ориентировки, п. 18 (кремация) обозначено, как ингумация. Все эти данные учтены при воссоздании плана могильника, который публикуется здесь (рис. 8—10). См. также приложение.

¹¹ Сердечно благодарю коллегу за помощь.

¹² Учитывая находку железных ключей вместе с ручкой щита и железными шильями в п. 11, можно откорректировать этот вывод, основанный на других данных.

¹³ Имеются в виду следующие погребения: Городница с двумя фибулами и бусами — женское по инвентарю, Чернелив—Русский 130, принадлежащее подростку [Герета, 1989. С. 285], а по инвентарю — девочке-подростку, Чернелив—Русский 111 — детское [Герета, 1989. С. 289] с двумя пряслицами и богатым ожерельем, т.е., скорее всего, принадлежащее девочке, Токи 5 [Герета, 1989. С. 293] — с обильным и разнообразным набором бус.

Историография и вопросы методики

К концу 1980-х — 1990-м гг. ружичанский могильник, наряду с косановским и данченским, вошёл в триаду базовых черняховских памятников, ставших полигоном для апробирования методики хронологии. Несмотря на то что здесь насчитыва-

ется около 20 комплексов, удовлетворяющих этим целям, существует несколько вариантов относительной хронологии памятника [Гороховский, 1988; Бажан, Гей, 1992. С. 124—126, рис. 1, 2; Шаров, 1992. Табл. VI; Гей, Бажан, 1997. Табл. 38, 39], обнаруживающих разительные отличия (см. табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление существующих периодизаций Ружичанки

Гороховский, 1988	Бажан, Гей, 1992	Шаров, 1992	Гей, Бажан, 1997
фаза 1 (230—270 гг.) 11, 13, 24, 25, 50, 57	фаза 1 (220—260 гг.) 25, 2, 23, 12, 21, 1, 15, 8 фаза 2 (240—270 гг.) 30, 24, 50, 57, 4	1 горизонт (220/230—280/290 гг.) 25, 11, 1, 50, 8А, 21, 12, 23	1 период (220/230—260/270 гг.) 21, 8
фаза 1 или 2 1, 4	фаза 1 (220—260 гг.)	фаза II/ III Ружичанки 57	
фаза 2 (3-я треть III— 1-я треть IV в.) 19, 29, 44, 55	фаза 3 (270—300 гг.) 29, 17, 55, 44, 19, 28	2 горизонт (280/290—310/320) 4, 44, 30, 24, 19	2 период (260/270—310 гг.) 24, 30, 17, 50, 15, 29, 57, 4, 28, 55, 44, 19
фаза 3 (2-я треть — 3-я четверть IV в.) 8		3 горизонт (310/320—350/360 гг.) 28, 55, 29, 18, 17, 15, 8Б	

В ячейках приведены периоды, даты и номера погребений, согласно автору и публикации, указанных в заголовке столбцов.

Очевидно, что возникновение подобной ситуации обусловлено не только недостаточно качественной публикацией материалов памятника, но и методическими просчётами, допускающими различные результаты. Эта тема затрагивалась ранее [Гопкало, 2008. С. 86, 87].

Методическими постулатами предлагаемой периодизации памятника стали рекомендации А. К. Амброза, главные из которых: 1) объединение погребений в однородные (кратковременные) группы по устойчивым сочетаниям «узких» вариантов вещей; 2) выяснение относительной последовательности групп по двум-трём эволюционным рядам вещей; 3) датировка комплекса по самой поздней вещи [Амброз, 1971. С. 99, 100]. Учитывались стратиграфические факты. Для уточнения результатов группировки использовался планиграфический метод.

Хронологические группы погребений

1-я группа. Детское п. 25 в северной зоне и мужское п. 11 в южной можно считать условными центрами, из которых развивался могильник. Основанием этому служат даты римских изделий — чернильницы и стеклянной чаши. Учитывая стратиграфию, к этой группе в северной зоне, вероятно, следует зачислить п. 23 (перекрыто п. 13 группы 2) с набором гончарной и лепной посуды.

В этих погребениях отсутствуют обычные для инвентарных черняховских погребений категории находок (фибулы, пряжки, гребни), но представлены предметы провинциально-римского происхождения и гончарная миска уникальной формы, а также лепная вельбарская керамика.

2-я группа. В группу вошли детские комплексы с фибулами А-VII «неслуховской» (п. 13) и «городничкой» (п. 24) серий, расположенные на северном участке могильника, а также женское (п. 57) и детское (п. 50) погребения с прогнутыми подвязными фибулами варианта А1 по Е. Л. Гороховскому — на южном участке, сопровождавшиеся крупными янтарными бусинами и бронзовыми «ведёрками». В сервис пп. 24 и 57 входили однотипные миски-вазы. Возможно, к этой же группе может быть причислено п. 17 с гребнем того же варианта, что и в п. 24 и миской типа 2, уникальной в пределах памятника.

Для погребений этой группы характерны фибулы А-VII определённых модификаций, прогнутые подвязные фибулы варианта А1 по Е. Л. Гороховскому, крупные янтарные бусины, бронзовые «ведёрки», миски-вазы типа 1. Среди особых характеристик — двучастная пряжка с прямоугольной рамкой, янтарные грибовидные подвески и сердоликовые 14-гранные бусы.

3-я группа. Группу составляют три женские могилы (пп. 4, 19, 55) на южном участке кладбища. Пп. 4 и 19 сопровождались практически идентичными роговыми гребнями, бронзовой фибулой типа Грудек-149 по А. Коковскому и прогнутой подвязной варианта Б1 по Е. Л. Гороховскому. П. 55 содержало три прогнутых подвязных фибулы варианта Б1 по Е. Л. Гороховскому. В п. 4, 55 также находились одноцветные стеклянные бусы типов XII/2¹⁴ и XVII/4, грибовидные подвески и бронзовые «ведёрки». В ожерелье п. 19 кроме бус архаических ти-

¹⁴ Стеклянные чечевицеобразные синие бусы являются одним из показателей группы 4В погребений с бусами. Однако наши находки морфологически несколько отличаются от основного массива, что объясняется их принадлежностью к «дунайскому» кругу древностей. Подобные украшения известны на памятниках кон. II — нач. III в. с территории комитата Солнок в Венгрии [Гопкало, 2008. С. 29. Рис. 3.4: 4 В].

пов — плоских пурпурных типа XVI/2, как в п. 25, входил римский бронзовый колокольчик, украшенный концентрическими окружностями и обрывки цепи от нагрудного украшения. Гончарный кубок, сопровождавший п. 19, одного типа с кубком из п. 50 предшествующей (2-й) группы. Миска-ваза из п. 55 близка форме, встреченной в п. 57 из группы 2.

Согласно стратиграфии, вероятно, к этой группе должно относиться п. 15, включающее «набор для питья» — кувшин и лепной кубочек пшеворской традиции, сосуд редкой формы, сосудик-кубочек и миску типа 4.

4-я группа. Группу составляют п. 1 (детское) на северном участке и п. 8 (женское) — на южном. Первое сопровождалось уникальной для черняховского ареала крупной прогнутой подвязной фибулой с жаловидной ножкой и кнопкой на головке, а также пряжкой типа «омега», имеющей язычок с «крылышками»; второе — одночастным гребнем с трапециевидной спинкой, прогнутыми подвязными фибулами вариантов А1 и А3, пряжкой «компанийцевской» серии (все — по Е. Л. Гороховскому).

5-я группа. Группу составляют пп. 28, 29 (женские), 30 (детское) на северном участке могильника и 44 (пол не установлен) — на южном. Они сопровождались прогнутыми подвязными фибулами вариантов Б1 и Б2 по Е. Л. Гороховскому, поясными амулетами (пп. 28—30), гончарными мисками варианта 3d (пп. 29, 30), мисковидными сосудами типа 2 (пп. 29, 44), миниатюрными сосудами-кубками типа 6 (пп. 29, 30, 44). Однако содержали и ряд вещей архаических типов — пряжку с рамкой в форме буквы «D», гребень с низкой трапециевидной спинкой (п. 44), янтарную грибовидную подвеску и бронзовые «ведёрки» (п. 30).

Позднее п. 29 совершено, судя по стратиграфии, п. 27 с необычным расположением костей (см. приложение).

Планиграфия находок

С помощью планиграфического метода уточнена предложенная группировка погребений, а также выявлены отличия в распределении некоторых типов вещей на северном и южном участках ингумаций некрополя (см. рис. 12, 13).

Северный участок ингумаций. В пп. 25 и 29 найдены римские изделия, в пп. 25 и 17 — гончарные миски редких форм, в соседних детских пп. 13 и 24 — фибулы с высоким приёмником, в пп. 24 и 17 — роговые гребни варианта I/6. В пп. 29 и 30 совпадают два признака. Здесь найдены практически идентичные прогнутые подвязные фибулы варианта Б1 по Е. Л. Гороховскому и миски варианта 3d. Пп. 28 и 29 содержали поясные амулеты.

Южный участок ингумаций. В пп. 11 и 19 обнаружены римские изделия. Пп. 50 и 57 содержали прогнутые подвязные фибулы варианта А1 по Е. Л. Гороховскому. В соседних пп. 19 и 4 обнаружены крупные роговые гребни вариантов I/1А и I/6 (А-В). В пп. 57, 50, 4, 44 найдены бронзовые «ведёрки», в пп. 4 и 55 — стеклянные бусы типа XVII/4, в пп. 57,

55 и 4 — янтарные украшения, в пп. 57 и 55 — миски-вазы типа 2, в пп. 50, 22 и 8 — миски варианта 3а, в пп. 4 и 12 — миниатюрные сосудики-кубки типа 1, в пп. 50, 19 — типа 2. Следует отметить, что янтарные украшения найдены преимущественно на южном участке ингумаций.

Итак, выводы планиграфического анализа не противоречат результатам группировки погребений, более того, удастся синхронизировать погребения разных участков кладбищ, где были распространены разные типы ювелирных изделий, украшений, посуды. Например, только на северном участке ингумаций найдены фибулы А-VII, поясные амулеты, миски типов 1 и 2 редких для черняховской культуры форм; на южном — прогнутые подвязные варианта А1 по Е. Л. Гороховскому, янтарные украшения, бронзовые «ведёрки», одноцветные стеклянные бусы типа XVII/4, миски-вазы типа 2, миниатюрные сосудики-кубки типов 1 и 2.

На основе этих данных попытаемся восстановить последовательность «заселения» участков.

Последовательность погребений по участкам

Эволюция северного участка ингумаций. Этот участок заложен двумя детскими могилами: п. 25 с римской чернильницей и гончарной миской, изготовленной по провинциально-римскому образцу, и п. 23 с набором посуды, включающим как редкие типы гончарной керамики, так и лепную вельбарскую миску. Возможно, в это же время совершено п. 26, подвергшееся ритуальным разрушениям.

Позднее между пп. 25 и 23 погребён ребёнок (п. 24) с фибулой А-VII «городничкой» серии, а над п. 23 — ребёнок (п. 13) в костюме с фибулой «неслуховской» серии. Рядом совершено п. 17 с миской редкой формы и гребнем, аналогичным гребню из п. 24.

Спустя какое-то время над п. 24 похоронен взрослый человек (п. 15), которого сопровождал гончарный сервиз с гончарным кувшином и лепным кубочком пшеворской традиции. К п. 13 примыкает безынвентарное погребение младенца (п. 14).

Возможно, следующий хронологический этап представлен детским п. 21 (с лепным горшком гето-дакийской традиции) и безынвентарным мужским погребением (п. 10).

На финальном этапе эксплуатации участка возникает цепочка из двух женских (пп. 28, 29) и детского (п. 30) погребений, над одним из которых (п. 29) похоронен ребёнок (п. 27) в неестественной и необычной для черняховских ритуалов позе. Предположительно в этот же период совершено мужское(?) п. 31.

Таким образом, на рассматриваемом участке кладбища за весь период его эксплуатации произведено 16 захоронений. Из них 8 детских (пп. 13, 14, 21, 23—25, 27, 30) и 8 взрослых, в том числе два женских (пп. 28, 29) и два предположительно мужских (пп. 10, 31); указать пол остальных не представляется возможным.

Эволюция южного участка ингумаций. Этот участок заложен мужским п. 11. На значительном расстоянии от него синхронно похоронены женщины (п. 57) и девочка-подросток (п. 50).

Следующий этап представлен тремя женскими комплексами — соседними пп. 4, 19 и п. 55, незначительно от них удалённом. Позднее совершено женское п. 8.

Финальным погребением участка стало п. 44, одновременно с которым, возможно, совершены безынвентарные пп. 16 и 6.

Позицию относительной хронологии п. 12 (кенофафа) определяют сосуды, аналогичные керамике из пп. 23 (миска варианта 3b), 4 (миниатюрный сосудик-кубок типа 1), 57 и 21 (гончарные горшки), сопровождавшие погребения первой — третьей групп.

На южном участке кладбища совершено 13 трупоположений. Из них 2 детских (пп. 42, 50) и 11 взрослых, в том числе пять женских (пп. 4, 8, 19, 55, 57) и одно мужское (п. 11); идентифицировать остальные не удалось.

Периодизация гончарной посуды

Учитывая предполагаемую последовательность совершения погребений могильника, попытаемся проследить изменения гончарного сервиза (рис. 14).

В инвентаре погребений **1-й группы** обнаружены редкие типы посуды, не имеющие, за исключением варианта 3 b гончарных мисок (п. 23), продолжения в типах, представленных в позднейших погребениях: тип 1 мисок, типы 5 и 7 миниатюрных сосудиков-кубков.

2-я группа характеризуется появлением мисок-ваз, горшков, мисок варианта 3 a, типов 2 и 4, миниатюрных сосудиков-кубков типов 2 и 6.

Погребения **3-й группы** включали миски типа 4, миски-вазы типа 2, мисковидные сосуды типа 1, миниатюрные сосудики-кубки типов 1, 2, 3, 5, кувшин.

Миски вариантов 3a, 3c и типа 4, а также миниатюрные сосудики-кубки типа 6 обнаружены в погребениях **4-й группы**.

5-я группа погребений характеризуется мисками варианта 3d, мисковидными сосудами типа 2 и их устойчивым сочетанием с миниатюрными сосудиками-кубками типа 6. Из уже известных типов посуды здесь встречены миски варианта 3a.

Этнокультурные компоненты

Историография формирования и раннего этапа черняховской культуры довольно подробно изложена в литературе [Баран, Гороховский, Магомедов, 1990 и др.]. С отрывтием новых памятников и накоплением новых материалов дискуссионным становится само определение культуры, что, по мнению специалистов, означает кризис черняховедения. Его преодоление видится в применении микрорегионального подхода [Петраускас, Шишкін, 1999. С. 217], который вырастает из идеи М. А. Тихановой,

разделившей черняховский ареал на ряд локальных вариантов: Среднее Поднепровье, Поднепровье в районе порогов, Поднестровье, Нижнее Подунавье с Северо-Восточной Трансильванией, Волинь [Тиханова, 1957. С. 171]. Позднее предлагалось иное их количество и содержание, например: побережье Чёрного моря в междуречье Днестра и Дуная, междуречье Днестра, Прута и Дуная, лесостепь и север степной зоны Украины [Баран, Гороховский, Магомедов, 1990. С. 57].

Иной подход продемонстрирован в работах М. Б. Шукина и А. М. Обломского, попытавшихся выявить на черняховских памятниках различные культурные компоненты: вельбарский, пшеворский, киевский, скифо-сарматский [Шукин, 1989; Обломский, 1999].

Особое значение приобретает применение подобного подхода при изучении раннечерняховских памятников. Так, среди материалов Ружичанского могильника также выделяется несколько составляющих: вельбарская, пшеворская, позднесарматская, гето-дакийская.

Одна из них — **вельбарская** — выявлена по лепной посуде (пп. 8, 23), центральноевропейским изделиям из металлов (пп. 1, 2, 4, 12, 44, 55, 57), а также по косвенному признаку: отсутствию в преобладающем большинстве инвентарных погребений железных изделий, в частности ножей, обычных для других черняховских могильников. Обеднение ассортимента железных изделий в погребальном инвентаре зафиксировано для любовидзской фазы вельбарской культуры [Wołagiewicz, 1981. S. 169, 170, Gładysz, 1998] и объясняет феномен, который наблюдается на могильниках Ружичанка и Чернелив-Русский¹⁵, где ранний этап культуры представлен наиболее широко.

Лепной кубок-чаша (п. 15), аналогии которой найдены на памятниках пшеворской культуры, например, Спицымеж, п. 268 [Kietlińska, Dąbrowska, 1973. Tab. XXXVI, 15], Надколе, пп. 2: 5, 58B [Andrzejowski, 1998. Pl. IV: 4, XLII: 3, 4, XCVI: VA2], позволяет говорить о наличии второго компонента Ружичанки — пшеворского.

Погребения с так называемыми поясными амулетами (пп. 28, 29), распространение которых связывается с **сарматами** [Бобровська, 1999] определяют третий компонент могильника, относящийся к позднему хронологическому срезу.

П. 21 с лепным горшком, традиция которого определяется как **гето-дакийская**, представляет его четвёртый компонент. Аналогии ему найдены среди керамики культур Поенешть — Вырешкой и Милитарь — Килия [Bichir, 1973. Pl. XLII—XLVIII; 1984. Pl. X XI: 1, XII: 8].

Лепной горшок из п. 21 Ружичанки наибольшее сходство имеет с керамикой селища Комаров, на котором исследована мастерская по изготовлению стеклянных изделий. Ее продукция имела мелко-товарный характер и расходилась в близлежащих

¹⁵ Благодарю В. С. Тылищак за консультации по этому вопросу и возможность пользоваться его диссертацией в рукописи.

посёлках, а дата основания определяется в промежутке от 275 до 277 г. (в период эвакуации Дакии) [Щапова, 1983. С. 150]. Среди находок на памятнике не обнаружено фибул с высоким приёмником, которые встречаются вместе с лепной посудой на других памятниках Верхнего и Среднего Днестра (Городница, Псары, Чернелив-Русский, Токи, Лука-Врублевецкая). Возможно, к моменту основания поселения они уже вышли из употребления.

Гето-дакийский компонент Ружичанки фиксируется в детском погребении, что подтверждает правило: большинство «этнографических» признаков обнаружено в погребениях женщин и детей.

Такая же закономерность отмечается и в распределении римских изделий. Они попадали в погребения нескольких хронологических групп: первой — пп. 25 (детское) и 11 (мужское), третьей — п. 19 (женское), пятой — п. 29 (женское). На этот, исходящий из Подунавья, вектор передвижения части населения или популярных в варварской среде украшений указывает также фибула с высоким приёмником «неслуховской» серии, обнаруженная в детском п. 13 [Гороховский, Гопкало, 2004. С. 121, 122].

Социальная структура

Исследования в области социологии в черняховедении дали реальные плоды в конце 1980-х гг. в виде двух публикаций [Кравченко, 1987; Bierbrauer, 1989]. Их суть сводилась к выяснению критериев оценки социального статуса погребённых: знати и рядовых общинников. Знать выделялась по таким признакам: 1) составу инвентаря (игровая доска, сервиз для питья, роскошные шпоры, парча, обувные пряжки, портупейные ремни, мясная пища); 2) качеству инвентаря (наличие украшений из драгоценных металлов, отдельных типов ювелирных изделий); 3) крупному размеру могильной ямы. Также отмечалось, что погребения знати располагались на общих участках могильников, а не обособленно.

Эти выводы дополняют результаты исследований, посвящённых социальной стратификации черняховского общества. Идея о том, что число сосудов в инвентаре погребений является одним из критериев оценки имущественного расслоения населения принадлежит В.П. Петрову, который выделял среди погребённых на Масловском могильнике «верхушечную» прослойку, две средние («промежуточные»), а также группу населения с низким уровнем благосостояния [Петров, 1964. С. 162]. На более обширных материалах ингумаций с северной ориентировкой эта идея обоснована Н.М. Кравченко, выделившей 3 археолого-социологических типа (АСТ) погребений: с 1—2 сосудами (первый АСТ), 3—6 сосудами (второй АСТ), 7—9 сосудами (третий АСТ) и, наконец, такими, которые содержали от 9 до 16 сосудов-«приношений» (подтип «а» третьего типа) [Кравченко, 1987].

С учётом новых данных некоторые из упомянутых положений могут подвергаться критике, но большин-

ство из них остаются актуальными. По объективным причинам (отсутствует информация о размерах могил; не всегда достоверно можно установить количество сосудов-«приношений») лишь немногие описанные критерии применимы для данной работы. Материалы Ружичанки позволяют судить о: 1) количественном и качественном составе погребального инвентаря; 2) месте погребения на могильнике. Согласно классификации Н.М. Кравченко, погребальный инвентарь состоит из четырёх видов: А — предметы, попавшие в могилу как «приношения» (керамический сервиз и стеклянные кубки); Б — вещи личного использования и одежда; В — предметы производственного, бытового, символического и культового назначения, указывающие на занятия, профессию и социальный статус; Г — керамика, стеклянные кубки и другие категории вещей, специально испорченных, разбитых и деформированных от пребывания в огне, вероятно в ходе тризны [Кравченко, 1987. С. 211—213].

Инвентарь обнаружен в 23 комплексах Ружичанки, 18 из них сопровождалось предметами видов Б и В по Н.М. Кравченко (пп. 1, 4, 8, 9, 11, 13, 17, 19, 23—25, 28—30, 44, 50, 55, 57), ещё 5 (пп. 2, 12, 15, 21, 22?) содержали только сосуды-«приношения» — предметы вида А (табл. 2).

Табл. 2. Соотношение видов инвентаря (по Н. М. Кравченко) в погребениях Ружичанки

	Пп.	Предметы вида А (кол-во)	Предметы вида Б	Предметы вида В	Мясная пища
1	1 (дет.)	1 (2)	1		
2	2 (взр., рит. разр.)	1(1)			
3	4 (жен., рит. разр.)	1(2)	1		
4	8 (жен., рит. разр.)	1(4)	1	1	
5	9 (взр., рит. разр.)		1		
6	11(взр., рит. разр.)	1		1	
7	12 (кенотаф или дет.?)	1(6)			
8	13 (дет.)		1		
9	15 (взр.)	1(5 или 6)			1
10	17 (взр.)	1(1)	1	1	1
11	19 (жен.)	1(1)	1	1	
12	21 (дет., рит. разр.)	1(3)			
13	22 (ТС)	1(?)			
14	23 (дет., рит. разр.)	1(4)			
15	24 (дет., рит. разр.)	1(2)	1	1	
16	25 (дет.)	1(1)	1		
17	28 (жен.)		1	1	
18	29 (жен.)	1(3)	1	1	1
19	30 (дет.)	1(2)	1		
20	44 (взр.)	1 (3)	1	1	1
21	50 (дет.)	1(4)	1		1
22	55 (жен.)	1(1)	1 (сер.)	1	
23	57 (жен.)	1(3)	1		1

¹⁶ В таблице используются следующие сокращения: дет. — детское, жен. — женское, рит. разр. — ритуально разрушенное, сер. — серебро.

Только керамику (предметы вида А) содержали: погребения детей (пп. 21, 23), кенотаф (п. 12; возможно, погребение младенца, кости которого истлели в земле) и взрослых (пп. 2, 15), подвергшиеся ритуальному разрушению. Предметы видов А и Б содержали 6 погребений (пп. 1, 4, 25, 30, 50, 57), четыре из которых принадлежали детям (пп. 1, 25, 30, 50). Инвентарём видов А, Б и В сопровождалось 7 погребений (пп. 8, 17, 19, 24, 29, 44, 55), подавляющее большинство которых — женские. Предметы видов Б и В найдены в женском п. 28, а А и В — в мужском п. 11. И наконец, мясной пищей сопровождалось 6 погребений (пп. 15, 17, 29, 44, 50, 57), из которых 5 принадлежало взрослым и одно девочке-подростку (п. 50). Из этих погребений взрослых, судя по инвентарю, два — женские (пп. 29, 57); пол остальных не может быть уверенно установлен.

Как следует из приведённых данных, из 8 инвентарных детских погребений половина сопровождалась посудой и предметами личного использования, одежды (пп. 1, 25, 30, 50), два содержали только керамику (пп. 21, 23), одно — деталь одежды (п. 13), ещё одно — керамику, деталь одежды и предметы производственного назначения (п. 24). Однако последний случай представляет собой редкое исключение, поскольку в большинстве случаев предметы вида В (иглы, клюковидные булавки, пряслица) найдены у взрослых, а не у детей.

Максимум (пять или шесть) сосудов «приношений» обнаружены в пп. 12 и 15, которые либо не содержали никаких других находок (п. 12), либо включали ещё мясную пищу (п. 15). Для сравнения обратимся к данным, которые приводятся у В. П. Петрова и Н. М. Кравченко. В. П. Петров называет максимум в 7—8 сосудов для Масловского могильника [Петров, 1964. С. 161], Н. М. Кравченко — 7—9 для третьего АСТ и 9—16 для подтипа 3а.

Таким образом, на могильнике Ружичанка наиболее богато оснащённые могилы относятся ко второму АСТ по Н. М. Кравченко, из чего напрашивается вывод: либо на изученном участке могильника погребений высшего ранга не было, либо закономерно, выявленные Н. М. Кравченко, не распространялись на весь ареал или на весь период существования черняховской культуры.

Кроме того что на могильнике не выявлены погребения со значительным количеством сосудов «приношений», в его погребальном инвентаре отсутствуют статусные вещи категорий 1 а и б по Ф. Бирбрауэру [Bierbrauer, 1989. S. 70—75], характерные для таких могил, как Рудка, Переяслав-Хмельницкий (п. 5), Гавриловка (п. 5), Мэлэешть (п. 35). Среди материалов Ружичанского некрополя обнаружена только одна серебряная вещь — фибу-

ла из п. 55. Римские бронзовые чернильница, колокольчик, фрагменты цепи, скорее всего, не представляли особой ценности.

Понятно, что при таком количестве и качестве показателей неординарного статуса изучение плана могильника не даёт искомой информации: на нём нет компактного участка с погребениями особого статуса, как например в Чернеливе-Русском [Герета, 2004]. Поэтому логично предположить, что на изученной части могильника погребения знати просто отсутствовали. Зато изучение планиграфии позволяет убедиться в наличии по крайней мере двух — северного и южного — участков ингумаций, появившихся и эксплуатирующихся параллельно, имеющих характерные особенности и, возможно, представляющих семейные участки кладбища.

Выводы

1. Могильник Ружичанка биритуальный. Время совершения кремаций не может быть уставлено достоверно, однако находки в зоне ингумаций позволяют считать середину III в. датой основания кладбища. Половозрастной состав части населения Ружичанки, хоронившей по обряду ингумации, был таким: 11 детей и 22 взрослых. Ритуальным разрушениям подвергались как могилы взрослых, так и детские, что характерно только для памятников западного региона черняховской культуры. Случаи перекрытия могил, обнаруженные только на одном участке ингумаций, являются, по-видимому, свидетельством подзахоронения родственников.

2. Периодизация памятника, основанная на устойчивых сочетаниях типов вещей в погребениях, эволюционных рядах фибул, пряжек, гребней, фактах стратиграфии и особенностях планиграфии могильника, представляется следующей: группа 1 — пп. 11, 25, 23, группа 2 — пп. 13, 24, 57, 50, 17, группа 3 — пп. 4, 19, 55, группа 4 — пп. 1, 8, группа 5 — пп. 28, 29, 30, 44. В соответствии с предложенной периодизацией погребений выявлена последовательность бытования типов гончарной посуды: ранний этап памятника включает формы, изготовленные по провинциально-римским образцам, лепную посуду вельбарской традиции; поздний — отличается устойчивыми сочетаниями типичных черняховских гончарных форм.

3. Среди этнокультурных компонентов Ружичанки выделяются вельбарский, пшеворский, позднесарматский, гето-дакийский.

4. Изучение материалов могильника с учётом выделенных в литературе критериев оценки социального статуса показало отсутствие погребений знати. А изучение его планиграфии позволяет предположить наличие по крайней мере двух семейных участков.

*Приложение 1***ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ**

Там, где источник иллюстрации не отмечен, рисунок выполнен мной с оригинала, фотография погребения взята из полевых отчетов ([Винокур, Хотюн, Приходнюк, 1964; Винокур и др., 1965]).

Во всех случаях типы бус и подвесок даны по классификации О. В. Гопкало [Гопкало, 2008], разновидности роговых гребней — по классификации Р. Г. Шишкина [Шишкин, 1999], керамики — по классификации, предложенной в аналитической части данной статьи.

После описания и/или типологического определения вещи дается ее место хранения (если она найдена мной в коллекциях) и шифр¹⁷. К сожалению, из-за серьезных расхождений в источниках (см. таблицу) не для всех погребений состав инвентаря мог быть восстановлен абсолютно достоверно. Сомнительные случаи отмечены в сносках.

Сокращения в описаниях:

- Б/и — без инвентаря
- ТП — труположение
- ТПС — труположение, ориентировка головой на север
- ТПСВ — труположение, ориентировка головой на северо-восток
- ТПСЗ — труположение, ориентировка головой на северо-запад
- ТС — трупосожжение
- ТСУ — трупосожжение урновое
- ТСЯ — трупосожжение ямное
- ФС — фотография Э. А. Сымоновича

Раскопки 1964 г.**ПОГРЕБЕНИЕ 1**

Тип погребения: ТПСЗ, размеры и форма ямы не установлены, детское¹⁸. Скелет длиной 0,85 м, плохой сохранности, многих костей не хватало (ил. 1). В ногах погребенного две гончарные миски. На правой плечевой кости найдена бронзовая пряжка, на левой — бронзовая фибула [Винокур, Хотюн, Приходнюк, 1964. С. 2. Рис. III, IV; Винокур, 1979. С. 113].

Инвентарь:

1. Пряжка с двучастной с рамкой в форме «омеги» (ил. 1: 1). ХОКМ, А-745.
2. Фибула бронзовая; двучленная прогнутая подвязная, сочетающая признаки фибул с жаловидной ножкой серии III подгруппы 4 группы 16 по А. К. Амброзу и кнопку на головке (ил. 1: 2). ХОКМ, А-743.
3. Миска гончарная; диаметр венчика — 16,0, плечика — 16,0, днища — 6,4, высота общая — 9,6, плечика — 6,2 см; вариант 3с гончарных мисок (ил. 1:3). ХОКМ, А-740.
4. Миска гончарная; диаметр венчика — 22, плечика — 19,6, днища — 7,0, высота общая — 7,6, плечика — 2,2 см; тип 4 гончарных мисок (ил. 1: 4). ХОКМ, А-1001.

ПОГРЕБЕНИЕ 2

Тип погребения: ТПСЗ, в яме овальной формы глубиной 1,6 м, ритуально разрушенное. Кости скелета взрослого в беспорядке (ил. 2). Вместе с остатками скелета найдены обломки раздавленного лепного сосуда [Винокур, Хотюн, Приходнюк, 1964. С. 2. Рис. III; Винокур, 1979. С. 113].

Инвентарь:

1. Фрагмент лепного сосуда (миски?) без венчика с прочерченным зигзагообразным орнаментом по боку; диаметр плечика — 19,4, высота сохранившейся части — 9,0, придонной части — 8,0 см; выше плечика нанесен зигзагообразный декор; тесто с включениями дресвы (ил. 2). ХОКМ, А-736.

ПОГРЕБЕНИЕ 3

Тип погребения: ТПСВ, в яме глубиной 1,1 м. Скелет особи возраста juvenis в анатомическом порядке, отсутствует череп. Длина сохранившейся части скелета — 1,5 м (ил. 3) [Винокур, Хотюн, Приходнюк, 1964. С. 3; Винокур, 1979. С. 113].

Б/и.

Раскопки 1965 г.**ПОГРЕБЕНИЕ 4**

Тип погребения: ТПС, в яме прямоугольной формы размерами 0,7 x 2,1 м, ритуально разрушенное. Скелет взрослого в вытянутом положении на спине, верхняя часть потревожена, череп раздавлен и смещён (ил. 4). В районе шеи и груди зафиксированы детали ожерелья и бронзовая фибула, у правого колена найден гончарный сосуд, у правой стопы — роговой гребень, между берцовыми костями — гончарный кубок [Винокур и др., 1965. С. 2. Табл. 1; Винокур, 1979. С. 113].

Инвентарь:

- 1—30. Бусы и подвески: стеклянные одноцветные типа XII/2 (ил. 4: 1—3), типа XVII/4 (ил. 4: 4—6), типа XVII/5 (1 экз.; ил. 4: 7), типа XVII/8 (14 экз.; ил. 4: 8—21); бронзовые ведёрковидные (2 экз.; ил. 4: 22,

¹⁷ В акте приёма-передачи коллекции Ружичанки в фонды КПГМЗ от 17.09.1997 и 3.11.1998 гг. не указаны места находок вещей. Депаспортизованы, в частности, бронзовые «ведерки». Поэтому я не указываю шифр каждой конкретной вещи, а даю номера, под которыми числятся все ведёрковидные подвески. Существуют определённые сложности и при идентификации конкретных вещей по полевым шифрам.

¹⁸ Костный материал могильника, к сожалению, не сохранился. Пол и возраст погребённых определялся автором раскопок. Из объективных данных сохранились фотографии погребений №№ 1—4, 6—10, 13—17, 19—21, 23—25, 27—32, 42—44, 49, 50, 55, 57, 61 и в ряде случаев информация о длине скелета или его сохранившейся части. Поэтому некоторые определения уточнялись и корректировались с помощью консультаций научного сотрудника отдела биоархеологии ИА НАНУ канд. ист. наук Т. А. Рудич.

23); янтарные грибовидные (5 экз.; ил. 4: 24—28); коралловые (2 экз.; ил. 4: 29, 30) [Бобровская, 1999. Рис. 12: 4; Гопкало, 2008. Рис. 4: 3—32]. КПГМЗ, Карх 35102.

31. Фибула бронзовая; А-VI.-167 (?) или тип Грудек-149 по А. Коковскому (ил. 4: 31; рисунок П. Л. Корниенко по эскизу Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1987. С. 67. Рис. 2: 4; 1988. С. 38, позиция 33; Баран, Гороховский, Магомедов, 1990. Рис. 3: 8]. КПГМЗ, Карх 35058, 35061—35063?).

32. Роговой гребень; вариант 1А (ил. 4: 32). КПГМЗ, Карх 35081.

33. Гончарный кубок; с насечками по шейке, диаметр венчика — 7,2, плечика — 8,0, днища — 3,2, высота общая — 6,2, плечика — 3,6 см; тесто с включениями мелких фракций дресвы; тип 1 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 4: 33). КПГМЗ, Карх 35118.

34. Гончарный миниатюрный сосудик¹⁹; диаметр венчика — 13,3, плечика — 14,7, днища — 5,6, высота общая — 12,0, плечика — 6,0 см; в тесте примеси шамота; тип 3 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 4: 34). КПГМЗ, КПМ д/п 5731?.

ПОГРЕБЕНИЕ 5

Тип погребения: ТС, в подпрямоугольной яме размерами 1,9 x 0,75 м [Винокур и др., 1965. С. 2; Винокур, 1979. С. 113]

Инвентарь:

раздавленный сосуд.

ПОГРЕБЕНИЕ 6

Тип погребения: ТПС, в яме прямоугольной формы. Скелет взрослого, кости массивные, лежал вытянуто на спине, руки на тазовых костях, череп повернут лицевой частью на запад (ил. 5) [Винокур и др., 1965. С. 3; Винокур, 1979. С. 113].

Б/и.

ПОГРЕБЕНИЕ 7

Тип погребения: ТП, разрушенное обрывом. От скелета сохранились кости рук: плечевая и локтевая (ил. 6)

Инвентарь:

1—2. Одно целое и обломок еще одного глиняного биконического пряслица [Винокур и др., 1965. С. 3; Винокур, 1979. С. 113]. КПГМЗ, Карх 35072.

ПОГРЕБЕНИЕ 8

Тип погребения: ТПСЗ, скорее всего, взрослого, разрушенное. In situ сохранились правая плечевая кость, а также кости нижних конечностей (ил. 7). На месте груди найдены две бронзовые фибулы, несколько ниже — бронзовый пинцет, на тазу — бронзовая литая пряжка с двухчастной обоймочкой. Два гончарных сосуда и лепной кубок располагались справа вдоль нижних конечностей, один гончарный сосуд и роговой гребень — у стоп [Винокур и др., 1965. С. 3. Табл. 4; Винокур, 1979. С. 113]²⁰.

Инвентарь:

1. Фибула бронзовая; прогнутая подвязная варианта А1 по Е. Л. Гороховскому (ил. 7: 1; рисунок П. Л. Корниенко по эскизам Е. Л. Гороховского, не публиковался). КПГМЗ, Карх 35058, 35061—35063 (?).

2. Фибула бронзовая; прогнутая подвязная группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 2 по А. К. Амброзу или варианта А3 по Е. Л. Гороховскому (ил. 7: 2; рисунок П. Л. Корниенко по эскизам Е. Л. Гороховского, не публиковался). КПГМЗ, Карх 35059.

3. Пряжка бронзовая; одночастная серии Б («компанийцевской») по Е. Л. Гороховскому; бронзовая поясная накладка (ил. 7: 3; рисунок Е. Л. Гороховского) [Гороховский 1988, с. 39, позиция 45]. КПГМЗ, Карх 35097, 35098.

4. Гребень роговой; одночастный варианта 14С (ил. 7: 4). КПГМЗ, Карх 35082.

5. Лепной кубок (ил. 7: 5). КПГМЗ, Карх 35113.

6. Гончарный сосуд; диаметр венчика — 13,5, плечика — 15,7, днища — 7,4, высота общая — 9,8, плечика — 5,0 см; в тесте примеси шамота; лощение отсутствует; тип 6 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 7: 6). КПГМЗ, Карх 35047.

7. Гончарная миска; диаметр венчика — 18,6, плечика — 19,0, днища — 7,0, высота общая — 7,1, плечика — 1,5 см; тип 4 гончарных мисок (ил. 7: 7). КПГМЗ, Карх 35121.

8. Гончарная миска; диаметр венчика — 18,6, плечика — 17,4, днища — 5,4, высота общая — 6,0, плечика — 2,3 см; вариант 3а гончарных мисок (ил. 7: 8). КПГМЗ, Карх 35116.

9. Фрагмент (верхняя часть) бронзовой клюковидной булавки (ил. 7: 9; по фс).

10. Пинцет бронзовый (ил. 7: 10). КПГМЗ, Карх 35060.

ПОГРЕБЕНИЕ 9

Тип погребения: ТПС, в прямоугольной яме. Скелет взрослой особи, частично разрушенный, отсутствуют позвонки, кости грудной клетки и левой руки, череп раздавлен (ил. 8). У шейных позвонков найдены две маленькие стеклянные бусины [Винокур и др., 1965. С. 3. Табл. 5; Винокур, 1979. С. 113].

Инвентарь:

1, 2. Бусы стеклянные одноцветные типа II/1 (2 экз.; ил. 8: 1, 2). КПГМЗ, Карх 35110—35111.

ПОГРЕБЕНИЕ 10

Тип погребения: ТПС взрослого, сильно разрушенное. In situ от скелета сохранились берцовые кости ног и стопы (ил. 9) [Винокур и др., 1965. С. 3, 4; Винокур, 1979. С. 113, 114].

Б/и.

¹⁹ Ориентируясь на иллюстрации публикации, можно отнести этот сосуд к погребению 4.

²⁰ Согласно фс, верхняя часть бронзовой клюковидной булавки также относится к этому погребению.

ПОГРЕБЕНИЕ 11

Тип погребения: ТПСЗ, разрушенное. У костей таза, справа, найдены железные предметы и два осколка стеклянного кубка [Винокур и др., 1965. С. 4; Винокур, 1979. С. 114].

Инвентарь:

1. Фрагмент кубка из бесцветного стекла; склеен из двух осколков (ил. 10: 1). КПГМЗ, КПМ д/п 5737—5738.
2. Железный предмет, представляющий собой часть полого цилиндра с одним целым основанием, стенками с неровными, «рваными», краями, и фрагментом железного стержня (ил. 10: 2). КПГМЗ, Карх 35071/1.
3. Фрагменты железной ручки щита (ил. 10: 3)²¹. КПГМЗ, Карх 35071/2.
- 4, 5. Железные шилья (2 экз.; ил. 10: 4, 5). КПГМЗ, Карх 35071/3, 35071/6.
- 6—8. Железные ключи (3 экз.; ил. 10: 6—8). КПГМЗ, Карх 35071/7, 35071/4, 35071/5.

ПОГРЕБЕНИЕ 12

Тип погребения: кости не сохранились, кенотаф или захоронение младенца (ил. 11). В яме овальной формы размерами 1, 2 x 0,7 м обнаружена гончарная посуда [Винокур и др., 1965. С. 4. Табл. 7; Винокур, 1979. С. 114]²².

Инвентарь:

1. Гончарный миниатюрный сосудик; диаметр венчика — 7,2, плечика — 8,0, днища — 3,6, высота общая — 5,5, плечика — 3,5 см; тип 1 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 11: 1). КПГМЗ, Карх 35114.
2. Гончарный миниатюрный сосудик; диаметр венчика — 12,6, плечика — 12,0, днища — 5,0, высота общая — 8,0, плечика — 5,0 см, в тесте примеси шамота; тип 4 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 11: 2). КПГМЗ, Карх 35115.
3. Гончарная миска; диаметр венчика — 16,8, плечика — 16,0, днища — 7,0, высота общая — 6,7, плечика — 2,8 см; вариант 3b гончарных мисок (ил. 11: 3). КПГМЗ, Карх 35124.
4. Гончарный горшок; плечико выше середины высота, венчик заокругленный отогнутый наружу, днище плитчатое; диаметр венчика — 9,8, плечика — 13,7, днища — 5,2, высота общая — 12,5, плечика — 4,2 см. (ил. 11: 4; прорисовка по фС) КПГМЗ, КПМ д/п 5745, 5746 (?).

ПОГРЕБЕНИЕ 13

Тип погребения: ТПС, погребение ребёнка в возрасте *infantilis I* (ил. 12). Перекрывало п. 23 [Винокур и др., 1965. С. 5. Табл. 8; Винокур, 1979. С. 115].

Инвентарь:

фибула бронзовая; А-VII, группы 18 по А. К. Амброзу или «неслуховской» серии по Е. Л. Гороховскому и О. В. Гопкало (ил. 12; абрис восстановлен по фС).

ПОГРЕБЕНИЕ 14

Тип погребения: ТПСЗ ребёнка (*infantilis I*)²³. В заполнении ямы попадались угольки и зола (ил. 13). [Винокур и др., 1965. С. 5; Винокур, 1979. С. 115].

Б/и.

ПОГРЕБЕНИЕ 15

Тип погребения: ТПС, в яме подпрямоугольной формы. Перекрывало п. 17. Скелет взрослого в анатомическом порядке, на спине, руки на тазу, череп раздавлен (ил. 14). У правого плеча размещался гончарный одноручный кувшин. Правая рука до локтя лежала на гончарной миске. У левого плеча располагалась миска с жертвенной пищей (костями животных?). Под тазом находилась гончарная миска, а рядом лепной кубок [Винокур и др., 1965. С. 5. Табл. 10; Винокур, 1979. С. 116].

Инвентарь:

1. Лепной чернолощённый кубок с процарапанной «сеткой» (ил. 14: 1). КПГМЗ, Карх 35044.
2. Гончарный миниатюрный сосуд; диаметр венчика — 12,3, плечика — 13,3, днища — 4,7, высота общая — 6,5-7,5, плечика — 2,6 см; тесто хорошо отмученное, без примесей; тип 5 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 14: 2). КПГМЗ, Карх 35122.
3. Гончарный одноручный кувшин; диаметр венчика — 8,0, корпуса — 11,3, днища — 6,0; высота общая — 13,0, шейки (от венчика до основания шейки) — 5,7, плечика — 8,8 см (ил. 14: 3). КПГМЗ, Карх 35043.
4. Гончарная миска; диаметр венчика — 20,0, плечика — 18,6, днища — 7,0, высота — 9,0, плечика — 2,8 см. Тип 4 гончарных мисок (ил. 14: 4). КПГМЗ, Карх 35028.
5. Гончарный сосуд, размеры: диаметр венчика — 15,4, плечика — 20,0, днища — 7,8, высота общая — 12,0, плечика — 7,4 см. Тип 1 гончарных сосудов (ил. 14: 5). КПГМЗ, Карх 35126.

ПОГРЕБЕНИЕ 16

Тип погребения: ТПС. Скелет взрослого в анатомическом порядке, руки на костях таза, череп повернут лицевой частью на север (ил. 15) [Винокур и др., 1965. С. 5; Винокур, 1979. С. 116].

Б/и.

ПОГРЕБЕНИЕ 17

Тип погребения: ТПС в яме подпрямоугольной формы, перекрывалось п. 15. Скелет плохой сохранности, сохранились обломки черепа, кости рук (ил. 16). На груди найдена бронзовая игла, а несколько

²¹ Благодарю О. А. Радюша за помощь в её реконструкции.

²² Согласно отчёту и публикации, погребение сопровождало 6 сосудов (два горшка, три миски и кубок). В коллекции обнаружены четыре сосуда, происходящие из данного погребения.

²³ В отчёте указана ориентировка погребения «запад—восток» [Винокур и др., 1965. С. 4].

выше — роговой гребень. Под левой ногой стояла гончарная миска с жертвенной пищей (костями животных) [Винокур и др., 1965. С. 5. Табл. 12; Винокур, 1979. С. 116].

Инвентарь:

1. Роговой гребень варианта 6 В (Ил. 16: 1). КПГМЗ, Карх 35080.
2. Гончарная миска; диаметр венчика — 17,5, плечика — 17,7, днища — 5,9, высота общая — 6,9, плечика — 2,0 см; тип 2 гончарных мисок (ил. 16: 2). КПГМЗ, Карх 35123.
3. Бронзовая игла (ил. 16: 3). КПГМЗ, Карх 35067.

ПОГРЕБИЕ 18

Тип погребения: ТС, в яме круглой формы диаметром 0,75 м [Винокур и др., 1965. С. 6; Винокур, 1979. С. 117]²⁴.

Инвентарь:

две миски.

ПОГРЕБИЕ 19

Тип погребения: ТПС, в яме подпрямоугольной формы. Скелет взрослого в анатомическом порядке, на спине, руки вдоль тела, ноги прямые (ил. 17). На плечах найдены бронзовые фибулы и подвеска-колокольчик, на шее — ожерелье. У правого плеча стоял гончарный сосудик. Несколько ниже, почти напротив правого локтя, находились пять биконических пряслиц, в том числе одно орнаментированное, а на уровне кисти — роговой гребень [Винокур и др., 1965. С. 6. Табл. 13; Винокур, 1979. С. 117].

Инвентарь:

- 1, 2. Фибулы бронзовые; А-VI.162, прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 3 по А. К. Амброзу или Б1 по Е. Л. Гороховскому (2 экз.; ил. 17: 1, 2). КПГМЗ, Карх 35055—35056.
- 3—21. Бусы стеклянные одноцветные типа XVI/2 (16 экз.; ил. 17: 3-18), типа XV/2 (1 экз.; ил. 17: 19), типа XV/3 (1 экз.; ил. 17: 20); янтарные типа III/1 (ил. 17: 21) [Бобровская, 1999. Рис. 10: 2; Гопкало, 2008. Рис. 6: 3—21]. КПГМЗ, Карх 35103.
- 22, 23. Фрагменты бронзовой цепи (ил. 17: 22, 23; по фС).
24. Подвеска-колокольчик бронзовая (ил. 17: 24; рисунок П. Л. Корниенко [Бобровская, 1999. Рис. 10: 2; Гопкало, 2008. Рис. 6: 22]. КПГМЗ, Карх 35099.
25. Гончарный миниатюрный сосуд; диаметр венчика — 10,2, плечика — 13,5, днища — 5,8, высота общая — 10,0, плечика — 5,7, верхний слой отслаивается; тип 2 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 17: 25). КПГМЗ, Карх 35046.
26. Роговой гребень; вариант 6 А—В (ил. 17: 26). КПГМЗ, Карх 35083.
- 27-31. Глиняные пряслица (5 экз.; ил. 17: 27—31; по фС). КПГМЗ, Карх 35073—35077.

ПОГРЕБИЕ 20

Тип погребения: ТСУ (ил. 18). [Винокур и др., 1965. С. 6]

Инвентарь: миска-урна.

ПОГРЕБИЕ 21

Тип погребения: ТПСЗ в яме подпрямоугольной формы, детское, разрушенное. От скелета сохранились череп и берцовые кости (ил. 19). В погребении найдены миска и два горшка [Винокур и др., 1965. С. 6. Табл. 15; Винокур, 1979. С. 117].

Инвентарь:

1. Гончарная миска с пролощенным декором в виде «сетки», который нанесен по шейке сосуда; диаметр венчика — 17,4, плечика — 17,4, днища — 7,4, высота — 9,3, плечика — 4,5 см; вариант 3с гончарных мисок (ил. 19: 1). КПГМЗ, Карх 35045.
2. Гончарный горшок; плечико выше середины высоты, венчик утолщенный подпрямоугольный, дно плитчатое; диаметр венчика — 10,0, плечика — 12,0, днища — 6,2, высота общая — 12,0, высота плечика — 5,5 см (ил. 19: 2). КПГМЗ, Карх 35042.
3. Лепной горшок; банковидный, асимметричный, плечико посередине высоты горшка, венчик прямой отогнутый наружу, украшенный по краю косыми пальцевыми вдавлениями, днище плитчатое; диаметр венчика — 12,4, плечика — 13,0, днища — 8,0, высота общая — 15,0, высота плечика колеблется от 4,0 до 7,8 см с разных сторон сосуда (ил. 19: 3). КПГМЗ, КПП д/п 5733.

ПОГРЕБИЕ 22

Тип погребения: ТС²⁵. На глубине 1,0 м читалось пятно подпрямоугольной формы размерами 0,8 х 1,1 м. В яме обнаружены отдельные черепки, кальцинированные кости и угольки, обломок лепного горшка [Винокур и др., 1965. С. 6; Винокур, 1979. С. 117].

*Инвентарь*²⁶:

1. Гончарный миниатюрный сосуд типа 7 (илл. 20: 1; по фС). КПГМЗ, КПП д/п 5740, Карх 35119 (?).
2. Гончарная миска; диаметр венчика — 20,6, плечика — 19,0, днища — 9,0, высота общая — 6,5, плечика — 2,9 см; вариант 3а гончарных мисок (ил. 20: 2). КПГМЗ, КПП д/п 5742.

ПОГРЕБИЕ 23

Тип погребения: ТПСЗ в яме подпрямоугольной формы, детское, разрушенное, перекрывалось погребением 13. От скелета сохранились череп, плечевая, лучевая и локтевая кости правой(?) руки; череп раз-

²⁴ На плане могильника в публикации (Винокур, 1979. Рис. 1) под № 18 обозначена ингумация, расположенная на южном участке, а описано погребение как ямное трупосожжение, в котором найдены две миски с жертвенной пищей. Фотография погребения отсутствует.

²⁵ Согласно отчету — ямное, а согласно публикации — урновое.

²⁶ Согласно документации — обломок лепного горшка. Однако, судя по фС, из этого погребения происходит гончарный миниатюрный сосудик, а среди материалов, хранящихся в КПГМЗ имеется гончарная миска с соответствующим шифром.

давлен, повернут лицевой частью на запад (ил. 21). В погребении найдены 4 гончарных сосуда, которые находились справа от костей скелета [Винокур и др., 1965. С. 7. Табл. 16; Винокур, 1979. С. 117, 118].

Инвентарь:

1. Гончарный миниатюрный сосудик; диаметр венчика — 10,8, плечика — 11,3, днища — 5,2, высота общая — 6,8, плечика — 4,2 см. Тип 7 гончарных миниатюрных сосудиков-кубков (ил. 21.1: 1; по рисунку А. Коковского [Stasiak, 1997. Fig.7]). КПГМЗ, КПМ д/п 5740, Карх 35119 (?).

2. Гончарный миниатюрный сосудик; диаметр венчика — 14,0, плечика — 16,6, днища — 7,5, высота общая — 7,4, плечика — 4,8 см (ил. 21.1: 2; по рисунку А. Коковского [Stasiak, 1997. Fig. 7]). КПГМЗ, КПМ д/п 5740, Карх 35119 (?).

3. Гончарная миска; диаметр венчика — 17,8, плечика — 18,2, днища — 7,0, высота общая — 7,0, плечика — 4,2 см; вариант 3b гончарных мисок (ил. 21.1: 3). КПГМЗ, Карх 35117.

4. Лепная миска с х-видным ушком; диаметр венчика — 18,5, плечика — 16,0, днища — 7,8, высота общая — 8,2, плечика — 4,1 см; тесто отмученное; поверхность черная, в некоторых местах слегка подлощена (ил. 21.1: 4). КПГМЗ, Карх 35048.

ПОГРЕБЕНИЕ 24

Тип погребения: ТПС²⁷, детское, разрушенное. От скелета сохранились отдельные рёбра и кости ног in situ. На груди найдены две бронзовые иглы, фибула и раздавленный роговой гребень. Погребение сопровождалось гончарной посудой [Винокур и др., 1965. С. 7. Табл. 16; Винокур, 1979. С. 118. Рис. 15]²⁸.

Инвентарь:

1. Фибула; А-VII, группы 18 по А.К. Амброзу или «городницкой» серии по Е.Л. Гороховскому и О.В. Гопкало (ил. 21.11: 1). КПГМЗ, Карх 35057.

2. Роговой гребень²⁹; вариант 6В (ил. 21.11: 2). КПГМЗ, Карх 35079.

3. Гончарная миска-ваза; диаметр венчика — 19,0, плечика — 21,0, днища — 8,0, высота общая — 12,8, плечика — 6,2 см; тип 2 гончарных мисок-ваз (ил. 21.11: 3). КПГМЗ, Карх 35129.

4, 5. Бронзовые иглы (2 экз.; ил. 21.11: 4, 5). КПГМЗ, Карх 35065, 36068.

ПОГРЕБЕНИЕ 25

Тип погребения: ТПС в подпрямоугольной яме, погребение ребёнка (infantilis I). Сохранилась правая плечевая кость (ил. 22). В погребении найдены бусы, гончарная миска и бронзовая чернильница [Винокур и др., 1965. С. 7. Табл. 17; Винокур, 1979. С. 118].

Инвентарь:

1. Бронзовая чернильница (ил. 22: 1). АЛ КПНУ.

2—14. Бусы стеклянные одноцветные типа XVI/2 (3 экз.; ил. 22: 2—4), типа XVI/4 (5 экз.; ил. 22: 5—9); полихромные типа XIII/1 (1 экз.; ил. 22: 10), типа XIII/5 (1 экз.; ил. 22: 11); из египетского фаянса типа 1 (3 экз.; ил. 22: 12—14) [Бобровская, 1999. Рис. 9: 2; Гопкало, 2008. Рис. 1: 2—14]. АЛ КПНУ.

15. Гончарная миска; диаметр венчика — 17,6, плечика — 17,6, днища — 6,4, высота общая — 6,4, плечика — 1,6 см; немного деформирована; изнутри нет явных следов ленточной формовки, стенки заглажены, дно не выделено; тип 1 гончарных мисок (ил. 22: 15). АЛ КПНУ.

ПОГРЕБЕНИЕ 26

Тип погребения: ТПС в яме прямоугольной формы, разрушенное. В заполнении могильной ямы на разных глубинах найдены отдельные кости скелета [Винокур и др., 1965. С. 7; Винокур, 1979. С. 120].

Инвентарь: обломки керамической посуды.

ПОГРЕБЕНИЕ 27

Тип погребения: ТПСЗ в яме прямоугольной формы, детское (infantilis II(?)). Частично перекрывало погребение 29. Скелет плохой сохранности, череп раздавлен, кости грудной клетки смещены, на них лежат плечевые кости. In situ найдены позвоночник, кости таза и бедренные кости. Большие берцовые кости смещены и лежат параллельно бедренным костям (ил. 23) [Винокур и др., 1965. С. 7; Винокур, 1979. С. 120].

Б/и.

ПОГРЕБЕНИЕ 28

Тип погребения: ТПСЗ в яме прямоугольной формы. Скелет взрослого в анатомическом порядке, на спине, руки вдоль туловища, ноги прямые (ил. 24). Между кистью правой руки и бедренной костью, чуть ниже таза, лежала подвеска из раковины *Volinus brandaris*. Между бедренными костями, ближе к костям таза, подвески из раковины *Сургаеа*, роговая пирамидальная и костяной игольник, а также стеклянная бусина. У головы — сердоликовая четырнадцатигранная бусина [Винокур и др., 1965. С. 7, 8. Табл. 18; Винокур, 1979. С. 120. Табл. 18]³⁰.

²⁷ В тексте отчёта ориентировка погребения не указана.

²⁸ По отчёту и публикации, сосудов в данном погребении два, в коллекции найдена одна гончарная миска.

²⁹ Отнесение данного гребня к комплексу п. 24 проблематично. Его рисунок сделан с оригинала, на котором стоит отметка «п. 44». Этот факт зафиксирован и на ф.с. В отчёте рисунок гребня из п. 24 отсутствует, а в тексте указано, что гребень был раздавлен (!), среди материалов п. 44 изображен гребень похожей формы, но конфигурация сохранившихся зубцов иная, чем на том, где стоит соответствующий шифр. В публикации среди материалов п. 24, судя по некоторым признакам (общая форма, количество заклёпок, конфигурация сохранившихся зубцов) [Винокур, 1979. Рис. 15: 1], изображён гребень, приведенный здесь. Также неоднозначна идентификация гребня с трапециевидной спинкой (ил. 31: 7), происходящего, согласно публикации, из п. 44 (см. описание погребения).

³⁰ Существует несоответствие между разными источниками относительно состава инвентаря из этого погребения. По иллюстрации в публикации, подвесок из раковин было две, а по тексту отчёта и шифрам на вещах (!) — одна — из раковины *Сургаеа*. Установить реальный состав поясных подвесок-амулетов удалось благодаря фотографии погребения в отчёте, на которой отчётливо видны их расположение и форма.

Инвентарь:

- 1, 2. Бусы: стеклянная синяя типа XII/2а (ил. 24: 1); сердоликовая четырнадцатигранная типа 1 (ил. 24: 2). АЛ КПНУ.
3. Подвеска из раковины *Surgaea* (ил. 24: 3). АЛ КПНУ.
4. Подвеска из раковины *Volinus brandaris* (ил. 24: 4). АЛ КПНУ.
5. Роговая пирамидальная подвеска (ил. 24: 5). АЛ КПНУ.
6. Костяной игольник (ил. 24: 6). АЛ КПНУ.

ПОГРЕБЕНИЕ 29

Тип погребения: ТПС, частично перекрывалось погребением 27. Скелет взрослого в анатомическом порядке, на спине, руки вдоль туловища, ноги прямые, череп повернут лицевой частью на запад (ил. 25). У черепа найдены две раздавленные гончарные миски, у правого плеча — горшок, рядом гребень и бронзовая фибула. У левого плеча находилась бронзовая фибула, игла и клюковидная булавка. Между бедренными костями лежали подвеска из раковины *Volinus brandaris* и амулет из клыка кабана. Справа от черепа располагались кости животных [Винокур и др., 1965. С. 8. Табл. 19; Винокур, 1979. С. 120, 121]³¹.

Инвентарь:

- 1, 2. Фибулы бронзовые; А-VI.162, прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 3 по А. К. Амброзу или Б1 по Е. Л. Гороховскому (2 экз.; ил. 25: 1, 2). АЛ КПНУ.
3. Роговой гребень варианта 2В (ил. 25: 3). АЛ КПНУ.
4. Гончарный миниатюрный сосудик; диаметр венчика — 10,4, плечика — 12,2, днища — 4,5, высота общая — 8,2, плечика — 3,3 см; в тесте включения шамота; лощение отсутствует; тип 6 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 25: 4). АЛ КПНУ.
5. Гончарная миска; диаметр венчика — 19,0, плечика — 18,8, днища — 7,0, высота общая — 8,6, плечика — 3,8 см; вариант 3 d гончарных мисок (ил. 25: 5). АЛ КПНУ.
6. Гончарный мисковидный сосуд; диаметр венчика — 19,0, плечика — 19,2, днища — 8,8, высота общая — 11,8, плечика — 5,9 см. Тип 2 гончарных мисковидных сосудов (ил. 25: 6). АЛ КПНУ.
7. Подвеска из клыка кабана (ил. 25: 7; по фС). АЛ КПНУ.
8. Подвеска из раковины *Volinus brandaris* (ил. 25: 8 по фС).
9. Бронзовая клюковидная булавка (ил. 25: 9; по фС).
10. Бронзовая игла (ил. 25: 10; по фС).
11. Фрагмент железной кольчуги (ил. 25: 11—15; рисунок А. Коковского [Schätze der Ostgoten, 1995. Abb. 122]).

ПОГРЕБЕНИЕ 30

Тип погребения: ТПС³², в яме размерами 1,2 x 0,6 м и глубиной 0,8 м, детское. Скелет плохой сохранности. Сохранились фрагменты черепа, рёбер, правая бедренная и левые: плечевая, бедренная, большая берцовая и малая берцовая кости (ил. 26). У головы найдены высокая и низкая гончарные миски, а также две бусины из янтаря. По поводу расположения фибул нет никакой информации [Винокур и др., 1965. С. 8. Табл. 20; Винокур, 1979. С. 121].

Инвентарь:

- 1, 2. Фибулы бронзовые; А-VI.162, прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 3 по А. К. Амброзу или Б1 по Е. Л. Гороховскому (2 экз.; ил. 26: 1, 2). КПГМЗ, Карх 35051, 35053.
3. Фрагмент грибовидной подвески (ил. 26: 3). КПГМЗ, Карх 35105.
4. Бусина янтарная типа V/1 (ил. 26: 4). КПГМЗ, Карх 35106.
5. Гончарный миниатюрный сосуд; диаметр венчика — 12,0, плечика — 12,0, днища — 5,5, высота общая — 7,8, плечика — 4,0 см; тесто хорошо отмученное; лощение отсутствует; тип 6 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 26: 5). КПГМЗ, Карх 35120.
6. Гончарная миска; диаметр венчика — 20,6, плечика — 19,6, днища — 6,0, высота общая — 7,5, плечика — 2,7 см см; вариант 3 d гончарных мисок (ил. 26: 6). КПГМЗ, КМ д/п 5732.

ПОГРЕБЕНИЕ 31

Тип погребения: ТПС3 в яме прямоугольной формы размерами 1,8 x 0,6 и глубиной 1,5 м. Скелет взрослого в анатомическом порядке, на спине, руки на тазу, ноги прямые. Кости массивные (ил. 27) [Винокур и др., 1965. С. 8; Винокур, 1979. С. 121].

Б/и.

ПОГРЕБЕНИЕ 32

Тип погребения: ТСЯ в прямоугольной яме размерами 1,0 x 0,7 и глубиной 1,2 м (ил. 28). Уголь, зола, кальцинированные кости, черепки битой посуды [Винокур и др., 1965. С. 9; Винокур, 1979. С. 121].

ПОГРЕБЕНИЕ 33

Тип погребения: ТСЯ. Уголь, кальцинированные кости, черепки битой посуды [Винокур и др., 1965. С. 9].

ПОГРЕБЕНИЕ 34

Тип погребения: ТСЯ в яме овальной формы размерами 0,9 x 1,0 м. Уголь, кальцинированные кости, черепки битой посуды [Винокур и др., 1965. С. 9; Винокур, 1979. С. 121].

³¹ Существуют расхождения между источниками относительно состава украшений из этого погребения. По отчёту и публикации комплект амулетов состоял из раковины и клыка кабана, кроме того, в погребении были янтарные украшения. Если ориентироваться на фС и сохранившиеся в коллекции находки, то раковин моллюска *Volinus brandaris* было две, а янтарных украшений не было вовсе. На фотографии погребения в отчете хорошо видна подвеска из клыка кабана, которая находилась между бедренными костями, и подвеска из *Volinus brandaris* у правого крыла таза.

³² Согласно тексту и фотографии в отчете, ориентировка погребения — на север, согласно тексту публикации — на запад, по плану могильника в публикации — на северо-запад.

ПОГРЕБЕНИЕ 35

Тип погребения: ТСЯ в круглой яме диаметром 0,7 м. Уголь, пепел, кальцинированные кости [Винокур и др., 1965. С. 9; Винокур, 1979. С. 121].

ПОГРЕБЕНИЕ 36

Тип погребения: ТСЯ. Кальцинированные кости, угольки, пепел и отдельные черепки посуды [Винокур и др., 1965. С. 9; Винокур, 1979. С. 121].

ПОГРЕБЕНИЕ 37

Тип погребения: ТСЯ в яме диаметром 0,4 м. Кальцинированные кости, зола, угольки [Винокур и др., 1965. С. 9; Винокур, 1979. С. 122].

ПОГРЕБЕНИЕ 38

Тип погребения: ТСЯ в круглой яме диаметром 0,7 м. Уголь, кальцинированные кости [Винокур и др., 1965. С. 9; Винокур, 1979. С. 122].

ПОГРЕБЕНИЕ 39

Тип погребения: ТСЯ в круглой яме диаметром 0,6 м. Кальцинированные кости, угольки, черепки посуды [Винокур и др., 1965. С. 9; Винокур, 1979. С. 122].

ПОГРЕБЕНИЕ 40

Тип погребения: ТСЯ в круглой яме диаметром 0,8 м. Кальцинированные кости, уголь, черепки [Винокур и др., 1965. С. 10; Винокур, 1979. С. 122].

ПОГРЕБЕНИЕ 41

Тип погребения: ТСЯ в круглой яме диаметром 0,6 м. Кальцинированные кости, угольки, черепки посуды [Винокур и др., 1965. С. 10; Винокур, 1979. С. 122].

ПОГРЕБЕНИЕ 42

Тип погребения: ТПС³³, в яме прямоугольной формы размерами 1,2 x 0,7 и глубиной 0,8 м. Скелет ребёнка плохой сохранности, сохранились обломки черепа и бедренной кости (ил. 29). В районе таза прослежены остатки какого-то сильно окислившегося небольшого железного предмета [Винокур и др., 1965. С. 10; Винокур, 1979. С. 122], среди материалов памятника не обнаружено.

ПОГРЕБЕНИЕ 43

Тип погребения: ТПС³⁴, в яме прямоугольной формы размерами 1,9 x 0,7 и глубиной 1,2 м, частично разрушенное. Скелет взрослого плохой сохранности, сохранились обломки черепа, плечевых костей, частично — рёбер, бедренных костей. Отсутствуют большая часть грудной клетки, тазовые, берцовые, локтевые и лучевые кости (ил. 30) [Отчёт, 1965. С. 10; Винокур, 1979. С. 122].

Б/и.

ПОГРЕБЕНИЕ 44

Тип погребения: ТПС³⁵, в яме подпрямоугольной формы. Скелет взрослого в анатомическом порядке, на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые (ил. 31). В погребении найдены: небольшая миска, роговой гребень, пряжка и игла из бронзы³⁶, на груди — две бронзовые ведёркообразные подвески и стеклянная бусина, на правой ключице — бронзовая фибула, у левой руки — две гончарные миски, у правой — кости животных [Винокур и др., 1965. С. 10. Табл. 23; Винокур, 1979. С. 122].

Инвентарь:

1. Фибула бронзовая; двучленная прогнутая подвязная варианта Б2 по Е. Л. Гороховскому (ил. 31: 1; рисунок Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1987. Рис. 2: 11; 1988. С. 37: 30]. КПГМЗ, Карх 35052.

2. Пряжка бронзовая; двучастная с рамкой в форме «D» (ил. 31: 2; рисунок Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1987. Рис. 1: 6; 1988. С. 37: 21]). КПГМЗ, 35095³⁷.

3, 4. Бусы из одноцветного стекла типа II/18 (1 экз.; ил. 31: 3); из янтаря варианта I/1 а (1 экз.; ил. 31: 4). КПГМЗ, Карх 35108.

5, 6. Бронзовые «ведёрки» (2 экз.³⁸; ил. 31: 5, 6). КПГМЗ, Карх 35087—35094 (?).

7. Роговой гребень³⁹ варианта I/14 А (ил. 31: 7). КПГМЗ, Карх 35078.

8. Гончарный миниатюрный сосудик; диаметр венчика — 10,5, плечика — 12,4, днища — 4,5, высота общая — 8,3, плечика — 3,4 см; в тесте примеси шамота и песка; лощение отсутствует; тип 6 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 31: 8). КПГМЗ, Карх 35039.

³³ В тексте отчёта ориентировка погребения не указана, судя по фотографии погребения в отчете, оно ориентировано на северо-восток.

³⁴ В тексте отчёта ориентировка погребения не указана.

³⁵ На фотографии погребения — ориентировка на север, на плане могильника в публикации — на северо-запад.

³⁶ Согласно отчёту, все эти вещи находились в верхней части могильной ямы, по публикации — у черепа.

³⁷ Существуют расхождения в источниках относительно пряжки, сопровождающей могилу. В отчёте изображена двучастная пряжка с прямоугольной рамкой (которая, судя по публикации, сопровождала погребение 57), на фс и в публикации — двучастная пряжка с рамкой в форме «D». Прояснила ситуацию фотография п. 57 в отчете, на которой удалось рассмотреть пряжку с прямоугольной рамкой.

³⁸ На этот счёт имеются несоответствия между источниками. Согласно отчёту и публикации, бронзовых подвесок-«ведёрок» в погребении было две, согласно фс — шесть.

³⁹ Отнесение данного гребня к этому погребению неоднозначно. По этому поводу имеются существенные расхождения в источниках. В иллюстрациях к отчёту единственный в коллекции гребень с трапециевидной спинкой изображен среди материалов п. 57, однако в описании погребения не упоминается о находке гребня. На фс под этим гребнем стоит подпись «с бр. трубоч. п. 44», перечеркнутая рукой Эраста Алексеевича. В публикации же этот гребень фигурирует как происходящий из п. 44 [Винокур, 1979. С. 122. Рис. 18: 3]. Впрочем, шифр «п. 44» поставлен и на гребень с подтреугольной спинкой, который, согласно публикации, сопровождал п. 24 (см.ил. 21: II: 2).

9. Гончарный мисковидный сосуд; диаметр венчика — 17,0, плечика — 17,8, днища — 8,0, высота общая — 10,5, плечика — 6,0 см; тип 2 гончарных мисковидных сосудов (ил. 31: 9). КПГМЗ, Карх 35125.

10. Гончарная миска; диаметр венчика — 23,0, плечика — 21,5, днища — 7,5, высота общая — 8,5, плечика — 3,0 см; вариант 3а гончарных мисок (ил. 31:10; по фС). КПГМЗ, Карх 35040, 35127, КМ д/п 5734, 5741, 5743, 5744, 5747 (?).

11. Бронзовая игла (ил. 31: 11). КПГМЗ, Карх 35066.

ПОГРЕБЕНИЕ 45

Тип погребения: ТСЯ в яме диаметром 0,5 м. Кальцинированные кости, угольки [Винокур и др., 1965. С. 10, 11; Винокур, 1979. С. 122].

ПОГРЕБЕНИЕ 46

Тип погребения: ТСЯ, в яме диаметром 0,55 м. Кальцинированные кости и угольки [Винокур и др., 1965. С. 11; Винокур, 1979. С. 122].

ПОГРЕБЕНИЕ 47

Тип погребения: ТСЯ, в яме диаметром 0,6 м. Кальцинированные кости, зола, угольки [Винокур и др., 1965. С. 11; Винокур, 1979. С. 122, 123].

ПОГРЕБЕНИЕ 48

Тип погребения: ТСЯ, в яме диаметром 0,7 м. Уголь, кальцинированные кости, отдельные вкрапления глиняной обмазки [Винокур и др., 1965. С. 11; Винокур, 1979. С. 123].

ПОГРЕБЕНИЕ 49

Тип погребения: ТПС⁴⁰, в яме подпрямоугольной формы. Скелет взрослого плохой сохранности, на спине, руки на тазу, череп лицевой частью повернут на запад (ил. 32) [Винокур и др., 1965. С. 11; Винокур, 1979. С. 123].

Б/и.

ПОГРЕБЕНИЕ 50

Тип погребения: ТПСВ, в яме подпрямоугольной формы размерами 1,4 x 0,9 и глубиной 1,3 м. Скелет ребёнка (подростка?) плохой сохранности, от которого сохранились обломки черепа, правые: плечевая, локтевая и лучевая кости, бедренные и берцовые кости (ил. 33). Слева от погребённого располагались сосуды: две миски с костями животных, два горшка и кубок. На груди, справа, лежала бронзовая фибула и янтарная бусина, на шее — остатки бронзовой ведёркообразной подвески [Винокур и др., 1965. С. 11. Табл. 24; Винокур, 1979. С. 123]⁴¹.

Инвентарь:

1. Фибула бронзовая; А.VI.161, двучленная прогнутая подвязная группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 1 по А. К. Амброзу или варианта А1 по Е. Л. Гороховскому (ил. 33: 1). КПГМЗ, Карх 35050.

2. Бусина янтарная варианта IV/1 б (ил. 33: 2; [Бобровская, 1999. Рис. 12: 1; Гопкало, 2008. Рис. 3: 2]). КПГМЗ, Карх 35107 (?).

3. Бронзовое «ведёрко» (ил. 33: 3; [Бобровская, 1999. Рис. 12: 1; Гопкало, 2008. Рис. 3: 3]). КПГМЗ, Карх 35087—35094 (?).

4. Гончарный миниатюрный сосуд; диаметр венчика — 7,0, диаметр плечика — 8,2, диаметр днища — 3,0, высота общая — 7,0, высота плечика — 4,5 см; тесто с включением мелких фракций дресвы; тип 2 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 33: 4). КПГМЗ, Карх 35119.

5. Гончарный миниатюрный сосуд; диаметр венчика — 9,8, плечика — 12,0, днища — 5,0, высота общая — 8,0, плечика — 4,8; тесто хорошо отмученное, без примесей; лощение отсутствует; тип 6 гончарных миниатюрных сосудиков/кубков (ил. 33: 5). КПГМЗ, КМ д/п 5739.

6. Гончарная миска; диаметр венчика — 20,2, плечика — 18,0, днища — 5,6, высота общая — 7,2, плечика — 3,0 см; вариант 3а гончарных мисок (ил. 33: 6). КПГМЗ, КМ д/п 5748.

7. Гончарная миска; диаметр венчика — 33,5, плечика — 30,0, днища — 11,6, высота общая — 11,3, плечика — 3,0 см; тип 4 гончарных мисок (ил. 33: 7). КПГМЗ, 35029.

ПОГРЕБЕНИЕ 51

Тип погребения: ТСЯ, в яме диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости, угольки, зола [Винокур и др., 1965. С. 11; Винокур, 1979. С. 123].

ПОГРЕБЕНИЕ 52

Тип погребения: ТСЯ в яме диаметром 0,8 м. Уголь, кальцинированные кости, зола [Винокур и др., 1965. С. 12; Винокур, 1979. С. 123].

ПОГРЕБЕНИЕ 53

Тип погребения: ТСЯ, в яме диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости, угольки [Винокур и др., 1965. С. 12; Винокур, 1979. С. 123].

ПОГРЕБЕНИЕ 54

Тип погребения: ТСЯ, в яме овальной формы диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости и угольки [Винокур и др., 1965. С. 12; Винокур, 1979. С. 123].

ПОГРЕБЕНИЕ 55

Тип погребения: ТПС⁴², в яме подпрямоугольной формы размерами 1,7 x 0,6 и глубиной 1,2 м. Скелет взрослого в анатомическом порядке, на спине, руки вдоль туловища, ноги прямые (ил. 34). На запястье левой руки — обломки рогового гребня. На плечах — бронзовые фибулы и две клюковидные булавы. На

⁴⁰ На плане могильника в публикации ошибочно изображено с небольшим отклонением к востоку, т.е. как ТПСВ.

⁴¹ В коллекции найдены только четыре сосуда, происходящие из данного погребения.

⁴² На плане могильника в публикации ошибочно изображено с небольшим отклонением к востоку, т.е. как ТПСВ.

шее — бронзовая фибула, янтарные и стеклянные бусы. У правого локтя — гончарная миска [Винокур и др., 1965. С. 12; Винокур, 1979. С. 123].

Инвентарь:

1, 2. Фибулы бронзовые; А.VI.162, прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 3 по А. К. Амброзу или Б1 по Е. Л. Гороховскому (2 экз.; ил. 34: 1, 2; рисунки Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1987. Рис. 2: 7]). КПГМЗ, Карх 35049, 35054.

3. Фибула серебряная А.VI.162, прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 3 по А. К. Амброзу или Б1 по Е. Л. Гороховскому (ил. 34: 3; рисунок Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1987. Рис. 2: 6]). КПГМЗ, Карх 35064.

4—7. Бусы стеклянные одноцветные типа VIII/3 или VIII/2 (1 экз.; ил. 34: 4), типа XII/2 (1 экз.; ил. 34: 5), типа XVII/4 (2 экз.; ил. 34: 6, 7). КПГМЗ, Карх 35104.

8—10. Подвески янтарные грибовидные (3 экз.; ил. 34: 8—10). КПГМЗ, Карх 35104, 35112.

11. Гончарная миска-ваза, размеры: диаметр венчика — 20,0, плечика — 22,0, днища — 8, 5, высота — 11,0, плечика — 5,3 см. Тип 1 гончарных мисок-ваз (ил. 34: 11) КПГМЗ, Карх 35041.

12, 13. Бронзовые клюковидные булавки (2 экз.; ил. 34: 12, 13; по фС). КПГМЗ, Карх 35069, 35070 (?).

14. Роговой гребень⁴³.

ПОГРЕБЕНИЕ 56

Тип погребения: ТСЯ, в яме диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости, угольки, зола [Винокур и др., 1965. С. 12; Винокур, 1979. С. 124].

ПОГРЕБЕНИЕ 57

Тип погребения: ТПС, в яме подпрямоугольной формы размерами 1,8 x 1,0 и глубиной 1,5 м. Скелет взрослого в анатомическом порядке. Поза погребённого отличалась от остальных на могильнике: руки уложены на грудь, левая нога полусогнута (ил. 35). У левой руки — гончарная ваза и раздавленный горшок. На груди справа — бронзовая пряжка и пять бронзовых ведёркообразных подвесок. На шее — две бронзовые фибулы, янтарные подвески и сердоликовые бусы. Слева у головы и справа у ног — кости животных [Винокур и др., 1965. С. 12, 13. Табл. 26; Винокур, 1979. С. 124].

Инвентарь:

1, 2. Фибулы бронзовые; А.VI.161, прогнутые подвязные группы 16 подгруппы 2 серии I варианта 1 по А. К. Амброзу или варианту А1 по Е. Л. Гороховскому (2 экз.; ил. 35: 1, 2; рисунок Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1987. Рис. 2: 3; 1988. С. 36: 9; Баран, Гороховский, Магомедов, 1990. Рис. 3: 14]). КПГМЗ, Карх 35058, 35061—35063 (?).

3. Пряжка двучастная с прямоугольной рамкой (ил. 35: 3; рисунок Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1987. Рис. 1: 2; 1988. С. 37: 5]). КПГМЗ, Карх 35096.

4—6. Подвески бронзовые ведёрковидные (3 экз.⁴⁴; ил. 35: 4—6 [Гопкало, 2008. Рис. 2: 11—13]). КПГМЗ, Карх 35087—35094 (?).

7—9. Подвески янтарные грибовидные (3 экз.; ил. 35: 7—9 [Гопкало, 2008. Рис. 2: 3—5]).

10. Бусина янтарная округлая диаметром 2 см, диаметр канала 45 мм (ил. 35: 10; по фС). КПГМЗ, Карх 35109 (?).

11—15. Бусы сердоликовые типа 1 (5 экз.; ил. 35: 10—14) [Гопкало, 2008. Рис. 2: 6—10].

16. Гончарная миска-ваза; диаметр венчика — 24,8, плечика — 27,2, днища — 10,0, высота общая — 20,0, плечика — 8,8 см; тип 2 гончарных мисок-ваз (ил. 35: 15; прорисовано по фС). КПГМЗ, Карх 35040, 35127, КПМ д/п 5734, 5741, 5743, 5744, 5747 (?).

17. Гончарная миска-ваза⁴⁵. Относится к типу 1 гончарных мисок-ваз. На дне сосуда в круг диаметром 2 см вписан крест (ил. 35: 16, прорисовано по фС). КПГМЗ, Карх 35040, 35127, КПМ д/п 5734, 5741, 5743, 5744, 5747 (?).

18. Гончарный горшок с плечиком примерно посередине высоты, венчик короткий отогнутый наружу, днище плитчатое; диаметр венчика — 12,6, плечика — 17,0, днища — 8,0, высота общая — 16,0, плечика — 7,6 см (ил. 35: 17; прорисовано по фС). КПГМЗ, КПМ д/п 5745, 5746 (?).

ПОГРЕБЕНИЕ 58

Тип погребения: ТСЯ, в овальной яме диаметром 0,9 м. Кальцинированные кости, угольки и зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 124].

ПОГРЕБЕНИЕ 59

Тип погребения: ТСЯ, в яме овальной формы диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости, угольки и зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 60

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,8 м. Кальцинированные кости, угольки и зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 61

Тип погребения: ТПСЗ, в яме прямоугольной формы. Скелет взрослого, на спине, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и уложена на живот, ноги прямые (ил. 36) [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

Б/и.

⁴³ Во всех доступных источниках данных о нем не найдено.

⁴⁴ Согласно тексту отчёта, подвесок было «по пять с каждой стороны», т.е. десять, согласно публикации — пять, по фС — не было вовсе, в коллекции в 1988 г. нашлось три «ведёрка» с соответствующим шифром.

⁴⁵ Отнесение данной гончарной миски к этому комплексу проблематично. Этому противоречат: 1) текст отчёта, согласно которому сосудов в погребении было два — большая миска и раздавленный горшок; 2) фотография погребения, на которой также видны только миска и горшок. О том, что она относится к этому погребению, свидетельствуют фС и данные публикации. Миска-ваза оказалась недоступной для изучения, прорисована по фС.

ПОГРЕБЕНИЕ 62

Тип погребения: ТСЯ, в яме овальной формы диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости, угольки и зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 63

Тип погребения: ТСЯ, в яме овальной формы диаметром 0,6 м. Кальцинированные кости, пепел, угольки, кости птицы [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 64

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,5 м. Кальцинированные кости, угольки и зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 65

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,6 м. Кальцинированные кости, угольки, зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 66

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости, в том числе отдельные несгоревшие фрагменты черепа, угольки, зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 67

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости, угли, зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 68

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,6 м. Кальцинированные кости, угольки, зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 69

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,6 м. Кальцинированные кости, угольки, зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 70

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,6 м. Кальцинированные кости, угольки, зола [Винокур и др., 1965. С. 13; Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 71

Тип погребения: ТСЯ, в яме овальной формы диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости, угольки и зола [Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 72

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,6 м. Кальцинированные кости, угольки, зола, несколько обломков черняховской керамики [Винокур, 1979. С. 125].

ПОГРЕБЕНИЕ 73

Тип погребения: ТСЯ, в яме округлой формы диаметром 0,7 м. Кальцинированные кости, угольки и зола [Винокур, 1979. С. 125].

Литература

- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. — IV в. н.э. Сер. САИ. 1966. Вып. ДІ-30.
- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96—123.
- Бажан И. А., Гей О. А. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Спб, 1992. С. 122—157.
- Баран В. Д., Гороховский Е. Л., Магомедов Б. В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). К., 1990. С. 30—78.
- Баран В. Д., Гопкало О. В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. К., 2006.
- Бобровская О. В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 144—160.
- Бобровська О. В. Жіночі поясні амулети черняхівської культури // Археологія. 1999. № 4. 89—95.
- Винокур И. С. Черняховский могильник и поселение у С. Ружичанка // АО 1966 г. 1967. С. 228—230.
- Винокур И. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. К., 1972.
- Винокур И. С. Ружичанский могильник // МЧК. 1979. С. 112—135.
- Винокур И. С., Хотюн Г. Н., Приходнюк О. М. Отчёт об археологических исследованиях на территории Хмельницкой области в 1964 году // НА ИА НАНУ. № 1964/41.
- Винокур И. С., Хотюн Г. Н., Пламеницкая Е. М., Приходнюк О. М. Отчёт об археологических исследованиях на территории Хмельницкой области в 1965 году // НА ИА НАНУ. № 1965/30.
- Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
- Генинг В. Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. К., 1992.
- Герета И. П. Новые могильники черняховской культуры в Западной Подолии и вельбарская культура // KW. Т. II. 1989. С. 283—313.
- Герета И. П. Нові пам'ятки Західного Поділля в світлі проблем Черняхівської культури. // МДАПВ. Вип. 6. 1995. С. 144—163.
- Герета И. Нові відкриття у Чернеліві Руському (до питання про так звані князівські поховання) // Monumenta Studia Gothica. IV. 2004. Lublin.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. К., 2008.
- Гопкало О. В. Чоловіче та жіноче черняхівське вбрання. Археологія. 2011. № 2. С. 17—34.
- Гопкало О. В., Тылищак В. С. Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский. Germania-Sarmatia. II. Калининград; Курск, 2010. С. 78—95.
- Гороховский Е. Л. Периодизация массовых категорий ювелирных украшений черняховских памятников Поднепровья и Побужья // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981. С. 96.
- Гороховский Е. Л. Ранний этап черняховской культуры. (К проблеме археологической дефиниции) // KW. 1987. С. 61—67.
- Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. К., 1988. С. 34—46.
- Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дис. ... канд. ист. Наук. НА ИА НАНУ. 1988а. Ф. 12. № 465.
- Гороховский Е. Л., Гопкало О. В. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале Черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004. С. 103—130.
- Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
- Демидко С. Ю. Новые данные о Ружичанском могильнике // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012. С. 401—408.
- Ђорђевић М. Налази некропола римског периода у Југозападном Банату // Рад музеја Војводине. 1994. 36. С. 41—61.
- Дзиговский А. Н., Островерхов А. С. Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья (VI в. до н.э.—IV в. н.э.). Одесса, 2000.
- Кравченко Н. М. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры // Исследования социально-исторических проблем в археологии. К., 1987. С. 209—227.
- Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин, 2001.
- Накит сармата у Банату са прегледом сарматских налазишта. Вршац, 1975.
- Обломський А. М. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійці (етнокультурна інтерпретація) // Археологія. 1999. № 4. С. 76—88.
- Петраускас О. В. Могильник черняховской культуры в г. Каневе — ул. Пушкина // Studia Gothica. II. Lublin, 1998. S. 189—220.
- Петраускас О. В., Шишкін Р. Г. Про черняхівські пам'ятки «змішаного» типу на правобережжі Київського Подніпров'я // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. Київ; Львів, 1999. С. 217—229.
- Рудич Т. А. Центральноевропейское влияние в погребальном обряде черняховской культуры // Ostrogothica. Харьков, 2009. С. 216—221.
- Смішко М. Ю. Поселення III—IV ст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької області // МДАПВ. 1964. № 5. С. 67—80.
- Терпиловський Р. В., Петраускас О. В. Черняхівські поховання могильника Дідів Шпиль на Канівщині // Археологія. 2005. № 1. С. 58—69.

- Тилищак В. Знахідки кольчужного плетива на Чернелево-Руському могильнику // Археологія і давня історія України. Вип. 2. Археологія Правобережної України. К., 2010. С. 125—131.
- Тилищак В. Інгумації східної орієнтації у черняхівській культурі // МДАПВ. Вип. 15. 2011. 1С. 47—161.
- Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4. С. 168—194.
- Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб, 1992. С. 161—164.
- Шишкин Р. Г. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні: Тези доповідей семінару (Київ, 14—16 грудня 1999 р.). Київ, 1999. С. 43—47.
- Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
- Щукин М. Б. О начальной дате черняховской культуры // Prace archeologiczne. Z. 22. 1976. С. 303—315.
- Щукин М. Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 20. 1979. С. 66—89.
- Щукин М. Б. Поселение Лепесовка: вельбарк или Черняхов? // KW. Т. II. 1989. С. 195—215.
- Alicu D., Cociș S., Ilieș C., Soroceanu A. Smale finds from Ulpia Traiana Sarmizegetusa // Bibliotheca Musei Napocensis. 9. Cluj-Napoca, 1994.
- Andrzejowski J. Nadkole 2. Cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland. Ser. Monumenta Archaeologica Barbarica. 5. Kraków, 1998.
- Barkóczy L. Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest, 1988.
- Becker M., Bemann J., Laser R., Leineweber R., Schmidt B., Schmidt-Thielbeer E., Wetzel I. Land Sachsen-Anhalt // CRFB. Deutschland. Bd. 6. Bonn, 2006.
- Bichir Gh. Cultura carpică. București, 1973.
- Bichir Gh. Geto-dacii din Muntenia în epoca romană. București, 1984.
- Bierbrauer V. Ostgermanische oberschichtgräber der römischen kaiserzeit und des frühen mittelalters // Archaeologia Baltica. T. VIII. 1989. S. 38—106.
- Czarnecka K. The reuse of Roman military equipment in barbarian context. A chain-mail souvenir // Journal of Roman Military Equipment Studies. Vol. 5. 1994. S. 245—253.
- Diaconu Gh. Țirgșor. Necropola din secolele III—IV e.n. București, 1965.
- Diaconu G. Mogoșani. Necropola din secolul IV e.n. Țirgoviște, 1970.
- Dobrzańska H. Osada z późnego okresu rzymskiego w Igołomi, woj.krakowskie. Część I. Materiały. Wrocław, 1990.
- Erdrich M. Hansestadt Bremen und Bundesland Niedersachsen // CRFB Deutschland. Bd. 4. Bonn, 2002.
- Erdrich M., v. Carnap-Bornheim C. Freie und Hansestadt Hamburg und Land Schleswig-Holstein // CRFB Deutschland. Bd. 5. Bonn, 2004.
- Godowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970.
- Gładysz M. Zabytki żelazne w inwentarzach grobowych kultury wielbarskiej i grupy mąsłomęckiej // Studia Gothica. T. II. Lublin, 1998. S. 35—88.
- Hadaczek K. Kultura dorzecza Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego // MAEE. 1912. T. XII. S. 23—33.
- Hirst K., Lehmpul R., Kuhlmann N., Saalow L., Schanz E., Schmidt J-P., Schuster J., Sudhoff I., Virk W., Voß H-U. «Romisches» aus Mecklenburg-Vorpommern — Nachträge zur Lieferung D3 des «Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum» // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Jahrbuch 54 (2006). Schwerin, 2007.
- Kaczanowski P. Importy broni rzymskiej na obszarze europejskiego Barbaricum. Kraków, 1992.
- Kietlińska A., Dąbrowska T. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, powiat Turek // Materiały starożytne. T. IX. 1973. S. 143—254.
- Kokowski A. Zagadnienie dyspersji szklanych pucharków ze «szlifowanymi owalami» i naczyń cienkościennych w świetle materiałów z Komarowa nad Dniestrem // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Archeologia. XVIII. Zeszyt 210. 1991. S. 209—218.
- Kokowski A. Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy mąsłomęckiej. Czesci I—III. Lublin, 1993.
- Kokowski A. Grupa Mąsłomęcka z badań nad przemianami kultury gotów w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1995.
- Kokowski A. Schlossbeschläge und schlüssel im Barbaricum in der Römischen Kaiserzeit und der frühen völkerwanderungszeit. Lublin, 1997.
- Kokowski A. Antyczne atramentarium z terytorium kultury czerniachowskiej // Antyk i Barbarzyńcy. Warszawa, 2003. S. 245—252.
- Kokowski A. Goci. Od Skandzy do Campi Gothorum (od Skandynawii do Półwyspu Iberyjskiego). Warszawa, 2007.
- Kontny B. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów // Wandalowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. Lublin; Warszawa, 2004. S. 143—161.
- Kopernicki I. Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniesrem // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1878. T. II. S. 19—72.
- Laser R., Voß H.-U. Bundesländer Brandenburg und Berlin // CRFB Deutschland. Bd. 1. Bonn, 1994.
- Lund Hansen U. Himlingø — Seeland — Europa. Ein graberfeld der jüngeren römischen kaiserzeit auf Seeland, seine bedeutung und internationalen beziehungen. København, 1995.
- Madyda R. Sprzączki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. IV. 1977. S. 351—409.
- Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricu. Ser. BAR. 360. 1987.
- Nowakowski W. Metallglocken aus der römischen kaiserzeit im europäischen Barbaricum // AP. XXVII. 1988. S. 69—146.
- Palade V. Așezarea și necropola de la Bârlad-Valea Seacă secolele III—V. București, 2004.
- Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungars. III. Budapest, 1950.
- Popilian Gh. Ceramica romană din Oltenia. Craiova, 1976.

- Radnoti A. Gefässe, Lampen und Tintenfässer aus Bronze. *Intercisa II // Archaeologia Hungarica*. T. 36. 1957. S. 211—591.
- Schätze der Ostgoten. Stuttgart, 1995.
- Stasiak M. *Museum archeology. On the need for verification and new publication of some artefacts from museum // 20 lat archeologii w Masłomęczu*. Lublin, 1997. S. 225—234.
- Stawiarska T. *Naczynia szklane okresu rzymskiego z terenu Polski*. Warszawa, 1999.
- Szczukin M. *Zabytkie wielbarske a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 134—162.
- Vaday A. H. *Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok // Antaeus. Communicationes ex Instituto archaeologico Academiae scientiarum hungaricae*. 17—18. 1989.
- Voß H.-U. *Bundesland Mecklenburg-Vorpommern // CRFB Deutschland*. Bd. 3. Bonn, 1998.
- Wołągiewicz R. *Kultura wielbarska (faza lubowidzka) // Prahistoria ziem Polskich*. T. V. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 165—178.
- Wołągiewicz R. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morem Czarnym*. Szczecin, 1993.

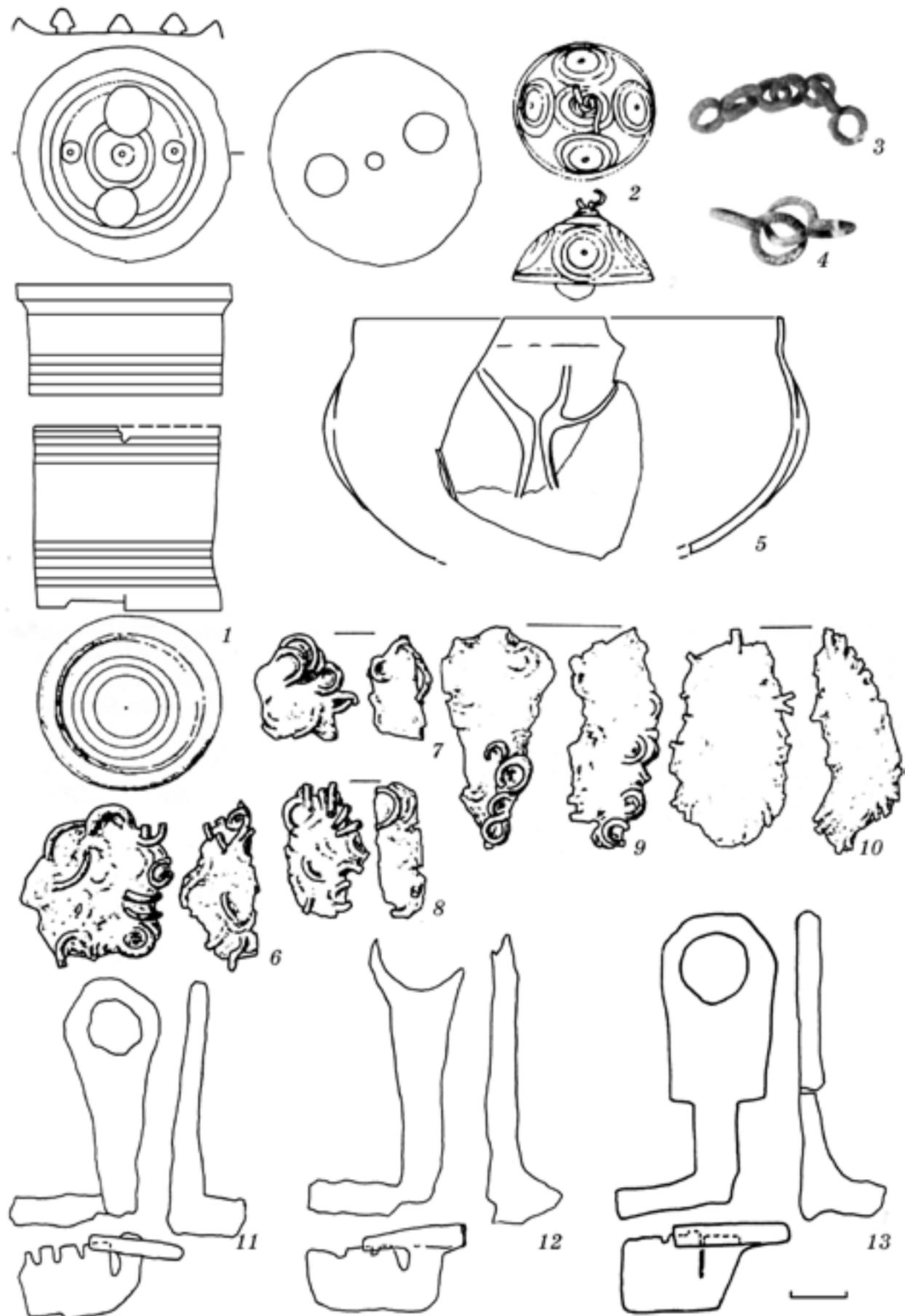

Рис. 1. Римские изделия, предметы вооружения Ружичанки.

П. 25: 1 — бронзовая чернильница; п. 19: 2—4 — бронзовые колокольчик и обрывки цепей; п. 11: 5 — стеклянная фиала, 11—13 — железные ключи; п. 29: 6—10 — фрагменты кольчуги

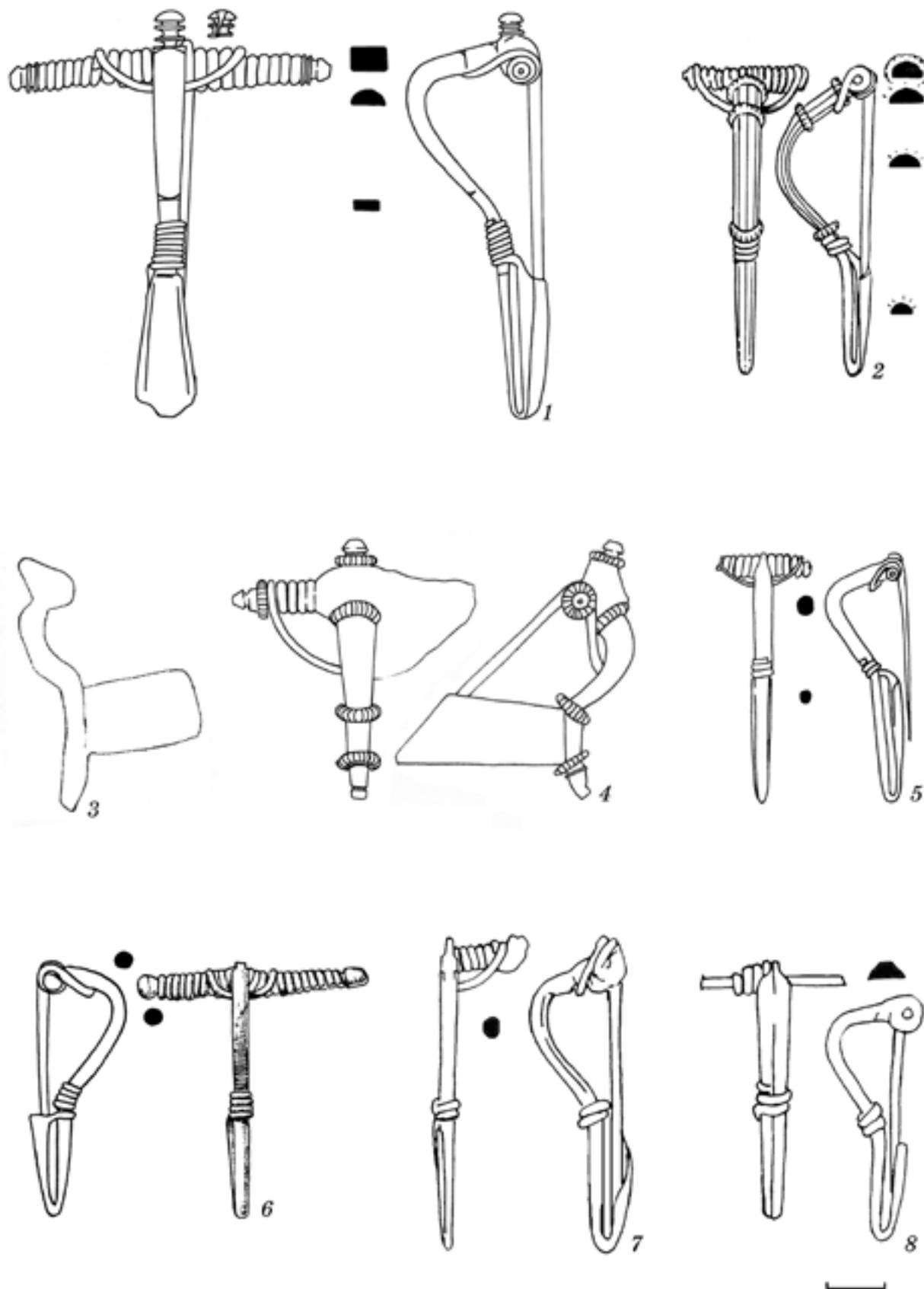

Рис. 2. Фибулы Ружичанки (начало).

1 — двучленная прогнутая подвязная, сочетающая признаки фибул с жаловидной ножкой и кнопку на головке из п. 1; 2 — «волынского» варианта двучленных фибул редких форм с узкими ножками по Е. Л. Гороховскому или типа Грудек-149 по А. Коковскому из п. 4; 3 — А-VII «неслуховской» серии из п. 13; 4 — А-VII «городницкой» серии из п. 24; 5, 6 — прогнутые подвязные варианта А1 по Е. Л. Гороховскому из пп. 50, 57; 7 — прогнутая подвязная переходного варианта А1 по Е. Л. Гороховскому из п. 8; 8 — прогнутая подвязная варианта А3 по Е. Л. Гороховскому из п. 8

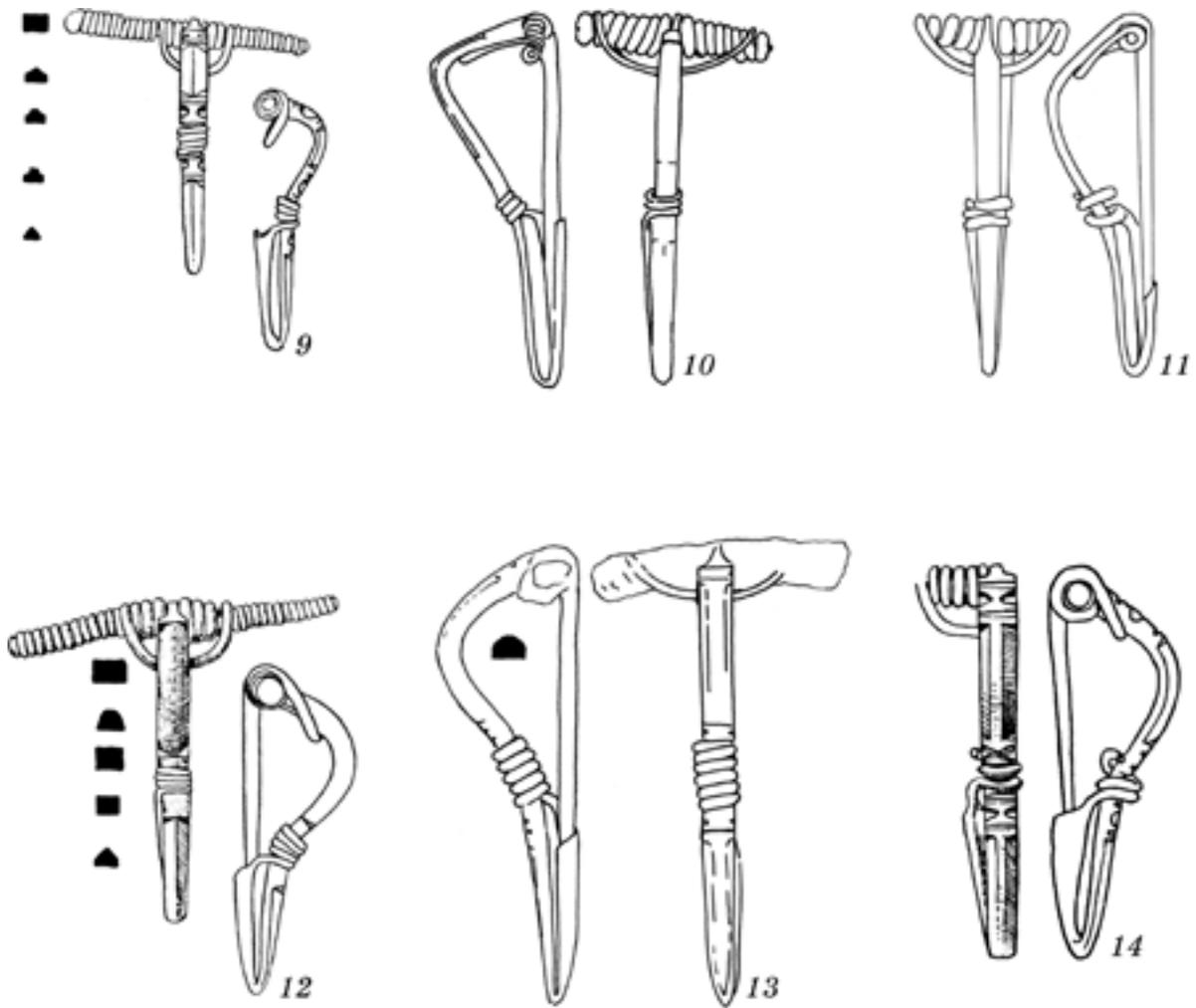

Рис. 2. Фибулы Ружичанки (продолжение).

9 — прогнутая подвязная варианта Б1 по Е.Л. Гороховскому из п.55 (серебро); 10—13 — прогнутые подвязные варианта Б1 по Е.Л. Гороховскому из пп. 29, 30, 55; 14 — прогнутая подвязная варианта Б2 по Е.Л. Гороховскому из п. 44

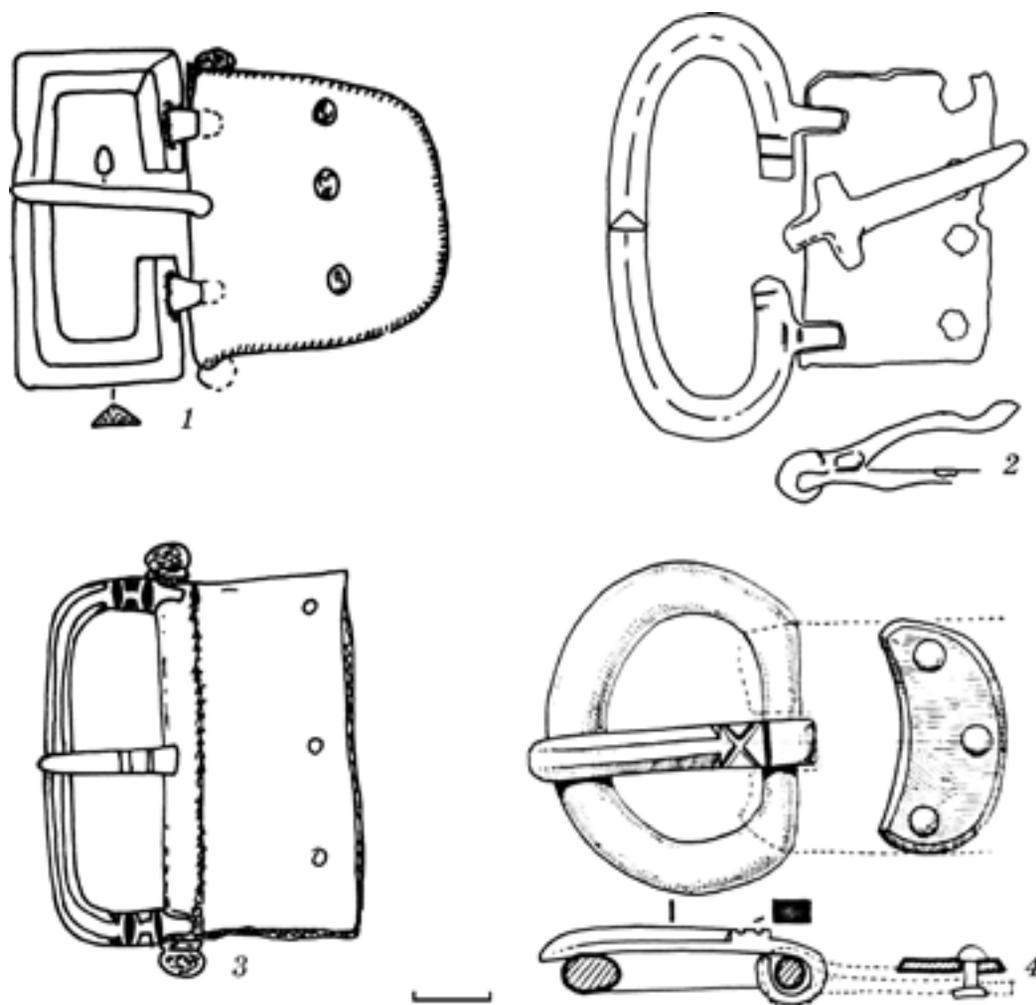

Рис. 3. Пряжки Ружичанки.

1 — двучастная пряжка типа «омега» с прямоугольной рамкой из п. 57; 2 — двучастная пряжка типа «омега» с овальной рамкой из п. 1; 3 — двучастная пряжка с рамкой в форме «D» из п. 44; 4 — одночастная пряжка с полукруглой рамкой серии Б «компанийцевской» по Е. Л. Гороховскому из п. 8

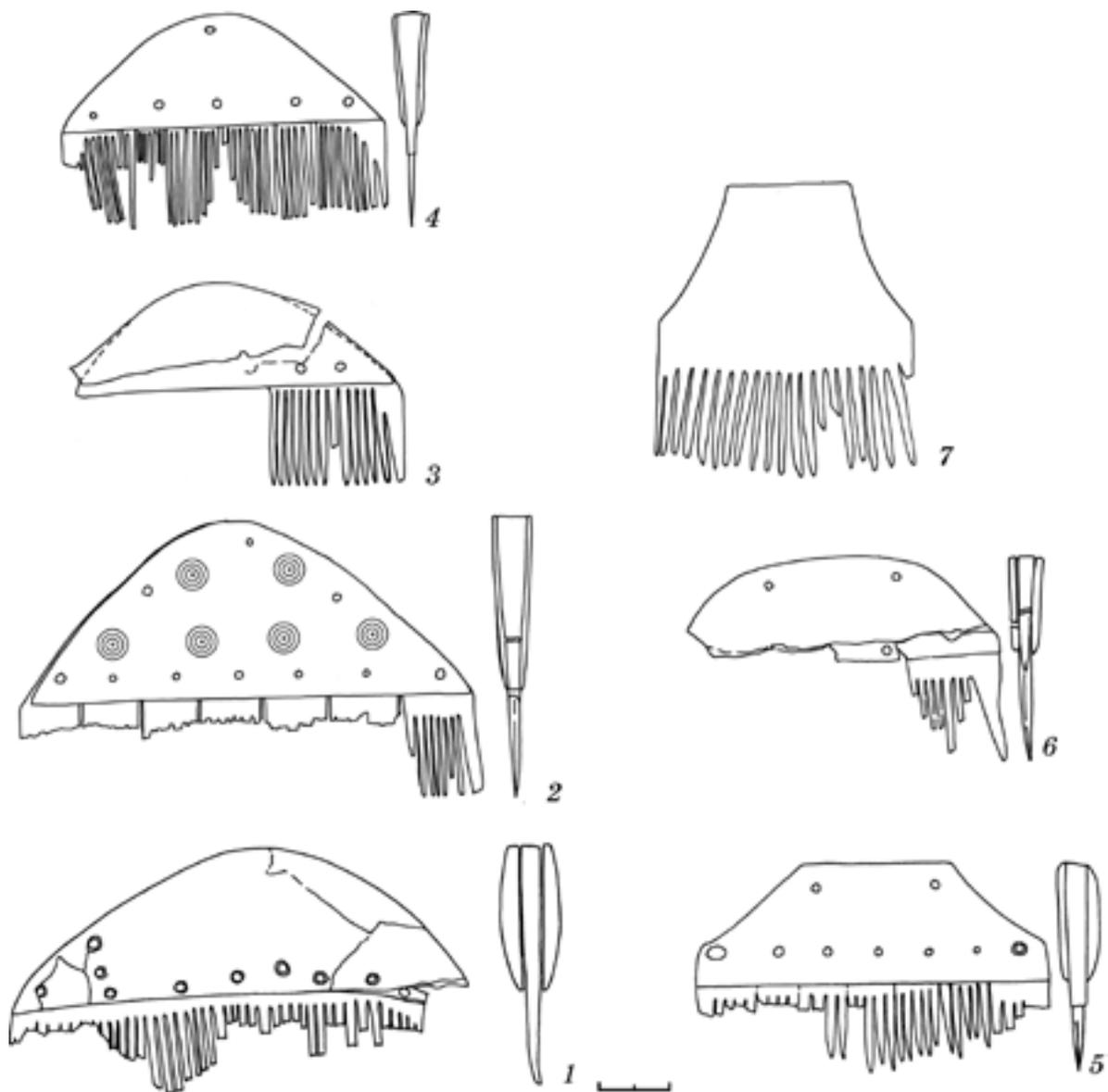

Рис. 4. Роговые гребни Ружичанки.

Многочастные: 1 — варианта I/1A из п. 4; 2 — варианта I/6 (A-B) из п. 19; 3, 4 — варианта I/6 B из пп. 17; 24, 5 — варианта I/14 A из п. 44; 6 — варианта I/2 B из п. 29.

Одночастный: 7 — варианта 14C из п. 8

Рис. 5. Бусы и подвески Ружичанки.

Стеклянные. Одноцветные: 1 — типа II/1 из п.9; 2 — типа II/18 из п.44; 3 — типа VIII/3 (или VIII/2) из п.55; 4 — типа XII/2 из п.4 (3 экз.), п.55 (1 экз.), п.28 (1 экз.); 5 — типа XV/2 из п.19 (1экз.); 5 — типа XV/3 из п.19 (1экз.); 6 — типа XVI/2 из п.19 (16 экз.), п.25 (3 экз.); 7 — типа XVI/2 из п.19 (16 экз.), п.25 (3экз.); 8 — типа XVI/4 из п.25 (5 экз.); 9 — типа XVII/4 из п.4 (3 экз.), из п.55 (2 экз.); 10 — типа XVII/5 из п.4 (1экз.); 11, 12 — типа XVII/8 из п.4 (14 экз.). Полихромные: 13 — типа XIII/1 из п.25 (1 экз.); 14 — типа XIII/5 из п.25 (1 экз.).

Египетский фаянс: 15 — типа 1 из п.25 (3 экз.).

Янтарные: 16 — варианта I/1 а из п.44 (1экз.); 17 — типа III/1 из п.19 (1экз.); 18 — варианта IV/1 б из п.50 (1экз.), п.57 (1экз.); 19 — типа V/1 из п.30 (1экз.); 20 — грибовидные из п.4 (5 экз.), из п.30 (1 экз.), из п.55 (3 экз.), из п.57 (4 экз.).

Коралловые: 21 — типа 2 из п.4 (2 экз.).

Сердоликовые: 22, 23 — типа 2 из п.4 (2 экз.), из п.57 (5 экз.).

Бронзовые: 24 — колокольчик из п.19 (1 экз.), 25 — «ведёрки» из пп. п.4 (2 экз.), из п.44 (2 экз.) из п.50 (1экз.), из п.57 (3 экз.).

Из клыка кабана: 26 — из п.29 (1 экз.).

Из раковин *Surraea*: 27 — из п.28 (1 экз.).

Из *Volinus brandaris*: 28 — из п.29 (2 экз.).

Роговая пирамидальная подвеска: 29 — из п.28 (1экз.)

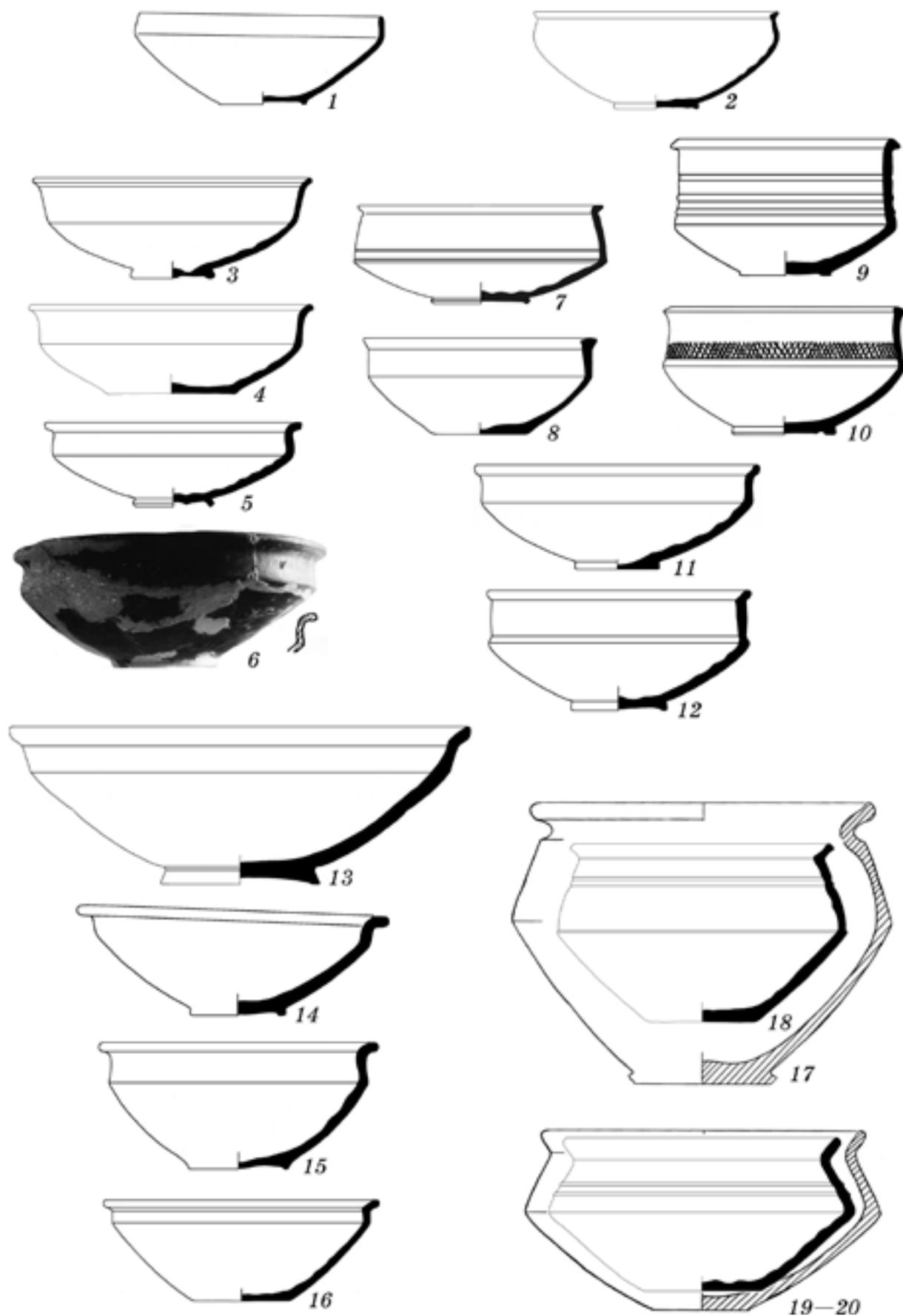

Рис. 6. Гончарная керамика Ружичанки.

Миски: 1 — типа 1 из п. 25; 2 — типа 2 из п. 17; 3–6 — варианта 3а из пп. 50, 22, 8; 7, 8 — варианта 3б из пп. 12, 23; 9, 10 — варианта 3с из пп. 1, 21; 11, 12 — варианта 3д из пп. 29, 30; 13–16 — типа 4 из пп. 1, 8, 15, 50.
 Миски-вазы: 17, 18 — типа 1 из пп. 55, 57; 19, 20 — типа 2 из пп. 24, 57

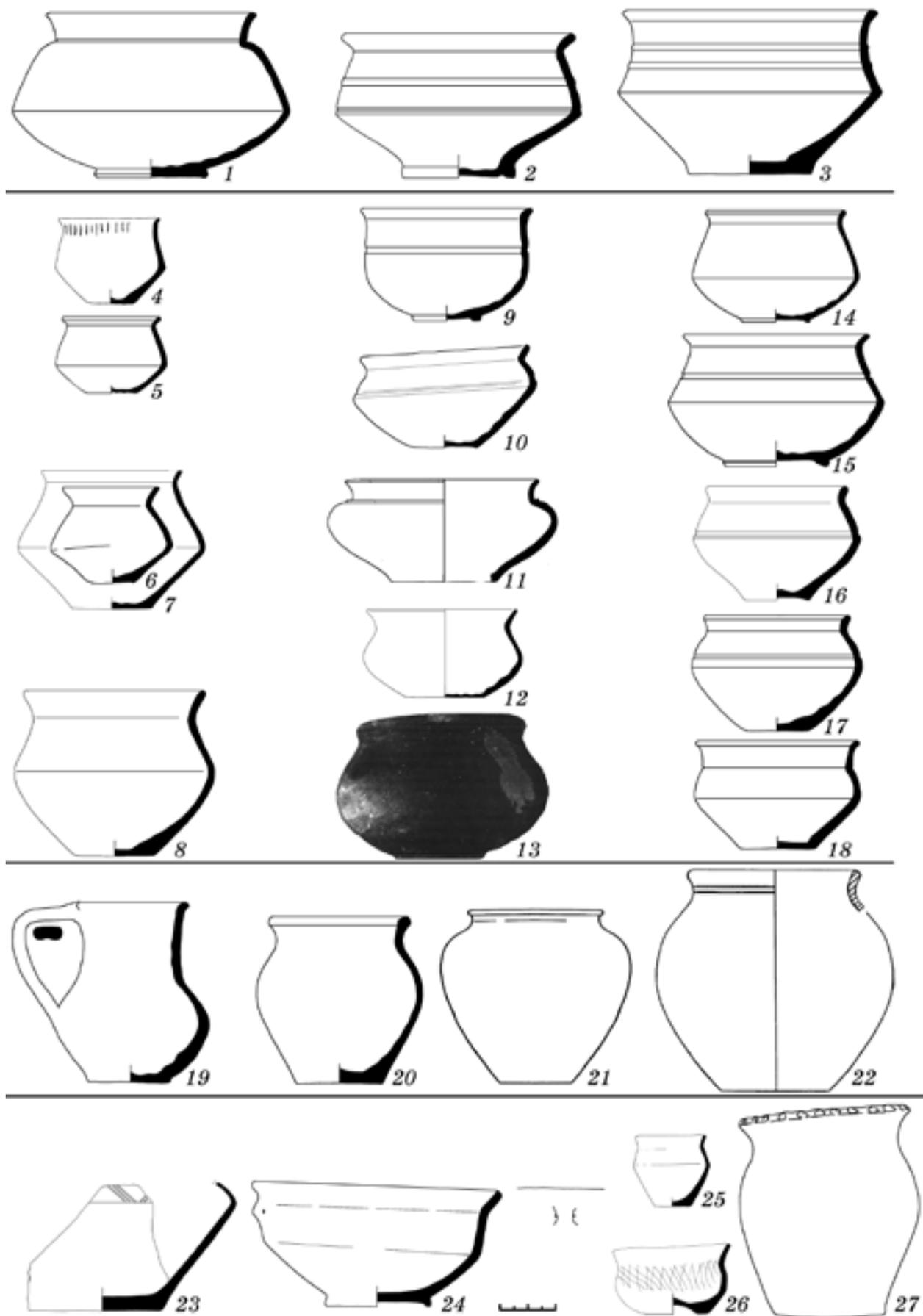

Рис. 7. Гончарная и лепная керамика Ружичанки.

Гончарная керамика. Мисковидные сосуды: 1 — типа 1 из п. 15; 2, 3 — типа 2 из пп. 29, 44. Миниатюрные сосудики-кубки: 4, 5 — типа 1 из пп. 4, 12; 6, 7 — типа 2 из пп. 19, 50; 8 — типа 3 из п. 8; 9 — типа 4 из п. 12; 10, 11 — типа 5 из пп. 15, 23; 12, 13 — типа 7 из пп. 22, 23; 14–18 — типа 6 из пп. 8, 29, 30, 44, 50. Кувшин: 19 — из п. 15. Горшки: 20–22 — из пп. 12, 21, 57.

Лепная керамика. Миски: 23 — фрагмент миски из п. 2, 24 — гр. ХаА по Р. Волонгевичу из п. 23. Кубки: 25 — гр. XVII А по Р. Волонгевичу из п. 8; 26 — из п. 15. Горшок: 27 — из п. 21

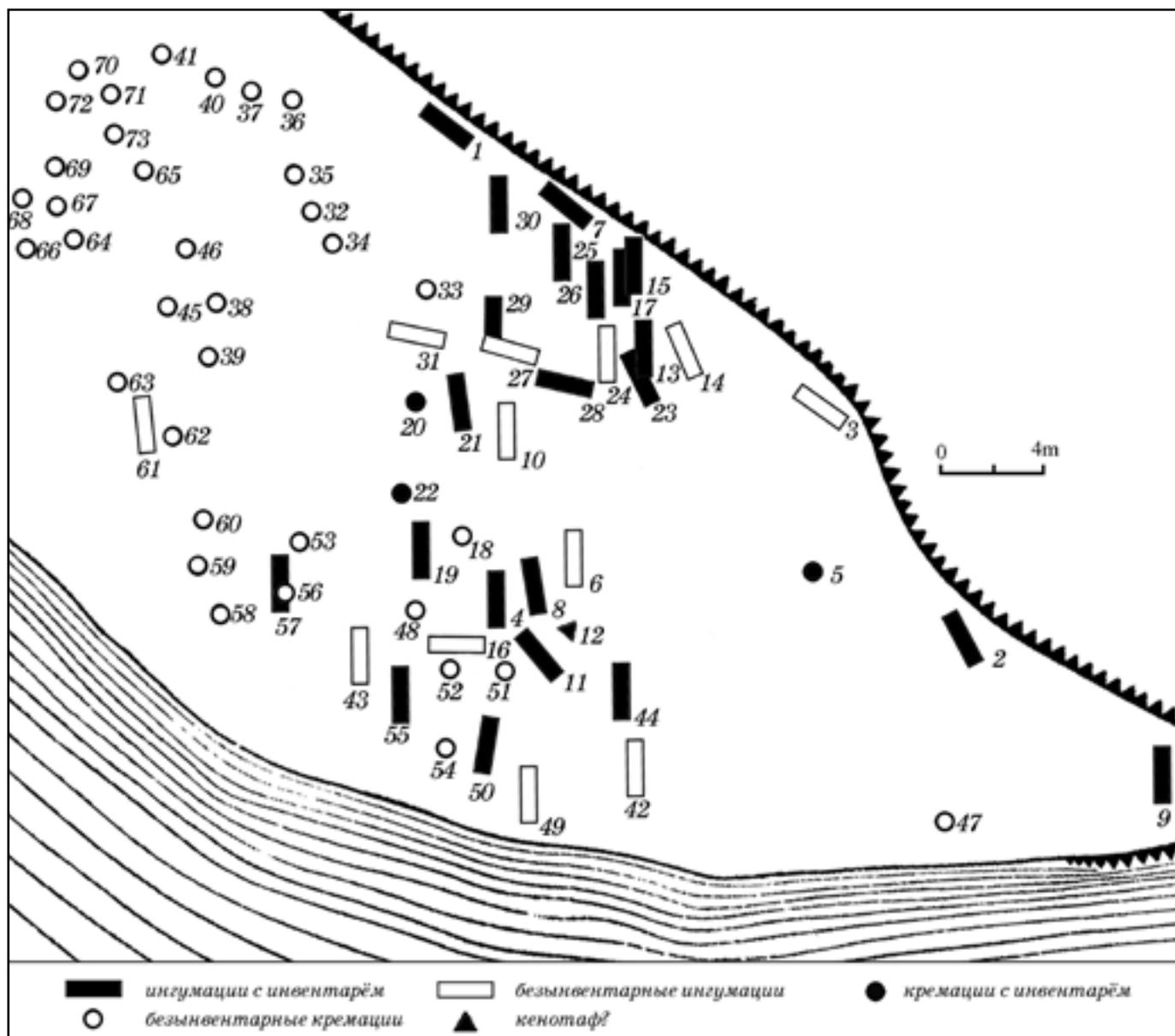

Рис. 8. План могильника Ружичанка с указанием инвентарных погребений

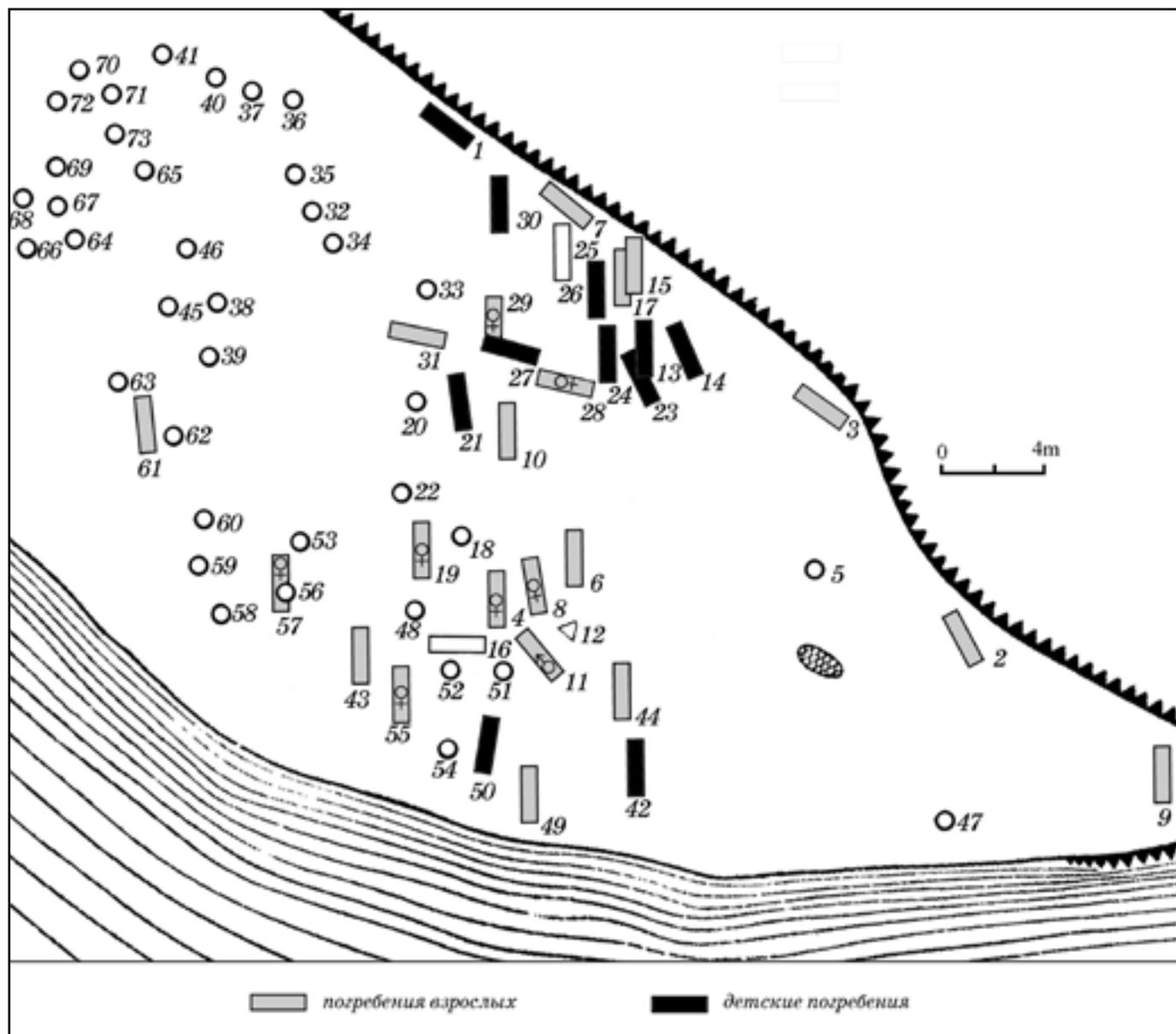

Рис. 9. План могильника Ружичанка с указанием возраста и пола погребённых

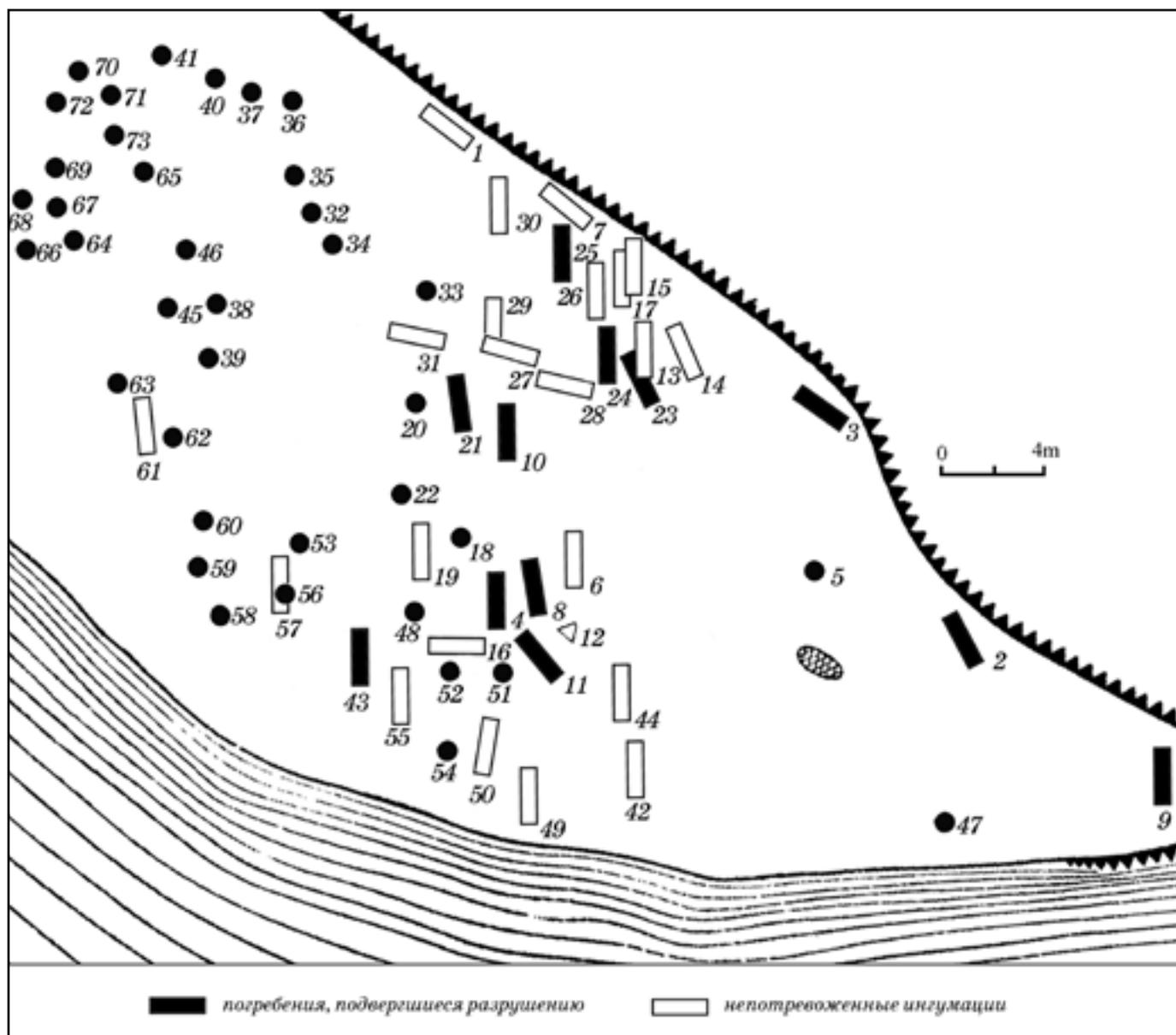

Рис. 10. План могильника Ружичанка с указанием разрушенных погребений

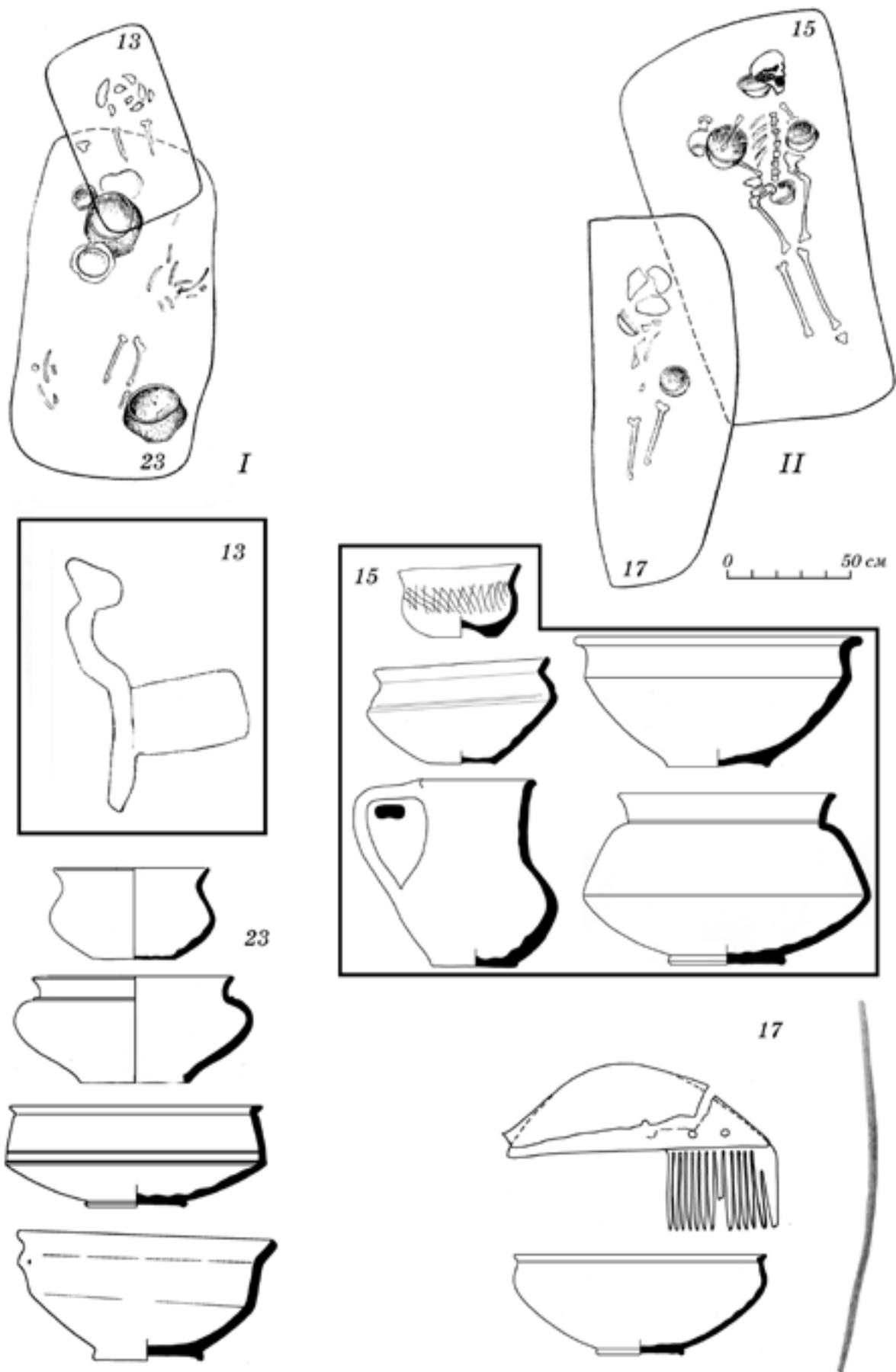

Рис. 11. Стратиграфия инвентарных погребений:

I — планы и инвентарь пп. 23 и 13.

II — планы и инвентарь пп. 17 и 15

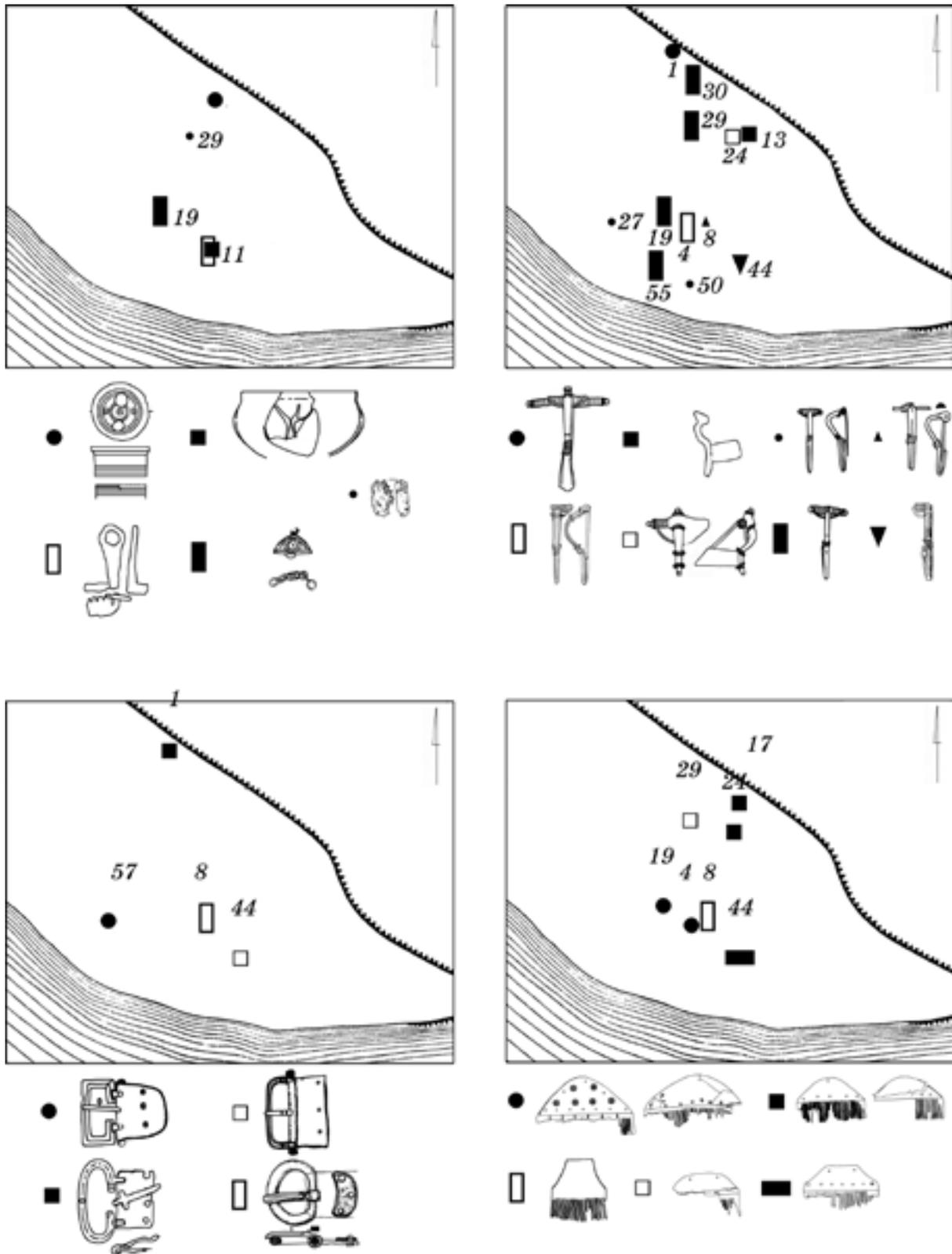

Рис. 12. Планиграфия находок римских изделий, фибул, пряжек и гребней

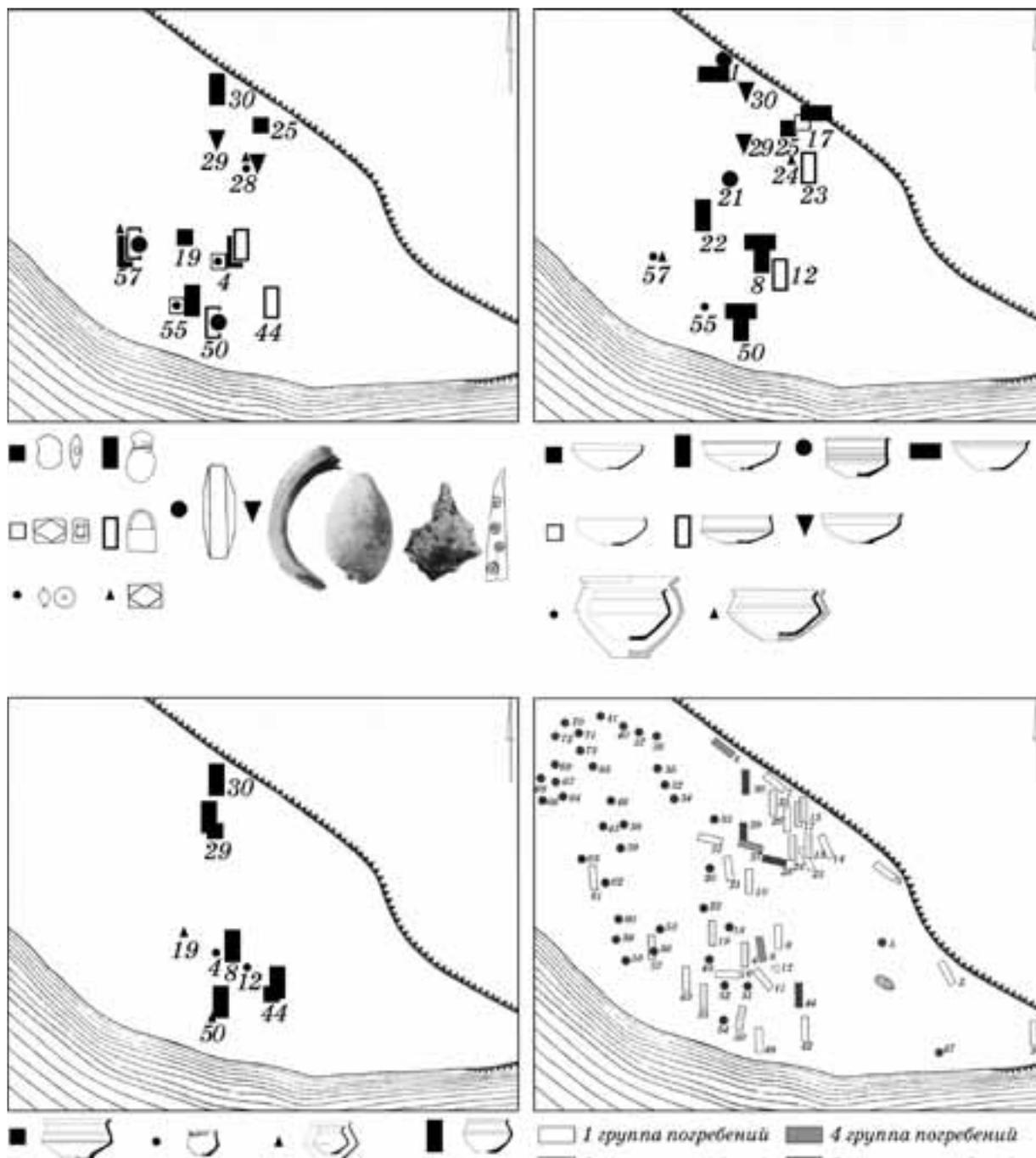
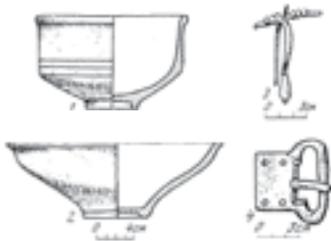
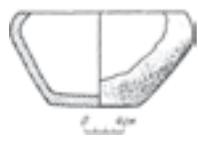
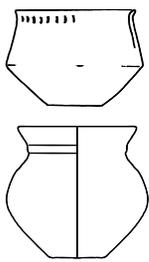
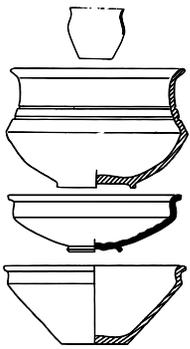
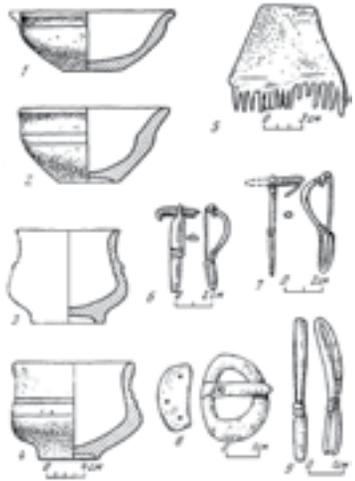

Рис. 13. Планиграфия находок бус и подвесок, гончарной керамики; предполагаемых разновременных групп погребений

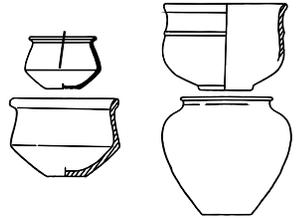
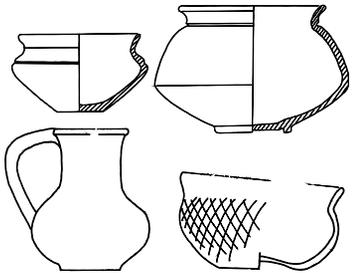
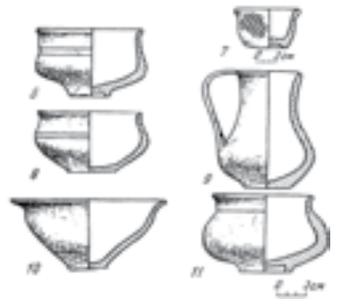
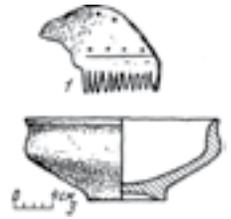
Группа поробений	Гончарные												Лепные					
	Миски			Миски-вазы		Мисковидные сосуды		Миниатюрные сосудики-кубки					Кувшин	Горшки	Кубок	Миска		
	Тип 1	Тип 3	Тип 4	Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Типы 5, 7	Тип 6				
5																		
4																		
3																		
2																		
1																		

Рис. 14. Периодизация керамики могильника Ружичанка

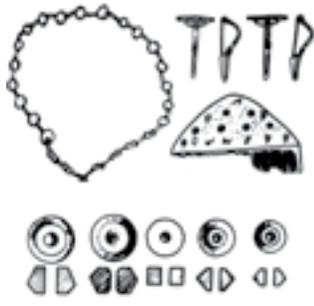
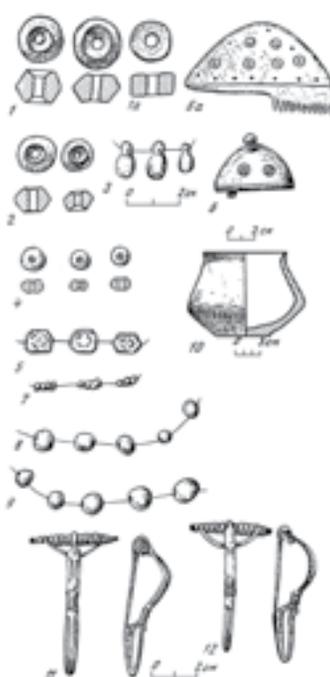
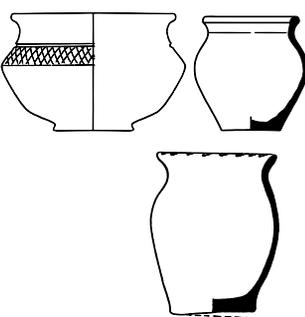
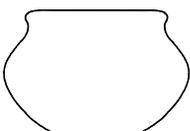
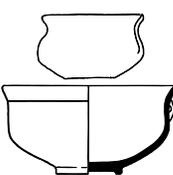
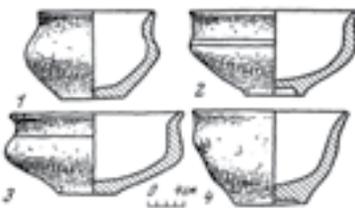
Таблица. Состав погребений могильника Ружичанка по имеющимся источникам

№ погр.	Отчёты 1964, 65 гг.	Фото Э. А. Симоновича	Публикация 1979 г.
1			
2			
4			
7			
8			

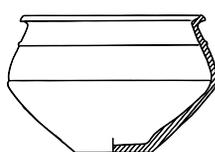
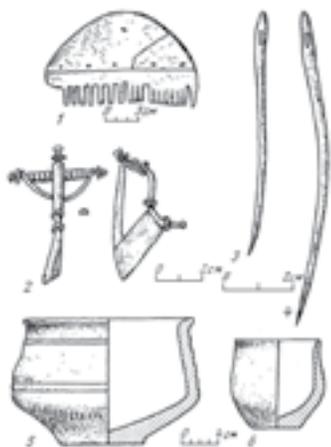
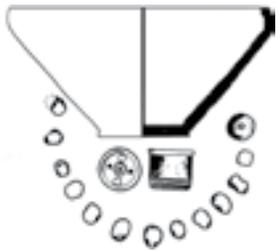
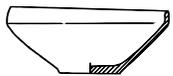
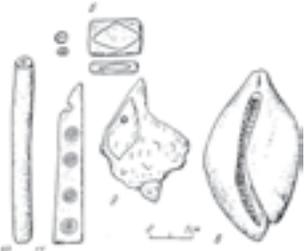
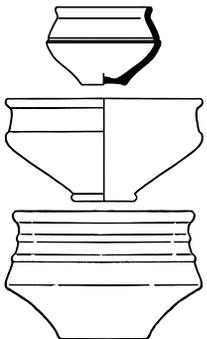
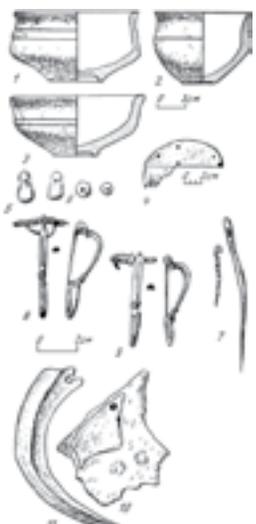
Продолжение таблицы

№ погр.	Отчёты 1964, 65 гг.	Фото Э. А. Сымоновича	Публикация 1979 г.
9			
11			
12			
13			
15			
17			

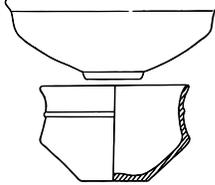
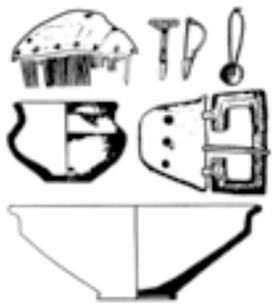
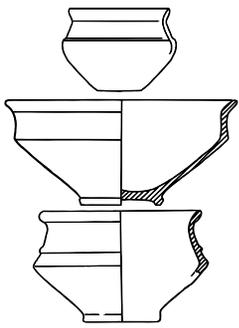
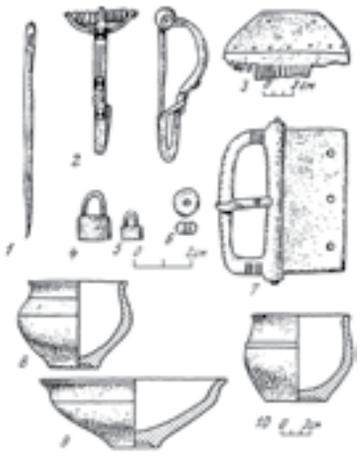
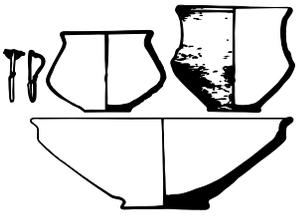
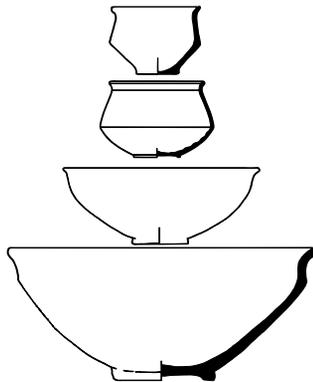
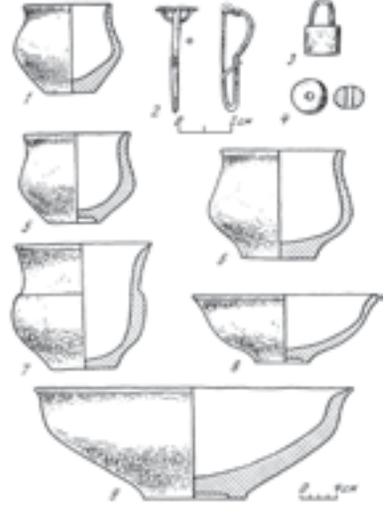
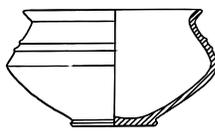
Продолжение таблицы

№ погр.	Отчёты 1964, 65 гг.	Фото Э. А. Сымоновича	Публикация 1979 г.
19			
20			
21			
22			
23			

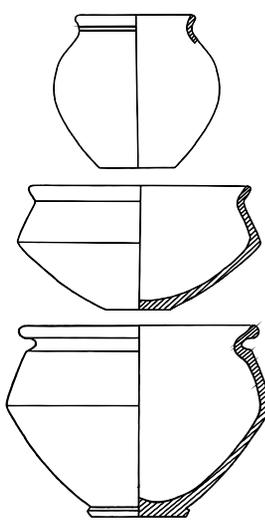
Продолжение таблицы

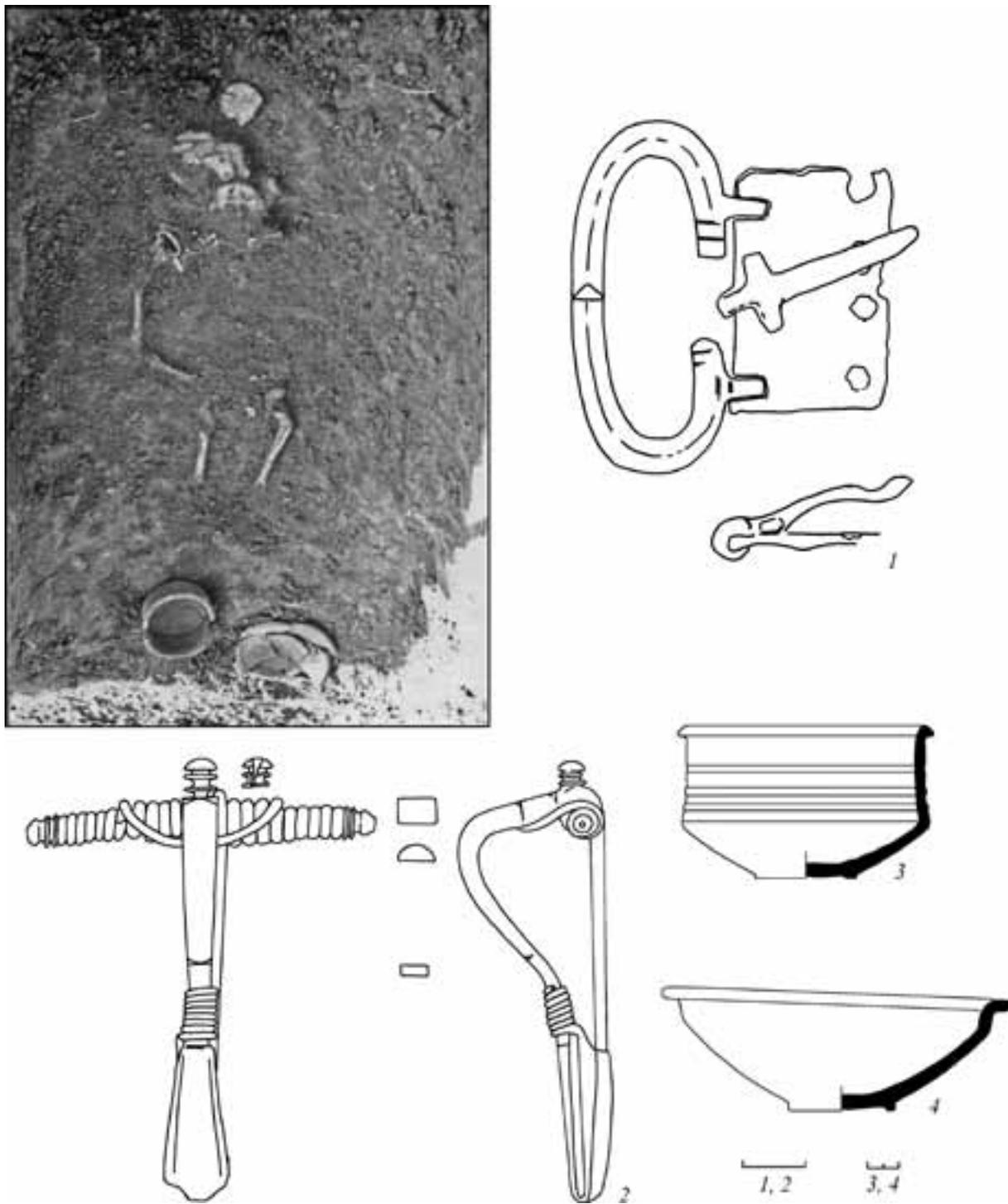
№ погр.	Отчёты 1964, 65 гг.	Фото Э. А. Симоновича	Публикация 1979 г.
24			
25			
28			
29			

Продолжение таблицы

№ погр.	Отчёты 1964, 65 гг.	Фото Э. А. Симоновича	Публикация 1979 г.
30			
44			
50			
55			

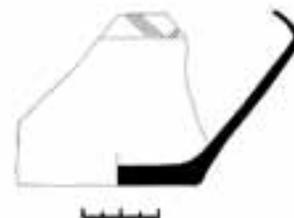
Окончание таблицы

№ погр.	Отчёты 1964, 65 гг.	Фото Э. А. Сымоновича	Публикация 1979 г.
57			

Ил. 1. Ружичанка. Погребение 1.

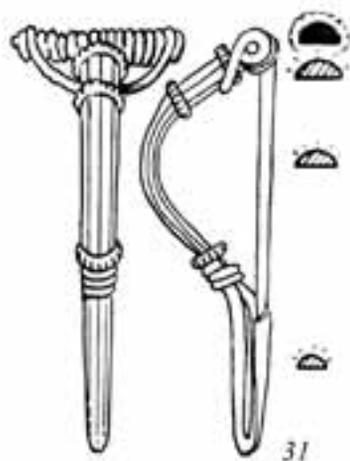
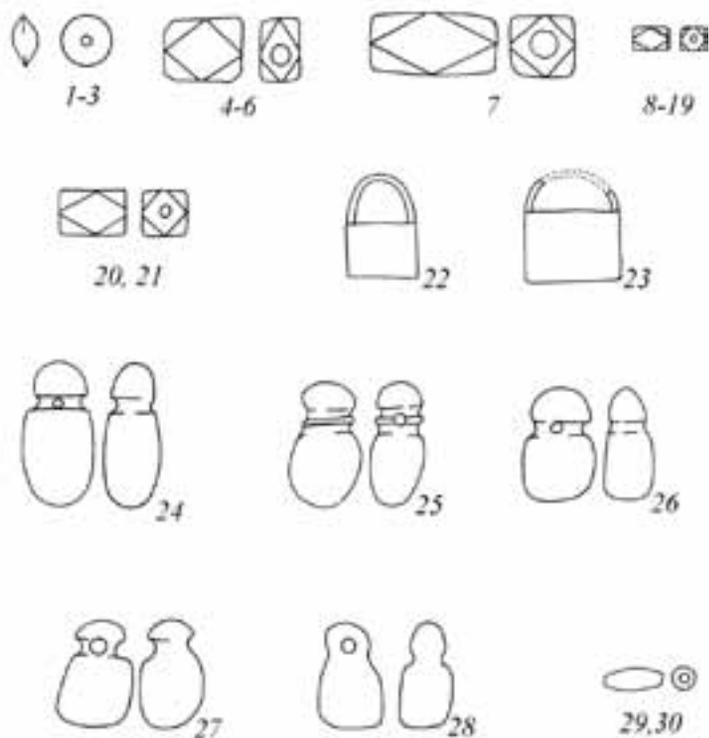
Инвентарь: 1 — бронзовая пряжка, 2 — бронзовая фибула, 3, 4 — гончарные миски

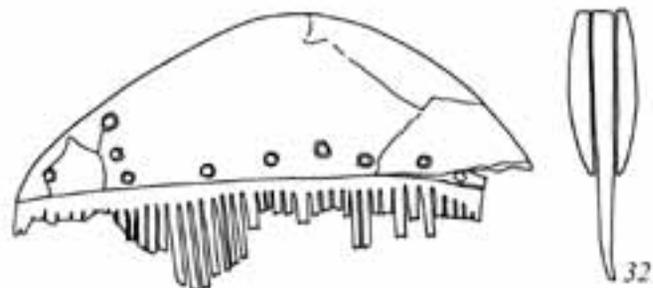
Ил. 2. Ружичанка. Погребение 2.
Инвентарь: фрагмент лепной миски

Ил. 3. Ружичанка. Погребение 3

1-31
32
33, 34

Ил. 4. Ружичанка. Погребение 4.

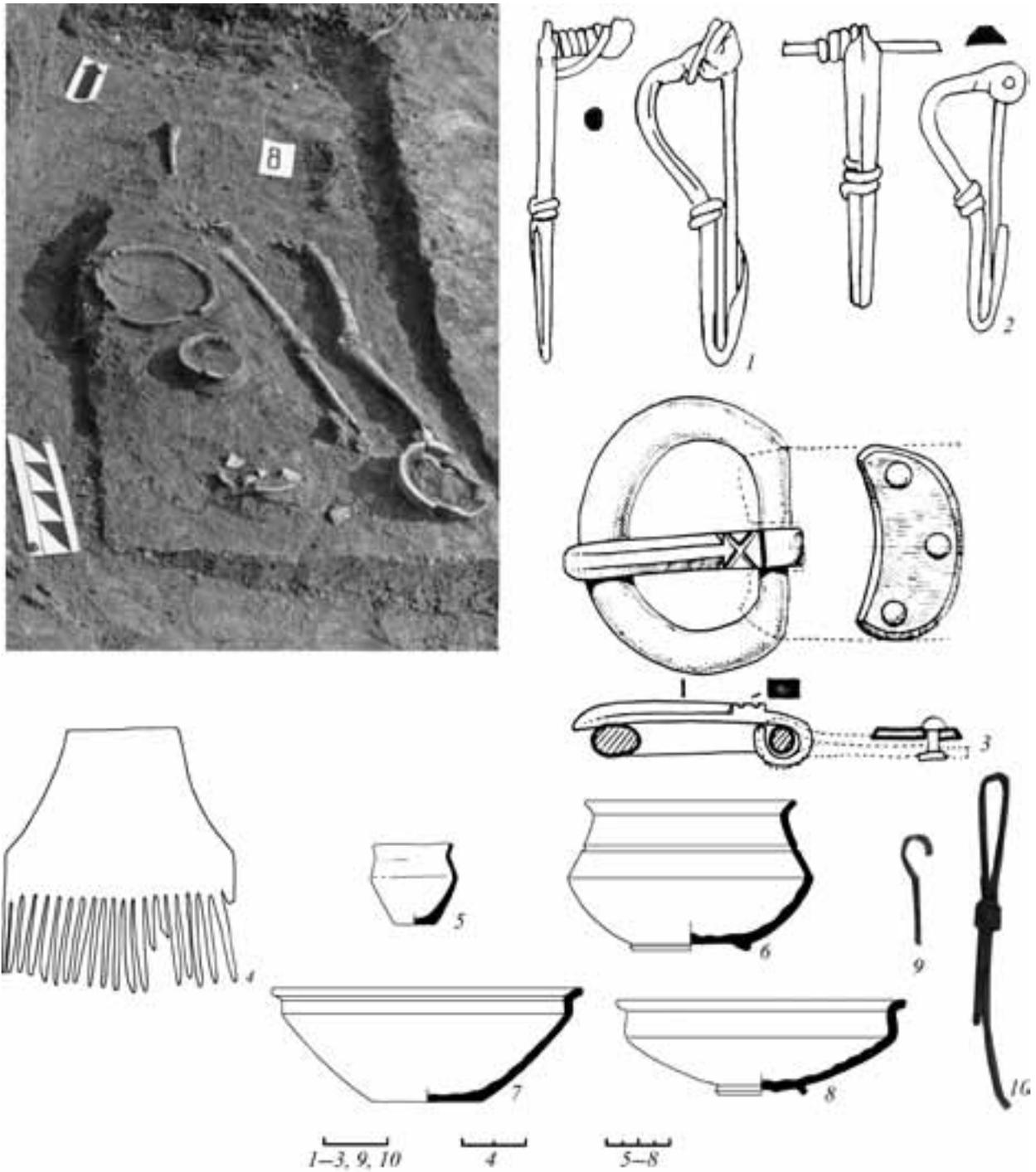
Инвентарь: 1-30 — детали ожерелья, 31 — бронзовая фибула, 32 — роговой гребень, 33, 34 — гончарные сосуды

Ил. 5. Ружичанка. Погребение 6

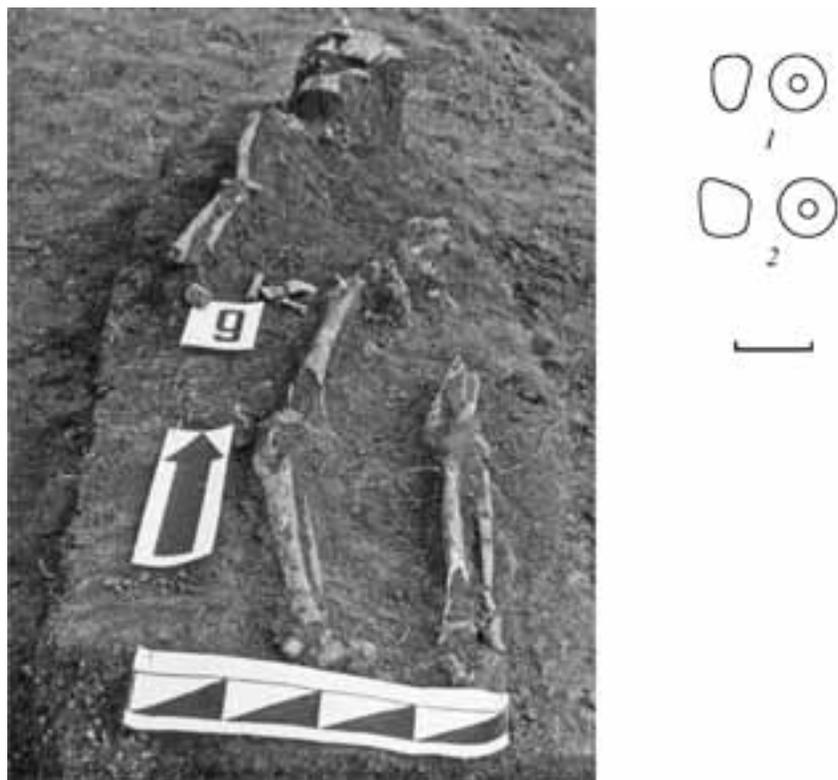

Ил. 6. Ружичанка. Погребение 7

Ил. 7. Ружичанка. Погребение 8.

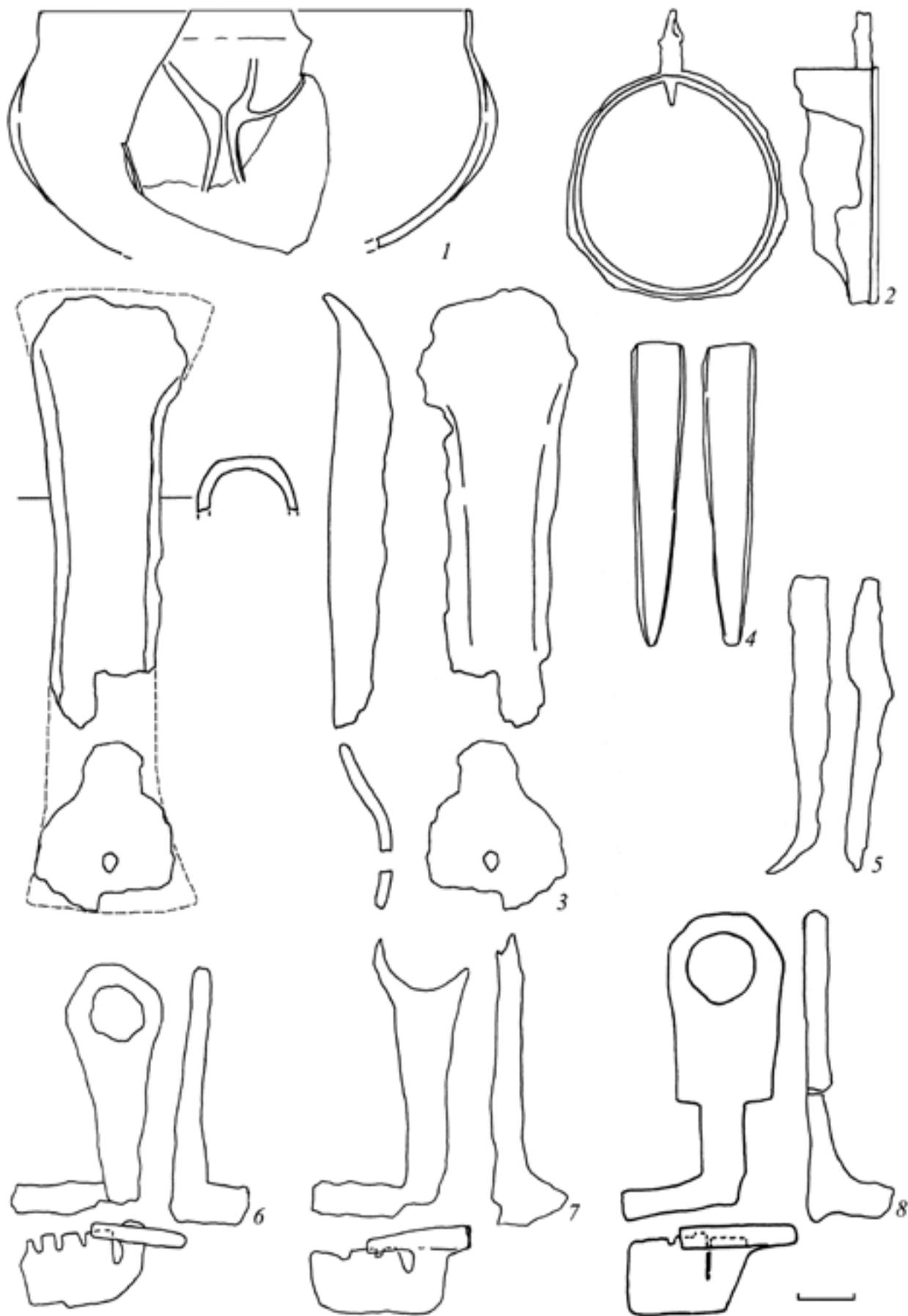
Инвентарь: 1, 2 — бронзовые фибулы, 3 — бронзовая пряжка, 4 — роговой гребень, 5 — лепной кубок, 6—8 — гончарные сосуды, 9 — верхняя часть бронзовой клюковидной булавки, 10 — бронзовый пинцет

Ил. 8. Ружичанка. Погребение 9.
Инвентарь: 1, 2 — стеклянные бусы

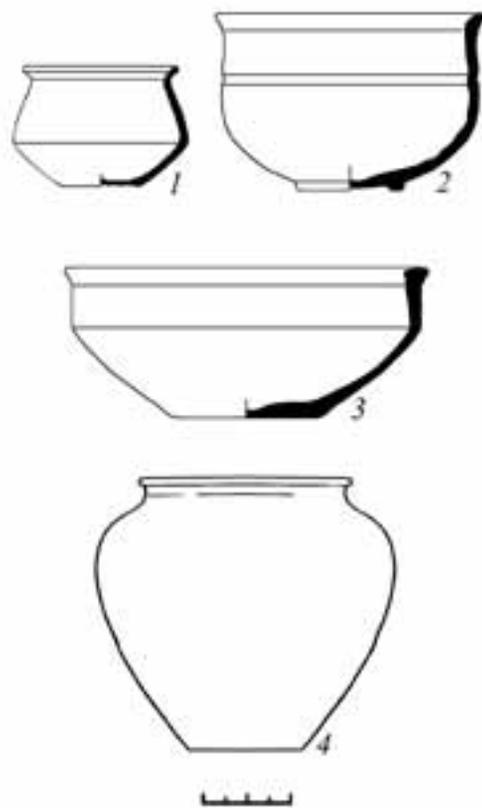

Ил. 9. Ружичанка. Погребение 10

Ил. 10. Ружичанка. Погребение 11.

Инвентарь: 1 — стеклянный кубок, 2 — железный предмет неясного назначения, 3 — железная ручка щита, 4, 5 — железные шилья, 6—8 — железные ключи

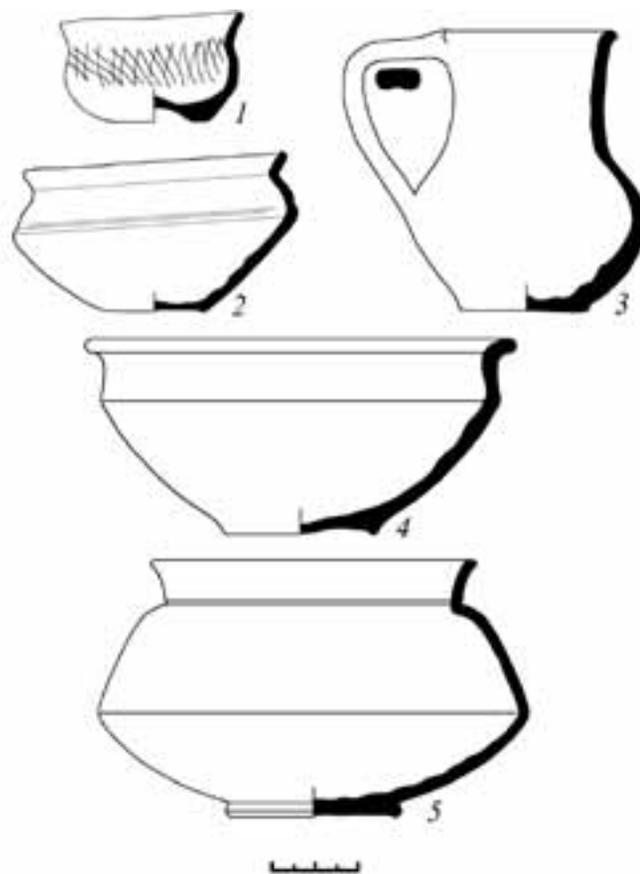
Ил. 11. Ружичанка. Погребение 12.
Инвентарь: 1—4 — гончарные сосуды

Ил. 12. Ружичанка. Погребение 13.
Инвентарь: бронзовая фибула

Ил. 13. Ружичанка. Погребение 14

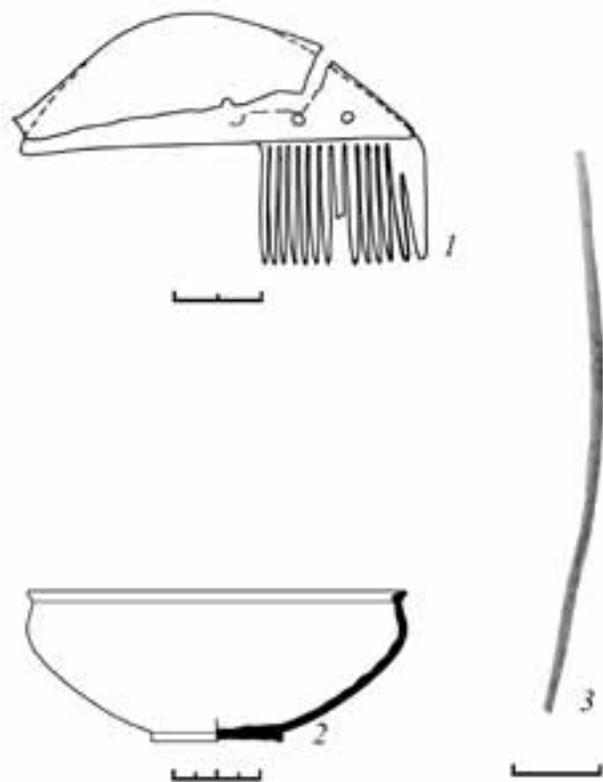

Ил. 14. Ружичанка. Погребение 15.

Инвентарь: 1 — лепной кубок, 2—5 — гончарные сосуды

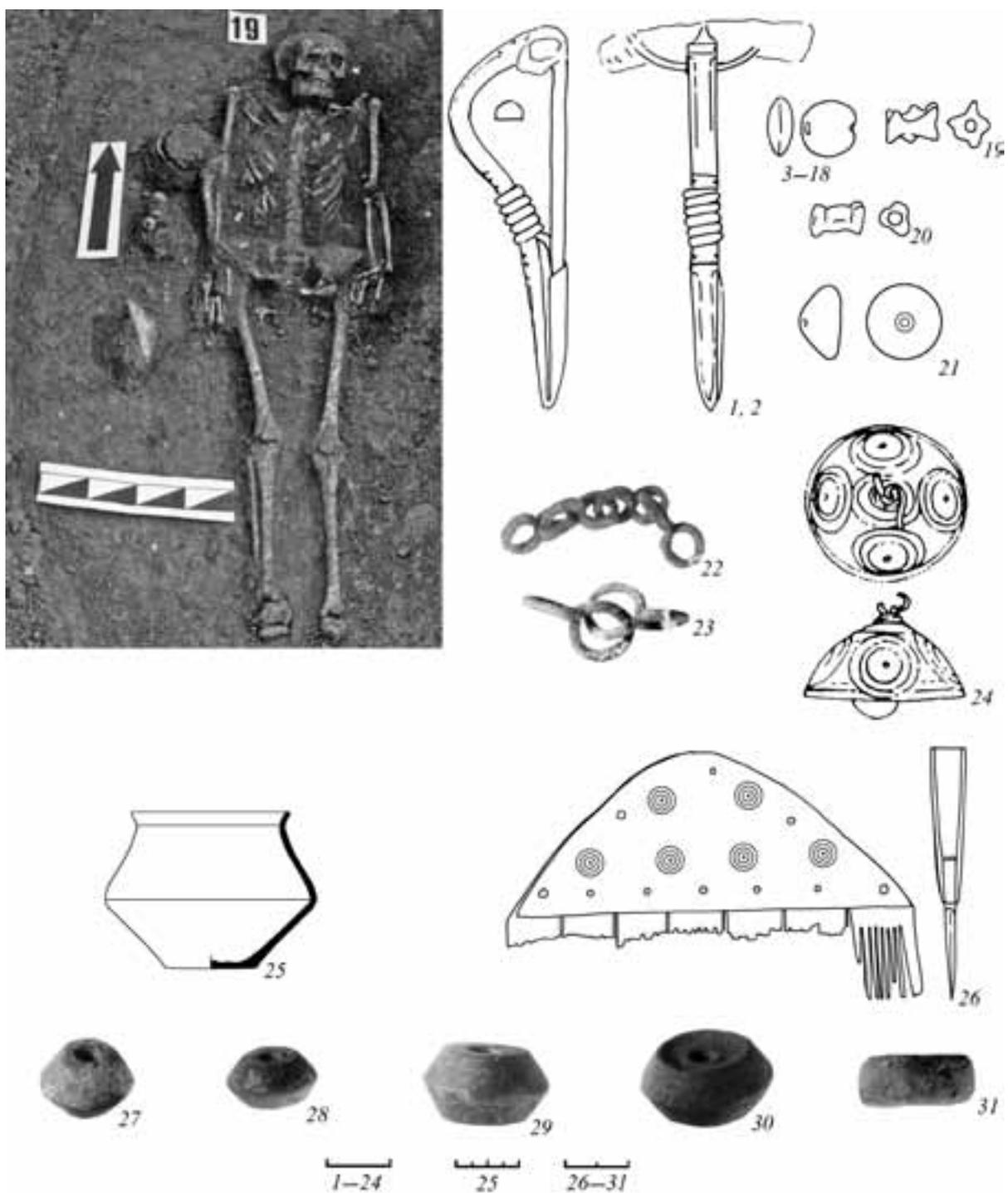

Ил. 15. Ружичанка. Погребение 16

Ил. 16. Ружичанка. Погребение 17.

Инвентарь: 1 — роговой гребень, 2 — гончарная миска, 3 — бронзовая игла

Ил. 17. Ружичанка. Погребение 19.

Инвентарь: 1, 2 — бронзовые фибулы, 3—20 — стеклянные бусы, 21 — бусина из янтаря, 22, 23 — фрагменты бронзовой цепи, 24 — бронзовый колокольчик, 25 — гончарный сосуд, 26 — роговой гребень, 27—31 — глиняные пряслица

Ил. 18. Ружичанка. Погребение 20

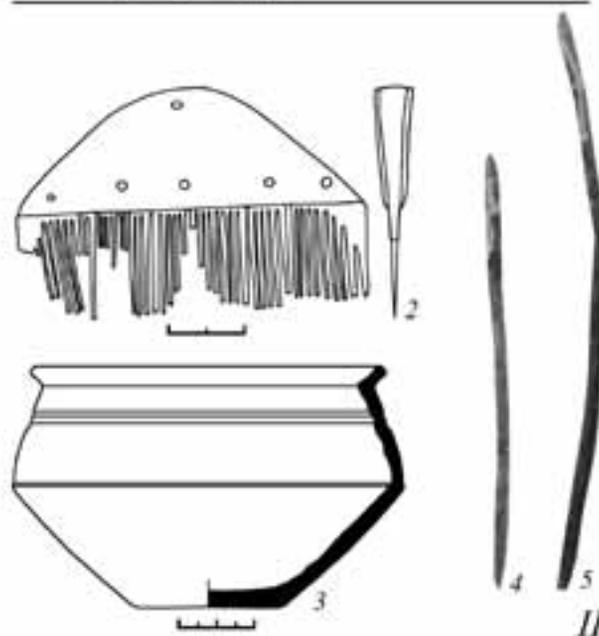
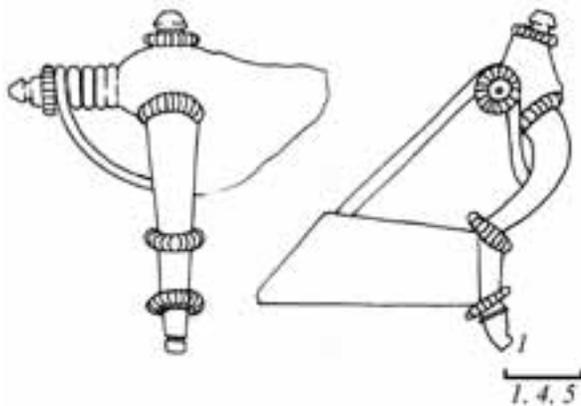
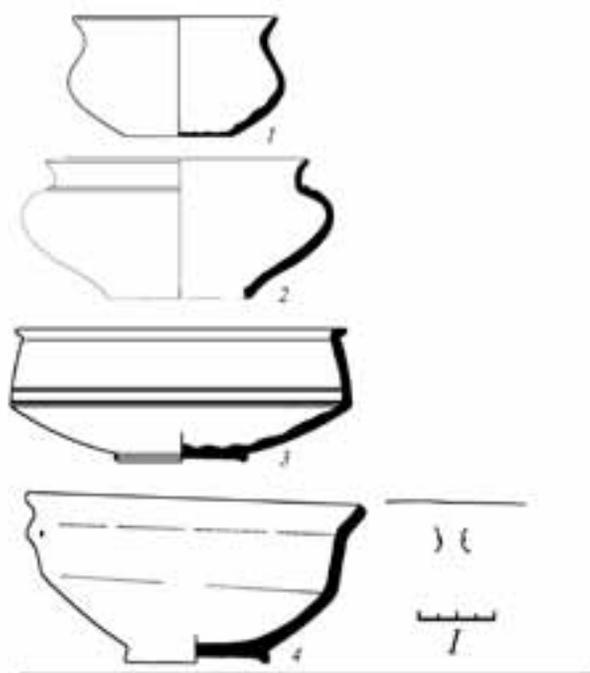
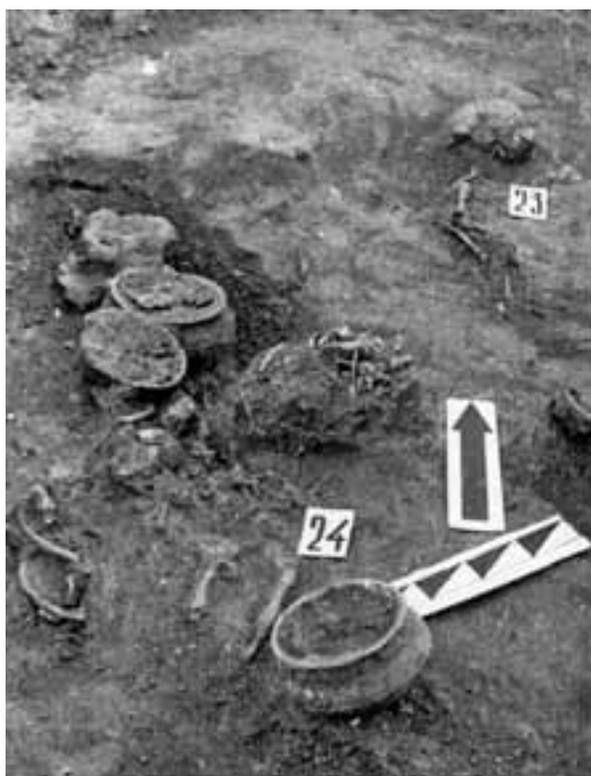

Ил. 19. Ружичанка. Погребение 21.

Инвентарь: 1 — гончарная миска, 2 — гончарный горшок, 3 — лепной горшок

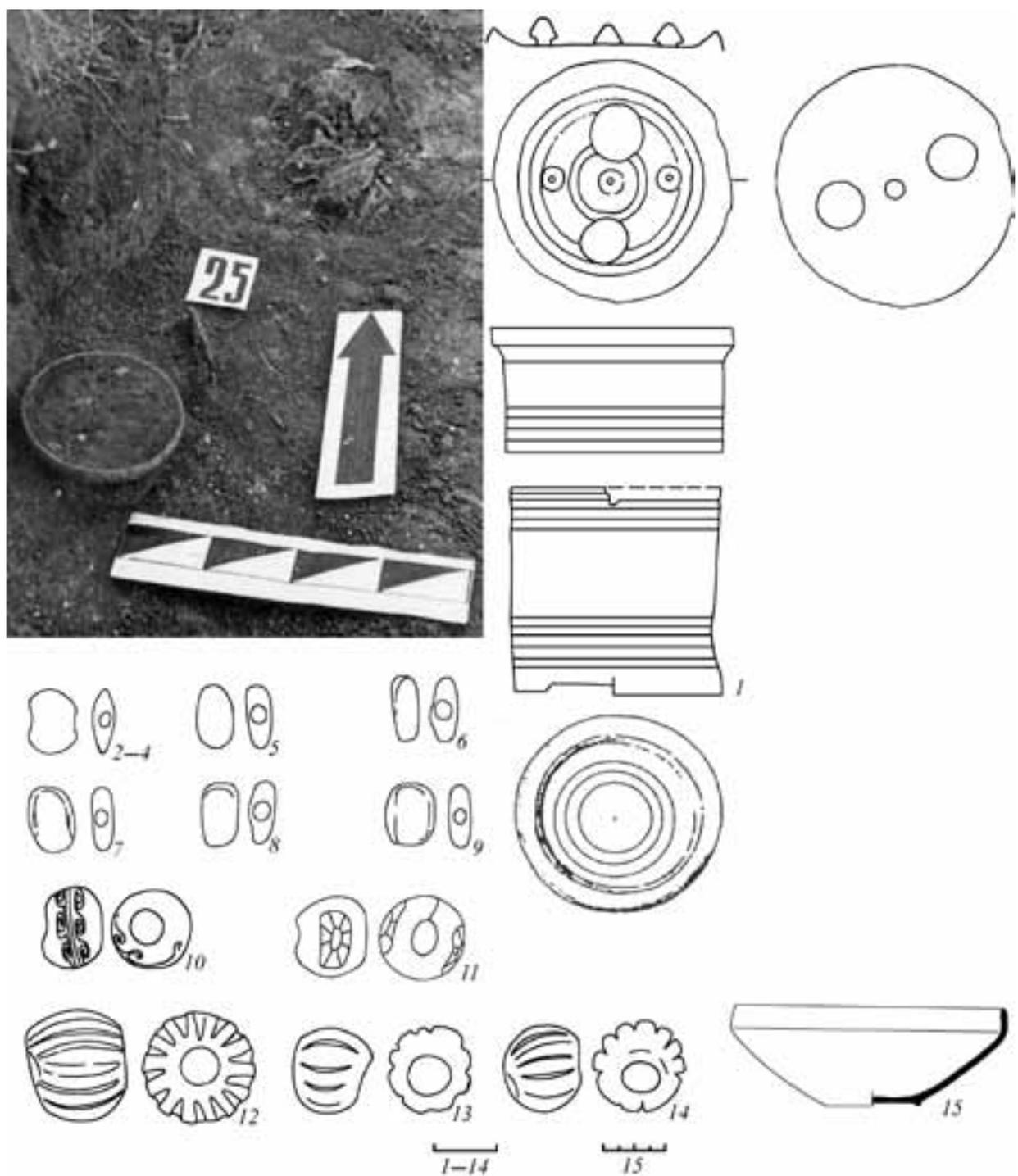
Ил. 20. Ружичанка. Погребение 22.
Инвентарь: 1 — гончарные сосуды

Ил. 21.

I. Фото и инвентарь погребения 23: 1—3 — гончарные сосуды, 4 — лепная миска.

II. Инвентарь погребения 24: 1 — бронзовая фибула, 2 — роговой гребень, 3 — гончарная миска, 4, 5 — бронзовые иглы

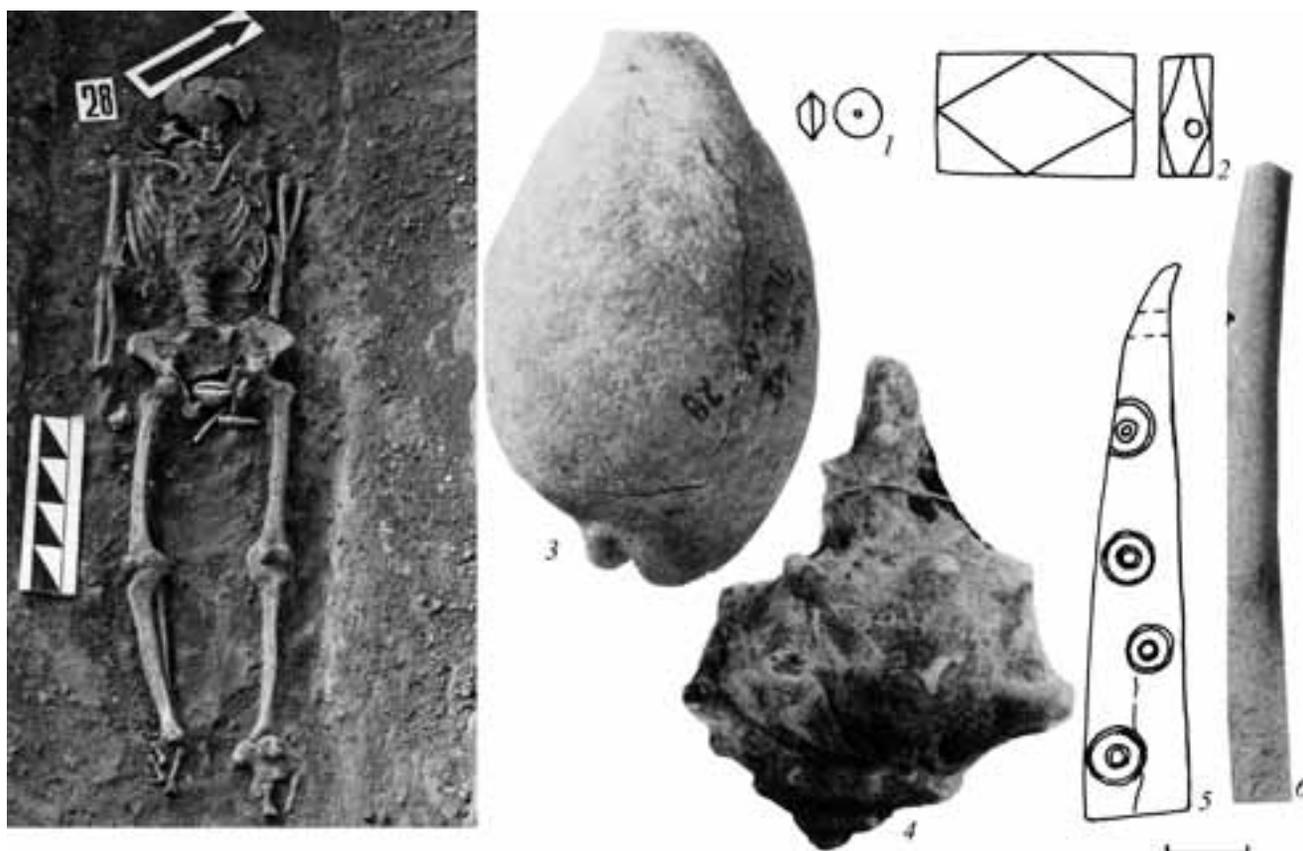

Ил. 22. Ружичанка. Погребение 25.

Инвентарь: 1 — бронзовая чернильница, 2—14 — бусы, 15 — гончарная миска

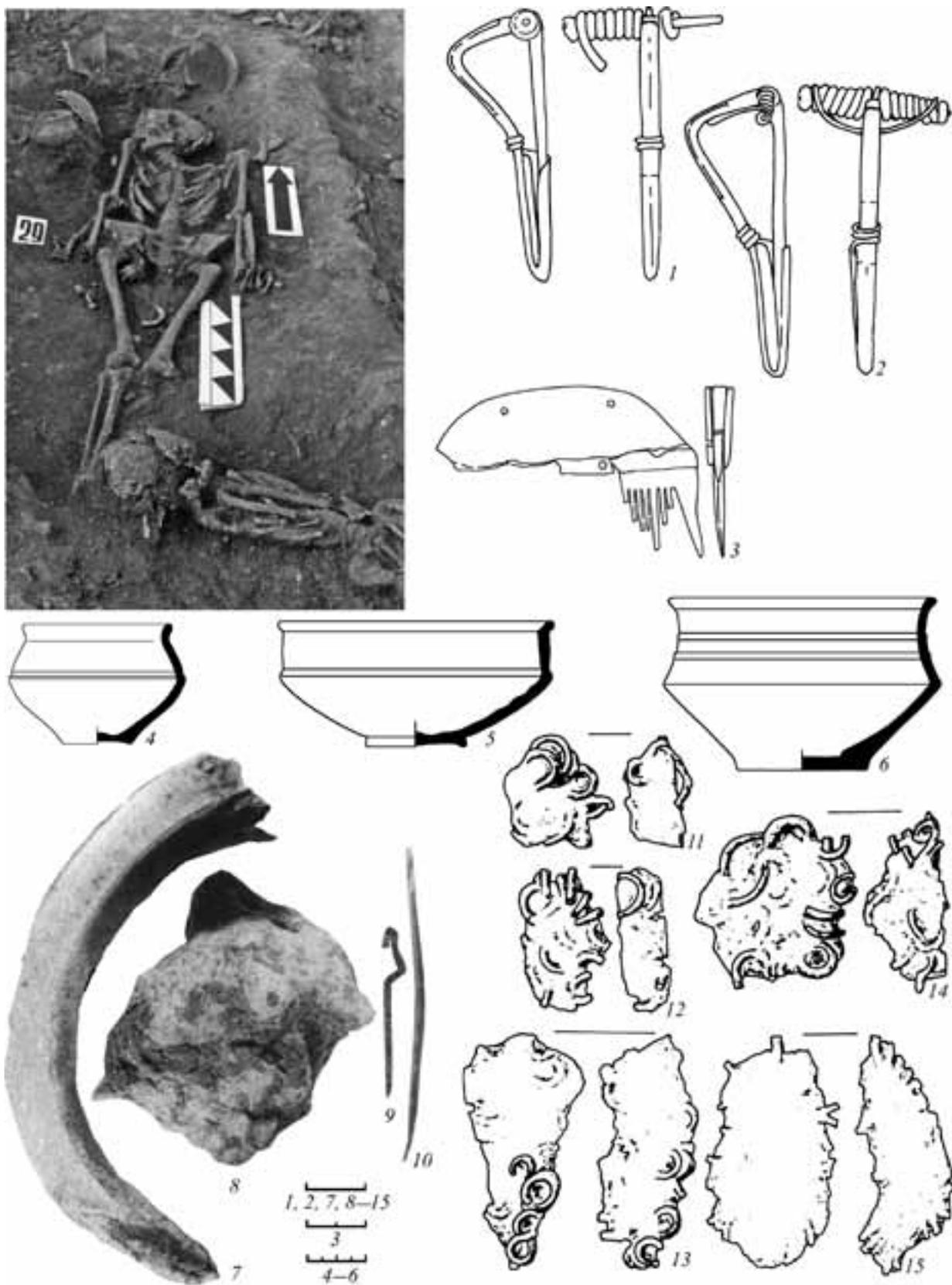

Ил. 23. Ружичанка. Погребение 27

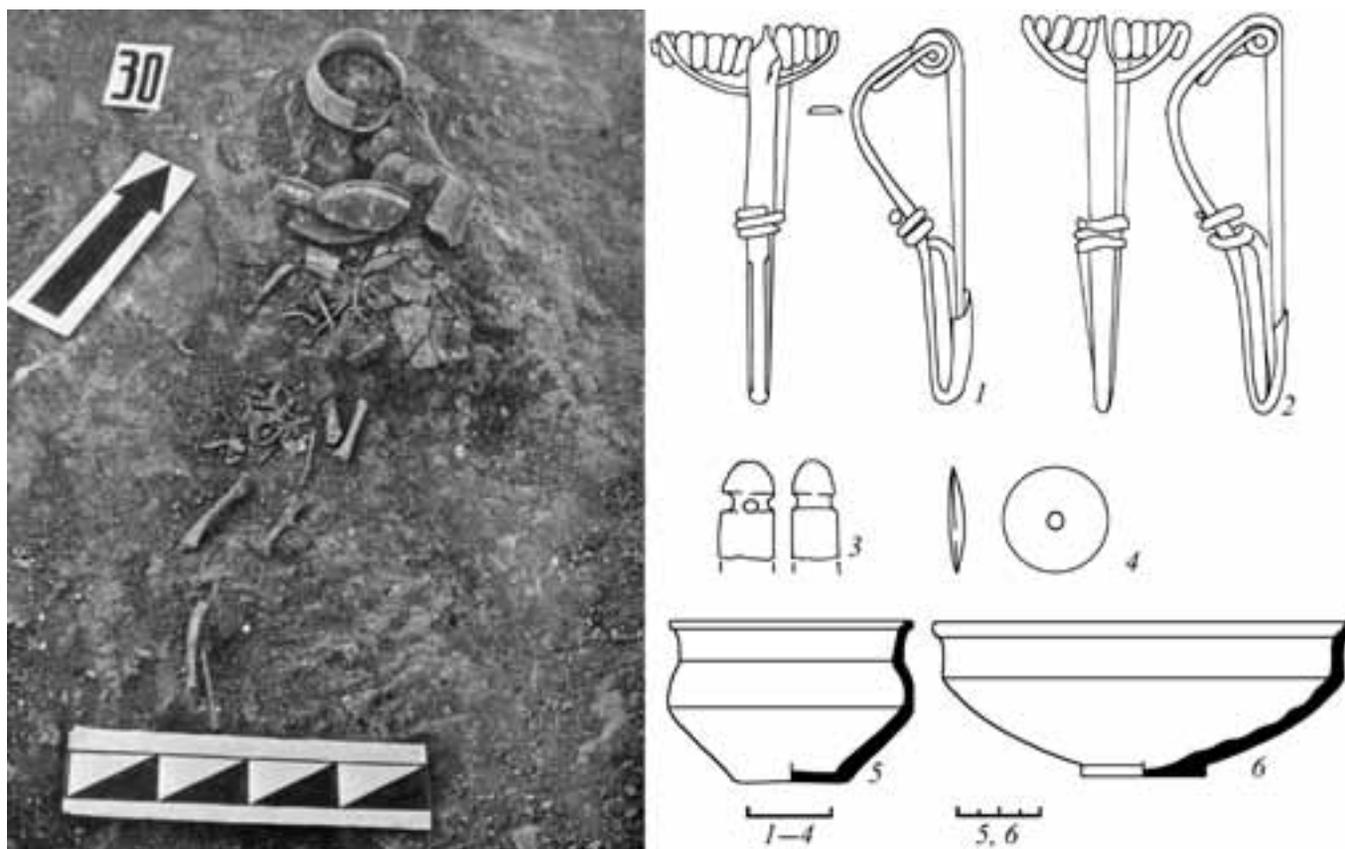
Ил. 24. Ружичанка. Погребение 28.

Инвентарь: 1 — стеклянная бусина, 2 — сердоликовая бусина, 3 — подвеска из раковины Сургаеа, 4 — подвеска из раковины *Bolinus brandaris*, 5 — роговая пирамидальная подвеска, 6 — костяной игольник

Ил. 25. Ружичанка. Погребение 29.

Инвентарь: 1, 2 — бронзовые фибулы, 3 — роговой гребень, 4–6 — гончарные сосуды, 7 — подвеска из клыка кабана, 8 — подвеска из раковины *Volinus brandaris*, 9 — бронзовая клюковидная булавка, 10 — бронзовая игла, 11–15 — фрагменты кольчуги

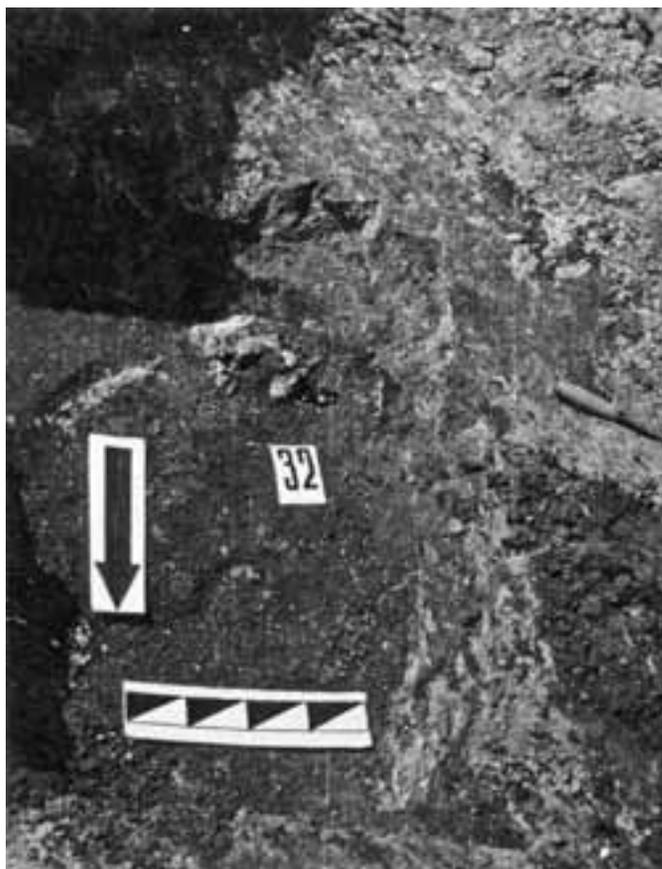

Ил. 26. Ружичанка. Погребение 30.

Инвентарь: 1 — бронзовые фибулы, 3 — янтарная грибовидная подвеска, 4 — янтарная бусина, 5, 6 — гончарные сосуды

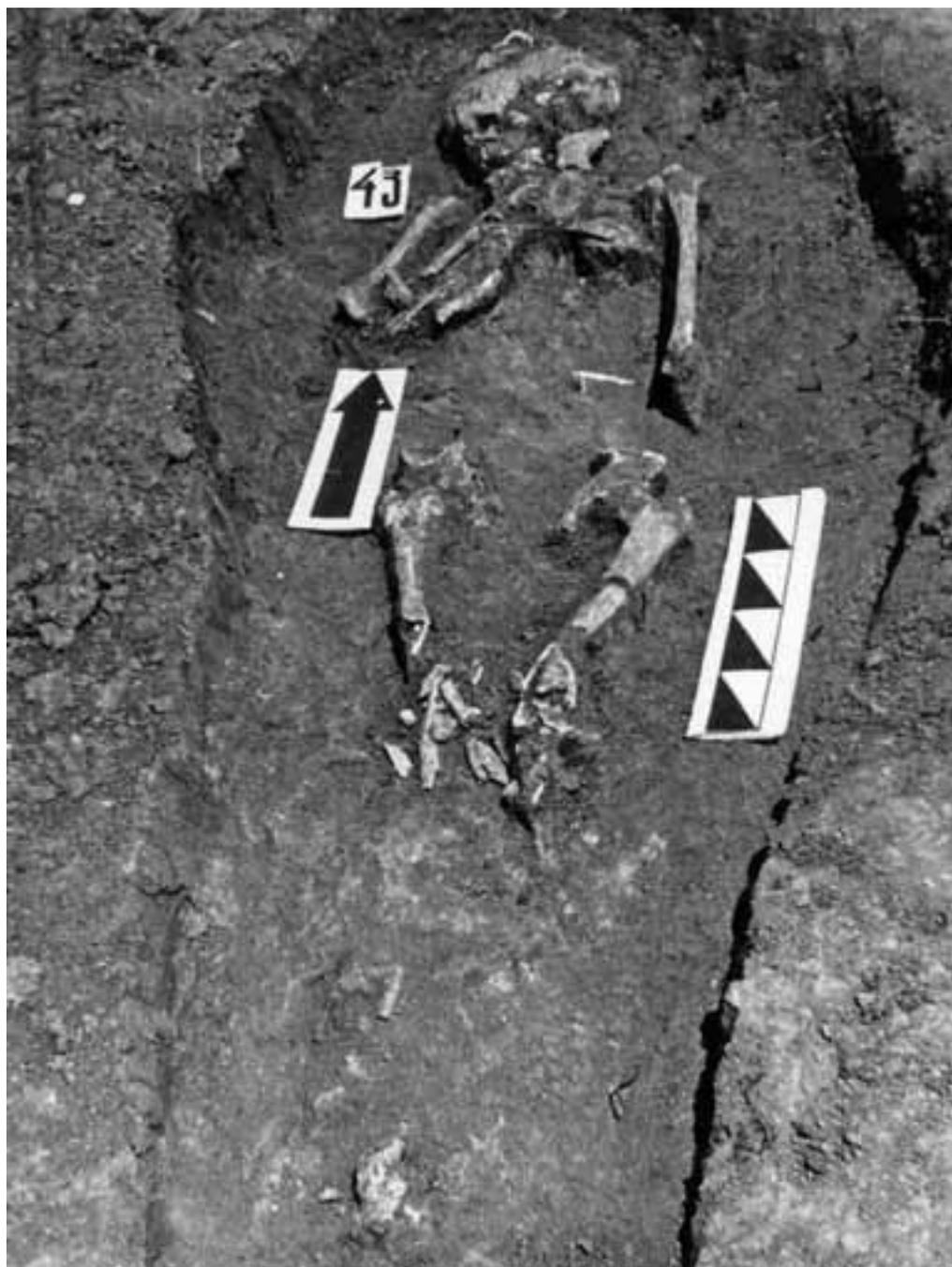
Ил. 27. Ружичанка. Погребение 31

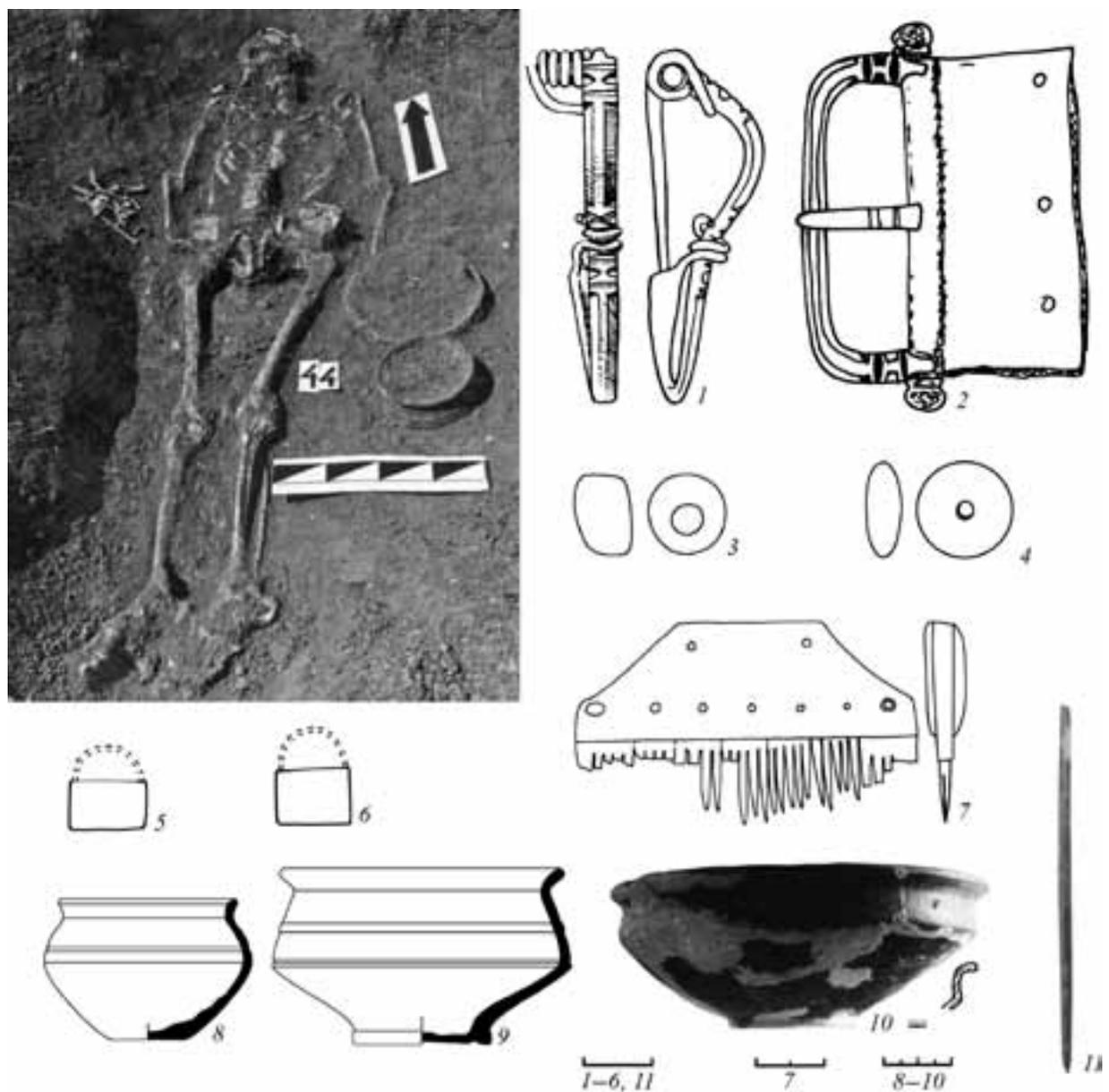
Ил. 28. Ружичанка. Погребение 32

Ил. 29. Ружичанка. Погребение 42

Ил. 30. Ружичанка. Погребение 43

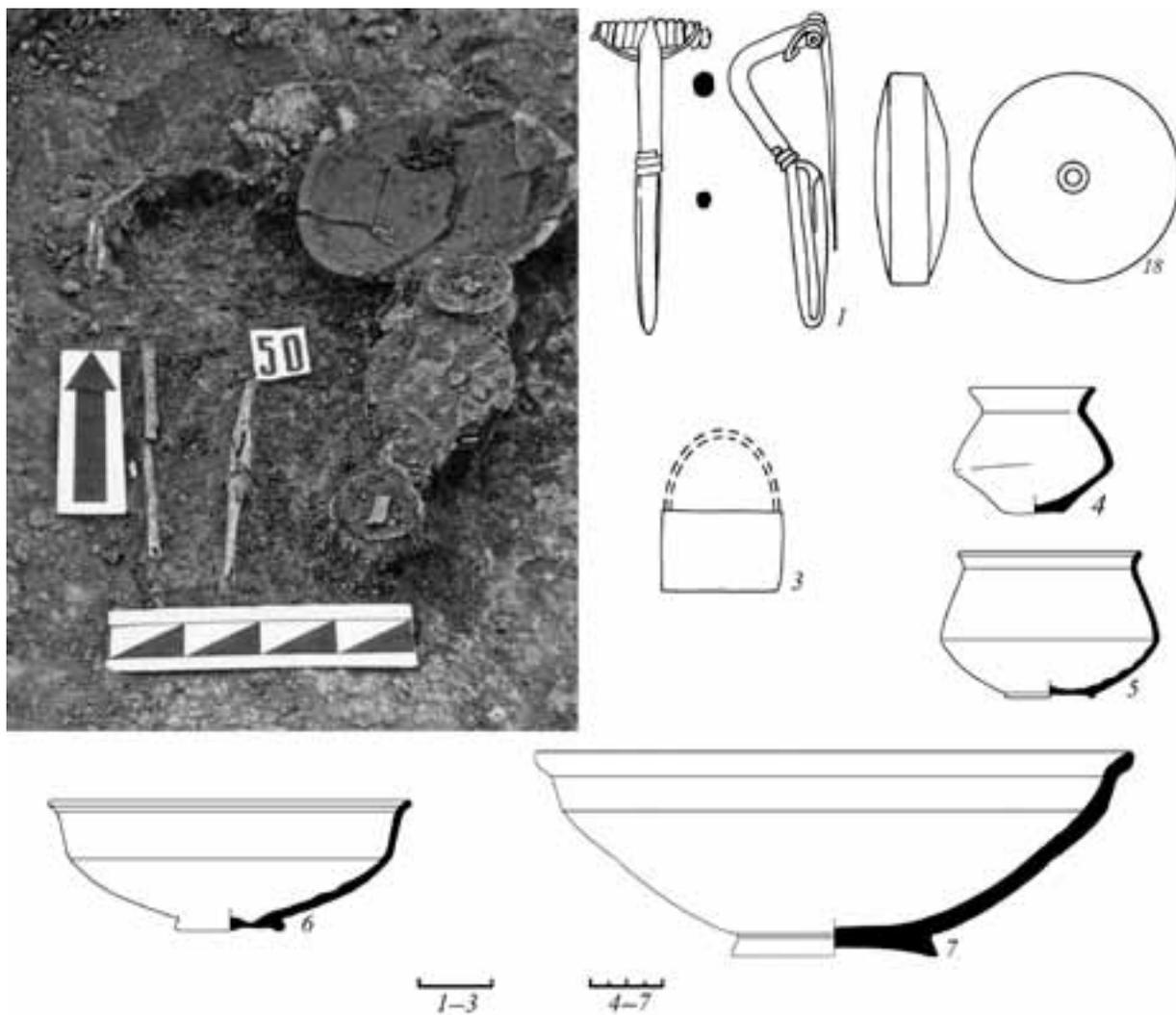

Ил. 31. Ружичанка. Погребение 44.

Инвентарь: 1 — бронзовая фибула, 2 — бронзовая пряжка, 3 — стеклянная бусина, 4 — янтарная бусина, 5, 6 — бронзовые ведёрковидные подвески, 7 — роговой гребень, 8—10 — гончарная посуда, 11 — бронзовая игла

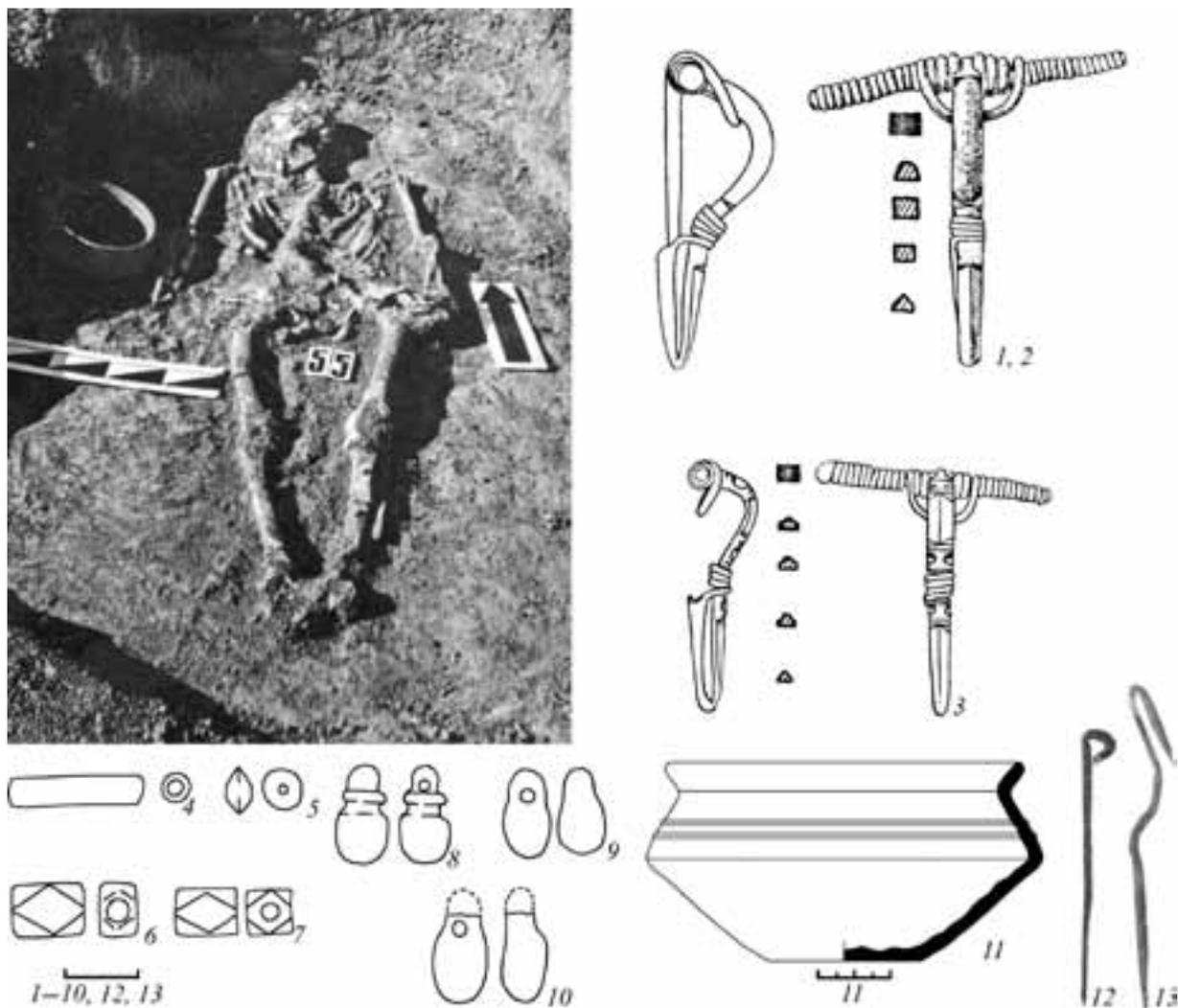

Ил. 32. Ружичанка. Погребение 49

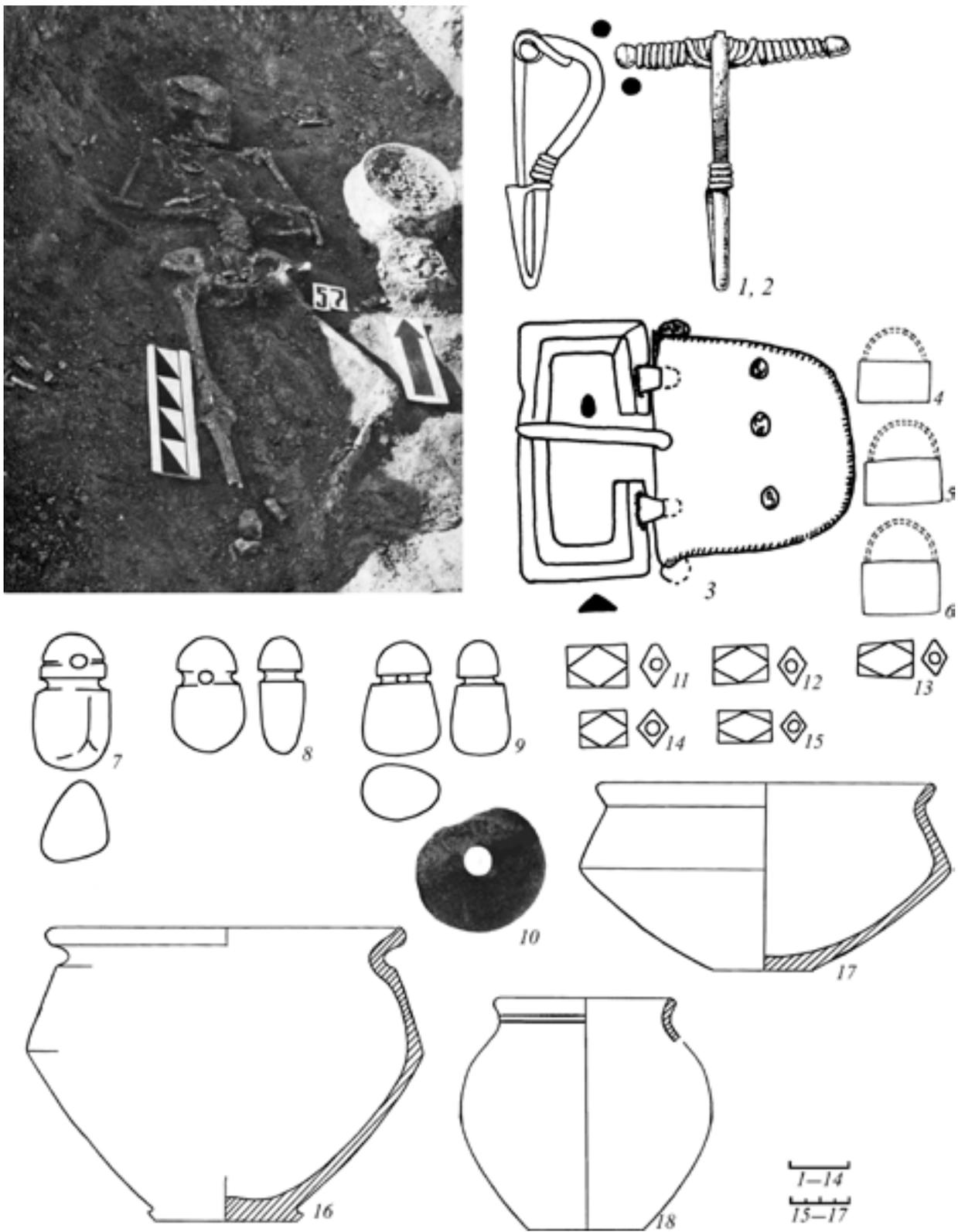
Ил. 33. Ружичанка. Погребение 50.

Инвентарь: 1 — бронзовая фибула, 2 — бусина из янтаря, 3 — бронзовая ведёрковидная подвеска, 4—7 — гончарная посуда

Ил. 34. Ружичанка. Погребение 55.

Инвентарь: 1, 2 — бронзовые фибулы, 3 — серебряная фибула, 4—7 — стеклянные бусы, 8—10 — янтарные грибовидные подвески, 11 — гончарный сосуд, 12, 13 — бронзовые клюковидные булавки

Ил. 35. Ружичанка. Погребение 57.

Инвентарь: 1 — бронзовые фибулы, 3 — бронзовая пряжка, 4–6 — бронзовые ведёрковидные подвески, 7–9 — янтарные грибовидные подвески, 10 — янтарная бусина, 11–15 — сердоликовые бусы, 16–18 — гончарные сосуды

Ил. 36. Ружичанка. Погребение 61

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РУЖИЧАНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

Местоположение

В конце 1980-х гг. в связи с необходимостью установки охранных знаков на памятниках археологии, находящихся под охраной государства, впервые возник вопрос об уточнении места расположения Ружичанского могильника черняховской культуры¹. В ходе проведенных мною² работ выяснилось, что данные публикаций о местонахождении могильника и сопутствующих ему поселений не соответствуют действительности.

Напомню, И. С. Винокур описывал топографию памятника следующим образом: «Песчаный карьер находится на юго-восточной окраине с. Ружичанки... Остатки могильника на карьере расположены на возвышении левого берега небольшой речки Волк, притока Южного Буга. Севернее, в нескольких километрах от места расположения могильника, начинаются истоки р. Смотрич, притока Днестра. Могильник занимает мысовидное возвышение. Возвышение мыса над уровнем реки — около 15 м. Урочище, в котором расположен могильник, местные жители называют Безодня. В непосредственной близости от могильника, как показали наши разведки, на обоих берегах р. Волк расположены остатки трех черняховских поселений. На одном из них (Ружичанка I) нами произведены раскопки. На двух остальных велись обследования разведывательного характера» [Винокур, 1979. С. 113].

В результате повторных обследований указанной местности черняховские объекты обнаружены не были. Выявились и другие существенные расхождения между топографией памятников, описанной в публикациях, и реально существующей ситуацией. Так, ур. Безодня находится совершенно в другом месте — почти в 2,7 км к северу от р. Волк. Там действительно были прослежены следы трёх синхронных поселений, расположенных «на обоих берегах» безымянного ручья. Исток р. Смотрич расположен почти в 10 км к западу—юго-западу от с. Ружичанка.

В связи с подготовкой данной работы с целью окончательного уточнения ситуации была обследована значительно бо́льшая по площади территория к северу и востоку от села. Анализ полученных данных, результатов ранее проведённых разведок, информации, полученной как от местного населения, так и от участников раскопок, позволили окончательно определить местоположение могильника и сопутствующих ему поселений.

Урочище Безодня расположено в 0,6 км к северо-западу от с. Ружичанка при слиянии двух безымянных ручьёв, образующих левый приток р. Волк. Следов песчаного карьера на обследованной нами площади не обнаружено. Скорее всего, он был полностью перепланирован при строительстве окружной дороги. Её трасса, вероятно, проходит по территории бывшего могильника: отдельные мелкие фрагменты черняховской керамики обнаружены на плато севернее и южнее этого шоссе. Однако каких-либо кранио- или остеологических материалов (в т.ч. кальцинированных) в процессе повторных обследований не выявлено. В 0,25 км к югу от предполагаемого места расположения могильника, на мысовидном выступе плато, в месте слияния двух безымянных ручьёв расположено поселение черняховской культуры. Именно оно, видимо, раскапывалось несколько позже могильника и получило наименование Ружичанка 1. Кроме того, ещё два аналогичных поселения находятся на правом берегу ручья (рис. 1).

Выявленные несоответствия в привязках памятников по публикации, в принципе, легко объяснимы. Скорее всего, в процессе ее подготовки произошла элементарная путаница в описании места расположения как самого могильника, так и синхронных ему поселений: достаточно поменять указанные в тексте И. С. Винокура ориентиры на диаметрально противоположные (юго-восток на северо-запад) и общая картина, за исключением отдельных деталей, приобретает близкий к реальности вид.

¹ Ружичанский могильник как памятник археологии местного значения находился на учёте государственных органов охраны памятников до 1992 г. Исключён из списка охраняемых объектов, как полностью изученный.

² В то время — сотрудником отдела охраны памятников истории, культуры и археологии ХОКМ.

Неопубликованные находки

Как известно, планомерные стационарные работы на Ружичанском могильнике проводились в течение 1964—1965 гг. и материалы их в основном опубликованы (подробнее см.: Гопкало, 2012). Часть находок, предположительно происходящих из этого могильника, в 1959, 1963 и 1964 гг. была передана в ХОКМ. Следовательно, в фонды музея попали либо случайные находки из разрушенных карьером погребений, либо вещи, обнаруженные во время несанкционированных работ. Эти материалы до настоящего времени не были введены в научный оборот. Как данные, дополняющие сведения о памятнике, они представляют безусловный интерес.

Лепной кубок (рис. 2: 1). Паспорт: № А-737 / КН 19673³. Место находки: «с. Ружичанка, могильник черняховской культуры». Передан в фонды ХОКМ Ружичанской средней школой в 1959 г. Указание на могильник может быть аргументом в пользу того, что памятник уже тогда начал разрушаться и материалы из него собирали учащиеся местной школы или их родственники, знакомые.

Размеры:⁴ диаметр венчика — 9,0, плечика — 9,6, днища — 6,4 см; высота общая — 7, плечика — 1,5 см. Тесто — отмученная глина. Лощеный. Серый. Полушарический. Венчик вертикальный, под венчиком горизонтальный уступ. Дно полусферическое. Орнамент геометрический: комбинация из 2 зигзагов. Верхний, по плечикам и средней части корпуса, — пролощенные линии, оконтуренные с обеих сторон отпечатками зубчатого штампа (колеса); нижний, в придонной части, — двойные отпечатки зубчатого штампа (колеса).

Ближайшие аналогии данному кубку обнаружены в пп. 39 и 371 черняховского могильника Данчены [Рафалович, 1986. Табл. LVII: 20, XIX: 10; Щукин, Щербакова, 1986. Рис. 6, 10]. Полусферические кубки⁵ — наиболее распространённая форма кубков в черняховском ареале. Они найдены среди материалов могильников Беленькое, Будешты, Войтенки 1, Деревьяна, Журавка Ольшанская, Компанийцы, Черкасы-Центр и др. Декор, подобный тому, что украшает публикуемую находку, нанесён на кубок из п. 5 Каборги [Магомедов, 1979. С. 35. Табл. VIII: 11].

Гончарный двуручный кувшин (рис. 2: 9)⁶. № А-1012 // КН 16361. Место находки: «в околицах с. Ружичанка Хмельницкого р-на». Передано в фонды ХОКМ в 1959 г. Ружичанской средней школой. Вероятно, это такая же случайная находка из одного из разрушенных погребений, как и описанный выше кубок.

Размеры: диаметр венчика — 10,0, плечика — 22,0, днища — 10,6 см; высота общая — 27,5, плечика — 14 см. Тесто — отмученная глина, вероятно, с примесью незначительного количества

песка. Лощеный. Лощение весьма небрежное, особенно в нижней части сосуда. Черного цвета. Венчик оттянут горизонтально, с закругленным краем. Шейка высокая усеченно-коническая. Плечико округлое. Придонная часть выпуклая, на кольцевом поддоне. Рельеф внешней поверхности днища не позволяет посуде стабильно, без колебаний, стоять на горизонтальной плоскости. Орнамент комбинированный: рельефный (округлый валик в месте перехода шейки в плечико, углубленная полоса приблизительно посередине высоты плечика) и пролощенный из шести отдельных вертикальных полос шириной до 3,5 см на шейке и зигзага по nelloщенной поверхности под валиком на плечике. Кроме того, на поверхности придонной части и дна сохранились многочисленные отпечатки узких, не шире 0,4 см, тканых лент. Причем встречаются отпечатки ткани саржевого (рис. 4) и полотняного переплетения (рис. 5).

Черняховские гончарные двуручные кувшины принадлежат типу 3 по классификации кувшинов, предложенной О. В. Петраускасом. Хронология этого типа определяется автором классификации в пределах центральноевропейской фазы С3, «косановской» фазы по Е. Л. Гороховскому [Петраускас, 2008. С. 89. Рис. 1; 6]. Аналогии рассматриваемому кувшину найдены на Косановском могильнике и отнесены к фазе 2 по хронологической шкале этого памятника [Petrauskas, 2003. S. 264, 267, 310]. Однако наибольшее типологическое сходство ружичанский двуручный кувшин имеет с кувшином из п. 33 могильника Боромля [Петраускас, 2008. С. 89. Рис. 6: 32]

По мнению Б. В. Магомедова, наличие кубков и кувшинов в составе инвентаря свидетельствует о проведении специального обряда (погребального пира), а также о высоком социальном статусе погребенного [Магомедов, 2003].

Следующая группа из пяти гончарных сосудов оформлена под одним паспортом № А-738/1-5 КН 19674/1-5, что подразумевает единое место находки, возможно, одно погребение или их компактная группа. Передана в фонды ХОКМ в 1963 г., место обнаружения: «с. Ружичанка, могильник культуры полей погребений». Источник поступления в паспорте не указан.

Гончарный сосуд (рис. 2: 2; 3). № 738/1. Размеры: диаметр венчика — 10,7, плечика — 12,4, днища — 5,2 см; высота общая — 8,3, плечика — 5,5 см. Тесто — отмученная глина с отдельными включениями песка и мелкоизмельченных минералов. Лощеный. Лощение сохранилось фрагментарно. Серый. Биконический. Венчик отогнут наружу. Низкое, резко выраженное плечико. Дно плитчатое. Профилировка внешней поверхности

³ Согласно официальной нумерации: А — инвентарный номер группы хранения «Археология», КН — номер согласно книге поступлений музейного предмета в фонды ХОКМ.

⁴ Здесь и далее (как и в статье О. В. Гопкало, посвященной описанию материалов из раскопок Ружичанского могильника в 1964—65 гг. [Гопкало, 2012]) указываются следующие размеры: **диаметр**: венчика, плечика, днища; **высота**: общая, плечика (от венчика до плечика).

⁵ Благодарю за консультацию по этому вопросу харьковскую коллегу Ксению Григорьевну Варачеву.

⁶ Здесь и далее гончарным называется сосуд, сделанный на быстром гончарном круге.

днища препятствует стабильной установке сосуда на плоскости. Орнаментирован по плечу криволинейными линиями, сгруппированными по четыре. Расстояние между группами линий колеблется в пределах 1—1,5 см.

Наибольшее соответствие находит среди ружичанских миниатюрных сосудиков типа 1 (см.: Гопкало, 2012. Рис. 7: 4).

Гончарный сосуд (рис. 2: 3). № 738/2. Размеры: диаметр венчика — 10,8, плечика — 12,4, днища — 6,0 см; высота общая — 7,7, плечика — 3,5 см. Тесто — отмученная глина с примесью небольшого количества песка разных фракций (на поверхности посуды, особенно в нижней части, сохранились характерные борозды). Лощеный. Серый. С воронковидным венчиком и ребром в верхней части сосуда. Дно плитчатое, с выступами на внешней поверхности, мешающими устойчивому положению сосуда. Орнамент рельефный: два небольших полукруглых валика в нижней части венчика и на шейке.

Аналогичен типу 5 ружичанских миниатюрных сосудов (см.: Гопкало, 2012. Рис. 7: 10).

Гончарный сосуд (рис. 2: 4). № 738/3. Размеры: диаметр венчика — 13, плечика — 15,2, днища — 6,4 см; высота общая — 10,3, плечика — 5,2 см. Тесто — отмученная глина. Лощеный. Лощение сохранилось плохо, преимущественно в нижней части сосуда. На поверхности — хорошо заметные многочисленные следы обработки сырого изделия гончарным ножом (бочаркой): преимущественно продольные полосы шириной до 1 см, в придонной части — поперечные «насечки», плохо заглаженные лощением. Серый. Венчик короткий, слегка отогнут наружу, с ребром по внешнему краю. Плечико выше середины высоты сосуда. С полусферической придонной частью. Днище на кольцевом поддоне.

Аналогичен типу 6 ружичанских миниатюрных сосудов (см.: Гопкало, 2012. Рис. 7: 17).

Гончарный сосуд (рис. 2: 5). № 738/4. Размеры: диаметр венчика — 16,0, плечика — 17,0, днища — 6,0 см; высота общая — 9,0, плечика — 4,3 см. Лощеный. Лощение сохранилось частично. Серый. Биконический. Венчик отогнут наружу. Дно на кольцевом поддоне. Украшен по шейке валиком и пролощенным зигзагообразным декором.

Находит соответствие среди ружичанских мисковидных сосудов типа 2 (см.: Гопкало, 2012. Рис. 7: 2).

Гончарный сосуд (рис. 2: 6). № 738/5. Размеры: диаметр венчика — 17,0, плечика — 17,2, днища — 4,0 см; высота общая — 10,7, плечика — 5,3 см. Тесто — отмученная глина. Лощеный. Лощение небрежное, сохранилось частично. Биконический. Венчик отогнут наружу. На шейке имеется рельефный валик. Плечико почти посередине высоты сосуда. Днище на кольцевом поддоне; выпуклость в центре днища не позволяет сосуду стоять устойчиво.

Находит соответствие среди типа 2 ружичанских мисковидных сосудов (см.: Гопкало, 2012. Рис. 7: 3).

Следующие два сосуда, согласно записям в паспортах № А-1026 / КН 16375, А-1027 / КН 16376, выявлены в «детском погребении» и, по-видимому, входили в состав одного погребального комплекса. Поступили в ХОКМ в 1964 г.

Гончарный сосуд (рис. 2: 7). № 1026. Размеры: диаметр венчика — 12,8, плечика — 12,4, днища — 4,8 см; высота общая — 9,1, плечика — 5,1 см. Тесто — отмученная глина с отдельными включениями измельченных минералов. Лощеный. Лощение сохранилось частично, преимущественно в верхней части корпуса. Цилиндрикоконический. Венчик короткий, отогнут наружу. Плечико чуть ниже середины высоты. Дно на кольцевом поддоне. Орнаментация рельефная по шейке.

Некоторое соответствие находит среди типа 6 ружичанских миниатюрных сосудов (см.: Гопкало, 2012. Рис. 7: 18).

Гончарный сосуд (рис. 2: 8). № 1027. Размеры: диаметр венчика — 10,7, плечика — 12,4, днища — 5,2, высота — 8,3, плечика — 5,5 см. Тесто — отмученная глина с примесью разного размера фрагментов красного минерала. Лощеный. Лощение сохранилось очень плохо. Биконический. Венчик короткий, отогнутый наружу. Над плечиком желобок, нижняя часть корпуса выпуклая, на кольцевом поддоне. Выступы на днище препятствуют устойчивости сосуда.

Некоторое соответствие находит среди типа 6 ружичанских миниатюрных сосудов (см.: Гопкало, 2012. Рис. 7: 14—18). Аналогичные сосуды были найдены в двух детских погребениях Ружичанки (№ 30 и 50).

Фрагмент гребня — вкладыш (рис. 2: 10). № А-742 / КН 19678. Место находки: «с. Ружичанка. Могильник культуры полей погребений». Источник: «арх. исследования», какие — не ясно. Передан в ХОКМ в 1963 г. Пластина из рога с частично сохранившимися шестью зубцами и бронзовой заклёпкой. Из-за отсутствия остальных частей корпуса для надёжного типологического и хронологического определения не может быть использована.

Пряслице (рис. 2: 11). № А-741 / КН 19677. Место находки: «с. Ружичанка, могильник к-ры полей погребений». Передано в фонды ХОКМ в 1963 г. Источник поступления: «найденно во время арх. исследований», каких — не ясно. Биконическое, с округлым ребром. Диаметр максимальный — 4,0, отверстия — 0,75 см. Тесто — глина с примесью большого количества мелко измельченного белого минерала. Поверхность заглажена. Пряслица, подобные этому, использовались в пределах всего ареала и времени существования черняховской культуры.

Бронзовая игла (рис. 2: 12). № А-744 / КН 19680. Место находки: «с. Ружичанка, могильник полей погребений (детское погребение)». Источник: «археологические исследования», какие — не ясно. Время поступления — 1963 г. Если ориентироваться на данные о п. 24 Ружичанского могильника (см.: Гопкало, 2012), бронзовая игла действительно могла

входить в состав инвентаря детского погребения. Поэтому вполне возможно, что в паспорте зафиксировано реальное место обнаружения иглы. Напомню, что в п. 24 по отчету значится 2 иглы (см.: Гопкало, 2012. Приложение). К сожалению, данный вид изделий до настоящего времени не подвергался каким-либо попыткам типологизации.

Игла, вкладыш гребня, пряслице на современном уровне изучения этих категорий находок для решения вопросов изучения **хронологии и культурно-исторической специфики** памятника мало значимы. Более информативна публикуемая керамическая посуда.

Ряд особенностей формы, состояния поверхности и прочие детали позволяют предположить, что часть сосудов была изготовлена одним гончаром в составе серии и предназначалась для определенных целей. У шести сосудов на внутренней поверхности прослеживается достаточно высокий, чет-

ко очерченный в профиле валик в месте перехода днища в тулово, у сосудов №738/1, 738/2, 738/5, 1012, 1027 выпуклость в центре днища не позволяла поставить посуду на горизонтальную плоскость. Кроме того, у всех сосудов наблюдается практически одинаковое лощение — не слишком тщательное. Похоже, керамика изготовлялась наспех, без надлежащей обработки и предназначалась не для длительного повседневного использования, а для разового — в погребальном ритуале. Остальные наблюдения менее существенны: различия в составе теста вполне объясняются использованием при изготовлении разных слоёв отмученной глины, незначительной разницей во времени изготовления и т.д. Высказанные предположения об особом предназначении ряда сосудов Ружичанского могильника необходимо проверить на основе полного изучения коллекции керамики как самого могильника, так и сопутствующего ему поселения Ружичанка 1.

Литература

- Винокур И. С. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 112—135.
- Гопкало О. В. Черняховский могильник Ружичанка // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012. С. 330—400
- Магомедов Б. В. Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 24—62.
- Магомедов Б. В. Потойбічний бенкет у поховальному обряді черняхівської культури // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. К., 2003. С. 83—88.
- Петраускас О. В. Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины // *Germania — Sarmatia*. 1. Калининград; Курск, 2008. С. 88—103.
- Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н.э. Кишинев, 1986.
- Щукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н.э. Кишинев, 1986. С. 177—219.
- Petrauskas O. V. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und etnokulturellen Besonderheiten // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz am Rhein, 2003. S. 223—351.

Рис. 1. Схема расположения черняховских памятников у с. Ружичанка.
1 — могильник Ружичанка; 2, 3, 4 — синхронные поселения

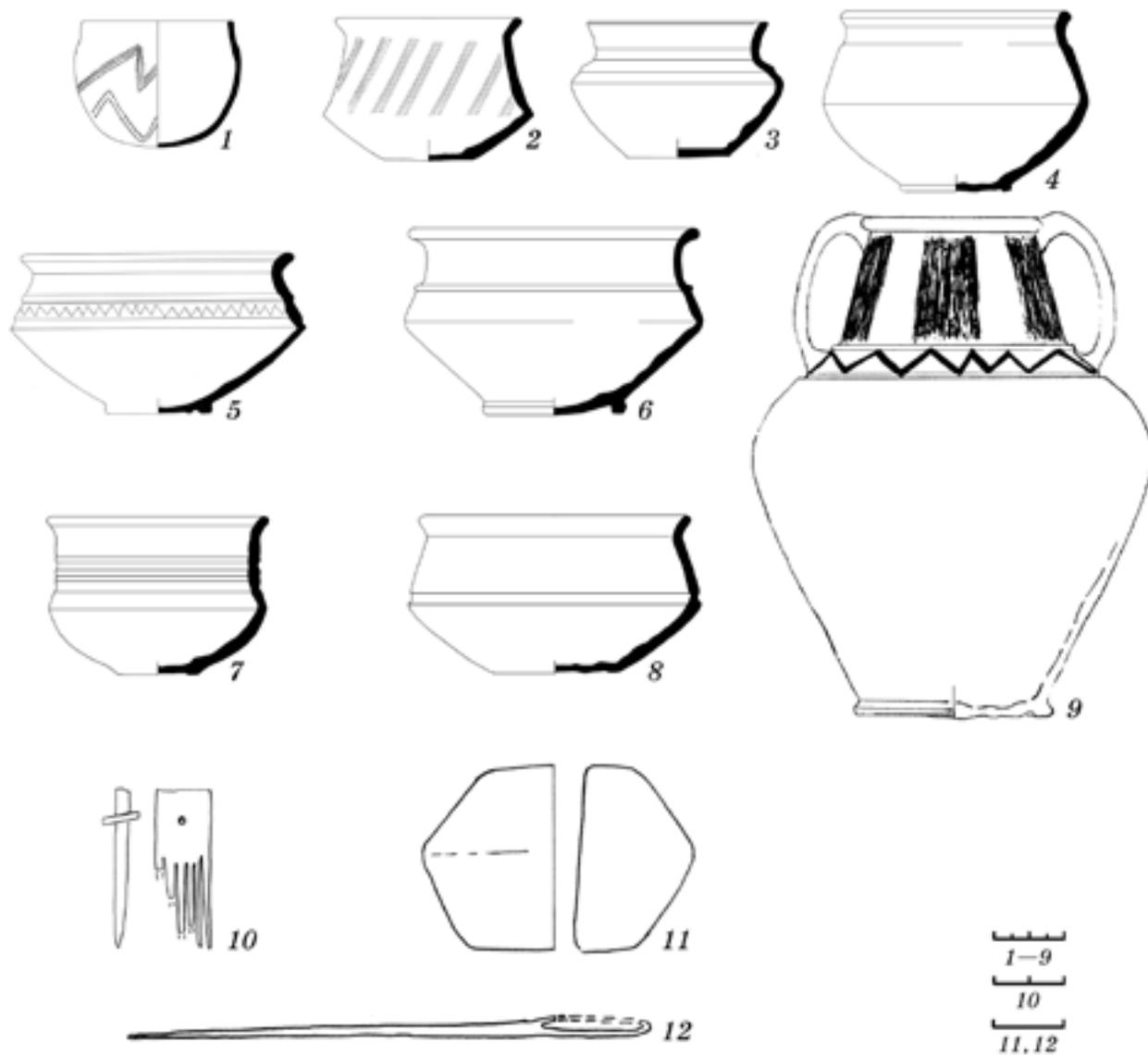

Рис. 2. Находки из Ружичанки, поступившие в ХОКМ в 1959, 1963, 1964 гг.

1 — лепной кубок №А-737; 2 — гончарный сосуд №А-738/1; 3 — гончарный сосуд №А-738/2; 4 — гончарный сосуд №А-738/3; 5 — гончарный сосуд №А-738/4; 6 — гончарный сосуд №А-738/5; 7 — гончарный сосуд №А-1026; 8 — гончарный сосуд №А-1027; 9 — гончарный кувшин №А-1012; 10 — фрагмент рогового гребня №А-742; 11 — глиняное пряслице №А-741; 12 — бронзовая игла №А-744

Рис.3. Фото гончарного сосуда № 738/1

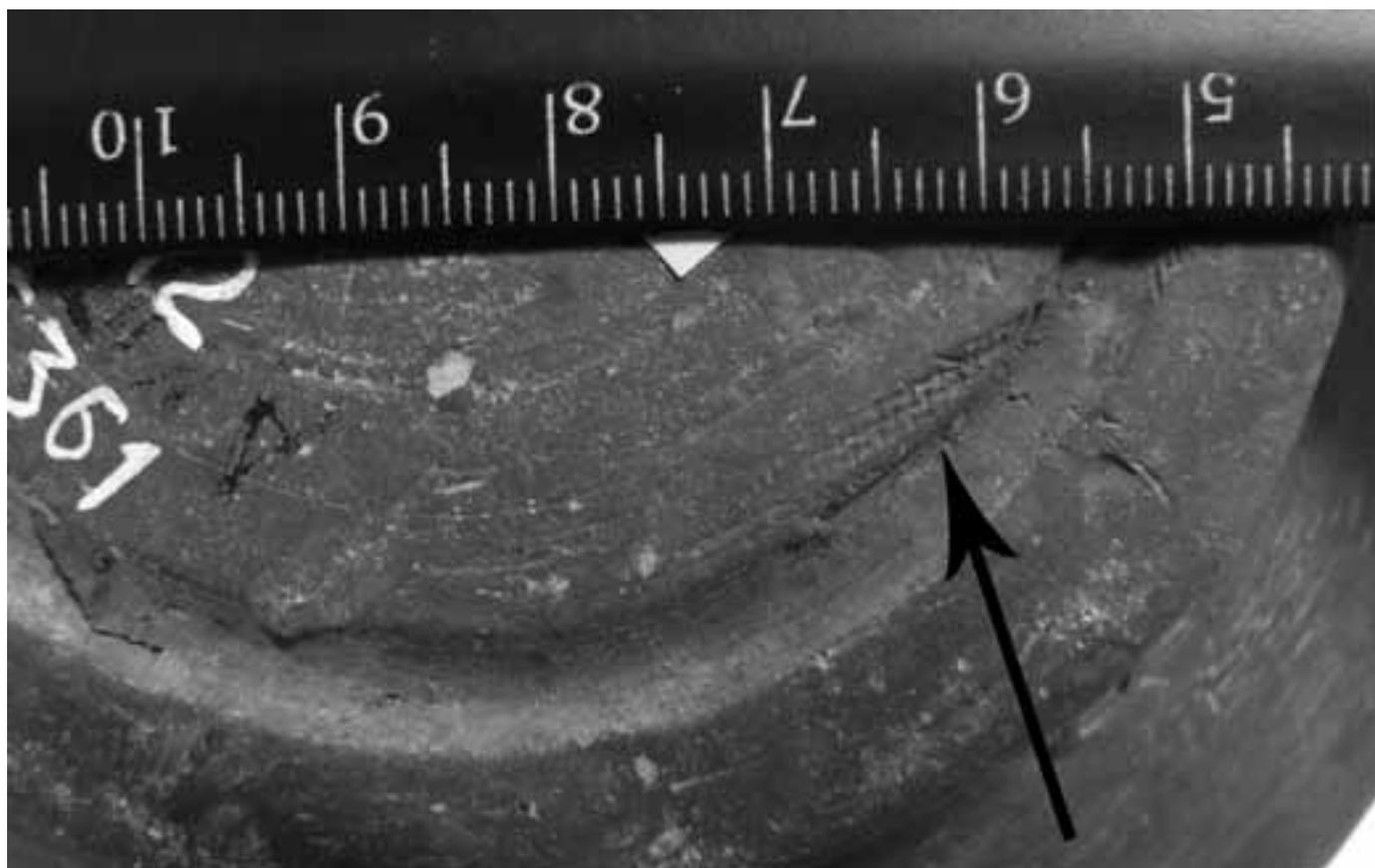

Рис.4. Отпечатки текстиля (ленты?) с саржевым переплетением на днище гончарного кувшина № 1012

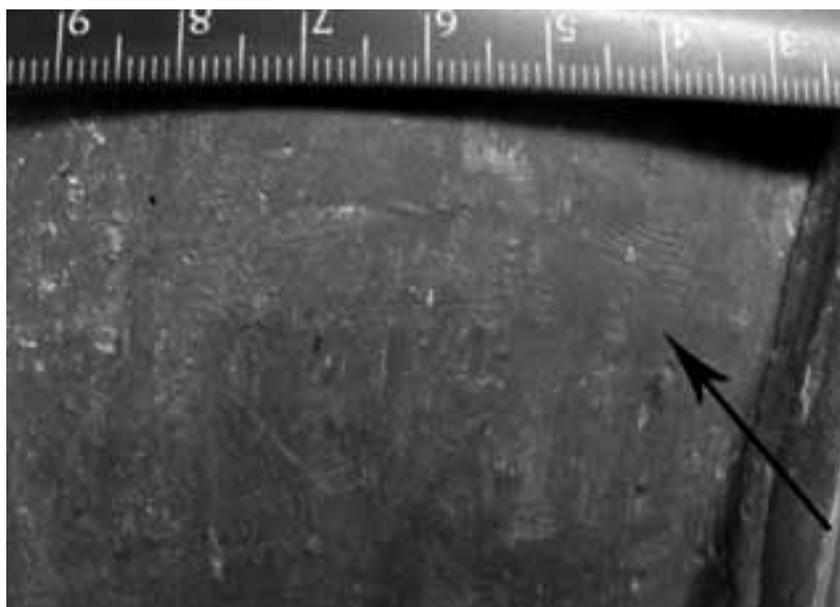

Рис.5. Отпечатки текстиля (ленты?) полотняного переплетения на днище гончарного кувшина № 1012

Э. Шульцце, М. Любичев

ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЙТЕНКИ I (ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА) (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2005—2009 гг.)

Для дальнейших исследований по хронологии черняховской культуры, как в отдельных ее регионах, так и во всем ареале, большое значение имеет введение в научный оборот материалов новых могильников с их хронологической атрибуцией. Могильник Войтенки I является составной частью одноименного археологического комплекса позднеперимского времени — начала эпохи Великого переселения народов, расположенного в полосе лесостепи, в области днепро-донецкого водораздела, на безымянной реке шестого порядка днепровской системы (рис. 1). Могильник находится выше участка «В» поселения, от которого он отделен «стерильной» полосой приблизительно в 200 м. Само поселение занимает южный склон мокрой балки (левый берег реки, ныне — пруд) (рис. 2). Комплекс изучается Германно-Славянской археологической экспедицией Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина с 2004 г. [Любичев, 2008]. В течение 2005—2009 гг. на могильнике было исследовано 114 погребений.

Эта публикация является первым опытом изучения хронологии могильника. Следует учитывать, что его раскопки продолжаются. К концу полевого сезона 2011 г. количество исследованных погребений составило уже 133. Следовательно, хронологическому анализу подвергнута лишь часть могильника. Тем не менее такая публикация является необходимой, учитывая введение в научный оборот материалов отдельных комплексов и вещей могильника [Любичев, 2009; Варачева, 2010; Шульцце, Любичев, 2009].

Для современного этапа изучения хронологии черняховской культуры весьма актуальным представляется построение региональных хронологических шкал. Исследование хронологии могильника Войтенки рассматривается как первый этап к созданию такой шкалы по материалам памятников днепро-донецкой лесостепи. Для этого наиболее приемлемы тесно связанные между собой методы сериации комплексов по сочетанию индикаторов и планиграфии («горизонтальной стратиграфии»). Они результативны при изучении эволюции одного—двух могильников и решении локальных хронологических задач [Шаров, 1992, С.162; Гей,

Бажан, 1997. С.8]. Метод сериации достаточно подробно описан в работах специалистов [Щукин, Щербак, 1986; Шаров, 1992. С.163—165; Гей, Бажан, 1997. С.6—8]. За истекшее десятилетие данные методы совместно использовались при построении хронологии могильников Косаново, Гавриловка [Petrauskas, 2003], Будешты [Vornic, 2006].

Первый этап работы — создание подробной типологии погребений и характеристика хронологических индикаторов. Второй — обобщение результатов сериации и планиграфического распределения датированных комплексов.

Группы погребений

На могильнике выделяются две основные группы погребений: ингумации и кремации. Имеется один кенотаф.

Ингумации по конструкции погребальных сооружений и положению костяка подразделяются на четыре типа:

Тип 1 (рис.3) — костяки находятся в вытянутом положении, ориентированы по оси С—Ю в простой прямоугольной яме: *вариант 1* — погребение не разрушено (табл.1); *вариант 2* — погребение со следами разрушений (табл.1). На дне ямы погребения 13 по углам находилось 4 ямки от столбиков — следы конструкции, аналог которой существует в погребении 169 могильника Данчены [Рафалович, 1986. Табл. VII: 7]. В погребении 32 прослежены следы деревянного перекрытия. Погребения 6, 21, 37, 64, 65, 79, 82, 87, 99, 107 совершены в предматериковом слое. Погребения 51, 68, 92, 93, 98, 103, 106 совершены в слое чернозема, контуры ямы не читаются.

Тип 2 (рис.3) — костяки в вытянутом положении, ориентированы по оси З—В в простой прямоугольной яме: *вариант 1* — погребение не разрушено (погребение 97); *вариант 2* — погребение со следами разрушений (пока отсутствуют).

Тип 3 (рис.3) — погребения костяков в скорченном положении, ориентированных по оси С—Ю, яма находится в слое чернозема, ее контуры не читаются (табл.1).

Тип 4 (рис. 3) — погребения в ямах с подбоем, костяки в вытянутом положении по оси С—Ю: *вариант 1* — погребение не разрушено (табл. 1); *вариант 2* — погребение со следами разрушений (табл. 1). В погребении 86 в подбоях располагалось два костяка: с ориентацией соответственно С—Ю (обозначено нами как погребение 86/1) и З—В (погребение 86/2). Нам не удалось проследить различия в цвете заполнения ямы. Состав инвентаря погребений отличается между собой и вполне вероятно, что перед нами — два перекрывающих друг друга погребения.

Тип 5 (рис. 3) — погребения в яме с заплечиками: *вариант 1* — погребение не разрушено; *вариант 2* — погребение со следами разрушений (табл. 1).

Кремации подразделяются на два типа.

Тип 1 (рис. 3) — урновые: *вариант 1* — урна без крышки (табл. 1); *вариант 2* — две урны без крышки (табл. 1); *вариант 3* — урна покрыта фрагментами керамики (табл. 1); *вариант 4* — урна перевернута (табл. 1).

Тип 2 (рис. 3) — ямные: *вариант 1* — кальцинированные кости компактно помещены в яму (табл. 1). В погребении 53 содержалось несколько камней; *вариант 2* — кальцинированные кости покрыты фрагментами сосудов (табл. 1).

К **кенотафам** относится погребение 1 (рис. 3).

Хронологические индикаторы

Хронологические индикаторы (ХИ) группируются в два уровня: ХИ первого уровня — типы вещей, существующие относительно короткий промежуток времени и имеющие выход на достаточно твердые фиксированные даты; ХИ второго уровня — типы вещей, не имеющие выхода на такие даты, но могущие получить его в ходе сериации [Шаров, 1992. С. 163].

При нумерации хроноиндикаторов мы руководствовались соображениями о перспективе их увеличения в ходе дальнейших раскопок могильника и при построении хронологических горизонтов для синхронизации с другими черняховскими могильниками региона, поэтому в каждой группе хроноиндикаторов остается «задел» для расширения списка.

Хроноиндикаторами первого уровня являются: ХИ 1—9 — стеклянные сосуды; ХИ 10—19 — фибулы; ХИ 20—29 — пряжки; ХИ 30—39 — костяные гребни; ХИ 40—49 — предметы вооружения.

Хроноиндикаторами второго уровня являются: ХИ 50—59 — бусы; ХИ 60 — янтарные грибовидные подвески; ХИ 61 — подвески из раковин моллюсков; ХИ 62—69 — металлические подвески; ХИ 70—73 — костяные и роговые подвески; ХИ 74 — костяные проколки «стилосы»; ХИ 75 — костяные игольники; ХИ 76 — клюковидные булавки; ХИ 77 — бронзовые иглы; ХИ 78 — заколки для волос — «пинцеты»; ХИ 79 — перстни проволочные; ХИ 80 — браслеты проволочные; ХИ 81 — железные ножи; ХИ 82 — бронзовые скальпели; ХИ 83 — железные шилья; ХИ 84 — бронзовые шилья; ХИ 85 — металлические части деревянных шкатулок и игральные доски; ХИ 86 — ключи от шкатулок; ХИ 87 — стеклян-

ные игральные жетоны; ХИ 88 — железные кресала; ХИ 89 — глиняные пряслица; ХИ 90—95 — лепная керамика; ХИ 96—115 — гончарная (сделанная на быстром круге) керамика.

Хроноиндикаторы первого уровня

Стеклянные сосуды

Тип I (ХИ 01) — толстостенные сосуды зеленоватого стекла с прошлифованными овалами. В погребении 86/2 находился кубок с цилиндрическим корпусом, округлым краем венчика, вогнутым дном, двумя прошлифованными каналами ниже венчика и двумя рядами овальных фасеток. Верхний ряд образуют большие овалы с вертикальной осью, нижний ряд образован малыми овалами с горизонтальной осью (рис. 4: 2; 5). Кубок относится к группам Эггерс 228, 229 [Eggers, 1951. Taf. 16: 228, 229]. В классификации Э. Штрауме подобные сосуды входят в состав особой группы варианта 3 типа I (Variante IB3) [Straume, 1987. Taf. 4: 59, 152]. Аналоги нашему сосуду происходят из находок вне комплексов в Шонен, где нижний ряд — круглые шлифы, но пропорции сосуда ближе к нашему [Straume, 1987. Taf. 4: 59], и Эстфольд, где нижний ряд — овальные шлифы, но сосуд меньше нашего по высоте и имеет более раскрытый профиль [Straume, 1987. Taf. 4: 152; Johansen, Straume, 1982—1983. S. 105, 121]. Подобные кубки происходят из Боррби, где он отнесен к середине IV в. [Rau, 2008. Kat. Nr. 8. S. 226. Abb. 3: 6], Текучь [Rau, 1972. Fig. 19; Rau, 2008. Abb. 6: 12], погребения 1 в Миоркань, датированного серединой IV в. [Rau, 2008. Kat. Nr. 35. S. 230]. По своим пропорциям и двум рядам овальных шлифов наш кубок имеет определенную типологическую связь с кубками типа Варпелев А, которые в свою очередь близки к сосудам типа Сакрау II в классификации Г. Рау [Rau, 1972. S. 167].

К типу I Э. Штрауме [Straume, 1987. Taf. 2, 3] и к типу 230 Х. Эггерса [Eggers, 1951. Taf. 16: 230] относится сосуд, фрагмент стенки которого обнаружен в погребении 32 (рис. 4: 1; 5). В погребении из Ковалка такой стеклянный кубок находился в комплексе вместе с многочастным костяным гребнем с низкой овальной спинкой [Rau, 1972. Fig. 22], относящийся к типу IB16, по Г. Ф. Никитиной [Никитина, 2008. Рис. 16]. Подобный гребень найден в погребении 28 нашего могильника (рис. 15: 1). Большинство подобных сосудов относятся к фазе С3, со второй половины IV в. их вытесняют локальные вариации толстостенных кубков [Gavritukhin, 2011]. Находки подобных сосудов в Скандинавии отнесены к середине — второй половине IV в. [Rau, 2008. Abb. 1: 13—16. Kat. Nr. 11—15, 16, 17, 19, S. 226—227]; кубок из погребения в Богданешты на территории Румынии — ко второй половине IV в. [Rau, 2008. Abb. 3: 10. Kat. Nr. 38].

Тип II (ХИ 02) — тонкостенные кубки из прозрачного бесцветного (погр. 96) (рис. 4: 3) или розового (погр. 101) (рис. 4: 4) стекла (рис. 5) колоколовидной формы с вогнутым дном (Nuppenbecher). Кубки подобной формы, украшенные напаянными каплями

синего стекла, известны в Среднем Подунавье и связаны с фазами D1, D2 [Tejral, 1997. Abb.1: 21; 2: 16, 22, 23; 3: 1, 4, 5; 4: 5, 10]. В погребении Г-3123 Виминация стеклянный кубок подобного типа сочетается с Bügelknorffibel [Спасић-Ђурић, 2008. Р. 404—405. Fig. 2]. Подобные сосуды входят в число ведущих типов ступени А, по Х.В. Бёме (ок. 380—430 гг.), эпохи Великого переселения народов западнее Рейна наряду с гребнями Томас III с ровным четким плечом [Tejral, 1997. S. 325]. Подобные кубки из Виндобоны с напаянными синими каплями стекла рассматриваются как основа для серии сосудов без подобного декора. В Карнунте известны такие сосуды без капель синего стекла, датируемые серединой IV в. Они являются ведущей формой этого времени в Среднем Подунавье и имеют некоторое распространение в северном направлении [Rau, 2008. Abb. 2: 14—15. Kat. Nr. 30. Nr. 31. S. 229]. Эти сосуды получили обозначение «тип Унтерзибенбрунн» [Rau, 2008. Kat. Nr. 33. Abb. 6:9], датированы второй половиной IV в., и представляют собой переходный тип между провинциально-римскими формами и новыми типами эпохи Великого переселения [Rau, 2008, S. 229—230]. Известны они и на Северном Кавказе [Минаева, 1982. Рис. 5: 12; 6: 11].

Тип III (ХИ 03) — тонкостенные остродонные конические кубки прозрачного стекла (погр. 102) (рис. 4: 5; 5). Имеют обозначение «donauländische spitzkonische Bechern» [Rau, 2008. Kat. Nr. 102. Abb. 4:2]. Из могильника Сынтана де Муреш происходит такой кубок, датированный временем около 400 г. [Rau, 2008. Kat. Nr. 42. S. 224]. Конические кубки из прозрачного стекла датированы в рамках IV — начала/первой половины V в. или около 350—400 гг. [Гавритухин, 2000. С. 265]. Е. Л. Гороховским они отнесены к фазе 5 развития черняховских могильников [Гороховский, 1988. С. 45].

Тип IV (ХИ 04) — тонкостенные сферические чаши зеленоватого стекла с отогнутым венчиком, украшенные горизонтальными прошлифованными каналами и напаянными каплями синего стекла (погр. 102) (рис. 4: 6; 5). Подавляющее большинство комплексов Северного Причерноморья, включающих в себя круглодонные чаши с синими напаянными каплями, относятся к V в. или, в отдельных случаях, к концу IV в., в черняховской культуре они маркируют раннюю часть гуннской эпохи [Гавритухин, 2000. С. 271; 2007. С. 13].

Фибулы

Тип I — двучленные прогнутые подвязные фасетированные фибулы с шириной спинки 4—6 мм сделаны из железа, бронзы, серебра. По сечению спинки мы различаем три вида.

Вид 1 (ХИ 10) (рис. 6; 7) — с сечением спинки в виде сегмента. Найдены в погребениях 38 (бронза), 41 (2 из бронзы), 54 (2 из бронзы), 75, 82 (бронза), 86/1 (2 — из серебра), 92, 94 (железо). Соответствуют фибулам серии Б16, Б26, Б36 в классификации Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1988. С. 35] или фибулам группы 16, подгруппы 2, серии 1, варианта 2 или 3 в классификации А. К. Амброза [Амброз, 1966. С. 63—64]. Указанные фибулы относятся к 3, 4, 5 фа-

зам по системе хронологии могильников черняховской культуры украинской лесостепи по Е. Л. Гороховскому [Гороховский, 1988. С. 44—45].

Вид 2 (ХИ 11) (рис. 8: 1—4; 7) — с треугольным (тупоугольным) сечением спинки шириной 3,5—5 мм. Находились в погребениях 41 (1 из серебра малых размеров, эксклюзивная), 68 (бронза), 86/2 (2 из бронзы). Соответствуют фибулам серии Б1а, Б2а в классификации Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1988. С. 35] или фибулам группы 16, подгруппы 2, серии 1, варианта 2 классификации А. К. Амброза [Амброз, 1966. С. 63—64]. Эти фибулы относятся к фазам 3, 4 системы Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1988. С. 44].

Вид 3 (ХИ 12) (рис. 8: 5—8; 7) — с пластинчатой трапецевидной спинкой в сечении шириной 5—6 мм. Обнаружены в погребениях 6 (бронза), 26 (бронза, фрагмент), 111 (2 экз. из бронзы). Соответствуют фибулам серии Б2д, Б3д в классификации Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1988. С. 35] или фибулам группы 16, подгруппы 2, серии 1, варианта 3 [Амброз, 1966. С. 64—65]. Эти фибулы относятся к фазам 4, 5 системы Е. Л. Гороховского [Гороховский, 1988. С. 44—45]. Пара подобных фибул находилась в погребении 59 могильника Могошань с серебряной монетой Юлиана (361—363 гг.) [Diasopu, 1970. S. 28. Abb. 12, 16]. Подобная фибула происходит из погребения 55 могильника «Совхоз 10», где найдена совместно с бронзовой монетой Галерия Максимиана, отчеканенной в Антиохии между 305 и 311 гг. [Айбабин, 1984. Рис. 3:2; Кропоткин, 1966. С. 87].

Тип II (ХИ 13) — фибулы с «мощной» дужкой, ромбической ножкой, сплошным приемником, орнаментированными щитком и ножкой. Выделяются два их вида: 1 — с полукруглым щитком (погр. 101) (рис. 8: 10; 9), которые относятся к типу I, варианту 2 по классификации О. В. Петраускаса — Е. В. Сеницы [Петраускас, Сеница, 2010. С. 248—251]; 2 — без щитка (погр. 96) (рис. 8: 9; 9). Эти фибулы близки блоку вариантов Одобеску — Градижск по И. О. Гавритухину [Гавритухин, 2007. С. 21].

Тип III (ХИ 14) — Bügelknorffibel в погребении 114. Края пружины и штырь на головке украшены кнопками. «Мощная» дужка имеет сечение в виде арки. Треугольная ножка с пластинчатым приемником украшена двумя фасетками по бокам и короткой фасеткой на основании (рис. 8: 11; 9). Изделие соответствует признакам фибул группы 20, подгруппы 1, серии 2, варианта 1 по классификации А. К. Амброза [Амброз, 1966. С. 75—76]. Фибула не находит полной аналогии в какой-либо серии по классификации Э. Майер, в основу которой положена форма головной кнопки [Meuer, 1960]. Кнопка на нашем экземпляре состоит из двух частей: биконического основания (Майер — серия 4, вариант 3) [Meuer, 1960. S. 231] и полусферического завершения с выступом (Майер — серия 3) [Meuer, 1960. S. 230]. Хронология этих фибул детально не разработана. По материалам погребений-ингумаций в Центральной Европе, они охватывают промежуток от первой половины IV до первой половины VI в. и встречены в урновых кремациях IV — начала V в.

[Meyer, 1960. S. 239, 241]. В целом этот тип фибул появляется в римских каstellлах второй половины III в. Особенно он распространен в IV — V вв., меньше известен в VI в [Meyer, 1960. S. 242].

Тип IV (XI 15) — Zwiebelknopffibel, в погребении 20 найден фрагмент ее шарнирного аппарата с луковичевидной кнопкой с поврежденной огнем стеклянной вставкой в «шишечке» на конце пружины (рис. 8: 12; 9). Они существуют с III в., но период их наибольшего распространения приходится на время от тридцатых годов IV в. до начала V в. [Meyer, 1960. S. 242; Pröttel, 1988. S. 359—362]. Отдельные типы фибул этого типа существуют до первой половины V в. [Tejral, 1997. S. 322].

Пряжки

Тип I (XI 20) — бронзовые округлые или овальные, утолщенные спереди рамки («калачи») с обоймами (рис. 10: 12). Встречены в погребениях 64, 58, 96 (2 экземпляра), 86/2, 101 (2 экземпляра), 41, 95. Задние части язычков пряжек из погребений 64 и 95 оформлены как «колбы», ниже которых размещены крючки для соединения с рамкой (рис. 10: 1, 9). Обойма пряжки из погребения 41 выполнена как «коробочка» (рис. 10: 8). В задней части язычка этой пряжки есть прямоугольная площадка. На лицевой стороне обоймы с бортиками у пряжки из погребения 86/2 прикреплен расклепанный серебряный денарий (рис. 10: 2). Рамку одной пряжки из погребения 96 покрывают многочисленные грани (рис. 10: 7). Язычок пряжки из погребения 58 профилирован и напоминает «зооморфные» язычки (рис. 10: 4). Такие пряжки относятся к серии Г по классификации Е.Л. Гороховского [Гороховский, 1988. С. 42]. По его хронологической системе они появляются на фазе 3, преобладают на фазе 4 [Гороховский, 1988. С. 44].

Тип II (XI 21) — округлые или не сильно вытянутые овальные пряжки с железной рамкой (рис. 11: 1—6; 12) (погребения 98, 60, 92, 69, 64, 93). В задней части язычка пряжки из погребения 92 есть прямоугольная площадка (рис. 11: 3). Обойма пряжки из погребения 64 выполнена из бронзы (рис. 11: 5). Такие пряжки относятся к серии Е по классификации Е.Л. Гороховского [Гороховский, 1988. С. 42].

Тип III (XI 22) — бронзовые пряжки «с изломом формы при переходе от передка рамки к участку крепления ремня» (рис. 11: 7; 12) (погр. 84), т. е. относящиеся к серии Б, по Е.Л. Гороховскому [Гороховский, 1988. С. 42]. Они встречены на 3 фазе по его хронологической системе [Гороховский, 1988. С. 44].

Тип IV (XI 23) — овальные пряжки из цветных металлов, небольших размеров, с прямоугольными площадками на язычке (рис. 11: 8-10; 12) (погр. 80, 112 — бронза; 102 — серебро). Относятся к серии В по классификации Е.Л. Гороховского [Гороховский, 1988. С. 42], бытовали на фазах 3, 4, 5 [Гороховский, 1988. С. 44— 45].

Тип V (XI 24) — вытянутые овальные железные пряжки (рис. 11: 11, 12; 12) (погребения 70, 93). Относятся к серии Д по классификации Е.Л. Гороховского [Гороховский, 1988. С. 42], характерны лишь для фазы 5 [Гороховский, 1988. С. 45].

Коррозированные части железных фибул и пряжек находились в погребениях 12, 13, 23 (рис. 33).

Костяные гребни

Тип I — многочастные костяные гребни с округлой спинкой без плечиков. Включает в себя два вида. **Вид 1 (XI 30)** (рис. 15: 1; 21) — с низкой спинкой (погребение 28). Они соответствуют гребням IB16 в классификации Г.Ф. Никитиной [Никитина, 2008. Рис. 16]. В системе Е.Л. Гороховского такие гребни появляются на фазе 3 и существуют на фазе 4 [Гороховский, 1988. С. 44]. **Вид 2 (XI 31)** (рис. 15: 2—4; 21) — с высокой спинкой (погребения 52, 68, 70). Они соответствуют гребням IB4a и IB1a в классификации Г.Ф. Никитиной [Никитина, 2008. Рис. 16]. В системе Е.Л. Гороховского такие гребни появляются на фазе 1, представлены несколькими находками на фазе 2, есть на фазе 3 [Гороховский, 1988. С. 42— 44].

Тип II (XI 32) — многочастные костяные гребни с плоским верхним краем спинки, с прогнутыми боками спинки, плавно переходящими в плечики (рис. 16: 1; 21) (погребение 55). Они соответствуют гребням IIB2 в классификации Г.Ф. Никитиной [Никитина, 2008. рис. 16]. В системе Е.Л. Гороховского такие гребни единично присутствуют на фазах 1, 2 [Гороховский, 1988. С. 42— 43].

Тип III — многочастные костяные гребни с округлой спинкой и с плечиками. Включает в себя три вида. **Вид 1 (XI 33)** (рис. 17: 1, 3, 4; 21) — с низкой спинкой, прямыми (или слегка изогнутыми) плечиками. Обнаружены в погребениях 32, 41. Они соответствуют гребням IIIB16 в классификации Г.Ф. Никитиной [Никитина, 2008. Рис. 16]. В системе Е.Л. Гороховского такие гребни характерны для фазы 4 [Гороховский, 1988. С. 44]. **Вид 2 (XI 34)** (рис. 18: 1; 21) — с высокой спинкой и прямыми плечиками. Такой гребень обнаружен в погребении 51. Они соответствуют гребням IIIB1a в классификации Г.Ф. Никитиной [Никитина, 2008. рис. 16]. По хронологии Е.Л. Гороховского подобные гребни характерны лишь для фазы 5 [Гороховский, 1988. С. 45]. **Вид 3 (XI 35)** (рис. 19; 21) — с вогнутыми и поднятыми плечиками. Найлены в погребениях 54, 101. Они соответствуют гребням IIIB2a в классификации Г.Ф. Никитиной [Никитина, 2008. Рис. 16]. По хронологии Е.Л. Гороховского подобные гребни характерны для фазы 4 [Гороховский, 1988. С. 44]. **Вид 4 (XI 36)** (рис. 17: 5) — с короткими покатыми плечиками. Такой гребень происходит из погребения 23.

В погребениях 49, 48, 86/2, 99, 112 обнаружены фрагменты гребней, которые могут быть уверенно отнесены к типу III (рис. 17: 2; 18: 2, 3; 20; 21). Их отнесение к какому-либо виду этого типа затруднено ввиду отсутствия или фрагментарности важных для классификации деталей.

Тип IV (XI 37) — одночастные гребни. Экземпляр обнаружен в погребении 96 (рис. 16: 2; 21). Имеет округлую спинку, малые скошенные плечики. Вид соответствует многочастным гребням типа III, по З. Томас [Thomas, 1960. S. 104—114] и Г.Ф. Никитиной [Никитина, 2008. Рис. 16]. Миниатюр-

ный гребень подобной формы и конструкции, использовавшийся в качестве подвески, происходит из погребения 5 могильника Сумы-Сад [Некрасова, 1985. Рис. 4: 6].

Ко времени не ранее середины IV в. относится появление крайних зубцов, часто направленных в стороны (тип III, вариант 4), большого количества гвоздиков/заклепок, которые скрепляют верхнюю часть корпуса гребня, однослойных гребней [Шишкин, 2002].

Шпоры (XI 40)

Пара шпор из погребения 114 (рис. 13: 1, 2; 14) относится к группе Nietsporen M. Яна [Jahn, 1921. S. 82—83. Abb. 87, 88]. Дуга шпор выполнена из железа, ее концы являются пластинками, в которые вставлены заклепки для крепления ремней. На середине дуги закреплен бронзовый фигурный шип. Подобные шпоры выделены Е. Гинальским в подгруппу «Н» и датированы финалом позднеримского времени и эпохой Великого переселения народов [Ginalski, 1991. S. 70—71. Рус. 17, 19].

Наконечник стрелы (XI 41)

Железный трехлопастный черешковый наконечник происходит из погребения 22 (рис. 13: 3; 14). Такие изделия присутствуют, в частности, в эталонных для начала гуннского времени комплексах Боспора [Засецкая, 1979. Рис. 4: 15, 16; 6].

Хроноиндикаторы второго уровня

Бусы

В погребениях могильника найдены бусы различных типов из стекла (монохромные и полихромные), пасты, камня (сердолик, халцедон), коралла, янтаря, мела, ракушечника. Они подразделены нами на девять типов.

Тип I (XI 50) — стеклянные монохромные бусы (рис. 22; табл. 2). Тип состоит из четырех видов: вид 1, подгруппа II по [Гопкало, 2008. С. 17] — округлые малые синего, черного, бирюзового стекла; вид 2, подгруппа XVII, тип 10—12 по [Гопкало, 2008. С. 40—41] — 12- или 14-гранные синего стекла; вид 3, подгруппа XIII, вид 3 по [Гопкало, 2008. С. 32] — пронизи синего цвета; вид 4, подгруппа XVII по [Гопкало, 2008. С. 39] — в виде граненых трубочек.

Тип II (XI 51) — стеклянные полихромные бусы (рис. 23; табл. 2)

Тип III (XI 52) — бусы из глухого стекла (рис. 23; табл. 2). Тип состоит из двух видов: вид 1, подгруппа II по [Гопкало, 2008. С. 17] — монохромные; вид 2 — с «глазками».

Тип IV (XI 53) — сердоликовые 10-, 12- и 14-гранные бусы (рис. 24; табл. 2), С 1 по [Гопкало, 2008. С. 74].

Тип V (XI 54) — халцедоновые бочонковидные бусы больших размеров (рис. 24; табл. 2).

Тип VI (XI 55) — коралловые бусы (рис. 24; табл. 2).

Тип VII (XI 56) — янтарные бусы (рис. 25; табл. 2). Тип состоит из двух видов: вид 1 — крупные колесовидные; вид 2 — малых размеров округлые.

Тип VIII (XI 57) — бусы из мела (рис. 25; табл. 2);

Тип IX (XI 58) — бусы из ракушечника (рис. 25; табл. 2).

Янтарные грибовидные подвески (XI 60). В погребении 42 обнаружено 4 экземпляра (рис. 26).

Подвески из раковин моллюсков (XI 61). В погребениях 41, 111 встречено по одной подвеске из раковин *Surea* и *Murex*. В погребении 68 в составе амулета находилась верхняя часть раковины *Surea*. В погребении 112 — одна подвеска из раковины *Murex* (рис. 27: 11—15; 28).

Металлические подвески-емкости

Тип I (XI 62) — железные с гладким корпусом без выступающего дна, с припаянными с внутренней стороны концами дужки (рис. 27: 1—3; 26). Найдены в погребениях 26 (2 экземпляра), 42 (1 экземпляр). Соответствуют типу А в классификации И. Байльке-Фойгт [Beilke-Voigt, 1998. Abb. 58] и типу II/2 в классификации О. В. Гопкало [Гопкало, 2008. С. 63—65].

Тип II (XI 62) — железные или из цветных металлов, с ребрами на корпусе, без выступающего дна, с припаянными с внутренней стороны концами дужки (рис. 27: 4—8; 26). Найдены в погребениях 50 (2 экземпляра), 96 (3 экземпляра). Относятся к типу Н в классификации И. Байльке-Фойгт [Beilke-Voigt, 1998. Abb. 58] и типам II/2, II/3 в классификации О. В. Гопкало [Гопкало, 2008. С. 63—65].

Тип III (XI 63) — железные в виде полый трехгранной призмы, с гладким корпусом, без выступающего дна, с припаянными с внутренней стороны концами дужки. Такая подвеска находилась в погребении 42 (рис. 27: 9; 26).

Подвеска в виде свернутой в трубку бронзовой пластины, покрытой серебряной фольгой (XI 64). Встречена в погребении 41 (рис. 27: 10; 26).

Костяные пирамидальные подвески (XI 70). Орнаментированы циркулярными окружностями на боковых плоскостях (рис. 29; 30). Находились в погребениях 10 (2 экз.), 52 (4 экз.), 67 (1 экз.).

Подвески из основания оленьего рога (XI 71). Встречены в погребениях 52 (фрагмент) и 111 (рис. 31: 13, 14; 30).

Подвески в виде клыка кабана (XI 72). Встречены в погребениях 68, 86/1 (рис. 31: 11; 30).

Костяные проколки с двумя острыми концами («стилос») (XI 74). Такое изделие встречено в погребении 86/1 (рис. 31: 12; 30).

Костяные игольники (XI 75). Обнаружены в погребениях 100, 111 (фрагмент), 112 (рис. 31: 9, 10; 30).

Наборный амулет из костей животных (в том числе клык с отверстием), бронзового кольца. Находился в погребении 68.

Клюковидные булавки (XI 76). Встречены по одному экземпляру в погребениях 13, 42, 86/2 (рис. 31: 3, 4; 14).

Бронзовые иглы с ушком (XI 77). Находились в погребениях 96, 101 (Рис. 31: 7, 8; 32).

Заколки для волос — «пинцеты» (XI 78) (рис. 31: 1, 2; 33). Происходят из погребений 107 (целый экземпляр) и 112 (фрагмент).

Бронзовые проволочные перстни (ХИ 79). Экземпляр с двумя бусинами происходит из погребения 46 (рис. 31:6; 32).

Железные ножи (ХИ 81). Находились в погребениях 13, 48, 58, 64, 65, 71, 87, 96 (рис. 34).

Бронзовый скальпель (ХИ 82). Находился в погребении 69 (рис. 32; [Любичев, 2009. Рис. 5:1, 7]).

Железные шилья (ХИ 83). Находились в погребениях 96, 101 (рис. 34).

Бронзовые шилья (ХИ 84). Согнутое шило с расширением в средней части содержалось в погребении 38 (рис. 31:5; 34).

Металлические части деревянных шкатулок (ХИ 85). Встречены в погребениях 28, 55, 96, 113 (рис. 14).

Металлические части деревянных игральные доски (также отнесены к ХИ 85) обнаружены в погребении 69 (часть ручки; рис. 32).

Стеклянные жетоны (ХИ 87) (рис. 32). В погребении 69 встречен набор таких жетонов [Любичев, 2009. Рис. 6, 7].

Пряслица (ХИ 89) (рис. 35; 36). В некоторых погребениях могильника содержалось по одному (погребения 32, 41, 54, 58, 81, 86/2, 102, 107) или по два (погребения 1, 13, 42, 52, 86/1, 110) глиняных пряслица биусеченной формы с острым или заглаженным ребром. Некоторые пряслица орнаментированы: а) плоскими овалами по ребру (погр. 13; рис. 35: 4); б) штрихами по ребру (погр. 42; рис. 36: 7); в) вся поверхность покрыта площадками (погр. 52); г) между основаниями пролегают прямые линии (погр. 107); рис. 35: 12).

Керамика

Лепная керамика подразделяется на два типа (табл. 3).

Тип I (ХИ 90) — горшки. Состоит из двух видов: вид 1 — округлобокие с отогнутым венчиком («сарматоидные»). Найдены в 3 погребениях (рис. 38: 6; 43); вид 2 — округлобокие с вертикальным венчиком. Такой горшок в качестве урны находился в погребении 4 (рис. 38:7; 43).

Фрагменты лепных сосудов происходят из погребений 92, 93, 114.

Тип II — кубки. Такой эксклюзивный сосуд находился в погребении 42 (рис. 38: 8; 43).

Гончарная керамика подразделяется на восемь типов (табл. 3).

Тип I (ХИ 96) — горшки (рис. 37; 38: 1), представлены в 52 погребениях.

Тип II (ХИ 97) — горшки-вазы (рис. 37; 38:2), в погребении 32 (1).

Тип III — вазы (Terrinen) нескольких видов: вид 1 (**ХИ 98**) — без ручек, в 12 погребениях (рис. 39:1; 40); вид 2 (**ХИ 99**) — со «лжеушками», представлены в 3 погребениях (рис. 39: 2; 40); вид 3 (**ХИ 100**) — трехручные, содержались в 8 погребениях (рис. 39: 3; 40).

Тип IV — миски (Schalen) трех видов: вид 1 (**ХИ 101**) — закрытого типа, в 36 погребениях (рис. 38:3; 41); вид 2 (**ХИ 102**) — открытого типа, в 32 погребениях (рис. 38: 4; 41); вид 3 (**ХИ 103**) — конические, в 2 погребениях (рис. 38: 5; 41).

Тип V — кувшины трех видов: вид 1 (**ХИ 104**) — без ручек, в 3 погребениях (1) (рис. 39: 7; 42); вид 2 (**ХИ 105**) — одноручные, в 9 погребениях (рис. 39: 7; 42); вид 3 (**ХИ 106**) — двуручные, в 5 погребениях (рис. 39: 9; 42).

Тип VI (ХИ 107) — кружки, в 2 погребениях (рис. 39: 4; 42).

Тип VII (ХИ 108) — кубки сферические, в 9 погребениях (рис. 39: 5; 42).

Тип VIII (ХИ 109) — краснолаковая посуда. Фрагмент миски встречен в погребении 48 (рис. 39:6; 42).

Результаты сериации и планиграфического анализа

В таблицу сериации включены комплексы, в которых количество ХИ первого и второго уровней равно или больше двух. По горизонтальной оси расположены номера погребений с маркерами: трупололожение/трупосожжение, мужское/женское. Последний маркер «выведен» не по данным антропологии, а пока лишь по наличию четких признаков женского погребения: большого количества бус, присутствия 1—2 пряслиц. По вертикальной оси дан перечень ХИ из комплексов, включенных в таблицу (рис. 44).

Для первичной сериации была проведена группировка погребений по ХИ первого уровня (в данной работе ее результаты не представлены, поскольку являются промежуточными). Для вторичной сериации были использованы ХИ второго уровня, группировка которых внесла изменения в порядок расположения погребений в таблице (рис. 44).

По итогам сериации выделяется две группы погребений.

К первой группе относятся погребения 52, 110 (кремации), 32, 42, 55, 68, 92, 94, 111 (ингумации в простой яме), 54, 86/1, 112 (ингумации в подбое) (рис. 44). Для этой группы характерны: ХИ 12 — подвязные фибулы типа I вида 3 (Гороховский Б2д, Б3д), ХИ 31 — костяные гребни типа I вида 2 (Никитина IB4a и IB1a), ХИ 32 — костяные гребни типа II (Никитина IIB2); ХИ 34 — костяные гребни типа III вида 2 (Никитина IIIB1a), ХИ 35 — костяные гребни типа III вида 3 (Никитина IIIB2a).

Второй группе принадлежат погребения 20, 22, 114 (кремации), 23, 58, 64, 70, 93, 96, 101 (ингумации в простой яме), 41, 86/2, 102 (ингумации в подбое) (рис. 44). Для этой группы характерны следующие индикаторы первого уровня: ХИ 02, ХИ 04 — тонкостенные сферические (типы II, IV) и ХИ 03 — конические (тип III) стеклянные сосуды, ХИ 13 — щитковые фибулы с ромбической ножкой (тип II), ХИ 14 — Bügelknopffibel (тип III), ХИ 15 — Zwiebelknopffibel (тип IV), ХИ 20 — пряжки типов I (Гороховский Г), ХИ 24 — пряжки типа V (Гороховский Д), ХИ 36 — гребни типа III вида 4, ХИ 37 — односторонние костяные гребни типа IV, ХИ 102 — миска открытого типа, ХИ 40 — шпоры, ХИ 41 — железные наконечники стрел.

Как для первой, так и для второй групп общими ХИ первого уровня являются: толстостенные стеклянные кубки типа I (ХИ 01), подвязные фибулы типа I вида 1 (ХИ 10) (Гороховский Б1б, Б2б, Б3б),

типа II вида 2 (ХИ 11) (Гороховский Б1а, Б2а), пряжки типов II (ХИ 21) (Гороховский Е), IV (ХИ 23) (Гороховский В), костяные гребни типа III вида 1 (ХИ 33) (Никитина IIIВ16), подвески из раковин моллюсков *Surgrea* и *Murex*.

Хронологические исследования свидетельствуют о том, что погребение 86 не содержит два костяка в яме с подбоем, речь идет о двух отдельных одновременных погребениях 86/1 и 86/2. Поскольку погребение 102 отнесено ко второй фазе, то к этому же времени (но не ранее) стоит отнести детскую ингумацию 99, так как она частично перекрывает погребение 102.

Планиграфия могильника показывает, что некоторые ХИ были распространены по всей его площади, не имея зон концентрации. К ним относятся фибулы типа I вида 1 (ХИ 10) (рис. 7), гребни типа III вида 1 (ХИ 33) (рис. 21), бусы типа I вида 1 (ХИ 50) (рис. 22), типа IV (ХИ 53), типа VI (ХИ 55) (рис. 24), ножи (ХИ 81) (рис. 34), пряслица (ХИ 89) (рис. 36), все типы гончарной керамики. Отмечается концентрация пряжек типа I (ХИ 20) в северо-западной зоне, типа II (ХИ 21) — в северной зоне раскопанной части могильника (рис. 12). Стеклопосуды типа II (ХИ 02) и фибулы типа II (ХИ 13) находились лишь в северо-западной зоне могильника, в погребениях 96 и 101. Прослеживается также концентрация бус типа III вида 1 (ХИ 52) в северной части могильника (рис. 23).

Размещение погребений первой и второй фаз в раскопанной части могильника таково, что нет возможности выделить на могильнике участки с погребениями только одной фазы (рис. 45). Большое количество погребений фазы 2 наблюдается в северо-западной части могильника (рис. 45).

Датировка отдельных хроноиндикаторов первого уровня представлена нами выше, при их характеристике. По набору ХИ первую группу можно соотносить с четвертой (Масловской) фазой хро-

нологии черняховских могильников лесостепной Украины по Е. Л. Гороховскому, а вторую группу — с пятой (Журавской) фазой этой же системы [Гороховский, 1988. С. 44—45]. Первую и вторую группы могильника Войтенки можно соотносить соответственно и с периодами 4 и 5 черняховской культуры в системе О. А. Гей — И. А. Бажана [Гей, Бажан, 1997. С. 43—45. Табл. 69, 70]. ХИ первого уровня первой группы могильника Войтенки находят параллели с хроноиндикаторами ступени С3/D1 [Tejral, 1986. S. 185—187, 196—198; 1992. S. 235—238], а первого уровня второй группы — с хроноиндикаторами ступени D1 Я. Тейрала [Tejral, 1986. S. 196—198; 1997. S. 323—324, 331—334. Abb. 1: 18—21; 2: 16, 19—23; 3: 1, 5; 9]. В погребении 86/1 содержалась миска закрытого типа с овальными фасетками на тулове. Изучение подобных сосудов в составе закрытых комплексов черняховских могильников в различных частях ареала культуры свидетельствует, что они являются хронологическими индикаторами конца IV — начала V в., что соответствует началу фазы 5 в системе Е. Л. Гороховского или ступени С3/D1 в системе Я. Тейрала [Schultze, Strocen, 2008. S. 303]. Следовательно, группы 1 и 2 являются хронологическими фазами 1 и 2 могильника Войтенки.

Материалы погребений фазы 2 могильника, соотносимой со ступенью D1, не подтверждают тезис о наличии стеклянной посуды гуннского времени в регионе только лишь на поселениях [Гавритухин, 2007. С. 24]. Присутствие тонкостенных стеклянных сосудов гуннского времени не подтверждает положения о некоей оторванности групп черняховского населения днепро-донецкой лесостепи от остальных в данное время [Гавритухин, 2007. С. 24]. Наличие этих стеклянных сосудов свидетельствует в пользу «дунайских» связей восточных групп носителей черняховской культуры в условиях «гуннского нашествия» и распада черняховской общности.

Литература

- Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1. Симферополь, 1990.
- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. Сер. САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.
- Варачёва К. Г. Глиняные кубки черняховской культуры из археологического комплекса Войтенки I // ВХНУ. № 908: сер. Історія. Вип. 42. Харків, 2010.
- Гавритухин И. О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.
- Гавритухин И. О. Днепровское лесостепное Левобережье. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007.
- Гей О. А. Черняховская культура. История изучения // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. Сер. Археология СССР. М., 1993.
- Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. К., 2008.
- Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V МКАС. Т. 4. К., 1988.
- Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. № 158. М., 1979.
- Кропоткин В. В. Новые находки римских монет на территории СССР // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 6. 1966.
- Любичев М. В. Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследования археологического комплекса Войтенки) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008.

- Любичев М. В. Погребение с римским импортом на могильнике черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина) // *Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов*. Харьков, 2009.
- Минаева Т. М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // *Древности эпохи Великого переселения народов*. М., 1982.
- Некрасова Г. М. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми // *Археологія*. № 50. 1985.
- Никитина Г. Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М., 2008.
- Петраускас О. В., Синица Е. В. Фибулы «щиткового типа» черняховской культуры // *Germania-Sarmatia*. II. Калининград, 2010.
- Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н.э. Кишинев, 1986.
- Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // *Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени*. СПб., 1992.
- Шишкин Р. Г. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // *Сучасні проблеми археології*. К., 2002.
- Шульце Э., Любичев М. Керамика из могильника и поселения Войтенки 1: сравнительный анализ // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула, 2010*.
- Цукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены // *Данчены. Могильник черняховской культуры*. Кишинев, 1986.
- Beilke-Voigt I. Frühgeschichtliche Miniaturobjekte mit Amulettcharakter zwischen Britischen Inseln und Schwarzem Meer. Bonn, 1998.
- Спасић-Ђурић D. Прилог проучавању позлађених крстообразних фибула из Виминицијума // *Journal of the Serbian Archaeological Society*. 24. 2008.
- Diaconu G. Mogoşani. Necropola din secolul IV e.n. Tîrgovişte, 1970.
- Eggers H. J. Der römische Import im Freien Germanien. Hamburg, 1951.
- Gavritukhin I. Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Skandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Period // *Inter ambo maria. Contacts between Skandinavia and the Crimea in the Roman Period* / Khrapunov I., Stylegar F.-F. (eds.). Kristinsand; Simfiropol, 2011.
- Ginalski E. Ostrogi kabłąkowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // *Przegląd Archeologiczny*. Vol. 38. 1991.
- Jahn M. Der Reitersporn. Seine Entstehung und früheste Entwicklung // *Mannus-Bibliothek*. No 21. 1921.
- Johansen E., Straume E. Rådalsglasset — glemt og gjenfunnet // *MindreAlv. Årbok for Fredrikstad Museum* 1982—1983.
- Meyer E. Die Bügelknopffibel // *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*. Bd. 8. Leipzig, 1960.
- Petrauskas O. V. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavriloška — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturelle Besonderheiten // *BRGK*. Bd. 84. 2003.
- Pröttel P. M. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // *Jahrbuch des Römischen-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Bd. 35/1. 1988.
- Rau G. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. Bd. 3. 1972.
- Rau G. Spätantike Facettschliffgläser in Nord- und Osteuropa // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. Bd. 40. 2008.
- Schultze E., Strocen B. Keramik mit ovalen Facetten. Eine Untersuchung zur Chronologie der Černjachov-Kultur // *Eurasia Antiqua*. Bd. 14. 2008.
- Straume E. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo, 1987.
- Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // *Archaeologia Baltica*. Tom VII. 1986.
- Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków, 1992.
- Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno, 1997.
- Tomas S. Studien zu den Germanischen Kämmen der Römischen Kaiserzeit // *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*. Bd. 8. Leipzig, 1960.
- Vornic V. Așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Budești. Chișinău, 2006.

Рис. 1. Положение археологического комплекса Войтенки 1 (отмечен звездочкой) в ареале черняховской культуры.
Карта по: Гей, 1993

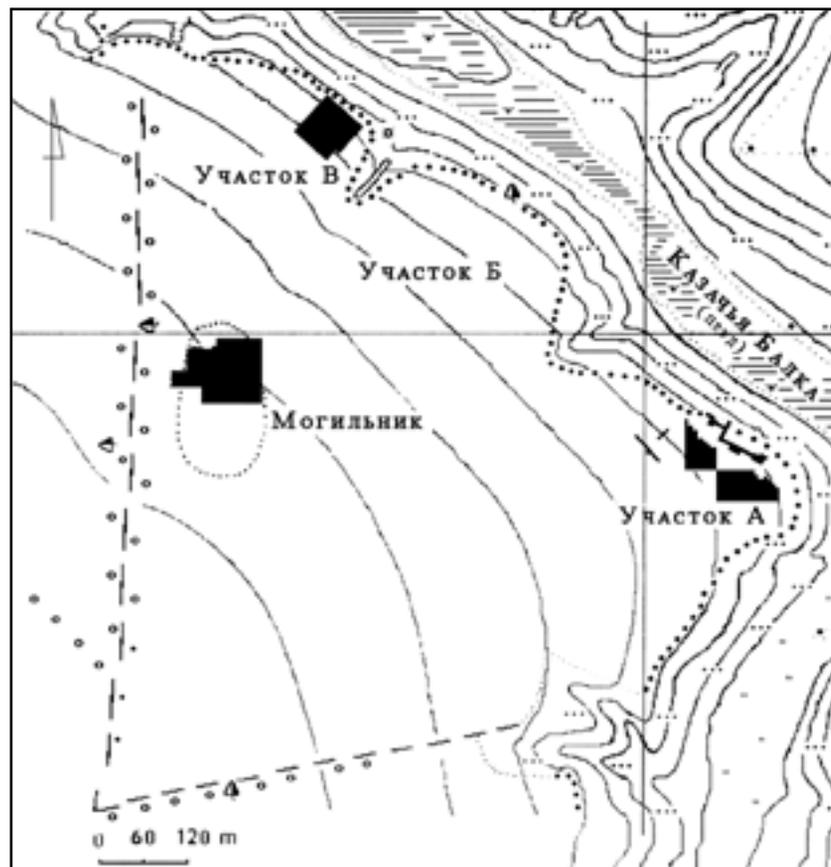

Рис. 2. План археологического комплекса Войтенки 1

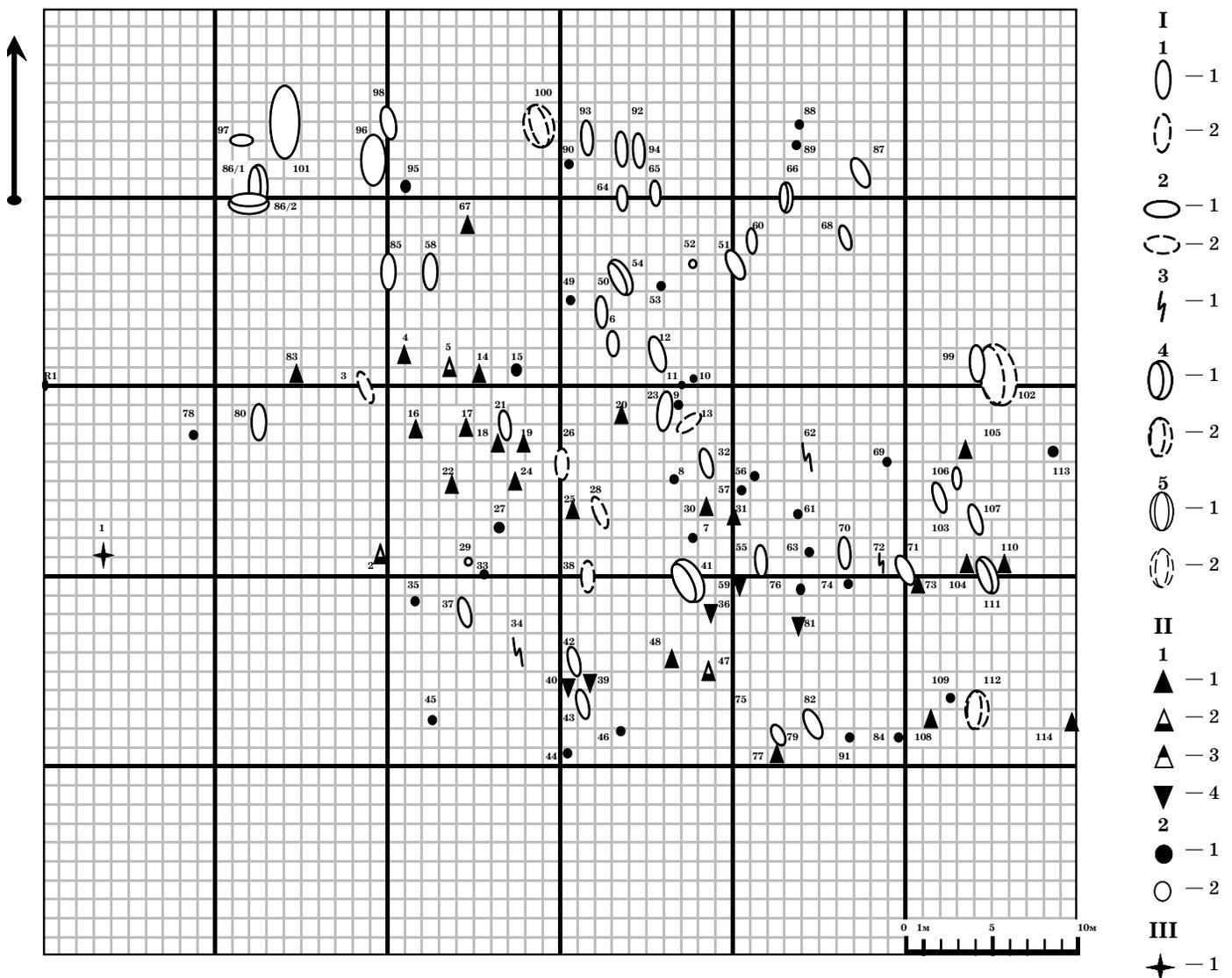

Рис. 3. Типы погребений на могильнике Войтенки.

Ингумации: / 1 1 — в вытянутом положении, ориентированы по оси С—Ю, в простой прямоугольной яме: вариант 1 — не разрушено; / 1 2 — в вытянутом положении, ориентированы по оси С—Ю, в простой прямоугольной яме: вариант 2 — со следами разрушений; / 2 1 — в вытянутом положении, ориентированы по оси З—В, в простой прямоугольной яме: вариант 1 — не разрушено; / 2 2 — в вытянутом положении, ориентированы по оси З—В, в простой прямоугольной яме: вариант 2 — со следами разрушений; / 3 1 — в скорченном положении, ориентированы по оси С—Ю, яма находится в слое чернозема и ее контуры не читаются; / 4 1 — в вытянутом положении, ориентированы по оси С—Ю, в ямах с подбоем: вариант 1 — не разрушено; / 4 2 — в вытянутом положении, ориентированы по оси С—Ю, в ямах с подбоем: вариант 2 — со следами разрушений; / 5 1 — в яме с заплечиками: вариант 1 — не разрушено; / 5 2 — в яме с заплечиками: вариант 2 — со следами разрушений.

Кремации урновые: // 1 1 — вариант 1 — урна без крышки; // 1 2 — вариант 2 — две урны без крышки; // 1 3 — вариант 3 — урна покрыта фрагментами керамики; // 1 4 — вариант 4 — урна перевернута.

Кремации безурновые: // 2 1 — вариант 1 — кальцинированные кости компактно помещены в яму; // 2 2 — вариант 2 — кальцинированные кости покрыты фрагментами сосудов; III 1 — кенотаф

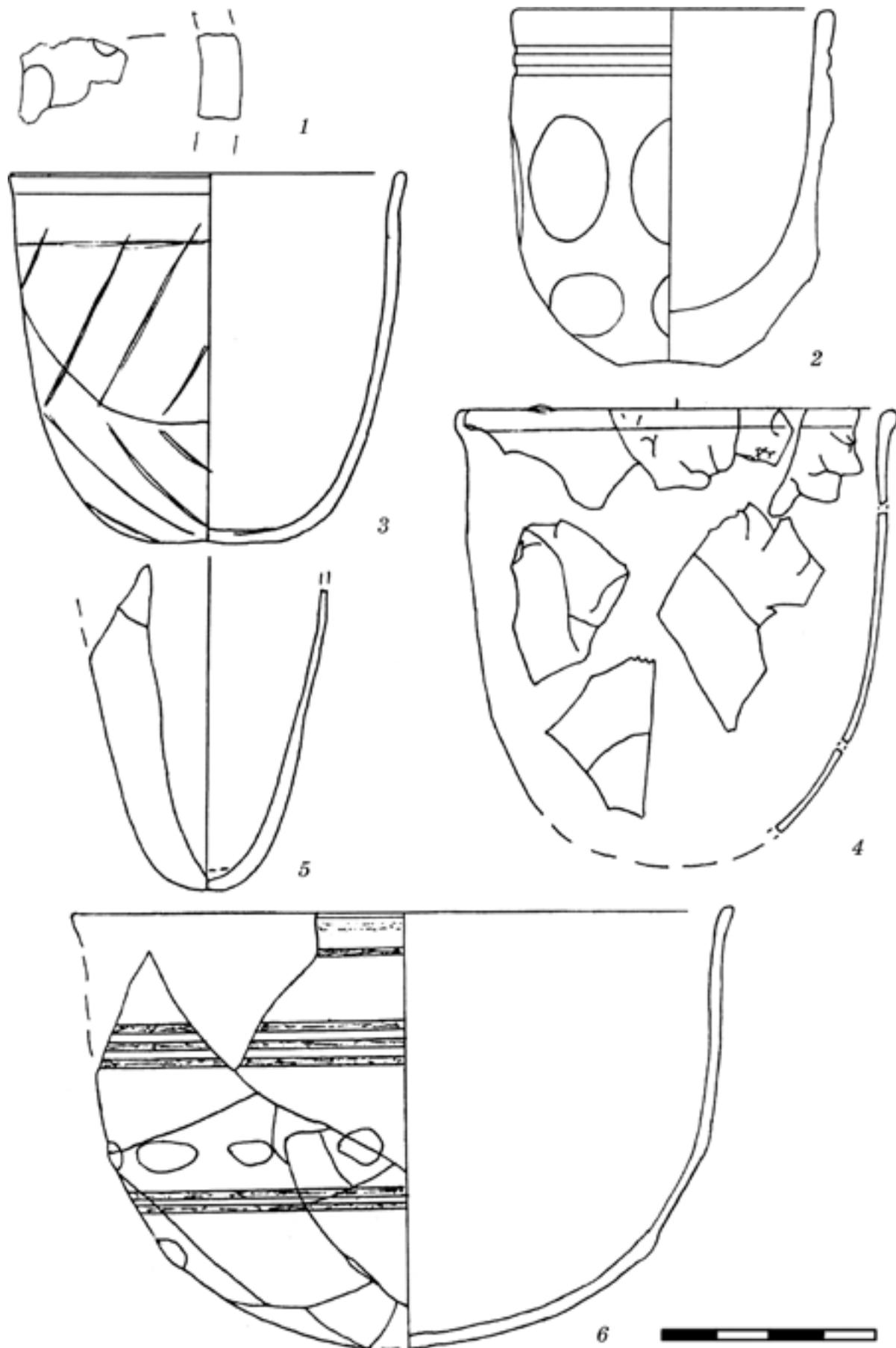
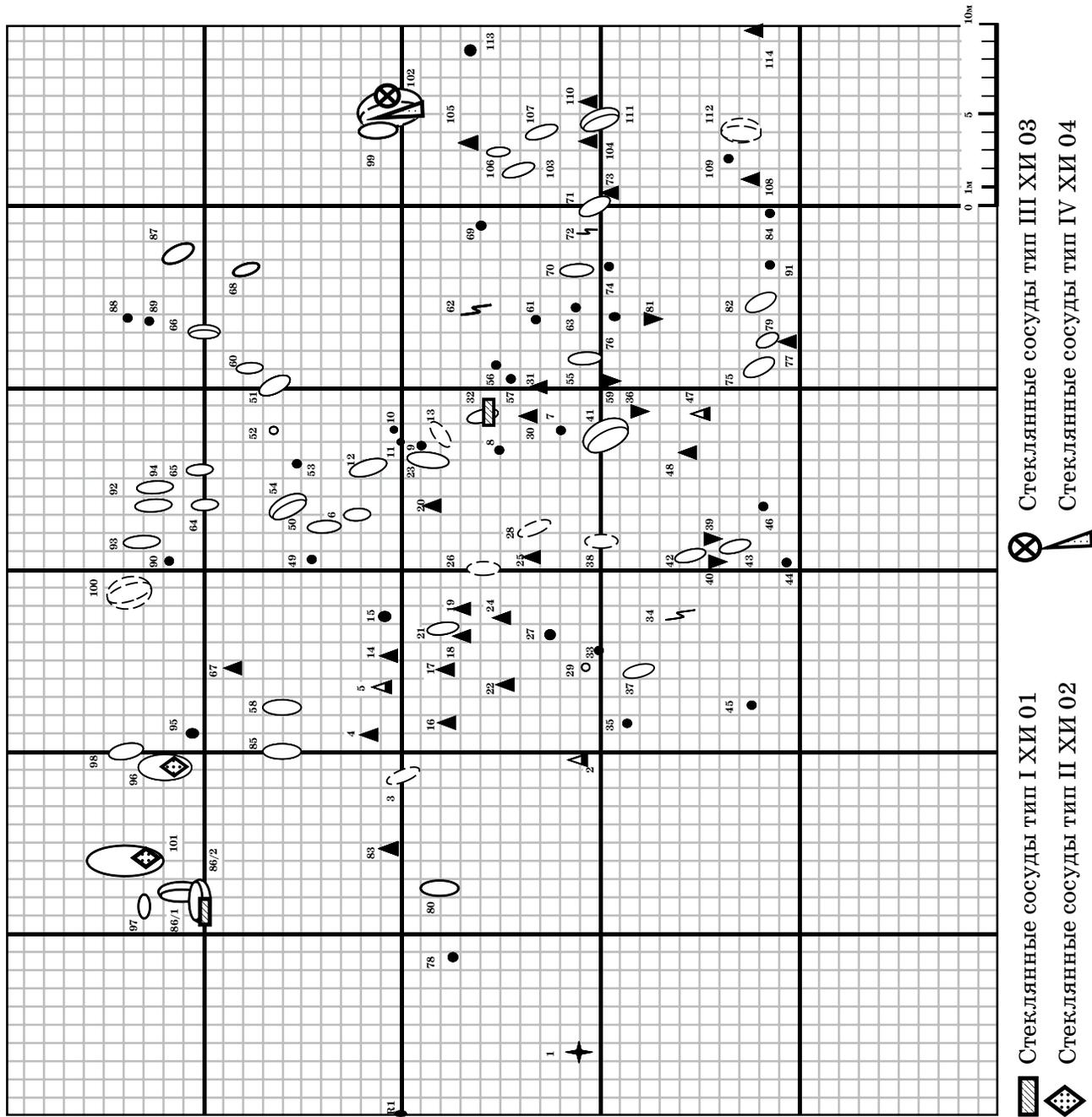

Рис. 4. Стекланные сосуды из могильника Войтенки.

1, 2 — XI 1, тип I (1 — погр. 32; 2 — погр. 86/2); 3, 4 — XI 2, тип II (3 — погр. 96; 4 — погр. 101); 5 — XI 3, тип III (5 — погр. 102); 6 — XI 4, тип IV (6 — погр. 102)

- I 1 1 — 1
- 1 — 2
- 2 1 — 1
- 2 — 2
- 3 1 — 1
- 4 1 — 1
- 4 — 2
- 5 1 — 1
- 5 — 2
- II 1 1 — 1
- 1 — 2
- 1 — 3
- 1 — 4
- 2 1 — 1
- 2 — 2
- III 1 — 1

- ☒ Стекланные сосуды тип I XII 01
- ☒ Стекланные сосуды тип II XII 02
- ⊗ Стекланные сосуды тип III XII 03
- ⚠ Стекланные сосуды тип IV XII 04

Рис. 5. Положение стекланных сосудов типов I—IV на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

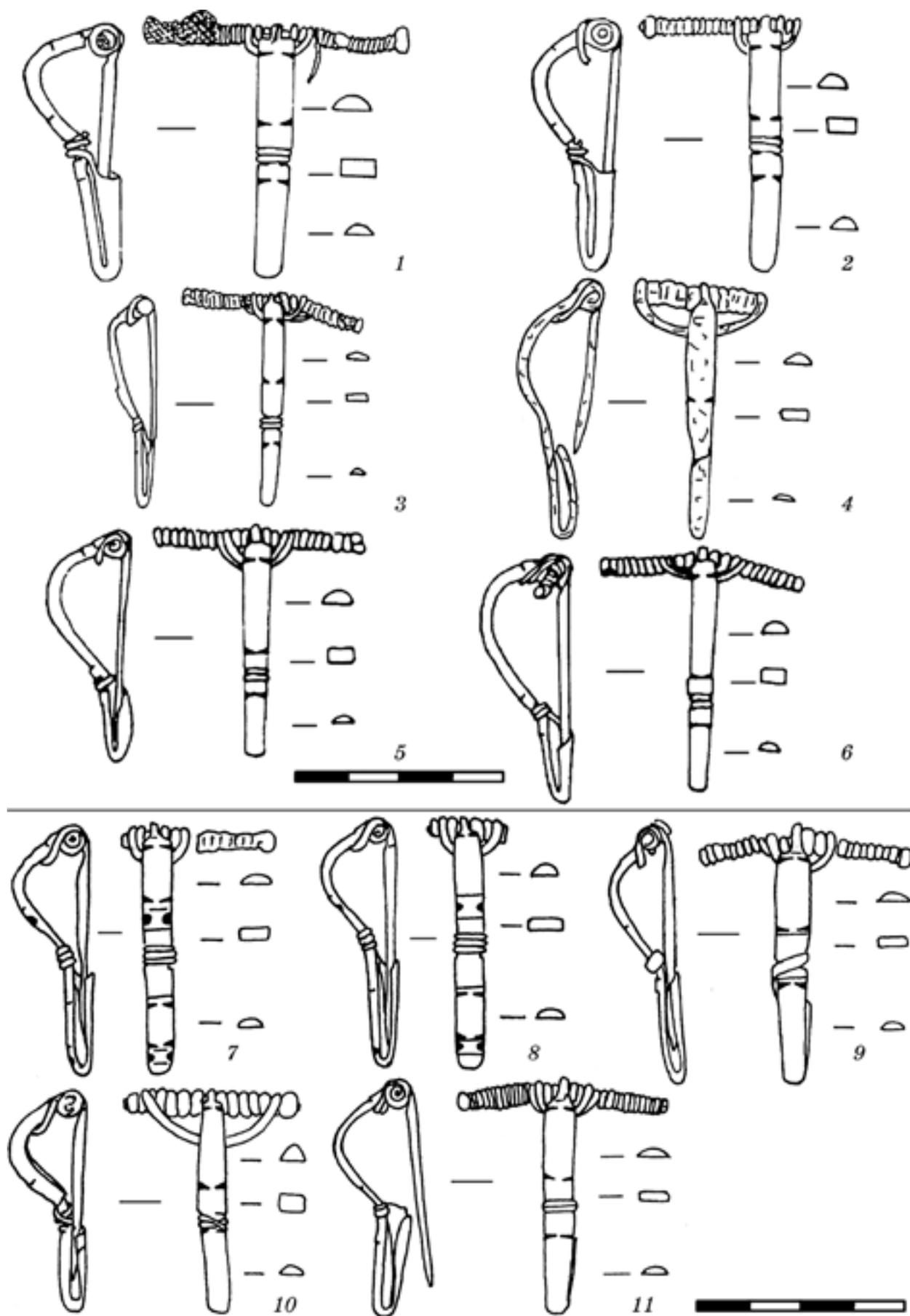

Рис. 6. Фибулы типа I, вида 1 (XII 10) из могильника Войтенки.

1, 2 — погр. 41; 3 — погр. 38; 4 — погр. 94; 5, 6 — погр. 54; 7, 8 — погр. 86/1; 9 — погр. 82; 10 — погр. 75; 11 — погр. 93

- I 1 1 — 1
- 1 0 — 2
- 2 0 — 1
- 2 0 — 2
- 3 1 — 1
- 4 0 — 1
- 5 0 — 2
- 5 0 — 1
- 5 0 — 2
- II 1 1 — 1
- 1 1 — 1
- 1 1 — 2
- 1 1 — 3
- 2 1 — 4
- 2 1 — 1
- 2 1 — 2
- III 1 1 — 1

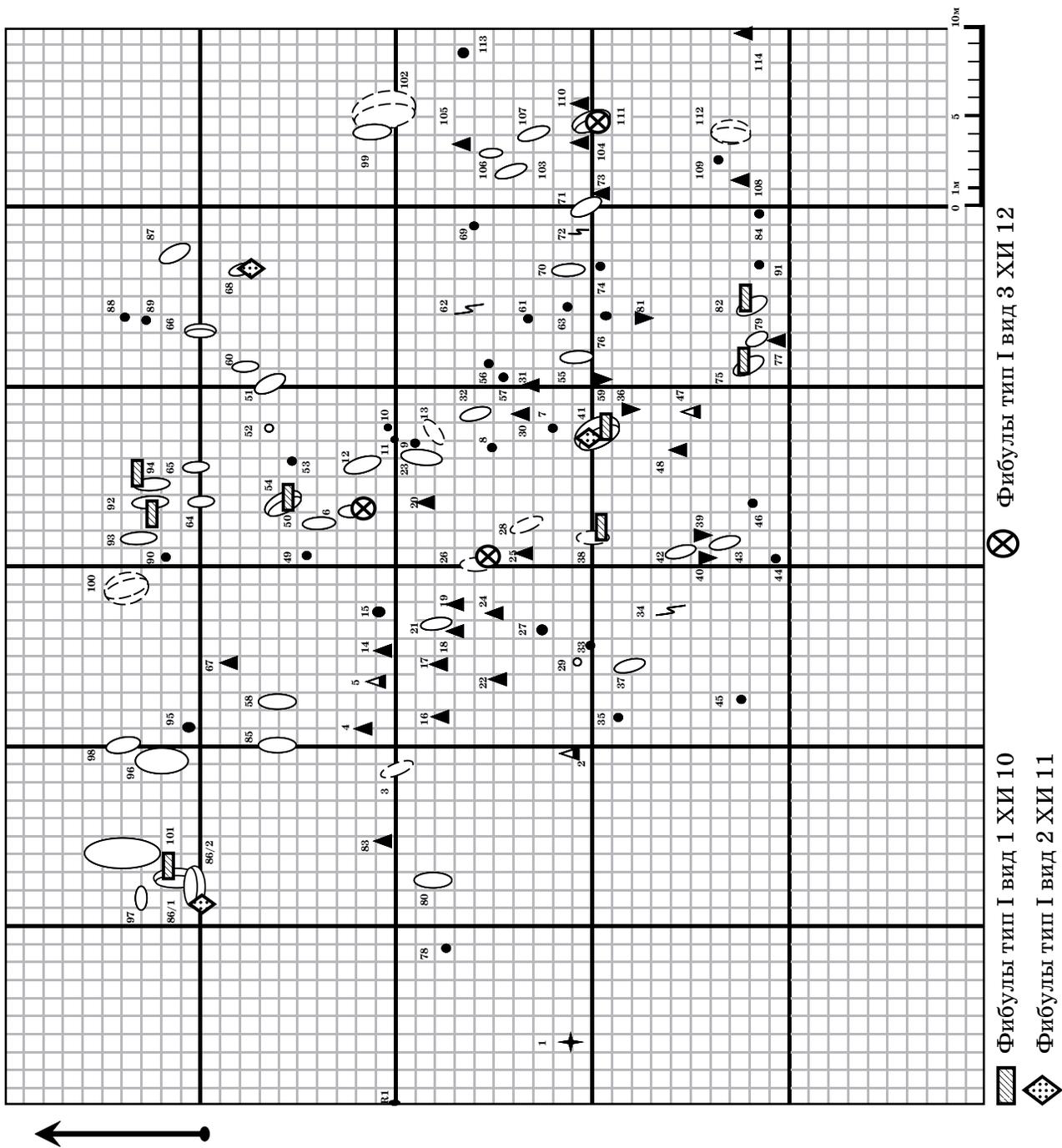

Рис. 7. Положение фибул типа I на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

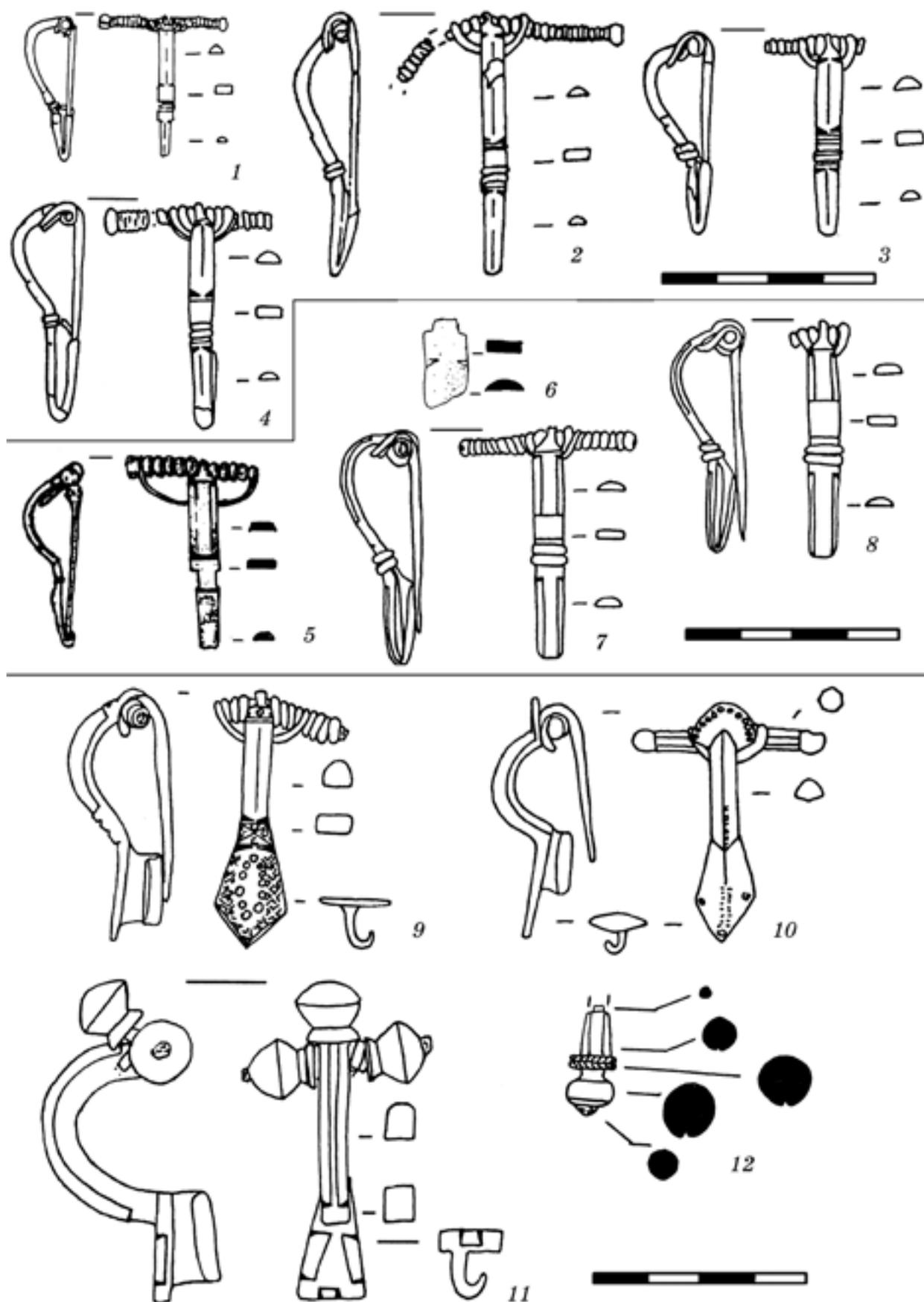

Рис. 8. Фибулы из могильника Войтенки.

1-4 — XI 11, тип I, вид 2 (1 — погр. 41; 2 — погр. 68; 3, 4 — погр. 86/2); 5-8 — XI 12, тип I, вид 3 (5 — погр. 6; 6 — погр. 26; 7, 8 — погр. 111); 9, 10 — XI 13, тип II (9 — погр. 96; 10 — погр. 101); 11 — XI 14 тип III (погр. 114); 12 — XI 15 тип IV (погр. 20)

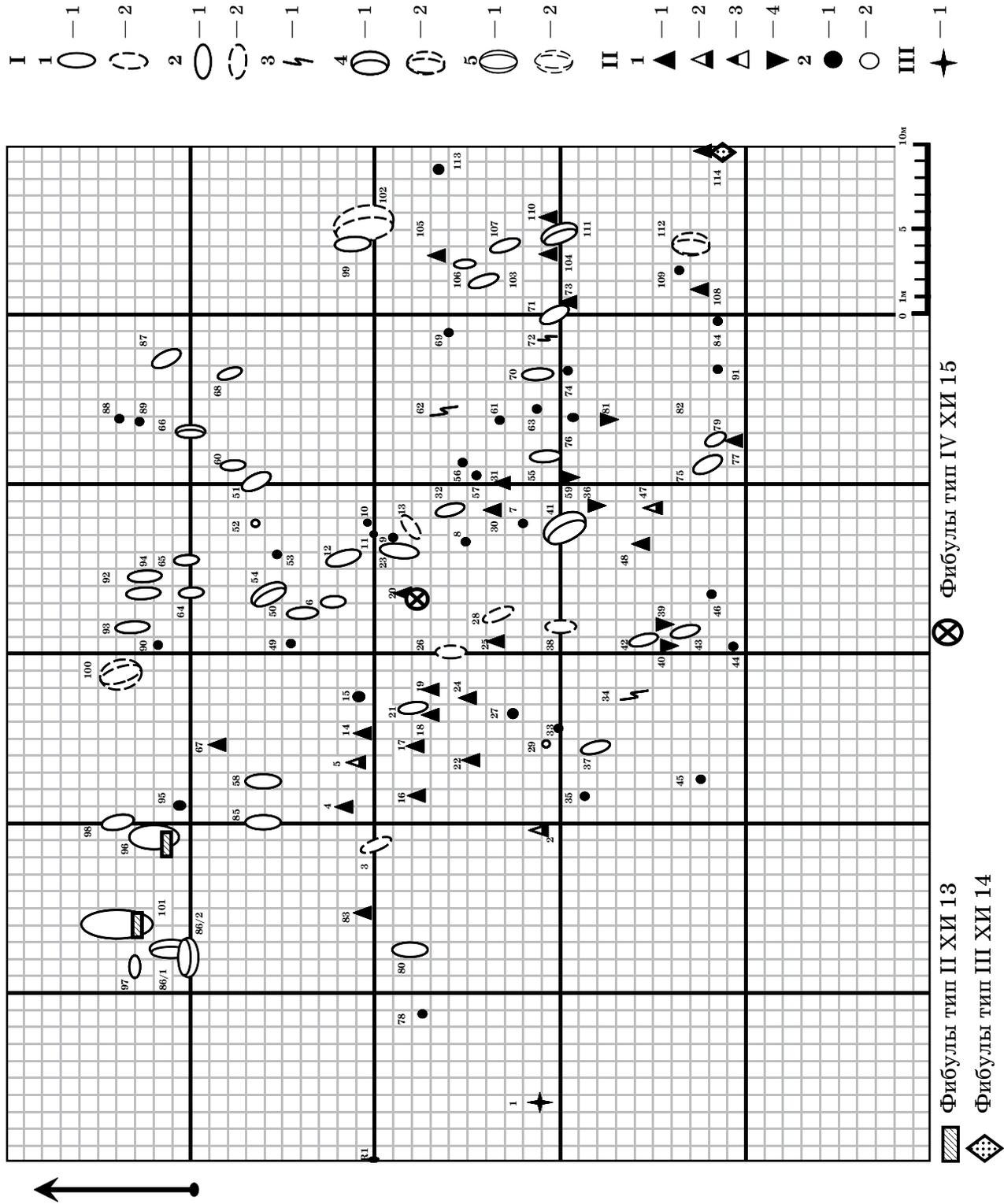

Рис. 9. Положение фибул типов II—IV на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

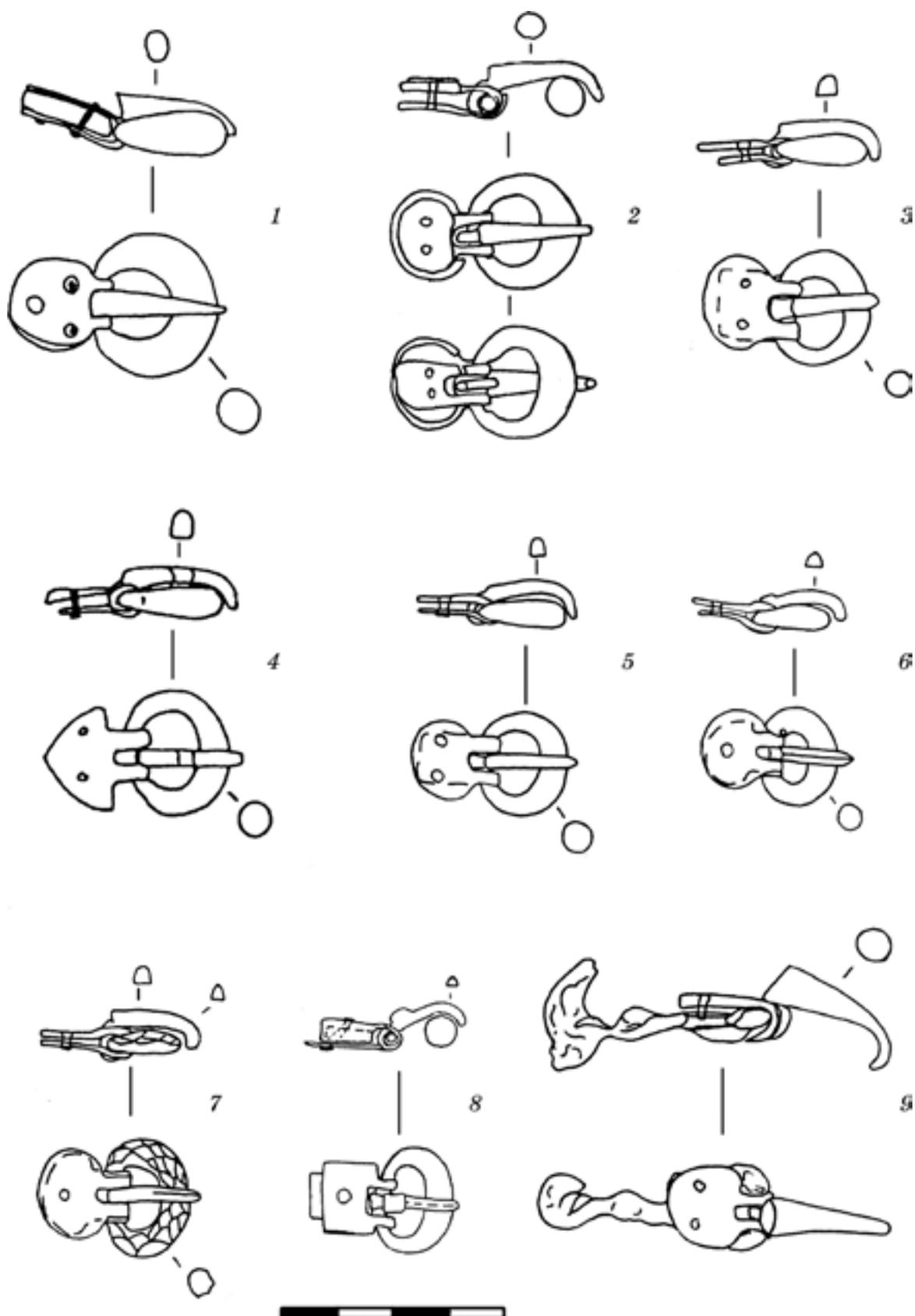

Рис. 10. Пряжки типа I (XI 20) из могильника Войтенки.

1 — погр. 64; 2 — погр. 86/2; 3, 7 — погр. 96; 4 — погр. 58; 5 — погр. 101; 6 — погр. 101; 8 — погр. 41; 9 — погр. 95

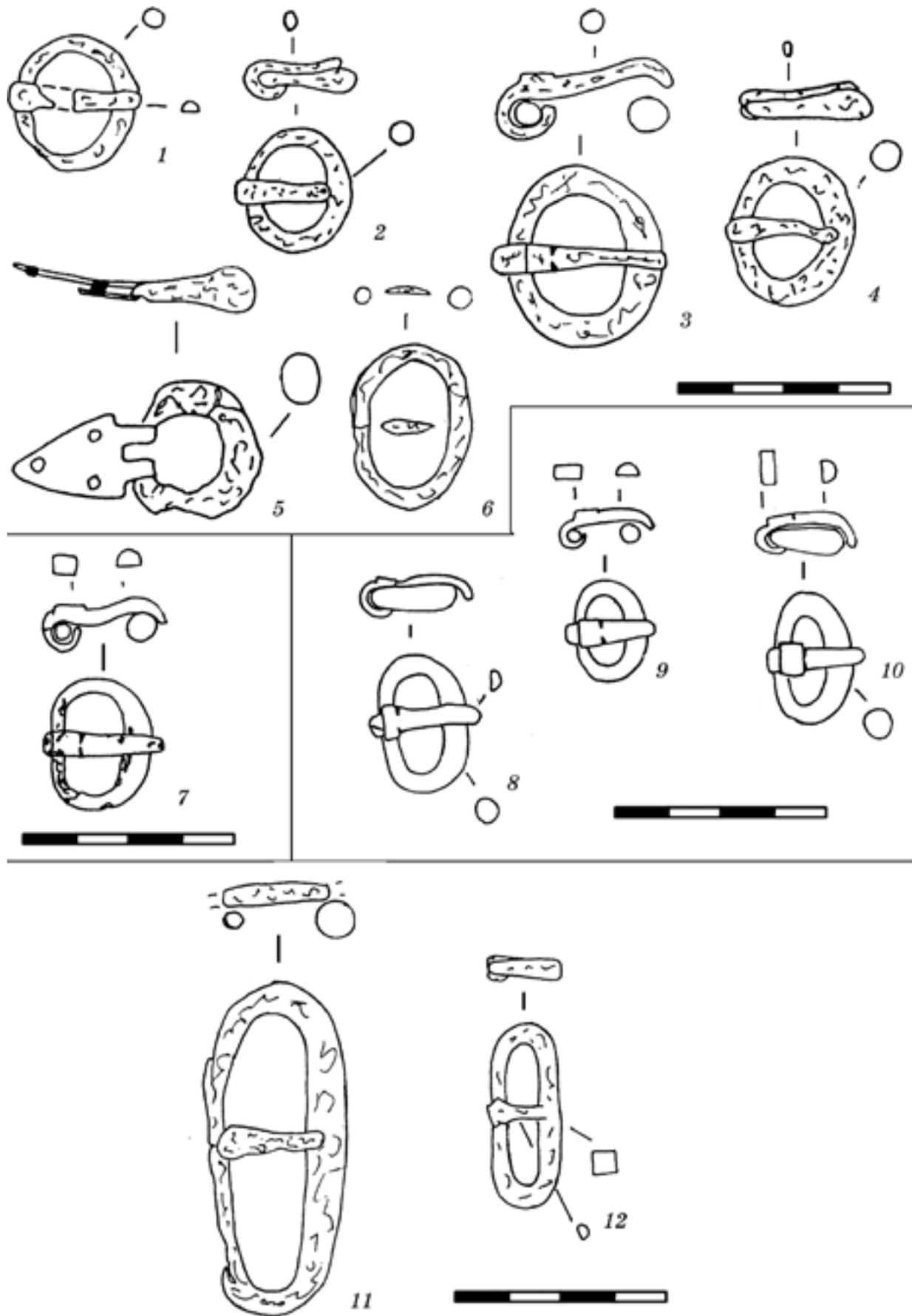

Рис. 11. Пряжки из могильника Войтенки.

1–6 — ХИ 21, тип II (1 — погр. 98; 2 — погр. 60; 3 — погр. 92; 4 — погр. 69; 5 — погр. 64; 6 — погр. 93); 7 — ХИ 22, тип III (погр. 87); 8–10 — ХИ 23, тип IV (8 — погр. 112; 9 — погр. 80; 10 — погр. 102); 11, 12 — ХИ 24, тип V (11 — погр. 93; 12 — погр. 70)

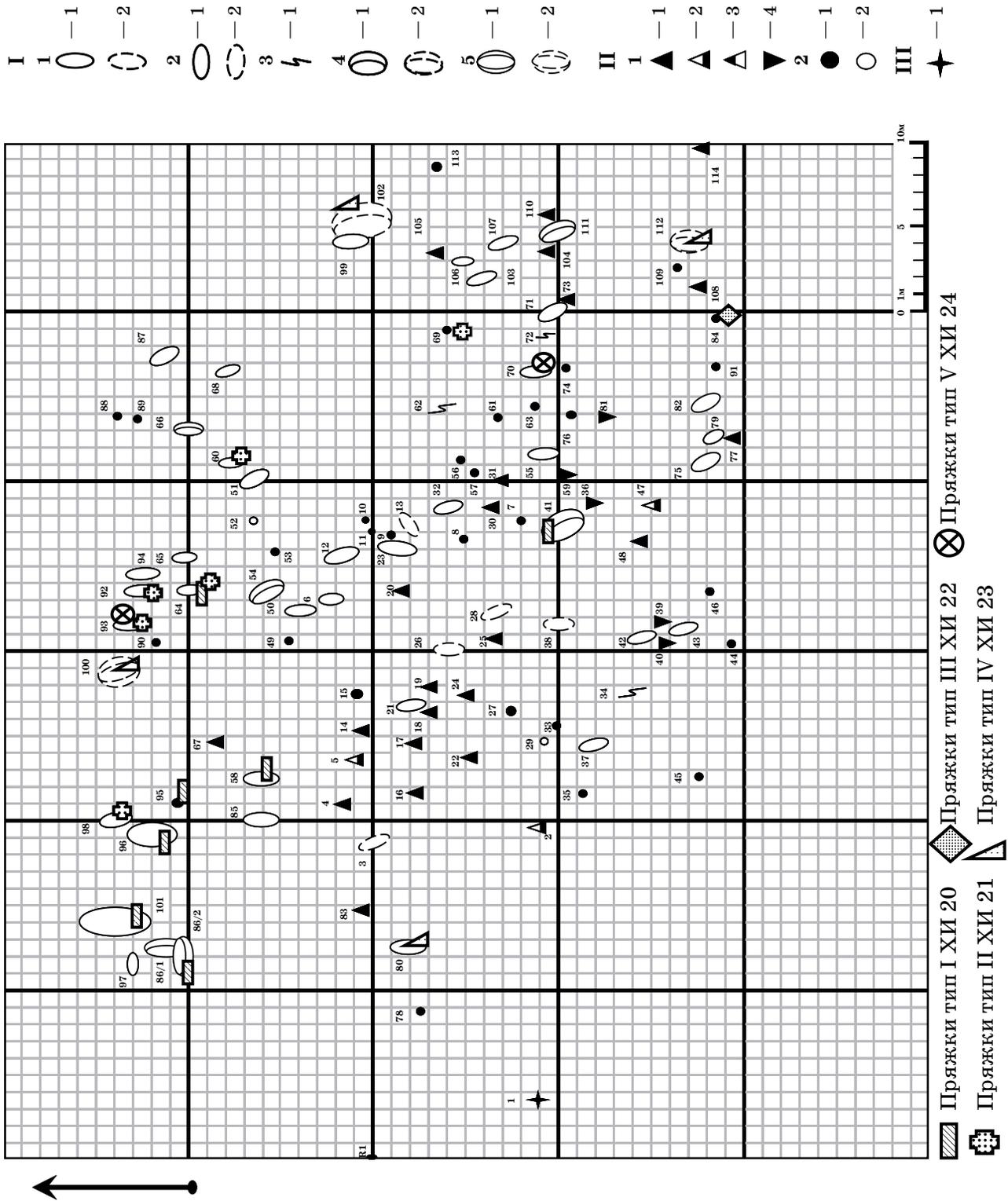

Рис. 12. Положение пряжек типов I-V на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

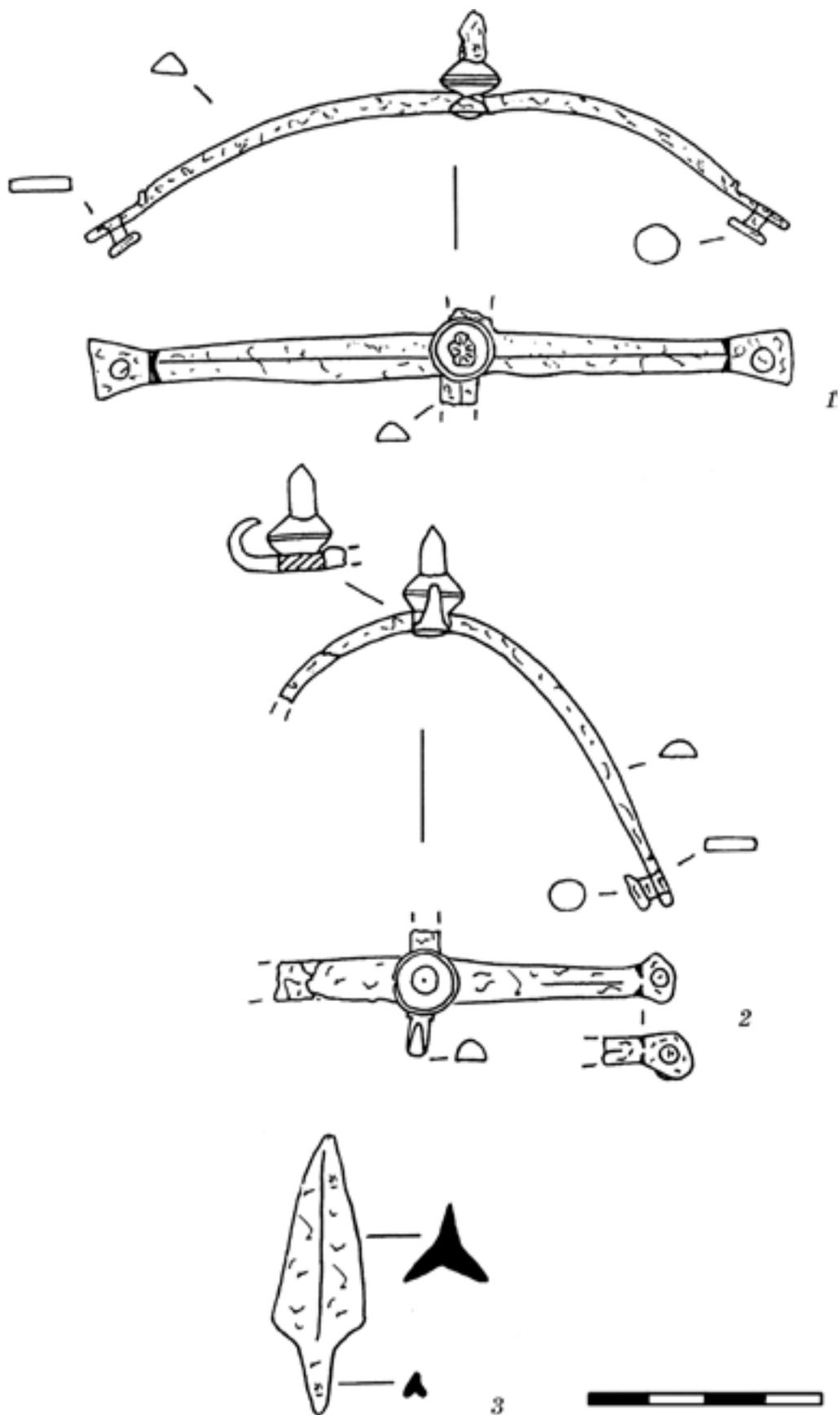

Рис. 13. Оружие и снаряжение всадника из могильника Войтенки.

1, 2 — шпоры, XII 40 (погр. 114); 3 — железный наконечник стрелы, XII 41 (погр. 22)

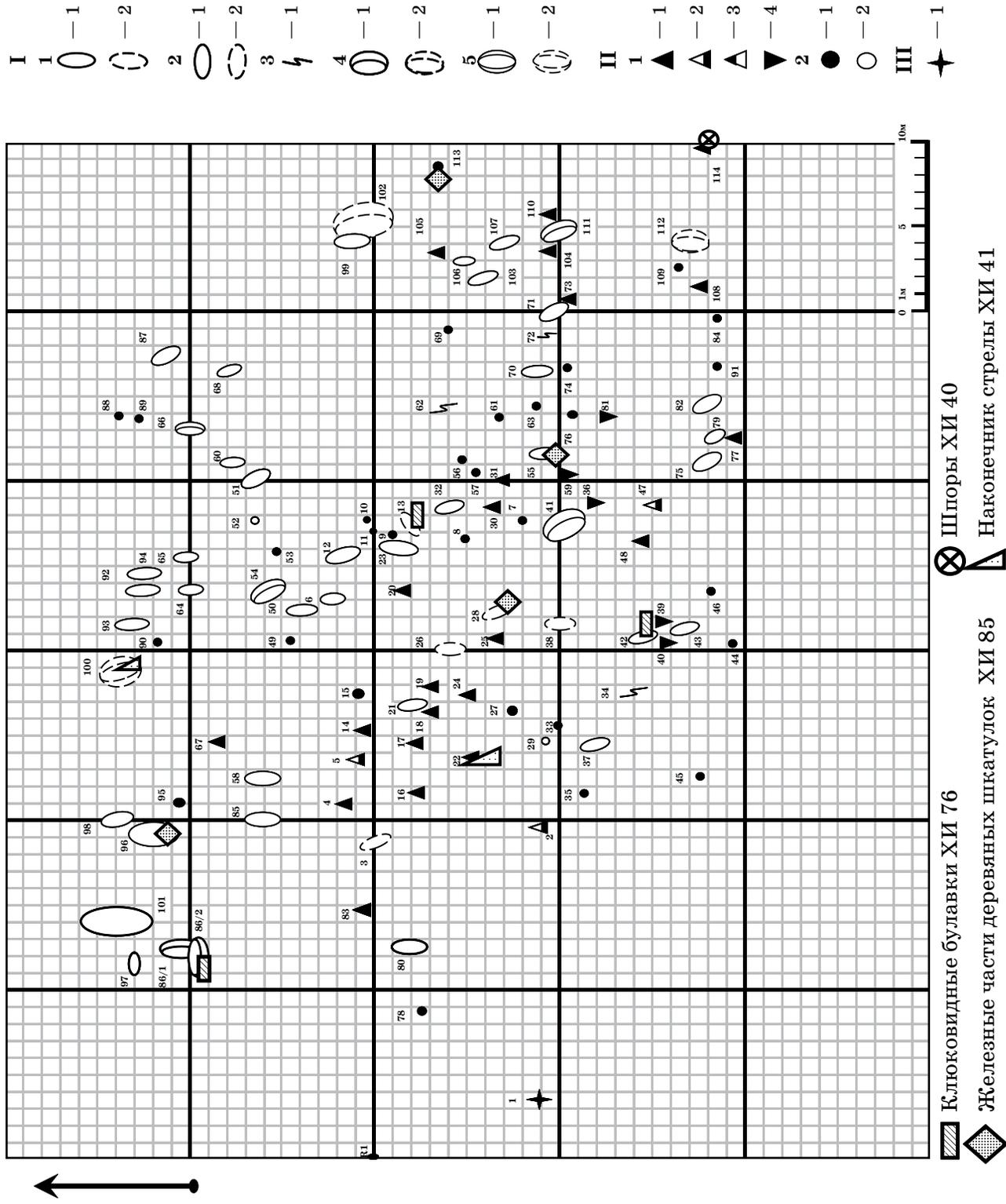

Рис. 14. Положение клюковидных булавок, железных частей деревянных shaftулок, шпор, наконечника стрелы на плане могильника Войтенки.

Типы погребений см. на рис. 3

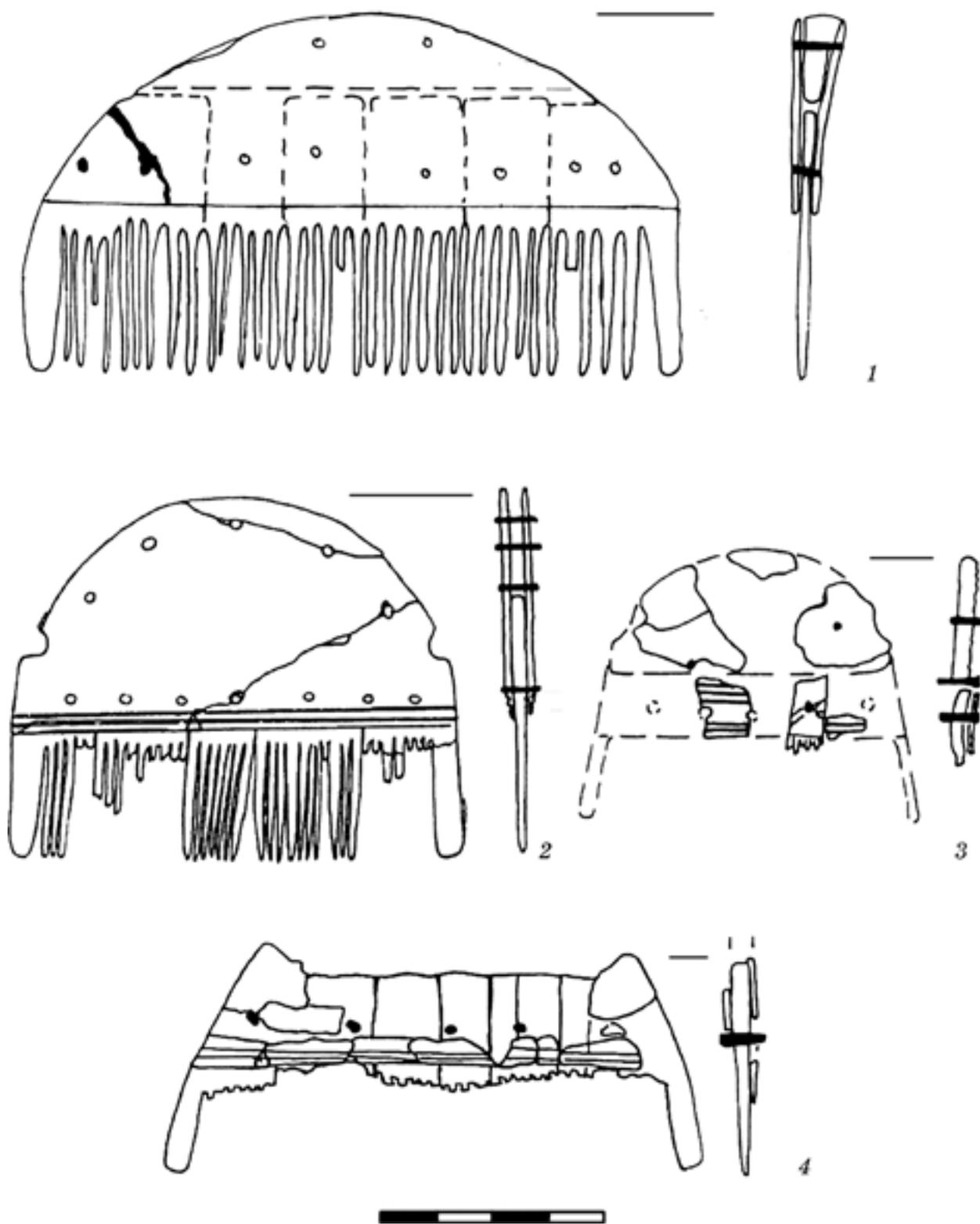

Рис. 15. Костяные гребни из могильника Войтенки.

1, 2 — ХИ 30, — тип I вид 1 (погр. 28); 1—3 — ХИ 31, тип I вид 2 (2 — погр. 68; 3 — погр. 52; 4 — погр. 70)

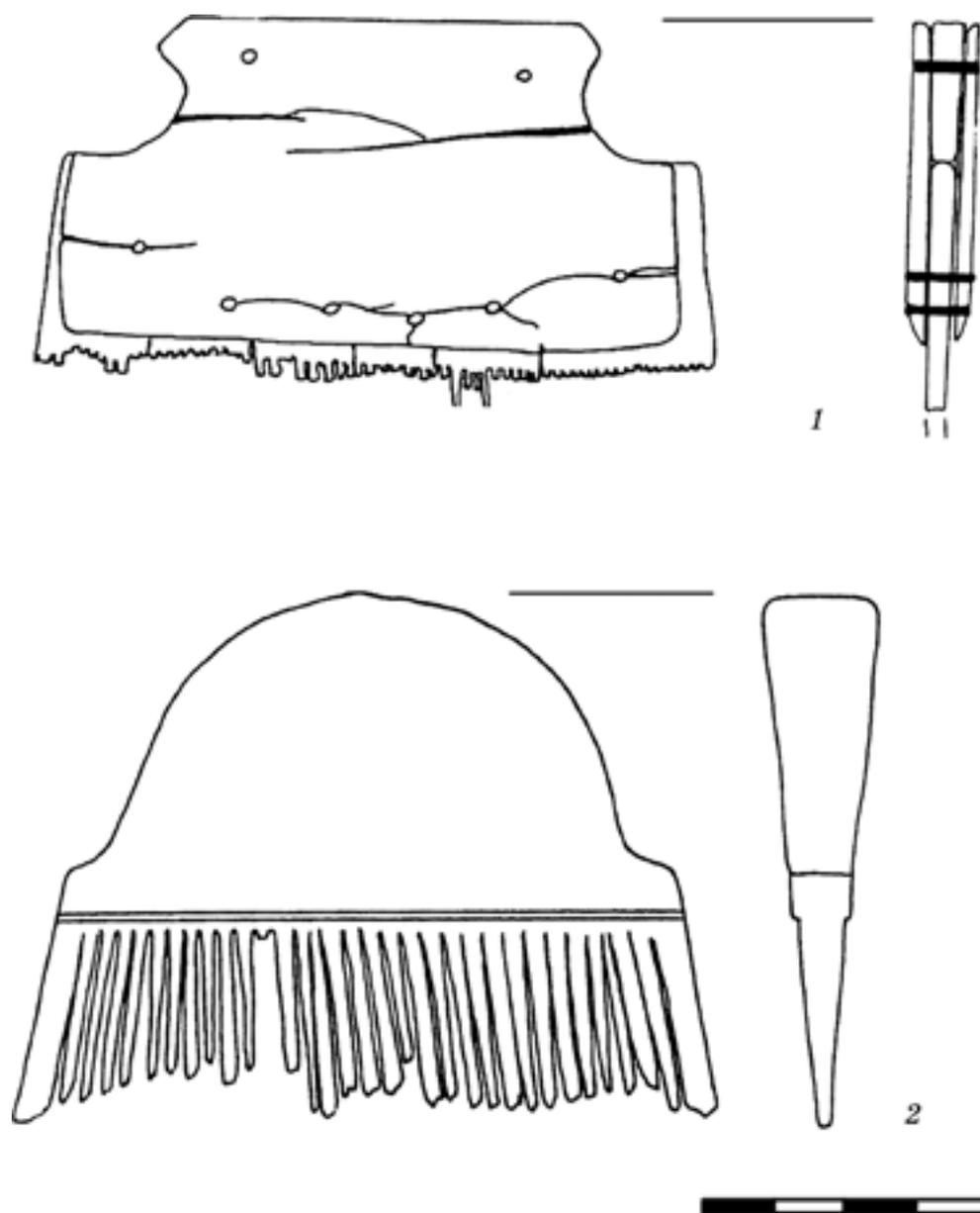

Рис. 16. Костяные гребни из могильника Войтенки.
1 — ХИ 32, тип II (погр. 55); 2 — ХИ 37, тип IV (погр. 96)

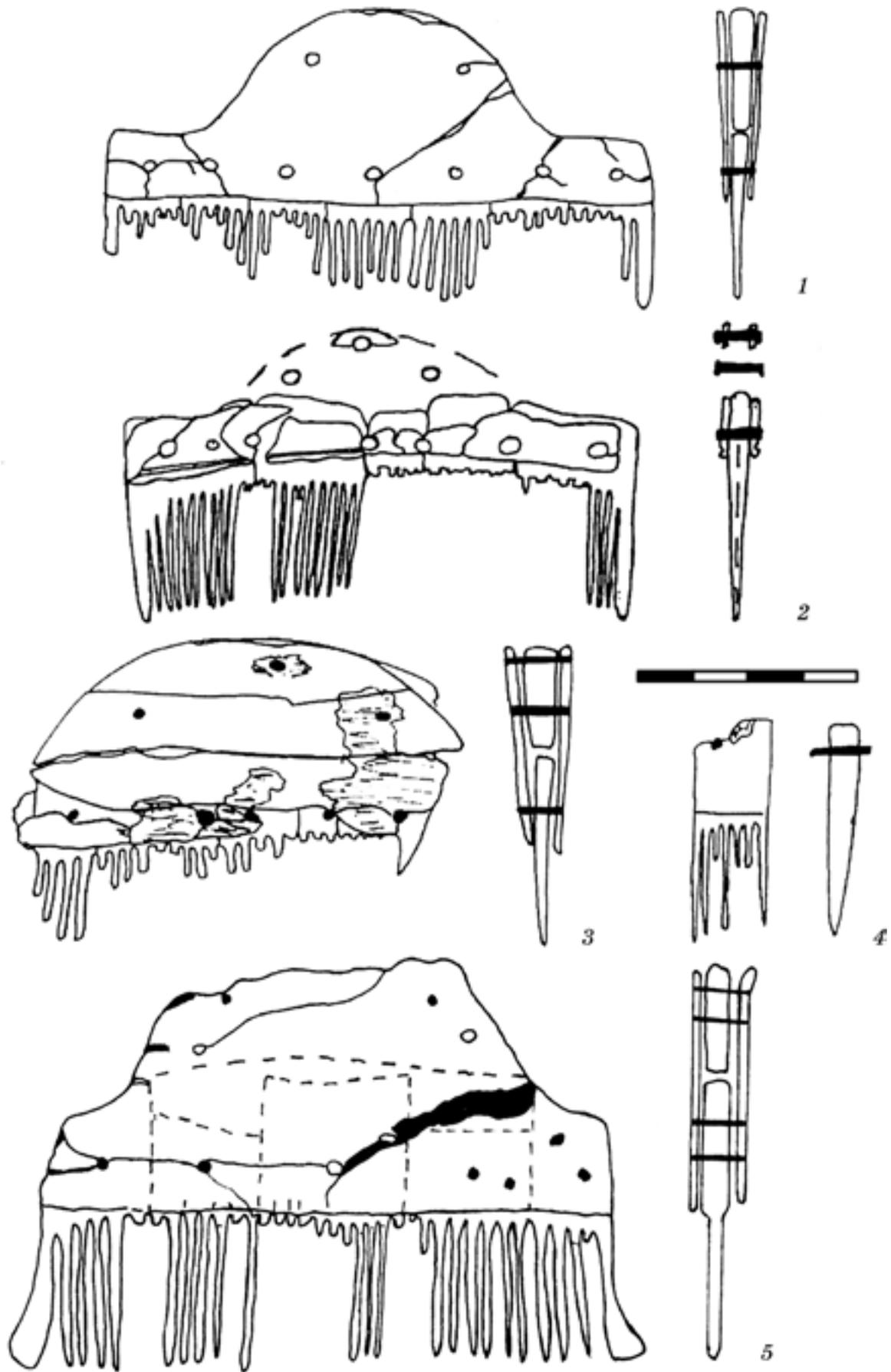

Рис. 17. Костяные гребни типа III из могильника Войтенки.

1, 3, 4 — XI 33, вид 1 (1 — погр. 41; 3, 4 — погр. 32); 2 — вид неопределим (погр. 58); 5 — XI 36, вид 4 (погр. 23)

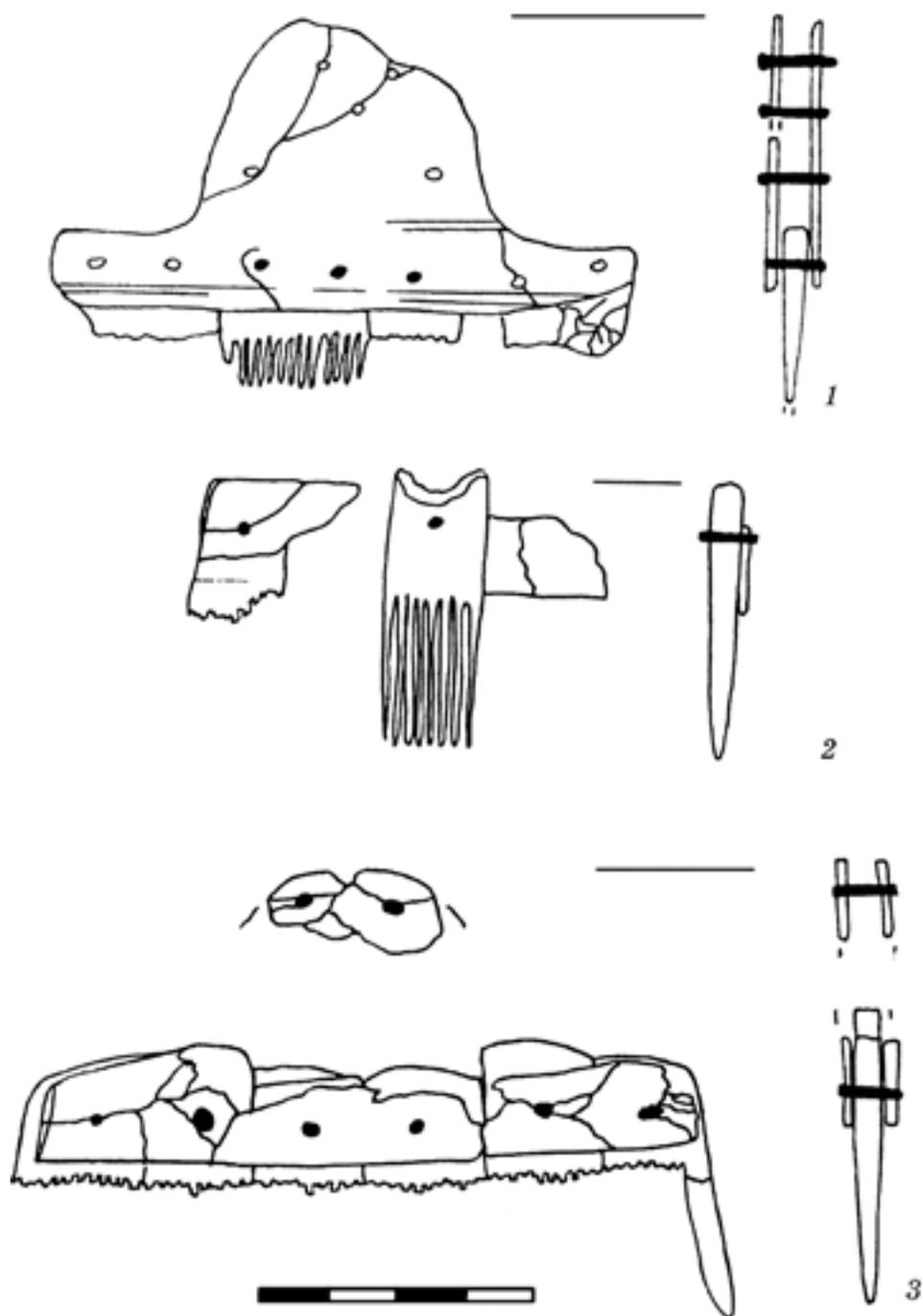

Рис. 18. Костяные гребни типа III из могильника Войтенки.
1 — XI 34, вид 2 (погр. 51); 2, 3 — вид неопределим (2 — погр. 112; 3 — погр. 99)

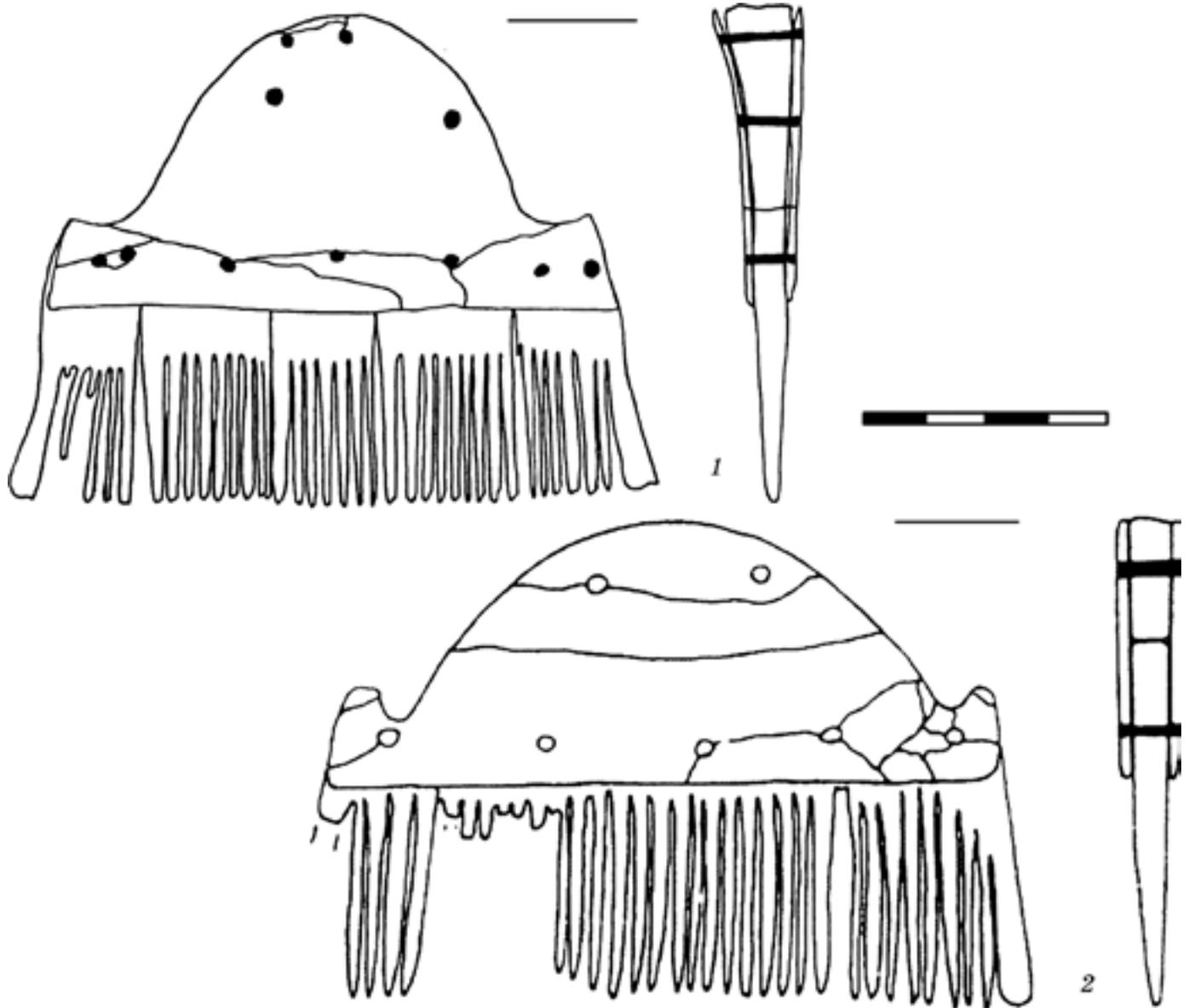

Рис. 19. Костяные гребни типа III вида 3 (ХI 35) из могильника Войтенки.
1 — погр. 101; 2 — погр. 5

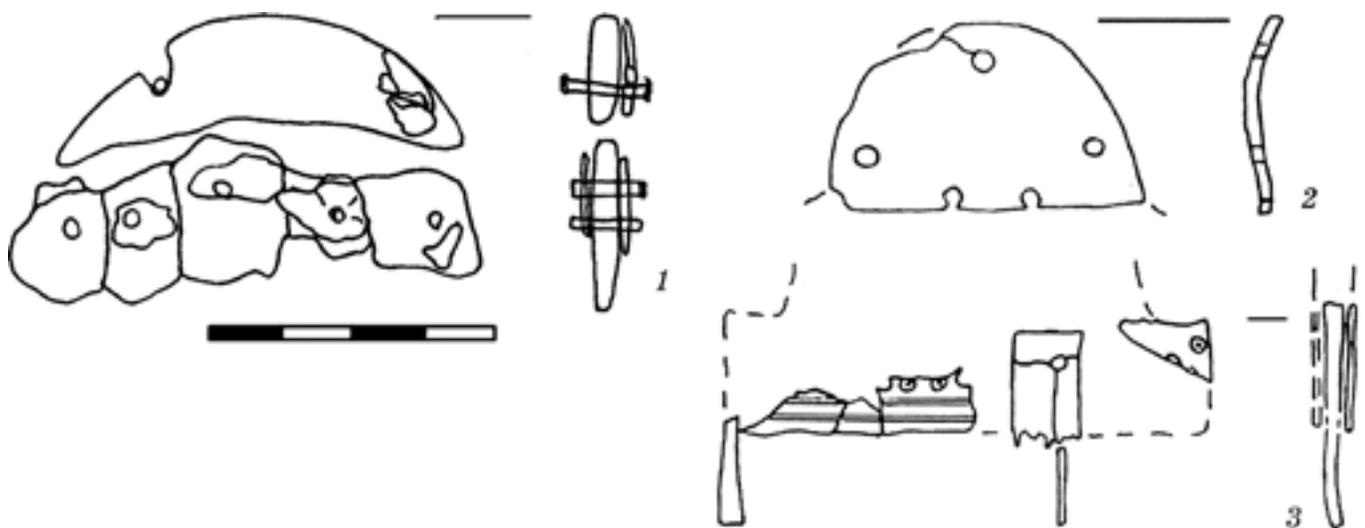

Рис. 20. Фрагменты костяных гребней типа III из могильника Войтенки.
1 — погр. 86/2; 2 — погр. 102; 3 — погр. 49

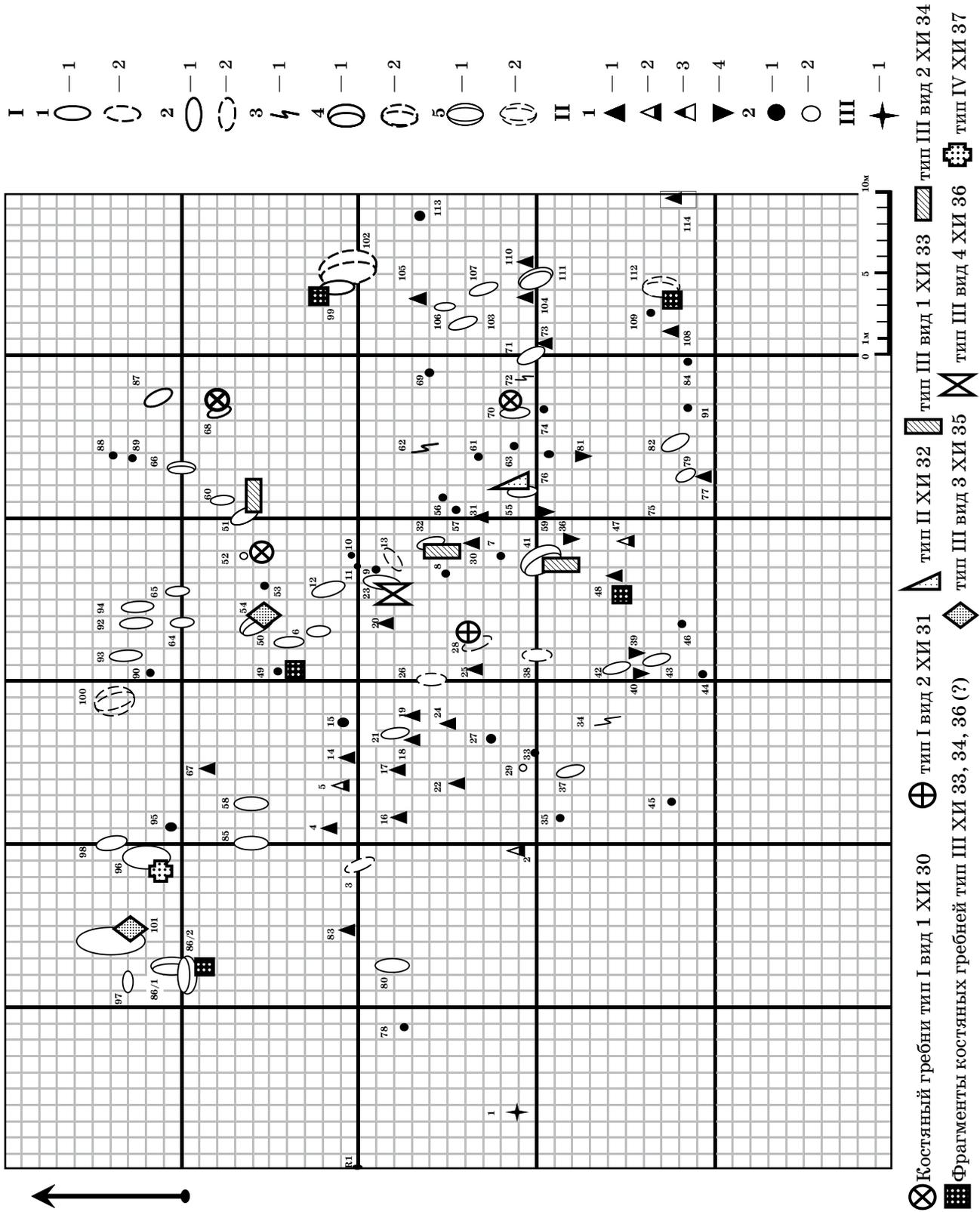

Рис. 21. Положение костяных гребней на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

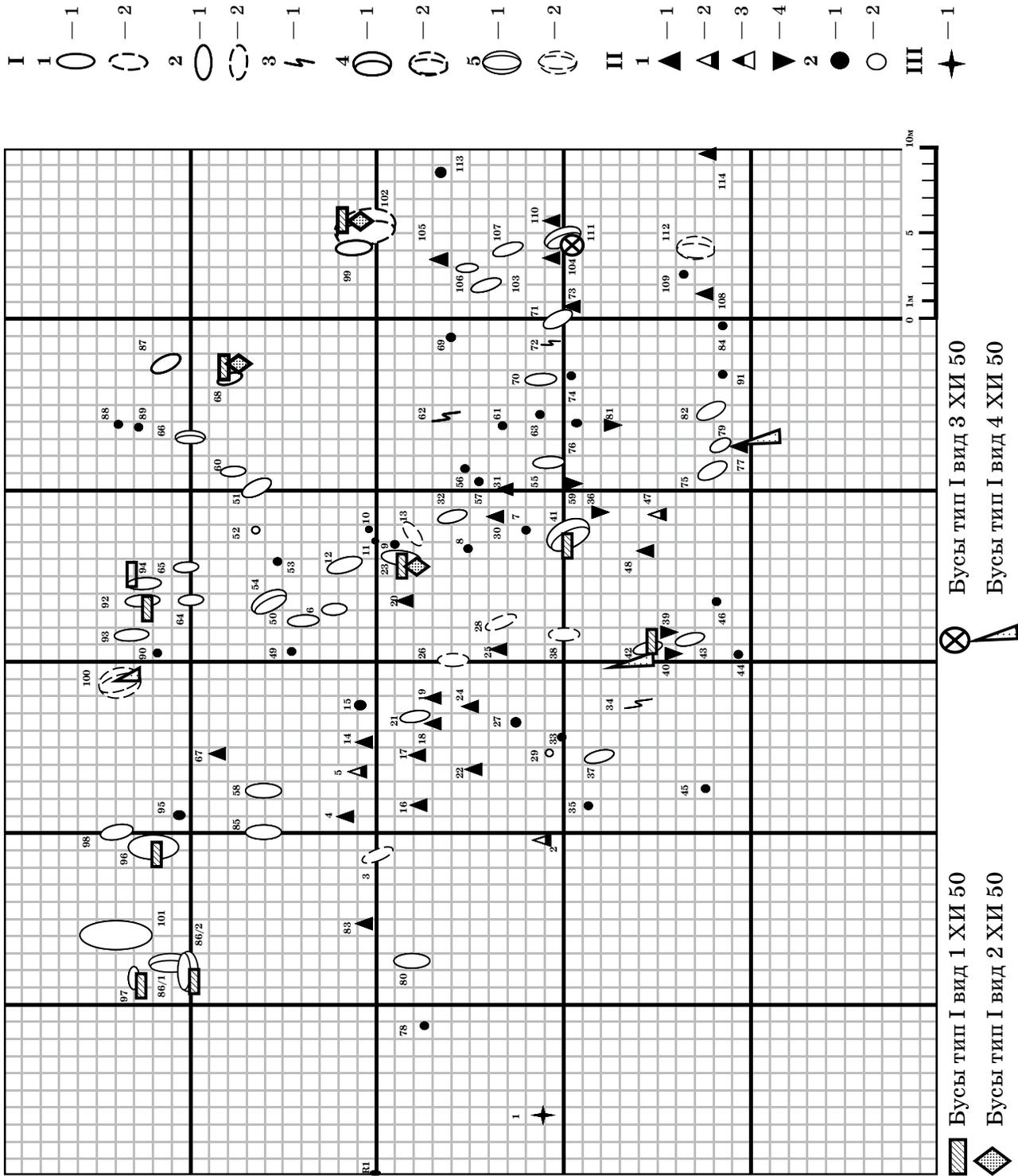

Рис. 22. Положение бус типа I (XI 50) на плане могильника Войтенки.
 Типы погребений см. на рис. 3

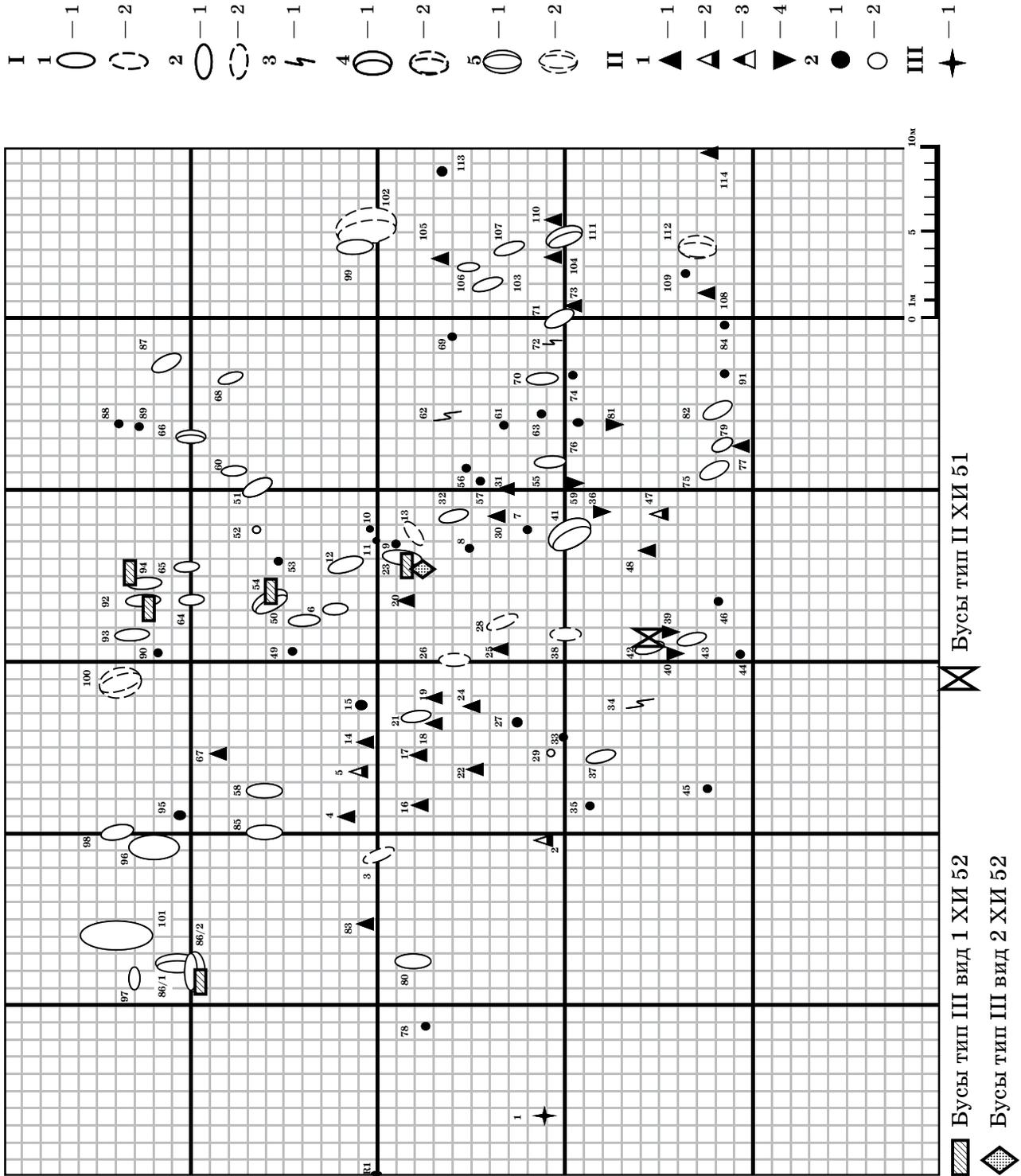

Рис. 23. Положение бус типов II (XII 51), III (XII 52) на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

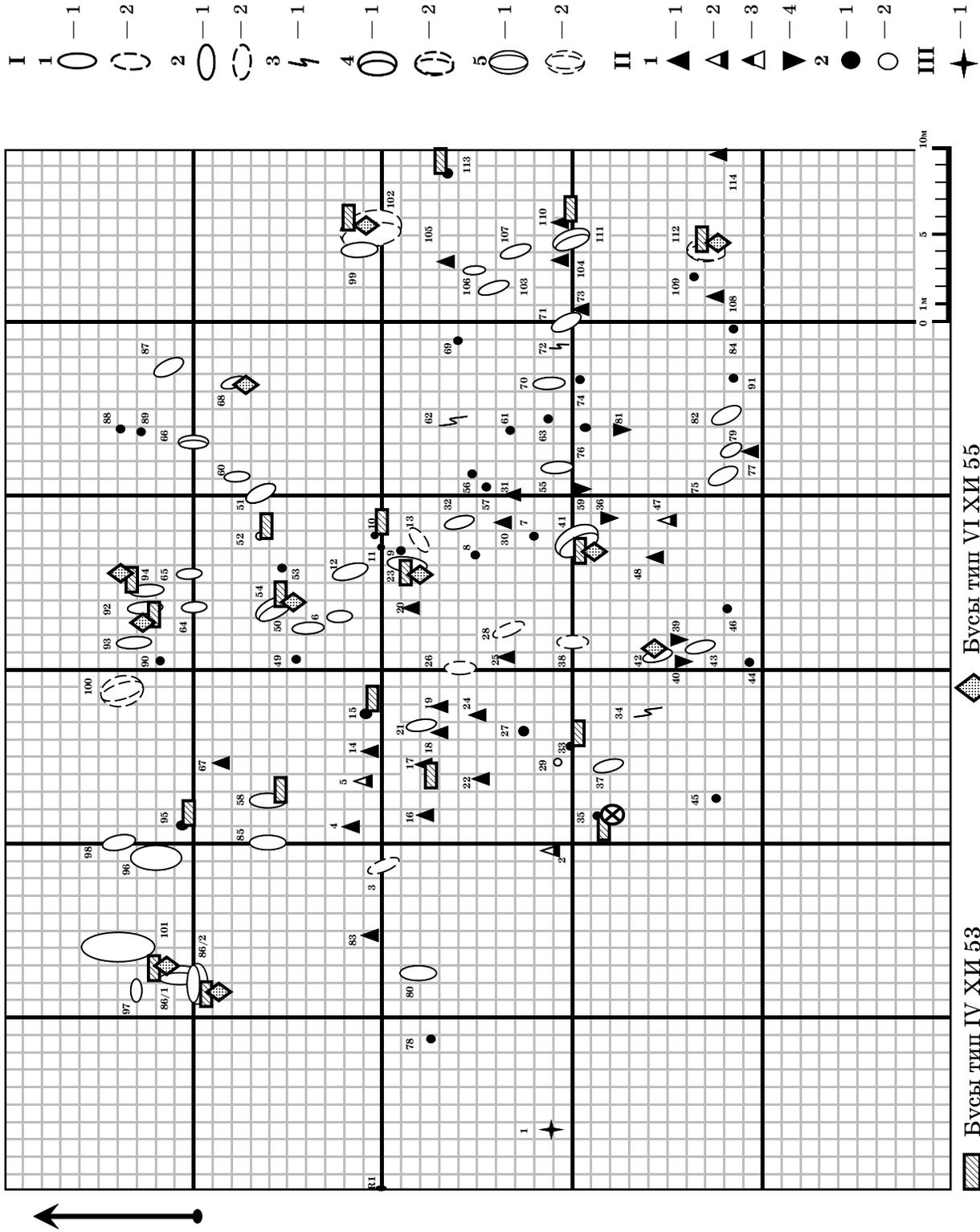

Рис. 24. Положение бус типов IV (ХИ 53), V (ХИ 54), VI (ХИ 55) на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

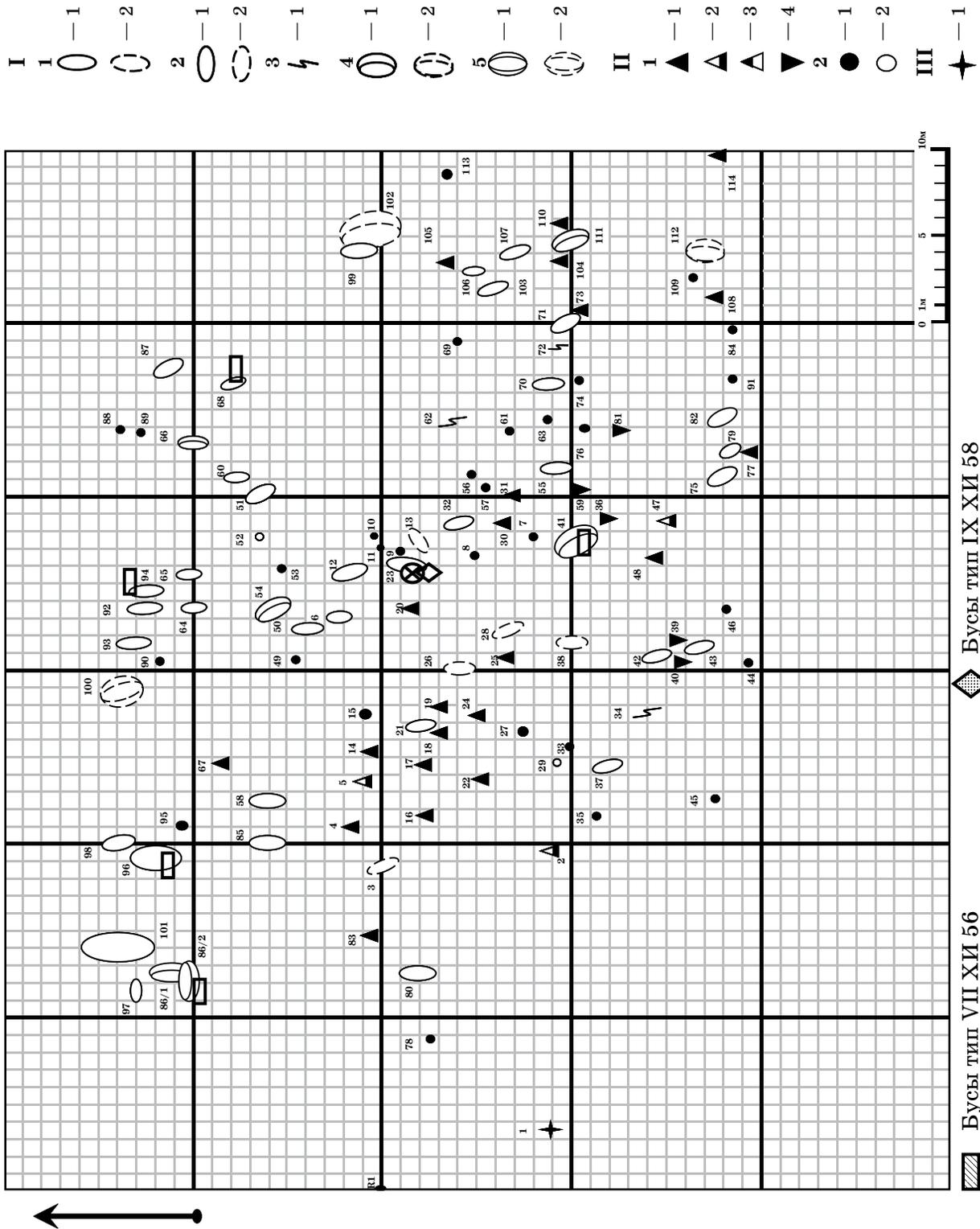

Рис. 25. Положение бус типов VII (XI 56), VIII (XI 57), IX (XI 58) на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

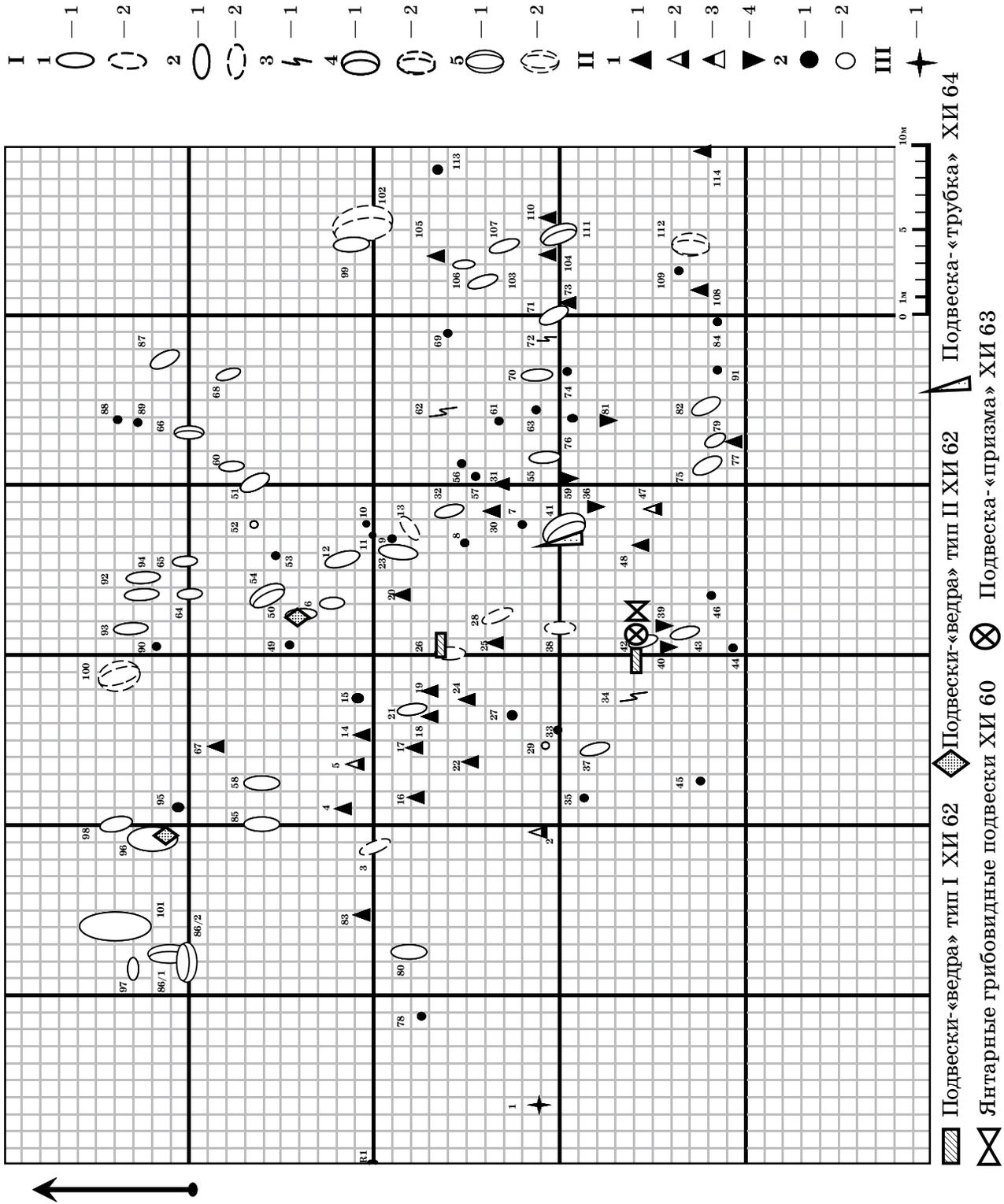

Рис. 26. Положение янтарных грибовидных подвесок и металлических подвесок на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

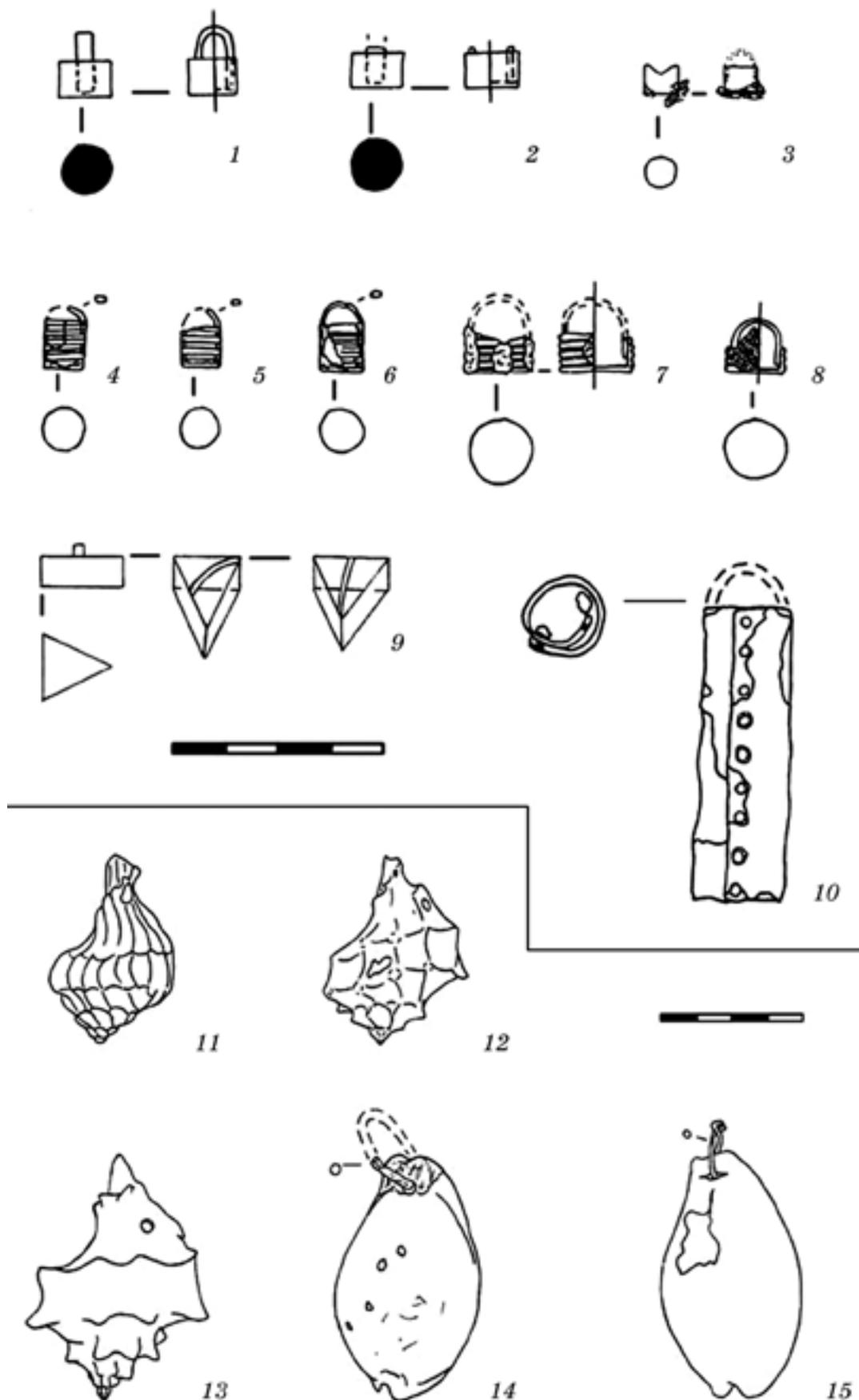
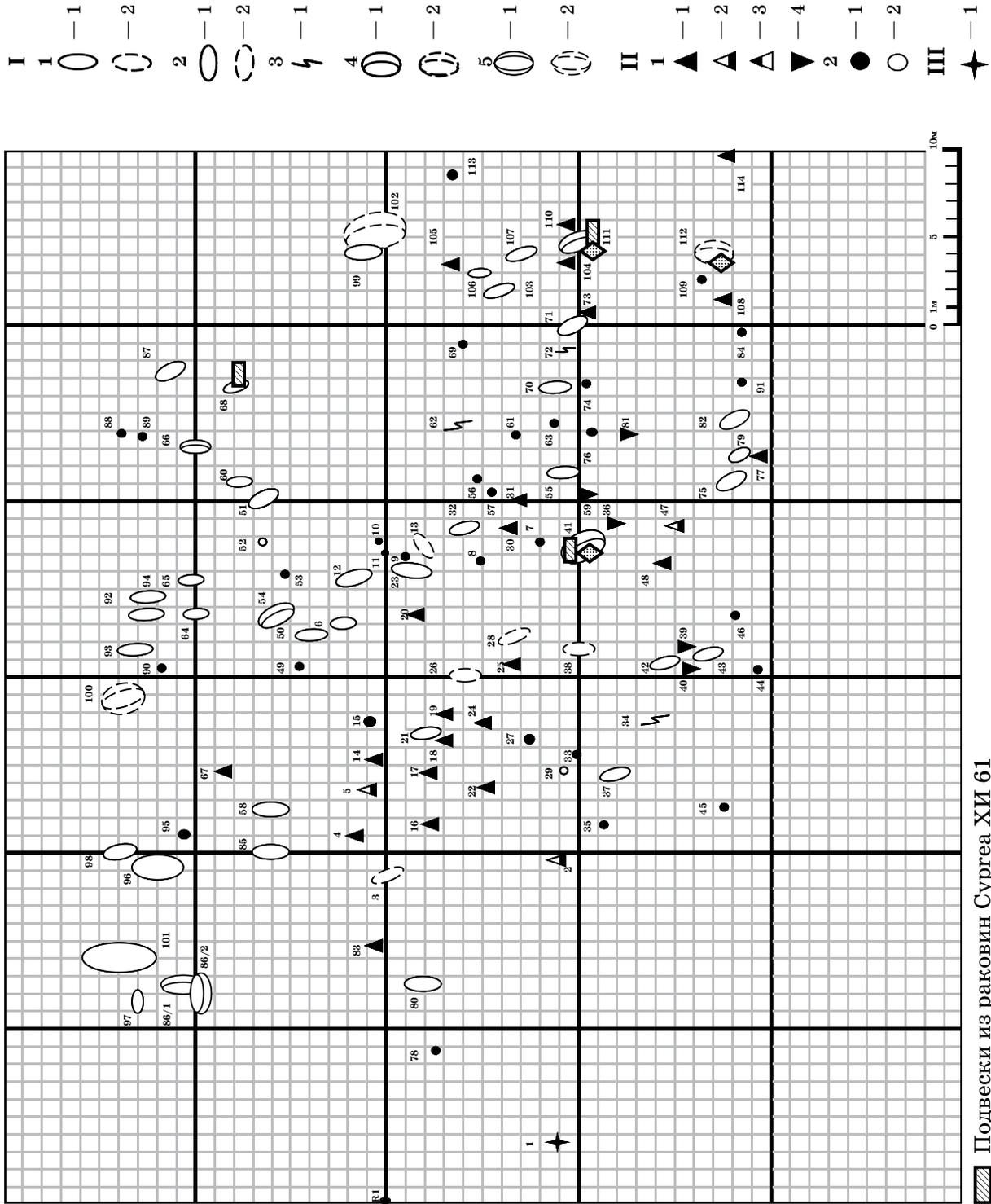

Рис. 27. Подвески из могильника Войтенки.

1 — металлические: 1—8 — ведровидные (ХИ 62); 1—3 — тип I (1, 2 — погр. 26; 3 — погр. 42); 4—8 — тип II (4—6 — погр. 96; 7, 8 — погр. 50); 9 — в виде полых трехгранной призмы ХИ 63, тип III (погр. 42); 10 — в виде свернутой в трубку бронзовой пластины ХИ 64 (погр. 41); 11—14 — из раковин морских моллюсков ХИ 61 (11 — погр. 112; 12, 15 — погр. 111; 13, 14 — погр. 41)

▨ Подвески из раковин Сургеа XII 61

◊ Подвески из раковин Мугех XII 61

Рис. 28. Положение подвесок из морских раковин Сургеа, Мугех на плане могильника Войтенки.

Типы погребений см. на рис. 3

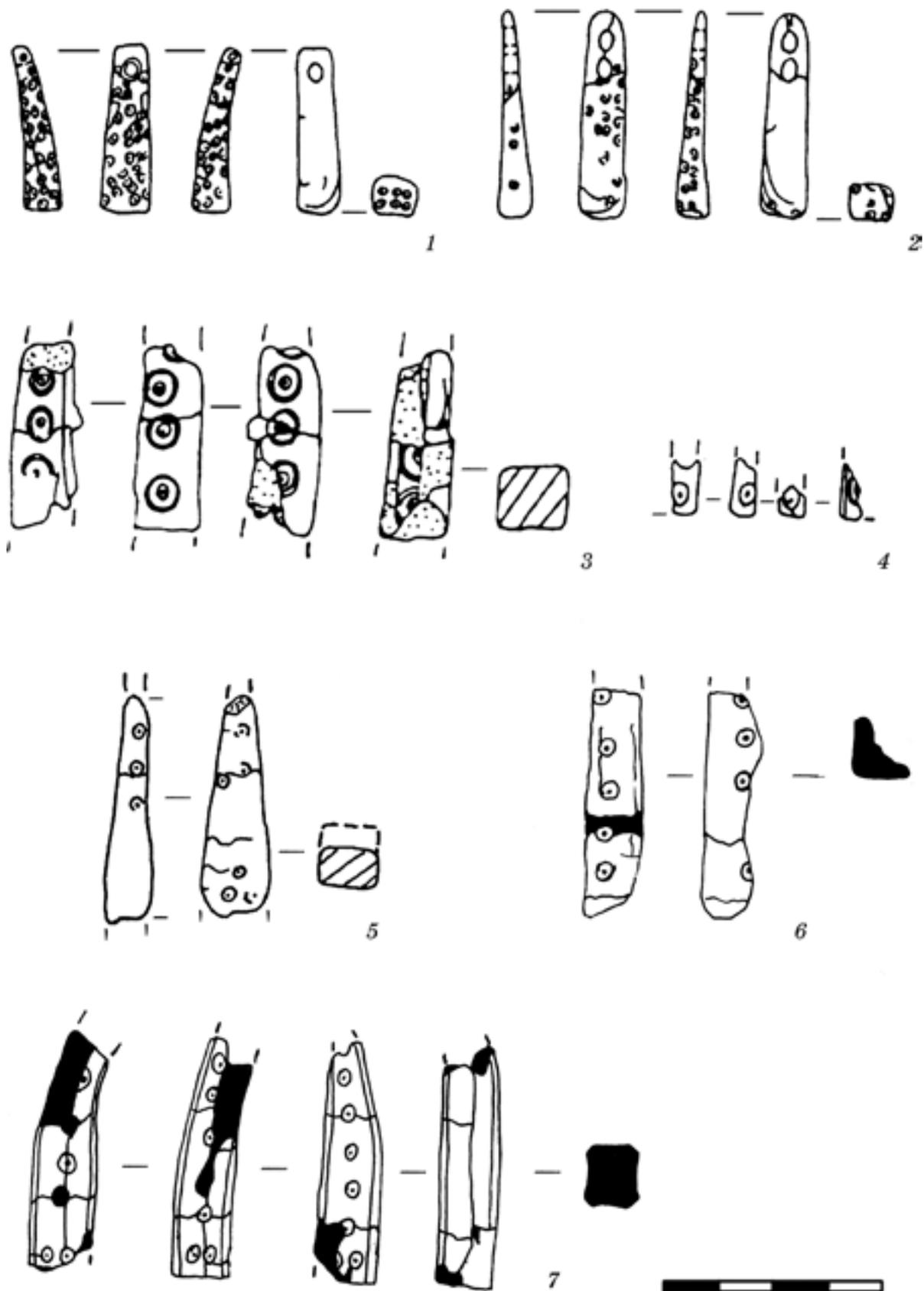

Рис. 29. Костяные пирамидальные подвески (ХИ 70) из могильника Войтенки.
 1—4 — погр. 52; 5 — погр. 67; 6, 7 — погр. 1

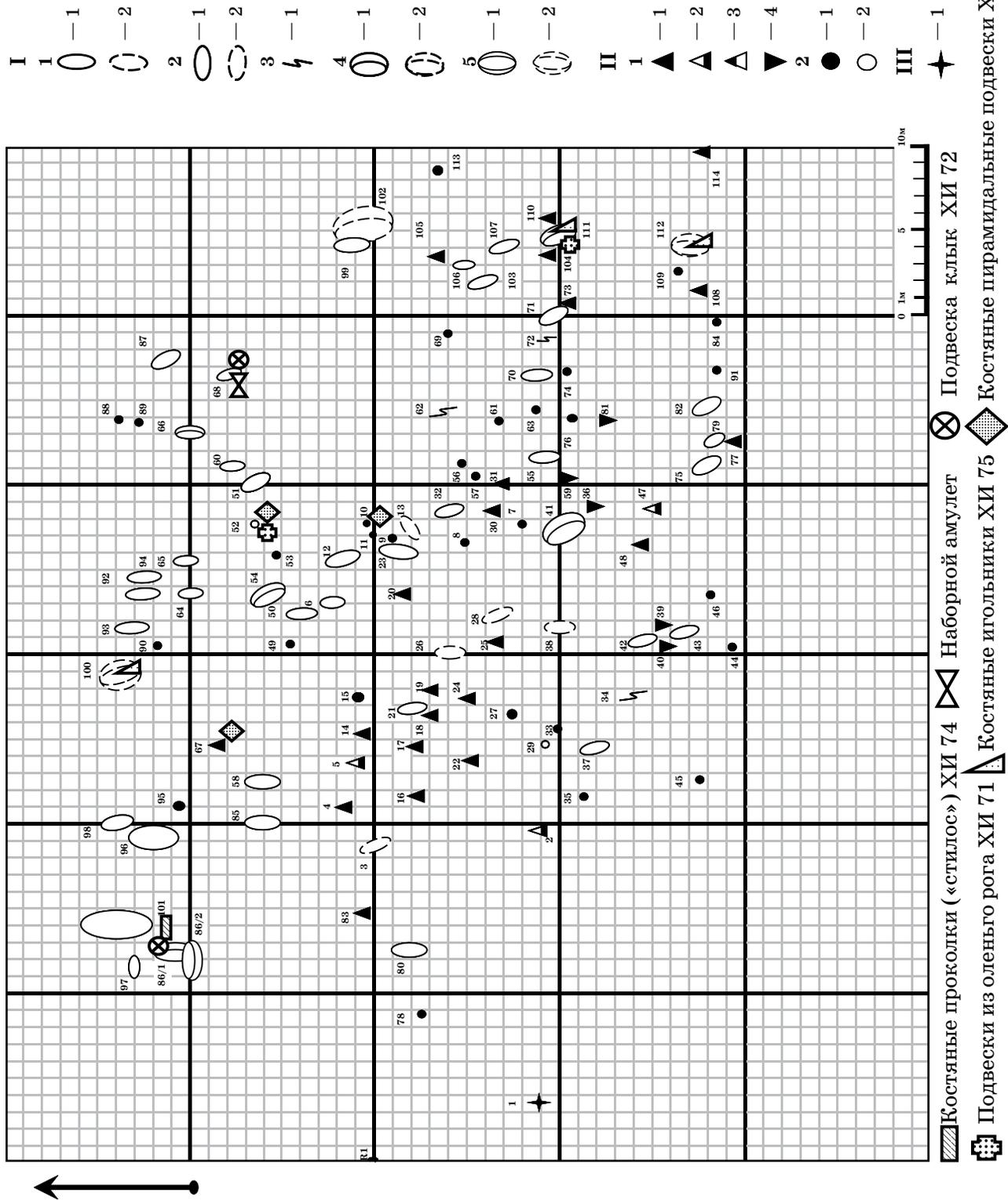

Рис. 30. Положение костяных проколки — «стилосов», костяных пирамидальных подвесок, подвесок из кабаньего клыка, «браслетов»-подвесок из основания оленьего рога, костяных игольников, наборного амулета на плане могильника Войтенки.
 Типы погребений см. на рис. 3

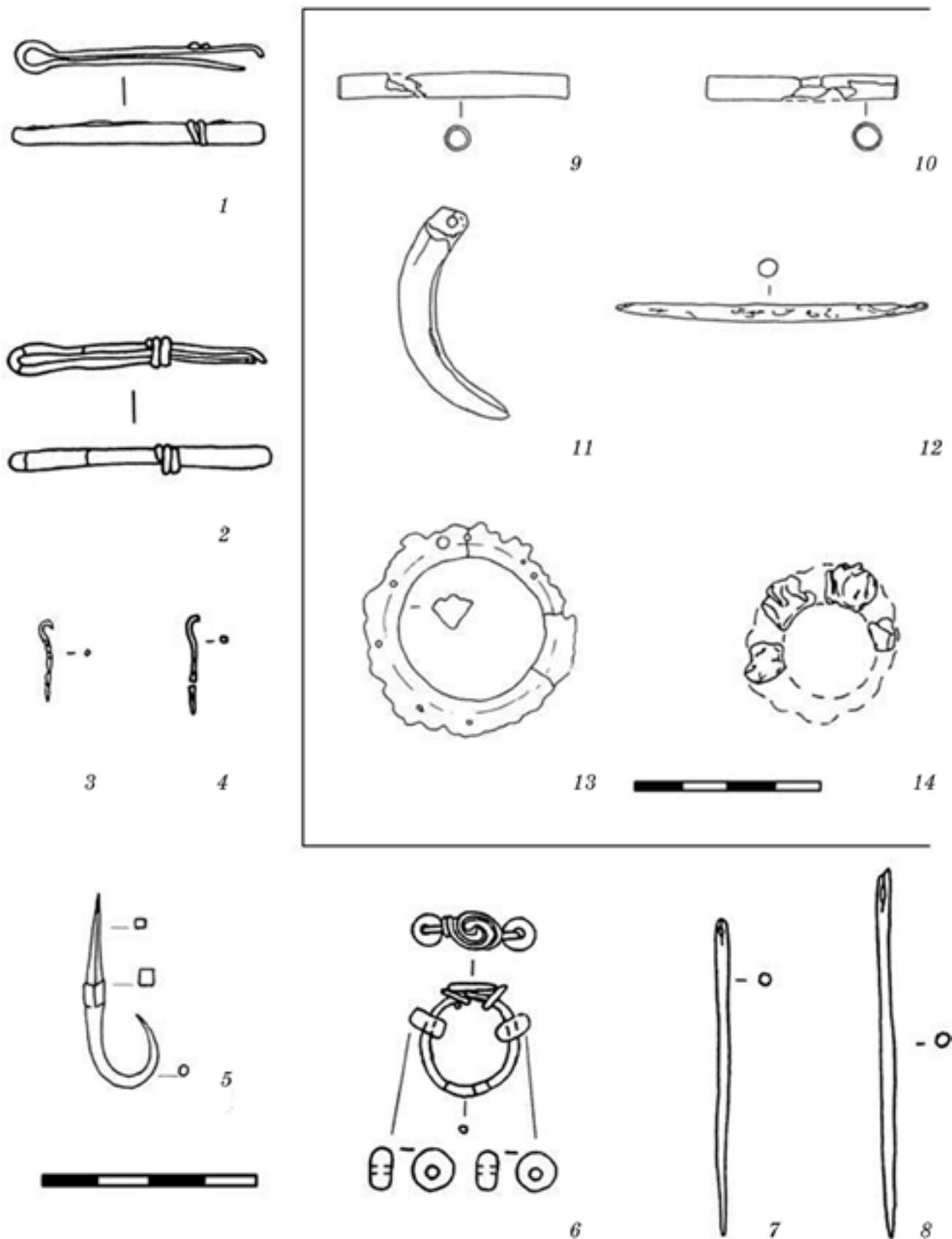

Рис. 31. Хронологические индикаторы могильника Войтенки.

1, 2 — XI 78, заколки для волос — «пинцеты» (1 — погр. 107; 2 — погр. 112); 3, 4 — XI 76, клювовидные булавки (3 — погр. 42; 4 — погр. 86/2); 5 — XI 84, бронзовое шило (погр. 38); 6 — XI 79, проволочный перстень (погр. 46); 7, 8 — XI 77, бронзовые иглы с ушком (7 — погр. 96; 8 — погр. 101); 9, 10 — XI 75, костяные игольницы (9 — погр. 112; 10 — погр. 100); 11 — XI 72, подвеска в виде клыка кабана (погр. 86/1); 12 — XI 74, костяные проколки с двумя острыми концами («стилос») (погр. 86/1); 13, 14 — XI 71, подвески из основания оленьего рога (13 — погр. 111; 14 — погр. 52)

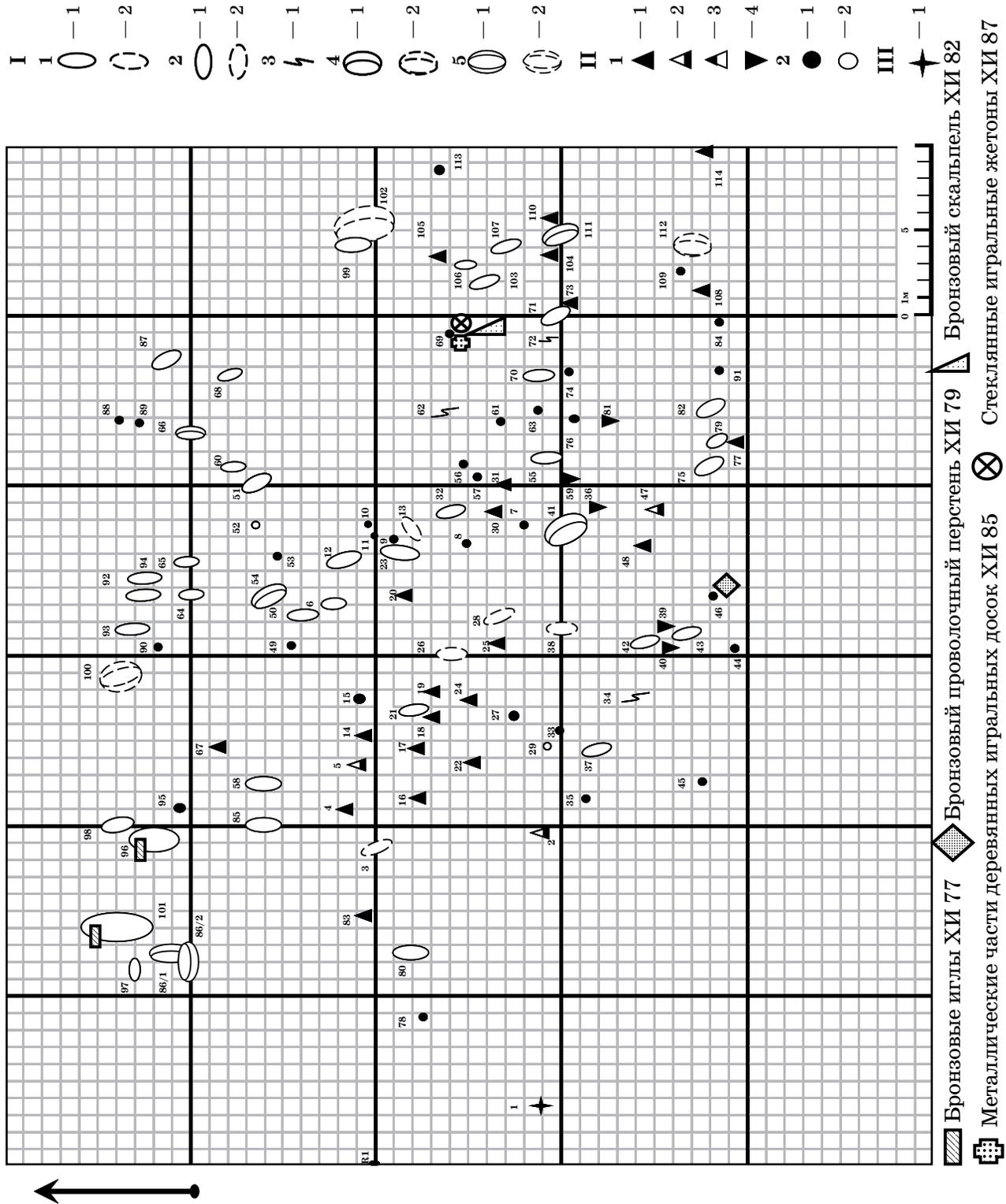

Рис. 32. Положение бронзовых игл с ушком, бронзовых проволочных перстней, стеклянных игральные жетонов, металлических частей игральные досок, бронзового скальпеля на плане могильника Войтенки.

Типы погребений см. на рис. 3

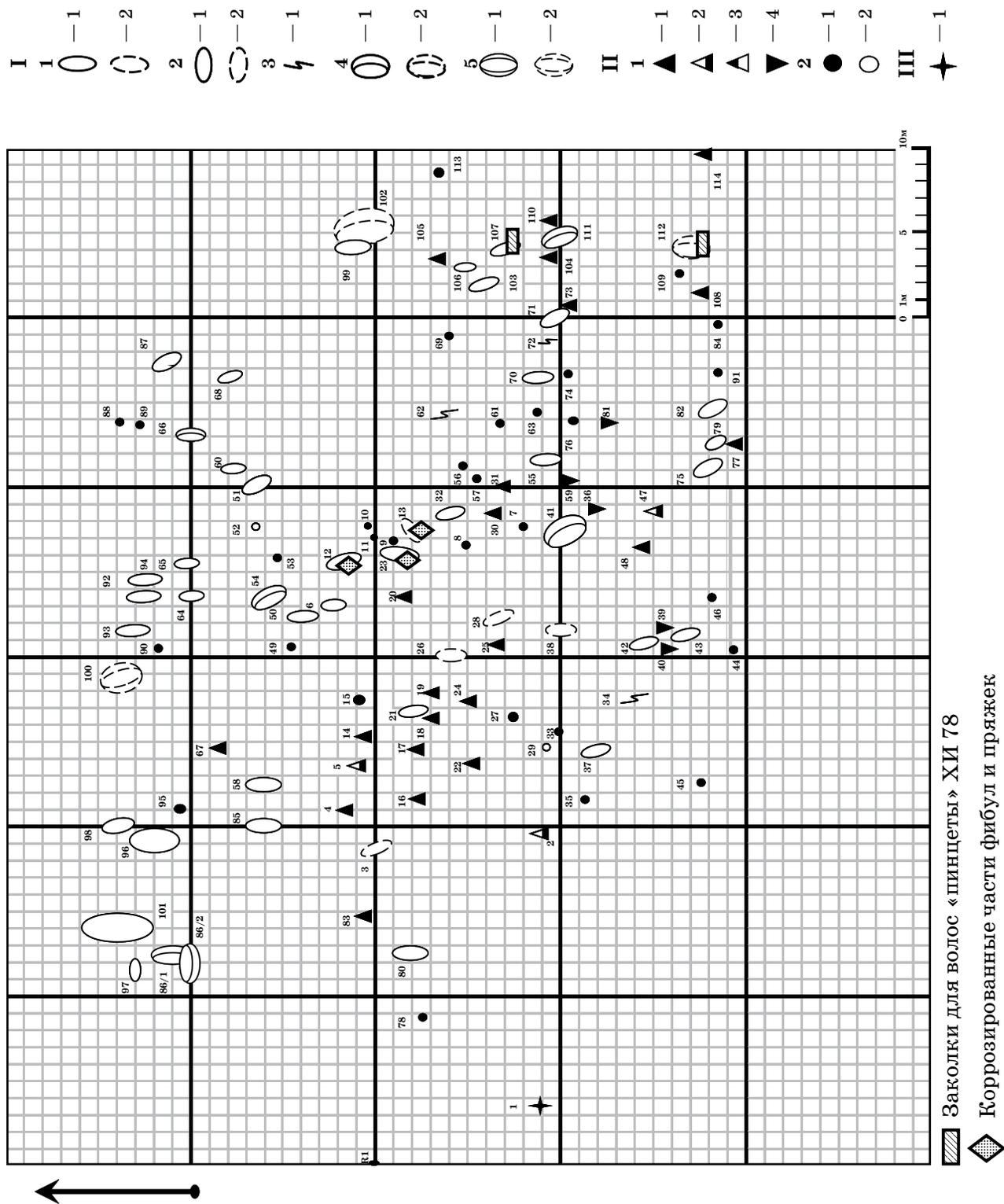

Рис. 33. Положение заколок для волос — «пинцетов», коррозированных частей фибул и пряжек на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

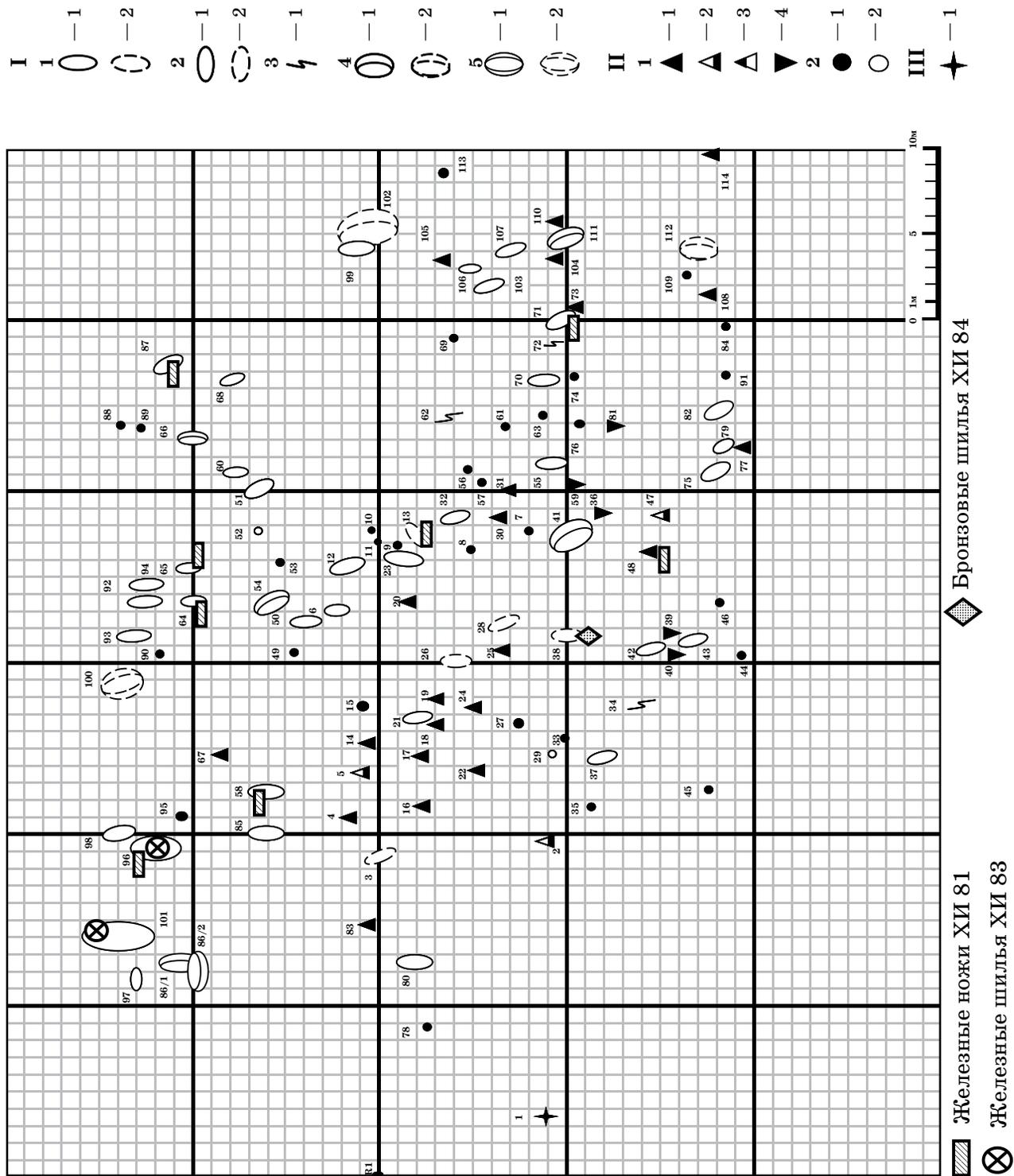

Рис. 34. Положение железных ножей и шильев, бронзовых шильев на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

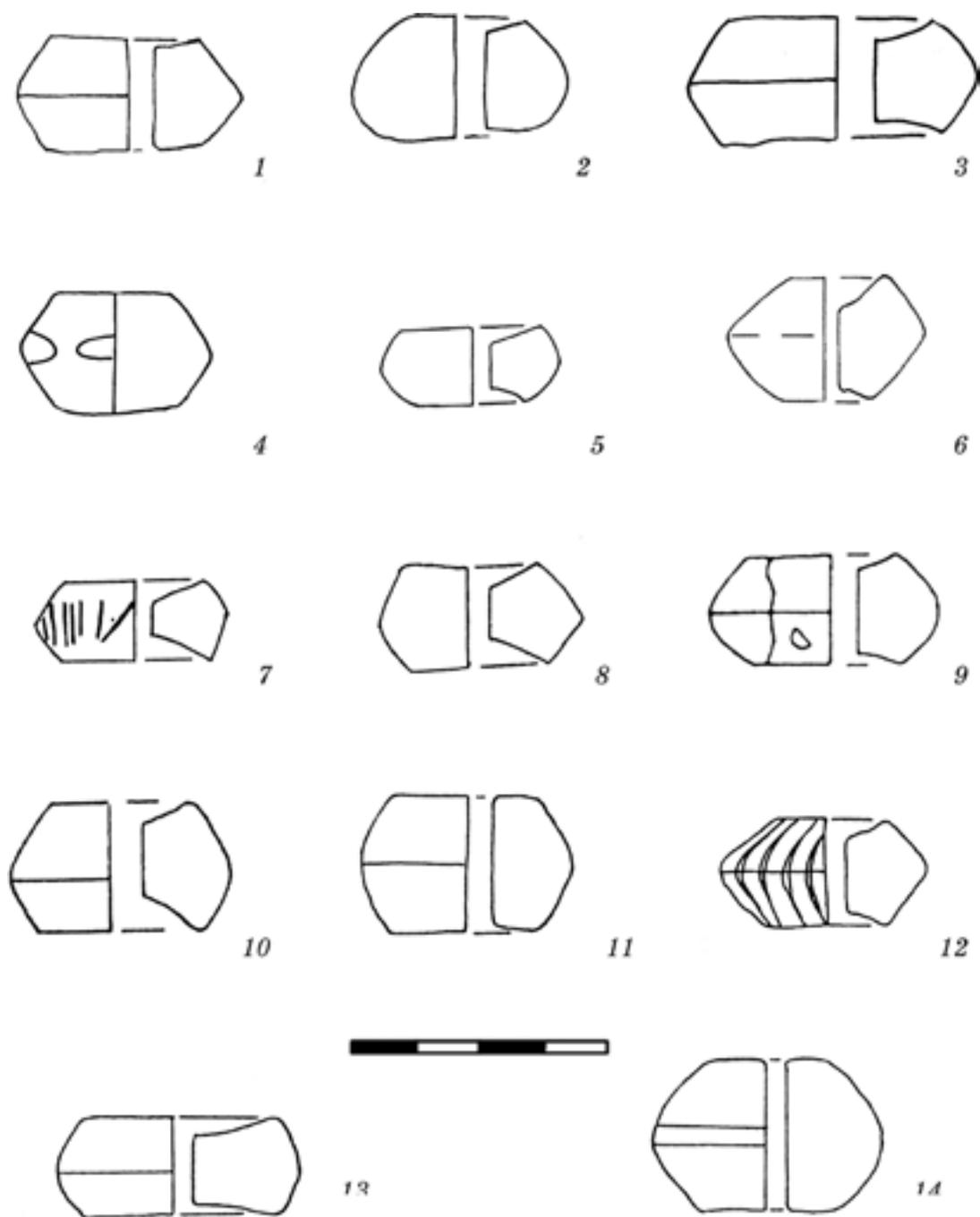
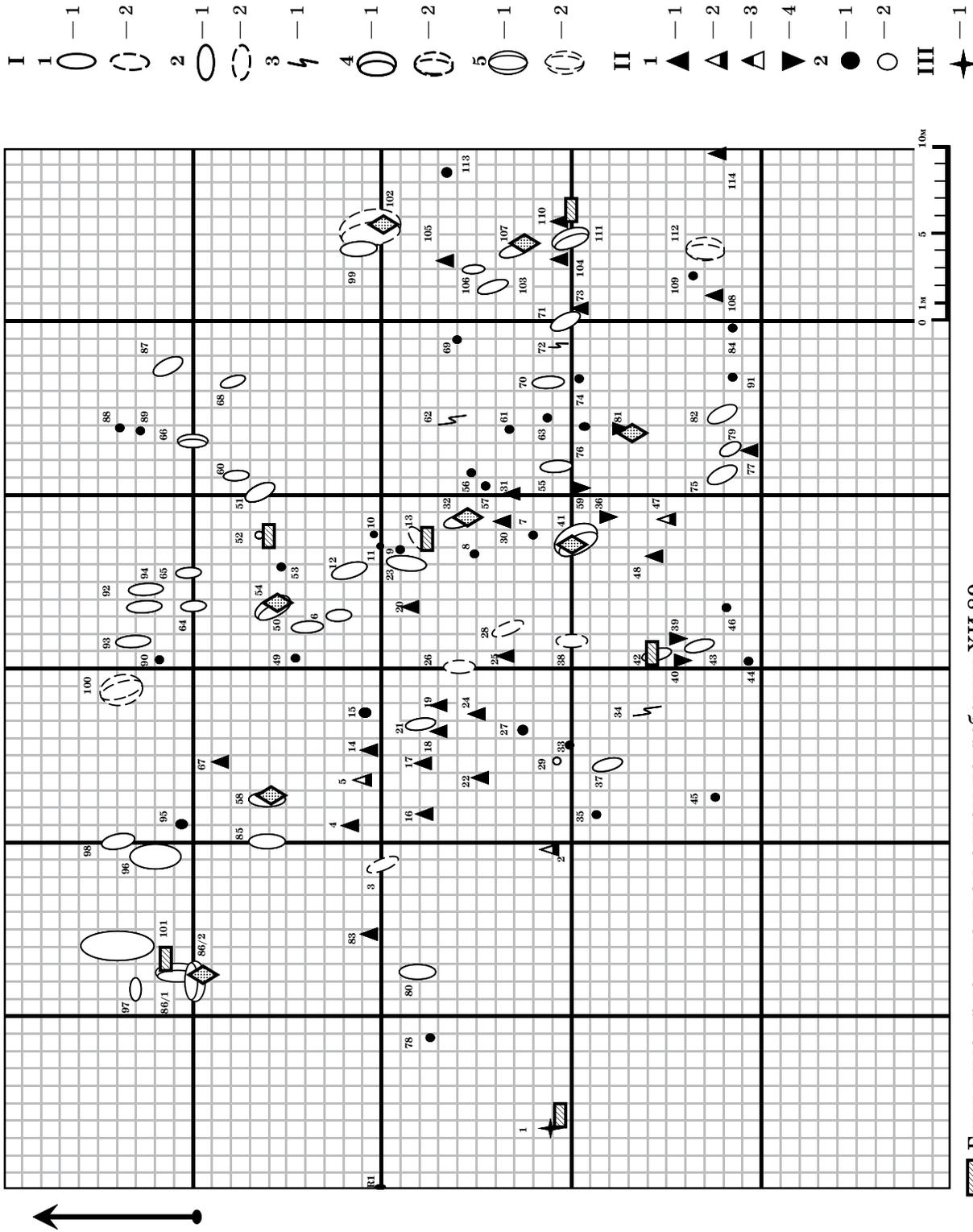

Рис. 35. Глиняные пряслица (ХИ 89) из могильника Войтенки.
 1, 2 — погр. 1; 3, 4 — погр. 13; 5 — погр. 41; 6 — погр. 32; 7, 8 — погр. 42; 9 — погр. 54;
 10 — погр. 58; 11 — погр. 102; 12 — погр. 107; 13, 14 — погр. 110

Глиняные пряслица два в одном погребении ХИ 89

Глиняные пряслица одно в погребении ХИ 89

Рис. 36. Положение глиняных пряслиц на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

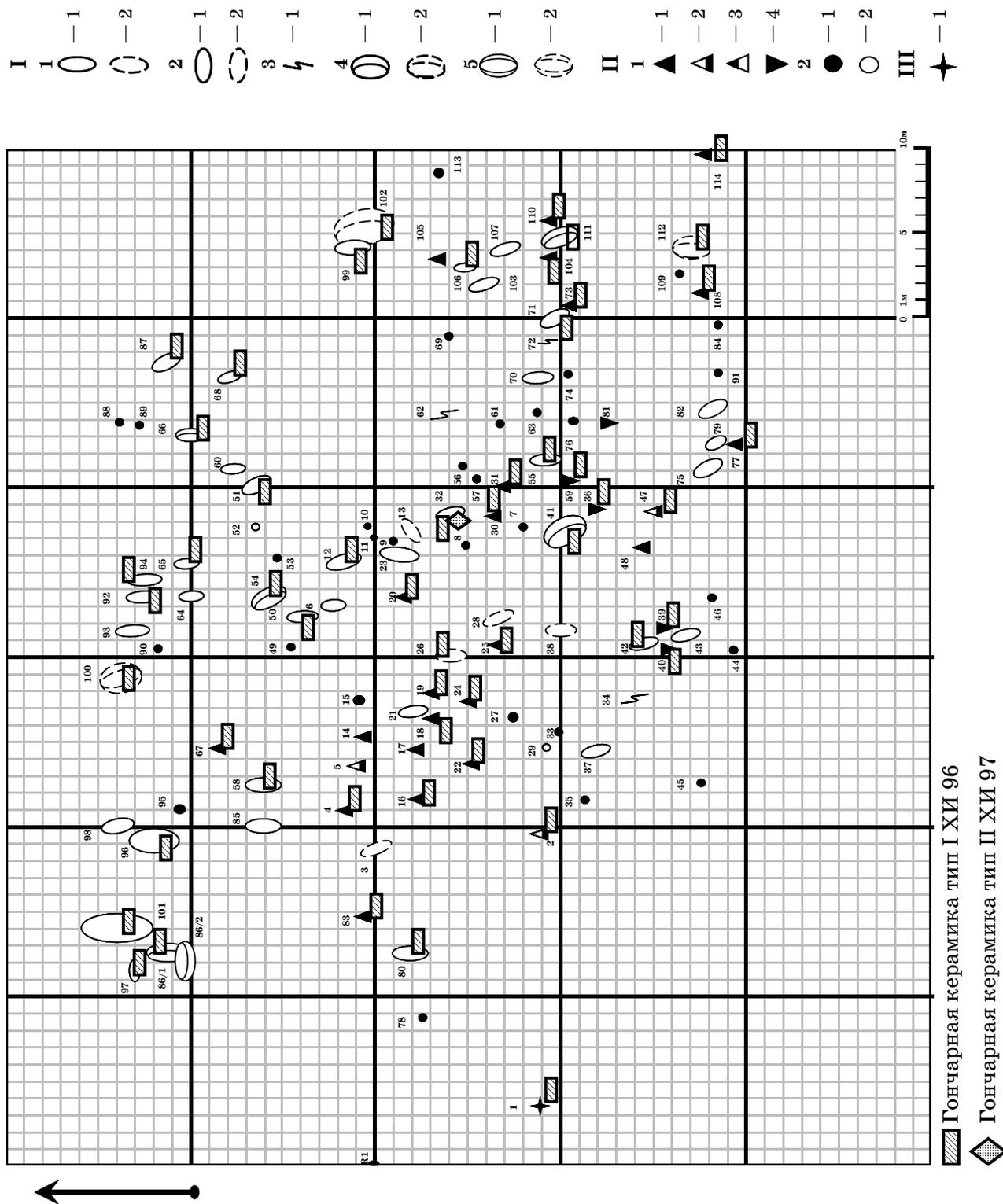

Рис. 37. Положение гончарных сосудов типов I (горшки) и II (горшки-вазы) на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

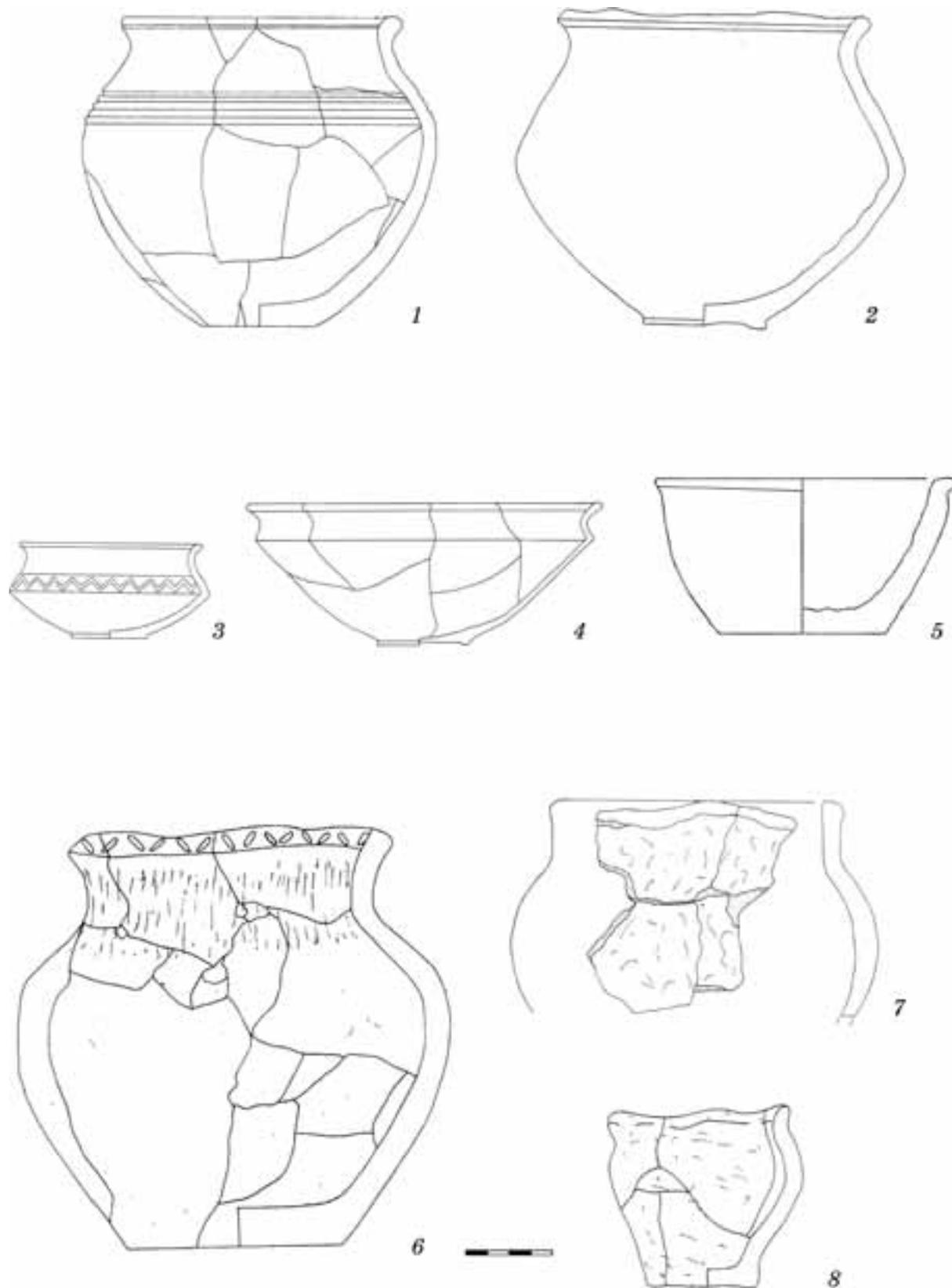

Рис. 38. Керамическая посуда из могильника Войтенки.

1–5 — гончарная; 1 — тип I; 2 — тип II; 3 — тип IV вид 1; 4 — тип IV вид 2; 5 — тип IV вид 3;
6–8 — лепная; 6 — тип I вид 1; 7 — тип I вид 2; 8 — тип II

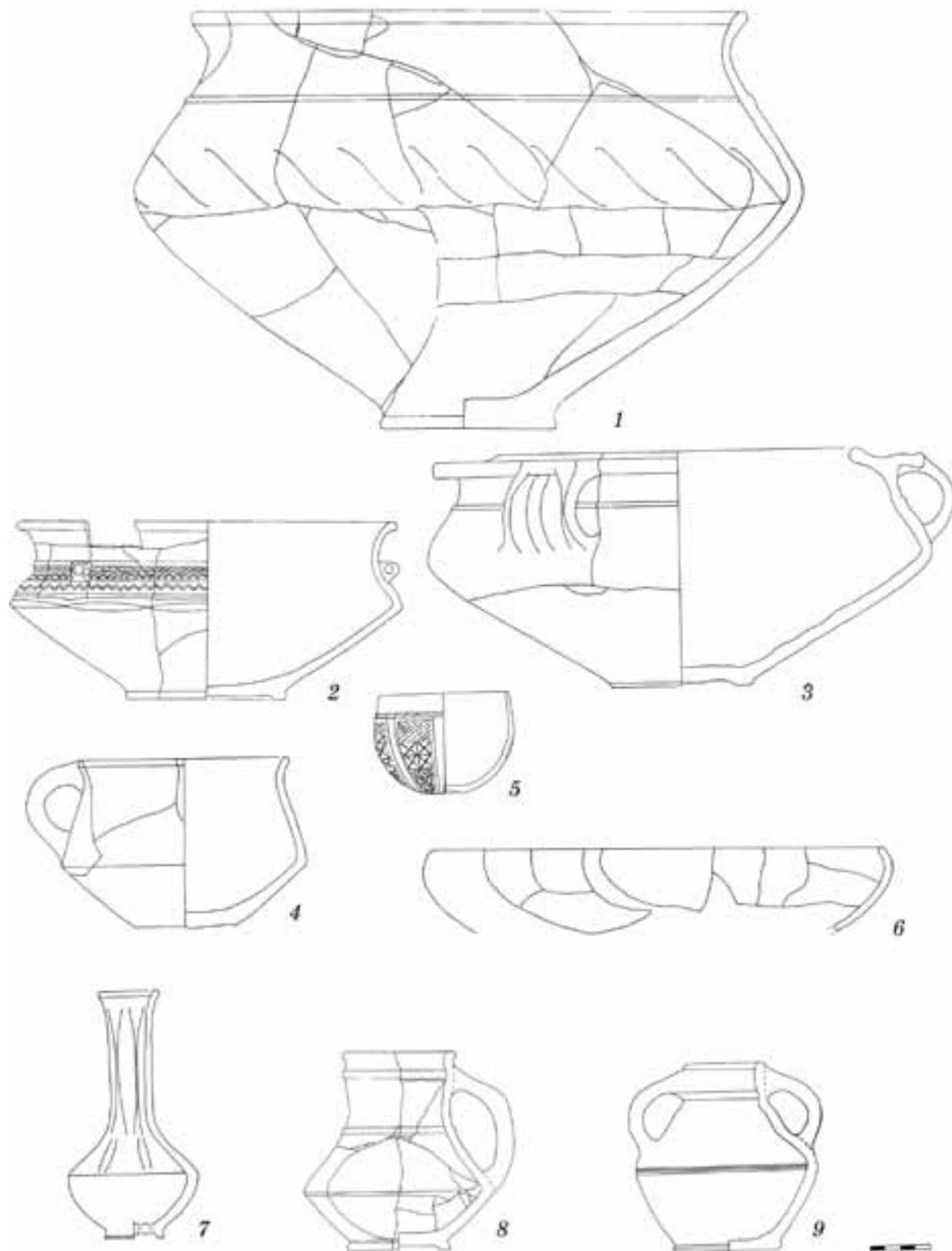

Рис. 39. Гончарная керамическая посуда из могильника Войтенки.
 1 — тип III вид 1; 2 — тип III вид 2; 3 — тип III вид 3; 4 — тип VI; 5 — тип II; 6 — тип VIII; 7 — тип V вид 1; 8 — тип V вид 2; 9 — тип V вид 3

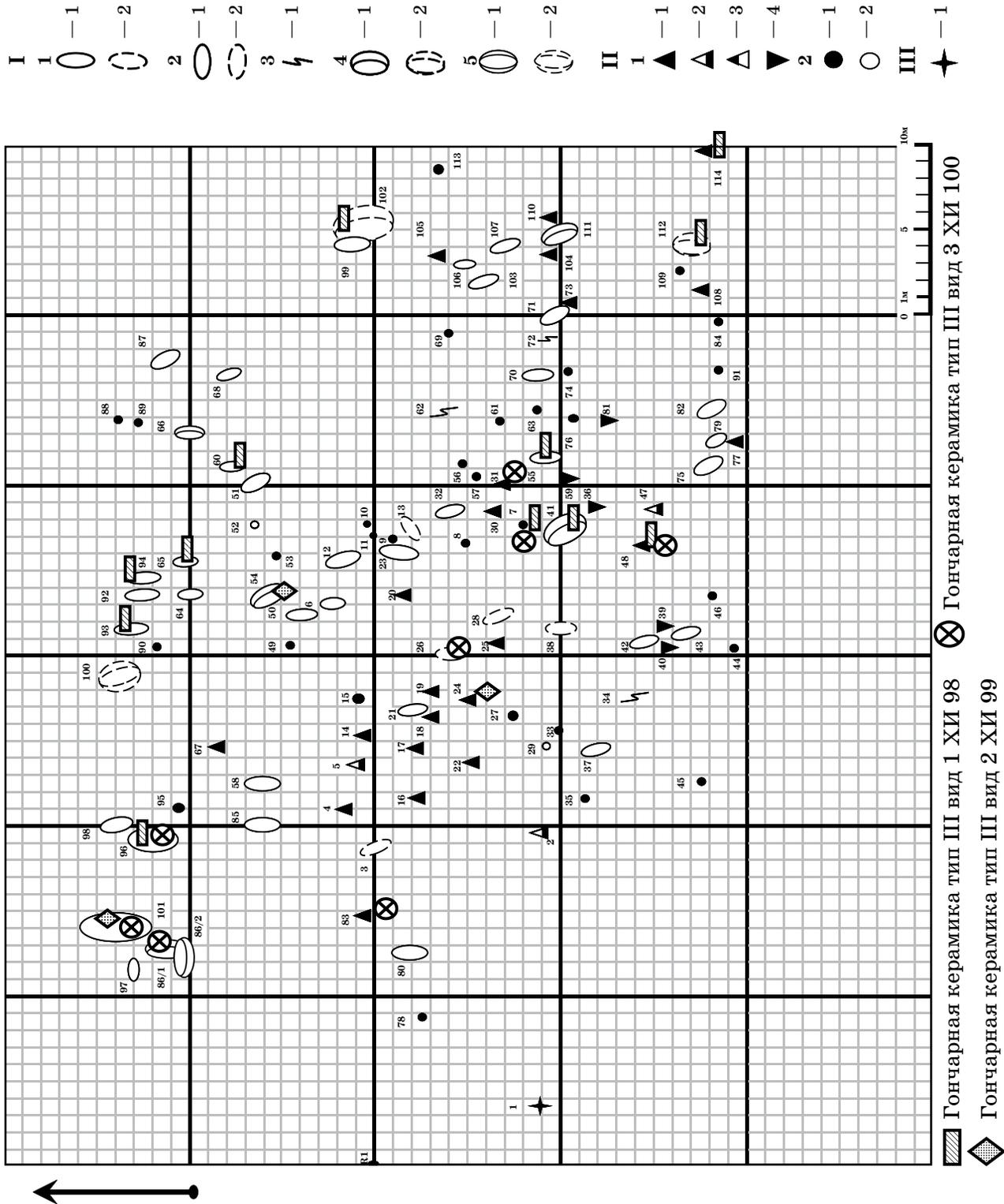

Рис. 40. Положение гончарных сосудов типа III (вазы) на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

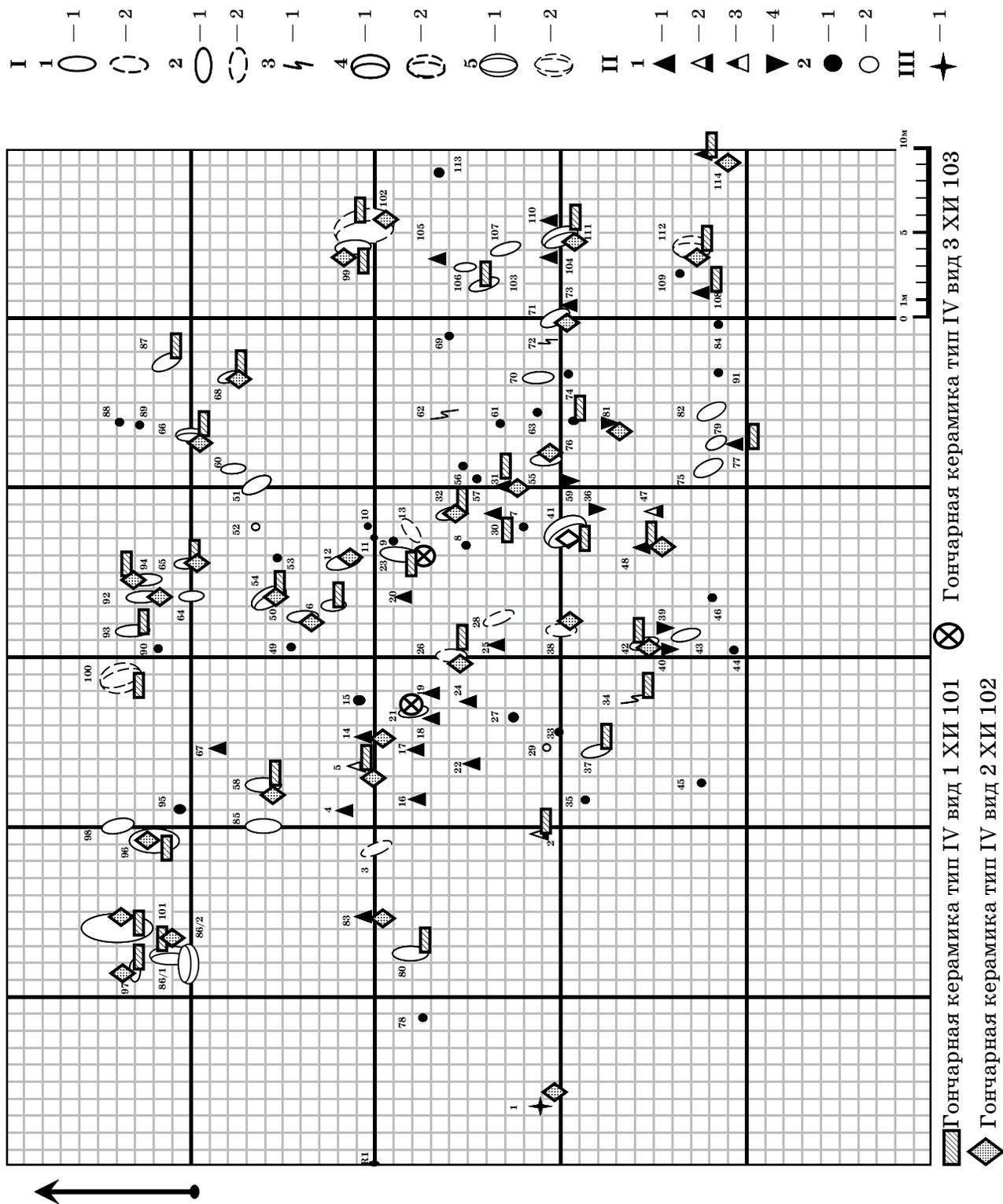

Рис. 41. Положение гончарных сосудов типа IV (миски) на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

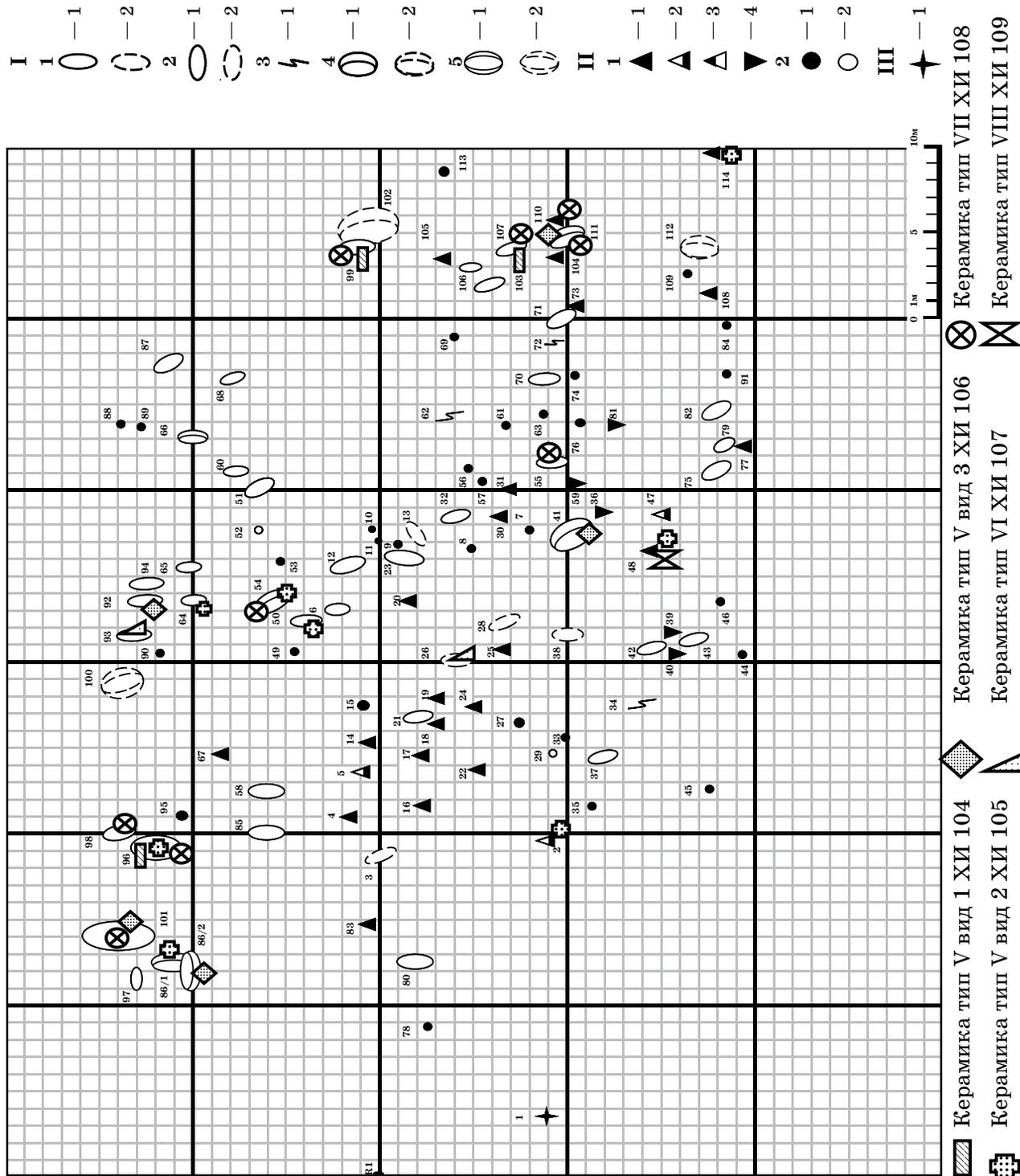

Рис. 42. Положение гончарных сосудов типов V (кувшины), VI (кружки), VII (сферические кубки), VIII (краснолаковая керамика) на плане могильника Войтенки.
 Типы погребений см. на рис. 3

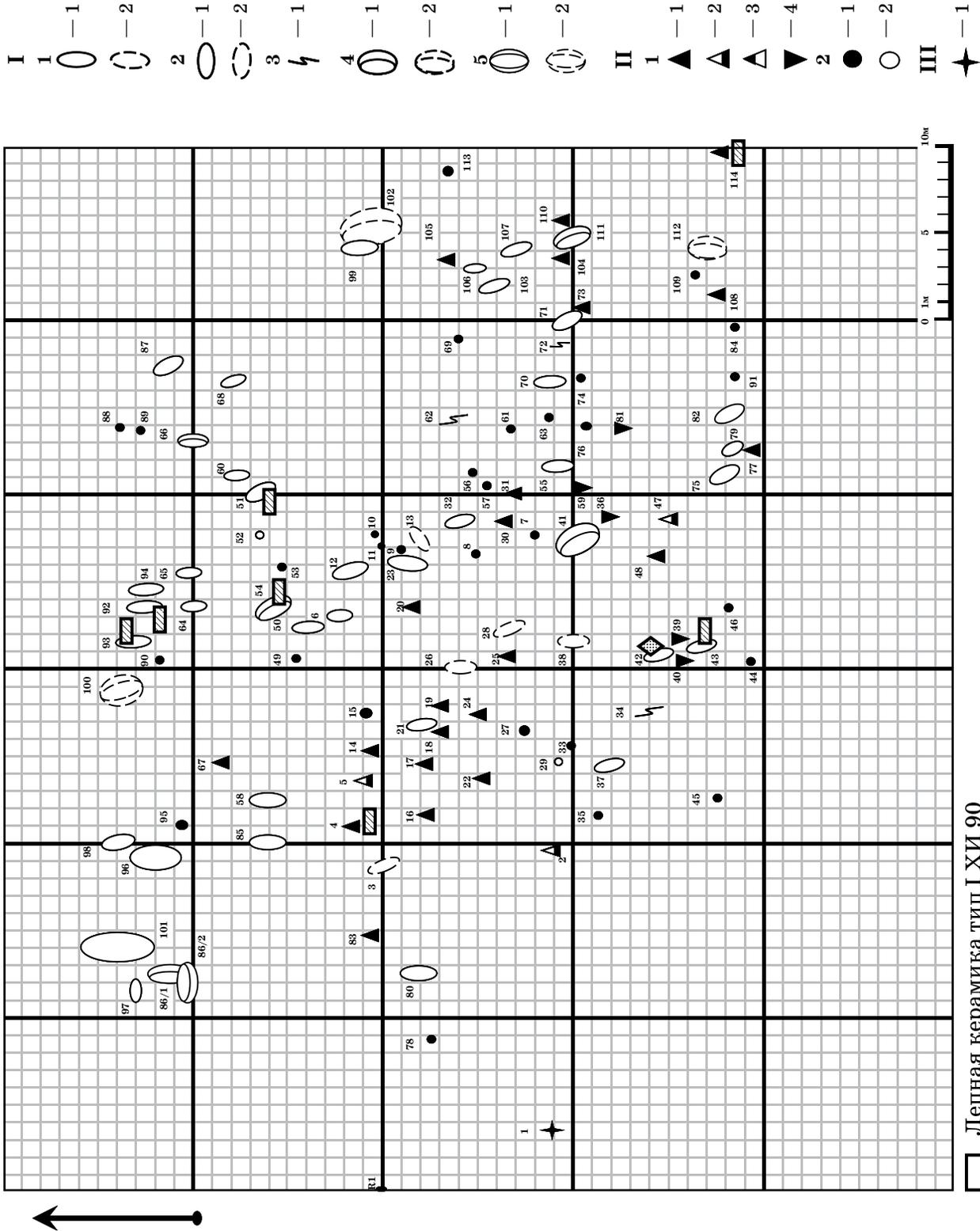

Рис. 43. Положение лепных сосудов на плане могильника Войтенки. Типы погребений см. на рис. 3

	п. 22	п. 20	п. 114	п. 70	п. 93	п. 64	п. 101	п. 96	п. 23	п. 102	п. 58	п. 41	п. 86/2	п. 32	п. 112	п. 52	п. 68	п. 55	п. 111	п. 94	п. 54	п. 92	п. 86/1	п. 42	п. 110
	ТС	ТС	ТС/М	ТП/М	ТП/М	ТП/М	ТП/М	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТС/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТП/Ж	ТС/Ж
ХИ 02							x	x																	
ХИ 03										x															
ХИ 04										x															
ХИ 13							x	x																	
ХИ 14			x																						
ХИ 15		x																							
ХИ 20						x	xx	xx			x	x	x												
ХИ 24				x	x																				
ХИ 36										x															
ХИ 37								x																	
ХИ 41	x																								
ХИ 40			x																						
ХИ 61												o													
ХИ102								y																	
ХИ 01												x		x											
ХИ 10											xx									x	xx	x	xx		
ХИ 11											x	xx													
ХИ 12																									
ХИ 21				x		x														xx					
ХИ 23										x														x	
ХИ 31																									
ХИ 32																									
ХИ 33																									
ХИ 34																									
ХИ 35																									
ХИ 50																									
ХИ 51																									
ХИ 52																									
ХИ 53																									
ХИ 55																									
ХИ 56																									
ХИ 57																									
ХИ 58																									
ХИ 60																									
ХИ 62																									
ХИ 63																									
ХИ 64																									
ХИ 70																									
ХИ 71																									
ХИ 75																									
ХИ 77																									
ХИ 76																									
ХИ 78																									
ХИ 81																									
ХИ 83																									
ХИ 85																									
ХИ 89																									
ХИ 96	y	y	y					y	y	y	y	y													
ХИ 97																									
ХИ 98			y		y				y	y											y				
ХИ 99										y												y			
ХИ 100										y	y														
ХИ 101			y		y				y	y	y	y	y								y	y	y		y
ХИ102			y							y	y	y	y								y	y	y	y	y
ХИ 103			y				y		y	y															
ХИ 104										y															
ХИ 105					y																				
ХИ 106										y	y														
ХИ 90			y		y																				

Рис. 44. Таблица сериации комплексов могильника Войтенки

х	Хронологические индикаторы первого уровня
о	Хронологические индикаторы второго уровня
у	Керамика

Хронологические индикаторы первого уровня	
ХИ 1-9	Стеклянные сосуды
ХИ 10-19	Фибулы
ХИ 20-29	Пряжки
ХИ 30-39	Костяные гребни
ХИ 40-49	Предметы вооружения
Хронологические индикаторы второго уровня	
ХИ 50-59	Бусы
ХИ 60	Янтарные грибовидные подвески
ХИ 61	Подвески из раковин моллюсков
ХИ 62-69	Металлические подвески
ХИ 70-73	Костяные и роговые подвески
ХИ 74	Костяные проколки «стилосы»
ХИ 75	Костяные игольники
ХИ 76	Клюковидные булавки
ХИ 77	Бронзовые иглы
ХИ 78	Заколки для волос «пинцеты»
ХИ 79	Перстни проволочные
ХИ 80	Браслеты проволочные
ХИ 81	Железные ножи
ХИ 82	Бронзовые скальпели
ХИ 83	Железные шилья
ХИ 84	Бронзовые шилья
ХИ 85	Металлические части деревянных шкатулок и игральные доски
ХИ 86	Ключи от шкатулок
ХИ 87	Стеклянные игральные жетоны
ХИ 88	Железные кресала
ХИ 89	Глиняные пряслица
ХИ 90-95	Лепная керамика
ХИ 96-115	Гончарная керамика

Рис. 44. Таблица сериации комплексов могильника Войтенки. Хронологические индикаторы

- I 1 1 — 1
- 1 1 — 2
- 2 1 — 1
- 2 1 — 2
- 3 1 — 1
- 4 1 — 1
- 4 1 — 2
- 5 1 — 1
- 5 1 — 2
- II 1 1 — 1
- 1 1 — 2
- 1 1 — 3
- 1 1 — 4
- 2 1 — 1
- 2 1 — 2
- III 1 — 1

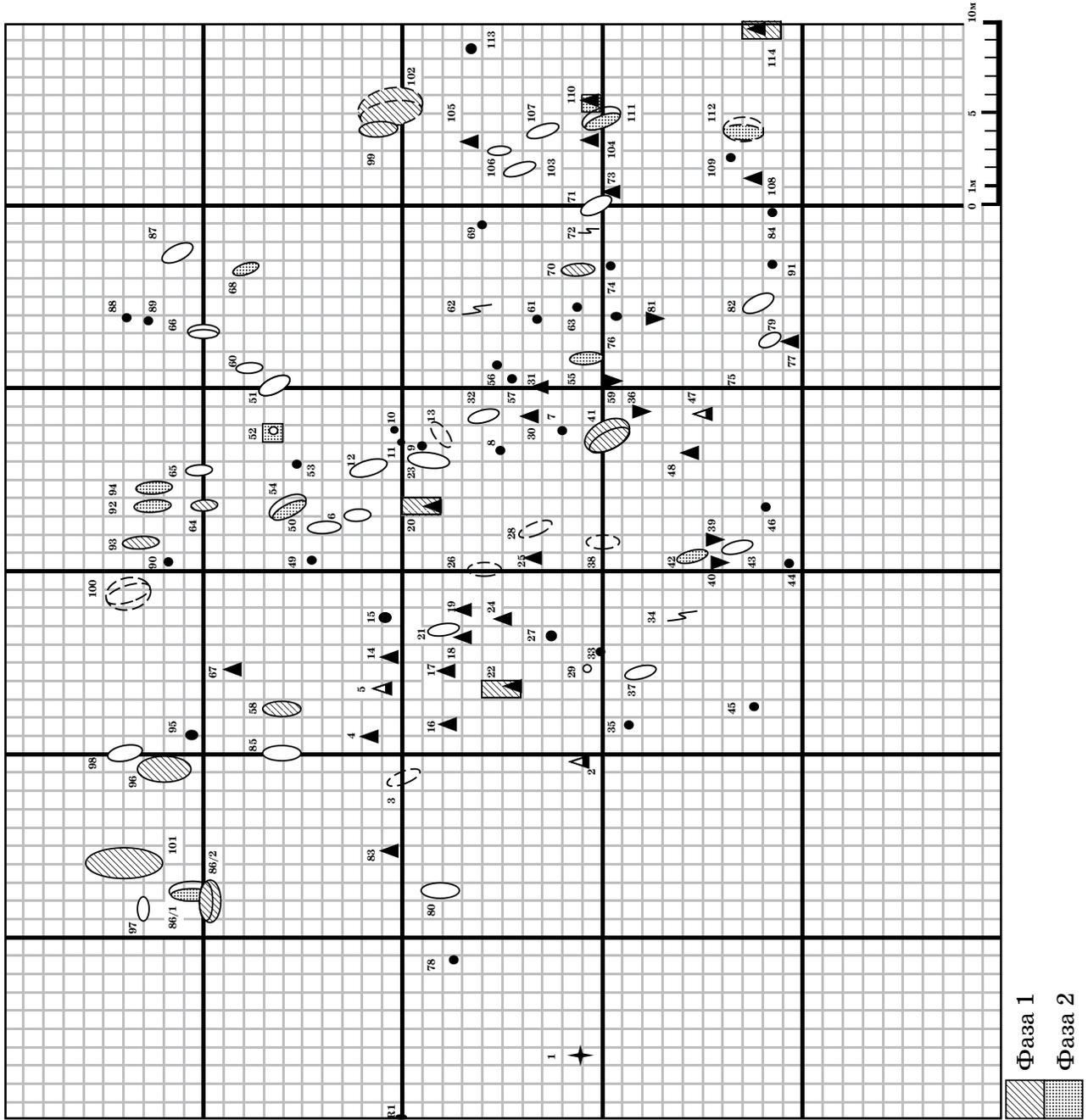

Рис. 45. Положение погребений различных фаз на плане могильника Войтенки.
 Типы погребений см. на рис. 3

Таблица 1. Распределение погребений могильника Войтенки по типам и вариантам

Ингумации	Вариант 1	Вариант 2
Тип 1	6, 12, 21, 23, 32, 37, 42, 43, 50, 55, 58, 60, 64, 65, 68, 70, 71, 75, 79, 80, 82, 87, 92, 93, 94, 98, 99, 101, 103, 106, 107, 111	13, 26, 28, 38
Тип 2	97	
Тип 3	34, 62, 72	
Тип 4	41, 54, 66, 86	85, 102, 112
Тип 5		100

Кремации	
Тип 1 вариант 1	2, 4, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 24, 25, 30, 31, 48, 67, 73, 77, 83, 104, 105, 108, 110, 114
Тип 1 вариант 2	2, 47
Тип 1 вариант 3	5
Тип 1 вариант 4	36, 39, 40, 59, 81
Тип 2 вариант 1	7, 8, 9, 10, 11, 15, 27, 33, 35, 44, 45, 46, 49, 53, 56, 57, 61, 63, 69, 74, 76, 78, 84, 88, 89, 90, 91, 95, 109, 113
Тип 2 вариант 2	29, 52

Таблица 2. Бусы из могильника Войтенки

	T-1 B-1	T-1 B-2	T-1 B-3	T-1 B-4	T-2	T-3 B-1	T-3 B-2	T-4	T-5	T-6	T-7 B-1	T-7 B-2	T-8	T-9
10								2						
15								1						
17								1						
23	24	8				6	1	8		6			1	2
33								1						
35								1	1					
41	1							15		97	15			
42	5			1	1					3				
52								11						
54						1		7		2				
58								10						
64												1		
68	4	1								1		1		
77				1										
86/1								6		8		1		
86/2	103					23		3		2				
92	17					11		2		2				
94	27					1		9		1		5		
95								1						
96	2											1		
97	2													
102	5	2						8		5				
110								1						
111			6											
112								2		38				
113								10						

По горизонтали: Т — типы, В — варианты; по вертикали — номера погребений

Продолжение таблицы 3

	Т-1	Т-2	Т-3 В-1	Т-3 В-2	Т-3 В-3	Т-4 В-1	Т-4 В-2	Т-4 В-3	Т-5 В-1	Т-5 В-2	Т-5 В-3	Т-6	Т-7	Т-8	ТЛ-1 В-1	ТЛ-1 В-2	ТЛ-2
77	3					2											
80	3					1											
81							1										
83	1				1		1										
86/1	5				1	7	1			1	1						
87	1					1											
92	1						1				1						
93			1			1							1				
94	3		1			1	1										
96	4		3		1	2	2		1	1				2			
97	1					1	1										
98														1			
99	2					2	1		1					1			
100	2					3											
101	4			1	1	5	3				1			1			
102	3		1			1	1										
103	1					1											
104	1																
106	1																
107									1					1			
108	1					1											
110	1													1			
111	3					1	1				1			1			
112	1		1			1	1										
114	есть		есть			есть	1			есть							

По горизонтали: Т — типы изделий на быстром гончарном круге, ТЛ — типы лепных изделий, В — их варианты;
по вертикали — номера погребений

НЕРОМАНИЗИРОВАННЫЕ ИЛЛИРИЙЦЫ И СЛАВЯНЕ

Об иллирийцах написано много и с разных точек зрения, но имеющиеся взгляды существенно различаются. В югославской археологической науке об иллирийцах доримской эпохи преобладает следующая концепция:¹ иллирийцы, жившие на территории, позднее ставшей римской провинцией Далмация, отличались от паннонцев, обитавших в бассейне Савы, как и от жителей в районе нижнего течения Моравы, которые являются смесью иллирийцев с фракийцами; вдоль Дуная, от устья Тимока до устья Дрины и Дравы, преобладали кельты (скордиски), жившие также в других местах в Паннонии и на западе Далмации. Следует отметить, что римские источники (например, Плиний и Аппиан) вначале все эти области, а также ряд территорий в Нижнем Подунавье, называли иллирийскими. Иллирийцев, жителей будущей провинции Далмация, римляне покорили между Первой иллирийской войной (229—228 гг. до н. э.) и 13—9 гг. до н. э., когда были подчинены паннонцы в бассейне Савы. Большое далматийско-паннонское восстание 6—9 гг. н. э. было утоплено в крови. Будущую провинцию Верхняя Мезия римляне завоевали потому, что до этого, в 29—28 гг. до н. э., уже покорили ряд племен на правом берегу Дуная. После разгрома иллирийского восстания 6—9 гг. была восстановлена провинция Мезия, включающая земли от бассейна Моравы на западе до устья Дуная на востоке.

В «Польской истории» Винцентия Кадлубека сохранено предание, бытовавшее и в конце XII в., о разделении Подунавья между славянами и завоевателями-волохами, а в «Повести временных лет» говорится о расселении славян из Подунавья до Поднепровья под давлением волохов [Седов, 1994. С. 8—9]. Волохами, по предположению ряда исследователей, являлись римляне. Этапы их экспансии в Подунавье мы рассмотрели выше. Правда, в римских письменных источниках в Подунавье фигурируют иллирийцы, а не славяне. Для данной темы важно, что уже более 30 лет назад Ксения Васильевна Каспарова выявила археологические сви-

детельства иллирийского влияния на образование зарубинецкой культуры Поднепровья [Каспарова, 1981]. Сейчас мы располагаем значительно более обширными археологическими данными о связях территорий Далмации и Мезии с Поднепровьем в эпоху перед сменой эр. В качестве примера можно указать фибулы, на территории Украины и Белоруссии известные как «зарубинецкие», а на территории Сербии и близлежащих землях, где их находят все больше, — как «копьевидные» (рис. 3Б). Копьевидные фибулы Адриатического Приморья датируются III—II в. до н. э., а найденные вдоль Савы и Дуная — I в. до н. э. и началом н. э. [Роровић, 1994; Брукнер, 1995а. Табл. VI: 8, XXIII: 231; Капуран, 2008. Табл. I: 2]. Фиксируемая фибулами «сдвигка» на северо-восток соответствует хронологии и направлениям римских нападений на иллирийцев и подтверждает сходство населения Адриатического Приморья и Сербского Подунавья. Эти и другие открытия в Сербском Подунавье, прежде всего Станко Трифуновича в Чуруге на Тисе [Трифунувић, 2000; Трифунувић, Пашић, 2003], показывают, что надо приступить к новому объяснению и других давно известных археологических материалов, способных подтвердить славянские предания об их происхождении из Подунавья, т. е., вероятно, от иллирийцев, известных по римским источникам.

Обычно полагают, что иллирийцы под римской властью были романизированы и потеряли свой язык, позднее, под натиском славян, их потомки оставили долины рек и отступили в горные местности², а собственно «римляне» укрылись в приморских городах. Слово «иллириец» употреблялось в Римской империи до тех пор, пока, начиная с эпохи императора Ираклия (610—641 гг.), в отношении жителей тех же территорий не стало употребляться имя «славяне». Встает вопрос, что римляне подразумевали под «иллирийцами» или, например, «паннонцами» — этнос или обитателей определенной территории, ведь в провинциях Иллирик и Паннония, например в городах, жило население разного

¹ Здесь не рассматривается крайняя точка зрения, заключающаяся в том, что «настоящие» иллирийцы жили только на территории современных Черногории и Албании.

² Есть даже точка зрения, что дальние потомки иллирийцев — албанцы, несмотря на то что предки албанцев появляются на территории Албании только в XI в. [Ферјанчић, 1988].

происхождения. В ряде случаев нет сомнений, что имеется в виду этнос, как например в отношении императора Клавдия Второго (268—270 гг.), про которого в *Scriptores Historiae Augustae* (11.9; 14.2) сообщается, что происхождением он дарданец или иллириец. Поскольку в это время еще не было провинции Дардания, очевидно, что здесь имеется в виду племя, известное с предримской эпохи. Среди племен доримской эпохи в IV в. отмечены также амикензы (*amicenses*), ранее известные под именем амантины (напр.: *civitas Amantiorum* — Сирмий, ныне Сремская Митровица; *Amantinus* — епископ в Виминации в 343 г.) и пикензы (*Picenses*; напр., *castellum Pinco* — ныне Великое Градиште, расположенный в устье р. *Pinco* — ныне р. Пек, впадающая в Дунай). В этот ряд можно поставить и Сербинум — Сервитию (*Serbinum* — *Servitium*), поселение на правом берегу Савы, неоднократно упомянутое до начала Великого переселения народов. Это название указывает на неких сербов в римскую эпоху. В Средние века это поселение называлось Градиште, ныне — городок Градишка. Важно и то, что в славянском сербском языке сохранена предримская топонимия и гидронимия, и даже фамилии, отмеченные у Плиния, например: *Deuri* — Деура, Деурич (известны и в России); *Docleates* — Доклиян, Доклестич; *Deretini* — Дерета, Деретич; *Glinditiones* — Глинтич; *Siculetae* — Сикулич (известны в России); *Vardaei* — Варда, Вардич, Вардалич [Plinius III, xxii 143]. Они кажутся неславянскими, но мы должны вспомнить, что неславянскими кажутся и наименования в «Повести временных лет» и других источниках славянских племен (чехи, мораване, хорваты, сербы, карантанцы, дулебы и др.) в сравнении, например, с такими наименованиями, как поляне, деревляне, кривичи, и т. д., локализуемыми в Повислении и Поднепровье.

То, что многочисленные иллирийцы не были романизированы к IV в., на археологических источниках можно проследить по керамике, которая сопоставима и с одновременной славянской посудой вне Римской империи. Ниже я остановлюсь только на некоторых новых и некоторых старых оставшихся без внимания находках керамики из римской Далмации и Подунавья, не рассматривая вопросы ее детальной типологии, связи с известными по письменным источникам отдельными племенами иллирийской территории, возможности узкой датировки комплексов, соотношения их с историческими событиями и т. д. То есть картина неизбежно будет упрощена, но это поможет лучше увидеть суть.

Далмация. Иллирийцы в археологических источниках эпохи начала римской оккупации территории, где будет образована провинция Далмация, представлены несколькими соотносимыми с племенем яподов памятниками, сгруппированными на западе, в Поунье (рис. 1), Их могильники Езерине и Рибич давно исследованы, материалы обработал Здравко Мариц и разделил на 6 периодов [Marić, 1968]. К этой группе относится и могильник Голубич [Raunig, 1968]. Два поздних периода интересны для нашей темы: пятый, датированный приблизительно

между 110 г. до н. э. и 10/20. г. н. э., и шестой, хронология которого определена между 10/20 гг. и около 110 г. (рис. 2).

В отличие от могильников, мало что известно о городищах, которые должны быть многочисленными, хотя бы для того, чтобы защищаться от римлян. Судя по кратким сообщениям римских авторов (Аппиан Александрийский, Дион Кассий), иногда иллирийские укрепления сопротивлялись до гибели всех защитников и самоубийства жен с детьми (Метулум, Ардуба). Пока приходится ограничиться рассмотрением небольшого материала с трех городищ. Керамика городища в Грачаце (рис. 3. А) имеет черты, показательные для раннего железного века, а также некоторые более поздние характеристики, например, короткие венчики у сосудов и круглые плитки (рис. 3А: 4, 9, 10, 19, 20). Памятник может быть датирован в пределах: около III в. до н. э. до покорения либурнов (35—34 гг. до н. э.). «Верхний город» городищ Грахово и Бьелай построен из камня (что обычно для иллирийцев) на известковом растворе, заимствованном у римлян (т. е. в период контактов), а «нижний город» защищен конструкциями из дерева, земли и камня (рис. 4). Оба городища относятся к эпохе иллирийского восстания [Янкович, 2010]. Для найденной на этих городищах керамики характерны: использование медленного гончарного круга, кальцит в тесте, отсутствие орнаментации, короткие венчики, формы с невыделенной шейкой, миски с S-видным профилем, крышки, наличие столовой (лощеной) и кухонной (у нее больше кальцита в тесте) посуды.

Такая керамика соответствует пятому периоду, выделенному З. Марицем для могильников (рис. 2А). Материалы шестого периода по З. Марицу позволяют говорить, что около конца I в. местное население из Верхнего Поунья ушло, из-за чего и прекратилось использование могильников. Вероятно, на направление миграции указывают археологически документированные связи Поунья с территорией Баната (северо-восток современной Сербии и юго-запад современной Румынии) [Янкович, Радичевич, 2010. С. 144—145] или еще более далекими регионами на северо-востоке [Каспарова, 1981]. Находки с городищ и могильников свидетельствуют о том, что иллирийцы запада Далмации в I в. сохраняли традиционное гончарство, используя, как и в доримское время, медленный гончарный круг. Продолжение этих традиций можно проследить до поздней античности.

Иллирийская керамика, достоверно датированная IV в., известна на востоке Далмации, в Подринье. Поселение Кршче около Мушича возле Вишеграда, на правом берегу Дрины (рис. 1: 20), опубликовала Ирма Чремошник [Čremošnik, 1970. С. 46—83]. Материалы с пола двух построек она отнесла к римской эпохе, а к более поздним «домам» отнесла керамику с «доисторическими» чертами, которую интерпретировала как славянскую и датировала эпохой Великого переселения народов. Это, прежде всего, формы без выделенной шейки, горшки и миски небольших размеров, использование лощения, светло-серый цвет изделий

(рис. 5; 6). К сожалению, публикация была построена по типологическому принципу, а не по закрытым комплексам, поэтому нам неизвестен полный набор одновременной керамики для каждого «дома». Всего же ею были выделены 3 хронологические группы керамики: римская; начала эпохи Великого переселения народов; эпохи первых упоминаний славян на Балканах в письменных источниках.

Недавно, в 2008 году, на левом берегу Дрины, в Скланах, возле Байине Баште (рис. 1: 19) Мирко Бабиц открыл римскую постройку с напольными мозаиками и живописью [Babić, 2009], принадлежавшую римскому муниципию открытого типа Малвесиатий. В ней в закрытых комплексах вместе со столовой римской посудой найдена керамика, схожая с вишеградской, определенной И. Черемошник как славянская с «доисторическими» характеристиками, так что нет сомнений, что все эти сосуды использовались одновременно. В слое поселения вне этой постройки найдена только грубая кухонная посуда, вероятно, из комплексов некоторых деревянных помещений. Исследования в Скланах продолжаются, керамика полностью еще не обработана и не опубликована. В данной статье с любезного разрешения М. Бабица приведена лишь выборка, дающая представление о всем наборе.

Опираясь на материалы из Склан и Кршча, сейчас могут быть выделены как минимум 3 периода, характеризующие иллирийскую керамику IV в. в Подринье и всей Далмации.

Здание в Скланах построено, вероятно, перед концом III в. или в период тетрархии. В нижнем конце отводящего канала канализации найдены много фрагментов керамики, которая откладывалась во время использования канала (рис. 7Б), римская фибула и монеты конца III — начала IV в. Кухонная посуда сделана на медленном круге из глины с примесью кальцита, обожжена до темных тонов, лощеная. Обращают на себя внимание сравнительно крупные горшки без выделенной шейки или с коротким немного раскрытым венчиком, в том числе и украшенные по плечу полосой из ямок; простые конические миски, а также сделанные лучше лощеные горшки или кубки. Римская столовая посуда представлена мисками серых и красных оттенков с утолщенными и отогнутыми венчиками.

В здании, в слое над полом из камней и известковой штукатурки, под завалами из кирпичей (закрытый комплекс перед разрушением здания) найдена несколько иная керамика (рис. 7А). Кухонная посуда сделана тем же способом, что и найденная в канале канализации, но преобладают маленькие горшочки с выделенной шейкой и немного отогнутым венчиком; орнаментация полоской из ямок встречается реже. Такая же технология изготовления и у многочисленных мисок; они более разнообразны, чем найденные в канализации, но, как и там, все без выделенной шейки. Среди римской столовой посуды выделяются миски со скругленным туловом без шейки, переходящим в отогнутые Т- и Г-образные венчики, с гладкой поверхно-

стью. Без сомнения, они датируются позднее тех, что найдены в канале канализации. Таким образом, здание использовалось на протяжении первой половины IV в., может быть — с конца III в.; в канале канализации откладывалась керамика этого периода, а керамика из слоя под завалами, датируемая не позднее середины IV в., относится ко времени, когда постройка пострадала. Грубая кухонная посуда принадлежит местному населению, столовая сделана в римских городских мастерских.

С учетом современных данных можно утверждать, что столовая посуда и грубая кухонная посуда из Кршча возле Вишеграда относятся к одному периоду и составляют инвентарь из зданий, построенных, скорее всего, в течение третьей четверти IV в. Судя по большому количеству поливной керамики (рис. 5. Г) и монете Грациана (367—383 гг.), поселение в основном относится к последней четверти IV в., то есть к началу эпохи Великого переселения народов. Кухонная посуда из Кршча близка найденной в Скланах, включая украшение полоской из ямок, но здесь больше горшков, нередко встречается более профилированная шейка, шире раскрытый венчик. Появляются крышки, соответствующие более профилированной верхней части горшков, цилиндрические горшки. Эти отличия подтверждают для Кршча датировку, более позднюю, чем для Склан, но указывают и на возможность внешних влияний. С учетом того что в Кршче имеется славянская керамика VI — начала VII в., возможно отнесение части находок начала эпохи Великого переселения народов к V в.

Рассмотренным находкам из Кршча близок по времени курган из Ресановцев возле Грахова (рис. 1: 6), датированный монетой Валента (364—378 гг.) [Янкович, 1997. С. 59—62]. В нем представлены фрагменты столовой и кухонной посуды, амфор, пифосов (рис. 8В). Кухонная посуда сделанная на медленном круге и представлена частями миски с загнутым внутрь венчиком и частью длинного венчика горшка со слабо выраженной шейкой, которые напоминают некоторые образцы из Склан.

Интересующие нас типы кухонных горшков бытовали и раньше, что можно проследить на примере некоторых урн II в. из некрополя муниципия „S...“ возле Плеваля в бассейне верхнего течения Дрины (рис. 1: 3В; [Cermanović-Kuzmanović, Srejšević, Marković, 1972; Ружић, 2009. С. 106; Сл. 5]). Похожая кухонная посуда, сделанная на медленном круге, с лощеной поверхностью, однако не сопровождавшаяся римской столовой керамикой, найдена в контексте памятников скотоводческого населения провинции Далмации. Это население, по-видимому, пострадало в ходе Великого переселения народов, вероятно, около конца IV в., а принадлежащая ему керамика найдена в насыпях более поздних курганов — в Лютичах возле Плеваля (рис. 1: 22) и Уздолье возле Книна [Янкович, 1997. Рис. 25: 1—7; 158: 1—9]. К особенностям этих наборов (рис. 8А; 8Б) относятся: большие горшки без выделенной шейки, с одной или двумя ручками; крышки, в том числе большие, в виде части сферы (т.н. сач); диски-сковороды.

По локализации в бассейне среднего и верхнего течения Дрины, рассмотренная кухонная керамика из Далмации, без сомнения, принадлежит местным уроженцам, иллирийцам, и кажется вероятным, что она ведет происхождение от доримских керамических традиций, тех же, что в Поунье. Это показывает непрерывность традиций иллирийского гончарного производства и способов приготовления еды. Более поздний керамический набор отличается прежде всего наличием римской столовой посуды у богатой части населения, жившей в наземных постройках. В областях поблизости от Далмации интересующая нас посуда имеется на территории области Срем. Кроме того (что на первый взгляд необычно), похожая керамика отмечена на территории южного Баната, в области лимиганатов, но там она не лощеная и в тесте содержит шамот, а не кальцит (которого нет в равнинном Банате). Сходство заметно по формам горшков и мисок без выделенного горла, а также по мискам, сделанным на быстром круге. Такая посуда найдена на поселениях в Баранде, Банатском Карловце, Падейе (рис. 1: 37, 38, 40), где она уже связана со славянами [Янкович, 1997. Рис. 3: 4—6, 12, 14, 17; Трифуновић, 2000. Табл. I: 11—13, 16, 19, 22—23; VII: 7, 12—14; VIII: 15—18; X: 20—21]. В Баранде отмечены и случайные находки нескольких сосудов без горлышка [Янкович, 1990. С. 105, № 84], похожих на образцы из Могориела [Čremošnik, 1952. С. 251. Табл. 3: 4] и Уздолья в Далмации (рис. 8А: 6).

На современном уровне исследования керамики Далмации детальные типологические сопоставления затруднены, можно лишь указать на сходную посуду, прежде всего на формы без выделенного горла как легко узнаваемые и известные в славянских областях. На протяжении I—V вв. посуда без горлышка была довольно широко распространена, а около VI в. постепенно исчезает. В раннесредневековом славянском керамическом наборе (например, в пражской культуре) эта форма относится к архаичным; на территории Польши она известна во второй половине V в. [Paczewski, 1988. С. 106. Рис. 12: А], а в других регионах и ранее того: например, она показательна для пражских комплексов фаз 0 (около 2-й половины IV в.) и I (середина V — 1-я половина VI в.) по И.О. Гавритухину [Гавритухин, 1997; 2005]. Близкие формы представлены в бассейне верхней Лабы (Эльбы) в эпоху Великого переселения народов, где они приписываются германцам. Среди кухонной посуды там преобладают сосуды с загнутым внутрь венчиком, но имеются и горшки с выделенным горлом; столовая посуда сделана на круге и украшена [Svoboda, 1965]. С влиянием из Полабья связываются редкие находки такой же кухонной посуды на территории чешской Моравии, противоположной (если смотреть от Дуная) Далмации [Tejral, 1982. С. 177—179. Рис. 14; 68; 70]. Очень похожая посуда имеется в Повисленье, где принадлежит в основном вельбарской культуре, но известна и в пшеворской культуре. На территории Волини такие кухонные сосуды, как лощеные, так и грубой выделки, найдены в постройках

(они подобны исследованным в Кршче), которые принадлежат также вельбарской культуре [Козак, 1991. С. 70—103, рис. 41—45; 47—54]. Нужно обратить внимание на то, что в комплексах с такой керамикой не найдена украшенная столовая посуда, которая известна по погребениям этой культуры, а также на то, что кухонная посуда без выделенного горла отмечена в этом регионе еще около смены эр [Козак, 1984. Рис. 20: 3; 21: 3—4, 11; 37: 1]. Восточнее преобладают горшки с выделенным горлом. В верховьях Прута, в культуре карпатских курганов, на поселении Глыбока рассматриваемые сосуды представлены наряду с горшками, имеющими выделенное горло, а в Печенежине они были найдены в гончарской мастерской вместе со столовой посудой, сделанной на круге [Вакуленко, 1977. С. 95—97, 103—106. Табл. IV—VIII; XIII]. На Среднем Днестре горшки с загнутым внутрь венчиком и другие сосуды, похожие на горшки из Далмации, известны на поселениях черняховской культуры [Вакуленко, Приходнюк, 1984. С. 6—43. Рис. 5: 8, 10; 9: 3—4; 10: 2, 7, 9; 11: 4; 13: 8]. Горшки без выделенного горла обычны и на черняховских памятниках в бассейне верховий Днестра и Западного Буга [Баран, 1981. Табл. V: 7—10]. Такие горшки в Поднестровье имелись и раньше, около рубежа эр [Пачкова, 1983. Рис. 32: 9—11; 33: 1—5; 34: 1—3, 7—8], и позднее — в раннем средневековье на бесспорно славянских памятниках пражской культуры [Вакуленко, Приходнюк, 1984. Рис. 22: 2; 23: 15; 30: 8; 31: 6, 7].

Существует заметное сходство иллирийского керамического комплекса и с керамикой липицкой культуры I — начала III в., в нем часто встречаются горшки и миски без выделенного горла, глубокие лощеные миски с двумя ручками [Цыгылык, 1965. Табл. I: 3, 9, 14; Цыгылык, 1971. Рис. 3: 7, 9—13, 18—19; 4: 1, 8—9], известные в Подринье, обычные в Посавинье и Сербском Подунавье [Sladić, 1986. Табл. XVI: 4; XLVI: 9], а также в Земплине в бассейне верховий Тисы [Budinský-Krička, Lamiová-Schmiedlová, 1990. Табл. I: 7; XVII: 4; XVIII: 20; XXI: 23]. С горшками из Скелан и Кршча схожи лепные горшки киевской культуры, особенно Днепровского Левобережья, например Шишино-5 и Каменково-2, правда, там имеются другие формы мисок, т.е. столовой посуды [Обломский, 2003; Обломский, Радюш, 2007. С. 27—30, рис. 15: 3—4, 7, 11; 61: 1, 3; 96: 5—7, 9, 13, 18—20; 102: 6—10; 127: 2]. Схожая кухонная лепная керамика есть на памятниках к востоку от Средней Волги, например в Тимяшево, Сиделькино, Кондурче [Сташенков, 2005. Рис. 46: 1; 67: 3; 79: 1; 92: 1; 94: 2]. Там же найдены и круглые плитки — «кругляши» [Сташенков, 2005. Рис. 41: 3; 90: 5—6], как в рассмотренных выше ранних комплексах Поунья, а также в Чуруге с конца I тыс. до н.э. до IV в. н.э. [Трифуновић, Пашић, 2003. Рис. 6: 11—12; 9: 2; 12: 5—7] и более северных районах Подунавья [Meduna, 1980. С. 129. Табл. 1: 2; 40: 21—25; 55: 5; 56: 1—5; 65: 9—12; 100: 7—8].

Сербское Подунавье. Здесь картина несколько отличается от той, что прослеживается в отношении римской Далмации, а тому, чтобы проследить

развитие местной культуры, мешает очевидное заблуждение в вопросе об этнической принадлежности ее носителей до римского завоевания. Вкратце дело обстоит так. На землях современной Сербии около Дуная, в устье Моравы, Тимока, в Посавинье и Потисье керамика рубежа эр приписывается кельтам (быстрый гончарный круг; столовая серая посуда прекрасного лощения; кухонные горшки без выделенного горла, украшенные с помощью гребня) и дакам (сделанные на медленном круге и лепные сосуды; горшки с выделенным горлом и раскрытым венчиком, украшение налечами в виде шишечек, языков и полумесяцев, ямками, валиками с вдавлениями, полосами, выполненными гребнем; миски, крышки). Из-за такого безосновательного и предвзятого взгляда, например, пикензи — судя по имени, иллирийское племя — рассматриваются как смесь кельтов и даков [Сладић, 2005. С. 219—220]. Все фибулы видятся как кельтские, римские, дакийские или сарматские, но не иллирийские, что выглядит по меньшей мере странным [Янкович, Радичевич, 2010. С. 144].

Серая керамика, сделанная на быстром круге в конце I тыс. до н.э., была в употреблении у иллирийцев, как и в Нижнем Подунавье (которое считается фракийским, хотя фракийцы жили в бассейне Марицы), и в северном Потисье (которое считается «скифским»). Распространение быстрого круга в Подунавье — особый вопрос, требующий специального исследования, включающего изучение серой керамики Поднестровья. Надо заново рассмотреть и основания для утверждения о якобы кельтском происхождении всей серой керамики скордисков. Напомню, что у скордисков известны преимущественно кремации, а кельты практиковали трупоположение, как и многие иллирийцы на территории будущей провинции Далмации, в отличие от паннонцев, которые, как правило, сжигали умерших.

Что касается «дакийской» керамики, то она известна на территории области Срем и далее вдоль Савы, в Потисье, во всем Поморавье и в бассейне Тимока. Поэтому ее следует связывать с местным населением, а не с даками. Прежде всего, это известные по письменным источникам иллирийские племена, жившие вдоль Дуная, — бреуки, андизеты, амантины, трикорнензы, пикензы, археологические памятники которых еще не определены, а может быть, и мезы, дарданцы, трибалы. Как иллюстрацию культуры Сербского Подунавья рубежа эр (рис. 9. Г, Д; 1: 39, 28) приведу пример из Чуруга в нижнем Потисье на северных землях Сербии [Трифуновић, Пашић, 2003. Рис. 4—6] и из Кршевице в южном Поморавье на юге современной Сербии [Роровић, 2005. Табл. VI].

На территории провинции Паннония Вторая, как и в Поунье, местные керамические традиции сохранялись в течении I в. н.э.; в самом Сирмии, городе амантинов, посуда отличается от той, что известна в Далмации [Brukner, 1981. Табл. II—IV]. Это серая столовая лощенная до блеска посуда, приписываемая скордискам, а также украшенные гребнем горшки — или «кельтского» облика, или с отогнуты-

ми венчиками, как у сосудов из Поморавья. Однако с нескольких сельских поселений I в. до н.э. — I в. н.э. на территории области Срем происходит керамика [Brukner, 1995a. Табл.V: 147—148, 153—154], похожая на рассмотренную выше посуду из Подринья. Это многочисленные горшки с венчиками, загнутыми внутрь, украшенные гребнем и налечами; с ними найдены две копьевидные фибулы (рис. 3. Б: 1, 3). В III—IV вв. керамика с далматскими чертами исчезает, но на сельских поселениях отмечено несколько горшков грубой выделки, округлобоких с отогнутым венчиком, а реже — с «кельтскими» чертами [Brukner, 1995b. № 16—18, 20, 53]. Горшки с отогнутым венчиком, сделанные на медленном круге, украшенные с помощью гребня, найдены и в городах, например в Сирмии [Brukner, 1981. Табл. III: 4], одной из столиц римских провинций того времени. На биритуальном могильнике конца I — второй половины IV в. возле Сирмия, и в кремациях, и в ингумациях найдены остатки разбитой посуды [Милошевић, 1995. Табл. I—XIII], что свидетельствует о справлявшемся обряде тризны. Петар Милошевич оспорил наблюдения антропологов, которые утверждали, что большинство скелетов этого кладбища принадлежало славянам [Милошевић, 1995. С. 199]. Этот вопрос до новых исследований следует считать открытым. Среди находок есть местная керамика: в двух погребениях верхняя часть горшков с отогнутым венчиком, из которых один, начала II в., украшен с помощью гребня; в третьем погребении верхняя часть такого горшка найдена вместе с венчиком горшка, у которого не выделено горло; в одном погребении найдены венчик горшка без выделенного горла и загнутый внутрь венчик миски (погребения 3а, 16, 27, 56; рис. 9. А-В; [Милошевић, 1995]). Вспомним и могильник Свилош на территории области Срем (рис. 1: 15). Там в погребениях 28 и 54 найдены фрагмент грубого горшка и горшочек с ручками, украшенный полосой из ямок [Dautova-Ruševljan, 2003], как на рассмотренной выше посуде из Подринья.

Опубликованных данных о местной керамике IV в. с территории римской провинции Мезия Первая мало. В долине Большой Моравы, в местности Пуин поток, близ Пожаревца (рис. 1: 35; возле римского города Виминаций) сделана случайная находка столовой и кухонной посуды, датированная монетами Константина Великого [Янкович, Радичевич, 2010. С. 146. Рис. 4]. Тут представлены горшки с отогнутыми венчиками, украшенные вдавлениями, полосой из черточек по плечу. Такой орнамент напоминает посуду из Подринья. Горшки похожи на керамику пикензов, живших на противоположном (левом) берегу Дуная. В Чачаке найдены урны, среди которых некоторые могли быть сосудами, сделанными пришельцами с Левобережья Дуная и из Подринья [Янкович, Радичевич, 2010. Рис. 6: 13—14].

На территории римской провинции Дардания (ныне — область Косово) в ходе работ в монастыре Баньска (рис. 1: 26), на муниципии DD и в других пунктах найдены темно-серые горшки, сделанные на медленном круге из глины с кальцитом, украшенные налечами и с помощью греб-

ня (не опубликованы). Керамика римского города Ульпиана известна фрагментарно, но можно выделить две, пока малочисленные, местные группы (большинство сосудов сделано ремесленниками профессионалами). Один горшок имеет отогнутый венчик и украшен с помощью гребня (рис. 10. В: 5; [Фидановски, 1990. Табл. 32: 32]), то есть способом, распространенным на памятниках около Дуная. Вторая группа представлена расписной столовой посудой (рис. 10. В: 1—4; [Фидановски, 1990. С. 18—22, Табл. 8: 15—21]), что характерно для керамики иллирийцев. Эту группу следует связывать с Далмацией и датировать IV в. — похожие экземпляры найдены в Скланах, возле Теслича, Добоя, в Доклее у Подгорицы. Украшения полукружьями, представленные на керамике из Улпианы разноцветными росписями, есть и у лимиганатов, живших вдоль Дуная, но выполнены там лощением [Трифунувић, Пашић, 2003. Рис. 10: 1].

Сведения о развитии керамических традиций Мезии Первой и Дардании отрывочны. Однако можно говорить об очевидной связи с традициями иллирийцев, представленными в соседней Далмации. Отмечу, что горшки с отогнутыми венчиками, украшенные с помощью гребня, сделанные на медленном гончарном круге, кроме Паннонии Второй известны и вне римской территории, у соседних с ней лимиганатов и в более северных районах Потисья [Budínský-Krička, 1963]. Горшки с налепами есть в культуре карпатских курганов [Вакуленко, 1977]. Неукрашенные горшки, схожие с рассмотренными находками, обычны и в черняховской культуре [Баран, 1981].

Керамика двух Дакий, провинций, основанных после массовой гибели населения римских земель в ходе германского вторжения 268/9 года и расселения беженцев из бывшей провинции Дакии, разоренной в 270—275 годах и оставленной римлянами, существенно отличается от известной здесь ранее. В опубликованных комплексах из римских построек IV в. в бассейне Тимока в Прибрежной Дакии (рис. 10. А, Б) нет посуды с невыделенным горлом, известной в I в. Горшки с отогнутыми прямыми венчиками сделаны на медленном круге и использовались в эпоху тетрархии (Кладово) и в первой половине IV в. [Янкович, Янкович, 1975. Табл. XXVII—XXVIII] вместе с римскими горшками, имеющими сложнопрофилированный короткий венчик, соответствующие таким сосудам крышки, а также с мисками. Во второй половине IV в. медленный круг и горшки с длинными венчиками выходят из употребления, но сохраняются конические и округлые миски (рис. 10. А); появляется поливная столовая посуда римского облика, особенно на землях от Средиземной Дакии до Второй Паннонии, где она представлена в комплексах, датированных около 380 г. [Янкович, 1975. Рис. 10: 13—14]. В конце IV — начале V в. (рис. 10. Б) нет горшков с прямым венчиком, появляются сделанные на круге лампы, украшенные поливой [Янкович, 1983. Рис. 71, 82, 85]. Как мы видим, в Прибрежной Дакии по керамике трудно уловить местные традиции, но следует

отметить, что многие сосуды ближе иллирийской, чем фракийской или македонской посуде.

Итак, в Иллирике, судя по керамике, больше всего нероманизованного населения было в Далмации, немногим меньше — в Мезии и Дардании, меньше — во Второй Паннонии, а менее всего — в обеих Дакиях. В городах Далмации правящий слой населения использовал римскую столовую посуду, а прислуга — домашнюю; в селах использовалась только керамика домашнего изготовления. В Далмации сохранилось и иллирийское ремесленное производство столовой посуды (правда, оно меньше изучено). Прежде всего это расписная посуда, известная с предримского времени. Аналогичные мотивы декора, выполненного с помощью лощения, известны по сосудам I—IV вв. из Подунавья. В Иллирике IV в. различаются две традиции домашнего производства керамики: в Подунавье с низовьями Моравы (бывшая Верхняя Мезия); и от Моравы до Поунья и Савы (бывшая Далмация). Область распространения горшков с отогнутым венчиком и сильно профилированным горлом (что показательно для первой традиции) простирается от Поморавья и Дуная до Днестра. С запада и севера к ней примыкают области, где представлены горшки без выделенного горла: от Далмации до Полабья, в вельбарской и киевской культурах и далее на восток до Волги.

Для рассмотрения керамики Иллирика после гуннских и германских нашествий V в. мы имеем очень мало данных. Судя по кухонной керамике VI в., в Далмации продолжают традиции, известные и в IV в., как и в обеих Дакиях, откуда керамические традиции в это время распространяются на Мезию Первую и Дарданию, опустошенные в эпоху Великого переселения народов. Поморавье отличается от остальной Дакии тем, что там бытует поливная посуда, которая использовалась и в Подринье. Особая линия развития представлена керамикой Паннонии на землях от Сингидуна (современного Белграда) через нынешнюю область Срем до устья Дравы.

Изучение нероманизованных иллирийцев V в. затруднено не только однобокой теорией «романизации», но и чрезмерным вниманием к данным о присутствии германцев. Непредвзятое отношение к роли германцев в истории культуры Подунавья и Балкан позволит более объективно выделить археологические данные, связанные с местным населением. Этим открывается возможность и для изучения формирования с V в. новой славянской культуры на территории Иллирика, сравнимой с остальными славянскими территориями.

Из краткого обзора керамики, связанной в Иллирике с местными традициями конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э., можно сделать два вывода по более обширной проблеме. Первый — точку зрения о тотальной романизации иллирийцев и утрате ими традиционной культуры нужно считать не соответствующей фактам и устаревшей. Это значит, что славяне, известные по письменным источникам VI в., застали на западе Балкан, особенно в провинции Далмация, в основ-

ном иллирийцев, которые сохранили свою идентичность, а не тех жителей Римской империи, культура которых, существовавшая в городах и виллах, более всего пострадала от гуннов и германцев. Второй вывод — иллирийцы участвовали в формировании славянской культуры намного больше, чем предполагалось рядом исследователей (см. также: Јанковић, 1986; 1997; Јанковић, 2004; Микић, 2001).

Сходство ряда черт кухонной керамики, рассмотренной в этой статье, с керамикой других славянских территорий не может быть только случайностью, тем более что соответствия можно проследить и в других областях культуры (это должно стать те-

мой новых специальных исследований). Если учитывать славянские предания, сохранившиеся в «Повести временных лет» и у Кадлубека, об отступлении славян перед волохами-римлянами, можно говорить, что славяне не «завоевывают» запад Балкан и прилегающее Подунавье в V—VII вв., а вместе с сохранившимися здесь потомками иллирийцев занимают и освобождают эти земли. В то время как германцы и элита ромеев покинули Подунавье и Балканы, культура нероманизированного населения Иллирика органично входит в общую славянскую культуру эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья и участвует в ее развитии.

Литература

- Баран В. Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981.
- Брукнер О. Домородачка насеља // Археолошка истраживања дуж аутопута кроз Срем. Нови Сад, 1995а.
- Брукнер О. Римска насеља и виле рустике // Археолошка истраживања дуж аутопута кроз Срем. Нови Сад, 1995б.
- Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я українських Карпат першої половини I тисячоліття н. е. Київ, 1977.
- Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М. Славянские поселения I тыс. н.э. у с. Сокол на Среднем Днестре. Киев, 1984.
- Гавритухин И. О. Хронология пражской культуры // Труды VI Международного конгресса Славянской археологии. Т. 3. М., 1997.
- Гавритухин И. О. Комплексы пражской культуры с датированными вещами // Archeologia o początkach Słowian / Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków, 2005.
- Јанковић Ђ. Покретни налази са некрополе и утврђења код Кладова // Старица 24—25, Београд, 1975.
- Јанковић Ђ. У сутону антике // Гамзиград — касноантички царски дворца. Сер. Галерија САНУ. 45. Београд, 1983.
- Јанковић Ђ. О траговима Ромеја у словенском насељу Кула // Зборник посветен на Бошко Бабић. Прилеп, 1986.
- Јанковић Ђ. Словенске особине насеља позноримског доба на југоистоку Паноније // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Вып. 3. М., 1998.
- Јанковић Ђ. Словени у Источној Србији у VI и VII столећу // Археолошка истраживања Источно Србије, Доњи Милановац 1995. Београд, 1997.
- Јанковић Ђ. Српске громиле. Београд, 1998.
- Јанковић Ђ. Нека археолошка сведочанства о Илирима у доба далматско-панонског устанка // Митолошки зборник. 23. Рача, 2010.
- Јанковић М., Јанковић Ђ. Словени у југословенском Подунављу. Београд, 1990.
- Капуран А. Прилог праисторијској стратиграфији Феликс Ромулијане у светлу нових налаза // Гласник САД. 24, 2008.
- Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2.
- Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984.
- Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. — IV ст. н. е.). Київ, 1991.
- Микић Ж. Антрополошки саджај цркве Успења Богородице у Тврдошу // Vestigatio vetustatis Александрина Цермановић — Кузмановић од пријатеља, сарадника, ученика. Београд, 2001.
- Милошевић П. Римска некропола на излазници митровачке петље // Археолошка истраживања дуж аутопута кроз Срем. Нови Сад, 1995.
- Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — вторая половина V в. н.э.). Сер. РСМ. Вып. 5. М., 2003.
- Обломский А. М., Радюш О. А. Вещевой комплекс // Памятники киевской культуры лесостепной зоне России (III — начало V в. н.э.). Сер. РСМ. Вып. 10. М., 2007.
- Пачкова С. П. Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев, 1983.
- Ружић М. Силван и Херкул у загробним веровањима становника муниципјума С... // Архаика. 2. Београд, 2009.
- Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.
- Сладић М. Вишицина башта — село Гамзиград; насеље позног латена у долини Црног Тимока // Гласник САД. 21. 2005.
- Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I—V веках н.э. Сер. РСМ. Вып. 7. М., 2005.
- Трифунувић С. Насеља Лимиганата и Словена у Банату и Бачкој // Гласник САД. 15—16. 2000.
- Трифунувић С., Пашић И. „Стари Виногради“ у Чуругу — вишеслојно археолошко налазиште // Гласник САД. 19. 2003.
- Ферјанчић Б. Албанци у византијским изворима // Илири и Албанци. Београд, 1988.
- Фидановски С. Римска керамика Улпијане. Београд, 1990.

Цыгылык В. Н. Разкопки на поселенні липицької культури біля с. Верхня Липиця, Івано-Франківської області, у 1962 р. // Археологія. XVIII. Київ, 1965.

Цыгылык В. Н. Поселение возле села Ремезовцы Львовской области (I в. до н.э. — III в. н.э.) // СА. 1971. № 2.

Янкович Д., Радичевич Д. Два культурно-етнических последствия „готского“ нашествия на Фракию и Иллирик в 268 г. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула, 2010.

Babić M. Preliminarni izvještaj o arheološkim istraživanjima u Skelanima 2008. godine // Municipium Malvesiatium, Skelani, Srebrenica. Srebrenica, 2009.

Brukner O. Rimska keramika u jugoslovenskom delu provincije Donje Panonije. Beograd, 1981.

Budinský-Krička V. Sídliisko z doby rímskej a zo začiatkov strahovania národov v Prešove // Slovenská archeológia. XI-1. Bratislava, 1963.

Budinský-Krička V., Lamiová-Schmiedlová M. A Late 1st century B.C. — 2nd century A.D. cemetery at Zemplín // Slovenská archeológia. XXXVIII-2. Bratislava, 1990.

Čremošnik I. Keramika iz rimskog nalazišta Mogorjela // ГЗМ. VII. 1952.

Čremošnik I. Istraživanja u Mušićima i Žabljaku i prvi nalaz najstarijih slavenskih naselja kod nas // ГЗМ. XXV. 1970.

Dautova-Ruševljan V. Kasnoantička nekropola kod Sviloša u Sremu. Novi Sad, 2003.

Janković Đ. The Slavs in the 6th Century North Illyricum // Гласник САД. 20. 2004.

Janković M., Janković Đ. Prahovo, fabrika — višeslojni lokalitet // Arheološki pregled. 17. Beograd, 1975.

Marić R. Japodske nekropole u dolini Une // ГЗМ. XXII. 1968.

Meduna J. Die latènezeitlichen Siedlungen in Mahren. Praha, 1980.

Parczewski M. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Wrocław, Warszawa, Krakow, Gdańsk, Łódź, 1988.

Popović P. Kale-Krševica: Investigations 2001-2004. Interim Report // Зборник Народног музеја у Београду XVIII-1. Београд, 2005.

Popović P. Lanzenfibeln des Westbalkans und der Donauniederung // Балканика. XXV-1. Београд, 1994.

Plinius. Naturalis Historia (Pliny Natural History II). London, 1969.

Raunig B. Japodska nekropola na Crkvini u Golubiću // ГЗМ. XXII. 1968.

Sladić M. Keramika Skordiska. Beograd, 1986.

Svoboda B. Čechy v době stěhování národů. Praha, 1965.

Tejral J. Morava na sklonku antiky. Praha, 1982.

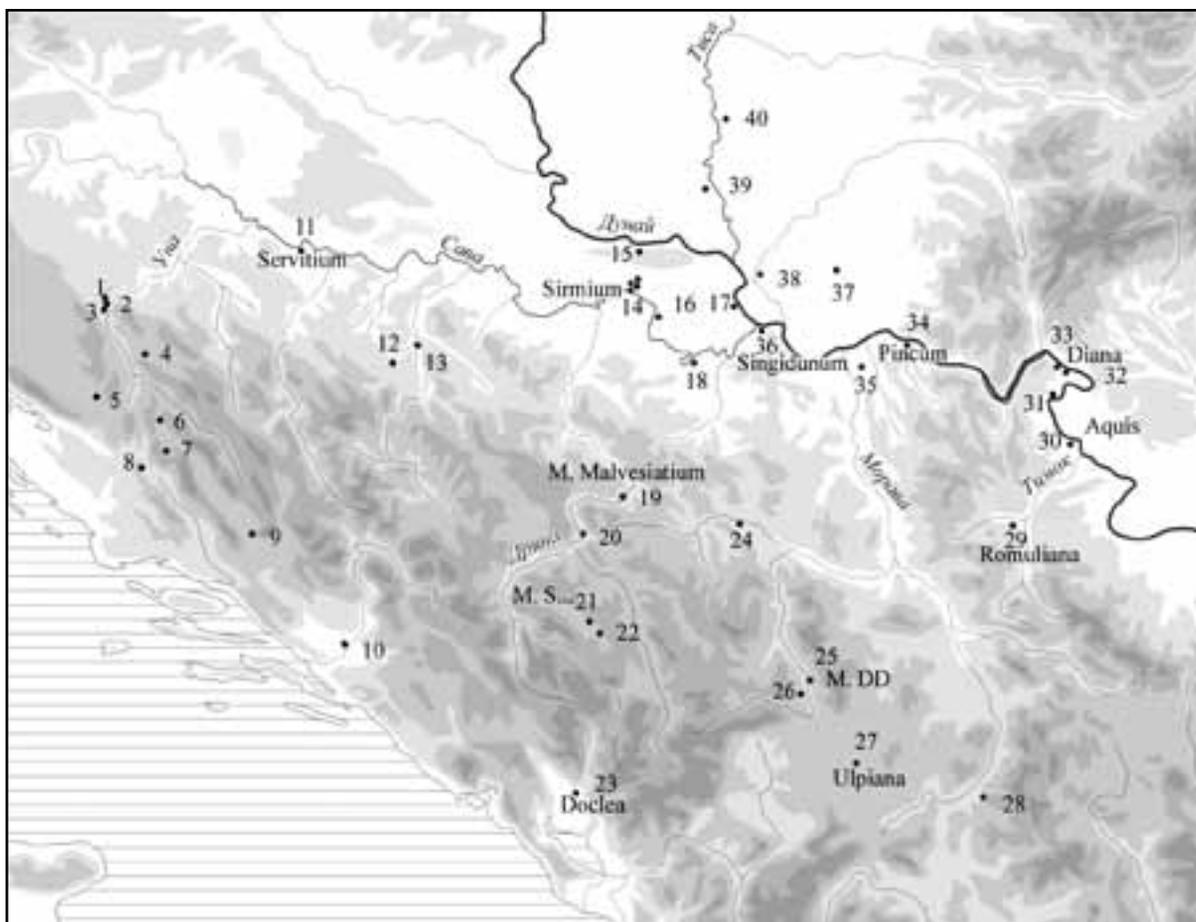

Рис. 1. Карта памятников, рассматриваемых в статье.

1 — Езирине; 2 — Рибич; 3 — Голубич; 4 — Белай; 5 — Грачац; 6 — Ресановци; 7 — Босанско Грахово; 8 — Уздолье; 9 — Корита; 10 — Могориело; 11 — Градишка; 12 — Теслич; 13 — Добој; 14 — Сремска Митровица; 15 — Свилош; 16 — Гомолава; 17 — Нови Бановци; 18 — Ушче; 19 — Склани; 20 — Кршче; 21 — Плевля; 22 — Лютичи; 23 — Подгорица; 24 — Чачак; 25 — Сочаница; 26 — Монастыр Баньска; 27 — Приштина (Улпиана); 28 — Кале Кршевица; 29 — Гамзиград; 30 — Прахово; 31 — Любичевац; 32 — Кладово; 33 — Караташ; 34 — Велико Градиште; 35 — Пожаревац, Пуин поток; 36 — Белград; 37 — Банатски Карловац; 38 — Баранда; 39 — Чуруг; 40 — Падей.

М. — муниципий

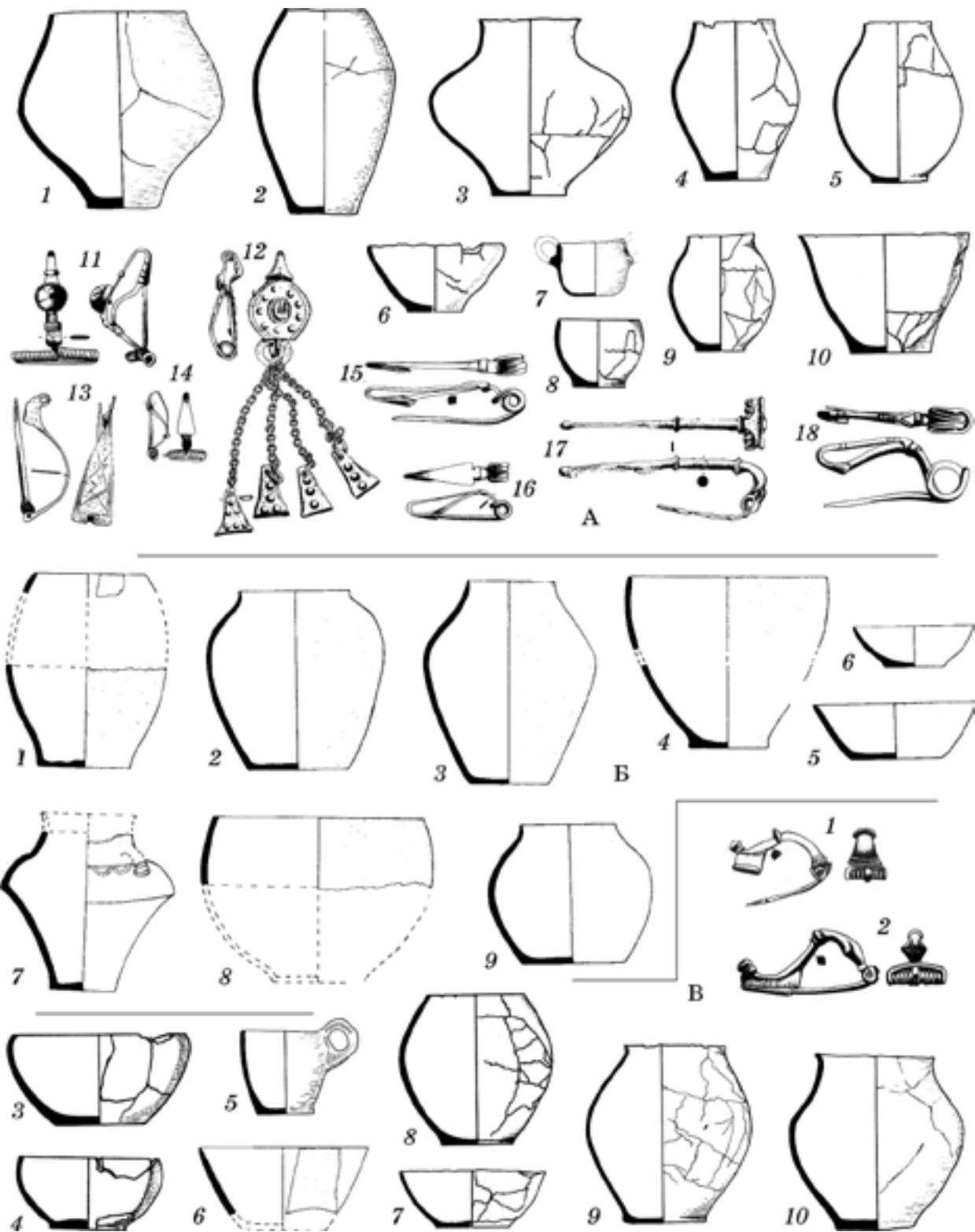

Рис. 2. Находки из иллирийских могильников Поунья.
 А, В — Езирине и Рибич; А — период V (110 г. до н.э. — 10/20 г. н.э.); В — период VI (10/20—110 г. н.э.); Б — Голубич (III в. до н.э. — начало I в. н.э.). Без масштаба

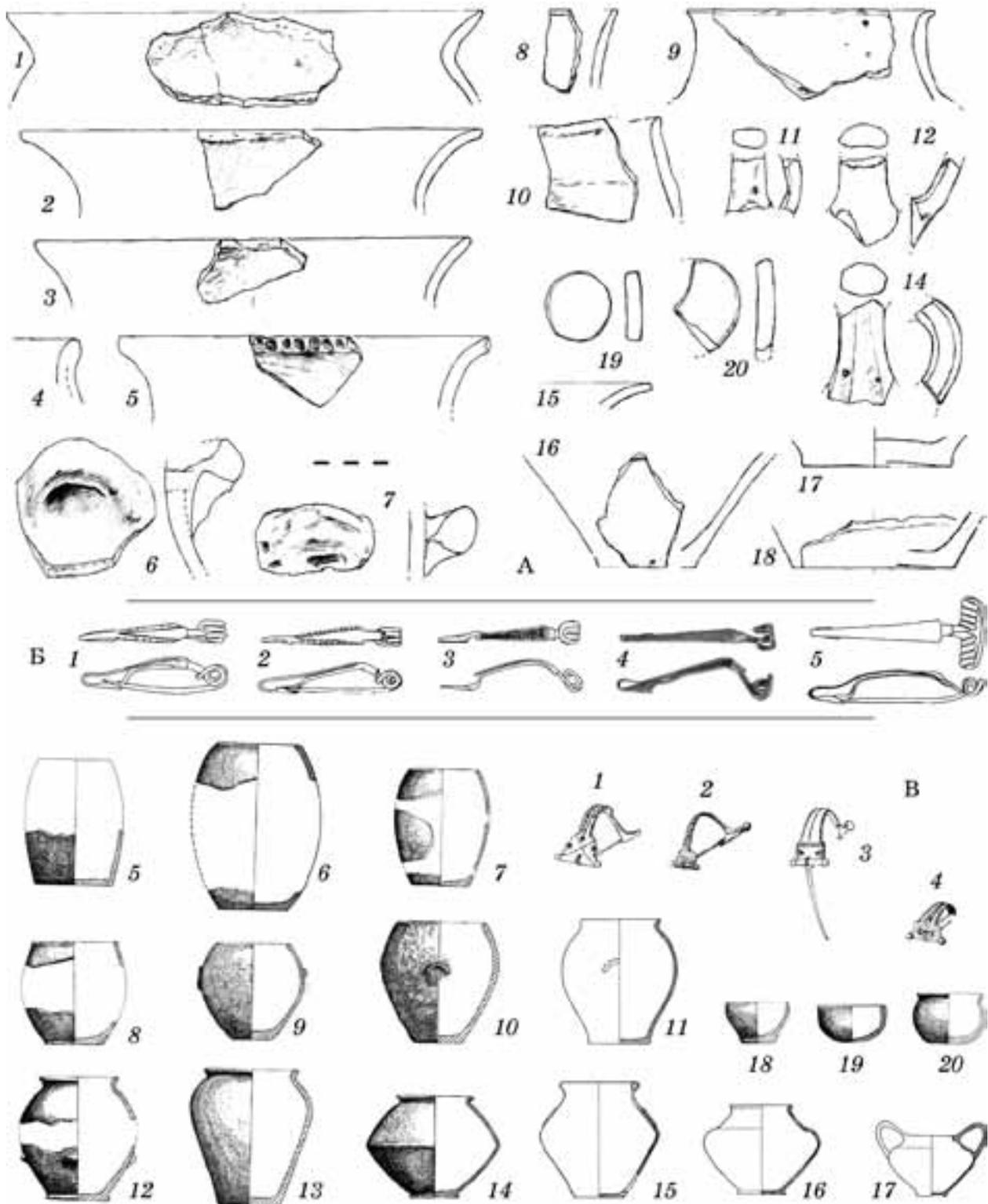

Рис. 3.

А — Грачац, Градина, подъемный материал (III—I вв. до н.э.). Б — копьевидные иллирийские фибулы I в. до н.э.: 1, 3 — Сремска Митровица, Ливаде; 2 — Нови Бановци; 4 — Гамзиград; 5 — Любичевац. В — Плевля, муниципий „S...“, находки из погребений II в. н.э. Б, В — без масштаба

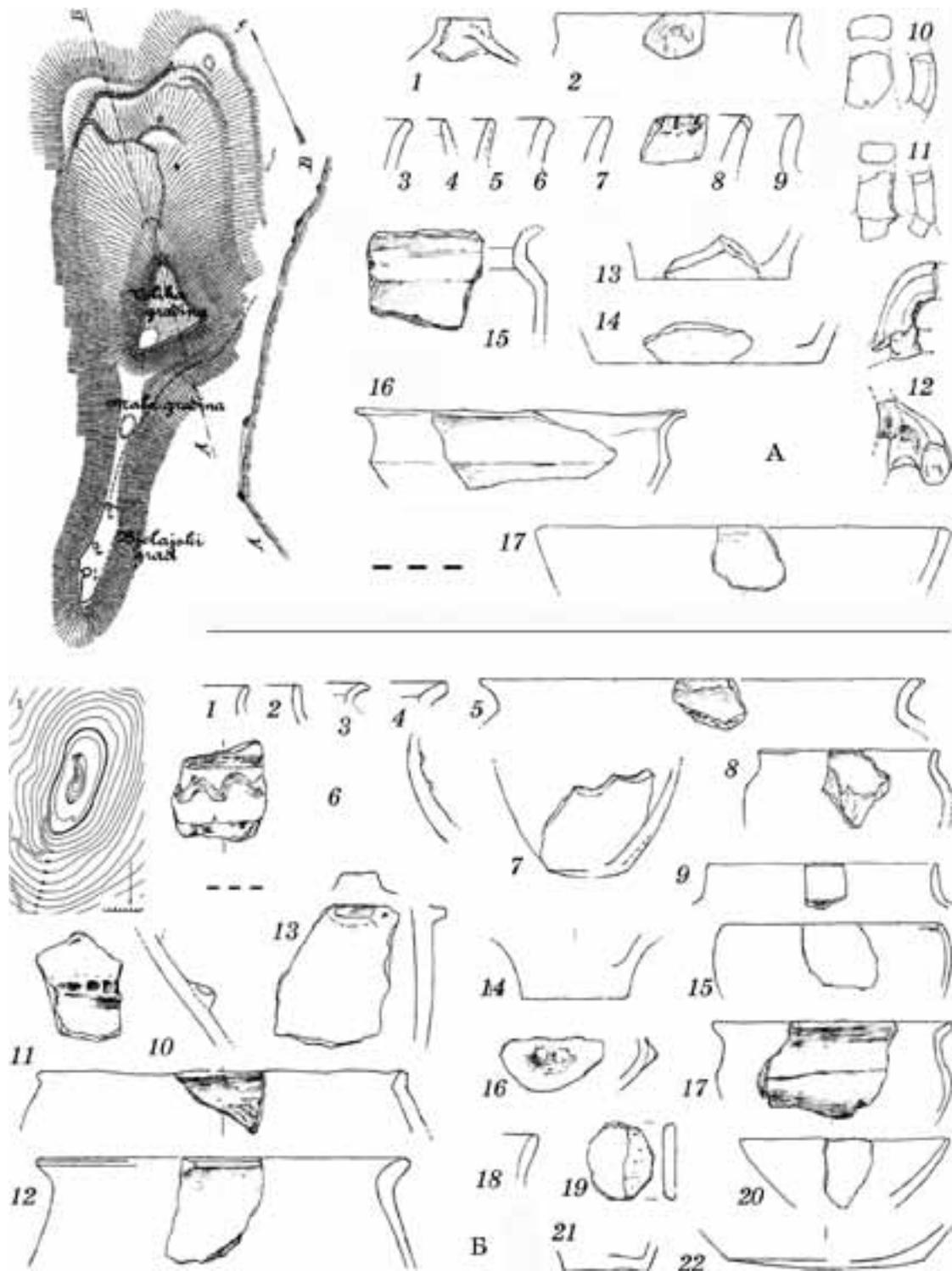

Рис. 4. Городища Поунья рубежа эр и подъемный материал с них.
 А — Белая близ Босанска Петроваца, Велика градина; Б — Грахово, Градина

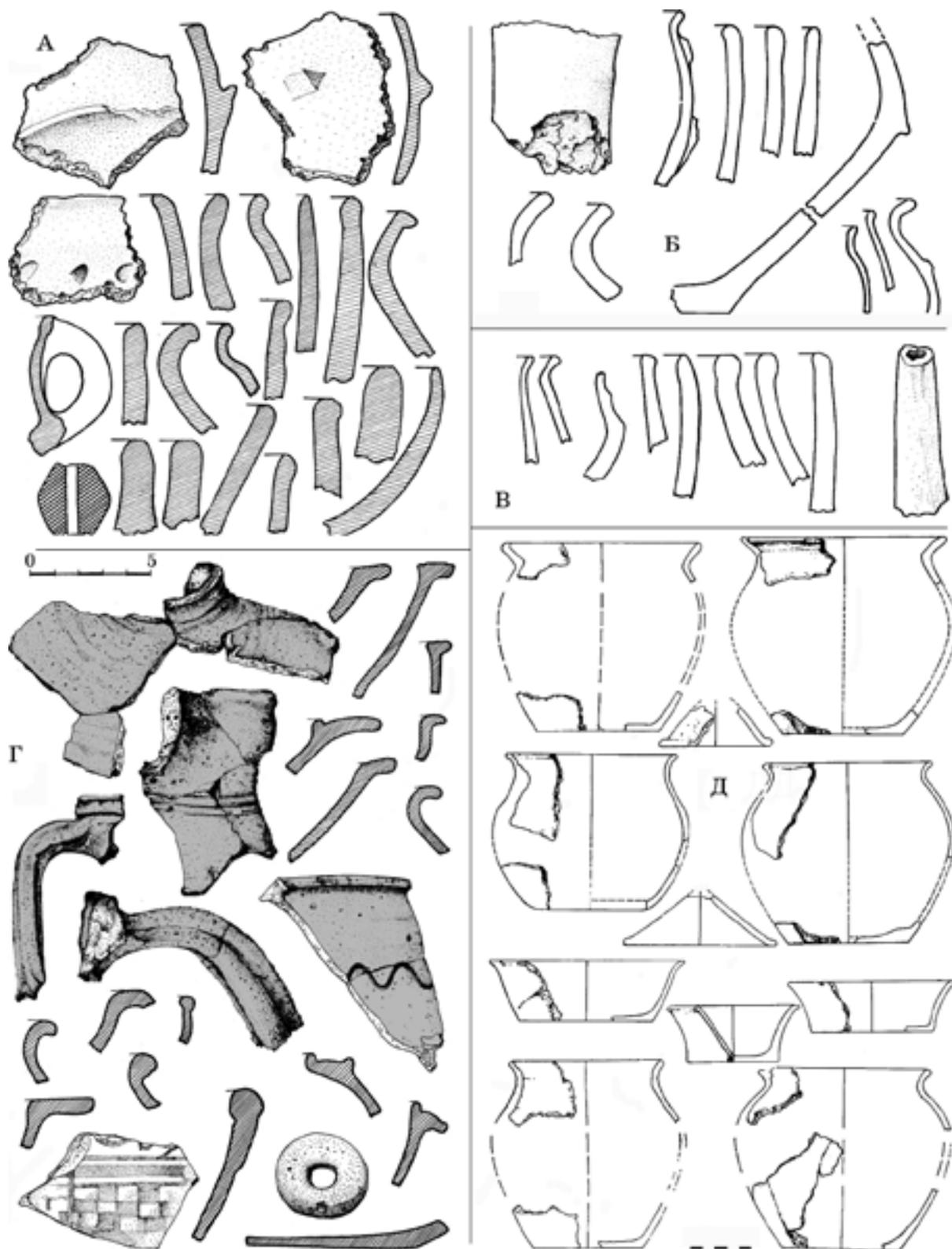

Рис. 5. Кршче у Вишеграда.

А — дом 6, Б — дом 7, В — дом 2, Г — столовая керамика (серая — поливная оливкового цвета), Д — кухонная посуда. А–В — без масштаба. Г, Д — без указания комплексов

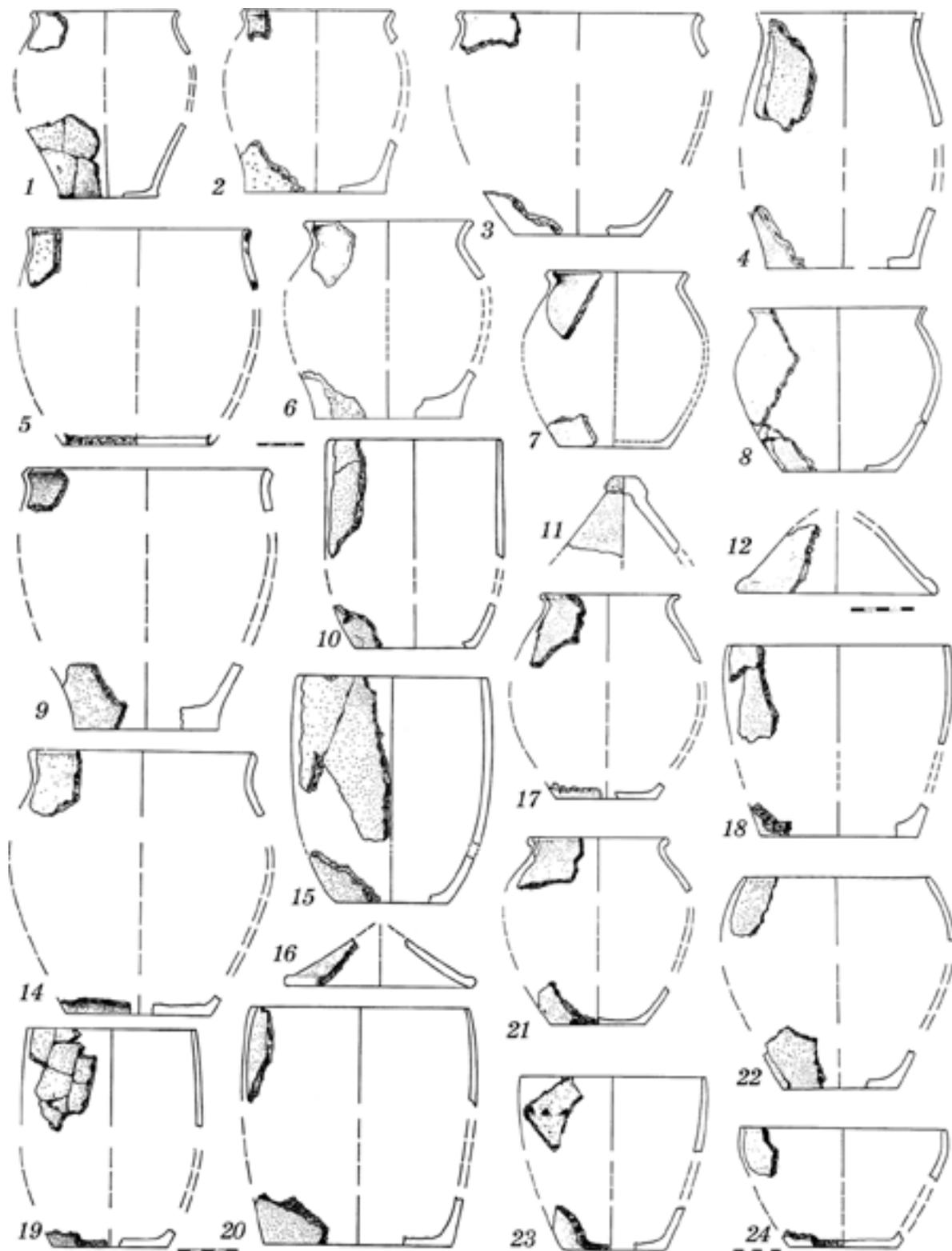

Рис. 6. Кршче у Вишеграда.
Кухонная посуда (без указания комплексов)

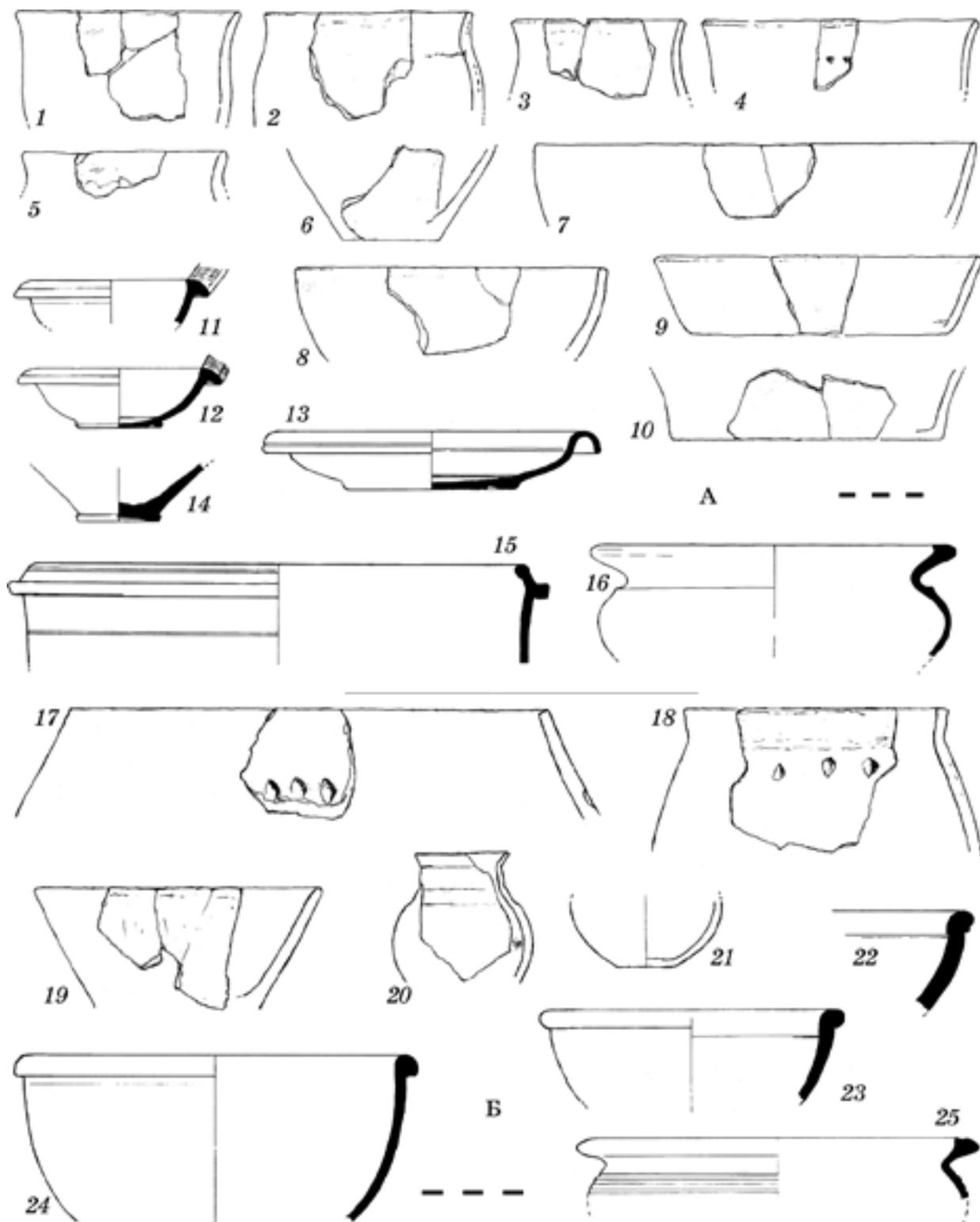

Рис. 7. Скланы у Байина Башты (Сребреница).

А — с пола постройки (период ее разрушения), Б — из отводного канала канализации (период функционирования постройки).

Кухонная керамика в разрезе белая, столовая — чёрная

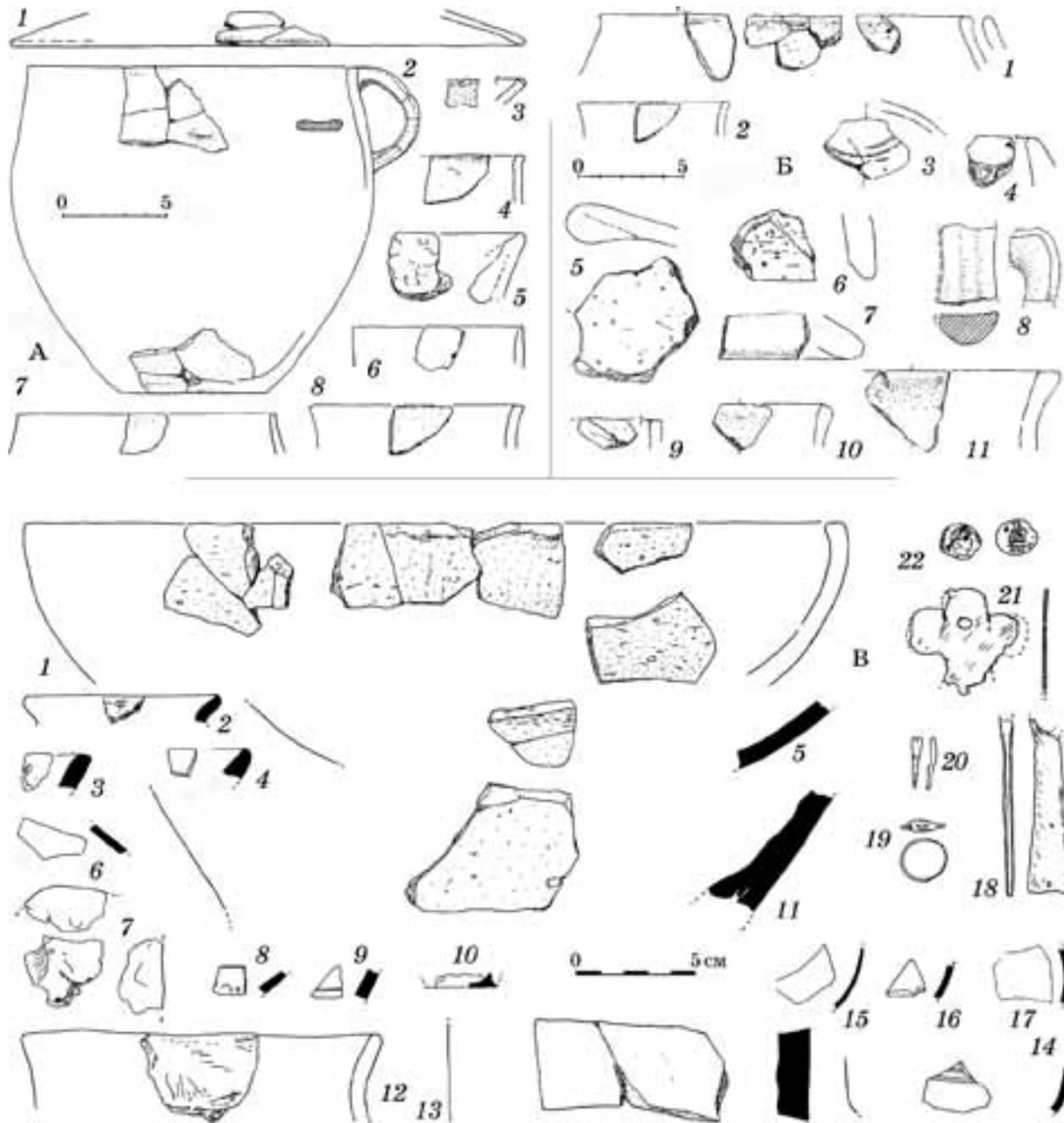

Рис. 8. Находки конца IV и, вероятно, V в. из Далмации.

А — Уздолье; Б — Лютичи; В — Ресановци, курган 1.

1, 7, 12 — лепная керамика, 2–6, 8–11, 13 — позднеримская керамика, 14–17 — стекло, 18, 20–21 — железо, 19 — бронза, 22 — бронзовая монета Валента. Остальное — лепная и сделанная на медленном круге керамика; лощеная, кроме А: 5; Б: 3–7

Рис. 9. Находки из Сербского Подунавья и Поморавь.

А-В — Сремска Митровица, А — погребение 56 (кремация, III в.), Б — погребение 3а (кремация, начало II в.), В — погребение 16 (ингумация, середина IV в.); Г — Кршевица, Кале (III—I вв. до н.э.); Д — Чуруг, Стари виноградни (I в. до н.э. — I в. н.э.). Без масштаба

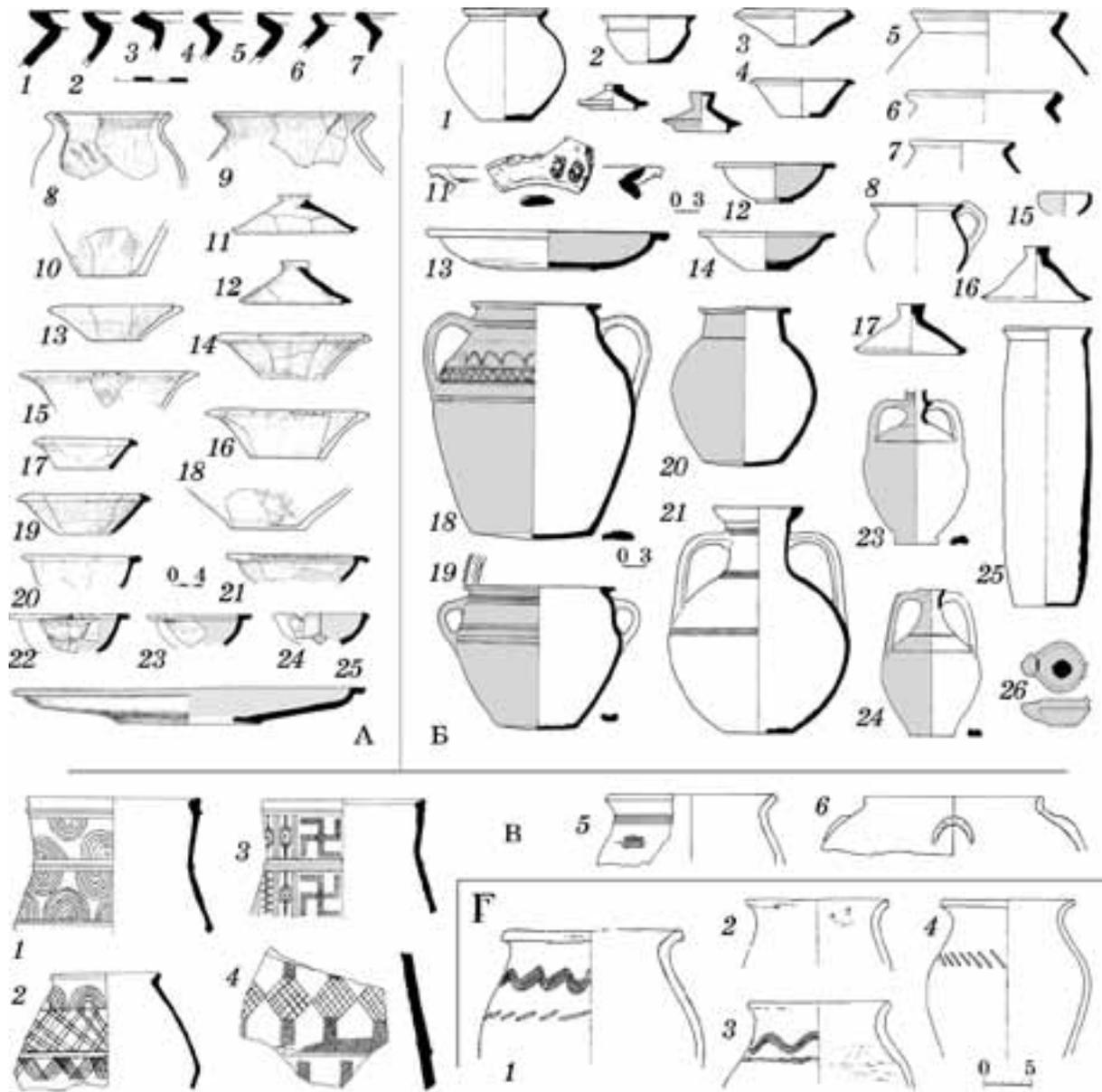

Рис. 10. Керамика из Сербского Подунавья и Поморавья.

А — Кладово, Донье Буторке (провинция Мезия Первая; около 380 г.); Б — Гамзиград (Ромулиана, поздний IV — ранний V вв.); В — Приштина (Ульпиана, IV в.); Г — Пожаревац, Пуин поток (близ Вимиация, первая половина IV в.). Белый разрез — сделана на медленном круге, чёрный — на быстром круге, серая заливка — полива. В — без масштаба

ПОГРАНИЧЬЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ВАРВАРОВ: СИСТЕМА ОБОРОНЫ ИМПЕРИИ ОТ КУЦИЯ ДО ЛЕДЕРАТЫ

I. События на Среднем Дунае в I—III вв. н.э.

В самом начале I в. Римская империя занимала территории современных областей Срем и Сербское Подунавье. В конце Паннонской войны Тиберия (12—9 гг. до н.э.) земли бассейна нижнего течения Савы и, вероятно, территории на западе современной Сербии были включены в провинцию Илирик, которая простиралась от Адриатического моря до Дуная. Вскоре эта провинция была разделена на две новые, Паннонию на севере и Далмацию на юге, с границей, проходившей несколько южнее реки Сава. Территория современного Срема, населенная паннонскими племенами на западе и скордисками на крайнем юго-востоке, входила в Паннонию. Более восточные земли на Правобережье Дуная — в провинцию Мезия. Очень быстро была обеспечена и постоянная внутренняя стабильность на Балканах. Подунавье было постепенно включено в римский мир, а Империя смогла обеспечить защиту границы по Дунаю. После 15 г. Паннония и Мезия стали имперскими провинциями с военными гарнизонами [Мирковић, 1981а. С. 71—74].

В течение I в. набеги даков на территорию Империи по льду через Дунай не были редкостью, но нас больше интересуют нападения на северо-западную Мезию, между Савой и началом Большого дунайского ущелья (Железных ворот), до которого даки не доходили. Нападения на эти земли были предприняты языгами, сарматским племенем (его язык многие специалисты относят к иранским), которое в середине I в. н.э. поселилось между Тисой и Дунаем и расширило область своего обитания в землях современных областей Бачка и Банат до Римского лимеса [Mócsy, 1977. P. 439—466]. В отличие от территории Срема и одно время Южного Баната, земли Бачки никогда не входили в состав Римской империи. Они оставались в Барбарикуме, среднедунайские области которого с запада и юга были ограничены римскими провинциями Первая Паннония и Вторая Паннония. Территория Бачки с севера и востока подвергалась нашествиям варваров и их колонизации, в основном из Карпатской котловины. Тем не менее римская политика обороны провинций охватывала и эту область, что и будет обсуждаться ниже.

После завершения гражданской войны 68/69 гг. в военной и территориальной организации Подунавья наблюдаются изменения. Сюда были введены новые легионы и начаты военные действия против даков. Войны были завершены, когда в 107 г. император Траян основал на Левобережье Дуная провинцию Дакию [Oltean, 2007. P. 53—55. Fig. 1.1], которая простиралась на запад до слияния рек Тиса и Дунай [см., например: Gudea, 2003. P. 41]. В результате этой войны Рим распространил свою власть на южные земли Баната. Деятельность администрации и другие факторы не ускорили романизации этих областей и сарматов, а культурное влияние Империи выразилось, прежде всего, в импорте продукции, который достигает пика во второй половине II — начале III в. [Bukner, 1990. S. 203].

Создание провинции Дакия на последующие 160 лет обеспечило мир и сравнительно успешное развитие средне- и нижнедунайского региона. В отличие от ситуации в Барбарикуме и Дакии, процесс романизации областей к югу от Дуная империей осуществлялся и путем строительства городских центров. Большинство развивающихся городов находилось в дунайском поясе. Наряду с Сирмием и Басианом в Паннонии упомянем северо-западные города Верхней Мезии — Сингидун, Маргий, Виминаций; кроме того, известны и меньшие по размеру населенные пункты. Особенно быстро развивался Сирмий. Узкая прибрежная полоса лимеса очень рано, в середине I в., стала густонаселенной [Мирковић, 1981b. С. 77—80].

Земли языгов между Тисой и Дунаем, которые не были включены в пределы Римского государства, представляли собой в последние десятилетия II в. коридор для вторжения их и других племен в Нижнюю Паннонию, Далмацию и на северо-восток Верхней Мезии [Мирковић, 1981с. С. 89—90]. Языги после смерти императора Траяна нападали на Мезию, вели они войну и с правительством Марка Аврелия, который в итоге одержал победу.

Большая война разразилась в 170 г., когда маркоманы, квады и сарматы вместе ударили по Мезии, Дакии, Паннониям и по еще более западным территориям. Об успехах предшествующей романизации имеется свидетельство Диона Кассия: когда языги пересекли Дунай по льду, им удалось

захватить около 100 000 римлян. Однако удача в войне изменила варварам, и император Марк Аврелий в 175 г. одержал победу. Последствия для языгов были тяжелыми, они были вынуждены покинуть берег Дуная и маленькие острова, то есть те места, которые давали им защиту от наводнений, охотничьи и сельскохозяйственные ресурсы, хорошие возможности для торговли. Тем не менее вытесненные в болота и лесные ландшафты, типичные для Карпатской котловины до современной мелиорации, сарматы уже через несколько лет получили преимущества [Димитријевић, 1975а. С. 39—40].

Описанные события не стали прелюдией умиротворения языгов. Император Максимин, казалось бы, одержал победу над ними в 236 г. Однако в середине III в. Империя не была стабильна, как внутри, так и на границах по Рейну, на Дунае и на Востоке. Нападения языгов и других племен с севера в это время угрожали и рудникам на территории современной Сербии. Значительной угрозой были также готы и их союзники, нападавшие из-за нижнего течения Дуная. В борьбе с ними даже погиб император Деций. Лишь через 20 лет, в 269 г., император Клавдий II остановил их нашествие в битве при Наисе [Мирковић, 1981с. С. 89—90]. Ситуация на Дунайском лимесе становится чрезвычайно сложной после эвакуации провинции Дакия в 271 г. в царствование императора Аврелиана.

II. География на службе Империи

По наблюдениям Д. Димитриевич, события, связанные с языгами после 175 г., имели большое значение в ходе процессов, происходивших на дунайской границе. За рекой римляне не видели большого массива сельскохозяйственных земель, таких как сегодня, после столетий интенсивной мелиорации. Напротив, земли в южной части Карпатской котловины в значительной степени были подвержены постоянным или повторяющимся с перерывами наводнениям, когда большие площади оказывались под водой [Kir, 1938]. Постоянные поселения могли возникнуть только на границе пойм с другими геоморфологическими зонами (рис. 1) [Bugarski, 2008], что было показано для раннего периода эпохи Великого переселения народов на примере территорий Западного Баната [Ivanišević, Bugarski, 2008].

По этой причине, например, вопрос, поставленный в названии недавно опубликованной статьи [Миятович, 2010], можно интерпретировать только как отзвук романтического предания о прошлом населения *кочевого происхождения* Паннонской низменности. В отношении сарматов, которые «были всадниками и скотоводами полукочевого типа», уже достаточно давно не только в сербской литературе высказано предположение, что, заселив равнину Паннонии, «...возможно, под влиянием кельтов и даков, а, может быть, из-за изменений климата и географических условий, они начали жить в относительно постоянных поселениях, где, как свидетельствуют археологические находки, и были заняты в сельском хозяйстве...» [Димитријевић, 1975а. С. 34]. «...Вторая причина, как кажется, была кри-

тической. К западу от Карпат топографические и географические условия очень сильно отличаются от тех, которые характерны для огромной азиатской степи. Местность гораздо менее просторна, не приспособлена ни для кочевого способа жизни, ни для кочевого образа ведения войны. При взгляде с востока на запад, на Карпаты, политическая и военная мощь кочевников постепенно ослабевает, и паннонский массив представляет собой крайнюю западную границу кочевания... » [Lindner, 1981. P. 3, 6—9, 14—16, 19].

Кроме территории Срема, которая в юго-западной части имела вышеописанную физико-географическую специфику, а также Южного Баната, Империя не стремилась овладеть водно-болотными лесными угодьями юга Паннонской низменности. Тем более важное значение приобрело установление четких и твердых границ. Разделение территории на отличающиеся друг от друга регионы, безусловно, способствовал широкий Дунай. Римским стратегам было ясно, что охрана границы не может полагаться только на системы крепостей на правом и удачно размещенные опорные точки обороны на левом берегу реки; требуется также использовать географические особенности трансграничной территории и ее варварское население в качестве первой линии обороны Империи. Система охраны границы Римской империи на Дунае, таким образом, насчитывала три уровня, если смотреть с юга на север: 1) римская крепость на правом берегу реки; 2) римская крепость на левом берегу; 3) географические особенности приречного пояса на левом берегу.

Для приведения в повиновение трансграничного населения и распространения на него влияния римлянами применялась политика «кнута и пряника», на которой мы остановимся ниже.

II. 1. Значение отдельных участков Дунайского лимеса было большим или меньшим в определенных исторических ситуациях, но постоянное присутствие здесь римской армии свидетельствует о важности этой пограничной системы для Империи. С течением времени общий вид лимеса изменился. Старые земляные и деревянные укрепления ко второй половине I — началу II в. были заменены на постоянные каменные стены со рвами и башнями, строительство которых было завершено во второй половине III в. Такая система фортификации применялась до VI в. [Petrović, 1986. S. 92—94; Dautova-Rušević, Vujović, 2006. S. 58]. Поскольку города и крепости «сремского» и верхнемезийского участков лимеса (рис. 2; 4) относительно хорошо изучены, ниже будет приведено лишь краткое их описание с некоторыми новыми данными.

«Сремский» участок лимеса Нижней Паннонии имел протяженность 200 км. Он состоял из укреплений, которые были размещены в стратегически важных точках, связанных между собой сухопутными дорогами и речными путями, от Даля и Сотина на западе до Тауруния на самой юго-восточной оконечности территории Срема, на противоположном берегу Савы от Сингидуна. В отличие от этих

крепостей города Сирмий и Басиана находились в глубине территории Срема. Несмотря на эпиграфические свидетельства о присутствии различных легионов, достоверных сведений о расквартировании этих воинских частей на постоянной основе для территории Срема до IV в. нет. Имеются гораздо более полные и достоверные данные о присутствии целого ряда подразделений вспомогательных войск [Петровић, 1995].

Если обратиться к Верхнемезийскому лимесу, то влияние географических условий сказалось на небольшом количестве городов. Такими городами являются Сингидун и Виминаций, места дислокации IV Флавијева и VII Клавдиева легионов; известны также многочисленные крепости и поселения на правом берегу Дуная. От Виминация до земель близ современного г. Прахов не было римских городов, только лишь небольшие крепости и опорные пункты, потому что долина Дуная на этом участке имеет вид узкого ущелья [см. Petrović, Vasić, 1996]. Сингидун находился на стратегически важном месте при слиянии Савы и Дуная, а Виминаций оборонял среднюю часть Верхнемезийского лимеса, слабо защищенную условиями ландшафта. Рядом с Виминацием, в месте слияния Моравы и Дуная, находится Маргий. Стратегическое расположение этого города лишь недавно было оценено в полной мере. Несомненно, конечно, важность расположения его в месте слияния двух рек, но, кроме того, как указано на старых картах [Kir, 1938], напротив Маргия локализуется узкая полоска сухих земель, то есть прекрасный коридор из Барбарикума в Империю, который важно было перекрыть [Bugarski, Ivanišević. В печати].

II. 2. Римские крепости на Дунае. После 271 г. стратегия Империи на дунайской границе вновь стала оборонительной. При императоре Аврелиане началось дробление дунайских провинций на более мелкие административные единицы. Во времена императора Диоклетиана бассейн низовий р. Сава с Сирмием входили в состав провинции Паннония Вторая, которая стала частью Паннонского диоцеза. Большое значение Иллирика признавали также императоры Галерий и Лициний [Мирковић, 1981с. С. 92].

Для того чтобы лучше защитить границы империи, римляне провели реконструкцию старых укреплений и построили ряд новых на левом берегу Дуная. По А. Йовановичу, они были построены после победы Диоклетиана над сарматами в 294 г. Укрепления дублировали друг друга по обоим берегам реки. Из крепостей территорий Срема и Бачки пары составляют Бонония/Онагрин и Акуминк/Контра Акуминк (*contra Acinco*) [Jovanović, 2005. P. 85]. Находки римских монет и керамики IV в. в Бегече (Онагрин) не противоречат указанной дате, которую ранее определила и Д. Димитриевич [Димитријевић, 1975а. С. 59]. Важно отметить, что близ северной стены крепости находился сарматский некрополь [Ђорђевић, 2007. S. 86].

Крепость Контра Акумин, вероятно, находилась на юго-восточной оконечности холма Титель. По

данным географа Б. Букурова, во времена Римской империи Тиса обтекала юго-западную сторону этого холма, а затем поворачивала на юго-восток, используя старые русла Дуная и сливаясь с Дунаем немного восточнее Акуминка [Букуров, 1971. С. 72]. На основе нескольких эпиграфических находок предполагается, что на Тителе в конце I в. было небольшое укрепление [Димитријевић, 1975а. С. 43—45]. Оно было обновлено после Маркоманских войн и существовало в III в., о чем свидетельствуют три памятника в честь римских императоров [Душанић, 1965. С. 92—94, нап. 49; 1967. С. 202—205, нап. 37; 1968. С. 95—96], и, по крайней мере, в первой половине следующего столетия [Димитријевић, 1975а. С. 58]. Археологические раскопки еще не подтвердили существование римского военного лагеря на этом месте, встал также вопрос об идентификации найденных здесь материалов. Р. Бунаржичем поставлена под сомнение и идентификация Акуминка, для которого предложена локализация в Чортановце вместо Сланкамена [Бунарџић, 2006. С. 51, 53]. Следует отметить, что в настоящее время этой интерпретации придерживается только Р. Бунаржич. Как бы то ни было, в течение долгого периода своего функционирования Контра Акуминк, конечно, защищал северные земли Империи, а также провинции Дакия во время ее существования (107—271 гг.). Вполне вероятно, что эта крепость защищала и коммуникации, которые связывали Акуминк и Дакию [Mirković, 2002. P. 759. Fig. 2].

Как и в отношении Онагрин, доказательства пребывания сарматов имеются к северу от римских укреплений на холме Титель. На основе керамики, датированной широко (в рамках 270—450 гг.), а также находок метательных орудий было высказано предположение, что сарматские поселения существовали вблизи укреплений *extra muros* [Димитријевић, 1975 а. С. 42, нап. 26; 46, 58]. Крепости в Бегече (Онагрин) и на холме Титель, тем не менее, не стали основой, из которой развились римские города на левом берегу Дуная [Bukner, 1990. S. 203].

Когда речь идет о Верхнемезийском лимесе, необходимо отметить, в первую очередь, единую систему крепостей на его востоке. Напротив Октавума и Сланци, в окрестностях современного Белграда (римского Сингидуна), на территории Баната находится современный г. Панчево. В районе этого города наряду с римской дорогой были найдены многочисленные остатки римских построек. В Панчево были обнаружены стены римских зданий, остатки канализации и десятки кирпичей с клеймами IV Флавијева и VII Клавдиева легионов. Все эти находки датируются II—III вв. [Ђорђевић, 2007. S. 98—99].

М. Джорджевич по данным аэрофотосъемки восстановила римскую дорогу, идущую от р. Тамиш (где, может быть, располагалась римская крепости) через Тополе, Войловице, к северу от Старчево, мимо Стари Виногради к римскому Контра Маргию. В окрестностях Тополе автор локализует две крепости на расстоянии до 2 км друг от друга. Неподалеку, рядом со средневековым монастырем в

Войловице, раскопаны остатки позднесарматского поселения и некрополя [Batistić-Popadić, 1984—1985]. Из Панчево также происходят многочисленные сарматские находки, как и из других мест по линии описанной (по-видимому, военной) коммуникации [Đorđević, 1996. P. 127. Fig. 2].

После 271 г. старый военный лагерь в Маргие, о котором мы почти ничего не знаем, включается в систему обороны в виде, по крайней мере, двух крепостей на обоих берегах Дуная. Причины такого типа размещения укреплений мы уже объясняли. Можно согласиться с мнением М. Миркович [Mirković, 1968. S. 50—51], что крепость *Contra Margum* в *Notitia Dignitatum* названа *castra Augustoflaviensia*, в сокращенном варианте, вероятнее всего, *Flaviana* (в этом же разделе данного списка) [Not. Dignit. 78.23, 77.b—78.3], или *Konstantia* у Приска в V в. [Prisci Frg. I, 276, 32—277, 5] и *Konstantiola* у Феофилакта Симокаты в следующем столетии [Theophylact, Hist. V11 10. P. 262]. Не совсем понятны остатки этой крепости (с ней связана находка фрагмента кирпича с печатью VII Клавдиева легиона), исследованные в Ковине, в господствующем на местности урочище Град, где находилась средневековая крепость [Đorđević, 2007. S. 100—101].

Если не принимать во внимание возможность расположения контрольного пункта на берегу Кошича примерно напротив Вимиация, что пока не доказано [Đorđević, 1996. P. 130], следующая пара крепостей наблюдается только в виде Ледераты и Транс Ледераты. Эта ситуация особенно интересна тем, что в обеих точках, а точнее — в трех, с течением времени фортификационное решение было изменено. Учитывая неполноту данных исторических источников и сложную археологическую ситуацию [см.: Димитријевић, 1984. С. 54—58], А. Йованович пришел к выводу, что напротив Ледераты в Раме (рис. 3), на правом берегу Дуная, во II в. была построена Транс Ледерата, которая пока точно не локализована, а в позднеантичный период, в конце III — начале IV в., на острове Сапая на банатском, левом, берегу Дуная была возведена и третья крепость — квадрибургиум Нова (Ледерата) [Jovanović, 1996. P. 69—71. Fig. 1—3].

Независимо от сложности этой системы крепостей, где зафиксированы остатки по крайней мере трех строительных горизонтов, фактом остается то, что они были построены на весьма удачном в стратегическом отношении месте. Хотя географический коридор, ведущий с севера на территорию Империи, и не является, в отличие от окрестностей Маргия, идеальным, это самое восточное место пересечения римской границы из возможных в Среднем Подунавье. Здесь можно было пересечь лимес, спуститься в долину Караша через Сапая и Дунай и затем выйти к западу от Ледераты вниз по долине Млавы. Другим возможным направлением проникновения было продвижение вниз по долине Пека, использование этого маршрута менее вероятно, потому что придется пройти через узкую долину-ущелье Дуная, которая полностью закрыта высокой грядой с Ледератой справа и склонами Карпатского

массива, которые в этом месте подходят к левому берегу реки. Именно из-за особенностей географических условий, как мы уже отмечали, римских городов не было от Ледераты до современного г. Прахов, и область, где расположена Ледерата, является самым восточным объектом нашего анализа. Описанный плацдарм пересечения Дуная и необходимость его обороны были актуальны и значительно позднее, чем интересующая нас эпоха (рис. 3).

Можно добавить, что примерно в 10 км к западу от Транс-Ледераты и Новой Ледераты у Дубоваца на берегу Дуная выявлены стены из кирпича, а из села происходит серия случайных находок римского круга. Примерно на таком же расстоянии к западу находится с. Гай, где на многослойном поселении Бели Брег также были обнаружены многочисленные артефакты римского периода, в том числе кирпичи [Đorđević, 2007. S. 101, 102], которые четко указывают на существование римской архитектуры. Гай находится напротив Вимиация, в 7 км к северу от Дуная. По вышеупомянутым старинным картам [Kir, 1938], а также по данным геоморфологии [Ivanišević, Bugarski, 2008. Fig. 1], Дубовац и Гай находятся на краю зоны затопления Дуная в паводки, поэтому может быть справедливым предположение, что поселение у Гая представляло собой своего рода форпост Маргия, в то же время Дубовац может быть частью оборонительной системы Транс-Ледераты и/или Новой Ледераты. Недавно «дубовацкая крепость» была идентифицирована как Рецидива, упоминаемая в римских письменных источниках [Madgearu, 2003. P. 297].

На основе приведенных выше фактов складывается впечатление, что после 271 г. крепости за Дунаем были построены не столько для защиты экономических интересов Империи и обеспечения контактов с местным населением [Янкович, Радичевич, 2010. С. 143], а, в первую очередь, для того, чтобы существенно усилить оборону северной границы Империи.

II. 3. Оборона Империи на Дунайском Левобережье. В 322 г. император Константин I разгромил сарматов. Успешные военные действия развернулись сначала на землях римской Паннонии, а затем — в стране сарматов. После победоносных действий римлян, пленные и добыча были транспортированы через сарматские земли и территорию Южного Баната, а затем римляне вернулись в Империю через Маргий [Димитријевић, 1975а. С. 60]. После этой победы Константин построил крепость в Дробете на левом берегу Дуная для того, чтобы контролировать движение варваров к северу от Мезийской границы. Император рассматривал Иллирию в качестве территории, имеющей ключевое значение, до окончательной победы над Лицинием. После нее, восстановив единство страны, Константин приступил к строительству новой столицы на Босфоре — Константинополя [Мирковић, 1981с. С. 94].

Нет оснований утверждать, что проблемы обороны границы Империи на Среднем Дунае не решались и позднее. Так, кроме крепости в Дробете, ко

времени после 322 г. относят возведение больших земляных укреплений в Барбарикуме против общих врагов Империи и сарматов — готов. Свое возрастающее могущество они использовали для нового восстания, которое в 358 г. подавил император Константин II, после чего он возвел еще одну систему лимеса в Барбарикуме [Vaday, 2001. P. 249—276] (рис. 4).

Считается, что частью этой системы обороны являлись рвы. В противоположность этому мнению Н. Станоев рассматривал рвы как сооружения для регулирования потока воды, для ирригации и транспорта, а результаты его раскопок показали, что позднеантичные поселения рядом с ними имели чисто аграрный характер, причем некоторые из них даже находились за пределами обороняемого пространства [Станоев, 1999—2000]. Подвергая сомнению эту интерпретацию, Р. Бунаржич достаточно убедительно доказал, что в римское время просто не было экономических интересов, которые требовали бы столь сложной инфраструктуры. Кроме того, во время археологических раскопок этого автора около Ченея в Бачке, когда был разрезан так называемый Большой Ров, в его заполнении не наблюдалось слоев торфа или ила [Бунаржич, 2006. С. 39—41]. Даже если принять аргументы Н. Станоева, рвы, безусловно, представляли собой преграду, которая де-факто защищала римские провинции [Bugarski, 2012. P. 22]. То есть рвы могут являться ярким доказательством наличия римских оборонительных сооружений к северу от Дуная. Вся паннонская система укреплений имела протяженность 1500 км, при этом на территории Воеводины их длина составляет около 280 км [Sekereš, 1986. S. 144]. Система рвов на территории Бачки связана с рвами, которые находятся к западу от территории Бараньи, в землях Хорватии [Kovačević, 1960. S. 41]. Недавно исследованы рвы и в западной части территории Баната [Ivanišević, Bugarski, 2008. P. 39—40].

Были высказаны мнения, что по крайней мере часть интересующих нас земляных укреплений относится к более позднему периоду. Считается, что упомянутый выше Большой римский ров был сооружен в связи с франко-болгарским конфликтом [Fiedler, 1986. P. 462], но в пользу этого утверждения не было предложено достаточно сильных аргументов. Иногда даже отрицают любые военные функции рва, потому что его можно «легко обойти всадникам или просто взять штурмом, используя пехоту» [Curta, 2011. P. 23], но это общие возражения, которые могут быть отнесены к любым рвам разных эпох и областей, несомненно имеющих военное назначение. Еще менее убедительно предположение автора, что определенные участки рва имели символический характер [Curta, 2011. P. 23]. Мнение Ф. Курты не основано на конкретных аргументах. Вышеупомянутые археологические раскопки показали прямо противоположное. Ров имел плоское дно, ширину 5 м у основания и до 12,65 м в верхней части; глубина его достигала 5,40 м, а насыпь на восточном обороняемом крае рва увеличивала реальную высоту фортификационных со-

оружений ещё на 8,30 м. Эти размеры укреплений в значительной степени соответствуют тем, которые изображены на Марсилиевом плане начала XVIII в. [Бунаржич, 2006. С. 41. Стр. 1, 2].

В связи с возникающими вопросами о функции рассматриваемых земляных сооружений попытаемся объяснить, почему мы считаем, что они действительно представляют собой доказательство особой стратегии обороны римской границы на Дунае. Рассмотрим расположение и функцию этих укреплений сначала на территории Бачки, а потом — Баната.

На территории Бачки известны две системы земляных сооружений, которые традиционно, начиная с конца XVII в. (после австрийского генерала Л. Ф. Марсилио), называются римскими. Так называемый Малый римский ров является самым протяженным на землях Бачки, так как он простирается от Апатина на самом западе региона, где вал достигает в высоту 10 м, до Бачко Петрово Село на Тисе, и имеет длину около 120 км. Так называемый Большой римский ров, который соединяет по диагонали Дунай и Тису, намного короче, но вал у него выше, и, следовательно, он выглядит более впечатляющим. В двух местах он пересекает Малый римский ров, то есть, очевидно, был сооружен позже. Третий, так называемый Внешний, ров расположен в юго-восточной части Бачки. Один из его участков проходит на очень небольшом расстоянии от Дуная восточнее города Нови Сад, а затем поворачивает на северо-восток к реке Тисе [Nagy, 1966—1968; Sekereš, 1986; Bugarski, 2012. P. 21—22]. (Рис. 5).

Малый римский ров, таким образом, пролегает через всю южную территорию Бачки, пересекая в основном болотистую местность (рис. 1; 4; см. подробнее: Kir, 1938), а параллельно ему проходило несколько дополнительных рвов. Все это демонстрирует, что Малый ров де-факто защищает весь лимес на территории Срема (рис. 4). На месте современного Бача, именно на линии этого рва, был устроен небольшой римский аванпост. Как уже говорилось, такие опорные пункты, разбросанные по Паннонии, использовались для защиты транспорта и грузов. Остатки аванпоста в Баче датированы не точно [Петровић, 1995. С. 28; Đorđević, 2007. S. 86], но А. Йованович косвенно, на основе архитектурных планов, определяет, что это укрепление построено после сарматского вторжения 374 г. [Jovanović, 2005. P. 86].

Здесь стоит отметить и возможность расположения аналогичного контрольного пункта в современной Вайске, примерно в 10 км на запад от Бача. Косвенно об этом свидетельствуют материалы некрополя первой половины VII в. [Brukner, 1982], где надгробия были сооружены из римского кирпича, на котором сохранились следы штукатурки от предыдущего использования. В качестве ближайшего возможного источника поступления этого кирпича назывался некий разрушенный старый могильник, при этом из римских поселений ближайшим является Онагрин, удаленный от Вайски на расстояние около 50 км. Автором публикации указывается, что некрополь Вайска находится на многослойном памятнике, где были находки и позднеимперского пери-

ода [Brukner, 1982. P. 29, 35]. Вполне возможно, что римский кирпич в Вайске был связан с позднеримским поселением. Не исключено, что Вайска представляла собой удаленный пункт, выдвинутый в Барбарикум, вроде таких центров, как Цибале и Мурсиа (Винковци и Осиек в современном Хорватском Подунавье). Поскольку римские строительные остатки являются лишь косвенными показателями, нет надежных оснований полагать, что в этом месте существовала крепость, но мы не должны исключать возможности того, что была необходимость установления поста для наблюдения за местностью и, вероятно, для контроля торгового пути [Bugarski, в печати]. Косвенным свидетельством наличия поселения римского времени в Вайске является и гробница с двускатной крышей из римского кирпича, в которой был похоронен ребенок с характерными сарматским инвентарем [Đorđević, 2007. S. 85—86]. Обращаем внимание, что Вайска была защищена Малым римским рвом, как и Бегеч.

Восточный участок Малого рва защищал проход вдоль правого берега Тисы по краю зоны речного паводка. Самую юго-восточную оконечность территории Бачки защищали как более поздний Большой ров, имеющий около 25 км в длину, так и Внешний ров. Эти два рва представляли собой дополнительные линии обороны Контра Акуминка, упомянутой выше римской крепости на холме Титель на левом берегу Дуная. Если принять предположение, что Большой ров был создан после 358 г., то это может означать, что крепость Контра Акуминк функционировала и во второй половине IV в., или, по крайней мере, что были такие планы.

Создается впечатление, что Большой ров был связан с другой важной точкой «Сремского» лимеса, потому что он заканчивается около Кусия на месте современного города Петроварадин [Sekereš, 1986. T. XXIII]. Кусий является внешним укреплением на севере от земель Срема, о стратегическом значении которого красноречиво свидетельствует австрийская крепость, построенная на том же месте и во многом повредившая античные отложения. Кроме того, недавно было обнаружено, что часть стен римских укреплений была ориентирована по линии древних земляных валов. До недавнего времени было известно, что следы римской крепости в этом месте датируются от начала I до середины III в. [Брукнер, 1995. С. 59], но во время исследований в начале настоящего столетия был зафиксирован объект, который был разрушен в результате пожара в конце IV в. В этом контексте упоминается, что в нижней части печи (?) найдены несколько шлемов и парагнатиды [Бунарџић, 2006. С. 45; Đorđević, 2007. S. 68—69].

Следует отметить, что крепость Кусий построена напротив сравнительно сухих местностей Бачки [Kir, 1938.; Станојев, 1999—2000. Сл. 19]. Эта ситуация очень похожа на ту, что наблюдается в окрестностях Маргия. В районе Кусия имеется удобный проход из Барбарикума на территорию Срема, поскольку склоны Фрушке Горы сравнительно низкие. В отличие от Маргия, у Кусия не было дублирующей крепости на другом берегу Дуная, но здесь находился конец

Большого рва. В отличие от Малого рва, Большой ров был выкопан в сухом грунте. К этому факту мы еще вернемся позднее. Мы считаем очень важным, что линии обоих основных рвов — Малого и Большого — заканчиваются в Чуруге. Это поселение в позднеантичный период имеет площадь 100 га [Трифуневич, 2010. С. 158; Трифуневич, Пашић, 2003] и, безусловно, является одним из крупнейших сарматских центров. В этом смысле является важным и наблюдение Р. Бунарджича, заключающееся в том, что небольшое искривление в южной части Большого рва поблизости от Кача в урочище Попов Салаш сделано специально для защиты большого поселения союзников-сарматов. Разрывы в некоторых местах линии Большого рва, которые Марсилио отметил как «ворота», например у Бачкового ярка и Кача, тот же автор объясняет наличием дорог местного значения в Барбарикуме [Бунарџић, 2006. С. 39].

Так называемые Римские рвы известны и на территории Баната. Линии двух параллельных рвов, которые заканчиваются на берегу реки Дунай, проходят через румынскую часть Баната в район современного Дебрецена и дальше на север, в район современной Нередьхазы в Верхнем Потисье. Сравнивая наши наблюдения с картой Кира, можно сделать вывод, что дугообразная линия рвов проложена преимущественно по засушливой территории, отделяющей Паннонскую низменность от Трансильвании [Kir, 1938.; Станојев, 1999—2000. Сл. 1], которая в предполагаемое время строительства земляных укреплений была занята готами.

Большое значение для понимания важности этих валов и рвов имеет связь их южной части с римской системой верхнемезийского лимеса. Так, западная линия рвов в пойме Дуная завершается у Контра Маргия, а не напротив Виминация, как недостаточно точно отметила Д. Димитриевич [Димитријевић, 1975а, нап. 77], а восточная — при впадении Караша в Дунай, который в этом месте перекрывался Транс-Ледератой и Новой Ледератой [Ivanišević, Bugarski, 2008. Fig. 1]. Северную границу этого участка западной линии рвов представляет бывшее Албунарское болото. В этом месте в восточной линии валов тоже наблюдается разрыв [Kir, 1938]. Таким образом, рвами и болотом фактически было закрыто большее пространство, с которого можно было проникнуть на земли Империи с востока и севера. Южную окраину этой области защищали крепости Контра Маргий, Транс-Ледерата и Новая Ледерата, возможно — римские форпосты в Гае и Дубовце, а также мощное течение Дуная и крупные центры Маргий и Виминаций на правом берегу реки.

Рассматривая стратиграфию земляных укреплений на территории Бачки и концепцию подобных сооружений на территории Баната, создается впечатление, что так называемый Малый ров в землях Бачки был возведен раньше, а все остальные — вероятно, позже. Валы и рвы ранней фазы, к которой, возможно, относились и земляные сооружения между Тисой и Дунаем, обращены к северу, в то время как более поздние ориентированы по линии «север — юг». Создается впечатление, что для ин-

терпретации этих ровов в контексте римской системы обороны самым важным является наблюдение, что они, как показано выше, напрямую соотносятся с римскими крепостями на обоих берегах Дуная, подобно тому как Большой римский ров на территории Бачки заканчивается напротив Кусия.

III. Варвары на границе и на службе Империи

Очевидно, что римское военное присутствие на территории Баната не заканчивается после ухода римлян из провинции Дакия в 271 г. Защита системы описанных выше земляных укреплений лимеса в Барбарикуме, строительство которых прошло несколько стадий после побед римского оружия в 322 и 358 гг., было поручено, как обычно считается, побежденным сарматам [Gudea, 2003. P. 41. Abb. 10; Đorđević, 2007. S. 83—84], вероятно в статусе федератов [Димитријевић, 1975а. С. 58]. Наш анализ показал, что это мнение имеет достаточно веское обоснование. Наиболее ярким свидетельством этого является так называемый Большой римский ров, который соединяет крупнейшее сарматское поселение (Чуруг) и самую северную римскую крепость на землях Срема (Кусий).

III. 1. Империя и сарматы на Среднем Дунае. Сарматы после 271 г. находились в окружении германских племен и Империи [Soproni, 1969. P. 121—122], но новые гетерогенные группы сарматского населения наложились на местный этнический субстрат, чья материальная культура прослеживается, прежде всего, на территории Бачки и Баната [Ivanišević, Bugarski, 2008. P. 39]. Количество и размеры сарматских поселений увеличиваются [Димитријевић, 1975а. С. 54], красноречивым примером чего является поселение Чуруг. Рост численности населения в римское время позже повторяется в этих районах только в конце аварского периода в VIII в. [Sekereš, 1986. S. 144]. В хронологии сарматского присутствия в этом регионе наблюдаются три фазы, при этом 271 г., когда была оставлена провинция Дакия, является концом второй. Первая фаза относится ко времени до 107 г., а третья продолжалась от 271 г. до середины V в.

Нужно отметить, что в настоящее время существуют различные интерпретации этнической принадлежности сарматского населения на юге Паннонской низменности на указанной третьей фазе. Мы излагаем содержание только последних публикаций, понятных также и русскоязычным специалистам. Начиная с 271 г., по мнению некоторых авторов, на опустевших пространствах провинции Дакия появляется новое население. Исторические источники упоминают лимигантов, или поработанных сарматов (*Sarmatae servi*), которые, как следует из одной работы, были потомками предримского илиллирийского населения с определенными чертами даков и предками славян. В их древностях не прослеживаются черты ни одновременной сарматской культуры причерноморской степи, ни предшествовавшей культуры сарматов Паннонской низменности [Янкович, Радичевич, 2010. С. 143—145, 148].

Мы должны обратить внимание на то, что «генезис» одной из групп сарматов рассматривается в соответствии с теорией автохтонного происхождения всех славян на Дунае [Янкович, 1990. С. 7]. Лимиганты, как утверждается, были оседлыми, в отличие от «свободных» сарматов, которые были всадниками. Материальная культура лимигантов, как считается, имеет сходство с весьма удаленными от Подунавья славянскими культурами, и есть некоторые основания полагать, что потомки лимигантов соответствуют населению середины V в., которое ритор Приск встретил на своем пути к ставке Атиллы [Трифуневич, 2010], что еще будет обсуждаться.

Некоторые из цитируемых авторов, прежде всего С. Трифуневич, подобные идеи об этнической принадлежности лимигантов высказывает в течение многих лет, что иногда вызывает жесткую реакцию некоторых сербских коллег [Васић, 1999—2000]. Противоположные суждения, хотя и преувеличенные, высказываются и в венгерской литературе [Takács, 2000]. Отметим, что в более ранней литературе не проводились этнические различия между свободными сарматами и лимигантами, но их ожесточенный конфликт в 334 г. также рассматривался в качестве успешного восстания подчиненных лимигантов против своих сарматских хозяев [Димитријевић, 1975а. С. 60].

Несомненно справедливо заключение, что интерпретация материальной культуры поздней античности на территории Воеводины как моноэтнической не может быть правильной [Трифуневич, 2010. С. 158]. На основании географических особенностей территории, тем не менее, можно заключить, что разделение, даже этническое, на «кочевников» и «оседлых» не обосновано, но можно сделать вывод о различии социального статуса у разных групп гетерогенного населения. Не исключено, что в эти области пришли и некоторые другие этнические группы под давлением, прежде всего, готов. Мы, тем не менее, считаем, что археологический материал, причем недостаточно изученный и систематизированный [Трифуневич, 2010. С. 158], не свидетельствует о ярко выраженной славянской принадлежности населения, а, напротив, соответствует характеристикам позднесарматской культуры. Таким образом, присутствие сарматского населения на левом берегу Дуная сохраняется, что следует понимать не в строго этнических терминах, а в более широком культурном и хронологическом контексте, как такие вопросы обычно рассматриваются в современной литературе о поздней античности и раннем средневековье. Мы полагаем, таким образом, что после 271 г. сарматский субстрат на территории Воеводины был доминирующим, но население не было этнически «чистым». Для примера еще раз обратим внимание на два, по-видимому наиболее важных, сарматских позднеантичных памятника в рассматриваемой области.

В Чуруге, среди прочих находок, раскопано около 60 построек III в., в основном землянок, где материальные остатки представлены римской керамикой, изготовленной на круге быстрого враще-

ния, фибулами и т.д. [Трифунувић, 2006]. Находки конца II — начала III в. свидетельствуют об интенсивных контактах между сарматами и римлянами [Јовановић, 2004. С. 214]. Позднее поселение увеличилось, вероятно, в связи с приходом нового населения. Изучено около 190 объектов, из них 25 построек, в основном полуземлянок, и три здания с туннельными печами. В середине IV в. на поселении был выкопан ров. В этом горизонте, если речь идет о керамике, преобладает серая лощеная посуда, изготовленная на круге быстрого вращения, а также сосуды, сделанные на медленном гончарном круге, как нам представляется, несколько более ранние (рис. 6). По мнению авторов раскопок, некоторые различия в домостроительстве и керамике указывают на изменения в этническом составе населения в IV в., хотя в целом материальную культуру обычно приписывают лимигантам [Трифунувић, Пашић, 2003. С. 263, 271, 273, 275, 278; Трифунувић, 2006]. Наиболее характерные находки, разумеется, представлены серой лощеной керамикой (так называемая мурга), которая является одной из главных особенностей познесарматской культуры и, кроме того, готской черняховской. Многочисленные памятники в исследуемом регионе с такой керамикой, в том числе и находки из гончарной печи, исследованной в районе современного г. Вршац [Рашајски, 1957], показывают, что эта посуда производилась на месте и распространялась среди оседлого населения [Ivanišević, Bugarski, 2008. P. 42—43].

Еще один важный вывод следует из анализа материалов могильника, исследованного недалеко от монастыря Войловице, рядом с г. Панчево. Это один из немногих опубликованных познесарматских некрополей на нашей территории. На могильнике было раскопано 55 погребений со скелетами, ориентированными по линии юго-восток — северо-запад. Покойников хоронили в одежде и с инвентарем (например, рис. 7), который представлен керамикой, как лепной, так и сделанной на круге серолощеной или красноглиняной. Фибулы и другие детали убора III—IV вв., а также мечи позволяют определить поздний период сарматского присутствия в этом регионе [Batistić-Popadić, 1984—1985; Ivanišević, Bugarski, 2008. P. 42]. В 2010 году там было исследовано поселение, близкое по времени могильнику. Были раскопаны остатки трех жилищ, печи и большое количество ям¹.

Независимо от проблемы этнической атрибуции, население, обитавшее к северу от Дуная, очевидно, играло большую роль в защите границ Империи. В данной статье мы рассматриваем этих варваров с точки зрения римской оборонительной политики. Опыт отношений Рима с федератами на границе был двояким. Они, во-первых, защищали себя и Империю от других варваров, но, во-вторых, они часто пользовались слабостью Рима, восставали против императорского правительства и угрожали римским владениям на территории Срема и на Балканах.

Политика Рима в отношении федератов была активной и с течением времени изменялась только под воздействием силы. Умиротворение варваров сопровождалось подарками и привилегиями для их знати. Эта политика не могла обеспечить постоянного разрешения конфликтов и требовала очередных римских карательных экспедиций и обновления союзов. Для территории, которая является предметом нашей работы, имеется много примеров, ярко иллюстрирующих эти процессы.

Для начала в качестве примера отметим находку римского шлема ауксильярного типа в Сивце, на землях Бачки, в 35 км от границ Империи [Vujović, 2008]. Ее можно рассматривать как один из ранних примеров прямого римского военного вмешательства в Барбарикуме, которое может быть связано с операциями против языгов в 70-е или 80-е гг. II в. [Бугарски, 2011. С. 201].

Для темы нашей работы более важны некоторые другие находки, подтверждающие первоначальные предположения. В этой связи горизонт кладов монет императора Константина и его преемников из окрестностей Вршаца рассматривается как подтверждение акций римской армии в конфликтах с сарматами, которые относятся к этому времени [Даутова-Рушевљан, 1981. С. 68—69; Đorđević, 1996. P. 132]. С другой стороны, некоторые находки с территории Баната, такие как клад золотых и серебряных вещей из Старчево, включающий имитацию римской золотой монеты [Васић, 2001], или золотой браслет из Ватина с надписью «*D N CONSTANTI...*» [Барачки, 1971. С. 287, 305], можно воспринимать как подарки сарматским вождям. Клад из Старчево датируется около 336/337 гг. или несколько позже [Ivanišević, Bugarski, 2008. P. 40—42]. К этим находкам можно добавить клад мультиплов и солидов из окрестностей Борче общим весом 36,5 солидов, закопанный после 328/329 гг. Этот комплекс был трактован как официальная ларгация [Васић, 2008. С. 75—79]. Следует подчеркнуть, что А. Бурше находки уникальных золотых мультиплов императоров Константа и Констанция II из отдаленных от границ Империи областей Украины и Польши, начеканенных по поводу триумфа Константа над сарматами, рассматривал в качестве донатива германским наемникам [Bursche, 2003. P. 407—413].

О взаимоотношениях в это время Рима и сарматов известно, что сарматы, жившие на территории Баната, после нападения готов в 322 г. запросили помощь Рима и получили ее, но в 338/339 гг. император Констант был вынужден вновь обеспечить мир военной победой над ними [Димитријевић, 1975а. С. 60—61].

Военные действия против сарматов в 358 и 359 гг. описаны Аммианом Марцеллином [Amm. Marc. XVII. 12, 13, XIX. 11]. Во время визита императора Констанция на территорию Срема пришло известие о рейдах сарматов и квадов в обе Паннонии и Верхнюю Мезию. Римская армия напала на них,

¹ Результаты раскопок М. Живкович не опубликованы, и мы знакомы с ними потому, что посещали раскопки в качестве консультантов.

перейдя Дунай по понтонному мосту, а после победы квады и сарматы были перемещены к северу, к провинции Валерия, которая занимала восточную часть бывшей провинции Верхняя Паннония. Д. Дмитриевич без объяснений утверждает, что армия перешла через реку около Бононии [Димитријевић, 1975а. С. 61], хотя в первоисточнике об этом ничего не сказано [Amm. Marc. XVII. 12]. Такую возможность, безусловно, нужно учитывать, но не в качестве окончательного утверждения. Бонония как место переправы, как уже было написано выше, имела и противоположную крепость на левом берегу Дуная — Онагрин. Если гипотеза Д. Дмитриевича верна, можно предположить, что во время военных действий Онагрин был нейтрализован сарматами, а римский удар из Бононии позволил вернуть крепости Онагрин прежние функции.

Римская победа не оказала большого влияния на свободных сарматов, поскольку император Констанций в конечном итоге назначил предводителем у них одного из их же князей [Amm. Marc. XVII. 12]. Лимиганты, которые во время войны осуществляли набеги на Верхнюю Мезию, были готовы принять подобные отношения, но не хотели оставлять места своего прежнего обитания. Когда император обратился к ним с «высокого вала», на котором он находился вместе с охраной, сарматы напали на него, после чего были разгромлены римскими войсками. Затем были уничтожены сарматы в ближайшем поселении, а римские войска перешли на другой берег реки и там продолжили карательную операцию. Отсутствие точного описания у Аммиана Марцеллина позволяет давать разную трактовку событий. Н. Вулич считает, что они произошли на двух берегах Дуная [Вулић, 1928. С. 20—23], а Д. Дмитриевич полагает, что на самом деле описаны события на обоих берегах Тисы [Димитријевић, 1975а. С. 62—64]. Вторая точка зрения значительно более вероятна, так как представляет собой историческое подтверждение того, что лимиганты жили на территории как Баната, так и Бачки.

Наиболее вероятная реконструкция событий следующая. Император со своим войском переправился через Дунай, вероятно, как указала М. Милин, из Акуминка [Милин, 1998. С. 147, нап. 38]. Собрав войска в юго-восточной части территории Бачки, он встретился с лимигантами, которые впоследствии были побеждены. Насыпью, на которую он поднялся, в этом случае, скорее всего, мог быть вал так называемого Внешнего рва, который как раз и находится в этом районе [Бунарџић, 2006. С. 43]. Разгрому подверглись ближайшие поселения (в соответствии с этой интерпретацией — у современной Шайкашки). Ими, прежде всего, могли быть позднесарматские поселения в районе современных сел Гардиновци или Лок [Димитријевић, 1975а. С. 55—56]. Необходимо отметить, что Аммиан Марцеллин не упоминает ближайшую крепость — Контра Акуминк, которая, может быть, в это время не использовалась.

Затем римляне переправились через Тису на захваченных сарматских лодках и продолжали преследовать лимигантов по территории Южного Ба-

ната [Димитријевић, 1975а. С. 64]. По заключению М. Милин, римляне переправились из Акуминка на земли Баната, а не Бачки, и столкновения произошли на обоих берегах Тамиша [Милин, 1998. С. 147, нап. 38]. Хотя в этом нет ничего невозможного, нам кажется, что римляне пришли с территории Бачки. После описания этих событий Аммиан Марцеллин указывает, что римляне почти уничтожили амицензов и пошли на пицензов [Amm. Marc. XVII. 13]. Этнонимы амицензы (амикензы) и пицензы (пикензы) представляют собой названия лимигантских племен из окрестностей Акуминка, а также близ реки Пек (севернее Ледераты), и можно предположить, что поход римлян был направлен на восток и юг, а не на север, который, кстати, они не могли и, вероятно, даже не желали контролировать. Это подтверждает текст Аммиана Марцеллина о том, что в походе на пицензов римляне воспользовались помощью тайфалов, родственного готам племени, которое обитало на левом берегу Дуная восточнее лимигантов. Помощь была оказана и свободными сарматами, которые вернулись в свою страну, когда лимиганты были оттеснены на север [Amm. Marc. XVII. 13; см. Милин, 1998. С. 147, нап. 39, 40]. В следующем году лимиганты даже напали на императора во время переговоров на римской территории у Акуминка, после чего потерпели новое крупное поражение [Amm. Marc. XIX. 11]. После этого отношения между Империей и свободными сарматами стали еще лучше. Территория свободных сарматов в это время стала меньше, так как в 358 г. гепиды заняли междуречье Мароша, Тисы и Кереша [Димитријевић, 1975а. С. 65—66].

Во время кризиса в конце IV в. императоры Валентиниан и Валент попытались стабилизировать ситуацию и защитить свою страну. В связи с укреплением римских крепостей на левом берегу Дуная и вероломного убийства короля квадов в 373 г. римляне испытали большое потрясение от сарматов и квадов, внезапный рейд которых стал прямой угрозой землям на западе Срема, и даже дочери императора Констанция с трудом удалось спастись. Быстро восстановленные укрепления Сирмия позволили отразить нападение, но несколько позже во время несогласованных акций против врагов, которые двигались в сторону Валерии, пострадали два легиона, Мезийский и Паннонский. Молодой полководец Феодосий, будущий император, в 374 г., тем не менее, сумел одержать победу [Amm. Marc. XXIX. 6; Mirković, 2008. S. 95], но император Валентиниан умер два года спустя именно во время переговоров с сарматами на Дунае.

III. 2. Империя и готы-федераты в Среднем Подунавье. Частыми войнами с Римом и приходом новых племен закончилось многовековое господство сарматов в Потисье, хотя из дунайского региона они не исчезли. Но после 377 г. гетерогенная группа, включавшая гуннов, готов и алан, вторглась на территорию Империи и постепенно осела на ранее принадлежавших сарматам землях вдоль дунайской границы. Как отметил Зосим, ставка гуннского вождя Ульдина была расположена в клю-

чевой стратегической точке — Контра Маргий [Zos. V 22; Гранић, 1939. С. 92; Kovačević, 1960. S. 34—35]. Д. Димитриевич предполагает, что в это же время, если не раньше, были заброшены и другие крепости на левом берегу Дуная, что надолго сделало бессмысленной комплексную систему защиты римского лимеса [Димитријевић, 1975а. С. 67], которая в задунайском регионе, как уже было отмечено, строилась на сочетании земляных укреплений и сарматских поселений. Тем не менее мы не знаем, как долго существовала ставка Ульдина в Контра Маргии, упомянутая в ключевом документе для изучения границ империи конце IV в. [Not. Dignit. 78. 23, 77. b—78. 3]. Из списка заброшенных крепостей на левом берегу Дуная должна быть исключена и Новая Ледерата, что еще будет обсуждаться.

Когда дело доходит до описания системы оборон на правом берегу Дуная, наличие затруднений на границах Империи подтверждает находка монетного клада 375/378 гг. в Сингидуне [Иванишевић, 1986] и еще трех — из близлежащего современного Обреновца [Црнобрња, 1991]. К этому горизонту относятся и клады из расположенного восточнее Карпатского участка лимеса [Ivanišević, 1999. P. 95—96].

После восстания готов, переселившихся на территорию Империи в 376 г., и других событий на Балканах наступил период дестабилизации. Император Валент был убит в битве при Адрианополе в 378 г. Последствия были катастрофическими, потому что готы снова продвинулись в Верхнюю Мезию. Уже в 380 г. остроготы вторглись во Фракию [Мирковић, 1981с. С. 95]. Императоры Грациан и Феодосий были вынуждены вступить в переговоры, после чего готы поселились в Паннонии в качестве федератов Рима. Это было новым явлением в римской политике. Римляне и раньше прибегали к использованию варваров для защиты окраин Империи, но визиготы сохранили свое судебное право и королей, защищая Римское государство в качестве платного войска, первоначально под командованием своих вождей [Мирковић, 1981с. С. 95—96]. Как отмечалось Г. Острогорским [1998. С. 72—73], враждебные вторжения германцев превратились в мирное проникновение.

В погребениях фазы А, выделенной для некрополей Вимиация эпохи Великого переселения народов, которые относятся к раннему федератскому горизонту, наблюдается мода на деформацию черепов и содержатся находки, показательные для фаз D1 и D2 центральноевропейской шкалы [Ivanišević et al., 2006. P. 119]. Еще более характерные материалы федератов (некоторые см. на рис. 8), в том числе носителей культуры Черняхов — Сынтанаде-Муреш и их потомков, в основном серолощенная керамика, фибулы (двупластинчатые, связанные с черняховской традицией, а также типов Братей и Вышков), костяные гребни с полукруглыми спинками (типа III по С. Томас) происходят из Сингидуна [Bjelajac, Ivanišević, 1993. P. 125, 126—130. Fig. 2/1, 6], близлежащего Октавия [Ivanišević, 1999. P. 97, n. 22], римских крепостей Бургена и Таурун [Dimitrijević et al., 1962. S. 82—83. Sl. 9; S. 105. Sl. 7], крепости Калиште в Мало Црнице, расположенной южнее Ви-

минация и Маргия [Цуњак, Пиндић, 1985. С. 93—96, Т. XL/VII], с поселения Гомолава в Среме [Dautova-Ruševljan, Brukner, 1992. S. 106. Т. 20/109; Ivanišević, 1999. P. 98—99]. Такой же материал происходит и из соседнего Карпатского участка римской границы [Špehar, 2012. P. 37—45].

Особенно важно, что подобные находки происходят из позднеантичного слоя в крепости Новая Ледерата. В обширной статье Д. Димитриевич эта группа материалов специально не выделяется, но серолощенная керамика оттуда подтверждает сарматское присутствие в крепости, а черняховская фибула [Dimitrijević et al., 1962. S. 28. Sl. 2] относится к группе более поздних восточногерманских находок [Димитријевић, 1984. С. 49—50. Т. VIII, X]. В более поздней работе по этим находкам был реконструирован горизонт, связанный с присутствием в конце IV в. готов-федератов, которые в этот период осуществляли оборону римской границы на левом берегу Дуная [Ivanišević, 1999. P. 97].

Для правильного понимания исторического процесса ключевое значение имеет контекст отмеченных выше находок. Концентрацию вещей, связанных с черняховской культурой, в римских крепостях можно рассматривать как свидетельство присутствия в них федератов-готов на службе Империи. Важно также найти в Барбарикуме следы культуры врагов Рима. В Старчево в Южном Банате исследовано погребение с характерным костяным гребнем, которое датируется концом IV — началом V в. Как уже отмечалось, археологический памятник Ливаде у Старчево расположен недалеко от римской крепости Октавий [Ivanišević, 1999. P. 99, n. 40; Ivanišević, Bugarski, 2008. P. 42], но это не обязательно означает, что погребение было федератским. Село Лалич в Бачке находится слишком далеко от территории Империи. Погребение оттуда с фибулой интересующего нас времени [Савић-Трбуховић, 1992] не может быть истолковано как федератское.

Появление федератов на лимесе и восстановление пограничных укреплений Верхней Мезии во время правления императора Феодосия I [Petrović, Vasić, 1996. P. 22] не помешали вторжениям варваров на территорию Империи. Известны набеги в промежутке от 383 до 392 г., а для Паннонии особенно трудное положение создалось в 395 г. в результате совместного нападения гуннов, готов, аланов, сарматов, квадов и других племен [Мирковић, 1981с. С. 96]. В том же году, при разделении Империи на две части, Верхняя Мезия отошла к Константинополю. В начале V в. вестготы Алариха беспрепятственно пересекли Верхнюю Мезию и Паннонию во время похода в Италию [Мирковић, 1981с. С. 96].

III. 3. Империя и гуннское объединение в Среднем Подунавье. Гунны, расширяя подконтрольный им ареал, заняли территорию Молдавии и Мунтении в 376 и 401 гг. В 418 г. они завоевали земли гепидов, включая всю территорию Бачки и Баната [Димитријевић, 1975b. С. 69]. Центр гуннской державы был перенесен из южнорусских земель в Потисье и 418 г. рассматривается в качестве последней возможной даты падения римских

крепостей на левом берегу Дуная. Слой пожара в Новой Ледерате связывается с этим временем [Димитријевић, 1984. С. 56].

Организационные усилия и строительная активность с целью подготовки обороны границ Восточной римской империи на Балканах были предприняты правительством Феодосия II в 410—425 г. Провинция Валерия по договору с командующим войсками Западной римской империи Аэцием попала под власть гуннов около 425 г., в результате чего они были впервые постоянно расселены на территории Империи. Примерно в это же время Сирмий вошел в состав Восточной римской империи, а в 427 г. гунны были успешно, хотя и временно, изгнаны из Паннонии. В 433 г. Аэций снова обратился к ним за помощью на Западе, что положило конец паннонскому лимесу [Поповић, 2003. С. 207, 219].

Распад границы на Дунае и падение городов произошли в начале пятого десятилетия V в. Понятно, что Контра Маргий (Констанция у Приска, см. выше) после существования ставки Ульдина не всегда функционировал как пункт защиты римской границы, а, возможно, только лишь временно. В письменных источниках отмечается, что переговоры между посольством из Константинополя и гуннами в 438 г. (а не в 434 г., ср.: Поповић, 2003. С. 209, нап. 65) были проведены на римской территории — в Маргие. Такой вывод, несомненно, следует из сообщения Приска о Маргие и гуннах: местный епископ «перешел на их земли» и вывез оттуда сокровища или вещи из ризницы, в результате чего гунны совершили нападение в 441 г. и пал ряд римских городов [*Prisci Frag.* 1, 276, 32—277, 5]. В этом отрывке подразумевается, что гунны уже давно обосновались напротив Маргия, возможно со времени Ульдина [Димитријевић, 1975b. С. 76]. В Ковине (Контра Маргий), тем не менее, не зафиксированы археологические материалы рассматриваемого периода эпохи Великого переселения народов, но сделано достаточно много находок, относящихся к более позднему времени.

В 441 г. были взяты многие римские города — Сирмий, Сингидун, Виминаций, Маргий, Рациария, расположенная восточнее, Наис, находящийся южнее. Эти события лучше всего свидетельствуют о значении Маргия. Хотя, как известно, гунны стояли прямо напротив Маргия, не обращая внимания на римскую стратегию защиты ключевых проходов на территорию Империи, они проникли на Балканский полуостров не через этот город, как ошибочно считала М. Миркович [Мирковић, 1981с. С. 97]. Из сообщения ритора Приска, упомянувшего епископа, который ночью обманным путем сдал Маргий, следует, что Виминаций был уже в руках гуннов, [*Prisci Frag.* 2, 280, 20—281, 6]. Такая история падения одного из городов на пути продвижения гуннов заставляет сделать вывод, что даже тогда, когда система обороны Контра Маргия и его крепость уже не функционировали, город был защищен природой и фортификационными сооружениями, если не военным гарнизоном.

Гунны, похоже, проникли на Балканы из гораздо более отдаленного места, из Рациарии, после

чего они смогли напасть на города, расположенные выше по течению Дуная, а затем, через долину рек Морава, Наис (на юге современной Сербии) продвинулись к Филиппополю, Аркадиополю и почти до Константинополя [Bury, 1923. P. 274]. Такая реконструкция отличается от гипотезы В. Поповича, согласно которой Сирмий, Виминаций и Маргий были взяты во время первого рейда, а годом позже разорены обе Дакии с городами Наис, Сердика, Рациария [Поповић, 2003. С. 219, нап. 96]. Но и в этом случае нападение на территорию Сербского Подунавья должно было осуществляться из земель Срема, но никак не из Маргия.

Как бы то ни было, с падением Сирмия Империей была потеряна вся Нижняя Паннония [Димитријевић, 1975b. С. 70]. О неопределенности, которая возникла в тылу дунайского лимеса после вторжения гуннов в начале пятого десятилетия V в., свидетельствует большая клад бронзовых монет из муниципия Хореум Марги на реке Великой Мораве, самые поздние монеты из которого датируются 442/443 г. [Vasić, 1990. S. 8].

Империя была вынуждена пойти на уступки. Граница в 447 г. была перенесена с Дуная на линию, которая проходит через Наис, а пространство между старой и новой границами должно было стать безлюдной зоной шириной в пять дней пути. Дунай на длительный срок был потерян для Римской империи, города разрушены и опустошены, а население обращено в рабство или бежало [Мирковић, 1981с. С. 96—98]. Очень красноречивое описание этого сделал византийский историк и дипломат Приск, который в 448 г. ехал через опустевший город Наис в ставку Атиллы на Тисе [*Prisci Frag.* 8, 291, 9—15].

Что касается этнической картины среднедунайского ареала в это время, мы считаем [Ivanišević, Bugarski, 2008. P. 44], что Д. Димитриевич была права, когда вслед за М. Пардуцом и Д. Чаланем утверждала, что сарматы, несмотря на отток населения в Империю, оставались на своей территории и входили в состав этнического конгломерата под предводительством гуннов, может быть даже составляя большинство населения региона [Димитријевић, 1975b. С. 74—82]. Вероятно, они и были теми анонимными «варварами», которых упоминает Приск [*Prisci Frag.* 8]. В научной литературе, однако, высказывалось и другое мнение. Так, еще Л. Нидерле отнес это население к славянам. Ф. Барришич, рассматривая данные о совершенно чуждом языке, на котором говорило население этих мест, отличавшемся от гуннского, готского или латыни, также связал его со славянами [Kovačević, 1960. S. 39—40]. Представляется, однако, что на нескольких языках, которые в этой области были в употреблении, комбинации со словами, обозначающими лодки или просо, широко использовались (скажем, название напитка «камон» — не славянского происхождения). Это свидетельствует о том, что в результате завоеваний гуннов возник этнический конгломерат, и не стоит пытаться более четко обозначить в его составе славянское присутствие, чего не делал и сам Приск [Васић, 1999—2000. С. 436—437].

Независимо от того, что предполагают историки [Баришић, 1952] и археологи [Трифуновић, 1999—2000], остается фактом, что славяне не упоминаются в качестве участников битвы на реке Недао [Димитријевић, 1975b. С. 80, нап. 34]. Первое упоминание об их присутствии в регионе содержится в более поздних исторических источниках. Поэтому вывод о славянской атрибуции «варваров» Приска не может быть принят без серьезных оговорок, хотя и связь их со славянами выглядит несколько убедительнее, чем аналогичная атрибуция лимигантов IV в. Возможно, некоторые детали, такие как термин «медос», на самом деле указывают на славянский компонент в этой группе населения, но для этого утверждения все еще недостаточно аргументов.

Гунны, которые возглавляли этот конгломерат населения, встретились с членами ромейской миссии, скорее всего, на южной окраине территории Баната, через несколько часов после того, как ромеи переправились через Дунай, возможно, у Ледераты [Димитријевић, 1975b. С. 76, нап. 21] или, скорее, у Маргия [Kovačević, 1960. S. 35].

Давая обзор археологических памятников этого времени, необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемом нами регионе нет находок, которые без оговорок можно было бы признать гуннскими. Самым роскошным комплексом предметов этого периода, безусловно, является женское погребение из Каравукова в Западной Бачке. Его инвентарь состоит из позолоченной пряжки, золотых сережек и серебряного набора туалетных принадлежностей. Комплекс датирован после 443 г. по солиду императора Феодосия II. Каравуково не находится в непосредственной близости от границы Империи, поэтому это погребение используется только в качестве иллюстрации богатых гуннских или восточнототских захоронений середины V в. [Dimitrijević *et al.*, 1962. S. 42—43].

Из области, которая рассматривается в статье, происходят более скромные материалы. Недавно к тому же времени условно были отнесены три воинских погребения из урочища Стари Виногради в Чуруге (рис. 9), которые первоначально были датированы IV и, возможно, началом V в. [Трифуновић, Пашић, 2003. С. 278—279. Сл. 13; Трифуновић, 2006]. Вероятность более поздней даты (в рамках конца IV — первой половины V в.) определяется на основе близкой аналогии одной из находок (рис. 9: 3): варваризированного варианта арбалетовидной фибулы с некрополя Суботица-Верушич на севере Бачки [Sekereš, 1998. S. 112, 118—119. Т. XX/2]. Эта датировка подтверждается сходством между оковкой ножен меча из Чуруга с аналогичным предметом из погребения воина в Сингидуне, которое относится к концу фазы D2, то есть к 420/430—450 гг. [Ivanišević, Kazanski, 2009. P. 119. Fig. 4, 6/23]. В упомянутые погребения из Суботицы и Сингидуна положено сломанное оружие, что иногда интерпретируется как иранский обычай [Istvánovits, Kulcsár, 1999. P. 69]. С учетом ориентировки захоронений (юг — север), в этих погребениях отражена интеграция различных этнических элементов в рамках

схожей культуры, что может свидетельствовать о местном или региональном взаимодействии сарматов и германцев, в данном случае, вероятно, находившихся под властью гуннов. Тем не менее, правильнее было бы сделать вывод осторожнее: вещи и погребальная практика отражают дух бурной эпохи, а не четкие этнические характеристики [Bugarski, 2012. P. 23—25. Fig. 9, 10].

Когда речь идет о территории Империи, достаточно отметить, что среди романизированного населения первой половины и середины V в. (фазы D2 и D2/D3 по центральноевропейской шкале) отчетливо ощущается присутствие восточногерманских федератов, особенно в области Сирмия и Сингидуна [Ivanišević, 1999. P. 103]. В Виминации этому хронологическому горизонту соответствует стадия B1 некрополя [Ivanišević *et al.*, 2006. P. 119—121].

III. 4. Империя, гепиды и остготы на Среднем Дунае. Гуннское господство в Дунайском регионе не просуществовало долго. После фактического поражения на западе в 451 г. и смерти Атиллы в 453 г. около 454 г. гунны проиграли битву на реке Недао (вероятно, Надела в Банате) против коалиции племен, которые перед тем находились под их властью. Во главе этой группировки стояли гепиды. Поражение гуннов не привело к немедленному восстановлению власти Империи над Паннонией и придунайской частью Верхней Мезии [Мирковић, 1981с. С. 102—103; Острогорски, 1998. С. 77].

С другой стороны, это событие представляет собой важную веху в хронологии присутствия германских племен в рассматриваемом регионе. До 454 г. они находятся под властью гуннов, а после этого начинается период попеременного господства гепидов и остготов. Гепиды распространили свою власть на Потисье, а земли Срема и регионов, до реки Драва, заняли остготы, которые в 456 г. были поселены в Паннонии в качестве византийских (восточноримских) федератов [Kiss, 1996. P. 88—89. Abb. 1]. В ходе борьбы с остатками гуннов, которые еще сохранились в Басиане, против ругиев и других племен, остготы значительно расширили свои владения. С 454 по 470 г. территорию Бачки и Среднее Потисье контролировали скиры [Димитријевић, 1975b. С. 81—82].

В 469 г. на р. Болия остготы победили объединенные племена Среднего Подунавья, которым помогли войска Империи, и стали, таким образом, самым мощным военно-политическим объединением в регионе [Мирковић, 1981с. С. 102—103]. Скиры после поражения переселились в Италию, оставив свои владения на территории Южной и Западной Бачки необитаемыми [Kiss, 2003. P. 188]. Вскоре остготы победили и сарматов. Они убили их короля в 472 г., положив конец кратковременному сарматскому господству в Сингидуне [Jordanes, Get. LV, 282; см. Баришић, 1955а. С. 2]. Сарматы, которые, вероятно, все еще держались на землях Южной Бачки, в 488 г. опять вошли в союз с гепидами для борьбы с остготами. В результате столкновений в местности Fossae, а затем в болотах у реки Вука гепиды потерпели страшное поражение

[Димитријевић, 1960. С. 31; 1975b. 82]. Перезимовав в районе Сирмия, остготы направились в Италию. По мнению Ф. Баришича, тогда в Верхней Мезии на короткое время была восстановлена власть ромеев [Баришић, 1955а. С. 3].

Возвращаясь к сарматам, отметим, что венгерские археологи с большой точностью определили верхнюю хронологическую границу их обитания в Паннонской низменности в рамках девятого десятилетия V в. [Ivanišević, Bugarski, 2008. P. 45, 47; там литература], независимо от отдельных наблюдений из области биофизической антропологии [Fóthi, 2000] и выводов некоторых сербских археологов о длительном сарматском заселении региона, включая период Аварского каганата, — выводов, в первую очередь сделанных на основе погребений некрополя Чик около Бачкого Петрового Села [Димитријевић, 1975b. С. 84; Ковачевић, 1977. С. 31]. Последнее предположение недавно опровергнуто, так как было показано, что сарматский горизонт в Чике относится к гораздо более раннему времени, чем аварский [Бугарски, 2009]. Похоже, что поражение в Сингидуне стало одним из событий, которое положило конец могуществу сарматов, а их ослабленные и обезглавленные остатки быстро растворились в другом, более успешно действующем населении региона.

После ухода остготов, гепиды восстановили свое королевство со столицей в Сирмии, хотя некоторые из них и вернулись на территорию Дакии. Установив свое господство над Италией, остготский король Теодорих направил на них войско и одержал еще одну победу, присоединив территорию Срема включая Сирмий. Во время осады города в 504 г. король гепидов погиб, а с ним и его союзник Бузам, болгарский (вероятно, кутригурский) военачальник [Димитријевић, 1960. С. 31; Ковачевић, 1977. С. 33, 145]. Таким образом, остготы овладели не только Италией, но и коммуникациями из Подунавья в Центральные Балканы. Области Сирмия уделялось особое внимание. Наместники Теодориха устанавливают здесь военную и гражданскую власть. Византия была против такого развития событий, но, поскольку была занята войной с Персией, не имела возможности принять действенные меры. Вскоре союзник готов Мунд овладел северной частью Первой Мезии и в 505 г. с их помощью на реке Морава победил наместника Иллирии. Это событие свидетельствует о распространении конфликта на юг. В 510 г. наконец был заключен мир с Империей, по которому к готам отошла практически вся Паннония, за исключением юго-восточной ее части с Басианом. Мезия осталась номинально под властью Константинополя, хотя различные племена и удерживались в ее придунайской части вплоть до эпохи Юстиниана [Мирковић, 1981с. С. 103—104].

Поскольку ясно, что во время господства гепидов и остготов Империя не имела реальной власти над территорией Сербского Подунавья и над территориями за Дунаем, но была в состоянии лишь дать формальное разрешение на расселение тех или иных варварских племен, в нашей работе мы не будем рассматривать события на номинальной в это вре-

мя дунайской границе, а также находки второй половины V в. и, приблизительно, первого десятилетия следующего столетия, соотносящиеся с фазами D3 и D3/E центральноевропейской шкалы. В качестве примера оккупации другими народами ромейских крепостей на лимесе приведем золотую оковку ножен меча со вставками из альмандина (рис. 10), найденную в Новой Ледерате [Vinski, 1964].

III. 5. Империя и герулы на Среднем Дунае.

Вскоре после заключения мира, в 512 г., герулы из северной части Паннонской низменности перешли Дунай и достигли Сингидуна, где император Анастасий I разрешил им поселиться [Procopius, BG II. 15. 30; III. 33. 13]. Разместившись между остготами и ромеями, то есть между Сингидуном, Сирмием и Дунаем [Баришић, 1955а. С. 3, нап. 10], они сразу же начинают рейды через Саву. Имперские войска произвели казни, практически уничтожили племя, оставив только тех, кто изъявил покорность. Император Юстиниан позже дал им статус федератов. За дары и землю герулы исполнили свой долг борьбы за Империю, и, как известно, воевали против вандалов, готов и персов, и даже участвовали в подавлении восстания Ника в Константинополе [Procopius, BG II. 14. 33—36].

Вскоре после смерти Теодориха в 526 г. гепиды попытались восстановить господство над Нижней Паннонией. В 528 г. они вместе с герулами и перебежчиком готским военачальником Мундом, который командовал имперскими войсками, осадили Сирмий, но были разбиты. Позднее готы совершали набеги на территорию Восточной римской империи, где они были остановлены Мундом, ставшим *magister militum* Иллирии. Очень скоро, в 535 г., дело дошло до конфликта между Империей и готами, в который на начальном этапе герулы и гепиды не вмешивались. В результате последующих событий гепиды покорили почти всю Нижнюю Паннонию вместе с ее столицей Сирмием. Герулы, однако, остались в своих областях (на юго-восточных землях Срема), а территория Верхней Мезии стала объектом постоянных грабежей гепидов [Баришић, 1955а. С. 5].

В таких неблагоприятных условиях император Юстиниан в 30-е гг. VI в. начал восстановление разрушенных крепостей и городов, которое особенно интенсивно происходило в бассейне Дуная и в Дардании. Восстановление византийской власти на территории Срема, как мы видели, сначала не увенчалось успехом. По этой причине Константинополь призвал на помощь лангобардов и предложил им поселиться в Паннонии и Норике для борьбы с гепидами. Дальнейшие события, как оказалось, нанесли Империи существенный вред [Мирковић, 1981с. С. 105]. Широкомасштабные военные действия происходили при Юстиниане в Италии, Испании и Африке, что, в конечном итоге, значительно ослабило оборонительный потенциал на Балканах. Хотя был построен и восстановлен ряд пограничных крепостей, вооруженных сил для надежной обороны явно не хватало [Острогорски, 1998. С. 90].

В последнее время в археологической литературе распространилось мнение о значительном

присутствии герулов на территории Сербского Подунавья и в прилегающих областях за Дунаем, в противоположность преобладавшей ранее точке зрения о гепидской атрибуции федератов Юстиниана. Поскольку письменные источники недвусмысленно указывают, что в это время и позднее гепиды были врагами Империи [*Theophylact*, *Hist.* VIII, 3], В. Иванішевич и М. М. Казанский сделали вывод, что оборона дунайской границы была возложена не на них [Ivanišević *et al.*, 2006. P. 133—136]. Развивая свою мысль, они связывают северогерманские находки с территории Сербского Подунавья (например, рис. 11) с герулами [Иванішевич, Казанский, 2010. С. 156], о чем ранее писал и А. Киш [Kiss, 1984].

Известно, что ромейский военачальник Нарзес около 545 г. набрал около 4500 наемников из района Сингидуна. Исходя из этого можно рассчитать, что всего герулов было, по крайней мере, 15—20 тыс. человек. Такая значительная группа населения не могла быть размещена только в небольшом по площади Сингидуне [Ivanišević *et al.*, 2006. P. 123]. Некоторые авторы и раньше приписывали герулам некрополь Яково-Кормадин в Среме [Bóna, 1987. P. 122; см. Milinković, 2005. P. 213], который большинством авторов считался гепидским [Димитријевић, 1960].

В нашей еще не опубликованной работе [Bugarški, Ivanišević, в печати] предложено дальнейшее развитие «герульской» концепции. С должной осторожностью, среди находок первых двух третей VI в. из Сербского Подунавья, имеющих элементы северогерманского культурного круга, с герулами можно связать и погребения из урочища Град в Ковине (рис. 12), где после римской крепости Контра Маргий, позднеантичной Константиолы, была построена средневековая крепость. Во время раскопок 1963 г., причиной которых послужила случайная находка орлиноголовой пряжки (рис. 12: 7), имеющей крымские аналогии первой половины VI в. [Айбабин, 1990. С. 35; 1999. С. 100. Рис. 36. 1. Т. XXVII/173], были обнаружены пять погребений, из которых выделяются захоронения воина и богатой женщины. Уже в первом сообщении этот могильник был приписан гепидам [Pribaković, 1963]. Яркие находки из этих погребений [Milinković, 2005. P. 208—212; Пековић, 2006. С. 41—43; 2007. С. 45—48] имеют соответствия среди материалов фазы С некрополя Выше Гробалье в Виминации [Ivanišević, Bugarški, 2008. P. 45. Fig. 8; Ivanišević *et al.*, 2006], связываемых с герульским присутствием. Кроме анализа находок и датировки погребений в пользу герульской атрибуции могильника свидетельствует тот факт, что Контра Маргий был и в VI в. крепостью, которую Феофилакт Симоката называет Константиолой [*Theophylact*, *Hist.* V11 10. P. 262]. По нашему мнению, вполне вероятно, что во время укрепления дунайской границы на другом берегу реки была восстановлена старая крепость, где Юстиниану служили федераты-герулы [Bugarški, Ivanišević, в печати].

Такая трактовка полностью противоречит мнению, что во время Юстиниана в этой части Дуная функционировали только крепости Рецидива и Новая Ледерата, а Контра Маргий был безвозврат-

но оставлен в гуннское время [Madgearu, 2003. P. 296—297]. Историческую основу этого утверждения А. Мадгеару нашел в Новеле XI Юстиниана 535 г., в которой из городов за Дунаем под юрисдикцией вновь созданной архиепископии Юстиниана Прима упоминаются только «*civitates Recidiva*» и «*Litterata*». Принимая во внимание этот аргумент, можно предположить, что крепость на столь важном месте переправы через Дунай была отстроена после 535 года. В Дубовце, которые автор считает Рецидивой, слоев VI в. не выделено, но в Новой Ледерате исследован слой толщиной 0,5 м с немногими монетами, но почти всех императоров VI в. [Димитријевић, 1984. С. 46. Табела I].

А. Мадгеару считает, что во время восстановления Юстинианом дунайского лимеса функционировало только пять опорных пунктов на левом берегу Дуная. Кроме Рецидивы и Новой Ледераты названы Дробета, Сучидава и Дафна. Сокращение числа крепостей по сравнению с IV в. интерпретируется как следствие оборонительной политики императора Юстиниана на Дунае и уменьшения военного потенциала для защиты границы (в первую очередь, от гепидов).

В отличие от приведенных выше наблюдений А. Мадгеару пишет о периодических союзах гепидов и Империи, о вступлении гепидов в федератские отношения с Константинополем в 539 г. и фиксации такого состояния после поражения гепидов от лангобардов в 552 г. Для подтверждения точки зрения о хороших отношениях между Империей и гепидами автор приводит неубедительную археологическую аргументацию, упоминая находки ромейских пряжек типа Сучидава в гепидских погребениях [Madgearu, 2003. P. 304—306]. Против такой трактовки наряду с археологическими (см.: Гавритухин, 2009. С. 158—164) существуют и серьезные исторические аргументы. В вышеупомянутом конфликте лангобардов с гепидами Империя приняла сторону лангобардов. После поражения гепиды пригласили на помощь своих старых союзников кутригуров, которые в последующие годы совершили ряд нападений на Империю [Ковачевић, 1981. С. 113—114].

Ромейско-гепидские конфликты связаны и со славянскими походами на Балканы в 550 и 551 гг.: Византия обвинила гепидов в оказании помощи славянам при пересечении Дуная и разграблении балканских провинций. Это еще раз свидетельствует о плохих отношениях Империи и гепидов. Судя по письменным источникам, перейдя Дунай, славяне дошли до Наиса (современного Ниша) [Procopius, *BG* III. 40]. Из этого сделан вывод, что их рейд проходил по долине Моравы [Баришић, 1955а. С. 8, нап. 31]. Можно предположить, что оборона Империи была прорвана у Константиолы и Маргия.

III. 6. Империя и авары на Среднем Дунае. Конфликт между лангобардами и гепидами имел беспрецедентное значение для истории византийского государства. Лангобарды оказались в центре событий, приведших к аварской гегемонии в Среднем Подунавье. После совместной победы над гепидами, которым не помог император

Юстин II, большинство лангобардов ушло в Италию, и в 568 г. авары заняли всю Карпатскую котловину [Ковачевић, 1977. С. 41—42].

Византия вместо постоянно ссорившихся германцев получила нового очень сильного противника. Первые успехи аваров не увенчались захватом Сирмия потому, что гепидский командующий Усдибад сдал город ромеям и перешел под защиту Империи, и это определило дальнейшую последовательность событий. Древняя римская столица в течение 15 лет была основной целью экспансии аваров и одним из главных оплотов Империи. Неудивительно, что время от времени проводились сложные переговоры и что борьба двух сил шла на широком фронте, а не только около Паннонской метрополии [Mirković, 2008. S. 104—111].

Уже в 568 г. авары послали кутригуров для разграбления провинции Далмация — вероятно, центральной части современной Боснии. Одновременно каган Баян от одного высокого должностного лица Иллирии получил свою первую дань, чтобы воздерживаться от нападений на дунайские провинции [Ковачевић, 1977. С. 46—47, 146]. В следующем году авары напали на Сирмию. Город и византийское Подунавье были избавлены от угрозы богатым выкупом. За этим последовали переговоры, которые закончились достижением мира, длившегося около 10 лет. За это время славяне ни разу не нападали на дунайские провинции [Pohl, 1988. P. 61—62].

Собрав речной флот, в 579 г. Баян подходит к Сингидуну, где переговоры с начальником гарнизона проводятся в присутствии епископа — свидетельство того, что город в это время имел статус не только пограничной крепости [Баришић, 1955а. С. 9—10]. В следующем году авары снова попытались отвоевать Сирмию у Византии. Была долгая, но успешная осада [Mirković, 2008. S. 107—110], о которой сохранилось одно потрясающее свидетельство, выдающийся исторический документ — кирпич с выгравированной молитвой жителя Сирмия [Kollautz, 1978]. Последствия от падения столицы Паннонии в 582 г. были далекоидущими, они привели к завершению процесса распада военной и гражданской власти Империи к северу от Савы и Дуная, что для региона «означает одновременно и конец античности» [Гранић, 1939. С. 99].

О нестабильности на участке границы, который является предметом нашей работы, свидетельствуют датированные около 582 г. клады из Маргия и из села Губеревац на горе Косме у Сингидуна, а также несколько кладов из крепостей Карпатского лимеса [Morrisson et al., 2006. P. 341—344. Cat. Nos. 262, 265. Carte 5]. Аварский каганат продолжил успешную войну против Империи, уничтожая ее систему обороны на Дунае и многие города на Балканах. Таким образом, в 584 г., несмотря на сопротивление ромеев, были взяты города Сингидун, Виминаций и Августа. Феофилакт Симоката описал борьбу за Сингидун, причём отметил, что в момент нападения большая часть населения находилась за пределами стен на молотье [Theophylact, Hist. I 3—4].

После заключения мира в 585 г. авары для нападения на Империю и при осаде города Салоники используют подвластных им славян. В 585/586 гг. произошел новый конфликт, когда авары опустошили провинции Скифия и Мезия [Ковачевић, 1981. С. 117]. После их поражения при Адрианополе Империя на время возвратила Сингидун и Виминаций. Авары вновь напали на ромеев в 588 г. и восстановили свою власть над некоторыми городами, в том числе над Сингидуном, разорили Элладу и дважды достигли Длинных стен Константинополя. В этот период начинается постоянное расселение славянских племен на Балканах. Авары, однако, после походов в основном возвращались обратно за Дунай [Острогорски, 1998. С. 99—100, 110].

В течение последнего десятилетия VI в. столкновения Империи с аварами и славянами проходили с переменным успехом. В 591 г. император Маврикий заключил мир с Персией, что позволило ему обратиться к защите балканских земель. Началась подготовка к войне против аваров, а каган в 593 г. приказал славянам построить у Сингидуна флот. Население города чинило препятствия славянам, произошел конфликт, в результате авары решили провести операцию около Сирмия. Конница под командой Баяна перешла Саву и взяла Бононию. Византийская армия ему более или менее успешно противодействовала. Наконец, с небольшой компенсацией, а также из-за хитрости ромеев, авары ушли из Фракии. В целях предотвращения нового разграбления страны славянами императорская армия в 594/595 гг. встала на Дунае. Авары этому не помешали, так что ромеи одержали несколько побед подряд, но затем потерпели поражение. В связи с тяжелыми условиями зимы на Дунае, имперская армия разделила добычу с аварами и покинула свои позиции. Однако уже в 595 г. начинается новое наступление Византии на славян [Theophylact, Hist. VI 2, 3—4, 6, 6—7, 8, 8—9, 11, VII 2, 4—5; Ковачевић, 1977. С. 55—57].

Все эти события свидетельствуют о том, что линия византийской обороны Дуная в последней трети VI в. была весьма проницаемой, и нельзя говорить о том, что она была такой же мощной, как при императоре Юстиниане. С другой стороны, авары, как правило, удовлетворялись грабежом и сбором дани. Они, очевидно, не заботились о том, чтобы обеспечить постоянное господство над дунайскими городами, и, как мы видим, некоторые из городов в короткие промежутки времени несколько раз меняли хозяев. Среди прочих возникает и вопрос, в какой степени в это время сохранились ромейские опорные пункты на левом берегу Дуная?

Ответить на него в значительной степени помогает текст Феофилакта Симокаты. В 596 г. византийский полководец Приск переправился через Дунай и достиг Верхней Новы — вероятно, Новой Ледераты. Авары появление армии Приска на своей земле посчитали нарушением мира. Ответ стратега, что эта территория ромейская [Theophylact, Hist. VII 10], в значительной степени подтверждает предположение, что Приск действительно на-

ходился в Новой Ледерате. Хотя было высказано и другое мнение, что Византия во время аварского господства в Карпатском бассейне не могла контролировать Новую Ледерату, расположенную на острове Сапая на территории Баната [Баришић, Марковић, 1955, нап. 67], наиболее вероятно, что она действительно представляла собой ту крепость на левом берегу Дуная, которую занял Приск в 596 г. [Янкович, 1981. С. 19—21; Jovanović, 1996. P. 71; Madgearu, 2003. P. 309].

Археологические находки из крепости не противоречат такой возможности. Напротив, самая поздняя позднеантичная монета, найденная здесь, чеканена при императоре Маврикии (582—602 гг.). Д. Димитриевич высказала мнение, что левый берег Дуная был потерян для Империи раньше, при императоре Юстине II, и отметила, что эта монета недостаточна информативна, так как она происходит из «нарушенного слоя» [Димитријевић, 1984. С. 58—59, нап. 82]. Однако, поскольку в рассматриваемой крепости нет следов пребывания аваров, за исключением одного более позднего погребения, можно сделать вывод, что после Юстиниана крепость могла оставаться, по крайней мере периодически, во владении Империи. Бесспорный факт владения аварями территорией Баната и Бачки совсем не означает, что они должны были поселиться в любом месте в этих областях, особенно через 30 лет с момента прихода в эти регионы. Наши наблюдения свидетельствуют, что, несмотря на сложное положение Империи, на чем часто делается акцент, и у Аварского каганата были свои слабые места.

В ответ на продвижение Приска авары заняли Сингидун, разрушили стены и увели население. Приск направил речной флот на остров Синга, который был расположен, возможно, поблизости Винчи [Баришић, 1955а. Нап. 46], или, скорее, Сингой был современный остров Грочанска Ада под Белградом [Ковачевић, 1977. С. 58], и вступил в переговоры с аварским каганом. Встреча произошла перед Константиолой, которая была явно в руках аваров. Во время переговоров Приск находился на своей ладье, а каган сидел на берегу [Theophylact, Hist. VII 10]. Авары, следовательно, в 596 г. удерживали переправу через Дунай у Маргия, в то время как ромеи (снова?) занимали Новую Ледерату. Согласно одной точке зрения, смысл византийского продвижения в 596 г. заключался в установлении контроля над западными землями Баната и над коммуникациями, ведущими в центр Каганата [Madgearu, 2003. P. 309]. Вопрос заключается в том, имела ли Империя ресурсы для осуществления такого амбициозного плана? Похоже, что в кампании Приска превалировала оборонительная концепция.

Поскольку переговоры не увенчались успехом, Приск двинул свой флот, и авары поспешно отошли от Сингидуна [Theophylact, Hist. VII 11]. По этой причине каган разорвал мирное соглашение, которое было в силе в течение двух лет.

В результате этих событий и из-за состояния, в котором находилась оборона ромеев, военные действия развернулись на большой территории,

часто — в глубине Империи. В 597 г. авары неожиданно напали на Далмацию, но потерпели поражение от византийцев. Два года спустя в столкновении у Ремесиана (в современной Южной Сербии) авары одержали над ромеями победу, но из-за чумы были вынуждены заключить с ними перемирие, по которому аварам были сделаны большие выплаты, а войска Империи получили право пересечь Дунай и напасть на славян на территории Валахии [Theophylact, Hist. VII 12, 15; Ковачевић, 1981. С. 122]. Как мы видим, хотя ромеи, как правило, стремились отделаться выкупом, им порой удавалось нанести аварам и их союзникам серьезные военные поражения. Далее будет показано, что последний такой крупный успех был достигнут во время военного похода через Дунай (направление, в некотором смысле традиционное для Рима).

В 600 г. императорские войска совершили успешное нападение на подконтрольную аварам территорию, продвинувшись на земли Баната из Виминация. Виминаций, по сути, не был обычным местом переправы через реку. В позднеантичной системе стратегической обороны он, как уже было сказано выше, вероятно, не имел противоположной крепости на левом берегу Дуная. Нам кажется, что наученные действиями Приска в 596 г. авары в это время уже овладели Новой Ледератой и удерживали Контра Маргий. Ромеи по этой причине были вынуждены атаковать из Виминация, для аналогичных целей ранее не использовавшегося. Возможно, именно это обстоятельство и вызвало замешательство в рядах аварского войска, что и привело к его поражению.

Эти события детально рассмотрены Д. Димитриевич [Димитријевић, 1975b. С. 87—90]. В ее интерпретации первое столкновение, в котором авары в течение короткого времени потерпели три поражения, произошло на территории Южного Баната, между рекой Тамиш, двумя линиями так называемых Римских рвов и Алибунарским болотом [Димитријевић, 1975b. С. 89], то есть на том пространстве, в отношении которого мы пришли к выводу, что в IV в. здесь была развернута система обороны, предотвращавшая возможные вторжения в Империю с востока и севера. В этих боях, как можно рассчитать по данным Феофилакта Симокаты, погибло более чем 28 000 аварских воинов [Theophylact, Hist. VIII 2; VIII 3.1—10].

Затем ромеи продвинулись на Тису, где у холма Титель [Димитријевић, 1975b. С. 88; Ковачевић, 1977. С. 60] нанесли сокрушительное поражение аварам. По словам Феофилакта Симокаты, в плен были взяты 3000 аваров, 8000 славян, «а остальных разных варваров на 4000 больше 2200», то есть 6200 человек [Theophylact, Hist. VIII 3.15]. Среди этих варваров были, конечно, гепиды, упомянутые в сообщении, где говорится, что ромейская армия после первых побед над аварской армией сожгла три гепидских села и убила 30 000 гепидов. Здесь же содержатся первые определенные исторические сведения о славянах в Карпатском бассейне, которые продвинулись на территорию Южного Баната,

видимо в результате дальнейшей колонизации левого берега Дуная с территории Валахии и Молдавии [Ковачевић, 1977. С.60]. Приведенные выше данные, кажется, довольно точно отражают этническую ситуацию на рассматриваемой территории в конце VI — начале VII в. [Kovačević, 1960. S.35—36; Ivanišević, Bugarski, 2008. P.47], хотя численность пленных, вероятно, преувеличена. Трудно на самом деле поверить, что ромеям во время наступления, которое продолжалось около месяца, удалось сократить численность аварской военной силы на 75 200 человек.

Захваченные в плен авары были отправлены в Констанцу и затем освобождены по требованию посольства, посланного в Константинополь для заключения мира. Кажется вполне вероятным, что авары после тяжелых потерь оказались не в состоянии контролировать районы, расположенные вдоль Дуная. Вероятно, они на некоторое время потеряли крепости в Тителе, Новой Ледерате и Константиоле, но ромеи не смогли в полной мере использовать свою победу, восстановив дунайскую границу в том виде, который она имела в IV в. Дальнейшие события позволяют утверждать, что византийские акции 596 и 600 гг. были последними военными действиями к западу от Карпатского лимеса, в которых использовались старые римские плацдармы [Madgearu, 2003. P. 309].

Конфликты со славянами в низовьях Дуная в 602 г. закончились неудачно для Империи, которая была вынуждена атаковать, чтобы предотвратить нападение аваров на столицу. Авары, которые победили антов, в то время союзников Византии, пришли на помощь славянам. После этого анты нигде не упоминаются. Несмотря на некоторые успехи, имперская армия в очередной раз нарушила дисциплину и не осталась зимовать на левом берегу Дуная. Более того, армия оставила свои позиции, и вскоре военными был казнен Маврикий и назначен новый император Фока [*Theophylact, Hist.* VIII 5—6; Ковачевић, 1981. С. 122—123].

При императоре Фоке Византийская империя уже была не в состоянии защитить свои границы по Дунаю с помощью нападений на славян с левого берега реки. Мир с аварами обеспечивался огромной данью, но император Фока смог посвятить себя войне против Персии, на которую были направлены все доступные военные силы. У историков утвердилось мнение, что при Фоке пограничные провинции по Дунаю оставили на милость аваров и славян. Такая же идея, укоренившаяся и среди археологов, была опровергнута византинистом Ф. Баришичем в начале его карьеры. На основе анализа различных исторических источников им был сделан вывод, что «аваро-славянские» вторжения в район к югу от Савы и Дуная в царствование императора Фоки не происходили. Напротив, по косвенным историческим данным о внешней политике этого императора и общей ситуации в Каганате в это время Ф. Баришич сделал вывод, что на Балканах установился мир [Баришић, 1956]. К его идее примкнул и Й. Ковачевич [Ковачевић, 1977. С.61]. К этому

можно добавить, что в Сербском Подунавье на ряде крепостей лимеса в районе Железных ворот обнаружен ромейский археологический материал начала VII в. [Јанковић, 1981. С. 194].

Авары были, следовательно, также удовлетворены миром, обеспеченным не только недавними успехами ромейской армии и сильно увеличенной ежегодной данью, но и в связи со внутренними проблемами Каганата. Во время прихода к власти императора Фоки часть мятежных аваров переселилась на территорию Империи. Кроме того, после поражения аваров в 600 г. в Каганате произошла смена власти. Каганом стал младший сын Баяна [Ковачевић, 1977. С.61; 1981. С. 123].

Что касается последствий аварских военных акций, то преобладающее мнение специалистов в области ранневизантийской археологии заключается в том, что население Империи в провинции Внутренняя («Средиземная») Дакия, в треугольнике, образованном городами Сердика — Наис — Юстиниана Прима, сохранилось до времени около 615 г. [Поповић, 1986. С.108; Bavant, Ivanišević, 2003. P.50], то есть многовековая эпоха ромейского господства на Балканах закончилась горизонтом разрушения, которое, судя по находкам монет, относится к этому времени [Ivanišević, 2010. P.441—454]. Это мнение основывается и на данных исторических источников: беженцы из Наиса и Сердики упоминаются в описании славяно-аварской осады города Салоники около 618 г. [*Mir.* II. 2], из чего можно заключить, что до этого года, вероятно в течение 615—617 гг., происходили «аварские или аваро-славянские нападения на византийские Балканы» [Баришић, 1955b. Нап. 22]. Хронист отметил, что во время этих операций авары и славяне «опустошили почти всю Иллирию», упоминая ряд областей вплоть до Длинных стен Константинополя «и другие города и села, и все население увели в задунайский край к Паннонии, провинции, столицей которой когда-то был город под названием Сирмий» [*Mir.* II. 5. PG 116, 1361 № 195]. Перемещенные лица, несмотря на то что смешивались с аварами, болгарами и другими народами, сохранили свою христианскую веру [Баришић, 1955. С.212]. Эта группа населения положила основу Σερμοσιόνοи. До сих пор не известны яркие археологические свидетельства пребывания сермезианцев в Паннонии, отметим, что они приведены в еще неопубликованной работе, в которой к ним с осторожностью отнесен могильник в Вайске [Brukner, 1982; Bugarski, в печати].

Если мы обратим внимание на дунайские города, то остатков ромейской материальной культуры начала VII в. там было найдено, действительно, мало. В Сингидуне в единичном погребении 82, которое отличается от прочих, на могильнике эпохи Великого переселения народов найден византийский материал конца VI или в начала VII в. [Ivanišević, Kazanski, 2002. P.127. Pl. VII/82; IX/2]. Наиболее поздней византийской монетой с обширной территории города является фолис императора Ираклия 613/614 г. [Иванишевић, 1987. С.91]. Некоторое время спустя византийский стратег останавливался в уже разрушенном Сингидуне — по данным «De

administrando imperio», около 630 г. к нему обратились сербы с просьбой, чтобы император выделил им другие земли для поселения [Баришић, 1955а. С. 12—13]. Такая интерпретация этого источника не единственная, поэтому вопрос, до какого хронологического рубежа сохраняется ранневизантийский Сингидун, нельзя считать решенным. Если город даже пережил разрушение в начале правления императора Ираклия, то маловероятно, чтобы контроль Империи над ним сохранился после походов, которые предшествовали осаде Константинополя в 626 г. [Поповић, 2006. С. 47].

В Виминации случайно найдена пряжка типа Балгота, который показателен для византийского мира и датируется не ранее VII в. [Јанковић, 1990. С. 96, 64/1]. Из района Виминация происходит и износненный солид императора Ираклия с отверстием, начеканенный в 610—613 г. [Иванишевић, 1988. С. 88. Кат. бр. 59]. В Ледерате найдены серьги типов Сегвар и Сентеш, возможно ромейского изготовления [Vinski, 1956. S. 64. T. I/2; Dimitrijević et al., 1962. S. 121], которые вместе датированы в рамках первой половины VII в.

Перечисленные находки, конечно, не позволяют сделать вывод о том, что Империя контролировала этот участок Подунавья в первой половине VII в., но указывают на наличие каких-то ромеев или, по крайней мере, материальной культуры византийского круга. После катастрофического поржения у Константинополя в 626 г. авары переходят к обороне и уже не представляют собой серьезную угрозу для Империи. Славянская колонизация шла сравнительно медленно, до рассматриваемого времени славяне главным образом избегали в большом количестве селиться в городах. Нет ничего невозможного в предположении, что в некоторых районах Центральных Балкан и в бассейне Дуная в то время еще поддерживается городская жизнь, хотя, конечно, в ослабленном виде [Bugarski, в печати]. Несмотря на бесспорный перелом, который был вызван славянским расселением, византийский порядок еще не был заменен упорядоченным славянским управлением [Ostrogorsky, 1959. P. 4].

IV. Заключение

Амбициозно задуманная система обороны Римской империи на Дунае в IV в. превратилась в сложный организм, который включал в себя политическую и военную организацию приграничных провинций, укрепленную линию с крепостями на правом берегу Дуная и дублирующими их на левом, естественные препятствия на местности в районе, лежащем за границей, созданные там системы земляных укреплений, союзное население.

По этим причинам для нашего исследования понадобилось привлечение различных источников. Географический подход в нашем случае весьма важен, потому что значение некоторых фактов из области исторической географии оказалось не меньшим, чем значение нумизматических и археологических находок. Все вместе они дополняют информацию, известную по письменным источникам,

которых для окраин Империи недостаточно, потому что «жизнь периферии в византийской, или, скорее, константинопольской, историографии в целом плохо отображена, особенно в первые века империи» [Баришић, 1955а. С. 13].

Независимо от того, насколько опасными были вторжения на территорию Империи сменяющих друг друга на протяжении столетий врагов, основная система защиты границы продолжала функционировать, неоднократно доказав свою эффективность. Значительные по масштабам нападения сарматов, гуннов, воюющих друг с другом германских племен, аваров по разным причинам не смогли окончательно уничтожить римскую оборону по Дунаю. Сарматы боролись со все еще могущественной Империей, а гуннское объединение существовало недолго. Проблемы с германцами Византия разрешала военными и дипломатическими средствами, правда ценой ослабления своих ресурсов. Тем не менее даже авары оказались не в состоянии полностью уничтожить ромейское население подунайских и балканских земель. Несмотря на постоянные военные действия, наиболее болезненным следствием которых стала потеря столичного города Сирмия, частые набеги на Империю и разрушение многих городов, огромные финансовые и организационные потери, Византийская империя в начале VII в. даже смогла овладеть, пусть на короткое время, южными территориями Бачки и Баната.

При этом ромеи опирались на все элементы прежней системы обороны границ, кроме федератов, которых к северу от Дуная уже не было. События, которые десятилетиями и веками предшествовали последним войнам Империи к северу от Среднего Дуная, показали, что комплексная система обороны все еще существовала, даже при утрате некоторых ее элементов. Беспрецедентный ромейский инстинкт самосохранения и упорство, помогающие восстановить утраченное, пусть даже только частично, при этом в условиях, сильно отличающихся от оптимальных, привели к тому, что император Юстиниан сумел возратить потерянное при гуннах Подунавье, которое было практически недоступным для ромеев в десятилетия гепидского и остготского господства, и даже выйти на левый берег Дуная. Вновь подобные успехи были достигнуты в конце царствования императора Маврикия, но в меньших масштабах. В трудные времена Империя стремилась как можно больше знать о слабых местах своих противников и умело использовала это в своих целях.

Главный вывод нашего исследования противоречит мнению большинства историков. Он заключается в том, что ни один противник, кроме гуннов, не мог в течение длительного времени разрушить дунайскую пограничную линию Империи. Распад этой системы, конечно, произошел, но не только из-за многочисленных завоевателей, а в основном в результате общего хода исторического процесса, в том числе и ослабления Империи. Несколько веков спустя Византия, тем не менее, снова вышла на дунайскую границу, но это должно стать предметом особого исследования.

Литература

- Айбабин А.И. Хронологија могилнихова Крима позднеримског и раннесредневековог време-ни // Материали по археологији, историји и етнографији Таврији. Вып. 1. Симферополь, 1990. С. 3—86.
- Айбабин А. И. Етническаја историја ранневизантијског Крима. Симферополь, 1999.
- Барачки С. Сарматски налази из Ватина // Рад војвођанских музеја. 20. Нови Сад, 1971. С. 281—305.
- Баришић Ф. Приск као извор за најстарију историју јужних Словена // Зборник радова С.А.Н. XXI. Ви-зантолошки институт. Књ. 1. Београд, 1952. С. 52—63.
- Баришић Ф. Византиски Сингидунум // Зборник радова С.А.Н. XLIV. Византолошки институт. Књ. 3. Београд, 1955 а. С. 1—14.
- Баришић Ф. *Miracula s. Demetrii II* [коментари] // Византиски извори за историју народа Југославије. I. Београд, 1955 б. С. 185—216.
- Баришић Ф. Цар Фока (602—610) и подунавски Авари-Словени // Зборник радова С.А.Н. XLIX. Визан-толошки институт. Књ. 4. Београд, 1956. С. 73—88.
- Баришић Ф., Марковић М. Теофилакт Симоката [коментари] // Византиски извори за историју народа Југославије. I. Београд, 1955. С. 103—126.
- Брукнер О. Импортована и панонска керамика. Прилог топографским истраживањима Фрушке горе // Фрушка Гора у античко доба. Прилози за стару историју и археологију. Нови Сад, 1995. С. 51—109.
- Бугарски И. Некрополе из доба антике и раног средњег века на локалитету Чик. Београд, 2009.
- Бугарски И. Прикази: Miroslav Vujović, Rimski šlem iz Sivca — Roman Helmet from Sivac, Gradski muzej Sombor 2008; Velika Dautova-Ruševljan, Miroslav Vujović, Kasnoantički šlem iz Jarka — Late Roman Helmet from Jarak, Muzej Vojvodine, Novi Sad 2011 // Гласник Српског археолошког друштва. 26 (2010). Бе-оград, 2011. С. 199—207.
- Букуров Б. Геоморфологија Шајкашке // Шајкашка. Природа краја. Нови Сад, 1971. С. 53—76.
- Бунарић Р. Ка убикацији *Asimincuma* // Годишњак Музеја града Новог Сада 1/2005. Нови Сад, 2006. С. 37—57.
- Васић М. Рецензија текста Станка Трифуновића „Словенска насеља 4—10 века у Банату и Бачкој. Нова археолошка истраживања“ // Гласник Српског археолошког друштва 15—16. Београд, 1999—2000. С. 429—438.
- Васић М. Осврт на налаз IV века из Старчева // Зборник Народног Музеја XVII/1. Београд, 2001. С. 175—200.
- Васић М. Златни и сребрни новац касне антике (284—450 године) из збирке Народног музеја у Бе-ограду. Београд, 2008.
- Вулић Н. Ратовање цара Констанција у данашњој Бачкој // Гласник Историског друштва у Новом Саду. II/1. Сремски Карловци, 1929. С. 16—23.
- Гавритухин И. О. Элементы «Юстиниановского» воинского стиля у северных варваров (пряжки типа Сучидава) // *Studia antique et medievalia. Miscelanea in honorem annos LXXV peragentis Professor Dan Gh. Teodor oblata. București*, 2009. С. 153—183.
- Гранић Ф. Војводина у византиско доба // Војводина. I. Нови Сад, 1939. С. 91—107.
- Даутова-Рушевљан В. Оставе варварског, римског и византијског новца из Војводине // Нумизмати-чар. 4. Београд, 1981. С. 60—72.
- Димитријевић Д. Гепидска некропола „Кормадин“ код Јакова // Рад војвођанских музеја. 9. Нови Сад, 1960. С. 5—48.
- Димитријевић Д. Сармати и Римљани // Шајкашка I — Историја. Нови Сад, 1975 а. С. 34—67.
- Димитријевић Д. Доба великих миграција // Шајкашка I — Историја. Нови Сад 1975 б. С. 68—96.
- Димитријевић Д. Сапаја, римско и средњовековно утврђење на острву код Старе Паланке // Стари-нар. XXXIII—XXXIV (1982—1983). Београд, 1984. С. 29—62.
- Душанић С. Три епиграфска прилога // Жива антика. XV/1. Скопје, 1965. С. 85—108.
- Душанић С. Нови и ревидирани римски натписи из источног Срема // Жива антика. XVII. Скопје, 1967. С. 195—215.
- Душанић С. Римска војска у источном Срему // Зборник Филозофског факултета. X/1. Споменница Васе Чубриловића. Београд, 1968. С. 87—113.
- Иванишевић В. Скупни налаз римског бронзаног новца из 375/8. године са Београдске тврђаве // Ну-мизматичар. 9. Београд, 1986. С. 44—59.
- Иванишевић В. Византијски новац са Београдске тврђаве // Нумизматичар. 10. Београд, 1987. С. 88—110.
- Иванишевић В. Византијски новац (491—1092) из збирке Народног музеја у Пожаревцу // Нумизма-тичар. 11. Београд, 1988. С. 87—104.
- Иванишевич В., Казанский М. Герулы Юстиниана в Северном Иллирикуме и их археологические сле-ды // *Stratum plus*. №5 за 2010. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bucharest, 2010. С. 147—157.
- Јанковић Ђ. Подунавски део области Аквиса у VI и почетком VII века. Београд, 1981.
- Јанковић М., Ђ. Словени у Југословенском подунављу. Београд, 1990.
- Јовановић А. Римска посуда са медаљонима из Чуруга // Гласник Српског археолошког друштва. 20. Београд, 2004. С. 207—215.
- Ковачевић Ј. Аварски каганат. Београд, 1977.
- Ковачевић Ј. Досељење Словена на Балканско полуострво // Историја српског народа. I. Београд, 1981. С. 109—124.
- Милин М. Амијан Марцелин, Историја [предговор, превод и објашњења]. Београд, 1998.
- Мирковић М. Римско освајање и организација римске власти // Историја српског народа. I. Београд, 1981 а. С. 66—76.
- Мирковић М. Економско — социјални развој у II и III веку // Историја српског народа. I. Београд, 1981 б. С. 77—88.

- Мирковић М. Централне балканске области у доба позног царства // Историја српског народа I. Београд, 1981. с. С. 89—105.
- Миятович В. Могли ли Сарматы стать земљедельцама на територији Бачки и Баната? // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула, 2010. С. 181—190.
- Острогорски Г. Историја Византије. Београд, 1998.
- Пековић М. Археолошка збирка Војног музеја у Београду. Београд, 2006.
- Пековић М. Војни музеј, пет деценија археолошких истраживања: 1954—2004. Београд, 2007.
- Петровић П. Римски лимес на Дунаву у Доњој Панонији // Фрушка Гора у античко доба. Прилози за стару историју и археологију. Нови Сад, 1995. С. 9—32.
- Поповић В. Куврат, Кувер и Аспарух // Старинар. XXXVII. Београд, 1986. С. 103—133.
- Поповић М. Светиња, нови подаци о рановизантијском Виминацијуму // Старинар. XXXVIII. Београд, 1987. С. 1—37.
- Поповић В. Јужнодунавске провинције у касној антици од краја 4. до средине 5. века // Sirmium — град царева и мученика (сабрани радови о археологији и историји Сирмијума). Сремска Митровица, 2003. С. 201—237.
- Поповић М. Београдска тврђава. Београд, 2006.
- Рашајски Р. Сарматска лончарска радионица на Црвенки крај Вршца // Рад војвођанских музеја. 6. Нови Сад, 1957. С. 39—55.
- Савић-Трбуховић Л. Фибула из Лалића у југозападној Бачкој // Зборник Народног музеја. Археологија. XIV-1. Београд, 1992. С. 429—437.
- Станојев Н. „Римски шанчеви“ — водопроведни систем Панонске низије // Рад Музеја Војводине. 41—42. Нови Сад, 1999—2000. С. 29—43.
- Трифунувић С. Насеља Лимиганата и Словена у Банату и Бачкој // Гласник Српског археолошког друштва. 15—16. Београд, 1999—2000. С. 158—180.
- Трифунувић С. Археолошко налазиште Стари виногради. Нови Сад — Београд, 2006 [CD-ROM].
- Трифунувић С. Позднеантичке споменици на територији Бачки и Баната: Сходство и везе с черняховској културом // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула, 2010. С. 181—190.
- Трифунувић С., Пашић И. „Стари виногради“ у Чуругу — вишеслојно археолошко налазиште // Гласник Српског археолошког друштва. 19. Београд, 2003. С. 263—290.
- Црнобрња Н. А. Три оставе римског бронзаног новца (IV век) са подручја општине Обреновац // Нумизматичар. 14. Београд, 1991. С. 41—49.
- Цуњак М., Пиндић М. Калиште, Мало Црниће — римско утврђење // Arheološki pregled. 24. Beograd, 1985. С. 93—96.
- Јанковић Д., Радичевић Д. Два културно-етнических последица „готског“ нашествия на Фракију и Илирик у 268—269 г. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула, 2010. С. 143—157.
- Amm. Marc.* = Ammianus Marcellinus. Res gestae. Vol. I. / Ed. W. Seyfarth. Leipzig, 1978.
- Batistić-Popadić D. Sarmatska nekropola Vojlovica — Pančevo // Рад војвођанских музеја. 29. Нови Сад, 1984—1985. С. 59—83.
- Bavant B., Ivanišević V. Iustiniana Prima — Caričin Grad. Beograd, 2003.
- Bjelajac Lj., Ivanišević V. Les témoignages archéologiques des Grandes Invasions à Singidunum // Starinar. XLII (1991). Beograd, 1993. P. 123—139.
- Bóna I. Ungarns Völker im 5. und 6. Jahrhundert. Eine historisch-archäologische Zusammenschau // Germanen, Hunnen und Awaren. Nürnberg, 1987. S. 116—129.
- Brukner O. The Sixth Century Necropolis at Vajska // Sirmium. IV. Beograd, 1982. S. 29—42.
- Brukner O. Rimski nalazi u jugoslovenskom delu Barbarikuma — Bačka i Banat // Arheološki vestnik. 41. Šašlov zbornik. Ljubljana, 1990. P. 199—216.
- Bugarški I. The Geomorphological Matrix as a Starting Point for Determining the Position of Avar-time Settlements in Pannonia: The Example of the Bačka Region // Archäologisches Korrespondenzblatt. 38-3. Mainz, 2008. P. 437—455.
- Bugarški I. Occupation of the South Pannonian Soil During Antiquity and the Migration Period: Šajkaška Revisited // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration. Paris — Beograd, 2012. P. 11—34.
- Bugarški I. On the *Jánoshida* Type Earrings and the Seventh Century Byzantine Finds from the Western Balkans, with a Retrospective View of the Vajska (Vajsza) Cemetery // Thesaurus Avarorum. Festschrift für Éva Garam. Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest. В печати.
- Bugarški I., Ivanišević V. Migration-Period Finds from Margum: Results so far and Research Perspectives // Wandering and settled Barbarians in the Carpathian Region and neighboring areas (1st—5th cent.). Proceedings of the international archaeological conference held in 2010 in Nyíregyháza and Satu Mare. В печати.
- Bursche A. The Victoria Sarmatica of AD 340 and three gold medallions from Barbaricum // Kontakt, Kooperation, Konflikt: Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.—16. Februar 1998. Neumünster, 2003. P. 407—413.
- Bury J. B. History of the Later Roman Empire. London, 1923.
- Curta F. Linear Frontiers in the 9th Century: Bulgaria and Wessex // Quaestiones medii aevi novae. 16. Warszawa, 2011. P. 15—32.
- Dautova-Ruševljan V., Brukner O. Gomolava. Rimski period. Gomolava. 3. Novi Sad, 1992.
- Dautova-Ruševljan V., Vujović M. Rimski vojska u Sremu — Roman Army in Srem. Novi Sad, 2006.
- Dimitrijević D., Kovačević J., Vinski Z. Seoba naroda. Arheološki nalazi Jugoslovenskog podunavlja. Zemun, 1962.
- Đorđević M. Contributions to the Study of the Roman Limes in South Banat // Roman Limes on the Middle and Lower Danube. Belgrade, 1996. P. 125—133.

- Dorđević M. Arheološka nalazišta rimskog perioda u Vojvodini. Beograd, 2007.
- Fiedler U. Zur Datierung der Langwälle an der mittleren und unteren Donau // Archäologisches Korrespondenzblatt. 16-4. Mainz, 1986. S. 457—465.
- Fóthi E. Anthropological conclusions of the study of Roman and Migration periods // Acta biologica Szegediensis 44. Szeged, 2000. P. 87—94.
- Gudea N. Die Nordgrenze der Provinz Moesia Superior. 86—275 n. Chr. Materialien zu ihrer Geschichte // Jahrbuch des Römisch-Germanisches Zentralmuseum. 48 (2001). Mainz, 2003. P. 337—454.
- Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian and Germanic People at the Upper Tisza Region and South Alföld at the Beginning of the Migration Period // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Spisy Arch. Ústavy AV ČR Brno. 13. Brno, 1999. P. 67—94.
- Ivanišević V. Le début de l'époque des Grandes Migrations dans l'Illyricum du Nord // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Spisy Arch. Ústavy AV ČR Brno. 13. Brno, 1999. P. 95—107.
- Ivanišević V. La monnaie paléobyzantine dans l'Illyricum du nord // Mélanges Cecile Morrisson. Travaux et Mémoires. 16. Paris, 2010. P. 441—454.
- Ivanišević V., Bugarski I. Western Banat during the Great Migration Period // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Monumenta Studia Gothica V. Vol. II. Lublin, 2008. P. 39—61.
- Ivanišević V., Kazanski M. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum // Singidunum. 3. Beograd, 2002. P. 101—157.
- Ivanišević V., Kazanski M. Nouvelle nécropole des Grandes migrations de Singidunum // Starinar. LVII (2007). Beograd, 2009. P. 115—137.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris, 2006.
- Jordanes, Get.* = Jordanes. Getica. T. Mommsen (ed.), Berlin, 1882.
- Jovanović A. The problem of the Location of Lederata // Roman Limes on the Middle and Lower Danube. Belgrade, 1996. P. 15—26.
- Jovanović A. Archaeological notes of the fortifications from Pannonia Secunda // Römische Städte und Festungen an der Donau, Akten der Regionalen Konferenz. Beograd, 16—19 Oktober 2003. Beograd, 2005. P. 83—87.
- Kir A. M. Földművelésügyi Minisztérium Vízrajzi Intézet. Budapest, 1938.
- Kiss A. Heruler in Nordserbien // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6—10. Jahrhundert. Symposium Nové Vozokany 3—7. Oktober 1983. Nitra, 1984. P. 133—137.
- Kiss A. Die Ostrogoten in Pannonien (456-473) aus archäologischer Sicht // Zalai Múzeum. 6. Zalaegerszeg, 1996. P. 87—90.
- Kiss A. Archäologische und numismatische Angaben zur Siedlungsgeschichte des Donau — Theiß — Zwischenstromlandes in der zweiten Hälfte des 5 und der ersten Hälfte des 6 Jahrhunderts // Memorial de Jovan Kovačević. Belgrade, 2003. P. 185—193.
- Kollautz A. Die „Inscriptio de Avaris von Sirmium“ als Dokument einer byzantinischen Gebetsanrufung // Studia in honorem Veselini Beševliev. Sofia, 1978. P. 534—562.
- Kovačević J. Varvarska kolonizacija južnoslovenskih oblasti. Novi Sad, 1960.
- Lindner R. P. Nomadism, Horses and Huns // Past and Present 92. Oxford, 1981. P. 3—19.
- Madgearu A. The 6th Century Lower Danubian Bridgeheads: Location and Mission // Ephemeris Napocensis. XIII. Cluj-Napoca, 2003. P. 295—314.
- Milinković M. Serbien // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 28. Berlin, 2005. P. 197—218.
- Mirković M. Rimski gradovi na Dunavu u Gornjoj Meziji. Beograd, 1968.
- Mirković M. Deserted forts — the Moesian *limes* after the conquest of Dacia // Limes XVIII. Proceedings of the XVIIIth International Congress of Roman Frontier Studies held in Amman, Jordan (September 2000). Vol. II. BAR International Series. 1084 (II). Oxford, 2002. P. 57—764.
- Mirković M. Sirmium. Istorija rimskog grada od I do kraja VI veka. Sremska Mitrovica, 2008.
- Mir.* // = *Miracula s. Demetrii.* II (прев. Ф. Баришић) // Византиски извори за историју народа Југославије. I. Београд, 1955. S. 186—216.
- Mócsy A. Die Einwanderung der Jazygen // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. XXV. Budapest, 1977. P. 439—466.
- Morrisson C., Popović V†., Ivanišević V. Les Trésors monétaire byzantins des Balkans et d'Asie Mineure (491—713). Réalités byzantines. 13. Paris, 2006.
- Nagy S. Извештај о резултатима истраживања уздужних шанчева на подручју Војводине // Рад војвођанских музеја. 15—17. Нови Сад, 1966—1968. С. 103—108.
- Oltean I. A. Dacia. Landscape, Colonisation and Romanisation. London; New York, 2007.
- Ostrogorsky G. The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century // *Dumbarton Oaks Papers.* 13. Washington, 1959. P. 1—21.
- Petrović P. Odbrambeni sistemi u antici (jugoistočni sektor) // Odbrambeni sistemi u praistoriji i antici na tlu jugoslavije, Materijali XXII — referati XII kongresa Arheologa Jugoslavije, Novi Sad, 1984. Novi Sad, 1986. S. 91—100.
- Petrović P., Vasić M. The Roman Frontier in Upper Moesia: Archaeological Investigations in the Iron Gate Area — Main Results // Roman Limes on the Middle and Lower Danube. Belgrade, 1996. P. 15—26.
- Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenwolk in Mitteleuropa 567—822 n. Chr. München, 1988.
- Pribaković D. Gradski park, Kovin — germanska nekropola i sarmatsko naselje // Arheološki pregled. 5. Beograd, 1963. S. 129—130.
- Prisci Frg.* = Prisci Fragmenta (прев. Ф. Баришић) // Византиски извори за историју народа Југославије I. Београд, 1955. С. 7—16.
- Procopius, BG* = Procopius, III—V. History of the Wars, Books V—VIII / Ed. H. W. Dewing. London; Cambridge (Massachusetts), 1962—1968.

Sekereš L. Problem takozvanih Rimskih šančeva u Bačkoj // Materijali XXII. Odbrambeni sistemi u praistoriji i antici na tlu Jugoslavije. Referati XII kongresa arheologa Jugoslavije — Novi Sad 1984. Novi Sad, 1986. S. 144—152.

Sekereš A. Sarmatska nekropola Subotica-Verušić // Рад Музеја Војводине. 40. Нови Сад, 1998. S. 107—147.

Soproni S. Limes Sarmatiae // Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. 2. Szeged, 1969. P. 117—135.

Špehar P. The Danubian *limes* between *Lederata* and *Aquae* during the Migration Period // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration. Paris; Beograd, 2012. P. 35—56.

Takács M. Népvándorlások-kutatások Kis-Jugoszláviában, az 1990-es években // Hadak Útján. A népvándorlás kor fiatal kutatóinak konferenciája. Szeged, 2000. P. 393—414.

Theophylact, Hist. = Theophylact Simocatta. *The History of Theophylact Simocatta* / Eds. M., M. Whitby. Oxford, 1986.

Vaday A. Militia inermis, militia armata. Bemerkungen zur Frage des Limes Sarmatiae // Slovenská Archeológia. 49. Nitra, 2001. P. 249—276.

Vasić M. Nalazi rimskog bronzanog novca IV i V veka iz municipijuma Horreum Margi (Ćuprija). Beograd, 1990.

Vinski Z. Nalaz iz Velike Kladuše i problem naušnica tipa okrenute piramide // Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu. N. s. XI. Sarajevo, 1956. S. 63—95.

Vinski Z. Okov Teodorikova vremena s ostrva Saraja na Dunavu // Зборник Народног музеја. IV. Београд, 1964. S. 157—178.

Vujović M. Rimski šlem iz Sivca — Roman Helmet from Sivac. Sombor, 2008.

Zos. = *Zosimus historicus* (ed. F. Paschoud). Paris, 1971—1989.

Рис. 1. Карта рассматриваемого региона с зонами затопления.
По: Kir, 1938

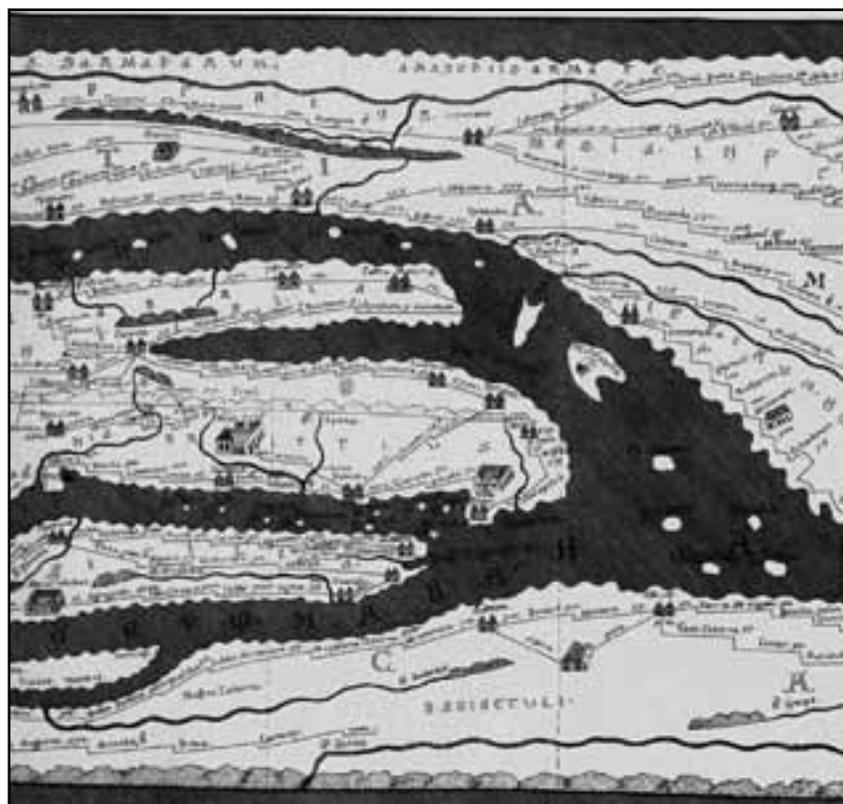

Рис. 2. Певтингерова таблица. Фрагмент

Рис. 3. Плацдарм у Рамы (рим. Ледераты). 1790 г.
 По: Johann Thomas Edlen von Trattner. K. K. Hofbuchdruck, 1790

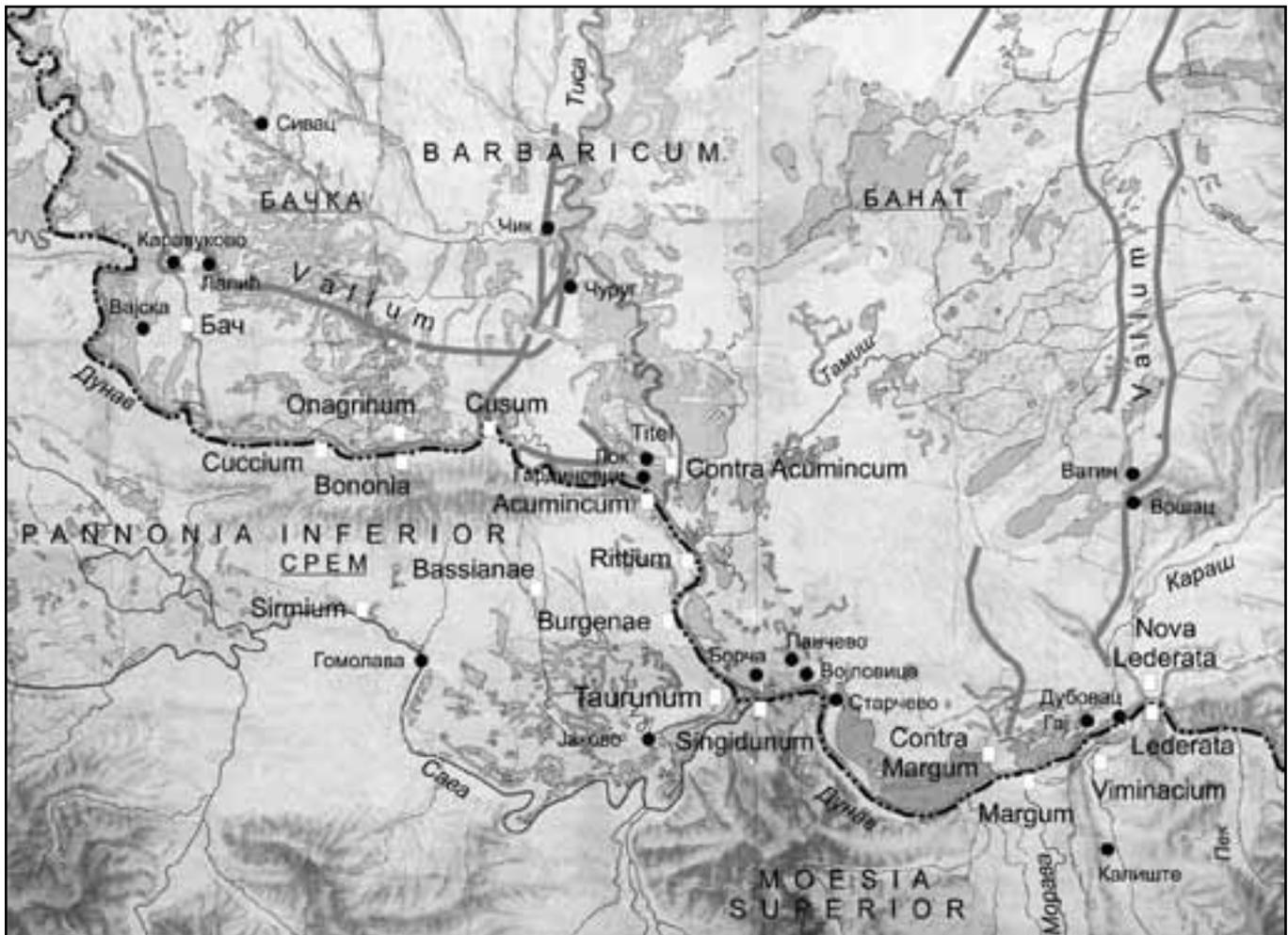

Рис. 4. Пункты и области, упоминаемые в статье.
 Основа — по рис. 1 [Kir, 1938]. Латиницей даны названия реалий I—VII вв., кириллицей — современные названия. Светлые квадраты — римские укрепления

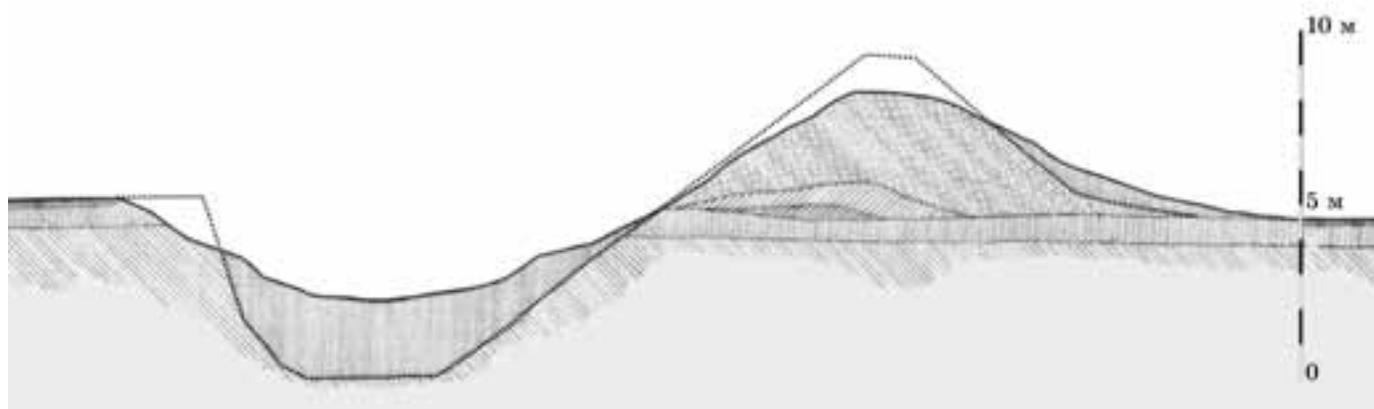

Рис. 5. Разрез римского рва в Ченей.
По: Бунарџић, 2006. Сл. 2

Рис. 6. Чуруг. Образцы керамики IV в.
По: Трифуновић, Пашић, 2003. Сл. 10; 11

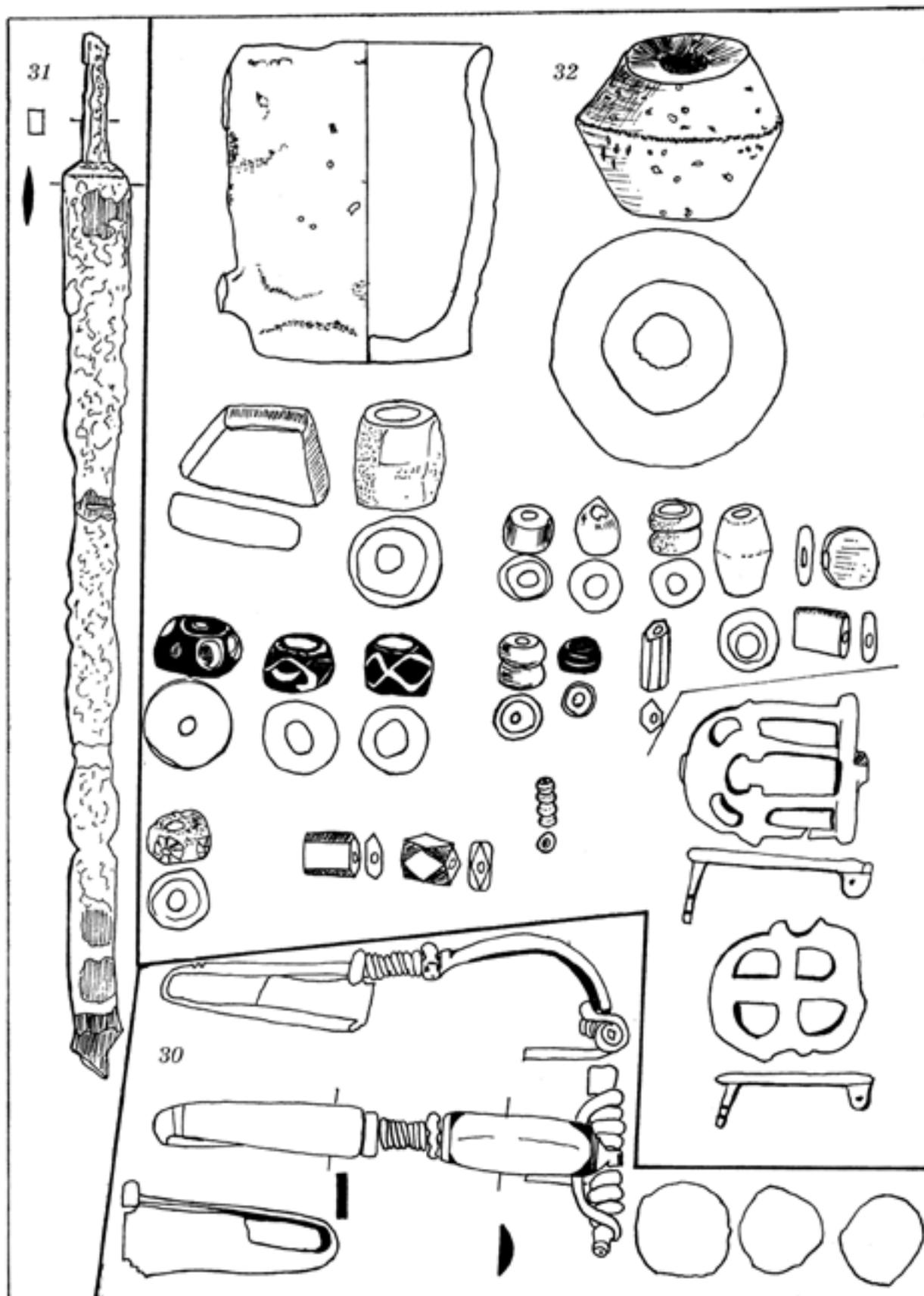

Рис. 7. Войловица. Образцы материалов из некрополя.
По: Batistić-Popadić, 1984–1985. Т. VII. Без масштаба

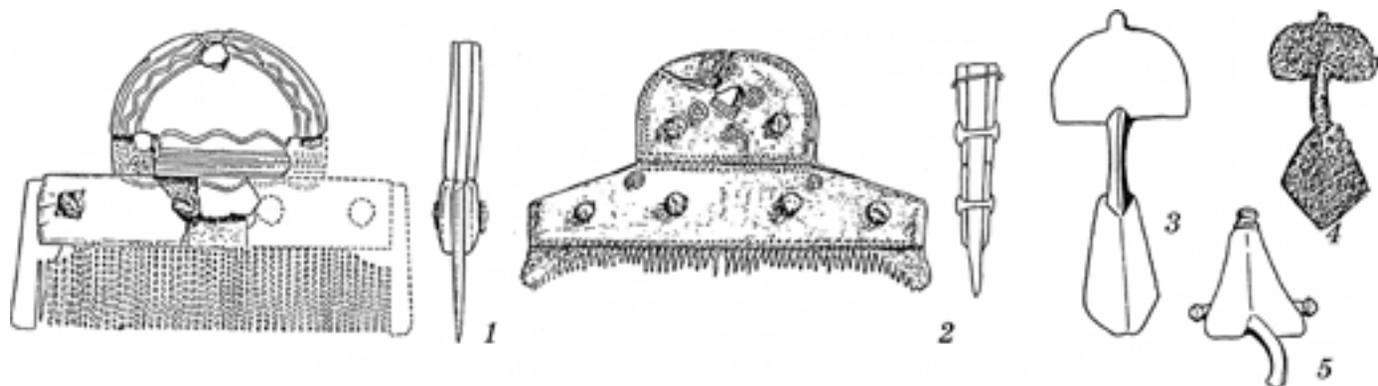

Рис. 8. Гребни и фибулы, относимые к раннему федератскому горизонту.

1 — Сингидун; 2 — Борджей; 3 — Новая Ледерата; 4 — Наис; 5 — Таурун.

По: Ivanišević, 1999. Fig. 1, 2. Без масштаба

Рис. 9. Чуруг. Находки из погребений конца IV — первой половины V в. в урочище Стари Виногади.

По: Трифуновић, Пашић, 2003. Сл. 13; Трифуновић, 2006

Рис. 10. Обкладка ножен меча из Новой Ледераты.

По: Dimitrijević et al, 1962. Т. IV: 2

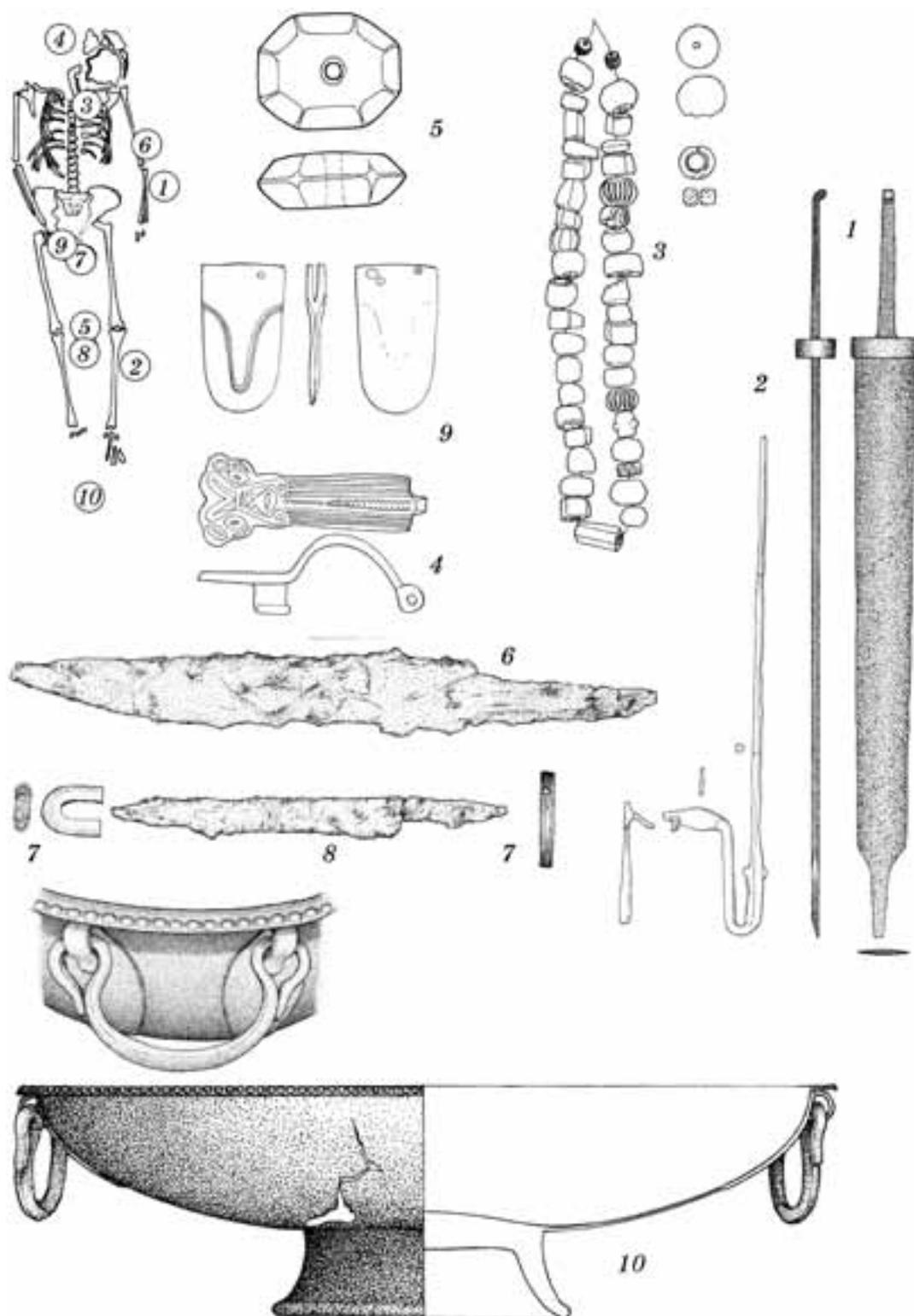

Рис. 11. Виминаций, некрополь Више Гробалья, погребение 118.
 По: Ivanišević et al, 2006. Т. 15. Масштабы: 1–2 — 1:5; 3–9 — 2:3; 10 — 1:3

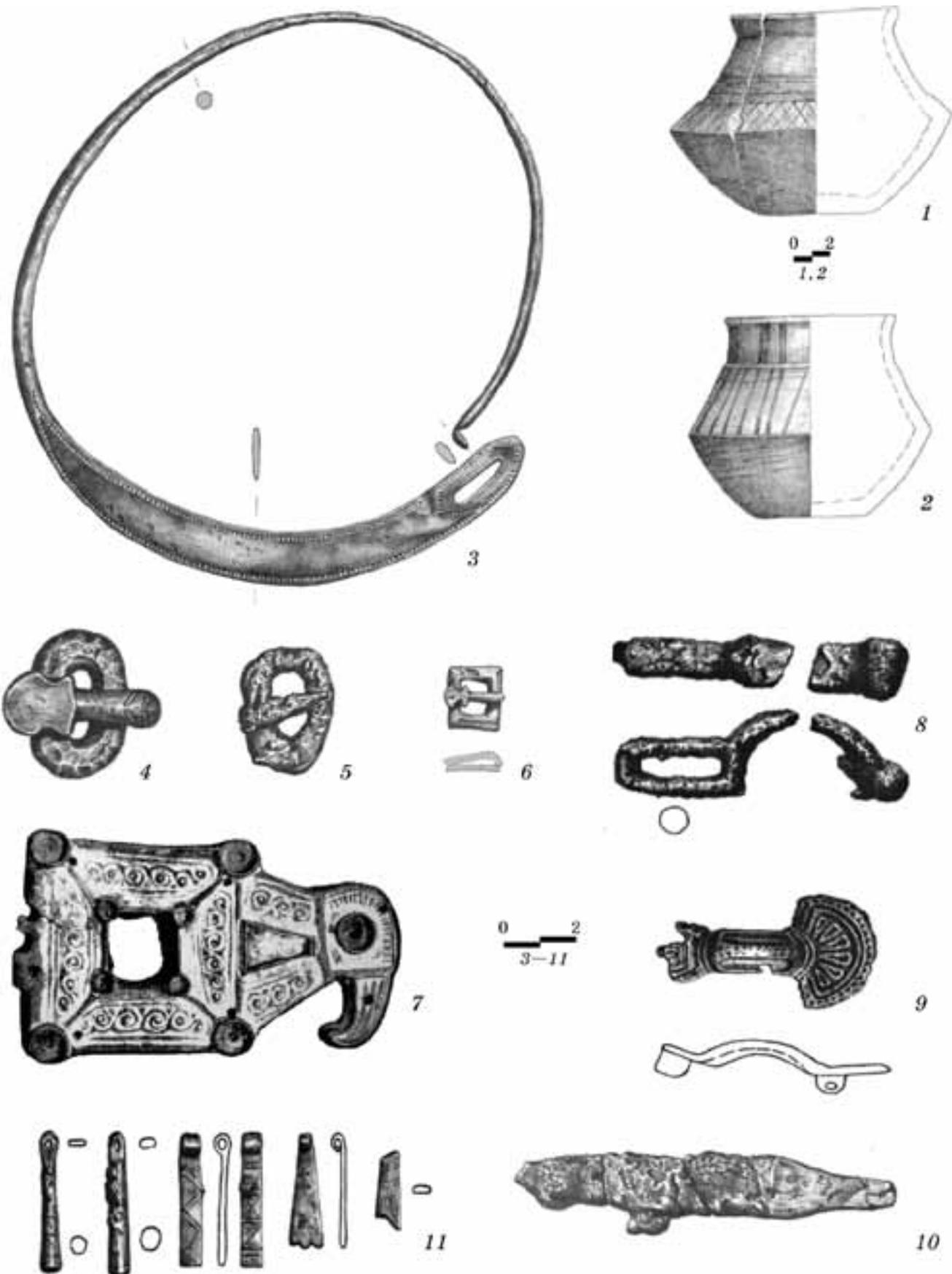

Рис. 12. Находки из некрополя Ковин.
По: Ivanišević, Bugarski, 2008. Fig. 8

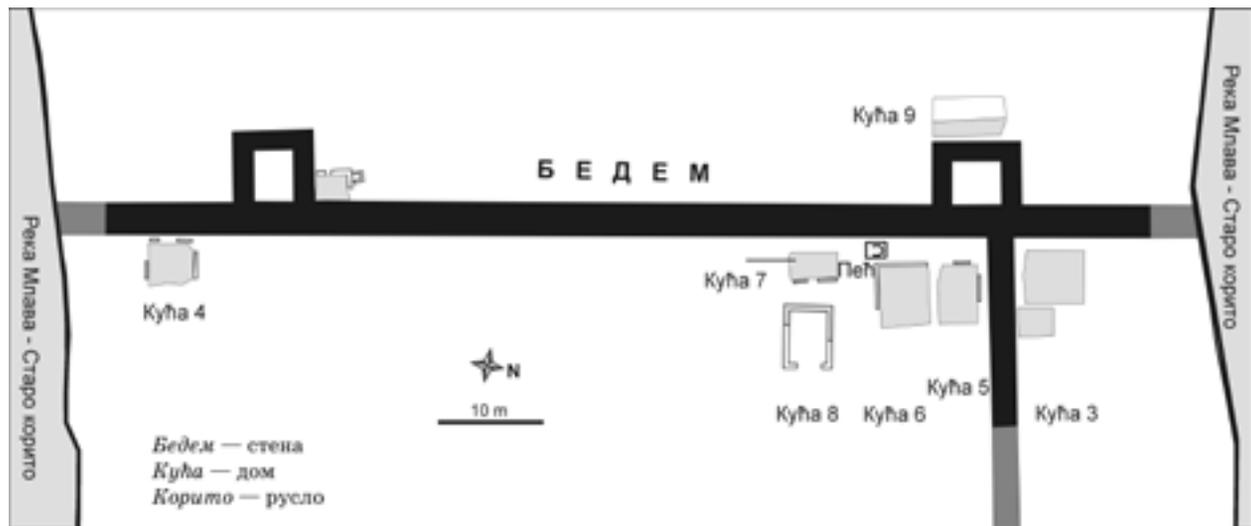

Рис. 13. План федератског насеља Виминациј-Светиња.
По: Поповић, 1987. Стр. 9

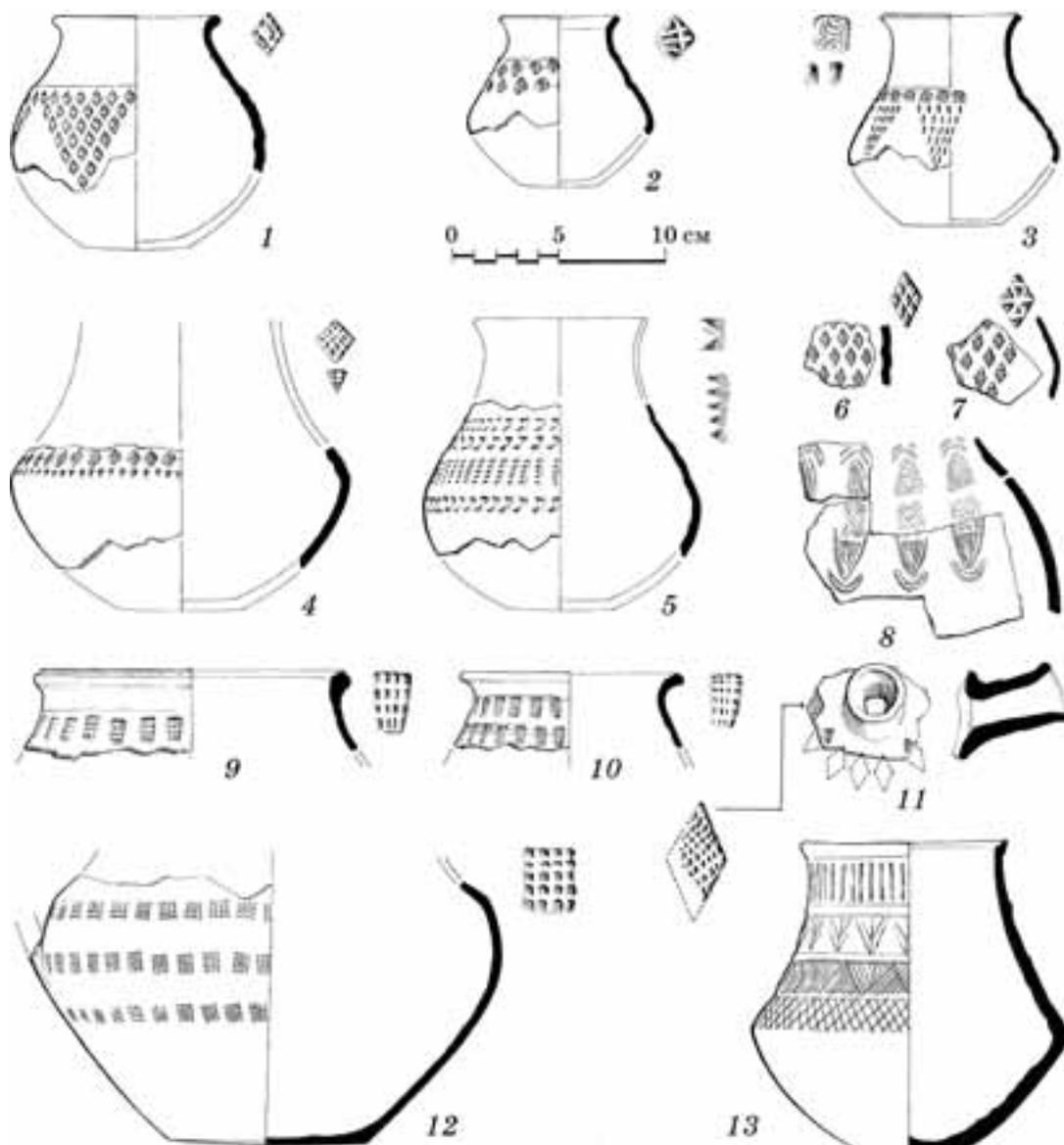

Рис. 14. Керамика с федератског насеља Виминациј-Светиња.
По: Поповић, 1987. Стр. 17

О. С. Румянцева

СТЕКЛЯННЫЕ УКРАШЕНИЯ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОИЗВОДСТВА, ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ, ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА¹

Для изучения культурных связей варварского населения Восточной Европы крайне важны находки импортных изделий. По количеству ведущее место среди них занимают стеклянные бусы. В I тыс. н.э. эта категория украшений получила очень широкое распространение среди населения лесной и лесостепной зон, которое, по всей видимости, не производило их самостоятельно. Важнейшая цель, которую ставят археологи при работе с этим материалом — определение места происхождения и установление направления контактов потребителей данных изделий. К сожалению, большинство подходов к научной обработке стеклянных украшений остаются дискуссионными. Ряд сложностей, связанных с научной обработкой импортных изделий из стекла, обусловлен недостаточной изученностью организации стеклоделательного производства в эпоху поздней античности и раннего средневековья, включая производство мелких стеклянных украшений. Одна из актуальных проблем, связанных с изучением бус — интерпретация результатов анализа химического состава стекла. Особенности цветного стекла бус часто не находят параллелей среди материалов синхронного посудного и оконного стекла, а характер сырья, использованного для его изготовления, бывает практически невозможно определить однозначно. Некоторые заключения, получаемые при работе со стеклянными импортными изделиями, носят порой умозрительный характер, опираясь часто на гипотезы, далеко не всегда подтвержденные археологическим материалом. Эти гипотезы, тем не менее, стали общепринятыми «точками опоры» в изучении стекла.

В связи с этим представляется важным рассмотреть существующие проблемы, систематизировав имеющиеся у нас данные источников. Предлагаемая статья представляет собой свод археологически зафиксированных свидетельств производства стеклянных украшений, в первую очередь — бус поздней античности и раннего средневековья². Большинство из рассматриваемых производственных комплексов опубликованы в зарубежных изда-

ниях и редко привлекаются в трудах отечественных исследователей.

В I в. н.э. в Римской империи широко распространилась стеклодувная техника, что привело к большим изменениям в производстве стекла. Это не могло не отразиться на организации производства в целом. Однако ввиду малочисленности археологических свидетельств производства бус, мною с определенной долей условности привлекались в некоторых случаях более ранние материалы, относящиеся к середине — второй половине I тыс. до н.э. Качество и полнота использованных в работе публикаций различны, в некоторых случаях полученные авторами выводы остаются, к сожалению, непроверяемыми.

Помимо археологических, косвенную информацию о данном виде производства (в первую очередь — о технологической его составляющей) могут дать этнографические источники: в современном мире сохранилось кустарное производство мелких стеклянных украшений в Индии, Турции, ряде стран Магриба и других регионах. Работающие в них мастера используют традиционные технологии. Привлечение этнографических данных при работе с археологическими материалами, безусловно, требует особой осторожности, однако они нередко позволяют оценить технологические возможности древних мастеров, а также степень реалистичности археологических реконструкций.

Мастерские по производству бус античного времени и раннего средневековья (рис. 1)

Северное Причерноморье. В Северном Причерноморье, которое часто рассматривается исследователями как одна из предполагаемых зон изготовления бус, доподлинно известна лишь одна мастерская по производству стеклянных украшений, которая была обнаружена на Ягорлыцком поселении и датирована VI в. до н.э. [Островеверхов, 1981. С. 214—225]. В качестве признаков производства выделяются полуфабрикаты, интерпретированные авторами как

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 11-31-00336а2.

² Более поздние находки на территории скандинавских торговых поселений, связанные с производством стеклянных украшений, предполагают другую систему торговли, обмена сырьем и полуфабрикатами [Sablerralles et al, 1997. P. 298]. Они качественно отличаются от более ранних и в данной работе не рассматриваются.

фритта, и большое количество бракованных бус из глухого и полупрозрачного стекла — деформированных, колотых, с деформированными каналами и прочими дефектами. Обнаруженные в данном комплексе бусы изготовлены методом навивки и прессовкой в форму, среди них встречены как монохромные, так и глазчатые украшения. Обращает внимание разница в химическом составе стекла найденных здесь изделий — встречены как зольные, так и содовые стекла. По мнению автора публикации, стекло могло вариться непосредственно в данной мастерской, где производились и сами украшения. Однако отмечаемая разница в составе стекла [Островерхов, 1981. С. 221—223] может указывать как раз на тот факт, что бусы производились из импортных полуфабрикатов: разница в содержании основных стеклообразующих элементов обусловлена, скорее, особенностями сырья, а не «рецептурной нормой» [см., например, Freestone et al., 2002; Freestone, 2003 и др.]. Одни из наиболее ранних свидетельств импорта полуфабрикатов стекла зафиксированы на затонувшем в водах Турции судне Улу-Бурун, датированном XIV в. до н.э. (рис. 2): на нем были обнаружены «слитки» цветного стекла [Nicholson et al., 1997; Foy, Nenna, 2001. P. 35]. Ю. Л. Щапова предполагала также возможность торговли фриттой на дальние расстояния [Щапова, 1998. С. 46—47]. Более точный ответ на вопрос о месте производства стекла, из которого мастера Ягорлыцкого поселения делали бусы, мог бы, возможно, более детальный анализ материала, определенного автором как фритта.

Гипотеза о производстве бус в Танаисе высказывалась Е. М. Алексеевой и Т. М. Арсеньевой в связи с находкой 3000 экземпляров украшений в помещении А, примыкающем к помещению И (помещения погибли во время разгрома города в 40-х гг. III в.); в последнем были зафиксированы свидетельства стекольного производства. [Алексеева, Арсеньева, 1966. С. 186]. Однако авторы не упоминают об обнаружении прямых свидетельств изготовления бус (в первую очередь — производственного брака). Это не дает возможности однозначно говорить о том, что бусы были сделаны именно в Танаисе, и связывать их с мастерской, свидетельства существования которой опубликованы авторами. Нельзя полностью исключать возможность того, что здесь располагался склад импортных изделий, предназначенных на продажу [Алексеева, Арсеньева, 1966. С. 184—186].

Родос. Остатки производства бус эллинистического времени зафиксированы на о. Родос. Мастерскую локализовать не удалось, однако связанный с ней материал был свален в подвале заброшенного здания, погибшего, вероятно, в пожаре 226 г. до н.э. [Weinberg, 1969. P. 143—151; 1983. P. 37]. В комплексе были обнаружены около 10 тысяч бус разных цветов, в том числе сотни — с производственными дефектами; среди них как монохромные изделия различных цветов, так и полихромные — глазчатые, мозаичные, с мраморовидным декором и пр. Около 200 бус — золотостеклянные различных форм. Изделия изготовлены с применением разных техно-

логий — встречены обернутые вокруг инструмента, тянутые, рубленные, прессованные и навитые бусы. Некоторые из них выполнены путем комбинации различных технологий. Отрезки найденных здесь полихромных многослойных палочек, полученных методом многократной наборки, служили для декора глазчатых бус. Помимо бус, из исследованного помещения происходили стеклянные трубочки и палочки, в том числе витые — заготовки для косметических инструментов и браслетов, стеклянные игральные фишки и булабочные головки. Встречены фрагменты сосудов — два золотостеклянных (в том числе один — с производственным браком), изготовленных, как предполагает Г. Д. Вайнберг, здесь же или в соседней мастерской, и два выполненных в технике миллефиори [Weinberg, 1969. P. 143—151]. Ввиду особенностей контекста находки уверенно связать их присутствие в комплексе с деятельностью мастерской невозможно. Из комплекса происходят также бесформенные куски стекла — полуфабрикаты и большое количество стекольного боя.

Важной находкой являются керамические контейнеры со следами стекла на дне, а также керамической посуды, содержащей остатки пигментов (синего и красного), использовавшихся для окраски стекла [Weinberg, 1969]. Некоторые костяные и терракотовые предметы могут быть интерпретированы как остатки инструментов. Не исключено, что с производством бус могли быть связаны найденные здесь листы свинца [Галибин, 2001. С. 41].

Египет. Мастерская IV—VI вв. н.э., связанная с производством бус, была обнаружена в районе Ком-эль-Дикка в Александрии [Rodziewicz, 1984; Spaer, 1993. P. 12]. In situ были найдены фрагменты оснований печей со следами стекла и разноцветные заготовки бус, соответствующие 3 стадиям их изготовления: длинные гладкие стеклянные трубочки; длинные трубочки с металлическими стержнями внутри и регулярными поперечными бороздками; готовые стеклянные бусы различных форм и размеров, обработанные вгорячую при помощи каменных приспособлений-«формочек».

Особого внимания заслуживают сами формочки. Они представляют собой каменные изделия призматической формы, одна из сторон которых покрыта регулярными, полукруглыми в сечении, бороздками (рис. 3). Их находка в комплексе с многочастными бусами, сделанными из тянутых трубочек, и их заготовками позволяет реконструировать процесс изготовления таких украшений [Spaer, 1993. P. 12]. Отрезок тянутой трубочки, надетый на металлический стержень, обкатывался по рифленой поверхности формы, в результате чего получалась многочастная проницаемая заданной длины, которая при необходимости могла быть разделена на более мелкие изделия. В отечественной литературе происхождение бус, изготовленных из тянутых трубочек, традиционно увязывается, в первую очередь, с Сирией [Щапова, 1983. С. 113, Столярова, 2001. С. 198 и др.]; находка производственного комплекса в Александрии свидетельствует о том, что изделия в данной технологии производились и на территории Египта.

Румыния (Римская Дакия). Наиболее полно изученный производственный комплекс происходит из римского военного лагеря Тибиск (Tibiscum), располагавшегося в провинции Дакия [Venea, 1996; 1997; 2004]. Среди многочисленных зафиксированных там ремесленных мастерских три принадлежали стеклоделам, при этом фиксируется их специализация: две мастерские производили стеклянные украшения, в первую очередь — бусы, и одна — стеклянную посуду.

Первая мастерская, производившая стеклянные бусы, кольца и перстни, работала в течение долгого периода: зафиксировано несколько последовательных фаз ее существования, которые датируются II — серединой III в.; однако находки бракованных бус в более поздних слоях позволяют предположить, что мастерская продолжала функционировать и после ухода римлян, возможно, до середины IV в. [Venea, 2004. S. 23—28]. От наиболее ранней мастерской, погибшей в пожаре середины II в., сохранились остатки 2 круглых печей диаметром 40—60 см. Они были сооружены из кирпича и покрыты глиняной обмазкой. В помещениях, связанных с деятельностью мастерской, встречены находки бус, в том числе бракованных, необработанные кусочки и капли стекла, металлические инструменты и фрагменты тиглей. В мастерской 1 производились как монохромные, так и полихромные бусы, которые были получены путем применения разных технологий: от самых простых, изготовленных методом навивки стеклянной массы на инструмент, до сложных изделий, выполненных в мозаичной технике (с шахматным декором и цветками-розетками); среди полихромных встречены также бусы с накладным декором [Venea, 2004. S. 62, 72, 79]. В помещении мастерской обнаружены и отдельные находки золотостеклянных украшений. Мастерская производила бусы разных форм (рис. 4): шестигранные, полиэдрические, округлые, биконические, в основном зеленого (зеленого, оранжевого, белого, желтого, красного, черного) и синего прозрачного стекла [Venea, 1997; 2004. S. 38—40].

Кроме изделий из стекла, из первой мастерской происходят украшения из природных материалов — сердолика и коралла; последние, по мнению Д. Бенеа, могли поступать в Тибиск уже в готовом виде и использоваться здесь для формирования наборов. Большое количество бракованных сердоликовых бус (большая часть брака — следствие неудачного сверления канала) свидетельствует об их местном производстве [Venea, 2004. S. 93—95].

Вторая мастерская, датируемая концом II — началом III в. н.э., погибла в результате пожара: на этот момент в ней производились округлые и биконические бусы белого глухого стекла. В мастерской обнаружено около 1280 изделий, примерно 82% которых — бракованные или пострадавшие в результате пожара, а также многочисленные отходы производства. Бусы изготавливались путем навивки стекло-массы на металлические стержни диаметром 3—6 мм. В мастерской были найдены и сами стержни, на одном из которых сохранилась бусина. Помимо про-

дукции, здесь же обнаружены кусочки прозрачного стекла, фрагменты тиглей, покрытых изнутри толстым слоем белого глухого стекла, а также небольшая полукруглая в плане кирпичная печь (диаметр 0,68 м) с натеками стекла с внутренней стороны [Venea, 1996. P. 193—194; 2004. S. 31—32].

Ряд находок позволяет определить характер мастерской и реконструировать производимые в ней технологические операции. Как предполагает Д. Бенеа, мастерская лишь обрабатывала стекло, используя привозные полуфабрикаты [Venea, 2004. S. 48]. При раскопках мастерских были найдены блоки полуфабрикатного стекла различных цветов, вероятно привезенные сюда из стекловаренных центров. Однако окраска стекла могла производиться и на месте: в одном из связанных с мастерской помещений были обнаружены фрагменты керамических сосудов со следами минеральных красителей красного и синего цветов. В помещениях, где располагались мастерские, были обнаружены склады стекольного боя, которые наряду с бракованными бусами могли использоваться в качестве сырья при производстве украшений; именно это стекло могло, по мнению автора публикации, окрашиваться на месте [Venea, 2004. S. 52, 54].

Фрагменты тиглей, встреченные в Тибиске, покрыты изнутри слоями прозрачного или глухого стекла разного цвета: белого, темно-зеленого, черного, бесцветного (рис. 5: 1, 2). Об их размере позволяет судить диаметр венчиков, составляющий 12—26,5 см. [Venea, 2004. S. 38—40, 46].

Уникален набор инструментов, обнаруженный в мастерских Тибиска (рис. 5: 3, 4). Среди них встречены керамические трубочки со следами стекла разного цвета (белого, синего, желтого, красного, бесцветного и др.) на концах, при этом на одном инструменте могли сохраниться следы стекла сразу нескольких цветов. Вероятно, они использовались при пробах, в частности, при тестировании цвета стекла [Venea, 2004. S. 55]. Помимо них найдены различные формы ножей, металлические палочки, на которые навивались бусы, и инструменты, служившие для придания готовым изделиям определенной формы.

Болгария. Стекольная мастерская 4-й четверти III — середины IV в. была обнаружена в г. Экус (Oescus) римской провинции Нижняя Мезия. В мастерской сохранилось 6 печей: 3 овальные и 3 прямоугольные. Печи были сложены из кирпича и обмазаны глиной. Сопровождающие находки позволили авторам предположить, что в мастерской производились украшения — бусы и браслеты, а также, возможно, стеклянная посуда [Amrein, 2001. S. 106—107; Venea, 2004. S. 45]. Однако публикация материалов [Kabakchieva, 1987] не содержит иллюстраций, что существенно снижает проверяемость присутствующих в ней данных.

Франция. Отходы производства стеклянных украшений доримского времени обнаружены на юге Франции (Антремон, департамент Экс-ан-Прованс). Квартал, из которого происходит находка, был разрушен в конце II в. до н.э. Большое количество полуфабрикатов и брака, связанного, вероятно, с

производством бус, было перемешано с бытовым мусором и отходами бронзолитейного производства. находка представляет собой 745 стеклянных бусин разного цвета (зеленоватого и бесцветного прозрачного, голубого, синего, янтарного), включая полихромные глазчатые. Среди бус значительное место занимают бракованные изделия. Для производства использовались различные техники, включая навивку и прессовку в форму. Здесь же было найдено 2 стеклянных полуфабриката синего цвета [Foy, Nenna, 2001. P.47].

В Сен-Дени (Парижский регион), на территории, прилегающей к меровингскому некрополю, были обнаружены фрагменты стеклоделательных тиглей, вероятно связанные с производством стеклянных украшений и относящиеся предположительно к финалу античности [Foy, Nenna, 2001. P. 58].

В Сан-Менеул (департамент Марна) в начале XX в. были раскопаны остатки стекольной мастерской финала античности, содержащие печь, отходы производства, инструментарий (включая стеклодувную трубку, свидетельствующую о производстве здесь стеклянной посуды) и многочисленные фрагменты тиглей. Мелкие стеклянные изделия (бусы, перстни, браслеты, булабочные головки и игральные фишки), которых сохранилось около 600, а также значительное количество мозаичной смальты (тессеры) могли быть как продукцией мастерской, так и использоваться в качестве вторичного сырья; в то же время не исключено, что именно кусочки смальты были одним из основных видов продукции мастерской: это самые многочисленные находки, общая масса которых около 3 кг [Foy, 1991. P.65; Foy, Nenna, 2001. P.58]. Однако в литературе неоднократно высказывалось предположение, что цветное стекло, в частности тессеры, могли использоваться для окрашивания стекла, наряду с минеральными красителями [Foy, Michel, 2003. P.332]. Комплекс содержал также фрагменты стеклянных сосудов разного времени (I, II и III—IV вв.); возможно, они также были предназначены для вторичного использования [Foy, 1991. P.65].

В Бертанкуре (департамент Мёз) при раскопках были расчищены остатки печи, а внутри нее — отходы производства, фрагменты тиглей и стеклянных сосудов разных форм, кусочки изделий в технике миллефиори, а также перстни, браслеты, жетоны, бусы, булабочные головки и мозаичные тессеры. Комплекс датируется III—IV вв. [Foy, 1991. P.65].

Во Вьё (департамент Кальвадос) среди остатков мастерской с печью, существовавшей до 210—270 гг., среди отходов производства и деформированных фрагментов бальзамариев обнаружено также 17 бус [Foy, 1991. P.62—63], однако вопрос об их производстве здесь остается открытым [Amrein, 2001. P.112].

Германия. Мастерская Гамбах-132 (недалеко от Кельна), существовавшая в IV в., специализировалась, по мнению автора публикации, как на производстве украшений (бус и браслетов), так и, вероят-

но, стеклянных сосудов. В мастерской сохранилась грушевидная печь и остатки 2 тиглей [Gaitzsch, 1991. S.42].

Свидетельства стеклообработки были зафиксированы в Трире при раскопках дворца Кессельштадт: наряду с серией стеклянных украшений (около 20 бус, подвесок, стеклянных колец и браслетов) были обнаружены три обломка керамических тиглей, покрытых изнутри толстым слоем стеклянной массы темно-зеленого и оливкового цвета — натурального цвета стекла, не обесцвеченного и неокрашенного. Автор публикации приписывает данные находки существовавшей здесь мастерской по производству украшений [Loerschke, 1925. S.337—340; 356], датируемой серединой III — первой половиной V в. В то же время в публикации нет ни подробных данных о контексте данной находки, ни информации о других признаках производства (капли стекла, бракованные изделия и пр.), а стекло в тиглях, в отличие от украшений, не окрашено, что не позволяет однозначно соотнести между собой находки и связать их происхождение с одной мастерской.

Великобритания. На территории Лондона (римский Londinium), в ремесленном квартале в Верхнем Уолбруке, археологами было обнаружено большое количество следов стекольного производства начала II в., включая фрагменты печей, колпачки³ (свидетельства производства сосудов в технике выдувания), а также многочисленные бусы, неоконченные или деформированные огнем. По мнению исследователей, опубликовавших данные материалы, изготовление стеклянных украшений происходило параллельно изготовлению сосудов [Shepperd, Keyworth, 1991. P.14—15].

Голландия. Ряд свидетельств производства стеклянных украшений был открыт в Маастрихте. В мусорной яме, датированной VI — началом VII в., были обнаружены около 750 предметов, связанных с производством стеклянных бус [Sablerolles et al., 1997]. Как предполагают авторы публикации, они производились из заготовок-палочек и, возможно, стекольного боя. Здесь же были найдены фрагменты посудного и оконного стекла. Помимо этих двух категорий находок, обнаруженные отходы производства включают в себя капли стекла, фрагменты монокромных стеклянных палочек, прилежавшие к инструменту («понтии»), тигли, а также остатки самой продукции — навитые, изготовленные путем прокола отрезков тянутых палочек и «формованные», предположительно при помощи специальных щипцов, бусы (прямоугольные или четырехугольные в сечении, биконические, цилиндрические) — монокромные и отдельные экземпляры полихромных, декорированных накладной нитью. Чуть менее 80% изделий составляют бракованные бусы, что объясняется характером комплекса, предназначенного для отходов; 22% бус не имеют брака, но они, вероятно, были выброшены из-за низкого качества изготовления [Sablerolles et al., 1997. P.302]. Среди готовой продукции и отходов

³ Колпачок — фрагмент стеклянного изделия, прилежавший к стеклодувной трубке; получался в результате отшибания готового сосуда от трубки.

преобладает преимущественно глухое стекло — желтое (57%), зеленое (17%), красное (16%), белое (7%) и зеленовато-синее (0,6%). Небольшое количество отходов производства представлено также синим кобальтовым, светло-зеленым прозрачным и неокрашенным прозрачным стеклом. Интересно, что среди стекольного боя найдены фрагменты как почти бесцветного, так и цветного стекла, среди которого встречены осколки сосудов намного более ранних, чем сам комплекс — I в. н.э. и второй половины IV — начала V в. Ассортимент бус, связанных с продукцией данной мастерской, существенно уже, чем в синхронных мерovingских некрополях, где встречаются богато декорированные экземпляры, в частности бусы миллефиори. Исследователи мастерской предполагают, что она обслуживала определенную узкую прослойку общества [Sablerolles et al., 1997. P.301]. 17 фрагментов тиглей, найденных в комплексе из Маастрихта, содержали только желтое глухое стекло. Богатое свинцом желтое стекло (в случае Маастрихта — 16—44% PbO) можно было обрабатывать при относительно низких температурах — 550—700 °С. Авторы публикации, посвященной данной находке, предполагают, что стекло остальных цветов могло поступать изготовителям бус уже, возможно, в форме палочек; однако остается неясным, производились они на месте или привозились в готовом виде [Sablerolles et al., 1997. P.312]. На основании данных химического состава стекла было высказано предположение, что часть найденного в яме стекла была использована вторично.

Другая производственная зона в Маастрихте («Марбо») доставила 12 фрагментов тиглей для стекла, содержащих глухое желтое или светло-зеленое прозрачное стекло, и неопределенное количество бус. Один из тиглей датируется III—IV вв., один — концом IV — началом V в. и десять — VI—VII вв. Содержимое одного из поздних тиглей заставляет предположить, что стекло в нем варили, а не разогревали уже готовое: оно представляет собой «переваренную» фритту [Sablerolles et al., 1997. P.294, 307]⁴.

Дискуссия. Собранные свидетельства производства бус немногочисленны, зачастую разновременны и, к сожалению, не все из них достаточно полно представлены в публикациях. Полученная выборка не отражает объективную картину распространения мастерских: европейские памятники исследованы и опубликованы лучше, чем находки из Восточного Средиземноморья и Месопотамии. Только один из памятников с сохранившейся рабочей зоной, печами и инструментарием изучен комплексно и полностью опубликован — это мастерская в римском военном лагере Тибиск в Дакии. Большинство свидетельств изготовления бус — это отходы производства, представляющие собой лишь часть информации, не позволяющей составить целостную картину. В то же время они дают возможность сделать ряд важных наблюдений, позволяющих понять особенности организации и процесса

производства стеклянных украшений в интересующее нас время.

Ю. Л. Щапова предполагала, что все бусы IV — начала X в. (за редким исключением) независимо от места находки были изготовлены на Ближнем Востоке, в мастерских Египта и, главным образом, Сирии [Щапова, 1998. С. 159]. Картографирование известных нам мастерских говорит, скорее, о том, что в античности и раннем средневековье была достаточно высока роль производства мелких украшений на территории самой Европы, хотя объем продукции мастерских Восточного Средиземноморья и Запада, распространявшейся на территории Европы, сопоставить практически невозможно. Как считает М. Шпэр, мастерские, специализирующиеся на изготовлении мелких изделий из стекла, существовали почти во всех средиземноморских странах Западной, Центральной и Восточной Европы уже в VI—IV вв. до н.э. [Spaer, 2001. P.27—29]. Проанализировав зону распространения некоторых типов мозаичных бус IV в. (в частности — бус с личинами), она пришла к выводу о том, что в это время европейское производство было на одном уровне, если не выше, ближневосточного; в то же время европейцы продолжают следовать производственным традициям, которые были унаследованы с Востока [Spaer, 2001. P. 120—123].

Данные статистики показывают, что археологически мастерские по изготовлению бус представлены существенно хуже, чем производившие посуду. Из 76 свидетельств производства (мастерских, отходов производства и пр.), зафиксированных на территории Франции античного времени и раннего Средневековья (до IX—X вв.), только три авторы свода связывают с производством бус и прочих стеклянных украшений [Foy, Nenna, 2001. P.47—60]; безусловно, при этом надо учитывать, что некоторые находки, среди которых, в первую очередь, обломки тиглей, не могут быть увязаны с производством определенной продукции. В своде Х. Амрейн из 126 учетных памятников археологии со свидетельствами производства стекла или стеклянных изделий лишь в 7 случаях речь может идти об изготовлении бус (автором учтены в основном опубликованные данные из стран Европы — Германии, Великобритании, Болгарии, Австрии, Хорватии, Нидерландов, Румынии, Словении, Швейцарии, Венгрии, Испании, Франции, Италии, Люксембурга, Украины, а также отдельные свидетельства из Египта, Турции и Израиля/Палестины [Amrein, 2001. Annex 1]).

Мастерские Тибиска являются ярким примером обособленного производства украшений, происходившего в специализированной мастерской, в то время как на территории этого римского лагеря существовала и специальная мастерская, занятая изготовлением посуды [Venea, 2004. S. 18—19]. Однако в некоторых случаях изготовление бус было, по всей видимости, сопутствующим производству стеклянной посуды. Эта практика была, скорее всего,

⁴ Фриттование (спекание) являлось первой стадией древнего стекловарения [Галибин, 2001. С. 23].

не очень широко распространена: в большинстве занятых изготовлением посуды мастерских свидетельств изготовления мелких украшений не зафиксировано [Foy, Nenna, 2001; Amrein, 2001].

К сожалению, далеко не все публикации позволяют составить объективную картину, к тому же часть из них опирается на раскопки начала XX в., документация которых не всегда исчерпывающа. Интерпретацию характера мастерской нередко осложняет вероятность вторичного использования стекла. Находки разновременных фрагментов сосудов указывают, весьма возможно, на то, что они были предназначены для вторичного использования, в то время как цветное стекло (в первую очередь, мозаичная смальта) могло применяться для окрашивания бесцветного, например, для получения цветных элементов декора сосудов.

Мастерская в Тибиске дает пример долгосрочного существования стационарной мастерской, занятой производством украшений. Проанализировав наборы бус из сарматских некрополей региона, Д. Венеа пришла к выводу о том, что эта мастерская могла обеспечивать потребности не только местного рынка, но и варварского населения сопредельных территорий [Venea, 1997. S. 122—123; 2004. S. 97—117]. Модель существования подобных мастерских на границе Империи, работающих одновременно на варварский рынок (на территории Барбарикума бусы получают едва ли не более широкое распространение, чем на территории Империи⁵), представляется наиболее логичной. В то же время исследователи, обращая внимание на существующую диспропорцию между количеством известных нам мастерских и широким распространением бус и подвесок в провинциально-римском и варварском мире, высказывают предположение о существовании странствующих ремесленников и о возможности временных (краткосрочных) мастерских, производящих бусы в соответствии с требованиями рынка [Venea, 2004. S. 122]. Это предположение, трудно доказуемое на археологических материалах, не вызывает, в то же время, видимых возражений. Возможно, одна из причин диспропорции находок мастерских по производству античной посуды и мелких украшений заключается в том, что стационарные производственные комплексы должны фиксироваться лучше, чем кратковременные.

Приведенные данные ставят под сомнение ряд предположений, распространившихся в литературе. Отечественные исследователи бус античного времени часто связывают бусы, изготовленные «серийным» способом из тянутых трубочек, с ближневосточной (сирийской) школой стеклоделания, а «индивидуальным» и при помощи сочетания индивидуальных и серийных приемов (из тянутой палочки, с помощью однократного обертывания, сварки, прессования и навивки) — с египетской школой (например: [Столярова, 2001. С. 198—199]). Изготовление бус в технике навивки приписывается

обычно «новым» или «молодым» школам или связывается с необходимостью утилизации отходов посудного производства [Столярова, 2001. С. 199]. Что же касается полихромных бус, изготовленных в сложных технологиях (прежде всего — мозаичных), то их происхождение иногда увязывается с определенными стеклоделательными центрами, специализирующимися на производстве именно этого вида продукции [Столярова 2001, с. 199]. Считается также, что производство изделий в технике миллефиори в эллинистический и римский периоды было характерно для Александрии [Щапова, 1983. С. 113; Столярова, 2001. С. 198].

Находки полуфабрикатов многочастных бус-трубочек в мастерской на Родосе и, в сочетании с формочками, в Александрии — свидетельство того, что производство украшений в данной технологии было характерно не только для сирийской «школы». Вероятно, на выбор технологии изготовления не в последнюю очередь влиял размер бус: мелкие изделия удобнее делать «серийным» способом из трубочек, а крупные — с применением индивидуальных технологий. Археологические данные говорят также о том, что в одной и той же мастерской могли производиться украшения с использованием разных технологических приемов. Из эллинистической мастерской на Родосе происходят одновременно бусы, выполненные с использованием индивидуальных и серийных приемов, монохромные, полихромные и золотостеклянные. Ярким примером производства бус с применением различных технологий, от самых простых навитых до сложных бус-миллефиори, являются мастерские Тибиска; в помещении, связанном с мастерской 1, были обнаружены также золотостеклянные украшения [Venea, 2004. S. 79]. Это открытие позволяет говорить о том, что стеклянные бусы могли поступать на рынок Барбарикума из провинциально-римских мастерских, расположенных в приграничной зоне Империи. Вероятно, технология изготовления бус далеко не всегда является решающим фактором при определении зоны их производства, при этом, безусловно, она остается важным признаком, помогающим решать вопросы хронологии, реконструировать торговые пути и смены направлений культурных связей древнего населения. Что касается мозаичных бус, то для римского времени, скорее всего, нет оснований увязывать их производство с определенным регионом — одним из подтверждений данного тезиса являются их находки в производственном комплексе Тибиска.

Для изучения технологических аспектов изготовления стеклянных украшений важны находки кусочков полуфабрикатного стекла и стекольного боя, связанного с производственными комплексами. Это позволяет говорить о том, что бусы могли делать с использованием, вероятно, как полуфабрикатов стекла, так и стекольного боя. Торговля полуфабрикатным стеклом и существование вто-

⁵ Ю.Л. Щапова, изучая византийское стекло, предполагала, что стеклянные украшения, «почти неизвестные на территории самой Византии», были специальным экспортным товаром [Щапова, 1998. С. 102—103].

ричных мастерских — практика организации производства, известная со II тыс. до н.э. и широко распространенная в позднеантичное время (обзор литературы по проблеме см.: Румянцева, 2011). Применение стекольного боя является темой для отдельной работы и активно обсуждается в зарубежных изданиях, хотя его археологические свидетельства далеко не всегда однозначны. По данным письменных источников, такая практика могла существовать, вероятно, с конца I — начала II в. н.э. [Whitehouse, 1999. P.78], однако по археологическим материалам она фиксируется лишь с конца античности [Fou, 2003. P.332]. В то же время пример раннесредневековой мастерской Маастрихта позволяет говорить и о возможности стекловарения непосредственно в мастерской, где производились украшения.

При интерпретации состава стекла украшений необходимо учитывать не только возможность применения стекольного боя и полуфабрикатов, но и возможность окраски стекла на разных стадиях, включая «вторичные» мастерские, которые не варили стекло, а работали на привозных полуфабрикатах⁶.

Большинство археологических наблюдений находят подтверждение в современных этнографических материалах. Это неудивительно, ведь именно данные этноархеологии легли в основу многих археологических реконструкций, связанных с производством стекла и изделий из него.

Данные этнографии

Кустарное производство бус с использованием традиционных технологий сохранилось на сегодня в некоторых районах Средиземноморья и в Индии. Опубликованные данные по работе турецких и индийских мастерских [Kock, Sode, 1995; Sode, 1996; 1997; Kapungo, 2004 и др.] — ценный источник информации для изучения древнего производства, позволяющий в определенной степени проверить археологические реконструкции. Они содержат сведения как о различных аспектах технологии производства, так и о его организации.

Восточное Средиземноморье. В Западной Анатолии, недалеко от Измира, к середине 1990-х гг. сохранилось 35—40 мастерских, в которых изготавливаются бусы по традиционным технологиям (рис 6). Почти все работающие в них мастера — потомки арабских ремесленников-бусоделов, переселившихся в Измир и осевших здесь после событий 1878 г., когда Турция потеряла балканские территории. Ранее они были «путешествующими ремесленниками», приезжавшими на лето в северные провинции Османской империи из Леванта, чтобы делать и продавать популярные там стеклянные украшения [Sode, 1996. P. 68—71; 1997].

Изготовители бус сами строят печи, что занимает, как правило, неделю. Печь используется обычно в течение примерно года, пока не выгорит⁷, после этого на ее месте сооружается новая. Основа печи делается из кирпича (часто — вторичного использования, оставшегося от предыдущей) и глины с добавлением большого количества соломы. Когда печь топится, солома выгорает: получаются пористые стенки с хорошей теплоизоляцией, что позволяет топить печь каждый день, давая ей остывать за ночь [Sode, 1996. P.68—69; 1997. P.321—322].

Измирские мастера производят как монохромные, так и полихромные бусы, основа которых изготавливается в технике навивки. Сырьем им служит стекольный бой, который закупается у измирских торговцев вторсырьем. Стекло предварительно моется и сортируется по цветам, с бутылок удаляются этикетки и металлические колечки. Ремесленники используют естественный цвет стекольного боя или подвергают окраске бесцветное стекло [Sode, 1996. P.68—71].

Способы окрашивания стекла. В измирских мастерских для получения желтого стекла смешиваются цинк, олово и свинец. Мелкие кусочки металла плавятся в печи (это производится в конце рабочего дня, когда мастера уже перестали поддерживать в печи огонь, но она еще не остыла), после чего сплав растирается в порошок. В начале процесса плавки стекольного боя к нему добавляется краситель в форме порошка [Sode, 1997. P.322].

Для археологов особенно интересны данные по окраске стекла в синий цвет. Для получения темно-синего оттенка применяется кобальт, который является сильным минеральным красителем и эффективен в малых количествах. Однако кобальт очень дорог, поэтому для получения достаточно темного цвета с меньшими затратами мастера смешивают кобальт и медь, которую они получают в виде отходов медного производства [Sode, 1997. P.322]. Устойчивое сочетание кобальта и меди характерно и для археологического стекла, в частности для позднеантичных и раннесредневековых бус. Присутствие меди в данном случае часто связывается с геохимическими особенностями кобальтового сырья. Наряду с этим существует точка зрения о намеренном добавлении меди в стекло, чтобы скорректировать темно-фиолетовый оттенок, который дает кобальтовый краситель [Галибин, 2001. С.37—38; Egorkov, 2006; Shorland, Eremin, 2006. P.591; Егорьков, 2010 и др.]. Пример анатолийских бусоделов подтверждает, что эти элементы могли вводиться в состав стекла независимо, а их встречаемость может быть связана не только с общностью источников кобальта, но и с «рецептом», который мог использоваться независимо мастера-

⁶ Предположение о том, что стеклянные украшения, в частности мозаичные бусы, производились из привозного готового стекла в специализированных мастерских, обособленных от стеклоделательных, ранее высказывалось в отечественной литературе Е. М. Алексеевой; она также предполагала, что и окрашивание стекла происходило уже в мастерских по производству украшений [Алексеева, 1971. С. 182—183].

⁷ Предположение о кратковременном действии древних стеклоделательных печей высказывала Ю. Л. Щапова [Щапова, 1998. С. 56], определяя срок их жизни в 5—6 лет; не исключено, что на основании данных этнографии он может быть сокращен до 1 года.

ми в разных регионах, в том числе в целях экономии дорогого сырья.

Методы окраски стекла были подробно изучены на материалах современного кустарного производства стеклянной посуды в Каире [Henein, 1974. P.19—20]. Основным сырьем для производства в каирской мастерской также является стекольный бой, который в большинстве случаев окрашивается мастером на месте.

В качестве синего красителя используется оксид меди, который готовится в мастерской. Медь разогревается до красного цвета и опускается в резервуар с водой. Получившийся оксид собирается на дне резервуара. Операция повторяется многократно для получения достаточного количества оксида, который затем просеивается через сетку и растирается. Далее оксид смешивается с поваренной солью в пропорции 4:1. Из полученной смеси мастер делает комочки размером около 10 см, которые после окончания работы помещает на ночь в печь. Днем их охлаждают, а на ночь снова помещают в печь, повторяя операцию трижды. После этого комочки растираются и освобождаются от примесей. Подобным же образом в мастерской готовится и оксид железа. Смесь оксидов меди и железа в различных пропорциях позволяют получить стекло различных оттенков зеленого и желто-вато-коричневого.

Для окраски стекла в хорошо разогретую печь загружаются куски бесцветного прозрачного стекла; печь топится еще 2 часа, пока стекло полностью не расплавится. Из каждых 1,25 кг стекольного боя получается 1 кг стекла. На каждый килограмм жидкого стекла добавляют 75—80 г медного красителя.

Для получения фиолетового стекла мастер загружает в печь 10 кг бесцветного прозрачного стекла, добавляя к нему 2 кг растертого в порошок марганца. Масса остается в печи около 12 часов и в течение этого времени постоянно перемешивается, при этом стекло загружается в печь не все сразу, а постепенно. Усилия, необходимые для изготовления фиолетового стекла, длительность использования печи, большие затраты дерева, идущего на топливо, делают стекло фиолетового цвета наиболее дорогим.

Коричневый краситель не готовится в мастерской. Стеклодел покупает стекольный бой этого цвета; если он хочет получить более светлый оттенок, то добавляет к коричневому стеклу до 30% бесцветного прозрачного стекла.

Зеленое стекло также поступает в мастерскую в виде боя. Иногда мастер добавляет к стекольной массе оксид меди, чтобы получить стекло травяного оттенка.

Для достижения темно-синего оттенка чаще всего покупаются парфюмерные бутылки этого цвета, которые плавятся и смешиваются с бесцветным прозрачным стеклом.

Затраты топлива. Данные этнографии позволяют оценить масштабы затрат топлива, расходующегося при работе стекольной печи. Измирская печь,

имеющая 3—5 рабочих зон и предназначенная для изготовления бус из уже готового стекла в форме стекольного боя, расходует за день 150—250 кг сосны [Sode, 1996. P.71—72]. Мастерская в Каире, в которой заняты 4—5 человек, производящих сосуды из стекольного боя, потребляет за день до 1/3 тонны дерева [Henein, 1974. P.10].

Индия. В современной Индии стекловарение также происходит отдельно от обработки стекла. Чтобы сварить стекло из первоначального сырья, нужен очень долгий период времени, на протяжении которого в печи поддерживается температура не менее 1200—1400 градусов. Это занимает часто более недели, и в течение этого времени печь не может использоваться иначе [Kock, Sode, 1995. P.7]. Сегодня в Индии значительная часть стеклянных изделий производится из стекольного боя, так как использование «первичного» сырья ведет к удорожанию производства [Kanungo, 2004. P.17, 115].

Один из самых значительных индийских центров стеклообработки находится в Фирозабаде, в 42 км к востоку от Агры. Он существует по меньшей мере с XVIII в. Стекловаренные мастерские расположены недалеко от него. Стеклянные полуфабрикаты продаются в виде блоков и палочек. Изготовители бус предпочитают покупать его в виде палочек: блоки на треть дешевле, но часто полны случайных примесей. Мастерские производят как содовое, так и свинцовое стекло. Еще один крупный центр расположен в Пудалпуре. Происходящие из мастерских Фирозабада и Пудалпура бусы типологически и технологически разнообразны: полые изделия, изготовленные при помощи формы; различные виды мозаичных бус, в том числе продольно-полосатые и бусы с личинами; изделия, выполненные в технике навивки; украшения, серебряные изнутри, и др. [Kock, Sode, 1995. P.25].

Самым сложным считается изготовление мозаичных палочек-полуфабрикатов для бус с личинами. Они всегда производятся мастерами, специализирующимися именно на этом виде работы и имеющими собственную печь с одной рабочей зоной, рассчитанной на одного человека [Kock, Sode, 1995. P.22].

При производстве бус-миллефиори готовые мозаичные палочки заданной формы нарезаются на короткие кусочки или палочки длиной 0,5—1 см. Обычно это детская работа (рис. 7). Чтобы получить точный мозаичный узор, концы полученных стерженьков фиксируются на глиняной пластинке, которая помещается внутри печи в специальном месте: температура должна позволить им спечься, но не расплавиться, сохранив узор. Когда это произошло, пластинка извлекается из печи. Понтия прикрепляется к одному краю спеченной заготовки, которая оборачивается вокруг нее сколь возможно быстро [Kock, Sode, 1995. P.25].

А.К. Канунго описал процесс производства другого крайне популярного в Индии типа бус — «рубленого» бисера из тянутых трубочек, получивших в англоязычной литературе название «indo-pacific beads». При их изготовлении комбинируется выду-

вание и растягивание наборки. Мастер набирает на конец инструмента-трубки небольшое количество стекла, после чего дует в другой его конец до получения полости внутри наборки; затем ее слегка вращают, поддувая с интервалами, и обкатывают на каменной платформе. Далее к другому концу наборки второй мастер прикрепляет вторую трубочку, и наборку растягивают в две стороны. Пол в мастерской всегда покрыт соломой, чтобы защитить стекло от загрязнения [Kapungo, 2004. Р. 114—115]. Разрезание трубочки происходит вне мастерской, примерно в километре от производственного центра. Рабочий берет в руку около 12 трубочек, кладет их на лезвие, воткнутое в землю, и при помощи второго лезвия отрезает от них кусочки. Последние порции трубочек, длиной около 2—3 см, выбрасываются. После разрезания полученные бусины помещают в специальную печь для вторичного разогрева, чтобы закруглить их края. Эта печь размещена, как правило, вблизи от основной печи. Она имеет два отверстия: одно для топлива, второе — для вентиляции. Бусины перемешивают с золой и отправляют на плоском керамическом поддоне в печь. После перемешивания в течение 20—30 минут они достаются из печи и просеиваются, чтобы удалить золу. На финальном этапе при помощи «просеивающего» приспособления с отверстиями разного диаметра бусы делятся по размерным группам [Kapungo, 2004. Р. 120—121]. Близкая реконструкция была предложена для археологического «рубленного» бисера З. А. Львовой, однако она предполагала использование отшибания для деления трубочки на части [Львова, 2000. С. 257—258]. Вероятно, данная операция могла выполняться с использованием различных приемов.

Заключение

Три основных фактора определяли возможность существования производства стеклянных украшений в позднеантичное — раннесредневековое время:

1. Наличие мастеров, владеющих приемами стеклообработки и сопутствующих процессов (строительство печи, способной достигать и долгое время удерживать высокие температуры при минимальном расходе топлива; окраска стекла и пр.). В рассматриваемый период традиции производства стеклянных изделий были широко распространены как в Восточном Средиземноморье и Месопотамии, так и на территории европейских провинций Римской империи.

2. Доступность в месте производства достаточного количества топливного материала, с учетом того, что мастерская могла использовать до 2—3 сотен кг в день.

3. Доступность первичного сырья или полуфабрикатов, необходимых для производства стеклянных изделий. Как показывают данные этнографии,

использование полуфабрикатов и стекольного боя выгоднее, чем стекловарение в мастерской, где производились украшения. Кроме того, подбор первичного сырья (особенно при изготовлении содового стекла) вызывал у древних мастеров ряд сложностей. Дискуссионна, в частности, возможность сознательного введения извести в качестве отдельного компонента шихты⁸ — вероятно, в эпоху античности и начала средневековья он осуществлялся эмпирически (ссылки см.: Румянцева, 2011). В то же время данные археологии указывают на возможность как стекловарения на месте, так и применения в разных формах готового стекла.

Для интересующего нас периода известны стационарные долговременные мастерские, специализировавшиеся на производстве стеклянных украшений. Тем не менее высказывавшееся в литературе предположение о возможности существования «бродячих» мастеров не имеет противоречий. Нельзя исключать, что в античности и раннем средневековье на территории Европы существовала модель «сезонных» производства и торговли, известная по этнографическим данным, когда мастера периодически приезжали в определенное место на определенный период времени. Мастерские должны были располагаться в непосредственной близости от источников топлива или в зонах, куда оно легко могло быть доставлено. Возможно, не всегда это было дерево. В современной Индии, например, в качестве топлива некоторые стеклоделы используют стебли горчицы, которые требуются им в огромных количествах [Sode, Kock, 2001. Р. 158—163].

При интерпретации состава стекла необходимо учитывать, что при изготовлении бус с высокой долей вероятности могло использоваться готовое стекло в виде полуфабрикатов и стекольного боя. Применение стекольного боя в производстве трудно доказуемо⁹, однако он нередко сопровождает находки, связанные с производством стеклянных изделий, в том числе мастерских, производивших украшения. По мнению З. А. Львовой, изготовление тянутых трубочек и палочек могло осуществляться только в мастерской, где варилось стекло [Львова, 2000. С. 258—259]. Однако этнографические данные свидетельствуют о возможности использования стеклянных полуфабрикатов, в том числе в виде стекольного боя, для производства всех типов бус, включая сложные изделия, выполнявшиеся в мозаичной технике.

Вторичное использование стекла могло бы объяснить некоторые особенности химического состава стекла бус позднеантичного времени и эпохи Великого переселения народов, находимого при раскопках на территории Восточной и Центральной Европы. Оно крайне неоднородно как по содержанию основных стеклообразующих, так и, в ряде случаев, на уровне элементов — технологических добавок и случайных примесей. Использование

⁸ Шихта — смесь сырьевых материалов, подлежащих переработке в печи для получения стекла.

⁹ Об использовании в производстве стеклянного боя существует значительная серия публикаций, основанная на данных как письменных источников, так и археологических и археометрических исследований. Эта тема заслуживает специальной работы.

стекольного боя различного происхождения представляется в этом случае наиболее очевидным объяснением.

Важно учитывать, что окрашивание стекла могло происходить как при его варке (импорт окрашенных полуфабрикатов фиксируется археологически как в античное и раннесредневековое время, так и ранее), так и уже во вторичной мастерской непосредственно перед производством украшений. При этом считается, что для окраски могли использоваться не только минеральные красители, но и вторично используемое цветное стекло, в частности стеклянные мозаики [Foy, 2000. P.13—42]. Массовые находки стеклянной смальты наиболее характерны для византийского времени, однако самые ранние известные стеклянные тессеры встречены в эллинистических мозаиках II в. до н.э. [Brun, Perrot, Velde, 1991. P.48].

В изучении организации производства стеклянных бус, простых по исполнению и крайне широко распространенных в Европе первой половины — середины I тыс. н.э., остается большое количество белых пятен и дискуссионных вопросов, при рассмотрении как экономических, так и технологических аспектов. Перечисленные выше факторы осложняют интерпретацию состава стекла, свидетельствуя об отсутствии универсальных решений при определении происхождения украшений рассматриваемого периода. Это заставляет вырабатывать новые подходы к решению существующего круга проблем. Одним из наиболее продуктивных путей в данной области представляется планомерное накопление данных, комплексное химико-технологическое изучение источника, совершенствование методов анализа стекла и их интерпретации.

Литература

- Алексеева Е. М. Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н.э. — II в. н.э. Сер. СА. 1971. №4. С. 178—185.
- Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М. Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. №2. С. 176—187.
- Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.
- Егорьков А. Н. Аналитическое исследование состава стекла бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевич Носова / отв. ред. Мусин А. Е., Хвощинская Н. В. СПб., 2010. С. 358—364.
- Львова З. А. Технология изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н.э. // В. Б. Ковалевская. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000. С. 257—271.
- Островерхов А. С. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье // СА. 1981. № 4. С. 214—228.
- Румянцева О. С. Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего средневековья: источники, факты, гипотезы // РА. 2011. № 3. С. 99—110.
- Столярова Е. К. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Сер. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 194—222.
- Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
- Щапова Ю. Л. Византийское стекло: очерки истории. М., 1998.
- Amrein H. L'atelier de verriers d'Avenches: l'artisanat du verre au milieu du Ier siècle apres J.-C. // Cahiers d'archéologie romande. 87. Lausanne, 2001.
- Benea D. Un atelier de verrier a Tibiscum // Annales du 13e Congrès de l'Association internationale pour l'histoire du verre: Pays-Bas, 28 août-1 septembre 1995. 1996. P. 193—200.
- Benea D. Die Glasperlenwerkstatt von Tibiscum und die Handelsbeziehungen mit dem Barbaricum // Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen / von Freedon U., Wiczorek A., eds. Bonn, 1997. S. 279—292.
- Benea D. Die Römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum. Timișoara, 2004.
- Brun N., Perrot M., Velde B. Ateliers de verriers et tessels de mosaïque // Ateliers de verriers de l'Antiquité à la periode pré-industrielle / Foy D., Sennequier G., eds. Rouen, 1991. P. 47—54.
- Egorkov A. L'analyse des perles de Singidunum et de Viminacium par la spectrographie optique d'émission // Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris, 2006. P. 106—117.
- Freestone I. C., Greenwood R., Gorin-Rosen Y. Byzantine and Early Islamic glassmaking in the Eastern Mediterranean: production and distribution of primary glass // Hyalos — Vitrum — Glass. History, Technology and Conservation of glass and vitreous materials in the Hellenic World / G. Kodras, ed. 2002. P. 167—174.
- Freestone I. C. Primary glass sources in the mid-first millenium A. D. // Annales du 15e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. 2003. P. 111—115.
- D. Foy. Les indices d'une production du verre: repérages et interprétations. Etude méthodologique. L'exemple provençal // El vidrio en al-Andalus : Actes du colloque / P. Cressier, ed. Madrid, 2000. P. 13—42.
- Foy D., Michel D. Utilisation et récupération du verre dans la villa de Milhaud (Gard) à la fin de l'Antiquité (vaisselle gravée et verre architectural) // Revue archéologique de Narbonnaise. Tome 36. 2003. P. 319—334.
- Foy D., Nenna M.-D. Tout feu, tout sable: Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence, 2001.
- Henein N. H. Le verre soufflé en Egypte. Avec la collaboration de J.F. Gout. Caire, 1974.
- Kabakcieva G. Produzione vetraria die Oescus // Ratiariensia. 1987. 3—4. P. 171—176.
- Kanungo A. K. Glass beads in ancient India: An Ethnoarchaeological Approach. BAR International Series. 1242. Oxford, 2004.
- Kock J., Sode T. Glass, glassbeads and glassmakers in Northern India. Vanlose, 1995.
- Nicholson P. T., Jackson C. M., Trott K. M. The Ulu-Burun Glass Ingots, cylindrical vessels and Egyptian glass // Journal of Egyptian Archaeology. 83. 1997. P. 143—153.

- Rodziewicz M. Les habitations romaines tardives d'Alexandrie a la lumiere des fouilles polonaises a Kôm el-Dikka // *Alexandrie. III. Varsovie*, 1984.
- Sablerolles I., Henderson J., Dijkman W. Early medieval glass bead making in Maastricht (Jodenstraat, 30), The Netherlands. An archaeological and scientific investigation // *Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen / von Freeden U., Wieczorek A., eds. Bonn, 1997. P.294—311.*
- Shepperd J., Keyworth M. Le travail du verre dans Londres romain (Londinium): un état de question // *Ateliers de verriers de l'Antiquité à la periode pré-industrielle / Foy D., Sennequier G., eds. Rouen, 1991. P.41—46.*
- Shorland A.J., Eremin K. The analyses of second millennium glass from Egypt and Mesopotamia, part 1: new WDS analyses // *Archaeometry. Vol. 48. Part 4. 2006. P.581—604.*
- Sode T. *Anatolske Glasperler. København, 1996.*
- Sode T. Contemporary Anatolian glass beads. An ethno-technological study // *Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen / von Freeden U., Wieczorek A., eds. Bonn, 1997. P.321—324.*
- Sode T., Kock J. Traditional Raw Glass Production in Northern India: The final stage of an ancient technology // *JGS. 43. 2001. P.155—169.*
- Spaer M. Gold-glass beads: a review of the evidence // *Beads. 1993. №5. P.9—25.*
- Spaer M. *Ancient glass in the Israel Museum: Beads and other small objects. Ierusalem, 2001.*
- Weinberg G.D. Glass manufacture in Hellenistic Rhodes // *Archaiologikon Deltion. 24. 1969. P.143—151.*
- Weinberg. G.D. A Hellenistic Glass Factory on Rhodes: Progress Report // *JGS. 25. 1983. P.37—38.*
- Whitehouse D. Glass in the epigrams of Martial // *JGS. 41. 1999. P.73—82.*

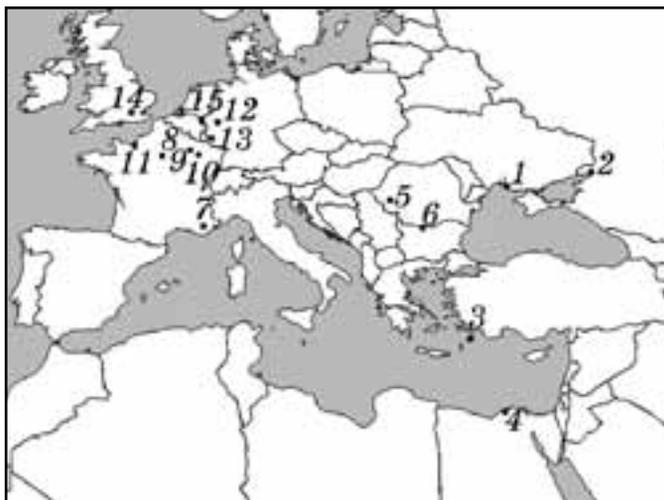

Рис. 1. Местоположение пунктов, упоминающихся в тексте.

1 — Ягорлыцкое поселение. 2 — Танаис. 3 — о. Родос. 4 — Александрия (Ком-эль-Дика). 5 — Тибискум. 6 — Эскус. 7 — Антремон. 8 — Сен-Дени. 9 — Сан-Менеул. 10 — Бертанкур (Лавуа). 11 — Вьё. 12 — Гамбах. 13 — Трир. 14 — Лондон (Лондиниум). 15 — Маастрихт.

7–11 — по: Foy, Nenna, 2001. P. 43

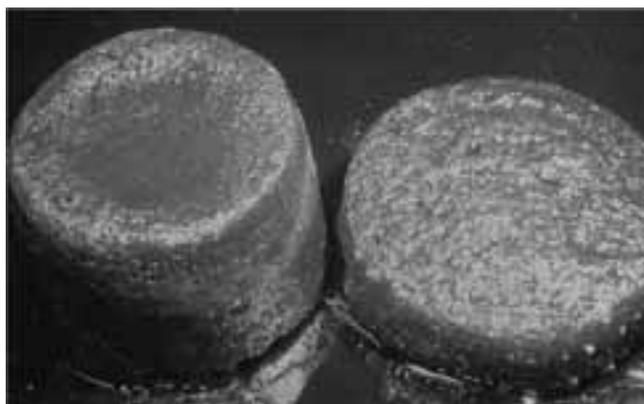

Рис. 2. Слитки стекла с затонувшего судна Улу-Бурун. Ок. 1400 г. до н.э.

По: Sode, 1996. P. 14

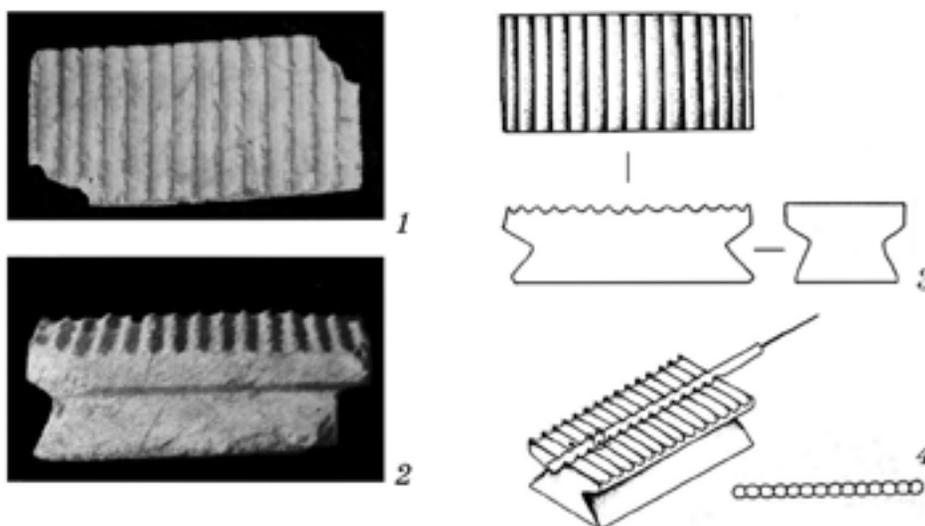

Рис. 3. Формочки для изготовления бус из Ком-эль-Дика. (Александрия).

Фото (1, 2) по: Rodziewicz, 1984. P. 242: fig. 265; рисунок и реконструкция (3, 4) по: Spaer, 1993. P. 11: fig. 2; 12: fig. 4

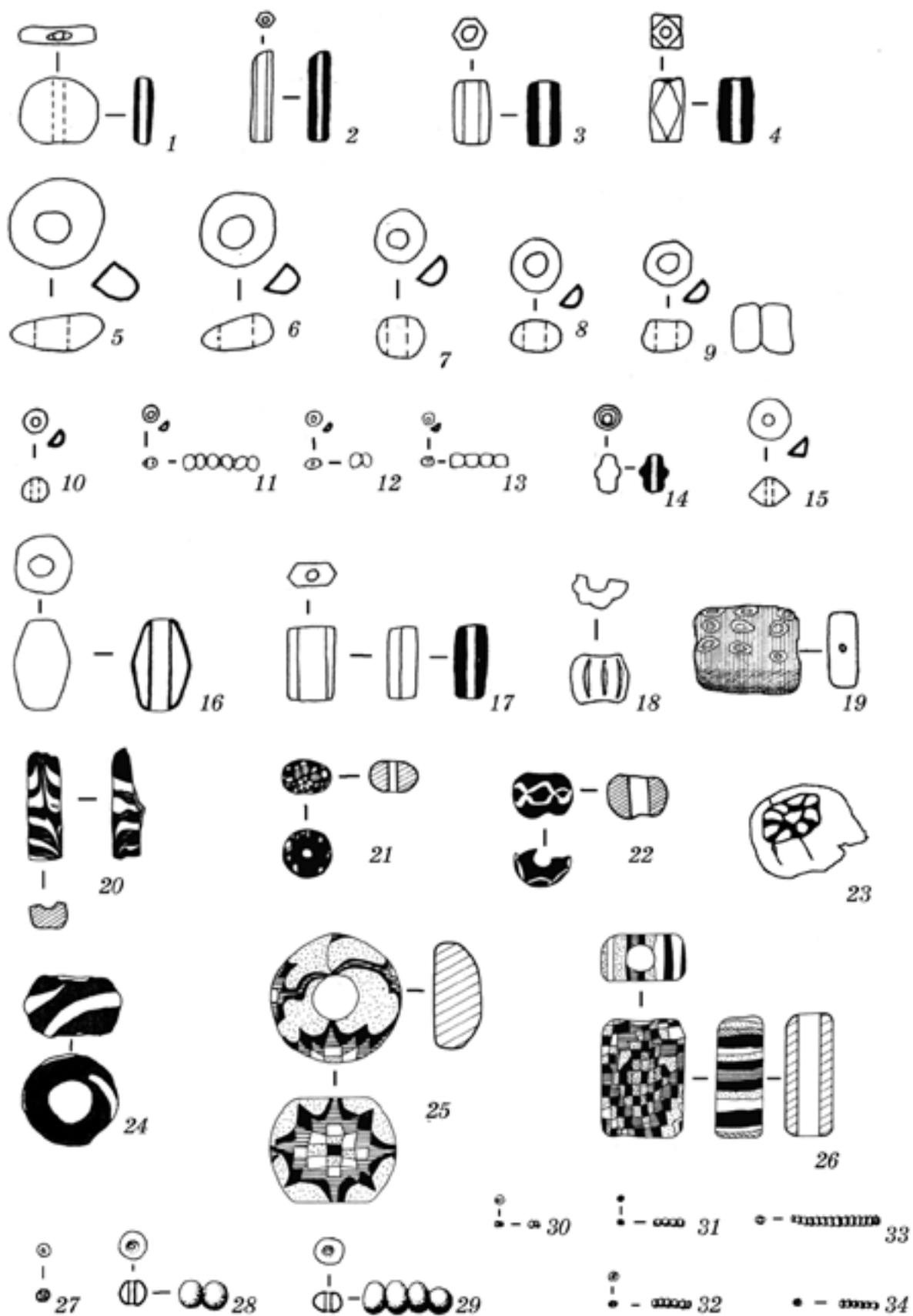

Рис. 4. Некоторые типы стеклянных бус Тибискума.

1–18 — монохромные. 19–26 — полихромные. 27–34 — золотостеклянные. Без масштаба.

По: Венеа 1997; 2004

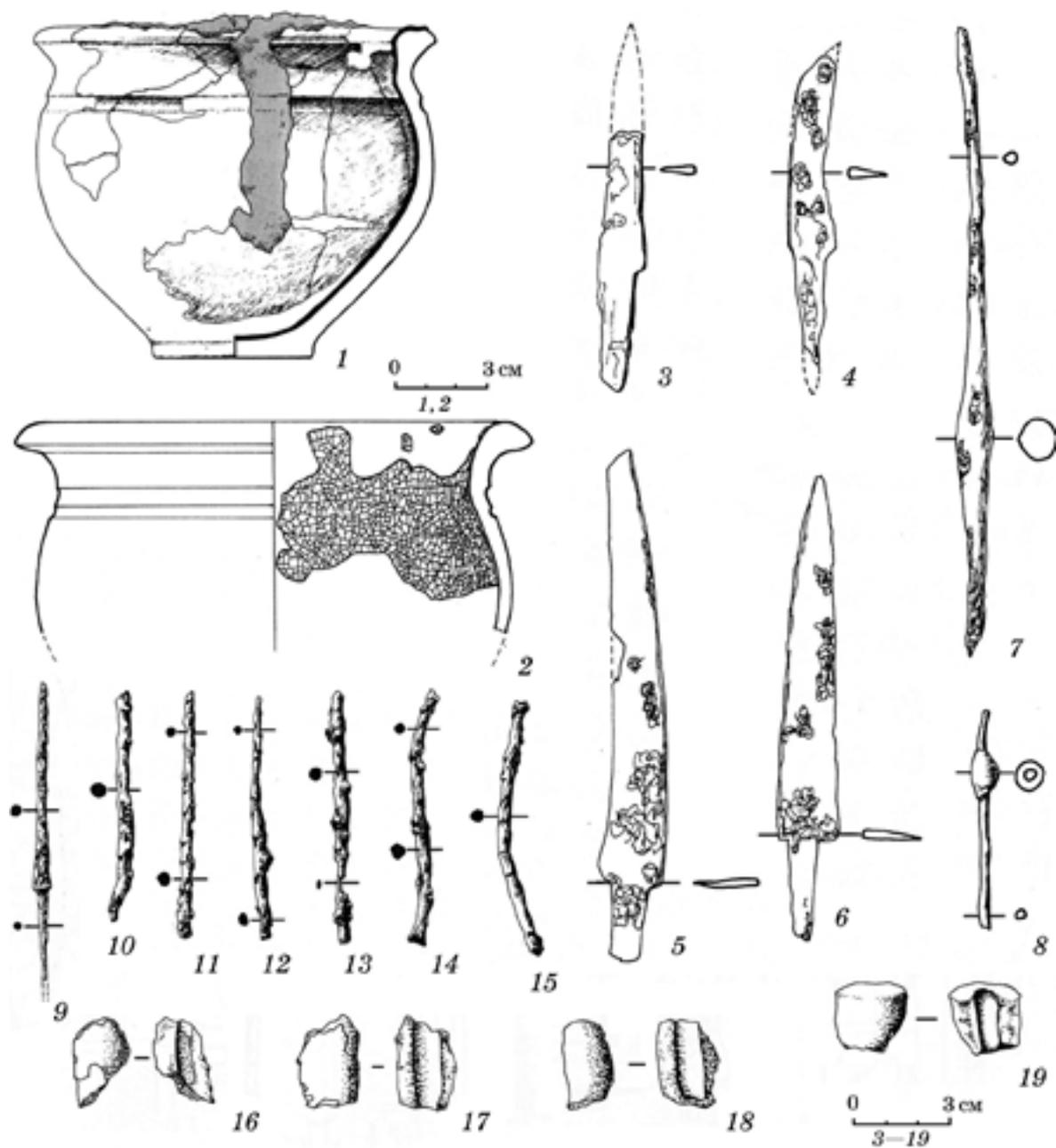

Рис. 5. Инструментарий из мастерских Тибискума.

1, 2 — тигли со следами стекла из мастерской 1. 3–6 — ножи. 7, 10–15 — железные палочки, на которые навивались бусы, и их фрагменты. 8 — железная палочка с бусиной из мастерской 2. 9 — инструмент для обкатывания бус (?). 16–19 — керамические трубки из мастерских 1 и 2 со следами стекла (для перемешивания и взятия проб — ?).

По: Венеа, 1997; 2004

Рис. 6. Современное производство бус в районе Измира.
По: Sode, 1996. S. 24

Рис. 7. Индийские дети за работой: изготовление пластинок в технике милле-фиори из готовых палочек-цапф.
По: Kock, Sode, 1995. P.24

КОЛЬЦО ИЗ ШТРОБЬЕНЕНА. ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В местности Штробьенен (совр. Куликово Калининградской области) в 1789 году было случайно обнаружено золотое кольцо (вероятно, браслет), круглое в разрезе (диаметр до 1,7 см; длина 24,8 см), почти все покрытое рельефно выполненными фигурами (табл. 1: 1—3). До 1945 г. находка хранилась в Берлине, затем её след теряется. В настоящее время изучение кольца возможно на основе опубликованных фотографий и рисунков. В ряде публикаций это кольцо уже было интерпретировано с исторической, стилистической и иконографической точек зрения [Кулаков, 1995; Кулаков, 2003. С. 179, 181; Кулаков, 2007. С. 342, 357. Рис. 23; в этих же работах библиография]¹. В. И. Кулаковым для этого изделия была предложена датировка VIII веком и высказана точка зрения о принадлежности к стилям, характерным для позднего аварского периода в Подунавье. Особенности иконографии объяснялись влиянием на Пруссию культур восточноевропейских степняков и Среднего Подунавья. Этот же автор считает кольцо вотивным даром, предназначенным некоему божееству в качестве благодарности за победу в конкретной битве, которая представлена и на самом кольце.

Главная цель данной работы — иконографическое, семиотическое и сравнительно-историческое исследование изображений, сохранившихся на кольце из Штробьенена. Предметом нашего рассмотрения будут отдельные антропоморфные, зооморфные и «составные» фигуры, изображенные на этом предмете, мелкие сцены, которые они составляют, и общая композиция, в которую все эти элементы входят. Прежде всего будут приняты во внимание аналогии, которые близки этой находке в хронологическом, стилистическом, культурологическом и географическом аспектах. Невозможность непосредственного осмотра кольца не позволяет представить подробный анализ стилистико-технологических особенностей.

Общий иконографический анализ композиции

Особенность кольца из Штробьенена заключается не только в ценности материала, из кото-

рого оно создано (16—18-каратное золото; масса 374 г), но и в высоком уровне технического исполнения. Его уникальность связана с иконографией рельефных изображений, которая выделяется не только по числу фигур (7 человеческих и 26 зооморфных), но и по сложности композиционной структуры (табл. 1: 1, 2).

Представляется, что иконографическая программа заложена в круговой, кольцеобразной форме самого предмета (по-видимому, он зафиксирован уже деформированным). Тогда композицию следует понимать как вписанную в круг или, по крайней мере, арку, т. е. свод. Кольцо толще всего в середине, а к краям постепенно сужается. Расположенные в месте наибольшего расширения три параллельных линии из полушариков делят композицию на две половины. Подобные линии есть и на краях кольца, как и на других частях композиции, где они служат для разделения изображенных фигур на отдельные иконографически целостностные блоки.

Упомянутый выше центральный бордюры делит всю иконографию кольца на две относительно симметричные половины (левую и правую), каждая из которых сформирована из трех образованных фигурами колонн, которые можно определить как верхнюю, среднюю и нижнюю зоны. Во главе обеих средних зон стоит по всаднику, изображенному в профиль почти симметрично противостоящему. Оба в одной руке держат небольшой круглый щит, другая рука замахивается мечом (табл. 1: 1, 2; табл. 10: 2).

Левая средняя зона (табл. 1: 2). Позади всадника выстраиваются еще четыре фигуры. Отдельный иконографический блок составляет фигура человека, стреляющего из лука в оленя; затем, после бордюра из полушариков, изображен хищник (собака или волк), и позади него — птица с опущенным вниз клювом.

Правая средняя зона (табл. 1: 1). Позади всадника изображен хищник (волк или собака), на котором верхом сидит человек с чашей в руке. Рядом расположена симметричная композиция с растением по центру, с правой стороны от него стоит олень, с левой — составная зооморфная фигура. Справа

¹ По информации, полученной от В. И. Кулакова, сейчас предмет хранится в Государственном музее изящных искусств им. Пушкина (Москва).

от этой композиции, отделенная бордюром из полушариков, изображена фигура хищника (волка или собаки).

Выше и ниже средней зоны расположены еще две. Их высота меньше, они составлены из антропоморфных, составных и зооморфных фигур, поставленных одна за другой, создавая подобие бордюра.

Левая нижняя зона (табл. 1: 2): фигура человека в позе лежа; существо с телом змеи, хвостом рыбы и головой хищника, которое кусает предыдущую фигуру за ступню; далее — животное с головой собаки (волка), птичьими ногами и, вероятно, крылом; за ним — еще одно змеевидное существо, похожее на особь, кусающую человека.

Правая нижняя зона (табл. 1: 1): бегущий заяц, которого за ляжку кусает волк (или собака), также изображенный бегущим; далее — небольшая птица и хищник (собака, волк, кошка?), который тянется к ней лапой; на конце бордюра — змей, подобный изображенному на левом нижнем бордюре, но с чуть более длинным туловищем.

Левая верхняя зона (табл. 1: 2): фигура человека с двумя головами, изображенного в позе лежа, причем в одной руке он поднимает чашу; далее — две птицы, из них первая — с хвостом, покрытым листвою, подобно растению; затем следуют еще два бегущих животных (собаки или волки); в конце — змеевидная фигура, похожая на изображенных в нижних зонах, но меньше.

Правая верхняя зона (табл. 1: 1): фигура с мужским лицом, отчетливо проработанными прической и носом, с длинными усами или бородой и симметричными отходящими от нее отростками, похожими на ноги лягушки; далее — птица и небольшой хищник с вытянутыми лапами, повернутые один к другому; затем — три животных, из них первое и третье — волки или собаки, среднее — с птичьим туловищем и головой, вероятно, млекопитающего.

Средняя и нижняя зоны ориентированы одинаково, верхняя — противоположно по отношению к ним, что свидетельствует о том, что подразумевалось как минимум две точки зрения на изображения. Но следует учитывать, что для понимания иконографической «программы» кольца надо представить «развёртку» (табл. 1: 1, 2) в виде свода, т.е. так, как зоны находятся непосредственно на предмете (табл. 1: 3). При таком рассмотрении в трех измерениях верхняя и нижняя зоны, по сути, оказываются одна рядом с другой, обе расположены под средней зоной, что показывает их семантическую принадлежность к нижним зонам композиции. Таким образом, пространство зон ориентировано по принципу «периферии композиции (бордюры) = низ», «центр композиции = верх».

Для каждой из зон можно заметить и определенную иерархизацию фигур по принципу «центр = более ценное», «периферия = менее ценное». В этом контексте середина композиции, организованная вокруг центральной полосы из полушариков, заполнена антропоморфными или зооантропоморфными фигурами. Из числа первых здесь находятся:

пара всадников, две лежащие фигуры и фигура с ногами лягушки (исключение представляет только фигура зайца). Человеческие фигуры присутствуют и во втором ряду средней зоны: на левой стороне — стрелок из лука, на правой — человек верхом на волке. После них следуют только фигуры животных. Эти признаки показывают и периферийность верхних и нижних зон, где, за исключением трех антропоморфных фигур из первого ряда, все прочие принадлежат животным. Более низкий статус этих зон определен как меньшей высотой фигур, так и их горизонтальной диспозицией, т.е. позой лежа. Весьма показательно, что животные с телом змеи, головой хищника и хвостом рыбы изображены только в периферийных зонах.

Все это, в контексте некоторых обоснованных ниже наблюдений, указывает на существование космологического концепта в структурировании композиции. В рамках этого концепта обе периферийные зоны, ввиду присутствия животных и особенно змей, можно истолковать как хтонические, означающие подземелье или земные воды. Кроме изображений змей, это можно аргументировать присутствием как мужского персонажа с ногами лягушки, так и двух человеческих фигур, чью позу лежа можно объяснить тем, что они плавают в воде, в пользу чего свидетельствует и положение их рук и ног. В этом контексте средняя зона могла иметь значение надземного или небесного уровня, при этом центральный бордюр из полушариков воплощал бы космическую ось как центральный столб или стержень, вокруг которого структурирован весь космос.

Эти наблюдения позволяют утверждать, что композиция штробьененского кольца не является неструктурированным декором, который мастер составил по принципам простой визуальности, только для того, чтобы заполнить поверхность предмета неправильной формы. Наоборот, в ней интегрирована заранее обдуманная иконография со своими принципами и значениями, которые приспособлены к конкретному предмету.

Ниже проведем иконографический и семиотический анализ отдельных фигур и сцен, составляющих изобразительную композицию кольца из Штробьенена. Результаты этого анализа должны подтвердить высказанные предварительные замечания относительно его общей пространственной и семиотической структуры, а также помочь в раскрытии содержания и значения изображенных сцен и персонажей. Эти наблюдения также помогут в определении происхождения и этнокультурной принадлежности предмета, его мифо-религиозного характера и предназначения.

Анализ отдельных фигур и сцен

Человек верхом на волке с чашей в руке (табл. 2: 3). Судя по характеру животного и чаше в правой руке наездника, речь идет о мифическом персонаже, т.е. божестве или человеке с сакрализированным статусом (такую же чашу имеет и двухголовый персонаж из верхней левой зоны) (табл. 8: 2).

Если принять, что животное — волк, можно привести несколько примеров, которые свидетельствуют в пользу предложенной идентификации всадника².

В славянской народной мифологии существует персонаж, называющийся «волчий пастырь», который наделен хтоническими признаками, как и функцией владельца волков, причем у сербов и хорватов он представлялся в виде старого волка или старика верхом на волке. В некоторых восточнославянских регионах эту функцию принимал св. Георгий, св. Юрий, или Егорий, который кое-где (Витебская губерния) также представлялся как всадник на волке. У хорватов и словенцев такой всадник связывается со Св. Мартином [Menšej, 2001; Гура, 2005. С. 96; 1995. С. 413; Попов, 2004]. Мотив езды верхом на волке обнаруживается и в волшебных сказках, чаще как форма перехода между глобальными космическими пространствами. В русской сказке „Иван-царевич и серый волк“ Иван при помощи волшебного волка (который обладает способностью говорить и летать) путешествует в дальние края и решает тяжелые задачи, которые ему задает алчный царь (одаривает последнего жар-птицей, златогривым конем, царь-девицей). У южных славян этот мотив появляется и в одной эпической песне из косовского цикла: „Овчар Јанко поведе овчаре / Са Каблара, Овчара и Шаре, / Да поможе оклопнике тешке / Ко не јаше вука, ступа пјешке!“ Несмотря на ее контекст, эти стихи в любом случае связаны с мотивом воинственности, которую и на кольце из Штробьенена можно видеть в паре всадников в военном снаряжении. В пользу этого свидетельствуют и подчеркнутые связи между мифическими волками и сферой войны, которые хорошо представлены в индоевропейских [Маразов, 1994. С. 31—47, 125—146; Иванов, 1980. С. 242] и других традициях.

У якутов и бурятов засвидетельствованы представления о шамане, который ездит верхом на волке [Харитонов, 2011. Глава 1: 2]. Как иконографическую параллель этим представлениям и нашей сцене можно указать бронзовую фигурку всадника на волке, происходящую из Прикамья (табл. 2: 6). Она датирована между II веком до н.э. и II веком н.э. и связывается с мифическими традициями финно-угров этого региона [Петрухин, 2003. С. 124]. На одном средневековом гербе из Европы (который, к сожалению, не удалось точно географически определить) верхом на волке ездит бородатый мужчина, который замахивается на него топором (табл. 2: 4). Рассматривая топор как символ грома и атрибут громовержца и принимая во внимание его функции [Даркевич, 1961], корни этого изображения можно искать в образе некоего бога-громовержца, борющегося со своим хтоническим оппонентом. Полузабытые и искаженные воспоминания об этой мифической картине сохраняются в качестве пережитков в литературных произведениях Средневековья и

Нового времени с компилятивным мистическим содержанием. В списке демонов, представленных в книге «Ars Goetia», демон Marquis Andras представлен в виде ангела с головой птицы и мечом в руке, который едет верхом на черном волке (табл. 2: 11) [List of demons, 2011]. Близкие параллели нашему образу есть и в рамках буддизма, где в образе всадников на волках изображены одно из божеств, сопровождающих Махакалу, и восьмирукая Арья-Бало [Харитонов, 2011. Глава 1: 2]. В монгольском буддизме подобным образом — верхом на волке и с копьем в руке (табл. 2: 2) — изображается Владелец Жизни [Davies, 2011].

Роль всадника на волке часто получают женские персонажи, причем чаще всего те, которые служат хтоническим и отрицательным предзнаменованием. В европейских традициях это, главным образом, ведьмы или разные демонические персонажи, например, женщина-тролль или великанша [Motz, 1984]. В некоторых украинских и белорусских сказках это действие связывается с девушкой с положительным характером в контексте ее путешествия между далекими или тяжело доступными частями мира [Березкин, 2011. В. 90]. В скандинавской мифологии верхом на волке ездит богиня Хюрроккин, которая в источниках упоминается в связи с погребением Бальдра. На его похоронах она появляется верхом на волке, взнузданном змеями, чтобы подтолкнуть в воду его посмертную ладью. С этим персонажем связывается одно изображение из Гуннестада (Швеция), высеченное на камне (табл. 2: 1) и датированное XI веком [Słupecki, 2006. S. 207—210; Мелетинский, 1980. С. 160]. Интересен также и мотив на одной серебряной чаше XII века, обнаруженной в Овгорде в Приобье (табл. 2: 9)³. Женский мифический персонаж верхом на волке присутствует на гравюрах средневековых литературных произведений, например, в книге Ульриха Молитора XV века (табл. 2: 7)⁴.

Езда верхом на волке появляется и в баснях о животных. В них верхом на волке ездят некоторые животные поменьше (лиса, заяц) благодаря их хитрости. В этом контексте может быть неслучайным и присутствие зайца на кольце из Штробьенена, изображенного под фигурами правого всадника на коне и всадника на волке, причем как раз во главе правой нижней колонны, что в рамках композиции имеет высокий иерархический статус (табл. 1: 1; 9: 12). В одной сказке [Березкин, 2011. L. 108] приводится повествование, по-видимому отражающее архаичные космологические представления о волке как хтоническом персонаже, который принимает в свое тело космические воды и потом возвращает их природе [Чаусидис, 2005. С. 226—240]. А именно: его заставляют выпить целую реку, но потом эту воду он выпускает из своего тела, потопляя некоторых персонажей сказки.

² В. И. Кулаков приводит аварские параллели этой сцены, при этом интерпретирует ее как фигуру священника [Kulakov, 1995. S. 209, 210].

³ Маршак, Крамаровский 1996, 162, 163. Другой пример: Даркевич 1976, 105; табл. 25: 6 (сосуд из Дагестана).

⁴ Molitor U. De Lamiis et Pythonicis Mulieribus. Constance, 1489.

В XIX веке в Польше сохранялся обычай (некогда носивший характер обряда), который находится в непосредственной связи с анализируемой здесь мифической картиной. Мужчине, который сидит верхом на коне, дают в одну руку веревку, удерживающую волка, а в другую — кнут. Он гоняет волка по открытому пространству, пока тот не обессилеет. Тогда всадник слезает с коня, садится верхом на волка, удерживая его за уши, и, в конце концов, связывает зверя [Capturing, 1896]⁵.

Сравнительный материал наводит на мысль расширить анализ сюжета о езде верхом на мифическом волке и на другие мифические существа с доминантным зооморфным внешним видом, но с присутствием компонентов других зверей, а также антропоморфных признаков. Эти аналогии показывают высокую степень детальных совпадений на уровне изображения и композиции с мотивом из Штробьенена. Речь идет о двух категориях металлических предметов, имеющих хронологическую, этнокультурную и определенную стилистическую близость с интересующим нас кольцом.

Первая категория представлена металлическими поясными наконечниками, датированными между концом VII и концом VIII в. На паре наконечников из Погорелиц представлен следующий мотив: человек верхом на зооморфной фигуре, тело которой имеет признаки зверя с когтями, большими круглыми глазами и пастью, изображенной особо отчетливо (табл. 3: 3, 11). Подобную голову имеет и наездник, причем вместо рук из его плеч торчат крылья [Profantová, 1992. Taf. 33: 10; 54: 8]. На наконечнике из Банбальм-Себе-пушта изображена сцена с большим количеством персонажей (табл. 2: 13; 3: 9, 10). Его левый и правый край заполняют две человеческие фигуры с оружием (копье) в руках и верхом на каких-то необыкновенных существах. Между ними, в центре, изображено зооморфное существо (змея) с передними ногами зверя и туловищем пресмыкающегося, покрытого чешуей; из места, где начинается хвост, у него растут какие-то растения (табл. 3: 9, 10; 9: 8) [Чаусидис, 2001. С. 55, 58, 68, 69; Чаусидис, 2005. С. 233, 283, 294]. На находке из Венгрии (точное место не известно), датированной тем же периодом (табл. 2: 10), представлен человек верхом на животном, возможно, с антропоморфными признаками (борода, волосы, грива?), сопровождаемый птицей [Daim, 2000. S. 120. Abb. 40].

Вторая категория аналогий представлена на металлических сосудах из Надь-Сент-Миклоша. В трех случаях зооморфизированная фигура имеет тело зверя и голову мужчины с усами и бородой, в двух — представляет собой кентавра (напр., табл. 2: 5, 8, 12). Всадник стреляет из лука, держит на поднятых руках ветку или более сложный симметричный элемент. На фалере из Северского Кургана,

которая связывается со скифо-сарматским культурным кругом, изображен мотив (табл. 2: 14), который с иконографической точки зрения аналогичен предыдущим [Чаусидис, 2001; Чаусидис, 2005, С. 220—233, 266, 267, 369]. С исследуемыми здесь изображениями, особенно теми, где всадник — женщина, можно связать и картину, изображающую богиню Фрею, из церкви в Шлезвиге (XII в.); богиня здесь представлена полуголой и едущей верхом на животном из породы кошачьих (табл. 3: 6), что типично для ближневосточных богинь любви [Петрухин, 2005. С. 179]. В этом же контексте можно рассматривать и фигурку из Маклашевки (табл. 3: 5): голая богиня с ребенком на коленях сидит верхом на животном из породы кошачьих [Халиков, 1971].

В примерах второй группы персонажи ездят верхом на фигурах с телом зверей (специфический силуэт, когти), которые отличаются от животного из Штробьенена, имеющего наездника, только формой головы, которая не удлинена и дана не в профиль (она круглая, дана анфас). Вместо волчьей она могла бы быть головой животного из породы кошачьих (особенно льва) или человека (человеческий нос, усы, борода). На возможность взаимозаменяемости этих фигур и волка указывает то, что на многих раннесредневековых поясных наконечниках (напр., табл. 3: 7, 8) наблюдается чередование схожего, имеющего гетерогенные части, животного и фигуры волка или собаки [Чаусидис, 2001. С. 60, 61].

Некоторые иконографические элементы приведенных аналогий дают возможность выявить характер исследуемой здесь сцены. Всадник на животном на наконечниках из Погорелиц по вертикали повторен три раза (табл. 3: 3, 11). Такое структурирование, вместе с крыльями всадника, указывает на какое-то движение по вертикали, что можно связать со сферой шаманизма, т.е. с изображением путешествия шамана на тот свет [Чаусидис, 2001. С. 69, 70; Чаусидис, 2005. С. 220—223]. Наконечник из Банбальма-Себе-пушты имеет большую близость к иконографии штробьененского кольца (табл. 3: 9, 10): присутствие пары всадников (несмотря на то что в данном случае они не на конях); человек верхом на звере; фигура змея, из которого растут растения (табл. 9: 8)⁶. Очевидно, что вся композиция на рассматриваемом наконечнике изображает борьбу пары всадников с хтоническим змеем, что может относиться и к кольцу из Штробьенена, учитывая присутствие в изображении воинов, боевых сцен и четырех змеев. На сосудах из Надь-Сент-Миклоша всадник на поднятых руках держит дуговидный предмет, что можно видеть и на камне из Гуннестада (табл. 2: 5, 1). В предыдущих исследованиях оба примера истолковывались в космологическом контексте, а именно: полукруг в значении небесного свода, а животное, имеющее наездника, — как

⁵ Подобные концепты (сидение верхом на волке, удерживание за уши) сохраняются в современных преданиях в Болгарии [Николов, 2011].

⁶ Чаусидис 2001, с. 54, 58, 61, 65, 66, толкование изображений всадников — на с. 69, 70. В народных сказках известен сюжет о близнецах, которые убивают змея (ламю), из которого потом вытекают три реки изобилия [Георгиева, 1983. С. 90; Калојанов, 2000. С. 153].

представитель нижних зон вселенной. При таком прочтении всадник получает функцию мифического персонажа, который поддерживает, т.е. приводит в порядок, Космос тем, что укрощает хтонические силы и удерживает небесный свод [Чаусидис, 2005. С. 369]. Левая рука всадника из Штробьенена значительно удлинена, что указывает на то, что такое ее изображение имело какое-то мифологическое значение (табл. 2: 3)⁷.

Езда верхом на волке и ее изображения переходят и в христианские традиции, где, из-за подчеркнуто хтонического характера языческих всадника и самого животного, эта роль присуждается соответствующим христианским персонажам, например Сатане, который сидит верхом на мифическом Бегемоте (табл. 3: 4), как замене зверя, несущего наездника [Zaradija Kiš, 2007. S. 40]. Как пример хтонического персонажа из церковной живописи XIX века можно указать на картину, изображающую дьявола (табл. 3: 1) [Чаусидис, 2005. С. 221].

На основании этого анализа и предыдущих исследований, животное в этой паре (наездник — существо) со штробьененского кольца, скорее всего, имеет хтонический характер, причем этот мифический персонаж, божество — представитель и хозяин нижних зон вселенной (подземелье, земные воды, мир мертвых). В таком контексте всадник на этом существе мог иметь значение мифического персонажа, который укрощает хтонические силы, устанавливая при этом порядок и гармонию в Космосе. Он мог быть представителем небесных пространств, медиатором, культурным героем, а также человеком с функциями священника, шамана. Это можно хорошо проиллюстрировать одним народным преданием, если принять очевидную идентификацию между волком, мифическим персонажем — представителем хтонических пространств, и дьяволом. Предание засвидетельствовано в регионе Полесья, в нем говорится о человеке, который благодаря своей хитрости и упорству сумел отобрать у дьявола дикую и болотистую местность, поросшую лесом. При этом человек даже садится верхом на него, чтобы использовать в качестве транспортного средства [Кабакова, 2001. С. 15].

На кольце из Штробьенена волк протянутой лапой касается хвоста коня (табл. 1: 1). Маловероятно, что это жест нападения, вероятнее — знак поддержки, т.е. подпоры, на что указывают и предполагаемые функции изображенного персонажа. Если согласимся, что всадник на коне — образ мифического воина, всадник на волке мог изображать бога войны или родоначальника, т.е. вождя — основателя общности, которой принадлежало кольцо [Иванов, 1980. С. 242; Харитонов, 2011].

Число аналогий этой сцены значительно увеличится, если обратиться только к образу животного, не принимая во внимание наездника. Такие образы (табл. 3: 2; табл. 5) рассмотрены в следующем параграфе.

Растение, по обе стороны которого расположены олень и фантастическое животное (табл. 4: 2). Растение представлено в виде вертикального ствола, с тремя листовидными добавлениями наверху. В.И. Кулаковым оно интерпретировано как дерево (конкретно Рикойто-Ромове — святой дуб пруссов), что подкреплено аналогичным изображением герба города Браниево (Браинсберг). Изображения на этом гербе совпадают с рассматриваемой сценой благодаря двум животным и центральному тройному растительному мотиву (ср. табл. 4: 1 и 4: 2) [Kulakov, 1995. S. 210]. В пользу идентификации этого мотива как дерева, при этом священного, т.е. космического древа, можно привести традиции сибирских народов (манси), у которых святые деревья в святилищах были обрезаны таким способом, что на стволе оставались только две боковые ветки [Петрухин, 2003. С. 378]. Вместе со стволом они воплощали антропоморфность дерева (как человека с распростертыми и поднятыми руками), его вертикальность, функцию столба, т.е. держателя вселенной, и его отождествление с божеством — представителем космической оси (табл. 4: 3, 7). Антропоморфную сущность можно увидеть и в приведенной В.И. Кулаковым аналогии (табл. 4: 1). В качестве дополнения к этим аналогиям можно привести еще два примера из иконографического репертуара стечек (табл. 4: 4, 5; 10: 12) — средневековых надгробий Западных Балкан [Чаусидис, 2005. С. 315, 316, сл. Д 4: 10; Д 29: 1, 10].

На сцене из Штробьенена справа от дерева стоит олень (табл. 4: 2), изображенный без каких-либо специфических или сверхъестественных элементов. Такого, например, близкое по датировке изображение оленя из Велестино, несмотря на то что на стилистическом уровне оно довольно сильно отличается от интересующего нас изображения (табл. 1: 4) [Čausidis, 2005. T.II: 8].

Олень (нередко в виде симметричной пары) часто сопровождает мифическое дерево, что оправдывается его ролью классификатора среднего уровня вселенной, а также эквивалента самого космического дерева, с которым он отождествляется из-за разветвленных рогов (табл. 4: 3, 6—8; 11: 5). Возле этого дерева разворачивается и охота на мифического оленя (табл. 6: 10), которую можно видеть и на противоположном краю штробьененского кольца (табл. 6: 2). Если дерево рассматривается как ось и центр этой сцены, тогда оленя можно считать одним из полюсов ее дуальной структуры, которую он образует вместе с другим животным. В этом случае, приняв во внимание преобладающие позитивные черты образа оленя, его присутствие можно связать со следующими мифическими действиями, функциями и значениями: космогонические мифы, в которых мир создается из тела мифического оленя; мифы об олене (с золотыми рогами) как символу света и/или солнца, чье движение по небу или охота на него связывается с космиче-

⁷ О мифических персонажах с рукой, выделяющейся своей величиной, в т.ч. длиной, см. в: Чаусидис, 2003.

скими циклами (день, и ночь, год); мифы о небесном олене, который крадет солнце, накалывая его на свои рога, при этом некий охотник ловит его и вновь возвращает солнце на небо; плодородие и процветание, основанные на мужской силе оленя и периодическом произрастании его рогов, которое ассоциируется с весенним пробуждением природы; христианские традиции, возникшие как результат интегрирования языческого сакрального статуса оленя в этой религии (олень как символ Христа или христианской души; олень с крестом или распятием между рогами)⁸.

Весьма широкую гетерогенную символику оленя можно в данном случае уточнить, рассмотрев образ второй фигуры, расположенной с другой стороны от дерева (табл. 4: 2). Несмотря на то что В. И. Кулаков ее определяет как рысь [Кулаков, 1995. С. 210], речь идет о более сложном фантастическом существе. Круглая голова и наостренные острые уши можно связать и с иными животными породы кошачьих (ср. с одной из пластин из Велестино, табл. 5: 1 и 2), а выпученные глаза и правильный человеческий нос не исключают возможности того, что это лицо с антропоморфными признаками (ср. с еще одной пластиной из Велестино, табл. 5: 2 и 9). Передние ноги представлены с когтями, что является характеристикой плотоядных животных. Задняя левая часть фигуры завернута петлей и дополнена несколькими неясными деталями (не исключено, что верхняя — крыло). В данном случае нельзя исключить отсутствие туловища как результат «сокращения» фигуры в определенной перспективе, но ни одна другая фигура штробьененского кольца не изображена подобным образом. Поэтому кажется более вероятным, что здесь автор хотел изобразить животное, чья задняя часть имеет форму рыбы/змеи, завернутую петлей так, чтобы была видна часть хвостового плавника или хвоста. Такую интерпретацию подтверждает сравнение с гербом города Браинсберга, где у существа, стоящего напротив оленя, присутствуют все три упомянутых признака: острые уши, крыло (на этот раз летучей мыши) и задняя часть в виде рыбы с рыбьим плавником (ср. табл. 4: 2 и 1).

Как аналогии рассматриваемому образу можно привести еще несколько примеров, из которых некоторые бы могли относиться ко всей фигуре, другие — только к ее передней части. Кроме двух уже упомянутых пластин из Велестино (табл. 5: 1, 9), как ближайшую аналогию следует рассматривать другую фигуру из того же клада (табл. 5: 8). Ее передняя часть и лапы принадлежат плотоядному животному (вероятно, с крыльями), а задняя часть изогнута в виде пресмыкающегося или рыбы, причем заканчивается рыбным плавником. Здесь следует упомянуть и пластину из Читлука (Далмация), принадлежащую к тому же стилистическо-хронологическому комплексу, где задний плавник существа превращен в лапу его единственной задней ноги

(табл. 5: 5). Отметим и две фигуры (несмотря на высокую степень их стилизации), представленные на раннесредневековой бронзовой руке из Румынии (точное место находки не известно) и образец из Бездедера (Венгрия), у которых передние части представлены в виде млекопитающего, а задние оформлены как рыбьий плавник (табл. 5: 3, 4, 11) [Čausidis, 2005. Т. II: 7, 10; Т. III: 1, 13, 14; Чаусидис, 2003. С. 61—65]. Несмотря на разницу в почти половину тысячелетия, весьма подходящей аналогией рассматриваемой фигуре является существо, представленное на двухстворчатом браслете из Тверского клада (табл. 5: 7), причем этот браслет связывает с кольцом из Штробьенена и похожий облик чаши в руке женщины (ср. табл. 5: 7 с табл. 2: 3 и 8: 2). Из более удаленных параллелей можно привести образ иранского крылатого пса Симурга, который принимается и как образец предыдущего персонажа, идентифицируемого некоторыми исследователями со славянским языческим теонимом Симаргл (ср. табл. 5: 6 и 5: 7) [Чаусидис, 2005. С. 216—219]. Все эти примеры могут быть близки древнему гиппокампу, который не так уж редок и на средневековых находках (табл. 5: 10; 9: 13).

Если при подборе соответствий фигуре из Штробьенена принять во внимание только ее переднюю часть, в качестве аналогий можно указать на большинство образов, рассмотренных выше (ср. табл. 5: 2 с 2: 5, 8, 10, 13, 14; 3: 5: 9).

Рассмотрение второго персонажа в соотношении с центральным изображением растения и с весьма распространенными значениями образа оленя приводит к дуальному толкованию этой сцены, на что указывает и В. И. Кулаков, отсылая к кельтским аналогиям [Кулаков, 1995. С. 210]. В этом контексте дерево имело бы функцию ее оси, причем пространства, расположенные слева и справа от него, могли бы получить несколько значений в рамках системы бинарных оппозиций (небо и земля, жизнь и смерть, свет и тьма, добро и зло и т.д.). Ясно, что в этих случаях олень был бы представителем категорий небо, рождение, свет, добро, а его оппонент — противоположных им.

Сзади оленя изображена большая фигура плотоядного животного (вероятно, волка), однако, учитывая два ряда полшариков между ними (табл. 1: 1), остается до конца не ясным, было ли это животное частью исследуемой композиции? Этого не надо исключать (хотя бы на некоторых прототипах этой сцены), учитывая, что поза упомянутого животного изображает нападение на оленя. В пользу такой интерпретации можно привести множество синхронных иконографических параллелей, где олень или какое-то другое травоядное животное (серна, корова) сопровождается плотоядным животным, устремленным к нему (табл. 3: 7, 8) [Чаусидис, 2001]. Характер и отношение фигур в рамках этой сцены, вместе со многими иконографическими параллелями, направляют ее толкование к теме «тер-

⁸ Chevalier, Gheerbrant, 2007. S. 226—229; Чаусидис, 2005. С. 345—352; Чаусидис, 2007; Гура, 2004; Петрухин, 2010; Mužić, 2009.

зание» во всей ее широте, универсальности и неопределенности (см. далее). В Восточной Европе эту сцену можно проследить вплоть до древности, лучше всего она представлена скифскими примерами, где весьма часты сцены с гигантским мифическим оленем, на которого нападает плотоядное животное (табл. 4: 9, 10) [Чаусидис, 2007; 2010].

Как наиболее конкретную и близкую параллель исследуемой здесь сцены можно привести действие, представленное в южнославянских мифических традициях: оленя проглатывает чудовищная змея (иногда трехголовая), затем животного освобождает охотник Илья. Здесь тоже содержатся космологические признаки двух мифических оппонентов. Хтонический характер змеи не подлежит сомнению, а охотник носит имя христианского святого — Ильи, который утвердился как наследник громовержца и небесного бога, находящегося в постоянной борьбе с хтоническими персонажами⁹.

Более конкретному определению значения этой сцены может помочь присутствие оленя и в сцене, которая находится в рамках левой средней зоны штробьенского кольца.

Человек, стреляющий в оленя из лука (табл. 6: 2). Сзади левого всадника изображен человек, который, присев на левое колено, стреляет из лука. Представлен он в одежде, которая идентична одежде всадников, но, в отличие от них, он носит пару косичек. Олень повернут спиной к нему, причем животное изображено почти идентично тому, которое представлено в предыдущей сцене. В. И. Кулаков приводит аналогию стрелку на фибуле из Мёдлнга [Kulakov, 1995. Abb. 3], которую можно учесть, только если ограничиться рассмотрением позы фигуры. Но следует учесть иконографические параллели, которые обязательно должны включать и оленя.

Весьма интересные схожие аналогии этой сцене опять находим на уже упомянутых стечках. Кроме большого числа сцен, на которых охота на оленя представлена как его преследование всадником, вооруженным копьем (напр., табл. 1: 6), нередки и такие, где охотник — пеший стрелок из лука (табл. 1: 7; 6: 1, 4, 6, 8, 10). Он чаще всего стоит или приседает на колено перед оленем, нередко сопровождается собакой и птицей (соколом?), а на одной из сцен стрельба происходит рядом с деревом [Wenzel, 1965. T. CIX—CXIII]. Такие сцены, исполненные в схожей стилистике на каменных стенах построек в Дагестане, также изображают собак или волков (табл. 6: 3, 5) [Голан, 1994. С. 38, Рис. 61: 1—3]. Похожая сцена известна на наскальных рисунках из почти всего евроазиатского ареала (напр., табл. 6: 7, 9). На дагестанских примерах и на рисунке из Аодана (табл. 6: 3, 5, 7) олень сопровождается розеткой, которую исследователи истолковывают как символическое представление солнечного диска. В этом контексте олень является эквивалентом

солнца или фактором, который движет солнце по небу. Эти значения могут относиться и к изображениям на стечках, учитывая, что и здесь сцены охоты нередко дополнены розетками (=солнце?), звездами и лунами (табл. 10: 4; табл. 11: 1, 2, 6). Сцены на этих надгробиях толковались на двух уровнях, первый из которых — космологический и аналогичен вышеупомянутому [Чаусидис, 1994. С. 288—295], а второй — христианский, в нем олень идентифицируется с душой покойника, при этом охотник может символизировать смерть, преследующую ее, а также Христа, который должен ее «подстрелить» своим учением и спасти¹⁰. Рассматривалась и брачная символика охоты на оленя [Маразов, 1994. С. 64, 65].

Здесь, как и в предыдущей сцене, олень находится рядом с полосой из полушариков, за которой изображен волк (собака) и хищная птица с загнутым вниз клювом (табл. 1: 2). Учитывая их устремленность к оленю и приведенные иконографические аналогии, представляется весьма вероятным, что и эти две фигуры были частью композиции, несмотря на то что от оленя их отделяет полоса из полушариков. В этом случае в средней зоне кольца, позади от левого всадника, мы имеем изображение единой сцены, в которой охотник, сопровождаемый собакой и хищной птицей (соколом?), стреляет в оленя из лука (ср.: табл. 1: 2 с табл. 6).

Фигура с ногами лягушки (табл. 7: 3). Несмотря на кажущуюся неясность, эта фигура содержит весьма значимые иконографические детали¹¹. Ее можно трактовать путем сравнения с родственными мотивами, типичными для раннесредневековых украшений и других металлических предметов.

В центре фигуры находится человеческое лицо с хорошо профилированным носом, глазами, симметричной прической. Под носом, на две стороны арочно спускаются расчлененные полосы, похожие на огромные усы или локоны бороды. Слева и справа они расположены по дуге, а под ними — пара ног, которые заканчиваются расширенными ступнями с обозначенными пальцами. Не исключено, что полосы, которые идут от носа, когда-то представляли собой верхнюю часть ног фигуры. Поверхность полос заполнена выпуклостями, что сближает этот персонаж с изображенными на штробьенском кольце пресмыкающимися (у них аналогично изображена чешуя), а не с млекопитающими и птицами.

Исходя из результатов предшествующих исследований аналогичных персонажей, можно утверждать, что за ними стоят две различные иконографические парадигмы, которые в этом случае смешались из-за тождественного хтонического значения. Если оставить в стороне мужские черты лица, то основная композиция соответствует схематизированным фигурам богини-роженицы, представленной с расширенными ногами, которые позой и широкими ступнями вызывают ассоциации

⁹ Об упомянутом примере: Георгиева, 1983. С. 41. О славянском громовержце и св. Илье как его заместителе: Белова, 1999. С. 405—407; Чаусидис, 1994. С. 402—445.

¹⁰ Mužić, 2009; Wenzel, 1965. S. 397, 398; Chevalier, Gheerbrant, 1987. S. 357, 358, 362—364.

¹¹ В отношении этого мотива В. И. Кулаков приводит кельтские параллели [Kulakov, 1995. S. 209].

с лягушкой, по сути являющейся ее зооморфной ипостасью. В этом смысле показательна параллель со ступнями роженицы из Велестино (ср. табл. 7: 3 с 7: 2 и 7: 4) [Чаусидис, 2005. С. 165—167]. На раннесредневековых находках есть примеры, где ноги таких рожениц трансформированы в протомы животных (коней, птиц), причем руки устранены. Такие примеры являются частыми на раннесредневековых подвесках и пальчатых фибулах, где это изображение занимает их продолговатую пластину, представляющую нижние зоны вселенной (табл. 7: 5—8) [Чаусидис, 2005. С. 171—200; 2010]. На одной пластине из Велестино сохранено два элемента, важных для определения этого персонажа (табл. 7: 1). Речь идет о голове, которая имеет явные признаки лягушки, и присутствию человеческой головы между протомами, которая указывает на родовой акт [Чаусидис, 2005. С. 447].

Второй иконографический образец этой фигуры находим в редуцированных изображениях хтонического бога, где он представлен чаще всего посредством головы, дополненной усами и бородой. Рождение как одна из творческих функций рассмотренной выше богини (роженицы), в этом случае неуместно, из-за чего следовало заменить его иной нарративной концепцией. Поэтому появление космических элементов из тела хтонического бога (воды, других питательных жидкостей, растений) изображено двумя способами. В первом случае, из рождения оно перекодировано в их выход из рта или носа бога (рвота). Во втором случае, появление упомянутых элементов (особенно произрастание растений) уравнивается с ростом волос из головы бога (усы, борода, даже брови и ресницы) (табл. 7: 6, 7, 9—11). Согласно упомянутым концептам, этот персонаж неизбежно получает и определенные негативные признаки, потому что акту рвоты должно предшествовать принятие упомянутых элементов в тело. Учитывая невозможность обозначения этого посредством акта оплодотворения (что органично для женского образа), необходимо включить в повествовательный ряд предыдущее мифическое действие, в котором бог пожирает все эти элементы. В некоторых мифах акт «возвращения сожранного» обычно реализуется как следствие заслуг какого-то бога или героя, который благодаря своей силе и умению заставляя «злого» хтонического бога возвратит поглощенное на этот свет [Чаусидис, 2005. С. 226—236].

На изобразительном, т.е. стилистическом, уровне в качестве наиболее близкой параллели этому мотиву из Штробьенена можно привести схематизированные персонажи с продолговатой пластины фибул типа Спарта — Линкунен — Кошовень, датированных VII веком (ср. табл. 7: 3 с 7: 6, 7). Аналогия становится соответствующей и на семантическом уровне, если учесть, что в рамках космологической иконографии этих фибул продолговатая пластина получает значение нижних зон вселенной, означен-

ных посредством разных мифических персонажей с хтоническим характером, таких как хтонический змей, богиня-роженица, изображенная как лягушка с зооморфизированными ногами, или, как в упомянутом случае, — посредством хтонического бога, из чьей головы истекают «потоки изобилия». Воплощение подобной концепции, только несколько упрощенное, находим на раннесредневековых германских пряжках (табл. 7: 10, 11) и на более поздних средневековых амулетах, в образах, присутствующих в церковной каменной пластике, декоре христианских рукописных книг (табл. 7: 9, 12, 13) [Чаусидис, 2005. С. 236—240].

Лежащая фигура человека с двумя головами (табл. 8: 2)¹². Характер, т.е. сферу действия, мифических персонажей невозможно априори определять только на основании двухголовости. Они одинаково могут быть связанными с небом, космической осью, хтоническими пределами. Но, в нашем случае, на хтонический характер персонажа указывают три компонента. Во-первых, это расположение в нижней иконографической зоне штробьененского кольца, которую мы связали с землей, подземельем и земными водами. Поза лежа с расставленными ногами указывает на плавание, что еще раз подчеркивает связь фигуры с земными водами. Хотя чаша не является эксклюзивным предметом исключительно связанных с нижними зонами вселенной персонажей, в соотношении с другими особенностями этого образа ее можно рассматривать как атрибут функции «подателя изобилия», весьма типичной для хтонических богов. В этом контексте две головы персонажа соотносились бы с амбивалентной природой этого бога: одна отражала бы его отрицательную сторону, которая уничтожает (пожирает) космические элементы (воду, солнце, растительность, человека), а другая — положительную, которая вновь возвращает их на этот свет [Чаусидис, 2005. С. 241, 242; 2003. С. 48—53].

Двухголовый персонаж или персонаж с двумя лицами не редок на раннесредневековых украшениях. Однако, в отличие от нашего примера, он чаще является в редуцированной форме, как изображение пары антропоморфных голов, представленных без туловища. На нижней части бронзовой руки из Румынии (VI—VII вв.), на ее манжете, изображены две головы с мужскими признаками (усы и борода), причем несколько иконографических элементов указывают на их хтоническую природу (табл. 8: 1): расположение в нижней части предмета; волнистый орнамент, изображенный над головами, который можно истолковать как поверхность воды, что указывает на расположение персонажа в подводном пространстве; центральная розетка в сопровождении пары животных (собаки / волки) получает значение солнца, захваченного в плен хтоническим персонажем в его подводном царстве, где пленника берегут его псы [Чаусидис, 2003. С. 46—53]. Из более ранних аналогий можно вспомнить налоб-

¹² Некоторые толкования В. И. Кулаковым этой фигуры см. в: Kulakov, 1995. S. 209.

ники из Бобуечи [Щукин, 1994. С. 98, 121. Рис. 33: 3, 4], где головы (на одном экземпляре — две, а на другом — три) образуют нижнюю часть композиции (табл. 8: 4, 5). Это можно истолковать как их расположение под линией горизонта, над которой изображены фигуры, присутствующие и на штробьенском кольце (серна, олень, на которого нападает собака или волк, круги с возможным соляным значением).

Пара или тройка антропоморфных голов присутствует и на раннесредневековых пальчатых фибулах, на продолговатой пластине, где обычно помещены хтонические персонажи (табл. 8: 7, 10, 11). На одном экземпляре они представлены на паре лунообразных сегментов, что совпадает с мифическими представлениями о хтоническом персонаже, находящемся на луне или отждествляемом с этим небесным телом (табл. 8: 10). Есть они и на некоторых типах раннесредневековых пряжек (табл. 8: 9). Их присутствие можно проследить и на средневековых украшениях (табл. 8: 8), а также на христианских зооморфных изображениях «адского жерла» (табл. 8: 6) и их античных прототипах (табл. 8: 3) [Чаусидис, 2003. С. 46—53; 2005. С. 255—258]. На одной металлической ленте из Химлингойе пара голов присутствует в иконографической композиции, сходной с композицией на штробьенском кольце: пара человеческих фигур и несколько животных, организованных в колонны (табл. 8: 12) [Quast, 2009. Abb. 69: 3].

Итак, штробьенская двухголовая фигура, рассматриваемая в данном контексте, соответствует упомянутой выше хтонической функциям, причем в пользу этого можно привести два довода: ее расположенность в иконографической зоне, определенной как нижний уровень вселенной; поза лежа. В принципе, такая поза типична для хтонических мифических персонажей потому, что сочетается с горизонтальной диспозицией нижних космических зон (поверхности земли и земных вод). На нарративном уровне эта фигура могла бы представлять плавание какого-то двухголового хтонического персонажа в его подводном царстве. Как мы уже отметили, чаша в его руке, представляла бы его как бога плодородия и подателя благодатей.

Лежащая фигура человека, подвергшегося нападению змея (табл. 1: 2; табл. 9: 3, 11). Симметрично (относительно центральной зоны) предыдущей фигуре в левой нижней зоне кольца находится еще одно изображение человека, лежащего в позе, почти одинаковой с той, что у рассмотренного выше персонажа, причем она еще более явно указывает на плавание. Здесь отсутствуют сверхъестественные или какие-либо другие дополнительные атрибуты, кроме неясного перьевидного элемента рядом с правой голенью (может быть, рыбий плавник?)¹³. В рамках рассмотренной выше общей иконографии кольца из Штробьенена обе фигуры фактически располагаются в нижней зоне, причем одна рядом с другой. Это, как и сходство их поз, дает

право предположить, что речь идет о фигурах, возможно составляющих на иконографическом уровне одну сцену. Не исключено, что рассматриваемая фигура — еще одна ипостась двухголового хтонического бога, особенно учитывая, что в большинстве европейских традиций он мог изображаться с тремя туловищами и головами [Чаусидис, 2005. С. 242—258]. В пользу хтонического характера этого персонажа и его роли маркера нижних космических зон как параллель можно привести изображения «дунайских всадников» (см. о них ниже), под копытами лошадей которых представлена рыба, очевидно, с той же функцией — указание на нижние пределы вселенной, по которым ступает конь (табл. 11: 12).

Ступня пловца находится в пасти змея, который расположен сзади, что ассоциируется с каким-то мифическим действием нападения или пожирания (табл. 1: 2; 9: 3, 11) [Kulakov, 1995. S. 209]. Для этой сцены можно привести большое число почти синхронных аналогий, где хтонический персонаж замещен разными существами (зубастым конем, грифоном, змеями). Их находим на пластинах из Велестино (табл. 1: 5, 8), имплицитно — на композициях «мартыновского типа» (табл. 10: 5) [Čausidis, 2005. T. I: 9, 11), на раннесредневековых пряжках и даже в круге синхронных христианских (или восходящим к ним) сцен Ионы в челюстях кита (табл. 9: 6, 10).

Змеевидные существа (табл. 9: 1—4). Все эти фигуры изображены в периферийных зонах штробьенского кольца и имеют одинаковые признаки. Их тело змеевидное, дополнено орнаментикой, которую можно понять как чешую, причем в трех случаях хвост расчленен в виде плавника рыбы. Голова имеет характеристики, напоминающие млекопитающих, они ближе всего к собачьим или волчьим: с вытянутой мордой, ушами и выпученными глазами. Это совпадает с южнославянскими и балканскими фольклорными традициями, где такие признаки придаются мифическому змею под названием ала, т.е. хала, представлявшегося как змея с одной или несколькими собачьими или волчьими головами. Отсылая к работам, в которых этому типу фигур уделено больше внимания [Чаусидис, 2005. С. 212—219, 243; 2003. С. 68—71], здесь хотелось бы привести только наиболее близкую этим змеям изобразительную параллель. Речь идет о фрагментированной металлической пластине из Дегтяревки (табл. 9: 7), которая стилистическими особенностями весьма близка пластинам из Велестино и тем, что принадлежат к так называемому мартыновскому типу [Корзухина, 1996. Т. 92: 6].

Сцены с противостоящими животными. На кольцо из Штробьенена изображено 25 фигур реальных или фантастических животных, которые можно сгруппировать в несколько предполагаемых сцен, составленных из пар или триад. Основной сюжет этих сцен — подстерегание или нападение (прыганье, кусание), причем некоторые из них уже были затронуты при анализе предыдущих компози-

¹³ Другое, историко-символическое, толкование см. в: Kulakov, 1995. S. 209.

ций. Все эти действия можно свести к теме терзания, которая весьма распространена на территории Евразии от эпохи раннего металла до Средних веков. Из-за обширности этой темы и сложности ее семиотики здесь мы не будем ее анализировать, вместо чего ограничимся отсылками на обширную литературу (см. обзоры и библиографию в: Полидович, 2006; Троицкая, 1997; Чаусидис, 2001; 2003).

Пара всадников (табл. 10: 2). Они представлены в весьма реалистической манере, с множеством деталей, которые В. И. Кулаков связывал с особенностями оружия и снаряжения некоторых конкретных народов (пруссы, авары), исторически связанных с регионом, в котором интересующее нас кольцо обнаружено [Кулаков, 2003. С. 179, 181]. Здесь уместно указать и на композиционную близость этих фигур изображению, представленному одной пластиной из Велестино: всадник с аналогичным контуром, одинаковое положение рук, похожая форма меча и щита (табл. 10: 3; правый всадник оригинальный, левый — его предполагаемый двойник). Наибольшая разница заключается в том, что всадник из Велестино обнажен, а его конь без сбруи [Čausidis, 2005. S. 444; Чаусидис, 1994. С. 288—295]. На голове всадника шлем (или шапка), наличие коего в полной мере нельзя отрицать и в отношении всадников из Штробьенена. Я, как и предыдущие исследователи, считаю, что штробьененская пара всадников составляла единую симметричную сцену, несмотря на то что между ними расположена полоса из полушариков¹⁴.

В прежних интерпретациях этой сцены, помимо стремления к историческому толкованию, указывалось и на мифологические аспекты фигур (как «геральдических покровителей Литвы»), которые в соотношении с древнеиндийскими Ашвинами и балтскими фольклорными эквивалентами трактовались в контексте восточных влияний [Кулаков, 2002. С. 269, 270]. Остановимся на иконографических и мифологических параллелях этой сцены, чтобы показать присутствие этого типа симметричных всадников и в других европейских и азиатских культурах и увязать с ними сделанные ранее сравнения, относящиеся только к некоторым традициям. Продвигаясь хронологически, приведем примеры этой традиции начиная с древнегреческих Диоскуров, через их древнебалканские эквиваленты (табл. 11: 11) она сохранилась до «дунайских всадников», засвидетельствованных в римский период (II—IV вв.) в бассейне Дуная и шире (табл. 11: 12) [Poghirc, Culiariu, 2005]. Тацит сообщает о подобных близнецных божествах у германцев-наганарвалов: «У наганарвалов показывают рощу, освященную древним культом. Возглавляет его жрец в женском наряде, а о богах, которых в ней почитают, они говорят, что если сопоставить их с римскими, то это — Кастор и Поллукс. Такова их сущность, а имя им — Алки. Здесь нет никаких изображений, никаких следов иноземного культа; однако им поклоняются как братьям, как

юношам.» [Тас. Germ., 43] На Балканах в Средние века пара мифических всадников изображалась на стечках (табл. 1: 6, 7; 10: 4; 11: 4, 6), а спорадически на граффити (табл. 11: 3) и на некоторых металлических предметах (табл. 11: 9). Если оставить в стороне конкретное ездовое животное, вспомним и пару персонажей, изображенных на упомянутом наконецнике из Банбальма-Себе-пушты, которые сидят верхом на каких-то фантастических зверях (табл. 3: 9, 10). Этот обзор можно завершить народными вышивками Восточной Европы, представленными множеством вариантов (напр., табл. 10: 11; 11: 7, 8, 10). В большинстве случаев пара всадников сопровождается поставленной по центру человеческой фигурой (чаще всего женской или неопределенной, нередко подчеркнута высокой), деревом или неким растением [Чаусидис, 1994. С. 307—331].

Композиции этого типа обычно исследуются в связи с так называемыми близнецными мифами, универсальными для всего человечества. При этом их семиотическая нагрузка основана на дуалистических представлениях, т.е. мифологическом мышлении, в бинарных оппозициях [Иванов, 1998. С. 505—540]. Символический и культовый характер сцены можно проецировать в абсолютно разные направления: на природу, т.е. вселенную, жизнь и смерть, хозяйство, общество и т.д. В рамках первой сферы в большинстве упомянутых изображений или в соответствующих вербальных традициях выражен солярный характер представленных всадников. При этом в солярном цикле один из них связывается с прогрессивной (восходящее солнце, день, свет), а другой с регрессивной (закат, ночь, темнота) фазой. В мифах эти отношения метафорически представляются через характеры или предопределенность судьбы братьев, их имена и действия. Такой характер ясно выражен у ведийских и индуистских Ашвинов, которые первоначально изображались как кони, а позже и как возникшие лошадей, в зоне ответственности которых, помимо прочего, находилась смена дня и ночи. Один из них связывается с востоком, днем и белым светом, а другой — с западом, ночью и черным цветом [Иванов, 1998. С. 510; Иванов, 1989. С. 51, 52]. Эта функция отражена и у Диоскуров (табл. 11: 11), из которых один (Кастор) смертный, а другой (Поллидевк) бессмертен, причем один день оба проводят на небе, а другой день — под землей. Космологический характер выражен и у «дунайских всадников» (табл. 11: 12), чьи рельефные изображения дополнены космическими символами (арка = небесный свод; рыба = нижние зоны вселенной; персонификации солнца и луны). Солярный характер этой сцены эксплицитно выражен на восточнославянских народных вышивках, где головы обоих всадников и центральной фигуры представлены в виде солярных дисков — с лучистыми ореолами, чаще всего без элементов лица (табл. 11: 7, 8, 10). Эти признаки присутствуют и у всадников со стечек (табл. 11: 1, 2). Несмотря на то

¹⁴ В. И. Кулаков считает, что всадники представлены в поединке [Kulakov, 1995. S. 207, 208].

что они отсутствуют на исследуемых здесь тройных композициях, их можно найти в круглых мотивах или розетках, которые нередко дополняют всадников, изображенных на этих памятниках (табл. 10: 4; табл. 11: 6) [Чаусидис, 1994. С. 288—295, 307—309].

В соотношении с упомянутым всадником из Велестино я предлагаю гипотетическую реконструкцию такой сцены, комбинируя ее с аналогичной и симметричной фигурой, а в центре поставив еще одну антропоморфную пластину из того же клада, которая, судя по признакам (женский персонаж, с поднятыми руками, лучистый ореол около головы), соответствует упомянутым аналогиям (табл. 10: 3, где левая фигура предполагается; ср. с табл. 10: 2 и 11: 7—10) [Čausidis, 2005. S. 443]. Отсутствие ореолов у всадников могли компенсировать их орнаментированные щиты (со значением солярных дисков). В некоторых аспектах этому семантическому ряду соответствуют и несколько тройных симметричных композиций, реконструированных для пластин «мартыновского типа» (напр., табл. 10: 5). Разница состоит в том, что в этом случае центральная фигура с золотым ореолом имеет мужские особенности, а боковые фигуры изображают коней (с золотыми гривами) без всадников.

Дуальные солярные представления хорошо представлены и в южнославянском фольклоре. Например, два персонажа, представляющие фазы солярного цикла, — Мракоња и Белоња (Мркоња и Белоња), или Зорило и Ночило (Нођило). Можно вспомнить и сказки о двух братьях, из которых один имеет счастливую судьбу (например, ему принадлежит красивая девушка с золотыми волосами), а другой несчастливую (ему принадлежит некрасивая девушка) [Porović—Radović, 1989. S. 110, 136, 156]. Штробьененской паре всадников еще более соответствуют братья Якшичи (Јакшићи) или Воинови, принимая во внимание их воинский (героический) характер и имена (Појезда и Пријезда), в которых закодированы две фазы упомянутых космических циклов [Nodilo, 1981. S. 127].

Важный космологический элемент этих композиций — центральная фигура, которая в разных случаях наделяется особыми значениями: женский персонаж в роли матери братьев и персонификации зари и/или света; девушка, отождествленная с солнцем, которое братья носят по небу. При этом ее центральная позиция, роль матери братьев, функция держания коней (табл. 1: 6, 7; 11: 4) придают ей функции руководства движением всадников, т.е. солярного цикла. Эти функции достойны важного божества, сравнимого с космической осью, которое обеспечивает равновесие во вселенной. Они явно отражены на раннесредневековом металлическом предмете из Болгарии: всадники сопровождают фигуру, тело которой оформлено в виде столба и гораздо

выше всех персонажей (табл. 11: 9) [Овчаров, 2001. С. 164—171]. Такие образы есть и на восточнославянских народных вышивках (табл. 10: 11), на балканских средневековых украшениях (табл. 10: 1, 6); на стечках (хотя не всегда между парой всадников), причем в форме, в которой антропоморфный персонаж до неузнаваемости теряет свою фигуру, сокращенную до обыкновенного столба (табл. 4: 4, 5; 10: 4, 7, 12) [Чаусидис, 2005. С. 365—368, 390, 391].

Следует задаться вопросами: почему на кольце из Штробьенена между всадниками нет центральной фигуры и может ли ее имплицитное присутствие как космической оси скрываться в бессодержательной с виду полосе из полушариков, расположенной между ними (табл. 10: 2)? В пользу положительного ответа можно указать на одну категорию средневековых металлических предметов из Германии, Польши и России со схожей иконографической концепцией, где изображенный мифический персонаж поставлен наверху космической оси (табл. 10: 8—10), причем интересующий нас элемент чередуется. В первом случае он изображен как дерево, во втором — как антропоморфизированный столб, в третьем — как вертикальная полоса из лучистых кругов (= солнце). Для нас важен последний пример, который в соотношении с полосой из полушариков (ср. табл. 10: 10 с 10: 2) можно определить как космическую ось, имея в виду традиции, в которых она сравнивается со «светоносным деревом», т.е. дорогой, по которой солнце поднимается по небу. В пользу этих соответствий свидетельствуют и тройные симметричные композиции во втором из приведенных примеров, аналогичные представленным выше (табл. 10: 9 ср. с 10: 5)¹⁵.

На одной из приведенных стечек пара симметричных всадников представлена в сочетании со сценой охоты на оленя, решенной идентично той, что на штробьененском кольце: человек, присевший на одно колено, стреляет из лука в оленя, стоящего спиной к нему (табл. 1: 1, 2 ср. с 1: 7)¹⁶. Трудно поверить, что это сходство случайно и за ним не стоят какие-то мифолого-религиозные связи. В связи с ними можно привести колядную песню из Болгарии, где находим сюжет, который объединяет две сцены в единую нарративную целостность. В этой песне старая мать проводит неправильный раздел имущества между своими сыновьями-близнецами. Сын, получивший худшую часть, обращается в оленя, которого другой брат убивает [Калојанов, 2000. С. 48]. Братьев из этого мифа можно интерпретировать как персонификацию двух фаз движения солнца. Факт, что они близнецы, кодирует их принадлежность к единому феномену (солярному циклу) и каузальную связанность, т.е. взаимную обусловленность между двумя фазами этого цикла (ночь «убивает» солнце, т.е. день, и наоборот)¹⁷. При

¹⁵ Детально об иконографии этих предметов см.: Чаусидис, Николов, 2006. С. 127—129 (там другая литература).

¹⁶ Подобное комбинирование присутствует и на других памятниках, но там охотник изображен верхом на коне и бросающим в оленя копьем (напр., табл. 1: 6; Wenzel, 1965. T.CIV:3. CV: 7—9. CX:10).

¹⁷ Это мифическое в своей основе отношение превосходно определяет одна пословица, широко распространенная на Балканах, которая гласит: «Пока одному не смеркнется, другому не может рассвети».

этом мать братьев представляет собой божество, которое своими решениями диктует динамику этого космического явления. Интересную параллель этому сюжету, с почти такими же фигурами и сценами, находим на знаменитом серебряном ковше из Коцкого городка, датированном IX веком, который считается продуктом хазарских мастерских из круга салтово-маяцкой культуры (табл. 7: 14). На ободке сосуда представлены две борющиеся друг с другом человеческие фигуры (по некоторым толкованиям, одна из них — женщина), причем слева и справа от них находятся их кони и оружие, а в круг около обода блюда располагаются фигуры животных, стилизованные растительные композиции и охотничьи сцены, среди которых представлены и охота на оленя, и стрельба из лука¹⁸.

Заключение

Представленный анализ отдельных фигур и сцен штробьененского кольца подтверждают и углубляют данные вначале предварительные оценки его космологической иконографии и семиотики. Но это не отрицает и возможности интерпретации изображения и предмета в других сферах, некоторые из которых были затронуты предыдущими исследователями: превращение в эпос или мифологизация реальных военных событий; использование кольца как инсигнии для обозначения владетельского, жреческого или какого-то другого общественного статуса; использование кольца как дара богам или как украшения с апотропейной и другой магической силой. Не исключено, что мифологическая парадигма композиции на кольце была использована в ее новом прочтении, например, узнавании и интерпретации ее в контексте какой-то важной битвы, случившейся реально. Напомним и примеры мифологизации реальных событий, например Троянской войны, Косовской битвы и др.

Представленные материалы могут помочь в детальном хронологическом и культурно-историческом определении этого предмета и понимании его предназначения. Географически и хронологически штробьененскому кольцу близки «дунайские всадники», чью принадлежность можно связать с даками, сарматами или какой-то другой общностью Среднего и Нижнего Подунавья. Иконографическая близость указывает на многочисленные связи с пластинами из клада в Велестино, которые связываются с славянами-велегизитами, селившимися в Фессалии на протяжении VI—VII веков. Аналогичный (славяно-антский) характер могли иметь и связи с пластинами мартыновского

типа, с некоторыми из указанных пальчатых фибул и с бронзовой рукой из Румынии. О композициях и изобразительных решениях, подобных присущим кольцу из Штробьенена и представленным аналогиям (переплетение разных антропоморфных и зооморфных фигур) в XII веке извещает Герборд, говоря о славянских языческих культовых объектах в Щецине: «Были в городе Щецине четыре континты, но одна из них, главная, была сооружена с удивительным старанием и мастерством. Внутри и снаружи она имела скульптуры, выступавшие из стен изображения людей, птиц и зверей, столь соответственно своему виду переданные, что казались дышащими и живущими»¹⁹. Показательны и представленные народные вышивки, которые, хотя и связаны с восточнославянскими этносами, по своей архаичной космологической иконографии указывают на время, предшествующее формированию этой этнокультурной общности. Они указывают на существование сильных, но для археологии невидимых мифолого-религиозных «ядер» в европейских языческих культурах, которые, сохраняясь на периферии христианской цивилизации, функционировали как колыбель развития образов, позже как бы внезапно появляющихся. При внимании к славянским и антским аналогиям не надо упускать и примеры, которые указывают на восточные (ковш из Коцкого Городка) и западные связи (лента из Хемлингойе, фибулы германского происхождения, близнечные боги Алки наганарвалов).

Обращают внимание многочисленные и близкие параллели со стечками, на которых можно найти почти все изобразительные элементы штробьененского кольца (на соотношения с этими памятниками очень часто указывалось и в моих предыдущих исследованиях раннесредневековых мифологических изображений). Богатая иконография этих надгробий отражает огромный изобразительный репертуар, который в раннем Средневековье существовал среди языческих культур на европейском пространстве, главным образом удерживаясь на предметах из органических материалов (резное дерево, кожа, текстиль, воск и т.п.). Можно предположить, что эти мотивы были частью иконографии деревянных надгробий, оформленных, например, в виде домовин и присутствующих в остальных европейских регионах. Счастливым обстоятельством является то, что на Западных Балканах в Средние века эти деревянные памятники начали делать в камне, при этом богатый иконографический репертуар, аккумулированный в них, пока еще сохранял актуальность и «перелился» в прочный материал.

¹⁸ О предмете, его стилистических особенностях и толкованиях иконографии см.: Даркевич, 1976. С. 167—170; Маршак, Крамаровский, 1996. С. 74—76.

¹⁹ Герборд. Житие епископа Оттона: II, 31.

Литература

- Белова О. В. Илья Св. // Славянские древности (Этнолингвистический словарь). Т. 2. Москва, 1999. С. 405—407.
- Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. <<http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=/usr/local/www/data/berezkin&morpho=0>> (03.01.2011).
- Георгиева И. Българска народна митология. София, 1983.
- Голан А. Миф и символ. Иерусалим; Москва, 1994.
- Гура А. Волк // Славянские древности (Этнолингвистический словарь). Т. 1. Москва, 1995. С. 411—418.
- Гура А. Олень // Славянские древности (Этнолингвистический словарь). Т. 3. Москва, 2004. С. 545—546.
- Гура А. Символика животиња у словенској народној традицији. Београд, 2005.
- Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4. С. 91—101.
- Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. Москва, 1976.
- Иванов В. В. Волк // Мифы народов мира. Т. I. Москва, 1980. С. 242.
- Иванов В. В. Проблемы этносемиотики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Ленинград, 1989. С. 38—62.
- Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I. Москва, 1998.
- Кабачкова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. Москва, 2001.
- Калоянов А. Старобългарското езичество: Мит, религия и фолклор в картината за свят у българите. Велико Търново, 2000.
- Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга „древностей антов“ в среднем Поднепровье (каталог памятников) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 352—705.
- Кулаков В. И. Стилистика и символика прусского орнамента I—XI вв. // Nuo kulto iki simbolio. Senovės baltø kultūra. Т. 6. Vilnius, 2002. С. 248—273.
- Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. Москва, 2003. <http://club-kaup.narod.ru/kaup_r_kylakov_hist_of_prussia_1283.html> (14.05.2011).
- Кулаков В. И. Самбия и Натангия // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Сер. РСМ. Вып. 9. Москва, 2007. С. 333—357.
- Маразов И. Митология на Траките. София, 1994.
- Маршак Б., Крамаровский М. (ред.) Сокровища Приобья. СПб., 1996.
- Мелетинский Е. М. Бальдр // Мифы народов мира. Т. I. Москва, 1980. С. 159—160.
- Николов П. Укя Кира язди вълк // Зевзеци. <<http://old.duma.bg/2008/0208/230208/iskam/isk-2.html>> (29.04.2011).
- Овчаров Д. Прабългарската религия — происход и същност. София, 2001.
- Петрухин В. Мифы финно-угров. Москва, 2003.
- Петрухин В. Мифы древней Скандинавии. Москва, 2005.
- Петрухин В. Я. Существовал ли миф о небесной охоте в карело-финской мифологии // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 128—138.
- Полидович Ю. Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3. Донецк, 2006. С. 355—398.
- Попов Р. Свети Мина в календарната традиция на балканските народи // История, 2004/4—5. С. 79—88. <<http://www.balkanethnology.org/files/library/RACHKO/Sv.Mina.pdf>>.
- Троицкая Т. Н. Сцены терзания в скифо-сибирском и хунно-сарматском искусстве // Вестник археологии, антропологии и этнографии Института проблем освоения Севера. Вып. 1. Тюмень, 1997. С. 35—38.
- Халиков А. Х. Маклашевская всадница // СА. 1971. № 1. С. 106 — 117.
- Харитонов М. А. Социокультурные аспекты зооморфной символики народов Центральной Азии. <<http://antipreved.ru/articles/section5/>> (03.05.2011).
- Чаусидис Н. Митските слики на Јужните Словени. Скопје, 1994.
- Чаусидис Н. Митските опоненти, на раносредновековните појасни јазичиња // Studia mythologica Slavica. 4. Ljubljana, 2001. С. 47—80. <http://sms.zrc-sazu.si/pdf/04/SMS_04_Causidis.pdf>
- Чаусидис Н. Раносредновековната бронзена рака од Романија и нејзините релации со словенските пагански традиции // Studia, mythologica Slavica. 6. Ljubljana, 2003. С. 37—106. <http://sms.zrc-sazu.si/pdf/06/SMS_06_Causidis.pdf>.
- Чаусидис Н. Космолошки слики (символизација и митологизација на космосот во ликовниот медиум). Т. I—II. Скопје, 2005.
- Чаусидис Н. Елен со рогови дополнети со животински протоми (семиотичка и компаративна анализа со акцент на тракиските примери) // Миф. № 12. София, 2007. С. 35—67.
- Чаусидис Н. Древние элементы в иконографии раннесредневековых украшений Восточной и Центральной Европы и Балкан // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула, 2010. С. 204—225.
- Чаусидис Н., Николов Г. Црепна и вршник (митолошко-семиотичка анализа). Studia mythologica Slavica. 9. Ljubljana, 2006. С. 97—160. <http://sms.zrc-sazu.si/pdf/09/SMS_09_Causidis.pdf>.
- Щукин М. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
- Capturing. Capturing a Live Wolf // The New York Times, Published: March 1, 1896. <<http://query.nytimes.com/mem/archive-free/pdf?res=FB0C15FF3C5C17738DDA80894DB405B8685F0D3>> (28.04.2011).
- Chevalier J., Gheerbrant A. Rječnik simbola. Zagreb, 1987.
- Čausidis N. Poganska religija Slavena u svjetlu ranosrednjovjekovnih materijalnih nalaza sa područja Balkana // Histria antiqua. 13. Pula, 2005. С. 437—456.

- Daim F. «Byzantinische» Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt / F. Daim (Hrsg.). Innsbruck, 2000. S. 77—204.
- Davies S. The Miniature Paintings of Mongolian Buddhism: Tsaklis, Thangkas and Burhany Zurags. <<http://asianart.com/articles/burhanyz/index.html#2>> (28.04.2011).
- Kulakov V.I. Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungsgeflecht von Prussen und Steppenvolkern // Acta Praehistorica et Archeologica. Bd. 26—27. Berlin, 1994—1995. S. 207—212.
- List of demons. List of demons in the Ars Goetia // Wikipedia the free encyclopedia. <http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_demons_in_the_Ars_Goetia> (29.04.2011).
- Mencej M. Gospodar volkov v slovanski mitologiji. Ljubljana, 2001.
- Motz L. The Winter Goddess: Percht, Holda, and Related Figures // Folklore. Vol. 95:ii. 1984. <<http://winterscapes.com/forestdoor/WinterGoddess.pdf>>.
- Mužić I. Vlasi i starobalkanska pretkršćanska simbolika jelena na stećcima // Starohrvatska prosvjeta. III ser. Sv. 36. Split, 2009. S. 315—349.
- Nodilo N. Stara vjera Srba i Hrvata. Split, 1981.
- Poghirc C., Culianu I.P. Dacian Riders // Encyclopedia of Religion / J. Lindsay (Ed. in Chief). Second ed. Vol. 4. 2005. P. 2123—2124.
- Popović-Radović M. Srpska mitska priča. Beograd, 1989.
- Profantová N. Awarische Funde aus den Gebieten nördlich der awarischen Siedlungsgrenzen // Awarenforschungen. 2 / F. Daim (Hrsg.). Wien, 1992. S. 605—778.
- Quast D. Wanderer zwischen den Welten. Die germanischen Prunkgraber von Straze und Zakrzów. Mainz, 2009.
- Słupecki L.P. Mitologia skandynawska w epoce Wikingów. Kraków, 2006.
- Wenzel M. Ukrasni motivi na stećcima. Sarajevo, 1965.
- Zaradija Kiš A. Dvostruka predodžba životinja u Jobovu bestijariju: zooleksičke zanimljivosti hrvatskoglagoljske Knjige o Jobu // Kulturni bestijarij. Zagreb, 2007. S. 23—50.

1

2

3

4

5

6

7

8

Таблица 1.

1, 2, 3 — Штробьенен; 4, 5, 8 — Велестино, Фессалия, Греция; 6 — Невесинье, Босния и Герцеговина; 7 — Калиновик, Босния и Герцеговина

Таблица 2.

1 — Гуннестад, Швеция; 2 — Монголия; 3 — Штробьенен; 4 — один из европейских гербов; 5, 8, 12 — Надь-Сент-Миклош, Румыния; 6 — Гляденовское кострище, Прикамье, Россия; 7 — иллюстрация из книги Ульриха Молитора; 9 — Овгорт, Приобье, Россия; 10 — Венгрия; 11 — иллюстрация из «Ars Goetia»; 13 — Банбальма-Себе-пушта, Венгрия; 14 — Северский курган, Краснодарский край, Россия

Таблица 3.

1 — Благоевград, Болгария; 2 — Скибинцы, Украина; 3, 11 — Погорелице, Чехия; 4 — иллюстрация из "Bestiary of the Liber Floridus"; 5 — Маклашевка, Татарстан, Россия; 6 — Шлезвиг, Германия; 7 — Тисаварконь, Венгрия; 8 — Залэу (Зилах), Трансильвания, Румыния; 9, 10 — Банбальма-Себе-пушта, Венгрия

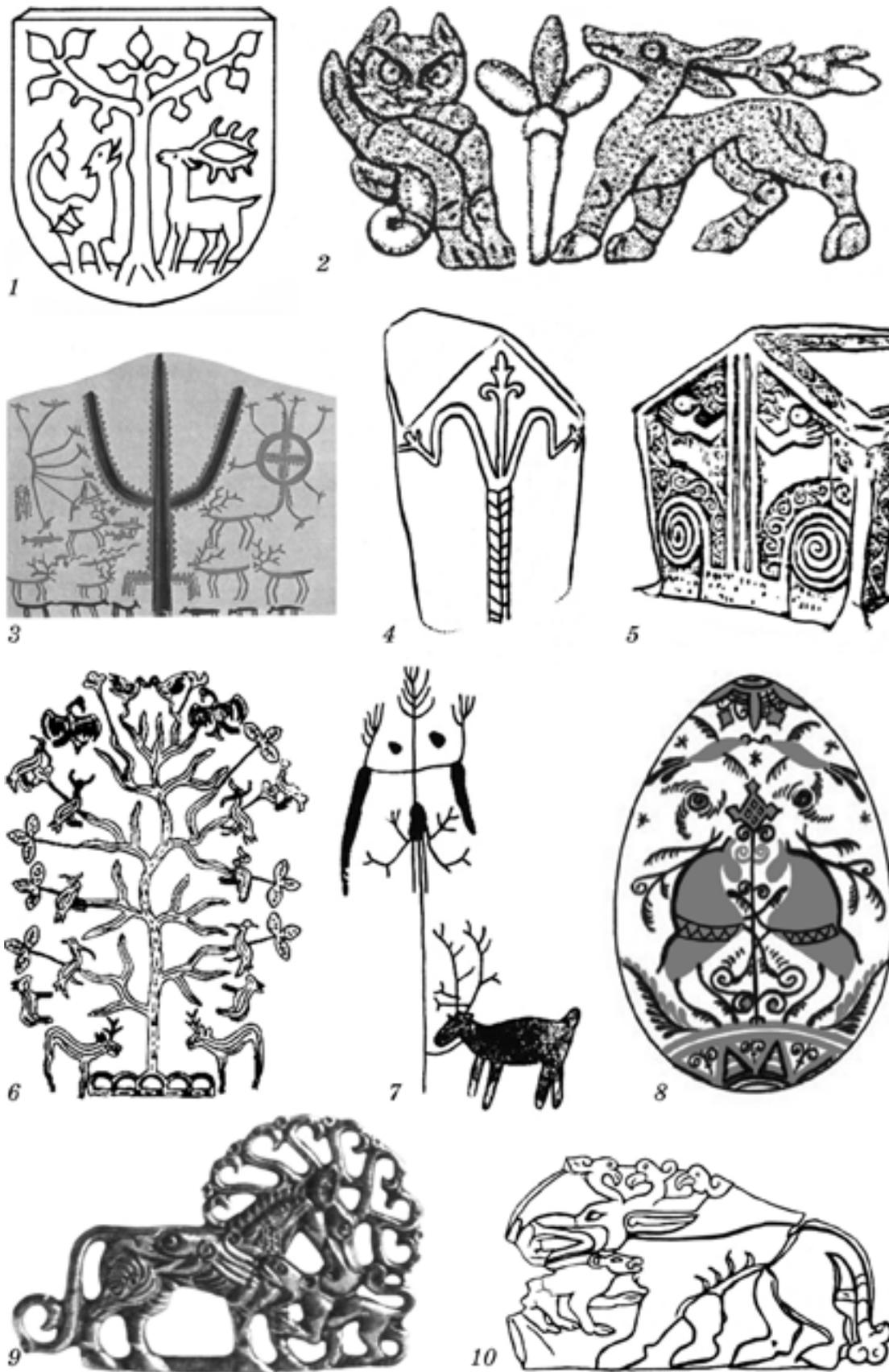

Таблица 4.

1 — герб города Браниево (Браинсберг), бывшая Восточная Пруссия, ныне Польша; 2 — Штробьенен; 3 — культура кетов, Красноярский музей, Россия; 4 — Мостар, Босния и Герцеговина; 5 — Месичи-Рогатица, Босния и Герцеговина; 6 — культура нанайцев, Сибирь, Россия; 7 — рисунок селькупского шамана, Сибирь, Россия; 8 — яйцо, расписанное в мезенском стиле, север европейской части России; 9 — Сибирская коллекция Петра I, Верхнеудинск, ныне Улан-Уде, Бурятия, Россия; 10 — пазырьская культура, находка у д. Китандинская, Южная Сибирь, Россия

Таблица 5.

1, 8, 9 — Велестино, Фессалия, Греция; 2 — Штробьенен; 3, 4 — Румыния; 5 — Читлук, Далмация, Хорватия; 6 — манускрипт Казиви, Иран; 7 — Тверский клад, Россия; 10 — Шурышкарский р-он, Тюменская область, Россия; 11 — Бездедер, Венгрия

Таблица 6.

1 — Мостар, Босния и Герцеговина; 2 — Штробьенен; 3 — Тидиб, Дагестан, Россия; 4, 6 — Имотски, Босния и Герцеговина; 5 — Катрух, Дагестан, Россия; 7 — Аодан, Северо-Восточный Афганистан; 8 — Дубровник, Хорватия; 9 — Алтай, Россия; 10 — Какань, Босния и Герцеговина; 11 — культура хетов, Малатья, Турция

Таблица 7.

1, 4 — Велестино, Фессалия, Греция; 2 — Сибирь, Россия; 3 — Штробьенен; 5 — Тумяны, Северо-Восточная Польша; 6 — Вецел, Юго-Западная Румыния; 7 — Линкунен, Северо-Восточная Польша; 8 — Охрид, Македония; 9 — Преслав, Болгария; 10 — Аквасанта, Италия; 11 — Домбовар, Венгрия; 12 — Студеница, Сербия; 13 — Новгород, Россия; 14 — Коцкий городок, Нижнее Приобье, Россия

Таблица 8.

1 — Румыния; 2 — Штробьенен; 3 — Фарос, Греция; 4, 5 — Бобуечь, Молдова; 6 — Винчестерская псалтырь; 7 — Гессен, Германия; 8 — Новгород, Россия; 9 — Аромат, Крым, Украина; 10 — Кошовень, Румыния; 11 — коллекция Диргардта, Римско-Германский музей в Кельне, Германия; 12 — Химлингойе, Дания

Таблица 9.

1, 2, 3, 4, 11, 12 — Штробьенен; 5 — Цар Петрово, Видинская область, Болгария; 6 — Дечаны, Косово, Сербия; 7 — Дегтяревка, бывшая Черниговская губерния, ныне Украина; 8 — Банбальма-Себе-пушта, Венгрия; 9 — Варна, Болгария; 10 — Вена-Лизинг, Австрия; 13 — Надь-Сент-Миклош, Румыния

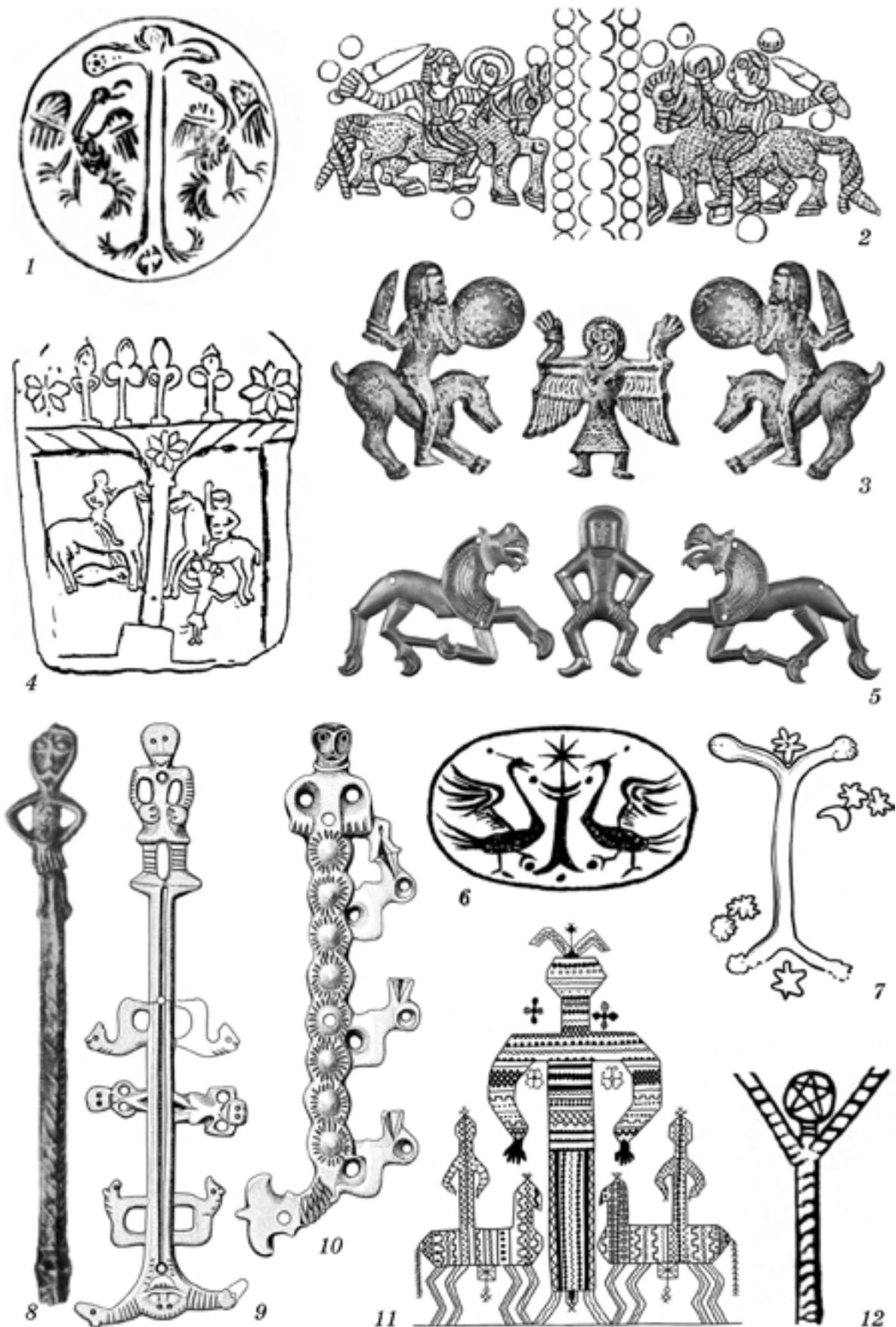

Таблица 10.

1 — Лешье, Сербия; 2 — Штробьенен; 3 — Велестино, Фессалия, Греция; 4 — Автовац, Босния и Герцеговина; 5 — Мартыновка, Черкасская область, Украина; 6 — Косово, Сербия; 7 — Купрес, Босния и Герцеговина; 8 — Новгород, Россия; 9 — Ольденбург, Германия; 10 — Бржец Куявский, Польша; 11 — Россия; 12 — Трн, Широки Бриег, Босния и Герцеговина

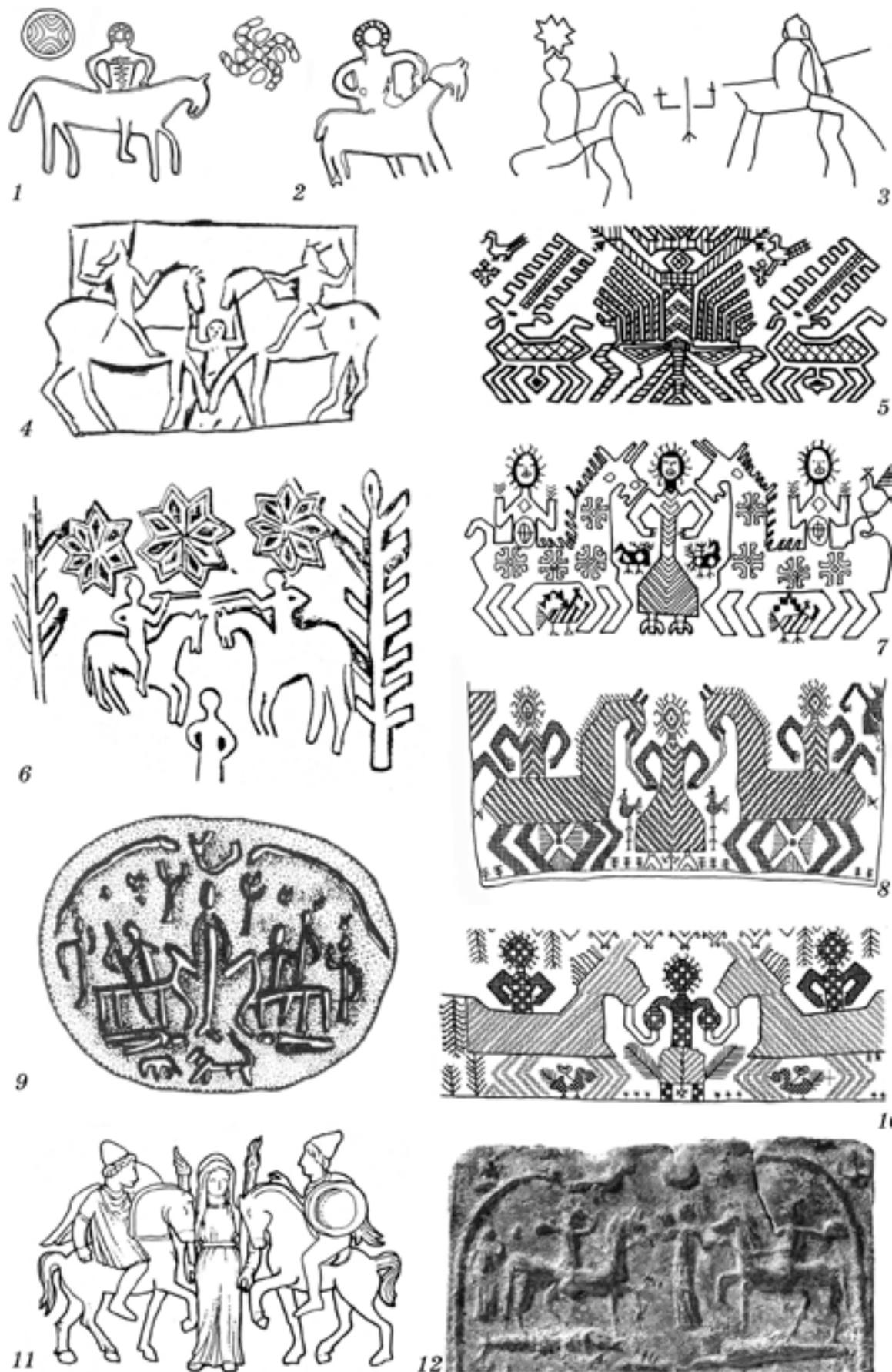

Таблица 11.

1 — Трново, Босния и Герцеговина; 2 — Столац, Босния и Герцеговина; 3 — Никополь, Болгария; 4 — Автовац, Босния и Герцеговина; 5, 7, 8, 10 — Россия; 6 — Купрес, Босния и Герцеговина; 9 — Врбовка, Трново, Болгария; 11 — Демир Капия, Македония; 12 — римский г. Singidunim (Белград), Сербия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акимов Денис Валерьевич, Воронежский государственный университет;
e-mail: denisakimov@rambler.ru
- Ахмедов Илья Рафэльевич, Государственный исторический музей, Москва;
e-mail: i_akhmedov@mail.ru
- Белевец Вадим Георгиевич, Институт истории НАНБ, Минск; e-mail: v.bielavec@gmail.com
- Белоцерковская Ирина Васильевна, Государственный исторический музей, Москва;
e-mail: beloc-irina@yandex.ru
- Бугарски Иван, Институт археологии, Белград; e-mail: ivan.bugariski@gmail.com
- Воронцов Алексей Михайлович, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула; e-mail: arch@kulpole.tula.net
- Гавритухин Игорь Олегович, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: gavritukhin@rambler.ru
- Гопкало Оксана Викторовна, Институт археологии НАНУ, Киев; e-mail: hopkalo@gmail.com
- Гудименко Игорь Викторович, Некоммерческое партнёрство «Южархеология», Ростов-на-Дону;
e-mail: igor_gudimenko@mail.ru
- Демидко Сергей Юрьевич, Хмельницкий областной краеведческий музей
- Добровольская Мария Всеволодовна, Институт археологии РАН, Москва
- Дробушевский Александр Иванович, Ветковский музей народного творчества, Гомельская область Белоруссии; e-mail: adrobush@yandex.ru
- Иванишевич Вуядин, Институт археологии, Белград; e-mail: vujadin.ivanisevic@gmail.com
- Красноперов Александр Анатольевич, Удмуртский государственный университет, Ижевск; e-mail: khaa.alec@gmail.com
- Любичев Михаил Васильевич, Харьковский национальный университет; e-mail: gsae@mail.ru
- Мальцева Екатерина Андреевна, Коломенский археологический центр;
e-mail: arxeolog-net@rambler.ru
- Обломский Андрей Михайлович, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: oblomsky_a@rambler.ru
- Румянцева Ольга Сергеевна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru
- Спиридонова Елена Александровна, Институт археологии РАН, Москва
- Столяров Евгений Васильевич, Калужский университет; e-mail: stolarov_e@mail.ru
- Сыроватко Александр Сергеевич, Коломенский археологический центр;
e-mail: arxeolog-net@rambler.ru
- Толочко Ирина Викторовна, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону; e-mail: i-r-69@mail.ru
- Трошина Алла Андреевна, Коломенский археологический центр; e-mail: arxeolog-net@rambler.ru
- Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: olga_homsy@mail.ru
- Чаусидис Никос, Университет, Скопье; e-mail: chausidis@hotmail.com
- Шульце Эрдмуте, Германский археологический институт, Берлин; e-mail: ers@eurasien.dainst.de
- Янкович Джордже, Белградский университет; e-mail: djomi@yubc.net

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЗ — Археологические записки
 АКМ — Азовский краеведческий музей
 АЛ КПУ — Археологическая лаборатория Каменец-Подольского национального университета им. И. Огиенко
 АМЗТ — Археологический музей-заповедник «Танаис»
 АО — Археологические открытия
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АЭБ — Археология и этнография Башкирии
 БИ — Боспорские исследования
 БС — Боспорский сборник
 ВА — Военная археология
 ВАУ — Вопросы археологии Урала
 ВХНУ — Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
 ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік
 ГЗМ — Гласник Земальског музеја у Сарејеву
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 Гласник САД — Гласник Српског археолошког друштва
 ДА — Донская археология
 ДБ — Древности Боспора
 ДД — Донские древности
 ЗООИД — Записки императорского Одесского Общества истории и древностей
 ИАИАНД — Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
 ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
 ИИАДЭ — Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции
 ИИМК — Институт истории материальной культуры
 ИРОМК — Известия Ростовского областного музея краеведения
 КГПИ — Коломенский государственный педагогический институт
 КПГМЗ — Каменец-Подольский государственный музей-заповедник
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН
 МАБ — Матэрыялы па археалогіі Беларусі
 МАИЭТ — Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии
 МАР — Материалы по археологии России
 МДАПВ — Матеріали та дослідження археології Прикарпаття та Волині
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАД — Материалы и исследования по археологии Дона
 МИАР — Материалы и исследования по археологии России
 МКАС — Международный конгресс археологов-славистов
 МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и этнографии при Совете министров Мордовской АССР
 МЧК — Могильники черняховской культуры
 НАВ — Нижневолжский археологический вестник
 НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
 ПАВ — Петербургский археологический вестник

ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
РА — Российская археология
РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РОМК — Ростовский областной музей краеведения
РСМ — Раннеславянский мир
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ТАС — Тверской археологический сборник
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ХОМК — Хмельницкий областной краеведческий музей
AAA — Acta Archaeologica Albaruthenica
AH — Archaeologica Hungarica
AP — Archaeologia Polona
BAR — British Archaeological Reports
BRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
CRFB — Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum
JGS — Journal of Glass Studies
JRGZM — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums
KW — Kultura Wielbarska w młodszym okresie rzymskim,
MAEE — Materiały antropologiczne-archeologiczne i etnograficzne
MSW — Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne
PKA — Prace Komisji Archeologicznej
VAH — Varia Arcaeologica Hungarica
WA — Wiadomości Archeologiczne
ZNUJ — Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие (А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин)</i>	5
<i>Ахмедов И. Р., Воронцов А. М.</i> Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории верхнего и среднего Поочья	9
<i>Белоцерковская И. В.</i> Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени	55
<i>Столяров Е. В.</i> Памятники типа Упа 2	79
<i>Сыроватко А. С., Трошина А. А., Спиридонова Е. А.</i> Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным	119
<i>Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Мальцева А. А., Трошина А. А.</i> Погребальный обряд Щуровского могильника: новые результаты междисциплинарных исследований	133
<i>Обломский А. М.</i> Лепная керамика из погребений Верхнего Подонья середины I тыс. н. э.	146
<i>Акимов Д. В.</i> Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы	163
<i>Гудименко И. В., Толочко И. В.</i> Памятники позднеантичного времени из дельты Дона	180
<i>Красноперов А. А.</i> Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций)	218
<i>Хомякова О. А.</i> Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры	255
<i>Белевец В. Г.</i> Проблема выделения памятников позднезарубинецкого круга в белорусском Припятском Полесье	281
<i>Дробушевский А. И.</i> Памятники чечерской группы (типа Кистени—Чечерск) и древности Верхнего Поднепровья периода римских влияний	306
<i>Гопкало О. В.</i> Черняховский могильник Ружичанка	330
<i>Демидко С.</i> Новые данные о Ружичанском могильнике	401
<i>Шульце Э., Любичев М.</i> Хронология могильника черняховской культуры Войтенки 1 (Восточная Украина) (по материалам раскопок 2005—2009 гг.)	409
<i>Янкович Дж.</i> Нероманизированные иллирийцы и славяне	464
<i>Бугарски И., Иванишевич В.</i> Пограничье Римской империи и варваров: система обороны Империи от Куция до Ледераты	482
<i>Румянцева О. С.</i> Стеклянные украшения поздней античности и раннего средневековья: свидетельства производства, этнографические параллели, проблемы интерпретации археологического материала	512
<i>Чаусидис Н.</i> Кольцо из Штробьенена. Иконографический и семиотический анализ	527

Научное издание

**ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

Конференция 3

Ответственный за выпуск Е. А. Телушкина
Технический редактор Н. Ф. Клёнова. Компьютерная верстка П. П. Гончаров

Подписано в печать 22.10.2012. Формат 60 × 90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура «Прагматика». Усл.-печ. л. 69,5. Тираж 300 экз. Заказ

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»
300041, г. Тула, пр-т Ленина, 47. Тел./факс (4872) 36-18-40

Отпечатано с ПДФ в ЗАО «Гриф и К», 300000, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а